

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

2024

2024
ТОМ I

РОССИЯ И МИР

В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

к 120-летию со дня рождения
выдающегося государственного деятеля
А. Н. Косыгина

Материалы XXX международной научной
конференции

Санкт-Петербург,
11 апреля 2024 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»

РОССИЯ И МИР

В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля
А. Н. Косыгина

Материалы XXX международной научной конференции

Санкт-Петербург, 11 апреля 2024 г.

Том I

Санкт-Петербург

2024

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

P76

P76 **Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина:** матер. XXX-й междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 11 апреля 2024 года / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. – 798 с.

ISBN 978-5-7937-2493-7

В сборнике опубликованы доклады, представленные на XXX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна 11 апреля 2024 года. Рассматриваются разнообразные вопросы отечественной и всемирной истории, философии, культурологии и других гуманитарных дисциплин. Особое внимание уделено освещению личности и исторической роли Председателя Совета министров СССР, выпускника Ленинградского текстильного института А. Н. Косыгина, в свете организации эвакуации промышленности в начале Великой Отечественной войны, экономической реформы 1965 г., различных аспектов внешней политики СССР.

Предназначен для всех интересующихся отечественной и мировой историей, философией и другими гуманитарными науками.

УДК 94(470)+94(100)(063)

ББК 63.3(2)+63.3(0)я43

ISBN 978-5-7937-2493-7

© ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ XXX
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И МИР В
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ 120-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ДЕЯТЕЛЯ А. Н. КОСЫГИНА**

Демидов Алексей Вячеславович

доктор технических наук, профессор

ректор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Уважаемые участники и гости XXX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина, приветствую вас в Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна. С удовлетворением хочу отметить, что наш университет является alma-mater для Алексея Николаевича Косыгина. Окончив Ленинградский текстильный институт, А. Н. Косыгин начал трудовую деятельность, пройдя путь от мастера до Председателя Совета министров СССР, Члена Президиума Политбюро ЦК КПСС, Дважды Героя Социалистического Труда.

Проведение международных конференций историко-философской направленности стало доброй традицией нашего университета, ведь гуманитарные науки являются основой воспитания современного человека.

Вопросы, которые поднимаются в рамках нашей научной конференции, имеют широкий горизонт для обсуждения и дискуссий. Революция, образование Советского государства, Великая Отечественная война, реформирование всех сфер жизни советского общества в совокупности с масштабной личностью Алексея Николаевича Косыгина поднимают целый комплекс проблем, многие из которых актуальны и сегодня. Для участвующих в конференции студентов приобщение к исторической науке имеет огромное воспитательное значение.

В конференции принимают участие представители научных сообществ Китайской народной республики, Социалистической республики Вьетнам, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Кыргызстана, Туркменистана, Латвии и Мексики. Убежден, что в рамках научных конференций мы имеем уникальную возможность на представительном уровне обсуждать сложнейшие вопросы современности.

В заключение позвольте пожелать всем участникам XXX международной научной конференции «Россия и мир в исторической ретроспективе», посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина, интересных и плодотворных дискуссий.

Абакумова Екатерина Александровна
кандидат исторических наук, старший преподаватель
Курский государственный университет
SPIN-код: 5656-1763

МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Аннотация: В современных условиях, когда важным фактором успешной социальной политики российского государства является формирование «среднего класса» очень ценным может быть обращение к опыту различных исторических эпох в регулировании отношений между различными социальными группами. В этом плане особое внимание заслуживает политика просвещенного абсолютизма Екатерины II, когда во второй половине XVIII века в России предпринимались попытки создания третьего сословия по аналогии со странами Западной Европы. Целью данной работы является рассмотрение законодательной деятельности Екатерины II по формированию социальной структуры на примере мещанского сословия как одного из аспектов политики просвещенного абсолютизма.

Ключевые слова: Екатерина II, просвещенный абсолютизм, мещанское сословие, «Жалованная грамота городам».

BOURGEOIS CLASS IN THE LEGISLATION OF CATHERINE II

Summary: In modern conditions, when an important factor in the successful social policy of the Russian state is the formation of a “middle class,” turning to the experience of various historical eras in regulating relations between different social groups can be very valuable. In this regard, the policy of enlightened absolutism of Catherine II deserves special attention, when in the second half of the 18th century attempts were made in Russia to create a third estate by analogy with the countries of Western Europe. The purpose of this work is to examine the legislative activities of Catherine II on the formation of a social structure using the example of the bourgeois class as one of the aspects of the policy of enlightened absolutism.

Keywords: Catherine II, enlightened absolutism, bourgeois class, «Charter of Grant to the Cities».

Эпоха Екатерины II ознаменовалась проведением реформ в различных областях жизни российского общества второй половины XVIII в. В деле модернизации империи особое значение приобрело реформирование социальной структуры общества: центральным пунктом политической программы Екатерины II являлось создание сословий с определенными правами и обязанностями, свойственными тому или иному «состоянию».

История мещанского сословия – неотъемлемая часть социальной истории России. Данная сословная группа создавалась «сверху» в эпоху екатерининских

преобразований. Сознательное выделение мелких торговцев и ремесленников в отдельную социальную группу и сопровождалось появлением в лексиконе нового термина – «мещане».

В XVIII веке термин «мещане» не встречается в законодательстве, но в 60-е годы, при Екатерине II, он появляется в связи с обсуждением городской реформы. Вероятно, это появление не было столь внезапным, так как известно использование термина в проектах, записках, обращениях, т.е. задолго до того, как «мещане» впервые появляются в законодательстве Екатерины II. Так, например, в своей записке 1765 года о пользе крестьянского торга, Григорий Теплов отмечал «крайний в мещанских людях в России недостаток» [3].

Вполне в духе абсолютизма, до мелочей регламентировавшего социальную стратификацию, Екатерина II предложила сохранить сословный строй общества, выделив в нем дворян, земледельцев и средний класс — мещан. В главе XV «Наказа» Уложенной комиссии она писала: «В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках» [9, с. 87]. Этот род людей «есть средний... Онный, пользуясь вольностью, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам... К сему роду людей причислить должно всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах» [9, с. 87].

Мещане здесь – это городские жители вообще. В то же время собственно сословие мещан начинает формироваться позже (с 1775 года) и это – второе, более узкое понятие.

В протоколах заседаний Уложенной Комиссии во время обсуждения правового статуса горожан встречается интересное высказывание князя М.М. Щербатова: «Мещанин различен от купца, ибо, хотя каждый житель города может называться мещанином оного, но это не составляет еще сословия мещанства» [6, с. 67]. Мещан он предлагал делить на два класса: 1) «живущие своими доходами, как-то, содержащие постоянные дворы или отдающие в наем свои дома, имеющие на своих землях лавки, харчевни, кузницы, огороды и т. п.»; 2) ремесленники, «получающие пропитание от своего ремесла» [6, с. 67].

Следует отметить, что в ходе работы были созданы частные комиссии «О городах» и «О среднем роде людей», которые подготовили «Проект законов о правах среднего рода государственных жителей» и записку «Об общем градском праве». «Проект...» предусматривал широкое и узкое толкование мещанства; в узком смысле термин «мещане просто» соответствует старому понятию «посадские люди».

Начало законодательному оформлению сословий русского города было положено в 1775 году. В «Манифесте по случаю заключения мира с Портой Оттоманскою» говорилось следующее: «Мещан, кои не имеют капитала выше 500 рублей, не называть купцами, а просто мещанами» [10]. Итак, неопределенное, аморфное обозначение городских жителей – то купцов, то

мещан, то среднего рода людей – заменяется двумя более четкими понятиями, имеющими определенные признаки.

В 1785 году в Сенате была завершена разработка «Плана о выгодах и должностях купечества и мещанства», где, в частности, дана более конкретная характеристика оформляющегося сословия: «Мещанам принадлежат все искусства и науки, также мастерства и ремесла». Мещане могут торговать в «городах своим мелким торгом: всякими плодами, овощами, харчевыми припасами, щепетельными и москательными товарами», и, кроме того, «содержать трактиры, погреба, цырюльни и проч.» Мещане имели право быть у купцов сидельцами и приказчиками, исполнять «всякого рода черные работы» [4, с. 30].

Крупной вехой на пути развития законодательства о городских жителях явилось издание в 1785 году «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». По замыслу Екатерины II, мещане должны были составить «трудолюбивый» и «добронравный» «средний род людей», от которых государство «много добра ожидает» [12, с. 259–260].

Все, жившие в городе, именовались «городовыми обывателями, т.е. среднего рода людьми или мещанами вообще». Мещанство здесь – это городское гражданство, т.е. совокупность прав и обязанностей, связанных с отношением к торгам, промыслам, недвижимости, юридическому обеспечению и налогам.

Все городские жители («мещане вообще») составляли общество градское и подразделялись на 6 категорий:

1. Настоящие городовые обыватели – это имеющие дом, место, землю или строение, т.е. простые обладатели городской недвижимости, «не отмеченные ни торгами, ни промыслами, ни заслуженностью на почетных выборных должностях, ни ученой или художественной деятельностью, ни особенно крупными капиталами и предприятиями, ни старожильством в данном городе» [13, с. 62];

2. Гильдейские.

3. Цеховые.

4. Иногородние и иностранные гости (записавшиеся ради промысла или работы, или иных мещанских упражнений).

5. Именитые граждане.

6. Посадские – низший разряд городского населения, старожилы в данном городе, (записывали в эту категорию тех, кто не входил в другие, вышеперечисленные разряды общества градского).

Мещане в законодательстве фигурируют в двух значениях: широко (городские граждане вообще, включающие все 6 разрядов, в том числе и купечество с именитыми гражданами), и узко (мещане как сословие, включающее категории посадских, цеховых, иностранных и иногородних, настоящих городовых обывателей). В реальной правовой практике мещан и купцов всегда разделяли как самостоятельные сословия.

Создавая новое сословие юридически, власти стремились всячески способствовать консолидации мещан и в хозяйственно-экономическом смысле. Поэтому законодательство Екатерины II, в частности, «Жалованная грамота городам», не только устанавливает перечень прав и обязанностей мещан, но и открывает широкий простор их экономической деятельности, а также стремится выработать у мещан осознание своей принадлежности к особому сословию.

Большинство исследователей, как дореволюционных (И.И. Дитятин), так и современных (Н.А. Иванова, В.П. Желтова) видят в законотворчестве Екатерины II в отношении «среднего рода людей» «стремление следовать западным образцам» [5, с. 361]. Но, по их мнению, если на Западе за городами были закреплены «значительные привилегии, самостоятельность в области суда, право на самоуправление» и освобождение от многих налогов, то «ничего подобного не было в русских городах» [5, с. 361], а учреждение мещанского сословия было свидетельством искусственного характера сословности в России [2, с. 418]. Изданная Екатериной II 21 апреля 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», по мнению Н. А. Ивановой и В.П. Желтовой, дала официальную структуру городского населения, сохранявшуюся «в основе своей на протяжении всего XIX – начала XX в.» [5, с. 363]. Часть исследователей считают, что Грамота положила основание для нового понятия о городе как единой местной всесословной общине, представляющей все городское население [2, с. 401; 8, с. 161; 7, с. 47; 11, с. 27]. Другие полагают, что Грамотой городам утверждалось сословное начало для городских жителей [1, с. 115, 300–301; 13, с. 67].

В заключение следует отметить, что в 70–80-х гг. XVIII века произошло изменение социальной структуры городского общества. Перед государством стояли две важные задачи. Первая – создание единого сословия бюргеров, что звучало весьма по-европейски, но слабо подкреплялось исторической традицией российского города. Вторая же задача проистекала из необходимости конкретного решения проблемы, назревшей в реальных условиях развития города, – придания четкого статуса тем социальным группам, которые исторически сложились среди городского населения. Благодаря законотворческой деятельности Екатерины II эти задачи были решены. Оценивая деятельность Екатерины II, следует признать, что меры по созданию городского сословия с общими гражданскими правами оказались довольно эффективными. Однако, разделение горожан на категории не было продумано до конца, так как ключевой термин «мещане» не получил четкого определения, остался двусмысленным: обозначал горожан вообще – людей, отделенных от дворянства и крестьян сословными правами, или «средний род людей», и «мещан просто» – рядовое посадское население.

Список литературы:

1. Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. - СПб., 1910. – 387 с.
2. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. - СПб., 1875. – 508 с.
3. Документ о крестьянской торговле [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1760-1780/Teplov_G_N/zapiska_krest_torg_04_06_1765_I.php
4. Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России. Дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1998. – 238 с.
5. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. - М., 2010. – 741 с.
6. Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 8. - СПб., 1871. – 612 с.
7. Кизеветтер А.А. Русское общество в восемнадцатом столетии. - Ростов-на-Дону, 1905. – 48 с.
8. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. - М., 1992. – 196 с.
9. Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. - СПб., 1849. – 334 с.
10. О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою манифест Екатерины II от 17 марта 1775 года // [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_1265/ (дата обращения 23.02.2024 г.).
11. Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право//Отечественная история. 2001. № 3. С. 3–27.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII. - СПб., 1830.– 1039 с.
13. Российское законодательство X –XX вв.: В 9 т. Т. 5. / под ред. О.И. Чистякова. - М., 1987. – 527 с.

Абдуллазаде Наиль Руфат оглы

ассистент

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

SPIN-код: 4034-8220

СОЛЯРИС, ЛЕМ, ТАРКОВСКИЙ, СОДЕРБЕРГ

Аннотация: Данная статья посвящена конфликту вокруг экранизаций романа Станислава Лема «Солярис». Вышедший в 1961 году роман польского фантаста послужил основой двух экранизаций, которые стали причиной конфликта между писателем (С.Лем) и режиссерами (А.Тарковский и С.Содерберг). Как известно, писатель остался недоволен интерпретациями своего произведения. Однако и роман, и фильмы на его основы со временем приобрели культовый статус. Сюжет и идеи, созданные Станиславом Лемом, породили свою собственную вселенную. Помимо экранизаций существуют многочисленные театральные постановки, роману и фильмам посвящены научные и культурологические статьи. Таким образом «Солярис» породил культурный и научный феномен, который можно назвать «соляристика».

Ключевые слова: «Солярис», Станислав Лем, Андрей Тарковский, Стивен Содерберг, культурный конфликт, «соляристика».

SOLARIS, LEM, TARKOVSKY, SODERBERGH

Summary: This article is devoted to the conflict over the film adaptations of Stanislaw Lem's novel Solaris. The novel by the Polish science fiction writer, published in 1961, served as the basis for two film adaptations, which caused a conflict between the writer (S.Lem) and the directors (A. Tarkovsky and S. Soderbergh). As you know, the writer was dissatisfied with the interpretations of his work. However, both the novel and the films based on it eventually acquired cult status. The plot and ideas created by Stanislaw Lem have created their own universe. In addition to film adaptations, there are numerous theatrical productions, scientific and cultural articles devoted to the novel and films. Thus, Solaris gave rise to a cultural and scientific phenomenon that can be called "solaristics".

Keywords: "Solaris", Stanislaw Lem, Andrey Tarkovsky, Steven Soderbergh, cultural conflict, "solaristics."

В 1961 году вышел в свет роман польского писателя Станислава Лема «Солярис». Роман Лема поистине является знаковым произведением научной фантастики, выходящим за пределы жанра и затрагивающим глубокие философские, этические и научные вопросы. Со временем произведение стало культовым, породив свою литературную и кинематографическую вселенную. Сам по себе роман несет множество новаторских идей в научной фантастике и тем самым является поворотной точкой в литературе этого жанра. Можно с

уверенностью утверждать, что Станислав Лем написал роман в жанре чистой научной фантастики без элементов других направлений, таких как космические ужасы, фэнтези, приключения, космическая опера, антиутопия и т.д.

По словам самого Станислава Лема, главной темой романа является невозможность контакта с внеземной цивилизацией, а точнее с другим разумом. Эту идею он вкладывает в уста одного из героев произведения Снаута: “Мы не ищем никого, кроме человека. Нам не нужны другие миры. Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами. С нас довольно и одного, мы и так в нем задыхаемся” [3].

Однако в контексте данного исследования нам интересен не сам конфликт и проблематика романа «Солярис», не невозможность Контакта, на которых настаивал Станислав Лем, а дальнейшая судьба произведения и его экранизаций. Целью данной работы не является анализ конфликта и глубоко философских проблем, поднятых в романе Станислава Лема «Солярис». Цель работы иная, проанализировать конфликт автора и авторов, первоначального замысла и его интерпретации другими художниками: в частности советским режиссером Андреем Тарковским и американским кинематографистом Стивеном Содербергом.

Как мы можем определить этот конфликт автора и авторов? Это культурный конфликт или конфликт между художником и обществом, которое его не понимает? На наш взгляд, это конфликт интерпретаций трех разных художников-авторов: Станислава Лема, Андрея Тарковского и Стивена Содерберга. Конфликт вокруг одного сюжета, но разного взгляда на его воплощение в произведениях искусства и разных акцентов в его интерпретации. Важность понимания причин конфликта интерпретаций необходима в контексте развития отечественной конфликтологии и в частности изучения конфликтов в сфере культуры.

Для Станислава Лема планета Солярис – бог, но как признается сам автор, бог-неудачник, бог-калека. Вся идея писателя в том, что контакт между двумя разными разумами невозможен. При этом, польский писатель ставил перед собой цель создать настоящую научную фантастику, нацеленную на глобальные вопросы. Для Андрея Тарковского роман «Солярис» возможность поставить глубоко этические вопросы и воплотить их на экране.

Талант Андрея Арсеньевича своеобразно визуализировал литературные произведения. Вспомним его экранизацию повести братьев Стругацких «Пикник на обочине». Ведь фильм «Сталкер» и повесть «Пикник на обочине» кардинально отличаются друг от друга по сюжету, хотя сценарий фильма писался совместно с авторами повести. Таким же образом, гений Тарковского переосмыслил роман Лема. В его интерпретации планета Солярис – некое чистилище, жуткое, неудобное, далекое и отталкивающее место переосмысления своей жизни, в которое попадают герои. Один из героев фильма говорит о Крисе Кельвине то, что он хочет решить нечеловеческую проблему как человек. В свойственной ему манере А.Тарковский ставит

глубоко этические вопросы, отодвинув на второй план научно-фантастическую составляющую произведения Станислава Лема [4, с. 215].

Однако Станислав Лем остался очень недоволен фильмом Андрея Тарковского. Приведем полностью цитату из его интервью: «К этой экранизации я имею очень принципиальные претензии. Во-первых, мне бы хотелось увидеть планету Солярис, но, к сожалению, режиссер лишил меня этой возможности, так как снял камерный фильм. А во-вторых (и это я сказал Тарковскому во время одной из ссор), он снял совсем не «Солярис», а «Преступление и наказание». Ведь из фильма следует только то, что этот паскудный Кельвин довел бедную Хари до самоубийства, а потом по этой причине терзался угрызениями совести, которые усиливались ее появлением, причем появлением в обстоятельствах странных и непонятных» [5, с. 133-135]. Из приведенной цитаты мы видим, что два великих автора, как и герои романа не могут установить контакт. Каждый из них понимает сюжет по-своему. Многогранность вопросов поднятых романом Станислава Лема позволяет каждому художнику акцентировать внимание на разных аспектах сюжета: фантастика, наука, познание мира, этика, мораль. Каждый интерпретатор найдет в «Солярисе» свое толкование. Для Тарковского важнее не изучение далекой планеты Солярис, а нравственные, этические вопросы, взаимоотношения людей в нечеловеческих условиях. Можно попытаться спроецировать на себя проблему фильма: кто из нас готов убить точную, «живую» копию любимого человека, которого мы уже однажды потеряли?

В еще более явной форме конфликт авторов и конфликт интерпретаций проявляется в фильме «Солярис» 2002 режиссера Стивена Содерберга. Это уже взгляд человека XXI века на сюжет из XX столетия. В голливудской экранизации немного изменены герои: вместо Хари, Рея, вместо Снаута привычный англоязычному зрителю Сноу, вместо Сарториуса чернокожая женщина-ученый Гордон. Роль Криса Кельвина исполнил звезда Голливуда Джордж Клуни. Фильм «Солярис» 2002 года короче по хронометражу, чем советская экранизация. В нем использованы компьютерные технологии и визуально картина больше напоминает классические голливудские блокбастеры о Космосе: «Космическая одиссея 2001», «Чужой», «Сквозь горизонт» и другие. Однако сам первоисточник не дает возможности превратить его экранизацию в классический голливудский блокбастер с монстрами, перестрелками и динамичным экшеном.

При этом в фильме Стивена Содерберга очень ярко выражена любовная линия, даже не этические, философские раздумья советской экранизации и уж точно не научно-фантастическая составляющая романа Станислава Лема. Именно любовная линия между Крисом Кельвином и новым воплощением Реи является основной темой фильма, на фоне слабо представленной фантастики. Научно-фантастическая линия здесь играет роль декорации, фона, на котором развивается действие фильма. Даже в советской экранизации было больше фантастического, а в американской версии планета Солярис представлена

неким мистическим местом. Для Содерберга Солярис – второй шанс, рай в космосе, возможность для Криса обрести снова утраченную любовь. Данная экранизация вызвала еще большее раздражение Станислава Лема. Особенно ему не понравилась любовная линия, доминирующая в фильме.

Однако сама голливудская экранизация не лишена достоинств и по праву занимает достойное место среди киновоплощений научной фантастики.

Затрагивая тему конфликта авторов (Лем, Тарковский, Содерберг) мы не упомянули о первой экранизации романа. В 1968 году советский режиссер Борис Ниренбург поставил телеспектакль «Солярис», главные роли в котором исполнили: Василий Лановой, Владимир Этуш, Антонина Пилус, Виктор Зозулин. Как ни странно, Станислав Лем ни разу не упомянул эту экранизацию, хотя из всех она ближе всего к сюжету романа [1]. Но, как утверждает Юлия Анохина, Станислав Лем по-видимому не знал об этой экранизации. Он ни в одном интервью не упомянул ее, и информации о телеспектакле по роману нет на официальном сайте Лема [1].

Визуально черно-белый телеспектакль по понятным причинам не мог передать фантастическую составляющую. Поэтому большая часть экранизации посвящена отношениям героев. Любовная линия Криса и Хари занимает в экранизации центральное место. Отсутствует в телеспектакле также философская, эпистемологическая тема. Ю.Анохина объясняет это цензурными соображениями, тем, что к 1968 году роман был переведен в СССР в сокращенном виде. Из него были исключены философские беседы и упоминание бога.

В 1999 году вышла в свет фантастическая повесть российского писателя Алексея Корепанова «Станция Солярис» [2], в которой действие продолжается после событий оригинального романа. Однозначно можно сказать, что повесть Алексея Корепанова вторична, но она вторична не по отношению к роману польского писателя, а скорее по отношению к фильму «Солярис» Андрея Тарковского. Несмотря на сюжетные дыры, повесть достаточно интересна.

Основной конфликт в повести – внутриличностный конфликт Криса Кельвина. Автор с психологической точки зрения раскрывает противоречие между чувством и пониманием, того, что «живая копия» мертвого человека – это что-то выходящее за рамки понимания. Постепенно, с развитием сюжета Крис начинает тяготиться присутствием Хари. По сюжету, это первая «Хари», которую он отправил на ракете в Космос. Но, потом сам же вернул ее на станцию. В конце концов, Крис понимает, что «мертвые должны оставаться мертвыми».

Судя по всему, Станислав Лем не знал об этой повести, так как она была опубликована в России и на данный момент не известно о публикации «Станции Солярис» на иностранных языках.

Помимо фильмов и «повести-сиквела» существуют театральные постановки культового романа: балет, спектакль, опера «Солярис». Роман и его экранизации стали темой многочисленных научных статей. Можно сказать, что

со временем появилась новая наука «соляристика». Таким образом, мы видим, что идеи культового произведения Станислава Лема вышли далеко за рамки его романа. Конфликт, который возник между писателем и режиссерами актуален только с точки зрения авторской интерпретации, конкретно в данном случае визуализации литературного произведения. Не секрет, что кино визуальное искусство, тогда как литература опирается на воображение. В глубоком философском, культурологическом, литературоведческом и иных смыслах конфликт между Лемом, Тарковским и Содербергом давно потерял актуальность. Бессмертное произведение Лема стало чем-то большим, чем просто хорошая книга. Это уже отдельное явление культуры.

Список литературы:

1. Анохина, Ю. «Солярис»: до и после Тарковского. - 2011. – URL: <http://www.tarkovskiy.su/texty/analitika/Anohina3.html> (дата обращения: 31.01.2024).
2. Корепанов, А.Я. Станция Солярис. - 1999. – URL: <https://4italka.su/fantastika/fentezi/110557/fulltext.htm> (дата обращения: 31.01.2024).
3. Лем, С. Солярис. - 1961. – URL: <https://www.livelib.ru/book/259385/readpart-solyaris-stanislav-lem> (дата обращения: 31.01.2024).
4. Темлякова, А.С. «Солярис»: роман и фильм. Пространство диалога. // Уральский филологический вестник. Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. - 2013. - №2. - С.215-226.
5. Beres'S. Rozmowy ze Stanislawem Lemem. - Krakow, WL, 1987. - P. 133-135.

Акимов Юрий Германович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 8889-7990

ПОДГОТОВКА ВИЗИТА А.Н. КОСЫГИНА В КАНАДУ

Аннотация: В статье рассматривается предыстория визита А.Н. Косыгина в Канаду в октябре 1971 г. Отмечаются особенности советско-канадских отношений 1940–60-х гг., их взаимосвязь с глобальными мирополитическими процессами. Показано, что Москва и Оттава были объективно заинтересованы в развитии как политического диалога, так и экономических контактов. Отмечается, что наряду с этим свою роль сыграл и более субъективный фактор - стремление канадского премьера П.Э. Трюдо к активизации и диверсификации внешнеполитического курса Канады.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин, СССР, Канада, советско-канадские отношения, П.Э. Трюдо, разрядка.

PREPARATION OF ALEXEI KOSYGIN'S VISIT TO CANADA

Summary: The paper deals with the background of Aleksei Kosygin's visit to Canada in October 1971. It shows the main trends of USSR–Canada relations in the 1940s–60s, their interrelation with global politics. It stresses that Moscow and Ottawa were objectively interested in developing both political dialogue and economic contacts. It is noted that along with this, a more subjective factor played a role, i.e. the desire of Canadian Prime Minister Pierre Eliot Trudeau to activate and diversify Canadian foreign policy.

Keywords: Aleksei Kosygin, USSR, Canada, Soviet-Canadian relations, Pierre Eliot Trudeau, détente.

Поездка Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина в Канаду в октябре 1971 г., безусловно, относится к числу наиболее ярких эпизодов в истории советско-канадских отношений. Однако ее историческое значение выходит далеко за рамки двусторонних связей Москвы и Оттавы. Эта поездка была событием глобального масштаба, оказавшим влияние на процесс разрядки международной напряженности и весь комплекс отношений «Востока» и «Запада» в начале 1970-х гг.

Некоторые аспекты визита советского премьера в Страну Кленового листа уже попадали в поле зрения исследователей. И.А. Аггеева – ведущий отечественный специалист по истории советско-канадских отношений периода «холодной войны» – обратила внимание на взаимосвязь политической и экономической составляющей поездки А.Н. Косыгина, а также на ее идеологический и культурный аспект [2; 3; 4; 5]. Э.А. Бабаев подробно

рассмотрел особенности освещения визита в советской периодической печати [8]. Ряд интересных наблюдений были сделаны в статьях А.А. Крицкого [10], Е.И. Бортниковой и Ю.Г. Чернышева [9]. В настоящей работе мы попытаемся вскрыть предысторию и особенности подготовки данного визита в контексте советско-канадских отношений того времени и общего состояния дел на мировой арене.

Дипломатические отношения СССР и Канады были установлены в 1942 г. – в разгар Второй мировой войны. Вплоть до 1945 г. контакты двух стран развивались в целом поступательно; несмотря на все имевшиеся между ними различия, они были военными союзниками. Кроме того, Оттава стремилась укрепить свои позиции на международной арене и понимала, что это невозможно сделать без налаживания связей с Советским Союзом, вынесшим на своих плечах основную тяжесть борьбы с нацизмом и заслужившим величайшее признание и уважение подавляющего большинства стран и народов планеты [см., например: 11]. Однако в конце 1945 г. в советско-канадских отношениях наступило резкое охлаждение, в связи с «делом Гузенко» – шпионским скандалом, получившим широкую огласку и подлившим масла в огонь разгорающейся «холодной войны» [см.: 1; 6]. Уже в первые послевоенные годы Канада перешла на явно выраженные проамериканские позиции в своей внешней политике. Она стала одним из членов-основателей НАТО и приняла участие в Корейской войне. Что касается отношений с СССР, то вышеупомянутое охлаждение сохранялось до середины 1950-х гг., когда в отношениях капиталистического «Запада» и коммунистического «Востока» впервые наметилось определенное потепление. Канада, которая в биполярном мире занимала весьма уязвимое положение, будучи «зажата» между двумя ядерными сверхдержавами, естественно, была заинтересована в снижении градуса международной напряженности. Оставаясь ближайшим союзником и партнером США, она, в то же время успешно позиционировала себя в качестве эффективного посредника и переговорщика, способного налаживать контакты и находить компромиссы. В 1955 г. Советский союз посетил министр иностранных дел Канады Лестер Пирсон¹ – и это был не только первый визит в нашу страну главы канадского МИДа, но первый визит главы внешнеполитического ведомства страны-члена НАТО в СССР! В 1956 г. было подписано советско-канадское торговое соглашение, которое впоследствии неоднократно продлевалось. В рамках этого соглашения Советский Союз начал регулярно осуществлять закупки крупных партий канадской пшеницы [см.: 5, с. 98].

На протяжении 1960-х гг. отношения СССР и Канады отличались известной двойственностью. С одной стороны, в Оттаве весьма настороженно воспринимали многие резкие шаги, предпринимавшиеся Москвой на международной арене, а также критически относились к советской внутренней политике (в сфере соблюдения прав человека, ограничений на эмиграцию

¹ Официально его должность называлась: «государственный секретарь по внешним делам».

евреев в Израиль и т.п.). В свою очередь советское руководство постоянно имело в виду «близость» Канады к США, а также наличие достаточно сильного лобби представителей этнических группы, враждебного настроенных по отношению к СССР. С другой стороны, стороны были обоюдно заинтересованы в поддержании и развитии торговых связей. Москва ценила взвешенный и сдержанный подход Оттавы ко многим острым международным проблемам. В Канаде также полагали целесообразным выстраивать конструктивные отношения с Советским Союзом. В этот период стороны стали обмениваться визитами высокого уровня. В июле 1966 г. Канаду посетила делегация Верховного Совета СССР, а в ноябре того же года визит в нашу страну нанес министр иностранных дел Канады Пол Мартин (старший).

Заметные сдвиги во внешней политике Канады наметились после 1968 г., когда пост премьер-министра занял Пьер Элиот Трюдо (1968–1979, 1980–1984). Им был взят курс на диверсификацию канадской внешней политики при определенном дистанцировании от США (которое, однако, не следует преувеличивать). Одной из составляющих этого курса было обозначено дальнейшее углубление и расширение контактов с социалистическими странами и, в первую, очередь, с Советским Союзом. В Белой книге «Внешняя политика для канадцев» (1970) говорилось:

«Канада также проявляет значительный и растущий интерес к развитию отношений с коммунистическими странами Восточной Европы не только из-за выгод от расширения торговли, научно-технического сотрудничества и культурных обменов с этими странами, но и потому, что таким образом она может внести свой вклад в разрядку. Особенно хорошие перспективы такого сотрудничества открываются с Советским Союзом, с которым Канаду объединяет общность опыта арктических стран. Несомненно, улучшение климата в отношениях между Востоком и Западом и сопутствующий рост контактов и обменов между Востоком и Западом расширяют практические возможности Канады в достижении этих целей. Именно Канада должна стать более известной в этих странах: североамериканская страна, не являющаяся великой державой, не представляющая ни для кого угрозы и обладающая огромными ресурсами, высокоразвитой экономикой и передовыми технологиями» [13, р. 19].

Наглядным свидетельством роста интереса Москвы к развитию советскоканадских отношений стал визит в Оттаву министра иностранных дел СССР А.А. Громыко. Это был первый визит главы советского внешнеполитического ведомства в Канаду за всю историю двусторонних отношений. Помимо переговоров со своим канадским коллегой Митчеллом Шарпом, Громыко также провел несколько содержательных бесед с премьер-министром Трюдо. Советский дипломат произвел сильное впечатление на канадских руководителей – в частности тем насколько эффективно и, вместе с тем, непринужденно он отстаивал советские позиции и интересы. В завершении

Громыко передал Трюдо приглашение посетить Советский Союз в любое удобное время [14, р. 241].

Первая в истории поездка премьер-министра Канады в СССР состоялась 17–28 мая 1971 г. В Москве Трюдо провел переговоры с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным по весьма широкому кругу политических и экономических вопросов разного уровня – глобальная безопасность, разрядка международной напряженности, двусторонняя торговля, права человека. Канадский премьер совершил большую поездку по нашей стране. При этом он посетил не только те города, которые традиционно включались в программу пребывания высоких зарубежных гостей: Ленинград, Киев, Ташкент, Самарканд, но также Мурманск и «режимный» Норильск, отнюдь не избалованные вниманием иностранцев. Следует подчеркнуть, что Трюдо был вообще первым зарубежным лидером, посетившим Норильск в советское время (а после него этот город посещал только президент Финляндии У.К. Кекконен в 1976 г.) [см.: 12].

Важным политическим результатом визита Трюдо стало подписание советско-канадского «протокола о консультациях» по вопросам «политического, экономического и культурного характера». В то время у СССР аналогичный протокол имелся только с одной «западной» страной – Францией, что в значительной степени было связано с особой позицией Парижа по ряду вопросов тогдашней международной повестки. В случае с Канадой это, безусловно, можно рассматривать как признание ее возросшего значения на мировой арене (именно так это было воспринято канадской стороной [14, р. 247]), но также и как стремление Москвы использовать Оттаву в качестве эффективной площадки и/или посредника в советско-американских отношениях.

Уже летом 1971 г. началась подготовка ответного визита в Канаду, который должен был нанести А.Н. Косыгин, поскольку он занимал пост главы правительства, формально эквивалентный посту Трюдо (хотя в Канаде премьер-министр является фактически главой государства). В любом случае возможность поездки Л.И. Брежнева не рассматривалась.

Визит советского премьера был намечен на октябрь, что свидетельствовало о том, что стороны были явно заинтересованы в продолжении контактов, начатых в СССР (обычно ответные визиты такого уровня организуются через более длительный промежуток времени). При этом канадская сторона опасалась, что это обстоятельство будет в негативном ключе истолковано американской стороной [14, р. 250]. Однако в итоге соображения прагматизма взяли верх.

Тем временем был согласован состав советской делегации, в которую, в частности, вошли председатель совета министров Грузинской ССР Г.Д. Джавахишвили, министр морского флота СССР Т.Б. Гуженко, заместитель министра иностранных дел СССР С.П. Козырев, заместитель председателя Госплана СССР М.И. Мисник. А.Н. Косыгина сопровождала его дочь Л.А.

Гвишиани, в то время работавшая в МИДе². Такой состав и численность (всего 37 человек) подчеркивал высокую (но в то же время не первостепенную) важность отношений с Канадой для советского руководства.

Накануне визита и в советской, и в канадской прессе были опубликованы материалы, посвященные предстоящему событию. П.Э. Трюдо заявил, что он рассчитывает продолжить обмен мнениями по ключевым вопросам международной обстановки, начатый в Москве. Советская сторона подчеркивала желание развивать взаимовыгодное сотрудничество с Канадой в различных областях.

18 октября 1971 г. А.Н. Косыгин и сопровождающие его лица прибыли в Оттаву. Начался исторический визит, открывший новые возможности для взаимодействия двух «северных гигантов» и сыгравший важную роль в процессе разрядки.

Список литературы:

1. *Аггеева И.А.* Канада и начало холодной войны: дело Гузенко в советско-канадских отношениях // Холодная война 1945–1963 гг.: Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – С. 369–405.
2. *Аггеева И.А.* Канадское досье М.А. Сулова: идеология во внешней политике СССР // Канадский ежегодник. – Вып. 20. – М.: ИВИ РАН, 2016. – С. 21–57.
3. *Аггеева И.А.* Культурные связи эпохи холодной войны: СССР – Канада (1950–1970-е гг.). М.: ИВИ РАН, 2011. – 214 с.
4. *Аггеева И.А.* Мирное сосуществование и проблемы научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и Канадой // ЭНОЖ «История». 2018. – № 7 (71). – URL: <https://history.jes.su/s207987840002416-6-1/> (дата обращения 20.02.2024)
5. *Аггеева И.А.* Политические факторы торговых отношений между СССР и Канадой в первой половине 1970-х гг. // Канадский ежегодник. – Вып. 21. – М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 85–142.
6. *Акимов Ю.Г.* “Дело Гузенко” и кризис советско-канадских отношений (1945–1947 гг.) // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы 11-й международной конференции молодых ученых СПбГУ. СПб., 2000. С. 411-418.
7. *Акимов Ю.Г.* Проблемы истории российско-канадских отношений. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 64 с.
8. *Бабаев Э.А.* Официальный визит Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина в Канаду (по материалам советской периодической печати) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2009. – № 2. – С. 123–128.

² К тому времени А.Н. Косыгин уже был вдовцом – его супруга Клавдия Андреевна (уродж. Кривошеина) скончалась в 1967 г.

9. *Бортникова Е.И., Чернышов Ю.Г.* Советско-канадские отношения и имидж СССР в Канаде в 1964–1985 гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (84). – С. 42–47.
10. *Крицкий А.А.* Общества дружбы в советско-канадском диалоге эпохи разрядки // Канадский ежегодник. – Вып. 20. – М.: ИВИ РАН, 2016. – С. 188–229.
11. Северные союзники: СССР и Канада в годы второй мировой войны: документы и материалы / Под ред. Ю.Г. Акимова. СПб.: Скифия-принт, 2020. – 340 с.
12. *Сидорук Е.М.* Норильские гости: визиты в Норильск первых лиц Канады и Финляндии в документах норильского городского архива // Научный вестник Арктики. – 2019. – № 6. – С. 107–110.
13. *Foreign Policy for Canadians / Published by authority of the Honourable Mitchell Sharp, Secretary of State of External Affairs.* – Ottawa: Queen’s Printer for Canada, 1970. – 42 p.
14. *Head I., Trudeau P.* The Canadian Way: Shaping Canada’s Foreign Policy, 1968–1984. – Toronto: McClelland & Stewart, 1995. – 362 p.

Алексушин Глеб Владимирович

доктор исторических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет

SPIN-код: 8728-9270

РАЗВИТИЕ АТОМНОГО ФЛОТА СССР ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ КОСЫГИНЕ В 1964-1980 ГОДАХ

Аннотация: Предположена высокая значимость роли Косыгина в развитии атомного флота СССР. Это гипотеза доказана на разных примерах. В качестве примеров выступили как боевые, так и гражданские корабли. Он причастен как строительству атомных надводных, так и подводных кораблей. Таким образом, до сих пор в ядерном «щите» нашего государства немаловажным остаётся вклад Косыгина.

Ключевые слова: атомный, флот, председатель совета министров, Косыгин, СССР, развитие.

THE DEVELOPMENT NUCLEAR FLEET OF THE USSR UNDER THE CHAIRMAN OF THE COUNCIL OF MINISTERS KOSYGIN IN 1964-1980

Summary: The high importance of Kosygin's role in the development of the USSR nuclear fleet is assumed. This hypothesis has been proved by various examples. Both combat and civilian ships were used as examples. He is involved in both the construction of nuclear surface and submarine ships. Thus, Kosygin's contribution still remains important in the nuclear "shield" of our state.

Keywords: nuclear, fleet, chairman of the council of ministers, Kosygin, USSR, development

С 15 октября 1964 г. по 23 октября 1980 г. А.Н. Косыгин занимал должность Председателя Совета министров (далее – СМ) СССР. То была эпоха процветания ВМФ СССР, ледокольного флота [5, 6]. И «хэдлайнером» этого развития выступали корабли и подводные лодки с атомными силовыми установками. Естественно, без решений СМ СССР строительство кораблей и подлодок не начинали. Т.о., Косыгин был в курсе этих решений и действий, и влиял на их суть и объёмы.

Атомные подводные ударные ракетносцы

Советский ВМФ в этот период времени обзавёлся новейшими подводными атомными ударными ракетносцами (далее ПЛАРБ).

До Косыгина построили только 8 ПЛАРБ проекта 658 [3, с.27].

34, 18 и 4 ПЛАРБ проекта 667, 667Б и 667БД построили в 1964-72, 1971-7 гг. и 1973-5 гг., все заложены и введены в строй [3, с.15-16; 4, с.23-25].

Из 14 ПЛАРБ проекта 667БДР все были заложены, но введены в строй при нём – только 11 [3, с.14; 4, с.23].

6 ПЛАРБ проекта 941 (самые большие в истории человечества, разработаны были при Косыгине, 2 заложили при нём, один из них даже был спущен) [3, с.13; 4, с. 20].

Все 7 ПЛАРБ проекта 667БДРМ строили в 1984-91 гг., т.е., уже после Косыгина. Однако, все они создавались по Постановлению СМ СССР от 10.9.1975. подписанному Косыгиным [3, с.14; 4, с.22].

Т.о., Косыгин причастен к созданию 83 ПЛАРБ из 91 советской (91,2%).

Атомные подводные ракетоносцы

При Косыгине советский ВМФ получил атомные подводные ракетоносцы (далее РПЛА).

29 РПЛА проекта 675 строили в 1961-7 гг. в Северодвинске. Головная была введена в строй в 1966 г. [3, с.18; 4, с.33].

1 РПЛА проекта 661, заложенная в 1963 г., была спущена и достроена при Косыгине [3, с.31].

11 РПЛА проекта 670А строили в Горьком в 1967-72 гг. [3, с.18; 4, с.32].

2 РПЛА проекта 670М создавали там же в 1973-80 гг. [3, с.17; 4, с.32].

Все 12 РПЛА проекта 949 строили уже после Косыгина в 1985-95 гг., но техзадание на их постройку, выданное в 1969 г., и сопровождение разработки осуществлялось при Косыгине [3, с.17; 4, с.30].

Получается, что при Косыгине появились 55 РПЛА из 60 советских (91,7%).

Атомные подводные лодки

При Косыгине советский ВМФ получил атомные подводные лодки (далее ПЛА).

15 ПЛА проекта 671 построили в СССР в 1967-74 гг. [3, с.22; 4, с.38].

3 ПЛА проекта 667 соорудили в 1969-71 гг. [3, с.19].

7 ПЛА проекта 671РТ создали в 1972-8 гг. [3, с.21; 4, с.38].

7 ПЛА проекта 705 выпускали в 1975-83 гг. [3, с.20; 4, с.41].

26 ПЛА проекта 671РТМ строили в 1978-87 гг. [3, с.21; 4, с.38].

1 ПЛА проекта 685 была заложена в 1978 г., а введена в строй уже в 1983 г. [4, с.36].

Все 6 ПЛА проекта 945 строили в 1982-93 гг., но разработка шла при Косыгине [3, с.20; 4, с.37].

Тактико-техническое задание было утверждено на проект 971 в 1972 г. [3, с.19; 4, с.35], 16 ПЛА построили по нему с 1982 г., т.е., уже после Косыгина.

Таким образом, из 95 ПЛА 81 были созданы с участием Косыгина (85,3%).

Атомные надводные корабли ВМФ

При Косыгине надводный советский ВМФ также получил атомные корабли.

Серия из 4-х крейсеров проекта 1144 была построена в 1974-96 гг. [3, с.30-31; 4, с.64].

Корабль космической связи проекта 1941 строили в 1981-88 гг., но его разработка началась ещё в 1970-е гг. [3, с.158]

Из этого следует, что Косыгин причастен строительству всех 5-ти надводных атомных кораблей ВМФ (100%).

Атомные ледоколы и ледокольные суда

При Косыгине «встал на ноги» единственный (до сих пор!) в мире советский атомный ледокольный флот.

Косыгина на посту председателя СМ СССР «не коснулся» только первый атомный ледокол в мире «Ленин» проекта 92М [1, с.7; 2, с.29-31].

Остальные 6 атомных ледоколов проекта 1052.0 строили в 1971-2007 гг. [1, с.12-18; 3, с.29-31], и при Косыгине создали полностью только 2, но все остальные были представителями серии, при нём разработанной.

Единственный атомный лихтероз «Севморпуть» был построен в 1988 г., но проектно-техническая документация была разработана в 1978 г. в Ленинградском ЦКБ «Балтсудопроект» по заданию СМ СССР – т.е., Косыгина.

Таким образом, из 10 атомных ледокольных судов Косыгин был причастен созданию 7-ми (70%).

Подводя общий итог, получаем, что к разработке и постройке 231 ПЛАРБ, РПЛА, ПЛА, надводного боевого и ледокольного корабля из вообще созданного 261 советского атомного корабля и подлодки Косыгин имел непосредственное отношение, что составляет 88,5%. Вывод очевиден – вклад А.Н. Косыгина в развитие атомного флота СССР весьма важен.

Список литературы:

- 1.Алексушин, Г.В. Атомные ледоколы. – Самара: «Прайм», 2023.
- 2.Алексушин, Г.В. Развитие атомного ледокольного флота и его роли в экономическом освоении Северного морского пути // Арктика и Север. – 2023. – № 53. – С. 28-35.
- 3.Павлов, А.С. Военно-морской флот России 1996 г.: Справочник. Выпуск 4-й. – Якутск, 1996. – 144 с.
- 4.Павлов, А.С. Военные корабли СССР и России 1945-1995 г.: Справочник. Выпуск 3-й. – Якутск, 1994. – 208 с.
- 5."Россия - священная наша держава": прошлое с нами: Учебное пособие в 5 книгах /А.В. Горожанин, В.В. Рыбников, [и др.]. Книга 5. – Самара, 2005.
- 6.Русь - Россия - СССР - Россия: этапы большого пути: Учебное пособие для вузов по курсу "Отечественная история" / А.В. Горожанин, В.В. Рыбников [и др.]; по общей редакцией В.В. Рыбникова. Т.2. – Самара, 2006.

Атдаев Сердар Джумаевич (Туркменистан)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана

ЭПИЗОДЫ КРАТКОГО ПЕРЕМИРИЯ

Аннотация: В работе говорится о коротком перемирии 6 января 1881г., в период Ахалтекинской экспедиции 1880-1881 гг. После одной ночной баталии в траншеях оставались лежать тела погибших воинов. Было предложено убрать трупы и захоронить их подобающим образом. После проведения переговоров наступила небольшая пауза. В этот, небольшой по времени, момент передышки, обе стороны из суровых воинов превратились в простых людей, беспечно радуясь наступившему моменту затишья и спокойствия. Они с интересом рассматривали друг друга и беззаботно шутили.

Ключевые слова: вылазка, переговоры, перемирие, уборка, шутки, веселье.

EPISODES OF A BRIEF TRUCE

Summary: The work talks about a short truce on January 6, 1881, during the Akhal-Teke expedition of 1880-1881. After one night battle, the bodies of dead soldiers remained in the trenches. It was proposed to remove the corpses and bury them in a proper manner. After the negotiations, there was a short pause. In this short moment of respite, both sides turned from stern warriors into ordinary people, blithely rejoicing at the coming moment of calm and tranquility. They looked at each other with interest and joked lightheartedly

Keywords: sortie, negotiations, truce, cleaning, jokes, fun.

*Среди боя тяжелого, смертного,
Перемирие нужно порой.
Чтобы ярость и буйство безумия,
Не туманили разум людской.
С.А.*

Данная статья посвящена описанию краткого перемирия, наступившего 6 января 1881г., в ходе Ахалтекинской экспедиции 1880-1881 гг. Немного известно о попытке перемирия в 1879 г., в ходе Первой Ахалтекинской экспедиции, когда генерал-майор Н.П. Ломакин 28 августа постарался захватить крепость Гёк-Тепе. Эта экспедиция оказалась неудачной для российских войск. В ходе осады бастиона защитники крепости запросили передышку. Однако генерал расценил это предложение как желание затянуть дело до темноты и предпринимает артиллерийский обстрел бастиона.

Прочность стен цитадели и жестокий ответный огонь текинских ружей отбрасывают российские войска назад [10, с. 260].

Ночная вылазка 4 января. Следующее перемирие, о котором и пойдет речь в данной статье, было отмечено в ходе Второй Ахалтекинской экспедицией 1880-1881 гг., которой командовал генерал-лейтенант М.Д. Скобелев. Мы остановимся на подробном описании именно этого момента, так как оно нашло более яркое отражение в исторических источниках того времени. Сама осада крепости Гёк-Тепе началась 23 декабря 1880 г. Текинцы отчаянно сопротивлялись и совершили ряд дерзких ночных вылазок. Первая из них была осуществлена 28 декабря 1880 г., а вторая — 30 декабря 1880 г. Третий ночной выход за пределы укрепления был предпринят 4 января 1881 г. В ней участвовало до 12 000 человек, во главе которых стояли: Ак-Берды-хан (сын Дыкма-сердара), Куль-Батыр и мервский глава Гаджар-хан. Эта ночная атака, как и две предыдущие, была отбита российскими отрядами [4, с. 254-256; 10, с. 300]. Больше всех потери были у мервцев, до 300 человек, которые вместе с жителями Гяурса и Асхабада 5 января удалились из крепости [6, с. 96]. Часть мервцев во главе с Гаджар-ханом осталась в крепости и покинула бастион только после штурма 12 января 1881 г. [4, с. 257; 1, с. 294].

Канун перемирия. В ходе осады укрепления текинцы в дневное время отсиживались в ямах, защищая себя от жуткого артиллерийского обстрела. На ночь часть ополченцев перебиралась в наружный ров, обеспечения защиту еще на подступах к цитадели. Инженерные работы, по приказу М.Д. Скобелева, были начаты еще 23 декабря. Сначала была вырыта 1-я параллель. 24 декабря была окончена 2-я, а следом приступили к работам по возведению 3-й параллели. 5 января российскими саперами был сделан промер расстояния от Ширванского редута до текинского рва. 6-го января работы саперов позволили подойти близко ко рву и, соединившись, образовать саперный редут.

Однако дело осложняло одно щекотливое обстоятельство. После ночной вылазки текинцев 4 января большое количество трупов защитников бастиона осталось между русскими передовыми траншеями и текинским рвом. М.Д. Скобелев предложил текинцам убрать тела, сильно досаждавшие тлетворным запахом [10, с. 304]. Оставшихся между траншеями трупы, вследствие теплых дней, начали разлагаться. Войска не справлялись не только с их зарыванием, но даже с оттаскиванием из мест своего расположения. Подполковнику Йомудскому, находившемуся в укреплении «Охотничья кала» для выслушивания разговоров, доносящихся из крепости Гёк-тепе, предложено было прокричать им о прекращении огня [4, с. 264].

Перемирие. 6 января с башни Охотничьей калы подполковник Йомудский в 1 час дня крикнул защитниками: «Прекратить огонь!» — текинцы согласились [10, с. 304]. По другим данным, Йомудский был тогда в чине полковника [1, с. 295; 9, с. 459]. В данном случае речь идет о Анна-Мухаммеде Йомудском, состоявшем на российской службе. С российской стороны был

выставлен белый флаг, и трубачи заиграли отбой. М.А. Терентьев пишет, что белый флаг с Охотничьей башни подняли в 7 часов утра [7, с. 183].

Согласно запискам саперного офицера А. Черняка, сигнал не сразу произвел свое действие. Лишь после того, как несколько сигналистов подхватили сигнал, огонь прекратился. В передовые траншеи пришел полковник А.Н. Куропаткин в сопровождении Йомудского, и последний под диктовку полковника прочитал текинцам, чтобы и они перестали стрелять. Защитники крепости исполнили просьбу. Затем текинцам было предложено выслать людей для переговоров к траверсу. Со стороны крепости вышел Дыкма-сердар с двумя сопровождавшими. С российской стороны отправился полковник Йомудский с сотником Кунаковским [9, с. 459].

Более детальную картину дает в своем пересказе К.К. Абаза, согласно которому, для переговоров с обеих сторон вышли по 3 человека. Партии уселись друг против друга по середине между русскими редутом и текинским рвом. Следуя местному обычаю, туркмены поздоровались и справились о здоровье, после чего Йомудский объявил, что генерал Скобелев согласен дать два часа на уборку тел. За переговорами со стен крепости с интересом наблюдали туркменские воины, среди которых расхаживал в красном халате с копьем в руках Мурат-хан, следя чтобы никто не смел произвести выстрел. За происходящим с ближних насыпей глядели толпы любопытных солдат: «Первый раз после трех недель осады враги смотрели друг на друга добродушно. Послышались шутки, веселые разговоры, зазыванье в гости. Текинцы в ответ улыбались, звали шапками к себе в крепость». Знавшие по-татарски солдаты кричали: «Белый Царь силен! Лучше сдавайтесь: генерал помилует». Текинцы ничего не отвечали [1, с. 296].

Г. Азотов писал: «Наши солдатики, как один, все повывлезли из траншей на вал, так что образовалась живая изгородь. Текинцы в разноцветных шелковых халатах с их женами и детьми, также щегольски, по-праздничному, разодетыми, в свою очередь заполнили стену, причем некоторые из них вышли совсем из крепости и осматривали тела убитых во время их ночных вылазок [2, с. 1020]. А.Н. Куропаткин отмечал: «С началом переговоров как с нашей, так и с неприятельской стороны люди стали постепенно высовываться из-за своих прикрытий и вскоре по всей крепостной стене наши войска, влезшие на бруствер, увидели непрерывную линию голов наших противников в их типичных бараньих шапках и торчавшие из-за стен концы винтовок, охотничьих двустволок, мультаков с треногами, пик и просто палок с насаженными на них русскими штыками» [5, с. 188].

По данным А. Черняка подобные переговоры велись и на левом фланге, где к генералу Д.И. Скобелеву вышел один из защитников крепости. Был поставлен также вопрос о сдаче крепости. Однако на эти предложения были получены отрицательные ответы [9, с. 459].

Согласно изложению А.Д. Шеманского, генерал Скобелев находился в 3-й параллели, близ юго-восточного угла крепости. Переговорщики с обеих

сторон сошлись близ вырытой текинцами полукруглой траншеи у конца 3-й параллели, обозначенную на русских военных картах под условным названием «Подкова». Скобелев поднялся на бруствер. От текинцев из крепости вышел Хаджи-Мурат (упомянутый выше Мурат-хан С.А.) [10, с. 304]. Согласно материалам Н.И. Гродекова Хаджи-Мурат был жителем Янги-калы [4, с. 264-265]. Хан заявил, что многие ханы в пустыне и без них нельзя вести переговоры. На уборку тел текинцы не согласились, боясь западни. Им предложили сдаться или отослать семьи. Текинцы ответили, что их семьи хорошо укрыты [10, с. 304]. В крепости, в кибитке Махтум-Кули-хана, собрался совет. Многие склонялись в пользу изъявления покорности, но Дыкма-сердар сказал: «теперь уже поздно об этом говорить!» Молодежь, услышав голоса о покорности, с обнаженными пашками ворвалась в заседание и объявила, что она не допустит никаких разговоров о мире. Под давлением молодежи маслахат приказал кричать со стен, что текинский народ никаких разговоров с русскими вести не намерен [4, с. 265].

Поведение обеих сторон во время перемирия. Н.И. Гродеков пишет, что туркмены вели себя очень честно. Когда русские заметили, что защитники крепости пользуется перемирием, чтобы произвести работы впереди их траншеи, обозначенной на русских картах как Ледорез, то им было сказано прекратить всякие действия, что они и выполнили. Сами же русские, по заверению Н.И. Гродекова никаких работ не производили, хотя далее он признает, что, когда офицеры приблизились «Подкове», текинцы начали кричать со стен, чтобы они отошли от нее и ничего не высматривали. Офицеры отступили к 3-й параллели, но заметили, что она не занята [4, с. 264]. К.К. Абаза отмечает, что генерал Скобелев прошел траншеями к передовым позициям, откуда внимательно «осмотрел» крепостную стену. Российские инженеры успели зачертить план крепости и сделали примерный ее расчет [1, с. 296].

Уборка трупов. Картина, представшая перед переговорщиками, ярко представлена в исторической хронике В.П. Череванского: «Первые проблески утра осветили страшную картину. Из траншей виднелись одни трупы вплоть до крепостной стены. К прежним неубранным прибавилось до пятисот свежих, между которыми продолжали шевелиться тяжелораненые» [8, с. 191].

Н.И. Гродеков ничего не сообщает о совместной уборке тел, отмечая лишь о том, что солдаты успели только оттащить трупы из траншей и сложить их в большие кучи между 3-ю параллелью левого фланга и стеной крепости. По приказанию Д.И. Скобелева, переводчик Тервартанов прокричал текинцам, чтобы они убрали трупы. Защитники крепости предложение это отвергли, так как подозревали коварный умысел со стороны неприятеля. [4, с. 264].

Однако в описаниях В.П. Череванского видно, что уборка трупов все же производилась: «Покойников волокли за руки, за ноги, за платье, по одному и по два. Ак-Берды и Керим-Берды-Ишана унесли с почетом» [8, с. 191]. Если о смерти Ак-Берды-хана источники сообщают известно довольно подробно, то о

деталей гибели духовного вдохновителя текинцев Керим-Берды-ишана информации мало. У К.К. Абазы имеется лишь упоминание, что ишан был убит во время молитвы [1, с. 294]. В материалах же Череванского и Терентьева точно указано, что погиб он во время ночной вылазки 4 января 1881 г.: «Неподалеку от траншей лежал Ак-Берды, а рядом с ним Керим-Берды-Ишан с Кораном в одной руке и с клычем (саблей С.А.) в другой» [8, с. 191; 7, с. 184].

А. Черняк дополняет, что хотя позволением убрать трупы некоторые и воспользовались, но в весьма ограниченном количестве [9, с. 459]. А.Н. Куропаткин подчеркивает, что: «К первому нашему заявлению выслать из крепости рабочих для уборки и погребения трупов, текинцы отнеслись подозрительно. Только после того, как русские солдаты стали подносить трупы к крепости, текинцы вышли из-за стен и приняли своих убитых. Трупы, лежавшие перед Великокняжеской позицией, были убраны, но масса тел на левом фланге еще оставалась. Солдаты протащили их к стене и сложили в несколько больших куч. Текинцы занесли их в крепость только в последующие ночи и захоронили [5, с. 188].

В литературе того времени бытует мнение, что защитники крепости отказались убирать трупы (асхабадских, гяурских, тедженских и мервских) текинцев, якобы из-за того, что последние покинули их крепость. В первых печатных изданиях того времени подобных сообщений нет. Они стали появляться намного позже событий 1881 г.: [1, с. 295-296; 2, с. 1020; 7, с. 184; 8, с. 191; 9, с. 459].

Необходимо отметить, что утверждение это глубоко ошибочно. Авторы этих заверений использовали ложную пропаганду и преследовали цель указать на существующую, якобы, напряженность между текинцами. Безусловно, что во время осады крепости многие семьи удалились в пески и там окольными путями проследовали в сторону Теджена и Мерва [9, с. 460]. Верно и то, что часть вооруженного ополчения, ранее прибывшая на помощь, осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления, 5 января оставила крепость. Однако это не могло быть основанием для того, чтобы защитники крепости стали избирательно относиться к уборке трупов своих соотечественников. Во-первых, вековые традиции обязывали не оставлять убитых соплеменников на поле брани. Во-вторых, в крепости уже скопилось большое количество убитых во время дневных артиллерийских бомбардировок внутренней части крепости. Защитники бастиона временно заворачивали их в ковры, а хоронили их только в ночное время. На рисунке можно видеть кладбище на вершине холма, где могилы оборудованы на мусульманский манер, с воткнутыми палками, перевязанными белыми тряпичными лоскутами.

Рис. Могилы на холме Денгли-тепе. Рисунок Н.Н. Каразина.

В-третьих, перетаскивание трупов в крепость продолжалась в течение последующих ночей [5, с. 188; 7, с. 184]. В-четвертых, после 5 января 1881 г., когда крепость стала покидать часть защитников, в том числе и 5 000 мервское ополчение, в бастионе еще продолжали находиться мервские воины под руководством Гаджар-хана [3, с. 64]. А. Черняк также указывает, что мервцы покинули крепость «почти поголовно», то есть не все [9, с. 459]. Потому дружина Гаджар-хана никак не могла оставить без внимания тела своих погибших соплеменников.

Конец перемирия. В начале переговоров генерал Скобелев предложил отвести на уборку тел 2 часа [1, с. 295-296]. Однако это обращение не нашло у текинцев должного понимания, и они торопились продолжить сражение. По данным Н.И. Гродекова перемирие заняло 1 час [4, с. 265]. Г. Азотов в своих воспоминаниях пишет, что этот приятный момент отдохновения продолжался недолго: всего полтора часа. Перемирие, по данным Азотова, началось в 4 часа дня и окончилось в 5 часов 30 минут [2, с. 1020].

После уборки трупов Д.И. Скобелев отдал приказ всем скрыться в траншеи. Защитники крепости со своей стороны очистили стены. Текинцам предложено было первому открыть огонь. В 2 часа по полудни раздался текинский выстрел, и перестрелка продолжилась [4, с. 265; 5, с. 189; 10, с. 304].

А. Черняк писал: «Спустя час после начала переговоров со стен начали кричать, чтобы солдаты поспешили в траншеи. Не успели все хорошенько последовать этому благому совету, как текинцы открыли огонь и все пошло по-старому» [9, с. 460]. К.К. Абаза отмечает, что по окончании уборки текинцы сказали подполковнику Йомудскому: «Ну, теперь ступай, до хранит тебя Аллах! Стрелять будем!» Как только халаты текинцев скрылись за стеной, было сделано по 3 выстрела на воздух, потом пошла обычная стрельба [1, с. 296].

Выводы. Предпринятый нами в данной статье обзор перемирия, длившегося всего один час, позволил нам по-особому взглянуть на подобные этюды суровых войн. Мы видим, как измученные войной солдаты и изнуренные длительной осадой защитники крепости, на краткий миг переговоров предстают перед нами обычными людьми, беззаботно

веселящимися и отпускающими друг другу шутки. Они с любопытством рассматривают и изучают друг друга. Конечно, их еще обуревают такие чувства как: подозрение, недоверие и насмешки, но наступившая общая атмосфера дружбы позволяет им на время стать простыми людьми с их повседневными заботами и тревогами.

Список литературы:

- 1.Абаза К.К. Завоевание Туркестана. - СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 311 с.
- 2.Азотов Г. Воспоминания об экспедиции в Ахал-Теке 1879-1881 гг. // Разведчик. - №166. 14 декабря. - 1893. - С. 1019-1021.
- 3.Атдаев С.Дж. Легко ли быть ханом? // Традиционные общества: неизвестное прошлое. – Челябинск. - 2023. С. 58-66.
- 4.Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. – СПб: Тип. В. Балашова, 1883. - Том 3. – 294 с.
- 5.Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880-1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. - СПб: Издание В. Березовского, 1899. - 224 с.
- 6.Маслов А. Завоевание Ахал-Тепе. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880–1881). - СПб: Изд. А.С. Суворина, 1882. - 206 с.
- 7.Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб: Типолитография А.А. Комарова, 1906. Т. 3. - 496 с.
- 8.Череванский В.П. Любовь под боевым огнем. – СПб: Public Domain, 1896. - 232 с.
- 9.Черняк А. Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке. (из записок саперного офицера) // Военный Сборник. - Том 190. - 1889. - С. 390-462.
- 10.Шеманский А.Д. Ахалтекинская экспедиция 1880-1881 // История русской армии. - СПб: Полигон, 2003. - Т. 3. - С. 254-352.

Баев Олег Валериевич

кандидат исторических наук, доцент

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

SPIN-код: 7510-0133

ТРЕТИЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ЗАЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: Данная статья посвящена третьему голландскому займу Российской империи, заключенному в 1831 г. Этот заем продолжил серию кредитных операций России на внешних финансовых рынках. Причиной их необходимости было проведение активной внешней политики за пределами государственных границ Российской империи. Основным финансовым посредником российского правительства в данный период времени оставался амстердамский банкирский дом «Hope & Co». Реализация данного займа прошла тяжело как из-за подавления Польского восстания, так и из-за процесса выхода Бельгии из состава Нидерландов. Тем не менее данная финансовая операция способствовала решению Российской империей её финансовых проблем.

Ключевые слова: Россия, внешний долг, Голландия, заем, Канкрин.

THIRD DUTCH LOAN TO THE RUSSIAN EMPIRE

Summary: This article is devoted to the third Dutch loan to the Russian Empire, concluded in 1831. This loan continued a series of credit operations in Russia on foreign financial markets. The reason for their necessity was the pursuit of an active foreign policy beyond the state borders of the Russian Empire. The Amsterdam banking house Hope & Co remained the main financial intermediary of the Russian government during this period of time. The implementation of this loan was difficult both because of the suppression of the Polish uprising and because of the process of Belgium's secession from the Netherlands. Nevertheless, this financial transaction contributed to the Russian Empire solving its financial problems.

Keywords: Russia, external debt, Holland, loan, Kankrin.

Начало царствования Николая I проходило в условиях продолжения активного участия Российской империи в международных делах. Еще в 1826 г. министр финансов Канкрин в своем докладе предложил императору следующее: «По отдаленному положению России от кредитных источников прочей Европы следует иметь запасной капитал на случай войны... ибо сделание выгодного займа в России требует более времени, чем где-либо; назначение и поступление особых военных налогов тоже потребовало бы много времени, следовательно, без запасного военного капитала с самого начала войны должны бы приступить к выпускам ассигнаций, то есть к мере губительной для самого корня народного благосостояния» [22, с. 38].

В результате в николаевскую эпоху в России возник совершенно изолированный экстраординарный бюджет. Расходы, вызываемые чрезвычайными событиями, назначались по особым сметам и покрывались из особых источников, из которых был образован военный капитал. Военный капитал первоначально насчитывал 66 млн. руб. асс. из контрибуции, полученной Россией с Персии и Турции, но этот фонд был истрачен уже в 1831 году [2, с. 217] и в дальнейшем составлялся из внешних и внутренних займов, персидской и турецкой контрибуций и других сумм и в период 1826-1846 гг. его оборот достиг 650 млн. руб. [5, с. 368] Военный капитал просуществует как минимум до 1872 года [7, с. 30].

Финансовая ситуация России на внешних рынках в начале 30-х гг. XIX в. была тяжелой. Существовала потребность во внешнем кредите. В конце 1830 г. Комитет финансов считал, что «бедствия, Голландию постигшие» и трудность займов в Англии не позволяли России рассчитывать на совершение даже невыгодного внешнего займа [14, л. 10]. Действительно, Ротшильд ограничился предложением секретного выпуска в оборот облигаций сделанного им займа 1822 г. с подтверждением займа уже после войны, однако обман «был противен достоинству российской короны». От «Норе & Со» «совокупно с их приятелями» была надежда получить «некоторые денежные авансы на 4 года» [17, л. 121-122].

29 апреля 1831 г. министр финансов ознакомил «особо учреждённый секретный комитет» с условиями займа, предлагаемого в Гамбурге банкиром Штиглицем, и сообщил об отсутствии нового предложения от Ротшильда. И в заседании Комитета было решено отказаться от краткосрочного «гамбургского займа», предлагавшегося Штиглицем, из-за тягостных условий (сумма от 2 до 6 млн гамбургских марок, соответствовавших 3-9 млн руб. асс., 5% годовых, 7½% премии, 1½% банковской провизии, выплата капитала в течение 4 лет равными частями, что соответствовало 8% действительных в год) [15, л. 1-6].

Предложения от Гоппе и Ротшильда были получены соответственно 3 и 4 мая и рассмотрены в заседании Комитета финансов 6 мая 1831 г., на котором министр финансов сразу же сообщил о недостатке средств для расходов по военному ведомству в размере около 70 млн руб. Ротшильд хотел разместить заем на прежних условиях, которые были признаны невыгодными, а «Норе & Со» предложили изменить правила погашения займа, поэтому их проект был одобрен. Ротшильду же решено было ответить, что российское правительство сделало свой выбор еще до получения его предложения [15, л. 7-9].

На следующем заседании 13 мая 1831 г. Комитет финансов одобрил условия займа, предложенные «Норе & Со», а именно: сумму займа – 20 млн руб. сер. («ибо меньшая сумма не была бы согласна с достоинством государства и самую потребностью»), платёж процентов с 1 по 15 июня и с 1 по 15 декабря, выпуск займа осуществлялся по курсу 80% с возможностью понижения на 2% министром финансов (для большего понижения требовалось уже согласование Комитета финансов), курс рубля устанавливался в 40 штиверов (200 ценсов).

На погашение этого займа назначен был особый, несмешиваемый с другими займами фонд из ежегодного 1% с первоначального капитала с присовокуплением к нему процентов на выкупленные билеты. Выкуп должен был производиться по биржевой цене, пока она не выше нарицательной. В последнем случае выкуп должен производиться по тиражу. Таким образом, в случае низкой цены казна могла ей воспользоваться для выгодного выкупа, а в случае высокой цены не было необходимости выкупать по курсу выше паритета. Наиболее удобным временем для реализации займа «Норе & Со» считали июль и сентябрь, поэтому было принято решение о срочной подготовке билетов займа и отправке их посланнику в Голландии 2 партиями по 10 млн руб. соответственно к июлю и сентябрю. Вписание имён приобретателей займа на билеты возлагалось на генерального консула в Амстердаме. Комиссия «Норе & Со» была предложена на их выбор в размере 2% с нарицательной цены реализованных билетов или $2\frac{3}{8}\%$ с действительной продажной цены. Издержки по выпуску займа были ограничены $\frac{3}{4}\%$ [15, л. 10-27].

Указ о выпуске займа был издан 14 мая 1831 г. В соответствии с ним у банкиров «Норе & Со» в Амстердаме для покрытия чрезвычайных расходов и для возмещения Государственному казначейству издержанных им запасных сумм был открыт третий 5% бессрочный заем в 20 000 000 руб. сер. «Билеты этого займа были только именные, по 500 руб. сер. без купонов. Платеж процентов, начиная с 1 июня 1831 г., производился в Комиссии погашения долгов или по желанию владельцев билетов из уездных казначейств, пополугодно» [1, с. 188; 3, с. 196]. Комиссия банкирам «Норе & Со» была определена в размере 2%, куртаж $\frac{1}{4}\%$ [10, л. 53 об. – 55]. В связи с выпуском заграничного займа предполагаемый выпуск кредитных билетов был уменьшен со 100 до 30 млн руб. [15, л. 28-32].

Реализация займа сразу же столкнулась с трудностями по причине понижения цен на публичные фонды и одновременного заключения займа голландским правительством [10, л. 56]. «Третий голландский заем 1831 г.» почти не нашел помещения и все русские фонды значительно упали в цене, что объяснялось враждебным отношением Запада к России во время подавления польского восстания 1830-1831 гг. [1, с. 188, 191]. 12 июня 1831 г. Канкрин писал Николаю I, что слухи об успехах мятежников могут иметь вреднейшее влияние на заграничный заем [9, л. 38], а 19 июня предполагал, что «Норе & Со» могут отложить открытие займа, и предлагал заявить об отсутствии у России намерения уничтожить Царство Польское [9, л. 47 об., 50].

Действительно, 1 июля 1831 г. Гоппе не нашли возможности открыть заем прежде всего из-за кризиса в делах Бельгии и Голландии, из-за чего голландское правительство обнародовало 2 займа – добровольный в сумме от 23 до 38 млн гульденов, а в случае его неуспеха – принудительный [18, л. 178]. Правда, у «Норе & Со» имелось предложение разместить 3 500 000 руб. сер. по курсу 78% с получением средств в августе-октябре 1831 г. Согласие на такую операцию в сумме до 10 млн руб. Гоппе было дано [18, л. 205 - 208].

И 20 августа (н. ст.) подписка на новый российский заем в Голландии была открыта [18, л. 222]. 24 августа 1831 г. Канкрин сообщал императору, что голландский заем имеет слабый успех, выручено около 4 600 000 руб. сер., которые давали облегчение в заграничных платежах только на первый раз [9, л. 102]. К 25 сентября было реализовано уже 7 500 000 руб. сер., но ни взятие Варшавы, ни уход французских войск из Бельгии не привели к росту курсов [18, л. 232]. Первые 10 миллионов рублей были реализованы только к началу октября 1831 г. (по курсу около 80%) [9, л. 111]. Фактическое поступление средств прогнозировалось Канкриным в 21 670 500 руб. асс., из которых 2 068 000 руб. асс. было предназначено на покупку ружей в Англии, в военный капитал внесено 3 141 000 руб. асс., а остальные 16 461 500 руб. асс. обращены на заграничные платежи с зачётом в военный капитал [18, л. 233 об., 234].

Тем не менее уже в середине сентября «Норе & Со» предложили приступить к реализации второй половины займа по курсу 80%. Канкрин, признавая невыгодность данного займа, отмечал необходимость военных расходов в Польше и дефицитность бюджета. В связи с этим император дал согласие на продолжение размещения займа даже по курсу 78% [18, л. 233-235].

Видимо, видя такие сложности российского правительства, Ротшильд 14 октября 1831 г. предложил заем в 5 млн ф. ст., но Комитет финансов отказал банкиру, не видя «ни надобности, ни удобства, ни благовидности начинать новый заем, условия которого притом в письме Ротшильда не обозначены» [16, л. 1-2].

В результате в 1831 г. в Государственную долговую книгу в разряд бессрочных долгов по третьему 5% займу было внесено 12 000 000 руб. сер., а в 1832 г. – остальные 8 000 000 руб. сер. [11, л. 1; 13, л. 1] Реализовано же в 1831 г. было 15 млн руб. сер., за которые поступило с 31 августа по 31 декабря 1831 г. 23 152 604 гульдена 79 центов (11 957 123 руб. 59 коп. сер.). «Третий голландский заем 1831 г.» реализован был в среднем по 82,02%, а за исключением банковских расходов – по 77,83% [11, л. 55 об., 103]. Так как в бюджете на 1831 год платежи по этому займу запланированы не были, то проценты и погашение на срок 1 декабря 1831 г. были профинансированы из выручки по данному займу [18, л. 263-265].

В 1832 г. по курсу 88,36% поступило 8 114 347 гульденов 95 центов, а за вычетом банковских расходов вся выручка за третий 5% заем составила 31 266 952 гульдена 74 цента или 82,1% [12, л. 40].

Реальный процент составил 6,3%, что было очень дорого. За вычетом расходов получено по этому займу 79,32%, т.е. вместо 20 000 000 руб. всего 15 864 000 руб. сер. [4, с. 120, 121]. Правительство объясняло это не внутренними, а внешними причинами. «Хотя этот заем обошелся дороже 2 последних займов, в Голландии сделанных, но причиною сего было всеобщее понижение фондов в Европе, а не ослабление нашего государственного кредита» [6, с. 3].

При этом 15 млн руб. асс. из выручки по голландскому займу было выдано Царству Польскому под 6½% годовых [8, с. 286]. 26 октября 1832 г. для погашения долга казначейству и сокращения процентных платежей наместник Царства Польского И.Ф. Паскевич предложил заключить заграничный заем для нужд Польши на сумму от 50 до 60 млн злотых (9 млн руб. сер.) на условиях займа 1829 г. [21, л. 2-8, 37-38]. Однако уже 3 ноября Комитет по делам Царства Польского признал заем посредством Банка Царства Польского неудобным [21, л. 22 об., 23]. Император утвердил мнение Комитета [21, л. 31].

С открытием в Голландии нового займа увеличился объём работы генерального консула в Амстердаме Брюнета (вписывание имён кредиторов, выдача переводных писем), поэтому 20 января 1833 г. было принято решение единовременно выдать ему 2 000 руб. [19, л. 17 – 18 об.]

Интересно, что география распространения билетов третьего 5% займа достигла Португалии. В 1849 г. владельцем по меньшей мере 57 билетов на 28 500 руб. был Манозль Пинто Пейкиот де Суз Виласбоас [20, л. 52-54].

В целом же Третий голландский заем был заключен Российской империей на достаточно тяжелых условиях, но способствовал решению её финансовых проблем.

Список литературы:

- 1.Блиох, И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика / И.С. Блиох. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. – Т. 1. – 292 с.
- 2.Боголепов, М. И. Государственный долг. (К теории государственного кредита). Типологический очерк / М. И. Боголепов. – СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1910. – 569 с.
- 3.Бржеский, Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование / Н. Бржеский. – СПб.: Типолитография А. М. Вольфа, 1884. – 283 с.
- 4.Канкрин, Е.Ф. Краткое обозрение российских финансов. 1838 год / Е.Ф. Канкрин // Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 31. - СПб.: Типография Второго отделения СЕИВК, 1881. – С. 3-162.
- 5.Министерство финансов. 1802-1902. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 1. – 640 с.
- 6.Отчет Государственных кредитных установлений за 1831 год. – СПб.: Типография департамента внешней торговли, 1833. – 82 с.
- 7.Отчет Государственных кредитных установлений за 1872 год. – СПб.: Типография Майкова, 1877. – 48 с.
- 8.Правилова, Е. А. Имперская политика и финансы: внешние займы царства Польского / Е. А. Правилова // Исторические записки. - Т. 4 (122). - М.: Наука, 2001. - С. 271-316.
- 9.Российский государственный исторический архив. - Ф. 560. - Оп. 22. - Д. 63. – 125 л.

10. Российский государственный исторический архив. - Ф. 560. - Оп. 38. - Д. 298. – 184 л.
11. Российский государственный исторический архив. - Ф. 560. - Оп. 38. - Д. 299. – 14 л.
12. Российский государственный исторический архив. - Ф. 560. - Оп. 38. - Д. 313. – 142 л.
13. Российский государственный исторический архив. - Ф. 560. - Оп. 38. - Д. 314. – 19 л.
14. Российский государственный исторический архив. - Ф. 563. - Оп. 2. - Д. 21. – 44 л.
15. Российский государственный исторический архив. - Ф. 563. - Оп. 2. - Д. 24. – 32 л.
16. Российский государственный исторический архив. - Ф. 563. - Оп. 2. - Д. 25. – 2 л.
17. Российский государственный исторический архив. - Ф. 583. - Оп. 4. - Д. 225. - 571 л.
18. Российский государственный исторический архив. - Ф. 583. - Оп. 4. - Д. 226. - 324 л.
19. Российский государственный исторический архив. - Ф. 583. - Оп. 4. - Д. 228. - 383 л.
20. Российский государственный исторический архив. - Ф. 643. - Оп. 2. - Д. 1755. – 78 л.
21. Российский государственный исторический архив. - Ф. 1170. - Оп. 1. - Д. 41. – 55 л.
22. Юровский, В.Е. Кризисы финансовой системы Российской империи в XIX веке / В.Е. Юровский // Вопросы истории. – 2001. - № 2. – С. 32-45.

Басова Елизавета Николаевна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова

SPIN-код: 3237-4355

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация: В статье рассматривается понятие картины мира. Сопоставлены культурная, концептуальная и языковая картины мира. Раскрыто содержание и функции языковой картины мира. Показано влияние языковой картины мира на формирование культурных кодов. Описана роль языка в процессе усвоения культуры. Подчеркнуто влияние объема языковой картины мира на мировосприятие и миропонимание человека. Указана преобразующая сила языка в формировании культурных кодов современности.

Ключевые слова: язык, культура, концептуальная и языковая картина мира, культурный код.

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN THE CONTEXT OF FORMATION OF A CULTURAL CODE

Summary: The article discusses the concept of a picture of the world. The cultural, conceptual and linguistic pictures of the world are compared. The content and functions of the linguistic picture of the world are revealed. The influence of the linguistic picture of the world on the formation of cultural codes is shown. The role of language in the process of cultural acquisition is described. The influence of the volume of the linguistic picture of the world on a person's worldview and understanding of the world is emphasized. The transformative power of language in the formation of cultural codes of modern times is indicated.

Keywords: language, culture, conceptual and linguistic picture of the world, cultural code.

В современном мире все острее встает вопрос о содержании существующих культурных кодов, как концептов, отражающих, сохраняющих и транслирующих систему ценностей, установок, норм и правил поведения, менталитет и систему мировоззрения [4, с. 1-2]. По сути, культурный код служит для обеспечения преемственности, способствует формированию идентичности, помогает налаживать межкультурное взаимодействие в современном мире. Культурные коды – это некая система знаков, существующая внутри определенного историко-культурного контекста, с помощью которой будущим поколениям транслируются накопленные знания, а также передаются культурные ценности и смыслы [4, с. 4].

Вопросы культурного кодирования напрямую связаны с изучением характера соотношения триады язык-культура-мышление. Их понимание и расшифровка связаны с изучением языковой картины мира.

В целом картина мира – это представление о мире, отраженное во всех компонентах сознания человека – познавательном, нравственном, эстетическом [2, с. 396]. В ней выражается специфика взаимодействия человека с миром посредством науки, искусства, права, морали. Можно также говорить о картине мира, как об упорядоченной картине знаний о действительности, сформированной в общественном сознании [6, с. 165].

В самом общем виде можно говорить о культурной, концептуальной и языковой картинах мира. В культурной картине мира отражается способ познания этой объективной реальности – с помощью философии, религии и науки. Концептуальная картина мира может рассматриваться как пространство понятий (концептов), с помощью которых человек познает реальный мир. Языковая картина мира, таким образом, выступает как средство передачи информации о реальности. В ней содержится информация, переработанная и выраженная в языке [2, с. 397]. Часто языковую картину мира рассматривают, как один из аспектов (часть) концептуальной картины мира.

Согласно гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, представления людей о реальном мире детерминированы их языковыми привычками. Язык во многом определяет способ восприятия человеком реальности. Обозначение предметов и явлений в разных языках обуславливает разницу в восприятии людьми окружающего мира и определяет их картину мира.

Если картина мира в целом является интерпретацией человеком окружающего мира, выступает его способом понимания мира, то языковая картина мира человека определяет структуру его индивидуальности. В ней содержится все, что было им воспринято, осознано и интерпретировано.

Языковая картина мира отражает реальность средствами языка через культурную картину мира. Реальная картина мира представлена в сознании человека языковыми средствами, объективирована языком и имеет ту форму, которую отразил и создал на базе культуры национальный язык.

«Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, обществу, самому себе как элементу мира); задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру» [5, с. 93].

В каждом языке заложен свой, специфический, отличный от других, способ восприятия мира, на основе которого строится система взаимодействия с миром и отношения к нему. Значения, выражаемые через язык, образуют целостную систему, мировоззрение, менталитет, который становится неотъемлемой характеристикой всех говорящих на данном языке. Получается, что в языковой картине мира содержится не просто некое знание о мире, но и национально-культурный опыт конкретной языковой общности [5, с. 93]. Этот опыт представляет самостоятельный «мир говорящих на данном языке» Его

можно рассматривать как особый культурный код, формирующийся в конкретной языковой среде.

Языковая картина мира является в первую очередь системой, включающей в себя культурную, духовную и мировоззренческую составляющие, выраженной в языке. Она формируется под влиянием исторических событий, и при этом сама может определять ход дальнейшего развития этноса и языка [5, с. 94]. Она является изменчивой во времени и способна к развитию. Таким образом, формирование и модификация культурных кодов возможны посредством эволюции языковой картины мира.

С помощью языковой картины мира возможно закрепить вначале в языке, а затем – в культуре, мировоззрении и самосознании носителей языка ценности, правила поведения и образ жизни. Таким образом, она выступает той преобразующей силой, которая формирует у человека представление о мире. И здесь уже можно говорить о взаимосвязи языка и мышления, о взаимосвязи языковой и концептуальной картины мира.

Концептуальная картина мира отражает целостное представление человека о мире и его месте в нем. Это целостное представление формируется на основе познания окружающей реальности, которое включает в себя определенное врожденное знание (человека, как биологического вида), знание, полученное на основе опыта взаимодействия с природой и социумом (практическая деятельность человека), а также знание, полученное из различных письменных источников, выработанное в процессе мышления путем построения умозаключений, а также так называемое «когнитивное наследство» - знание, впитанное вместе с родным языком [2, с. 397-398].

Концептуальная картина мира – гибкая, постоянно изменяющаяся система. В процессе познания мира человек достаточно быстро развивает и корректирует ее. По сравнению с ней, языковая картина мира является более консервативной, она меняется медленнее и дольше сохраняет архаичные элементы (устаревшие слова и выражения). При этом часто эти анахронизмы в процессе познания мира получают «второе рождение» и наполняются новым смыслом. Языковая картина мира отражает обиходные, обывательские представления человека о мире. Она отражает способ восприятия мира, определенный языком, на котором говорит человек. В ней надолго сохраняются «пережиточные», устаревшие представления о мире и мироздании (например, пословицы). Она имеет двойственную природу, поскольку в ней находит отражение как материальный мир и условия жизни людей, так и структура мышления человека, обусловленная правилами родного языка. По сути, язык – это не только средство общения, подчиняясь определенным правилам, он выступает также как средство мышления и выражения мыслей.

Различия в языковых картинах мира обусловлены рядом факторов. Основными из них являются природа, культура и познание [1, с. 4].

Природа определяет внешние условия жизни людей. В языке это проявляется тем, что человек дает названия тем растениям, животным и

природным явлениям, которые находятся в непосредственной близости от него. От природных условий и климата зависит способ восприятия человеком окружающего мира, сформированные и используемые в языке метафоры, сравнения и аналогии.

Культура – это все, что создано человеком. И все результаты культурной деятельности – как материальной, так и духовной – отражаются в языке. Все ценности и нормы отражены в концептуальных и языковых конструкциях. Здесь различия в языковых картинах мира обусловлены национальными обрядами, традициями и обычаями, фольклором, мифологией, символикой.

Познание, как фактор, влияющий на различия в языковых картинах мира, связано с различным мировосприятием людей. Способы осознания мира различны у разных народов, и это проявляется в особенностях языковых представлений и языкового сознания.

Языковая картина мира является субъективным способом познания объективного мира и является антропоцентричной. Как глобальный образ мира она формируется в ходе всех контактов человека с миром и выступает как итог всей его духовной активности [2, с. 401-402]. Картина мира – это всегда интерпретация и способ миропонимания каждого конкретного человека [1, с. 5].

Язык – это одновременно неотъемлемая часть и необходимый инструмент усвоения культуры. Именно в лексическом составе языка отражается уникальность каждой культуры. Можно рассматривать язык как одну из форм реализации культуры [3, с. 540].

Для человека языковая картина мира выполняет две основные функции: интегративную, на основе которой он формирует свой взгляд на мир, и регулятивную, определяющую направления его активности. Кроме того, в языковой картине мира даются наименования объяснения и интерпретации всем предметам и явлениям объективной реальности, с ее помощью человек ориентируется в мире, социализируется, относит себя к определенной культуре [2, с. 402].

Язык, как фактор культурной идентичности, являющийся объединяющим началом для его носителей, является одним из важнейших компонентов культурного кода [4, с. 5] и определяет социальную реальность.

И здесь крайне важно помнить, что значения и обозначения понятий и явлений, зашифрованные в культурных кодах, во многом определяются языком. Понимание мира зависит от языка, которым человек пользуется для познания реальности.

Чем богаче языковая картина мира человека, тем более целостным будет его представление о мире. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир

непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами», - А.Р. Лурия: » [2, с. 401]. То есть, знание о словах, обозначающих предметы и явления окружающего мира, несет не только утилитарную функцию обозначения объектов, но и расширяет границы миропонимания человека.

Язык является компонентом сознания человека. Обогащая и расширяя языковую картину мира, человек развивает свое мышление, а значит, развивает личность, делает ее более гибкой и адаптивной. Языковая картина мира определяет мировосприятие и оказывает влияние на качество и содержание жизни человека, определяя, в том числе, сложность и амбициозность целей, сложность задач, уровень притязаний и пр.

Для понимания культурных кодов важно изучение актуальной языковой картины мира людей, относящихся к определенной культурной среде.

Внимание к формированию языковой картины мира, обогащение языкового запаса способствует формированию развитию человека как личности, являющейся носителем самосознания, мировоззрения и определенной системы ценностей, что отражается и на уровне поведения, и на содержании и качестве жизни.

Гибкость, способность к изменчивости во времени и к развитию делают языковую картину мира той основой, на которой возможно формирование и модификация культурных кодов.

Таким образом, языковая картина мира может рассматриваться как преобразующая сила, определяющая культурные коды современности.

Список литературы:

1. Бердникова, Д. В. Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира [Электронный ресурс]. – URL: <https://gsb.hse.ru/data/2012/09/14/1242122659/Языковая%20картина%20мира%20как%20часть%20концептуальной%20картины%20мира.pdf?ysclid=lt4iy7wa3q217186990> (дата обращения 27.02.2024).
2. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. - 2012. - № 2. - С. 396-405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya/viewer> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Зиямухамедова, Ш., Адилбекова, Ж. Влияние языка на сознание, культуру и мировоззрение // Academic Research in Educational Sciences VOLUME 3 | ISSUE 1 | 2022 ISSN: 2181-1385 Scientific Journal Impact Factor (SJIF): 5.723 Directory Indexing of International Research Journals-CiteFactor: 0.89 DOI: 10.24412/2181-1385-2022-1-537-546. - URL: https://ares.uz/storage/app/media/2022/Vol_3_No_1/537-546.pdf (дата обращения: 27.02.2024).
4. Котляров, И. В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) // Мир науки. Социология, филология, культурология.

2022. - Т. 13. - № 3. - URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48SCSK322.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

5.Ханова, З. Д. Коннотация как средство формирования языковой картины мира // Педагогический журнал Башкортостана. - 2015. - № 3 (58). - С. 91-99. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnotatsiya-kak-sredstvo-formirovaniya-yazykovoy-kartiny-mira/viewer> (дата обращения: 27.02.2024).

6.Шарикова, Л.А., Беяков, А.А., Зеякова, Т.В. Понятие «картина мира» в современной лингвистике // Вестник КузГТУ. - 2006. - № 5. - С. 164-167. - URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-v-sovremennoy-lingvistike/viewer> (дата обращения 27.02.2024).

Белоногов Юрий Геннадьевич

кандидат политических наук, доцент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

SPIN-код: 4657-5329

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ТРУДОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СССР ЗА 1941-1945 ГГ.

Аннотация: В статье анализируется представленная в статье В.Н. Земскова статистика карательной политики на трудовом фронте в период Великой Отечественной войны. Выявляются тенденции в уголовном преследовании по двум основным разновидностям трудовых преступлений. Прослеживается динамика соотношения осужденных по каждой из них. Объясняются причины «скачкообразных» изменений в динамике осужденных за трудовое дезертирство в 1942-1945 гг. Общий тренд по снижению количества индивидов, осужденных за трудовые преступления, по мнению автора, следует объяснять объективными изменениями на рынке труда, эволюцией государственного регулирования трудовой мобильности рабочей силы, некоторой модификацией политики государства в сфере методов стимулирования труда (декриминализация ряда трудовых преступлений в период войны, проведение амнистий трудовых дезертиров на завершающем этапе войны и сразу после войны).

Ключевые слова: В.Н. Земсков, трудовые преступления, самовольное оставление места работы, прогул по неуважительной причине, амнистия.

DYNAMICS OF THE NUMBER OF CONDENSED FOR LABOR CRIMES IN THE USSR FOR 1941-1945

Summary: The article analyzes the statistics of punitive policy on the labor front presented in the article by V.N. Zemskov during the Great Patriotic War. Trends in criminal prosecution in two main types of labor crimes are revealed. The dynamics of the ratio of convicts for each of these varieties is traced. The reasons for the "jump" changes in the dynamics of those convicted of labor desertion in 1942-1945 are explained. The general trend towards a decrease in the number of individuals convicted of labor crimes, according to the author, should be explained by objective changes in the labor market, the evolution of state regulation of labor mobility, some modification of state methods of stimulating labor (decriminalization of a number of labor crimes during the war, amnesty of labor deserters at the final stage of the war and immediately after the war).

Keywords: V.N. Zemskov, labor crimes, unauthorized leaving of place of work, absenteeism for disrespectful reason, amnesty.

Анализ советского законодательства в сфере укрепления трудовой дисциплины и борьбы с самовольным оставлением места работы в довоенный и военный периоды показывает тесную связь принимаемых нормативно-правовых актов как с актуальными экономическими процессами, так и с ходом военных действий. Ужесточение законодательства стало неотъемлемой тенденцией в условиях форсированного перевода экономики на военные «рельсы» и сложной военной обстановки. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. вводил уголовную ответственность за прогул по неуважительным причинам и самовольное оставление места работы [1]. Его принятие стало реакцией не только на неэффективность предшествующего законодательства, но и на неожиданно быстрое военное поражение Франции от нацистской Германии. Осознание неизбежности скорой войны с Германией заставило советское руководство форсировать подготовку экономики к войне, а Указ от 26 июня 1940 г. стал одним из таких «подготовительных» мероприятий [2, с. 276].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. [3] был принят на фоне контрнаступления Красной Армии в Московской битве, означавшей крах блицкрига и придание боевым действиям более затяжного характера. В данных условиях было очень важно обеспечить советские войска необходимой военной продукцией, что, в свою очередь, требовало обеспечить военную промышленность стабильным кадровым составом, закрепить в этой сфере работников, мобилизованных на военное производство из другой местности. Ответом на указанные задачи стал выход Указа от 26 декабря 1941 г., который повысил планку уголовного наказания за трудовое дезертирство (так отныне называлось самовольное оставление места работы на предприятиях военной промышленности) до 5–8 лет заключения.

Весной 1943 г. в целях улучшения работы транспортной инфраструктуры линейные суды железнодорожного и водного транспорта были реорганизованы в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля и 9 мая 1943 г. все рабочие и служащие железнодорожного, морского и речного транспорта объявлялись на период войны мобилизованными. Дела о трудовом дезертирстве работников транспорта рассматривались в соответствующих военных трибуналах по законам военного времени (например, за трудовое дезертирство трибуналы имели право в качестве наказания направлять осужденного в штрафные роты на фронт).

Реализация данных нормативно-правовых актов отражалась в статистике осужденных работников. Исследования, специально посвященные эволюции Указов от 26 июня 1940 г. [4] и 26 декабря 1941 г. [5; 6], содержат необходимые статистические данные по осужденным и авторские интерпретации динамики правоприменительной практики каждого из этих Указов. В наиболее обобщенном виде статистика по осужденным за трудовые преступления периода Великой Отечественной войны представлена в статье В.Н. Земскова

[7], поэтому содержащиеся статистические данные стали источником для нашего исследования. Задачами настоящей работы стали: а) выявление на основе указанного источника тенденций в карательной политике, б) интерпретация динамики изменений статданных. Необходимо заметить, что в статье В.Н. Земскова и нашем исследовании не представлены данные по количеству подростков, осужденных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

Статистические данные по количеству осужденных за две разновидности трудовых преступлений за 1941–1945 календарные годы представлены в таблицах 1 и 2. Таблица 1 отражает общую тенденцию снижения количества индивидов, осужденных за прогулы по неуважительным причинам (и приравненные к таковым прогулам иные разновидности трудовых преступлений), особенно по сравнению с довоенным периодом. Для первого этапа Великой Отечественной войны это объясняется потерей больших территорий европейской части страны и части проживавшего там трудящегося населения, сокращения количества работников из-за призыва в Вооруженные силы СССР. По приводимым в работе Р.Е. Романова данным, за 1940–1942 гг. в целом по СССР численность рабочих и служащих сократилась с 31,2 до 18,4 млн. человек, но уже к 1945 г. выросла до 27,3 млн.; за годы войны в действующую армию было направлено 29,6 млн. человек или 30% трудоспособных граждан на первое полугодие 1941 г. [8, с. 177-178].

Таблица 1.

Число осуждённых за прогул по неуважительным причинам в 1941–1945 гг. по Указу от 26 июня 1940 г. [составлено по: 7, с. 111].

Годы	За прогулы по неуважительным причинам и приравненные к таковым прогулам опоздания на работу, человек	Удельный вес, %
1941	1.458.185	26,37
1942	1.274.644	23,05
1943	961.545	17,39
1944	893.242	16,15
1945	941.733	17,04
Всего	5.529.349	100

Причины тренда по снижению количества индивидов, осужденных за прогулы по неуважительным причинам, усматриваются нами и в проведении более гибкой карательной политики государства. Это проявлялось в декриминализации некоторых разновидностей прогулов (например, сон на работе, если работодатель не обеспечил работника инструментом или заданием; самовольная подмена смены работником; невыход на работу по причине необеспечения работодателем спецобувью работника и т.д), а также более

тщательным соблюдением законодательства органами правосудия, что стало преградой для злоупотреблений хозяйственных руководителей. Судя по таблице 1, в 1945 г. наблюдался небольшой рост таких преступлений, но данный факт нами объясняется переквалификацией уголовных дел трудовых дезертиров, которые возвращались на предприятия и осуждались уже как прогульщики [9].

Таблица 2 отражает несколько любопытных особенностей. Максимальный перевод советской экономики на военные рельсы отражался в выделении новых составов преступлений за самовольное оставление места работы, что отразилось в введении уголовной ответственности за трудовое дезертирство для работников военной промышленности (Указ от 26 декабря 1941 г.) и транспорта (статья 193-7 п. «г» действовавшего с 1926 г. УК РСФСР) работников с более суровым наказанием. Расширение за 1942-1943 гг. числа предприятий, на которые распространялся Указ от 26 декабря 1941 г., закономерно привел к росту осужденных за трудовое дезертирство, чья численность превосходила осужденных по Указу от 26 июня 1940 г. в 1943-1944 годы. За период 1942-1945 гг. количество осужденных по Указу от 26 декабря 1941 г. даже несколько превосходило аналогичный показатель по Указу от 26 июня 1940 г. (836893 против 742052 человек). И это при том, что амнистия от 7 июля 1945 г., предусматривавшая прекращение следственных дел и нерассмотренных судами до этой даты дел о трудовом дезертирстве с предприятий военной промышленности [10], почти в 4 раза снизила количество осужденных по Указу от 26 декабря 1941 г. в 1945 г. по сравнению с предыдущим календарным годом.

Таблица 2.

Число осуждённых за самовольный уход с предприятий и учреждений, трудовое дезертирство в 1941–1945 гг. [7, с. 111].

Годы	За самовольный уход с предприятий и из учреждений (трудовое дезертирство), человек			
	По Указу от 26 июня 1940 г.	По Указу от 26 декабря 1941 г.	По ст.193-7 п. «г» УК РСФСР (транспортники)	Всего осуждено за самовольный уход с работы
1941	310.967	нет	нет	310.967
1942	297.126	121.090	нет	418.215
1943	160.060	367.047	15.490	542.597
1944	167.562	275.966	35.042	478.570
1945	117.304	72.970	29.743	219.837
Всего	1.053.019	836.893	80.275	1.970.186

Если таблица 1 демонстрирует плавное снижение количества осужденных за прогулы по неуважительным причинам, то в таблице 2 за 1941-1943 гг. виден рост количества осужденных за самовольное оставление места работы (в 1944

г. число осужденных снижается, но все равно этот показатель остается значительно выше уровня 1941 г.). На столь высокие значения осужденных за данные разновидности трудовых преступлений повлияло несколько факторов.

Во-первых, таковым являлась политика государства по принудительной трудовой миграции. Самовольное оставление места работы было, в основном, характерно для индивидов, ставших поневоле трудовыми мигрантами и объективно ухудшивших свой уровень жизни: мобилизованные на городские предприятия из сельской местности и других регионов; спецконтингент из числа заключенных и трудармейцев; прикрепленные к предприятиям выпускники школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ; не подлежащие реэвакуации работники предприятий и учреждений.

Вторым фактором является слабо эффективная деятельность по розыску и возврату самовольно ушедших работников. Подавляющее число трудовых дезертиров осуждалось в заочном порядке, поскольку в силу ряда причин органы милиции и прокуратуры оказывались не способны найти «трудового преступника». Поэтому заочное правосудие не столько предупреждало самовольное оставление места работы, сколько объективно провоцировало высокий уровень данной разновидности трудовых преступлений. Даже введенный с июня 1944 г. категорический запрет на осуждение в заочном порядке логично привел к увеличению нераскрытых и незавершенных в судах дел. Собственно, предусмотренная Указом от 7 июля 1945 г. амнистия и должна была разгрузить судебную систему от таких дел.

Таблица 3 показывает соотношение работников, осужденных за прогулы и самовольное оставление места работы. При безусловном доминировании на протяжении всей войны индивидов из первой группы (особенно в 1941 и 1945 гг.), тем не менее увеличение количества осужденных за трудовое дезертирство в 1943-1944 гг. значительно сокращают данную диспропорцию.

Таблица 3.

Общее число осужденных за трудовые преступления в 1941–1945 гг.

Годы	Общее число осужденных, человек	Удельный вес от общего количества, %	Соотношение осужденных за прогулы и самовольное оставление места работы (трудоное дезертирство)
1941	1.769.152	23,59	4,69:1
1942	1.692.859	22,57	3,02:1
1943	1.504.142	20,06	1,77:1
1944	1.371.812	18,29	1,86:1
1945	1.161.570	15,49	4,28:1
Всего	7.499.535	100	2,81:1

Таблица 3 также демонстрирует общее и последовательное снижение как количества, так и удельного веса осужденных за трудовые преступления за

1941-1945 календарные годы с 23,59% до 15,49% (выше описывались последствия амнистии от 7 июля 1945 г., повлиявшие на показатель за 1945 календарный год). Тем не менее, при общем снижении количества осужденных проблема причин трудовых преступлений и не полной готовности органов правосудия к таким масштабам негативных трудовых девиаций продолжала оставаться актуальной.

Тенденция общего уменьшения количества индивидов, осужденных за прогулы по неуважительным причинам, объясняется не столько уменьшением количества рабочей силы (характерно для 1941-1942 гг., т.е. первого этапа Великой Отечественной войны), но очевидными изменениями законодательства (декриминализация состава ряда преступлений, ранее приравненных к таковым прогулам). Эволюция развития трудового дезертирства (самовольного оставления места работы) имеет более сложную траекторию: на протяжении 1941-1943 гг. наблюдался значительный рост, а в 1944 г. – небольшой спад. Актуальность данной разновидности трудовых преступлений объясняется последствиями государственной политики принудительной трудовой миграции в сочетании с низким уровнем жизни представителей «групп риска» и слабой эффективностью розыскных мероприятий. Статистические данные показывают, что решить проблему трудового дезертирства только за счет использования суровых карательных мер оказалось не возможным (за принятием нормативно-правового акта следовало последовательное увеличение числа осужденных в следующем календарном году). Значительное сокращение числа таковых преступлений в статистических данных за 1945 г. следует объяснять больше бюрократическими причинами (амнистиями, переквалификацией уголовных дел или полным прекращением процессуального производства), нежели повышением сознательности маргинальных категорий рабочего класса.

Работа с архивными материалами подтверждает уже высказанный тезис о том, что статистика наказаний за трудовые преступления в период войны не совсем полностью соответствовала реальному состоянию трудовой дисциплины на производстве, а лишь отражала приоритеты государственной политики в сфере стимулирования труда, которая реализовывалась с помощью усиления или ослабления карательных мер [11, с. 84]. Далеко не о всех «преступных» нарушениях трудовой дисциплины администрация предприятий информировала судебные структуры, с одной стороны, а органы правосудия чаще (чем в довоенный период) вставали преградой на пути злоупотреблений «хозяйственников». В этом отношении Великая Отечественная война существенно трансформировала карательную политику довоенного периода, приспособив ее к изменившимся условиям.

Список литературы:

1. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и

- учреждений [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.08.2021).
2. Романов Р.Е. Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16, № 2. С. 271–296. – DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(2).271-296.
3. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3990#09100055075670468> (дата обращения: 21.07.2023).
4. Кодинцев А.Я. Осуществление правовой политики органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в военный и послевоенный период // Политика и общество. – 2008. – №5. – С. 72–79.
5. Кодинцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941–1948 годах // Отечественная история. – 2008. – №6. – С. 101–107.
6. Папков С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. – 2011. – № 12. – С. 72–80.
7. Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104–114. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10353
8. Романов Р.Е. Трудовая мобильность и рынок рабочей силы в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // ЭКО. – 2016. – №1 – С. 176–188.
9. Об амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.07.2023).
10. Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07 июля 1945 г. – URL: <http://base.garant.ru/70805508/> (дата обращения: 21.07.2023).
11. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник – 2003. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 74–99.

Бенда Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

SPIN-код: 6896-6050

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ (ОУН-УПА) НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Аннотация: В статье ведется речь о структуре значительных сил украинского националистического подполья, которое располагалось в послевоенное время на территории западных областей Белорусской ССР. Автор акцентирует внимание на основных формах вооруженного насилия, используемых националистами якобы для достижения своих политических целей. Приведены некоторые примеры активной диверсионно-террористической деятельности, развёрнутой националистическим подпольем на территории республики. Не получая поддержки от широких слоев населения, националисты и их вооруженные отряды становились на путь террора и диверсий.

Ключевые слова: Западная Белоруссия, послевоенное время, ОУН-УПА, структура, диверсионно-террористическая деятельность, виды, жертвы.

THE ACTIVITIES OF THE UKRAINIAN NATIONALIST UNDERGROUND (OUN-UPA) ON THE TERRITORY OF WESTERN BELARUS IN THE POST-WAR PERIOD

Summary: The article deals with the structure of significant forces of the Ukrainian nationalist underground, which was located in the post-war period on the territory of the western regions of the Belarusian SSR. The author focuses on the main forms of armed violence used by nationalists allegedly to achieve their political goals. Some examples of active sabotage and terrorist activities launched by the nationalist underground on the territory of the republic are given. Without receiving support from the general population, the nationalists and their armed groups embarked on the path of terror and sabotage.

Keywords: Western Belarus, post-war period, OUN-UPA, structure, sabotage and terrorist activities, types, victims.

Историография образования Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), а также других националистических организаций, действовавших в довоенное время, во время Великой Отечественной войны и в послевоенное время на территории Западной Украины и н Западной Белоруссии довольно обширна и актуальна

[5,6,17,18,19,23,25]. Многие работы и исследования посвящены украинскому националистическому бандеровскому подполью, ведшему активную диверсионно-террористическую деятельность против Советской власти и Красной Армии [1,2,3,4,7,8,9,11,12,13,15,16,20,21,22,24].

Следует заметить, что на территории юго-западной Белоруссии ещё в 30-е годы XX столетия начало формироваться оуновское подполье. После начала Великой отечественной войны и оккупации территории Белоруссии, украинские националисты существенно активизировали свою деятельность. И когда территория Белорусской ССР была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков то на территории Западной Белоруссии оказалось значительное количество украинского националистического подполья. Оно было структурно объединено в Брестский окружной провод, носившем кодовое название «Кричевский» или «№ 100». В 1948 г. последовало переименование Брестского окружного провода в Белорусский окружной провод («Нива», «1042»), объединявшим в себе вплоть до 1952 г. три надрайонных провода: Брестский, Кобринский и Пинский [17, с.7-8].

Руководство силами украинского антисоветского подполья в Бресте, в Брестском, Домачевском, Жабинковском, Каменецком и Малоритском районах Брестской области осуществлял Брестский надрайонный провод. На территории Кобрина, Антопольского, Дивинского, Березовского, Кобринского и Пружанского районов Брестской области действовал Кобринский надрайонный провод. В подчинении Пинского надрайонного провода ОУН находилось антисоветское украинское подполье, действовавшее в Пинске, Дрогичинском, Жабчицком, Ивановском, Логишинском, Лунинецком, Пинском районах Пинской области, а также в Морочновском районе Ровенской области и Любешовском районе Волынской области Украины [17, с.8].

Отметим тот факт, что наряду с территориальными звеньями ОУН на территории Брестской, Пинской и, частично, Полесской областей Белорусской ССР в 1944 г. действовали вооружённые формирования Украинской повстанческой армии, находившиеся в подчинении руководства ОУН. Состав УПА включал Северную, Южную, Западную и Восточную группы во главе с командующими и их штабами. Соответственно, группы делились на полки, в состав полков входили курени (батальоны), курени разбивались на сотни (роты), сотни состояли из чет (взводов) и роев (отделений). Как правило, на территории Белорусского Полесья действовали в основном отряды Северной группы УПА [17, с.8-9]. Когда территория западных областей Белоруссии была освобождена от оккупантов, то на ней и в тылах Красной Армии развернулась активная диверсионно-террористическая деятельность бандитов из числа ОУН-УПА которые совершали нападения на штабы и формирования РККА, внутренних и пограничных войск НКВД, истребляли командный состав, сотрудников органов НКВД-НКГБ, партийно-советский актив, уничтожали транспорт, имущество, средства производства и другие акты бандитизма и саботажа [5, с.239].

Одной из форм вражеской деятельности бандеровцев была в то время антисоветская пропаганда и агитация. В частности, так называемые «агитаторы» из числа националистического подполья активно вели пропагандистскую работу среди мирного украинского и белорусского населения пытаясь их убедить в том, что в самое скорое время США, Англия и другие страны осуществят нападение на Советский Союз, а победа, одержанная ими над Советским Союзом – поможет украинским националистам в борьбе за «самостийность» [19, с.81].

Начиная с 1946 г., терроризм стал одной из основных форм вооруженного насилия для достижения политических целей. Необходимо отметить, что целью террористического насилия являлось не только физическое устранение неугодных людей, но и оказание таким образом психологического воздействия на население, создание паники, нагнетание в обществе страха перед всемогуществом бандитов, подрыв авторитета государственных органов. Одновременно с этим преследовалась цель обеспечения бандеровскому движению широкой политической рекламы и придания ей политической значимости [5, с.240].

Еще во время оккупации немецко-фашистскими войсками территории Украины и Белоруссии эти так называемые борцы за «самостийно-соборную Украинскую державу» несли пытки, издевательства и совершали убийства мирных граждан самыми изощрёнными способами и с особой жестокостью. Подтверждением вышесказанному служат нижеприведённые факты. Националистические банды, действующие в районах западных областей УССР, часто прибегали к маскировке, и совершали нападения на сёла под видом советских партизанских отрядов. Так, например, в феврале 1943 года, отряд бандеровцев, переодетых советскими партизанами, ввёл таким образом в заблуждение жителей села Парослое Сарненского района Ровенской области, которые весь день угощали банду, а вечером бандеровцы устроили резню. Всего было уничтожено 173 человека, удалось спастись лишь двум сельским жителям, которые оказались завалены трупами, и шестилетнему мальчику. Позднейший осмотр показал исключительную жестокость, с которой была совершена бойня. С нескольких человек сняли кожу, женщин насильничали, а после отрезали груди, носы, уши, выкалывали глаза и отрезали головы. Затем «борцы за незалежну Украину» устроили пьянку в доме местного старосты. После ухода банды, среди разбросанных на столе бутылок из-под самогона и остатков еды, был найден двенадцатимесячный младенец, прибитый ножом к столу, во рту которого торчал недоеденный огрызок квашенного огурца [22, с.22].

Одна из жительниц Украины вспоминала, что её тетя в 6 лет стала инвалидом – бандеровцы вырезали всю её семью, а ей перебили железным прутом ногу в 2-х местах. Она не знала почему её оставили в живых. Видимо, для того чтобы мучилась до смерти. Всем жителям села, где она жила с матерью и сестрой эти нелюди приказали: «Не дай Господь, кто сучке москальской хоть крошкой хлеба поможет, или чем ещё – всех вырежем...». И

ей никто не помог. Все боялись этих извергов. Шестилетняя покалеченная девочка ползла по дороге 3 дня. Односельчане шли рядом и плевали в её сторону. Кто-то её потом подобрал. Нога срослась, срослась плохо, девочка еле ходила. Но выросла, выучилась, в 70-е годы приехала в родное село, а «родня» даже не пустила её переночевать. Может, было ещё, кого бояться. Но зато тётя узнала, за что её так, за что растерзали при ней её мать и сестру. Одна бабка перед своей смертью ей сказала: «То твоя мати, сучка, винна. Не треба було заміж за москалика йти...» (Это твоя мать, сучка виновата. Не нужно было замуж за москаля (русского) выходить). А отец этой девочки был русским, родом из Днепропетровска. Он был мастером-железнодорожником, приехавшим ещё в 1939 году строить железную дорогу в Ковель. В 41 отец пошёл защищать Родину от фашистских захватчиков и с войны он не вернулся [11].

30 августа 1943 г. одно из украинских сёл в Любомльском районе (ныне входит в состав Ковельского района Волынской области Украины) в котором преимущественно жили поляки, утром было окружено бандитами УПА и украинскими крестьянами, главным образом из села Лесняки этого же района, которые устроили массовую резню поляков. Убивали всех, в том числе женщин, детей, стариков. Убивали в хатах, во дворах, в хозяйственных помещениях, используя топоры, вилы, дрючки, а по убегающим стреляли. Целые семьи бросали в колодцы, засыпая их землей. Одного из жителей деревни, поляка, который выскочил из убежища, чтоб защитить мать, поймали, положили на лавку, отрубили ему руки и ноги и оставили так, чтобы дольше мучился. Зверски замучили там украинскую семью Владимира Красовского с двумя детьми. Из 282 жителей села убито 138 человек, в том числе 63 ребенка [8].

Уничтожение польского населения осуществлялось не только на территории Западной Украины, но и на территории тогдашних Брестской и Пинской областей БССР. В частности, в январе 1944 г. банда украинских националистов в количестве 100 человек ворвалась в деревню Дуброва Столинского района Пинской области (ныне Столинский район Брестской области Республики Беларусь) и изуверским способом уничтожила 10 семей польской национальности после чего скрылась на территории Ровенской области Украины [17, с.105].

Без всякой жалости и пощады украинскими националистами из числа этих банд ОУН-УПА уничтожалось население, заподозренное в поддержке советских партизан или симпатиях к советской власти. В январе 1944 г. националисты из числа УПА в деревне Лахвичи (село на Украине, находится в Любешовском районе Волынской области) ночью вырезали ножами 17 человек которых заподозрили в поддержке советских партизан. По аналогичной причине несколько жителей деревни были зверски убиты в селе Деревок этого же района [17, с.103].

После изгнания немецко-фашистских захватчиков и их пособников с белорусской земли и окончания Великой Отечественной войны, на этой многострадальной земле не наступили мир и покой. Не получая поддержки от широких слоев населения, националисты и их вооруженные отряды становились на путь террора и диверсий.

Так, например, 26 октября 1944 г. бандеровцами в деревне Новоселки Дивинского района Брестской области в двух домах были заживо сожжены секретарь райисполкома, заведующий отделом райисполкома, четыре пограничника и секретарь сельсовета [17, с.267]. В деревне Хомичево Ивановского района Пинской области, 30 апреля 1945 г., зверски был убит председатель сельского совета деревни Мохро И.Г. Григорик. Трагически погиб в 1951 г. и секретарь Мохровского сельского совета М.Д. Жушма. Перед смертью бандиты жестоко и долго пытали М.Д. Жушму. Его труп был найден в лесном массиве около деревни Мохро, куда его увели из дома бандеровцы лишь после того, как растаял снег. На теле Жушмы насчитали 30 ножевых ран, ему отрезали уши и половые органы, а потом повесили [10]. В сентябре 1945 г. в одной из деревень Дрогиченского района Пинской области (ныне Дрогиченский район Брестской области) украинскими националистами были зверски убиты ударами молотков жительница этой деревни Марковская Агрипина, которая предупреждала некоторые семьи о появлении бандитов и два жителя этой деревни Шостак Дмитрий и Григорий, родственники которых служили в милиции. Бандиты, убившие этих людей, оставили надпись на картонке: «Кто будет иметь связь с НКВД, того постигнет такая же смерть» [17, с.318]. В сентябре 1945 г. в деревне Большие Болоты Кобринского района Брестской области, бандиты из числа оуновцев и бандеровцев, среди которых был и житель вышеуказанной деревни, зверски уничтожили семью местного жителя Кислюка Михаила в количестве шести человек. Глава семейства и его сын были зверски замучены. На их ногах были вырезаны пятиконечные звезды, вытянуты жилы. Остальные члены семьи были просто застрелены. В расправе над своими односельчанами активное участие принимал и житель этой деревни, и участник банды некий Климук Александр, который находился в банде со времени немецкой оккупации (с 1942 г.) и до его ареста в марте 1951 г. [17, с.430]. Одной из банд украинских националистов, действовавших на территории Столинского района Пинской области (ныне Столинский район Брестской области Республики Беларусь) в марте 1949 г. в д. Осовец Столинского района была зверски вырезана семья местного активиста в количестве 6 человек, а в июне этого же года на сенокосе в районе деревни Дубой Столинского района на глазах колхозников расстреляны директор школы и зам. председателя колхоза [17, с.395].

По сводным данным советских архивов, за 1944–1956 годы, в результате действий УПА и вооружённого подполья ОУН погибло: 2 депутата Верховного Совета УССР, 1 глава облизполкома, 40 глав гор- и райисполкомов, 1454 глав сельских и поселковых советов, 1235 других советских работников, 5

секретарей городских и 30 районных комитетов Компартии УССР, 216 прочих работников партийных органов, 205 комсомольских работников, 314 глав колхозов, 676 рабочих, 1931 учителей и врачей включая 50 священников [21].

Из-за размеров статьи, нет возможности опубликовать другие факты и примеры изуверских убийств и издевательств над мирными жителями Украины и Белоруссии чем-либо «не угодившим» украинским националистам.

Следует заметить, что бандитские националистические группы имели довольно разветвлённую сеть своих сообщников и пособников среди местного населения, которые оказывали оуновскому подполью помощь продовольствием, одеждой, информацией и укрывали бандитов в своих домах. Активно применялось внедрение информаторов (пособников) в местные органы власти для получения оперативных данных о планируемых правоохранительными органами и войсками мероприятиях. Часть бандитов, получив указание, стали легализоваться с тем, чтобы проникнуть на промышленные предприятия, в государственные учреждения и учебные заведения и продолжать вести террористическую, разведывательную и подрывную работу [23, с.847]. Так, например, в Ивановском районе Брестской области в числе арестованных участников банды ОУН была некая гражданка С., 1920 г. рождения, член КПСС. На допросах она показала, что она была завербована в банду ОУН ещё в 1946 году под кличкой «Клаша». Она распространяла антисоветские листовки, собирала и передавала бандитам сведения о составе партийных и комсомольских организаций. Другая из арестованных рассказывая о своей преступной деятельности, показала, что она вступила в ряды КПСС по заданию бандитов из числа ОУН-УПА [17, с.447-448]. В Дрогичинском районе Пинской области (с 1939 по 1954 гг. территория нынешней Брестской области делилась на Брестскую, Пинскую и Барановичскую области – В.Б.) среди арестованных участников банды ОУН была целая семья в количестве шести человек — отец, две дочери и три сына. Все они были активными участниками украинского националистического подполья. Причём глава этого семейства некоторое время жил в Канаде и владел английским языком. Он готовился быть переводчиком у американцев в предстоящей войне США и Великобритании против СССР. Один из арестованных участников банды показал, что эта банда ОУН была связана с американской разведкой и что бандиты ОУН регулярно встречались с американскими разведчиками, от которых получали оружие, деньги и т.п. [17, с.447].

В заключение отметим еще одну характерную особенность, которая проявляется в настоящее время, но её корни тянутся с 40 –х – 50-х гг. прошлого столетия. Европейские и американские политики и чиновники, поддерживающие нынешнюю киевскую хунту, а по сути режим идейных потомков тех фашиствующих украинских радикалов, которые 60-70 лет назад заливали кровью территории западных областей Украины и Белоруссии – сейчас всячески стараются на это не обращать внимания. Неужели требуются

какие-то ещё доказательства того, чтобы показать европейцам и американцам то, что они привели к власти в Киеве последователей и потомков украинских националистов и пособников фашистов и именно им они оказывают военную помощь! Это не поддается здравому осмыслению и логике! И, конечно, самый необъяснимый абсурд заключается в том, что Польша, как наиболее пострадавшая от ОУН-УПА страна, сейчас открыто поддерживает потомков украинских националистов и бандеровцев, тех самых, которые менее века назад замучили и уничтожили десятки тысячи поляков - женщин, детей и стариков! Неужели ради того, чтобы только как ни будь навредить современной России, у польского народа больше не работает историческая память и они забыли про те страшные трагедии, творимые бандеровцами и происходившие с польским населением на территории западных областей Украины в годы Великой Отечественной войны!? Как можно забыть несмываемый кровавый след националистов и бандитов из числа ОУН-УПА на украинской и белорусской земле? Тот, кто это делает, рискует тем, что когда-нибудь такой же кровавый след оставят и на его судьбе. И последствия майдана в Киеве 2013-2014 гг., и события Специальной военной операции, которую сейчас ведет Россия на территории современной Украины – является этому подтверждением.

Список литературы:

1. Без права на реабилитацию. Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов. В 2-х кн. Изд. 2-е испр. и доп. Кн.1. – Киев: [б/и], 2006. – 385 с.
2. Без права на реабилитацию. Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов. В 2-х кн. Изд. 2-е испр. и доп. Кн.2. – Киев: [б/и], 2006. – 300 с.
3. Бенда В.Н. Кровавый след «борцов» из числа украинских националистов на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время // Россия и Украина: историко-психологические аспекты взаимоотношений: Материалы XLVI Международной научной конференции Санкт-Петербург, 16 декабря 2019 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. – СПб.: Полторака, 2019. – 158 с. – С.104-121.
4. Бенда В.Н. Организации украинских националистов (ОУН-УПА) – виновники сотен тысяч жертв украинцев, русских, белорусов, поляков и евреев // Мы выстояли и победили. Международная научно-практическая конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда. Сталинградской и Курской битвы. Оренбург, 26-27 мая 2023 г.: сб. статей / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова; Мин-во просвещения Российской Федерации. ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»; Оренбургское региональное отделение Российского военно-исторического общества; Региональное отделение Общерос. общественной организации содействия повышению

- уровня и качества исторического образования «Объединение преподавателей истории в вузах России» по Оренбургской области: Философский факультет Приштинского университета (Сербия). – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2023. – 264 с. – С.28-32.
5. Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. Историко-документальный очерк. – М.: Издательский дом «Граница», 2003. – 448 с.
 6. Валаханович, И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И. А. Валаханович. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2002. – 146 с.
 7. Горе от УПА // Советская Белоруссия. №63(24446) от 04 апреля 2014 г.
 8. Горькая правда. Преступления ОУН-УПА (исповедь украинца) // Народный трибунал Крыма [Электронный ресурс]. URL: <http://tribunalkrim.narod.ru/oyn.htm#pravda> (дата обращения 10.02.23).
 9. Документы изобличают. Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии. Изд. 2-е доп. и испр. – Киев: тип. ООО «Тиса», 2004. – 317 с.
 10. Зональный государственный архив в г. Пинске Брестской области. Ф.215. Оп.3. Д.18. Л.21.
 11. Кто забывает о кровавых следах, оставленных нацистами из ОУН-УПА, тот рискует тем, что такой же след может быть оставлен и на судьбе его родного края // Livejournal [Электронный ресурс]: URL: <https://историюоскон.livejournal.com/9604353.html> (дата обращения 06.01.2019).
 12. Литвин А.М. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси в 1941-1944 годах // Белорусская думка. 2009. №4. С.95-101.
 13. Литвин А.М. Война после освобождения События 1945 года на территории Беларуси в документах внутренних войск НКВД СССР // Белорусская думка. 2015. №2. С.59-67.
 14. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956) / Сборник документов. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
 15. Невский С.А. О недопустимости прославления ОУН и УПА // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). С.13-17.
 16. Обвиняет земля. Организация украинских националистов: документы и материалы. – М.: «Универсум», 1991. – 157 с.
 17. ОУН-УПА в Беларуси. 1939-1953 гг.: документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. 2-е изд. – Минск: Выш. шк., 2012. – 528 с.
 18. ОУН-УПА. Правдивая история. – Киев: [б/и], 2006. – 228 с.
 19. Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с нею органов государственной безопасности. – М.: редакционно-издательский отдел Высшей школы КГБ СССР, 1955. – 162 с.
 20. Смоляков С.Н. Я дрался с бандеровцами. – М.: Яуза-каталог, 2017. – 381 с.

21. Страшные документы о зверствах ОУН-УПА // Livejournal. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusfront2012.livejournal.com/278068.html> (дата обращения 06.01.2019).
22. Туровский Ю., Семашко В. Преступления, совершенные против польского населения Волыни украинскими националистами в 1939-1945 годах. – Варшава: институт польской национальной памяти, 1990. – 180 с.
23. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т.2:1944-1945 / под ред. А.Н. Артизова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 1167 с.
24. Хмелевский С.В. Реабилитации не подлежат, давностью не прикрыты, или о том, что роднит ОУН - УПА и нынешних ультранационалистов, захвативших публичную власть на Украине // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – №2. – С.210-216.
25. Черкасов А.А., Кринко Е.Ф., Шмигель М. Украинский национализм в годы Второй мировой войны: природа и проявления // Русин. – 2015. – №2(40). – С.98-117.

Боева Галина Николаевна

доктор филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 5131-5968

ИМПЕРАТИВ ЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА

Аннотация: Анализируется современный этап кризиса литературоцентризма вследствие преобладания аудиовизуальной медиакультуры. Прослеживаются исторические этапы взаимодействия литературы с другими медиа в пространстве отечественной культуры. Характеризуются механизм и специфика современного типа восприятия вербального текста. Вскрываются проблемы преподавания словесности в связи с текущим кризисом литературоцентризма. Обозначаются возможные перспективы существования литературного текста в медиасреде.

Ключевые слова: книга, литература, чтение, литературоцентризм, визуальность, медиасреда, читатель.

THE IMPERATIVE OF READING IN A CRISIS OF LITERATURCENTRISM

Summary: The modern stage of the crisis of literurocentrism is analyzed under the onslaught of audiovisual media culture. The historical stages of the interaction of Words with other media in the space of national culture are traced, the mechanism and specifics of the modern type of perception of verbal text are characterized. The problems of teaching literature in connection with the current crisis of literurocentrism are revealed. The further perspective of the development of the situation of the existence of a literary text in the media environment is indicated.

Keywords: book, literature, reading, literurocentrism, visuals, media, reader.

Кризис литературоцентризма, уже отрефлексированный профессиональным сообществом [5; 6], перестал ощущаться кризисом, перейдя в состояние естественное и хроническое. У этой нормализации есть вполне отчетливые показатели, которые выражаются в сворачивании тиражей и количества издаваемых единиц книжной продукции [8], понижении авторитета литературы в образовательном процессе (в 2023 году – предпоследнее место в списке по количеству абитуриентов, выбравших этот предмет для сдачи ЕГЭ: 44.000, меньшее число желающих было только на географию) [7], а также социологических свидетельствах о катастрофическом упадке интереса к чтению и появлению альтернативных досуговых и просветительских практик.

Литературоцентризм мы будем здесь понимать как совокупность следующих характеристик: тяготение национальной культуры к литературным формам самопрезентации [5; 9]; нарративное знание, важное для прояснения самоидентичности и самопознания [2], вообще высокий статус в общественной жизни слова и фигуры писателя, вплоть до их сакрализации. Заметим, что литературоцентризм был характерен и для других национальных культур (например, целого ряда европейских стран) в определенные периоды их развития, преимущественно в середине XIX века. Однако в России в силу исторических причин (оформления традиций словесности в эпоху Средневековья, запоздалой модернизации, отсутствия социальных институтов и др.) литературоцентризм сохранялся значительно дольше, в том числе вследствие многолетнего социалистического проекта, искусственно продлившего доминирование книжного слова. Иными словами, роль Книги в российской жизни всегда была уникальной, а место ее в духовно-интеллектуальной жизни и общества, и отдельного человека – несравнимым ни с одним другим медиа.

Современный кризис литературоцентризма – далеко не первый в истории отечественной культуры [5; 9]. Первый постиг ее в петровское время и был связан с отрывом от сакральности слова, которое вступило в противоречие с «вещностью». Второй кризис разразился в XIX веке и был ознаменован противостоянием словесности с литературной критикой. Третий, вследствие конкурирования с другими, невербальными видами искусства, заявил о себе в культуре Серебряного века. В советское время литература в эстетическом смысле изрядно пострадала от идеологии – в рамках проекта «соцреализм». Наконец, нынешний кризис литературоцентризма – следствие наступления эры новых, аудиовизуальных медиа. Правда, еще В. И. Ленин в начале 20-х годов говорил о кино как важнейшем из искусств, но теперь, в эпоху торжества интернет-технологий, стало очевидно, что зритель победил читателя. Все это влечет за собой кардинальное изменение императива и самого механизма чтения как культурной практики.

Культуролог И. В. Кондаков именуется современного потребителя медиапродукции «зричитель» (контаминация из слов «зри-тель» и «чита-тель»), имея в виду взаимопроникновение вербальности и визуальности и появившуюся у реципиента способность воспринимать разноприродные тексты синкретически [4, с. 516–517]. Характеризуя этот феномен интересубъективности, Кондаков убедительно показывает, что «зричительское» чтение отличается от прежнего поверхностностью, неизбежным упрощением и игнорированием глубинных смыслов, которые требуют вербального, нарративного «проговаривания» и осмысления. Т. е. восприятие любого визуального текста зрителем подразумевает и даже настоятельно требует второго уровня, читательского. Однако иногда зритель побеждает читателя.

Сравним, например, две сходные, построенные по принципу парцелляции стихотворные строки двух великих поэтов: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» А.

Блока и «Россия. Лета. Лорелея» О. Мандельштама. Если в первом случае возможна интерпретация строки как пейзажной зарисовки (хотя при этом важные символические коннотации исчезают), то вторая цитата «зрителю как читателю» неизбежно представляется произвольным набором собственных существительных, не вызывая в сознании образного ряда. Здесь-то и должен присоединиться более глубинный, вербальный уровень чтения, однако если этот навык отсутствует, строчка «молчит»...

Если некоторые смыслы вербального текста все же не столь искажаются зрительской оптикой и способны вызывать визуальные ассоциации, то символический, философский и абстрактный уровни оказываются абсолютно невостребованными. Полностью разделяя заключения Кондакова, добавим такое сравнение: читатель, превратившийся в зрителя, занимается серфингом, в отличие от компетентного читателя, которому доступен дайвинг.

Кроме того, в литературе, как и вообще в искусстве, самое важное – не «о чем», а «как». И печальное наблюдение И. Кондакова, которое мы тоже разделяем, связано с утратой при визуальном подходе к вербальным текстам их эстетического измерения: различие между индивидуальными стилями и вообще художественной и нехудожественной словесностью не считывается, не обнаруживается.

Еще одно свойство «зрителя как читателя» вытекает из его ментальных и рецепторных характеристик: он менее склонен к критическому мышлению, а значит, им легче манипулировать. Кондаков приводит в пример «зрительскую» интерпретацию афоризма Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтешь надпись “буйвол”, не верь глазам своим». Смысл и картинка, и фразы крайне просты и считываются зрением, но главный вопрос: с какой целью и кому необходимо именовать слона буйволом, – не встает перед созерцающим. Ведь главное в этой нарочито глубокомысленной фразе – проблематизация не того, что одно истинно, а другое ложно, а парадоксальности самой ситуации, когда одни и те же носители языка называют одно и то же истинным или ложным.

Все сказанное легко подтвердить наблюдениями над восприятием художественной словесности современными молодыми людьми, принадлежащими к числу «зрителей как читателей» [3]. Опираясь на собственный опыт работы со студентами в аудитории, перечислим эти особенности: неразличение фикционального, художественного, и нефикционального (документального, публицистического, научно-популярного); восприятие художественного слова исключительно как переносчика информации и неумение получать эстетическое удовольствие от художественного слова; неумение сконцентрироваться на прочитанном и понять / представить его смысл, если он абстрактен или описан непривычными словами и / или словами в непривычном порядке; неспособность воспринять и пересказать прочитанное как связный нарратив и др. Сюда же поместим и мощную ориентацию юных визуалов на медиапродукцию аниме и формат

манга, связанные с японской культурой, которая по своей природе «зрительская» (иероглифы – это смысловые картинки, а не просто буквы). Можно прогнозировать, что этот интерес с годами будет только усиливаться, поддержанный натиском подобной продукции на рынке.

Известно, что образование – одна из самых инерционных, консервативных практик, и это особенно наглядно в случае с преподаванием литературы в школе. Школа как будто не хочет замечать произошедших культурных и даже антропологических изменений самого субъекта образования. Беседы со студентами, вчерашними абитуриентами, дают неутешительную картину: лишь немногие учителя действительно стараются активизировать вербальный / смысловой / эстетический уровень восприятия художественной словесности. Зачастую преподаватели идут по пути наименьшего сопротивления: позволяют (или даже сами используют) в своей практике краткие пересказы текстов, подменяют их экранизациями, рассматривают текст как источник аргументов, игнорируя его эстетическую сущность. Обсуждение художественного текста превращается в трансляцию идеологически и этически «правильных» ответов по поводу фабулы, а не сюжета произведения. Выпускное сочинение, которое вся страна пишет первого декабря, оценивается «зачтено / не зачтено», и критерии его оценки таковы, что не справиться с ним почти невозможно. Единственным мотиватором, подталкивающим к освоению классических текстов, является кодификатор ЕГЭ, но экзамен по литературе, как было сказано, выбирают немногие, да и «освоение» списка текстов вовсе не гарантирует вдумчивого прочтения оригиналов.

Семья тоже далеко не всегда может помочь ребенку овладеть навыками чтения, поскольку родители нынешних старшеклассников и абитуриентов в силу своего возраста сформировались уже в условиях приоритета аудиовизуальной культуры. В некоторых семьях нет ни библиотеки, ни традиции чтения. Иногда студенты признаются, что главными инициаторами чтения в семье являются бабушки: именно они читают вслух на ночь, дарят книги, озабочены их выбором и прочтением. Т. е. литература, которая веками была коммуникатором между сословиями и поколениями, перестает выполнять эту функцию. Заметим кстати, что и смена поколений катастрофически ускорилась: если раньше круг чтения различался у «отцов» и «детей», то теперь он разный у представителей близких в возрастном отношении поколенческих страт: поколения «игрек» и «зет» разделяет небольшой промежуток времени, но читают они разные книги.

Наконец, важно отметить фатальный разрыв в читательских интересах подростков и молодых людей и ассортиментом, предлагаемым школьным канонам, – они почти не пересекаются (за редким исключением, например, романа Булгакова «Мастер и Маргарита»). Школа игнорирует актуальный круг чтения, куда входят фэнтези, антиутопии, мистическая литература (восходящая к готической традиции) и другие разновидности словесности – как жанровые,

так и тематические. В этой связи приведу в пример два бестселлера в нынешнем круге чтения восемнадцатилетних – «Цветы для Элджернона» Д. Киза (1959) и «Дом, в котором...» (2009) М. Петросян, в которых реализм сочетается с элементами фэнтези и научной фантастики. Оба произведения тематизируют замалчиваемое классикой социально-биологическое начало в расслоении людей и поднимают проблему болезненной адаптации в социуме. Судьба «маленького человека» Акакия Акакиевича Башмачкина меньше трогает подростков, чем судьба инвалидов в сиротском доме или умственно неполноценного человека, пытающегося преодолеть свою ущербность. Возможно, помимо более современных и понятных реалий, юных читателей в этих книгах привлекает сам сюжет преодоления препятствий в духе «пути героя» (К. Кэмпбелл), «экшн», которых они не усматривают в классической литературе. Представляется, что интерес к аниме и манга, несущим смыслы традиционной японской культуры с ее специфическими историческими и религиозными корнями, тоже объясним резонированием этих смыслов с психологией юного поколения читателей.

Разумеется, проблема «оживления» классики – это прежде всего задача образования. Перед учителями стоит грандиозная теоретическая и методическая проблема интерпретации классических текстов, их прочтения в новых социокультурных условиях. Ведь без диалога с читателем нет самого явления искусства, со-бытия, и в художественном отношении совершеннейшие тексты рискуют превратиться в музейные экспонаты на незнакомом языке...

Подведем итоги.

Начитанность перестает восприниматься как ресурс развития личности, в отличие от знания иностранного языка, компьютерной грамотности, осведомленности в сфере психологического самоисследования (соционика и пр.). Однако прагматизм как модель поведения – ориентир понятный и удобный, но вряд ли ценностно привлекательный. Смысловая пустота, обнаруживаемая при поверхностном восприятии «зрителем» медиатекстов разной природы, не может не вызывать беспокойства. Ведь в ближайшей перспективе именно «зритель» завладеет «контрольным пакетом» акций в культуре. Встают вопросы: как будут в дальнейшем складываться отношения такого читателя-визуала с текстом? Насколько реально перевооружить методический аппарат преподавания литературы и притормозить неизбежный процесс угасания литературоцентризма и, как следствие, дискурсивный разлом между вербалистами и визуалами, которых станет большинство? И самое главное, нужно ли это делать?

В то же время даже в условиях современного кризиса литературоцентризма очевидно, что медиа (кино, современная музыка, интернет, компьютерные игры) продолжают обрабатывать литературные тексты, открывая бесконечную перспективу их новых прочтений. Пример тому – всеобщий интерес к новой экранизации романа «Мастер и Маргарита» (реж.

М. Локшин, 2024), культового для самых разных поколений читателей начиная со времен «оттепели», когда он впервые был опубликован.

Конец литературоцентризма не означает смерти Книги и конца Литературы – они вступают в новые отношения с медиасредой и новым реципиентом. Проблематизация этого взаимодействия – насущная задача для профессионального сообщества филологов, преподавателей, гуманитариев.

Список литературы:

1. Абашева М. На литературном фронте: борьба с каноном в русской прозе рубежа XX – XXI // Кризис литературоцентризма. утрата идентичности vs. Новые возможности: монография. – М.: Из-во «Флинта»; изд-во «Наука», 2014. – С. 115–137.
2. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти. – М.: Новое литературное обозрение; Хельсинки: Каф. славистики Унта Хельсинки, 2000. – 342 с.
3. Боева Г. Н. Психофизиологические особенности юного читателя-2023 // Роль психологии, педагогики, медицины в физическом воспитании современной молодежи: материалы XIII междунар. науч.-практич. конф. / под ред. Л. Г. Рубис. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. – С. 50–53.
4. Кондаков И. В. «Зритель»: новый субъект современной культуры // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 13. – № 5. – С. 516–525.
5. Кондаков И. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX – XXI веков) // Вопросы литературы. – 2008. – № 5. – С. 5–44.
6. Кризис литературоцентризма. утрата идентичности vs. Новые возможности: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2014. 576 с. – (Сер. Универсалии культуры. – Вып. V).
7. Ланцман М. ЕГЭ-2023 в цифрах: средний балл по разным предметам, стобалльники, двоечники и не только // Мел. – URL: <https://mel.fm/blog/mikhail-lantsman/69758-yege-2023-v-tsifrakh-sredny-ball-po-raznym-premetam-stoballniki-dvoyechniki-i-ne-tolko?ysclid=lsuqvmrk5b552289603> (дата обращения: 19.02.2024)
8. Российская книжная палата опубликовала статистику за первое полугодие 2023 года // Год литературы. РФ. – URL: <https://godliteratury.ru/articles/2023/08/08/rossijskaia-knizhnaia-palata-opublikovala-statistiku-za-pervoe-polugodie-2023-goda> (дата обращения: 19.02.2024)
9. Фетисова Т. А. Кризис литературоцентризма в России XX – XXI веков // Культурология. – 2009. – № 3 (50). – С. 9–13.

Боровков Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

SPIN-код: 4688-8615

СИСТЕМАТИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ВОЕННОГО ВРАЧА

Аннотация: В статье раскрываются особенности преподавания философии в процессе формирования и развития мировоззрения будущих военных врачей в условиях высшего военного учебного заведения. Показана систематизирующая роль философии в мировоззрении военного врача.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, мировоззренческая культура, образование, методология.

THE SYSTEMATIZING ROLE OF PHILOSOPHY IN THE WORLDVIEW OF A MILITARY DOCTOR

Summary: The article reveals the peculiarities of teaching philosophy in the process of formation and development of the worldview of future military doctors in the conditions of a higher military educational institution. The systematizing role of philosophy in the worldview of a military doctor is shown.

Keywords: philosophy, worldview, worldview culture, education, methodology.

В настоящее время философия как наука переживает не лучшие времена. Как обоснованно пишет Ю.М. Хрусталёв: "К сожалению, проблема философско-методологической подготовки врачей предстаёт сегодня как предмет всеобщего непонимания и врачебного пренебрежения" [1, с.424]. Необходимо возродить в медицинском сообществе традицию уважительного отношения к философскому знанию как во времена Н.И. Пирогова и И.Н. Сеченова, когда философия рассматривалась единственным и эффективным способом теоретического осмысления врачами обширного эмпирического медицинского материала. Восстановление престижа философии, как одного из теоретических оснований возрождения российской духовности, спасения духовной сферы общества, сегодня весьма затруднительно, но не в меньшей степени необходимо.

Философия - это не только теоретическая абстракция высокого уровня, но и свободомыслие, критически направленное мировоззрение, ниспровергающее отжившие формы жизни, призванное дать человеку ответы на сложнейшие вопросы, прежде всего, о смысле жизни, о добре и зле, о предназначении человека в этом мире, о соотношении материального и духовного начал. Философия, исследуя отношения человеческого сознания к внешнему миру,

мышления к бытию, тесно соприкасается с мировоззренческой проблематикой. По обоснованному мнению К.А. Смирновой, "в той степени, в которой философия формирует основное категориальное ядро мировоззрения, она является мировоззрением" [2, с. 32]. Философия - специфический способ изучения отношения человека к миру и самому себе, выраженный в виде научного, а также собственно мировоззренческого, основанного на свободном выборе, познания, преследующего цели поиска смысла человеческого существования и истинного объективного знания. Мировоззрение, по сути, не во всем является научной системой и не имеет соответствующих точному научному знанию целей и задач. Оно является духовным синтезом познания и практики, придающим им ценностную окраску. В содержании философского мировоззрения имеется целая совокупность социально-политических, этических, естественнонаучных идей, взглядов, не входящих в сферу философии как науки. Философия и мировоззрение различаются не только объемом, содержанием, но и способом существования в сфере общественного сознания. Мировоззрение является качественным состоянием сознания. Философия выступает как форма общественного сознания, обладающая своим качественным состоянием, т.е. мировоззренческим ядром, содержанием. Можно сказать, что философия, как особая область знаний и как наука, содержит в себе знания и мировоззренческие знания, нормы, идеалы и принципы, как знание и как ценностные ориентации. Своим мировоззренческим качеством философия, как форма сознания и как наука, входит в мировоззрение субъекта на обыденном и теоретическом (научно-теоретическом) уровнях.

Сегодня философия представляется многим не системой знания и, уж тем более, не наукой, скорее, сознанием вслух, своеобразной вербализацией личного опыта. Экзистенциальное прочтение философии не вызвало бы возражений при условии осознания им собственных граней, и непретендования на универсальность. Критика данного философского учения распространяется на всю философию вообще, не учитывая того обстоятельства, что в историко-философском процессе существовали и существуют философские учения, философские школы, философские направления. Необходимо учитывать, что во все времена в философской традиции существовали сциентистское, религиозное и художественное направления. Сциентистская философия в основном содержании остается научной, в то время как религиозная и художественная - таковыми не являются. Важное преимущество философии, основанной на научном знании, заключается в осмысленном системосозидании. Смыслы, лишенные систематичности, оказываются вне границ философского сознания.

Антиконцептуалистские тенденции, характерные в современных условиях для антисциентистских и сциентистских философских направлений, приводят их к сближению и формированию в сознании курсантов и слушателей нового образца философии, философии обыденности, ориентированной не на

построение мировоззренческих “теорий” и отыскивание ”смыслов”, а на выработку навыков и разработку технологий решения текущих проблем индивида и социума. Прикладная проблематика, экспансия сциентированной философии в сферу конкретно научного знания приводит, по существу, к утрате ею собственного предмета и к инструменталистскому переосмыслению природы философского знания в поппероисском духе, что представляет опасность для мировоззрения курсантов и слушателей. Данная тенденция, несмотря на гуманистические мотивы ”обмирщения” философии в педагогической сфере, может привести к серьезным мировоззренческим потерям. Преодоление узкого горизонта философского знания - необходимое условие подлинно свободного и сознательного мировоззренческого выбора врачом.

Концептуальное отношение к философии и преподавание ее в качестве ”системы знания” в большей степени работает на формирование у курсантов и слушателей идеалов гуманизма, поскольку именно системное, теоретическое видение мировоззренческой проблемы создает необходимую степень отстраненности и способствует ее решению в русле стратегических, а не сиюминутных интересов личности. Философия является ядром мировоззрения человека, выступает одной из важнейших основ его духовного мира. Особо значима роль философии в обучении и воспитании молодежи, военной молодежи в частности.

В системе вузовского образования философия может и должна разрушать сциентистские претензии и самомнение обыденного сознания, обнаруживая сложность и парадоксальность проблем, которые лишь на первый взгляд кажутся простыми. Она может обнаруживать больные места и своевременно предупреждать общество о сбоях в системах жизнеобеспечения. Философия может и должна подавать тревожный сигнал о засорении коммуникативных каналов, способствовать вписыванию врача в полифонию современного мира через раскрытие богатой информации, содержащейся в категориальном аппарате философии. Философская эрудиция врача - это ценность, которая никогда не девальвируется. Упражнения в философии способствуют не только общекультурному росту и развитию интеллекта, но, безусловно, помогают формированию высокого профессионального уровня. Философия - есть гарантия сохранения индивидуальности и эффективный способ оставаться самим собой. Приобщение к философии помогает врачу обрести чувство собственного достоинства, не затеряться в серой массе, быть убедительным и толерантным в споре. Философия - арена ассоциативной гибкости ума, его способности видеть объект, включенным в сеть многообразных связей и отношений. Владение врачом философской культурой создает вокруг человека атмосферу уважения и доверия, что не может не сказаться на его успехах в делах.

Высокая мировоззренческая культура врача как действительное противоядие от любых форм, ”духовного тоталитаризма” и манипулирования

личностью имеет своим ядром интеллектуальную способность, для развития которой не существует никаких других средств, кроме теоретического философского мышления. Философская культура врача начинается с понимания мировоззренческого измерения в культуре и осознания данного мировоззренческого измерения, связанного с критико-рефлексивным к нему подходом. Актуальна мысль К. Ясперса о том, что "философия содержит притяжение: обрести смысл жизни поверх всех целей в мире - выявить смысл, охватывающий эти цели, - осуществить, как бы пересекая жизнь, этот смысл в настоящем - служит посредством настоящего одновременно и будущему - никогда не низводит какого-либо человека или человека вообще до средства" [3, с. 500]. Философия обязана предложить изучающему данную науку систему ответов на вопросы, которые его интересуют, волнуют, мучают и одновременно составляют ядро его мировоззрения. Речь идет о смысле жизни, о смерти и бессмертии, о соотношении врожденного и благоприобретенного в его собственном бытии, о противоречивой связи его качеств как индивида и личности, как индивидуальности и исполнителя, социальных полей, об отношениях между поколениями, общественными группами, нациями, расами, о назначении человека и его способности влиять на ход истории, об отношении личности к другой личности и к самой себе, о добре и зле, о красоте и уродстве, о величии и пошлости в человеческой жизни, о связи реальностей и мифов, о взаимоотношениях нравственности и религии, религии и искусства, искусства и игры, игры и труда и т.п. Думается, что основной задачей изучения дисциплины "философия" является формирование и развитие научных философских знаний и убеждений всесторонне развитой личности военного врача на основе усвоения курсантами законов бытия, общественного и культурного развития, достижений мировой и отечественной философской мысли. Реализация основной задачи изучения философии будущими врачами предполагает знание ими роли философии в жизни человека и общества; исторических типов философии, вклада естествоиспытателей, ученых-медиков в развитие философии; философской, религиозной и научной картин мира, структуры, форм и методов научного познания, их эволюции, возможностях и границах познания, диалектики знания и веры, роли научной рациональности в развитии общества; природы человека, взаимоотношения духовного и телесного, биологического и социального начал в человеке, отношения человека к природе, сущности противоречий, существовании человека в природе, сущности, структуры и содержания личности, проблемы сознания, клинического мышления, свободы и ответственности, смысла жизни, гуманистических ценностей и идеалов; методологий философского анализа общества и его истории, многообразия культур, цивилизаций и форм социального опыта; феномена культуры, положения человека в мире культуры, особенностей культур Запада и Востока, самобытности русской культуры; проблем и перспектив современной цивилизации, философии глобальных проблем современности, места и роли экологической медицины в их

разрешении; основ философско-социологического анализа проблем войны, мира, армии, военной медицины, военной деятельности; философских и социальных проблем медицины, здоровья и отечественного здравоохранения.

На основе перечисленных разновидностей знаний будущего врача необходимо научить, опираясь на научную философскую методологию, квалифицированно решать военно-медицинские проблемы по профилю служебной деятельности, а также личные и другие задачи, анализировать экономические, социальные и духовные аспекты общественной жизни; вырабатывать активную творческую, государственно-патриотическую позицию, навыки ведения дискуссии по военно-философским, медицинским, социально-экономическим и другим вопросам; ориентироваться в актуальных проблемах и вопросах философии. Изучение философии курсантами обеспечивает формирование, развитие у них мировоззренческо-методологических, духовно-нравственных, эстетических установок, гуманистических идеалов и ценностей личности военного врача, с помощью которых он мог бы успешно решать социальные и военно-профессиональные задачи. Изучение философии является апробированной многовековым опытом человечества школой разумного мышления, позволяющей сформировать у обучаемых современное научное гуманистическое мировоззрение, философские основы клинического мышления, врачебное профессиональное поведение, основанное на профессиональной этике и общечеловеческой морали. Преподавание философии предполагает объективное, доказательное, аргументированное изложение материала, широкое и творческое привлечение философских работ в интересах развертывания позитивных примеров мировоззренческого выбора для обучаемых. Преподавание философии требует проблемного изложения материала, что создает благоприятные условия для положительного воздействия на познавательную деятельность обучаемых, на развитие у них познавательного интереса

Важнейшим направлением формирования мировоззрения будущих врачей является профилизация содержания изучаемой ими философии. Например, профилизация преподавания философии в Военно-медицинской академии состоит из совокупности структурно взаимосвязанных направлений: раскрытия взаимовлияния философии и теоретической медицины в истории духовной культуры общества, анализа их современного взаимодействия; рассмотрения мировоззренческо-методологического значения взглядов выдающихся естествоиспытателей и врачей; показа значения философии морали для обоснования врачебной этики; формирования у курсантов научного представления о необходимости философии для осмысления предмета медицины и ее статуса в системе теоретического знания; рассмотрения роли философии, прежде всего, диалектики, в анализе содержания общемедицинских категорий; анализа философских (методологических) проблем медицины и методологического значения современных концепций, претендующих на роль методологии медицины.

Необходимо отметить, что философия, как наука, в период неопределенности и растерянности в среде гуманитариев всё же нашла свою достойную нишу в современном военно-медицинском образовании. Усилия преподавателей философии привели к пониманию среди врачей в современных условиях фундаментальной значимости для военно-медицинского образования философских дисциплин (собственно философии, этики, эстетики, логики).

При всей значимости федеральных стандартов, как правовой основы для определения статуса философских дисциплин в современных условиях, нельзя не заметить, что содержание государственного стандарта по философии часто трансформировано все в тот же диалектический и исторический материализм с расширенным историко-философским введением. Встречаются варианты сведения учебной дисциплины философии к курсу философской антропологии или же к довольно разнообразным наборам блоков по истории религии, философии, естествознания, техники, культуры, этики, эстетики. Что касается вопросов методологии и методики преподавания философии, то их состояние определяется связанностью с состоянием отечественной культуры, преодолевающей догматизм, тоталитаризм и унификацию - тенденции, доставшиеся отечественному гуманитарному знанию от эпохи жестокой идеологичности, рациональности и детерминизма. Как известно, идеи и пути их преодоления наиболее ярко выражены сегодня в постмодернизме и новейшей философии, к которым целесообразно было бы повысить внимание. К наиболее оптимальным методическим приемам, способствующим совершенствованию подготовки молодых врачей, относится учет методологических вопросов самой теории медицины, которая базируется на основе философских принципов, законов и категорий. Основные методологические подходы предполагают анализ организма человека как целостной системы, учет внутриорганизменных и внешних причинно-следственных связей, структурно-функциональных отношений организма и окружающей среды, философское содержание основ методологии клинического диагноза, раскрытие общих мест взаимовлияния, интеграции, взаимодействия философского и медико-биологического знания.

Список литературы:

1. Смирнова Р.А. Социально-мировоззренческие основания научного познания. - Минск: Наука и техника, 2014. - С. 32.
2. Хрусталёв Ю.М. Введение в философию. Учебное пособие для студентов медицинских и фармацевтических вузов. - Ростов - н/д: "Феникс", 2009. - С. 424.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Изд-во «Республика», 1994. - С. 500.

Боровков Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

SPIN-код: 4688-8615

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОЕННОГО ВРАЧА КАК ЛИЧНОСТИ И СПЕЦИАЛИСТА

Аннотация: В статье представлен вариант социально-философского анализа мировоззрения военного врача как личности и специалиста. В ней содержится теоретическое исследование сущности, содержания, факторов формирования и развития мировоззрения военного врача. Раскрыта взаимосвязь биологического и социального компонентов в человеке и личности военного врача.

Ключевые слова: личность, качества личности, специалист, мировоззрение, компоненты мировоззрения, гуманизм.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE WORLDVIEW OF A MILITARY DOCTOR AS A PERSON AND A SPECIALIST

Summary: The article presents the material of the socio-philosophical analysis of the worldview of a military doctor as a person and a specialist. The article contains a theoretical study of the essence, content, factors of formation and development of the worldview of a military doctor. The interrelation of biological and social components in a person and the personality of a military doctor is revealed.

Keywords: personality, personality qualities, specialist, worldview, components of worldview, humanism.

Социально-философский анализ мировоззрения личности врача предполагает уточнение его сущности, характеристику содержания, места и роли в жизни, анализ условий формирования и развития. Современная тенденция врачебной деятельности, проявляющаяся в необходимости узкой специализации врачей, введении значительного количества клинических методов исследования, содержит в себе опасность утраты целостного видения человека. Создалась ситуация, когда врачебное мышление сосредоточивается на патологии отдельных органов и систем человека. Такая узкая направленность заслоняет восприятие больного в целом, затрудняет возможность воспринимать личность пациента комплексно, с присущими ей индивидуальными особенностями. Поэтому возрастает значение исследования проблем человеческой личности, вопросов взаимоотношений врача с окружающими людьми, прежде всего больными, психологических механизмов формирования психогенно обусловленных заболеваний. В социологической, юридической, педагогической, психологической, философской научной

литературе содержится большой спектр определений сущности личности через призму предмета своей науки. Не вдаваясь в детали разноречивых трактовок понятия личности, представляется целесообразным в интересах проводимого социально-философского анализа мировоззрения врача рассматривать ее как подсистему биосоциальной структуры человека: биологической (организм) и социальной (личность). Взаимосвязь биологического и социального компонентов в человеке и личности состоит в изменении приоритетности биологического и социального. Можно подчеркнуть, что человек есть единство биологического и социального с приоритетностью биологического и психологического. Личность также представляет единство биологического и социального, но главное внимание, несомненно, уделяется социальному. На основе современных научных данных о человеке структуру личности врача можно представить в виде совокупности биологического, психологического и социального компонентов. Биологический компонент личности содержит генетически детерминированные, биологически наследуемые психофизиологические задатки, способные в процессе социализации реализоваться в интеллектуальные и духовные свойства человеческой психики. Психический компонент личности характеризуется мотивами, потребностями, темпераментом, характером, субъективными представлениями человека о самом себе. Социальный компонент личности состоит из сознания, мировоззрения и совокупности социально-значимых черт личности, связанных с участием человека в жизни общества в целом и социальных групп различной степени общности. По мнению М.С. Комарова, которое целесообразно поддержать, наиболее существенны такие черты личности, как “ценностные ориентации, отражающие его восприятие и усвоение фундаментальных ценностей, верований, традиций, морали общества, а также определенная совокупность знаний, умений, навыков, привычек и т. д., необходимых для выполнения многочисленных социальных ролей” [1, с.103.]. Данный подход находится в русле тенденции, набирающей влияние в отечественном человекознании. Как справедливо пишет Е.А. Вагнер, “ни одна профессия не может похвалиться таким обилием письменных документов - наставлений, правил, законоположений и даже молитв, - на протяжении тысячелетий регламентировавших внешние и внутренние качества представителей врачебной профессии” [2, с. 33].

Традиции высокой гражданской ответственности отечественных военных врачей заложены выдающимися врачевателями Н.И. Пироговым, Я.В. Виллие и другими. Как обоснованно пишут Б. М. Денисов и Ю. П. Жаворонков, “они не только разделяли со всеми воинами тяготы и опасности военного лихолетья, но и как профессионалы мучительно переживали свою беспомощность перед лицом косной, неповоротливой системы медицинского обеспечения, стремясь выполнить свой долг, справиться с потоком поступавших к ним раненых и больных” [3, с. 47]. Ответственное отношение врачей к своему профессиональному долгу проявилось и во время вооружённых конфликтов в

Афганистане, Чеченской Республике, Сирии, в ходе Специальной военной операции.

Анализ современной философской и другой научной литературы позволяет сделать вывод о наиболее значимых качествах личности в современных условиях. Так, по мнению И.А. Гобозова, которое целесообразно поддержать, важнейшими свойствами личности являются разумность, сознательность, способность адекватно ориентироваться в обществе, личное достоинство, готовность отстаивать свои убеждения и принципы в любых условиях, способность нести ответственность за свои поступки и действия [4, с.10]. Данные общечеловеческие свойства личности значимы и для военных врачей, но они недостаточны. Важны свойства, характерные для личности как врача и военного человека.

Личность врача должна быть ответственной в смысле укладывания всех моментов жизни во временном ряду ее жизни, в смысле ответственности за свою жизнь. Н.М. Амосов, как известно, в одном лице хирург, инженер, философ, математик, биолог, кибернетик, писатель, политик. Многогранность интересов, считал он, является профессиональной необходимостью для настоящего врача. Бесспорен факт того, что Н. М. Амосов - богатая, талантливая личность. Как обоснованно пишет Е. А. Вагнер: “Сила личности Н.М. Амосова, прежде всего, в несокрушимой воле, направленной на то, чтобы отдавать делу всего себя и активно восстанавливаться, чтобы снова отдавать” [2, с. 191]. И.С. Сук в монографии “Врач как личность” выделяет в качестве важнейших качеств личности врача призвание, образование, психологическую совместимость, культуру, воспитанность, внешний облик, бескорыстие, соответствие слова и действия, соблюдение профессиональной тайны, гуманизм, гражданственность и патриотизм. [7, с.231].

Е.А. Вагнер и А.А. Росновский приоритетными качествами личности врача считают разумность, сострадание, трудолюбие, ответственность, наблюдательность, мужество, решительность, культурность [5, с.231].

Альберт Эйнштейн, размышляя о гармонично развитой личности, писал: “Недостаточно учить человека лишь специальности. Поскольку в этом случае он делается лишь полезной машиной, но не полноценной личностью... Он должен глубоко сознавать, что красиво и что морально. Иначе со своими специализированными профессиональными знаниями он больше похож на хорошо выдрессированную собаку, чем гармонично развитую личность” [6, с. 205.]. Мысль выдающегося ученого не потеряла своей актуальности. Социальные качества личности военного врача характеризуются тем, что в них в большей степени, чем у представителей других профессий, выражены общечеловеческие нормы нравственности, справедливости, понимания человеческой жизни, как главной ценности, на спасение которой должны быть направлены все возможные усилия, подкрепленные соответствующими знаниями и профессиональным опытом. Кроме того, каждый военный врач как военный служащий, защитник своего Отечества, должен иметь развитое чувство

долга, личной ответственности за судьбу Родины, точно и добросовестно выполнять свои обязанности по сохранению здоровья и жизни людей в любых условиях, как того требует его врачебный и человеческий долг и военная присяга. Перечисленные и многие другие положительные качества врача составляют его гуманизм.

Гуманизм в той или иной мере присущ представителям практически всех профессий. Но наиболее полно гуманизм проявляется в профессиональной деятельности людей, кто непосредственно контактирует с ними. Медицина - одна из самых гуманных сфер человеческой деятельности, в которой полно выражается сущность гуманизма в процессе врачебной деятельности, направленной на профилактику болезней, облегчение и полное избавление человека от страданий.

Содержание гуманизма врача изменялось в процессе эволюции врачебной деятельности. Но идеи гуманизма всегда были основой теории и практики, исторически сложившейся на стыке этики и медицины и называющейся “медицинской этикой”, “классической врачебной этикой”, “деонтологией” и “биоэтикой”. Специфика гуманизма в мировоззрении врача проявляется в том, что он направлен на всех без исключения людей, независимо от их социального статуса, вероисповедания и других признаков. Следующей чертой специфики гуманизма врача является его, как правило, односторонняя направленность, от врача к больному и близким ему людям.

Гуманизм в мировоззрении врача выражается в любви, сострадании и мудрости по отношению к пациенту. Они возведены в ранг обязательных принципов мышления и практического действия врача. Гуманизм врача, как показывает опыт, проявляется в научном новаторстве, бескорыстном самопожертвовании, повседневном будничном героизме, мужестве в экстремальных условиях, деятельной доброте, неприятии антигуманных норм морали в медицине. Особенность гуманизма врача проявляется не только в качестве нормы общечеловеческой морали, но и в качестве профессиональной нормы. Причем, чем выше профессионализм врача, тем больший у него потенциал для выражения гуманизма к людям. Очевидно, что, как и у всех членов общества, гуманизм у врачей находится в различной степени развитости. Гуманизм выступает проявлением сущности человека, выражением его воспитанности и обученности, свойством и качеством личности. Гуманизм военного врача не только в профессиональном долге, но и в его социальных взглядах, в отношении к проблемам войны, мира и армии, защиты не только здоровья военнослужащих, но и окружающей среды, разрушенной воинской деятельностью.

К сожалению, не все врачи и не во все времена оказывались и являются в настоящее время образцом для подражания в следовании принципам гуманизма. Широко известны в истории факты прямого участия врачей в изготовлении ядов для совершения убийств, неоказании помощи пострадавшим, проведении преступных экспериментов на людях, участии в

пытках людей. В современных условиях также имеют место проявления антигуманизма некоторой частью врачей. Речь идет об отказе от выполнения профессионального долга, вымогательстве взяток у больных, спекуляции лекарствами, распродаже больничных листов, справок, насилии над пациентами, связи с преступным миром. Особую опасность представляет собой использование медицинских знаний, средств, методов для подготовки и ведения войны, применение психиатрии для расправы с инакомыслящими.

Естественно, что существуют особенности проявления гуманизма врача в различных областях медицины: хирургии, терапии, педиатрии, онкологии, травматологии и ортопедии, психиатрии, акушерстве и гинекологии, санитарии и гигиене и др. Имеется специфичность выражения гуманизма не только в медицинской эстетике, врачебном долге, но и в медицинской науке, трансплантологии, анестезиологии и реаниматологии, экспериментальной медицине. Гуманизм врача специфичен и в том, что он требует постоянного проявления, так как объект врачебной деятельности, как правило, находится не в состоянии нормальной жизнедеятельности, а в патологическом состоянии. У больного обострена чувствительность по всем направлениям его связей с окружающим миром, что объективно требует повышенного проявления к нему гуманизма. Опыт показывает, что постоянный контакт врача с проявлениями болезни у человека может приводить к притуплению чувства сострадания, как формы гуманизма. Более того, чрезмерная эмоциональность приводит к преждевременному износу врача или мешает качественно выполнять свои профессиональные обязанности. Поэтому врачу необходима и некая морально-психологическая защита как внутренней направленности, так и внешней, в виде особого социального статуса, гарантированного и обеспеченного государством и обществом морально, юридически и материально. Однако внутренняя защита врача не может приобретать крайней формы в виде равнодушия. Внешняя защита должна способствовать накоплению потенциала духовных и физических сил врача для полного обеспечения эффективной врачебной деятельности и полноценной личной жизни.

Широко распространенным является мнение, что гуманизм врача проявляется, в первую очередь, к телесной составляющей человека. Думается, такое мнение не совсем правильное. Врачи исцеляют не только тело, но и психику больного. Гуманизм врача в отношении пациента не может быть усеченным. Гуманистического отношения в состоянии болезни требует и душа, и психика человека и, может быть, в первую очередь. Чтобы мобилизовать весь потенциал больного человека на борьбу с недугом, врач должен проявить себя духовником, целителем психики и физического тела. Чтобы выздороветь, больной должен прежде поверить в эту возможность врача, и в этом ему должен оказать помощь врач.

Основными факторами оптимального проявления гуманизма врача в профессиональной деятельности выступают понимание социальной обусловленности патологии, создание соответствующей материальной базы для

профессиональной деятельности врачей и их быта, использование хорошо зарекомендовавших себя методов и средств лечения, применения достижений современной науки и повышения социального статуса врачей. Гуманизм врача наиболее полно может реализовываться на основе свободного, заинтересованного познания природной и общественной сущности человека и проведения всесторонних профилактических мероприятий.

Мировоззрению современного врача свойственна противоречивость. С одной стороны, в его содержании все больший вес имеют элементы идеологии и психологии, требующих овладения искусством выживания в условиях нарастания кризиса современной цивилизации. С другой стороны, в мировоззрении врача содержится стратегия жизни, утверждающая отсутствие фатальных причин, порождающих мировые катастрофы и включающая веру в способности человечества предотвратить негативные последствия техногенной цивилизации. Реальное положение дел в мире требует повышенного внимания к проблемам мировоззренческой безопасности. Безопасность врачами рассматривается по сферам действия, по масштабности, по источнику и другим основаниям. Особую значимость в современных условиях приобретает субъективный фактор, мировоззренческий аспект безопасности, т. к. мировоззрение направляет ход мысли врача, политика, военного. Современное мировоззрение врача чрезмерно технократично, оно формировалось и развивалось под определяющим воздействием науки и техники. Односторонность технократического мышления подтверждается тем, что оно во многом повинно в том, что мировое сообщество находится в предкатастрофическом состоянии. Необходим новый взгляд на мировоззрение врача, его корректировка, наполнение современным содержанием с целью реализации имеющихся экономических, культурных и духовных потенциалов для установления более совершенного состояния безопасности здоровья людей.

Особенностью мировоззрения военного врача является наличие в нем значительного содержания политических взглядов, идей, обусловленных спецификой воинской службы, что, в свою очередь, предполагает необходимость обладания военным медиком политической культурой, под которой понимается совокупность обусловленных социальными отношениями, условиями труда и быта приобретенных личностью устойчивых качеств, характеризующих ее политическую образованность, политическую сознательность, общественно-политическую деятельность и навыки социального поведения и общения. Особенность политической культуры военного врача как вооруженного защитника заключается в подходе его к проблемам вооруженной защиты национальных интересов с государственных позиций, основных интересов народа. Политическая культура военного медика содержит сущностные черты политической сферы общества, в которой он живет, политической культуры военной среды. Ведущими качествами личности военного врача, относящимися к политической культуре, выступают гражданская ответственность, патриотизм, политическая сознательность.

Особое место в системе политических знаний военнослужащего принадлежит знаниям о войне, мире и армии. Система знаний о войне включает научные взгляды на ее источники, сущность, факторы побед и поражений, социальный характер, духовный смысл, взаимосвязь с политикой, политическими режимами, роль и место в ней армии, военачальников и личного состава.

Безопасность в научно-медицинской сфере предполагает устранение из мировоззрения врача примата средств над целями, частной цели над смыслом и общечеловеческими интересами. Необходимо наполнить данную сферу гуманистической ответственностью и ответственностью врачей-исследователей. Особое значение в современных условиях приобрела медицинская деятельность по обеспечению безопасности для здоровья человека в процессе использования атомной и термоядерной энергии, создания и использования искусственного интеллекта, возможно, в перспективе, и творческого разума. Очевидно, что в ближайшее время геновая инженерия войдет в мировую практику, что требует осмысления и отражения данного явления в мировоззрении. Открытие новых возможностей биологического манипулирования с бактериями, вирусами, растениями, животными и человеком поставили мировое сообщество в новое положение к своей биологической природе и ко всем формам жизни, что, естественно, требует новых мировоззренческих решений основных ценностных, этических и гуманистических проблем. Источник опасности нельзя устранить даже в принципе. Имеется в виду неожиданные продукты работы исследовательских лабораторий в области химии, генетики и биологии. По сравнению с ними даже современная физика менее опасна. Как это ни странно звучит, но успехи ученых в области геронтологии по продлению жизни человека усиливает антропогенную нагрузку на биосферу, которая находится в предкризисном состоянии.

Как справедливо пишет И.С. Сук, “наблюдающееся в настоящее время уменьшение “таинственности” медицины врачу следует компенсировать совершенными качествами своей личности”. [7, с. 49]. Повышение уровня образованности больных приоткрывает занавес загадочности в личности врача. Вместе с тем, врачу всегда должна быть свойственна духовность и многогранность личности, дающей надежду и опору страждущим. Представляется целесообразным поддержать мнение Е.А. Вагнера о том, что “профессиональная сила настоящего врача не только в глубине эрудиции, но и в доброте сердца, масштабе личности” [2, с. 5]. В обобщённом виде общечеловеческие, гражданские и профессиональные требования к качествам личности военного врача, проявляющиеся в деятельном отношении к окружающему миру, к другим людям и к самому себе, состоят соответственно из трёх подсистем. Подсистема, включающая мировоззренческие общечеловеческие и профессиональные качества личности, проявляющиеся в деятельности военного врача: адекватность оценки окружающего мира; целенаправленность деятельности; культурность; работоспособность;

трудолюбие; настойчивость; разумность; эрудированность; логичность; гибкость, способность корректировать стиль и методы мышления; готовность отстаивать свои убеждения и принципы; гражданственность, антидогматизм, несуетливость в мышлении и поступках, эффективность деятельности; ответственность. Ведущими качествами личности военного врача как военнослужащего выступают: патриотизм, верность Российскому государству, Конституции Российской Федерации, гордость за принадлежность к Вооружённым Силам России и военно-медицинской службе, военным Врачам, уважение к войсковым традициям военно-медицинского сообщества, военной форме, строгое соблюдение международных гуманитарных норм в мирное время и в условиях войны, твёрдость в решении профессиональных задач, политическая сознательность.

Особое значение в перечне свойств личности военного врача, относящихся к данной группе, имеют фундаментальность военно-медицинской подготовки, способность высококвалифицированно лечить раненых и больных, дисциплинированность; высокое самообладание; повышенная ответственность в сочетании воинского и врачебного долга; способность к эффективной организации лечебно-профилактических мероприятий в мирное время и медицинского обеспечения боевых действий, организации защиты, в том числе, вооружённой, раненых и больных; способности принятия командования подразделением в случае выбытия из строя командира и других офицеров; психологическая и моральная устойчивость в экстремальных условиях мирной обстановки и в боевой обстановке; способность смело и ответственно принимать нестандартные решения в пределах профессиональной компетенции, активно и целеустремлённо проводить их в любой обстановке; соответствие слова и дела, соблюдение профессиональной тайны; мужество; ловкость.

Подсистема, отражающая общечеловеческие и военно-медицинские мировоззренческие качества личности, характеризующие отношение военного врача к другим людям: любовь к человеку и человечеству, особенно к раненым и больным, тактичность, вежливость, воспитанность, чуткость, совестливость, внимательность, способность нести ответственность за свои поступки и действия; нравственность и моральная безупречность, толерантность, дружба и взаимопомощь, духовная щедрость и бескорыстие, своеобразное деонтологическое общение, сострадание, забота о подчиненных, личном составе по их всестороннему обеспечению всеми видами довольствия и особенно качественным продовольствием, материально-техническими средствами медицинской службы, настойчивость в достижении цели, повышенный гуманизм и альтруизм, готовность к самопожертвованию в любое время и любых условиях при выполнении человеческого, воинского и врачебного долга; здоровое чувство юмора.

Подсистема, характеризующая общечеловеческие и военно-врачебные свойства личности врача по отношению к себе: требовательность;

самокритичность; скромность; умеренность, благопристойность, личное достоинство; забота о собственном интеллектуальном, духовном и физическом развитии и другие. Таким образом, мировоззрение военного врача содержит общегражданский и военно-профессиональный элементы

Список литературы:

1. Введение в социологию. - М.: Наука, 1994. - С.103.
2. Вагнер Е. А. Раздумья о врачебном долге. - Пермь: Н.И., 1991. - С. 33.
3. Денисов Б. М.; Жаворонков Ю. П. Российское общество и русская армия во второй половине XIX века. - СПб.: ВМедА, 1996. - С. 47.
4. Гобозов И.А. Введение в философию истории. - М.: Изд-во «Теис», 1993, С.109-110.
5. Вагнер Е.А., Росновский А. А. О самовоспитании врача. - Пермь: Пермское книжное изд-во, 1976. 231с.
6. Зелич К. Альберт Эйнштейн. - М.: Атомиздат, 1966. - С. 205.
7. Сук И.С. Врач как личность. - М.: Медицина, 1984. - С. 49.

Бугашев Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 1543-7771

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК И РОССИЯ

Аннотация: В статье дан подробный анализ текущей ситуации в мировой политике. С началом украинского кризиса в 2014 году и специальной военной операции 24 февраля 2022 года геополитическая реальность кардинально поменялась. Автор характеризует новый миропорядок.

Ключевые слова: Россия, миропорядок, Запад, Украина.

MODERN WORLD ORDER AND RUSSIA

Summary: The article provides a detailed analysis of the current situation in world politics. With the beginning of the Ukrainian crisis in 2014 and the special military operation on February 24, 2024, the geopolitical reality has changed dramatically. The author characterizes the new world order.

Keywords: Russia, world order, West, Ukraine.

На наших глазах современный мир вошел в стадию жесткой политической турбулентности. Происходит фактически полный демонтаж ключевых основ мировой политики и международных отношений. В одночасье рушатся принципы взаимоотношений государств, существовавшие как минимум последние полвека. Эрозия краеугольных оснований планетарного мироустройства настолько масштабна и стремительна, что осознать последствия данного процесса на сегодняшний день в полной мере не представляется возможным. Ясно одно, цивилизация планеты Земля вступила в новый неизведанный глобальный период своего развития. «Старые» привычные правила мировой политической «игры» практически умерли, «новые» договоренности еще не достигнуты. Фаза «переходного» этапа в мировом порядке всегда самая сложная и опасная. Можно совершенно точно констатировать, человечество пребывает в настоящий момент в одной из самых критических точек своей истории.

Ялтинско-Подстамская система международных отношений, являвшаяся важнейшим итогом Второй мировой войны, очевидно, доживает последние если не дни, то месяцы. Скорость ее крушение вызывает откровенную оторопь у многих влиятельных политиков, авторитетных политологов, а также у общественных и государственных институтов. Уверенность в скором завершении целой исторической эпохи признают практически все серьезные факторы мировой политики. Контурсы нового мирового порядка начали

прорисовываться с началом украинского конфликта в 2014 году. Однако стремительный прорыв наступил 24 февраля 2022 года с началом специальной военной операции. Все международные процессы приобрели характер умопомрачительной гонки с непредсказуемым итогом.

Очевидно, на наших глазах возникает не только новое поколение, но и совершенно точно новый миропорядок, который некоторые авторы называют «Миропорядок Z», апеллируя к обозначениям на российской военной технике. «Миропорядок Z» появился раньше, чем его успели осмыслить искушённые аналитики, полагает Д. В. Ефременко [1, с. 14]. Разумеется, политологи могут придумать по окончании «переходного» периода какой-то иной термин. Однако буква Z уже стала безусловным символом нашего времени. Заметим, символизм присутствует уже в том, что это латиница, а не кириллица, а значит, замысел изначально имел именно интернациональный характер. Его можно воспринимать как сознательный посыл, прежде всего, к внешнему, неславянскому миру. Какой бы военно-тактический смысл первоначально не вкладывали в этот символ, развитие событий сделало эту обычную букву латинского алфавита основным знаком «переходной» эпохи. Также очевидно, мир уже никогда не сможет вернуться в прежнее состояние.

Россия столкнулась с целым набором прогнозируемых, но, вероятно, не до конца осознаваемых 24 февраля 2022 года, вызовов. В условиях умирающего на наших глазах привычного для многих «старого порядка» в полный рост возникла основная онтологическая проблема поистине шекспировского масштаба «быть или не быть». В настоящий момент речь идет совсем не том, на каких, более или менее выгодных условиях завершится украинский кризис, вопрос в другом. Какой миропорядок возникнет на руинах Ялтинско-Подстамской системы, и какое место в этом совершенно новом мире займет Россия.

На сегодняшний день ставки подняты настолько высоко, что единственная историческая параллель, которая приходит на ум, это 22 июня 1941 года. Хотя в начале Великой Отечественной войны глобальный Запад не был един в противостоянии с СССР. Современный Запад практически единодушен в беспрецедентной русофобии. Радостно, под откровенное улюлюканье мракобесов всех мастей Запад принял как политику «адских санкций» против России, так и философию «отмены» всего мало-мальски связанного с нашей историей, культурой, языком, с русским народом. «Поразительной оказалась готовность европейских элит с азартом отчаяния уничтожать базис партнёрства с Россией» [1, с. 17]. Запад, прежде всего Европа, пошла на откровенно самоубийственный экономический курс, отказавшись от российского сырьевого, в особенности энергического импорта. Десятилетиями проверенные каналы поставок, пережившие нелегкие годы «холодной» войны в значительной части разрушены, причем порой в прямом смысле слова. Подрыв «северных потоков» стал печальным символом эпохи.

Безусловно, отправной доктринальной точкой для идеологии современной России является знаменитая Мюнхенская речь В. В. Путина в 2007 году. Именно тогда В. В. Путин заявил о решимости противостоять американской гегемонии посредством создания многополярного мира [3, с. 356]. Слова российского президента прозвучали не только как вызов, но и как предложение Западу прекратить рассматривать Россию, как страну проигравшую «холодную» войну. Это был призыв создать новый справедливый миропорядок через конструктивный диалог, а не силовым путем. Однако надменный самоуверенный коллективный Запад, во главе с США откровенно проигнорировали пророческие слова российского президента и продолжили порочную практику восприятия России как второстепенного государства, как «мировой бензоколонки». Россия же сделала свой исторический выбор и на протяжении последующих лет неуклонно проводила достаточно взвешенный и продуманный внешнеполитический курс.

Украинский кризис на сегодняшний день является самой серьезной за послевоенную историю попыткой полного разрушения американоцентричной модели мирового порядка. С другой стороны отчаянное военное противостояние на Украине можно назвать реальной попыткой коллективного Запада обнулить российскую государственность с последующим территориальным расчленением. Российское руководство прекрасно осознает, что вернуться к «старому порядку» до 24 февраля 2022 года уже невозможно. Также, едва ли возможно России выиграть этот ключевой раунд в мировом противоборстве в одиночку.

На полях сражений решается сейчас основной вопрос, какое государство станет мировым арбитром и генеральным менеджером в новую эпоху. На наш взгляд, претендентов на мировую гегемонию двое, США и Китай. Увы, но Россия, едва ли, в настоящий момент сможет претендовать на мировое лидерство, даже при условии полного и безоговорочного поражения Украины. Однако, дерзкий вызов, брошенный Россией Западу в украинском вопросе вполне может привести к необратимому подрыву американской глобальной гегемонии [4]. Новый миропорядок в случае успеха России может стать синоцентричным. Такой исход для нашего государства можно рассматривать как победу, так как подобная геополитическая рокировка однозначно означает возникновение совершенно иной мировой политической системы, в которой Россия займет ведущие позиции.

Новая эпоха с большой долей вероятности будет означать глобальную перестройку не только основ международных отношений, но и мирового экономического механизма. Геополитические потрясения могут завершиться появлением двух экономических миров, в которых движение ресурсов, технологий и капиталов станет полностью автономным. Центром одной зоны станет Китай, центром другой – США. О вероятности подобного исхода заявил даже Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель. По словам Борреля, одним из ожидаемых

последствий украинских может стать то, что Запад усилит взаимодействие России и Китая [2].

Наиболее зримо подобные процессы наблюдаются в финансовой сфере. Заморозка значительной части золотовалютных резервов России и активов российских олигархов уже привела к очевидному падению доверия к основным мировым валютам, доллару и евро. Началось масштабное вытеснение западных валют валютами Востока. Этот процесс набирает силу, и остановить его не представляется возможным. Решение России перейти к продаже газа недружественным странам за рубли мощный удар по всей американоцентричной финансовой системе. Однако, это только пробный шар, настоящее сражение еще впереди. Ожидаемым последствием подобной метаморфозы может стать возникновение устойчивого дефицита на Западе по ряду ключевых товарных и сырьевых позиций. В этих условиях настоящим геополитическим джокером становится Китай и его отношение к России и Белоруссии. Стратегический расчет Москвы и Минска на экономическое могущество Китая и геополитическое чутье товарища Си приобретает ключевое значение в мировой политике.

Вероятно, что новая эпоха приведет к появлению промежуточных звеньев между двумя экономическими мирами. Такие страны можно условно назвать интерконнекторами. К их числу можно причислить такие государства, как Индия, Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, ЮАР и некоторые страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Эти государства уже сейчас пытаются капитализировать свое международное положение через переток ресурсов, капиталов, технологий.

Феномен нового миропорядка заключается в том, что он устанавливается не только всерьез и надолго, это состояние, когда точка возврата безнадежно пройдена. Пути назад для России уже нет. В этом смысле даже самая убедительная военная победа не сможет вернуть даже надежды на возвращение довоенного статус-кво. Россия уже никогда не рискнет отказаться от вынужденного и выстраданного огромной ценой состояния экономической и финансовой свободы. «Пути назад не будет ни для Китая, ни для Запада, ни для других факторов глобальной политики», считает Д. В. Ефременко[1, с. 25].

Важнейшим регионом, за который развернется принципиальная борьба между американоцентричными силами и их оппонентами, станет глобальный Юг. По мнению авторитетного политолога Фариды Закария, у США с каждым днем остается все меньше и меньше ресурсов и инструментов заставить страны глобального Юга следовать его приказам [5, Р.129]. России в этих условиях следует усилить антиколониальный характер своей внешней политики. Непримируемая борьба с любыми проявлениями неокOLONиализма должна стать главным лейтмотивом во взаимоотношениях России со странами данного региона.

Суть текущего исторического момента заключается в том, что успех специальной военной операции равно как способность России противостоять

«адским» санкциям Запада дает уникальный шанс кардинально изменить геополитическую реальность в интересах нашего государства. Такой шанс история предоставляет нечасто, на карту поставлено слишком много, именно по этой причине мы наблюдаем крайнее ожесточение, как на полях сражений, так и во всех иных проявлениях прокси-войны Запада против России. С некоторой задержкой большинство российского народа все же начинает понимать драматизм и остроту исторического момента, консолидация российского общества на патриотических принципах в настоящий момент поражает даже западных экспертов. По этой причине расчет значительной части враждебных аналитиков на внутреннюю смуту и гражданское противостояние бесперспективен. Однако российские элиты не имеют права впасть в эйфорию. Запрос «глубинного» российского народа на социальную справедливость, а также очищение всей вертикали власти от коррумпированной и компрадорской части бюрократии должен быть не только услышан, но и реализован в кратчайшие сроки. В этом залог нашей победы и процветания.

Список литературы:

1. Ефременко Д.В. Миропорядок Z // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 3. С. 12-30.
2. Gopi. West's Reaction Could Push Russia Towards China: EU Official // Socialnews.xyz. 27.03.2022. URL: <https://www.socialnews.xyz/2022/03/27/wests-reaction-could-push-russia-towards-china-eu-official/> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12. No. 3. P. 341–370.
4. The War in Ukraine Will Determine How China Sees the World//TheEconomist.18.03.2022.URL:<https://www.economist.com/leaders/2022/03/19/the-war-in-ukraine-will-determine-how-china-sees-theworld> (дата обращения: 05.02.2024).
5. Zakaria F. Post-American World and the Rise of the Rest. London: Penguin Books, 2009. 336 p.

Бычков Максим Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

SPIN-код: 6710-0521

ИРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА ТЭТЧЕР

Аннотация. В статье анализируется ирландская политика Маргарет Тэтчер. Центральным в англо-ирландских отношениях был североирландский вопрос, который и определял их состояние. Тэтчер, естественно, защищая интересы Великобритании, фактически игнорировала наличие интересов Ирландии. В результате отношения между Дублином и Лондоном носили неравноправный характер и не могли способствовать радикальному решению проблем Северной Ирландии.

Ключевые слова: Ирландия, Линч Джек, Северная Ирландия, североирландский вопрос, Тэтчер Маргарет, Фицджеральд Гаррет Майкл, Хоги Чарльз.

THATCHER'S IRISH POLITICS

Summary. The article analyzes the Irish policy of Margaret Thatcher. Central to Anglo-Irish relations was the Northern Irish question, which determined their condition. Thatcher, naturally, while defending the interests of Great Britain, actually ignored the interests of Ireland. As a result, relations between Dublin and London were unequal and could not contribute to a radical solution to the problems of Northern Ireland.

Keywords: Ireland, Lynch Jack, Northern Ireland, Northern Irish question, Thatcher Margaret, Fitzgerald Garrett Michael, Haughey Charles.

Политика правительства Маргарет Тэтчер не раз становилась объектом исторических исследований. Внутренняя и внешняя политика Великобритании этого периода изучена отечественными исследователями достаточно хорошо. Однако англо-ирландские отношения оказались вне пристального внимания отечественной исторической науки. Но следует отметить, что данная проблематика была в целом рассмотрена в статье Бодякиной Т. П. «Проблема Северной Ирландии во второй половине XX века» [1]. В ней была предложена периодизация развития североирландского конфликта в период с 1968 по 1997 гг. В этом контексте в общих чертах была рассмотрена ирландская политика Тэтчер.

Отсутствие специальных работ по англо-ирландским отношениями, в частности рассматриваемого периода обусловлено следующим. С одной стороны, это связано с Северной Ирландией (Ольстером), которая по протяжении столетия (даже более) остается «горячей точкой» на карте Европы.

Это, естественно, делало исследование этого региона чрезвычайно востребованным. С другой стороны, проблема доступности источников по истории англо-ирландских отношений. Эти обстоятельства осложняют исследование данной проблематики.

Крисом Огденом довольно точно и одновременно образно были охарактеризованы отношения между Великобританией и Ирландией. Огден отмечает следующее: «они не просты, но все же их можно свести к нескольким основополагающим моментам. Во-первых, Ирландия – это небольшая страна, ее население составляет всего 6 процентов английского. Во-вторых, когда Великобритания чихает, Ирландия заражается насморком. В-третьих, когда чихает Ирландия, Англия чаще всего этого даже не слышит и тем более не утруждает себя пожеланием «Будьте здоровы!». В-четвертых, любой вопрос, касающийся Британии, имеет для Ирландии первостепенное значение. И наконец, в-пятых, Англия обычно реагирует на существенные для Ирландии вопросы лишь тогда, когда в них складывается какой-либо острый кризис» [4, с. 319].

Ирландия – бывшая английская колония, бывший британский доминион – давно стремилась выйти из-под давления Великобритании. С этим была связана и политика нейтралитета, сформированная в годы Второй мировой войны, и европейская политика Дублина, направленная на вхождение в состав Европейского Союза. Однако полностью достичь поставленной цели не удалось. Да и Лондон фактически продолжал рассматривать Дублин как «колониальное владение» и довольно часто ирландскую сторону, ее интересы просто игнорировал. Естественно, эти обстоятельства не создавали условия для развития равноправных межгосударственных отношений.

В связи с тем, что одной из острых проблем Великобритании была (и остается) североирландская (ольстерская) проблема, англо-ирландские отношения во многом обусловлены событиями в Северной Ирландии. Это то, что Лондон игнорировать просто не может. Североирландская проблема сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

1970-е годы стали временем очередного обострения североирландского кризиса. Еще в 1968 г. ирландцы-католики развернули кампанию за равенство с протестантами. Она была организована под влиянием событий в США, где в это время развивалось движение за гражданские права. В ответ протестанты Северной Ирландии организовали свою антикампанию, которая начавшись мирно, впоследствии приобрела насильственную форму.

Однако событие, которое стало отправной точкой «Смуты» 1970-х гг., произошло в 1969 г. В этом году в Лондондерри (Дерри) состоялась акция гражданского протеста, организованная католической общиной города. Акция переросла в крупные столкновения между юнионистами и националистами. В свою очередь это активизировало крайние политические силы Северной Ирландии: со стороны юнионистов это были Добровольческая служба Ольстера, Ассоциация обороны Ольстера, Бойцы за свободу Ольстера; со

стороны националистов – Ирландская Республиканская армия (ИРА). Очередное обострение произошло 30 января 1972 г. в том же самом городе, где во время разгона демонстрации националистов английские армейские части открыли огонь на поражение. В результате сразу 13 гражданских лиц было убито на месте и один человек скончался позже. Это событие получило название «кровавого воскресения». Однако весь 1972 г. в истории Северной Ирландии стал кровавым [2, с. 196].

В связи с тем, что сложившиеся ситуация урегулированию не поддавалась, 30 марта 1972 г. английское правительство приостановило работу Стормонта (североирландского парламента) и передало его полномочия государственному секретарю по делам Северной Ирландии, т.е. было введено прямое правление Лондона. Ни ИРА, ни ее юнионистских противников фактически на это не обращали внимание.

Попытки Лондона примирить враждующие политические группы региона, предпринятые в 1973 и 1975 гг., не дали позитивного результата.

4 мая 1979 г. в результате парламентских выборов было сформировано консервативное правительство, премьер-министром Великобритании стала Маргарет Тэтчер. Ей досталось очень трудное «североирландское наследство». Отношение к североирландской проблематике у Тэтчер сложилось еще до получения ею кресла премьер-министра. Это было связано с ее консервативными и юнионистскими убеждениями, которые у нее сформировались еще в молодости и которые укреплялись и уточнялись в годы ее партийной и политической деятельности. Поэтому в североирландском вопросе она резко негативно относилась к ИРА, которая своими террористскими действиями только укрепляла ее убеждения. В марте 1979 г. в результате теракта, организованного ИРА, погиб теневой министр по делам Северной Ирландии Эйри Нив, в августе того же года был убит лорд Маунтбеттен, последний вице-король Индии, а также 18 английских солдат в Арме. Тэтчер, еще будучи лидером оппозиции, отреагировала на эти события: она лично написала письма семьям убитых солдат, посетила Белфаст. После встретила с ирландским премьер-министром Джеком Линчем. Несмотря на то, что переговоры прошли в благоприятной атмосфере, закончились они без результата. Однако в декабре 1979 г. Дж. Линч под давлением однопартийцев (он был лидером партии Фианна Фойл), критиковавших его за экономические неудачи и за слишком сильные, по их мнению, контакты с Лондоном, был вынужден уйти в отставку. Новым премьер-министром Ирландии стал Чарльз Хоги (партия Фианна Фойл). Он входил в состав в правительстве Дж. Линча, но терпеть не мог своего руководителя. При этом Ч. Хоги был опытным политиком, парламентарием, руководителем. К североирландской проблеме он относился по сравнению с предшественником более эмоционально, не скрывал того, что был сторонником объединения «Изумрудного острова». Еще в 1970 г., когда он был министром в правительстве Дж. Линча, Ч. Хоги был обвинен в снабжении ИРА оружием, но был оправдан.

В 1979 г. сразу после вступления в должность премьер-министра Ч. Хоги заявил, что целью его политики будет мирное объединение Ирландии. Это, естественно, ухудшило отношение между Дублином и Лондоном.

Однако английское правительство предприняло попытку навести мосты между противоборствующими силами Северной Ирландии. Для этого было предложено проведение конференции. Она планировалась на 7 января 1980 г., но часть юнионистов ее просто проигнорировали, а собравшиеся на нее другая часть юнионистов и националисты договориться не смогли. Она была перенесена на март, но так и не состоялась.

Начало 1980-х гг. стало временем целой серии террористических актов, организованных ИРА.

В октябре 1980 г. члены ИРА, заключенные в белфастской тюрьме Мейз, начали голодовку. Сначала в ней участвовало семь человек, потом к ней присоединились 30 человек. Они требовали предоставить им статус политических заключенных. Голодовка закончилась в декабре 1980 г. В марте 1981 г. член ИРА Бобби Сэндс, приговоренный к 14 лет тюремного заключения строгого режима, объявил о начале голодовки. Требование было такое же. Политические и общественные деятели Великобритании, Ирландии, других стран мира обращались к Тэтчер с просьбой пойти на уступки, но премьер-министр отказалась изменить политику.

Между тем, находящийся в заключении и отказывающийся от пищи, Б. Сэндс на промежуточных выборах 10 апреля 1981 г. был избран в парламент от графств Фермана и Южный Тирон, что говорило о его общественной популярности. Опять стали поступать обращения к Тэтчер с просьбой пойти на уступки, но она осталась непреклонной. В начале мая 1981 г. Б. Сэндс умер.

Впоследствии Тэтчер в автобиографии по этому поводу напишет следующее: «Я приняла решение не выступать с крупными политическими инициативами, пока продолжается голодовка: мы не могли давать повод думать, что идем на поводу у террористов с их требованиями. По той же причине я также не хотела в такое время вступать в важные контакты с ирландским правительством», но одновременно Тэтчер вспоминает, что в мае и в декабре 1980 г. встречалась с Ч. Хоги, но была разочарована, т.к. «ирландца больше всего заботила голодовка» [5, с. 512]. Далее Тэтчер пишет, что предпринимала все возможные усилия для остановки голодовки: обращалась к католическому епископату, к Ирландской комиссии справедливости и мира. Но они, по ее мнению, не выполнили своих обещаний в ответ за невыполнение обязательств, которые взяла на себя английская сторона (наличие таковых Тэтчер отрицает). Публичное заявление Гаррета Майкла Фицджеральда (партия Фине Гэл), ставшего премьер-министром Ирландии в 1981 г., где он обвинил Лондон в отказе от выполнения обязательств, Тэтчер называет «фальшивыми» [5, с. 515]. Однако вскоре контакты возобновились. Английский премьер-министр описывает это следующим образом: «Позже, когда Гаррет Фицджеральд преодолел свои изначальные склонности подлизываться к

мнению Ирландии в убыток британскому правительству, мы имели дружеские отношения» [5, с. 512]. Это высказывание Тэтчер вызывает определенное недоумение: почему глава правительства Республики Ирландия не может «подлизываться к мнению Ирландии» и не может действовать в «убыток британскому правительству»? Ирландский премьер-министр должен защищать интересы Ирландии. У Тэтчер, как можно предположить, было другое понимание. Но если исходит из этого, то получается, что Великобритания не рассматривала отношения с Ирландией как равноправные. В процессе урегулирования Тэтчер больше ориентировалась на мнения юнионистов, что было вызвано собственно ее юнионистскими убеждениями. Да и давление юнионистских групп действительно было сильным. Даже решение англо-ирландского саммита в ноябре 1981 г. об образовании Англо-ирландского межправительственного совета, которое представляло собой просто переименование уже действующих связей между министерствами и ведомствами по проблемам Северной Ирландии, вызвало сильное недовольство юнионистских групп.

Тем временем смерть Сэндса стимулировала новый всплеск противостояния националистов и юнионистов (прежде всего в Белфасте и в Лондондерри), новую волну голодовки (завершилась в 3 октября 1981 г.), а также способствовала резкому росту потока из Соединенных Штатов денег и оружия для ИРА [3, с. 328]. В 1982 г. по Северной Ирландии прокатилась волна беспорядков. На территории Англии стали осуществляться террористические акты. Так, в июле 1982 г. ИРА взорвала бомбу в лондонском Гайд-парке, пострадали военные Личной кавалерии королевы. Другая бомба взорвала стену в Риджент-парке, когда там играл военный оркестр. Между тем шли переговоры о возобновлении работы североирландского парламента, но без результата.

Фолклендская война 1982 г. внесла дополнительные сложности в англо-ирландские отношения. Это было связано с тем, что ставший в 1982 г. премьер-министром Ирландии Ч. Хоги публично назвал действия Великобритании агрессией и осудил ее. Тэтчер восприняла это как предательство.

В декабре 1982 г. Г. М. Фицджеральд вернул себе кресло премьер-министра, англо-ирландские переговоры возобновились. Их результатом стало проведение в 1983 г. «Нового Ирландского форума» с целью разрешения конфликта. Однако юнионистские группы в нем участие не принимали. Состоявший из представителей националистов, Форум был склонен принять решение в определенном ключе. Тэтчер по этому поводу отметила следующее: «Со своей стороны я волновалась, что это сборище националистов, представителей севера и юга, смогут своими действиями по ослаблению Союза вызвать уважение в мире, и это меня настораживало» [5, с. 517].

Между тем ИРА продолжала осуществлять террористическую деятельность. В декабре 1983 г. буквально под Рождество в популярном лондонском универсаме Хэрродс взорвалась бомба.

В мае 1984 г. группа политиков разработала «Отчет Нового ирландского форума», где были предложены три варианта разрешения североирландской проблемы: создание единого государства (единой Ирландии со столицей в Дублине); создание федеральной системы с двумя столицами (Белфаст и Дублин) под властью одного президента; создание совместного суверенитета на территории Северной Ирландии (Северная Ирландия как часть Великобритании и одновременно Республики Ирландия).

Летом 1984 г. Фицджеральд заявил о согласии внести поправки в конституцию Республики Ирландия в части отказа от притязания на территорию Северной Ирландии, теперь она должна была рассматриваться просто как желаемая цель, а не часть Республики Ирландия. Но последующие события сняли эту идею с повестки переговоров.

В ночь с 11 на 12 октября 1984 г. в Гранд-отеле г. Брайтон, где в это время находились Тэтчер и члены консервативной партии (на 12 октября было запланировано проведение партийного съезда), произошел мощный взрыв. В результате погибло пять человек. Ответственность взяла на себя ИРА.

Тэтчер в автобиографии именно с события в Брайтоне обращается к североирландской проблематике. Взрыв в Гранде-отеле осмысливается ей как частное проявление террора, господствующего в Северной Ирландии. Признавая, что террористы есть как в среде националистов, так и юнионистов, она пишет следующее: «ИРА является сердцевинной проблемы терроризма. Если победить ИРА, то не будет существовать и их соперников с протестантской стороны». Далее она указывает на условия достижения поставленной цели: разрыв «националистического меньшинства» с ИРА путем подчинения законам Великобритании; лишение ИРА международной поддержки «будь то, от благонамеренных, но наивных американских ирландцев или арабских революционных правительств, таких как режим полковника Каддафи»; осторожное развитие отношений между Великобританией и Республикой Ирландия [5, с. 509].

Событие в Брайтоне действительно оказало влияние на последующие политику Тэтчер.

Положения «Отчета Нового ирландского форума» стали объектом англо-ирландских переговоров в начале ноября 1984 г. Ирландию представлял премьер-министр Г. М. Фицджеральд. Тэтчер не только отвергла положения Отчета и предложения ирландского премьер-министра (создание англо-ирландской полиции и англо-ирландских судов в Северной Ирландии), но сделала это в грубой форме. Для проанглийски настроенного Фицджеральда это был шок. Он покинул переговорную площадку.

Но ни обида, ни желание угодить сильному оппоненту им не овладели, он пошел путем политики прагматизма. Фицджеральд решил отложить вопрос об объединении Ирландии. Он исходил из того, что у Республики Ирландия нет необходимых сил для политического и социально-экономического объединения Юга и Севера «Изумрудного острова». В то же самое в качестве

благоприятного сигнала он воспринял избрание в североирландский парламент членов проирландской «Шинн Фейн», в том числе его лидера Джерри Адамса. Увидев возможность политического решения проблемы в самой Северной Ирландии, Фицджеральд согласился продолжить прямой диалог с Лондоном. Окружение Тэтчер уверяло ее возобновить диалог с Дублином. На нее оказывал давление также американский президент Рональд Рейган. Учитывая «особые отношения», сложившиеся в этот период между Лондоном и Вашингтоном, ей очень хотелось показать американской стороне свою способность вести переговоры с Дублином. Это в свою очередь давало бы ей возможность поставить вопрос перед Вашингтоном о идущей с территории США потока оружия и денег для ИРА, а также об экстрадиции лиц, подозреваемых к принадлежности к ИРА.

Переговоры между Дублином и Лондоном возобновились. 15 ноября 1985 г. в замке Хиллсборо было подписано англо-ирландское соглашение (Хиллсборское соглашение). В соответствии с ним Ирландия признавала суверенитет Великобритании над Северной Ирландией, определение будущего региона было возложено на большинство его жителей (т.е. путем проведения референдума); создавалось англо-ирландское Межправительственное совещание; Республика Ирландия получала «консультативные полномочия», т.е. право ограниченного вмешательства во внутренние дела Северной Ирландии.

Хиллсборское соглашение, со одной стороны, было с восторгом встречено в мире (особенно в США), но с другой, было подвергнуто острой критике как со стороны юнионистов, так и однопартийцев Тэтчер. Не были им довольны и члены ИРА. В ответ в период с 1987 по 1989 гг. они организовали серию терактов. Лондон в свою очередь увеличивал контингент войск в Северной Ирландии, организовывал специальные операции по уничтожению членов ИРА, но поставленной цели не достигал. Действия ИРА осложняли положение Шинн Фейн: партия теряла поддержку на Юге и Севере Ирландии. Сама Тэтчер защищала подписанный договор, считая его компромиссным, но верным решением. Ответственность за то, что Хиллсборское соглашение так и не разрешило североирландский конфликт она возложила на юнионистов и националистов, которые не согласились на взаимное сотрудничество, на руководство Республики Ирландия (премьер-министров Г. М. Фицджеральда и Дж. Линча), которое, по ее мнению, преувеличивало возможности своего влияния на североирландские дела, а также лично на Дж. Линча за его публичное осуждение политики Лондона в регионе [5, с. 522 – 523, 525 – 528].

Рассмотрев и проанализировав, ирландскую политику Маргарет Тэтчер, можно сделать следующие выводы:

1. Центральным в англо-ирландских отношениях был североирландский вопрос, который и определял их состояние.
2. Маргарет Тэтчер, естественно, защищая интересы Великобритании, фактически игнорировала наличие интересов Ирландии.

3. В результате отношения между Дублином и Лондоном носили неравноправный характер и не могли способствовать радикальному решению проблем Северной Ирландии.

Список литературы:

1. Бодякина Т. П. Проблема Северной Ирландии во второй половине XX века // Актуальные проблемы истории: XIX – XX века. Сб. научных трудов / Отв. ред. Т.П. Бодякиной. – М.: Изд. МГУ, 1998. С. 13 – 23.
2. Громько Ал. А. Модернизация партийной системы Великобритании. – М.: Изд. Весь Мир, 2007. – 344 с.
3. Медведев Д. Л. Тэтчер: неизвестная Мэгги. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 432 с.
4. Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. – М.: Новости, 1992. – 544 с.
5. Тэтчер М. Автобиография: перевод с английского. – М.: АСТ, 2014. – 800 с.

Васильева Татьяна Леонидовна

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
SPIN-код: 3037-7800

РОЛЬ CHATGPT В ОБУЧЕНИИ

Аннотация: В статье рассматриваются возможности использования компьютерных технологий, в частности, языковой модели ChatGPT на основе искусственного интеллекта в процессе обучения в высшей школе. Приводятся данные об отношении к этой новой технологии в российских вузах, вузах Германии и Японии. Отмечаются негативные последствия, к которым может привести бесконтрольное использование искусственного интеллекта для получения информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ChatGPT, достоверность информации, студенческие работы, опасности внедрения, изучение иностранных языков.

THE ROLE OF CHATGPT IN LEARNING

Summary: The article discusses the possibilities of using computer technologies, in particular, the ChatGPT language model based on artificial intelligence in the process of learning in higher education. The data on the attitude to this new technology in Russian, German and Japanese universities are given. Negative consequences to which uncontrolled use of artificial intelligence for obtaining information can lead are noted.

Keywords: artificial intelligence, ChatGPT, reliability of information, student papers, dangers of implementation, foreign language learning.

Вопрос получения достоверной информации в наше время становится все более актуальной. На первый взгляд, быстрое развитие компьютерных технологий предоставляет возможность быстрого доступа к любой информации. Сначала это был гугл и википедия, сейчас студенты с воодушевлением заговорили о ChatGPT. Благодаря этим технологиям студентам удастся разгрузить свою «внутреннюю память» за счет «внешних носителей». Эта ситуация уже породила массу анекдотов, например: «Слушай, дедушка! В ваше время ведь не было ни мобильных телефонов, ни интернета, ни гугла, ни компьютера. Чем же вы пользовались в школе?» - «Головой!».

Что же это за технологии, каковы их плюсы и минусы и какое влияние они могут оказать на учебный процесс и на общее развитие нашей молодежи?

Начнем с википедии, которая давно вошла в нашу жизнь и жизнь наших студентов. К плюсам можно отнести доступность информации, к минусам –

отсутствие гарантии достоверности. В принципе, любой может стать автором статьи, или внести в нее свои правки, не говоря уже о том, что в текст могут быть вплетены политические, социальные и ментальные элементы, искажающие информацию. Для мыслящего человека это не представляет опасности, но для неокрепшего ума школьника или студента может представлять реальную опасность.

Гугл тоже не относится к супер-новейшим технологиям и уже прочно вошел в оборот студентов. Особенно полюбился гугл-переводчик, который полностью освободил их от необходимости разбираться с грамматикой иностранного языка и искать незнакомые слова в словаре. Если раньше, при использовании бумажных словарей студент при поиске слова вынужден был про себя постоянно повторять незнакомое слово, а потом еще и несколько раз сверять его написание, автоматически «записывая» его в свою память, то электронные словари и, тем более интернет-переводчики, полностью освобождают человека от мыслительной деятельности. Если при появлении интернет-переводчиков качество оставляло желать лучшего и на примере ляпов можно было продемонстрировать студентам превосходство человеческого разума, то с усовершенствованием технологии и более широким использованием искусственного интеллекта качество переводов повысилось. Теперь ошибки машинного перевода уже нельзя использовать в учебных целях.

Все это заставляет изменить подход к подбору учебных материалов. Перевод отходит на второй план и возникает необходимость искать материалы, которые способны активизировать мыслительную деятельность студентов и вызвать у них потребность сформулировать свое мнение и отстаивать его. Это тем более важно в ситуации, когда и живое общение находится под угрозой замены на общение через ChatGPT.

Что же такое ChatGPT и как он может облегчить или затруднить процесс обучения?

ChatGPT - это языковая модель, разработанная OpenAI, исследовательской организацией в области искусственного интеллекта, одним из соучредителей которой является Илон Маск. Модель была обучена сначала на примерах человеческих разговоров, чтобы научиться реагировать на пользователей, затем инструкторы оценили ответы ChatGPT на предыдущие беседы и предоставили обратную связь модели. [7]

Таким образом ChatGPT научился понимать и генерировать текст на различных языках, который звучит так, как будто он написан человеком, выполнять такие задачи, как перевод на другой язык, а также ответы на вопросы по различным темам. Более того, он может сочинять стихи, писать сценарии, резюме технических и научных статей и даже спорить.

ChatGPT был запущен 30 ноября 2022 года и сразу привлек внимание пользователей своими широкими возможностями. В начале февраля 2023 года Reuters со ссылкой на швейцарский холдинг UBS сообщило, что за 2 месяца аудитория активных пользователей ChatGPT достигла 100 млн человек. [8] В

это же время разразился первый скандал в России по поводу использования ChatGPT в вузе. 1 февраля 2023 года стало известно, что студент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Александр Жадан написал дипломную работу с помощью чат-бота ChatGPT и смог защитить её, получив оценку «удовлетворительно». «Антиплагиат» никаких нарушений не обнаружил. Все открылось только после того, как Жадан рассказал о своей работе в соцсетях,

После того, как об этом написали СМИ, ситуацию прокомментировали в ВУЗе. Представители РГГУ предложили ограничить доступ к ChatGPT в образовательных организациях, поскольку чат-бот способен негативно сказаться на обучении. [1]

В то же время, 8 февраля министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков в интервью призвал не драматизировать события и не наказывать российских выпускников, написавших диплом с помощью нейросети ChatGPT. Чиновник заявил, что отечественным университетам и институтам стоит подумать об изменении подхода к проверке знаний учащихся. «Надо задание формулировать таким образом, чтобы только студент это мог решить. Или делать комбинированное задание, предполагающее прямую проверку знаний. Ну а студенты всегда были изобретательны и всегда искали варианты, чтобы пойти по пути наименьшего сопротивления», — сообщил министр журналистам. [6]

Дело закончилось тем, что выпускную работу студента (или искусственного интеллекта?) оценили на «удовлетворительно» и пригласили его принять участие в работе круглого стола комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи

16 марта 2023 года заседание Круглого стола на тему «Перспективы и риски применения современных технологий с искусственным интеллектом в сфере образования» было проведено. В ее работе принял участие, в том числе, Директор Института интеллектуальных кибернетических систем НИЯУ МИФИ Валентин Климов, ведущий на сегодняшний день специалист в области ИИ. По его мнению, ИИ в ближайшее время сможет заменить человека на простейших, рутинных операциях. Творческие работы навряд ли подходят под эту рубрику.

Однако запреты в этом случае не помогут, так как любые запреты можно обойти, тем более что студенты начнут это делать из «спортивного интереса». Единственный вариант: разработать «кодекс чести» использования ИИ в студенческих работах, как это сделали многие зарубежные университеты. [4]

Руководство Московского городского педагогического университета (МГПУ) также не нашло в этом ничего предосудительного и разрешило использовать своим студентам платформы искусственного интеллекта, включая популярные чат-боты, при написании выпускных квалификационных работ (ВКР). В приказе № 633 «О внесении изменений в Положение о проведении государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета.

программам магистратуры в Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» от 04 сентября 2023 за подписью ректора Реморенко И. М. сказано: «В университете допускается использование средств генеративного искусственного интеллекта (далее – СГИИ), например, Сбер GitaChat, YandexGPT, ChatGPT, иных СГИИ, при написании ВКР. Обучающиеся могут использовать СГИИ в качестве инструмента для анализа контекста, подбора идей и материала для выполнения ВКР и других учебных заданий». [2]

Об этом сообщили и журналисты издания «РИА Новости» со ссылкой на пресс-службу учебного заведения. «Запретить пользоваться — самый простой способ, но вряд ли действенный. Если в будущем нашим выпускникам все равно не избежать использования этого инструмента, лучше научиться грамотно его использовать уже, обучаясь в вузе», — рассказал Реморенко. [3]

В общем, официальное отношение к использованию ChatGPT студентами в настоящее время еще не сформулировано. Сейчас все зависит от руководства высших учебных заведений. Ведущие вузы Японии, например, выступают против использования ChatGPT и других видов искусственного интеллекта для написания учебных и научных работ. [5] В Германии на форуме высших школ по вопросам цифровизации провели опрос об использовании ChatGPT, в котором приняли участие 100 вузов. [8] Опрос показал, что свыше 70% вузов уже используют ChatGPT в своей работе для различных целей, в том числе, для научных целей и администрирования. 15% используют только для определенных целей таких, как составление текстов, в том числе научных, разработка концепций программ обучения, на базовом этапе программирования, или в качестве объекта исследования. Остальные 15% ChatGPT не используют.

Что касается использования ChatGPT студентами, то из 100 опрошенных университетов Германии 2% полностью запретили использование, 23% - частично, 12% разрешили использовать без всяких ограничений и 63% пока не определились. То есть, в 23% речь идет о рекомендациях использовать ChatGPT для поиска информации для написания студенческих работ (но не для их написания), для выполнения специальных заданий, предусматривающих использование искусственного интеллекта, или при получении специального разрешения. [10]

Следует помнить, что способность модели понимать вводимые пользователем данные и реагировать на них ограничена данными, на которых она была обучена, равно как и ее способностью делать обобщения на основе этих данных. Если вводимые пользователем данные существенно отличаются от данных, которые видит модель, она может быть не в состоянии сгенерировать релевантный или точный ответ.

Главный вопрос заключается в том, на каком материале будет обучаться ИИ и сумеет ли он провести анализ двух или более разных точек зрения, или

выберет одну из них в качестве истины последней инстанции. Кому ИИ отдаст первенство в изобретении радио: русскому физику Александру Попову? Именно он 7 мая 1895 года продемонстрировал в Петербургском университете прибор, способный передавать сигналы на расстояние, что зафиксировано в протоколе Русского физико-химического общества. Но любой житель Европы назовет имя Гульельмо Маркони, итальянского радиотехника, предпринимателя и дипломата, активного деятеля Национальной фашистской партии Италии с 1923 года. В 1896 году он оформил патент на устройство, способное передавать и принимать радиоволны и получил Нобелевскую премию по физике за 1909 год совместно с Карлом Фердинандом Брауном «в знак признания их вклада в развитие беспроволочной телеграфии». Авторство изобретения будет зависеть от того, с каких доменов будет загружена информация. Примеров можно привести множество: изобретение лампы накаливания: Александр Лодыгин (1874 г.), Павел Яблочков, а через три года американец Томас Эдисон модернизировал и в декабре 1879 года оформил патент на «изобретение». Самолёт Можайского (1882 – 1885 гг.) считается первым летательным устройством такого типа, поднявшим в воздух человека. Американские братья Орвилл и Уилбер Райт присвоили изобретение Можайского спустя почти 20 лет, немного доработав конструкцию.

Но еще критичнее будет ситуация с трактовкой исторических событий или политических реалий. И здесь, к сожалению, это уже не зависит от выбранного домена.

Такая однобокая подача материала уже присутствует в средствах массовой информации и позволяет предположить, что ИИ уже внедрился в нашу жизнь. Так, 27 января в 16:40 телеканал "Россия – Культура" начал показ премьерного цикла "Оптимисты", посвященного 300-летию Российской академии наук. Первая документальная картина – "Ксения Гемп. Гражданин Беломорья". С большим интересом послушала информацию, что во время гражданской войны «... на севере, в Архангельске, антибольшевистская власть и интервенция Антанты удерживали спокойную жизнь населения. В начале 1920 г. Гражданская война приходит в архангельскую губернию и продолжается многие месяцы. Начинается массовый террор, насилие и политические чистки.» А как же концентрационный лагерь, могилы заключенных и обелиск «Славным патриотам, замученным интервентами на острове Мудьюг 1918–1920»? Эту информацию забыли ввести в «искусственный», или «естественный» (кто теперь разберет) интеллект. А ведь сохранились документы, в том числе, докладные Владимира Игнатьева, управляющего отделом внутренних дел Северного (белого) правительства о концлагере под контролем британской разведки на Мудьюге. В предвзятости его обвинить нельзя.

Несомненно, что ChatGPT кардинально изменит многие процессы. Задача высшей школы – не допустить, чтобы наши студенты превратились в бесплатное приложение к искусственному интеллекту.

Список литературы:

- 1.Лазарева О. РГГУ проводит проверку в отношении студента, написавшего диплом с помощью нейросети. 01.02.2023 - URL: <https://rtvi.com/news/rggu-provodit-proverku-v-otnoshenii-studenta-napisavshego-diplom-s-pomoshhyu-nejroseti/> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 2.МГПУ: [сайт], МГПУ разрешил студентам использовать ИИ при подготовке ВКР – МГПУ. – URL.:<https://www.mgpu.ru/mgpu-razreshil-studentam-ispolzovat-ii-pri-podgotovke-vkr/>(дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 3.МГПУ: [сайт] Москва 04.09.2023_633obshh_Remorenko_I.M._Safronova_E.S.-1.pdf. – URL: https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2023/08/04.09.2023_633obshh_Remorenko_I.M._Safronova_E.S.-1.pdf (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 4.Представитель НИЯУ МИФИ выступил на круглом столе по информационной безопасности в Госдуме | Атомная энергия 2.0 Новости, 20 марта 2023. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2023/03/20/133710> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 5.РИА Новости: [сайт], СМИ: японские вузы выступили против использования ChatGPT в учебных работах 10.04.2023, – URL: <https://ria.ru/20230410/chatgpt-1864138864.html> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 6.ТАСС: [сайт], Валерий Фальков: санкции не остановили развитие российской науки – ТАСС. – URL: https://nauka.tass.ru/interviews/16988115?utm_source=click.mail.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=click.mail.ru&utm_referrer=click.mail.ru (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 7.ChatGPTGlobal: [сайт], How Does ChatGPT Function? By: Admin Date: March 6, 2023, – URL: <https://chatgptglobal.news/how-does-chatgpt-function/> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 8.ChatGPT sets record for fastest-growing user base - analyst note, Reuters , – URL: <https://www.reuters.com/technology/chatgpt-sets-record-fastest-growing-user-base-analyst-note-2023-02-01/> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 9.Die ChatGPT-Richtlinien der 100 größten deutschen Universitäten. Aktualisiert am 14. November 2023, – URL: <https://www.scribbr.de/ki-tools-nutzen/chatgpt-universitaere-richtlinien/> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный
- 10.Hochschulforum. Digitalisierung: [сайт], Trotz fehlender Lizenzen – ChatGPT an Hochschulen längst Alltag - Hochschulforum Digitalisierung 18.07.2023, – URL: <https://hochschulforumdigitalisierung.de/news/trotz-fehlender-lizenzen-chatgpt-an-hochschulen-laengst-alltag/> (дата обращения 25.02.2024). – Текст: электронный

Ватолина Юлия Владимировна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9168-6553

МОДУЛЯЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА В ОБЩЕСТВАХ КОНТРОЛЯ

Аннотация: Статья посвящена трансформациям и модификациям гостеприимства в мире высоких технологий и вездесущих медиа, неизбежно трансформирующих и здесь-бытие Я, и способы опознания и признания «иного», и феномены интерсубъективности. Согласно гипотезе Ж. Делеза, в «обществе контроля» «индивидуум» трансформируется в «дивидуума», «разделенного», «массы» – в «выборки», «репрезентативные группы» и «банки данных», информация – в знаки, которые утрачивают какую-либо онтологическую и когнитивную содержательность, не отсылая более ни к чему, кроме самих же знаков. Таким же онтологически симулятивным становится и гостеприимство, подключаясь к несовместимым по природе феноменам – политике, культуре, туристическому бизнесу. Однако нужно иметь в виду, что новоевропейский «мир» далеко неоднороден, что его онтология гетерогенна. В статье определяются не слишком обширные, в основном относящиеся к культуре домены, которые хранят символические структурности «архэ» гостеприимства, и эксплицируются особенности его явленности. Кроме того, по мнению автора, само осмысление феномена гостеприимства может способствовать экзистенциальному повороту: изменению здесь-бытия и горизонта будущего, – будущего, в котором может открыться «архэ» гостеприимства в его бытийной чистоте.

Ключевые слова: гостеприимство, общества контроля, коммунальное тело, дивидуум, знак, темпоральность, топология.

MODULATIONS OF HOSPITALITY IN CONTROL SOCIETIES

Summary: The article is devoted to the transformations and modifications of hospitality in the world of high technologies and ubiquitous media, which inevitably transform both the here-being of the Self, and the ways of recognizing and recognizing the “other,” and the phenomena of intersubjectivity. According to the hypothesis of J. Deleuze, in the “society of control” the “individual” is transformed into “dividum”, “divided”, “mass” – into “samples”, “representative groups” and “data banks”, information – into signs that lose any ontological and cognitive content, without referring to anything other than the signs themselves. Hospitality also becomes ontologically simulative, connecting to inherently incompatible phenomena – politics, culture, tourism business. However, one must keep in mind that the new European “world” is far from homogeneous, that its ontology is heterogeneous. The

article identifies not too extensive, mainly cultural domains that store the symbolic structures of the “arche” of hospitality, and explicates the features of its manifestation. In addition, according to the author, the very understanding of the phenomenon of hospitality can contribute to an existential turn: a change in here-being and the horizon of the future – a future in which the “arche” of hospitality can open in its existential purity.

Keywords: hospitality, control societies, social body, dividum, sign, temporality, topology.

Сегодня, когда миграционные процессы весьма напоминают «великое переселение народов», когда взаимодействия культур создают самые немислимые смеси и конгломераты, «другие», «чужие» в самых многообразных обличьях проявились почти во всех размерностях социальной жизни. Возможно, именно это инициирует интерес к такому сценарию встречи с «другим-чужим» как гостеприимство, которое несет в себе не деструктивную сопряженность здесь-бытия и бытия-с-другими. Однако при обращении к феномену гостеприимства едва ли не сразу возникает вопрос, какие модификации и трансформации претерпевает гостеприимство в современном мире высоких технологий и вездесущих медиа, неизбежно трансформирующих и здесь-бытие Я, и способы опознания и признания «иного», и феномены интересубъективности.

В целом проследить тенденции изменения политического и социального полей позволяет гипотеза, изложенная Ж. Делезом в статье «Post scriptum к обществам контроля». Как пишет Ж. Делез, матрицы дисциплинарности формировались одновременно в различающихся социальных сегментах, – мануфактуры, фабрики, армия, школы, больницы, психиатрические клиники, – но их упорядочение, унификация и, тем самым, универсализация осуществлялась государством. Дисциплинарные общества XVIII, XIX, начала XX веков представляли собой организацию, состоящую из множества «замкнутых пространств», включающих культуру, язык, гражданство, определенный тип знания и телесности, – индивид лишь непрерывно перемещался от топоса к топосу, каждый из которых имел собственный «закон». Характерно, что идеал когитальных практик времени господства дисциплинарной матрицы, – также концентрировать, расставлять в пространстве, упорядочивать во времени массы, тела, аффекты и т.п. Распространение нормативных ориентиров, ценностей в обществе дисциплины оказывается тесно связанным с имплицитной властью, ориентированной на организацию социальности и администрирование жизни.

Но дисциплинарные общества вошли в стадию кризиса, постепенно уступая место новым силам, которые особенно развились и усилились после Второй мировой войны, – дисциплинарность стала покидать социальные «миры», не выдерживая давления новых процессов, связанных с диссеминированным типом и власти, и самой «массы».

Кризис замкнутых и дисциплинарно выверенных пространств разного типа стал повсеместным, – кризис национальной государственности, культуры, кризис суверенитета, кризис обществ, кризис идентичности. Сегодня в обществах контроля отдельные пространства изоляции утрачивают граничность, а, вместе с тем, и свойственность, они становятся синонимичны. Это ведет к модульному принципу сборки и социальных, и жизненных миров, навязывая постоянную модуляцию социо-экзистенциальных полей и порождая системы сложной метастабильности. «... механизмы контроля представляют собой вариации одной и той же структуры, образующей систему геометрических переменных, язык которой становится цифровым (хотя и необязательно бинарным). Пространства изоляции представляют собой матрицы, отдельные модули, а контроль является модуляцией, это деформирующий самого себя модуль, постоянно меняющийся, каждое мгновение словно сито, отверстия в котором постоянно меняют свое расположение» [5, с. 228], – пишет Ж. Делез.

В мире контроля безусловно наличествует различие модулей, поэтому сама социальность существует благодаря им и в то же время осуществляет контроль благодаря модульному принципу различных социальных доменов. Модульность вводит различие как конститутивный принцип в самый широкий диапазон социальных и ментальных инициатив, втягивая их в соперничество и взаимное «заражение», но при этом такое различие лишено ценностного измерения, отсылающего к онтолого-экзистенциальному основанию. В результате, например, наука оказывается в одном ряду с шаманизмом, архаическими мифами, идеологиями; архаические автохтонные сообщества сосуществуют с социально сконструированными сообществами. Всюду царит принцип конъюнктивности.

При этом различие модулей – не одноактное противопоставление, а непрерывный процесс: «В дисциплинарных обществах человек постоянно начинает заново (от школы – к казарме, от казармы – к заводу), тогда как в обществах контроля, напротив, ничто никогда не кончается – корпорация, образовательная система, служба в армии являются метастабильными состояниями, которые могут существовать рядом друг с другом в рамках одной и той же модуляции как универсальной системы деформации» [5, с. 229]. В обществах контроля всему происходящему оказывается присуща принципиальная незавершенность. В качестве показательного примера Делез ссылается на «Процесс» Ф. Кафки, где происходит «бесконечное откладывание дела ... (в постоянных вариациях)». Таким образом, прошлое, будущее, настоящее также оказываются модулями, из которых складывается действительность настоящего.

Само собой разумеется, что переход от дисциплинарных практик к модульности как основному принципу сборки действительности влечет за собой изменение структурности человеческого существа. Как отмечает Делез, «дисциплинарные общества имеют два полюса: личную подпись, которая

обозначает индивида, и число, или регистрационный номер, который указывает на его положение в массе» [5, с. 230]. Это является выражением направленности дисциплинарных практик, с одной стороны, на учреждение и поддержание в единстве «массового тела»; с другой, – на сборку каждого отдельного члена этого тела – индивидуума, «неделимого». В обществах контроля становятся значимы уже не подпись и не номер, но шифр, предоставляющий доступ к информации. Иначе говоря, квазисимволические комплексы дисциплинарного общества учреждали, конструировали соответствующего им субъекта, формировали его идентичность. Человеческое существо общества контроля не учреждается семиотическими комплексами, а, выступая кодом само и получая доступ к информации, мгновенно подключается к той или иной семиотической общности и столь же мгновенно переключается, вписываясь в другой информационный поток, моделируемый определенными семиотическими полями, – его идентичность рассыпается на фрагменты, сплавляющимися и переплавляющимися семиотическими потоками. «Индивидуум» трансформируется в «дивидуума», «разделенного», а «массы» – в «сэмплы» («выборки», «репрезентативные группы»), «рынки» и «банки данных». Ж. Делез эксплицирует произошедшую социо-экзистенциальную трансформацию, задействуя «ландшафтные образы»: «Старый монетарный крот – это животное пространств изоляции, змея же – это животное обществ контроля. Мы перешли от одного животного к другому, от крота к змее не только в режиме нашего существования, но и в том, что касается образа жизни и отношений с другими людьми. Дисциплинарный человек периодически производил энергию, человек же обществ контроля, скорее, похож на волну, он словно выведен на орбиту и постоянно находится на связи. И поэтому повсюду серфинг вытесняет иные виды спорта».

Необходимо отметить, что при переходе от дисциплинарных обществ к обществам контроля происходит диссеминация дисциплинарных практик с жесткой, централизованной структурой: пересекая и фактически отменяя границы пространств изоляции, контроль становится поистине безграничным. Вместе с тем, дисциплинарные тела, складывающиеся в пространствах изоляции (семьи, школы, армии, заводы) преобразуются в корпорации, причем в буквальном латинском значении этого слова – «отелеснивание». В обществах контроля происходит бесконечный и безграничный процесс преобразования тел («сорога»), когда одно дисциплинарное тело сплавляется с другим, преобразуется, рассекается на части и т.д. благодаря «менеджерам» и «маркетингу», ответственным за учреждение связанности отдельных социальных фраз. «Маркетинг становится центром или “душой” корпорации. Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью» [5, с. 231], – утверждает Делез. «Душа корпорации» – и есть сам процесс безудержного «отелеснивания», который парадоксальным образом равнодушен к социальной гилетике в целом. В связи с этим завоевание социальной топологии начинает осуществляться через захват доступа к

информации, базы данных, фиксацию ценностей, превращенных в ставки в социальной и политической игре, и мгновенное внедрение на этой основе микропрограмм, существующих в семиотических упаковках. В результате знаки, внедряемые в тело «массы» с целью осуществления контроля, утрачивают какую-либо онтологическую и когитальную содержательность, не отсылая более ни к чему, кроме самих же знаков.

Модульность как основной принцип сборки действительности переопределяет также и феноменальность гостеприимства. Гостеприимство, с одной стороны, обретает тонкую семиотическую артикуляцию, что позволяет отчетливо дифференцировать его как знаковый феномен. Но, с другой стороны, гостеприимство становится онтологически симулятивным. Это проявляется и как взаимозаменяемость «хозяина» и «гостя» [3], и как то, что «гость», трансформируясь в модуль, знак подключается к несовместимым по природе феноменам – политике, культуре, туристическом бизнесе.

Так, в новоевропейском «мире» принято говорить о гостеприимстве по отношению к мигрантам [7], однако подобное гостеприимство, облеченное в политико-дисциплинарные оболочки, предполагает не настрой предстояния здесь-бытия перед ликом «иного», не возможность встретить «другого-чужого» лицом к лицу и возвыситься над собой в событии этой встречи, как это было с гостеприимством в его «архаической» данности [4], а социально-анонимное чувство «толерантности», «терпимости», в любой момент способное обернуться в свою противоположность – чувства ненависти и враждебности.

Необходимо заметить, что ядром институционально-политических технологий власти новоевропейского «мира» являются товарно-денежные отношения и шире – отношения обмена вообще. «Обменная» метафора стремится покрыть собой все социальные «миры» и срезы их существования: от ценностно-идейного до телесного. В результате агрессивного проникновения коммерциализации в самые различные поля трансформируется и топология феноменальности гостеприимства. Так, например, К. Лэшли (Lashley) подразделяет «пространство» гостеприимства на три домена: социальное, частное (private) и коммерческое. Такое различие позволяет манифестировать принципиальную гетерогенность феномена гостеприимства в современном мире, однако необходимо признать, что доминирующим в нем оказывается «гостеприимство» коммерческое.

Для Лэшли социальный домен гостеприимства связан с разделяемыми социальными кодами приветствия прибывших, предоставления им еды, жилья и т.д. и благодарного принятия всего этого, – все это социальные коды вежливости и доверия, статуса и репутации, обязательства, взаимности и щедрости, которые явно располагаются вне любого коммерческого контекста.

Частный или приватный домен, как показывает Лэшли, находится в самой сердцевине представлений о гостеприимстве, понимаемого или в терминах буквального гостеприимства, предлагаемого хозяином дома, или в более широком, метафорическом смысле через обращение к «теме дома»

(“homeliness”), которая является ключевым измерением конституирования гостеприимства.

Однако в коммерческом поле «тема дома» как предоставления жилья хозяином подвергается серьезной трансформации: «дом» преобразуется в так называемое «коммерческое жилье», которое притязает на то, чтобы быть или хотя бы казаться «домашним очагом». В принципе здесь и рождается ландшафт индустрии гостеприимства. В то время как, с одной стороны, мы находимся на «земле», в «доме» «Святой Троицы», определяемой экономическими предложениями, с другой, – гостеприимство, предоставляемое и принимаемое, благодаря этой «Святой Троице» превращается в коммерческую услугу. В первую очередь, это выражается во введении в сердцевину гостеприимства денежной платы, из-за чего щедрость и взаимность, существующие вне экономических измерений, обращаются в задачи получения прибыли и эксплуатации.

Сегодня на туристическом рынке «гости» ищут и ожидают определенный уровень сервиса и, более того, – сервисности лишь потому, что они оплатили услуги, – купили «гостеприимство». В современном туристическом менеджменте это называется “calculative guesting,” «расчетливое гостевание», то есть оплата жилья, еды и т.п. становятся эмблематикой «гостя-туриста». Современный западный потребитель больше не является «странником», «гостем», которому должно быть предоставлено гостеприимство, – скорее, он является покупателем и рыночным потребителем *вещности* гостеприимства: еды, крепких напитков и пространств потребления. Другой термин из менеджмента туризма – “calculative hosting”, «расчетливое хозяйничание», то есть предоставление «Святой Троицы» гостеприимства, но лишь за деньги, лишь с целью получения прибыли. Таким образом, гостеприимство может быть куплено и продано. [8] В итоге «расчетливое гостеприимство», наблюдаемое в коммерческой области, фактически приводит к рыночному, товарно-денежному тождеству «хозяина» и «гостя». «Гостеприимство» превращается в эмблему, за которой скрывается совсем другой тип отношений, чем встреча «чужих», кодируемая этим понятием в мирах традиционных.

Однако следует иметь в виду, что новоевропейский «мир», притязающий на «глобальность», далеко неоднороден, что его онтология гетерогенна. Так, с точки зрения антрополога Эдуарду Вивейруша де Кастру, долгое время «западная философия была слишком долго одержима (историческим) временем, однако если превосходство времени над пространством было метафизическим двигателем идеи прогресса, то кризис прогрессистского разума, связанный с экополитическими вызовами, означает, что «время “времени” может вот-вот пройти» [6, с. 121], то есть, если говорить более точно, что темпоральность имеет не линейный, а множественный и разновекторный характер [6, с. 121-122]. Но при такой смене перспективы оказывается, что «прошлое не просто реально, оно *повсюду*, и это вовсе не анахронизм, а *несвоевременное*; то, что, выживая в зазорах глобального мира,

противостоит настоящему, взывая к иному будущему» [6, с. 102]. При этом, как замечают Е. Кучинов и Д. Шалагинов, «прошлое» в данном случае кодирует не движение вперед или назад по монолинейной оси истории, а иной режим интенсивности, «жизнь, которая проживается, не отталкиваясь от потребностей» [6, с. 103] и иной способ связывания сингулярностей [6, с. 127], то есть иную логику сборки «мира». В частности, представляется, что и сегодня в складках, на маргиналиях новоевропейской действительности продолжают существовать домены, хранящие условия возможности гостеприимства в его основаниях, *arche*, главными из которых являются: наличие сингулярных Я, за которыми стоят различающиеся опыты, различающиеся «миры», связующие эти «миры» символические узы и настрой встречи с «другим-чужим», пронизывающий здесь-бытие участников гостеприимства чувством возвышенного и их возвышающий.

С определенной долей условности для исследования феномена гостеприимства, существующего в современном новоевропейском «мире», можно использовать концепцию модификации карнавала М. М. Бахтина. Бахтин пишет, что «карнавал выработал целый язык символических конкретно-чувственных форм – от больших и сложных массовых действий до отдельных карнавальных жестов. Язык этот дифференцированно, можно сказать, членораздельно (как всякий язык) выражал единое (но сложное) карнавальное мироощущение, проникающее все его формы. Язык этот нельзя перевести сколько-нибудь полно и адекватно на словесный язык, тем более на язык отвлеченных понятий, но он поддается известной транспонировке на родственной ему по конкретно-чувственному характеру язык художественных образов, то есть на язык литературы. Эту транспонировку карнавала на язык литературы мы и называем карнавализацией ее» [1, с. 38]. В данном случае это высказывание М. М. Бахтина представляет интерес из-за акцента на языковом, семиотическом срезе трансформации карнавала, так как именно здесь можно провести параллель с модификациями феномена гостеприимства: гостеприимство, также как и карнавал, связано с определенным «языком символических конкретно-чувственных форм», который выражает настрой участников гостевой встречи. Более того, подобно карнавалу, матрица гостеприимства проявляется в символической размерности культуры, то есть, если воспользоваться формулой М. М. Бахтина, можно сказать, что происходит «транспонировка гостеприимства на язык литературы». Или, точнее, – подобно карнавалу, сегодня сценарий гостеприимства более или менее отчетливо обнаруживается в практиках рецепции инокультурных феноменов.

Кроме того, в свете воссозданной М. М. Бахтиным логики исторических трансформаций карнавала, достаточную отчетливость обретает еще один аспект аналитики гостеприимства. М. М. Бахтин пишет: «Карнавал как бы перевоплотился в литературу» [1, с. 176]. Сегодня это в полной мере можно отнести и к феномену гостеприимства, которое, безусловно, подвергается историческим, но также и топологическим трансформациям, как

бы кочуя по разным измерениям, доменам социальных и жизненных «миров». И, если вернуться к проблематизации возможности гостеприимства в новоевропейской действительности, то вполне очевидно смещение гостеприимства в символическую размерность культуры. Так, если обратиться к философии, науке, искусству, то здесь, в противовес «массовой» культуре, все зиждется на Я, авторе, «послания» которого обращены не к «обществу», «народу», «нации», «классу» и т.п., а в первую очередь к другому Я, автору, что и обеспечивает существование этих инициатив на протяжении многих столетий. Именно утверждение Я-автора, Я-сингулярности в самой сердцевине феноменальности и философии, и науки, и искусства позволяет говорить о существовании структурности гостеприимства в этих доменах, причем – не просто как о метафоре, а как об их конститутивном основании.

Кроме того, в темпоральности «высокой культуры» действует принцип синхронии, который предполагает, что так называемые «исторические авторы» на самом деле предстают как авторы, синхронные с нами, действующие в современном поле культуры, по сути, задающие диспозицию того или иного поля культуры. И за этими авторами стоят различающиеся, «иные» по отношению друг к другу «миры», соотнесенные с различающимися Я, в которых мы оказываемся, скорее, на правах «гостей», чем «хозяев». Нужно заметить, что в современных исследованиях, посвященных практикам рецепции произведения, неоднократно звучало требование возвести в ранг этического закона отказ от редуктивных программ «при-своения», ассимиляции «иного». Однако не менее важно, что такого рода «гостеприимство» становится возможным лишь при удерживании границ «своего». Более того, это происходит лишь в случае, если базовые интенциональности опыта «чужого» резонируют с диспозицией «своего» опыта. И в этом резонансе манифестируются символические скрепы между «мирами», которые и делают философию – философией, науку – наукой, искусство – искусством, невзирая на хронологическую удаленность «авторов», которые сами предстают символическими фигурами.

И, наконец, «культурное», или «символическое» гостеприимство, втянувшееся в рецепцию того или иного произведения, озабочено не столько его истолкованием как данности некой «упорядоченной каузальности мыслей» (Ф. Ницше), понятий, ценностей и т.п., сколько опытом «другого-чужого», представленным в воплощенной форме. Но тогда рецепция – это, скорее, опознание и схватывание событий в том или ином поле культуры, наполненных «некоторым музыкальным настроением» (Ницше), мелосом. Этот «музыкальный настрой» позволяет распознать «гостя» в «доме» «своей» культуры и принять «чужие» смысловые конфигурации, – в свою очередь, стать «хозяином», гостеприимно принимающим «гостей» в своем «доме».

Тем не менее, не следует замыкать матрицу гостеприимства в современном мире исключительно в культурно-символической размерности. Последние десятилетия происходят стремительные и подчас резкие изменения

в социальной жизни, которые ответственны не только за разнообразные новации, но и за распад или деконструкцию ставших традиционными институций. Диапазон этих процессов достаточно широк: он охватывает институции от семиотических до социальных, и, что самое главное, эффектом этих процессов становится активизация интенсивности отдельных жизненных «миров», пробуждение Я.

Есть и еще одна причина подобной активизации: это своего рода «проекция» принципов гостеприимства из культурно-символической данности в размерность социальных и жизненных «миров», то есть превращение гостеприимства в одну из фундаментальных антропотехник, ибо она поразительно привлекательна как раз в настаивании на уникальности Я, – уникальности онтологической, экзистенциальной.

Наконец, полем манифестации гостеприимства, как это не парадоксально, являются и социальные институты, если понимать их не в некой статуарности, но принимать в расчет неизбежно сопутствующие им *la communauté inavouable*, «неописуемые сообщества» (М. Бланшо) [2]. Их «неописуемость» состоит в неместимости в жесткие институциональные формы. Дело в том, что эти сообщества живут интенсивностью, взаимоналожением, сплавлением гетерогенных жизненных «миров», порождая Я, столь необходимое для феноменальности гостеприимства или, по крайней мер, его контуры.

Для того чтобы феномен гостеприимства обрел жизненность, не нужно осуществлять музеефикацию его реалий и пытаться воплотить их в жизнь. Однако при этом следует учитывать, что в сегодняшнем «мире» номинация гостеприимства используется для тех явлений, которые не имеют отношения к феномену гостеприимства в хайдеггеровском смысле, к его «архэ», и обращение к прошлому как иному представляет интерес для экспликации феномена гостеприимства в чистом виде. Подобное осмысление может способствовать экзистенциальному повороту: изменению здесь-бытия и горизонта будущего, – будущего, в котором может открыться «архэ» гостеприимства в его бытийной чистоте.

Список литературы:

- 1.Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин, М. М. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 6.: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х-1970-х гг. 1960-х-1970-х гг. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – С. 7-300.
- 2.Бланшо, М. Неописуемое сообщество / пер. с фр. Ю. Стефанова. – М.: Изд.-во МФФ, 1998. – 80 с.
- 3.Ватолина, Ю. В. Гостеприимство в предельной интерпретации: Жак Деррида// Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2013. – Вып. 1. – С. 3-7.

4. Ватолина, Ю. В. Гостеприимство как этос возвышенного // Этнические процессы в глобальном мире: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. И. В. Земцова; С.-Петербургский институт управления и права. – СПб.: Астерион, 2014. – С. 149-154.
5. Делез, Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – М.: Наука, 2004. – С. 228.
6. Кучинов Е., Шалагинов Д. Дикий Прометей: стратегический примитивизм и вопрос о технике // Логос – Философско-литературный журнал. – 2022. – Т. 32, №2. – Тёмная антропология. Онтологический поворот. – Т. 1. – С. 97-129.
7. Монтадон, К. 90-е годы: возникновение новых ритуалов приема в связи с ростом общественной и профессиональной мобильности принимаемых // Традиционные и современные модели гостеприимства: Материалы российско-французской конференции 7-8 октября 2002 г. – М.: РГГУ, 2004. – С. 119-141.
8. Lashley, C. Towards a Theoretical Understanding // Lashley C., Morrison A. (Eds.) In Search of Hospitality: Theoretical Perspectives and Debates. – London: Butterworth Heinemann, 2000. – P. 1–17.

Вахромеева Оксана Борисовна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 3984-2671

**ДВА ДОКЛАДА. Б.В. АНАНИЧ И Т.М. КИТАНИНА В 2011 ГОДУ НА
КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
МИРОВОЙ ИСТОРИИ» (К 90-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ)**

Аннотация: В 2007–2015 гг. в составе Исторического факультета С.-Петербургского государственного университета была открыта Кафедра истории предпринимательства и менеджмента. В числе её преподавателей были доктор исторических наук, академик РАН, профессор Б.В. Ананьич (4 марта 1931 – 20 июля 1915) и доктор исторических наук, профессор Т.М. Китанина (14 июня 1929 – 26 декабря 2020). Оба они являлись выпускниками исторического факультета 1953 г. Оба они были выдающимися отечественными учёными, получившими всемирное признание, прекрасными наставниками в науке, воспитавшими не одну смену молодых учёных, благородными людьми и уникальными личностями. 27–29 апреля 2011 г. оба историка принимали участие в работе межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, организованной при СПбГУ, по результатам которой не сохранилось каких-либо свидетельств. Однако автор законспектировала выступления Б.В. Ананьича о взаимосвязи экономической истории России с политикой и революцией и Т.М. Китаниной о проблеме индустриализации. В статье, посвящённой 90-летию Исторического факультета (Института истории) СПбГУ, помимо публикации тезисов докладов двух профессоров, речь идёт о традициях научной исторической школы в городе на Неве.

Ключевые слова: Исторический факультет СПбГУ, Б.В. Ананьич, Т.М. Китанина, Б.А. Романов, А.В. Предтеченский.

**TWO REPORTS. B.V. ANANICH AND T.M. KITANIN IN 2011 AT THE
CONFERENCE «SOCIO-ECONOMIC ISSUES IN WORLD HISTORY» (TO
THE 90TH ANNIVERSARY OF THE FACULTY OF HISTORY OF SPbSU)**

Summary: In 2007–2015 The Department of History of Entrepreneurship and Management was opened as part of the Faculty of History of St. Petersburg State University. Among her teachers were Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor B.V. Ananich (March 4, 1931 – July 20, 1915) and Doctor of Historical Sciences, Professor T.M. Kitanina (June 14, 1929 – December 26, 2020). Both of them were graduates of the Faculty of History in 1953. Both of them were outstanding domestic scientists who received worldwide recognition, excellent

mentors in science, who trained more than one succession of young scientists, noble people and unique personalities. On April 27–29, 2011, both historians took part in the interuniversity conference of students, graduate students and young scientists, organized at St. Petersburg State University, the results of which did not preserve any evidence. However, the author took notes on B.V.'s speech. Ananich on the relationship of the economic history of Russia with politics and revolution and T.M. Kitanina about the problem of industrialization. In the article dedicated to the 90th anniversary of the Faculty of History (Institute of History) of St. Petersburg State University, in addition to the publication of abstracts of reports of two professors, we are talking about the traditions of the scientific historical school in the city on the Neva.

Keywords: Faculty of History, St. Petersburg State University, B.V. Ananich, T.M. Kitanina, B.A. Romanov, A.V. Predtechensky.

В 2024 г. Институту истории (Историческому факультету) СПбГУ исполняется 90 лет. С юбилеем, Alma mater! Поздравить истфак следует, обратившись к его славной научной традиции.

Выпуск Исторического факультета ЛГУ 1953 г. был исключительным. В тот год квалификация «историк» по специальности «история» была присвоена целой плеяде отечественных учёных: Борису Васильевичу Ананьичу (4 марта 1931 – 20 июля 2015), Аполлону Борисовичу Давидсону (рожд. 23 августа 1929 г.), Виктору Моисеевичу Паняху (30 июня 1930 – 19 июля 2017), Алексею Николаевичу Цамутали (рожд. 10 февраля 1931 г.), Таисии Михайловне Китаниной (14 июня 1929 – 26 декабря 2020), Руслану Григорьевичу Скрынникову (8 января 1931 – 16 июня 2009), Валентине Григорьевне Чернухе (13 ноября 1930 – 31 января 2014), Валерии Антониновне Нардовой (12 ноября 1929 – 18 января 2022), Юрию Борисовичу Соловьёву (9 декабря 1929 – 4 марта 1995) и др.; кафедру археологии в 1953 г. закончил Анатолий Николаевич Кирпичников (25 июня 1929 – 16 октября 2020). Многие из них были долгие годы коллегами и соавторами единственных в своём роде исследовательских проектов, многие дружили на протяжении всей жизни.

Как отметил А.С. Минаков, они учились у «блестящего созвездия талантливых педагогов»: ораторским искусством их очаровывал Е.В. Тарле, энциклопедической эрудицией В.В. Струве, артистизмом В.И. Равдоникас, виртуозным анализом источников С.Н. Валк, интеллектуальным обаянием Б.А. Романов; курс палеографии читал Д.С. Лихачёв [1, С. 246]. Ряд из однокурсников Б.В. Ананьича и Т.М. Китаниной (шахматист В.Л. Корчной, историки Ю.Б. Соловьёв, А.Б. Давидсон, Л.С. Семёнов, В.Г. Чернуха и др.) первое время специализировались по «Истории международных отношений» [2, С. 106], однако, в дипломе была указана «История» [2, С. 111]. Это свидетельствует о попытке реформы в стенах Alma mater и поиске исторической наукой своего места в системе знаний об обществе.

Университетским учителем для Борис Васильевича Ананьича был доктор исторических наук, профессор Борис Александрович Романов (1889–1957),

который был учеником А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского. Среди известных учеников Б.А. Романова также были Р.Ш. Ганелин, Н.Е. Носов, В.М. Панеях, Р.Г. Скрынников, А.А. Фурсенко [2, С. 106]. Борис Васильевич Ананьич 21 октября 1991 г. так вспоминал о Б.А. Романове: «В Борисе Александровиче одном было больше таланта, чем во всех нас, его учениках, вместе взятых» [2, С. 107]. Учитель и ученик с 1956 г. стали коллегами, когда Борис Васильевич был принят младшим научным сотрудником ЛОИИ (ныне — СПбИИРАН). «В Институте истории В.Б. Ананьич продолжил с Б.А. Романовым совместную работу по подготовке сборника документов "Русские финансы и евро-американский финансовый рынок (1891–1914 гг.)". Сборник был завершён через несколько лет, уже после смерти Б.А. Романова, но, к сожалению, так и не был издан. Борис Васильевич часто вспоминал, как он в последний год жизни учителя почти каждый день ездил к нему на велосипеде в город Пушкин для работы над сборником. Совместная научная работа и личное общение с Б.А. Романовым стали замечательной школой для Б.В. Ананьича. Он всегда с особой теплотой и благодарностью отзывался о своём учителе» [2, С. 114].

У Бориса Александровича Романова была особая методика построения семинарских занятий. В 1948 г. Б.В. Ананьич записался на семинар Б.А. Романова по империализму, и откровенно был разочарован тем, что профессор вслух читал студентам работу В.И. Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма (Популярный очерк)». (Пг., 1917). Знакомя студентов с экономической работой Ленина, написанной в эмиграции в Швейцарии в 1916 г., служившей продолжением «Капитала» К. Маркса в условиях новой исторической эпохи, историк настраивал внимание студент, отмечал их реакцию и степень подготовки, готовил к работе с историческим источником. Затем Романов перешёл к форме рассказа, в чём был непревзойдённый мастер, и детально описывал первокурсникам свою работу над сочинением «Россия в Маньчжурии (1892–1906. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма)» (Л., 1928) [2, С. 107]. Так историк делился «с молодой научной порослью» исследовательскими навыками и методами, раскрывая перед внимательными и вдумчивыми студентами элементы своей научной лаборатории. О первом исследовательском опыте у Б.А. Романова Борис Васильевич вспоминал в 2013 г. так: «Я привёз Борису Александровичу свою первую курсовую работу, хотел оставить, но Романов пригласил меня присесть напротив него в его рабочем кабинете и предложил начать читать мой текст вслух»; так происходило несколько раз подряд. По ходу чтения Борис Александрович задавал Борису Васильевичу вопросы, отмечал отдельные моменты, расставлял акценты. Так завязывалась дружба между учителем и учеником, так передавалась из уст в уста научная традиция, так сложилось бесконечное уважение и доверие друг к другу.

Научную школу Б.В. Ананьича составляют десятки его учеников. Под руководством Бориса Васильевича с 1975 г. по 2009 г. были защищены 25

кандидатских диссертаций и с 1990 г. по 2013 г. 12 докторских диссертаций. Обе свои диссертации у него защитили известные историки: М.Ф. Флоринский, П.В. Лизунов, С.К. Лебедев, Б.Б. Пак, В.В. Лапин, А.В. Ремнев, А.И. Сапожников. Профессор курировал научную работу нескольких десятков иностранных исследователей – стажёров [2, С. 230–237]. Был автором более 300 научных трудов. В книге «Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним» (СПб., 2016) среди основных упомянуты 23 его работы (но, думается, что у каждого, кто знал Бориса Васильевича Ананьича или принадлежал к его научной школе существует своя книжная полка его трудов): «Россия и международный капитал. 1897–1914» (Л., 1970), «Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг. (По материалам Учётно-ссудного банка Персии)» (Л., 1975), «Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства». (Л., 1991), «Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. Вып.2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле» (СПб., 1993, 1998), «Власть и реформы: От самодержавия к советской России» (СПб., 1996), «Русская эмиграция до 1917 г. — лаборатория либеральной и революционной мысли». (СПб., 1997), «Сергей Юльевич Витте и его время». (СПб., 1999), «Главные банки России. От Государственного банка Российской империи к Центральному банку Российской Федерации, 1860–2000». (М., 2000), «Петербург: История банков». (СПб., 2001), «Кредит и банки в России до начала XX в.: Санкт-Петербург и Москва». (СПб., 2005), «И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции». (СПб., 2007), «Толстой И.И. Дневник в двух томах: В 2 тт.» (СПб., 1906–1910) [2, С. 228].

Профессор Е.В. Тарле, который был дружен с Б.А. Романовым ещё по С.-Петербургскому университету, в 1960-е гг. посоветовал Б.В. Ананьичу обратить внимание на тему спецкурса «Мемуары как исторический источник». Он подарил ему десятки книг по психологии и социологии [2, С. 121]. Специальный курс «Мемуары второй половины XIX — начала XX вв. как исторический источник» на Историческом факультете ЛГУ с 1969 г., с того момента как начал преподавать в стенах родного вуза, Борис Васильевич читал на протяжении десятилетий. Многие поколения истфакийцев (преимущественно историков России) с небольшими перерывами слушали его по пятницам в вечернее время в аудиториях первого, второго или третьего этажа. Последний раз Б.В. Ананьич читал свой курс в 2012–2013 уч.г. для студентов III курса кафедры истории предпринимательства и менеджмента (в 24-й аудитории). В 2013 г. в учебнике «Биографика (методика написания биографий)» под научной редакцией Бориса Васильевича автором статьи были помещены девять сохранившихся лекций за 1993–1994 уч.г. [3, С. 67]. Лекции были переизданы в 2016 г. в книге «Ананьич Борис Васильевич. Каким мы его помним» [2, С. 86–98].

Таисия Михайловна Китанина была ученицей профессора Анатолия Васильевича Предтеченского (1893–1966). Об учителе она оставила воспоминания в книге «Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого

наследия» (СПб., 1999). Таисия Михайловна всегда вспоминала об Анатолии Васильевиче с большой теплотой, до конца своих дней испытывая чувство глубокой признательности — за долгие плодотворные беседы, музицирование за роялем, возможность заниматься наукой — главным делом её жизни [4, С. 8].

В 1956 г. Т.М. Китанина поступила на службу в ЛОИИ, она отдала Институту истории РАН более 40 лет своей жизни. Таисия Михайловна с большим упорством и увлечением вела научную работу на стыке двух наук, истории и экономики. Среди наиболее важных её работ следует назвать: «Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина». (Л., 1969), «Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики)». (Л., 1978), «Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917)». (Л., 1985), «Рабочие Петербурга 1800–1861. Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение». (Л., 1991), «Экономика и экономическая политика. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г.». (СПб., 2003), «Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика: Курс лекций». (СПб., 2016), «Развитие концерна Путилова – Стахеева – Батолина и трансформация его финансов о промышленной стратегии в годы Первой мировой войны». (СПб., 2017), «Проникновение крупного российского капитала в экономику Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.». (СПб., 2019) [5, С. 455]. У Т.М. Китаниной вышло более 250 научных публикаций по социально-экономической истории Росси XVIII–XX вв. [1, С. 247]. Накануне своего 90-летнего юбилея Таисия Михайловна выпустила по просьбе научной общественности библиографию своих научных трудов: «Таисия Михайловна Китанина: Библиографический указатель трудов. 1959–2017» (СПб., 2017, 24 с.).

В 1995 г. Таисия Михайловна начала преподавать на Историческом факультете СПбГУ, сначала на кафедре истории России с древнейших времен до начала XX в., в 2007–2015 гг. — на кафедре истории предпринимательства и менеджмента, а когда данное подразделение влилось в кафедру истории народов стран СНГ, то до февраля 2019 она преподавала на ней. Среди её лекционных курсов и семинарских занятий были: «Российское общество в 1800–1917 гг.: государство, сословия, экономика», «Россия в Первой мировой войне: правительственная политика», «Россия в Первой мировой войне: экономика и экономическая политика», «Социально-экономическая история России (с конца XVIII в. до 1917 г.)». У Т.М. Китаниной было много учеников, участников семинарских и практических занятий, обычных студентов, которые хотели получить научную консультацию именно у неё. В научных кругах С.-Петербурга известен семинар профессора по социально-экономической истории России, который, согласно традиции петербургской исторической школы, проходил дома у его руководителя [4, С. 8].

Принадлежность к научной петербургской исторической школе профессора Б.В. Ананьича и профессора Т.М. Китаниной — это наивысший знак качества для исследователей, которые в своих печатных трудах и публичных выступлениях являют миру её свет.

С 27 по 29 апреля 2011 г. Борис Васильевич Ананьич и Таисия Михайловна Китанина приняли участие в работе межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, организованной кафедрой истории предпринимательства и менеджмента Исторического факультета СПбГУ под названием «Социально-экономические вопросы мировой истории (с древности до современности)». Материалы рядовой конференции не были опубликованы. Автор статьи, присутствовавшая как представитель кафедры истории предпринимательства и менеджмента на всех заседаниях, по своему обыкновению вела конспект выступлений. Был законспектирован доклад Б.В. Ананьича о взаимосвязи экономической истории России с политикой и русской революцией и доклад и Т.М. Китаниной о современном звучании проблемы индустриализации в России. Их тексты без редакторской правки, но с минимальными комментариями автора в угловых скобках, приводятся ниже.

Исторический факультет СПбГУ. 27 апреля 2011 г. 70-я аудитория. Время 11.30. Первый доклад. Б.В. Ананьич.

«Экономическая история России связана с политикой и русской революцией. Изучая экономическую историю, узнаём, как тот или иной аспект отразился на изучении революции. В советской историографии Россия понималась как полуколония. Конечно, данная точка зрения имеет смысл. Россия, как имеющая влияние, в значительной степени — зависимость от Франции. Но не стоит сильно педалировать эту зависимость России. Эта характеристика существовала долго. Отказ от неё связан с исследовательской деятельностью группы в Москве, которую возглавлял Аркадий Лаврович Сидоров <(1900–1966), доктор исторических наук, профессор, специалист по экономической истории начала XX в.>. Она занималась развитием экономики в дореволюционной России. Ими был выработан термин о среднем экономическом уровне России (Бовыкин <Валерий Иванович Бовыкин (1927–1998) доктор исторических наук, профессор, специалист в области экономической истории России>, Волобуев <(1923–1997) доктор исторических наук, профессор, академик, ученик И.Ф. Гиндина и А.Л. Сидорова>, Тарновский <(1921–1987)> доктор исторических наук, профессор, историограф, специалист в области отечественной истории империализма). Эта характеристика существует как определённая в экономической истории России. Но конкретно она нас сейчас не может удовлетворять. Так термин сложно раскрыть. Второй термин — кризис самодержавной власти. В последние годы существует оппозиция к этим двум характеристикам. В частности, в конкретном мнении Б.Н. Миронова <(Борис Николаевич Миронов (рожд. 1942 г.) доктор исторических наук, специалист в области исторической социологии, экономической и демографической истории>, который настаивает на развитии

России в XIX – начале XX в. Он опубликовал в "Родине" статью на эту тему. В данный момент началась активная полемика. Активная позиция у Островского <Александр Владимирович Островский (1947–2015) доктор исторических, профессор> как оппонента Миронова. Эта ситуация отражает экономическую ситуацию накануне революции. Миронов — математик <Борис Васильевич ошибся, Б.Н. Миронов в 1959 г. поступил на эконмический факультет ЛГУ, но был отчислен со второго курса за антимарксистские взгляды, в 1961 г. был восстановлен и стал студентом истфака>. Оппоненты Миронова. В качестве основного направления: 1) в Москве — кафедра Бородкина, 2) в Центральном Банке России — Бугров <А.В. Бугров – современный российский историк отечественной банковской системы и денежного обращения>, 3) Ю.А. Петров возглавляет Институт истории в Москве, опубликовал двухтомную историю Государственного банка России. Эта книга — образец для сочинений, необходимых, чтобы выстроить экономическую концепцию России рубежа XIX–XX вв.».

Доклад Т.М. Китаниной.

«Проблема конкретная — индустриализация. Важны мои источники индустриализации. Мы сейчас стоим на пороге индустриализации. Чего не хватает сейчас? Развития промышленности. Два направления идеологические: 1) Л.Н. Толстой (корреспондент Сыромятников) и 2) Д.И. Менделеев. Надо обратить внимание на международную арену и законодательную политику Министерства финансов (особенность — влияние государства). Промышленный переворот (60–80-е гг. XIX в) установлен в работе Рындзюнского (1978 г.) <Павел Григорьевич Рындзюнский (1909–1993) историк москвоведения, Отечественной войны 1812 г., движения декабристов, основные его работы посвящены генезису капитализма в России>, формируются классы; индустриализация — это способствование капитализма. Правящие круги добивались конкурентоспособности страны на международной арене. Сохранялось дворянское, помещное землевладение. В начале XX в. объём производства в обрабатывающей промышленности на V месте (после США, Германии, Англии и Франции). 5 % России в доле мирового производства (хотя у Франции только 1,7%). Подъёмы и падения, как в других странах. Наступил III этап индустриализации, 1900–1914 гг., главный рывок за счёт производства средств производства. Определён прирост группы А (производство тяжёлой промышленности). Надо фактологически смотреть историографию экономических работ и экономистов в 20-е годы XX в., не в силу идеологии, а они были современниками и многое видели».

Список литературы:

1. Минаков, А.С. Таисия Михайловна Китанина (1929–2020) // Российская история. – 2021. – №3. С. 246–248.
2. Борис Васильевич Ананьич. Каким мы его помним. – СПб.: Лики России, 2016. – 248 с., ил.

- 3.Вахромеева, О.Б. Профессорские семинары Петербургского университета как неотъемлемый элемент научной школы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – №1. С. 65–68.
- 4.Вахромеева, О.Б. Уроки жизнелюбия Таисии Михайловны Китаниной // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2014. –. № 19. С. 6–8.
- 5.Петров, Ю.А. Памяти Т.М. Китаниной. Предисловие / Экономическая история: ежегодник. – М.: ИРИ РАН, 2021. С.455.

Вахромеева Оксана Борисовна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 3984-2671

**ДВА ПИСЬМА О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ И.М. ГРЕВСУ
(ОТ 9 АВГУСТА И ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1936 Г.): ПУБЛИКАЦИЯ
ИСТОЧНИКОВ С КОММЕНТАРИЯМИ**

Аннотация: Первая в Советской России женщина–учёный, удостоенная докторской степени по всеобщей истории, всемирно известный медиевист и палеограф, профессор Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939) была ученицей профессора средних веков, одного из основателей отечественного исторического краеведения Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Историки были коллегами, друзьями и духовно близкими людьми. В публикуемом в статье письме О.А. Добиаш-Рождественской И.М. Гревсу от 9 августа 1936 г. и продолжающем его письме от 19 сентября 1936 г. — эпистолярных источниках, впервые вводимых в научный оборот, речь идёт о мотивах, приведших к смене убеждений и мировосприятия внешних обстоятельств под давлением перенесённых человеческих трагедий в частной жизни. Оба письма 1936 г. приводятся с комментариями автора, которые помещены в квадратные скобки.

Ключевые слова: О.А. Добиаш-Рождественская, И.М. Гревс, эпистолярный источник, история.

**TWO LETTERS O.A. DOBIASH-ROZHDESTVENSKOY TO I.M. GREAVS
(FROM AUGUST 9 AND SEPTEMBER 19, 1936):
PUBLICATION OF SOURCES WITH COMMENTS**

Summary: The first in Soviet Russia, a female scientist awarded a doctorate in general history, a world-famous medievalist and paleographer, Professor Olga Antonovna Dobiash-Rozhdestvenskaya (1874–1939) was a student of the professor of the Middle Ages, one of the founders of Russian historical local history, Ivan Mikhailovich Greavs (1860–1941). Historians were colleagues, friends and spiritually close people. In the letter published in the article from O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya I.M. Greavs dated August 9, 1936 and his continuing letter dated September 19, 1936 — epistolary sources introduced into scientific circulation for the first time, we are talking about the motives that led to a change in beliefs and worldview of external circumstances under the pressure of human tragedies suffered in private life. Both letters from 1936 are given with the author's comments, which are placed in square brackets.

Keywords: O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya, I.M. Greavs, epistolary source, history.

Будучи жителями Васильевского острова в Ленинграде, Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939) и Иван Михайлович Гревс (1860–1941) на момент написания публикуемых писем были знакомы более четырёх десятков лет. О.А. Добиаш-Рождественская была ученицей профессора медиевиста И.М. Гревса по Бестужевским курсам, на историко-филологическом отделении которых училась в 1895–1899 гг. Имя первой женщины–учёной, удостоенной докторской степени по всеобщей истории в Советской России, до революции стало всемирно известно кругу медиевистов, благодаря её научным трудам и знакомству с Ф. Лотом и Ш.-В. Ланглуа, а начиная с конца 1910-х гг. среди палеографов. Ученик и ученица, коллеги и духовно близкие люди во второй половине 1930-х редко виделись в летние месяцы (в течении учебного года с 1934 г. они преподавали на кафедре Средних веков на Историческом факультете ЛГУ); обоих одолевали физические недуги, оба были заняты определённым количеством научных проектов. О.А. Добиаш-Рождественская и И.М. Гревс состояли в переписке на протяжении долгих лет, но два письма 1936 г., от 9 августа и 19 сентября, имеют другую тональность. Они напоминают разговор двух близких по духу личностей в период, когда их поиск понимания мира, в котором они живут, очередной раз приводит к собственной трансформации. Переписка наполнена небезучастным отношением к судьбам их учеников. Она письма написаны Ольгой Антоновной, но она полемизирует с Иваном Михайловичем, приводя в виде цитат его слова и размышления.

Оба эпистолярных источника впервые вводятся в научный оборот в полном объёме; письмо от 9 августа 1936 г. было частично опубликовано автором в 2004 г. [1, С. 337–338]. Письма публикуются с авторскими комментариями в квадратных скобках и с уточнениями в угловых скобках. Орфография, синтаксис и пунктуация О.А. Добиаш-Рождественской сохранены.

«9 августа 1936 г.

Дорогой
Иван Михайлович!

Я получила сегодня Ваше письмо и искренне порадовалась, что Вы чувствуете себя хорошо на месте отдыха, устроившемся в порядке "приватных отношений". Более чем понимаю, что если Вам хорошо, то нет особенной охоты менять это место на Петергоф (да, может быть, в том же порядке приватных отношений это даже и неудобно?), хотя, вероятно, санатория сняла бы с Вас и Марии Сергеевны [супруга И.М. Гревса, М.С. Гревс, ур. Зарудная (1860–1941), выпускница Бестужевских курсов 1883 г., деятельница в области народного просвещения, библиотекарь — *О.В.*] хозяйственные заботы и, может быть,крепило бы наконец, Ваше место в качестве момента, столь измучившего Вас (да и нас всех) КСУ [Комиссия содействия учёным при СНК СССР, действовала с 1931 по 1937 г. — *О.В.*]. — Если, конечно, запоздалое предложение Вам путёвки означает введение Вас в список [вышеназванной

комиссии— *О.В.*] В таком случае, уже навсегда. Тогда, всё-таки <в оригинале "всётаки">, в этом "событии", при всех раздражающих его обстоятельствах есть, наконец, что-то положительное. Но ещё раз более чем понятна охота Ваша на всё это "наплевать" [потеряв в 1918 г. дореволюционную статусность в науке, пережив годы опалы на отечественное краеведение, И.М. Гревсу пришлось особенно трудно в бытовом отношении (квартирном, медицинском и др. вопросах), что выработало в нём позицию равнодушного отношения к бюрократии — *О.В.*]» [2, Л. 3–3 об.].

«Затем: конечно, если не является сколько-нибудь спешным вопрос финансовый, Вам нет никакой нужды спешить с "оформлением" и переписыванием очерка о городах, раз на пути к ним лежит полоса малоприятной работы. Если я спешила с этим делом, то потому что не хотела, чтобы на мне лежала вина в задержке этих финансовых вопросов. А также потому, что по общему уклону своего характера предпочитаю поскорее кончать с наиболее трудными и почему-либо не совсем приличными работами. [В опубликованной библиографии трудов И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рожественской нет упоминания о данной работе — *О.В.*] Но слишком понятно, что Ваш запоздалый и без того слишком короткий отдых Вы не хотите портить и ещё более, тем самым, сокращать. По ставимому Вами вопросу об иллюстрациях я ничего сказать Вам не могу. Обо всех других вещах лучше осведомлена Елена Чеславовна [ученица И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рожественской Е.Ч. Скржинская (1897–1981), выпускница III Петроградского университета 1918 г.; историк–медиевист, доктор исторических наук, специалист по истории Италии, Византии и Древней Руси; знаток вспомогательных исторических дисциплин — *О.В.*].

Книгу Lot'a я Вам, конечно дам [Фердинанд Лот (1866–1952) — французский историк–медиевист, специалист по истории средневековой Франции и поздней Римской империи. Был преподавателем О.А. Добиаш-Рожественской, когда она училась в Сорбонне. Лот был женат на подруге медиевиста по курсам, Мирре Ивановне Лот-Бородиной (1882–1952) — *О.В.*]. Монополисткой в книжных вопросах — я думаю, Вы знаете — я не бывала никогда. Но дам Вам её на короткое время. Она мне будет нужна в течение <в оригинале "втечение"> всего первого полугодия [речь идёт о первом семестре 1936–1937 уч. г. в ЛГУ — *О.В.*]. Вам она нужна для ознакомления. И в этом смысле мы условимся, на какое время и в какой срок удобнее, чтобы Вы её взяли [у О.А. Добиаш-Рожественской было врождённое чувство времени, она всегда умела его ценить, была пунктуальная и точна — *О.В.*]. Она также обещана Холмогорову [Валентин Иванович Холмогоров (1903–1942) — выпускник Петроградского университета 1923 г., был историком Древнего Рима; в 1938 г. в ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию «Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н.э.» — *О.В.*], которому она необходима ближайшим образом в связи с его работами» [2, Л. 3 об.–4].

«Относительно "ферганских планов". [В 1930 г. был основан Ферганский государственный университет, на сформированный исторический факультет которого требовались новые научные кадры — *О.В.*]. Я была бы очень счастлива, если бы мог туда отправиться В.В. Бахтин. [Палеограф Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951) — выпускник Петроградского университета 1922 г., ученик И.М. Гревса и О.А. Добиаш-Рождественской; работал с последней в Публичной библиотеке, арестовывался в 1928, 1931 и 1937 г. — *О.В.*]. Это бы его "закрепило" в положительном <в оригинале "полож."> смысле и стало бы ступенью для возвращения к научно-профессорской работе [Бахтин кратковременно работал на кафедре средних веков ЛГУ — *О.В.*]. Я опасаясь только, что эти возможности для него отведены его confessions [«признаниями», имеется в виду показаниями, которые он давал, когда содержался в заключении — *О.В.*], как ими, по-видимому <в оригинале "повидимому">, были парированы результаты моих усилий этого полугодия. По-своему <в оригинале "по своему"> он, конечно прав. Для него Париж не стоил обедни. Но, по-видимому <в оригинале "повидимому">, это непоправимо и решает и "ферганский вопрос". Так сказала мне Е.Ч. [Скржинская — *О.В.*]. Очевидно, какая-то не преодолеваемая репутация в этом смысле имеется» [2, Л. 4].

«Что касается самой Е.Ч. [Скржинской — *О.В.*], то ей я, обсуждая для неё Фергану, пожалуй, не дала бы такого совета. "Карьерно" это представляло бы для неё некоторые выгоды. Но м.б. она обойдётся и без этого. С другой же стороны, уехав на целые полгода, она должна была бы "обнажить" те участки работы, при которых стоит, и стоять, кроме неё, некому, где она едва-едва закрепилась — к счастью для них и для себя: преподавание палеографии, которое будет ей стоить огромной подготовки, но и чрезвычайно много даст, притом настоящего, строго научного и учёного, а также в смысле репутации в области, где не грозит её ничто сомнительное [О.А. Добиаш-Рождественская проявляла заботу о своих учениках, как в научном, так и человеческом смысле; речь идёт о том, что занятие палеографией как вспомогательной исторической дисциплиной "защитит" Скржинскую от "расплаты" за неудачно выбранную тему — *О.В.*]. С другой стороны, кто — в ИИНИТ'е [Институт истории науки и технике АН в 1936 г. был переведён из Ленинграда в Москву — *О.В.*] — в эти ответственные полгода поведёт наши средневековые издания [свет увидел только первый выпуск сборника статей учеников и коллег О.А. Добиаш-Рождественской «Агрикультура в памятниках Западного Средневековья» (М.; Л.: Академия Наук СССР, 1936. 364 с., ил.) — *О.В.*]? Тогда Ленинград грозит выпустить их из своих рук, и многое в нём, в этом смысле, затеряется [мысль О.А. Добиаш-Рождественской оказалась прозорливой, т.к. несмотря на перспективность научных исследований, проект бы закрыт — *О.В.*]. Сама она слишком недавно, с другой стороны, после "гидротехнической и медицинской" рефератной своей работы [С 1933 по 1935 гг. Скржинская работала переводчицей в Институте экспериментальной медицины — *О.В.*], вновь стала

упражняться на более или менее настоящей медиевистике и даже ещё не осуществила того, что — к счастью — случайность открыла ей на ближайший год: преподавание в высшей школе. Как, теперь же, стала бы она создавать курс — общий курс по Западной Средневековью — для Ферганы, такая фатально, слишком, молодая: отстав от этой темы и наспех? В её недавнем "возврате к науке" это было бы, очевидно, новым падением. Это только хорошо для человека с готовым уже имеющимся опытом, как С.Н. Чернов [Сергей Николаевич Чернов (1887–1941) — ученик С.Ф. Платонова, доктор исторических наук, профессор, историк, краевед — *О.В.*] и Н.П. Анциферов [Николай Павлович Анциферов (1889–1958) — ученик И.М. Гревса, историк культуры, музеевед, теоретик экскурсионного дела — *О.В.*]. Для неё сейчас — это навряд ли хорошо и даже несомненно — плохо, и очень. Т.о. я ей этого совета не даю. Совсем хорош был бы Люблинский [Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968) — медиевист, палеограф, книговед — *О.В.*] (меньше — она). Только он навряд ли поедет. Возможно, что очень подошёл был Тубянский И.Д. (в военном музее) [Илья Давыдович Тубянский (1905–1942) окончил в 1929 г. ЛГУ, служил архивистом в архиве Дорожного комитета профсоюза рабочих железнодорожного транспорта, посещал «кружок медиевистов»; в 1937 г. был арестован, когда временно работал завхозом в музее связи — *О.В.*] и, наверное, ... Новопашенная. Только как её найти? Вероятно, с Анной Ильиничной [Новопашенной; жертвой политических репрессий — *О.В.*] так же трудно устроить, как и с Всеволодом Владимировичем [Бахтиным — *О.В.*]» [2, л. 4–5].

«Вы струшиваете, не знаю ли каких "городских новостей". Нет, никаких не знаю. В этот приезд мало кого видела. Возилась с добыванием авторских экземпляров своей книги ("История письма") [История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. 2-е изд. М.; Л.: Академия Наук СССР, 1936. 227 с. — *О.В.*]. Но пока их не добила. Для себя (и И.Ю. Крачковского [Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) — отечественный востоковед, основатель арабистической школы, академик АН СССР — *О.В.*], который в палеографической работе моей принимает глубокое участие, и для В.В. Бахтина, который помогал мне в этой книге). Я купила три книги по 10 рублей. Больше ничего не имею и пока никому не даю. Теперь в город, вероятно, приеду не так скоро (разве "на гидроплане"), в виду не совсем понятной, но может быть и очень серьёзной болезни Д.С. [супруг Ольги Антоновны Дмитрий Сергеевич Рождественский (1876–1940) — окончил физико-математический факультет Петроградского университета, физик, известный работами по аномальной дисперсии света в парах металлов; академик АН СССР; с 1918 по 1932 г. возглавлял Государственный оптический институт — *О.В.*] (гастрит, начинающийся сбиваться на аппендицит, требующий, быть может, клинического лечения, но навряд ли допускающий перевозку больного обычными средствами) [супруги Рождественские в конце жизни часто болели; у них не было детей, и они заботились друг о друге; у

Дмитрия Сергеевича по службе была возможность при необходимости воспользоваться аэропланом — *О.В.*]» [2, Л. 5–5 об.].

«Я много задумывалась над рядом мест Вашего письма, дорогой Иван Михайлович. Как и всегда, смущают меня и противоречивые чувства вызывают, с одной стороны, глубоко трогаящие меня выражения желания идейного общения, действительного, утраченного много лет, [ученики И.М. Гревса уважительно именовали его "padre"; профессор сентиментально полагал, что все они составляли его духовную семью, в которой существовало единство духа, нравственной позиции и мировоззрения; но он ошибался, и каждый раз с горечью констатировал "выход из близкого круга общения" той или иной персоналии — *О.В.*], а с другой —, вызывающая взрывы иных чувств, тенденция Ваша толкования моих проявлений и слов *in malam partem*... [с латинского, "в неправильном направлении" — *О.В.*]. Я приведу только два примера из настоящего письма. Я не буду возвращаться к прошлому.

Вас "тяжко удивило", пишете Вы, как я могу "так решительно ставить крест, называть отжившим и отметить столько существенного, важного и даже великого", что ещё "недавно входило в Ваше (моё) научное мировоззрение"...

Но, — говоря об "отжившем", чего я — как говорила — не хотела бы навязывать читателю, я этого "отжившего" вовсе не детализировала и говорила даже, сколько помню, преимущественно о стиле. Почему Вы толкуете это моё обозначение, как относящееся к "существенному, важному и даже великому?"

Впрочем, если Вы думаете сейчас о другом, не о том, о чём я писала в последнем письме своём, но о том, что определилось для меня с ясностью четыре года назад, и что, конечно, входило существенным, важным и великим элементом в моё мировоззрение, то его больше нет. [12 сентября 1932 г. скоропостижно умер младший брат Ольги Антоновны, физик-исследователь, преподаватель, коллега и друг Дмитрия Сергеевича; старшая сестра — Мария Антоновна Добиаш, и средняя — О.А. Добиаш-Рождественская не смогли смириться с этой утратой — *О.В.*] [3, С. 8]. И это навсегда и определённно. И при таких условиях, вероятно, для Вас, самого не может быть желания говорить об этом. Да и зачем я стала бы о нём говорить? Если начинаешь говорить о таких глубоких и важных вещах, как вера или безверие (вернее, быть может, отсутствие определённого существенно-важного вида веры), то только для того, чтобы со всей силой убеждения развивать и доказывать свои мысли собеседнику. А разве могу я быть заинтересована в том, чтобы убедить Вас в своих мыслях и лишить Вас тех, в которых для Вас свет и утешение [в 1910 г. супруги Гревсы потеряли от неизлечимой болезни любимую младшую дочь, Шурочку (рожд. 1894 г.); тревогу родителей вызывала и старшая дочь, Екатерина (1887–1942), которая училась на Бестужевских курсах, окончила Петроградскую консерваторию по классу рояля, служила библиотекарем, но всю жизнь страдала расстройством нервов — *О.В.*]? Но ставя себе такую задачу: заранее и твёрдо: воздерживаться говорить полным голосом, — я не могу и не хочу.

Как редактор же я, и по совести, и из оберегания Вас, считаю себя обязанной устранять оттенки, которые всё равно неприемлемы и будут иначе устранены грубо и хуже.

Другой пример: Ваша фраза о "вкусах и предвзятостях некоего представляемого Вами (т.е. мною) читателя, к которому Вы (т.е. я) предлагаете подлаживаться (!?), чтобы его не оскорблять"...

Я могла бы без конца говорить о том, какое вся эта фраза представляет обидное для меня искажение того, что я Вам писала о понимании мною моего долга перед читателем. Но я этого делать не стану. И скажу только, что наши разговоры на идейные темы слишком часто вызывают с Вашей стороны подобные перетаскивания и проявления, кончающиеся, впрочем, обычно, заявлением, что Вы не хотите меня тревожить (!) И так как я знаю это заранее, и знаю, что спокойно говорить на эти темы Вы не можете, что Ваша душа полна горьких и раздражённых чувств и слов, которые, за невозможностью или нежеланием обрушить из по настоящему адресу, Вы слишком часто перебрасываете на меня, то я, действительно, давно пришла к решению: от бесед на идейные темы воздерживаться. Потому что есть вещи, которые я, быть может, уже не смогу или не соглашусь выслушивать.

Что касается существенного, великого и важного. То, конечно, изменив очень сильно, очень глубоко и радикально свой облик — существенное, важное и великое для меня существует. Но оно больше — на ином берегу, к которому обычно Вы относите и часто очень несправедливо, характеристики осуждающие. Тогда как они должны бы быть отнесены не к волне, <...>, не к существу — тоже "существенного, важного и великого", а к неудачному, раннему и подчас опошляющему осуществлению.

В "науке" же — в частности, в западной науке истории — разве действительно царствует "свобода и истина"? И сам дорогой мой и бесценный друг М. Ф. Лот (Langlais был "свободнее" и шире) разве не вставлял в мои работы тенденциозные оговорки? Нет, Иван Михайлович, там тоже отнюдь нет ни свободы, ни истины. У нас её будет больше со временем. Сейчас, конечно, нет. Но это и трудно.

Пока будьте здоровы и отдохните как можно больше и как моно лучше.

Ваша искренне О.Д.Р» [2, Л. 5–7 об.].

Выдержав паузу более, чем в один месяц, О.А. Добиаш-Рождественская вернулась к разъяснению собственной позиции. Второе письмо заслуживает особенно внимательного прочтения и интерпретации.

«19 сентября 1936 г.

Дорогой
Иван Михайлович!

Как я писала Вам в прошлом письме, несмотря на очень большую трудность это сделать, я попытаюсь, — что возможно, — привести в ясность в наших «отношениях» и прежде всего «идейных». Скажу Вам из этого самого главное; а также то, что — практически, пожизненно, могло бы из него

следовать. И выскажу догадки: почему могло бы, но не следует, и, вероятно, не будет следовать.

В чём — в мировоззрении, в идейном построении — я отхожу теперь от Вас? Или, — лучше (ибо говоря за другого, всегда можешь ошибаться) — от себя самой, какой я была, скажем, десять лет тому назад, и — особенно ярко и отчётливо — пять лет тому назад, до смерти брата [А.А. Добиаша — *О.В.*], унёсшей, как буря, то, что было, но что — очевидно — уже и было сильно разрушено необычным законом нашей жизни. Иначе — невыносимая катастрофическая "мутация"» [4, Л. 8].

«В чём эта мутация? Буду возможно кратко».

Я не верю более в личного бога, ни как в Существо, ни как в «правлящую силу» — личную, ни вне мира, ни разлитую в мире. Образ его, как символ, донныне живёт и до конца будет жить в моём языке и построениях, но лишь как символ других, более холодных вещей.

Я не верю более в бессмертную личную душу. Вероятно, всё что я и раньше уже передумала, подготовляло мысль к исчезновению этого, наследственно и лично (*nous sommes des produits, des héritier, de tant de générations mystiques!* [с французского: «мы — продукты, наследники стольких мистических поколений» — *О.В.*]) глубоко укоренившегося, представления. Впечатления того, что я пережила пять лет назад, — как свет или пламя в ударе молнии, конденсируя назревавшую мысль, — унесло это представление до конца, оставляя очень сперва тяжёлую пустоту, которая заполняется лишь постепенно. И только, может быть, теперь, когда практически, вероятно, близко решение вопроса о судьбе моей собственной "души" или одушевления, — мне менее тяжело об этом думать и говорить. И мысль о полном исчезновении — (кроме как в памяти знавших меня людей и в оставленных мыслях и работах) — для меня ныне не только естественнее, но и легче всякой другой, почти как трансформированная "надежна (это должно было бы объяснить так, чтобы вышло логично) на встречу" в небытии совсем дорогим. Мне и легче думать, что в небытии — мой брат, где померкли его голубые глаза. Наоборот: невыносима была бы — по воспоминаниям былой мистики — мысль о каком-то возможном трансцендентальном его существовании.

И то же <в оригинале "то-же"> испытала я в те, очень грозные дни и часы, когда, — месяц тому назад, — то же <в оригинале "то-же"> очень явственно нависло над другим, самым близким человеком [Д.С. Рождественским — *О.В.*].

Но — по слову одного, нам обоим знакомого лица: *cela n'était pas pour cette fois* [с французского: «не в этот раз» — *О.В.*]. Пережито это было, однако, сильно. И это, в дальнейшем, Вам кое-что может объяснить.

Но я продолжаю» [4, Л. 8 об. —9].

«Я не верю ни в какой абсолют. Он только порождение нашей мысли "Всё течёт".

Я не верю в абсолютную силу этических санкций. Этика — есть создание нашей духовной работы, не личной, но социальной, в ней она имеет значительную, не абсолютную, устойчиво слитую загадочно, но вплотную с физикой, — как и она, — обладает творчеством безграничным.

И в этом для меня — утешение, и многие "поправки". Тут многое опять восстанавливается из дурманного иногда чуть не до конца. Но конечно — всё-таки <в оригинале "всётаки"> "на другом берегу". Почти восстанавливается и то, что когда-то Михайловский [публицист, литературный критик Николай Константинович Михайловский (1842–1902) — *О.В.*] (в личного бога не веривший) назвал "богом живого человека". Этот, мною творимы бог для меня жив, пока жива я сама. Он — сила моей совести, моих лучших стремлений. Я тем более "чту" его (в себе самой), что его никто мне не навязал.

В этом — закон развития человечества. закон его социального прогресса. Стремясь интуитивно к "сохранению вида", социальное существо создаёт свою этику, подымает её постановлению, как закона, всё большую и большую высь стремясь придать им значения для себя, своей волей, как бы "абсолютное" и бесконечное. Оно творит бога по образцу и подобию своему, тем более высокого, чем выше оно само. Отношения общества трудового, социалистического, силу которых, здоровье которых я всё глубже чувствую, которые меня всё сильнее привлекают и мне импонируют — создают наилучшую этику идут к наивысшему образу "бога живого человека"; — идут с блужданиями, ошибками. Но это путь верный. И на фоне этой, в общем своём направлении верной дороги — мне действительно, искренно и отчётливо видится слабость нашего (моего) вчерашнего "идеализма", и кажется мне он чуждым и отжившим» [4, Л. 9–10].

«Но я вижу возможность — на другом берегу — слияния лучших его элементов с кующимся (сейчас оно во многом может подрываться жестокостью и захватываться грязными руками) — далеко ещё не сложившимся мировоззрением, которое лучшие люди на "новых берегах" ищут также <в оригинале "так же"> — и более — страстно, чем искали на старых. [О.А. Добиаш-Рождественская, в отличие от И.М. Гревса, приняла Советскую власть, со своими внутренними оговорками и видением; например, она продолжала служить и быть полезной новому поколению исследователей, кругу своих учеников; она искренне верила, что со временем советская общественная модель развития станет прогрессивной — *О.В.*]

Думаю, что во многом, — в этой работе искренних и ищущих [учеников в науке — *О.В.*] — мы им может помочь, передуманным нами, однако, если и сами ещё готовы искать, если не хотим настаивать непременно на своей форме (поскольку, конечно, искусственность старых постановок для нас самих обнаружилась). Говорить неискренно в этих больших вещах — которые Вы правильно называете важными, существенными и даже великими, конечно, нельзя. Тут только и можешь говорить, что думаешь — либо молчать.

(И самое большое (entre parentheses [с французского: «в скобках» — *O.B.*]): что тут можно, не настаивать на своём "стиле", чуждом, непонятном, а подчас и — Вы меня простите, Иван Михайлович: я ведь это отношу и к своему привычному "стилю" — смутном и плохом).

Словом, если резюмировать сказанное, то можно, пожалуй, поэтически [Ольга Антоновна была знатоком поэзии и обладала даром проникновенного чтения стихов— *O.B.*], ещё и ещё *Das Mutatison* [с немецкого: «мутация» — *O.B.*], констатировать её формулировку в строках Духа Земли:

Wir tragen	[Мы несём
Die Trümmern ins Nichts hinüber,	Обломки уходят в небытие
Und klagen	И плачут.
Über die verlorne Schöne.	О потерянной красавице.
Mächtiger	Могущественный
Der Erdensöhne,	Сын Земли, Более
Prächtiger	великолепный
Baue sie wieder,	Постройте их снова,
In deinem Busen baue sie auf!	В твоей груди создай их!
Neuen Lebenslauf	Новое резюме
Beginne,	Начинаю,
Mit hellem Sinne,	С ярким чувством,
Und neue Lieder	И в нём звучат новые песни!
Tönen darauf!	Гёте. Фауст. — <i>O.B.</i>]

Но если это так, если для тех, кто утратил абсолютный характер своих идей, веру в бессмертие души, официальный "идеализм" — многое остаётся на месте, то так ли много для них привалов в жизни, в обращении с высокой конкретностью науки, так ли много непроходимых стен в общении с людьми — в частности — с друзьями иного "толка"?

Разве — хотя бы по линии пережитого и переживаемого: пережитых чувств, переживаемых научных вдохновений, впечатлений истории, странствий по глубокой красоте и значительности мира прошлого и настоящего — не всё остаётся на месте, не связывает, не вдохновляет, не животворит по-прежнему <в оригинале "по-прежнему">?

Разве честное не остаётся честным, а подлецы не называются подлецами? Во всяком случае свет и тени душ и событий не располагаются почти по-прежнему <в оригинале "по-прежнему">?» [4, Л. 10–11].

«Я говорю из осторожности почти. Оно, правда, иногда бывает огромным это — почти. Всё-таки <в оригинале "всё таки">, в такое время, как мы переживаем, многое конкретное надо умалчивать гораздо внимательнее. К нему не совсем могут подойти наши старые привычки и квалификации.

(Я скажу, в виде примера. Я думаю: почти одно, в главном, мы с Вами любим и ненавидим. Но говоря правду, по-моему, <в оригинале "по моему"> Вы слишком часто и несправедливо вскипаете и, как говорят, "ругаетесь". Это очень часто — незаслуженно и делается легко. Об этом несколько — дальше).

И если это так: есть ли причина людям "расходиться". Не могут они разве понять известное взаимное "несовпадение", приняв его с тою полною терпимостью, не только внешней, но внутренней и с уважением, какого заслуживает всякая честная мысль, чтобы, уходя от разногласий, базировать связь на том, где есть гармония? А она — в глубоком и значительном аспекте — даже в том самом, где есть расхождение.

Не знаю, почему с Леной Ступиной (Ефимовой) [историк–архивист, педагог, ученица профессора В.И. Герье Елена Алексеевна Ступина (Ефимова) — *О.В.*], с Катей Чеховой [педагог, библиотекарь, мемуаристка Екатерина Николаевна Чехова — *О.В.*] мы сохранили всю (или почти) всю полноту и глубину внутренней связи, несмотря на "полярность" в тех самых больших вопросах, в которых расходимся с Вами. Я почти готова объяснить это (с точки зрения нынешней своей "ереси" или даже "паганизма" [язычества — *О.В.*]) так, что та или иная категорическая форма решения этих вопросов для живого человека не так уж колоссально много значит. И что единение и гармония ощущаются — и отвергаются — в постоянном течении жизни по иным, более интимным признакам, и усиливаются по иным, более тонким нитям» [4, Л. 11–11 об].

«Нужна только большая внутренняя терпимость, большая свобода и доверие друг к другу, вера в чужую честность и искренность. Вот мне кажется тут у нас чего-то не хватает. И более всего это — как-то фатально и непоправимо. То, что по разнице (притом той же самой разнице "основных" установок или скорее мне оно кажется так называемыми основными установками) — с другими налаживается — всё разлаживается с Вами. И мне слишком часто бывает более, чем трудно, переварить то, что Вы говорите мне обо мне, — не в смысле этих "основных установок". Но в смысле отношения к человеку.

И не раз с горечью я спрашивала себя: разве я заслужила это от Вас?

Впрочем, это уже давнее, и не на эту тему, в порядке ближайшем, ближайшей прошедшей "неловкости" хотела я сказать ещё только несколько слов» [4, Л. 12].

«И то — потому, что я их уже собственно сказала. А раз сказала, раз они вырвались, надо, чтобы они были для Вас более ясны. Потому что в таком виде, они для Вас моли быть непонятными, даже обидными.

Особенно глубокою была все эти годы для меня неудовлетворённость отношением Вашим к самому близкому мне человеку [Д.С. Рождественскому — *О.В.*].

Оно иногда решительно меня не удовлетворяло (я не искала ведь ничего положительного. Но я имела, казалось бы, право ждать что ли <в оригинале "что-ли">) "сдержанности в отрицательном". Потому что при таких условиях я не могла быть свободной от чего-то вроде ощущения как бы "предательства самого близкого человека", при молчании моём в ответ на иные Ваши проявления.

Я, вероятно, никогда не сказала бы этого. Виновато было то случайное стечение, что последнее письмо я писала, едва–едва пережив грозную возможность его утратить. Под влиянием этого чувства вдруг прорвалось то, что ближайшего повода в сегодняшнем дне не имело. Но имело его во вчерашнем.

Что прорвалось оно, — я на другой же день пожалела. Но так как это было сказано, то теперь мне кажется, лучше объяснить, в чём для меня была особенно наболевшее место отношений с Вами, и почему вырываются иные слова, и накапливаются иные молчания.

А что касается "идейного общения", то я продолжаю думать, что несмотря на все серьёзнейшие разногласия, — сходств и согласий гораздо больше во всей ткани жизни и особенно работы, и что мы могли бы жить добрыми близкими друзьями, особенно в память дорого прошлого, на его основе и в его свете.

Но, по-моему, <в оригинале "по моему"> Вы этого не можете, и думается, непоправимо. Мне кажется, Вы ко мне требовательнее, чем к кому бы то ни было. Не знаю, почему. Разногласия Вы почти не выносите и реагируете на него лично–обидно.

Но и это личное я, может быть, в память старой дружбы и ныне нас связывающего "существенного, важного и даже великого", согласна "претерпеть до конца", чтобы спастись и спасти более другое. Но я чувствую — и особенно после того, как меня "прорвало" и после того почти утопического момента, когда это отрезвило, что (пусть даже глубоко загрязнённые) намёки на других людей, я уже навряд ли смогу выносить, не взрываясь. И если бы Вы раз навсегда, дорогой Иван Михайлович, согласились совсем оберечь это место моей души. Его совсем не надо "гладить": это было бы неестественно. А всё неестественное сейчас же себя наказывает: только не царапать — оберечь от ушибов, мы могли бы с Вами жить друзьями, близкими.

Только мне кажется именно высшего полёта темы заранее Васстораживают нетерпимо. И потому лучше, если наше общение преимущественно останется на разных регистрах — практически.

Но раз, один раз, мне хотелось с Вами договориться на эти темы высокого полёта. Это, конечно, было не легко. Пусть этот раз останется единственным правдивым признанием, обращённым ко всему, что для меня в Вас — самого дорого.

Искренне любящая Вас.

ОДР» [4, Л. 12–13 об.].

Оба письма О.А. Добиаш-Рождественской к И.М. Гревса олицетворяют итог их многолетней дружбы, подавляют черту, которая свидетельствует о невозможности вернуться в прошлое. Оба они пережили потери, причём самые страшные лично для них, те, что сломили их душевную настрой и заставили навсегда измениться. Эволюция двух личностей, крупных историков и талантливых педагогов привела не к слиянию, а разъединению; причиной

послужила боль от утрат, с которой каждый пытался справиться своим способом.

Список литературы:

1. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) Автор–сост. О.Б. Вахромеева. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 372 с. ил.
2. Письмо О.А. Добиаш-Рождественской И.М. Гревсу от 9 августа 1936 г. / СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 94. Л. 3–7 об.
3. Вахромеева, О.Б. «Максимально доступный и неотразимо увлекательный преподаватель физики А.А. Добиаш (1875–1932)»: исторический портрет учёного по материалам СПбФ АРАН, ЦГИА СПб и ОР РНБ / Классический университет: история и современность: Материалы II Всерос. с межд. участием научно-практ. конф., посвящённой 90-летию Удмуртского гос. ун-та. Ижевск, 29 января 2021 г. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2021. С. 119–127.
4. Письмо О.А. Добиаш-Рождественской И.М. Гревсу от 19 сентября 1936 г. / СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 94. Л. 8–13 об.

Волков Вячеслав Викторович

доктор экономических наук, кандидат философских наук, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова»

SPIN-код: 7519-9442

ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ Н.К. РЕРИХА

Аннотация. В статье рассматривается социально-философская проблема соотношения национального и общечеловеческого в литературном наследии выдающегося русского художника и философа Николая Константиновича Рериха. Решая ее как выражение диалектики взаимосвязи единичного и общего, мыслитель приходит к выводу о том, что любая национальная культура только тогда имеет прогрессивный характер, если она, не требуя национальной исключительности, выражает общечеловеческое начало в своих собственных формах. Этот подход Н.К. Рерих называет неонационализмом, противопоставляя его, как национализму, так и интернационализму.

Ключевые слова: Н.К. Рерих, национальное и общечеловеческое, культура.

DIALECTICS OF NATIONAL AND PUBLIC HUMAN IN PHILOSOPHY N.K. ROERICH

Summary: The article examines the socio-philosophical problem of the relationship between the national and the universal in the literary heritage of the outstanding Russian artist and philosopher Nikolai Konstantinovich Roerich. Solving it as an expression of the dialectic of the relationship between the individual and the general, the thinker comes to the conclusion that any national culture only has a progressive character if it, without demanding national exclusivity, expresses the universal principle in its own forms. This approach of N.K. Roerich calls it neo-nationalism, contrasting it with both nationalism and internationalism.

Keywords: N.K. Roerich, national and universal, culture.

Россия сегодня опять оказалась на переломе своего исторического пути. Какой вектор развития принять? Какое место должен занять русский народ? Как ему строить свои отношения с другими народами России и мира? Такие вопросы возникают у думающих людей страны. И в этой ситуации резонно рассматриваются различные альтернативы развития, предложенные в свое время представителями русской интеллигенции. Одним из таких вариантов является социально-философская концепция взаимоотношения национального и общечеловеческого Н.К. Рериха.

Известный русский художник и философ начинает свое рассуждение с того, что отличает естественную для личности и для любого коллектива,

государства, народа индивидуальность, как ценнейший комплекс «чувств и творческих способностей» [7, с. 145], нуждающийся в охране от бессмысленного стирания культурных особенностей. Исходя из взглядов своего учителя В. Стасова о необходимости каждому народу иметь свое собственное национальное искусство, Н.К. Рерих приходит к выводу, что душа любого народа должна выражать общие, присущие всем людям, возвышенные и прекрасные чувства в близкой им традиционной национальной форме, ибо только тогда достигается наибольшая искренность и убедительность. Кроме того, если сердцу «сострадать лучше в одеянии страны своей – пусть оно и облечется в лучшие ткани, лишь бы оно не забыло, что есть сострадание и что есть любовь» [7, с. 149].

Общечеловеческое начало в философии Н.К. Рериха – это есть «единое», соответствующее диалектико-философской категории общего. Национальное при этом есть то «многое» и конкретное, в котором выражается и воплощается абстрактное единое. Национальному соответствует категория единичного. Эту диалектическую взаимосвязь мыслитель наиболее образно выразил в эпиграфе к книге своих стихов «Цветы Мории»:

«Поверх всяких Россий есть одна
незабываемая Россия.
Поверх всякой любви есть одна
общечеловеческая любовь.
Поверх всяких красот есть одна
красота, ведущая к познанию Космоса» [8].

Н.К. Рерих был не первым в русской философии, кто поднял проблему соотношения национального и общечеловеческого. Еще в первой половине XIX века русские философы (любомудры, Белинский, Аксаков и др.) уловили (хоть и в неразвитой форме) такое диалектическое единство национального и общечеловеческого, которое позволяло гармонично выявить одно через другое. В последующем это верное предположение получило свое философское отрицание либо в виде «всечеловеческого» уклона (т.е. неоправданного отождествления России и человечества), либо – националистического. И только у Е.Н. Трубецкого намечается, а у Н.К. Рериха завершается выправление этих закономерных отклонений – идея единства общечеловеческого и национального получает свое продолжение в виде развернутых обоснований.

Посмотрим, в чем это конкретно проявилось у Н.К. Рериха.

Стремясь защитить индивидуальное «чистейшее звучание народов», являющееся «фактором прогресса», мыслитель резко разграничивает два значения понятия «национализм». «Если это какое-то понятие, связанное с человеконенавистничеством, – пишет он, – то оно будет попросту вредно и должно подлежать уничтожению, как и всякая ненависть, злоба, самость и невежество» [7, с. 145]. Н.К. Рерих же хочет видеть в национализме необходимое новое созвучие «в хоре всех народов земных» «Если это выражение будет действительно прекрасным и возвышенным, – подчеркивает

он, – то и всякие недопустимые ограниченности понятия, вроде шовинизма, не найдут себе места в этом очищенном мощном хоре истинного прогресса» [7, с. 146]. Альтернативу национализму, обедневшему в условностях и предрассудках, философ пытается найти не в интернационализме, содержащем в себе, по его мнению, «угрозу противоположной условности» [7, с. 146], а в росте «глубокого здорового чувства» – чувства «неонационализма».

При поверхностном взгляде на этот рериховский тезис читателю вполне может показаться, что выдающийся мыслитель допускает непростительную в наш бурный политизированный век ошибку, а после прочтения его слов о том, что «в обозначении нового понятия, конечно, необходимо участие слова «Земля» и, что «принадлежность к почве надо подчеркнуть очень ясно» [3, с. 132] на него (читателя) как-будто повеет подозрительным ветром эклектичных идей В. Дарре или же почвеннической политикокультурологической концепции К. Леонтьева. Для недопущения таких вполне возможных ассоциаций или аналогий необходимо непременно заглянуть вглубь рериховской «почвы».

Сразу же после приведенного в статье «Земля обновленная» предложения: «Принадлежность к почве надо подчеркнуть очень ясно», – мыслитель пишет: «Не столько определенные люди, сколько их наслоения являются опорой нашему глубокому чувству. Мощь развивается в столкновении острой индивидуальности с безымянными наслоениями эпох. Вырастает логическая сила» [3, с. 132]. В связи с тем, что Н.К. Рерих к теме неонационализма непосредственно обращается лишь в данной статье, а в дальнейших работах затрагивает ее, не называя самого понятия, то можно только предполагать, что в этом небольшом отрывке идет речь о культурных и кармических наслоениях проходящих друг за другом поколений. Главное – это качество оставленного в наследство вне зависимости от национальной определенности. То есть «почва», «земля» обозначают здесь не политическое или же культурное единство различных народов в рамках какого-нибудь географического ареала в противоположность другому такому объединению, что было присуще таким представителям евразийского национал-большевизма, как П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой [9; 10], а определенную сумму усвоенного культурного материала, предназначенного для формирования мощных глубоких нравственных чувств.

Но почему Н.К. Рерих наряду с неприятием национализма отвергает также и противостоящий ему интернационализм? Из текста статьи «Звучание народов» видно, что философ оценивает идеологию интернационализма в основном по кульбитам его явно экстремистского крыла. Поэтому он считает, что интернационализм в стремлении найти объединяющие основы человечества, в поисках уничтожения условных границ между народами «начинает клониться в сторону обезличения и стирания всего ценного» [7, с. 146]. А это недопустимо, ибо один из фундаментальных космических принципов «единого во многом» требует многообразного проявления материи. По сути дела, Н.К. Рерих отождествляет идею интернационализма с

космополитическим сознанием, не улавливая одной существенной разницы между ними: космополитизм не приемлет родину вообще, интернационализм – лишь ее отождествление с отношениями эксплуатации и их государственным оформлением. Но эта терминологическая неувязка не должна заслонять от нас главное – то, что мыслитель определил непреходящее значение национальных особенностей в выражении высоконравственных общечеловеческих чувствований. Опираясь на это, Н.К. Рерих закономерно обращается к теме Родины и патриотизма.

По мнению философа, Родина не является отвлеченным и туманным понятием. Она реальна аналогично реальности высшей красоты сияющих вершин. Как на земле покоится великая вершина, так «на кристалле мысли зиждется осознание Родины, в общечеловеческом ее понимании» [5, с. 212]. Это «общечеловеческое понимание» подводит нас к мысли о том, что Родина в рериховской интерпретации – это пространственная и духовная субстанция, в которой выражаются любовь к человечеству, стремление к подвигу, великое познание, доброта, справедливость, достоинство и красота, т.е. то, что философ определяет понятием «культура». И тогда Родина есть все та же общечеловеческая культура, воплощенная в определенном земном пространстве, окрашенная национальным характером. И поэтому вполне логичной представляется следующая мысль художника: «Защита Родины есть и оборона Культуры» [5, с. 212]. «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах мы будем оборонять» [5, с. 212-213] – заключает Н.К. Рерих.

Точно так же, как защита достоинства матери и отца долгом каждого человека является оборона Родины, причем «небрежение к родине было бы прежде всего некультурностью» [4, с. 281]. Именно оборону Родины, служение ей Н.К. Рерих считает реализацией настоящего чувства любви к отчизне. Эту мысль он находит у «великого Гоголя» и приводит его слова: «Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой ... близорукая мысль ... будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать» [1, с. 296].

Настоящая любовь к Родине общечеловечна – таков главный вывод рериховских рассуждений на патриотическую тему. «Если человек любит Родину, – утверждает философ, – он в любом месте земного шара приложит в действии все свои достижения». И опять мы невольно возвращаемся к диалектической квинтэссенции, которая выражена фразой: «Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь».

Подлинная любовь, по сути единая в своих проявлениях, велика и благородна и прекрасные ее созвучия, родившиеся еще на Родине, не могут не изливаться на все человечество. Исходя из этого, Н.К. Рерих с радостью и гордостью говорит о «всемирном значении» славных имен Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Мусоргского, Серова,

Римского-Корсакова и других в своей статье «Пантеон русской культуры» и развивает тем самым тот подход, который мы встречаем у Ф.М. Достоевского, а именно: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только ... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» [2, с. 147].

Очень важно подчеркнуть, что Н.К. Рерих не противопоставляет подобно Чаадаеву любовь к Родине любви к истине, героев – мудрецам, потому что родина у него не может быть антикультурной, а мудрец – не героем. Для Н.К. Рериха Родина и Истина слиты в понятии культуры.

Перелистывая славные страницы русской истории, Н.К. Рерих обращается к тем истокам, которые сформировали, по его мнению, прекрасное качество русских людей – патриотизм, являющийся, с одной стороны, как бы средоточием всех лучших черт нашего народа, а, с другой стороны, выдающимся примером героической борьбы за великие человеческие идеалы.

Взгляду Н.К. Рериха на русский патриотизм присущи некоторые основные черты.

Философ очень часто говорит о трогательном русском желании «помогать многим странам самоотверженно» [6, с. 18]. В будущих летописях, как он полагает, будет отмечено это всемирное даяние многих носителей русских имен, ведь их «всюду можно найти на самых доверительно ответственных местах» [5, с. 165]. «Франция гордится Мечниковым, в Англии – сэр Виноградов, Ковалевская – в Швеции, Блаватская – в Индии, Ростовцев и Сикорский – в Америке», – такие примеры приводит художник и говорит о том, что помощь эта была бескорыстной и «очень часто страдающей являлась сама же Россия» [5, с. 165]. Но доброжелательство и самоотвержение не должны взвешиваться, ибо тогда теряется главная ценность такого деяния – доверие. «Великое благо, если мы можем вызвать улыбку доверия», [5, с. 165] – заключает мыслитель. За доверием придет всенародное сотрудничество, из которого вырастает светлое строительство.

Говоря о русской помощи, Н.К. Рерих вместе с тем подчеркивает: «Мы никогда не опирались на иностранные достижения, ибо иначе мы впали бы в шовинизм». Радение за «ценности российские» связано у него с желанием защитить их от наветов и умаления и восстановить справедливость. «Не замай народ русский!» [4, с. 257] – предупреждает врагов России Н.К. Рерих. «Не замай, ибо всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов» [6, с. 18-19]. «Народ русский привык побеждать» [4, с. 291]. Слова, произнесенные Н.К. Рерихом в 1940 году оказались пророческими. Пришли полчища фашистов и «русский воин зычно на весь мир кликнул: «Огонь – на меня!» Принял герой все стрелы в свой щит, в свое сердце! И спас Родину» [4, с. 262].

«Крепнет сотрудничество» – так можно выразить ту цементирующую глубинную силу, которая приносит победы русскому народу. Дружно слилась

«на священной единой целине» [6, с. 36] союзная семья народов. «Непобедимая мощь в таком единении» [4, с. 261], – пишет мыслитель. Кроме того, «от бойца до вождя – все трудятся» [6, с. 30] и поэтому рождаются новые силы. «И сколько молодых полководцев выдвинулось. И сколько изобретателей, строителей создано. И сколько ученых и художников оценено народом» [4, с. 261], – радуется Н.К. Рерих.

В своих статьях, написанных в годы войны, философ по-особому сердечно и торжественно говорит о мужестве и героизме русских воинов, сравнивая их с богатырями, возлюбившими «общее дело превыше всех житейских выгод» [6, с. 36] и грудью отстоявшими свою землю. В этой высоте самопожертвования Н.К. Рерих находит великий пример молодому поколению, которое «должно запомнить, как славно отдавали жизнь за Родину русские воины» [6, с. 36]. С гордостью повествует он о славе народа-победителя, отвергнувшего все «невероятности». «Но что может быть невероятным, – спрашивает мыслитель, – для великого народа, сплотившегося во спасение Родины?» [6, с. 37]

Очень важно подчеркнуть, что патриотизм у Н.К. Рериха не просто оказывается несовместимым с «фашистской мерзостью», из какого бы угла планеты она ни исходила, но активно противостоит ему. Не только о гитлеровцах, совершивших опустошение на Руси, пишет он, но также вспоминает, как в Англии перед войною стали появляться апологеты фашизма, как «объявились болгарские фашисты», как «самые отбросы столпились около русских фашистов» и все это напоминало чертовский ливень, от которого нельзя было укрыться. Фашисты, по мнению философа, не руководствовались какой-то идеей. «Их орды шли для самого бесстыдного завоевания. Украина включилась в какую-то Остмарк... Раздавались поместья... Одесса дарилась румынофашистам. Карелия дарилась финнофашистам. Все такие раздачи далеки от идеи и более всего похожи на разграбление чужого имущества» [6, с. 39].

Кроме идеи «Мировой Общины», философ развивает мысль о всеславянском братстве, особенно воодушевившись славянским съездом, проходившем в Москве 10 августа 1941 года под председательством Алексея Толстого: «Ведь это то самое, о чем мечталось еще в школьные годы, – делает он дневниковую запись. – Русский народ всегда любил своих дальних братьев. Готов биться за них. С той же сердечностью отвечали и славянские народы» [4, с. 234-235]. Однако необходимо сказать, что Н.К. Рерих далек от панславизма, так как ему радостно слышать не только «о братстве с чехословаками, о дружном сотрудничестве с польским народом, о крепком единстве с Югославией» [4, с. 288], но и о ценном содружестве с румынами, венграми и другими народами не славянского корня. То есть всеславянское культурное братство Н.К. Рерих понимает как закономерный промежуточный этап в духовном объединении всего человечества.

Итак, Н.К. Рерих удачно, на наш взгляд, решает проблему взаимоотношения национального и общечеловеческого, используя диалектику взаимосвязи единичного и общего. Подводя итог почти вековому философскому поиску, мыслитель определяет, что национальное выражает общие, присущие всем людям, возвышенные и прекрасные чувства и мысли в близкой им в традиционной форме, чем обуславливается осуществление принципа «единое во многом», «единство в многообразии».

Список литературы:

1. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Нужно любить Россию. Письмо к гр. А. П. Толстому // Гоголь Н. В. Нужно любить Россию / Сост., предисл. и коммент. В. А. Воропаева. / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 295-296.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. – Т. 26. – С. 136-149.
3. Рерих Н.К. Глаз добрый. – М.: Художественная литература, 1991. – 223 с.
4. Рерих Н.К. Из литературного наследия. – М.: Изобраз. искусство, 1974. – 534 с.
5. Рерих Н.К. Нерушимое. – Рига: Виета, 1991. – 235 с.
6. Рерих Н.К. О Великой Отечественной войне. – М.; Международный центр Рерихов, 1994. – 48 с.
7. Рерих Н.К. Твердыня пламенная. – Рига: Виета, 1991. – 273 с.
8. Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. – Рига: Виета, 1992. – 261 с.
9. Савицкий П.Н. Еще о национал-большевизме (письмо П. Струве) // Элементы. – 1993. – № 4. – С. 20-21.
10. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Элементы. – 1993. – № 4. – С. 21-22.

Гонсалес Седилло Хоел Иван (Мексиканские Соединенные Штаты)
ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет
SPIN-код: 8460-5738

РОССИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОТИВНИК СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ФАШИЗМА

Аннотация: Система международных отношений становится многополярной. Новая система угрожает интересам традиционных европейских колониальных держав. Чтобы предотвратить падение евроцентристского однополярного порядка, лидеры системы используют недемократические средства против растущих держав, таких как Россия. Фашистские деятели сегодня служат интересам коллективного Запада против России. Анализ отечественной истории позволяет понять характеристики новых фашистских группировок и активизма. Эти деятели представляют собой исторические русофобские настроения коллективного Запада, которые ранее использовались против Советского Союза и советского народа.

Ключевые слова: интернационализм, конструктивизм, национализм, русофобия, фашизм.

RUSSIA AS THE HISTORICAL OPPONENT OF CONTEMPORARY EUROPEAN FASCISM

Summary: The system of international relations is becoming multipolar. The new system threatens the interests of traditional European colonial powers. To prevent the fall of the Eurocentric unipolar order, leaders of that system use non-democratic means against rising powers like Russia. Fascist actors serve the interests of the collective West today against Russia. Analysis of national history can be done to understand the characteristics of new fascist groups and activism. These actors represent the historical russophobic attitudes of the collective West, that were once used against the Soviet Union and Soviet people.

Keywords: constructivism, fascism, internationalism, nationalism, Russophobia.

После начала Специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года для борьбы против российской армии были сформированы батальоны из украинских и других европейских националистов. Одной из таких националистических группировок является так называемый Российский добровольческий корпус (РДК) (запрещенная в России террористическая организация) под командованием украинской армии. Националисты из разных стран Европы, среди них и российские эмигранты и националисты, выступающие против законного российского правительства, отправились в

Украину, чтобы присоединиться к этому ополчению [6]. Группировки этого типа можно назвать нетрадиционными или неконвенциональными политическими деятелями (НКПД) из-за того, что они являются участниками политических процессов, но не представляют традиционные или конвенциональные политические партии или политики (ТКП). НКПД готовы к использованию насилия или призывам к его применению для достижения своих целей, а наиболее экстремистские из подобных европейских националистических НКПД открыто идентифицируют себя как фашистские.

Целью данной работы является внести вклад в изучение европейских фашистских НКПД и их политической идеологии, которая пропагандирует превосходство одних этнических групп над другими в Европе. Кроме того, работа претендует на представление характеристик современной европейской фашистской идеологии террористической группировки РДК (запрещенная в России террористическая организация), объекта исследования. Автор работает с гипотезой, что некоторые фашистские НКПД видят в современном Российском государстве и многонациональном российском обществе угрозу своим геополитическим интересам, поскольку поддерживают европоцентристское доминирование в однополярном мире, следовательно, их целью является дестабилизация России, а также ее соответствие геополитическим интересам коллективного Запада.

Путем исторического анализа участия российских эмигрантов в составе испанской фашистской армии Франсиско Франко, а также событий, произошедших 23 мая 2023 года, в которых участвовал объект исследования, автор пытается ответить на следующий вопрос: какими являются идеологические характеристики, определяющие европейскую фашистскую идеологию объекта исследования. Проблема современных европейских фашистских НКПД и восприятия ими России как исторического идеологического противника может быть изучена с помощью научного подхода конструктивистской теории международных отношений. Данный феномен наблюдается потому, что фашистские НКПД воспринимают этническую идентичность сообщества как главный элемент, определяющий государство, а затем строят международные отношения на основе этой воображаемой реальности. Ожидается, что данная работа будет способствовать пониманию студентами важности многонациональной идентичности Российской Федерации на фоне угрозы, которую представляет современный европейский фашизм. Данная работа также может быть использована политологами и специалистами по международным отношениям для дальнейших исследований террористических и экстремистских группировок европейских крайне правых.

Данное исследование представляет собой оригинальную работу об РДК (запрещенная в России террористическая организация) и его идеологических характеристиках, поскольку академических работ об этой НКПД на русском или других языках до настоящего времени опубликовано не было. Однако, деятельность российских эмигрантов, присоединившихся в нашем времени к

националистическим украинским НКПД, имеет сходство с историческими моментами отечественной истории, проанализированными в предыдущих исследованиях. После Октябрьской революции некоторые члены Белой армии, покинувшие страну, присоединились к фашистским армиям Германии и Испании. С организацией Российского общевойскового союза (РОВС) в 1924 году, бывшие российские белые солдаты, находящиеся в Европе, присоединились к испанскому иностранному легиону Ф. Франко, чтобы продолжить борьбу против интернационалистического коммунизма, который, как они видели, пропагандировался Советским Союзом и Коминтерном [1, 162-165]. Среди целей членов РОВС, отправившихся в Испанию, было получение финансовых и политических выгод от фашистского режима, а также боевой опыт во внутреннем испанском конфликте [4, 95-101]. На основе данных, собранных из Главного армейского архива в разных городах Испании, В.В. Марковчин составил список из 104 белоэмигрантов, из которого видно, что в составе фашистского иностранного легиона Ф. Франко были специалисты белой императорской армии, буржуазия, неподготовленные добровольцы и даже священники [5, 107-134]. Некоторые русские, украинские, татарские, грузинские и белорусские белоэмигранты из РОВС вошли в состав испанской «Голубой дивизии» и участвовали в блокаде Ленинграда, их целью было поражение советской власти [3, 105-109]. Белоэмигранты также участвовали на стороне Вермахта против Советской армии в Великой Отечественной войне, но они не выжили [9, 78-81]. Эти исторические случаи являются свидетельством готовности некоторых российских эмигрантов, имеющих военный опыт, а также без него, вступать в иностранные армии, когда это совпадает с их личными идеологическими интересами против Российского государства.

Политическая идеология российских белоэмигрантов, присоединившихся к европейским иностранным армиям после Октябрьской революции, была антикоммунистической, контрреволюционной, буржуазной и монархической. Они видели в европейских фашистских правительствах общий идеологический интерес, направленный против интернационального коммунизма Советского Союза, и воспользовались этим сходством. Точно так же, идеологические интересы членов РДК (запрещенная в России террористическая организация) сегодня совпадают с интересами иностранных легионов украинской армии, украинских националистических террористических организаций, а также с некоторыми наиболее экстремистскими антироссийскими настроениями коллективного Запада.

Именно историческая антифашистская идентичность России объясняет, почему некоторые националистически настроенные эмигранты присоединились к современным европейским фашистским ополчениям. Победа Советского Союза и его союзников над нацистской Германией сформировала международную систему и создала биполярный порядок между социализмом и капитализмом; согласно этому порядку, фашизм больше не рассматривался как социально приемлемая и реалистичная политическая стратегия. Дстойна

восхищения работа советского народа по защите от фашистской Германии и восстановлению страны. А.Н. Косыгин заслуживает особого упоминания за его усилия и успехи в укреплении обороноспособности Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, эвакуации Ленинграда, а также в последующем восстановлении инфраструктуры, необходимой для развития страны [7, 203-208]. В годы Холодной войны Советский Союз сохранял свою антифашистскую позицию, поскольку такая позиция была частью интернационального коммунизма. С другой стороны, Соединенные Штаты и их европейские союзники не всегда осуждали новые проявления фашизма в Европе и мире, когда это служило им в антисоветских интересах. Капиталистический блок даже использовал бывших нацистских политиков, чтобы возглавить платформы европейской интеграции и обороны Северной Атлантики. Так было с Адольфом Хойзингером, который служил начальником оперативного отдела нацистского вермахта с 1938 по 1944 год и участвовал в планировании вторжения в Польшу, другие европейские страны и Советский Союз. После войны А. Хойзингер работал с первым канцлером Западной Германии, Конрадом Аденауэром, в качестве генерала Бундесвера, а в 1961 году был назначен председателем военного комитета НАТО в Вашингтоне. Другой пример – Вальтер Хальштейн, который в 1942 году служил старшим лейтенантом нацистского вермахта во время оккупации Франции, позже попал в плен к американцам и находился в лагере для военнопленных в США. После войны он работал преподавателем в университетах Франкфурта и Джорджтауна, в 50-х гг. занимал посты в западногерманском правительстве, а в 1958 году был избран первым президентом Комиссии Европейского экономического сообщества. В. Хальштейн был членом Национал-социалистического объединения немецких учителей и других организаций, но не являлся членом НСДАП.

Прежняя преданность вышеупомянутых видных деятелей нацистам не имела значения для капиталистического антисоветского блока, пока опыт и знания этих деятелей могли быть использованы в их геополитических интересах. Ситуация не изменилась значительно: даже после распада Советского Союза, сегодня коллективный Запад готов к использованию любых антидемократических деятелей или сил, включая фашистские, до тех пор, пока они демонстрируют антироссийские идеологические интересы. Некоторые из этих сил являются анализируемыми в данной работе фашистскими НКПД, которые автор предлагает определить как типы субъектов, которые могут влиять на общество посредством своих действий, политически и идеологически мотивированных. В то же время они не являются политиками или авторитетными политическими партиями. Среди НКПД есть гражданские общества [11, 285-288], влиятельные лица в социальных сетях, активисты, НПО, а также экстремистские и террористические группировки, такие как РДК (запрещенная в России террористическая организация). Кроме того, НКПД не всегда имеют четкую структуру, а источники их финансирования могут быть неизвестны. Террористическая НКПД, проанализированная в данной работе,

направлена на деконструкцию российской национальной идентичности и создание новой, которая сможет принести пользу разделяющим подобные геополитические интересы и создать новую систему международных отношений в Европе.

Теория конструктивизма международных отношений Александра Вендта предполагает, что международная система создается посредством «идей, комплексов мыслей, системы норм в конкретный исторический период конкретным сообществом людей», конструктивизм формирует субъективные истины действительности, которые могут не соответствовать ей и не точно представлять ее [8, 246-247]. Конструктивизм предполагает, что действия и идентичность субъектов системы международных отношений формируются на основе их восприятия себя и других, в качестве метода формирования таких представлений используется дискурс [2, 31-32]. Принимая во внимание эту теорию, политические игроки формируют международную систему на основе своих субъективных представлений, которые влияют на их решения; создают врагов и союзников в зависимости от своих идеологических и политических потребностей. Идентичности могут быть изменены с использованием правильных дискурсивных методов. Именно этого изучаемый субъект исследования пытался добиться с помощью публикации материалов и других действий на платформах социальных сетей, которые в настоящее время являются идеологическим инструментом. Чтобы изменить идентичность России как самого решительного антифашистского исторического противника, субъект исследования предлагает деконструировать многонациональную идентичность российского общества путем создания национальных государств, в которых националистическая идеология будет более легко принята, что приведет к устранению геополитических препятствий для современного европейского фашизма, а также ради интересов коллективного Запада однополярного мира.

Объект исследования был основан россиянином Денисом Евгеньевичем Капустиным (внесен в РФ в перечень причастных к экстремистской деятельности или терроризму), который получил вид на жительство в Германии в начале 2000 года после того, как его семья иммигрировала в эту страну [6]. Неясно, получил ли он немецкое или какое-либо другое европейское гражданство. Фашистский идеолог основал террористическую группировку в августе 2022 года для борьбы с российской армией на стороне Украины, в нее входят несколько сотен членов. Среди ее членов есть российские эмигранты, которые поддерживают украинский национализм и хотели бы вызвать смену правительства в России [6], что будет иметь негативные последствия для различных этнических меньшинств России.

22 мая 2023 года террористическая группировка пересекла российскую границу и атаковала мирное население некоторых сел Белгородской области [6]. В террористических атаках также участвовал так называемый «Легион свободы России» (запрещенная в России террористическая организация), среди

участников которого есть российские эмигранты [6]. После того, как российская армия успешно изгнала их, лидер изучаемой группировки дал пресс-конференцию в Украине, его послание было распространено западными СМИ на широкую европейскую и североамериканскую аудиторию. Некоторые заголовки новостей для англоязычных иностранных читателей были намеренно созданы, чтобы вызвать путаницу и скрыть фашистский характер террористической группировки, например, газета Washington Post от 23 мая 2023 года, опубликовала новость с заголовком «В Белгороде, Россия, антипутинские ополченцы совершают вторжение на границе».

В социальных сетях, таких как Твиттер (социальная сеть, запрещенная в Российской Федерации), подобные террористические атаки открыто одобрялись в публикациях пользователей из Европы и Северной Америки. В день атаки члены изучаемой террористической организации НКПД провели онлайн-операцию, стратегия которой включала публикацию пропагандистских материалов. Автор предлагает выделить следующие характеристики этой террористической группы, или объекта исследования:

1) Целью является разжигание межэтнической и межрелигиозной розни в Российской Федерации.

2) Выступает против либерализма и коммунизма; она направлена на установление фашистского режима в России.

3) Она отвергает советскую и современную российскую историю как многонациональные и интернационалистские политические образования.

4) Антисемитская и исламофобская.

5) Русофобская.

Эта террористическая группировка и ее идеологи считают свои идеологические позиции возможными, поскольку они воспринимают Россию не в качестве евразийской страны, а заявляют, что она имеет только европейскую идентичность, следовательно, Россия принадлежит Европе. Террористическая группировка рассматривает Россию как своего противника из-за многонационального состава страны, который исторически был характерен не только для России, но и для Советского Союза. Ее идеологи и члены считают, что необходимо физически разделить Россию, чтобы создать государство для русских, которое будет подчиняться коллективному Западу. Разделение России было предложено в 1990-е годы польско-американским советником по национальной безопасности Збигневом Бжезинским в качестве стратегии, позволяющей США доминировать в международных отношениях в Евразии [10, 56-60]. Становится очевидным, что планы современных фашистских НКПД против российского государства совпадают с интересами некоторых политических идеологов коллективного Запада, следовательно, часть руководства коллективного Запада соглашается использовать этих экстремистов и террористических агентов для достижения своих целей, как это было сделано во время Холодной войны.

Изучаемая фашистская группировка является русофобской, поскольку ее члены и организация используют немецкую нацистскую символику и символику Русской освободительной армии, которая сотрудничала с нацистской Германией в борьбе против Советского Союза в Великой Отечественной войне. Намерения террористической группировки по разделению РФ также носят русофобский характер и их не следует путать с патриотизмом или защитой русского народа, как выразился лидер группировки. Лидер данной группировки и другие политические эмигранты, присоединившиеся к организации, борются за собственные политические и экономические интересы, поскольку, скорее всего, получают спонсорское финансирование своей деятельности.

Россия является историческим противником европейского фашизма, что показывают действия и усилия, предпринятые советским народом против немецко-фашистского режима, который планировал ликвидировать Советское государство, а также входящие в него народы. Сегодня Россию можно считать противником современного европейского фашизма не только за ее историческую роль в победе над такими режимами на континенте, но и за то, что она продолжает оставаться многонациональным обществом с разными традициями и культурами, которые сосуществуют и сотрудничают друг с другом. В отличие от того, что предлагают примордиалистские теории нации, нации формируются не только на основе кровных связей или языка между ее членами, нации также формируются на основе человеческого взаимодействия и общих интересов, поэтому, когда нации сильны, попытки разделить многонациональное государство оказываются безуспешными.

Современный российский интернационализм предлагает возможность сотрудничать и взаимодействовать с другими народами на равных в новом многополярном мире, свободном от западного колониалистского господства. По этим причинам фашистские европейские НКПД сегодня борются против России, некоторые из них поддерживаются экономическими спонсорами и средствами массовой информации коллективного Запада, чтобы сохранить старую однополярную систему международных отношений с доминированием Европы и США. Фашистские европейские НКПД не следует считать освободителями, независимо от слов в их названиях. Как уже говорилось, попытки «освободить» Россию предпринимались российскими эмигрантами, решившими сотрудничать с европейским фашизмом в прошлом столетии, и это никогда не отвечало интересам народа Советского Союза, как и сегодня не отвечает интересам народов России. Более того, поскольку подобные НКПД открыто используют европейскую фашистскую историческую символику или немецкие прозвища, следует сделать вывод, что их интересы носят русофобский характер. В связи с вышеизложенным важно продолжать пропаганду патриотического воспитания и интернационализма среди российских студентов. В планы обучения также следует включить историю

России и взаимодействие со странами Глобального юга, принявшими идеологию интернационализма, антиколониализма и антифашизма.

Список литературы:

1. Волков, М.С. Русские белые эмигранты в армии генерала Франко // Вестник университета Дмитрия Пожарского. – 2019. – 4(6). – С. 161-195.
2. Декола, И.В., Шадурский, В.Г. Конструктивизм в теории международных отношений // Беларусь в современном мире. – 2020. – С. 29-35.
3. Ковалёв, Б. На службе Франко // Родина. – 2013. – 4. – С. 105-109.
4. Марковчин, В.В. Несостоявшийся союз: РОВС и Гражданская война в Испании // Известия юго-западного государственного университета. Серия: история и права. – 2017. – Том 7. – 1(22). – С. 94-102.
4. Марковчин, В.В. Русские испанцы: век XX. // Известия юго-западного государственного университета. Серия: история и права. – 2017. – Том 7. – 2(23). – С. 106-134.
5. Палей, И., Седов, В. «Еду воевать за фашистов» зачем на Украине создали Русский добровольческий корпус и что скрывает прошлое его бойцов? // Лента. - URL: <https://lenta.ru/articles/2023/06/19/nazi/>
6. Савченко, Д.П. Военно-организаторская деятельность А.Н. Косыгина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Вестник архивиста. – 2012. – 1. – С. 202-210.
7. Тулупов, Д.С., Шубина, Д.С. Конструктивизм в современной теории международных отношений // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований. – 2022. – С. 249-252.
8. Шибря, И.А. Российские белогвардейцы в Гражданской войне в Испании 1936 – 1939 гг // Голос минувшего. – 2023. – 4. – С. 78-82.
9. Brzezinski, Z. A geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. – 1997. – 76(5). – P. 50-64.
10. Gonzalez Cedillo J. I. The Role of Far-Right Networks in the Cultural War and International Relations in Europe // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. – 2023. – 8(3). – С. 284-291.

Григорьева Юлия Викторовна

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II

SPIN-код: 9716-4229

ТЕМА ДЕТСТВА В МУЗЕЯХ СОВЕТСКОГО БЫТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению репрезентации темы детства в музейных экспозициях, посвященных советскому быту, в Санкт-Петербурге. Автор рассмотрела экспозицию «За детство счастливое наше» в Музее С.М. Кирова и Музей советских игровых автоматов. Актуальность советского прошлого для россиян разных поколений позволяет использовать его как средство выстраивания идентичности разных поколений, а также диалога между ними. Эмоциональную нагруженность артефактов советского быта в музеях можно использовать как потенциал для включения исторической памяти о советской эпохе, в том числе ценностей человека как личности, веры в безграничность его возможностей и способностей к совершенствованию, права на свободное развитие, а также позитивный образ будущего и жизненный оптимизм в культурный код современного поколения молодых россиян.

Ключевые слова: музеи советского быта, детство, молодёжь, память, идентичность, поколение.

THE THEME OF CHILDHOOD IN MUSEUMS OF SOVIET LIFE IN SAINT PETERSBURG

Summary: The article deals with the representation of the theme of childhood in museum expositions devoted to Soviet life in St Petersburg. The author examined the exposition "For Our Happy Childhood" in the S.M. Kirov Museum and the Museum of Soviet Gaming Machines. The relevance of the Soviet past for Russians of different generations allows us to use it as a means of building the identity of different generations, as well as dialogue between them. The emotional burden of artifacts of Soviet life in museums can be used as a potential for including historical memory of the Soviet era, including the values of a person as a person, faith in the boundlessness of his capabilities and abilities to improve, the right to free development, as well as a positive image of the future and life optimism in the cultural code of the modern generation of young Russians.

Keywords: museums of Soviet life, childhood, youth, memory, identity, generation.

Вопросы исторической памяти и исторических стереотипов позволяют исследователям взглянуть на привычные предметы, явления, процессы, свойства и отношения с интересного угла, выявить заложенные в них смыслы,

зачастую неявные даже для авторов/создателей предметов и их комплектов, но дающие пытливым учёным новую информацию об окружающем мире, об обществе и о человеке в тех или иных исторических обстоятельствах. Так выстраивается историческая ретроспектива, которой посвящена данная конференция.

Помимо государственного дискурса о прошлом, всегда существовали и, пока есть общество и культура, будут существовать множественные частные, неофициальные нарративы о прошедших, но всё ещё важных событиях. В течение последнего столетия эта мотивация привела к появлению коллекций, цифровых архивов и предметных собраний, дающих полифоническое звучание относительно близкой истории, которая имеет существенный эмоциональный отклик и среди создателей таких коллекций, и среди и «потребителей». Одним из таких сюжетов, которые вызывают аффективную реакцию в современной российской культуре, является советская история.

Можно констатировать интерес к советской истории, культуре и быту, неизменный уже на протяжении нескольких десятилетий. Внимание исследователей можно объяснить «необходимостью осмысления роли этого феномена в культурной жизни советского общества в контексте развития отечественной и европейской культур, глобальных изменений парадигм культурного развития под воздействием социально-исторических потрясений XX в.» [1, с. 282]. Интерес простых людей вызван мотивами, существенно различающимися для разных поколений. Так, старшим и отчасти средним поколениями в значительной степени движут ностальгические реакции: воспоминания о молодости, том времени, когда «деревья были большими», дружба настоящей, образование и медицина бесплатными и при этом высококачественными, цены низкими, а люди добрыми и отзывчивыми. Для современных молодых людей обоёго пола Советский Союз, который они знают в основном по художественным произведениям, воспоминаниям старших родственников и дискурсу в СМИ – это полумифическое пространство прошлого, где царили простота и уверенность в будущем.

Также заинтересованность подрастающим поколением советской культурой может сигнализировать о поиске актуальных образцов идентификации в прошлом. При этом невозможно просто скопировать прошлое, «нужно вновь совершить отбор образно-смыслового ряда для передачи культурного кода, поскольку многие образы советской культуры, пусть и близкие сердцу, оставляют равнодушными представителей поколений и Y, и Z. В данном случае речь идёт не о полной смене образного ряда, а скорее о "перекодировании"» [4, с. 165].

Зримым признаком существенного интереса к советскому прошлому является то, как широко представлена тематика этой эпохи в музейных коллекциях страны. Так как анализ российских музеев, посвящённых советской культуре, невозможно провести в рамках одной статьи, автор сосредоточила своё внимание на музеях советского быта в Санкт-Петербурге. Конспективное

перечисление петербургских государственных и частных музеев и временных экспозиций, существенную часть которых составляют экспонаты, посвящённые советскому быту и/или его отдельным составляющим, выглядит так: Музей советской эпохи в Доме офицеров на Кирочной улице, частный музей «XX лет после войны» (Музей повседневной культуры Ленинграда 1945-1965 гг.), Музей советских игровых автоматов, музеи, повествующие о ленинградской культуре времени Великой Отечественной войны (Музей обороны и блокады Ленинграда и музей «А музы не молчали»), музеи-квартиры политических деятелей и представителей науки и искусства (музей С.М. Кирова, А.А. Ахматовой в Фонтанном доме, Л.Н. Гумилёва), литературный музей «XX век» (музей-квартира М.М. Зощенко и Писательский дом на набережной канала Грибоедова, 9), «Полторы комнаты» И.А. Бродского, Музей социалистического быта в квартире (наб. канала Грибоедова, 15), не переживший последствий пандемии и закрывшийся в 2020 г. и некоторые другие.

Автор данного исследования сосредоточила своё внимание на тех музеях, которые посетила лично и которые, по её мнению, демонстрируют попытки музеев советского быта, используя современные возможности, предложить молодым актуальную версию старых советских (в действительности, вневременных, общечеловеческих) ценностей и смыслов на примере темы детства.

В узком смысле слова музей – это тематическая коллекция, посвящённая определенной теме и открытая для доступа широкой публики, а не бессистемное собрание разрозненных предметов. Каждый музей имеет хотя бы одну объединяющую идею и, таким образом, посредством вещей рассказывает одну или множество разных историй. И каждая из данных историй обычно воспринимается как аутентичный рассказ, поведанный подлинными экспонатами.

История, которую рассказывают посетителям музейные вещи (самостоятельно или при помощи музейных сотрудников), даёт определенную интерпретацию событий и фактически разворачивается как целостное повествование с началом и концом. Если эпоха, к которой принадлежат или о которой повествуют музейные вещи, далеко отстоит от времени жизни зрителя, то обычно такие предметы воспринимаются как эмоционально и нарративно нейтральные. Если же время, репрезентируемое экспонатами, относительно недалеко от зрителя, обычно интерес публики гораздо более эмоционально нагружен, что позволяет транслировать те или иные смыслы и ценности с большим интеллектуальным и духовным резонансом. В целом можно сказать, что на основании музейных экспонатов, экспликаций вещей и самого пространства экспозиции культура (или отдельная личность как представитель конкретной культуры) рассказывает ту или иную версию исторических событий, которые можно рассматривать как собственную биографию культуры. Так как возможность множественных интерпретаций заложена в любом артефакте, на основе одних и тех же вещей можно рассказать фактически

бесконечное количество историй. В рамках данного исследования были выбраны несколько ключевых тем: память, детство как основа и образ будущего и объединение (единство) людей.

Ключевая тема экспозиций, которым посвящена данная статья – это детство в СССР, включая память и прошлое, а также мечту и будущее (представления о будущем из советского прошлого). Данная тематика по-разному представлена на разных экспозициях, но объединяет эти учреждения культуры рефлексия о прошедшем, которое ещё живо. Так, создатель и арт-директор «Музея социалистического быта в Петербурге» Борис Сергеев в интервью сказал, что «экспозиция музея организована таким образом, чтобы спровоцировать у посетителей воспоминания» [3]. Для молодых, никогда не живших в СССР, это могут быть «воспоминания» из книг и фильмов (ложные воспоминания: «то, что было не со мной, помню...»). При этом важной характеристикой музея является предметность экспонатов и связанное с этим ощущение, что через подлинные вещи посетитель приобретает новый (почти реальный) жизненный опыт, как бы включает музейные артефакты в свою повседневность.

Жизнь мальчишек и девчонок ярко представлена в экспозиции «За детство счастливое наше» Музея С.М. Кирова (в большом зале выделены части, посвящённые быту семей с детьми в первые десятилетия существования советской власти). Именно этот раздел обычно вызывает восторг самых маленьких посетителей музея, живо представляющих себя внутри каждого интерьера с куклами, лошадками, плюшевыми медведями и другими детскими игрушками и вещами (одеждой, обувью, колясками, кроватками, стульчиками и пр.). Как свидетельствует сайт музея, «экспозиция представляет собой уникальный памятник эпохе 1920–1930-х годов. (...) Советская власть полностью взяла на себя ответственность за воспитание и образование детей с самого их рождения. Государство стремилось воспитывать "полезных членов общества" и будущих строителей коммунизма» [7]. Уникальной частью экспозиции является календарь с перечислением «революционных» имён и расшифровкой их значения: Даздраперма (Да здравствует Первое Мая), Луиджи (Ленин Умер, но Идеи Живы), Видлен (Великие идеи Ленина), Рэм (Революция, Энгельс, Маркс), Стален (Сталин, Ленин) и многие другие.

Значительное количество реалий культуры, представленных на постоянной экспозиции «За детство счастливое наше», малопонятны молодому поколению и требуют отдельной трактовки. Таковы, например, «архивные материалы, посвященные политике в отношении детей, образованию, детским домам, работе с беспризорными и с "дефективными" детьми» [7], брошюры «Безбожник» и «Антирелигиозная азбука», школьная пионерская комната и атрибуты детских организаций раннего Советского Союза. Учитывая низкую толерантность современных детей и подростков к насилию и внимание к языковым формулам, документы о тяжелом положении малышей в послереволюционное время и даже выражение неправильные («дефективные»)

дети может восприниматься в XXI в. как повод для обличения всей советской власти. Для целей воспитания современной молодёжи необходима дополнительная работа по включению образа советского прошлого в настоящее, а также осознание уроков истории. «Музей как институт, чьё предназначение во многом связано с формированием образа прошлого, на современном этапе своего развития оказывается вовлечён в противоречия, вызванные неоднозначным видением прошлого в современном обществе» [2, с. 212].

Вторым музеем, дающим погружение в мир детства, является Музей советских игровых автоматов, сосредоточенный на теме досуга. Старые настольные игры и игровые автоматы чередуются на экспозиции с гаджетами виртуальной и дополненной реальности, чтобы посетители от юного до самого солидного и элегантного возраста могли найти себе занятие по душе. Автор данной статьи посещала данный музей в рамках ежегодного фестиваля «Ночь музеев», когда количество посетителей от 0 до 100 лет едва вмещалось в пространство экспозиции, и каждый смог найти себе игру по душе.

Коллекция Музея советских игровых автоматов рассредоточена на 3 площадки: две в Москве и одна в центре Петербурга. Информация на сайте музея о том, что «кроме игровых, в петербургском филиале представлены торговые автоматы с газированной водой и квасом, единственная в Петербурге работающая аналоговая фотобудка и советский таксофон, который снимался в фильме Кирилла Серебренникова "Лето"» [6], свидетельствует, что музей посвящен не только и не столько досугу детей советского и постсоветского времени, сколько нацелен на то, чтобы подарить посетителям «вибрирующее на кончиках пальцев» ощущение иной реальности, располагающейся где-то между уже ушедшим прошлым и ещё не наступившим настоящим. Благодаря подлинным музейным предметам, апеллирующим к чувственному опыту посетителей музея, а также возможности молодых пережить опыт, сходный с опытом родителей, бабушек и дедушек, «у детей отношение к родителям меняется» [3], появляется общий знаменатель с области культурного опыта.

В целом, можно констатировать, что рассмотренные музеи советского быта актуализируют память об относительно недавнем прошлом, балансируя между ностальгией и обличением. Полифония музейных артефактов и экспозиций по поводу советского прошлого, в частности, репрезентации темы детства, позволяет подсветить представление о будущем в наши дни. Вопросы взаимопонимания поколений, нахождения языка, понятного молодым и пожилым, создание новых смыслов на основе старых советских понятий – это ключевые, с точки зрения автора данной статьи, задачи музейной педагогики в XXI в. Актуальность советского прошлого позволяет использовать его как возможное средство выстраивания идентичности разных поколений, а также диалога между ними. «В новом тысячелетии, на переломе эпох, человечество столкнулось с острой необходимостью поиска механизмов социальной самоидентификации и самозащиты, а также ценностно-смыслового

межпоколенного взаимодействия и в целом интегрирующих, объединяющих факторов социального наследования» [5, с. 19]. Потенциал музеев советского быта в данном аспекте ещё целиком не осознан и не используется в полной мере.

Список литературы:

1. Архангельский, Ю.Е., Найденко, М.К., Лях, В.И. Сущностные противоречия советской культуры // Вестник Томского государственного университета. – 2018. - № 31. – С. 282-291. DOI: 10.17223/22220836/31/29.
2. Беззубова, О.В. Музей как новая форма коммеморации: культура и политика // Мировые тренды и музейная практика в России: Сборник статей Международной научной конференции 30-31 октября 2018 г. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 212-220.
3. «Верните мои 20-е»: почему всё советское снова так популярно? - URL: <https://topdialog.ru/2019/04/11/vernite-moi-20-e-pochemu-vsyo-sovetskoe-snova-tak-populyarno/> Дата обращения 25.02.2024.
4. Земцова, И.В. Принцип культуросообразности в дисциплинах гуманитарного цикла военного вуза // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. материалы III-й международной научной конференции: в 2 томах. Санкт-Петербург, 2020. С. 163-168.
5. Корнилова, Е.В. Арктика и Север в контексте проблемы исторической памяти // Вопросы истории. 2022. №5. С. 18–30.
6. Музей советских игровых автоматов в Санкт-Петербурге на Конюшенной площади - URL: <https://www.15kor.ru/spb>. Дата обращения 28.02.2024.
7. Экспозиция «За детство счастливое наше...» // Музей С.М. Кирова - URL: <http://kirovmuseum.ru/node/23?ysclid=ltt5z6oihi162290719> Дата обращения 25.02.2024.

Гринёв Андрей Вальтерович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

SPIN-код: 6257-0049

Артиллерия Красной Армии глазами противника 1941 – 1945

Аннотация: Советская артиллерия сыграла выдающуюся роль в Великой Отечественной войне. Статья посвящена анализу оценок, которые давали ей противники – солдаты, офицеры и генералы гитлеровской Германии, которые воевали против Красной Армии на Восточном фронте с 22 июня 1941 г. по май 1945. В целом обзор их мемуаров, дневников, писем и записок свидетельствует о том, что на протяжении всей войны главным врагом Вермахта была тяжелая советская артиллерия, превосходство которой над немецкой стало особенно очевидно со второй половины 1943 г.

Ключевые слова: артиллерия, Великая Отечественная война, Красная Армия, Вермахт, военные мемуары.

ARTILLERY OF THE RED ARMY IN THE EYES OF THE ENEMY 1941 – 1945

Summary: Soviet artillery played an outstanding role in the Great Patriotic War. The article is devoted to the analysis of the assessments given by its opponents - soldiers, officers and generals of Hitler's Germany, who fought against the Red Army on the Eastern Front from June 22, 1941 to May 1945. In general, a review of their memoirs, diaries, letters and notes indicates that throughout the war, the main enemy of the Wehrmacht was heavy Soviet artillery, the superiority of which over German artillery became especially obvious in the second half of 1943.

Keywords: artillery, Second World War, Red Army, Wehrmacht, war memoirs.

Военная спецоперация на Украине, начавшаяся в феврале 2022 г., еще раз подтвердила фундаментальную роль артиллерии в современном военном конфликте. Еще большую роль она играла в период Великой Отечественной войны. В нашей военной литературе немало написано о боевой работе советской артиллерии, ее составе, технических характеристиках, о подвигах артиллеристов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) [1], но что думал по этому поводу противник, какова была его оценка? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к дневникам, запискам и мемуарам солдат, офицеров и генералов Вермахта, воевавших на Восточном фронте против Красной Армии с июня 1941 по май 1945 г. Конечно, эта разновидность исторических источников часто грешит субъективизмом, когда часть событий

забывается, о каких-то фактах стараются вообще не упоминать, другие эпизоды, наоборот, выпячиваются на первое место, а то и вовсе заменяются собственными фантазиями. Иногда доходит просто до откровенных фальсификаций. В качестве примера можно привести фронтовые записки механика-водителя тяжелого танка Т-VI «Тигр» Вольфганга Фауста (Wolfgang Faust), о якобы имевших место боях его подразделения с советскими частями в октябре 1943 г. [3, 18].

Что касается достоверных немецких источников дневникового и мемуарного характера, то о месте и роли советской артиллерии в них говорится обычно вскользь, как о естественном «фоне» сражений с противником и лишь изредка даются достаточно эмоциональные оценки или, наоборот, сухая аналитика действий артиллерии РККА. Так, уже в первые дни войны начальник ОКХ (нем. Oberkommando des Heeres — Верховное командование сухопутных сил вермахта) Франц Гальдер (Franz Halder) в конце июня 1941 г. записал в дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. [...] Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие» [2, с.67]. При этом первоначально эффективность применения артиллерии Красной Армией по мнению немецких штабных офицеров была невелика, о чем также сообщал Гальдер в своем дневнике: «Генерал [Фриц] Бранд (генерал артиллерии) доложил о своих впечатлениях от поездки на фронт группы армий «Юг»: а. Активность артиллерии противника незначительна. Большей частью — непосредственная поддержка пехоты, в некоторых случаях огонь ведется взводом. Сосредоточения огня не наблюдается. Стрельба с воздушным наблюдением и по звукометрическим данным неудовлетворительна, стрельба же по видимым целям ведется успешно. Эффективность снарядов хорошая, моральное действие сильное. Много новейших, неизвестных нам до сих пор артсистем» [2, с.108].

Таким образом, с самого начала войны высшее военное руководство Германии фиксировало стойкость артиллерийских частей Красной Армии, но неудовлетворенное управление огнем, отсутствие массированных артиллерийских ударов с использованием дополнительных технических средств в виде авиаразведки и звукометрических приборов. Вместе с тем гитлеровские генералы вынуждены были признать хорошую эффективность артиллерийского огня советских частей в пределах прямой видимости, достаточно высокое качество вражеских боеприпасов и серьезное моральное воздействие артиллерийского огня на немецкие подразделения.

Об этом же периодически сообщали немецкие генералы, непосредственно сражавшиеся на фронте против советских войск, причем явно не соглашаясь с выводами немецких штабистов о слабых сторонах русской артиллерии. Например, генерал Готхард Хейнрици (Gotthard Carl Fedor Heinrici), в своих письмах жене не скрывал проблем, которые доставляла артиллерия Красной Армии наступающим соединениям Вермахта в первые месяцы войны. В письме к

семье от 18 августа 1941 г. он сообщал: «...Два дня назад русский двумя тяжелыми батареями так вышиб нас из командного пункта, что лишь благодаря чуду мы отделались семью ранеными» [6, с.79]. При этом противник, отмечал генерал, обычно не испытывал недостатка боеприпасов: «Войска на отдельных участках выдержали тяжелейшие испытания — по многу раз в течение 2-3 дней их просто засыпало снарядами, как в [Первую] мировую войну». Хенрици с сожалением делал вывод: «Увы, русская артиллерия очень хороша. Она весьма метка и, к сожалению, очень подвижна» [6, с.85]. В ноябре гитлеровский генерал вновь возвратился к этой теме в одном из посланий супруге: «Русский дерется с крайним ожесточением. Из-за его артиллерии мы местами понесли тяжелые потери» [6, с.82, 86, 132].

А по мнению немецкого ефрейтора Ганса Рота (Hans Roth), воевавшего на Восточном фронте в передовых частях с 22 июня 1941 г., едва ли не главным врагом германского солдата была именно артиллерия Красной Армии. В своем дневнике Рот записал случай, имевший место 30 июня 1941 г.: «Едва успели поесть, как произошло нечто ужасное. Снаряд из окаянного 122-мм орудия, которое систематически вело огонь по нам, угодил в отделение Франке. Когда облако дыма рассеялось, нашим взорам предстал кошмар. В этом хаосе среди разбросанных снарядных ящиков, искореженных обломков металла и луж крови лежало восемь трупов наших товарищей» [15, с.26]. По свидетельству Рота, уже в 1941 г. сила обстрелов советской артиллерии была иногда столь велика, что некоторые немецкие солдаты буквально сходили с ума [15, с.64].

На силу советской артиллерии жаловался также командующий III механизированным корпусом Вермахта генерал Эберхард фон Макензен (Eberhard von Mackensen). Описывая ситуацию, сложившуюся для соединений его корпуса на плацдарме в Днепропетровске в конце августа 1941 г., генерал с сожалением констатировал, что его войска не смогли добиться больших успехов из-за возраставшего с каждым днем артиллерийского огня русских, который отличался большой точностью — вскоре переправы через Днепр можно было поддерживать только по ночам: «Иногда вражеский огонь вообще прерывал любое передвижение на несколько часов» [12, с.254].

При этом немцам крупно повезло в том отношении, что масса артиллерийских орудий была брошена Красной Армией в ходе многочисленных отступлений и «котлов» в летне-осенние месяцы 1941 г., когда множество профессиональных артиллеристов попало в плен или погибло в боях при стремительных прорывах моторизованных подразделений Вермахта [11]. Несмотря на почти двукратное превосходство над противником в численности орудий, находящихся в западных военных округах (13 938 против 7 146) [9, с.69], советские артиллерийские части не смогли сдержать стремительного продвижения Вермахта в первые месяцы войны из-за плохого управления (а то и его полной потери), отсутствия достаточного опыта ведения маневренных боевых действий и ряда других причин.

При этом немалую роль в успешном блицкриге сыграли германские Военно-воздушные силы (Luftwaffe). В то же время сами Люфтваффе, во многом обеспечив себе превосходство благодаря вероломному налету на советские аэродромы ранним утром 22 июня 1941 г., особенно страдали от огня русских зениток. Именно они, а не ВВС РККА, были по мнению немцев, главным противником гитлеровских асов на начальном этапе войны. Например, командир бомбардировочного экипажа Вольфганг Дирих (Wolfgang Deirich) неоднократно писал о «плотном, точном и очень опасном огне русской зенитной артиллерии», которая наносила тяжелые потери Люфтваффе уже в первые дни немецкого вторжения: «Шестнадцать человек из летного персонала (15 полных экипажей) погибли или пропали без вести; в одной только III группе из-за повреждений были непригодны к эксплуатации или разбились и были полностью разрушены 14 самолетов – потери 50%. [...] Старые, опытные экипажи, выполнявшие много вылетов над Францией, Англией и Югославией, не возвращались. [...] К 30 июня в [бомбардировочной эскадре] KG 51 численность самолетов и экипажей сократилась до одной трети от штатной» [5, с.97–100]. Сильный и точный огонь советских зенитных батарей неоднократно отмечал в своих мемуарах знаменитый нацистский ас Ханс-Ульрих Рудель (Hans-Ulrich Rudel). За время войны он был сбит множество раз и всегда только огнем зенитной артиллерии [16, с.53–55, 91 и др.].

Генерал-лейтенант Вальтер Швабедиссен (Walter Schwabedissen), специально анализировавший противостояние ВВС СССР и Германии в годы войны, сделал обобщающий вывод: «Немецкие командиры сходятся в одном: все они были удивлены эффективностью вражеской зенитной артиллерии, поскольку немецкое командование представляло ее устаревшей и вряд ли опасной. Они также почти единодушны и в том, что оборонительный огонь из легкого оружия, в частности огонь пехоты, был очень опасным и привел к большим потерям с немецкой стороны». И добавлял: «Советская зенитная артиллерия, равно как и другие части ПВО, часто действовала исключительно эффективно, быстро придя в себя после первого шока [от внезапного нападения Германии]. Она оказалось гораздо более боеспособной, чем считало верховное командование Люфтваффе» [22, с.49, 57].

Отдать должное артиллерии противника вынужден был и профессиональный офицер-артиллерист Вильгельм Липпих (Wilhelm Lippich), воевавший в 1941 г. под Ленинградом: «Артиллерия Красной Армии отличалась высокой точностью и по своей мощи не уступала артиллерии вермахта» [10, с.130]. Сражавшийся в это время на подступах к Москве лейтенант Георг Рихтер (Georg Richter) проклинал советскую артиллерию, которая «перемолола все у наших позиций, непонятно, что за калибры у этих русских» [9, с. 512].

Очень неприятным сюрпризом для немцев стало появление на фронте гвардейских реактивных минометов БМ-13 «Катюша», которых гитлеровцы называли «Сталинскими органами» из-за характерного звука, издаваемого

оперением ракет во время полета [8]. Старший врач (Oberarzt) 6-й пехотной дивизии Вермахта Генрих Хаапс (Heinrich Haape), находившийся в начале 1942 г. у деревни Гридино в Московской области, свидетельствовал: «Пока «сталинский орган» исполнял свою дьявольскую сюиту, каждый человек в батальоне лежал распластавшись, где бы ни застало его это поистине адское светопреставление, и молился, чтобы на его долю не досталось ни одного из этих смертоносных снарядов» [20, с.473–474]. Служивший в это же время на южном фланге советско-германского фронта радист 5-й дивизии СС «Викинг» Гюнтер Фляшман (Günther Fleischmann) испытал нечто похожее, вспоминая: «Примерно 26-27 февраля Советы развернули широкомасштабное контрнаступление на наши силы, сосредоточенные западнее Мариновки. Наступлению предшествовала артподготовка — сокрушающий залп из реактивных минометов и ствольной артиллерии, вынудивший нас отвести войска» [19, с.248].

Здесь можно выделить одну особенность: практически все военнослужащие Германии из числа сухопутных подразделений подчеркивают опасность обстрелов именно тяжелых орудий РККА, а вот об пушках средних и мелких калибров полевой артиллерии почти ничего не сообщают. Так, по воспоминаниям бельгийского фашиста Леона Дергелля (Léon Degrelle), воевавшего в 28-й добровольческой дивизии СС «Валлония» в феврале 1942 г. на южном фланге советско-германского фронта, крупнокалиберная артиллерия РККА приносила нацистам немало бед: «На протяжении нескольких дней советская артиллерия выпустила по нам несколько тысяч снарядов. Некоторые избы загорелись. Другие, получив попадание в крышу, разбросали свою солому на десятки метров в стороны. Наши потери были тяжелыми» [4, с.86]. Действительно, крупнокалиберная советская артиллерия по праву завоевала свои лавры, тем более что тяжелых орудий у РККА было больше, чем у любой другой армии мира, принимавшей участие во Второй Мировой войне.

Не менее опасными были русские минометы, по крайней мере, в глазах простых пехотинцев Вермахта. Немецкий пулеметчик Хельмут Нойенбуш (Helmut Neuenbusch), сражавшийся в районе Демянского котла в 1942 г., писал: «Позже я неоднократно убеждался, что русские непревзойденные мастера по части ведения прицельного огня из минометов. Мины русских пехотинцев представляли собой воистину дьявольское оружие — они взрывались при соприкосновении с веткой дерева, и горе тому, в кого попадали их осколки — оставался на всю жизнь калекой» [21, с.142].

В 1943 г., судя по дневникам и мемуарам военнослужащих Вермахта, наступил явный перелом в пользу Красной Армии как по количеству артиллерии, так и боеприпасов. Очевидец, попавший под огонь тяжелых орудий РККА на Курской дуге летом 1943 г., сообщал о том, что некоторые его товарищи просто сходили с ума во время многочасовой артиллерийской канонады [17, с.230–232]. Немецкий артиллерист, сражавшийся там же под Прохоровкой, прямо писал: «Признаюсь, такого безграничного страха я не

испытывал никогда, казалось, что вот еще немного, и тебя накроет очередным снарядом. Создавалось впечатление, что Красная Армия только и ждала нашего наступления, чтобы продемонстрировать нам свою безграничную мощь и тем самым обозначить коренной перелом в ходе этой войны. Какое-то время спустя поступило распоряжение: «К орудиям! Открыть ответный огонь!» Но все мы были в таком состоянии, что об ответном огне и речи быть не могло» [21, с.21]. По воспоминаниям немецкого пулеметчика, воевавшего на Синявинских высотах под Ленинградом в августе 1943 г., артиллерия Красной Армии наносила особенно большой урон оборонявшимся немецким частям: «Часами русские вели ураганный огонь из артиллерии по позициям наших пехотинцев. Все роты постоянно несли огромные потери личного состава» [21, с.164]. Уже упомянутый генерал Хенрици с горечью констатировал, что тяжелая артиллерия русских расходует за один день столько снарядов, сколько немецкая тратит за неделю. В письме к жене от 27 октября 1943 г. он жаловался: «Пять дней подряд противник так поливал нас артиллерийским огнем, что и смотреть-то было жутко. Пехота была просто раздавлена. Русский палил из своих стволов в пять-шесть раз сильнее того, на что способны мы. Люди выходили с позиций, совершенно обезумевшие от артиллерийского огня. Даже несколько дней спустя они еще не пришли в себя» [6, с.300–301].

В 1944 г. превосходство артиллерии РККА стало просто подавляющим. Генерал танковых войск Фридрих фон Меллентин (Friedrich Wilhelm von Mellenthin) писал: «В ходе войны русские совершенствовались и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня» [13, с.364]. Знаменитый немецкий танковый ас Отто Кариус (Otto Carius) вспоминал о боях с РККА в марте 1944 г. и о сокрушительном воздействии советской артиллерии: «Только Иваны могли устроить подобный огневой вал. Даже американцы, с которыми я позднее познакомился на западе, не могли с ними сравняться. Русские вели многослойный огонь из всех видов оружия, от беспрерывно паливших легких минометов до тяжелой артиллерии. [...] Весь участок 61-й пехотной дивизии был накрыт таким огневым валом, что мы подумали, что на нас обрушился ад» [7, с.104–105]. «Такой сосредоточенный огонь, – писал впоследствии Ф.В. фон Меллентин, – быстро разрушал немецкие позиции, не имевшие большой глубины. Как бы тщательно ни были укрыты пулеметы, минометы и особенно противотанковые орудия, они вскоре уничтожались противником. [...] Во время войны Красная Армия применяла больше тяжелых орудий, чем армия любой другой воюющей страны» [13, с.362–365].

Уже после победного для СССР мая 1945 г. бывший офицер ОКХ Эйке Миддельдорф (Eike Middeldorf), вынужден был признать: «В последний год войны для обеспечения наступательных операций русские сосредотачивали огромное количество артиллерии. Получая большое количество боеприпасов, они имели возможность вести ураганный огонь по типу огневого вала» [14, с.170–171].

Обобщая опыт применения артиллерии РККА на Восточном фронте, Миддельдорф констатировал: «В течение первых двух лет Восточной кампании артиллерия русских, как правило, не являлась серьезным препятствием на пути наступления немецкой армии. Причины этого следует искать в недостаточной оснащенности русской артиллерии средствами связи и в слабости ее органов управления» [14, с.17]. Далее он давал более развернутую характеристику артиллерии РККА: «Во время Второй мировой войны русская артиллерия имела на вооружении очень хорошую современную материальную часть. Как по качеству орудийной стали, так и по своим конструктивным характеристикам она отвечала требованиям того времени. Огромное количество орудий, производимых в России, позволяло Красной Армии формировать большое число артиллерийских частей самого различного назначения» [14, с.162–163]. Затем Миддельдорф, возвращаясь к прежнему сюжету, отмечал: «Боевая мощь русской артиллерии на разных этапах войны была различной. Во время маневренных наступательных операций немецкой армии в 1941–1942 гг. русская артиллерия была не в состоянии, по крайней мере в ходе быстро развивающихся боевых действий, обеспечить превосходство в огне. Для Красной Армии характерно тесное взаимодействие дивизионной артиллерии с пехотой и танками, однако при ведении боевых действий оно не находило своего полного воплощения» [14, с.168].

Подводя итоги, Миддельдорф делал вывод: «Русская артиллерия в ходе войны из года в год повышала свою активность. Использование ее постепенно становилось более целеустремленным и гибким, чем в первый год войны. Чем больше сокращалась протяженность фронта на Восточном театре военных действий и чем ниже становились боевые качества русской пехоты, тем большее значение приобретала русская артиллерия. [...] Вообще же русская артиллерия, несмотря на некоторые недостатки, была родом войск, обладавшим огромной силой огня и высокими боевыми качествами» [14, с.173–174].

Подобный анализ провел и генерал Меллентин, с ноября 1942 по май 1944 г. непосредственно участвовавший в боях на Восточном фронте. Наряду с позитивными сторонами, он указывал на упущения артиллерии РККА в годы войны: «Однако были у русской артиллерии и недостатки. Например, негибкость планов огня бывала иногда просто поразительной. Взаимодействие артиллерии с пехотой и танками было организовано недостаточно хорошо. Орудия перемещались вперед слишком медленно и часто даже оставались на своих первоначальных огневых позициях, в результате чего наступающая пехота, продвинувшаяся далеко в глубь обороны, долго не имела артиллерийской поддержки». Тем не менее, в целом генерал Меллентин весьма уважительно отозвался об артиллерии РККА: «Несмотря на известные недостатки, русская артиллерия является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, какую ей дал Сталин» [13, с.362–365]. Трудно не согласиться с этим заключением бывшего противника.

Список литературы:

1. Артиллеристы. – М.: Яуза-Каталог, 2019. – 352 с.
2. Гальдер Ф. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). – М.: АСТ, 2010. – 704 с.
3. Гринёв А.В. Псевдомемуары немецкого танкиста Вольфганга Фауста // Историческая экспертиза. – 2020. – № 1. – С. 376 – 383.
4. Дегрелль Л. Эсэсовский легион Гитлера. Откровения с петлей на шее. – М.: Яуза-пресс, 2012. – 288 с.
5. Дирих В. Бомбардировочная эскадра «Эдельвейс». История немецкого военно-воздушного соединения. – М.: Центрополиграф, 2005. – 224 с.
6. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / под ред. Й. Хюртера; пер. с нем., предисловие к рус. изд., коммент. О.И. Бэйды, И.Р. Петрова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 328 с.
7. Кариус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста / Пер. С.В. Лисогорского. – М.: Центрополиграф, 2004. – 367 с.
8. «Катюши» – «Сталинские органы». – М.: Яуза-пресс, 2018. – 325 с.
9. Кершоу Р. 1941 глазами немцев: Березовые кресты вместо Железных. – М.: Яуза-Пресс, 2010. – 540 с.
10. Липпих В. Беглый огонь! Записки немецкого артиллериста 1940–1945 [пер. с англ. А. Бушуева]. – М.: Яуза-пресс, 2009. – 300 с.
11. Лопуховский Л.Н. 1941. На направлении главного удара. М.: Эксмо, 2019. – 800 с.
12. Маккензен Э. фон. От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов // От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. – М.: АСТ, 2004. – С. 221–352.
13. Меллентин Ф.В. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. – СПб., М.: Полигон, АСТ, 1998. – 448 с.
14. Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. – СПб.: Полигон, 1999. – 448 с.
15. Рот Г. Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941–1943 / Ред. К. Александер, М. Кунце; пер. с англ. А.Л. Уткина. – М.: Центрополиграф, 2019. – 223 с.
16. Рудель Х.-У.; Гибсон Г.П. Бомбы сброшены! – М.: Аст, 2002. – 736 с.
17. Сайер Ги. Последний солдат Третьего рейха. – М.: Центрополиграф, 2002. – 358 с.
18. Фауст В. Следы «Тигра». Фронтовые записки немецкого танкиста. 1944 / пер. с нем. В.Д. Кайдалова. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2017. – 191 с.
19. Фляйшман Г. По колено в крови. Откровения эсэсовца; [пер. с англ. А. Уткина]. – М.: Яуза-пресс, 2009. – 480 с.
20. Хаапе Г. Оscal смерти. 1941 год на Восточном фронте; [пер. с англ. А. Мясникова]. – М.: Яуза-пресс, 2009. – 576 с.

21. Цвайгер А., Нойенбуш Х. Кровавое безумие Восточного фронта. – М.: Эксмо, 2009. – 256 с.
22. Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941 – 1945 гг. – Мн.: Харвест, 2003. – 528 с.

Гришина Татьяна Михайловна

старший преподаватель

Международный юридический институт

SPIN-код: 7200-1677

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Аннотация: в статье анализируются проблемы адаптации мигрантов и их социализации в российское мультикультурное общество, в рамках евразийской интеграции на постсоветском пространстве, с целью учета ошибок и наработки позитивного опыта на перспективу. Подчеркивается историческая роль России как двигателя интеграционных процессов на пространстве Евразии. Союзное государство Россия-Беларусь выводится в качестве модели евразийских объединений по социокультурным и иным вопросам международного взаимодействия. Делается вывод о необходимости сближения государств постсоветского пространства с учетом исторического единения родственных народов и использования многовекового опыта проживания на единой территории, в условиях агрессивной экспансии чужеродных ценностных установок, активно внедряемых с целью уничтожения самоидентификации и самобытности исторической России и ее партнеров.

Ключевые слова: культура, общество, интеграция, Россия, Евразия, ценности, мигрант, адаптация.

SOCIO-CULTURAL COMPONENT OF EURASIAN INTEGRATION: PROBLEMS OF MIGRANTS' ADAPTATION IN RUSSIA

Summary: The article analyzes the problems of adaptation of migrants and their socialization into the Russian multicultural society, within the framework of Eurasian integration in the post-Soviet space, in order to take into account mistakes and gain positive experience for the future. The historical role of Russia as an engine of integration processes in the Eurasian space is emphasized. The Union State of Russia-Belarus is being developed as a model of Eurasian associations on socio-cultural and other issues of international cooperation. The conclusion is made about the need to bring the states of the post-Soviet space closer together, taking into account the historical unity of related peoples and the use of centuries-old experience of living in a single territory, in conditions of aggressive expansion of alien values, actively implemented in order to destroy the self-identification and identity of historical Russia and its partners.

Keywords: culture, society, integration, Russia, Eurasia, values, migrant, adaptation.

За более чем три десятилетия, прошедшие с момента самоликвидации Союза Советских Социалистических Республик в 1991 г., Российская

Федерация прошла цикл этапов становления, начавшийся с полного отрицания советской великодержавности и правового нигилизма, до самоидентификации в качестве ядра евразийской интеграции, по меньшей мере, на постсоветском пространстве. Тридцать лет – совсем малый промежуток в историческом процессе для подведения итогов, но вполне значимый для переосмысления событий, развернувшихся на евразийском пространстве с начала 1990-х гг. и до настоящего времени. Заметим, что учет сделанных ошибок и наработка опыта на перспективу необходимы для всестороннего развития исторической России.

Масштабное крушение одной из двух опор антагонистических мировых систем, точно названное В.В. Путиным трагедией и «распадом исторической России» [10], повлекло за собой цепь событий на евразийском пространстве, последствия которых мы ощущаем и в настоящее время: разрыв «по живому» единого тела Советского Союза по административным границам, ставшими в одночасье государственными; слом единого, исправно функционирующего народно-хозяйственного комплекса, имеющего лишь функциональные, но не системные проблемы и нуждающегося в реформировании, а не в ликвидации; разрушение единой транспортной сети; разделение на части целостного энергетического комплекса и др. Все это только усилило центробежные силы, доминирующие с середины 1980-х гг. на постсоветском пространстве. Но одним из основных негативных последствий упразднения СССР явилась деструкция социального и культурного пространства великой державы, рухнувшей в силу многих объективных и субъективных причин, в том числе разрушения идеологических основ и подавления исторических традиций в угоду западному глобализационному проекту. Исчезли общие праздники, советские символы, как важные составляющие формирования национального духа [5, с. 98] и дань прошедшей исторической эпохе. Они не только были устранены, но даже признаны противозаконными на территориях ряда бывших советских республик. Мода на «декоммунизацию» коснулась отдельных государств постсоветского пространства, в авангарде которых изначально стояли прибалтийские республики (Латвия, Литва, Эстония). С ними тесно взаимодействуют руководство Грузии и Украины в сфере отторжения не только советского прошлого, но и позитивности в процессе любого периода в составе исторической России, называя такое единение «оккупацией» [12], а деструкцию собственной истории «декоммунизацией». Очевидны попытки раскатать тесное взаимодействие на постсоветском пространстве, в т. ч. экономического и военно-политического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и др.

Противники евразийской интеграции не гнушаются в достижении своих целей никакими методами в этом противостоянии. Инструментарий гибридной войны включает в себя, помимо экономических и политических ограничений, также агрессивную идеологическую экспансию чужеродных идей и ценностных установок. Исследователи выделяют информационные,

пропагандистские и психологические методы, которые рассматриваются в единстве и носят общее название «информационная война», основным оружием в которой являются так называемые «фейки» [14, с. 40], ложные полностью, либо новости, искажающие истинную картину и придающие подчас прямо противоположный смысл произошедшему событию. Все указанные причины проявляют важнейшее значение социальных и культурных факторов, являющихся фундаментальным основанием для развития интеграции на евразийском пространстве.

Тенденция к объединению на иных принципах отличных от советских условий, была заложена изначально в «Беловежских соглашениях» [17], заключенных в декабре 1991 г., сформировавшего Содружество Независимых государств (СНГ). Содружество, ставшее формой мягкой дезинтеграции республик Советского Союза, позволило частично сгладить разрушение, казалось бы, такой прочной системы, а также смягчить и снизить социально-экономическое напряжение на постсоветском пространстве. И хотя в научном сообществе утверждается, что юридическая сила этого правового акта ничтожна, а Советский Союз формально продолжает существовать, вместе с тем признается его фактическое упразднение. Центроостремительные силы, доминирующие сегодня на евразийском пространстве, направляют развитие интеграционных процессов по новому вектору, более соответствующему современной исторической эпохе, тенденция к чему все ярче проявляется и в риторике, и в практической деятельности руководства ряда государств постсоветского и большого евразийского пространства.

Международное взаимодействие в СНГ носило (и продолжает носить) в большей степени социальный, гуманитарный и культурный характер. Для экономических и оборонительных целей были организованы иные объединения, такие как упомянутые ЕАЭС (правопреемник ЕврАзЭС), ОДКБ, зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз (ТС), единое экономическое пространство (ЕЭП). В то же время, со слов Президента России, несмотря на незатихающую критику деятельности СНГ, поднимающую проблемные вопросы об аморфности его решений и неповоротливости в их исполнении, «Содружество остается незаменимым механизмом, позволяющим сближать позиции и вырабатывать единую точку зрения на ключевые проблемы, стоящие перед нашим регионом, и приносит зримую, конкретную пользу всем его участникам» [9, с. 10].

Ядром постсоветского пространства, привлекающим трудовых мигрантов и бывших соотечественников, нередко желающих получить гражданство Российской Федерации, стала Россия, как правопреемник Советского Союза. Как и исторической ретроспективе, так и сегодня наша страна является оплотом для народов, желающих жить во взаимоуважении на общекультурном российском пространстве. Представляет интерес тот факт, что еще в 2012 г. В.В. Путин, будучи председателем Правительства России, отметил тенденцию к увеличению миграционных потоков, в связи с радикализацией религиозных

течений и увеличением межнациональных конфликтов. В данном контексте, Путин подчеркнул важность сохранения русской культурной доминанты, которая в историческом процессе постоянно подвергается попыткам взлома. Причем, ее носителем являются не только этнические русские, являющиеся государствообразующим народом, но и все носители русской идентичности, считающие себя таковыми [10, с. 8]. Однако, стихийно такие глубинные процессы, влияющие на самую суть России – ее народ, проходить без выстраивания грамотной, сбалансированной политики государства не могут. Каждый человек на территории России (гражданин или иностранец) должен знать и понимать, что необходимо относиться с уважением как к правовым нормам, так и к местным историческим традициям и обычаям на всем пространстве нашей необъятной страны. В противном случае, жесткий ответ незамедлительно должен поступить от органов государственной власти, согласно нормам федерального законодательства. Сама же нормативно-правовая база, включающая Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, должна соответствовать актуальным угрозам и вызовам [10, с. 16]. Примером адекватного развития нормативно-правовой базы России современным вызовам и угрозам может послужить ст. 24 Закона РФ № 138-ФЗ от 28.04.2023 «О гражданстве Российской Федерации» [16], содержащая положение о прекращении приобретенного (признанного) гражданства вследствие не только за совершение преступления, но и за осуществление приготовления к преступлению или покушение на него, причем, независимо от времени совершения преступления, даты вынесения приговора суда и времени принятия решения о приеме в гражданство России.

Чрезвычайно важным фактором для социальной адаптации человека в культурное пространство России признается знание русского языка, как языка государствообразующего народа, на должном для полноценного общения уровне. Идея о былом единстве советского народа и прямой перенос былой модели на современное общество постсоветского пространства не должна ввести нас в заблуждение, так как ситуация радикально изменилась. За десятилетия суверенности на территориях бывших советских республик выросло не одно поколение, не учившее в школах русский язык совсем, либо учившее его как иностранный. Исследователи подтверждают, что за время, прошедшее после упразднения Советского Союза, русский язык потерял статус языка межнационального общения единого общества. Более того, в определенных странах постсоветского пространства он либо вообще не имеет определенного статуса, либо даже признан языком «неграждан»! В целом, неоднозначность такого статуса только подтверждает отторжение руководством отдельных постсоветских государств русской культуры и радикальное отрицание России как цивилизационного и исторического центра евразийской интеграции. Следует отметить, что на пути активной «дерусификации» сегодня стоит ряд постсоветских республик. Не только отмена русского языка как государственного, но даже замены кириллицы на

латиницу в определенный период стали трендом языковой политики отдельных государств, в число которых можно отнести, например, Туркменистан.

Законодательства Узбекистана и Таджикистана придают русскому языку статус «языка межнационального общения», без придания ему значения одного из государственных языков, хотя на территорию России ежегодно прибывают граждане этих государств, как с целью трудовой миграции, так и для получения российского гражданства. Причем, процесс происходит одновременно с продолжающимся исходом русскоговорящего населения из этих стран.

Следует подчеркнуть, что только за I квартал 2023 г. на территорию России въехало 1,3 млн иностранцев в порядке трудовой миграции. Главные потоки проходятся именно на Узбекистан (630 859 человек) и Таджикистан (349 357) [4]. Тем более, вызывает недоумение языковая политика руководства указанных государств в отношении русского языка, столько тесно связанных с Россией по вопросам социально-экономического благополучия своих народов на едином геополитическом пространстве. В данном контексте следует вспомнить позитивный советский опыт, когда языковая политика была одним из основных элементов национальной политики государства [1, с. 156].

Двуязычная модель языкового общения и адекватный уровень русского языка содержит законодательство Кыргызстана и Казахстана, с учетом тесного социально-экономического и культурного взаимодействия в евразийских интеграционных объединениях (ЕАЭС, ТС, СНГ и др.) [15, с. 233].

На самой высокой точке восприятия и взаимопроникновения в социально-культурное пространство находятся народы Российской Федерации и Республики Беларусь, в рамках Союзного государства, функционирующего с декабря 1999 г. Создание благоприятных условий, укрепление и развитие «этнической, культурной и языковой самобытности народов» регламентировано уже в тексте Договора о создании Союзного государства. Создана широкая правовая база в сфере межкультурного сотрудничества (соглашения, программы...), проводятся совместные мероприятия (открытие мемориалов, памятников...), 2 апреля отмечается ежегодно как день единения народов России и Беларуси, в рамках которого проводятся совместные праздничные мероприятия, Международный фестиваль «Славянский базар» в Витебске является совместным проектом России, Беларуси и Украины, как объединением творческих сил родственных по культуре стран и др. [6, с. 1421]

Следует отметить, что статус русского языка в Республики Беларусь четко регламентирован в ст. 17 Конституции Республики Беларусь как один из государственных языков (наравне с белорусским), а потому употребляется в качестве официального в государственных и муниципальных органах. Исследователями Беларуси русский язык оценивается как главная ценность не только всего славянского мира, включая и саму Республику [7, с. 52]. Такой подход адекватно представляет высокий уровень взаимодействия во всех сферах общественных отношений и создает базовую модель выстраивания партнерских отношений на геополитическом пространстве Евразии.

Значение социокультурной адаптации мигрантов в новой для них среде определяется в научных исследованиях в качестве их нового «смысложизненного» континуума [13, с. 138], развивающего в благоприятном контексте их духовные и культурные потребности. Ученые классифицируют воспроизводимые стратегии, среди которых можно выделить наиболее позитивные для интеграционных процессов и гармоничного включения в российскую культурную среду. Основной формой служит «аккультурация», позволяющая безболезненно интегрироваться в культурное пространство принимающей стороны, с сохранением своих народных традиций, что полностью отвечает устоявшейся исторической практике российской цивилизации. Еще одним благоприятным сценарием служит «ассимиляция», предполагающая идентификационный переход в многонациональное этнокультурное российское сообщество. Выбор той или иной формы должен быть осуществлен человеком добровольно, без какого-либо принуждения с условием гарантий его конституционных прав и свобод, а также с соблюдением нерушимости основ конституционного строя Российской Федерации.

Исследователи выделяют и такие негативные формы как «геттоизация» (отстранение от общего этнокультурного пространства, проживание отдельными анклавами) и «культурный империализм» (агрессивное навязывание своих культурных традиций принимающей стороне) [13, с. 139]. Формирование таких этнокультурных объединений недопустимо на территории любого государства, а тем более России, с ее исторически устоявшейся мультикультурностью и многоконфессиональностью. Они могут только навредить и создать социальную напряженность на почве отторжения внедрения чуждых ценностных установок. Ввиду их очевидной неприемлемости, следует не допускать их организации, а в случаях обнаружения уже созданных объединений активно противодействовать их деятельности в границах, установленных федеральным законодательством.

При рассмотрении проблемы в хронологической последовательности волн миграции на постсоветском пространстве следует отметить, что потоки первых миграционных волн в начале 1990-х гг. практически не нарушили социокультурное пространство Российской Федерации, поскольку их составили граждане единого государства, владеющие русским языком, воспитанные в одной культуре и получившие образование (начальное, среднее и высшее) в образовательных учреждениях по единой программе. Однако, с течением времени, по мере развития центробежных сил, получивших активное развитие на постсоветском пространстве, ситуация менялась. Стремление руководства ряда постсоветских государств, получивших бразды правления из рук Советского Союза, к укреплению собственной государственности путем полной автономизации, привело к деструкции единого пространства, как народно-хозяйственного, так и социокультурного. Духовные, культурные и ментальные различия между российским обществом и прибывающими мигрантами становились все резче, что существенно тормозило их гармоничное вхождение

в новую социокультурную среду, а в целом, негативно сказывалось на эволюции евразийской интеграции на постсоветском пространстве. К сожалению, оценкой качества вопросов привлечения трудовых мигрантов к работе стала лишь коммерческая составляющая, представленная в форме защиты интересов бизнес-сообщества [2, с. 25]. Проблемы, возникающие в социуме, списывались на необоснованные страхи. Примером может послужить выступление Уполномоченного по правам предпринимателей Б. Титова [11]. Обоснования своего утверждения о несостоятельности страхов россиян тем, что граждане РФ совершают больше преступлений, чем иностранцы, выдвинутые должностным лицом, вызывают недоумение. Во-первых, число граждан РФ значительно превышает количество трудовых мигрантов, поэтому в данном случае недопустимо применение абсолютных цифр, важно процентное соотношение. Во-вторых, немало трудовых мигрантов делают выбор в пользу гражданства России, таким образом, статистика по их правонарушениям входит в российскую базу. Такие проблемы требуют серьезной работы, а не ухода от их разрешения.

Подводя итог, отметить, что современное государство, создавая благоприятные условия для экономического и демографического развития, объективно не может обойтись без трудовой миграции и притока новых граждан. Однако, следует учитывать все стороны процесса и выработать сбалансированную государственную политику, основанную на позиции Президента Путина о приоритете интересов народов России [3]. Для гармоничного внедрения в российское сообщество, необходимо помимо обязательного владения русским языком, также знания культурных традиций и обычаев как русского народа, так и народов России, в целом. Важным фактором остается позитивный настрой и желание мигрантов войти в социокультурное пространство на условиях принимающей стороны. Немаловажную роль в этом процессе занимает позиция руководства независимых государств постсоветского пространства, чьи законодательные органы должны выработать совместную повестку в рамках евразийских объединений, организованных на новых принципах, с учетом позитивной практики СССР, преуспевшего в деле объединения народов, связанных общей исторической судьбой.

Вызовы и угрозы современности убеждают в правильности выбранного пути, направленного на всестороннее сближение государств постсоветского пространства. Следует отметить, что сегодня невозможно четко дифференцировать сферы межгосударственных и международных отношений: экономика и геополитика тесно переплетаются с социальными вопросами, что сопряжено с адаптацией трудовых мигрантов, нередко выбирающих российское гражданство, с последующим вхождением в мультикультурное общество. Учитывая историческое единение наших народов и совместный многовековой опыт проживания на единой территории, Россия может и должна продолжать евразийские интеграционные процессы, оставаясь их локомотивом. Решение

вопроса гармоничной адаптации и мигрантов и ассимиляции новых граждан в российском обществе по позитивным сценариям позволит сохранить целостность нашей многоликой державы, с ее неповторимой культурой, многоконфессиональностью, уникальным генетическим кодом, пронесенным российским народом через века, а также повысить уровень социального благополучия народов России, что станет стимулом для сближения и объединения стран Евразии и поможет победить в противостоянии агрессивной экспансии чужеродных ценностных установок, агрессивно внедряемых с целью уничтожения самобытности исторической России и родственных ей народов.

Список литературы:

1. Арутюнова М.А. На пространстве СНГ // Международные отношения и мировая политика. Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. 2012. № 1. С. 155-178.
2. Бажан Т.А. Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // Экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3(24). С. 24-30.
3. Ведомости. Путин заявил о приоритете интересов россиян над интересами мигрантов. 12.09.2023. - URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/09/12/994711-putin-zayavil-o-prioritete-interesov-rossiyan> (дата обращения: 09.02.2024).
4. Костенко Я. Приток трудовых мигрантов в Россию вырос в I квартале в 1,6 раза. Ведомости. 09.05.2023. - URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros?ysclid=lsa2g2y8sci885996685> (дата обращения: 06.02.2024).
5. Лактионова Н.Я. Дезинтеграция СССР: проблема легитимности. 30 лет с распада Советского Союза // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ–OBSERVER. Москва. 2022. № 1. С. 97-110.
6. Мануилова П.В. Двусторонние отношения // РУДН. Постсоветские исследования. Т.2. № 6. 2019. С. 1420-1428.
7. Маслова В.А., Камышева С.Ю. Современная языковая ситуация в Республике Беларусь: особенности и проблемы // Социолингвистика. 2013. №1(13). С. 49-59.
8. Путин В.В. Гражданский мир и межэтническое согласие в многонациональном государстве // Альманах «Этнодиалоги». 2012. №1(38). С. 8-26.
9. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10-14.
10. РБК. 30 лет без СССР. Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России». 12.12. 2021. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe> (дата обращения: 03.02.2024).

11. РИА Новости. Титов призвал россиян не опасаться иностранных трудовых мигрантов. 07.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240107/migranty-1920044281.html> (дата обращения: 09.02.2024).
12. ТАСС. МИД РФ: власти стран Прибалтики продолжают продвигать миф об оккупации со стороны СССР // 22 июля 2020 г. - URL: <https://tass.ru/politika/9031109> (дата обращения: 03.02.2024).
13. Фудзиева Ф.С. Социокультурная адаптация мигрантов в Республике Северная Осетия – Алания // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. С. 135-145.
14. Черноперов В. Л., Сулейманова У. И. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски. Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 33-46.
15. Чурсина О.В., Сайлиев Р.Ш., Айлиев А.Д. Статус русского языка в странах постсоветских республик: языковая политика // Научные исследования и инновации. 2021. С. 230-238.
16. Федеральный закон от 28.04.2023 N138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О гражданстве Российской Федерации" - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/93e1503f744c379157cc80bbdddbb4da51de0367/ (дата обращения: 09.02.2024).
17. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Ратифицировано Верховным Советом РСФСР (Постановление № 2014-I от 12.12.91 г.) - URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1673617&lang=ru> (дата обращения: 07.02.2024).

Гуркина Нина Константиновна

доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (филиал)

SPIN-код: 7664-8264

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: Историческое образование является одним из главных механизмов трансляции исторического опыта, важнейшим способом формирования исторического сознания и патриотического воспитания молодежи. Концепции исторического образования, как и трактовка исторических событий, неоднократно подвергались критике и изменениям. Современный этап развития высшей школы, и исторического образования в вузе отличается сложностью и противоречивостью, наличием многочисленных проблем как концептуально-теоретического плана, так и дидактико-методических.

Ключевые слова: историческое образование, государственная политика, концепции, проблемы дидактики и методики.

PROBLEMS OF HISTORICAL EDUCATION IN HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Summary: Historical education is one of the main mechanisms for the translation of historical experience, the most important way to form historical consciousness and patriotic education of young people. The concepts of historical education, as well as the interpretation of historical events, have been repeatedly criticized and changed. The modern stage of the development of higher education and historical education at the university is characterized by complexity and inconsistency, the presence of numerous problems, both conceptual and theoretical, and didactic and methodological.

Keywords: historical education, public policy, concepts, problems of didactics and methods.

Важнейшей функцией истории как науки является осмысление мирового и национального исторического опыта и передача обществу полученных знаний, итогов и результатов этого осмысления. Исторические знания были призваны способствовать принятию взвешенных политических решений, выработке стратегии развития страны, осуществлению социальной, этнической и культурно-исторической самоидентификации народа. Государство и власть в видимой исторической ретроспективе с разной степенью успешности уделяли деятельное внимание формированию исторического сознания населения

страны. Почти столетие государственной идеологией России являлась уваровская формулировка «православие, самодержавие, народность», появившаяся после исторических трудов и «Записки» Н.К. Карамзина. По мере развития отечественной образовательной системы одним из главных механизмов трансляции и распространения исторического опыта становилось историческое образование.

В советский период концепция исторического образования, сохраняя главенствующую парадигму, менялась неоднократно. После доминирования в 20-е годы «школы Покровского» в последующее десятилетие произошло возвращение на «национально-государственную» почву [1, с.142; 12]. При этом основные теоретические идеи и исторические трактовки большевизма были изложены в «Кратком курсе истории ВКП(б) – «энциклопедии сталинизма», а идеологическая доктрина Жданова («русский вопрос») «позволила органично включить достижения всей дореволюционной русской истории в идеологию сталинского СССР» [2, с.425]. Осуждение «культы личности» на XX съезде партии внесло свой вклад в развитие исторической науки, дав начало в полной мере развернувшейся в период «перестройки» эпохе «открытия белых пятен» и разоблачений исторического прошлого. Историческое образование в 60-80-е годы несло на себе печать взвешенности и умеренности брежневского времени. Упрекнуть государство можно было разве что в отсутствии в системе общего вузовского образования курса отечественной истории («Истории КПСС» несла ярко выраженную идеологическую направленность и не позволяла в должной мере и на должном уровне остановиться на важных вопросах и проблемах истории российского государства – включая советский период).

В работах С.Г. Кара-Мурзы, посвященных истории и проблемам советской цивилизации, механизмам и результатам ее разрушения, задачам нациестроительства в современной России, отмечается важнейший фактор успеха «демонтажа советского народа» в годы перестройки - разрушение исторической памяти и исторического сознания народа в процессе информационно-психологической войны [6, с.4; 7, с.1032; 8]. Свой вклад в негативный процесс «переосмысления истории» внесли (часто неосознанно) и преподаватели-гуманитарии, которые «открывали» новые имена, темы, радовались разнообразию точек зрения в истории и литературе, по мере сил стремились «восстанавливать историческую правду и справедливость». Далеко не все понимали суть происходящего в общественно-культурной жизни страны и в системе образования. «Одна из великих истин древности: история – мать гражданина... переосмысление истории ничего общего не имеет с ее огульным отрицанием и проклятием... Точное историческое знание оказалось одним из самых дефицитных материалов на площадке перестройки», - писал в 1990г. один из самых авторитетных ленинградских историков, декан исторического факультета университета И.Я. Фроянов [13, с.73].

Оценивая итоги «переосмысления исторического опыта» в 80-90е годы, современный автор пишет: «История – это биография нации. В результате

перестройки в истории страны нет ни одного живого места. История России превратилась в одну сплошную зону экологического загрязнения, куда всяк сливает свои токсичные помои... Наша война с отеческими гробами ни у кого не вызывает уважения, в том числе у нас самих» [6, с.253]. Причем, критике подвергался не только советский период, по которому наносился главный удар. К сожалению, «угар перестройки» не прошел в последующие десятилетия, а принял другие, часто более целенаправленные формы. А.С. Панарин писал об «агрессивной духовно-идеологической среде» 90-х годов: «Ее репрессивная бдительность направлена против любых проявлений здравого смысла народа, его культурно-исторической памяти. Господствующая пропаганда опустошает национальный пантеон, последовательно оскверняя образы национальных героев, полководцев (от Суворова до Жукова), писателей (вся великая русская литература заподозрена в грехе опасного морального максимализма, связанного с сочувствием к униженным и оскорбленным), создателей национальной музыки, живописи и зодчества» [6, с.255-256]. В историю 90-х годов вошли так называемые «соросовские учебники». Подготовленные на выделенные 40 млн. долларов 200 учебников по гуманитарным дисциплинам должны были сформировать «новую культурную матрицу», которая должна была определять в следующем веке «тип личности российского гражданина» [14, с.31,38]. Присоединение России к Болонскому процессу также не способствовало сохранению и развитию полноценного исторического образования в отечественной образовательной системе.

Положительно оценивая решение высшего руководства страны (в процессе принятия в 2010 г. образовательных стандартов нового поколения) по сохранению преподавания истории в вузах в качестве обязательного предмета, известный петербургский историк В.В. Калашников выступил за пересмотр содержательной части исторического образования. В школьные и вузовские учебники были внедрены, по мнению ученого, «многие концепции и приемы антисоветской пропаганды», выработанные еще в годы «холодной войны», которые создавали «негативный образ» советского периода [с.80] Попытки создания при этом мифа о дореволюционной России, которую «мы потеряли», оказались несостоятельны. Реалии постсоветского развития, к сожалению, не демонстрировали видимых положительных изменений в экономике, в социальной и культурной сфере. В сознании молодежи в результате складывалась картина страны («Рашки»), постоянно идущей какой-то «тупиковой дорогой». Историк приходит к выводу, что «только объективная и конструктивная интерпретация всех этапов истории России, включая и советский этап», и такая же работа в рамках учебного процесса, «открывает возможность превратить историческое образование в эффективное средство гражданского и патриотического воспитания молодежи» [5, с.81].

В 2015г. после поручения президента был принят историко-культурный стандарт, который положил конец «нездоровой» ситуации со школьными учебниками по истории (с разными интерпретациями даже важнейших

исторических событий – век в истории страны). Озабоченность высшего руководства страны в новых исторических условиях проблемами гражданского воспитания молодежи, в котором историческому образованию отводится ведущая роль, привели к появлению с 2023г. нового стандарта исторического образования не только для профильных факультетов, но и для всех вузов страны, к введению в высших учебных заведениях новой дисциплины «Основы российской государственности». В последние годы историки, публицисты, государственные деятели активно обсуждают накопившиеся проблемы исторического образования, ищут пути преодоления кризисных явлений не только в гуманитарном образовании, но и в целом в российской образовательной системе [3, с.5; 4, 11 и др.]. Постепенно в обществе формируется убеждение, что в современных условиях система образования должна стать важнейшим фактором сохранения и воспроизводства цивилизационной идентичности молодого поколения. Защищать и развивать свою страну может только высокообразованная личность с активной гражданской патриотической позицией.

Принятые государственные решения в области развития исторического образования, усилия государства по формированию новой общественно-культурной атмосферы, нацеленной на преодоление «разброда и шатания» как в исторической науке, так и в историческом сознании народа, создают новые, гораздо более благоприятные условия для преподавания истории в вузе. Однако далеко не все отмеченные негативные явления в общественно-культурной жизни преодолены. «Цивилизационная сумятица» (по выражению автора учебника по политологии) не преодолена, четкой и убедительной идеологии в стране пока не появилось («патриотизм», «русский мир» ее заменить не могут). Борьба с фальсификациями истории (в том числе периода Великой Отечественной войны) отличается противоречивостью и непоследовательностью. Выступления государственных деятелей зачастую дезавуируются содержанием телевизионных передач, многочисленных документальных и художественных фильмов («творцы» подобной продукции как будто застряли в перестроечном прошлом). При этом вдолбленные благодаря агрессивному промыванию мозгов средствами массовой информации в конце 80-х – в 90-е годы трактовки исторических событий и негативные исторические стереотипы до сих пор живы. От родителей и учителей, учившихся по «соросовским» учебникам, они передаются детям – школьникам и студентам.

Русская православная церковь заняла в 90-е годы важное место в общественной жизни страны. В годы, когда говорили о патриотизме, как «последнем прибежище негодяя», во многом благодаря церкви удалось сохранить цивилизационную идентичность народа. Нападки на православие со стороны либеральной интеллигенции («прогрессивной общественности») были тогда не случайны. К сожалению, сформировавшееся в церковной среде (и все усиливающееся) резко негативное отношение к советскому периоду

(«безбожному») не способствует объективному рассмотрению сложных этапов российской истории, и мешает общей созидательной работе по сохранению цивилизации, отсекая левую часть политического спектра. Выстраивание идеальной модели общества с опорой прежде всего на дореволюционный период («консерватизм») и выбрасывание исторического опыта советского периода, представляется также не продуктивным.

Важнейшим способом преодоления идейного кризиса, охватившего общество и историческую науку, что, безусловно, влияет на преподавание истории, В.В. Калашников считает «открытую научную дискуссию, которая способна выявить силу или слабость той или иной позиции» [5, с.81]. В современной историографии при этом известны имена общепризнанных специалистов по той или иной исторической проблеме, внесших наиболее заметный вклад в историческую науку. Студенты должны знать имена не только Соловьева и Ключевского, Павленко и Кобрин, Мавродина и Фроянова, но и современных авторов, которые часто находятся на острие борьбы с фальсификацией истории. В предисловии к своему четырехтомнику «Полного курса истории России для учителей, преподавателей и студентов» Е.Ю. Спицын пишет: «В современном информационном мире изучать историю можно только историографически» [10, с.4]. В преподавании истории, на наш взгляд, необходимо также как можно больше говорить о значимости исторических источников, привлекать для аргументации при рассмотрении дискуссионных вопросов документы, давать студентам основы источниковедческого анализа.

Ректор МПГУ А.В. Лубков, доктор исторических наук, считает, что в условиях «кризиса исторического сознания» в нашем обществе необходима широкая и постоянная просветительская деятельность историков-профессионалов, стоящих на национально-государственных позициях [с.4]. Информационное общество дает многочисленные возможности противостоять ведущейся против нас информационной войне: на телевизионных каналах, радиостанциях, в газетах, на различных интернет-площадках. Очень плодотворной представляется практика проведения ежегодных конференций по исторической тематике с обязательным присутствием на заседаниях, где выступают ведущие ученые, студентов, как это принято, в частности, в Ленинградском областном университете и в СПбГУПТД.

Подтверждением полезного опыта нашей педагогической практики стало утверждение А.В. Лубкова об общности гуманитарного знания и активном использовании в преподавании отечественной истории русской литературы. Литература является важнейшей составляющей исторических знаний. При этом, как отмечает историк, «советская литература стала «белым пятном» всего гуманитарного знания, ее практически не знают не только ученики, студенты, но даже многие учителя... «Молодую гвардию» или «Как закалялась сталь» расценивают через лупу идеологического клише, даже называют эти книги «черным наследием» тоталитарного режима» [9, с.5]. Произведения А.

Фадеева, Н. Островского, Б. Полевого, с 1993 г. отсутствовавшие в школьной программе по литературе, вернули в список обязательных для изучения произведений. Общая проблема для средней и высшей школы – нежелание учащихся и студентов читать, решения которой даже не просматривается, остается более чем актуальной.

XX век стал «веком кинематографа». Кино вобрало в себя достижения науки, техники, литературы и искусства, стало значимым фиксатором тематических событий и социально-экономических изменений, средством массовой информации и коммуникации. Кинематограф стал важным направлением искусства с особой эстетикой и собственными выразительными средствами. Признание заслужила также мировая кинодокументалистика. Произведения кинематографа можно с полным основанием отнести к важным источникам изучения исторических дисциплин и нового курса «Основы российской государственности». Активное использование кинохроники, документальных фильмов, фрагментов художественных фильмов в учебном процессе помогает активизировать и мотивировать познавательную деятельность студентов. Положительный эффект, в частности, в последние учебные годы дала демонстрация на занятиях по истории подготовленных каналом «История» под руководством Алексея Денисова фильмов из серии «Мир накануне катастрофы»: «Веймарская республика», «Виндзорское досье», «Гиена Европы» и других. Сильной стороной данных документальных фильмов является использование кинохроники (в том числе ранее неизвестной) и сопроводительный комментарий авторитетных экспертов.

Перечисленными аспектами проблемы преподавания и изучения истории в высшей школе не исчерпываются. Начавшаяся в этом году масштабная работа, связанная прежде всего со значительным увеличением времени на изучение исторических дисциплин в вузе, обсуждение на многочисленных площадках (в том числе в рамках форума «Россия» на ВДНХ) накопившихся проблем и вопросов в сфере исторического образования, внушает надежды и дает перспективы. «Историки выходят из окопов», а дорогу осилит идущий.

Список литературы:

1. Вдовин А.И. Русские в XX веке. Триумфы и трагедии великого народа. - М., 2013.
2. Волынец А.Н. Жданов. - М., 2013.
3. Глушик Екатерина. Главный фактор. Разрушение страны начали с образования //Завтра, 2021, июнь, №22.
4. Гуркина Н.К. К вопросу о разрушении исторической памяти народа в годы перестройки //Историко-психологические аспекты распада Советского Союза: исторические параллели и опыт осмысления. - СПб., 2021.
5. Калашников В.В. Проблемы исторического образования студенчества // Информационно-Коммуникация-Общество: Материалы Всероссийской научной конференции. - СПб., 2012.

6. Кара-Мурза С.Г. Нациестроительство в современной России. - М., 2014.
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. - М., 2010.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. - М., 2011.
9. Лубков Алексей. Историки выходят из окопов // Литературная газета, №44, 2-8 ноября 2022.
10. Спицын Е.Ю. Древняя и Средневековая Русь IX-XV вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн.1. - М., 2016.
11. Степашин: «Пришло время пересмотреть необходимость участия в Болонском образовательном процессе» // Юридический мир. 2022, №5.
12. Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. - М., 2024.
13. Фроянов И.Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. - СПб., 2008.
14. Четверикова О.Н. Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. - М., 2015.

Гусев Владимир Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент

Международный юридический институт

SPIN-код: 1444-5022

А.Н. КОСЫГИН И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-Е ГГ. XX В.

Аннотация: А.Н. Косыгин явился участником многих дипломатических процессов, среди которых развитие советско-французских отношений. Его опыт, аналитическое и стратегическое мышление способствовали усилению взаимодействия двух стран в области политики, экономики, культуры и промышленности. Его качества и заслуги были отмечены Шарлем де Голлем и другими французскими политическими деятелями. А.Н. Косыгин внес значительный вклад в процесс европейской разрядки и последующего сотрудничества. Он способствовал внедрению в СССР французской системы цветного телевидения SEKAM, явился активным участником переговоров с французским президентом Шарлем де Голлем в июне 1966 г. В декабре 1966 г. А.Н. Косыгин нанес официальный визит во Францию.

Ключевые слова: Дипломатия, СССР, Франция, де Голль, Косыгин, разрядка.

A. KOSYGIN AND THE DEVELOPMENT OF SOVIET-FRENCH RELATIONS IN THE 60S OF THE TWENTIETH CENTURY

Summary: A.N. Kosygin was a participant in many diplomatic processes, including the development of Soviet-French relations. His experience and analytical and strategic thinking contributed to the strengthening of cooperation between the two countries in the fields of politics, economics, culture and industry. His qualities and merits were noted by Charles de Gaulle and other French political figures. A.N. Kosygin made a significant contribution to the process of European detente and subsequent cooperation. He contributed to the introduction of the French SEKAM color television system in the USSR, and was an active participant in negotiations with French President Charles de Gaulle in June 1966. In December 1966, A.N. Kosygin paid an official visit to France.

Keywords: Diplomacy, USSR, France, de Gaulle, Kosygin, detente.

В международной политике Советского Союза А.Н. Косыгину принадлежит особая роль в налаживании и развитии политических и экономических отношений с рядом стран, среди которых особое место занимала Французская Республика, возглавляемая генералом Шарлем де Голлем.

Упоминание об участии А.Н. Косыгина в дипломатических советско-французских процессах содержатся в ряде зарубежных источников, таких как многотомник «Документы внешней политики Франции», мемуарах Шарля де Голля «Мемуары надежд», мемуарах министра иностранных дел Франции Кув де Мюрвиля «Внешняя политика Франции 1958-1969 гг.», а также отечественных источников: материалах Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), мемуарах российского выдающегося дипломата Ю.В. Дубинина «Дипломатическая быль. Записки посла во Франции».

В начале 1960 гг. советско-французские отношения были напряженными из-за Алжирского и Берлинского вопросов, тем не менее, в марте-апреле 1960 г. глава СССР Н.С. Хрущев, накануне планировавшегося Совещания в верхах, посетил Францию после своей знаменитой поездки США в 1959 г., в ходе которой, он по меткому выражению французского министра информации Алена Пейрефита «растопил лед».

В ходе визита Хрущев неоднократно спрашивал мнение Косыгина по хозяйственным и экономическим вопросам. В мемуарах Ю.В. Дубинина приведен забавный момент, когда в ходе осмотра новостройки в пригороде Бордо, Хрущев, впечатленный небольшой высотой потолка, тут же привлек А.Н. Косыгина и других сопровождающих со словами «Смотрите, вот, видите, люди довольны; им вполне достаточно двухметровой высоты, а в Москве все сопротивляются, не хотят меньше двух метров сорока. Не понимают!» [1, с. 58]. Де Голль в своих «Мемуарах надежд» отзывался о роли А.Н. Косыгина «Этот инженер, министр планирования, навязывает свою точку зрения, опираясь на свой ум, глубокое знание потребностей и возможностей своей страны» [1, с.213].

Н.С. Хрущев в неофициальной обстановке, в свойственной ему шуточной манере, подчеркивал роль А.Н. Косыгина, который, по его словам, «много работает». «Когда мы сели в лодку», – вспоминал де Голль, – «Хрущев тут же закричал: “Косыгин, садись на вёсла!” (А.Н. Косыгин занимался греблей – В.Г.). Тот сразу взялся за вёсла. Шутя, я спросил советского премьер-министра: “Кстати, а когда вы работаете? Постоянно публикуют сообщения, что вы путешествуете по стране или за рубежом... сколько же у вас остается времени для изучения дел?”. На это Хрущев ответил “Но я и не работаю... план все сделал заранее”. И добавил, указывая на гребущего Косыгина: “План это он!”» [1, с. 213].

Во время парижских переговоров были рассмотрены вопросы двусторонних франко-советских отношений. Несмотря на выявленные разногласия, «стороны констатировали, что развитие отношений между СССР и Францией в духе дружбы и сотрудничества и установление лучшего взаимоотношения между ними будут содействовать дальнейшему смягчению международной напряженности и укреплению мира в Европе и во всем мире» [3, с.94]. Было подписано соглашение «О культурном и научно-техническом сотрудничестве» и проведены беседы по вопросам экономических отношений в

присутствии Министров иностранных дел Франции и СССР – Мориса Кув де Мюрвиля и А.А. Громыко, а также министра финансов Франции Мишеля Дебре и Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина.

Несмотря на достигнутые успехи и надежду на расширение политического сотрудничества, советско-французские отношения значительно охладели из-за срыва совещания в верхах, алжирского и берлинского вопросов, карибского кризиса 1962 г. и сближения Франции с ФРГ в 1963 г. (ось Париж-Бонн), а также отказа Франции присоединиться к Московскому договору об ограничении ядерных испытаний.

1960-1963 гг. явились периодом нестабильности в отношениях Франции и СССР. Кризисы, вызванные «холодной войной», заставляли де Голля следовать в фарватере антисоветской политики.

Потепление отношений началось в 1964 г., когда Алжирский вопрос стал «перевернутой страницей», «Елисейский договор» 1963 г. с ФРГ не оправдал свои ожидания, и существенно обострились противоречия Франции с США. Уже в феврале 1964 г. Францию посетил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный во главе парламентской делегации.

10 октября 1964 г., незадолго до отставки Н.С. Хрущева, государственный министр Франции Гастон Палевски беседовал в Пицунде с советским руководством. В ходе этой беседы А.Н. Косыгин предложил расширить систематический обмен в научной и технической областях между СССР и Францией и предложил следующие формы сотрудничества: 1. Взаимообмен научными делегациями и стажерами; 2. Заключение договоров в нескольких отдельных секторах промышленности; 3. Подписание генерального соглашения о сотрудничестве [4, с.331]. В этой связи французский посол в СССР Филипп Бодэ телеграфировал во французский МИД «Он (А.Н. Косыгин – В.Г.) сделал видимое уточнение, что заинтересован в том, чтобы Франция сориентировала свои научные связи с СССР шире, чем с США». [7, с.331].

14 октября 1964 г. Хрущев был освобожден от занимаемых им высоких должностей. Во Франции это вызвало вначале некоторое беспокойство, так как было неизвестно дальнейшее направление внешней политики СССР. Советский посол С.А. Виноградов заверил де Голля, что перемены в составе советского руководства не отразятся на внешнеполитических ориентирах Советского Союза. В то же время, французский историк Морис Вайс отмечает, что отставка Хрущева явилась довольно благоприятным фактором для разрядки. Несомненно, имя Хрущёва было связано с идеей мирного сосуществования, но он, по словам Вайса «развязал берлинский и кубинский кризисы» [8, с.417]. Таким образом, появление в Советском Союзе коллегиального руководства «тройки» Брежнев-Косыгин-Подгорный было положительно оценено во Франции.

А.Н. Косыгин усилил деятельность по сближению СССР и Франции на основании общих позиций и интересов. В связи с этим интерес представляет донесение французского посла Бодэ в МИД Франции от 24 декабря 1964 г.

после беседы с А.Н. Косыгиным. Подчеркивая схожесть взглядов СССР и Франции о недопущении создания многосторонних ядерных сил (МЯС), Косыгин отметил, что США «стремятся сгруппировать государства Западной Европы под своим ядерным зонтиком в целях однажды продиктовать свои условия Западной Европе, и самое лучшее средство – усилить голос мирных сил во всем мире и похоронить эти проекты» [7, с.591-592]. Другая общая точка зрения – протест обеих стран против действий США в Лаосе и Вьетнаме. Советское правительство, по словам А.Н. Косыгина, готово, как и Франция поднять голос участника конференции 1962 г., но нет надежды на то, что американцы прислушаются. В заключение Председатель Совета министров СССР попросил посла «принять во внимание вышесказанное и выразил желание услышать мнение Франции» [7, с.592-593]. В этом же месяце А.Н. Косыгин передал Бодэ ноту, в которой предлагалось придать «договорную форму» соглашению двух государств, имея ввиду расширение торговых договоров.

Знаковым событием в международной политике стало сотрудничество СССР и Франции в области цветного телевидения. Для продвижения в СССР французской системы SEKAM в Москву в январе 1965 г. отправился министр информации Ален Пейрефит, осветивший в своих мемуарах «Таким был де Голль» разговор с генералом накануне и после своей поездки. По свидетельству Пейрефита, перед его поездкой в Москву, генерал отметил, что «Косыгин настроен положительно и к его авансам Франция относится с симпатией» [4, с.375]. Для де Голля сотрудничество в области цветного телевидения являлось «проверкой» стабилизации француско-советских отношений. Прибыв обратно в Париж, Пейрефит моментально доложил де Голлю о переговорах. Помимо беседы с А.Н. Косыгиным, лично с Л.И. Брежневым французскому министру не удалось пообщаться, так как по его словам «он не встречается с западными руководителями; только с руководителями «братских стран» и «братских партий, такое распределение обязанностей между главой правительства и главой партии» [4, с.378].

По словам Пейрефита генералу, А.Н. Косыгин сделал упор на политическое значение сотрудничества двух стран и предложил «заключить соглашение и вести постоянные и органичные переговоры», на что де Голль ответил своему министру «такое соглашение существует, я его подписал со Сталиным, но они его денонсировали» [4, с.377]. Из этого видно расхождение между видением двустороннего сотрудничества. Советское руководство хотело придать ему политический характер путем подписания соглашения, подобного договору 1944 г. Французский же министр, в ходе визита, уклончиво ответил, что «налаживание культурного и технического сотрудничества само по себе уже имеет политическое значение [4, с.377]. Резюмируя беседу с де Голлем, Пейрефит, очень точно, на наш взгляд, замечает «Обжегшись на первом договоре, в 1944 году, де Голль очень осторожен. Он не желает быть наивным,

но в равной мере, он не хочет, по его любимому выражению, «оскорблять будущее» [4, с.381].

А.Н. Косыгин внес существенный вклад в подготовке принятия СССР французской системы SEKAM, так как с ней остро конкурировала западногерманская система ПАЛ за статус системы общеевропейской. В статье 4 соглашения между Францией и СССР о сотрудничестве в области цветного телевидения от 7 июля 1965 г., утверждалось, что «стороны будут выступать за принятие единой европейской системы цветного телевидения на основе системы SEKAM и ее стандарта всеми европейскими странами. В этих целях они будут занимать согласованную позицию в переговорах на международных конференциях и конгрессах» [5, с.11]. Таким образом, по меткому выражению Пейрефита, SEKAM «стал играть роль застрельщика франко-советского сотрудничества [4, с.381].

Шарль де Голль совершил свой исторический визит в СССР 20-30 июня 1966 г. 21 июня президент Франции провел первую беседу с «тройкой» - Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным, Н.В. Подгорным. Присутствовавший при беседе министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль заметил, что «несмотря на то, что беседу вел Брежнев, позиции тщательно согласовывались между всеми членами «триумvirата» [6, с.220]. Основными темами стала идея Европейской Европы (без влияния США, по утверждению советского правительства), признание ГДР и угрозы со стороны ФРГ. Де Голль четко занял позицию, что Германия сама по себе не представляет никакой опасности, а лишь будучи объектом соперничества между США и Советским Союзом, что Франция отказывается признавать ГДР, а США несут в германском вопросе равную ответственность наравне с другими странами. Таким образом, де Голль не уступил ни в чем.

Анализируя состав и компетенции советской стороны, Кув де Мюрвиль, позже описывал «тройку» следующим образом: «Брежнев, Косыгин и Подгорный принимали участие во всех переговорах. Последний, хотя и находится в курсе всего, не играет, кажется, такой роли, как двое других. Косыгин – способный администратор, его авторитет растет. Брежнев – в наибольшей степени доктринер. У него нет такого опыта управления как у Косыгина, но он кажется умным, рискованным и информированным. Именно он был нашим главным собеседником. Но их группа кажется крепко спаянной» [4, с.390]. По словам Пейрефита, когда ведущий беседу Л.И. Брежнев начал отвечать «пропагандистскими лозунгами» и беседа, казалось, зашла в тупик, слово попросил А.Н. Косыгин, чтобы от общих принципов перейти в область практических действий и дальнейших шагов: «Решение можно было бы найти в более тесном сотрудничестве европейцев в тех областях, где интересы Соединенных Штатов не являются преобладающими. Примером смогут послужить наши отношения с вашей страной. Сотрудничество отвечало бы интересам Франции, равно как и интересам Италии, Финляндии, Швеции, Дании и других стран. Оно поставило бы в трудное положение тех, кто не хочет

истинной разрядки» [4, с.394]. Генерал выразил удовлетворение репликой А.Н. Косыгина, сказав, что именно так думает и он. Здесь подтвердилась роль Косыгина как расчетливого стратега и практика, чьи предложения основаны на опыте и рациональном подходе. По сути, он подтвердил схему, что общеевропейское сотрудничество по примеру СССР и Франции привело бы к подлинной разрядке.

30 июня, в день подписания советско-французской декларации, А.Н. Косыгин на приеме, устроенном Президиумом Верховного Совета СССР и правительством СССР в честь де Голля обратился к французскому президенту «За прошедшие десять дней, вы, господин Президент, и госпожа де Голль, посетили ряд районов СССР, в том числе Сибирь и Украинскую Республику...Ваш визит и тот плодотворный обмен мнениями, который состоялся в эти дни, открывают новую страницу в истории советско-французских отношений. Мы с Вами имели возможность подробно обсудить вопросы, представляющие интерес для наших народов и волнующих все человечество...Конечно, в одних вопросах позиции Советского Союза и Франции ближе, в других – дальше друг от друга, поскольку в политике наших стран существуют особенности, неизбежные хотя бы в силу их различных социально-экономических систем. Но есть обширные, можно сказать решающие области международной политики, в которых наше сотрудничество будет плодотворным, отвечающим интересам наших народов.» [5, с.21]. А.Н. Косыгин поблагодарил французского президента от Брежнева, Подгорного и себя лично, за приглашение посетить Францию.

С 1 по 9 декабря 1966 г. состоялся официальный визит А.Н. Косыгина во Францию, который А. Пейрефит назвал «еще одним новым шагом в отношениях с Россией» [4, с.395]. В первый же день визита состоялся обстоятельный разговор А.Н. Косыгина с французским президентом, в ходе которого он предложил де Голлю советский проект международной декларации о нераспространении атомного оружия, заявив, что за исключением пяти атомных держав, мы не хотим, чтобы такие страны как Германия, Япония, Италия, Индия и Израиль обладали ядерным оружием. На что генерал ответил, что и так «те, кто имеет бомбу ее сохраняют, а те, кто не имеет, не получит ее никогда...нам некому передавать нашу бомбу» [4, с.399]. А.Н. Косыгин также отметил, что чем будет меньше влияние США в Европе, тем меньше будет конфликтов и в ней будет спокойнее жить. Де Голль же, в свою очередь стал убеждать, что «не верит в возрождение германского фашизма, но необходимо создать в Европе новый психологический настрой, к которому можно придти, помогая друг другу, исходя из новой психологии, можно будет проводить новую политику» [4, с.400].

Через некоторое время де Голль признался, что «Косыгин, наконец, сказал ему на днях, что согласен со мной в том, что объединение Германии сможет произойти только в условиях общеевропейского согласия. Потребуются

разные гарантии с ее стороны: отказ от обладания ядерным оружием, неизменность границ, уточнение статуса» [4, с.381].

На обеде, данном в честь А.Н. Косыгина, де Голль относительно советско-французских отношений заметил в своей речи «поскольку Вы сами заметили, что это сотрудничество требует длительных усилий, само Ваше присутствие в нашей стране служит доказательством того, что Советский Союз решил проводить его в жизнь. Будьте же уверены в том, что таково желание Франции» [5, с.37].

А.Н. Косыгин в сопровождении министра иностранных дел А.А. Громыко и других членов советской делегации, совершил поездку по Франции и посетил промышленные предприятия, научно-исследовательские и университетские центры, провел ряд переговоров, что существенно закрепило и усилило взаимопонимание, которым характеризовались переговоры в Москве, проведенные в ходе недавнего визита генерала де Голля. Между СССР и Францией 8 декабря 1966 г. была заключена и подписана министрами иностранных дел Консульская конвенция, достигнуты договоренности развивать преподавание русского языка во Франции и французского языка в СССР, расширить воздушное сообщение между двумя странами. От имени правительства СССР А.Н. Косыгин пригласил Премьер-министра Франции Ж. Помпиду посетить СССР с официальным визитом. Таким образом, визит А.Н. Косыгина во Францию значительно продвинул вперед и укрепил платформу в отношениях СССР и Франции, заложенную в ходе визита Шарля де Голля в СССР.

Таким образом, А.Н. Косыгин значительно способствовал расширению советско-французского сотрудничества в политической, экономической и культурной сфере, опираясь на опыт и знания тех областей промышленности, в которых у двух стран имеются существенные перспективы развития. Помимо этого, он проявил свои способности и на дипломатическом поприще, защищая интересы СССР и способствовал развитию таких советско-французских отношений, которые со временем должны были стать импульсом для разрядки общеевропейской.

Список литературы:

1. Голль Шарль де. Мемуары надежд 1958-1962. –М.: Прогресс, 2000. –339 с.
2. Дубинин Ю.В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. –М.: Росспэн, 1997. –328 с.
3. Колосков И.А. Внешняя политика Пятой Республики. –М. Наука, 1976. –304 с.
4. Пейрефит А. Таким был де Голль. –М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 695 с.
5. Советско-французские отношения 1965-1976 гг. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1976. –256 с.
6. Couve de Murville M. Une politique étrangère 1958-1969. Paris: Plon, 1971.

–499 c.

7. Documents diplomatiques français-1964. –T.2. Bruxelles: Piter Lang, 2002. – 629 c.

8. Vaïsse Maurice. La grandeur. politique étrangère du général de Gaulle, 1958-1969. –Paris: Fayard, 1998. –726 c.

Давыдов Александр Станиславович

соискатель

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

SPIN-код: 9200-9390

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДСО «УРОЖАЙ» ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления работы Пензенского областного совета добровольного спортивного общества «Урожай» по развитию массовой физической культуры и спорта в сельской местности во второй половине 1960х гг. Характеризуется деятельность Общества по увеличению сельских физкультурников и членов ДСО. Выявляются культивируемые виды спорта в регионе. Изучается практика проведения соревнований различного уровня. Определяются условия и факторы влияния на строительство спортивных объектов на селе. В исследуемый период шефская помощь, необходимая сельским физкультурным коллективам, оказывалась недостаточно. Широкое распространение получили различные смотры-конкурсы по строительству и благоустройству спортсооружений на селе.

Ключевые слова: СССР, физическая культура, спорт, добровольное спортивное общество «Урожай», Пензенская область.

ACTIVITIES OF VOLUNTARY SPORTS SOCIETY «HARVEST» ON PHYSICAL EDUCATION OF THE RURAL POPULATION OF THE PENZA REGION IN THE SECOND HALF OF 1960

Summary: the article discusses the main directions of work of the Penza Regional Council of the Voluntary Sports Society «Harvest» on the development of mass physical culture and sports in rural areas in the second half of the 1960s. The activity of the Society to increase rural athletes and members of the DSO is characterized. Cultivated sports in the region are identified. The practice of holding competitions of various levels is being studied. The conditions and factors of influence on the construction of sports facilities in the countryside are determined. During the study period, the patronage assistance required by rural physical education teams was not enough. Various competitions for the construction and improvement of sports facilities in the countryside have become widespread.

Keywords: USSR, physical culture, sports, voluntary sports society «Harvest», Penza region.

Координатором и организатором развития физкультуры и спорта в сельской местности в Пензенской области были спортивное общество «Урожай» и

Спортсоюз. На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 24–26 марта 1965 г., был озвучен вариант нового курса подъема сельского хозяйства. 21 мая 1965 г. президиум ЦС Спортсоюза СССР принял постановление «Об улучшении массовой физкультурно-оздоровительной и спортивной работы среди сельского населения, в связи с постановлением мартовского пленума ЦК КПСС "О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР"». Региональные власти активизировали свою деятельность для исполнения данного циркуляра. 28 мая 1965 г. состоялся пленум обкома КПСС и облисполкома, рассмотревший состояние культурно-бытового обслуживания населения региона, где был принят план мероприятий по развитию физкультурно-спортивного движения и утвержден план строительства спортсооружений.

Ведущими видами спорта в области являлись городошный, велосипедный, стрельба пулевая, гимнастика художественная, тяжелая атлетика и плавание. Еще в 1961 г. председатель облсовета Спортсоюза выступил с предложением создать в сельской местности опорные пункты по развитию видов спорта: пос. Сосновоборск – плавание, пос. Тамала – легкая атлетика и т. д. Однако, и в 1966 г. на отчетной конференции ДСО «Урожай» отмечалось, что так и не утверждены базовые районы по подготовке сборных команд по видам спорта.

В информационной справке о работе областного совета ДСО «Урожай» за первое полугодие 1966 г. отмечалось: «... Пока лишь 23% трудоспособного сельского населения области более или менее регулярно занимается физкультурой и спортом, и уровень мастерства и доля квалифицированных спортсменов в общем балансе общества невелика. Что же на селе нет способных спортсменов – юношей и девушек? Есть! В любом поселке можно найти энтузиастов футбола, и легкой атлетики, волейбола и штанги. Корень зла в том, что никто по-настоящему не занимается тренировками любителей спорта на селе и особенно в колхозах и совхозах. Многочисленные спортивные работники в погоне за чемпионами и рекордсменами все внимание уделяют лишь небольшой группе, проводят занятия со сборными командами, забывая об основной массе молодежи» [8, л. 94].

В контексте решений XXIII съезда КПСС, постановления бюро ЦС Спортсоюза СССР от 23 июня 1966 г. президиум обкома профсоюза сельского хозяйства и заготовок, облуправление сельского хозяйства, объединение «Сельхозтехника», тресты «Скотооткорм» и «Птицепром», «Облмежколхозстрой», облотдел водного хозяйства, облуправление хлебопродуктов и президиум облсовета ДСО «Урожай» приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию массовой оздоровительной, физкультурной и спортивной работы среди сельского населения Пензенской области» [9, с. 284]. Однако в постановлении президиума облсовета Спортсоюза от 22 июня 1967 г. указывалось, что в 1966 г. президиум и многие райсоветы ДСО крайне плохо организовали работу по вовлечению сельских

тружеников в занятия физкультурой и спортом, в результате чего областная организация не справилась с выполнением обязательств по росту рядов физкультурников: вместо 28% в ряды физкультурников было вовлечено 24,1%; из числа физкультурников 20% не являлись членами ДСО «Урожай» [5, л. 69]. Облсовет Общества, отмечалось на его IV конференции, свою работу сузил до проведения соревнований и обеспечения участия сборных команд в соревнованиях ЦС «Урожай»: «Вопросами внедрения в практику работы районных советов общества четкой системы соревнований, обеспечивающей участие в них команд колхозов и совхозов с минимальным отрывом физкультурников от работы и учебы, учебно-спортивный отдел совершенно не занимается» [3, л. 367]. Практика проведения соревнований в сельской местности имела выраженный сезонный характер.

В ходе реализации постановления президиума ЦС Спортсоюза СССР от 21 мая 1965 г. местные власти сделали акцент на наиболее «понятной» и, в основном, малозатратной практике – проведение соревнований регионального масштаба. В сельской местности большое распространение получили спортивные праздники, спартакиады, игры, массовые турниры, конкурсы, эстафеты и т. п. В новом формате работы сельских коллективов физкультуры спорт соединялся с производственной деятельностью.

В отчете ДСО за 1966 г. звучала резкая критика по поводу летних соревнований в рамках Спартакиады народов РСФСР: «... Такое мероприятие должно было серьезно активизировать участие сельской молодежи в соревнованиях, на самом деле этого не получилось, старты приняли менее половины сельских физкультурников, значит, большая половина не участвовала в соревнованиях даже один раз» [2, л. 12–13]. Аналогичная ситуация сложилась и с проведением соревнований зимней Спартакиады: участие приняло менее половины членов Общества области.

11 апреля 1968 г. президиум облсовета Спортсоюза принял постановление «О ходе подготовки и участия сборных команд облсовета ДСО "Урожай" в первых Всероссийских спортивных играх колхозной и совхозной молодежи». Основными задачами проведения Игр на местах объявлялись дальнейшее организационное укрепление коллективов физкультуры, привлечение к занятиям физкультурой и спортом новых отрядов молодых тружеников села и повышение спортивного мастерства.

В 1968 г. в области ключевой показатель эффективности физкультурно-спортивной работы на селе организациями ДСО «Урожай» – охват населения составлял 21,3%, тогда как общероссийский – 23,2%. В приказе П.М. Скусевича, председателя комитета по физкультуре и спорту при Пензенском облисполкоме, от 11 августа 1969 г. указывалось, что самые низкие цифры были в Земетчинском, Никольском, Пензенском и Тамалинском районах [4, л. 167].

В 1960-е гг. актуализируется система шефства в целом, в том числе над сельскими коллективами физкультуры, ДСО над колхозами и совхозами и пр. В

марте 1964 г. ростовские физкультурорганизации обратились к ДСО, тренерам и активу советов спортобществ предприятий, учреждений и учебных заведений с призывом об организации систематической помощи сельским коллективам физкультуры ДСО «Урожай». Президиум ЦС «Труд» рекомендовал областным, краевым советам ДСО обсудить на очередных президиумах меры шефской помощи и регулярной связи с советами сельского общества тренеров и мастеров спорта, цеховых и фабрично-заводских коллективов физкультуры и т.п. Как следствие, в мае 1964 г. областная секция тяжелой атлетики взяла на себя обязательство: «свой опыт и знания, накопленные спортивными обществами, крупнейшими коллективами предприятий и вузов города, сделать достоянием сельских физкультурников, совместными усилиями устранить недостатки, мешающие внедрению физической культуры в повседневный быт колхозников и рабочих совхозов» [10, с. 4]. Уточнялось, что речь шла не об эпизодических, случайных поездках в села, а о постоянной и конкретной помощи сельским спортсменам. За тренером А. Никулиным было закреплено Башмаковское производственное управление; В. Сударевым, В. Вышловым и Г. Якуниным – Кузнецкое; А. Задушновым и Б. Яблоновским – Городищенское; А. Коваликом – Мокшанское; В. Хамзиным и Г. Севостьяновым – Лунинское. 27 ноября 1965 г. президиум Российского совета общества «Спартак» принял постановление «О ходе выполнения постановления III Объединенного пленума Центрального и Российского советов и оказании шефской помощи сельским физкультурным организациям Пензенским областным советом», где анализировалась практика областного и Городищенского горсоветов общества по оказанию помощи сельским коллективам физкультуры; систематическое проведение соревнований с участием членов общества «Урожай», осуществление совместной подготовки общественных физкультурных кадров; выступления мастеров спорта общества «Спартак» с беседами, докладами и показательными выступлениями; приобретение спортивного инвентаря и формы и пр. [1, л. 130–131]. Но на IV областной конференции ДСО «Урожай» было сказано, что в ряде случаев шефская работа ограничивалась единичными посещениями колхозов и совхозов (например, Велозавод); главное внимание обращалось на оказание материальной помощи, вместо организаторской работы и методической поддержки в налаживании занятий секций и подготовке физкультурно-актива. В свою очередь, постановлением облоно и облсовета Спортсоюза от 20 июля 1964 г. за ДСО «Урожай» было закреплено шефство над школами № 38 (Совхоз п/я 22), 39 (Совхоз «Победа»), 14 (Метизный завод), № 11 (Сельхозстрой). 26 марта 1968 г. областной совет Спортсоюза принял постановление «О мерах по усилению шефской помощи сельским физкультурным организациям». Президиум облспортсоюза отмечал, что дальнейший подъем уровня физкультурной работы на селе во многом зависит от оказания сельским коллективам физкультуры систематической шефской помощи со стороны городских физкультурных организаций, располагающих значительным опытом организаторской работы, высококвалифицированными

кадрами преподавателей, тренеров, организаторов, спортсменов. Однако, как указывалось в документе, шефская помощь сельским коллективам физкультуры была организована неудовлетворительно [6, л. 97].

В 1968 г. состоялись Первые областные спортивные игры колхозной и совхозной молодежи Пензенской области. «Положение» об Играх декларировало следующие цели их проведения: широкое внедрение физкультуры и спорта в быт сельских тружеников, улучшение массовой физкультурно-оздоровительной и спортивной работы в коллективах физкультуры колхозов и совхозов; дальнейшее развитие спорта среди тружеников сельского хозяйства, повышение спортивных достижений и выявление из их числа способных спортсменов; обмен опытом между коллективами физической культуры, спортсменами, инструкторами и тренерами; пропаганда физической культуры и спорта, как важного средства коммунистического воспитания, укрепления здоровья и подготовки сельских тружеников к высокопроизводительному труду и защите социалистической Родины [7, л. 1]. В программе Областных спортивных игр колхозной и совхозной молодежи приняло участие более 93000 сельских физкультурников. Во время проведения спортивных игр организациями Общества «Урожай» было подготовлено 65 спортсменов первого спортивного разряда и 14595 чел. массовых разрядов.

Успешно прошли соревнования спортивных игр в Белинском, Земетчинском, Колышлейском, Пачелмском районах; в коллективах физической культуры совхоза «Поимский» Белинского района, совхоза им. М.И. Калинина Каменского района, совхоза «Кувак-Никольский» Нижне-Ломовского района, совхоза имени Ильича Колышлейского района и др.

Развитие физкультурно-спортивного движения в сельской местности сдерживалось слабой материально-технической базой. В 1960-е гг. республиканский ЦС ДСО «Урожай» сделали постоянным Всероссийский конкурс по самодеятельному строительству и благоустройству sportсооружений на селе. 30 марта 1965 г. Пензенский облсовет ДСО «Урожай» принял соответствующее постановление. На период 1965–1967 гг. облсовет ДСО «Урожай» совместно с облсоветом профсоюзов и обкомом комсомола по каждому району определили число sportобъектов, подлежащих строительству за счет средств колхозов и совхозов с таким расчетом, чтобы в каждом хозяйстве имелась комплексная sportплощадка со sportядром, и в каждом населенном пункте были оборудованы простейшие плоскостные sportсооружения к 1967 г. В 1965 г. лучшими коллективами физкультуры были признаны Земетчинский район, совхоз «Кирилловский» Земетчинского района и Сурская средняя школа Никольского района. Тем не менее, на 1 января 1966 г. в регионе 92% коллективов физкультуры Общества не имели комплексных sportплощадок и 30% – футбольных полей; не было создано ни одной волейбольной, лыжной или лодочной прокатных баз по линии потребкооперации на селе. Советы Спортсоюза и ДСО «Урожай» активно

привлекали к этой работе физкультурников и спортсменов. По результатам конкурса Почетными грамотами ЦС ДСО «Урожай» были награждены Белинский и Земетчинский райсоветы ДСО «Урожай» области. В 1966 г. в районах области было оборудовано 136 футбольных полей, 112 баскетбольных, 101 волейбольных, 24 городошных площадок. Хорошие показатели в плане строительства спортсооружений демонстрировали Бековский, Белинский, Земетчинский, Кузнецкий, Лунинский, Пензенский и Пачелмский районы [2, л. 12–14]. В 1968 г. Пензенский областной совет ДСО «Урожай» разработал перспективный план строительства спортивных сооружений в колхозах, совхозах и сельских райцентрах, принял меры по обеспечению строящихся организаций типовыми проектами, для руководства строительства на местах были созданы общественные комиссии и штабы. Вопросы строительства регулярно обсуждались на заседаниях президиума областного совета. Совместно с комитетом по физической культуре и спорту при Пензенском облисполкоме на 1969–1970 гг. объявлен смотр-конкурс по строительству спортивных сооружений на селе.

Таким образом, Пензенский областной совет ДСО «Урожай» при поддержке советско-партийных органов проводил комплексную и планомерную работу по подъему физкультурно-спортивного движения в регионе на селе.

Список литературы:

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р–2361. Оп. 1. Д. 149.
2. ГАПО. Ф. Р–2361. Оп. 1. Д. 195.
3. ГАПО. Ф. Р–2361. Оп. 1. Д. 57.
4. ГАПО. Ф. Р–2388. Оп. 1. Д. 285.
5. ГАПО. Ф. Р–2464. Оп. 1. Д. 168.
6. ГАПО. Ф. Р-2465. Оп. 1. Д. 128.
7. ГАПО. Ф. Р-2465. Оп. 1. Д. 233.
8. ГАПО. Ф. Р-2465. Оп. 1. Д. 58.
9. Павленко В.В., Давыдов А.С. Физическое воспитание сельского населения в СССР в 1960-е годы (по материалам Пензенской области) // Всемирные студенческие игры: история, современность и тенденции развития. Материалы I Международной научно-практической конференции по физической культуре, спорту и туризму. В 2-х ч. Отв. ред. М.А. Ермакова. – Красноярск, 2022. – С. 280–288.
10. Спорт – в каждое село. Мастера спорта – сельским физкультурникам // Молодой ленинец. 1964. 27 мая. С. 4.

Дагаева Кира Игоревна

аспирант

Московский педагогический гуманитарный университет

SPIN-код:1534-2436

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (1990-1991)

Аннотация: В статье представлен имагологический обзор особенностей формирования образа Советской России в американском либеральном общественно-политическом еженедельном журнале «Time» в последние годы существования СССР (1990-1991 гг.). В качестве основных методов используется частотный, лексический и дискурсивный анализ. Рассматривая эмпирический материал, автор намеренно и аргументированно отходит от парадигмы информационных войн и пропаганды. На основании частотных лексем предложен тематический рубрикатор, отражающий фокус интереса американских журналистов по широкому кругу вопросов. Эмпирический материал, представленный 119 публикациями, разделен на четыре категории: общие политико-экономические вопросы, репрезентация «политических сил», персоналии (М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин), темы перестройки и «революции». Для каждой рубрики определен круг частотных лексем, а также их коллокатов, определяющих «тональность» высказываний американских журналистов.

Ключевые слова: имагология, холодная война, образ России, американская пресса, стереотипы, свой-чужой, диалог культур.

THE IMAGE OF RUSSIA IN AMERICAN PRESS DURING THE PERIOD OF REVOLUTIONARY UNCERTAINTY (1990-1991), THE IMAGOLOGICAL ASPECT

Summary: The article presents the results of a study on the formation features of the USSR in American press in in the American liberal socio-political weekly magazine «Time». The author proposes the research of the transformation of image of Russia from the point of imagological science. The chronological framework of this paper covers the period from 1990 to 1991. These are the last years of the existence of the USSR. The author uses frequency, lexical and discourse analysis as the main methods. Considering the empirical material, the author deliberately and reasonably moves away from the paradigm of information wars and propaganda. He renounce this concepts that allow us to move away from the binary opposition «friend or foe» The author identifies the most frequent lexemes of discourse, based on which he proposes a thematic rubrics that reflects the focus of

interest of American journalists on a wide range of issues. The empirical material, represented by 119 publications divided into four categories: general political and economic issues, representation of «political forces», personalities (M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin), themes of perestroika and «revolution». For each heading, a circle of frequency lexemes defines, which reveal the attitude of American journalists to events in USSR.

Keywords: imagology, Cold War, image of Russia, stereotypes, American press, dialogue of cultures.

Современная геополитическая обстановка представляет собой пример крайне напряженных международных отношений, балансирующих на тонком лезвии между экономическим противостоянием и военным конфликтом. Ожидается, что для анализа происходящего в социальной, экономической и политической сфере, в СМИ и медиа, представляются различные подходы в области пропаганды и информационных войн. Однако, следует учитывать, что подобные методики трактовки и интерпретации событий имеют четкую бинарную направленность, разделение социума на группы «свой-чужой», которые, в конечном счете, ведут лишь к росту социальной напряженности и эскалации конфликта в различных сферах. В то время как задача ученых не только тщательный и, что немаловажно, беспристрастный анализ фактов, но и поиск решений по урегулированию проблем различного характера. В связи с чем наиболее перспективным представляется имагологическое направление исследований, в которых основное внимание уделяется проблемам «образов», «имиджей и миражей» [13, с. 108], государств и их жителей, формирующихся в контексте зарубежной культуры.

В конце XX века изучение представлений о народах, устойчивых образов, относящихся к инокультуре, выделилось в отдельное научное направление под названием «имагология» [1, с. 18]. Сформировавшееся в рамках французской компаративистики [9, с. 22], оно рассматривало, в первую очередь, проблемы образов стран и культур в литературе, процессы их формирования и изменения в национальном литературном сознании [6, с. 9]. Основополагающими для данного периода стали работы П. Журды [14], Ж. М. Карре [11], М. Кадо [10]. Однако, учитывая влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения, современные исследователи все чаще обращаются к медиа как к основному источнику эмпирического материала. Особый интерес в этом направлении представляют работы В. И. Журавлевой [4], М. С. Ковригиной [6], П. Г. Кошкина [8], С.О. Буранка [3], а также группы исследователей Российского университета дружбы народов [2; 5; 7].

В ходе данного исследования рассматривались статьи первого в США либерального общественно-политического еженедельного журнала «Time», известного своими выпусками «Человек года», а также независимым характером освещения новостей на международной арене. Хронологические рамки охватывают период с 1 января 1990 по 31 декабря 1991 года.

Первичная выборка материалов производилась исходя из тематического анализа статей. В результате были выявлены ключевые слова, на основе которых был разработан частотный рубрикатор, определяющий фокус интереса американской прессы на события в России. После чего были тщательно проанализированы наиболее частотные коллокации с данными ключевыми словами. Полученную выборку можно разделить на четыре тематических блока. Первый – общие политико-экономические вопросы. Второй – особенности репрезентации различных политических сил России. Третий блок – портреты персоналий, в первую очередь образы М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. И, наконец, четвертый блок – темы перестройки и «революции».

Результаты. Наиболее частыми в политико-экономическом блоке были слова «политика», «экономика» и «военный». О советской экономике американцы писали: «хаос» (13%), «война» (11%), «кризис» (9%), «санкции» (9%), «коллапс» (7%). Говоря о политике, чаще всего использовали слова «изменения» (23%), «реформы» (10%), «столкновения» (10%), «кризис» (10%). Военная тематика освещалась в контексте «репрессий» и «интервенции» (8%), «силы» (11%), «офицеров» (29%) и «военно-индустриальных комплексов» (25%).

В качестве политических сил СССР американские журналисты чаще всего называли «Кремль», «Москву», «Советский Союз», а также «русских» и «людей». Примечательно, что Кремль, Москва и Советский Союз чаще всего упоминались в негативном контексте. Причем, они упоминались скорее как одушевленные актанты, нежели топонимы. Так, журналисты упоминали «Москву» в коллокации с «бюрократией» (40%), «тоталитарной империей» (28%), подчеркивали, что ей оказывается «сопротивление» (32%). «Кремль» выступал в качестве синонима «государства» (60%), многие действия происходили под его «контролем» (27%). Достаточно часто встречаются такие обороты как «Кремль хочет», «Кремль настаивает», «под контролем Кремля», «Кремль не отступает». Коллокации Советского Союза были более пассивными. Среди частотных упоминаний лидируют следующие: «реформы и трансформации» (14%), «идеологическая изоляция» (11%), «проблемы и распад» (38%). Примечательно, что «русские» и «люди» чаще занимали пассивную позицию в материалах еженедельника «Time». Зачастую эти представления сходны с описанием жертвы. Так, «люди» выступают в коллокациях с «убиты» (33%), «ограблены» (10%), «боятся» (10%), вместе с тем, начиная с 1991 года растут упоминания «силы народа» (24%), «голосования» (14%) и «новых людей» (9%). Материалы, в которых упоминалось слово «русские» чаще всего были связаны с «националистами» (27%), «республиками» (33%), «империей».

Портреты глав государства в американской прессе были, пожалуй, наиболее контрастными. М.С. Горбачева в большей степени ассоциировали с

действиями и реализуемой в стране политикой. Среди частотных коллокатов можно выделить «изменения» (31%), «демократизацию» и «перестройку» (10%), часто писали о «Революции Горбачева» (8%), но постоянно обращались к теме его отставки (13%). Образ молодого энергичного лидера, которого журнал «Time» дважды называл «человек года» (в 1987 и 1989 г.) основательно выцвел и потерял свой лоск. Образ Б.Н. Ельцина наоборот был крайне эмоциональным, даже кричащим. Его называли «радикальным» (10%), «популярным» (10%), «популистом» (15%), «дерзким» (7%), «энергичным» (7%) и «импульсивным» (5%) «оппозиционером» (7%). Статьи, посвященные Б.Н. Ельцину можно разделить на четыре группы: внешность, личностные качества, особенности политики и взаимоотношения с М. С. Горбачевым.

Наиболее ярко тема перестройки и революции проявила себя непосредственно после Августовского путча 1991 года. Перестройку на протяжении всего исследуемого периода описывали как «изменения» (23%), сопряженные с «опасностями» и «сомнениями», очень часто ей пророчили «провал» (17% в сумме по данным трем коллокатам). Если в успехе перестройки американские журналисты серьезно сомневались, то Августовский путч они приняли с огромным энтузиазмом, даже восторгом. В сентябрьских номерах «Time» этому событию было посвящено рекордное количество публикаций (17). Примечательно, что это событие в прессе называли не иначе как «революция». Ее называли «демократической» (11%), определяли как «один из поворотных моментов мировой истории», проводили параллели с революцией 1917 года. А одна из статей и вовсе заканчивалась перифразом репортажа Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» [12]. Ожидания американцев были преисполнены надежд, что родственная, дружественная им Россия, в результате новой революции вернется на демократические рельсы и наконец-то направится в правильное, светлое, будущее.

Выводы. В рамках исследования были проанализированы 119 публикаций еженедельного журнала «Time». Частотный анализ лексем позволил выявить фокусы интереса американских журналистов к событиям последних лет существования Советского Союза. А анализ коллокатов наиболее частотных лексем позволил определить «температуру» и «интонации» этих публицистических высказываний. Среди результатов исследования наиболее неожиданными и нетривиальными можно назвать следующие. Во-первых, разделение жителей России на три условные группы: безликих актантов («Кремль» и «Москва»), принимающих крайне непопулярные у американских обывателей политические решения, харизматичных политических лидеров (Горбачев и Ельцин), выступающих как яркие фигуры, но не всегда действующих в рамках общей государственной политической линии, и «жертв» в виде русского народа.

Можно предположить, что такое трехчастное деление – наследие непосредственно американского менталитета и особенностей политического строя США, в котором, помимо населения-электората и непосредственно президента, присутствует важная движущая сила – «Белый дом». Возможно, часть стереотипов, связанных с «Вашингтоном» или «Белым домом» переносится на российское поле и по аналогии именуется по территориальному признаку. Во-вторых, неожиданным стал не только и не столько интерес непосредственно к Августовскому путчу – само освещение этого события вполне логично и обосновано с точки зрения информационной повестки – сколько тональность, преподнесения информации. Можно предположить, что параллели между событиями 1991 года и революцией 1917 года – это следствие подмены понятий «Россия» и «СССР» в американском сознании, о чем довольно подробно писали в своих исследованиях М.С. Затуловская и Е.А. Котеленец [5]. Вместе с тем, надежды на светлое будущее русского народа после переворота, указывают на то, что отношение американцев к нашей стране было гораздо позитивнее, чем принято полагать.

Выявленные особенности репрезентации образов Советской России в американской прессе в 1990-1991 годах представляется возможным использовать для формирования позитивного имиджа нашей страны за рубежом, формирования позитивных информационных поводов и коррекции существующих этностереотипов.

Список литературы:

1. Авдони́на Н. С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы /дисс. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2012. – 269 с.
2. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире. Москва: Эльф ИПР, 2010. – 269 с.
3. Буранок С. О., Левин Я. А. Русофобия и «Красная угроза» в США // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, 2019. №66. С. 49-53.
4. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. Москва: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. – 1136 с.
5. Затуловская М. С., Котеленец Е. А. Подмена понятий «Россия» и «СССР» в газете «The New York Times» (1946-1991) // Научный диалог, 2019. №4. С. 154 -166
6. Ковригина М. С. (2020) Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны: 1946-1991 //дисс. ... канд. филол. наук. – Москва: РУДН, 2020. – 175 с.

7. Котеленец Е. А., Затуловская М. С., Лаврентьева М. Ю. «Красный миф» в кинематографе США // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. – Будапешт: Изд-во Selmeczi Vt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2019. С. 308-314.
8. Кошкин П. Г. Тенденции в колумнистике США на примере материалов «Нью-Йорк Таймс», посвященных Китаю и России: 2008-2013 гг. // дисс. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2016. – 143 с.
9. Ощепков А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. Москва: Флинта, 2020. – 235 с.
10. Cadot M. L'Image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839-1856). Paris: Eurédit, 1967. – 641 p.
11. Carré J. M. Les écrivains français et le mirage allemande. Paris:Boivin, 1947.
12. Church G.J. Postmortem Anatomy of A Coup // Time. - Sept. 02, 1991 URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973729,00.html> (дата обращения 10.09.2023)
13. Dyserinck H. Zum problem der «images» und «mirages» und ihrer untersuchung im rahmen der vergleichenden literaturwissenschaft // Arcadia. 1966. № 1. P. 107–120.
14. Jourda P. L'exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. Le romantisme. Paris:Presses Universitaires de France, 1938. – 296 p.

Дементьев Борис Петрович

доктор исторических наук, профессор

Пермский государственный национальный исследовательский университет

SPIN-код: 8792-1234

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЦИФРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье анализируются: сферы применения цифровых гуманитарных наук; методы цифровых гуманитарных наук; компетенции преподавателя в цифровых гуманитарных науках; специфика гуманитарных наук в цифровой среде; перспективы развития цифровых гуманитарных наук.

Ключевые слова. Цифровые, гуманитарные, науки, исследования, проблемы, потенциал, перспективы.

HUMAN POTENTIAL IN DIGITAL HUMANITARIAN SCIENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Summary: In article are analysed: spheres of the using the digital humanitarian sciences (hereinafter - CGN); the methods CGN; the competencies of the teacher in CGN; specifics of the humanitarian sciences in digital ambience; the prospects of the development CGN.

Keywords: Digital, humanitarian, sciences, studies, problems, potential, prospects.

Что такое цифровые гуманитарные науки? Определений более восьми сотен [1, с.15]. Поэтому важно сразу определиться с пониманием термина. Думается, что цифровые гуманитарные науки — это не сумма «цифры» и гуманитарной сферы и даже не только применение цифровых технологий в гуманитарных дисциплинах. Скорее, это пограничная научная деятельность, стык — непосредственно вычислительная техника, цифровые технологии и гуманитарные дисциплины. Это не фрагментарное, а систематическое использование «цифры» и анализ применения. Цифровые гуманитарные науки — это обязательная междисциплинарность и комплексность (активность исследовательская, преподавательская и методическая) [2, с.24]. Цифровой инструментарий и методы цифровых гуманитарных наук не замещают устное слово и печать, но дают импульс развитию гуманитарной сферы, поднимают распространение знаний на новый уровень.

Цифровые гуманитарные науки — это, как правило, возможность творчества, создания проектов (с лат. — *projectus* — брошенный вперед, выступающий). Проект по нескольким уровням. Начало — базовые вычисления (обработка масс данных и программирование обработки). Далее уровни — организация и производство (сети, устройства, интерфейс) [8, с.2].

Методы цифровых гуманитарных наук, например, применимы по всем видам исследований культурных практик, по направлениям «soft media»: редакция, конструирование компьютерного дизайна, базы данных. Исследуемые базы данных могут быть самыми различными: текстовые, библиотечные, мессенджеры, чаты, социальные сети, исследования социологические, этнографические, исторические, филологические и т.д.

Внутренними факторами цифровых гуманитарных наук являются: цифровые технологии используются непосредственно и в комплексе как прикладные методические разработки для гуманитарных сфер.

Внешними факторами цифровых гуманитарных наук являются: техническое использование цифровых технологий для создания и творчества — обмен данными, поисковые системы, цифровые библиотеки, музейные коллекции и т.д.

Цифровые гуманитарные науки сегодня имеют объективную базу прошлого. В XX веке было широкое применение исторических баз данных, стиховедения, стилометрии. Но именно цифровые, точные методы создали для гуманитариев новые возможности: доступность текстов (электронные варианты), автоматический анализ текстов, новые мощности в обработке и хранении информации, новые инструменты по работе с базами данных. Цифровизация гуманитарных наук дает возможность создания интерактивных карт, создания своеобразных «социальных сетей» по эпистолярному жанру деятелей прошлого, конструирования 3D-моделей городов и целых цивилизаций древности и т.д.

Цифровизация гуманитарных наук будет (и уже создает) современные востребованные и актуальные профессии: организаторы цифровых проектов, проектировщики и модераторы различных цифровых платформ — интеллектуальная робототехника, благотворительные программы, образовательные онлайн-ресурсы, обучающие игры, виртуальная адвокатура и т.д. [9, с.1]

В современное время в гуманитарной сфере появились вызовы и прикладные задачи, которые требуют новые компетенции. И реализация их — это задача цифровых гуманитарных наук. Появилось новое содержание, новые ресурсы, которые не могли быть реализованы на прежней технической базе: это создание исторических и текстовых баз данных, электронных библиотек (причем, с редкими, уникальными изданиями) с электронными разметками и новыми поисковыми возможностями, геоинформационных систем, которые позволяют визуализировано распределять географические данные, и т.д.

Какие компетенции должны быть востребованы в цифровой гуманитаристике, в цифровых гуманитарных науках? Во-первых, и это главное — междисциплинарный подход. Историк должен разбираться (не только в основе), но и в специфических аспектах философии, социолог — психологии, и т.д. Во-вторых, цифровизация гуманитарных наук предполагают знания, умения применять навыки если не программирования, то хотя бы информатики.

Например, создание веб-дизайна, понимание (чтение и трактовка) баз данных, обработка статистики, использовать мультимедийные материалы, метаданные, ГИС-источники, 3D-модели. Что касается знания математики, умения программировать, то нужно быть реалистами — для большинства гуманитариев это не представляется востребованным (мозги «заточены» на другое). Да к тому же, думается, это и совсем не обязательно. В настоящее время присутствуют различные программные продукты, которые решают необходимые задачи. И понятно, что таких программ будет все больше и больше [3, с.4].

Уже в настоящее время в цифровых гуманитарных науках применяется эффективный цифровой инструментарий:

1. Цифровизация данных (цифровой анализ и обработка данных).

2. Искусственный интеллект (ИИ) анализирует текст (часто применяется по коллекциям, массивным текстовым документам).

3. Географические информационные системы (данные геоинформатики).

4. Технологии больших баз данных (специфика в постоянной генерируемости объемов и различной структурированности, а также в репрезентативности анализа) [4, с.2].

Конечно, надо понимать, что любые инструменты сами по себе не сделают исследование лучше. Их значимость определяется только исследователем, как он их отбирает, структурирует и применяет. Например, где есть возможность математического измерения (динамика населения, географические территории, экономические показатели), там применимость цифровых гуманитарных наук непротиворечива. Но как применить измерения к сферам политики, культуры, идеологии? Вот здесь и первостепенна роль исследователя, уровень его аналитичности и объективности [6, с.1-2].

По каким направлениям возможно развитие цифровых гуманитарных наук:

1. Консервативное. Преподаватель использует в своей работе традиционные методы. Цифровые гуманитарные науки используются лишь частично как дополнения (как отмечалось выше, недоверие к «измерению неизмеримого»). Применяется для односложных заданий (написание списков библиотек, сайтов, каталогов). Новое качество в этом варианте труднодостижимо.

2. Междисциплинарное. Например, публикационная активность выражается современными цифровыми формами: использование онлайн-баз данных, веб-сайтов, VR (виртуальная реальность) и AR (дополненная реальность), 3D модели.

3. Командное. Преподаватель ведет роль лидера, организатора и привлекает специалистов различных профилей (аспиранты, магистры, студенты, волонтеры). Развитие цифровых гуманитарных наук идет по диверсификации и не требует значительных затрат. Но предполагает постоянную регулирующую роль преподавателя.

4. Перспективное. Организации (вузы, лаборатории, исследовательские центры) создают автономные проекты, объединенные в кластеры, но в тоже время имеющие юридическую и финансовую самостоятельность. Это позволит концентрировать ресурсы и одновременно сформировать конкурентную среду. В этом варианте цифровые гуманитарные науки привлекают смежные проекты — архивы, библиотеки, музеи, учитывая разнообразные цели и интересы. Это вариант максимального развития цифровых гуманитарных наук. Вариант будущего [5, с.3].

Цифровые гуманитарные науки можно и нужно использовать на практике, разрабатывая приложения, методы и технологии в заданных параметрах и стандартах: фактографические информационные системы и базы данных — для статистического анализа; полнотекстовые базы данных — для текстологического исследования; тематические электронные ресурсы; электронные источники. Возможна разработка специализированных приложений: статистического, сетевого, пространственного анализа — например, географические информационные системы (ГИС) или виртуальной реконструкции и дополненной реальности по историко-культурным объектам.

Какие аспекты развития цифровых гуманитарных наук перспективны:

- 1) большие массивы данных;
- 2) онлайн ресурсы, сервисы и платформы;
- 3) оцифровка документов, архивных источников и редких книг;
- 4) цифровой текстологический анализ;
- 5) 3D модели историко-культурных артефактов;
- 6) цифровые образовательные среды;
- 7) VR и AR в медийной, образовательной и культурной средах;
- 8) цифровые образовательные игры;
- 9) цифровая психология и эволюция человека;
- 10) искусственный интеллект и безопасность человека [7, с.2-3].

Таким образом, развитие цифровых гуманитарных наук позволит преподавателю, исследователю культуры позволить не просто получить новые возможности в своей деятельности, но и получить новое качество, сосредоточиться на творчестве.

Основная проблема на этом пути — подготовка кадров. Преподаватели, исследователи должны соответствовать новым вызовам, новым технологиям. А для этого надо учиться, повышать квалификацию. Причем, не эпизодически, а систематически.

Еще одна проблема — для реализации цифровых гуманитарных наук необходима координация усилий органов власти всех уровней, от федеральных до местных.

Только при таком подходе возможно полноценное развитие цифровых гуманитарных наук и достижение нового качества в образовании и культуре.

Список литературы:

1. Антопольский, А.Б. Цифровые гуманитарные исследования: монография / А.Б. Антопольский. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. – 272 с.
2. Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. – 353 с.
3. В гуманитарных науках формируется новое направление исследований - URL: <https://urgi.urfu.ru/ru/news/27981/> (дата обращения 19.10.2023)
4. Как информационные технологии формируют будущее в гуманитарных исследованиях - URL: <https://lala.lanbook.com/informacionnye-tehnologii-formiruyut-budushchee-v-issledovaniyah> (дата обращения 19.10.2023)
5. На распутье Digital Humanities - URL: <https://sysblok.ru/metascience/na-raspute-digital-humanities/> (дата обращения 19.10.2023)
6. О цифровых методах в гуманитарных науках - URL: <https://nauchkor.ru/media/o-tsifrovyyh-metodah-v-gumanitarnyh-naukah-59a20ee95f1be71d54d9fb31> (дата обращения 19.10.2023)
7. Применение цифровых технологий обучения дисциплинам гуманитарного цикла в профессиональном образовании - URL: <https://research-journal.org/archive/7-109-2021-july/primenenie-cifrovyyh-tehnologij-obucheniya-disciplinam-gumanitarnogo-cikla-v-professionalnom-obrazovanii> (дата обращения 19.10.2023)
8. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта - URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/> (дата обращения 19.10.2023)
9. Digital Humanities: проблемное поле и перспективы развития - URL: <https://srjournal.ru/2018/id85/> (дата обращения 19.10.2023)

Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь)

научный сотрудник

Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси

SPIN-код: 1763-0332

**ЛЕГАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ И ЦЕНЗУРА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦНБ НАН БЕЛАРУСИ)**

Аннотация: На основе материалов фонда Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси) освещаются особенности легальной периодики в Северо-Западном крае Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (до Первой русской революции 1905 г.), влияние цензуры на ее развитие.

Ключевые слова: периодические издания, легальные газеты, Северо-Западный край, цензура, ЦНБ НАН Беларуси.

**LEGAL NEWSPAPERS AND CENSORSHIP IN THE NORTHWESTERN
KRAI OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE END OF THE 19TH –
BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES (BASED ON THE BOOK
COLLECTION OF THE YAKUB KOLAS CENTRAL SCIENTIFIC
LIBRARY OF NAS OF BELARUS)**

Summary: The article deals with the specifics of the functioning of the legal periodicals in the Northwestern Krai of the Russian empire in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries based on the book collection of the Yakub Kolas Central Scientific Library (NAS of Belarus). Influence of the censorship on the development of periodicals is also analyzed.

Keywords: legal newspapers, periodicals, Northwestern Krai, censorship, Yakub Kolas Central Scientific Library of NAS of Belarus.

На территории Северо-Западного края Российской империи в конце XIX в. периодические издания выходили только на русском языке. Периодические издания на других языках – белорусском, польском, литовском, еврейском – в этот период отсутствовали. В 1904 г., после снятия запрета на литовскую печать (латиницей), в Вильно стали издаваться «Виленские известия» на литовском языке [4, с. 63]. В этом же году в Вильно начала выходить газета на иврите [1, стб. 411]. Периодика на польском языке возродилась в крае в 1905 г. [18, с. 562]. Запрет на периодические издания на белорусском языке осуществлялся в связи с указом Главного управления цензуры циркуляром от 30 апреля 1859 г., любые попытки напечатать на белорусском языке

пресекались цензурой [17, с. 10–12]. В тот исторический момент Вильно был политико-административным и культурным центром Северо-Западного края, в состав которого входила территория Беларуси, поэтому газеты, выходившие в Вильно, имели общекраевое значение.

В конце XIX в. в пяти губерниях Северо-Западного края издавались легальные периодические русскоязычные издания: «Губернские ведомости» (выходили в губернских центрах), «Епархиальные ведомости» (издавались епархиями – Литовской, Минской, Могилевской, Полоцкой), «Виленский вестник» и единственная частная газета «Минский листок». Позже появились частные газеты «Северо-Западное слово», «Северо-Западный край», «Западный вестник», «Белорусский вестник», а также газеты сельскохозяйственных обществ – «Витебский листок», «Справочный листок Минского земледельческого синдиката», «Могилевский листок сельского хозяйства и охоты», «Белорусский комиссионер». Выход всей печатной продукции в стране был строго регламентирован «Уставом о цензуре и печати» (1890 г.). За период 1895–1904 гг. было подано сорок одно прошение в Главное управление по делам печати о разрешении новых органов печати на русском языке в городах Вильно, Витебске, Минске, Могилеве, Гомеле, Гродно, Бобруйске, Мстиславле, Пинске. Было разрешено восемнадцать изданий, в том числе четыре справочные газеты, семь изданий обществ, газета «Гродненские епархиальные ведомости», два частных журнала (детский иллюстрированный журнал «Зорька» – начал выходить в 1905 г., и научно-исторический и литературный журнал «Западно-Русское обозрение» – издание не состоялось), четыре частные газеты («Северо-Западное слово», «Северо-Западный край», «Западный вестник», «Белорусский вестник»). Были отклонены прошения на издания семи справочных и шестнадцати частных общественно-политических газет. Основной причиной отказа была даже малейшая оппозиционность существующему режиму [12, л. 8, 10].

Что касается прошений в Главное управление по делам печати относительно издания белорусской периодики: был зафиксирован лишь один случай, связанный с именем Казимира Карловича Костровицкого (1868–1918, псевдоним Карусь Каганец). В 1905 г. общественно-политический деятель, литературовед, художник Карусь Каганец пытался организовать в г. Минске издание белорусской газеты под заглавием «Палессе». В материалах архивного фонда № 64 «М.В. Біч» (опись № 1, ед. хр. 42, лл. 1–32), который хранится в Отделе исследования рукописей Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси, содержится информация об этом прошении (от 28 ноября 1904 г.), однако архивные документы не дают однозначного ответа на вопрос, почему издание газеты «Палессе» не состоялось. В своем исследовании «Карусь Каганец і першая спроба выдання легальнай беларускай газеты» белорусский ученый, доктор исторических наук М.О. Бич (1937–1999) указывает на одну из возможных причин – на тот момент не было положения юридического характера, регулирующего цензуру

белорусских изданий – из-за отсутствия в штате цензора, «сведущего в белорусском наречии». Главное управление по делам печати уведомляло Санкт-Петербургский цензурный комитет Министерства народного просвещения: «В составе цензурного ведомства по штату цензоров, сведущих в белорусском наречии, не назначено, а потому за невозможностью цензуровать сочинение на белорусском наречии или дозволить его печатать без предварительной цензуры, рукопис не подлежит напечатанию. 19.Ш.1899 г. М.С.»¹ (подпись «М.С.» – временно исполняющего обязанности начальника Главного управления по делам печати М. Соловьева) [15, л. 30].

Во второй половине XIX – начале XX в. главной целью цензуры в Российской империи был контроль за распространением информации, ограничение распространения через книжную продукцию и периодическую печать нежелательной литературы. На протяжении всей истории существования цензуры надзор за печатью входил в компетенцию ряда организаций – главных управлений, цензурных комитетов, отдельных цензоров, инспекторов типографий и книжной торговли, которые осуществляли надзор за издательской деятельностью, торговлей произведений печати. Отчеты цензурных учреждений представляют важнейший фактографический материал об организации инспекторского надзора за типографиями, книжной торговлей и библиотеками. В них содержится информация о запрещенных произведениях печати, изъятых из продажи, из библиотек. Таким образом, эти документы давали картину развития книгопечатания и книгораспространения на всей территории Российской империи за длительный период времени.

До 60-х гг. XIX в. законным руководством для цензурного аппарата Российской империи служил первый цензурный устав, утвержденный Александром I. Он был принят 9 июня 1804 г. и предусматривал предварительную цензуру всей печатной продукции. Этот устав считается наиболее либеральным за все время существования цензурного законодательства в России. Аппарат цензуры руководствовался первым цензурным уставом двадцать лет. В 1826 г. министр духовных дел и народного просвещения А.С. Шишков (1754–1841) провел новый Устав о цензуре, прозванный «чугунным». В 1828 г. его заменили новым, по которому внутренняя и иностранная цензура были объединены в одном ведомстве – Министерстве народного просвещения.

В 1865 г. состоялась очередная цензурная реформа, принятая Александром II. До нее в течение десятилетия фактически действовали цензурные законы, распоряжения, принятые еще при Николае I. Цензура была передана из ведения Министерства народного просвещения Министерству внутренних дел, где ею занималось Главное управление по делам печати. Была образована высшая цензурная инстанция для наблюдения за деятельностью цензурных комитетов и отдельных цензоров по внутренней и иностранной

¹ Орфография и пунктуация соблюдены.

цензуре, за бесцензурными изданиями, типографиями, библиотеками [2, с. 56–60]. От предварительной цензуры освобождались издания объемом в двадцать и более листов, выходящие в Петербурге и Москве, а также издания (любого объема) правительственные, академий, университетов, ученых обществ и издания на греческом и латинском языках (труднодоступные для широких слоев населения). С разрешения Министра внутренних дел от предварительной цензуры освобождалось большинство газет и журналов, возможно, из-за того, что в Российской империи к тому времени провинциальная пресса не получила существенного развития [14, с. 11].

Ответственность за цензуру в провинции несли вице-губернаторы, которые осуществляли надзор за частными типографиями, книжной торговлей, библиотеками через назначенных ими цензоров, роль которых в провинции исполняли чиновники губернской администрации и полиции. Отчеты об их деятельности отправлялись в Главное управление по делам печати ежегодно [8, с. 201].

Цензурная реформа 1865 г. явилась значительным шагом вперед в истории цензурного законодательства, положив начало переходу к закону о печати, основанному на свободном книгопечатании с ответственностью за нарушение правил исключительно в судебном порядке. Следуя правилам этой реформы, цензорам предписывалось не допускать в печать материалы, направленные против христианской веры и православной церкви, самодержавной власти и правительства, не разрешалось перепечатывать из других изданий сведения, оглашение которых было запрещено Главным управлением по делам печати; строжайше запрещалось изменять содержание газеты после проверки цензором корректурных листов, тем более печатать вычеркнутые места. Для усиления цензурного контроля запрещалось заменять подпись цензора на корректурных листах штампом с надписью «дозволено цензурой». Цензурные законы просуществовали вплоть до Первой русской революции 1905 г., когда правительство вынуждено было начать работу по пересмотру цензурного устава. К осени 1905 г. проект в основных чертах был составлен. Отменялась предварительная цензура для книг любого объема и всех периодических изданий, в случае нарушения закона виновные несли ответственность исключительно по суду. Были сохранены денежные залогов для периодических изданий. Отменялось право министра внутренних дел закрывать библиотеки и читальни по своему усмотрению. Провинциальная печать должна была подчиняться правилам, проектируемым для всех губерний Российской империи. Вместо нового устава о цензуре в 1905–1906 гг. для большинства изданий были утверждены Временные правила, отменившие предварительную общую и духовную цензуру в городах. Это был короткий период свободы, когда издания выходили без всяких разрешений [9, с. 326].

Осуществлять надзор за типографиями, библиотеками и книжной торговлей помогали циркуляры. В Центральной научной библиотеке Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси) хранятся

циркуляры по Виленскому учебному округу за 1877–1914 гг. Циркуляры представляли официальное издание Виленского учебного округа, они выходили в Вильно ежемесячно с 1862 по 1915 год (Циркуляр по Виленскому учебному округу / Виленский учебный округ. Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1862–1915). В этих документах публиковались правительственные распоряжения в области народного образования, постановления по Министерству народного просвещения, приказы попечителя учебного округа. Там же печатались сведения о чиновничьем производстве, сообщения о наградах и штатах учебных заведений. В отдельных выпусках помещались методические разработки уроков, указания о пользовании наглядными пособиями, рецензии на вновь выходящие учебники. В распоряжениях этих первоисточников содержится информация о библиотечной цензуре. Примеры: «О пополнении ученических библиотек женских учебных заведений книгами, дозволенными к употреблению в низших училищах» (1901 г., № 2, с. 136); «О разрешении ученическим библиотекам низших училищ и бесплатным народным библиотекам подписки на журналы, удостоенные за один или за два истекшие года одобрения министерства» (1901 г., № 7, с. 672); «О том, что при выписке книг следует обращать преимущественное внимание на издания по отечествоведению» (1900 г., № 5, с. 345); «Об изъятии из обращения в бесплатных народных библиотеках газеты «Русское Слово» (1902 г., № 1, с. 5); «Об изъятии из народных библиотек журнала «Образование» за 1902 год» (1902 г., № 6, с. 390); «О непригодности для бесплатных народных библиотек и читален энциклопедического словаря, составляющего приложение к журналу «Природа и люди» (1902 г., № 9, с. 586); «Об изъятии из обращения в бесплатных народных читальнях издания «Живописная Россия» (1902 г., № 6, с. 390).

В содержании циркуляров цензурных ведомств, выходивших до 1905 г., сложно было ориентироваться об информации о запрещенной литературе, поскольку она не печаталась в этих изданиях в виде списка. Списки запрещенной литературы стали появляться в циркулярах с 1905 г. Позже стало выходить неофициальное издание, предназначенное для служебного пользования, – «Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17 октября 1905 г. по 1 января 1909 г.», составленный книговедом, библиографом Б.С. Боднарским (1874–1968). Указатель издавался на протяжении трех лет – с 1908 по 1910 гг. С 1906 г. в Петербурге стала издаваться «Книжная летопись» – издание Главного управления по делам печати, в которой регулярно публиковались сведения о судебных взысканиях, арестах и конфискациях книг и периодических изданий. Сведения о запрещенных изданиях на ее страницах были довольно подробными: в отличие от других изданий, в «Летописи» содержалась информация, какая судебная палата, где и когда утвердила арест того или иного издания. В «Книжной летописи», выходившей до 1909 г., списки запрещенных изданий не имели специального заглавия, они начинались со слов: «Из числа книг, помещенных в «Книжной летописи», изъяты из

продажи...». В «Книжной летописи» с № 5 за 1909 г. начали печататься списки запрещенных изданий под заглавием «Правительственные распоряжения», с № 15 за 1914 г. – под заглавием «Алфавитный перечень запрещенных изданий» [3].

Вся периодическая печать Беларуси находилась под контролем нескольких цензурных инстанций. Кроме местных цензоров за содержанием периодики наблюдал полицейский аппарат (в департаменте полиции имелся специальный газетный стол) и чиновники, назначаемые из состава Главного управления по делам печати. В 1902 г. цензорские обязанности вице-губернаторов были переданы официальным цензорам, которые должны были заниматься исключительно вопросами цензуры. В Главное управление поступали также доносы частных лиц, которые сообщали о «недопустимости» некоторых газетных материалов. Например, в 1904 г. поступил донос следующего содержания: газета «Северо-Западный край» не посвятила никакого материала посещению Минска Государем Императором (11).

Одним из средств контроля цензуры за содержанием периодических изданий было запрещение затрагивать многие вопросы жизни страны. Законодательное оформление она получила 16 июня 1873 г. [10, № 52395]. Так, администрация строго контролировала появление в печати материалов об аграрном вопросе, как самом остром вопросе общественной жизни страны. В 1882 г. было издано несколько циркуляров, запрещающих материалы «о переделах, равнении земли..., о пользе или справедливости изменения поземельного положения крестьян», о «неприятных отношениях крестьян к землевладельцам» [5, с. 63].

В условиях подъема рабочего движения в 90-х гг. XIX в. правительство ограничило возможность обсуждения в печати рабочего вопроса. Циркуляром от 28 июня 1893 г. Главное управление запретило статьи о выступлениях рабочих в защиту своих экономических прав, запрету подлежали любые материалы о заработной плате, продолжительности рабочего дня, отношениях между рабочими и фабрикантами. Ряд запретов накладывался на обсуждение в печати еврейского вопроса. Не допускались к печати материалы о еврейских погромах в Кишиневе и Гомеле, статьи сионистского направления, в которых еврейский народ призывается к объединению [13, с. 64].

Исключению из печати подлежали статьи, не соответствующие догматике официальной православной веры. Преследуя старообрядцев, сектантов, правительство запрещало печатать материалы о мероприятиях, направленных против них, публиковать сведения, касающиеся различных сект. Не допускалось обсуждение отлучения от церкви Льва Толстого, а также статьи о его литературной деятельности, телеграммы в поддержку писателя. Исключались из газетных материалов вопросы, поднимаемые в Государственном совете (в начале царствования Николая II запрещалось сообщать об изменениях в составе правительства). Запрещалось предавать гласности сведения о бедственном положении населения, о массовых

эпидемиях инфекционных болезней, о голоде в неурожайных районах [7]. Одним словом, цитируя слова русского историка В.А. Мякотина (1867–1937), «... мало знать, о чем говорила русская пресса в указанный период. Нужно знать еще другое, – о чем она должна была молчать» [6, с. 84].

Политическое направление газет зависело от общественных позиций редакций, выполнений требований цензурного контроля. По всем основным вопросам общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX вв. официальная печать пяти Западных губерний стояла на службе интересов правительства. На страницах частных газет и изданий сельскохозяйственных обществ освещался аграрный вопрос, пропагандировавший создание сельскохозяйственных обществ, увеличение крестьянского землевладения, связанного с деятельностью Крестьянского поземельного банка, пользу крестьянской артели и др. Рассматривался национальный вопрос, к примеру, на страницах «Белорусского вестника» (1904, № 1 от 21 ноября) был провозглашен принцип «братского единения», защиты интересов всего населения края без национальных, религиозных и классовых различий. Наибольшее количество материалов по рабочему вопросу было напечатано в газете «Минский листок», которая считалась наиболее демократичной. Общий характер этих материалов состоял в показе реальной картины труда рабочих на конкретных примерах фабрик Минска, Борисова, Сморгони, Смоленевич и т.д. Газета писала о большой продолжительности рабочего дня (12–14 часов), низкой заработной плате, отсутствии охраны труда, антисанитарных условиях на производстве. Несколько заметок было посвящено положению рабочих Борисова: «Работает около 250 человек, считая женщин и детей. Труд их оплачивается чрезвычайно скудно (машинисты за 14 часов ежедневно – 16–18 рублей в месяц; чернорабочий – 10 рублей в месяц)... Заработок взрослой работницы редко доходит до 6 рублей в месяц, а малолетней – 3-4 рубля. Но и эти гроши не получают рабочими сполна. – Строгая система штрафов (в случае опоздания на работу, за недоброкачественное изготовление спичечных коробок, за нарушение тишины и порядка...)» (1895, № 11 от 3 января) [16].

На страницах газет помещались публикации «незначительно оппозиционные», в этих случаях редакция не имела существенных последствий, поскольку разногласия не носили принципиального характера. Полемика велась по частным вопросам, не затрагивающим принципа непоколебимости самодержавной власти.

Таким образом, цензурные и правовые условия деятельности периодической печати Северо-Западного края Российской империи в конце XIX начале XX вв. были обусловлены стремлением властей обеспечить сохранение существующего государственного строя. В этот период имперские власти тормозили развитие периодической печати на местных языках. Положение местной печати осложнялось ее подконтрольностью предварительной цензуре. Всевозможные ограничения и запреты цензуры имели политический смысл – уменьшить для печати возможность служить

источником правдивой информации, средством формирования общественного мнения.

Список литературы:

1. Еврейская энциклопедия: свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. – Санкт-Петербург: Изд-во Брокгауз–Ефрон, [б. г.]. – Т. 12: Обычай–Проказа. – 960 стб. Стб. 411.
2. Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
3. Книжная летопись: государственный библиографический указатель Российской Федерации / Российская книжная палата. – М., 1907 –. Прил.: к 1914–1916 гг. ежемесячно с № 15 (1914): Алфавитные списки сочинений, рассмотренных иностранною цензурою с февраля 1914 г. по декабрь 1916 г.
4. Литва: краткая энциклопедия. – Вильнюс: Гл. ред. энцикл. Лит. ССР, 1989. – 672 с.
5. Материалы для характеристики положения русской печати. Вып. 1. – Женева: Тип. Союза русских социал-демократов, 1898. – 106 с. – Исторический очерк нашего законодательства о печати / О. К. Нотович
6. Мякотин, В. Одна страница из новейшей истории русской печати / В. Мякотин // В защиту слова: сборник. – 4-е изд., без перемен. – С.-Петербург [Санкт-Петербург]: Типография Н.Н. Клобукова, 1906. – С. [84]–105.
7. НИАБ. Фонд № 1416 «Витебское губернское правление», опись № 6, ед.хр. 584 «Наряд циркулярам, принятым к сведению и руководству».
8. Патрушева, Н.Г. Организация цензурного надзора в Российской провинции во второй половине XIX–начале XX века в циркулярах цензурного ведомства / Н.Г. Патрушева, И.П. Фут // Цензура в России: история и современность - *Sensorship in Russia: history and the present*: сборник научных трудов / Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. – Вып. 4. / [редколлегия: В.Р. Фирсов (председатель) и др.; составление и научная редакция: М.А. Бенина и др.]. – Санкт-Петербург: [Российская национальная библиотека], 2008. – 487 с. – С. 201.
9. Патрушева, Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: [монография] / Н.Г. Патрушева; [редактор Г.А. Мамонтова]; Российская национальная библиотека. – Санкт-Петербург: Северная звезда, 2013. – 619 с.
10. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича, составленное: собрание 2, с 12 дек.1825 г. – Санкт-Петербург: Тип. 2 отд. собств. его императорского величества канцелярии, 1830–1884. — Т. 48: 1873 г. Отд. 1: от № 51724–52436. – Санкт-Петербург: Тип. 2 отд. собств. его императорского величества канцелярии, 1876. – 911 с.

- 11.РГИА. Фонд 776, опись № 12, ед.хр. 3 «Дело по изданию в г. Минске газеты “Северо-Западный край”».
- 12.РГИА. Фонд № 776, опись № 14, ед. хр. 252 «По ходатайству Вруцевича о разрешении ему издавать в г. Вильне газету “Виленский курьер”».
- 13.Самодержавие и печать в России: [Предисловие. Всеподданнейшее прошение русских писателей. Записка о нуждах русской печати. Мартирологий русской печати]. – Берлин: [б. и.], 1898. – XXXII, 72 с. – Исторический очерк нашего законодательства о печати / О. К. Нотович
- 14.Цензура в России в конце XIX–начале XX века: Сб. воспоминаний / Рос. нац. б-ка; Сост., авт. вступ. ст., примеч. и указ. Патрушева Н.Г.; Ред. Бенина М.А. – СПб.: Буланин, 2003. – 363 с.
- 15.ЦНБ НАН Беларуси. Фонд № 64, опись № 1, ед.хр. 42 «М.В. Біч “Карусь Каганец. Першая спроба выдання легальнай беларускай газеты. (Да пытання аб становішчы беларускага нацыянальнага друку ў II-й палове XIX – пачатку XX ст.)”. Артыкул».
- 16.ЦНБ НАН Беларуси. Фонд № 64 «М.В. Біч», опись № 1, ед.хр. 148 «Да пытання аб становішчы беларускага нацыянальнага друку ў II палове XIX – пачатку XX стаг.».
- 17.Александровіч, С.Х. Пуцявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX–пачатку XX ст. – Мінск: Выд. БДУ, 1971. – 248 с.
- 18.Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут гісторыі; галоўная рэдкалегія: І.М. Ігнаценка (старшыня) і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / [рэдкалегія тома: К.І. Шабуня (галоўны рэдактар), А.М. Анфімаў, Ц.Е. Саладкоў]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 686 с.

Деревнина Елизавета Алексеевна

кандидат исторических наук, заведующий отделом использования и публикации документов

Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

SPIN-код: 5489-4126

**АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА
(НА ПРИМЕРЕ КОЛОМЕНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ
МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА)**

Аннотация: В статье представлен обзор документов по истории Коломенской женской гимназии Мариинского ведомства, находящихся на хранении в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Коломенская женская гимназия, Ведомство учреждений императрицы Марии, архивный фонд, архивное дело, архивный документ.

**ARCHIVAL DOCUMENTS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE
HISTORY OF THE WOMEN'S GYMNASIUMS OF THE MARIINSKY
DEPARTMENT (ON THE EXAMPLE OF THE KOLOMENSKAYA
WOMEN'S GYMNASIUM OF THE MARIINSKY DEPARTMENT)**

Summary: The article presents an overview of documents on the history of the Kolomenskaya Women's Gymnasium of the Mariinsky Department, which are stored in the Central State Historical Archive of St. Petersburg.

Keywords: Kolomenskaya Women's Gymnasium, Departments of Empress Maria's institutions, archival fund, archival business, archival document.

В середине XIX в. в России в результате реформирования системы женского образования появился новый тип учебных заведений — женские училища для приходящих девиц, которые находились в ведении Ведомства учреждений императрицы Марии. Одно из таких заведений — Коломенское женское училище для приходящих девиц (с 1862 г. — Коломенская женская гимназия) было открыто в Санкт-Петербурге 8 октября 1858 г. и просуществовало 60 лет вплоть до 1918 г.

В отечественной историографии истории женских гимназий Мариинского ведомства, и Коломенской, в частности, не уделялось особого внимания, в отличие от истории мужских гимназий. Изучение архивных документов позволяет выяснить различные аспекты деятельности мариинских женских гимназий. Данная статья представляет собой краткий обзор документов по истории Коломенской женской гимназии, типичной женской гимназии Мариинского ведомства, находящихся на хранении в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга

(далее — ЦГИА СПб). Основные материалы находятся в фонде гимназии (Ф. 405) и в фонде Управления петроградских и царскосельской женских гимназий (Ф. 15) и охватывают период с 1858 по 1918 гг.

Все документы можно разделить на пять групп:

- 1) об ученицах гимназии;
- 2) о преподавателях и служащих гимназии;
- 3) об учебной деятельности гимназии;
- 4) о внеучебной деятельности гимназии;
- 5) финансово-хозяйственные документы.

К первой группе относятся такие архивные дела как ведомости об успехах и поведении выпускниц Коломенской гимназии, «Именная книга гимназии»; дело о распределении учениц гимназий по сословиям; журналы с четвертными баллами; протоколы заседаний педагогической конференции гимназии; сведения о числе учениц в петербургских женских гимназиях; дела о плате за обучение в женских гимназиях; дела с прошениями об освобождении от платы за обучение и дела о бесплатном обучении девушек; дела о стипендиатках; об учреждении различных стипендий.

Сведения, имеющиеся в ведомостях об успехах и поведении, «Именной книге...», в журналах с четвертными баллами, содержат информацию об ученицах гимназии. Если в первые десятилетия существования учебного заведения это были просто алфавитные списки, то позже в них уже появляется информация о возрасте, вероисповедании девочек, их сословной принадлежности, сведения за чей счет они обучались.

Также вышеуказанные материалы позволяют изучить персональный состав учениц. Можно узнать, например, что в разные годы в Коломенской женской гимназии столицы обучались представительницы известных дворянских фамилий: Екатерина и Варвара Дельвиг; Евгения, Елена и Вера Раевские; княжна Ксения Николаевна Шаховская; потомок скульптора П.К. Клодта — Евгения Клодт; дочь известного военного деятеля генерал-майора П.А. Плеве — Екатерина Плеве, а также дочери начальницы частной женской гимназии В.А. Субботиной (Ф. 405. Оп. 1. Д. 2, 35 и 104). В начале XX в. выпускницами Коломенской гимназии были дальние родственницы Михаила Юрьевича Лермонтова, его внучатые племянницы — известный палеонтолог Екатерина Владимировна Лермонтова, художница Надежда Владимировна Лермонтова и физик Александра Владимировна Лермонтова (Ф. 405. Оп. 1. Д. 248).

Кроме сведений об отдельных лицах, документы первой группы освещают вопросы общего характера, в том числе статистические данные. Дела о числе учениц в гимназиях (состоящие, в основном, из распоряжений начальника женских гимназий инспекторам и донесений последних по данному вопросу), дела со сведениями о плате за обучение (представляют интерес уведомления руководства женских гимназий в местные учебные заведения об изменении размеров платы), протоколы заседаний педагогических конференций Коломенской гимназии позволяют проследить, как изменялись численность учащихся и размер платы за

обучение в разные годы. Следует также отметить дела с прошениями родителей об освобождении их дочерей от платы за обучение (имеются резолюции руководства гимназии об удовлетворении/неудовлетворении просьб) и дела о бесплатном обучении девушек (содержат циркуляры главноуправляющего Мариинским ведомством местным начальствам по данному вопросу, донесения местных руководителей учебных заведений в IV Отделения о том, кто из учениц освобождался от платы за обучение), которые дают возможность проанализировать, кто из девушек имел право на данные льготы.

Подробная информация о стипендиях, существовавших в гимназии, имеется в делах об их учреждении (стипендия Петербургской городской думы, княгини Волконской, стипендия имени вдовы коллежского секретаря А.И. Соколовой, в память события 4 апреля 1866 г., стипендия имени А.С. Пушкина и ряд других). Они состоят из правил назначения стипендий, прошений родителей о назначении их дочерям стипендий, донесений администрации учебных заведений руководству о количестве стипендиатов. В этих документах имеются сведения: когда и на каких условиях учреждена стипендия, условия ее получения, данные о стипендиатках по гимназиям. Отметим также дела о стипендиатках (содержат уведомления различных благотворителей о выделении ученицам гимназий средств на обучение), дающие подробную информацию о том, кто оказывал финансовую помощь гимназисткам, какие на это выделялись суммы, кто из учениц мог рассчитывать на помощь. Среди документов этой группы отдельного внимания заслуживает дело об учреждении при Коломенской женской гимназии Общества вспомоществования нуждающимся ученицам (имеется устав Общества, а также отчет Правления Общества), которое дает возможность проанализировать деятельность Общества в первые годы его существования (Ф. 15. Оп. 2. Д. 1408).

Документы второй группы это: дела о службе преподавателей; личного состава гимназии; дела о распределении поурочной платы, об оказании пособия служащим в женских гимназиях, о служащих, призванных на театр военных действий, о заместителях лиц, ушедших на войну; о суточных деньгах. Информация о преподавателях и служащих гимназии содержится также в «обозрительных отчетах» и в циркулярах Канцелярии по учреждениям императрицы Марии, а также в распоряжениях начальника гимназий.

В делах о назначении и службе преподавателей (содержат прошения преподавателей о назначении на службу, распоряжения руководителей гимназий о принятии учителей и главное — формулярные списки) имеются данные о предметах и их преподавателях. Формулярные списки преподавателей и служащих содержат следующую информацию: год рождения, вероисповедание, сословная принадлежность, образование, семейное положение, сведения о предыдущей службе, размер жалования. Представляют интерес и дела личного состава преподавателей Коломенской женской гимназии (состоят из уведомлений начальника женских гимназий инспекторам классов о назначении/увольнении преподавателей, прошений учителей о бесплатном обучении их детей, уведомления руководителей гимназий о финансовой помощи преподавателям). Они позволяют

проследить изменения, происходившие в педагогическом коллективе учебного заведения, отражают повседневную жизнь преподавателей гимназии.

Многочисленные дела о распределении поурочной платы, содержащие отчеты с фамилиями преподавателей, перечислением проводимых ими уроков и указанием в каких классах они преподавали, позволяют проследить, как изменялся размер жалования преподавателей. При рассмотрении вопроса о материальной стороне службы преподавателей гимназии ценными являются дела об оказании пособия служащим в женских гимназиях, о дополнительном вознаграждении учителей (содержащие прошения преподавателей о денежной помощи, переписку инспектора классов с начальником женских гимназий, а также начальника с главноуправляющим Ведомством о назначении пособий). Они дополняют общую картину финансовой составляющей службы учителей.

Изучение документов, содержащихся в делах по личному составу преподавателей гимназии, позволило выявить что в разные годы в Коломенской женской гимназии служили такие известные люди как Ольга Михайловна Петерсон (с 1876 г. преподавательница арифметики [1, Л. 5], а с 1882 г. — русского языка [2, Л. 4 об.]), Виктор Петрович Острогорский (с октября 1880 г. — преподаватель русской словесности [3, Л. 4 об.]), Елизавета Михайловна Гедда (до 1885 г. учительница рисования в младших классах [4, Л. 4]).

Отдельно необходимо выделить дела, посвященные преподавателям Коломенской гимназии в годы Первой мировой войны: о служащих, призванных на театр военных действий; о заместителях лиц, ушедших на войну; о суточных деньгах. Они содержат прошения преподавателей о назначении им отпуска на время войны, донесения инспектора классов начальнику женских гимназий о преподавателях, призванных на войну; списки лиц, замещавших отсутствующих учителей; циркуляры главноуправляющего IV Отделением о финансовой помощи преподавателям. Эти документы дают возможность рассмотреть, как военные события отразились на судьбах учителей гимназии, как изменилась их жизнь.

Третью группу документов, посвященную учебному процессу в гимназии, составляют: аттестационные ведомости (ведомости с баллами; журналы с четвертной аттестацией, полугодовыми, годовыми и экзаменационными баллами); журналы заседаний Педагогической конференции гимназии; дела об экзаменах и выпуске учениц; циркуляры Ведомства и распоряжения начальника гимназий; циркуляры по учебной части; дела об учебных пособиях и руководствах, рекомендованных IV Отделением собственной е.и.в. канцелярии; дела о преподавании различных предметов.

Аттестационные ведомости содержат информацию об изучаемых предметах; системе оценивания знаний; о наградах, получаемых выпускницами. Из ведомостей видно, что предметами гимназического курса были Закон Божий, русский язык и словесность, немецкий и французский языки, история, география, математика, естествоведение/физика, гигиена и «учение о подании первой помощи», «начала педагогики», рукоделие, пение, чистописание, рисование, танцы, гимнастика [5, С. 28]. В женских гимназиях, в том числе и в Коломенской, была принята 12-

бальная система оценок, где 12 являлось наивысшим баллом. При выпуске в зависимости от успехов ученицы могли награждаться золотыми и серебряными медалями, а также книгами

Следующим корпусом документов в этой группе являются журналы заседаний Педагогической конференции, одного из органов управления гимназией, которая созывалась начальником гимназий по мере необходимости. На ней обсуждались вопросы направления нравственного образования гимназисток, развития учебных курсов, выбор руководств и учебных пособий, вопросы приема, перевода и выпуска учениц. Журналы заседаний конференций содержат протоколы собраний, по которым можно проследить, как решались те или иные проблемы.

В делах об экзаменах и выпуске учениц (состоящих из донесений инспектора гимназии начальнику женских гимназий о количестве выпускниц и медалисток, программ экзаменов и порядка их проведения, уведомлений начальника женских гимназий местным начальствам о месте и времени проведения выпускных торжеств, описаний выпускных актов) имеются сведения о том, когда и как проходили переводные и выпускные экзамены, а также описываются выпускные акты в гимназии.

Необходимо также отметить циркуляры Ведомства учреждений императрицы Марии местным начальствам женских учебных заведений и распоряжения начальника женских гимназий, циркуляры главноуправляющего Мариинским ведомством по учебной части, которые содержат данные об учебных программах, сведения об изменениях, происходивших в учебном процессе; а также дела о преподавании различных предметов, содержащие учебные таблицы и программы преподавания учебных курсов.

Представление об идеологической составляющей государственной политики в области образования дает анализ дел о руководствах и пособиях, рекомендуемых Учебным комитетом (представляющие собой списки рекомендованной, одобренной, допущенной литературы), о запрете чтения определенных книг и сочинений (в основном, циркуляры IV Отделения местным начальствам).

К четвертой группе документов, связанных с внеучебной деятельностью Коломенской гимназии, относятся: циркуляры Канцелярии по учреждениям императрицы Марии и распоряжения начальника гимназий; дела, посвященные благотворительной деятельности; освещающие празднование различных юбилейных дат; связанные с медицинским надзором за учащимися.

Ежегодные циркуляры Канцелярии по учреждениям императрицы Марии начальствам учебных заведений Ведомства и распоряжения начальника петербургских женских гимназий содержат не только сведения об учебном процессе, но и значительное количество материалов, освещающих разные аспекты внеучебной деятельности: участие в благотворительности, в проведении юбилейных мероприятий, осуществление врачебного контроля.

Как известно, благотворительность являлась одним из приоритетных направлений деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии. В фонде Управления петроградских и царскосельской женских гимназий имеется

значительное количество дел, посвященных данному виду деятельности в Коломенской гимназии — о бесплатных спектаклях для учащихся в императорских театрах, об устройстве литературных и музыкальных вечеров, о сборе пожертвований, в том числе о пожертвованиях в пользу воинов в годы Первой мировой войны.

В вышеуказанном фонде имеются уведомления руководства гимназий администрациям учебных заведений об ежегодных бесплатных спектаклях для учащихся в императорских театрах, содержащие сведения о распределении билетов по гимназиям.

Также интерес представляют дела об участии учениц и служащих гимназии в различных юбилейных мероприятиях. В фонде Управления петроградскими и царскосельской женскими гимназиями сохранились дела «О проведении юбилейных празднеств петербургских женских гимназий» за 1868–1908 гг. (Ф. 15. Оп. 5. Д. 2) «О праздновании 25-летнего юбилея царствования государя императора [Александра II]» за 1878–1885 гг. (Ф. 15. Оп. 2. Д. 1413), «О праздновании 300-летия Дома Романовых» за 1912–1914 гг. (Ф. 15. Оп. 2. Д. 1651). Они состоят из циркуляров главноуправляющего местным начальствам учебных заведений, распоряжений административных лиц, а также программ торжеств и дают возможность проследить порядок проведения празднований 25-летнего и 50-летнего юбилеев женских гимназий Мариинского ведомства, юбилейных дат, связанных с правлением императоров, 300-летия царствования Дома Романовых.

Следует отметить, что значительное внимание в гимназии уделялось врачебному надзору за учащимися. Информация об этой стороне внеучебной деятельности содержится в делах о мерах борьбы с холерной эпидемией за 1866 г. о медицинском (врачебном) надзоре в женских гимназиях. Это инструкции врачам женских гимназий Ведомства, медицинские отчеты по Коломенской гимназии, формулярные списки врачей.

Наш обзор завершает пятая группа документов, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью учебного заведения, без которых, картина жизни гимназии была бы неполной. Во-первых, это дело о найме помещения для Коломенской гимназии за 1882 г. Вопрос наличия подходящего для учебного процесса помещения оставался актуальным в первые годы существования гимназии. Данное дело, содержащее подробнейшее описание здания, позволяет оценить приспособленность нового помещения для учебных занятий. Во-вторых, это годовые отчеты гимназии и переписка руководства учебного заведения с Ведомством по хозяйственным вопросам, изучение которых дает информацию о финансовой стороне жизни Коломенской гимназии; анализ распределения денежных трат показывает приоритеты в развитии учебного заведения на разных этапах.

Таким образом, документы ЦГИА СПб позволяют достаточно полно изучить разные аспекты деятельности Коломенской женской гимназии как типичной гимназии Мариинского ведомства.

Список литературы:

1. Уведомления и распоряжения начальника С.-Петербургских и Царскосельской женских гимназий инспектору Коломенской гимназии о награждении служащих и об утверждении изменений в личном составе / ЦГИА СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.
2. Уведомления и распоряжения начальника С.-Петербургских и Царскосельской женских гимназий инспектору Коломенской гимназии о бесплатном обучении учениц, об утверждении изменений в личном составе и о предоставлении сведений о преподавателях гимназии / ЦГИА СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.
3. Уведомления и распоряжения начальника С.-Петербургских и Царскосельской женских гимназий инспектору Коломенской гимназии об утверждении изменений в личном составе служащих / ЦГИА СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 28. Л. 4 об.
4. Уведомления начальника С.-Петербургских и Царскосельской женских гимназий инспектору Коломенской гимназии об утверждении изменений в личном составе служащих гимназии / ЦГИА СПб. Ф. 405. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.
5. Деревнина, Е.А. Коломенская женская гимназия Ведомства учреждений императрицы Марии: основание, состав, деятельность (1858 – 1918 гг.): автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. — СПб., 2017. — 32 с.

Долженкова Екатерина (Латвийская Республика)

кандидат политических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

SPIN-код: 9962-4790

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

Аннотация: Постсоветское пространство сохранило собственное наследие на территории независимых государств, судьба которого претерпевает радикальные изменения. Социальное наследие, под которым можно принять русскоязычное население, особенно уязвимым оказалось на территории демократического европейского региона. На территории стран Балтии русскоязычное население столкнулось с рядом ограничений, которые со временем стали использоваться в качестве политического инструмента, в том числе и национал-популизма, который привел к дискриминационным действиям в его отношении. Отсутствие политических прав не позволяет изменить положение данной группы населения в Латвии. Латвийский политический дискурс обосновывает дискриминационные действия, используя нормативно-правовую базу по защите прав человека, принятую в Европейском союзе, утверждая, что защищает национальную и общественную безопасность.

Ключевые слова: русскоязычное население, Латвия, политические права, неграждане, титульное население.

SOCIO-POLITICAL CONDITIONS OF DISCRIMINATION IN THE POST-SOVIET SPACE - BALTIC SEA REGION

Summary: The post-Soviet space has preserved its own heritage on the territory of independent states, the fate of which is undergoing radical changes. The social heritage under which the Russian-speaking population can be accepted has been particularly vulnerable on the territory of the democratic European region. On the territory of the Baltic States, the Russian-speaking population has faced a number of restrictions that over time have been used as a political tool, including national populism, which has led to discriminatory actions against them. The lack of political rights does not allow to change the situation of this population group in Latvia. Latvian political discourse justifies discriminatory actions using the legal framework for the protection of human rights adopted in the European Union, claiming to protect national and public security.

Keywords: Russian-speaking population, Latvia, political rights, non-citizens, titular population.

Постсоветское пространство разделилось на два «полюса» - страны Содружества независимых государств и Евразийский экономический союз, и

страны Европейского союза [4]. Страны Балтии – Эстония, Литва и Латвия – сохранили на своей территории экономическое, культурное и социальное наследие СССР. Со временем, экономическое наследие – в частности промышленная и портовая инфраструктура – были либо модернизированы, либо, в рамках экономической политики ЕС, были закрыты. Культурное наследие в рамках национальной политики подверглось уже нерациональным изменениям продиктованным радикальными национальными идеями [2]. В свою очередь, под социальным наследием можно определить русскоязычное население. Русскоязычное население состоит из разных национальностей постсоветского пространства, но со времен общих социально-экономических связей СССР проживает на территории стран Балтии. Русскоязычное население объединено, главным образом, по признаку происхождения и по основному языку общения на горизонтальном уровне.

Предыстория современного положения русскоязычного населения в странах Балтии не является одинаковой [3] – например, Литовская Республика после восстановления независимости предоставила всем, проживающим на ее территории гражданам Литовской ССР, возможность получения гражданства без каких-либо ограничений. В свою очередь, Эстония и Латвия создали институт «негражданства», который ограничивает в политических и экономических правах часть населения, которое имеет паспорт негражданина. Данный гражданский институт существовал, как до вступления стран в ЕС, так и продолжил существовать после обретения ими статуса полноправного члена. Политические права неграждан несколько отличаются в Эстонии и Латвии – согласно Эстонскому законодательству [7] неграждане имеют право участвовать в выборах местного самоуправления без права баллотироваться, в свою очередь, латвийское законодательство [9] не предусматривает политических прав, в том числе и на уровне местного самоуправления. Латвийские политические элиты ограничили в избирательных правах неграждан ввиду опасения, что посредством муниципальных выборов данная группа населения сможет влиять на политическую повестку и продвигать кандидатов, которые смогли бы выступать за права русскоязычных жителей [6]. Таким образом, в Латвийской Республике сложилась ситуация, в которой отсутствует политический представитель от многочисленной группы населения и соответственно их права могут нарушаться [5].

Интерес представляет рассмотрение политического и законодательного процесса и итога, к которому привели действия латвийского правительства сегодня в отношении целой группы населения, которое объединено по языковому признаку. Анализу подлежит законодательная база [6; 10; 11], в которой отображены последние изменения, а также решение конституционного суда по делу о пересмотре и об ужесточении требований по получению вида на жительство российских граждан, которые ранее имели статус неграждан или граждан Латвии [8].

Для постсоветского периода Латвийской Республики характерны политические и социальные изменения, которые впоследствии привели к политике с особенно сильными национальными идеями, в основе которых противопоставление титульной нации по отношению к русскоязычному населению. Подобные действия были закреплены на законодательном уровне, что привело к ограничению в правах русскоязычного населения.

Ограничения по использованию русского языка вначале касались его использования в бытовых условиях и в профессиональной деятельности, что отразилось и на общественных отношениях. Та часть титульного населения, которые придерживались националистических идей нашли в политических идеях, закрепленных на законодательном уровне, отражение собственным взглядам. Подобные настроения так или иначе сужали горизонтальные связи русскоязычного населения. Кампания, направленная против русскоязычного населения Латвии, продвигалась и посредством средств массовой информации, где транслировались взгляды различных политических и общественных деятелей. Дальнейшие ограничения по языковому признаку коснулись образовательной системы – сначала состоялся переход на билингвальную систему школьного образования, также изменения затронули и систему высшего образования, которое перешло полностью на латышский язык – высшие учебные заведения, которые имели возможность предоставления обучения на русском языке были вынуждены либо вводить обучение только на государственном языке, либо лишались аккредитации.

Подобные изменения латвийское правительство легитимировало посредством развития идеи защиты национального языка – на законодательном уровне закреплено положение о том, что единственной страной развития и сохранения латышского языка является Латвийская Республика, где необходимо создать условия по его защите. Тем не менее, невозможность использования русского языка для большей части населения, сказалось и на их экономическом положении. У той части русскоязычных школьников, которые были непосредственными участниками переходного периода, итоговые результаты государственных выпускных экзаменов были ниже, чем у их сверстников, проходивших обучение на латышском языке. Подобные результаты возникали не только ввиду языковых сложностей каждого из школьников, но также и ввиду недостаточности учебных пособий для билингвального образования, а также ввиду неподготовленности педагогического состава – т.е. система была введена раньше, чем были созданы все необходимые условия. Следующим социальным фактором, который говорит о более низких экономических возможностях русскоязычного населения, соответственно, является невозможность поступления с низкими баллами по итогам государственных экзаменов в высшие учебные заведения.

Социальными, не столь очевидными и не закрепленными на законодательном уровне, характеристиками, которые так или иначе повлияли на экономические условия русскоязычного населения, являются националистические идеи на

горизонтальном уровне. Ввиду того, что подобные общественные настроения так или иначе разделяют общество и создаются весьма замкнутые группы, то и возможность получения той или иной высокооплачиваемой должности также иногда может зависеть от национальной принадлежности.

Законодательно закреплён и уровень знания государственного языка для той или иной должности, а также гражданская принадлежность – что в совокупности представляет собой целый ряд ограничений для русскоязычного населения. Гражданская принадлежность, в свою очередь, накладывает и политические ограничения, невозможность участия в выборах не позволяют представлять интересы значительной части населения латвийского общества. Безусловно, временной фактор в данном случае играет важную роль – начиная с периода восстановления независимости людей, которые обладали статусом негражданина Латвии было значительно больше, чем сейчас. Также необходимо обратить внимание и на то, что вплоть до 2020 г. новорожденные в Латвии регистрировались в статусе негражданина, если родители не имели иной гражданской принадлежности. Хотя к данному положению были претензии и со стороны Европейского союза в период вступления Латвии в данное интеграционное объединение. Латвийские политические элиты обосновывали данное положение тем, что они предоставляют возможность натурализации и обещали создать более приемлемые условия натурализации. Со временем, законодательные изменения были внесены – в частности, отменена система «окон», но данный дискриминационный статус все же продолжает существовать. При этом необходимо отметить, что во внутреннем политическом дискурсе сохранялся нарратив о том, что если данной группе населения предоставить гражданство или политические права, то в политической жизни государства могут возникнуть пророссийские политические элиты, что по мнению латвийских лидеров, являлось бы угрозой для национальной и общественной безопасности.

Таким образом, на период 2022 г. были созданы условия, в которых часть населения была выведена из политической жизни, а также ограничена в социальных правах, что объяснялось защитой латвийского социально-политического устройства. Ограничения в политических правах русскоязычных жителей не предоставили данной группе населения привести к власти политическую партию и/или политического лидера, которые смогли бы провести более «тонкую», учитывающую интересы всех групп общества, политику. Что в последствии привело к популистским идеям, которые нашли отражение и закрепление на законодательном уровне. С 2022 г. были введены новые условия для отдельной категории русскоязычных жителей Латвии – граждане Российской Федерации, которые ранее имели статус латвийского гражданина или негражданина с видом на жительство в Латвии были вынуждены проходить процедуру сдачи государственного языка, чтобы продлить вид на жительство. По итогам заседания конституционного суда было признано, что данное положение соответствует конституции Латвийской

Республики и направлено на защиту национальной и общественной безопасности. В данном случае национал-популизм привел к дискриминации отдельной наиболее уязвимой группы населения – согласно статистическим данным законодательные нововведения коснулись жителей Латвии, в большинстве своем, пенсионного возраста, которые успели закончить трудовую деятельность на основании прежней законодательной базы, занимая должности, позволяющие работать с низким знанием государственного языка, также для многих из них получение российского гражданства было возможностью получения российской пенсии раньше, чем наступал латвийский пенсионный возраст. Национал-популизм в данном случае характеризуется тем, что для национальной и общественной безопасности данная группа населения не несет угрозы ввиду отсутствия политических прав, а также ввиду того, что данные законодательные инициативы не применяются к российским гражданам, которые не имели гражданства или статуса негражданина ранее, т.е. к той группе населения, которую латвийские политические элиты могли бы дискредитировать.

Таким образом, развитие дискриминационной практики в Латвии происходило, как до вступления в Европейский союз, так и во время ее полноправного членства. Латвийские политические элиты на протяжении всего «нового времени» используют для легитимации собственной «политической жизни» именно русскоязычное население, как угрозу национальной и общественной безопасности. Подобные действия не соответствуют провозглашенным положениям о защите прав и свобод человека и гражданина, которые являются одной из основ европейской политики. Тем не менее, латвийский политический дискурс обосновывает дискриминационные внутриполитические практики в рамках законодательной базы Европейского союза по правам человека и использует, дозволенные ограничения, как необходимость обеспечения общественной и национальной безопасности. В итоге подобная политическая деятельность привела к национал-популизму, который повлек за собой дальнейшую дискриминацию русскоязычного населения, в соответствии с нормами права Европейского союза, которые, в свою очередь, должны были защитить данную группу населения.

Список литературы:

1. Долженкова, Е. Положение русскоязычного населения во внешней политике Латвийской Республики: специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития": диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Долженкова Екатерина, 2019. – 526 с. – EDN ACONQM.
2. Зверев, К. А. "Война памятников" в странах Балтии: конструирование новой исторической памяти / К. А. Зверев // Вестник Российской нации. – 2023. – № 1-2(89). – С. 106-115. – EDN BBJBCK.

- 3.Зверев, К. А. Положение русскоязычного населения в Эстонии и Латвии: сравнительный анализ / К. А. Зверев // Всеобщая история. – 2021. – № 3. – С. 14-26. – DOI 10.25791/vseist.03.2021.1136. – EDN WTNLBS.
- 4.Манаков, А. Г. Территориальные различия в доле русских в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии / А. Г. Манаков // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2020. – № 2. – С. 179-190. – DOI 10.31857/S2587556620020090. – EDN HUVVRUD.
- 5.Фирсов, В. В. Защита конституционных прав граждан бывшего СССР в Латвии, Литве и Эстонии / В. В. Фирсов // Международные отношения в глобальном измерении : Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. – С. 316-327. – EDN MDELBR.
- 6.Imigrācijas likums [Электронный ресурс]. - URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigrācijas-likums> (дата обращения: 15.02.2024).
- 7.Municipal Council Election Act [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/513012020001/consolide/current> (дата обращения: 15.02.2024).
- 8.Norma par latviešu valodas zināšanām Krievijas pilsoņiem atbilst Satversmei [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.delfi.lv/193/politics/56345806/norma-par-latviesu-valodas-zinasanam-krievijas-pilsoniem-atbilst-satversmei> (дата обращения: 15.02.2024).
- 9.Pasvaldības domes vēlēšanu likums [Электронный ресурс]. - URL: <https://likumi.lv/ta/id/57839-pasvaldibas-domes-velesanu-likums> (дата обращения: 15.02.2024).
- 10.Pilsonības likums [Электронный ресурс]. - URL: <https://likumi.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums> (дата обращения: 15.02.2024).
- 11.Valsts valodas likums [Электронный ресурс]. - URL: <https://likumi.lv/ta/id/14740-valsts-valodas-likums> (дата обращения: 15.02.2024).

Дружинкина Наталья Гавриловна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9504-4873

ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО В РУССКОМ ГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XX В. (К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ИКОНОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА)

Аннотация: В данной статье рассматривается русская графика начала XX в. в своей активной вовлеченности в политические государственные процессы. Через средства массовой информации художники-графики выражали свою позицию по вопросам политического устройства, отношение к беспорядкам, революции, политическим партиям и лидерам общественных учреждений и организаций. Выявляются особенности сложения своеобразной советской иконографии политического портрета - деятеля партийной номенклатуры, военного начальника, вождя.

Ключевые слова: фотография, живопись, социум, конфликт, революция, теория, общество, институты, современность.

THE BOUNDARIES OF THE POLITICAL IN RUSSIAN GRAPHIC ART AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (ON THE QUESTION OF THE COMPOSITION OF THE ICONOGRAPHY OF A POLITICAL PORTRAIT)

Summary: This article examines the Russian graphics of the early 20th century in their active involvement in political state processes. Through the media, graphic artists expressed their position on issues of political structure, attitude to riots, revolution, political parties and leaders of public institutions and organizations. The peculiarities of the formation of a peculiar Soviet iconography of a political portrait - a figure of the party nomenclature, a military chief, a leader - are revealed.

Keywords: photography, painting, society, conflict, revolution, theory, society, institutions, modernity.

Сегодня актуальным является рассмотрение событий художественной жизни России начала XX в. сквозь призму теории мифологического сознания, мифа, социологических концепций, психологических теорий, теории повседневности и т.п. Сегодня в науке существует разные теории революции: Карла Маркса, Чалмерса Джонсона, Джеймса Дэвиса, Чарльза Тилли, Ле Бона и другие. В каждой из них учитываются социальные и психологические параметры революции. Измерение психологического статуса революции, накала страстей можно обнаружить в архивных, антикварных источниках, в частности, в графическом наследии того времени (Рисунки, плакаты, листовки,

журнальные иллюстрации и т.п.).

Начало XX века в графическом искусстве как самом мобильном отмечалось активным развитием разных видов (гравюра, литография, политический и рекламный плакат, книжная иллюстрация, этикетка и т.д.) и художественных техник выразительности. Через графику происходило воздействие и манипуляция массовым сознанием, проводилась и революционная пропаганда, и реклама услуг. Стилистически русская графика проделала путь от модерна к конструктивизму и авангарду. Через искусство происходило вовлечение в политику различных социальных групп. Художники получали индивидуальный политический опыт. Женщины впервые в России получали профессию художника, появилось, гендерное измерение политического. Демонстрации и оформленные художественными средствами графики, можно рассматривать как прототип перформанса. Язык графики и язык политики в какой-то момент сливались воедино. Рассмотрим примеры политизированной монументальной и станковой графики.

Империалистическая война внесла изменения в историю русского плаката. «В эпоху 1914—1917 г.г. правительства воюющих стран стали пользоваться цветной литографией как орудием массового внушения. Плакат-реклама на время войны уступил место вербовочным литографиям; листы эти с казенным красноречием приглашали население идти на войну, разжигали любовь к своему отечеству и ненависть к чужому, поднимали военный дух и, исчерпав все средства, приглашали, в конце концов, не жалеть сбережений, отдавая их правительству на „великое дело победы“. Следом за союзниками обратило внимание на литографию и царское правительство. Агитация за военные займы была главной задачей русского военного плаката» [1, 19].

Усилилась и агитационная, пропагандистская роль плаката, особенно в партийной борьбе за лидерство между кадетами, эсерами, большевиками и т.д.

Плакат и реклама после Октября 1917 года были тесным образом связаны с задачами социалистического строительства, подъема и реорганизации промышленности и торговли в целях агитации и пропаганды в эпоху военного коммунизма, гражданской войны (1918-1921) служили призывом к борьбе с дезертирством, с разрухой, с прогулами, с голодом, с Колчаком, Деникиным, с всевозможными болезнями и с неграмотностью. Во времена НЭП агитационный плакат уступил первенство торговой рекламе-плакату, часто вызывавшей недовольство в партийных кругах за увлечение «западным трюкачеством, порожденным конкуренцией капиталистических фирм»[3].

Плакат и реклама осознавались как орудие в идеологической борьбе, притом, его развитие должно было укладываться и соответствовать темпам и задачам социалистического строительства, форсированной индустриализации и коллективизации во имя построения социализма в отдельно взятой стране-«отсталой» России, а затем и во всем мире.

Утопичность проектов при партийной регламентации накладывала свой отпечаток на характер образного построения и формального решения

агитационных форм искусства, дифференциации их видов и свойств, кристаллизации найденных решений в трафарет-форму и унифицированные методы.

Процесс производства плаката – коллективистичен. Хотя изобретатель плаката и стремится к оригинальности его формы, но имея в виду прежде всего социальную функцию плаката, он стремится не к субъективизации форм, а к их объективной доступности. В формах хорошо построенного плаката не отражается (как в станковой картине) субъективный мир автора, а, напротив, его изобразительной, конструктивной, текстовой стороной говорит та социальная среда, которая породила данный плакат. Плакат – искусство не выражения, а «заражения»[4,22-23]. Такова эстетическая формула советского плаката 20-30-х гг., понимаемая художниками тех лет. [8]

Кроме Маяковского и Черемных, работали в Рост а художники: Иван Малютин и Лавинский (в Москве), Бродаты, Радаков и В. Лебедев в Ленинграде. Из провинциальных наиболее ценными надо признать оригинальные „окна сатиры" в Ростове-на-Дону, Харькове и Киеве. Торопливость, с какой производилась эта работа, не могла, конечно, не отразиться на характере „окон". Почти все рисунки представляют собою эскизные наброски, наспех раскрашенные, всегда яркие, нередко талантливые, чаще всего исполненные в духе шаржа и карикатуры. [1, 51].

“Приход Маяковского внес существеннейшие изменения в построение «Окон Сатиры». Первое время рисовались плакаты в виде страницы журнала с первого же «окна», выполненного Маяковским, можно наблюдать процесс ломки «Окон сатиры» по своему конструктивному построению уже делается похожим скорее на лубок. То же и в отношении стиля рисунка. С этого момента «Окна» превращаются из спутника нашей революционной действительности в одно из могучих орудий ее»[9,20-21].

Г. Лаевская во вступительной статье к каталогу «Выставки плаката первых лет советской власти» 1917-1932 гг.» справедливо писала, что «именно через плакат, его изобразительные возможности, Партия давала директивы, лозунги, которые быстро усваивались массами. В революционном плакате вся история становления Советской власти, поэтому он является своеобразной живописной летописью революции, ярким проявлением политической и идеологической возможностей, заложенных в изобразительном искусстве»[5,10], цитируя В. Полонского о том, что «плакат должен сказать в один прием, без разжевывания, без размышлений. Он весь в этом ударе – односложном, но метком, незамысловатом, не впечатляющем. Надпись его коротка, как вскрик. Рисунок элементарен, как схема»[5,8], автор отмечает роль художников РОСТА в развитии плаката, его новаторских форм.

Особую роль в РОСТА сыграл П.М. Керженцев. Под его руководством с 1919 г. начинает работать группа литераторов из «Бедноты» и «Коммунара»: Ал. Алтаев, К.М. Антипов, С.Н. Кошкар; поэтов, сатириков и журналистов: В.И. Лебедев (Кумач), В.Г. Самсонов, В. Ильин; Д. Бедный; художников: А.

Трофимовского, Н. Кузнецова, С. Мухарского, Дени, Весели, Вигнита, М.М. Черемных и др.

Инициатива выпуска «окон» принадлежала М.М. Черемных. Первое «Окно сатиры РОСТА», подготовленное им совместно с Н.К. Ивановым в конце августа 1919 г., строилось по типу «Красного бича» и представляло собой увеличенную до плакатных размеров страничку журнала, пишет С.И. Стыкалин, «Заполнена была эта «страничка» карикатурами на разные темы, сатирическими стихами, маленькими фельетонами, сатирическими миниатюрами, т.е. материалами, традиционными для сатирического журнала» [6,22].

В целях экономии времени и средств при ручном производстве плакатов «РОСТА» решено было размножать копии с помощью трафаретов. Оперативность реагирования на ежедневную информацию способствовала сложению единого телеграфного стиля агитационного искусства, отвечающего требованиям революционной эпохи.

Деятельность Российского Телеграфного Агентства (РОСТА) активно формировало облик советского плаката, способствуя его быстрому развитию. Для наглядности агитации использовались средства театра, экрана и художественного плаката – так называемые «Живые газеты» РОСТА (или «Устные газеты»). В планах «Устных газет» за 1921 год, посвященных борьбе с голодом, предусматривался показ плаката со сцены во время чтения текста, когда лозунг проецировался с помощью волшебного фонаря. Красочная серия крупных бестекстовых рисунков В.В. Лебедева «Кого не надо выбирать в Совет» также служили оформлением выступлений театральных коллективов «Живой газеты» во время выборной кампании в Петрограде 1920 г.

В «Окнах РОСТА» и «Живой газете» РОСТА имели место одинаковые приемы театрализации газетного материала. Как и «Окна РОСТА» пьесы-агитки создавались по следам только что происшедших событий. Благодаря своей конкретности они были доступны пониманию большинства людей независимо от степени их подготовленности и потому получили широкое распространение. Петроградские и Московские «Окна РОСТА» связывала с пьесами-агитками не только общность тематики: борьба с дезертирством, помощь голодающим, сбор продналога; но и своеобразный характер решения политических тем. Например, в плакате-линогравюре В.В. Лебедева «Не любит Ванюшка глядеть на штыки» изображалось в той же последовательности, что и в пьесах агитках И. Лесного «Дезертир», В. Веснина и Н. Рыбацкого «Штык», П. Арского «За власть Советов»): возвращение дезертира домой, строгое осуждение его родными, постепенное осознание им своего поступка и возвращение на фронт. Лейтмотив этого рассказа в картинках – пробуждение сознательности и революционного долга. Тексты «Окон РОСТА» часто представляли собой вопросы и ответы, монологи и выразительные диалоги плакатных персонажей.

Летопись художественной жизни Петрограда и Москвы в 1918, 1919 и 1920-х гг. дает множество примеров, показывающих, что во время массовых празднеств и проведения агиткампаний различные искусства, объединенные общностью задач, выступили единым фронтом. На этой основе возникла нужда в плакатных работах, одни из которых должны были заинтересовать чтением текста «Устной газеты», другие – придать наглядность и убедительность развернувшейся производственной пропаганде, третьи – органически войти в ткань театрализованных зрелищ и представлений, четвертые – оформить колонные демонстрантов во время праздничных шествий. Стиль плакатов «Окон РОСТА» формировался во взаимосвязи и взаимовлиянии агитискусств. Специфика работы над сериями заключалась в умении укрепить взаимосвязи отдельных кадров, обеспечивающих развитие сюжетной линии, выделить концовку.

Значительным явлением в истории советского плаката была символика рисованных почти что «лубочных картинок», связанная с политической темой дня. В символических образах выражались героика и пафос революции, победы над интервентами, единство и сплоченность народа, прославление труда (В.В. Лебедев «Красноармеец и матрос», «Рабочий контроль», «Апофеоз рабочего» и др.), они были близки по духу поэзии Маяковского. Граница между плакатом и лубком часто совсем стирается, переход становится малозаметным.

В 1920-е гг. по видимому стояла дилемма: по какому пути должно развиваться искусство плаката – в сторону ли чистого плаката или в сторону лубка и по какой стилистике – реалистической или обобщенно-знаковой. Однако порой эти два явления: плакат и лубок удачно соседствовали в одном произведении. Просветительная миссия лубка предназначалась преимущественно для деревни и ремесленно-мещанского сословия городского населения. Можно выделить пять композиционных приемов (по Ровинскому) лубка: 1) разбивка сюжета на ряд клейм, 2) композиционное расположение, заимствованное из иконописных «праздников», 3) композиция строится по принципу плоскостного развертывания сюжета без дробления его на отдельные картинки – клейма, 4) плоскостная композиция, концентрирующая сюжет в одном зрительном фокусе, 5) перспективно-объемная композиция.

Интересно, что мастера – плакатысты 20-30-х гг. заимствуют изобразительно-выразительные возможности лубка, порой превращая «курьез», изначально заложенный в лубке в сатиру и гротеск. Способствуют этому и основные техники лубочного рисунка: иконописания, пряничная (гравюра на дереве), реалистическая (объемная техника рисунка в отличие от двух предыдущих). Причем, техника литографии одержала верх. Так, в начале XX века возросли также технические возможности репродуцирования плакатного материала с помощью гравюры, литографии и фото-механических способов, вплоть до шаржирования и карикатуры, использования приемов деформации природы, что впоследствии продемонстрируют художники-преподаватели студенты ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа.

В целом, эти две тенденции в плакатном искусстве – первая – берущая начало от лубка, вторая – от дизайн-графики конструктивистов порой не существовали параллельно, а переплетались, образуя новые формы и виды плаката. В изобразительной стилистике зрелищного плаката 1920-х годов наметилось несколько направлений. Они соответствовали направлениям теоретических изысканий и практических экспериментов конструктивистов в области отвлеченных форм. Принимая во внимание, что экспериментально-теоретическая работа 1920-21 гг. опережала внедрение ее результатов в практику графического дизайна (1923-до начала 1930-х гг.), в систематизации и изучении плаката принято следовать этапам развития идей конструктивизма. Оно выражалось в обращении художников к различным «парам» формообразования. Первые две пары – цветоконструкции и металлическая скульптура начали разрабатываться практически одновременно и заметно соотносились между собой, поскольку в первом случае композиции по сути были живописными рельефами, а во втором – силуэтно-пластическими скульптурами с использованием цветовых контрастов различных металлов. В разработках обеих пар художники применяли прозрачное стекло, что соответствовало основной задаче данного этапа исследований: изучить отношения пространства и плоскости. Эта задача пересекалась с «интересами» плаката, искусство которого сочетало элементы станкового и монументального, вопросы перевода предметов реального мира в форму условных плоскостных и декоративных изображений; решало проблемы взаимодействия с окружающим его урбанистическим пространством. Задача «прорыва» плоскости за счет цветовых и фактурных отношений частично решалась в плакате благодаря использованию конструктивистами сначала фотоколлажа, а затем и фотомонтажа, который пришел в дизайн-графику из искусства кино и его приемов. Данное направление в работе над формой наиболее плодотворным оказалось для зрелищного плаката, где в середине 1920-х гг. были созданы шедевры В. Степановой, А. Родченко, Л. Лисицкого, Г. и В. Стенбергов и др.

Следующая пара – линейно-графические конструкции – вскоре сменилась задачей – «от проекта к конструкции». Последняя осуществлялась в последовательности от «аксонометрического чертежа какой-либо инженерной конструкции» к пространственному ее повторению в композиции из проволоки или металлических труб. В плакате линейно-пространственные композиции сочетались с фотомонтажом, что позволяло создавать островыразительные эффекты, столь необходимые в распространившемся в те годы киноплакате.

Колористические искания художников-плакатистов нередко приводили к созданию подлинно монументальных решений в духе больших декоративных панно.

Плакат РОСТА можно сопоставить с эскизами оформления массовых празднеств по общности символики и по характеру исполнения. Фигуры на стендах и макетах, которые мыслились как часть оформления праздничных колонн демонстрантов, трактовались с такой же, как в «Окнах»,

обобщенностью, геометризацией контура, подчеркнутым динамизмом жеста, особой деформацией, акцентирующей весомость, ритм и направление движения.

Художники «Окон» и оформители города нередко решали общие художественные задачи. В эскизах праздничного убранства тенденция к «украшению» отступала на второй план перед стремлением переделать улицу, ввести новые объемы, создать цветовые ансамбли, несущие новое содержание. Этому предшествовали эксперименты с деформацией и упрощением форм предметов, изучение особенностей восприятия цвета на улице, расширение и углубление представлений о конструктивном значении цвета, с которыми неразрывно связано представление о поисках выразительного плакатного языка, имевших место в работах художников.

Колористическое решение «Окон РОСТА», привлекающее своей повышенной декоративностью и мажорностью, свидетельствует об ассоциативности художественного мышления, которое делает цвет выразительным и точным символом определенных качеств персонажа, способствует раскрытию существа сатирического образа. Во всех случаях плоский цветной силуэт изображаемого легко схватывался глазом зрителя и обеспечивал мгновенное понимание сути агитационного плаката. По силе производимого ими впечатления, многие листы могли, следуя образному выражению Маяковского, «остановить на ходу бегущего».

Моор занимает центральное место среди русских мастеров плаката. Крупнейшими представителями левого фланга следует назвать В. Лебедева, В. Маяковского и М. Черемных, которые “по своему художественному мировоззрению примыкают к школе живописцев-футуристов”. [1,98]

Восприятие социальной исторической реальности происходит не без влияния стереотипов и под воздействием мифотворчества, поскольку в массовом сознании отсутствуют рациональные структуры научного знания. Мифотворчество становится интенсивным особенно в период социальных потрясений, когда разумность социального бытия вызывает сомнение, а труд приобретает свойство отчужденности. Возникают два вида мифотворчества: стихийное, приобретающее сублимированный характер и осознанное, в рамках которой формируются, закрепляются и культивируются определенные мнения, установки, предрассудки, формирующиеся в массовом сознании. Массовое сознание становится благоприятной почвой для распространения социальных или политических, идеологических, пропагандистских мифов. Например, на рубеже 19-20 веков мифы даже насаждались и поддерживались: миф о Распутине, о «Николае кровожадном», об императрице Александре Федоровне как «немецкой шпионке» и т.д. [7, 280-282]

Социальные мифы, подкрепленные философско-социологическими обоснованиями и приобретающие статус идеологического, подготавливают сознание людей к восприятию символов, употребляемых социальными субъектами (например, политическими партиями: кадеты, эсеры, октябристы,

трудовики, националисты и т.д.; религиозными организациями: церковно-приходскими, например, общественными движениями: благотворительными, профессиональными и т.д.). Особую роль в общественном развитии России имели и имеют идеалы справедливости, религиозной святости, подвижничества, духовного странничества, свободы, которыми буквально была пронизана общественная жизнь и мысль в конце 19-начале 20 вв. В стереотипе вырабатываются образы-стандарты, в котором внимание акцентируется на отдельных свойствах стереотипизируемого объекта.

Пресса консервативная и революционная показывает, что художники придерживались политической конъюнктуры, чувствовали и выражали настроения масс (Кустодиев, Лансере, Альтман), старались объективно реагировать на ситуацию, с одной стороны, а с другой - максимизировать эмоциональный резонанс события, добиваясь выразительного эффекта графическими средствами, отстаивая свою позицию в искусстве, жизни, политике. Несмотря на эстетическую аполитичность художественной интеллигенции (мирискусников, например) особенность журналистского жанра предполагала их политическую ангажированность, особенно проявившуюся в периоды революционных ситуаций в России 1905, 1917 гг., кризисов и войн.

Политическая направленность печати нарастала от десятилетия к десятилетию. Например, если в номерах журналов "Солнце России" за 1914-1915 гг. еще выдерживался патриотический промонархический, провоенный характер иллюстраций, рисунков, но и то уже пробивается дух бунтарства, сомнений ("Солдат" Альтмана, иллюстрации Е. Лансере в журналах "Жупел", "Адская почта"), где допускается сатира и гротеск на чиновничье-бюрократический аппарат империи. Эта линия будет только нарастать.

Так, обложка журнала "Лапоть" (№1, 1924 г.) с рисунком А. Радакова призывает бить лаптем самогонщиков и кулаков.

Действительно, сатирико-юмористические журналы 1920-х гг., вышедшие в Москве и Петрограде - "Красный перец", "Лапоть", Крокодил", "Бегемот", "Смехач", "Безбожник" и др. заряжены политически, интерпретируют внешнеполитический и внутривнутриполитический курс страны с определенных позиций. Например, Б. Ефимов рисует "Германскую контрреволюцию" (1922)

Если в рисунках 1917 г. Б. Антоновский "Суета сует" персонажи старого мира подаются менее гротескно, то в 1920-е г. - это преимущественно сатирические образы обличительного характера (Л. Бродаты "На дне" 1927, где изображен "Барон" А. Керенский)

Высмеиванию предается вся мировая буржуазная закулиса (М. Черемных "Лозанские игроки" 1922, М. Черемных "Международные спортивные игры" 1922, М. Черемных "Трубка мира" 1922), которые к тому же обвиняются в поклонении золотому тельцу (Д. Моор "Отче наше, капитал" 1923), в эксплуатации и гибели рабочих (К. Елисеев "Как живут и работают государственные мужи Антанты" 1923, Л. Бродаты "Дипломатическая партия"

1927) Доказывается неизбежность победы пролетариата в мире (В. Дени “Призрак бродит по Европе” 1924.

Антирелигиозная пропаганда пронизывает страницы журналов. Пародируются композиции икон (Д. Моор “А я то знаю” “Безбожник” 1923, где иконография Богоматери-Знамения подвергается глумлению, в сатирическом ключе, в карикатуре, где видно, что все предстатели Русской Православной церкви точно ассоциируются со “старым миром” и изгоняются прочь, на небеса, противопоставляются новому земному миру рабочих и крестьян на заводах, фабриках (Д. Моор. “Вам небо, нам земля” 1921 “БОВ”. Художники стараются заглянуть в будущее и, вообще, - жить светлым будущим (Б. Антоновский “Деловой день в 1994 году” 1924).

В. Маяковский в обложке журнала “БОВ” 1921 г. призывает пролетарии всех стран, объединяйтесь. Графическими средствами передано торжество нового строя, мира, надломилась, переломилась хоругвь, стяг с двуглавым орлом.

Темы классовой, революционной борьбы, антиклерикализма становятся определяющими, как и борьба против интервентов в годы Гражданской войны.

Реалистическая манера изображения способствовала выявлению остросоциальных тем, политических моментов в принадлежности к разным классам и сословиям, особенно в портретировании.

Это видно, например, в творчестве малоизученного художника Н.А. Павлова, который к середине XX в. сознательно пришел к заказному политическому портрету - “канону” красного партийного уголка. Павлов проделал путь от конструктивизма к соцреализму. Однако, несмотря на имеющиеся разрозненные публикации, его творчество представляется недостаточно изученным.

Например, альбом рисунков 1920-х гг. - карандашные рисунки, зарисовки (как правило, натурные) становились надежной опорой в будущей книжной графике (например, «Рассказы о товарище Дзержинском» и голова на смертном одре), в офортах.

Он создал своего рода иконографически выверенный тип портрета государственного, партийного, военного деятеля: С.М. Кирова, Ю.А. Гагарина, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Ф.Э. Дзержинского, Л.А. Говорова и др. Например, портрет Ежова. Ценны сегодня как исторический и мемуарный источник и иллюстрации к жизни и деятельности Ф.Э. Дзержинского Н.А. Павлова. Как известно, И. И. Бродский (а также Н. А. Андреев) задали главенствующее направление в Лениниане в советском искусстве ,по которой пошли художники следующего поколения (в том числе и Н. А. Павлов).

В 1920-е художники с увлечением постигали политического деятеля нового типа в его психологическом и социальном звучании на митингах, демонстрациях, личных встречах с рабочими, в непринужденных беседах.

Рисовать Ленина посчастливилось немногим (да, и позировать он не любил) – Н.А. Андрееву, Г.С. Верейскому, М.А. Гринману, И.И. Бродскому, Г.

Алексееву. наброски незакончены, фрагментарны, но в них много свежести, непосредственности. наброски служили подготовительным материалом для работы над картинами (См. И.И. Бродский «Ленин в Смольном», А. Герасимов «Ленин на трибуне» И. Грабарь «Ленин у прямого провода» и др.) и плакатами (например, фотомонтажный плакат Долгорукова, Г. Клуциса). а также над гравюрами и литографиями, выполненными с использованием фотографий (Клемм, Н.А. Павлов, Троицкий) и гравюрам И.И. Нивинского.

Рисунки И.И. Бродского «Портрет В.И. Ленина (1919), «Портрет В.И. Ленина» (1921) (а также Г.С. Верейского «В.И. Ленин» негро, граф. Кар. 1924, 35,5x25) – документы эпохи, им присуща наибольшая достоверность в характеристике образа. Ленин-народный трибун, лидер партии. Ленин-учитель, пропагандист новой жизни. Он прост в общении, мудр. Художники стараются уловить живые характерные черты живого человека, натуры в жестах, позах, движениях, поворотах фигуры, мимике лица. После смерти Ленина 21.01.1924 г. Остаются натурные рисунки, фотоснимки, кино-хроника (а затем появляются и художественные фильмы), по которым художники воспроизводят образ вождя и человека, и руководителя партии и страны. Революционный романтизм и героизация образа Ленина сказались на целом ряде портретов и композиций.

Линия И.И. Бродского в изображении В.И. Ленина – это документально-точное, натурно достоверное изображение модели. Именно натурная достоверность становится основой смысловой нагрузки, которая продолжится и в живописных картинах мастера.

П.Н. Филонов в композиции «Индустриализация. Ленин» показывает фигуру Ленина в позе неуверенности, растерянности, словно погруженным в пучину хаоса революции и неизвестности грядущего. Иррациональные силы большевистского переворота расщепляют мир на атомы и образ-мира искажается, поглощая в воронку стихии и вождей, и слепые массы, доверившие свои жизни и делегировавшие свою волю одному человеку и одной партии.

Объективность реализма Бродского и субъективность модернизма Филонова в прочтении образа Ленина впечатляют. Хотя у обоих художников в 1920-е гг. рельефность и значительность образа вождя проступают, но не выявлены, ибо культ вождя возникнет в 1930-е гг.

У Бродского заметны установки на положительные характеристики в освещении образа Ленина (простота и обаяние, ум и деликатность подчеркиваются (и в графике и Бродского, и Верейского, и Павлова и мн.др.).

Тревожность и непредсказуемость, заурядность личности читаются у Филонова во всей неуклюжей позе вождя, неуверенном жесте, изломах контуров, вопрошающем взгляде. На это работает и метод «аналитического рисования».

Ленин Филонова словно бы «пропущен» сквозь космические вихри Вселенной, хотя это не та реинкарнация зла (как в «Розе мира» Д. Андреева), но предвестие испытаний, само изменение – революции как процесса превращения

разных химических элементов, психических метаморфоз, как нестабильность, и непрерывность изменений социума (и необязательно в сторону прогресса). Революция, вскрывшая низменные инстинкты человека, мерзость и боль и Ленин здесь не вождь, а сам результат этих процессов под воздействием Космоса или солнечного стояния (например, «Теории революции» и взгляды русских космистов Чижевского, Вернадского, Циолковского).

И.И. Бродский с восторгом встретивший революцию воспринял и революционную идеологию и сам участвовал в ее утверждении и воплощении.

Безусловно, художники ищут наиболее выразительные ракурсы Ленина в фас, в $\frac{3}{4}$, в профиль, в оплечном, погрудном, поясном или в полный рост типах портретов, опираясь на достижения в пластике и кинематографе.

Затем следует стадия отказа от мелочного и случайного в образе вождя, происходит монументализация образа, закрепление и сложение иконографии В.И. Ленина.

Конечно, вариант изображения Ленина Филоновым, начиная с 1930-х гг. не вписывался в общую канву допустимых изображений вождя революции.

Рисунки 1920-30-х гг. Бродского, Павлова, Филонова и мн.др. отразили пути развития отечественного искусства на десятилетия вперед (как официального, так и неофициального искусства).

Художники стремились к передаче внешнего сходства модели, а также к созданию синтетического образа Ленина, раскрывающего всю сложность психологического характера изображаемого лица и его идейные установки.

Художественная жизнь отразила особенности массового сознания эпохи, внедрения основных политических мифов средствами графического искусства. Графические материалы помогают вскрыть противоречия революционной эпохи, следить за развитием революционной ситуации, выявить этап, когда мирный этап оказывается пройденным и в 1917 году все чаще и чаще появляются изображения столкновений противоборствующих сторон.

Таким образом, графические журнальные источники, политические плакат и реклама, станковая графика обнажают проблематику церковной и общественной жизни, революционной ситуации, интересы разных групп и классов, позволяют обнаружить новые факты, углубить характеристику действующих лиц, вскрыть нерв истории. «Окна РОСТА» подлинные документы эпохи – определили существенные стороны развития советского плаката и политической карикатуры 30-х годов: оформление массовых празднеств, плакаты первых пятилеток, журнальная и книжная графика. Иконография политического портрета второй половины XX в. заимствовала найденные ранее художниками приемы изображения (например, А.Н. Вошинин "Портрет А.Н. Косыгина" 1970-е гг. и др.). Современные интерпретации этой темы опираются на поп-артистские практики, опыт Бвухауса и т.д. (например, Н.Г. Дружинкина "Портрет А.Н. Косыгина 2023 г.). Мифологизм общественного сознания закреплялся в социальных мифах через

пропагандистский агитационный настрой графического и живописного искусства.

Список литературы:

1. Полонский Вячеслав Русский революционный плакат. - М.: Государственное издательство, 1925. - 192 с., цв. ил
2. Ганн А. Конструктивизм - Тверь, 2-я Гостипография, 1922]. [2], 70 с. 23,5 x 20 см.
3. Плакат и реклама после Октября - Л. :Дом печати, 1926 . - 32 с.; 22,6 см,
4. Тарабукин Н. Искусство дня - М.: Всероссийский Пролеткульт, 1925 . - 134, [1] с.; 21 см.
5. Каталог выставки плаката первых лет Советской власти 1917-1932 из собрания Я.Е. Рубинштейна Москва-Новосибирск. - Новосибирск ., 1978 . [30] с. 19,8×14,6 см.
6. Стыкалин С.И. Окна сатиры РОСТА [Текст] : Спецкурс для студентов-заочников фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов / С . И . Стыкалин ; Науч.-метод. кабинет по вечер. и заоч. обучению Моск. гос. ун-та им. М . В. Ломоносова. - Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976 . - 125 с.; 19 см.
7. Дружинкина Н.Г. Доминанты отечественного массового сознания в конце 19-начале 20 вв.//Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. Материалы XV Международной научной конференции. Спб., 11-12 мая 2004. - СПб.: «Нестор»., 2004., с.280-282.
8. Дружинкина Н.Г. Рекламный плакат в России (История и современность)//Семантика и семиотика архитектуры и дизайна. Материалы Всероссийской межвузовской конференции. Москва, 28-30 ноября 2008 г. - М, 2008. -С. 118-130.
9. Земенков Б. Ударное искусство Окон Сатиры - М .: АХР, 1930 . 104 с.: ил. 17,3 x 13 см.
10. Кениг Т. Реклама и плакат как орудие пропаганды - Л.: Время, 1925 . 284 с., 8 л . ил., ил.; 19,5 × 14 см.
11. Русский плакат . 1917 — 1922 : Выпуск первый / В. В. Лебедев; Текст Н . Н . Пунина . — Петербург : Издательство „Стрелец“, 1922 . — 36 с., 23 л. цв. ил.
12. Тугендхольд Я. Искусство Октябрьской эпохи - Л.: Academia, 1930. - 199 с., портр.
13. Бойтлер М. Реклама и кино-реклама - М .: Кинопечать, 1926 . 112 с.; 20,8 × 14,5 см.
14. Леонова А. Антирелигиозная пропаганда и искусство - М.-Л. Огиз - Изогиз 1932 г. 128 с.

Дружинкина Наталья Гавриловна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9504-4873

**ПИСЬМО ПРОФЕССОРА А.ПРАХОВА ПРЕЗИДЕНТУ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ
МАРИИ ПАВЛОВНЕ (ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА)**

Аннотация. В данной статье публикуется архивный документ, многие положения которого не теряют своей актуальности и сегодня. Проблемы состояния народных художественных промыслов, художественного образования, построения инфраструктуры центров креативности и сохранения традиций являются краеугольными в культурной политике.

Ключевые слова: художественная школа, народные промыслы, традиции, иконописание.

**LETTER OF PROFESSOR A.PRAKHOV TO THE PRESIDENT OF THE
IMPERIAL ACADEMY OF ARTS GRAND DUCHESS MARIA PAVLOVNA
(PUBLICATION OF AN ARCHIVAL DOCUMENT)**

Summary: This article publishes an archival document, many of the provisions of which do not lose their relevance today. The problems of the state of folk arts and crafts, art education, the construction of the infrastructure of creativity centers and the preservation of traditions are the cornerstones of cultural policy.

Keywords: art school, folk crafts, traditions, icon painting.

Адриан Викторович Прахов - русский историк искусства, археолог и художественный критик, заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета, в 1910 году участвовал в работе Всероссийского кустарного съезда. Положение дел в народно-художественных промыслах, в реставрации памятников старины его особенно интересовало, о чем свидетельствует обнаруженный в Государственном архиве Российской Федерации документ - письмо.

28 марта 1911 г. профессор Адриан Прахов сделал обзор состояния художественного образования, народных художественных промыслов в своем письме к президенту Академии Художеств великой княгине Марии Павловне он писал: «Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Марии Павловне, Президенту Императорской Академии художеств. Памятная записка тайного советника, профессора А. В. Прахова» [1, Лл.3-11].

«Ваше Императорское Высочество,

Прошлым летом, 1910 года, я объезжал, по поручению Главного Управления Землеустройства и Земледелия, некоторые из центральных губерний Европейской России, с целью обозрения художественных кустарных промыслов на месте. Попутно я обращал, конечно, внимание на все, что относится к области изящных искусств, и почитаю долгом доложить Вашему Императорскому Высочеству одно из моих наблюдений.

Если Вашему Императорскому Высочеству угодно было бы остановить благосклонное внимание на районе, лежащем между городами Александровом, Переславлем Залесским, Ростовом Великим, Ярославлем, Костромой, Нижним Новгородом, Арзамасом, Лукояновом, Ардатовом, Муромом, Владимиром и Александровом, то из нижеследующего не трудно будет убедиться, что население этого района в значительной степени живет от художественного труда.

Вот перечень того, что я лично осмотрел на смете.

В селе Богодском, Александровского уезда, Владимирской губернии, большое производство игрушек, ожидающее художественного усовершенствования. В городе Александрове, в женском монастыре прозябает иконописная школа. В городе Переславле Залесском, в Федоровском женском монастыре, зачатки иконописной мастерской. В Ростове Ярославском и его окрестностях погибает от отсутствия художественного просвещения и от экономической кабалы у невежественных скупщиков наследие веков, финифтяное кустарное производство. Им занято ныне все-таки до 85 человек. Рисовальный класс с одним уроком в неделю по финифтяному искусству, состоящий при Ростовском Музее, бессилен равно как и художественно-резное отделение при том же классе далеко от решительного влияния на промысел мебельно-резничный. В Ярославле существует рисовальный класс, но не было никаких попыток повлиять на успешный рост народного, русского художественного труда.

Между тем, именно здесь, в Ростове и Ярославле, гнездо великолепного, старинного, чисто русского искусства 16-17 вв. оба города славятся своими храмами, высокохудожественными со стороны архитектуры и живописного убранства; своими ризницами, набитыми чудесами старинного ювелирного и иконописного искусств; наконец своими древнехранилищами, переполненными образцами старинного русского художества, как церковного, так и мирского характера. Переславль-Залесский и Александров не могут, конечно, равняться с Ростовом и Ярославлем, но и там не мало образцов старинного русского искусства. Но все эти сокровища лежат втуне, не будучи используемы для подъема народного художественного труда.

Точно также и в достопочтенной Костроме не мало остатков старинного русского искусства, с знаменитым храмом в Ипатьевском монастыре (1652 г.) во главе, и нет ни одного учреждения для насаждения и развития искусства, а между тем край в значительной мере живет именно от художественного труда. Достаточно назвать находящуюся от города Костромы в 30 верстах на запад, на

Волге, слободу Большие Соли с значительным живописным и иконописным центром, откуда вышли между прочим братья живописцы, Евграф и Павел Сорокины. Здесь при ремесленной школе устроен скромный класс рисования и иконописи.

По другую сторону от Костромы, в 30 верстах на восток, на Волге же, расположено селе Большое Красное и неподалеку от него, на обоих берегах Волги, еще 26 деревень с населением, преданным ювелирному искусству, в количестве 5 000 ювелиров. Они производят миллионы предметов, главным образом из серебра, золоченого и отчасти эмальерного, и чрез скупщиков имеют сбыт не только по всей России, но и за ее пределы.

Желая понять это производство с художественной стороны, Министерство Финансов устроило в с. Большом Красном класс технического рисования, преобразованный, в 1904 году, Министерством Торговли и Промышленности, в художественно-ремесленную учебную мастерскую золото-серебряного дела. В обоих видах это учебное заведение существует уже более 10 лет и никакого заметного влияния на местное ювелирное производство до сих пор не оказало. Среди колоссального количества изделий ювелиров Б. Красного и окрестных сел – товара во вкусе министерской художественно-ремесленной мастерской нет. Единственное место, где я встретил изделия мастерской и то в незначительном количестве, это – во вновь возникшем в городе Костроме кустарном складе. Причина такой малой успешности коренится, конечно, в неправильном устройстве министерской учебной мастерской. Деятельность мастерской, равно как и ее персонал по его собственному признанию, глубоко изолированы от всего окружающего их ювелирного мирка. Апостолов послали на проповедь, а они взяли да «изолировались» [1, Лл.4-5].

Всякая художественно-ремесленная мастерская, желающая провести в жизнь свои новые усовершенствованные образцы, должна никак не изолироваться, но выступать соперницей частным скупщикам, держащим работников в устарелых традициях, а для этого кроме обучении подростков она должна раздавать заказы, по своим образцам, взрослым кустарям и все исправно исполненное скупать, т. е. она должна выполнять сверх педагогической функции еще и задачи «раздаточной» и «скупной конторы». Для этого, конечно, надо располагать специальным оборотным капиталом. Так как в министерской художественно-ремесленной мастерской, в с. Большом Красном, ничего такого нет, то она, как все отвлеченные школы, брошенные в народную жизнь, обречена на прозябание, если не прямо на вымирание. А пока эта учебная мастерская производит кое-что в декадентском стиле, посылает изделия на выставку в свое ведомство и на это самоуслаждение расходует ежегодно казенных денег до 20 000 руб.

Во Владимирской губернии, в Вязниковском уезде, в селе Палехе, с окрестными деревнями Дягиловом, Матючином и Сергеевом (в селе Холуе) с

окрестными деревнями Мордовском, Сергеевом и Гришовом), и в слободе Мстере считается не менее 1700 живописцев, преимущественно иконописцев.

Иконописное искусство развилось здесь со времен Царя Алексея Михайловича и традиционно держалось старинных манер «греческой» и «фряжской», подкрепляемое в этом направлении, и после реформы Никона и Петра Великого, главным образом староверческим спросом. В частных мастерских оно достигло высокого совершенства.

В конце прошлого века в Палехе, Холуе, Мстере появились иконописные учебные мастерские, основанные для «поддержания промысла» Комитетом Попечительства о русской иконописи. Встреченные впрочем населением малосочувственно, они и поныне не оправдали возлагавшихся на них надежд, так как для поддержания староверческой живописи они оказались ненужными, ибо в частных мастерских и поныне этому условному искусству выучиваются лучше чем в Комитетских школах и кончившие в комитетских школах местным населением мастерами не почитаются и принуждены бывают еще доучиваться в частных мастерских. (зависть и ревность ?, скорее конкуренция - Н.Д.) Прошедшего учение у мастера принимают на работу за 150 руб. в год, а окончившему Комитетскую школу дают только 60 рублей [1, Лл.6-7].

Староверческая живопись идет главным образом на северо-востоке России и сбыт ее ограничен; чтобы обслуживать юг и юго-запад, где привилось общеправославное иконописание, Вязниковским живописцам не хватает академической школы живописи. Местное население Палеха, холуя, Мстеры заявляло о своем желании иметь такую академическую школу свободного, общеправославного искусства, но «Комитет Попечительства», исходящий из принципа поддержания староверческого искусства, естественно, не решился удовлетворить этому желанию. Между тем этот вопрос жизненный, одно из условий расширения деятельности и сбыта для Вязниковских живописцев, и он ждет своего разрешения другим путем. Богатые частные мастерские, как например, братьев Сафоновых в Палехе, с оборотом в 200-300 000 р. в год, разрешают этот вопрос, лично для своей деятельности, устройством рядом с мастерской в староверческом духе, другой, где изготавливаются образа общеправославного типа художниками, получившими образование в учебных заведениях академического характера.

Рядом с чисто живописной деятельностью по написанию икон идет здесь большая работа по «уборке» икон. Когда стали появляться печатные иконы, иконники Вязниковского уезда вначале приуныли и жаловались на оскудение, ныне они повернули это новшество себе на пользу и скупают печатные иконы (на бумаге, жести и дереве) в миллионах экземпляров, оправляют их в застекленные киоты с фольговыми ризами, рамами и цветами и успешно их сбывают. Так в промысле Мстере «уборщик» Крестьянинов, изготавливающий такого сорта иконы, ценою от 8 до 50 копеек за штуку, делает их в год до 700 000, имея годовой оборот в 200 000 руб. большинство этих дешевых икон идет в Сибирь.

Из приведенных данных явствует, что в Вязниковском уезде Владимирской губернии развился огромный народный художественный труд, попавший в двойную опеку: с одной стороны его опекали и поддерживали постоянными заказами богачи староверы, разных толков, с другой ему пришла на помощь казан, ассигнуя ежегодно 36 000 руб. комитету попечительства о русской иконописи, но сей последний понял свою задачу узко в партийном смысле поддержания не общеправославного церковного искусства, а именно староверческого, в чем не было и нет нужды, так как оно и без того обеспечено богатыми заказами староверов. Эти 36 000 руб. надо конечно давать, может быть и больше, но не на поддержание староверческих навыков, что противоречит ведь и общей политике, а на устройство свободных академических художественных школ, в которых край нуждается и о которых он не раз просил.

Возвращаясь к Поволжью, мы попадаем в новый центр и притом один из важнейших, в Нижний Новгород. Здесь кроме художественных остатков русской старины по искусству имеется Художественный Музей, но нет ни одной художественной школы, если не считать нерегулярно действующий частный рисовальный класс госпожи Карелиной. Между тем в уездах Нижегородской губернии идет обширная работа по росписанию церквей, по иконописи, по изготовлению иконостасов, художественной мебели, посуды и т.д.

Выдающимся городом по художеству, конечно в прошлом, представляется Арзамас. Прошлое богатство Арзамаса условлено было прохождением через него гужом громадных партий товаров на Нижегородскую ярмарку. С проведением железных дорог, он много потерял, пока сам не попал на рельсовый путь (Нижний Новгород – Рузавека), но ему предстоит еще вернуть свое благосостояние, так как через него имеет пройти еще одна железнодорожная линия [1, Лл.7-8].

Сооружения архитектурные Арзамаса, его великолепный собор в самом городе, не менее великолепный собор в слободе Выезжей, относятся к царствованию Императоров Александра Благословенного и Николая 1 и представляют одни из самых замечательных образцов стиля Империи; их автором был Арзамасский уроженец, архитектор Коринфский, талантливый и получивший отличное академическое образование. Архитектура, внутреннее убранство, живопись этих Соборов достойны Казанского Собора. Обилие художественных образованных рук в Старом Арзамасе сказывается в отделке его старинных домов, сплошь покрытых отличной деревянной резьбой: стены, окна, карнизы, ворота, калитки, все это в красивых деревянных кружевах. В Арзамасе поныне живет 47 художников, разных профессий, из них 33 распределяются по 5 мастерским, прочие работают отдельно. При объезде моем этих художников я не раз задавал несколько укоризненный вопрос, почему они не посылают свою молодежь учиться в Москву и Петербург. Ответ был один: «пробовали, да какой толк! Съезжается ихнего брата человек 600, а вакансий

30, ну и едут обратно ни с чем. Будь художественная школа тут у нас, мы бы сами старики ходили доучиваться, а то вот беда: негде учиться». Заведующие же художественными школами в столицах на это говорят: да и тем 30 потом никакого дела не сыскать» вот корень зла – это сосредоточение художественного образования в столицах: провинциальная молодежь, попадая в столицы и выучившись здесь, отбивается от домашних очагов, а между тем в столице она сталкивается с громадной конкуренцией и выходит, что и этим 30 нет дела² да, нет дела, но где?, в столице. Будь они дома, то дела нашлось бы полны руки. Меня поражала всюду эта масса художественных затей, преимущественно (не исключительно) церковных. Население следовательно несет свои рубли на художественное дело и несет рубли настоящие, а художественно ему преподносят маргаринное. Но и корить никого нельзя: «негде учиться»

Художественную школу необходимо приближать к населению, давать возможность выучиваться на местах и тут же прилагать свое умение, так как на местах спрос на искусство не прекращается.

По дороге к Мурому три художественных центра в трех монастырях: Понетаевском, Дивеевском и в Выксе.

Опишу один Понетаевский. Я был поражен, прибыв в монастырскую художественную школу. Громадное каменное, отлично построенное здание; огромные залы с великолепным светом: оне так велики, что в одной из них могла поместиться церковь с крышей, не стесняющая движение по зале. Одна из меньших зал густо заставлена, можно сказать, завалена всякими принадлежностями живописной школы: оригиналами, гипсами, манкенами, образцами живописи, гравюрами, станками и т.д. и т.д. самая обширная из зал заставлена хорошими копиями с картин и образцов. Всего занято искусством 100 особ женского пола, монахинь, послушниц и учениц: они пишут, золотят, чеканят, делают финифть и кладут мозаику. На всем печать академического влияния: здесь в течение многих годов проводил летние месяцы художник Павел Сорокин и ему монастырь обязан этим устройством. Ныне однако чувствуется, что нет сильного художественного наставника; школа в собственном смысле слова бездействует, и весь художественный персонал занят изготовлением десятков, сотен, тысяч копий всех размеров, с местного чудотворного образа Знамения Пресвятой Богородицы. В монастырях, в особенности женских, вопрос устройства просветительных художественных учреждений, конечно, весьма осложнен, но в высшей степени важно было бы, чтобы эти духовные центры могли послужить также и подъему русского искусства[1, Лл.8-9].

Вопрос этот слегка был затронут и на втором Кустарном съезде 1910 года.

В Муромском уезде художественные работы из металлов производятся в с. Вареже и Озябликове.

По дороге из Мурома, через Мошок к Владимиру, в с. Драчеве и Дворишневе работают художественные резчики по дереву.

Под Владимиром в с. Боголюбове живописно-иконостасная мастерская. Во Владимире кроме знаменитой художественной старины в виде древних церквей Успенского собора 12 в. и Дмитровского 13 в., существует Художественно-Археологический Музей, но художественной школы нет.

В Суздале замечательнейшая художественная старина в виде знаменитого Спасо-Евфимиевского мужского монастыря с великолепной ризницей, времен воцарения Дома Романовых, и Покровского женского монастыря с ризницей, полной высокохудожественными изделиями старинного русского иконописного и ювелирного искусства, оставшимися здесь от погребенных в монастыре Цариц и Царевен.

Наконец, в Юрьеве Польском остатки художественного собора 13 века.

Итак очерченный мною край полон высокохудожественными остатками русской старины, свидетельствующими об исконном процветании здесь изящных искусств, полон и поныне живыми художниками. В очерченном районе живет от искусства, в различных его видах, не менее 10 000 крестьян, но к этой цифре надо прибавить столько же женщин, которые также живут от художественного труда, как ювелиры, уборщицы икон, художницы, золотошвей, вышивальщицы гладью, вышивальщицы строчкой, цветочницы, кружевницы и т.д. и т.д.

Каждая профессия художественная и художественно-промышленная имеет, конечно, свой круг учения и для сего на местах художественных промыслов устраиваются те или другие художественные школы и учебные мастерские, но в основе всех приложений искусства лежат, конечно, три главных «чистых» искусства: зодчество, ваяние и живопись, и опыт истории давно разъяснил, что высота художественно-промышленного дела, т.е. высота народного художественного труда стоит в прямой зависимости от влияния на него чистого искусства. Наш собственный опыт, с другой стороны, красноречиво убеждает нас, что необходимо приближать художественное просвещение к населению на сметах, а не перетаскивать население в переполненные столичные центры [1, Лл.11-12].

Посему настоятельно необходимо, чтобы и в этом районе, столь преданном художественной и художественно-промышленной деятельности и усеянном таким множеством первоклассных образцов древнерусского, глубоко национального искусства, учреждено было просветительное, свободное, Академическое художественное училище с полным курсом всех трех изящных искусств: зодчества, ваяния и живописи.

Естественно, что для такого Академического училища надо избрать один из губернских городов, следовательно из-за чести получить такое училище в этом районе могут выступить соперниками только: Владимир, Ярославль, Кострома и Нижний Новгород. Казалось бы, что каждый из них имеет одинаковое право на этой честь, но обстоятельства современности, близость к

трехсотлетнему юбилею царствования Дома Романовых, выдвигают преимущественно три города: Кострому, Ярославль и Нижний Новгород. В художественном отношении пальма первенства принадлежит, конечно, Ярославлю, но Нижний Новгород, может быть имеет преимущества своей знаменитой ярмаркой, наконец патриотические воспоминания могли бы склонить весы в пользу Костромы.

Как бы ни решен был этот вопрос, во всяком случае представляется желательным, чтобы за высокаторжественную пору предстоящего юбилея, юбилея трехсотлетнего царствования ревностных покровителей русского художественного просвещения, царственного Дома Романовых, не было забыто русское искусство, чтобы, напротив, оно, так усердно прославлявшее своими созданиями это царствование, удостоилось Императорского Дара в виде Художественного Училища с наименованием «Романовского» в одном из помянутых губернских городов.

Профессор Адриан Прахов» [1, Лл. 12].

Письмо А. Прахова свидетельствует о его глубокой осведомленности в проблемах развития искусства, существования промыслов в России. Многие его предложения актуальны и сегодня.

Список литературы:

1.ГА РФ., Ф.655, Оп.1, Д.810 Письмо профессора Прахова великой княгине Марии Павловне. 28 марта 1911 г.

Дубинина Алла Петровна (Республика Беларусь)

старший преподаватель

Белорусско-Российский университет

SPIN-код: 6008-0501

ДЕИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье затрагивается проблема деиндивидуализации современного человека, что является следствием процессов, происходящих в эпоху постиндустриализма. Мыслители, изучавшие процесс деиндивидуализации человека в современном мире, выделяли в качестве основной причины деиндивидуализации ориентацию на ценности материального порядка, когда человек становится средством, саморазвитие личности становится фактором вторичным, иногда несущественным. В мире постиндустриальном, на различных уровнях бытия человека сегодня, как никогда ранее, сбываются предположения выдающихся философов, футурологов, социологов о наступлении глобального кризиса человечества, который связывается с процессами дегуманизации общества и человека, деиндивидуализацией самого человека на этапе постиндустриализма (позднего капитализма).

Ключевые слова: деиндивидуализация, дегуманизация, постиндустриализм, человек, масса, личность, общество риска, антропологический кризис.

DEINDIVIDUALIZED PERSON IN SOCIOCULTURAL SPACE OF POST- INDUSTRIAL SOCIETY

Summary: The article addresses the problem of deindividualization of modern man, which is a consequence of the processes taking place in the era of post-industrialism. Thinkers who studied the process of deindividualization of a person in the modern world highlighted as the main reason for deindividualization the orientation towards the values of the material order, when a person becomes a means, the self-development of a person becomes a factor secondary, sometimes insignificant. In the post-industrial world, at various levels of human being, today, as never before, the assumptions of outstanding philosophers, futurologists, sociologists about the onset of the global crisis of mankind, which is associated with the processes of dehumanization of society and man, deindividualization of man himself at the stage of post-industrialism (late capitalism).

Keywords: deindividualization, dehumanization, post-industrialism, man, mass, personality, risk society, anthropological crisis.

Деиндивидуализация современного человека является следствием процессов, происходящих в эпоху постиндустриализма. Мыслители, изучавшие процесс деиндивидуализации человека в современном мире, выделяли в качестве основной причины деиндивидуализации ориентацию на ценности материального порядка и неспособность (нежелание) ориентироваться на ценности духовного порядка. Человек становится средством, саморазвитие личности становится фактором вторичным, иногда и вовсе не нужным.

Одним из заметных явлений постиндустриальных обществ наряду с деиндивидуализацией является дегуманизация. Сущность дегуманизации нового порядка определяется, в первую очередь, социально - экономическим устройством современных типов обществ. Однако проблема дегуманизации получила своё обоснование и дальнейшее развитие в философских исследованиях гораздо ранее того периода, который мы именуем сегодня постиндустриальным. Так, ещё в начале XX в. испанский философ, гуманист, публицист Х. Ортега - и - Гассет в своих работах «Дегуманизация искусства» и «Восстание масс» обращает непосредственное внимание на кризисные явления в культуре своего времени. Философ, анализируя появление новых направлений течений в искусстве, связывает это с «бегством от человека», с бегством от истинной духовности, истинных ценностей и смыслов, бегством от ответственности» [8, с.80].

Социокультурная ситуация первой четверти XXI в. в основании своём не имеет каких-либо кардинальных отличий от ситуации начала XX в., особенно по отношению к человеку, но существенные различия мы наблюдаем по отношению к характеру труда. Данные изменения связаны с появлением компьютерной техники, электронных средств хранения, распространения, передачи информации; глобальной сети Интернет. В этой ситуации слишком видимым и осязаемым становится результат дегуманизации и деиндивидуализации человека, так как стремятся к деконструкции прежние социальные связи, казавшиеся незыблемыми, наблюдается либо отказ от института семьи, либо его глубокая трансформация. Осязаемо возросло количество расстройств неврологического характера, наблюдается тенденция к увеличению роста суицидальных попыток. Одиночество человека становится едва ли не главной характеристикой современности, человек постоянно находится в состоянии информационного стресса, что, в свою очередь и порождает утрату индивидуальности, неопределённую (размытую) идентичность, отчуждение. Как результат этого спектра явлений – деиндивидуализация.

В мире постиндустриальном, на различных уровнях бытия человека сегодня, как никогда ранее, сбываются предположения выдающихся философов, футурологов, социологов о наступлении глобального кризиса человечества, который связывается с процессами дегуманизации общества и человека, деиндивидуализацией самого человека на этапе постиндустриализма (позднего капитализма).

В XXI в. деструктивной тенденцией становится отказ от гуманистической составляющей человека, на первый план выходит человек-потребитель и общество потребления с присущим ему типом сознания (массовым, деиндивидуализированным), когда на первый план выдвигается информационно и технологическое развитие, следствием которого становится унификация всех сфер жизнедеятельности, стандартизации сознания самого человека, омассовление духовной и интеллектуальной жизни человека, омассовление видов и типов социальной коммуникации. Стереотипы поведения и жизни в большинстве своём создаются и транслируются электронными средствами массовой информации.

Французские философы Ж. Делёз и Ж. Бодрийар предлагают для описания существующей ситуации в культуре концепцию симулякра и симуляции, когда главенствующую роль в существовании симулякров играют массы: «Молчаливое большинство, черная дыра, поглощающая социальное; они тяготеют к физической и статистической форме, одновременно не социальной и сверхсоциальной, совершенно социальной. Они не могут быть управляемы никакой политической властью, но массы порождают иллюзии власти, иллюзии быть властью; функционирование всех современных систем привито на теле этого смутного существа масс» [4, с.218]. Ж. Бодрийар выдвигает для характеристики современной эпохи понятие «гиперреальность» как основное порождение технического развития общества, где реальные объекты превращаются в симулякры, так «идеи добра, справедливости, социального равенства, прогресса утрачивают свой подлинный глубинный смысл, однако, постоянно размножаются симулякры этого. Процесс напоминает конвейер и становится всё более совершенным, симулякры расползаются по миру как метастазы опухоли и проникают везде» [2].

Канадский философ, культуролог Г. М. Маклюэн параллельно Ж. Делёзу, говорит о том, что, «разнообразные виды масс-медиа создали специфику «подражания жизни», которая сформировала ризомное, раздробленное, мозаичное восприятие мира» [6, с.46].

Как отмечалось ранее, явление деиндивидуализированного человека – следствие развития постиндустриального общества. В данном контексте деиндивидуализированный, массовый человек является социально-историческим феноменом, который возникает не спонтанно, а в результате становления общества индустриального и последующих его этапов (постиндустриализм). На этапе постиндустриализма доминантой развития становится демократизация, урбанизация, секуляризация, что приводит к формированию совершенно иной культурной среды, связанной с тотальной деиндивидуализацией.

В теории «одномерного человека» Г. Маркузе речь идёт о цивилизации, которая, в результате технологического развития пыталась установить тотальный контроль над жизнедеятельностью человека, результатом такого рода контроля явился «одномерный» или деиндивидуализированный (в нашем

контексте) человек. Этот человек является средоточием массовых, унифицированных ценностей, причём даже сам не замечая того, ибо современное Г. Маркузе общество уже «тоталитарно в том смысле, что оно осуществляет ненасильственное экономическое координирование своих элементов» [7]. В описываемом Г. Маркузе типе общества отмечается стремление людей к обычному потребительству, прежде всего – по отношению к природе, также наблюдается стремление человека одновременно и к рациональности, и к угнетению: «Рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, оставаясь таковыми, ибо рабство задаётся не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи» [7]. Философ полагал, что для обретения вновь своей подлинности и индивидуальности человеку нужен «великий отказ», но, как мы видим, даже сегодня такого не происходит, с новой энергией человек стремится к потребительству, соответственно одномерность будет только разрастаться, а её свойства будут обнаруживаться во всё больших количествах общественных систем.

В XXI в. мы являемся свидетелями тех процессов, о которых Г. Маркузе говорил в своей книге «Одномерный человек» (1965) – отчуждение, одномерность, и, как, следствие – деиндивидуализация приходят на смену критическому мышлению, формируя всё большее количество людей с одномерным мышлением и поведением.

Современные исследователи в области социальной философии и социальной психологии полагают, что деиндивидуализация ослабляет содержание запретов для отдельно взятого человека, это ослабление порождает стремление к противоправным действиям, которые ранее сдерживались запретами. Стремление к постоянному нахождению в какой-либо группе также усиливает деиндивидуализацию, при этом ослабляя индивидуальные, идентификационные особенности личности. Люди, подвергшиеся деиндивидуализации, становятся менее склонными к самоограничениям, они экспрессивны, в мышлении и действиях не ориентируются на классические нравственные ценности, в то же время такие люди активнее реагируют на различные ситуации, требующие быстрого действия. Выдвигается гипотеза о том, что все факторы, которые способствуют ослаблению самосознания (например, алкоголь), усиливают деиндивидуализацию человека, в то же время, факторы, повышающие самосознание (зеркала, камеры наблюдения, яркий свет, индивидуальная одежда и жилище) – ослабляют деиндивидуализацию. Можно полагать, что суть данной теории в том, что можно, находясь и в толпе, и в массе – оставаться личностью, индивидуальностью и при этом общаться, не нарушая своего пространства и не разрушая себя. Высокая реактивность на ситуации, свойственная деиндивидуализированным людям вместе с пониженной ответственностью способствует утрате индивидуальности в непривычных ситуациях (нахождение в толпе).

Итак, появление деиндивидуализированного человека с присущими ему чертами есть результат размытой ответственности, размытой идентичности, утраты ориентации в высших ценностях. Деиндивидуализированный человек в меньшей степени подчиняется внешним правилам и нормам, утрачивая индивидуальность, он плохо осознаёт себя в качестве отдельной личности вне какой-либо группы.

В области исследования социологии современных процессов хотелось бы отметить вклад З. Баумана в разработку проблем деиндивидуализации и масс в эпоху глобализации. Предметом исследований З. Баумана становится общество постиндустриального типа. Определяя характеристики такого типа общества, исследователь использует понятие «текущая современность». В знаменитой работе «Индивидуализированное общество» З. Бауман отмечал, что сохранение уникальных черт личности, сохранение индивидуальности, исследование способов сохранения индивидуальности в современном массовом обществе есть одной из главнейших проблем для философов, антропологов, социологов, психологов. З. Бауман полагал, что «эпоха модерна превратила человеческую идентичность из данности в задачу, эпоха постмодерна ещё более усложнила эту задачу» [1]. В эпоху постиндустриальной реальности изменчивость, всё более ускоряющийся прогресс, культурное разнообразие, ризомность делают социум весьма нестабильным, человек же в данной нестабильной среде попросту не может найти своё место и примыкает к какой-либо массовой группе, становясь её заложником.

Проблема постиндустриализма (позднего капитализма) с присущим ему типом общества является объектом внимания М. Кастельса и французских исследователей Л. Болтански и Э. Кьяпелло. М. Кастельс сформулировал концепцию общества, которое в полной мере ощутило на себе революцию в информационных технологиях, распространившуюся на все сферы человеческой деятельности. Л. Болтански и Э. Кьяпелло в работе «Новый дух капитализма» определяют основные характеристики изменений в обществе позднего капитализма: «глобальная финансовая система, интернет и биотехнологии, организация гибкой системы управления, постоянное изменение, диверсифицированность и дифференцированность, инновация и креативность, сетевые фирмы, отсутствие авторитарного начальства, новая форма меритократии, превозносящая мобильность и способность подпитывать сеть, ресурсы для самообеспечения, пригодность к найму, способность управления собой» [3, с.36]. В современных философских концепциях исследователей общества позднего капитализма (постиндустриализма) Б. Латура и Д. Харауэй данный тип общества связывается с глобальным (планетарным) кризисом и обозначается обществом «экзистенциального риска», где масштабные расовые и классовые изменения становятся преобладающими чертами развития.

В обществе постиндустриального типа в «результате глобального антропологического кризиса современности наблюдается процесс смены

парадигмы – индивидуализация сменяется деиндивидуализацией: в начале это осуществляется на уровне индивида, а затем на уровне масс. Формируется деиндивидуализированное общество. На данном этапе развития трудно давать какие-либо оценки происходящему процессу, единственное, что мы можем отметить – это отнюдь не положительное влияние на человеческую личность, общество, культуру, так как происходит утрата подлинных ценностей, человек обретает размытую, неопределённую идентичность, уходит от свободы и ответственности за будущее в планетарном масштабе, перестаёт осознавать себя венцом творения и становится вещью в мире тотального потребления и массовых стандартов» [5].

Список литературы:

- 1.Бауман,З. Индивидуализированное общество. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/index.php. (дата обращения 11.02.2024).
- 2.Бодрийар, Ж. Симулякры и симуляция. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/index.php. (дата обращения 10.02.2024).
3. Болтански, Л., Кьяпелло, Э. Новый дух капитализма / Л.Болтански, Э. Кьяпелло . - М., 2011. – 378 с.
4. Делёз, Ж, Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. И послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У - Фактория, 2007. – 672 с.
- 5.Дубинина, А. П. Глобальный антропологический кризис в эпоху постсовременности. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48404564>. (дата обращения 12.02.2024).
- 6.Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева / Г. М. Маклюэн. – Москва: Искусство, 2003. – 464 с.
- 7.Маркузе, Г. Одномерный человек. [Электронный ресурс]. – URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/gerbert_markuze_od_nomernyj_chelovek_perev_a_judina/57-1-0-347. (дата обращения 10.02.2024).
8. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1996.- 293 с.

Душкина Майя Рашидовна

кандидат психологических наук, доцент

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина

SPIN-код: 4884-1369

СИМВОЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И РОЛЬ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТА СТАНОВЛЕНИЯ И ФАКТОРА МОДИФИКАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация: В статье рассматривается ключевая роль рекламной коммуникации как одного из элементов становления и фактора модификации культурного кода. Продемонстрирован совокупный воздейственный потенциал массива рекламных сообщений, несущих в себе трансформированные культурные коды, на общественное сознание. Оценены наблюдаемые результаты долгосрочного социально-психологического воздействия рекламных кампаний и кинопроизведений в контексте изменения культурного кода. Показано, на примерах из отечественной и зарубежной практики рекламы, каким образом трансформируются традиционные ценности общества в результате продвижения в рекламных кампаниях различных производителей новых символов и изъятия старых. Проанализированы краткосрочные и долговременные результаты рекламных практик, направленных на продвижение нетрадиционных ценностей в общественном сознании.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, воздейственный потенциал, социокультурные ценности, трансформация культурного кода, символизация общественного сознания

SYMBOLIZATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS AND THE ROLE OF ADVERTISING COMMUNICATION AS AN ELEMENT OF FORMATION AND A FACTOR OF MODIFICATION OF THE CULTURAL CODE

Summary: The article examines the key role of advertising communication as one of the elements of formation and a factor of modification of the cultural code. The cumulative impact potential of an array of advertising messages carrying transformed cultural codes on public consciousness is demonstrated. The observed results of the long-term socio-psychological impact of advertising campaigns and film productions in the context of changing cultural code are evaluated. It is shown, using examples from domestic and foreign advertising practice, how traditional values of society are transformed as a result of the promotion of new symbols in advertising campaigns by various manufacturers and the withdrawal of old ones. The short-term and long-term results of advertising practices aimed at promoting non-traditional values in the public consciousness are analyzed.

Keywords: advertising communication, effective potential, socio-cultural values, transformation of the cultural code, symbolization of public consciousness.

Рекламная коммуникация может рассматриваться, не только как коммуникация маркетинговая, но и как один из видов массовых социальных коммуникаций, она осуществляется в социокультурном пространстве и становится его неотъемлемой органической частью, будучи и производной, и функцией, то есть, одновременно, будучи им формируемой, и оказывая влияние на его формирование. Рассматриваемая в таком именно контексте, рекламная коммуникация оказывается органически встроенной в культуру социума, а в случае, если она имеет высокий профессиональный уровень исполнения, то степень ее воздействия на формирование отдельных элементов социокультурного пространства может оказываться достаточно значимой, чтобы порождаемыми ею эффектами можно было пренебречь [2]. Соответственно, язык такой рекламы и собственно рекламный текст может включать в себя культурный код целевой аудитории, являющейся адресатом подобной коммуникации, а также и некоторых социальных групп, компактных или диффузных. Более того, именно спроектированная изначально опора на культурный код конкретных целевых групп широкой аудитории при выборе языка рекламного обращения и создании текста рекламы, может стать одним из слагаемых успеха профессионально грамотной рекламной коммуникации. Адекватное восприятие, а также релевантное декодирование содержания рекламного сообщения его адресатами, как индивидуумами, так и группами, может основываться, прежде всего, на уместном использовании в таком сообщении элементов культурного кода соответствующего сегмента целевой аудитории и общества в целом, представленных в нем с помощью разных коммуникативных средств, в зависимости от избранного канала коммуникации и точно подобранных приемов воздействия на сознание реципиента.

В работах современных авторов, исследующих понятие культурного кода в дискурсе рекламной коммуникации, подчеркивается, что они всегда связаны с коллективной исторической памятью нации и народа, основными характеристиками знаний и представлений о родной земле, традиционными религиозными ценностями, фольклором и мифологией. Соответствующие смыслы закладываются в рекламное сообщение на этапе его конструирования, подбора адекватных символов и знаков, призванных их передавать, кодируются в нем с использованием профессионального инструментария разработчиков рекламной кампании и создателей рекламного текста, а затем декодируются реципиентом рекламной коммуникации. По результатам анализа авторами делаются выводы об отражении в рекламных сообщениях, как части рекламных кампаний, характерных национальных социокультурных особенностей, в контексте представленности в рекламной коммуникации культурных кодов стран, в которых функционируют компании-производители, заказывающие рекламные продукты для продвижения своих товаров и брендов [2, 4, 5]. Здесь следует подчеркнуть, что одна и та же компания может варьировать систему символов, знаков, кодов, используемую в рекламной кампании своих брендов, в соответствии с национальной спецификой и актуальным состоянием

социокультурного пространства в регионе продвижения своей продукции. Так, например, в аккаунте End Wokeness на X (ранее Twitter) недавно была освещена рекламная кампания McDonald's в США, озаглавленная: «Черные трансженщины имеют очень простое послание: перестаньте нас убивать». Можно сравнить этот манипулятивный посыл с классической рекламой McDonald's Japan в Японии, в которой изображена традиционная семья, наслаждающаяся совместной трапезой, без лозунгов ЛГБТК и прочей подобной атрибутики, присущей мультикультуралистской и гендерной повестке глобалистов, продвигаемой в американском варианте рекламы той же компании [11].

Яркими примерами целенаправленной модификации элементов культурного кода, в эпоху смены общественно-экономической формации в России 90-х гг., могут выступать такие рекламные слоганы, как, например, следующие: «Имидж ничто, жажда все», «Ведь ты этого достойна», или «И пусть весь мир подождет», интерпретируемые целевой аудиторией как - «Репутация человека не столь значима, как немедленное удовлетворение его насущных потребностей, без оглядки общественное мнение», в первом случае, или - «Будь эгоистична, преследуй свои личные интересы, ориентируйся исключительно на удовлетворение собственных нужд», во втором, или - «Личное выше общественного, твое сиюминутное удовольствие важнее всего остального, отступающего в сравнении с ним на задний план», в третьем. Безусловно, каждый из упомянутых слоганов сам по себе, вне целостного контекста всего массива рекламных коммуникаций той эпохи, не мог бы стать системно смыслообразующим, но, в целом, создавая по совокупности многокомпонентную картину, они формировали у целевой аудитории совершенно определенные ценности индивидуалистического характера. Совокупный воздейственный потенциал множества рекламных сообщений описываемого периода времени оказывал мощное социально-психологическое влияние на модификацию ценностных ориентаций и формирование у разных социальных групп новых иерархий системы социокультурных ценностей [2]. Модифицируя присущий предшествующей общественно-экономической формации: коллективизм - в индивидуализм, альтруизм - в эгоцентризм, способствуя, тем самым, ускоренной дезинтеграции и атомизации общества, весь массив рекламных коммуникаций такого рода, латентно и постепенно, но, тем не менее, непосредственно и весьма существенно, преобразовывал само социокультурное пространство, порождая известные сегодня феномены, оцениваемые в ситуации, требующей консолидации общества и возрождения ценностей патриотизма и коллективизма, крайне негативно. Однако же, целенаправленно трансформировавшиеся в течение десятилетий культурные коды постсоветского общества невозможно изменить мгновенно, в угоду меняющейся политической и экономической ситуации, и потому - последствия таких трансформаций будут определять общественное сознание еще долго, делая непродуктивными попытки обращения к тем традиционным ценностям

российского общества, что были в свое время сознательно деконструированы, и символам, целенаправленно десакрализовавшимся.

Так, одним из ярких символов героического сопротивления русского (российского) советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., стал образ Зои Космодемьянской, но длительная кампания очернения героини и обесценивания ее подвига, начавшаяся с известного высказывания популярного карикатуриста, приписавшего в ставшем широкоизвестным интервью этому культовому персонажу отечественной истории психическое заболевание, ибо по его мнению, ничем иным героическое самопожертвование юной девушки во имя спасения Отечества объяснить было нельзя, и закончившаяся выходом фильма, в котором кинообраз легендарной партизанки был представлен амбивалентно и, в целом, пейоративно - не могла закономерно не привести к постепенной десакрализации символа, и это только один из множества примеров подобного рода. Как отмечал, комментируя эту историю в момент ее наибольшего общественного резонанса, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН Михаил Мягков: «Подобного рода заявления – не что иное, как большая задуманная провокация против нашей исторической памяти... Ведь если не было подвига, если они были какими-то сумасшедшими, значит, нам нечем гордиться, и никто не будет защищать тогда свою страну. Раз не было тогда подвигов, то и сегодня их не должно быть» [8]. А по поводу фильма наиболее резко высказались не кинокритики, культурологи, социологи, историки или чиновники, а зрители, вот, например, Кожемяко В. [6].

Обесценивание, дегероизация, десакрализация, или полное изъятие, один за другим, символов общественного сознания, на которых основывалось отношение к подвигу российского советского народа во время войны, персонифицированному в различных образах и символах, от Зои Космодемьянской и Александра Матросова, до подпольщиков из Молодой гвардии и генерала Дмитрия Карбышева, которых, как выясняется, молодежная аудитория, причем, принадлежащая к социальной группе студенчества, просто не знает, на протяжении последних десятилетий стало привычной практикой, которая не могла не привести к наблюдаемым сегодня негативным явлениям. Индивидуализм, эгоцентризм, космополитизм, идеология «вхожденчества» и «смердяковщина», вытекающее отсюда отсутствие коллективизма и патриотизма, чувства сопричастности отечественной истории и социально-политическим вызовам современности - все это воспитывалось на протяжении многих лет. Все это продвигалось, запечатлевалось в памяти, внедрялось в сознание последовательно и целенаправленно, в особенности негативно воздействуя на формирующуюся личность и самосознание подростковой и юношеской возрастных групп, к которым, уже выросшим и вступившим в призывной возраст, теперь вдруг обращается государственная машина пропаганды с требованиями проявления патриотизма и коллективизма, сознательно обесцениваемыми ранее ею же. Между тем, российское общество,

готовившееся в 30-е гг. прошлого века советским государством к грядущей Отечественной войне, неизбежной в складывающихся тогда геополитических обстоятельствах, воспитывалось на примерах патриотизма, демонстрировавшихся во всей печатной и кинопродукции, включая немногочисленную на тот момент рекламную - российское же общественное сознание весь постсоветский период трансформировалось в направлении размывания своих цивилизационных основ и принятия чуждых ему либеральных и либертарианских ценностей западной цивилизации. Потому неготовность российского общества в целом к экзистенциальным и цивилизационным вызовам последних лет, в их конкретном воплощении осознания необходимости защиты интересов своего Отечества с оружием в руках - является абсолютно закономерным результатом фактической деконструкции, или, как минимум, радикальной трансформации традиционных патриотических культурных кодов, созданных на протяжении всей российской истории, включая ее советский период.

Симптоматично, что сегодня мы можем наблюдать в чем-то аналогичные процессы в западном обществе, когда, в рамках повестки глобализации, с присущей ей системой трансформации традиционных общечеловеческих ценностей, с помощью рекламных коммуникаций в рамках рекламных кампаний известных брендов, замечены и описаны характерные феномены попыток оказания социально-психологического воздействия на целевые аудитории потребителей, в частности, пропаганды ценностей ЛГБТК и мультикультурализма в части дехристианизации, посредством изъятия из социокультурного пространства традиционных религиозных символов. Например, известный американский пивной бренд, Bud Light, в 2023 г. сделал трансгендерного активиста Дилана Малвани одним из своих главных представителей, заменив им ранее применявшийся компанией-производителем во всех своих рекламных кампаниях традиционный стереотип провинциального американского обывателя средних лет, типичного представителя среднего класса. Другой пример, компания Porsche, которая в том же году выпустила рекламу своего популярного спортивного автомобиля Porsche 911, снятую в Лиссабоне, Португалия, вырезав из рекламного ролика знаменитую статую Иисуса Христа, являющуюся местной достопримечательностью. Многие потребители продукции компании, знающие местность, отметили, что компании не было необходимости снимать рекламу с того ракурса, который использовался, если они хотели избежать изображения Иисуса, поэтому выбор снимать ее там, а затем удалять статую в цифровом формате, представляется им преднамеренным и сознательно деконструирующим реальность. Суть претензий консервативных потребителей продукции компании состояла в недоумении по поводу необходимости удаления из визуального ряда рекламы статуи, при понимании того, что множество людей, вероятно, заметят ее отсутствие и раскритикуют рекламный ролик. Причем, Porsche — далеко не единственная компания, которая в последние годы оказалась в центре скандала

из-за вольного редактирования упоминаний о христианстве и его символах. Немецкая сеть супермаркетов Lidl, популярная во всей Европе и имеющая магазины в США, подверглась критике в 2017 г. после того, как они нарисовали аэрографом кресты с вершины купола церкви Анастасис на Санторини, Греция, на упаковке своего ассортимента греческих продуктов питания. Лидл далее заявил, что этот шаг не был задуман как заявление, сообщив средствам массовой информации, что они избегают использования религиозных символов из-за желания «сохранять нейтралитет во всех религиях» [12, 13].

Однако, поскольку пока подобного рода воздействия, все еще, скорее, единичны, их эффекты пока что оказываются обратными ожидаемым - лояльные потребители продукции компании резко негативно оценивают столь резкое смещение акцентов и даже отказываются от давно ставшего привычным бренда, давая однозначно негативную обратную связь. Так, когда бренд, принадлежащий пивной компании, использовал в качестве «лица кампании» образ персонажа-трансгендера, целевая аудитория подвергла резкой критике на сайтах компании в соцсетях подобную попытку продвижения ею ценностей ЛГБТК, а компания-производитель, Anheuser-Busch InBev, потеряла почти 20 миллиардов долларов с тех пор, как были опубликованы изображения и видео с ним, рекламирующие Bud Light. Новая рекламная кампания фирмы, многолетнего лидера рынка в своем сегменте, уже не содержала каких-либо политических заявлений, тем или изображений ЛГБТК, однако же, целевая аудитория оценила попытку исправить ситуацию скептически и прокомментировала ее как недостаточную и запоздалую реакцию. В случае с рекламируемым брендом автомобильной компании Porsche, многие лояльные потребители обвиняли компанию в том, что она слишком изменилась, отказавшись от традиционных консервативных ценностей, и призывали к бойкоту ее продукции, причем, некоторые из критиков утверждали, что «после фиаско они уже никогда не станут рассматривать возможность покупки автомобиля этой марки». Упомянутая выше компания Lidl извинилась за манипуляции с крестом после массового возмущения в социальных сетях, отметив: «Мы приносим извинения за любое оскорбление, причиненное изображением на нашей линейке Eridanous. Мы можем подтвердить, что будем пересматривать дизайн как можно скорее» [12, 13].

То есть, на первоначальном этапе попыток трансформации культурных символов и кодов в рекламных кампаниях брендов даже самых популярных фирм-производителей, общественное сознание в присущей ему консервативной парадигме мышления исторически сложившихся культурных кодов, сопротивляется и отторгает нововведения, ратуя за традиционализм - вынуждая компании прислушиваться к негативным оценкам лояльных потребителей и отказываться от несущей убытки стратегии продвижения в рамках глобалистского проекта модификации социокультурного пространства стран, наций и народов. Тем не менее, мы сможем судить о конечных результатах подобного рода попыток трансформации некоторых основополагающих

элементов и символов системы социокультурных ценностей - только после того, как единичные случаи такого резкого разворота от традиции станут массовыми и потенциалы их воздействия будут суммироваться. Кумулятивный эффект и конечный итог в виде искомой глобализмом глубинной модификации культурных кодов, может оказаться не менее выраженным и внушительным, нежели мы могли наблюдать это на постсоветском социокультурном пространстве. Вероятно, аналогичное сопротивление внедрению деструктивных для общества систем знаков, символов и кодов, имело место и в России, в период активной деконструкции традиционных ценностей и культурных кодов, осуществлявшейся в 90-е гг. прошлого века, но, в то время целенаправленных количественных и качественных исследований и оценки данного феномена практически не проводилось - и процесс трансформации развивался бесконтрольно, приведя к фиксирующимся в настоящее время негативным результатам, о которых стало принято говорить лишь в связи с актуальной кризисной ситуацией и необходимостью ее разрешения.

В заключение следует подчеркнуть, что культурные коды в различных научных дисциплинах, предметных областях и отраслях знания, от философии, филологии, культурологии и истории, до социологии и психологии, в целом всегда рассматривались в качестве моделей структурирования и трансляции информации, включающих в себя различные нормы, установки и правила, формализованные и неформализованные, но способные оказывать воздействие на социокультурные отношения в рамках развития определенной цивилизации [1, 3, 5, 7, 8, 10]. Выступая как основополагающая парадигма мышления общества, они способны регулировать межличностные и межгрупповые взаимодействия всех его членов на основании саморегулирующейся системы сложных комбинаций знаков и символов, содержащихся в них, но, при этом могущих подвергаться трансформации, с течением времени и под влиянием воздействий, внутренних или внешних. Таким образом, рекламные коммуникации, наряду с прочими массовыми социокультурными коммуникациями, как раз и способны оказывать влияние на постепенную ползучую трансформацию этих знаков и символов, а, впоследствии, и самих культурных кодов, в заданном направлении, причем, негативные результаты таковой трансформации, будучи латентными долгое время, могут отчетливо проявляться именно в кризисные периоды и в ситуации цивилизационных вызовов. Сейчас, во время эскалации конфликта непримиримого мировоззренческого противостояния западной и российской цивилизаций, вопросы адекватной расшифровки и критического анализа сложившихся на протяжении последних десятилетий культурных кодов, перекодирования не соответствующих реалиям нынешнего времени внедренных установок и стереотипов - становятся наиболее актуальными вопросами трансдисциплинарного взаимодействия многих гуманитарных областей науки и практики. Внедрение видоизмененных культурно-цивилизационных кодов в индивидуальное и общественное сознание на протяжении ряда лет - привело к

его существенной трансформации на личностном и групповом уровне, породив ряд социокультурных и социально-политических проблем, манифестирующих в определенных критических обстоятельствах, могущих привести и, иногда, прямо ведущих к усугублению кризисных явлений в обществе и государстве. Актуальная проблема осуществления стратегически целеполагающего кодирования и контроля за содержащейся в знаковой и символической системе массовых социальных коммуникаций, включая коммуникацию рекламную, общественно значимой информации, влияющей на формирование культурных кодов нации и народа - является проблемой междисциплинарной, находящейся в области пересечения научно-практических интересов ряда гуманитарных, естественных, политических и экономических наук, и должна решаться ими сообща, с полным пониманием ответственности за стратегические результаты своей совместной деятельности.

Список литературы:

1. Васильева К.К. Стадиальность социокультурных кодов / К.К. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. - Сер. 7. - Философия. - 2002. - № 5. - С. 91.
2. Душкина М.Р. Психология рекламы и связей с общественностью в маркетинге. - М.: Юрайт, 2023. – 259 с.
3. Жданова Е.Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки ТГУ. - 2015. - № 2. С. (32-1)
4. Котляров И.В. Культурный код: к новой системе ценностей (социально-философские тренды) // Мир науки. Социология, филология, культурология. - 2022. - №3, Том 13. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48SCSK322.pdf> (дата обращения: 26.02.2024)
5. Иванова А.П., Ягодкина М.В. Культурные коды в современной рекламе. 2020. - №8 (33). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44363432_27786538.pdf (дата обращения: 26.02.2024)
6. Кожемяко В. Рецензия в "Правде" на кинофильм "Зоя". – URL: <https://kprf.ru/activity/culture/200268.html> (дата обращения: 26.02.2024)
7. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского / Метафизика. - 2016. - № 4(22). С. 78–98.
8. Надольская В. Цивилизация в новой социальной реальности (социальнополитический дискурс) / Иппокрена. - 2020. - № 1. С. 139–154.
9. Павленко Д. Либеральная гнусь: Бильжо против Зои Космодемьянской. – URL: https://tsargrad.tv/articles/liberalnaja-gnus-bildzho-protiv-zoi-kosmodemjanskoj_39247 (дата обращения: 26.02.2024)
10. Шалинский И.П. К вопросу о культурном коде как феномене / Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск. - 2016. - № 11(125). С. 67–69.
11. Huff Ethan, In Japan McDonald's promotes family values. In the U.S. it's nothing but woke, anti-white propaganda. – URL: <https://www.naturalnews.com/2023-09->

- 26-japan-mcdonalds-family-values-us-woke-propaganda.html (дата обращения: 26.02.2024)
- 12.Revell Eric, Porsche edits giant Jesus statue out of sports car video before putting brakes on ad. – URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/porsche-faces-criticism-editing-jesus-statue-out-sports-car-ad> (дата обращения: 26.02.2024)
- 13.Zilber Ariel, Bud Light slammed for new ad aimed at winning back customers. – URL: <https://nypost.com/2023/06/22/bud-light-slammed-for-new-ad-aimed-at-winning-back-customers/> (дата обращения: 26.02.2024)

Жанакеева Анаркуль Тологоновна (Кыргызская Республика)

кандидат исторических наук, доцент

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына

SPIN-код: 3542-6181

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КИРГИЗСКОЙ ССР В 1966-1985 ГГ.

Аннотация: В статье анализируются основные направления развития промышленности Кыргызстана в период 1966-1985 гг. В ней рассматриваются экономическая реформа в сфере промышленности в годы восьмой пятилетки, динамика промышленного роста в 1970-е – начале 1980-х гг., выделяются достижения и недостатки. В основе исследования лежит анализ статистических источников, материалов научных исследований. Автор пришел к выводу, что экстенсивный путь развития промышленности в рассматриваемые годы исчерпал свои возможности, на первый план все более настойчиво выдвигалась необходимость структурной и управленческой перестройки, коренных преобразований самой основы производственных отношений.

Ключевые слова: косыгинская реформа, пятилетки, экстенсивный путь развития промышленности.

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE KIRGHIZ SSR IN 1966-1985

Summary: The article analyzes the main directions of industrial development in Kyrgyzstan in the period 1966-1985. It examines economic reform in the industrial sector during the eighth five-year plan, dynamics of industrial growth in the 1970s – early 1980s, highlighting achievements and shortcomings. The study is based on an analyses of statistical sources and scientific research materials. The author came to the conclusion that the extensive growth of industrial development in the years under review has exhausted its possibilities, the need for structural and managerial restructuring has increasingly come to the fore, for radical transformations of the very basis of production relations.

Keywords: kosygin reform, five-year plans, extensive path of industrial development.

К середине 1960-х гг. стало очевидно, что административно-командная система управления советской экономикой полностью исчерпала себя. Жизнь все больше и больше требовала перехода к интенсивным методам хозяйствования, расширения инициативы и самостоятельности предприятий, укрепления хозяйственного расчета, следовательно, и радикальных изменений в планировании и организационной структуре.

Новое правительство СССР во главе с А.Н. Косыгиным начало свою деятельность с реформирования отдельных элементов системы управления. Так, в 1965 г. хрущевские новшества в управлении экономикой были

ликвидированы, советы народного хозяйства (совнархозы) заменены министерствами. Управление промышленностью вернулось к отраслевому принципу.

Начало экономической реформе в промышленности положили решения сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Суть реформы заключалась в сочетании комплекса мер, призванных усилить экономические рычаги управления, расширить самостоятельность предприятия, усовершенствовать централизованное планирование. Стержнем косыгинской реформы стал хозяйственный расчет, на который переводились предприятия промышленности. Согласно нововведению, они имели право часть своих доходов оставлять у себя, а затем распределять их внутри коллектива на материальное поощрение, социокультурные и бытовые нужды работников.

Экономическая реформа началась с января 1966 г. Реформа на первых порах дала импульс развитию экономики Киргизской ССР. В первом полугодии 1966 г. на новую систему планирования и экономического стимулирования в республике было переведено 5 предприятий легкой и пищевой промышленности и две автобазы. В 1967 г. по новой системе работало уже 31 предприятие и 60% автохозяйств республики [1, л. 50]. Среди них такие крупные предприятия, как «Киргизавтомаш», Фрунзенский электротехнический завод, Киргизский горно-обогатительный комбинат, Фрунзенский камвольно-суконный комбинат, Ошский шелкокомбинат и др. Новая система планирования и экономического стимулирования способствовала развитию творческой инициативы производственных коллективов, укреплению внутрихозяйственного расчета, изысканию новых резервов. Менее чем за год на камвольно-суконном комбинате, например, запасы сырья и материалов сократились на 4 млн. руб., на Фрунзенской трикотажной фабрике выпуск нерентабельной продукции уменьшился в 4 раза [1, л. 52]. Предприятиями были достигнуты более высокие, чем в целом по промышленности республики, темпы роста объема производства, производительности труда, прибыли и других технико-экономических показателей.

К концу восьмой пятилетки на новую систему работы перешли 323 предприятия республики, на которых было занято 82% промышленно-производственного персонала, производилось 87% общего объема промышленной продукции. Предприятия, переведенные на новые методы хозяйствования, в 1970 г. внесли сверх плана в государственный бюджет 5,7 млн. руб. [2, с. 566].

За пятилетку было освоено 217 видов новой продукции, значительная часть которых приходилась на долю машиностроительной и электротехнической отраслей [2, с. 562].

Улучшение организации труда, внедрение передовой технологии способствовали росту производительности труда. За годы восьмой пятилетки она повысилась в промышленности республики на 38,3% при среднегодовых

темпах 6,7%. Более половины общего объема прироста всей валовой продукции промышленности (56%) было получено за счет роста производительности труда [2, с. 563].

За годы восьмой пятилетки индустрия Кыргызстана пополнилась многими предприятиями. Были построены и введены в эксплуатацию 40 крупных заводов, фабрик, электростанций, шахт, разрезов и 66 цехов и участков на действующих предприятиях [3, с. 160]. В их числе Майли-Сайский электроламповый завод, обогатительная фабрика на Хайдарканском ртутном комбинате, завод сборного железобетона в г. Ош, два котлоагрегата и автоматическая линия подачи топлива на Фрунзенской ТЭЦ и другие предприятия.

В многоотраслевой промышленности Кыргызстана за эти годы произошли весьма существенные качественные изменения. Индустрия Кыргызстана поднялась как по уровню технической оснащенности, так и по отраслевой структуре. Наряду с развитием традиционных отраслей возникли такие важные отрасли, как автомобильная, приборостроительная, электротехническая, газовая, стекольная.

Однако уже в начале 1970-х гг. происходит свертывание экономической реформы. И хотя в 1970-е гг. еще не раз предпринимались попытки улучшить механизм хозяйствования, планирования и стимулирования, должного эффекта это не принесло. Поднять эффективность общественного производства не удалось. Негативные явления нарастали – медленно осваивались новые производственные мощности, усиливался расточительный характер экономической деятельности, экстенсивные факторы по-прежнему определяли развитие экономики. Принцип преимущественно директивного управления оставался нетронутым.

В 1970-1985 гг. шло дальнейшее нарастание индустриального потенциала республики на основе укрупнения производства в промышленности. В 1970-е гг. удельный вес предприятий, имевших объем производства до 2 млн. руб., сократился вдвое, соответственно доля крупных предприятий значительно возросла. Это содействовало возникновению ряда производственных объединений в промышленности. К 1985 г. в Кыргызстане действовало 40 таких объединений со 123 предприятиями (в 1967 г. – соответственно 4 и 11), они давали около 30% валовой продукции промышленности [4, с. 108].

Показателем уровня республиканской индустрии стало ускоренное развитие машиностроения. Предприятия машиностроения выпускали более 200 видов продукции: сельхозтехнику, автосамосвалы, металлорежущие станки, крупные электромашины и электродвигатели, физические и контрольно-измерительные приборы, электронасосы, стиральные машины, электролампы и другую продукцию. К примеру, только в 1985 г. завод сельхозмашиностроения им. М.В. Фрунзе выпустил 32 тыс. пресс-подборщиков. Эта продукция поставлялась во все союзные республики и в 20 зарубежных стран [5, с. 257].

В области машиностроительной промышленности Кыргызстан вышел на первое место среди республик Средней Азии. В одиннадцатой пятилетке более 50% валовой продукции республики производили машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли. Развивалась и индустрия строительных материалов. Успешно функционировали и наращивали выпуск продукции Кантский цементно-шиферный комбинат, 3 домостроительных комбината, завод железобетонных конструкций, стекольный завод. Создано производство облицовочных материалов из гранита, мрамора, сиенита и других материалов.

В рассматриваемый период сформировалась перспективная отрасль индустрии Кыргызстана гидроэнергетика. Рост энергетики Кыргызстана был обеспечен за счет строительства на р. Нарын пяти гидроэлектростанций: Уч-Курганской, Ат-Башинской, Токтогульской, Курпсайской, Таш-Кумырской ГЭС. К середине 1980-х гг. мощность действующих в республике гидроэлектростанций составляла свыше 3 млн. квт. ч., ежегодно они вырабатывали почти 11 млрд. квт. ч. электроэнергии [5, с. 257]. При этом 40% всей выработанной электроэнергии потребляли Узбекистан и Казахстан.

В общесоюзном разделении труда возросла роль цветной металлургии Кыргызстана, ведущее место в которой заняло производство сурьмы, ртути, редкоземельных и других цветных металлов. Выработанная на Кадамджайском комбинате сурьма была признана на международном рынке эталоном качества. Высоко ценилась на мировом рынке и продукция Хайдарканского ртутного комбината. В 1970-1985 гг. цветная металлургия заняла одно из ведущих мест в промышленности республики. За эти годы производство цветных металлов увеличилось в 2 с лишним раза, ее продукция стала экспортироваться более чем в 40 стран мира.

В развитии экономики Кыргызстана важную роль играло капитальное строительство. Масштабы строительства из года в год увеличивались, что в значительной мере было обусловлено высокими темпами роста капитальных вложений в народное хозяйство республики. Особенно быстрыми темпами развивалось промышленное строительство. В период 1966-1985 гг. вступили в строй Фрунзенский автосборочный, Майли-Сайский электроламповый, Ташкумырский табачно-ферментационный заводы, Пржевальский мясокомбинат, Джалал-Абадский, Рыбачинский мелькомбинаты, обувные фабрики в Кызыл-Кие и Фрунзе, завод электронно-вычислительных машин, кожсырьевой завод, чулочная и швейная фабрики во Фрунзе, ковровый комбинат в Кара-Балте и др.

За этот период в республике было построено 150 новых промышленных предприятий [6, с. 390]. Новые предприятия, прежде всего по переработке сельскохозяйственного сырья, стали размещаться преимущественно в малых и средних городах, поселках городского типа. Это давало возможность рационально использовать природные богатства и эффективно вовлекать местные трудовые ресурсы в общественное производство. Вместе с тем, преимущественные капитальные вложения в строительство новых

предприятий, по сравнению с ассигнованиями на технологическое перевооружение уже действующих, усиливали экстенсивный характер развития экономики.

Следует отметить, что в рассматриваемый период во всех отраслях промышленности шла повседневная работа по выявлению неиспользованных резервов, повышению производительности труда, увеличению выпуска качественной продукции. Важное значение в повышении производительности труда, развитии творческой инициативы масс имела организация социалистического соревнования. Соревнующиеся предприятия постоянно обменивались опытом, помогали друг другу в совершенствовании производства. Так, за годы девятой и десятой пятилеток получили широкое распространение такие почины, как «Пятилетке эффективности и качества – рабочую гарантию», «Работать без отстающих», «Рабочая эстафета», в одиннадцатой пятилетке – «Все поставки братским республикам – в срок и с отличным качеством», «Прогрессивная мысль – производству» и др.

За эти годы сотни передовиков производства стали инициаторами за досрочное выполнение и перевыполнение заданий пятилеток. Имена звеньевых горнорабочих очистного забоя шахты им. Ленинского комсомола А.К. Абдукадырова, электросварщика завода сельхозмашиностроения им. М.В. Фрунзе А.В. Цибигей, бригадира бетонщиков управления строительства «Нарынэнергогострой» С.О. Фетгаева, ткачихи Ошского производственного хлопчатобумажного объединения им. 50-летия Октября Л.В. Богачевой, мотальщицы Фрунзенской хлопкопрядильной фабрики им. 50-летия СССР С. Кулматовой и многих других широко стали известны в республике [7, с. 7].

Благодаря самоотверженному труду рабочих республика выполняла установленные на пятилетки задания по большинству производственных показателей. Только в одиннадцатой пятилетке объем промышленного производства увеличился на 25,5%. Сверх задания было выпущено различных изделий на 337 млн. руб. [7, с. 5].

В то же время многие изделия легкой, пищевой, местной промышленности, машиностроительных заводов не соответствовали потребительским требованиям. Как следствие, товары имели низкий спрос и залеживались на складах. Нередко продукция ряда предприятий из-за их низкого качества подвергалась браку. К примеру, за 1981-1985 гг. потери от брака в промышленности превысили 25 млн. руб. В Минлегпроме республики они достигли почти 1 млн. руб. Велики были потери от брака в объединении «Киргизавтомаш», на Фрунзенском опытном заводе электровакуумного машиностроения, в обувном объединении [7, с. 15].

С целью повышения эффективности и качества производства во всех отраслях промышленности осуществлялись мероприятия по внедрению передовой техники и технологии в производство. Так, в 1981-1985 гг. в промышленности Кыргызстана было задействовано более 500 механизированных, поточных и автоматических линий, комплексно

механизировано и автоматизировано около 200 участков, цехов и производств [4, с. 108]. Это позволило повысить уровень механизации труда, несколько улучшить его условия. Были освоены новые виды оборудования, аппаратов и приборов. За счет роста производительности труда получено 70% прироста продукции.

Однако масштабы и темпы внедрения достижений науки и техники в экономике были неудовлетворительными. Ни разу в течение пятилеток не был выполнен в полном объеме план по этому показателю. Медленными темпами шло обновление производства, а на ряде предприятий даже простаивали новейшие станки и оборудование. Это объяснялось незаинтересованностью предприятий во внедрении новшеств, им выгоднее было продолжать выпуск ранее освоенной продукции. Борьба шла не столько за интеграцию науки и производства, сколько за выполнение текущих заданий, нередко любой ценой. Поэтому рост производства обеспечивался в основном за счет ввода в действие все новых объектов.

В 1970-е – начале 1980-х гг. в экономике республики наметился процесс рационализации отраслевой структуры, главным образом за счет создания производств, обеспечивающих изготовление конечной продукции. Так, благодаря вводу в строй Токмакской фабрики по первичной обработке шерсти, Киргизского камвольно-суконного комбината, Кара-Балтинского коврового комбината, расширению мощностей Фрунзенского трикотажного объединения в республике был создан развернутый комплекс, позволивший наряду со значительными поставками сырья для шерстяной промышленности Союза расширить производство конечной продукции на месте.

Такие же изменения произошли в развитии хлопкового комплекса, который с вводом производственного хлопчатобумажного объединения в Оше, расширением Фрунзенской хлопкопрядильной фабрики и других предприятий стал включать в себя все основные производства технологического цикла.

В целом, промышленность Кыргызстана в обстановке «развитого социализма» развивалась как органическая часть единого народно-хозяйственного комплекса страны. В 1966-1985 гг. национальный доход республики вырос в 2,7 раза, промышленная продукция – в 4,4 раза. Из них отрасль машиностроения и обработки металлов выросла в 8 раз, а производство электроэнергии – в 5 раз. На долю промышленности приходилось 60% валовой продукции, более половины национального дохода республики [5, с. 255].

Основное направление в народном хозяйстве республики стали определять такие отрасли промышленности, как машиностроение, цветная металлургия, электроника, электротехника, приборостроение, строительная индустрия, гидроэнергетика. Было реконструировано или построено заново множество предприятий легкой, пищевой и мясомолочной промышленности. В начале 1980-х гг. в Кыргызстане насчитывалось 405 крупных промышленных предприятий, представлявших 130 отраслей, выпускающих продукцию 3700 наименований [8, с. 157].

Несмотря на достигнутые успехи в индустриальном развитии республики, к середине 1980-х гг. экстенсивный путь развития промышленности исчерпал свои возможности, на первый план все более настойчиво выдвигалась необходимость структурной и управленческой перестройки, коренных преобразований самой основы производственных отношений.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что Кыргызстан во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. достиг значительного роста индустриального потенциала по сравнению с предыдущими десятилетиями. Основу экономики составляла многоотраслевая промышленность, на долю которой приходилось 60% совокупного общественного продукта и более половины национального дохода республики.

Вместе с тем, не все, что предусматривалось в планах пятилеток, выполнялось. Некоторые отрасли промышленности республики не справлялись с пятилетними заданиями. Предприятия зачастую работали без должной эффективности. Среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности снижались год от года.

В целом, промышленность Кыргызстана развивалась на экстенсивной основе, втягивая в процесс производства все большее количество материальных, природных и трудовых ресурсов. При этом развитие промышленного производства страдало прежде всего от сверхцентрализованного управления, мелочной регламентации деятельности хозяйствующих субъектов. Главным препятствием в развитии промышленности являлась административно-командная система, тотальное планирование и отраслевой монополизм.

Список литературы:

- 1.ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 159. Д. 50.
- 2.Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979. – 748 с.
- 3.Народное хозяйство Киргизской ССР. 1971 г.: Юбилейный стат. сборник. – Фрунзе, 1973. – 390 с.
- 4.Бактыгулов Дж.С. История Киргизской ССР. – Фрунзе: КГУ, 1990. – 156 с.
- 5.История кыргызов и Кыргызстана / Отв. ред. Т. Койчуев. – Бишкек: Илим, 1995. – 328 с.
- 6.Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. История Кыргызстана. – Бишкек: Учкун, 2002. – 576 с.
- 7.Масалиев А.М. Отчет ЦК КП Киргизии XVIII съезду Компартии Киргизии: Докл. первого секретаря ЦК Компартии Киргизии 23 янв. 1986 г. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 56 с.
- 8.Киргизская ССР: Энциклопедия. – Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1982. – 488 с.

Жукова Вероника Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

SPIN-код: 3623-1692

ПРОВЕДЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ГРЯЗОВЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА А.И. ЖЕЛЕЗНЯКОВА)

Аннотация: На основе материалов дневника А.И. Железнякова в статье рассматриваются вопросы становления колхозного строя в грязовецкой деревне. Автор дневника был активным участником данного процесса так как был председателем сельсовета. В дневнике он описывает трудности при организации колхозов: саботаж единоличников и кулаков. Проблемы были и в образованных колхозах: организация работ и социалистического соревнования, наличие сельхозинвентаря и скота. Автор дневника был убежден в правильности выбранного пути.

Ключевые слова: коллективизация, сельское хозяйство, колхозное крестьянство, колхоз, дневник.

COLLECTIVIZATION IN THE GRYAZOVETS VILLAGE (BASED ON THE MATERIALS OF A.I. ZHELEZNYAKOV'S DIARY)

Summary: Based on the materials of A.I. Zheleznyakov's diary, the article examines the issues of the formation of the collective farm system in the gryazovets villages. The author of the diary was an active participant in this process as he was the chairman of the village council. In his diary, he describes the difficulties in organizing collective farms: the sabotage of individual farmers and kulaks. There were also problems in the formed collective farms: the organization of work and socialist competition, the availability of agricultural equipment and livestock. The author of the diary was convinced of the correctness of the chosen path.

Keywords: collectivization, agriculture, collective farm peasantry, collective farm, diary.

Дневники сельских жителей являются интересным источником. В них крестьяне рассказывают о каждодневных заботах иногда высказывают свое отношение к происходящим событиям. Автор уже неоднократно обращалась к данному виду источников [2, с. 105 – 110]. В этой статье хочется обратить внимание на поворотный период жизни сельского сообщества и рассмотреть его с точки зрения не самих крестьян, а представителя местной власти.

Александр Иванович Железняков – автор дневника был активным организатором колхозов [1, с. 454 – 521]. Он искренне верил, что только перестроив жизнь по-новому можно жить лучше, переживает за общее дело. А.И. Железняков был назначен председателем Пироговского сельсовета

Грязовецкого района Вологодской области. В частности, 30 мая 1934 г. он пишет: «Работаю в Пироговском сельсовете четвертый месяц» [1, с. 456]. Анализируя дневник, мы можем выделить несколько проблем, которые затрагивает в своем повествовании автор.

Одной из проблем он выделяет организацию колхозов. В своем дневнике он подходит к этой проблеме с двух ракурсов. Во-первых, это борьба с кулачеством и их сподвижниками, а во-вторых, показ превосходства коллективного способа работы над индивидуальным путем сопоставления итогов деятельности. Автор дневника 30 мая 1934 г. отмечает, что по вверенному ему сельсовету уровень коллективизации достиг 48% и за весенний период новых колхозов образовано не было, а в ранее существующие вошло 15 хозяйств [1, с. 458].

Уже в первые месяцы своей работы отмечает некое противодействие со стороны единоличников (подкулачников), которое выражалось, по его словам, в нежелании проводить ранний сев, высушивании почвы перед посевом, боронование деревянной бороной, что приводило к рыхлению поверхностных слоев почвы [1, с. 456 – 457]. Все эти действия приводили в дальнейшем к снижению урожайности.

А.И. Железняков неоднократно отмечал, что довольно трудно проходили компании по организации займов и контрактации. Автор дневника отмечает, что приходится довольно много времени посвящать убеждению людей в необходимости реализации данных мероприятий. В частности, он отмечает: «Долго топтались на месте, и цыганом-то меня обзывали за настойчивость в отдельности к каждому. Все же склонились на мою сторону и дали подписку на заем» [1, с. 466]. При поднятии этих вопросов разворачивается активное противостояние и А.И. Железняков отмечает, что оно провоцируется кулаками. Нужно отметить, что любую возникающую дискуссию он называет кулацким саботажем, хотя из дневниковых записей нет возможности понять было ли это противостояние действительно организовано кулацким активом. Дневник не содержит конкретных описаний крестьянских хозяйств [1, с. 465].

Довольно ожесточенно проходили дискуссии с колхозниками по поводу сдачи сельхозпродукции в пользу государства. Так, при проведении работы об организации красного обоза среди единоличников в 1933 г. в деревне Черницино крестьянин А.А. Ошмарин заявил «что за грабеж идет. Подай сено, хлеб, шерсть, мясо, все подай. Долго ли будет это продолжаться. В колхоз говорили надо организовываться, там тоже плохо. Хвалить – погодить. По миру ходят» [1, с. 481]. Чаще всего после подобных выступлений автор дневника прибегал к методу убеждения. Во время этих речей он использовал выражения классовый враг, антисоветских элемент, паразит, морально разложившийся элемент, выполняя лозунг в первую очередь государству [1, с. 481, 482, 483, 484, 505]. На собраниях иногда ставился вопрос о приравнивании середняков к кулакам [1, с. 483]. В отношении крестьян, которые систематические не

выполняли норму сдачи сельхозпродукции в пользу государства устраивались судебные разбирательства [1, с. 486 – 488, 505 – 507].

Не всегда А.И. Железнякову удавалось убедить крестьян. Так, он пытался убедить единоличников деревни Крестовка о необходимости создания колхоза. Результат продолжительной беседы был отрицательным. Жители деревни решили отложить этот вопрос до осени. В этой деревне продолжали быть в колхозе только три хозяйства, вступившие во время весенней посевной компании [1, с. 466 – 467].

Одной из трудностей, как у колхозников, так и у единоличников, автор дневника считает отсутствие дисциплины (не выход на работу, опоздания, отказ от выполнения работ (прополка), игнорирование выполнения решений) и социальные пороки в виде пьянства, хулиганства и воровства.

Так, в записи от 5 июня 1933 г. он отмечает, что намеченный пленум Пироговского сельского совета не состоялся из-за праздника Троица и Духова дня было много пьяных и даже был случай хулиганства с применением ножа. Такие ситуации возникали неоднократно [1, с. 461]. Единоличник Громов по словам односельчан на собрания без ножа не ходит и постоянно всем угрожает расправой [1, с. 484]. 25 августа 1933 г. есть описание поля единоличника Громова из деревни Мокрынино, где вырос громадный осот, который в итоге заглушил рожь [1, с. 486].

Была еще одна сложность – организация выполнения различных планов, в том числе по разным заготовкам. Так, автор дневника отмечает, что было отставание от плана выполнения работ по весеннему посеву корнеплодов и плодоовощей [1, с. 462 – 463]. Довольно большое отставание в вверенном автору сельсовете было по заготовке молока. Недельный план был выполнен только на 7,6% [1, с. 463]. А.И. Железняков анализирует создавшееся положение и выясняет, что только один колхоз «Красный дворец» Пироговского сельсовета выполняет и даже превышает план по заготовке молока [1, с. 463]. Кроме этого, он отмечает, что молоко в этом колхозе для питания дают детям на детплощадках.

Из этого вытекает сопутствующее затруднение – наличие скота и его состояние в колхозах. В колхозе «Советский актив» председатель сообщил, что большая часть коров заражены туберкулезом и вообще находятся в неудовлетворительном состоянии «кости, обтянутые кожей». Отмечается также плохое отношение колхозников к обобществленному скоту «Рядом две коровы: одна колхозная, а другая в личном пользовании колхозника. Последняя и чистая, и сытая, а первая – одне кости и кожа» [1, с. 463 – 464]. Была поставлена задача улучшения пастбищ и изыскать подкормку скота.

Когда был полностью завершён весенний сев автор дневника пишет, что посев зерновых в колхозах был завершён за 15 дней в отличие от единоличных, где сев был завершён за 20 дней [1, с. 470]. После посевной компании нужно было организовывать прополку и сеноуборку.

В записях от 4 июля 1933 г. автор радостно сообщает об организации нового колхоза, состоящего из 14 хозяйств, в деревне Мокрынино. Колхоз назвали «Новая жизнь». В своих записях автор дневника пишет, что плохой колхоз, так как на 14 хозяйств имеется 6 лошадей, 2 коровы и 3 телки. Так же он отмечает, что был для организованного колхоза определен сенокос в размере 90 га. Колхозники были разбиты на звенья и уже на следующее утро приступили к сенокосу [1, с. 472 – 473].

Довольно много места в своем дневнике он уделяет сопоставлению колхозных успехов и действиями единоличников. Отмечает, что «с колхозниками не то, что с единоличникам, скорее договоришься, скорей колхозник поймет...» [1, с. 480]. Сеноуборка колхозами была начата 24 июня и закончена через месяц и отмечает, что был полностью и досрочно выполнен план в отличии от единоличников, среди которых выделяет «отдельных злостные саботажников», которые еще ничего не сдали.

Вторая проблема, которая поднимается автором дневника это организация работы колхозников и связанная с ней их оплата труда. Поднимается вопрос о более эффективной работе колхозников путем организации социалистического соревнования, ударничества и стахановских недель.

Автор дневника отмечает, что его первая весенняя компания на новом посту в принципе была достаточно успешной. Был выполнен и даже перевыполнен планы льнозаготовок и картофелезаготовок, посевной компании по зерновым (100%), льну (103%) и кормовым культурам (111%) [1, с. 456]. А.И. Железняков искренне радуется, когда перевыполняются установленные нормы. Так, он отмечает Спидонова, который вспахивал в среднем в день 0,61 га пашни вместо 0,45 га, сеятеля Голикова, который выполнял 3 га в день вместо 2,5 га. Оба они были из колхоза «Сталинский призыв» [1, с. 458]. В ходе посевной компании, отмечает А.И. Железняков, была произведена раскорчевка 40 га [1, с. 468].

Приводит автор дневника и отрицательные примеры. Так, в колхозе имени Калинина за весенний посевной сезон не было организовано социалистическое соревнование и не было ни одного ударника, зато были отмечены случаи безответственного отношения к работе. В частности, колхозница Голикова при бороньбе не заметила, как у нее отцепилась борона и 200 метров боронила без нее. Так же автор дневника отмечал, что в данном колхозе не все колхозники выполнили план [1, с. 459]. На собрании этого колхоза так же поднимался вопрос о выдаче колхозникам семенного фонда для пропитания и А.И. Железняков потребовал возвращения семян и выполнения в полном объеме весеннего сева [1, с. 461].

В записи от 28 июля 1933 г. отмечает, что все колхозы были охвачены социалистическим соревнованием. При подведении итогов в колхозе «Красный дворец» было выделено лучшее звено А.М. Гусарина, которое было предложено премировать. Звену в качестве премии было выдано 10 м

мануфактуры. Это событие вызвало бурное обсуждение среди колхозников [1, с. 480].

Главной своей опорой при работе с местным населением А.И. Железняков считал ударников. В записи от 20 июня 1933 г. в дневнике мы читаем о слете колхозников-ударников, где поднимались вопросы организации прополки, силосования и сенокоса. 5 лучших ударников были выдвинуты для участия в районном слете колхозников-ударников.

В дневнике приводится текст резолюции от 16 июля 1933 г., который был написан А.И. Железняковым, по его словам, единогласно принятый колхозницами-ударницами [1, с. 477 – 478]. В тексте приведенной резолюции в позитивном ключе колхозники берут на себя обязательства по прополке всех яровых культур, проведению сенокоса и силосования. Берут обязательства построить к стойловому периоду телятники для яловых коров и увеличить надой молока. В резолюции были прописаны обязательства по уборочной компании: «не допустим перестоя на корню» (про лен), «уборку хлеба начать в ранней восковой спелости», «жнитво ржи начать не позднее 1-го августа, закончить в срок 7 дней, а также и яровые культуры по мере их созревания в установленные в известные нам сроки». Было прописано так же обязательство борьбы с потерями урожая. Уделено внимание трудовой дисциплине и борьбе с колхозными врагами.

Автор дневника описывает работу колхозницы А.И. Буйловой из колхоза «Красный дворец». «Ежедневно выполняет и перевыполняет норму выработки. Ее посылают на разные работы, она никогда ни от одной работы не отказывалась... За ней не числятся никаких недоимок» [1, с. 505]. А.И. Железняков поинтересовался, почему она не вызывает других на соревнование. «Ой, А.И. Заели меня все, что я ударница. На каждом шагу слышу одни оскорбления и насмешки... В это время друг почти все женщины вступили в другое соревнование – в ругань между собою, – направленное против ударников» [1, с. 505].

В июле 1933 г. при организации прополки свеклы в колхозе «Советский актив» встал вопрос о записывании трудодней в трудовые книжки. Здесь у А.И. Железнякова возникли сомнения относительно правильности установления норм трудодней за разные виды выполненных работ [1, с. 475].

Довольно часто встречается в дневнике тема «работы даром». «До нового года не будем работать, какой нам интерес работать задаром», «Дайте хлеба, з голоду заморили, не будем работать, поработали задаром, хватит». Почему не вышли? Говорят, хлеба нет» [1, с. 517, 518, 512].

Иногда председатели колхозов устраивали проверку насколько ответственно колхозники выполняют поручения. Так, в дневнике описан случай проверки председателя Лимонова из колхоза «Советский актив» сторожа, охранявшего скотных двор. Сторож спал, и председатель беспрепятственно увел корову со скотного двора. Через два часа испуганный сторож прибежал к

председателю доложить о случившемся происшествии и узнал о том, что это была проверка [1, с. 475 – 476].

В своем дневнике А.И. Железняков сообщает о неспособности некоторых председателей колхоза руководить. Так, председателю Кузнецову он дает довольно низкую оценку. Он пишет, что председатель провалил постройку телятника, не применяет мер по улучшению трудовой дисциплины, навоз не вывозится, дворы не утеплены, молодняк заморен. Кроме невыполнения своих должностных обязанностей председателя, его часто видели пьяным [1, с. 495].

Еще одну проблему, которую поднимает автор – обеспечение колхозников сельскохозяйственным инвентарем и механизация труда. Сюда же можно отнести строительство скотных дворов, конюшен обеспечение работы кузнец.

Из записи от 10 июля 1933 г. мы узнаем, что проводился рейд проверки колхозов к уборочной компании. В ходе данных мероприятий было выявлено, что в колхозах не было выбрано ответственного лица по хозяйственной части, который бы отвечал за своевременный ремонт инвентаря, техники и помещений. Практически сразу правлением колхоза был избран завхоз, но нужно отметить, что человек оказался не очень сознательным, так как в этот же день он был уличен в воровстве нового колхозного плуга [1, с. 474 – 475].

Отмечает А.И. Железняков плохое качество сельскохозяйственного инвентаря «коса неважная», «коса неколоченная... Приходилось часто точить и брать боком» [1, с. 478, 485].

28 июля 1933 г. был поставлен вопрос о необходимости вручную тереть лен. Колхозники заявили, что есть для этого машина, которая не работает. А.И. Железняков ответил, что нужно научиться колхозникам работать на машине [1, с. 480].

15 декабря 1935 г. на собрании колхозы было принято решение приобрести двенадцатидисковую сеялку, конные грабли, две телеги на железном ходу, одну борону трехзвенку. Отремонтировать к 1 февраля упряжь и весь сельхозинвентарь [1, с. 518].

В записях от 7 февраля 1936 г. автор дневника описывает результаты «стахановской пятидневки», где с одной стороны отмечает хорошую, ответственную работу кузнецов, а с другой отмечает некомплектность инструментов в кузнице: «нет тисков, нет инструмента нарезать резьбу, нет хорошаго рашпиля, даже напилка!» [1, с. 519]. За это несет ответственность правление колхоза, которое должно приобретать инструменты в случае из необходимости.

Были в некоторых колхозах построены современные мяльно-трепальные пункты. Об одном из них, построенном в колхозе «Красный пахарь», так же рассказывает на страницах своего дневника А.И. Железняков. Хотя и на этом колхозном предприятии были выявлены некоторые недостатки [1, с. 514 – 516].

Исходя из описанного в дневнике складывается впечатление, что большинство крестьянского сообщества представляют из себя людей, которым

мало что интересно. Они не очень-то верят в успешность всех преобразований. Им было бы лучше если бы их никто не трогал, и они бы жили по-старому. Некоторые именно такую мысль и высказывают. Однажды даже жена одного из председателей колхоза сказала, что «раньше намного лучше было» [1, с. 460]. Сам автор дневника пишет, что многие мечтают «о восстановлении капиталистического пути в деревне, развития индивидуальных хозяйств» [1, с. 481]. Жалко нам, старикам, прежней жизни [1, с. 501]. Правда постепенно складывалось у крестьянства и другое мнение: «Надо, мужики, правду признать, что нам, единоличникам, не устоять. Нас скоро всех машина задавит» [1, с. 499].

Таким образом, дневник А.И. Железнякова говорит с нами языком человека, искренне верившего в счастливое будущее, путь в которое лежит через создание коллективных хозяйств в деревне.

Список литературы:

1. 1933 – 1936 гг. в грязовецкой деревне. (Дневник А.И. Железнякова. Публикация Д.В. Баранова и В.А. Саблина) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. – Вологда, 1994. – Вып. 1. – С. 454 – 521.
2. Жукова В.С. Колхозное крестьянство Вологодской области в довоенное время (по материалам воспоминаний В.Т. Ульяновского) // III Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения). Москва, 2022. – С. 105 – 110.

Земцова Ирина Валерьевна

кандидат искусствоведения, доцент

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

SPIN-код: 3215-7007

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО 1960 – 1980-Х ГГ. В МУЗЕЙНОЙ И ВЫСТАВОЧНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация: Статья посвящена анализу и критике концепций, лежащих в основе создания выставок и экспозиций советского искусства 1960 – 1980-х годов. Автор поднимает проблему отсутствия концептуального подхода, взвешенного подхода, позволяющего представить искусство данного периода, опираясь на объективную художественную ценность произведений, их реальную роль в художественном процессе и место в истории русского и мирового искусства. Автор представляет своё видение причин концептуальных неудач при экспонировании искусства рассматриваемого периода.

Ключевые слова: выставка, экспозиция, нонконформизм, авангард, концептуальное искусство, советское искусство, соцреализм, бинарность.

SOVIET ART 1960 – 1980'S IN MUSEUM AND EXHIBITION EXPOSITION (TO THE PROBLEM STATEMENT)

Summary: The article is devoted to the analysis and criticism of the concepts underlying the creation of exhibitions and expositions of Soviet art in the 1960s – 1980s. The author raises the problem of the lack of a conceptual approach, a balanced approach that allows us to present the art of this period, based on the objective artistic value of the works, their real role in the artistic process and their place in the history of Russian and world art. The author presents her vision of the causes of conceptual failures in the exhibition of art of the period in question.

Keywords: exhibition, exposition, nonconformism, avant-garde, conceptual art, Soviet art, social realism, binary.

Брежневская эпоха в изобразительном искусстве для значительной части музейного сообщества не представляется отдалённой, она ещё не получила той достаточной дистанции для отстранённого профессионального, лишённого политической и социальной ангажированности оценивания, с которыми можно подходить уже к эпохе большого стиля. «Послеоттепельный» период сложен для составления взвешенной и обоснованной экспозиции его искусства по многим причинам. Для национального живописного собрания важно не только представить в фондах и на экспозиции выдающиеся произведения эпохи, но и показать через них развитие стилей, направлений и важнейших тем, эту эпоху характеризующих, как с точки зрения общественных настроений, так и с точки

зрения воплощения художественных образов, отражающих значимые для общества идеи и картину мира.

В русле этих рассуждений нынешнее знание о процессах в искусстве 1960-1980-х гг. пока не приобрело характера системности, а фрагментарность его коллекций, даже в таких музеях как Русский музей и Третьяковская галерея, не позволяет систематизировать работы, опираясь на их объективную художественную ценность. Процесс ревизии художественного наследия поздней советской эпохи ещё идёт. Коллекции центральных и провинциальных музеев постоянно, но не системно, пополняются за счёт дарений и, реже, целевых закупок. Так в 2021 г. активно шёл процесс поиска и изучения частных коллекций неофициального искусства, закупки его у авторов, налаживания контактов с андеграундом, например, в Екатеринбурге [7]. В 2020 г. за счёт коллекции работ художников московской и ленинградской школ из фонда Конфедерации Союзов художников значительно расширилось музейное собрание искусства второй половины XX века Белгородского художественного музея [8]. Подобная музейная политика приводит к определённом перекося в пользу остро актуального в последнее тридцатилетие концептуального искусства. Очевидность такого перекося наблюдается, например, в коллекции искусства второй половины XX века в Русском музее, чьи фонды не представляют всю палитру русского искусства 1960-1980-х гг., но явно отдают предпочтение авторам оппозиционному советскому официальному искусству. Экспозиция, размещённая в Мраморном дворце, уделяет преимущественное внимание нонконформистским работам Элия Белютина, Сергея Ковальского, Татьяны Кернер, Олега Целкова, Владимира Янкилевского, Михаила Шварцмана, Глеба Богомолова и др. Однако собрание это, даже с точки зрения представленности направлений и мастеров, нельзя назвать сколько-нибудь полным. В то же время, произведения, характеризующие общий уровень и проблематику официального искусства, его «школы» и художественный уровень, пропадают из поля зрения зрителя.

Фрагментарность подобного собрания не даёт возможности представить художественный процесс в целом. Однако это далеко не единственная проблема. Унаследованная от самой советской эпохи бинарность, даже полярность, официального и неофициального искусства навязала этот подход и последующему периоду, не позволив выработать принципы оценки произведений вне политической и социальной повестки. Более того, если такая система оценки в какой-то мере успела сложиться для искусства официального, то для нонконформистского – нет.

Экспериментаторский характер творчества неформалов, где во главу угла ставилось высказывание, новизна техники и материалов, провокативность, не позволял подходить с художественными критериями сначала к незаконченному эксперименту, а после к социальному явлению, нередко с «жертвенной» коннотацией. С этой точки зрения очень трудно оценивать работы художников ленинградского авангарда, известные под термином «газонеvщина», которым,

как утверждала знаток этой художественной среды Т. Шехтер, «обозначается "клюква" в неофициальном искусстве» [11], поскольку они воспринимались лишь в контексте с другими работами и нередко в определённом экспозиционном пространстве. Это, однако, не мешает рассматривать «газоневщину» как яркое и значительное явление в искусстве Ленинграда. Трудно поддаются оцениванию как единое течение работы художников из группы «Алеф» Евгения Абезгауза, связанные не столько единой художественной концепцией, сколько политическими и национальными идеями. Они отличаются по дарованию, тяготеют к разным художественным практикам и стилям.

Директор галереи pop/off/art, историк искусства Сергей Попов так представляет предстоящие задачи музейной и выставочной работы с искусством данного периода: «Сейчас необходимо вырабатывать систему оценок по художественным критериям, согласно которым должны быть переосмыслены многие фигуры, без разделения на принадлежность к тем или иным лагерям. Как ни жутковато об этом говорить, нашей дискретной истории искусства необходима большая цельность и, если угодно, сложность внутри этой цельности» [8]. Единый оценочный маркер здесь явно не подойдёт, поскольку нередко невозможно присоединить даже творчество одного художника к одному из лагерей. В качестве ярких примеров можно привести творчество видного советского промышленного дизайнера и в то же время знакового представителя нонконформизма и мистика Михаила Шварцмана, также, как и творчество художника детской книги и одновременно яркого художника-неформала Эрика Булатова.

Пагубность противопоставления «официальный/неофициальный», «авангардный/соцреалистический», «советский/антисоветский» как раз хорошо чувствовали сами художники-нонконформисты, стремясь влиться в официальную структуру художественной жизни, институализировать свои объединения. Процесс борьбы нонконформистов Ленинграда за официальное признание хорошо описан у той же Т. Шехтер [11]. Однако эта дихотомия хорошо вписывалась в западный нарратив о развитии искусства в Советском Союзе и была озвучена и утверждена такими мэтрами современного искусствознания как Б. Гройс и И. Голомшток.

Начиная 1990-х гг. инерция этого нарратива проявилась в полной мере в выставочных проектах, посвящённых исследованию советского искусства. Политическая поляризация как подход к экспонированию современного искусства, породила в практике кураторов выставок своеобразное слияние понятия «современное русское искусство» с искусством, прежде всего, нонконформистов, представляющих антимир поздней советской действительности. Так оно представлялось А. Глезером - организатором выставок неофициального искусства, собиравшим его от Москвы до Владивостока: «Выставка коллекции Александра Глезера» (1995, ГМИИ им. А. С. Пушкина), «Тридцать лет спустя. Клуб «Дружба», 1967 –1997» (1997,

ГМИРЛИ им. В. И. Даля), «Лианозовская группа: истоки и судьбы» (1998, ГТГ на Крымском валу).

Проекты Русского музея, такие как выставки советского андеграунда 1960-1980-х «Транзит» (1990) и «Другое искусство» (1991), выставки актуального искусства «Территория искусства» (1990) и «Самоидентификация» (1995), демонстрировали поворот к интеграции в мировой (западный модернистский) художественный процесс [4]. Парадокс, однако, заключался в том, что декларируемым шагом к свободе творчества и неполитизированности искусства это стать не могло, т.к. искусство в традиционном смысле в практике западных кураторов выставок уже относилось к разряду «неискусства» [2, с. 7] и далее могло использоваться только как объект постмодернистской иронии. Следовательно, всё, что не могло быть отнесено к «актуальному искусству» исключалось из художественного процесса и выпадало из поля зрения истории искусства. Последствия этого поворота видны в концепциях последующих выставок, посвящённых искусству в СССР, и ощущаются до сих пор даже при устройстве постоянных экспозиций.

Попытки найти место в истории искусства для разных художественных течений предпринимались. Среди наиболее знаковых выставок «Агитация за счастье» (1994, ГРМ), посвящённая советскому искусству 1930-50-х годов. Здесь впервые появилась идея разделить экспозицию не по стилям и направлениям, а на тематические блоки. Таким образом андеграунд оказывался представленным как форма социальной жизни, а не искусства. Выставку эту можно в полной мере отнести к тому типу, который Е. Андреева метко назвала выставками-аттракционами [1]. «Агитация за счастье» также базировалась на бинарной модели представления искусства, противопоставив искусство официальное («тоталитарное») и искусство, вытесненное из публичного пространства. «Задача выставок-аттракционов изначально связана с реконструкцией соцреализма как мифологического культового искусства социального единства и оптимизма» [1]. Таким образом художественная составляющая проекта оказывалась жёстко подчинена идеологической.

Таким же проектом-аттракционом с экспозицией, построенной по той же бинарной схеме, стала и выставка «Время перемен. Искусство 1960–1985 в Советском Союзе» (2006, ГРМ). По мнению Л. Мочалова, размещение работ «официальных» художников и «нонконформистов» в разных крыльях корпуса Бенуа, хотя и «зрелищно подчеркивало драматургию «времени перемен», некие его «несомненные» реалии», однако искажало реальную их роль в художественной жизни 1960–1985 гг. [5].

Другим типом выставок стали выставки исследовательские, сделавшие своим предметом так называемый «третий путь». Объектом их изучения сначала стало искусство модернизма 1920–1930-х гг., но рассматриваемое через призму определённой темы. Далее этот подход распространился и на искусство последующих десятилетий. Например, выставка «Абстракция в России. XX век» (2001-2002, ГРМ) исследовала связи классического русского авангарда и

его последователей во второй половине XX века; «Романтический реализм. Советская живопись 1925–1945 годов» (2015, ЦВЗ Манеж) изучала советский миф 1930-х с его пафосом жизнестроительства, впервые сознательно сглаживая бинарную модель.

Иногда исследование обращается не на искусство, а на определённое явление жизни, представленное средствами искусства и позволяющее объединить художников полярных друг другу по художественным методам: «Дети страны Советов» (2017 г., Мраморный дворец ГРМ) представила образ счастливого советского детства; выставка «ДК СССР» (2022–2023, ЦВЗ «Манеж») создавала почти мифический образ исторических Дворцов культуры Советского Союза как лабораторий советской культуры, породивших не только шедевры авангарда и соцреализма, но и искусство нонконформизма.

Примеры выставок-исследований, где кураторы постарались найти научную основу для показа всего многообразия расширившейся территории искусства без маргинализации отдельных культурных пластов, без навязывания искусственных иерархий уже появились. Можно назвать выставку «Модернизм без манифеста» (2017–2018, Московский музей современного искусства), представившую одну из самых значительных российских частных коллекций – коллекцию Романа Бабичева. Кураторы стремились показать художественный процесс от модерна и Союза русских художников до 1970–1980-х, понять закономерности развития каждого из направлений, «увидеть XX век как горизонтальную сеть взаимодополняющих и тесно связанных художественных процессов» [6, с. 13]. Выставка «Эхо экспрессионизма. Искусство Ленинграда середины – второй половины XX века» (ГРМ, 2020), посвящённая эволюции направления и преемственности художественных смыслов, объединила художников разных групп и разного статуса в профессиональной иерархии, позволив оказаться рядом работам и Владимира Шагина, и Евсея Моисеенко.

Выставочный проект «Ненавсегда» (ГТГ, 2020), представивший искусство «развитого социализма», позиционировался кураторами как антропологическое исследование этого периода. Её куратор, Кирилл Светляков, объясняет замысел как исследование психологии эпохи: «Мы пытались описать эпоху по ключевым проблемам. ... Неофициальное искусство здесь не противопоставлено официальному, они намеренно не рассортированы на два автономных блока, а образуют причудливое единство» [10]. Концепция выражена в уже привычной системе из 8 тематических блоков, отражающих ключевые темы: «Ритуал и власть», «Соц-арт», «Религиозный мистицизм», «Деревня», «Детство», «Сообщества», «История и остановленное время», «Исчезновение». Однако, пытаясь не впасть в дихотомию при составлении экспозиции, кураторы вовсе потеряли целый пласт соцреалистических работ, прекрасно раскрывающих темы и имеющих несомненные художественные достоинства. В результате, позиционируя выставку как представляющую идеи, поданные через стилевое многообразие, сделали её однобокой и, в отношении художественного процесса, нерепрезентативной.

Тенденция строить выставки по тематическим блокам сохраняется и в белгородской выставке «О Родине, о жизни, о себе. Искусство СССР от “оттепели” до “перестройки”» (2021-2022, Белгородский художественный музей), где пять тематических блоков отражали характерные для советского времени этапы роста и формирования, которые проходил каждый советский человек [9]. Несмотря на то, что большая часть экспозиционного материала принадлежит к «официальному» искусству, игра с аллюзиями, манипуляции памятью переносят акцент на идеи близкие актуальному искусству. Объектом выставки таким образом становятся идеи, а не искусство.

На фоне периодических рэкспозиций в крупнейших коллекциях русского искусства в Русском музее и Третьяковской галерее в 1990 – 2010-е гг. постепенно в экспозицию входили сначала произведения русского авангарда, затем и нонконформизма. Способ их экспонирования породил дискуссии в искусствоведческом сообществе, вызвавшие к жизни концепции «тихого искусства» М. Германа и «третьего пути» Л. Мочалова [3, 5]. Несмотря на некоторые разногласия, выявился главный вопрос о неприемлемости политизации искусства, заслоняющей его цели и задачи, пренебрегающей художественными ценностями, что в равной мере проявляется и в «официальном», и в «неофициальном» искусстве. Мочалов в равной степени не приемлет доктринальности как в закупочной политике музеев, так и в третировании и осмеянии школы с её традициями мастерства со стороны нонконформистов. В «третьем пути» он видел противовес догматизму, дилетантизму, конъюнктурности. При этом традиции русского авангарда он относит скорее к нему, не считая нонконформизм его преемником. Бинарный подход Б. Гройса уже тогда был раскритикован как бесперспективный для художественной практики и науки [3].

Однако, если вопрос о том, как репрезентовать в постоянной экспозиции искусство первой половины – середины XX века постепенно прояснился, чему способствовали, безусловно, опыты организации выставок по этой тематике, то вопрос как представлять зрителю искусство 1960 – 1980-х гг. неясен, и проблема эта ярко выявилась в неудачном с концептуальной точки зрения проекте «Ненавсегда».

Анализируя опыт экспонирования искусства поздней советской эпохи, можно заметить, что явная тема, которая проходит через все проекты и при этом не меняется уже три десятилетия – это ирония, заложенная в восприятие не столько действительности, сколько самого произведения искусства независимо от принадлежности к тому или иному лагерю. Как отмечал тот же Гройс, ирония эта проявилась как реакция художников 1970-1980-х гг. на «неудачу различных визуальных языков искусства в деле овладения реальностью» [2, с. 293]. Приём остранения, дистанцирования от образов искусства, свойственный авангардным течениям, получил дополнительный импульс от увлечения структурализмом, закрепив и у художников-интеллектуалов, и у теоретиков искусства привычку навязчивой ревизии

знаков, форм, цитат и аллюзий. Таким образом, произошло подчинение философской интеллектуальной игре процесса научного анализа и экспертной оценки художественных произведений и самого процесса развития искусства.

Постепенное осознание отсутствия концепции экспонирования русского искусства позднего советского периода, ставит и проблему более серьёзную. Отсутствие концептуального подхода к предшествующим периодам, фрагментарность в их подаче, ведёт и к столь же фрагментарному, не цельному восприятию процесса развития современного искусства, превращению его выставок в такие-же выставки-аттракционы, реже исследования узкой специфичной темы. Критерии выбора произведений для пополнения отделов современного искусства смещаются к вкусовщине, случайному выбору, прихотливости дарений.

Подводя итог более чем тридцатилетнему опыту экспонирования искусства позднего советского периода, можно сказать, что существование его в ситуации двух версий истории искусства, двух векторов его развития, неопределённости критериев в понимании того, что считать искусством, поставило ряд серьёзных вопросов. Прежде всего о том, что взять за основу для выстраивания иерархии ценности представляемых произведений: сохранение-ли памяти об эпохе во всей её многогранности, успешность-ли художественных практик для решения поставленных себе художником задач. Важно понять, что должно превалировать в оценивании произведения искусства сейчас: история или репрезентация ментальности определённой эпохи, иллюстрация социальной истории и социальная память, представления о человеке и образы мечты о будущем, неокрашенная идеологией повседневность и картина подлинной жизни. Искусство всё же не только семиотическая система и почва для бесконечного умножения смыслов. Для создания полноценной экспозиции искусства определённого периода значимо передать направление художественного поиска как отражение эмоции, духа и нерва своего времени.

Список литературы:

1. Андреева Е. Ю. Советское искусство на художественных выставках и в экспозициях российских музеев и галерей 1990–2020-х годов // Художественная культура. — 2023. — № 4. — С. 390–421.
2. Гройс Б. Утопия и обмен. — М.: «Знак», 1993. — 376 с.
3. Иванов С. В. Ленинградская школа и критика концепции «третьего пути» // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 27. — СПб., 2013.— С. 267–275.
4. Карлова А. И. Из истории музеефикации петербургского актуального искусства 1990-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2015. — № 12 (62): в 4-х ч. — Ч. I. — С. 107–110.

5. Мочалов Л. В поисках третьего пути // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 16 — СПб., 2009.— С. 215–230.
6. Плунгян Н. Советский модернизм: довоенный период // Модернизм без манифеста. Собрание Романа Бабичева. Т. 2: Русское искусство. 1920 — 1950 / Тексты: Р. Бабичев, Н. Плунгян, А. Селиванова, М. Силина. М.: ABCdesign, 2017. — 652 с.
7. Пономарёва Н.И. Свердловский художественный андеграунд 1960-1980-х годов в Екатеринбургском музее изобразительных искусств: анализ коллекции и перспективы ее развития // Искусство Евразии. — 2022. — № 1 (24). — С. 124-133.
8. Ревизия советского искусства: здесь и сейчас? // Портал «Артгид». — URL: <https://artguide.com/posts/1413> (дата обращения: 28.02.24)
9. Селютина А. А. Принципы экспонирования и интерпретации произведений советского периода на примере выставки «О родине, о жизни, о себе. Искусство СССР от “оттепели” до “перестройки”» из собрания Белгородского художественного музея // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. Материалы III научно-практической конференции. Братск, 2023. С. 23-28.
10. Смолев Д. Это странное время — застой. «Ненавсегда» в Третьяковке // The Art Newspaper Russia. — 03/07/2020. — № 83. — URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/8213/> (дата обращения: 26.02.24)
11. Шехтер Т. Неофициальное искусство Петербурга (Ленинграда). Очерки истории // Сайт: Арт-центр «Пушкинская, 10». — URL: <https://p-10.ru/neoficialnoe-iskusstvo-peterburga-leningrada-ocherki-istorii/> (дата обращения: 24.02.24).

Зернина Маргарита Борисовна

аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления (филиал)

SPIN-код - 6732-2871

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К РЕФОРМАТОРСКОМУ КУРСУ Н. С. ХРУЩЕВА

Аннотация. В настоящей статье содержится анализ отношения советской интеллигенции к реформаторской деятельности Н. С. Хрущева. Теоретической основой исследования являются основные положения теории элит и теории нового класса, разработанные В. Парето, Дж. Бернхэмом, А. Гоулднером, А. Г. Авторхановым, М. С. Восленским и другими учеными. Автор исходит из расширенной трактовки состава советской интеллигенций, включавшей в себя помимо представителей творческих профессий, нарождающуюся технократию, а также часть партийно-советской и хозяйственной номенклатуры. Исследование показало, что реформаторская политика Н. С. Хрущева носила в значительной мере антиинтеллигентский характер, который к середине 1960-х гг. начал ощущаться практически всеми слоями советской интеллигенции и, в конечном итоге, привел к отставке реформатора. Творческая интеллигенция, сохранявшая в это время еще в значительной мере веру в коммунистические идеалы, все больше фиксировала расхождение конкретных мероприятий курса Н. С. Хрущева с идеями «истинного ленинизма». У технократической интеллигенции необходимость выполнения идеологически нагруженных, но материально не обеспеченных народнохозяйственных задач политики Н. С. Хрущева, породила сомнения в профессиональной компетентности высшей власти. Партийно-советская номенклатура, добившаяся в результате частичной десталинизации, гарантий собственной безопасности от рецидивов массовых репрессий, стремилась остановить дальнейшее размывание моральных основ своей власти результатами провальных реформ своего лидера.

Ключевые слова: Н. С. Хрущев, реформы, советская интеллигенция, технократы, номенклатура, десталинизация.

ANALYSIS OF THE ATTITUDE OF VARIOUS CATEGORIES OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA TO THE REFORMIST COURSE OF N. S. KHRUSHCHEV

Summary. This article contains an analysis of the attitude of the Soviet intelligentsia to the reform activities of N. S. Khrushchev. The theoretical basis of the study is the main provisions of the theory of elites and the theory of the new class, developed by V. Pareto, J. Burnham, A. Gouldner, A. G. Avtorkhanov, M. S. Voslensky and other scientists. The author proceeds from an expanded interpretation of the

composition of the Soviet intelligentsia, which included, in addition to representatives of creative professions, the emerging technocracy, as well as part of the party-Soviet and economic nomenklatura. The study showed that the reform policy of N. S. Khrushchev was largely anti-intellectual in nature, which by the mid-1960s. began to be felt by almost all layers of the Soviet intelligentsia and, ultimately, led to the resignation of the reformer. The creative intelligentsia, which at this time still largely retained faith in communist ideals, increasingly noted the discrepancy between the specific measures of N. S. Khrushchev's course and the ideas of "true Leninism." Among the technocratic intelligentsia, the need to fulfill the ideologically loaded, but financially unsupported national economic tasks of N. S. Khrushchev's policy gave rise to doubts about the professional competence of the highest authorities. The party-Soviet nomenklatura, which, as a result of partial de-Stalinization, achieved guarantees of its own security from relapses of mass repressions, sought to stop the further erosion of the moral foundations of its power by the results of the failed reforms of its leader.

Keywords: N. S. Khrushchev, reforms, Soviet intelligentsia, technocrats, nomenklatura, de-Stalinization.

Интеллигенция представляет собой особую социальную группу, профессионально занимающуюся умственным трудом, обладающую высоким образовательным уровнем и привносящую личностно-индивидуальное начало в свою профессию и общественную жизнь. Спецификой российского содержания термина «интеллигенция» традиционно являлась воспринимаемая ею миссия трансляции на другие общественные группы общечеловеческих ценностей и достижений мировой цивилизации. В настоящей статье автор придерживается социально-профессионального критерия термина «интеллигенция», в соответствии с которым к ней относятся люди, имеющие определенный уровень образования, полученного в процессе обучения, в отдельных случаях – путем самообразования, для которых умственный труд является основным занятием.

Целью настоящей статьи является анализ отношения советской интеллигенции к реформаторской деятельности Н. С. Хрущева – десталинизации общественной жизни, реформированию системы административного управления развитию экономики и социальной сферы, экспериментам в аграрной политике.

Настоящее исследование концептуально опирается на основные положения теории элит и теории нового класса, разработанные В. Парето, Дж. Бернхэмом, А. Гоулднером, А. Г. Авторхановым, М. С. Восленским и другими учеными.

По мнению итальянского социолога В. Парето, политической организацией общества управляет организованное профессиональное меньшинство (политическая элита), отбираемое в разные исторические эпохи по различным критериям (происхождение, образование, способности, опыт и т. д.). Важнейшим критерием для включения в элиту является способность управлять, наличие знаний о ментальности народа, о его национальном характере [7]. Для удержания у власти элита, наряду с силой, использует «ресурс согласия», то есть способность убеждать массы в своей правоте, манипулируя их чувствами и эмоциями, что требует от

элиты определенных профессионально-образовательных навыков, сближая ее с интеллигенцией.

Сторонники теории нового класса, считали, что в социальной структуре общества середины XX в. кроме старых классов буржуазии и пролетариата, появился третий (или «новый») класс – интеллигенция, включающая в себя научно-техническую интеллигенцию, интересы которой направлены на развитие производства и технологии, и собственно интеллектуалов (включая гуманитарную интеллигенцию), интересы которой носят политический характер. В процессе своей профессиональной деятельности «новый класс», по мнению американского социолога А. Гоулднера, вырабатывает особый тип мировоззрения («культуру критического дискурса»), а характерной особенностью его идеологии является профессионализм, то есть наличие достоверных знаний о природе и обществе и умение применять эти знания на практике [8, с. 206-207]. Согласно воззрениям Дж. Бернхэма, во второй половине XX в. технократы входят в состав политической элиты общества. Однако путь к политическому господству им преграждает не только «денежный класс» (крупные собственники), но и бюрократическое чиновничество (профессиональные управленцы) и политические выдвиженцы, поставленные «денежным классом» либо правящей политической партией контролировать бюрократию [3]. Наряду с западными государствами, «новый класс» сформировался и в СССР в виде-партийно-советской номенклатуры. При этом, по мнению А. Гоулднера, попадая в партийно-советский аппарат, советские интеллектуалы подчинялись партийной дисциплине и превращались в «партийных бюрократов», отрывавшихся от «нового класса» по своим интересам и условиям жизни, поскольку КПСС изначально была сконструирована для ограничения культуры критического дискурса в обществе [8, с. 208]. Проблему взаимоотношения КПСС с советской интеллигенцией развил в 1950-1970-х гг. американский советолог А. Г. Авторханов, по мнению которого Советским Союзом реально управляла не Коммунистическая партия и ее уставные органы (ЦК или Политбюро), а внутренняя канцелярия генерального секретаря, которая подготавливала решения уставных органов партии, используя также возможности органов госбезопасности для политического контроля и репрессий против советского общества и интеллигенции в самой партии [1]. Как считал советский историк и социолог М. С. Восленский, партийная номенклатура осуществляла, в первую очередь, политическое руководство обществом, а руководство материальным производством, являвшимся для КПСС вторичной задачей, было частично делегировано советской технократической интеллигенции [4].

К началу XX в. российская интеллигенция несла в себе ценности социального мессианства: гражданскую ответственность за судьбу Отечества, восприятия самой себя как носителя общественной совести, способность к нравственному сопереживанию «простому народу». После Октябрьской революции 1917 г. на роль нового «мессианского класса», «коллективной совести» и авангарда российского общества вместо интеллигенции выдвигается коммунистическая партия большевиков (до 1952 г. – ВКП(б), затем – КПСС).

Проведя в 1930-е гг. ценой огромных человеческих жертв и материальных издержек социалистическую реконструкцию народного хозяйства – форсированную индустриализацию и принудительную коллективизацию – партийное руководство СССР во главе с И. В. Сталиным одновременно проводит «зачистку» общества от старой дореволюционной интеллигенции, способной выдвинуть альтернативный курс развития страны.

Организованные в 1920-х – начале 1930-х гг. органами госбезопасности ряд, направляемых ВКП(б), политических «дел» против небольшевистской интеллигенции приводят к «чисткам» среди руководителей и специалистов промышленности, ученых-аграрников и экономистов, сотрудников АН СССР, командиров Красной Армии из числа генералов бывшей царской армии. «Большой террор» 1937-1938 гг. позволит «изъять» из советского общества значительную часть «старой партийной гвардии», составлявшей к тому времени ядро партийно-советского и хозяйственного управленческого класса, а также руководящего состава силовых органов. В послевоенный период превентивные репрессии затронут также генералитет Советской армии, руководство оборонно-промышленного комплекса, органов госбезопасности, медицинской науки, ряд региональных партийно-советских кланов.

Одновременно, в 1920-1940-е гг. путем ускоренного обучения в высших и средних профессиональных и партийно-советских учебных заведениях формируется новая советская интеллигенция, лояльная к ВКП(б). Наряду с когнитивными качествами (способностью к обучению и рефлексии), доступ в нее начинает определяться партийностью, «правильным» социальным происхождением и способностью к социальному конформизму и мимикрии.

К началу реформ Н. С. Хрущева (1953-1964) советская интеллигенция носила неоднородный характер и включала в себя несколько социальных страт:

- творческую интеллигенцию, работающую в сфере культуры, искусства и науки – писатели, артисты, художники, музыканты, скульпторы, ученые и т. д.;

- технократическую интеллигенцию, работающую в отраслях материального производства и социальной сферы, а также в сфере государственного управления, национальной обороны, безопасности и правоохраны – инженеры, агрономы, учителя, врачи, преподаватели вузов, работники финансовых, судебных и административных органов;

- номенклатуру – управленческие кадры партийно-советских органов, общественных организаций и хозяйственных структур – освобожденные партийные, комсомольские, профсоюзные работники, генералитет Вооруженных Сил, МВД, КГБ, директора промышленных, строительных предприятий, крупных совхозов, научно-исследовательских институтов, ректора вузов и т. д.

Десталинизация, представлявшая собой контролируемый руководством СССР демонтаж наиболее одиозных институтов сталинского режима (системы политических репрессий и принудительного труда), наложила отпечаток на

духовную жизнь советской интеллигенции, породив надежды на либерализацию.

В этот период публикуются главные «оттепельные» произведения советской литературы: повесть И. Г. Эренбурга «Оттепель», в которой осуждается двойная мораль сталинского периода, а также конформизм и привычка к подчинению перед очевидно несправедливыми решениями начальства; роман В. А. Дудинцева «Не хлебом единым», в котором советский интеллигент-инноватор отказывается становиться частью бюрократической системы; повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», открывающая советским читателям «лагерную правду».

В 1953-1964 гг. появляются советские «оттепельные» поэты и барды – А. А. Вознесенский, Е. А. Евтушенко, Б. А. Ахмадулина, И. А. Бродский, В. С. Высоцкий, А. А. Галич и др. «Ренессанс» переживает в этот период советский театр. В 1956 г. в Москве молодыми выпускниками Школы-студии МХАТ и других театральных вузов столицы (О. Н. Ефремов, Г. Б. Волчек, И. В. Кваша, Е. А. Евстигнеев, О. П. Табаков и др.) основывается новый театр «Современник». В Московский театр на Таганке главным режиссером приходит выдающийся театральный педагог А. П. Любимов, под руководством которого театр станет самым авангардным в СССР. В Ленинграде Большой драматический театр в 1956 г. возглавит великий театральный режиссер Г. А. Товстоногов.

В середине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в советском кинематографе выходят «оттепельные» фильмы, задающие новый формат взаимоотношений государства с человеком. В кинокартинах «Карнавальная ночь» (1956 г., режиссер Э. А. Рязанов), «Жених с того света» (1958 г., режиссер Л. И. Гайдай), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964 г., режиссер Э. Г. Климов) высмеиваются попытки советской бюрократии всесторонне регламентировать жизнь советского общества и одновременно показывается вера молодежи в то, что «счастье обязательно будет». В кинофильме «Девять дней одного года» (1961 г., режиссер М. И. Ромм), ставшем манифестом советской научно-технической интеллигенции, прорывные открытия физиков, оплаченные смертельным облучением главного героя, показаны как путь к новому «светлому» высокотехнологичному будущему, в котором скоро будут жить советские люди. Оптимизмом нового поколения советской молодежи наполнен вышедший в 1964 г. на киноэкран фильм «Я шагаю по Москве» (режиссер Г. Н. Данелия), символом которого становится песня «Бывает всю на свете хорошо...», которую поет герой актера Н. С. Михалкова. Фильм «Застава Ильича» (выйдет на экран в 1965 г. под названием «Мне двадцать лет») режиссера М. М. Хуциева заканчивается сценой смены часовых у Мавзолея В. И. Ленина, являющейся аллюзией смены эпох.

Формами реагирования советской технократической интеллигенции на правительственный курс 1953-1964 гг. становятся письма, в том числе анонимные, в партийные и советские органы и в прессу. В них представители советской интеллигенции шли в развенчании культа личности И. В. Сталина намного дальше очерченных на XX-м съезде партии рамок. Например, в Саратовском госуниверситете заведующий кафедрой философии С. В. Николаев, оценивая

личность Сталина, поставит его, по существу, «на одну доску с Гитлером и Керенским», а доцент того же вуза А. Ш. Рорер выскажет мысль о необходимости окончательного развенчания Сталина, теоретические работы которого, по его мнению, являются «грубой вульгаризацией марксизма». В Сталинградском пединституте преподаватель Авдеев выскажет мнение о необходимости наличия в стране двух партий; преподаватель Шильников заявит о том, что в ненормальном положении в КПСС повинен не один Сталин; а преподаватель Филатов задастся вопросом: «Где гарантия, что через 20 лет не появится новый Сталин?» [2, с. 176-177]. Научный сотрудник Института стран Азии АН СССР М. А. Чешков в 1957 г. опубликует в стенгазете своего института статью о партийно-государственной номенклатуре как социальной базе нравственной деградации советского общества. Старший научный сотрудник Ленинградского института геологической разведки, лауреат Сталинской премии Н. Н. Самсонов в ноябре 1955 г. на полях партийной брошюры оставит ремарку, что история КПСС после 1932 г. есть история превращения партии в замкнутую паразитическую касту. Доцент Ленинградского технологического института П. И. Голованов в 1956 г. отправит Н. С. Хрущеву, а также секретарям Ленинградского областного и районного комитетов партии анонимные письма, в которых будет писать о «перерождении» КПСС и называть руководство страны «горе-вождями» [6, с. 105-107].

Весьма специфической, закрытой частью советской технократической интеллигенции СССР был офицерский корпус Вооруженных Сил СССР (далее – ВС СССР) и органов госбезопасности, на социальном положении и карьерных перспективах которого серьезно отражались реформы Н. С. Хрущева.

Арест и расстрел Л. П. Берии в 1953 г. и начавшаяся чистка советских органов госбезопасности от «людей Берии» приводит к увеличению числа перехода на сторону противника сотрудников советских разведывательных органов. В 1954 г. во Франкфурте-на-Майне сдастся властям ФРГ капитан МГБ, боевик-ликвидатор Н. Е. Хохлов, в Японии на сторону американцев перейдет оперработник токийской резидентуры МГБ подполковник Ю. А. Растворов, а в Австралии попросят политического убежища советский резидент В. М. Петров вместе со своей супругой-шифровальщицей. В 1957 г. переходит на сторону американцев сотрудник нелегальной резидентуры в США, подполковник Р. Хейханен. В 1961 г. уйдет в ФРГ агент-ликвидатор КГБ Б. Н. Сташинский, а из Финляндии через Швецию перебежит к американцам майор КГБ А. М. Голицын. В феврале 1964 г. в Женеве перейдет на сторону американцев подполковник КГБ Ю. И. Носенко – сын бывшего сталинского министра судостроительной промышленности И. И. Носенко.

Непродуманные сокращения Н. С. Хрущевым численности ВС СССР приводят к поступлению в различные инстанции тысяч жалоб от офицеров и членов их семей, возмущенных своим положением. В 1956 г. в высшие управленческие инстанции 13 анонимных писем направит полковник КГБ, Герой Советского Союза, начальник военно-строительного отдела КГБ в городе Сочи И. Ф. Титков, который будет упрекать руководство страны в сокрытии истинного

положения дел в СССР, в крайне низком материальном уровне жизни людей и требовать прекращения социальных экспериментов над обществом [6, с. 107]. В 1961 г. в Москве на партконференции начальник кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-майор П. Г. Григоренко потребует в качестве гарантий от создания в СССР нового культа личности демократизации выборов, сменяемости партийно-советских руководителей и усиления их ответственности перед избирателями. В 1962 г. откажется выполнить приказ о подавлении танками выступления новочеркасских рабочих и попытается придать гласности информацию о новочеркасском расстреле заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенант М. К. Шапошников.

Победа Н. С. Хрущева к июню 1957 г. в борьбе за единоличную власть в партии и государстве происходит одновременно с укреплением позиций партийно-советской номенклатуры, на которую опирался Н. С. Хрущев и из среды, которой черпал кадры для новых назначений. После разгрома «антипартийной группы» центр власти перемещается в Секретариат ЦК КПСС, который начинает курировать, помимо организационно-партийной и идеологической работы, также экономику, внутреннюю и внешнюю политику, к чему партийная номенклатура оказывается профессионально не готова.

Прокатившиеся в 1959-1962 гг. по территории СССР (Темиртау, Краснодар, Бийск, Муром, Александров, Новочеркасск и др.) массовые беспорядки, демонстрируют уязвимое положение советских технократов, оказавшихся между возмущенными жителями и партийным руководством. Возмущенные жители громят здания отделений милиции и партийных комитетов КПСС, избивают милиционеров и пытающихся успокоить людей представителей местной и заводской администрации, забрасывают камнями и освистывают партийно-советских руководителей. Массовым беспорядкам предшествовал провал работы со стороны партийно-советских и хозяйственных органов. Например, на строительстве Карагандинского металлургического завода в Темиртау, в палатках строителей, отсутствовала питьевая вода, а столовые были в антисанитарном состоянии. Местное начальство не только умело улучшить положение дел на производстве и в быту, но даже отказывалось выслушивать претензии. Жалобщиков выгоняли из кабинетов, а у некоторых руководителей в приемных рядом с секретаршей сидели дружинники, которые просто не пускали рабочих на прием [5, с. 138]. В Новочеркасске представители заводской и партийно-советской администрации также продемонстрировали неумение общаться с людьми. Ответ директора Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного Б. Н. Курочкина на вопрос рабочих как жить им при снижающейся зарплате и повышенных «по их просьбам» ценах на продовольствие стал катализатором выступления, а монотонное зачитывание первым секретарем Ростовского обкома А. В. Басовым обращения ЦК КПСС о повышении цен на мясомолочную продукцию, только усилило недовольство бастующих [5, с. 417, 429-430].

По итогам «разбора полетов» с поста первого секретаря ЦК компартии Казахстана будет снят и исключен из состава Президиума ЦК КПСС Н. И. Беляев, лишатся своих постов и получают партийные взыскания первые секретари

Карагандинского, Владимирского и Ростовского обкомов КПСС, первый и второй секретари Муромского и Новочеркасского горкомов, председатель Карагандинского совнархоза, директора Новочеркасского электровозостроительного и Муромского машиностроительного заводов, руководители территориальных подразделений МВД, КГБ и др. Ответственность за ухудшение продовольственной ситуации в стране (в том числе за скандальное «рязанское дело») Н. С. Хрущев возложит на заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, члена Президиума ЦК А. Б. Аристова.

Проведенная в ноябре 1962 г. по инициативе Н. С. Хрущева реорганизация системы партийно-советского управления – создание в границах существовавших регионов вместо одной двух партийных организаций (промышленного и сельского обкомов КПСС) – еще больше усиливает ответственность партийных работников за результаты хозяйствования. Волонтаристская политика Н. С. Хрущева не давала ощущения стабильности положения партийно-советской номенклатуре и к концу 1964 г. идея о необходимости отстранения его от власти вызывает в ее среде. 13 октября 1964 г. на заседании Президиума ЦК КПСС члены высшего партийного руководства предъявляют Н. С. Хрущеву обвинения в ошибках в работе, создании культа своей личности и др. Убедившись в отсутствии поддержки среди партийного аппарата, Н. С. Хрущев подпишет заявление о своей отставке и новыми руководителями партии и правительства будут утверждены Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин.

Проведенное исследование показало, что реформаторская политика Н. С. Хрущева носила в значительной мере антиинтеллигентский характер, который к середине 1960-х гг. ощущался практически всеми слоями советской интеллигенции. Творческая интеллигенция, сохранявшая в это время еще в значительной мере веру в коммунистические идеалы, все больше фиксировала расхождение конкретных мероприятий курса Н. С. Хрущева с идеями «истинного ленинизма». У технократической интеллигенции необходимость выполнения идеологически нагруженных, но материально не обеспеченных народнохозяйственных задач политики Н. С. Хрущева, породила сомнения в профессиональной компетентности высшей власти. Партийно-советская номенклатура, добившаяся в результате частичной десталинизации, гарантий собственной безопасности от повторения партийных чисток, стремилась остановить дальнейшее размывание моральных основ своей власти результатами провальных реформ своего лидера.

Список литературы:

1. Авторханов, А. Г. Технология власти. – М.: Слово, 1991. – 638 с.
2. Батурина, Ю. Ю. Общественно-политические настроения научно-педагогической интеллигенции Саратова и Сталинграда после XX съезда КПСС // Вестник Волгоградского госуниверситета. – 2010. – № 2(18). – С. 175-179.
3. Бернхэм, Дж. Революция директоров. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. – 160 с.

4. Восленский, М. С. Номенклатура. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
5. Козлов, В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953-1985 гг. – М.: Олма-пресс, 2006. – 448 с.
6. Лушин, А. И. К вопросу об оценке советской интеллигенцией методов государственного управления в период «великого десятилетия» Н. С. Хрущева // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. – 2022. – Т. 13. – Вып. 1(53). – С. 104-109.
7. Парето, В. Трансформация демократии. – М.: Территория будущего, 2011. – 208 с.
8. Ходанович, В. Н. Учение Алвина Гоулднера о «новом классе» и его месте в социальной структуре общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Т. 11. – № 5А. – С. 204-213.

Изюмова Лариса Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

SPIN-код: 5656-1899

ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ СЕВЕР» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье анализируется деятельность вологодской областной газеты «Красный Север» за период 1941-1945 гг. Источниковую базу исследования составили документы партийных органов, воспоминания сотрудников газеты и непосредственно материалы периодического издания. Рассмотрены основные изменения и особенности работы редакции в условиях войны. Сделан вывод, что несмотря на значительное сокращение объема, тематика публикаций и рубрики оставались весьма разнообразными. Несмотря на все сложности военного времени, газета успешно справлялась со своими основными функциями: информационной и пропагандистско-агитационной. Все это позволяет охарактеризовать областную газету как важный источник по истории советского общества периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, периодическая печать, общественное мнение, советское общество, пропаганда и агитация.

REGIONAL NEWSPAPER “KRASNYI SEVER” DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary: The article analyzes the activities of the Vologda regional newspaper "Krasnyi Sever" for the period 1941-1945. The source base for the study consisted of documents from party bodies, memoirs of newspaper employees and directly materials from the periodical. The main changes and features of the editorial office's work in war conditions are considered. It was concluded that despite a significant reduction in volume, the topics of publications and headings remained very diverse. Despite all the difficulties of wartime, the newspaper successfully coped with its main functions: information and propaganda. All this allows us to characterize the regional newspaper as an important source on the history of Soviet society during the Great Patriotic War.

Keywords: the Great Patriotic War, periodicals, public opinion, Soviet society, propaganda and agitation.

В современной историографии сохраняется интерес к вопросу о роли средств массовой информации в период Великой Отечественной войны [3; 9]. В Вологодской области, например, в период войны с разной периодичностью выходили в свет областная газета «Красный Север», а также 40 районных газет. К сожалению, доступ к этим источникам затруднен из-за их плохой физической

сохранности, что делает проблематичным не только их тиражирование с помощью копировальной техники, но и выдачу в читальные залы библиотек. Новейшие цифровые технологии значительно облегчают работу исследователя с таким массовым историческим источником, как периодическая печать военного времени. С 2022 г. в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства сотрудниками Вологодской областной универсальной научной библиотеки (далее – ВОУНБ) проводилась работа по созданию цифровых копий 54 районных и малотиражных газет периода 1941-1945 гг. (областная газета была оцифрована ранее). В настоящее время электронный архив областной периодики военного времени размещен на сайте ВОУНБ в ресурсе «Великая Отечественная война на страницах газет. Исторические хроники Вологодской области» [4]. В данной статье ставится цель - проанализировать основные информационные возможности региональной периодики военного времени на примере областной газеты «Красный Север».

Безусловно, при работе с советской периодикой необходимо учитывать специфику данного исторического источника. В СССР периодическая печать подвергалась обязательной цензуре, служила важнейшим средством формирования общественного мнения и определенных стереотипов общественного сознания [10, с. 254]. При этом специалисты-источниковеды отмечают информационные возможности периодики как исторического источника: «пресса может служить комплексным источником, допускающим разработку на ее основе практически любых тем и сюжетов» [10, с. 252].

В годы Великой Отечественной войны газета «Красный Север» оставалась важным источником информации для жителей городов и районов Вологодской области. По воспоминаниям сотрудников, коллектив газеты в условиях войны работал под девизом: «Наша главная задача – работать на фронт!» [14]. Выполнение поставленной задачи происходило в сложных условиях, особенно в начальный период войны: ухудшилась материально-техническая база газеты, остро ощущался дефицит газетной бумаги, сократились рабочие площади редакции. Серьезные изменения произошли в составе сотрудников областной газеты. Так, за период с 1941 по 1945 гг. сменились четыре ответственных редактора газеты. С 1939 г. по сентябрь 1941 г. ответственным редактором был Константин Михайлович Бирюков, с осени 1941 г. до конца 1942 г. – Петр Яковлевич Щукин, с декабря 1942 г. по август 1943 гг. – Степан Степанович Симутин, с августа 1943 г. по 1949 г. – Константин Николаевич Гуляев. По данным вологодского журналиста Г. Акиньхова, уже 23 июня 1941 г. был издан внутренний приказ, по которому освобождались от работы в редакции «Красного Севера» восемь человек в связи с мобилизацией в армию. Всего за годы войны было мобилизовано (включая собственных корреспондентов в районах Вологодской области) около тридцати журналистов, в том числе в 1941 г. – около двадцати [1]. Осенью 1942

г. в редакции «Красного Севера» работали всего тринадцать сотрудников. Война потребовала огромного напряжения сил, выносливости, умения выпускать газету, несмотря на трудности [13, с. 27]. А трудности, безусловно, были.

Уже в первые военные месяцы в здании редакции областной газеты разместилось эвакуированное из Ленинграда военное ведомство. Соответственно, число помещений, отведенных для редакции газеты, значительно сократилось. Например, если до войны отдел писем располагался в отдельной комнате, то с началом войны сюда же перевели секретариат. По воспоминанию А. Кибардиной: «Вокруг секретариата были крохотные «кабинетки» (иначе их и не назовешь) ответственного редактора, ответственного секретаря, радистки, фотографа...» [12]. М. Смехотина вспоминала об условиях работы в годы войны: «В зиму 1942 года, когда морозы доходили до 40 градусов, редакция не отапливалась. Работали в пальто, машинистки печатали в перчатках. Недоедали. Поначалу каждому в день полагалось всего 400 граммов хлеба. Счастье было, если удавалось достать картошки. Ее варили и ели тут же, на работе. Но газета все равно выходила в срок» [14].

Постановление ЦК ВКП(б) «О районных газетах» от 20 августа 1941 г. перестроило систему региональной печати. Было решено сократить периодичность всех ежедневных городских и районных газет до трех раз в неделю, а объем всех городских и районных газет уменьшить до двух полос. Данные изменения, безусловно, затронули и периодическую печать Вологодской области: уменьшились формат, полосность и периодичность изданий. С 1 сентября 1941 г. областная молодежная газета «Сталинская молодежь» была объединена с газетой «Красный Север» (в связи с этим в областной газете появился отдел – «Комсомольская жизнь»). Газета стала выходить три раза в неделю на 2-х полосах и три раза в неделю на 4-х полосах, имела стандартный формат А-2. Разовый тираж был определен на уровне 34 тыс. экземпляров [7, л. 144.]. Когда в Вологодскую область были дислоцированы воинские части, на заседании бюро Вологодского обкома ВКП(б) в ноябре 1941 г. приняли решение об увеличении разового тиража областной газеты до 60 тыс. экземпляров. Данное решение было принято с той целью, чтобы газета «Красный Север» поступала во все воинские части и оборонные стройки Вологодской области [7, л. 74-75]. С апреля 1942 г. газета стала выходить на двух полосах.

В условиях войны работники цензуры ужесточили контроль над периодикой: делались «вычерки» из газет в случаях, если информация раскрывала государственную или военную тайны. Можно привести следующие примеры работы Вологодского обллита: перед выходом в печать газеты «Красный Север» за 8 июня 1943 г. были изъяты сведения о наличии воинской части в Кирилловском районе Вологодской области, а в номере за 15 июня 1943 г. цензор изъял сведения о дислокации воинской части в Грязовецком районе

[8, л. 112]. Строго следили цензоры и за публикацией на страницах областной газеты статистической информации. Например, в номере «Красного Севера» от 24 июня 1943 г. был снят текст «Падеж молодняка составляет 8,9%» (информация о ситуации в Усть-Кубинском районе Вологодской области) [8, л. 81].

Распределение материала на страницах «Красного Севера» за период войны имело определенную последовательность, структуру и форму, которой редакторский коллектив старался придерживаться. Темой номер один на первой полосе «Красного Севера» была информация о положении на фронте. Сводки Совинформбюро стали регулярно публиковаться в газете с 26 июня 1941 г. Эти публикации имели следующий заголовок: «От Советского информбюро», а в скобках указывали уточняющую информацию: «утреннее сообщение», «дневное сообщение», «вечернее сообщение». Следует отметить, что в начале войны редакция областной газеты столкнулась с серьезными техническими проблемами. Ветеран областной газеты, М. Смехотина, впоследствии вспоминала: «Вологда не имела еще в ту пору мощной электростанции, получала энергию с Сокола, свет зачастую отключали, и мы работали, включив керосиновые лампы. Поначалу не было у нас и телетайпа. Прием материалов о положении на фронтах, сводок Совинформбюро шел с обычного радиоприемника. Но если света не было, уже не мог спасти и он. Приходилось окольными путями звонить в Ярославль, просить местных журналистов продиктовать свежие сводки» [14].

Также на первой полосе областной газеты часто дублировалась важная информация из центральной прессы (правительственные сообщения, указы и постановления, выступления руководителей государства, информация о событиях в мире и др.).

На страницах газеты особое внимание уделялось событиям на фронте. Статьи и заметки о героизме советских солдат, информация об отдельных военных операциях помещались в рубриках «Боевые эпизоды», «На фронтах Отечественной войны». Еще одним нововведением на страницах «Красного Севера» стала рубрика «Вологжане в боях за Родину». В газете печаталась информация о героическом прошлом страны: были введены рубрики «Боевое прошлое нашей Родины», «Наши великие предки».

Неоднократно в «Красном Севере» появлялись статьи, в которых раскрывалась идеология и сущность фашизма, сообщалось о преступлениях немецких захватчиков. Например, в публикации от 7 августа 1942 г. «Мною лично виденное» Б. Болин рассказал о своем пребывании в Смоленской области в период немецкой оккупации. В конце статьи автор обращается ко всем читателям: «Русский народ никогда не забудет кровавых злодеяний германских изуверов, никогда не простит их насилий и зверств» [2].

Журналисты регулярно освящали вопросы, связанные с формированием антигитлеровской коалиции. Например, в номере газеты от 15 июля 1941 г. было опубликовано «Соглашение между Правительствами СССР и

Великобритании о совместных действиях в войне против Германии» [15]. А в выпуске издания от 7 июня 1944 г. появилась информация об открытии второго фронта: «Войска союзников высадились на северном побережье Франции» [5]. В последующих номерах областной газеты обязательно и регулярно освещались вопросы военных действий союзных войск.

В первый военный год в областной газете под рубрикой «Вырежи и сохрани» размещалась важная информация о том, как следовало действовать гражданскому населению в случае опасности. В качестве примера можно привести следующие публикации: «Где и как укрыться от воздушного нападения» [6], «Как вести себя по сигналу "Химическая тревога"» [11].

На страницах «Красного Севера» регулярно печаталась информация о состоянии дел в народном хозяйстве Вологодской области (рубрики «По Вологде и области», «Всесоюзное социалистическое соревнование», «Областная доска почета»). Газета продолжала выполнять просветительскую функцию, была рубрика «В помощь колхозному бригадиру», где размещались статьи специалистов сельского хозяйства, а также ученых-аграриев. Позднее, в 1943 г. эта рубрика была заменена на новую – «Советы специалиста». Также на последней странице «Красного Севера» регулярно помещались материалы о работе учреждений образования, здравоохранения и культуры. Подобная информация была, как правило, небольшой по объему.

Публикация художественных произведений в областной газете в годы войны осуществлялась крайне редко, несколько раз в год. Только в 1945 г. в выпуске газеты от 25 марта появилась новая рубрика «Литературная страница». В литературной рубрике печатались небольшие произведения: рассказы, стихи, песни.

Как уже отмечалось выше, областная газета «Красный Север», как и все средства массовой информации того времени, способствовала формированию определенного общественного мнения, определенного стереотипа в поведении граждан. Для того чтобы понять, как это делалось, необходимо проанализировать язык и форму подачи материала. Системный анализ публикаций «Красного Севера» позволяет изучить организацию важных политических и хозяйственных кампаний среди населения в условиях войны (например, подписка на облигации военных займов, сбор денежных и материальных средств на нужды Красной Армии, организацию социалистического соревнования на производстве и др.). Так, со страниц «Красного Севера» постоянно звучали призывы к населению Вологодской области, чтобы все силы и средства были направлены на разгром врага. На страницах областной газеты мы можем увидеть такие призывы: «Уборка – то же, что и бой на фронте, сделаем же со своей стороны все, чтобы этот бой был выигран», «Теплые вещи – Красной Армии», «Металл – фронту», «Собирайте лекарственные растения», «Хлеб – в фонд Красной Армии», «Построим колонну мощных танков», «Построим авиасоединение "Героическому Ленинграду"» и др.

Таким образом, областная газета «Красный Север» является важным источником при изучении различных вопросов, посвященных советскому обществу в период Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что в военные годы объем газеты значительно сократился, тематика публикаций и рубрики оставались весьма разноплановыми, газета успешно справлялась со своими основными функциями: информационной и пропагандистско-агитационной. Периодика 1941-1945 гг. сохраняет массу деталей военной повседневности и имена конкретных людей, наполнена эмоциями и переживаниями очевидцев военного времени. Именно это позволяет нам воспринимать события Великой Отечественной войны более осязаемыми и волнующими, сохранять историческую память о прошлом.

Список литературы:

1. Акинъхов, Г. Смена смене // Красный Север. – 2002. – 25 апреля.
2. Болин Б. Мною лично виденное // Красный Север. – 1942. – 7 августа.
3. Бормотова, А.Р. Состояние областной и районной прессы Курской области в начальный период Великой Отечественной войны (1941-1942)// Известия Алтайского государственного университета. – 2009. - № 4/2 (64). – С. 28-31. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-oblastnoy-i-rayonnoy-pressy-kurskoj-oblasti-v-nachalnuy-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1942-gg> (дата обращения 28.02.2024)
4. «Великая Отечественная война на страницах газет. Исторические хроники Вологодской области» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.booksite.ru/gazety-1941-1945/1-o-proekte.html> (дата обращения 28.02.2024)
5. Войска союзников высадились на северном побережье Франции // Красный Север. – 1944. – 7 июня.
6. Где и как укрыться от воздушного нападения // Красный Север. – 1941. – 24 июля.
7. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-2522. Оп. 3. Д. 38. Л. 144.
8. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 6. Д. 142. Л. 112.
9. Играев, Б.А. Печать Тульской области в годы Великой Отечественной войны. – Тула: Издательство ТулГУ, 2016. – 224 с.
10. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисов и др. Под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с.
11. Как вести себя по сигналу "Химическая тревога" // Красный Север. – 1941. – 27 сентября.
12. Кибардина, А. Годы, опаленные войной // Красный Север. – 1997. – 15 февраля.
13. «Красный Север». 95 лет / под ред. Т.О. Спивак. – Вологда, 2012. – 280 с.
14. Смехотина, М. Вспоминая военные годы // Красный Север. – 1967. – 5 мая.

15.Соглашение между Правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии // Красный Север. – 1941. – 15 июля.

Карамов Андрей Александрович

заведующий отделом

Музей истории и археологии федеральной территории «Сириус»

SPIN-код: 9156-6950

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ
РЕЭМИГРИРОВАННЫХ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ
СТАРООБРЯДЦЕВ С. НЕКРАСОВКА, ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ
«СИРИУС», КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)**

Аннотация: Формирование многонационального состава Российской империи, ее поликультурного пространства и этнического многообразия является частью научного исторического, политического и культурологического дискурса. Изучаются процессы складывания региональной этнокультурной специфики, методов интегрирования территорий в государственную систему управления Российской империи. В такой системе основополагающим становился курс на политику заселения, освоения новых территорий с использованием ресурсов внутренних миграционных и внешних. Одним из примеров этнической реэмиграции и являются казаки-некрасовцы с территории Османской империи.

В статье рассматривается политика культурной реэмиграции казаков-некрасовцев на юге России на рубеже XX в. и советский период. Изучаются проблемы интегрирования в культурную среду Северного Причерноморья «казаков-некрасовцев» и сохранения их повседневных религиозных паттернов.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, реэмиграция, старообрядцы, повседневность, образ жизни.

**THE FORMATION OF A DAILY LIFESTYLE THE RE-EMIGRATED
COSSACKS-NEKRASOVITES (ON THE EXAMPLE OF THE OLD
BELIEVERS S. NEKRASOVKA, FEDERAL TERRITORY "SIRIUS",
KRASNODAR TERRITORY)**

Summary: The formation of the multinational composition of the Russian Empire, its multicultural space and ethnic diversity is part of the scientific historical, political and cultural discourse. The processes of the formation of regional ethnocultural specifics, methods of integrating territories into the state management system of the Russian Empire are studied. In such a system, the policy of settlement and development of new territories using internal and external migration resources became fundamental. One of the examples of ethnic re-emigration is the Nekrasov Cossacks from the territory of the Ottoman Empire.

The article examines the policy of cultural re-emigration of the Cossacks-Nekrasovites in the south of Russia at the turn of the XX century. and the Soviet period. The problems of integrating the "Nekrasov Cossacks" into the cultural

environment of the Northern Black Sea region and preserving their everyday religious patterns are studied.

Keywords: Nekrasov Cossacks, re-emigration, Old Believers, everyday life, lifestyle.

Феномен сохранения традиционной культуры изучается российской наукой как часть региональной парадигмы [9, с. 352] сохранения историко-культурного пространства.

На юге России таким историко-культурным наследием сохранения субэтнической группы, сформировавшейся под влиянием миграции в XVIII в. на территории Османской империи и являются «казаки-некрасовцы», исповедующие старообрядничество до сих пор.

История [5, с.197] складывания данной группы на территории южных границ Российской империи связана с участием казачества в восстании К. Булавина и исходе их на территорию Османской империи в процессе продвижения российского государства по результатам русско-турецких войн.

По происхождению «казаки-некрасовцы» – донские казаки. Основная масса некрасовских казаков оставалась на Кубани до 1770-х гг., часть ещё раньше выехала в Добруджу (дельта Дуная, территория Османской империи). Некрасовские казаки, покинув Кубань, оказались в Анатолии (Азиатской Турции). Научный интерес к судьбе казачества связан с сохранением ими религиозной культуры старообрядничества, обрядов повседневных хозяйственных, религиозных книг, института семьи и ведения уклада жизненного, соответствующего времени XVIII в.

Культурный и этнический феномен сохранения группы донского казачества связан с исторической ролью казака Игната Некрасова. Еще находясь на землях Кубани, он сформировал и распространил так называемые «заветы», которые в сумме 170 статей норм обычного права, определяли устои общины. Именно по «заветам Игната» и жили некрасовцы и сохранили свой быт и управление в той форме, в которой они были до переселения [2, с.51]. Сам документ не сохранился, поэтому заветы передавались устно. Самый главный завет гласил: «не покоряться царской власти и не возвращаться в Россию при царе» [5, с.195], который впоследствии все же был нарушен. 1-е группы начали переселяться в Российскую империю в 1911-1913 гг. (Грузия, Кутаисская губерния). Следующая волна их переселения в СССР пришлась на 1920-е годы. Одним из первых региональных источников стал один из первых выпусков местных любителей истории [10, с. 43] о переселенцах.

27 мая 1911 г. первая партия старообрядцев из села Хамидие Брусского вилайета Турции в количестве 616 человек была доставлена из Батуми в Дагомыс. В фонде музея хранятся воспоминания последнего переселенца из Османской империи Фомы Яковлевича Дрофичева, свидетельствующие о событиях, начала XX века: «Я приехал в село Нижне-имеретинская бухта с родителями в 1911 году. Переселились мы из Турции, из местечка Бандерма. В семье кроме меня были брат и две сестры» [12]. По свидетельству старожил

Нижнеимеретинской Бухты, со слов их родителей, встреча старообрядцев была организована очень торжественно, с накрытыми столами и молебном. Первоначально старообрядцы основали поселение в Бабук-ауле (село Некрасовка). По словам старейшей жительницы Нижнеимеретинской Бухты Татьяны Васильевны Криворог (Остриковой), родившейся в 1916 году в Бабук-ауле, выбор староверами для поселения нагорных мест посреди дремучего леса изначально диктовался их религиозным стремлением отгородить себя от искушений внешнего мира. Однако просуществовали нагорные поселки лишь до 1926 года [7, с. 128].

В 1908, 1910 и 1911 гг. от старообрядцев были отправлены так называемые «ходоки» во главе со старостой Моисеевым осматривать Черноморское побережье для дальнейшего проживания [11].

Опираясь на воспоминания Ф.Я. Дрофичева можно заключить, что группам переселенцев давали возможность выбора территории расселения в рамках региона, «Сначала городская управа предложила земли в предгорье в Бабук-ауле, т.к. большинство хороших участков были уже заняты. «Ходоки» от казаков пошли в Бабук-аул оценить место. Рассказывали, что путь был нелегкий в горы. Среди ходоков находился один немой человек. Когда он увидел высокие холмы то, подняв руки вверх и потрясая ими, говоря тем показывая тем самым, что это место плохое, а опустив голову и увидел ущелье, плюнул. С ним согласились и остальные. «Ходокам» предложили участок государственной земли в Нижне-имеретинской бухте. Здесь все было покрыто непроходимым лесом и кустарниками, много было самшита. Но равнина и близость к морю понравилось казакам и началось освоение этой местности» [12].

Нижнеимеретинская Бухта представляла собой единственную улицу в шесть десятков домов, протянувшуюся вдоль берега Чёрного моря [7, с. 129].

Царское правительство адаптацию реэмигрантов проводило организовано, этому свидетельствуют воспоминания Ф.Я. Дрофичева: «Дорогу в сторону Адлера прорубили прямо в лесу, постепенно стали повлаться дома. Переселенцам помогало государство тому, кто нуждался давали ссуду. Мужчины призывного возраста из наших переселенцев были освобождены от царской службы на 20 лет».

Повседневная жизнь казака-некрасовца опирается на «заветы Игната». Согласно «заветам» [8, с. 267], было запрещено использование труда других людей, нужно было работать только самому. Придерживаясь, данного положения старообрядцы формируют свою культуру повседневной жизни.

Ф.Я. Дрофичев рассказывая о будних днях подчеркивает семейное занятие рыболовством: «Почти все мужчины в нашем селе занимались рыболовством. Лодки делаем сами, сами плели сети. Я начал помогать отцу с 15 лет. Помню, уходили на лов и ночью. Занимались жители села овощеводством, развели сады. Когда организовался рыбколхоз, из рыбаков нашего села было создано пять бригад. Одну из них возглавлял мой отец [12].

В горных поселках старообрядцы занимались охотой, скотоводством и земледелием, под вспашку корчевали лес. В Имеретинской Бухте главными являлись рыболовецкий, каботажный и отхожий промыслы. Последнему из названных поселений правительство придавало особое значение. Его возникновение и развитие должно было способствовать вытеснению местных турок из рыболовного и каботажного промыслов и пресечению контрабанды из Турции, маскируемой под каботаж [11, с. 19].

На протяжении всех 250 лет в Османской империи, некрасовцам все же удалось сохранить свою самобытную культуру. Исследователи [13, с. 267], столкнувшись с ней вживую, называют ее отголосками допетровской эпохи. Это не случайно, так как некрасовцы смогли сохранить богослужебную практику старообрядчества, устный фольклор, традиции крюкового знаменного пения, восходящие еще к временам Руси. Также они сохранили невероятное количество песен разных жанров, распространенные в начале XVIII века на Дону [1, с. 4]. Отмечается, что основу музыкального репертуара некрасовцев составляли лирические песни.

В Имеретинской Бухте вскоре был построен деревянный молитвенный дом. Вскоре после организации колхоза в 1935 году молитвенный дом у старообрядцев отобрали. Сохранились воспоминания о том, как церковная утварь, иконы и книги [3, с. 32] были свалены в грузовой автомобиль и увезены в неизвестном направлении. Лишь небольшую часть церковного имущества удалось сохранить прихожанам. По свидетельству местных жителей, молитвенный дом по распоряжению партийных органов был переоборудован в свинарник. Однако, вскоре животные сталидохнуть, и начальство распорядилось сжечь помещение. С этого времени старообрядцы Нижнеимеретинской Бухты за духовными требами начинают обращаться к священникам из Грузии, в чьем окормлении они находились до распада Советского Союза и провозглашения Грузинской Республики независимым государством. Поскольку священники бывали на Бухте лишь наездами, службы в домах старообрядцев тайно вели выборные уставщики. Они же по благословению духовенства погружали младенцев и служили погребения. Известны имена уставщиков Фомы Яковлевича Дрофичева и Тита Ларионовича Иконникова. После смерти Тита Ларионовича в общине долго не было своего уставщика. Только в 1990-е годы моления возобновились в доме Евдокии Тимофеевны Петуховой [7, с. 135].

В настоящее время сохранилась традиция использования церковной (молельной) одежды. Облачаться в такую одежду по другим поводам считается большим грехом. Женская молельная одежда состоит из следующих элементов: чехлик (рубаша), шубка (сарафан) [12] и трехсоставной убор из кички, косяка и платка.

В настоящее время некрасовские казаки частично продолжают сохранять некоторые элементы своей традиционной культуры (говор, фольклор, обряды

жизненного цикла), что делает данную тему интересной для современных исследований [4, с. 435].

Список литературы:

1. Аракельян А.Е. Есть ли у некрасовских казаков многоголосие? (опыт исследования техническими средствами) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2011. №2. С. 3-7.
2. Багдасарян С.Д. Тенденции и факторы государственной переселенческой политики на юге российской империи во второй половине XVIII - начале XX в. / В сборнике: Этнические меньшинства в истории России. Материалы Второй международной научной конференции. - Санкт-Петербург, 2021. С. 50-56.
3. Багдасарян С.Д. Культура чтения в повседневности южно-российского крестьянства в 1920-х гг. // Былые годы. 2013. № 28 (2). С. 29-36.
4. Гончаров А.С., Макарова О.С. Особенности лексики и семантики говора казаков-некрасовцев п. Новокумский Ставропольского края (по материалам лингвистической экспедиции НИУ СГПИ 2022 г.) // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 429-442
5. Денисов Н.Г. Историческая справка о жительстве казаков-некрасовцев в Турции // Казаки-некрасовцы. Сборник материалов. - Ставрополь, 2009. – С. 192-201.
6. Завет атамана Игната Некрасова // Старообрядческая мысль. Электронный ресурс. - URL: <https://starove.ru/obychai/zavet-atamana-ignata-nekrasova/>
7. Зудин А.И., Власкина Н.А. Русская связь история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. - Приморско-Ахтарск: [б.и.], 2016. 168 с.
8. История и культура народов Прикубанья с древнейших времен до начала XX века / Б.А. Трехбратов. - Краснодар: Традиция, 2011. 480 с.
9. Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 456 с.
10. Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 71.
11. Тверитинов И. Казаки-некрасовцы на Кубани и в Черноморье // Эдем Кавказа [Электронный ресурс] - URL: <http://edemkavkaza.ru/etnograf/390-nekrasstory.html>.
12. Фонд Музея Адлерского района НВФ №200/1-5.
13. Якоби Л.А. Культурное наследие казаков-некрасовцев. - Ставрополь: СКДНТ, 2011. – 320 с.

Карапетова Розалина Валерьевна

преподаватель

Краснодарский педагогический колледж

SPIN-код: 5107-2091

ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация: в статье идет речь об особенностях изучения дисциплины Основы духовно-нравственной культуры. Данная дисциплина призвана сохранить и приумножить историческую память у подрастающего поколения. Для этого необходимо формировать семейные ценности. А также важно сохранять историческую память. В статье приводятся возможные формы работы по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения.

Ключевые слова: педагогика, развитие, воспитание, религия, духовно-нравственная культура.

STUDYING THE FUNDAMENTALS OF SPIRITUAL AND MORAL CULTURE AS A FORM OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY

Summary: the article discusses the features of studying the discipline Fundamentals of Spiritual and Moral Culture. This discipline is designed to preserve and increase historical memory among the younger generation. To do this, it is necessary to form family values. It is also important to preserve historical memory. The article presents possible forms of work on the spiritual and moral education of the younger generation.

Keywords: pedagogy, development, education, religion, spiritual and moral culture.

Современное общество переживает «дефицит нравственности», одним из характерных проявлений духовной опустошенности является утрата нравственных ценностей, а само понятие «нравственность» обесценивается. В этой связи перед государством вставал острый вопрос повышения уровня духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Данная проблема является одной из ключевых задач образовательных учреждений, а ступень начального общего образования выступает основой становления традиционного российского духовно-нравственного сознания.

В современном мире постепенно формируются и начинают утверждаться новые формы мышления, связанные, прежде всего, с переосмыслением окружающего мира, человека в нем и взаимосвязи с другими людьми. В связи с этим необходимостью становится изучение прошлого с целью должного овладения настоящим и достижения возможности предвидеть последствия своей деятельности в будущем. Ведущим механизмом развития современного

развития российского общества становится укрепление и развитие общественного интеллекта – истории, науки, культуры и образования, которые являются основой духовно-нравственного потенциала, гармоничного, целостного, творческого, профессионального становления и развития современной личности. Причем именно образование как форма социальной деятельности призвано развивать внутренние силы, задатки и способности человека, формируя у него жизненные ориентиры, ценности, социально значимые идеалы, миропонимание и стремления, формирующие как будущее общество в целом, так и судьбу отдельных людей. Концепция современного российского образования и воспитания заключается в том, что будущее общество формируется в ходе самостоятельной социальной практики и деятельности каждого отдельного гражданина. Таким образом, современный образовательный процесс представляет собой сложный синтез развития и воспитания, позволяющий сконструировать поведение и жизнь людей в мобильном информационном обществе, где необходимо нести ответственность за себя и за свою страну. На этом этапе необходимо, в первую очередь, удержаться от душевного и физического саморазрушения, ощутить красоту и гармонию мира, сохранить и приумножить отечественные достижения нации и культуры и обеспечить социальный прогресс государства. [3, с. 12].

В современных условиях развития отечественного образования в гражданском обществе формируется особое многомерное пространство, в котором происходит становление и развитие взрослеющей личности. Перемены, происходящие в России в последние десятилетия, затронули не только социально-экономическую, но и воспитательную духовно-нравственную сферу жизни общества. В связи со вступлением в силу Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (далее – ФГОС НОО) нового поколения модернизировалась сфера формирования нравственных ценностных ориентиров младших школьников. Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Согласно ФГОС НОО, при освоении обучающимися программы начального общего образования должны быть достигнуты следующие личностные результаты: изучение истории государства, знакомство с традиционными российскими социокультурными и духовно-нравственными ценностями, принятыми в обществе правилами и нормами поведения. Это должно способствовать процессам самопознания, самовоспитания и саморазвития, формированию внутренней позиции личности [8].

Духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования [5, с. 10]. Основным содержанием Концепции духовно-нравственного развития, воспитания и социализации личности являются базовые национальные

ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях.

Духовно-нравственное развитие гражданина России в рамках общего образования осуществляется в педагогически организованном процессе осознанного восприятия и принятия обучающимися ценностей:

- истории России;
- гражданско-правовых отношений;
- семейной жизни;
- культурно-регионального сообщества;
- культуры своего народа, компонентом которой является система ценностей;
- традиционной российской религии;
- российской гражданской нации;
- мирового сообщества.

В системе воспитательной деятельности РФ выделяют основные направления, такие как: поддержка семейного воспитания; расширение воспитательных возможностей информационных ресурсов; поддержка общественных объединений; духовное и нравственное воспитание; популяризация научных знаний среди детей; физическое воспитание и формирование культуры здоровья; трудовое воспитание и профессиональное самоопределение; экологическое воспитание, а также гражданское и патриотическое воспитание [5, с. 14].

Многие культурологи, в частности Юхлин Ю.В., отмечают, что современное поколение обретает такие черты, «как жесткость и прагматизм в принятии социальных решений, максимализм и поспешность в оценке событий, снижение духовно-нравственного уровня и полное пренебрежение к значимым ценностям, дегуманизация межличностных отношений» [7, с. 29].

Основная задача гуманитарной области образования – быть способом трансляции знания, формировать свободного, целостного и динамичного человека, а с другой – преподавание должно быть ориентировано на единые смыслы, на цельное воспроизведение и обогащение интеллектуального потенциала общества. Только в таком синтезе классических и новых форм гуманитарного образования видится его дальнейшее укрепление и развитие на пользу общества и государства.

Уже в начальной школе необходимо прививать обучающимся базовые национальные ценности: чувство гордости за свою Родину и свой народ, уважение к его великим свершениям и достойным страницам прошлого. Данные постулаты отражены в Федеральном Законе «Об образовании в РФ», Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

Так, в Концепции духовно-нравственного и развития и воспитания личности, определено понятие национального воспитательного идеала, к формированию которого необходимо стремиться: «Современный новый гражданин должен обладать мудростью прошлого, наработать собственный опыт эмоционального и духовного развития на основе знания исторического процесса своей страны и культурного разнообразия различных государств, этносов, религиозных конфессий». [5. С. 12].

Согласно обновленному ФГОС НОО личностные результаты освоения программы начального общего образования должны отражать готовность обучающихся руководствоваться ценностями и приобретение первоначального опыта деятельности на их основе, в части, в рамках духовно-нравственного воспитания: становление ценностного отношения к своей Родине – России; осознание своей этнокультурной и российской гражданской идентичности; сопричастность к прошлому, настоящему и будущему своей страны и родного края; уважение к своему и другим народам [8].

Духовно-нравственное воспитание позволяет с раннего возраста сформировать правильное отношение обучающихся к своей стране – умение ценить и уважать события прошлого, достижения народа в настоящем, способность объяснить понятия добра и зла, сформировать представление о значимости России и ее самоценности. Все это приведет к воспитанию поколения, способного на героизм в защите интересов своей страны.

Введенная всего несколько лет назад дисциплина «Основы духовно-нравственной культуры» не является, по сути, областью научного знания, однако именно этот курс, разработанный с учетом базовых российских ценностей, учитывающий историческую память о национальных российских героях и основанный на передаче знаний от старшего поколения младшему, призван сформировать личность современного гражданина российского общества, в полной мере отвечающего всем параметрам, перечисленным в Концепции развития личности. Приоритет здесь составляют законы нравственного и духовного развития, а не экономические, политические и прочие, которые должны учитываться и правильно использоваться, поскольку ключевым моментом данной дисциплины является уважение к личности и народу, государству и отечеству. [5. С. 12].

Уже давно в России возникла необходимость исторического и религиозного обучения и воспитания, начиная с самых ранних этапов образования. Сегодня чрезвычайно важно выработать основные правила духовного образования в условиях современных социальных проблем. В решении данного вопроса необходимо отталкиваться от трех ключевых составляющих этого процесса: история России, религия (нами взято за основу Православие) и обучение/воспитание (педагогика).

Этот раздел науки о воспитании появился не так давно. Однако имеет ряд характерных особенностей. На сегодняшний день мы выделили следующие

ключевые аспекты практической деятельности педагога в работе по духовно-нравственному развитию и воспитанию обучающихся:

1. Необходимо максимально учитывать возможности и особенности восприятия обучающихся;
2. Формировать у обучающихся эмоционально-окрашенные представления в ходе процесса духовно-нравственного развития и воспитания;
3. Сдерживать эмоции, нивелировать личные ощущения и впечатления;
4. Иметь целью развить все благое, изначально заложенное в личности каждого из учащихся;
5. Организовывать встречи и экскурсии, способствующие внутреннему духовному диалогу и развитию обучающихся;
6. Использовать учебный материал как средства организации процесса глубинного воспитания, духовного и интеллектуального развития;
7. Рассматривать процесс духовно-нравственного развития и воспитания не только как метод формирования определенных знаний и умений, но и как форму созидания гармонической системы отношений с миром. [4. С. 25].

В связи с этим, огромное значение для духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания имеют знаменательные даты. Ведь это не просто числа календаря, которые повторяются каждый год, а важнейшие исторические события, о которых должны помнить и говорить книги, учителя, родители и старшее поколение. Православие учит, что вера без добрых дел – мертва. И нет выше чести, чем положить жизнь за други своя!

Памятными датами называют дни, повлиявшие на судьбы конкретных исторических личностей, или те, в которые происходили интересные факты, оставшиеся в людской памяти и сыгравшие не последнюю роль в формировании культурных, исторических или иных ценностей. Знаменательные события – различные исторические события, оказавшие влияние на ход истории отдельного человека, страны, целого народа или всей планеты.

Запрос на формирование культуры памяти у школьников указан в Календаре образовательных событий, который Министерство просвещения РФ ежегодно, начиная с 2016 года, направляет руководителям различных субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования. Как пишут Оралова Г.Н. и Косвинцева Г.М., - «календарь памятных дат России содержит много событий, которыми мы гордимся, на которых воспитываем детей» [7, с. 3].

Государство максимально закрепило и обозначило памятные даты в истории России. На территории нашей страны действует Федеральный закон от 13.03.1995 N 32-ФЗ (ред. от 28.09.2023) «О днях воинской славы и памятных датах России». Эти памятные дни связаны с важнейшими событиями российского государства и общества и демонстрируют мужество и доблесть народа. Не все они носят военный или политический характер, но символизируют историю России как часть мировой истории. Памятные даты

способствуют пробуждению у младших школьников интереса к изучению истории своей семьи, России и малой Родины, углублению знаний о событиях, лежащих в основе государственных праздников и дат, формированию эмоционально-смысловых элементов гражданской идентичности: воспитать чувства уважения к прошлому своего государства, в том числе сохранение памяти о заступниках своего Отечества [9].

Таким образом, соединив историю, педагогическую практику и основы религии, современное образование обрело предмет, в центре которого не только обучение и воспитание в соответствии с Федеральным стандартом, но главное – формирование внутренней системы ценностей личности, которая ляжет в основу всей жизни человека.

Список литературы:

1. Архиепископ Аверкий (Таушев) Что такое Православие // Москва. 1996. № 3. С. 187-189.
2. Ильин, И. О православии и католичестве // Москва. 1993. № 3. С. 5-8.
3. Карапетова, Р.В. Духовно-нравственное воспитание: истоки, проблемы, перспективы // Культура и время перемен. – 2015. - № 2 (9). – С. 12.
4. Карапетова, Р.В. Поэтическое искусство как форма сохранения исторической памяти у подрастающего поколения // Многоуровневая система художественного образования в полиэтничном регионе сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (20 июня 2019 года). Краснодар: Отпечатано в отделе информационных технологий и печати Краснодарского государственного института культуры, 2019. С. 20-25.
5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос.акад. образования. – М.: Просвещение, 2009 – 20 с.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс.
7. Эзри, Г.К. Моральные нормы и ценностные ориентации современной российской молодежи // «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки»: Сборник статей по материалам XXV студенческой международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. «СибАК». – 2022. - № 10 (25). – С. 27-37.
8. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования - URL.: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2024).
9. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. N 11 ст. 943 (дата обращения: 20.02.2024).

Коженова Любовь Валентиновна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Ю.П. АДЛЕР: ФИЛОСОФИЯ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье представлен взгляд на теорию и практику «бережливого производства» российского идеолога менеджмента качества С. П. Адлера. В подтверждение данного понимания концепции бережливого производства, рассматривается пример компании Toyota. Приводятся отдельные концепты философии, на которой в течение более 70-ти лет базируется бизнес Toyota. Обозначены два основополагающих принципа Дао Toyota: любовь к людям и постоянное совершенствование. Представлены практические формы, через которые реализуются данные принципы. Описана точка зрения С.П. Адлера на перспективы развития философии бережливого производства в экономике будущего.

Ключевые слова: экономика, философия, менеджмент качества, бережливое производство, любовь к людям, непрерывное совершенствование, статистика, консенсус.

YU.P. ADLER: THE PHILOSOPHY OF LEAN MANUFACTURING

Summary: The article presents a look at the theory and practice of "lean manufacturing" by the Russian ideologist of quality management S. P. Adler. In support of this understanding of the concept of lean manufacturing, the example of Toyota is considered. Separate concepts of the philosophy on which Toyota's business has been based for more than 70 years are given. Two fundamental principles of Toyota's Tao are outlined: love for people and continuous improvement. The practical forms through which these principles are implemented are presented. The point of view of S.P. Adler on the prospects for the development of the philosophy of lean production in the economy of the future is described.

Keywords: economics, philosophy, quality management, lean manufacturing, love for people, continuous improvement, statistics, consensus.

Профессор кафедры сертификации и аналитического контроля московского университета науки и технологий «МИСиС», член Российской академии проблем качества и Международной гильдии профессионалов качества Ю. П. Адлер (1937-2020) был исследователем и популяризатором идеи управления качеством и концепции бережливого производства. Он консультировал первых лиц компаний, которые проявляли готовность к радикальным шагам по работе с качеством продукта и совершенствованию управления бизнесом, был автором многочисленных учебных курсов, им

написано более 600 статей и более 30 авторских книг, посвященных тематике менеджмента качества.

Экономический феномен «бережливое производство» появился в Японии в пятидесятых годах прошлого века. Ю. П. Адлер характеризовал бережливое производство следующим образом, – это когда производитель хорошо знает своих клиентов и может в достаточной мере предсказать, что клиенты захотят купить завтра. Следующий шаг компании должен быть направлен на осуществление экономии, а именно, компании важно отказаться от запасов всего, что не будет востребовано для производства требуемого продукта – ненужные запасы только омертвляют капитал, а значит, снижают эффект экономической деятельности. В результате бережливого отношения к ресурсам, клиенту, себе и партнерам, компания сможет получить значительные конкурентные преимущества [3].

Развивая данную идею в философию организации бизнеса, компания Toyota продемонстрировала эффективность внедрения бережливого производства на практике и продолжает демонстрировать успешность менеджмента качества на протяжении более 70 лет.

Страна, время или вид деятельности – это не исключительные географические, исторические или производственные обстоятельства, которые определяют успех данного подхода в организации бизнес-процесса. Методы бережливого производства универсальны, утверждал А.П. Адлер, они лишь предлагают определенный подход к тому как управлять процессом таким образом, чтобы не расходовать то, что не нужно расходовать (например, время, ресурсы, производственные площади, энергию). Что важно, как для достижения необходимого результата, так и для того, чтобы не пропустить, но учесть и использовать существующие возможности [2].

В подтверждение универсальности принципов бережливого производства можно обратиться к книге Джеймса Вумека и Дэниела Джонса «Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании» [4], где они предлагают использовать другой термин. «Бережливая философия», а не «бережливое производство», по их мнению, в большей степени соответствует идее. Универсальность философии бережливого производства сегодня проявлена в деятельности научных школ и непосредственных практик, исследующих и использующих такие концепции как бережливая логистика, бережливое строительство, бережливое здравоохранения, а также, бережливое воспитание, бережливое образование, бережливое мышление, которые имеют отношение не только к сферам теоретических разработок или производственных процессов, но и к частной жизни человека. Также подчеркнем замечание С. П. Адлера о том, что наше понимание менеджмента слишком технологично, а в контексте бережливого производства, менеджмент определяется не как технология, а как инструмент построения взаимоотношений между людьми, которые направлены на непрерывное совершенствование бизнеса. И, если в каком-либо процессе более

чем один участник, то уже необходимо иметь в виду такие базовые основы менеджмента.

Анализируя Дао Toyota и раскрывая философию бережливого производства, С. П. Адлер утверждает, что для того, чтобы приобщиться к бережливому производству необходимо осуществить всего два принципа – это: во-первых, любовь к людям (клиентам, сотрудникам, поставщикам и т.д.), во-вторых, непрерывное совершенствование.

Рассмотрим некоторые из технологий, которые осуществляют на практике данные базовые принципы философии бережливого производства. Джеффри Лайкер в книге «Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущих компаний мира» [6] описывает 14 основ бережливого производства Э. Деминга – идеолога бережливого производства. И одно из базовых положений, посредством которого реализуется, в частности, принцип любви к людям, устанавливает, что компания, принимая любые производственные решения проводит всеобщее обсуждение, в результате которого непременно достигает консенсуса. А если временной ресурс исчерпан, и очевидно, что в нужные сроки к консенсусу прийти невозможно, то следует отказаться от кажущегося правильным срочного решения, и с помощью своей команды и коллег продолжать искать способ достижения консенсуса. В следствии такой практики в Японии разработали очень эффективную методику – ринги, формализующую процедуру достижения консенсуса за счет учета интересов и мнения каждого члена команды.

Экономия времени – это не то, что стоит экономить в первую очередь, говорил С. П. Адлер, следует «экономить совесть и отношение к людям – это важно», и потому консенсус непременно неизменно необходим. Любому человеку не будет осуществлять работу самым лучшим образом, если он не убежден в ее значимости, а выполняет ее только потому, что его заставляют обстоятельства. Создание таких «заставляющих» обстоятельств – это, ни что иное как насилие над человеком, которое ни к чему хорошему не приведет, поскольку, то противоречие, в котором оказывается человек ведет к болезням, психологическим трудностям и прочим негативным следствиям, и потому «заставляющие» условия на предприятии не только разрушительны для бизнеса, но и «просто бесчеловечны» [1]. Бережливое производство, которое основано на любви к сотрудникам допустить подобного не может. И как базовая идея, утверждается, что устойчивый бизнес без достижения консенсуса построить нельзя.

Причина любить клиента и поставщика, прагматично объясняется тем, что клиент располагает деньгами, а поставщик сырьем, с которыми они готовы добровольно расстаться, если компания обеспечит для них, интересующие их условия. И задачей всех менеджеров является постоянное разъяснение всем сотрудникам этой очевидной истины. А именно, что клиент и поставщик – это носители блага, как для компании в целом, так и для каждого отдельного сотрудника компании [1].

Второй принцип – непрерывное совершенствование процесса производства. Непрерывное совершенствование тесно связано со статистическими методами, а в рамках концепции бизнеса Toyota практически нет разделения между ними: статистика самым органичным образом вписана в производственную систему. В 1955 г. английский профессор Джордж Бокс разработал методы «планирования промышленных экспериментов», которые позволяют «измерять логику» текущего производственного процесса. Данный метод Toyota сделала инструментом оперативного управления всеми процессами [3].

Суть этого метода Ю.П. Адлер показывает на следующем примере. Когда разрабатывается технологический процесс, то проводится его изучение в лабораторных или промышленных условиях и обнаруживается, что есть зависимость какого-либо показателя качества. Например, ровность поверхности детали зависит от числа оборотов двигателя станка, на котором деталь вытачивается. В продолжении исследования процесса определяется, что есть значение числа оборотов двигателя « m » – которое оптимально, т.е. оно обеспечивает желаемый результата. Далее устанавливаются границы регламента данного значения « m », например, от « $m-2$ » до « $m+2$ », дающие такой же результат.

Для лучшего пояснения данного метода А. П. Адлер использует систему координат XOY демонстрирующую зависимость параметров производственного процесса, где ось OY показывает значения параметра качества продукта (*ровность поверхности детали*), ось OX – значения параметра, от которого зависит качество результата (*число оборотов двигателя*). На оси OX отложено значение *числа оборотов двигателя* – « m », которое дает оптимальный результат качества, а также отрезок, показывающий установленный регламента с границами по обе стороны от параметра « m »: « $m-2$ » и « $m+2$ ».

В классическом управлении: поскольку значение « m » оптимально, сменному мастеру дается задание поставить на станках значение « m » и в течение смены его поддерживать, сохраняя в пределах от « $m-2$ » до « $m+2$ ». Но эта схема в результате оказывается не особенно эффективной.

В планируемом эксперименте: отказались от идеи настраивать процесс только на номинал « m », поскольку неизвестно, не уходит ли номинал от самого себя как приоритета. Поскольку всегда могут изменяться различные внешние параметры – сырье, погода, состояние станка, навыки рабочего и т.д. Поэтому используется другой принцип. В первую смену на станке выставляется значение « m », во вторую – среднее значение между « m » и « $m+2$ », а именно: « $m+1$ ». В третью смену, соответственно – « $m-1$ ». В результате получают три разных результата, которые не нарушают технологию процесса и дают возможность получать качественную продукцию. Далее, в планируемом эксперименте, такое измерение зависимости качества от параметра нужно осуществить установленное число раз, например, сто двадцать раз, по сорок в каждой точке: « m », « $m+1$ » и « $m-1$ ». Затем нужно сравнить среднее значение

результата качества, получаемого при каждом из трех устанавливаемых значений параметра. Сравнение несет информацию о динамике процесса и показывает, не нужно ли сдвинуть регламент в сторону того значения куда сдвинулся процесс, как показал планируемый эксперимент. В этом заключается логика планируемого эксперимента, и она применяется на каждой технологической операции Toyota и применяется всегда. Переходя от анализа одного параметра к другому, непрерывно обследуются те переменные, которые представляются важными из теоретических или практических соображений. Таким образом, весь производственный процесс погружен в эту статистическую технологию.

Но безусловно недостаточно непрерывно совершенствовать только технические процессы. Когда идет речь о бережливом производстве, следует понимать, что постоянного улучшения требуют и все другие аспекты производства, например, предстоит непрерывно совершенствоваться каждому сотруднику. Еще до внедрения в бизнес-практику философии бережливого производства, в Японии уже существовало общепризнанное мнение, что бизнес всегда опирается на обучение, которое представлялось «стоящим на трех китах»:

- 1) обучение на рабочем месте,
- 2) общее образование,
- 3) обмен опытом – бенчмаркинг (benchmark).

Суть бенчмаркинга заключается в стремлениях понять, как в других компаниях управленцы решают свои проблемы, и возможно, извлечь из таких решений полезные мысли для себя, чтобы выйти из круга собственных однотипных идей. В бережливом производстве среди этих трех форм обучения определенно доминирует, и по затратам времени, и по значимости – обучение на рабочем месте. Поскольку для непрерывного улучшения качества продукта особенно важно уметь извлекать новые знания из всего, что составляет сам производственный процесс. Таким образом, навык рефлексии является первично необходимым для того, чтобы включиться в бережливое производство.

Технологию обучение на рабочем месте в компании Toyota описывает С. П. Адлер так: у каждого сотрудника (рабочего, инженера и т.д.) есть личный консультант, с которым каждый сотрудник встречается 2-3 раза в неделю в рабочее время на 1,5-2 часа. В это время сотрудник не производит продукцию, а со своим консультантом обсуждает результаты своих наблюдений: за динамикой процесса, за собственной деятельностью, за дополнительными аспектами и факторами, оказывающими влияние на качество продукта и т.д. В Toyota количественное соотношение между сотрудниками и консультантами, в среднем – 20:1, т.е. на двадцать работающих приходится один консультант. Взаимоотношения между консультантом и рабочим не имеют иерархической природы, рабочий консультанту не подчиняется, консультант не начальник рабочего, контакт между ними нужен только для того, чтобы состоялась беседа.

Консультант выступает спарринг-партнером. Он сам ничего не производит, только помогает осмыслить работнику его наблюдения за той частью производственного процесса, за которую работник несет ответственность. Именно в этом взаимодействии рождаются более глубокие знания о том, как действительно устроен реальный производственный процесс. Постепенно углубляя свои знания таким образом, работники, каждый на своем месте и, соответственно, команда в целом, продолжают все глубже и глубже этот процесс понимать [3].

Главная задача менеджмента в бережливом производстве относительно образования сотрудников объединяет принцип любви к людям и принцип постоянного совершенствования и, по мысли С. П. Адлера, заключается в постановке цели обучения. Адлер говорил, что сотрудника важно обучать не для того, чтобы он повысил производительность компании, а для того, чтобы он становился более совершенным человеком. Потому что, если меня учат для того, чтобы я улучшил экономическое положение компании то, это вопрос денежный. А если для того, чтобы я стал лучше, это становится вопросом любви. И если работник осознает, что движущим фактором является именно любовь, то в этом случае, считает С. П. Адлер, менеджер может больше не заботиться о росте производительности, он произойдет автоматически и будет даже значительно более ожидаемого [3].

Интересно мнение С. П. Адлера по вопросу, в какую новую форму, востребованную будущим рынком, может развиваться технология бережливого производства. «Бережливое производство требует качественного прогноза спроса», говорил Адлер. И если мировой рынок показывает нам, что спрос становится все менее и менее предсказуем, то наступит момент, когда экономика будем вынуждена перейти на некое новое основание. Это «другое» – всегда «уже есть», подчеркивал он, и только новые социальные условия направляют к возможным новым сочетаниям вполне известных элементов.

Как будущий востребованный способ ведения бизнеса, С. П. Адлер выделяет эджайл (agile) – создание бизнес-процесса из бизнесов, которые собираются в виртуальную гипер-компанию из соответствующих реальных бизнесов под требования одного клиента один раз. Осуществив заказ, эта гипер-компания больше может не понадобиться, и тогда собранная цепочка может быть распущена. В будущей парадигме тот, кто лучше спрогнозирует спрос клиента и сможет до минимума сократить время цикла предоставления услуги или время изготовления и доставки продукта, тот и будет наиболее успешен на рынке. Таким образом, в футурологической перспективе на смену бережливому производству постепенно будет приходить производство «гибкой технологии» (agile technology). А как особенно перспективный прогноз на будущее С. П. Адлер полагает обстоятельство, когда человечество придет к мысли о том, что оно должно следовать концепциям Э. Деминга [5], и это станет, по мысли С. П. Адлера, будущей революцией как в бизнесе, так и в социальной жизни.

Подводя итог рассмотренной трактовки бережливого производства, важно подчеркнуть, что философия, на которой базируется производство компании Toyota, это – философия кайдзен-планирования (планирование непрерывного улучшения), которое возможно только для стабильных процессов. И только, когда установлен стабильный процесс наступает возможность, как и необходимость, непрерывного совершенствования. Поэтому, если в результате статистических способов оценки качества выясняется, что процесс не стабилен, то прежде всего, все усилия направляются на выявление причин нестабильности для их устранения и возвращения к стабильности.

Это должно осуществляться:

во-первых, с верху, – в результате изменения общеорганизационных правил,

во-вторых, на местах, но не с помощью существующих стандартов, которые предлагают многочисленные методы решения проблем. От таких действий не стоит ожидать выдающихся результатов, говорил С. П. Адлер. Поскольку, задача состоит не в том, чтобы вмешаться в управление каждым технологическим процессом, который осуществляется каждым сотрудником, а в том, чтобы развить и углубить понимание у каждого сотрудника того, как процесс устроен. Когда наступает такое действительное понимание, подчеркивает С. П. Адлер, то непрерывное улучшение не требует уже никаких специальных методов.

Список литературы:

1. Адлер Ю. П. Возлюбите своих поставщиков / Ю. П. Адлер; В сб.: Поставщик и потребитель. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2000. – 128 с.; С. 6-34.
2. Адлер Ю. П. Восемь принципов, которые меняют мир Юрий Петрович Адлер // [Электронный ресурс] URL: Восемь принципов, которые меняют мир Юрий Павлович Адлер (lobanov-logist.ru) (дата обращения 1.02.2024)
3. Адлер Ю. П., Маркова Е. В., Грановский Ю. В. Планирование эксперимента при поиске оптимальных условий / Ю. П. Адлер, Е. В. Маркова, Ю. В. Грановский; Изд. 2-е. – М.: Наука, 1976. – 362 с.
4. Вумек Д., Джонс Д. Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / [Электронный ресурс] URL: Вумек-Д.П.-Дэниел-Т.Д.-Бережливое-производство.-Как-избавиться-от-потерь-и-добиться-процветания-вашей-компании.pdf (crystalbook.ru) (дата обращения 1.02.2024)
5. Деминг У. Эдвард Новая экономика / У. Эдвард Деминг; Перевод с англ. Т. Гуреш. —М.: Эксмо, 2006. — 208 с.
6. Лайкер Д. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущих компаний мира / Джеффри Лайкер; Перевод с англ. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005 — 402 с.

Костюк Руслан Васильевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 3891-0208

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА РАЗРЯДКИ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ

Аннотация: Статья посвящена советской политике в отношении разрядки и одновременно она анализирует взгляды европейского левого движения в 1970-е гг. на разрядку. Автор показывает основные примеры разрядки международной напряжённости, рассматривает «Программу мира» Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), указывает на конкретный вклад советской дипломатии в достижение советско-американских договорённостей по разоружению, созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), деэскалацию в Центральной Европе и т. д. Также автор рассматривает подходы европейских коммунистов, левых социалистов и социал-демократов к разрядке и У к выводу об их значительном вкладе в её продвижение.

Ключевые слова: СССР, разрядка, мир, политика, партия, Европа, дипломатия, левые.

SOVIET POLICY OF DÉTENTE AND THE EUROPEAN LEFT MOVEMENT

Summary: The article is devoted to Soviet policy towards détente and at the same time it analyzes the views of the European left movement in the 1970s on détente. The author shows the main examples of the easing of international tension, examines the Peace Program of the Communist Party of the Soviet Union, points out the specific contribution of Soviet diplomacy to the achievement of Soviet-American disarmament agreements, the convening of the Conference of Security and Cooperation in Europe, de-escalation in Central Europe, etc. The author also examines the campaigns of European communists, left socialists and social democrats towards détente and comes to the conclusion about their significant contribution to its promotion.

Keywords: USSR, détente, peace, politics, party, Europe, diplomacy, left.

Примерно полвека отделяет нас от периода, который считался апогеем разрядки во взаимоотношениях между Западом и Востоком в эпоху «холодной войны». Значительную роль в осуществлении разрядки сыграл Советский Союз. С учётом того, что нынешняя конференция в СПбГЭТУ посвящена 120-летию нашего земляка А. Н. Косыгина, который на протяжении 16 лет (и

именно в годы разрядки) возглавлял Совет министров) СССР, представляется, что данная тема является своевременной и актуальной.

Предпосылки разрядки проявились ещё на рубеже 1950-х и 1960-х гг., когда состоялся первый государственный визит советского лидера (Н. С. Хрущёва) в США, и обе стороны на фоне второго Берлинского и Карибского кризисов признали необходимость взаимного сотрудничества для недопущения смертоносной ядерной войны. Это сотрудничество проявилось, в частности, в подписании в 1963 г. Московского договора о запрете ядерных испытаний в трёх сферах, а также в некотором сближении подходов двух сверхдержав в отношении ситуации в Индокитае.

Однако, можно смело утверждать, что разрядка открыла дорогу тогда, когда в 1964 г. произошли серьёзные кадровые изменения в высшем руководстве Советского Союза, когда Л. И. Брежнев был избран 1-м секретарём Центрального комитета КПСС, а А. Н. Косыгин был назначен на пост председателя Совета министров СССР. Разумеется, А. Н. Косыгин, будучи главой правительства, отвечал прежде всего за внутреннюю, социально-экономическую политику, однако, фактом является то, что именно с его встречи в июне 1967 г. с Президентом США Л. Б. Джонсоном многие историки ведут отсчёт разрядки.

Во второй половине 1960-х гг. советское руководство, вместе со своими союзниками в Восточной Европе, со всей определённой поворотностью к политике разрядки, о чём свидетельствовал последовавший в 1966 г. от Организации Варшавского Договора (ОВД) призыв провести конференцию по безопасности в Европе. Ещё позже, в 1970 г. ОВД предложил всем заинтересованным сторонам подписать договор об отказе от применения силы в Европе, в пользу торгового, экономического и культурного сотрудничества со странами Запада. Безусловно, на рубеже 1960-х и 1970-х гг. в Москве утверждали, что разрядка и мирное сосуществование не означает отказа от классовой борьбы. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «пытаясь утвердить принцип мирного сосуществования, мы отдаём себе отчёт в том, что успех этого предприятия никоим образом не означает ослабить классовую борьбу. Напротив, нужно ожидать, что эта борьба усилится, сделается более острой формой конфронтацией двух социальных систем.» [4] В своих мемуарах, рассуждая о советской внешней политике 1970-х гг. А. А. Громыко, занимавший должность министра иностранных дел в период разрядки, писал: «Политика любого государства должна ныне оцениваться с той точки зрения, насколько она отвечает интересам сохранения мира. Принцип мирного сосуществования государств с различным строем – главный критерий, с которым следует подходить к такой оценке. Внешняя политика Советского Союза есть политика мирного сожительства стран социалистических и капиталистических, о возможности и необходимости которого говорил В. И. Ленин». [1, с. 464]

Именно во второй половине 1960-х гг. страны «социалистического содружества» и Запада достигли стратегического паритета в вооружениях, когда дальнейшая гонка ядерных вооружений потеряла смысл, что предопределило торжество процесса разрядки в первой половине 1970-х гг. Если говорить о советском вкладе в процесс разрядки в эти годы, безусловно, что он был определяющим. При этом Москва твёрдо координировала свои внешнеполитические подходы со странами ОВД и Совета Экономической Взаимопомощи. Советский Союз и дружественные страны исходили из того, что проведение европейского совещания по укреплению мер доверия и обеспечения коллективной безопасности должно сопровождаться взятием взаимных обязательств по незыблемости границ, невмешательству во внутренние дела, запрещению применять оружие массового уничтожения и сокращению средств доставки ядерного оружия.

Хрестоматийным примером советской внешней политики на благо разрядки можно назвать принятую на XXIV съезде КПСС «Программу миру». В частности, руководящая в СССР партия высказалась на своём главном форуме за ликвидацию очагов напряжённости на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, отказ от применения силы или угрозы её применения для решения всех спорных вопросов, созыв общеевропейского совещания по безопасности, принятие мер по формированию коллективной безопасности, взаимный роспуск военных блоков, заключение соглашений о запрете ядерного, химического и бактериологического оружия. [5, с. 29-30]

«Программа мира» особый акцент делала как раз на тематику разоружения. В частности, она предусматривала созыв всемирной конференции по вопросам разоружения, сокращение вооружённых сил и вооружений в Центральной Европе, «прекращение гонки вооружений» всех видов, а также углубление взаимовыгодного сотрудничества со странами, принадлежащими к разным социальным системам. [5, с. 30]

Политические заявления Москвы не расходились в конце 1960-х и первой половине 1970-х гг. с реальными изменениями, происходившими в системе международных отношений на благо разрядки. Например, после подписания в Москве в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия Советский Союз вступил с Соединёнными Штатами в переговоры о комплексном ограничении и сокращении наступательного стратегического оружия.

Ключевыми советско-американскими договорённостями по разоружению стал Договор об ограничении систем противоракетной обороны от 1972 г., а также подписанные в 1973 г. соглашение о предотвращении войны и документ «Об основных принципах в переговорах о дальнейшем ограничении стратегического наступательного вооружения» (ОСВ-I). На фоне военно-политических договорённостей двух сверхдержав великие державы также подписали соглашения о запрете размещения на дне морей и океанов ядерного оружия, Конвенцию о запрете разработки, производства и накопления запасов бактериологического и токсического оружия и об их уничтожении, а

ОВД и НАТО начали переговоры о сокращении обычных вооружённых сил и вооружений в Европе.

Важнейшим следствием разрядки стала деэскалация в Центральной Европе. И здесь опять же роль советской дипломатии была очень большой. В ответ на «восточную политику» нового левоцентристского правительства ФРГ во главе с В. Брандтом Москва и её союзники по ОВД пошли на переговоры с Западной Германией, а уровень политических и экономических отношений СССР и ФРГ в первой половине 1970-х гг. резко вырос. Именно А. Н. Косыгин от имени советского правительства подписал с В. Брандтом 12 августа 1970 г. Московский договор. Это соглашение предусматривало воздержание от угрозы силы и её применения в двусторонних отношениях, признание нерушимости границ и территориальной целостности европейских государств, отсутствие территориальных претензий друг к другу. Аналогичные договоры Западная Германия подписала с Польшей и Чехословакией, установив также в первой половине 1970-х гг. межгосударственные отношения с ГДР. Безусловно, всё это можно назвать явной внешнеполитической победой советской дипломатии.

Не менее важным событием для разрядки международной обстановки в Центральной Европе стало подписание державами-победительницами в 1971 г. Четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину. Это соглашение, в частности, фиксировало, что Западный Берлин является особым политическим образованием, не входящим административно в состав ФРГ. [10, р. 3] Западные державы вынуждены были свернуть на территории Западного Берлина деятельность организаций, ведущих пропаганду против ГДР. В Западном Берлине после этого соглашения были открыты консульства СССР и других восточноевропейских стран. Суть Четырёхстороннего соглашения также была вполне выгодна интересам Советского Союза.

Отметим также, что процесс разрядки обозначил и ослабление напряжённости в ряде регионов «Третьего мира». В частности, благодаря переговорному процессу была завершена война во Вьетнаме и предприняты попытки дипломатического прекращения ближневосточного конфликта.

Безусловным апогеем политики разрядки принято считать запуск СБСЕ, переговорный процесс по проведению которого шёл в 1972-1975 гг. и завершился проведением в Хельсинки конференции, учредившей СБСЕ и принявшей итоговые документы Совещания. Даже если мы можем говорить о взаимных уступках, на которые пошли и «коммунистические», и капиталистические страны, всё-таки и в Декларации принципов, и в Заключительном акте СБСЕ можно найти немало положений, отражавших стратегические цели советской внешней политики: суверенитет и равенство государств, уважение их прав, неприменение силы и угрозы силы в международных отношениях, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела и т. д. [7, с. 4-6]

Также надо отдавать отчёт, что в первой половине и середине 1970-х гг. успех политики разрядки стал возможен как благодаря высокому авторитету международной политики Москвы, так и в силу меняющегося соотношения сил в мировой политике, выразившегося в расширении «мировой социалистической системы», а также в победах революционно-демократических сил в разных частях «Третьего мира», в Азии и Африке. Но ещё одним немаловажным моментом, сыгравшим в первой половине и середине 1970-х гг. впечатляющую роль в торжестве идеалов и процесса разрядки стало то, что она получила явную поддержку со стороны разных направлений левого движения в Европе и во всём мире.

В частности, Советский Союз, осуществляя политику разрядки, имел за спиной мощную политическую поддержку со стороны стран «реального социализма» и правящих там партий, а также всего европейского коммунистического движения, включая компартии западноевропейских стран. Отметим, что все сколько-нибудь значимые инициативы в отношении разрядки выдвигались Москвой не в одиночку, а, как правило, от имени военно-политического альянса – ОВД. Одновременно все эти идеи получили полную поддержку со стороны марксистско-ленинских коммунистических партий Восточной Европы. Советский Союз активно и энергично сотрудничал с братскими странами в процессе подготовки СБСЕ, а также при подготовке Московского договора с ФРГ. Безусловно, мы можем сегодня признать, что в рамках ОВД и СЭВ имел место «ограниченный суверенитет» национальных государств, но фактом является то, что «социалистическое содружество» занимало единую солидарную позицию в отношении процессов разрядки и поддерживало действия советского руководства на данном направлении.

Коммунистические партии поддерживали курс Москвы на мирное сосуществование, видя в нём прежде всего гарантию мира на планете в лицо ядерной угрозе. С точки зрения коммунистических партий Европы, прогресс разрядки и мирного сосуществования «ещё более увеличил возможность предотвратить третью мировую войну». [2, с. 43] Поскольку коммунистические партии играли в 1970-е гг. важную роль в международном антивоенном движении, данный настрой был вполне понятен.

Прошедшая в 1976 г. в восточной части Берлина конференция коммунистических и рабочих партий Европы практически единодушно поддержала советский курс на разрядку, констатируя ту значимую и положительную роль, которую играет СССР в процессе разрядки международной напряжённости. Заявляя о том, что правительства западных капиталистических партий зачастую пытаются затормозить процессы разрядки, ускорить гонку отдельных видов вооружений, усилить идеологическую борьбу против коммунизма, компартии, в противовес этим высказываниям, заявляли о том, что СССР и соцстраны искренне, в интересах всех народов Европы борются за торжество разрядки, особенно ради того, чтобы обеспечить безопасность и сотрудничество в Европе. [2, с. 67]

Поддержка внешнеполитической линии Москвы присутствовала и в подходах западноевропейских компартий, даже тех из них, кто в 1970-е гг. по многим иным направлениям дистанцировался от Москвы, включая коммунистические партии Италии, Испании и Франции (направление еврокоммунизма). С точки зрения ориентированных на еврокоммунизм партий, разрядка не только способна обратить вспять угрозу третьей мировой войны. С точки зрения идеологов самой влиятельной компартии в Западной Европе, Итальянской коммунистической партии, «всякая ситуация с международным кризисом или острой конкуренцией между Соединёнными Штатами и Советским Союзом ведёт к поляризации на международном уровне; она обычно переходит, и почти фатально, к поляризации внутри самого общества, что может быть лишь губительным для продвижения социализма». [9, р. 147] В свою очередь, испанские коммунисты исходили из того, что продвижение и продолжение процесса разрядки способно, в конечном счёте, содействовать успеху победы социалистического проекта как на национальном, так и на интернациональном уровнях.

Европейское коммунистическое движение со всей определённой поддержало действия и вклад советской дипломатии в созыв СБСЕ. Хельсинкское совещание 1975 г. интерпретировалось в западноевропейском сегменте коммунистического движения как важнейший шаг на пути к безопасности и сотрудничеству в «Старом Свете». Так, по мнению Французской компартии, «итоги Совещания позволили достичь важных успехов в деле поддержания мира, уменьшения вооружений, ослабления и роспуска военных блоков...» [3, с. 123]

С меньшей энергичностью коммунистические партии разных частей Европы в первой половине 1970-х гг. приветствовали заключение между двумя сверхдержавами соглашений по ограничению ядерной гонки вооружения. При этом компартии капиталистических стран Европы, в своём большинстве, соглашались с точкой зрения советских руководителей, что разрядка, как таковая, не ставит под вопрос ни классовую борьбу, ни идеологическое противостояние с империализмом.

Отметим также, что процесс разрядки и, в частности, внешнеполитическая линия Москвы в отношении разрядки в 1970-е гг., получили также морально-политическую поддержку со стороны левосоциалистических кругов в капиталистических государствах Европы, находившихся в политическом пространстве «Старого Света» между коммунистами и социал-демократией. Левосоциалистические партии Северной Европы, Ирландии, романских стран «Старого Света» последовательно выступали против гонки вооружения, за роспуск военно-политических альянсов, радикальное сокращение ядерного оружия с последующим отказом от него, отказ от иностранных военных баз. Всё это дело радикальных социалистов в 1960-х – 1970-х гг. активными участниками антивоенного и антиядерного движения.

С учётом возросших межпартийных контактов этих партий с КПСС именно на фоне продолжения процесса разрядки левосоциалистические партии Европы отдавали должное вкладу советского руководства в осуществление этого процесса. Одновременно они подчёркивали позитивную роль советской дипломатии в развитии международных отношений Европы вплоть до конца 1970-х гг.

В первой половине 1970-х гг. происходило и сближение внешнеполитических позиций между КПСС и западноевропейской социал-демократией, несмотря на то что в основном социал-демократические и социалистические партии Европы сохранили свои атлантистские воззрения. Однако, большая часть левоцентристских партий Европы приветствовала снижение международной напряжённости и советско-американские договорённости первой половины 1970-х гг. Как отмечалось в решениях XII конгресса Социалистического Интернационала (СИ) в 1972 г., в котором решающее место традиционно принадлежало западноевропейской социал-демократии, «встреча в Москве доказала решимость руководителей обеих держав избежать военной конфронтации, добиться расширения взаимного сотрудничества в интересах мира и безопасности во всём мире.» [6, с. 201] Вместе с тем, лидеры социал-демократии выражали надежду на то, что мирное сосуществование и разрядка укрепят политические, экономические и культурные отношения между странами с различной социально-политической системой в Европе.

Отметим, что входившие в правительства своих стран социал-демократы Западной Германии, Швеции, Финляндии, Норвегии и ряда других стран внесли реальный, практический вклад в 70-е гг. XX в. в развитие процессов разрядки на европейском континенте. Имя зачинателя «восточной политики» ФРГ В. Брандта, имевшего дружественные отношения с советскими лидерами Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным, стало в итоге одним из символов разрядки. Представители социал-демократических и социалистических партий Европы в подавляющем большинстве одобрительно отнеслись к идее создания СБСЕ и внесли существенный вклад в успех этого проекта. С их точки зрения, создание СБСЕ не только ослабило конфронтацию и напряжённость между блоками в Европе, но и открыло дорогу к взаимодействию и кооперации между европейскими народами, принадлежащими к различным системам.

Социалистические партии, относящиеся к левому направлению европейской социал-демократии в 70-е гг. XX в. (французская, итальянская, испанская) в особенности подчёркивали позитивную роль Москвы в продвижении разрядки в международных отношениях. Как отмечал в первой половине 1970-х гг. первый секретарь французской соцпартии Ф. Миттеран, «для нас Советский Союз является фактором мира. Историческая заслуга Леонида Брежнева в сохранении мира является огромной... Такие замечательные усилия народа, который пятьдесят лет тому назад начал постепенную перестройку своей жизни, нас интересуют и волнуют.» [8, р. 61]

В заключении мы можем сделать генеральный вывод о том, что СССР при поддержке своих восточноевропейских союзников внёс грандиозный вклад в торжество процесса разрядки. Основная часть левого движения Европы в 1970-е гг. также поддерживала этот процесс и, в случаях нахождения у власти, коммунистические и социал-демократические партии также со своей стороны оказывали реальное содействие различным проявлениям в отношении развития разрядки на европейском континенте.

Список литературы:

1. Громыко А. А. Памятное. Испытание временем. Книга 2. - М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 560 с.
2. Коммунисты в борьбе за мир и разрядку международной напряжённости: Сборник обзоров. - М., 1976.
3. Костюк Р. В. Внешнеполитические установки Французской коммунистической партии и Социалистической партии (Франции) в 1970-е годы. Сравнительный анализ. - СПб.: СПбГУ, 2010. – 184 с.
4. Правда, 1972, 28 июня.
5. Материалы XXIV съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1971.
6. Сибилев Н. Г. Социалистический интернационал: история, идеология, политика. - М., 1980.
7. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. – 51 с. - URL: https://osce.org/files/f/documents/Oc/39505_1.pdf (дата обращения: 20. 02. 2024)
8. Arty P. Mitterrand comme artisan de l'Europe Sociale. Paris: Flammarion, 2003. – 318 p.
9. Lévesque J. Le Parti communiste italien, l'URSS et l'ordre international // Revue française de science politique, Paris, 1987, №37(2), pp. 141-180.
10. 3 septembre 1971: l'accord quadripartite est signé à Berlin // Le Figaro, 1971, 4 septembre.

Котовская Мария Григорьевна

доктор исторических наук, профессор

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

SPIN-код: 5307-9346

**ДНЕВНИК М. БАШКИРЦЕВОЙ (ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПОЛУЧЕНИЯ
ЖЕНЩИНАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)**

Аннотация: Мария Башкирцева - художник, судьба и художественно - литературное наследие которой является свидетельством гендерных диспозиций в области художественного профессионального образования во второй половине XIX в. Свой дневник М. Башкирцева вела непрерывно, начиная с двенадцатилетнего возраста и до своей ранней смерти. Дневник является не только уникальным документом новых гендерных завоеваний женщин в профессиональной деятельности, но и социально-историческим документом своего времени. Сегодня мы можем говорить, что Дневник М. Башкирцевой конвенционально вписан в свое время и свидетельствует о формировании ценностных гендерных установок в формировании восприятия обществом женщин-художников. Исследования в междисциплинарной сфере помогают глубже понять гендерные процессы, происходящие в женском литературно-художественном сообществе того времени.

Ключевые слова: художественно-литературное наследие, гендерный дискурс, дневник, академия, женщины-художники.

**THE DIARY OF M. BASHKIRTSEVA (THE FIRST EXPERIENCES OF
WOMEN RECEIVING PROFESSIONAL ART EDUCATION. THE SECOND
HALF OF THE XIX CENTURY.)**

Summary: Maria Bashkirtseva is an artist, whose fate and artistic and literary heritage is evidence of gender dispositions in the field of art professional education in the second half of the 19th century. M. Bashkirtseva kept her diary continuously, from the age of twelve until her early death. The diary is not only a unique document of the new gender achievements of women in professional activities, but also a socio-historical document of its time. Today we can say that the Diary of M. Bashkirtseva is conventionally inscribed in its time and testifies to the formation of value gender attitudes in the formation of society's perception of women artists. Research in the interdisciplinary field helps to better understand the gender processes taking place in the women's literary and artistic community of that time.

Keywords: artistic and literary heritage, gender discourse, diary, academy, women artists.

Мария Башкирцева относится к художникам, судьба и художественно - литературное наследие которых, является свидетельством гендерных диспозиций в области профессионального образования во второй половине XIX в.

В существующем корпусе литературы, написанной на основе изучения дневников М. Башкирцевой, много говорится о нетривиальной личности героини [1,4]. Мы предлагаем несколько расширить исследовательскую задачу и прочитать части текста дневника с точки зрения социально-исторического контекста эпохи. Дневник Марии Башкирцевой является яркой иллюстрацией гендерной ситуации в литературной и художественной среде России и Франции второй половины XIX в. Дневник, написан по-французски, издан посмертно и переведен на множество европейских языков. Мы обращаемся к современному переизданию Дневника в русском переводе 2011г. Переводчик Л.Я. Гуревич обратилась к тексту, впервые изданному в 1884 г. [1]. Изначально издание 1884 г было старательно отредактировано матерью М. Башкирцевой и идеализировано публикаторами. А позднейшие переиздания сформировали некий миф о жизни русской мадемуазель в Париже и ее попытке стать великой художницей, следуя её высказываниям из текста Дневника. Л.Л. Александров в своей публицистической повести «Подлинная жизнь мадемуазель Башкирцевой» пишет: - «Она так и осталась автором фальсифицированного дневника, который, впрочем, читает уже не одно поколение, и автором нескольких картин, вполне эпигонского толка, притом эпигонской она была третьестепенных художников Салона, вроде ее учителя Родольфа Жулиана, его приятеля Тони Робера-Флери или Жюля Бастьен-Лепаж.»[3, с.3].

Дневник, по собственному признанию М. Башкирцевой, представляет собою «жизнь женщины, записанную изо дня в день».

Свой дневник М. Башкирцева вела непрерывно, начиная с двенадцатилетнего возраста и до своей ранней смерти. Дневник является не только уникальным документом новых гендерных завоеваний женщин в профессиональной деятельности, но и социально-историческим документом своего времени.

Авторов исследования привлек Дневник Марии Башкирцевой как литературный источник, описавший мировоззрение, самоопределение в общественном устройстве и профессиональную позицию автора. В Дневнике нет сложившейся сегодня терминологии, характеризующей феминистические настроения женщин второй пол. XIX в., но определенно читаются описания сложения дискурсивных обсуждений о месте и роли женщины в профессиональной среде, как равноправного участника творческих практик. Мария Башкирцева в Дневнике описывает свои размышления на тему творчества и вербальные коммуникации, происходившие в женских классах Академии Жулиана на тему реализации и выстраивания дальнейшего независимого пути женщин, получивших профессиональное художественное образование.

Сегодня мы можем говорить, что Дневник М. Башкирцевой конвенционально вписан в свое время и свидетельствует о формировании ценностных гендерных установок в формировании восприятия обществом женщин-художников.

Интересен этот литературный документ сегодня по многим причинам и вот лишь некоторые из них:

- 1. Социальная позиция женщины - дневник читают в 21 веке с точки зрения современной читательницы, как документ об истоках женских движений в Западной Европе и первых опытах гендерного самоопределения женщин-художников. Мария активно участвует в движении за права женщин, она хочет, чтобы женщины-художники признавались «полноценными профессионалами», пишет статью в газету «Гражданка», где сетует на то, что Академия Художеств (Национальная школа искусств в Париже) не доступна девушкам, но, правда, подписывается псевдонимом [1].

- 2. Взаимоотношение элит - подробно и точно описан социально - исторический контекст – конец 19 в. и традиционные гендерные роли аристократического сообщества, к которому принадлежала автор. Мария представляет свои размышления о том, что сложившиеся социальные рамки аристократического круга порой мешают её в стремлении выстраивать профессиональную траекторию творческой самореализации.

3. Текст дневника может послужить основой реконструкции программы профессионального обучения и системы поощрений учеников Академии Жулиана. В дневнике есть упоминание о том, что программа обучения женщин и мужчин отличалась. Женским классам, по утверждению, автора Дневника, предлагалась менее напряженная по количеству заданий программа [См. 1]. К сожалению, программ и документов, регламентирующих процесс обучения в частных художественных заведениях, практически не сохранилось. В Дневнике Мария пишет о том, что студентам, успешно осваивающим академические курсы, предоставлялось право участвовать в конкурсе на получение престижной Римской премии. Мария пишет о своем выборе максимальной самореализации в творческой профессии [См.1]. Исходя из этой записи в дневнике, мы можем выстроить предполагаемую учебную траекторию и систему поощрений и выставочных практик учеников Академии Жулиана.

4. Текст дневника показывает, что в конце 19 в. уже были опробованы новые методы профессионального обучения девушек со сформированной профессиональной мотивацией. В Дневнике есть свидетельства о возможности получения женщинами профессионального художественного образования в Европе. В России в это время художественное профессиональное образование существовало ограничено в стенах Императорской Академии художеств. Вольнослушательницы обучались в специальных женских классах и не могли претендовать на права и привилегии получения звания классного художника и пенсионерскую поездку после завершения академического курса. Полноправными участницами художественного процесса, согласно

справочнику С.Н. Кондакова, станут женщины-художники в 1890-е - 1910-е. [4]. Альтернативного художественного образования в России не существовало до 1890-х гг. В 1899 Елизавета Званцева открыла в Москве частную художественную школу, в ней преподавали К.А.Коровин, В.А.Серов и Н.П.Ульянов. В 1906 г. Званцева переехала Петербург и открыла новую Художественную школу, одно из передовых частных художественных учебных заведений России. Эти частные художественные учебные заведения были созданы по образу и подобию парижских Академии Жулиана, Академии Коларосси и еще десятка частных учебных заведений в Европе [5].

Женщины в России второй половины XIX в., выбирая для себя возможность получения профессионального образования, обращали своё внимание на европейские учебные художественные заведения. На те из них, где были открыты специальные женские классы. Эта первая профессиональная фаланга женщин, получивших профессиональное художественное образование, во многом обусловила полноправный, наравне с мужчинами, приход женщин в творческие профессии. Здесь мы предлагаем вспомнить об ученицах частных французских Академий, приехавших, как и Мария Башкирцева из России: Е. Званцева, Е. Зарудная-Кавос, А. Голубкина, В. Мухина, Н. Симонович-Ефимова.

Дневник Марии Башкирцевой нередко сравнивают с Дневником Елизаветы Дьяконовой [7] и Нины Берберовой [6]. XIX столетие как в зеркале отразилось в дневниковых записях многих корреспондентов, оно представлено и в женской документальной публицистике, к которой относится дневниковый жанр повествования. Исследования в междисциплинарной сфере помогают глубже понять гендерные процессы, происходящие в женском литературно-художественном сообществе того времени.

Список литературы:

1. Башкирцева М. Дневник. – URL.: https://librebook.me/mariia_bashkirceva__dnevnik [режим доступа 27.04.2021]
2. Креспель Ж.- П. Повседневная жизнь импрессионистов. 1863-1883. - М.: Молодая гвардия, 2012.
3. Александров Л. Подлинная жизнь мадемуазель Башкирцевой. - М.: Издатель Захаров, 2003.
4. Кондаков С. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств: 1764-1914 / Сост. Кондаков С. - СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914-1915.
5. Энциклопедия русского авангарда – URL.: <http://rusavangard.ru/online/history/shkola-e-n-zvantsevov/> [режим доступа 27.04.2021]
6. Берберова Н. «Немного не в фокусе...», 1921-1983 - М.: АСТ, 2015.
7. Дьяконова Е. Дневник русской женщины. - М.: Издатель Захаров, 2004

Кротова Елена Евгеньевна

старший преподаватель

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта

SPIN-код: 5504-4012

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РОЛЕЙ В ФУТБОЛЕ

Аннотация: В статье анализируются роли футбольных игроков с эстетического ракурса. Рассматривается значимость футболиста по отношению к команде. От амплуа игрока зависит то, как он смотрится на поле благодаря тем функциональным установкам, которые были заложены в тактической схеме.

Ключевые слова: футбол, амплуа, вратарь, тактика, игровая позиция.

THE SPECIALIZATION OF ROLES IN FOOTBALL

Summary. The article analyses the roles of football players from the aesthetic view. The importance of the football player is considered in relation to the whole team. The role of player determines his skills on the field because of the functional attitudes that were laid in the tactical formation.

Keywords: football, player role, goalkeeper, tactics, game position.

Уже давно спорт стал национальной идеей для многих государств. Его развивают, финансируют, пропагандируют. Он стал «естественным» для членов многих культур. Спорт может приносить как радость и наслаждение, так горечь и разочарование. И, прежде всего, в данном ключе необходимо говорить о соревновательной деятельности, за которой наблюдают зрители, а не о простом беге по утрам для укрепления здоровья, который могут лицезреть все гуляющие по парку. Для одних людей победа спортсмена рождает в них чувство удовлетворения, которое не может создать ни одно произведение искусства, другие же довольствуются проигрышами своих атлетов, испытывая настоящие страдания от утраты «мига» победы. Такие чувства способны зародиться благодаря отождествлению себя со спортсменом, командой.

В некоторых культурах принято возвеличивать отдельные виды спорта, создавая своего рода культ для восхищения. И, прежде всего, к таким видам относится футбол. Это та спортивная игра, которая представляет собой особое пространство, находящееся между реальностью и мечтами. Футбол уже давно рассматривают в качестве эстетического объекта. Удовольствие, которое получают зрители во время матча (сидя дома перед телевизором, перед экраном в спортивном баре или на трибунах стадиона) выводят зрительское восприятие происходящего на эстетический уровень.

Основными действующими лицами на поле являются игроки. И их значимость вышло далеко за пределы игровой зоны. За их жизнью наблюдают, их копируют, в них влюбляются. Некоторые говорят, что игроки и тренеры творят историю. Футбол, как и другой вид спорта, это игра победителей. Преклоняются перед победившими, а не проигравшими. Но вся аура футбола тускнеет, когда в него вмешивается квантификация. На крупных турнирах в процесс выхода в следующий раунд часто вмешивается математика, точнее подсчеты очков. Команда может играть, исходя из необходимых результатов: победа с минимальным счетом, проигрыш с нужной разницей мячей, ничья. Эти варианты противоречат сути футбола, они противоестественны. В него нельзя играть «случайно», иначе очарование этой игры утрачивается, а на его место приходит меркантильный расчет, который растворит игровую суть футбол. Именно поэтому болельщики, которые любили и смотрели футбол 30 лет назад, говорят, что сейчас футбол не завораживает. Если поменялся он сам, то поменялись и болельщики. И «понимающий зритель» ушел со стадионов.

Интересно, что и футболисты поменялись. Раньше говорили, что футбол – это божественная игра: «Ты играешь в футбол – ты играешь с Богом! Когда ты забиваешь свой гол, ты не захватываешь пространство, ты просто прорываешься в другое пространство» [2, с.16]. Сейчас же футболисты хотят стать звездами. «Мы были ближе к народу. И народ нам, и мы народу были понятны. Сейчас это разъединилось. Футболист стал попсой, звездным человеком, до которого не достучишься» [2, с.17]. Раньше об игроках говорили как о личностях, сейчас же как о человеке с имиджем.

Сейчас техника игроков возросла, тактическое видение игры усилилось. Но то, что осталось неизменным с XX века – это амплуа. Это те позиционные роли игроков, которые они исполняют на поле: вратарь, защитник, полузащитник и нападающий. Интересно, что в средневековой игре, похожей на футбол, в которую играли во Флоренции, специализация ролей отсутствовала. Не было четких правил игры, количество игроков было неограниченным. Основной задачей было удерживать мяч для того, чтобы довести его до цели. Каждый был сам по себе, поэтому четких функций у игроков не было. Сейчас футбольная команда – это единый конструкт, каждый элемент которого имеет собственную функцию и движется по траектории, которая необходима в конкретный момент. Игроки должны двигаться на поле, а гибкость их позиций определяется тренером в зависимости от того, какая общая тактическая расстановка, какие установки перед игрой, какой уровень у соперника. Зритель восхищается тем, как индивидуальность работает на коллектив, потому что игрок воспринимается в ракурсе всей команды. Футболисты выполняют определенные функции, но без общей групповой работы нельзя продемонстрировать качественный футбол. Если между игроками нет взаимодействия, и они не могут понять друг друга, то матрица разрушается. Если в игре футболист (или сразу несколько футболистов)

«стоит» на поле, то динамика игры снижается. Игроки должны формировать единый «организм», чтобы создавать праздник на поле.

Интересно, что те футболисты, которые сейчас играют, становятся менее индивидуальны с точки зрения уникальности, но все пытаются выделиться. Это породило большое количество шуток про их индивидуальные особенности, которые связаны, прежде всего, с внешними атрибутами, а не технико-тактическими действиями. Ярким примером могут служить Златан Ибрагимович, недавно закончивший карьеру игрока, и Криштиану Роналду. Шведский футболист может похвастаться яркой карьерой в самых известных клубах мира, в которых показывал превосходную технику, особенное чувство мяча. Но характеризуют его тем, как он говорит о себе в третьем лице. Захватывающий дриблинг Роналду, который долгое время восхищал болельщиков, отодвинулся на второй план, пропустив вперед его классическое празднование гола или характерный жест рукой по волосам.

Рисунок расположения игроков на поле составляет числовой код, сформированный по линиям футболистов и начинающийся от вратаря команды. Первой цифрой обозначаются защитники, второй – полузащитники, третьей – нападающие. Если код схемы имеет дополнительные цифры, значит та или иная позиция была разделена. Зрители по ходу матча могут наблюдать за тем, как по изначальным заданным параметрам движутся игроки. Изначальная расстановка игроков читается зрителем по ходу всей игры. Получается, что игроки, двигаясь, как многим кажется, по хаотичным траекториям, сохраняют изначальный графический порядок.

Иногда можно услышать, что если кто-то из команды не в настроении, у него несчастливый день, то речь идет об особом игроке. В команде, даже при различных тактических схемах, есть специальная роль у футболиста: она называется «ключевой». Ключевые игроки всегда заметны на поле, если они в форме, потому что от них зависит ситуация в футбольной матрице. Они важны тем, как заполняют собой необходимое пространство. И дело не в том, является ли этот игрок звездой или нет. Ключевых игроков еще называют системообразующими, поскольку на них строится игра. Часто данная роль принадлежит центральному полузащитнику. Он может быть опорником, оттянутым плеймейкером, атакующим полузащитником. Игрок данной роли всегда интересен на поле: в нем сочетается как разрушение, так и созидание. Он ломает атакующий код соперника и начинает атаку своей команды. К примеру, ложная десятка использует маневр с уходом на фланг, чтобы открыться другим игрокам.

В футболе деление игроков по амплуа часто условно. Вратарь может сыграть в сложной ситуации на позиции защитника или нападающего, защитник или полузащитник при удалении вратаря может встать на ворота, защитник может сыграть роль нападающего. В этом и прослеживается парадоксальность футбола: в ограниченном пространстве игрового поля существует множество комбинаций, траекторий игроков.

Интересна роль вратаря в футболе. Это игрок, который занимает позицию на воротах. Его основная задача – не позволить мячу залететь в его пространство. Это касается мячей от соперников, но также это и касается случайных мячей от своей команды. Он является последним оплотом обороны, так как за ним уже никого нет. Именно поэтому и правила у вратарей особые. Это единственный игрок, который может брать мяч руками, правда всего лишь на несколько секунд, иначе за затягивание игрового времени полагается наказание. Если мяч летит от своих партнеров по команде, то тогда он становится обычным полевым игроком: игра «без рук», а значит дополнительное преимущество уходит. Вратарь – это тот игрок, у которого очень высок шанс на ошибку, а значит на него ложится дополнительная ответственность. Бывают игры, где один соперник доминирует на поле, держит мяч, находится только на половине соперника, тогда вратарь становится незаметным, но ответственность от этого не снижается, потому что футбол как раз хорош тем, что он непредсказуем, и всего лишь один миг (контратака) может переломить ход игры. Если посмотреть на известных вратарей (Дида, Д. Буффон, М. Нойер, Т. Куртуа и т.д.), то можно заметить, что они отличаются определенными антропометрическими особенностями. Обычно они высокого роста, с длинными руками, обладают хорошей скоростью реакции и умеют хорошо прыгать. С подобными характеристиками легче защищать ворота, которые в высоту 8 футов (2,44 м), в ширину 8 ярдов (7,32 м). Когда мяч, закручиваясь, летит в верхний угол ворот, вратарь может прыгнуть, и, дотягиваясь кончиками пальцев до мяча, отбить снаряд, тем самым спасая свою команду. За подобные технические приемы и восхищаются вратарями. Сейчас к вратарям обязательные требования – играть ногами не хуже, чем полевым игроком, и уметь отдавать «первый пас» (то есть хорошо сделать передачу, с которой можно начинать атаку). В трудные минуты, которые часто наступают в конце матча, если счет не устраивает команду, вратарь отдает пас не с линии ворот, а с середины поля, где специализация его действий в качестве вратаря сильно ограничена, но в качестве полевого игрока расширена.

Другие амплуа вписывают в систему тактической схемы. Разнообразие тактических расстановок обусловлена желанием побеждать, а значит удивлять соперника, чтобы тот не сразу понял тренерский замысел на игру.

Существует более атакующие и более оборонительные схемы. К примеру, есть схема W («дубль-в»), где игроки выстраиваются в код 3-2-5. Она давала большой простор для атак, так как у нападающим было больше свободы действий. В 1958 г. мир увидел действенность схемы 4-2-4, по которой понятно стал понятен девиз сборной Бразилии («Вы забьете сколько сможете, а мы – сколько захотим»). Массивная атака лучших кудесников мяча (прежде всего, Пеле), сопряженная с риском, завораживала. Гол – это квинтэссенция действий футболистов, поэтому атакующий футбол всегда более привлекателен с точки зрения эстетики. Не менее запоминающейся является известная схема 4-3-3. Она также является атакующим вариантом игры. Тотальный футбол Р.

Михельса показал, как в этой схеме работают футболисты в зависимости от конкретной задачи в конкретный момент. Позиции полузащитников были не жесткими, а гибкими. Для футболистов высокая маневренность открыла новые возможности для атак.

Оборонительные тактические схемы держатся обособленно, поскольку не являются любимыми у зрителей. Когда команда сидит в обороне, не все зрители могут понять, как такой футбол можно смотреть, поскольку момент для контратаки может не случиться. Многие болельщики всегда удивлялись стойкости итальянских зрителей, болеющих за свою команду, которая была приверженцем тактики «катеначчо» (1-3-3-3, 1-4-3-2). Благодаря этой схеме появилась особая позиция на поле – защитник за защитниками. Его называли либеро. У него была возможность двигаться там, где нужно. Он подчищал за защитниками и начинал контратаки. Анализируя игру Франца Беккенбауэра в немецком клубе «Бавария», можно понять, почему защитники смогли обратить на себя внимание и сделать оборонительный футбол нескучным. К оборонительному футболу перестали относиться презрительно. С. Кричли писал: «Я всегда находил странную красоту, наблюдая, как одна команда полностью аннулирует все старания другой, назвать подобный матч безрезультатным – значит не уметь наслаждаться диалектическими радостями отрицания и тонкостями итальянского катеначчо» [1, с.42].

В современном футболе роли между футболистами на поле распределяют от их умений и навыков. Но специализация этих ролей не уйдет, так как она обуславливается тенденцией спортивного зрелища на результат и достижения. Появляются и новые роли, не связанные с футболом непосредственно: комики, клоуны, скандалисты. Но и они необходимы. Эти «амплуа» создают на поле особый театральный фон, заряжающий эмоциями болельщиков.

Список литературы:

1. Кричли, С. О чем мы думаем, когда думаем о футболе [пер. с англ. В.А. Колосова] / С. Кричли. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018 – 208 с.
2. Мильштейн, О.А. Надежды и муки российского футбола / О.А. Мильштейн. – М.: Советский спорт, 2006. – 400 с.

Кузнецов Владимир Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 4657-2691

УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ЭКОНОМИСТОВ В ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМ А.Н. КОСЫГИНА В 60-Х ГГ. XX В.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению особенностей проведения экономических реформ в СССР в начале 60-х гг. Обращается внимание на причины проведения реформ: необходимость пересмотреть суть экономических принципов, отбросить догматические установки, обратиться к проверенным мировой практикой принципам материальной оценки результатов работы человека: хозрасчету, товарно-денежным отношениям, пониманию сути прибыли в системе социалистического хозяйствования. Указываются последствия и итоги реформ.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин, реформы в СССР в 60-х гг. XX в., причины реформ, особенности, советские экономисты, итоги реформ.

ARTICIPATION OF SOVIET ECONOMISTS IN THE PREPARATION OF REFORMS A.N. KOSYGIN IN THE 60S. XX CENTURY

Summary: This article is devoted to the study of the reasons for the peculiarities of economic reforms in the USSR in the early 60s. Attention is drawn to the reasons for carrying out reforms: the need to reconsider the essence of economic principles, discard dogmatic attitudes, turn to the principles of material assessment of the results of human work proven by world practice: cost accounting, commodity-money relations, understanding the essence of profit in the socialist economic system. The consequences.

Keywords: A.N. Kosygin, reforms in the USSR in the 60s of the XX century, reasons for reforms, features, Soviet economists, results of reforms.

Принято считать, что реформы, которые проводил Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин, начались 8 сентября 1962 г. Именно тогда в газете «Правда» появилась статья известного советского ученого Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Началось в стране широкое обсуждение, в котором участвовали ученые-экономисты, рабочие. В ходе его спорили, критиковали недостатки, предлагали реорганизовать систему народного хозяйства. В связи с этим, И.А. Карпенко, журналист газеты «Известия», говорил об огромной популярности экономических изданий, экономических клубов, увлечение экономической учебкой. Он же считал, что большим достижением для журналиста является его умение читать бухгалтерский баланс» [1, с. 8].

Е. Г. Либерман - советский ученый-экономист и он внес немалый вклад в обоснование реформ, но в подготовке реформ участвовал не только он, но и другие ученые, хотя и менее известные.

Началу подготовки реформы, по мнению, А.И. Аджубея, предшествовало письмо Е.Г. Либермана, которое переданное через члена Политбюро П.Н. Демичева, Н.С. Хрущеву, Первому Секретарю ЦК КПСС. П.Н. Демичев ознакомил с этим письмом А.И. Аджубея. В нем ученый предлагал Н.С. Хрущеву глубоко и всесторонне взвесить содержание экономических принципов, составляющих основу советской экономической политики, отказаться от догматических утверждений, беречь энергию народного труда и не тратить ее по напрасно, активно использовать проверенные мировой практикой принципы материальной оценки труда, то есть хозрасчет, товарно-денежные отношения, роль прибыли в системе социалистического хозяйствования. П. Н. Демичев, не сразу, но все-таки показал письмо Н.С. Хрущеву. Все опасались отрицательной его реакции. Ждали. Какой будет реакция Хрущева? Сомневались, хватит ли ему знаний, сил, смелости, понимания поставленных проблем? [2, с.8].

Многие ученые знали, что «преобразования» Н.С. Хрущева в области экономики уничтожили сталинскую модель, сломали ее важнейшие регуляторы, привели к развалу управления народным хозяйством, к снижению темпов экономического роста [3,с.118]. Нужна была новая система хозяйствования, которая могла обеспечить рост эффективности общественного производства.

Никита Сергеевич решил начать разговор с учеными. Однако Дискуссия быстро вышла за пределы профессионалов на страницы центральных газет [3, с.118]. В апреле 1962 г. обсуждение происходило на пленуме Научного совета при Академии наук СССР по комплексной проблеме «Научные основы планирования и организации общественного производства», а в сентябре опубликована статья в «Правде». То, что предложил Е.Г. Либерман, вычеркивало из сталинской экономической модели рентабельность предприятия. Отношение прибыли в процентах к производственным фондам выступало как обобщающий показатель, заменяя на этом «посту» снижение себестоимости.

Другой было и планирование: предприятие становилось настоящим хозяйствующим субъектом, способным нести ответственность за принятые решения. План, намечая цели, не ограничивал пути их достижения. Централизовано устанавливался объем продукции в номенклатуре и сроки поставки. Производительность труда, фонд заработной платы, штатное расписание, себестоимость, капиталовложения, новая техника — все это решали директора предприятий.

Решить проблему планирования полностью Е. Г. Либерман предложил с помощью шкалы плановых нормативов рентабельности. При этом, трудовой коллектив, скрыв резервы, и получив заниженное задание, проигрывал, так как

поощрение рассчитывалось по средней ставке между фактической и плановой рентабельностью. Часть заработанной прибыли поступала в распоряжении трудового коллектива, образуя специальные фонды. Они должны были связать вместе коллективную и индивидуальную материальную заинтересованность работников.

Проблема инициирования запроса на инновации решалась гибким ценообразованием, стимулирующим внедрение новых технологий. Регулирование основывалось на взаимном согласовании интересов хозяйствующих субъектов с помощью цен, финансов, бюджета, учета, крупных капиталовложений, темпов и пропорций. За центром оставалась право разрабатывать стратегию развития народного хозяйства.

Вскоре в дискуссию включился академик В.С. Немчинов, объясняя в своей статье суть новой системы [4, с.2]. Замена показателя валовой продукции на рентабельность должна была убедить производителя в том, что надо заниматься удовлетворением запросов потребителей. Причем выбранный обобщающий показатель играл двойную роль. Идея рентабельности в виде начислений на основные фонды решало проблемы источника финансирования расширенного воспроизводства основных фондов и «омертвления» ресурсов [5, с.3]. Установление шкалы материального поощрения производственных коллективов, в зависимости от фактического уровня рентабельности, обеспечивало сочетание планирования и материального стимулирования. От плановиков требовалось, корректируя цены и ассортимент, добиться ликвидации убыточности. Учитывая, что предприятия сами разрабатывали оптимальный план повышения производственной мощности и приемлемые варианты возможного ассортимента выпускаемой продукции с указанием народнохозяйственной себестоимости, центру оставалось разместить заказы на наиболее выгодных условиях. Предлагаемая концепция требовала перестройки материального снабжения: отказ от «разверстки товарных ресурсов по бесконечно сложной системе натуральных фондов» и переход к государственной торговле. Платность фондов требовала передачи прав выбора ресурсов хозяйствующим субъектам.

Статьи вызвали широкий отклик. Специалисты-практики, ученые-экономисты, равнодушные люди одобряли/оспаривали, предлагали альтернативы. В ходе обсуждения очень быстро оформились три лагеря [6, с.87-143]: 1) консерваторы — противники «демонтажа» действующего хозяйственного механизма;

2) радикалы — сторонники «харьковской системы»;

3) центристы — экономисты, в целом одобряющие предложения Либермана — Немчинова, но с массой оговорок.

Большинство, понимая необходимость корректировки сталинской модели, не было готово к ее замене [6, с.87-143]. Охотно принимая показатель, представители этого лагеря ставили под сомнение возможность использования его в качестве основного условия оценки эффективности работы.

Консерваторы предупреждали: новая система противоречива, хотя и претендует на замену управленческой модели. «Цель социалистического производства — не получение прибыли. Закон нашего хозяйствования — достижение в интересах общества наибольших результатов при наименьших затратах [6, с.87-143], — заявлял профессор М. Федорович.

Плановики-практики, которых было немало в этом лагере, считали, что надо учитывать невозможность «встраивания» новых принципов управления в реальность советской экономики. Особенно тревожило отсутствие конкуренции, служит регулятором в рыночной экономике. Непонятно было, что будет стимулировать производителя-монополиста в условиях спроса, снижение затрат, или просто повышение цен? [6, с. 87-143].

В качестве важнейшего обстоятельства против внедрения новых методов хозяйствования указывалось отсутствие резервов в народном хозяйстве. Каким образом сможет трудовой коллектив использовать оказавшуюся в его распоряжении часть прибыли в условиях, когда нужные ему ресурсы уже распределены Госпланом? [8, с.89-90] Кроме того, учитывая особенности развития сектора Б, как следует сочетать товарное покрытие с объемом денежной массы, который вырастет в первую очередь у занятых в секторе А? К тому же, если централизованно не планировать баланс трудовых ресурсов и фонд заработной платы, придется не только регулировать денежное обращение, но и решать вопрос, чем занять высвободившуюся рабочую силу. Справится ли новая система с проблемой инноваций, если размер поощрения трудового коллектива зависит от величины производственных фондов? Не приведет ли это к тому, что предприятиям будет выгодно в одних случаях задерживать внедрение прогрессивной техники, а в других внедрять малоэффективную [8, с.90-94]

Решит ли проблемы планирования новая система, важным условием работы которой является стимулирование с помощью выгодных цен производителей? Методик разработки «нужных» цен не существует, предприятия находятся в разных природных условиях, на разном уровне фондовооруженности? Легче ли решить эту задачу, чем спланировать «до гвоздя» работу сотен тысяч предприятий [9, с.88-100]?

Часть специалистов считала, что ликвидация планирования заданий предприятиям по себестоимости усложняет, а то и делает практически невозможным планирование чистого дохода общества, финансов, так как предприятие, само, устанавливая себестоимость, не может знать изменившиеся производственные условия и будет по-прежнему опираться на рентабельность, установленную на долгий период. Возникнут сложности при составлении сводного финансового плана развития народного хозяйства, при распределении и перераспределении национального дохода в отраслевом и территориальном плане, уменьшится роль Госплана, совнархозов и финансовых органов в планировании себестоимости и доведении ее до предприятий, а это приведет к снижению эффективности производства [10].

Однако сторонники Е.Г. Либермана утверждали, что никто и не предлагает забрать управление у центра. Речь идет только о замене методов влияния на хозяйствующие субъекты — вместо централизованных-норм экономическое регулирование. К тому же перестройка управления народным хозяйством вызвана необходимостью [10].

Сторонники и противники реформ были согласны в одном - предложенная реформа требует серьезных изменений. Вместе с тем доработка новых методов хозяйствования закономерно приводила к увеличению роли рынка, ограничивала права централизованного планирования. Иначе невозможно было преодолеть их несовместимость.

Немчинов, пытаясь найти путь совмещения плана и рынка, вводил в систему конкуренцию производителей, защищенных законодательством от административного давления, за размещение выгодных государственных заказов [11, с.15].

Условием поощрения трудового коллектива стало строгое выполнение обязательств по договорам, четко устанавливающих цены, сроки и условия поставок. Только после выполнения договоров, предприятия получали право самостоятельно реализовывать свою продукцию, приобретать средства производства, распоряжаться амортизационным фондом. Соблюдение народнохозяйственных пропорций гарантировалось центром с помощью лимитов и ограничений, регулирования приходных и расходных частей целевых общественных фондов предприятия. Но при этом нормативы длительного действия законодательно имели размеры, способы понижения и расходования таких фондов. Тогда, А.М. Бирман предложил больше: составляя план, государство должно было сначала создать хозяйственный механизм, которому в дальнейшем должен был работать в автоматическом режиме. Плановые органы имели право вмешиваться в работу предприятия только для того, чтобы изучить передовой опыт или помочь отстающим [11, С.37].

Г.С. Лисичкин же приходил к выводу: лучший регулятор общественного производства — закон стоимости. Он сможет устранить диспропорции и повысить эффективность народного хозяйства [11, с.43].

Согласен был с ним и Н.Я. Петраков, который считал, что социализм — вид товарного производства, поэтому необходимо создать свободный переход капитала из одной отрасли в другую и формирование цен на основе спроса — предложения [12, с.173].

Тем временем, в октябре 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущева обвинили в «волюнтаризме и субъективизме», сняли со всех постов и отправили на пенсию. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев, председателем Совета Министров СССР назначен А.Н. Косыгин. Современники считали А.Н. Косыгина компетентным руководителем, хорошо разбирающегося в проблемах советской экономики. Известный историк экономической мысли Ю.Я. Ольсевич указывал, что посещение Великобритании в 1963 г. и изучение опыта рыночной экономики Югославии

окончательно убедили Косыгина в необходимости отказа от сталинской модели. Но, понимая, что концепция недоработанная, А.Н. Косыгин принял решение заниматься ею дальше [12, с.801].

Специалисты, которым теперь предстояло связать рынок и планирование, чтобы повысить эффективность управления народным хозяйством, не надеялись на помощь ученых, экономической науки, которая тогда ничего, кроме общих рассуждений не предлагала. Солидарен был с этим и А.Н. Косыгин. [13, с.178].

Итог дискуссиям подвели документы, принятые на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС (1965). Изучение предложений Либермана — Немчинова, общественное обсуждение варианта А.Н. Косыгина, доказывало, что наука, общество и производство оказались не готовы отказаться от сталинской плановой экономики.

Реформа привела к увеличению числа централизованно планируемых показателей. Победили сторонники умеренных реформ. При этом «Система Либермана», ограниченная директивными условиями планирования, теряла свою эффективность, как и предупреждал в свое время сам Е.Г. Либерман. В то же время, несовместимая со сталинским планированием, она и ей не давала работать. А.Н. Косыгин пытался создать возможность для маневра в сторону рынка. Об этом он говорил и на Пленуме ЦК. Но решающую роль сыграло вмешательство политического лидера - Л.И. Брежнева, который был убежден в том, что можно обойтись без реформирования управленческой модели и не переводить советскую экономику на рыночные пути. Он также боялся потерять грань отделяющую советскую плановую экономику от экономики рыночной, что свидетельствовало о том, что экономический волюнтаризм, казалось бы, преодоленный в теории, так и не был искоренен на практике.

Экономика во многом, как и прежде, по-прежнему очень зависела от политики. Причину незавершенности реформ А.Н. Косыгина нужно искать совсем не в экономической теории, а в политике Советского руководства.

Список литературы:

- 1.Фетисов Т.И. Премьер известный и неизвестный: воспоминания о А.Н. Косыгине — М.: Республика, 1997 - 256 с.
- 2.Аджубей А. По следам одного юбилея // Огонек. 1989. № 41. С. 8.
- 3.Славкина. Байбаков. — М.: Молодая Гвардия, 2010. — 238 с.
- 4.Немчинов В.С. Плановое задание и материальное стимулирование // Правда. 1962. 21 сент. С. 3-4.
- 5.Проблемы экономического стимулирования предприятия // Вопросы экономики. 1962. № 11. — С. 87—142.
6. Федорович М. Надо смотреть вперед // Экономическая газета. 1962. № 45.
- 7.Бор М. Внутренняя противоречивость предложений профессора Либермана. Деловой клуб// Экономическая газета. 1962. № 46.

8. Ваг Л., Захаров С. Платность производственных фондов и прибыль предприятия // Вопросы экономики. 1963. № 4. —С. 88—100.
9. Трапезников В. За гибкое экономическое управление предприятием // Правда. 1964. 17 авг.
10. Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. —М.: Экономика, 1965. 74 с.
11. Бирман А.М. Некоторые проблемы науки о социалистическом хозяйствовании. — М.: Экономиздат, 1963.:61 с.
12. Петраков Н.Я. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования. — М., 1966.С. 37.
13. Фирсов Ю.В. Косыгин и его время // Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. - М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. —312 с.

Лебедева Галина Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код 1367-9704

АЛФАВИТ КАК «СРЕДИННАЯ ФОРМА ДУХА» (НА ПРИМЕРЕ КИРИЛЛИЦЫ)

Аннотация: Статья посвящена месту кириллического алфавита в истории русской культуры. Русская культура является глубоко литературной. Это вряд ли могло состояться без влияния алфавита на русский и славянский языки. Азбука и в наши дни становится не просто графическим способом передачи информации, но и приобретает черты культурно-политического самоопределения народа.

Ключевые слова: Э. Кассирер, кириллица, литературоцентризм, Климент Римский, патриарх Константинопольский Фотий, солунские братья, Солунь (Солоники).

THE ALPHABET AS “THE MIDDLE FORM OF THE SPIRIT” (BASED ON THE EXAMPLE OF CYRILLICA)

Summary: The article is devoted to the place of the Cyrillic alphabet in the history of Russian culture. Russian culture is deeply literary. This could hardly have happened without the influence of the alphabet on the Russian and Slavic languages. Even today, the alphabet is becoming not just a graphic way of transmitting information, but also acquiring the features of cultural and political self-determination of the people.

Keywords: E. Cassirer, Cyrillic alphabet, literary centrism, Clement of Rome, Patriarch Photius of Constantinople, Thessaloniki brothers, Solun (Thessaloniki).

Многие века после создания алфавита устная речь долго сохраняла своё доминирование. Вспомним, что Сократ философствовал устно. На предложения учеников записать свои мысли Сократ отвечал: разве можно доверить мысль человека шкурам мертвых животных? Изобретение письма, особенно алфавитного, все же полностью изменило культуру древних обществ. Это позволило, «во-первых, объективировать мышление, то есть сделать его результаты внешними для автора. Во-вторых, это позволило фиксировать продукты мышления. В-третьих, закреплять и сохранять их, делая доступными для многих, без контакта с автором» [13, с. 567]. Данная тема всегда носила философский характер. Для философии было и остается важным соотношение сознания, мышления и функционирования языка в социальной среде.

Когда речь идет о языке, то его подразумевают как приведенную в порядок последовательность знаков: фонем, лексем, морфем и т.д. Языки могут быть как естественные (языки подавляющего числа народов мира), так и искусственные (языки эсперанто, волапюк, «олбанский», компьютерные). Речь передается, как бы банально это не звучало, через голос и слух. Письмо возникает значительно позже, и это система передачи речи человека, которая доступна для восприятия визуально. Сознание, и применение языка, отличает человека от животных (*Homo sapiens*). В дальнейшем труд и ремесло стали еще одним отличием человека от животных (*Homo faber*). А в начале XX века философы, как и лингвисты, пришли к мнению, что без создания и использования знаков и символов невозможны не просто труд, но и любая деятельность человека. Следовательно, людей следует именовать – человек означающий. Эту идею высказал немецкий философ Э.Кассирер (1874-1945) в своей фундаментальной работе «Философия символических форм». Обозначая культуру как связь письменности и языка с эстетическим и религиозным познанием, он выделил существование «...идеальной взаимосвязи отдельных областей», которая не теряет в то же время уникального своеобразия каждой из них. Это «опосредование, с чьей помощью происходит формирование духа во всех направлениях, но которое, тем не менее сохраняет особую природу и специфический характер каждого из них». Ставится вопрос: «существует ли на самом деле такая срединная форма в духе, существует ли функция опосредования его многообразных направлений и есть ли у этой функции типические черты, по которым можно было бы ее распознать и описать»? [4, с. 21]. Прогресс знания всегда шел рука об руку с развитием знаковой системы: «знак есть не просто случайная оболочка мысли, но ее необходимый и существенный орган. Он служит не только цели сообщения готового мысленного содержания, но и является инструментом, благодаря которому формируется и впервые приобретает полную определенность само это содержание. Таким образом, подлинное строгое и точное мышление всегда опирается на символику и семиотику» [4, с.22].

Неверно считать, что письменные памятники сами по себе являются доказательством письменности: появление письма произошло значительно раньше и не достаточно связано с предысторией культуры. Древние культуры Междуречья письмо видели как созданное и подаренное богами людям. В египетской мифологии одним из главных богов был бог мудрости Тот (Джехужи) - бог счёта, мудрости и письма. Сходная связь между числом, счетом и письменностью видна и в других культурах. В восточных грекоязычных провинциях Римской империи начала нашей эры египетский бог Тот был отождествлен с греческим божеством – Гермесом Трисмегистом (то есть трижды величайший). Особенности герметического учения современным ученым трудно уточнить, ведь свои тексты герметисты писали на особом эзотерическом языке, понятном лишь посвященным. Как правило, герметизм считается религиозно-мистическим учением, но отрицать философскую

составляющую учения было бы неправильным. Раннехристианский автор Ланктаций (IV в.) считал Гермеса Трисмегиста человеком, которого обожествили за его великую мудрость. Создание письменности и алфавита в самой греческой культуре имеет особые черты за многие века до герметистов. Вспомним, что финикийский алфавит, привнесенным в Грецию финикийцем Кадмом, был приспособлен к греческому языку. О связи идей алфавита в архаичных обществах и о том, как мифологии изменили алфавит, показано в исследовании Роберт Грейвс «Белая Богиня» [2]. Герметизм самим фактом возникновения свидетельствовал о глубокой связи древних греков с Востоком. Как писала Е. Блаватская: Гермес для европейцев был тем же, что Енох для иудеев, а Идрис для мусульман [11, с. 407]. В германской мифологии дар письма приписывается богу Одину. Это имя сходно в готском алфавите с буквой Aza, и ее находят в готском алфавите, созданном епископом Ульфиллой (или Вульфиллой) в 4 в. Само имя Aza послужило для первой буквы *азь* в славянском кириллическом алфавите и глаголице. Впоследствии это имя отождествляется вторично, с местоимением 1 лица «азь» – «я» [11, с. 408]. Письменность весьма почитается в исламе. Коран начитается словами благодарности Аллаху за то, что он научил людей писать и читать.

Итак, попробуем выяснить некоторые особенности алфавитного письма: каждому звукотипу ставится в соответствие один письменный знак. Специфика славянского алфавита, что он стал результатом великой просветительской миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в 9 в. Один из самых "старых" исторических праздников, который отмечается более чем тысячу лет, который, однако до сих пор нигде, кроме Болгарии, не стал еще полноценным, "законным" праздником, является День славянской письменности и культуры. Этот праздник связан с именами "Солунских братьев". Так в истории называют родных братьев из греческого города Солунь (ныне Салоники), ученых православных монахов, вероятно, славянского происхождения, Кирилла и Мефодия. Отмечается этот день 24 мая, в день памяти просветителя Кирилла. Этот день достоин, однако, считаться одним из самых важных дней в многовековой истории и культуры России и славянских народов.

Слово "культура" является одним самых распространенных философских терминов, существовало не менее 250 определений культуры еще в 1950-х года. Даже понятие "политика" имеет гораздо меньше определений. При всех своих различиях и раздорах, признается, что язык, письмо и литература являются неотъемлемыми чертами каждой культуры. Особенности русской культуры является то, что литература на родном языке во многом является матрицей русской культуры. В Средние Века Европа отличалась почти поголовной неграмотностью, многие короли ставили крест вместо подписи на официальных документах. Причиной было то, что языком церкви, права, философии и науки была уже давно мертвая латынь. Собственно, латынь в период раннего Средневековья была вообще единственным письменным языком. Впрочем, еще в XVII столетии ученые большинства стран Европы писали по-латыни.

Например, Самуил Пуфендорф, великий юрист-международник, одним из первых давший определение понятию «культура», свои труды, в которых отстаивалось право на использование национальных языков в научной деятельности, писал по-латыни.

Интересно, по приказу Петра I на русский язык переводились работы Пуфендорфа, в частности, "Introductio ad Historiam Europea" [7]. Средневековому европейцу необходимо было выучивать язык, на котором не разговаривали даже жители романских стран. Правда, образованные люди средневековой Европы от Норвегии до Португалии переписывались между собой по-латыни, и на этом же языке разговаривали при встречах. На латинском языке велось образование в университетах, и неслучайно в Париже до сих пор существует воспетый в песнях студенческий Латинский квартал возле здания Сорбонны. Проживавшие в квартале студенты из разных стран Европы и регионов самой Франции со множеством диалектов поневоле общались друг с другом на латинском языке.

Правда, по мере развития городов в период зрелого Средневековья стали появляться литературные жанры низкого уровня, на местных разговорных языках, предназначенные для публики соответствующего низкого уровня. Литературу на местных романских наречиях, стали называть «романами». Но в Средние века «романы» считались «низким» жанром. С точки зрения интеллектуалов Средневековья, богословие, философию, право и медицину можно было излагать только на латыни.

Только с началом Реформации появилась литература на национальных языках. Собственно, Реформация в каждой европейской стране выглядела так: религиозный реформатор (например, Дж. Уиклиф в Англии, или М. Лютер в Германии) переводил Библию на национальный язык. В результате создавалась основа литературных норм языка. Только в XVII веке, благодаря культурной экспансии «короля-солнца» Людовика XIV, французский язык постепенно стал становиться языком дипломатии и «высокой» науки. Хотя литературные нормы французского языка вырабатывались еще столетия. Ко времени Великой Французской революции лишь четверть французов говорили по-французски. Остальные говорили на патуа – местных провинциальных диалектах, весьма далеких друг от друга и литературного языка. Аналогичная история была с немецким языком. На нем стали писать научные труды, в том числе и по философии, с конца XVII века. И что же объединило немцев, подданных сотен мелких государств? Германию создали не правители и полководцы, а философы и поэты. Они писали на достаточно искусственном языке, который со временем стал в той или иной степени общим для всех немцев.

Использование языка и алфавита в Европе проходило по-разному. Вплоть до решений Второго Ватиканского собора 1965 года латынь оставалась признанным языком в католиков, и наоборот, протестантская Реформация во многом имела свои отличия именно через борьбу с латынью.

У восточных славян определенный уровень культуры сложился еще в докиевский период истории: сложная социальная организация и возникновение городов, путь «из варяг в греки», способствовавший международной торговле, - это стимулировало создание письменности. А возникновение государства, каким была Русь, занимавшее уже в самый начальный период своего появления свыше 1,5 миллионов кв. км., и насчитывающее более 3 миллионов жителей еще в догосударственный период еще более стимулировала возникновение письменности [9].

Принятие Крещения на Руси от Византии сыграло гигантскую роль в развитии учености и книжности уже в первые века русского православия. Как писал известный русский философ К.Н. Леонтьев, «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия...» [6, с. 171]. Характерной чертой византийской традиции было использование при богослужении национальных языков. Это обстоятельство способствовало тому, миссионеры из Византии, и в том числе солунские братья, стремились создавать грамматики на языках обращаемых в христианство язычников.

Кирилл и Мефодий родились в Солуни (ныне Салоники), центре византийской провинции Македония, в семье византийского друнгария (адмирала) Льва. Македония к этому периоду была освоена славянами уже несколько столетий, которые к тому же ассимилировали древних македонян. Как писал известный филолог, философ и церковный деятель позапрошлого века, Тертий Филиппов, «солуняне все чисто по-славянски беседовали» [12, с. 172]. Во всяком случае, Кирилл и Мефодий с детства владели языком славян. Кирилл, носивший мирское имя Константин (только в монашестве став Кириллом), родился примерно в 827 году. Мирское имя и год рождения Мефодия неизвестны. Западная Европа пережила Возрождения лишь после того, как в Италию бежали от турок византийские ученые. Византия в тот период была самой передовой и культурной страной мира, именно тут сохранилось античное наследие, древнегреческая философия и математика. [5].

Братья получили хорошее образование: учителями Кирилла были: Лев Математик (создатель оптического телеграфа, впоследствии вновь изобретенного во Франции в XVIII веке), и патриарх Фотий, составитель своеобразной энциклопедии "Мириобиблион" ("Множество книг"). В дальнейшем Кирилл преподавал в Константинополе философию и впоследствии он получил почетное прозвище Философ (с большой буквы). В 863 году братья отправились по приглашению князя Ростислава в только что принявшую христианство славянскую страну – Великую Моравию. Вместе со своим братом он отличался способностями дипломата, политика, писателя и поэта, миссионера и филолога, это обстоятельство определило, что выбор остановился на них.

В Моравии и была ими создана славянская азбука, а также переведены многие книги богослужебной литературы. Великая Моравия в каноническом подчинении подчинялась немецкому духовенству. В IX веке христианская церковь еще была единой. Братья отправились в Рим, что бы инициировать введение славянской азбуки и языка в богослужении, и таким образом их защитить. Папа Адриан II дал разрешение вести богослужение на славянском. В Риме Кирилл заболел и 14 февраля 869 года там и умер. Похоронен он в римской базилике Святого Климента. Могила его сохранилась и до сего дня.

Мефодий стал архиепископом (и фактически церковным главой) Великой Моравии. Но уже в 870 году Великую Моравию захватил франкский король Людвиг. Таким образом, жители Моравии крестились благодаря Кириллу и Мефодию, но все же их начали немедленно насильно переводить на римский обряд и латинский язык богослужения. Мефодия отправили в ссылку в один из германских монастырей на острове среди Боденского озера и лишь спустя три года он вышел на свободу. Умер он 8 апреля 885 года. Могила его неизвестна. После его смерти немцы вновь захватили Моравию и силой оружия прекратили богослужение на славянском языке, навязав латынь.

Тем не менее инициатива братьев не пропала. В 864 году христианство приняла Болгария. Последователей братьев защитили в этой славянской стране. Здесь был окончательно разработан алфавит, носящий имя "кириллица", созданы литературные нормы церковно-славянского языка. Напомним, что вплоть до Петра Великого этот язык был литературным у русских (впрочем, у болгар и сербов он был литературным до середины XIX века).

На культуру руссов христианская литература из Болгарии не могла не произвести впечатление. Вероятнее всего, именно литературу на церковнославянском использовали при богослужении в киевской церкви Ильи Пророка, возникшей еще в 860 году. Княгиня Ольга, принявшая крещение в 955 или 957 году, как христианка просто обязана должна пригласить на Русь хотя бы нескольких священников с богослужебной литературой. После Крещения в 988 году кириллица окончательно стала русской письменностью. Таким образом, кириллица быстро вытеснила «черты» и «резы» прежней письменности.

Кирилл и Мефодий, проявив недюжинные способности в филологии, создали особую письменность, взяв за основу греческий алфавит, добавив в него некоторые особенности из другой славянской письменности – глаголицы. Благодаря братьям, славянский язык стал церковным (что означало в ту эпоху, что язык стал также и литературным).

«Кириллица совершенно уникальна не только как культурное пространство, не только как духовная традиция, но и как особый цивилизационный, а также политический феномен, в некотором смысле, сравнимый только со значимостью китайской иероглифики и арабской графики, которые, совершенно очевидно, в своем распространении несли и политико-идеологические значения принявших их народов» [3, с. 37]. Алфавит

– это в определенном смысле одна из основ самобытной цивилизации. Если самобытность индийской или исламской цивилизаций определяется религией, то в русской цивилизации основой основ является язык и его алфавит: изображение, звучание, интонации, воплощение в литературе – являются показателем культуры.

Удобство созданного более 11 веков тому назад алфавита для передачи слов сохраняются и по сей день. Славянские страны, принявшие католичество, создали литературу на латинском алфавите. Но он мало подходит к славянским языкам. К латинскому алфавиту западные славяне вынуждены добавить множество различных дополнительных знаков, чтобы различать многочисленные шипящие звуки. Кириллица же является алфавитом, наиболее удобным не только для славянских, но и для многих других языков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Краткое сказание о житии святых Кирилла и Мефодия, Просветителей Словенских (Читано на заседании Славянского Благотворительного Общества 14 февраля 1870 года и первоначально напечатано в книге: «Первые 15 лет существования С. – Петербургского Славянского Благотворительного Общества» (СПб, 1883, с. 47-49).

Ведити подобает, благочестивый читателю, яко исперва. един бе род Словене, иже седяху по Дунаеви, отню дуже насилия ради нашедших на ня язык разидошася по странам и прозвашася имены своими, яко же: Морави и Чеси со Словаки, Сербы же и Болгаре, Хорвати и Хорутане, Ляси же и Поморяне, и инии, иже в пределах селения нашего седоша, от них же ныне сущая Русь. Тяко разидеся словенский язык. Времени же многу минувшу, неции от Словен крещением святым просвещены быша, прочим еще во тьме кумирслужения коснящим: обаче и крестившимся, своих же им письмен не имущим, нужд бе греческими и римскими письмены писати словенскую речь без устроения. Сим же тако бывшим, князие моравстии послаша к греческому царю, глаголюще: земля наша крещена, и несть у нас учителя, иже бы протолковал нам святыя книги. Сего роди послите нам сицевыя учителя: от вас бо добр закон исходит во всяку землю. Бе же в Солуни град, иже есть близь святыя горы афонския, муж некий именем Лев, велика рода и царю знаем, и от сынов его два, Константан философ и Мефодий, разумива языку словенску (Солуняне бо вси чисто словенски беседоваху), от них же Константин измлада ко царю Михаилу в палату ят бысть, да купно с ним царь, еще отрок сый, научению книжному до конца навикнет. Умолена от царя, идосга Константин и Мефодий в Мораву, и нача святыи Константин составляти письмена азбуковная словенски. По сих преложиста с греческого языка в словенский Евангелие и Апостол. Ради же беша Словене, слышаще велячия Божия своим им языком. Инии же глаголют, яко прежде даже не приити послом моравским, уже бяху составлена святым Константином письмена словенская, potrzeby ради ближайших ко граду Солуню Словен, в Македонии живших. Сие же Бог свесць:

едино точию вемы, яко вся племена словенская, начен от восточных стран македонских и болгарских даже до пределов селения их к западу, добраго подвига сея блаженныя двоицы причастишася и даже до днесь, аще и разлучена телесы, обаче духом совокуплена и союзом любве связуема, память о них добре творят по реченному: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие», и к сим умными очесы выну зрят, обновления жизни своея чающе. Видевше же епископи моравстии, иже от Немец бывшии, яко преложены быша Моравляном святыя книги, позавидеша сему и клевету злу в слух папы римского на святыя изнесоша: темже повел има приити в Рим, да воздадут пред ним слово о них же научиста и сотвориста в земли моравстей. Она же абие идоста (не оу бо бе папа отлучен от единости веры) и удобь изъявиста ему злохитрых Немец лесь и безумное тех мудрование: глаголаху бо окаяннии, яко не подобает хвалити Бога имени языки, но точию еврейски, гречески и римски, по писанию Пилатову на кресте Господни. Папа же, еще правоверен сый, запрети Немцем, Пилату соревнующим, братьям же честь велику возда, к совершенно благаго начала их призывая. Разболевся же святой Константин к смерти, схиму святую восприя и Кирилл наречеса, и тако душу свою честную и трудолюбную Господеви предаде во граде Риме в лето Господне 869, месяца Февруариа в 14 день. Мефодий же возвратися в Мораву, архиепископство области сея прием, и преложи тамо вся книги исполнь. Обаче Немцы онии зломудреннии от первыя злобы своея не престаша, и князя моравска Святополка прехитривше, святаго Мефодий в Швабы заточиша, идеже пребысть святой в тесноте велиций два лета и пол. Последи же паки архиепископство свое восприят и по всей земли моравстей веру истинную утверди и многи во тьме идольстей сидящия к Христу приводе. Еще же и в Чехи достиг, князя чешского Боривоя и супругу его святую Людмилу крещением просвети, якоже и прежде, до пришествия в Мораву, князя болгарскаго Бориса крести. Таже в старости добрей, исполнь дней многих и дел благих, почи о Господе в лето Господне 885, Априлиа в 6 день, и в Велеграде моравстем погребен бысть. Тем же зовем: радуйтася, вертограда словенскаго делателя непостыдная, и Господа, Ему же со дерзновением предстоита, молита непрестанно: да вси паки едины будем о Христе Иисусе, Ему же слава во веки. Аминь».

Список литературы:

- 1.Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / сост., пер., коммент. К. Богульский. – Москва: Новый Акрополь, 2012. – 633 с.
- 2.Грейвс, Р. Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии / Р. Грейвс; пер. с англ. Л. Володарской. – Москва: Прогресс-Традиция, 1999. – 593 с.
- 3.Джемаль Г. Кириллица как жертва и орудие культурного империализма // Кириллица: от возникновения до наших дней: [материалы конференции] /

- вступ. ст. К. Разлогов; Российский институт культурологии. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 536 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. СПб.: Университетская книга. – 2001. Т. 1. – 271 с.
 5. Лебедев С. В. Исторический подвиг солунских братьев – URL.: https://ruskline.ru/analitika/2005/05/24/istoricheskij_podvig_solunskih_brat_ev/
 6. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. – Санкт-Петербург: РАН., 1991. с. 171
 7. Перевезенцев, С. В. Петр I и рождение русской исторической науки / С. В. Перевезенцев // Тетради по консерватизму. – 2022. – № 3. – С. 61-72.
 8. Петербургское славянское благотворительное о-во. Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868-1883 гг / [С предисл. В. Аристова]. - Санкт-Петербург, 1883. - [4], 862 с.
 9. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. - М., 1994, с. 608.
 10. Сборник [статей] / [Соч.] Т. Филиппова. - Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1896. - [4], VIII, 315 с.
 11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
 12. Филиппов Т. И. Сборник [статей] / [Соч.] Т. Филиппова. - Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1896. - [4], VIII, 315 с.
 13. Философия / Е. П. Борзова, А. Г. Буйчик, А. К. Голиков [и др.]. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "СПБКО", 2015. – 610 с.

Лобастова Вера Александровна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 1570-1441

СОЗНАНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ВОСПРИЯТИЕ, РЕФЛЕКСИЯ, СТИЛЬ

Аннотация: Философский опыт рассуждения, складывающийся в ходе поиска глубинных оснований всего сущего в целом, претендует на относительно полное и адекватное понимание человеческого бытия. Искусство же в силу специфики своих возможностей не выдвигает серьезных притязаний на конкуренцию с достижениями философской мысли, однако создание произведений искусства и взаимодействие с ними вызвано эстетической способностью и соответствует творчески преобразующей сущности человеческого существа. Философия и искусство активно содействуют становлению человека, причем невозможно измерить и сопоставить степень их участия, а скорее следует говорить о глубокой взаимной вовлеченности искусства и философии в одно общее дело - созидание человеческого в человеке. Интеллектуальный поиск и художественная практика выступают в качестве модусов деятельностного проявления сознания в непрекращающемся процессе постоянных попыток организации и переорганизации себя с целью самопознания.

Ключевые слова: восприятие, рефлексия, сознание, эстетический опыт, философия, искусство, созидательная деятельность, эстетическая мотивация, эстетика переплетения Альвы Ноэ.

CONSCIOUSNESS AS AN AESTHETIC PHENOMENON: PERCEPTION, REFLECTION, STYLE

Summary: The philosophical experience of reasoning, which develops during the search for the deep foundations of all things as a whole, claims a relatively complete and adequate understanding of human existence. Art, due to the specifics of its capabilities, does not put forward serious claims to compete with the achievements of philosophical thought, however, the creation of works of art and interaction with them is caused by aesthetic ability and corresponds to the creatively transformative essence of a human being. Philosophy and art actively contribute to the formation of man, and it is impossible to measure and compare the degree of their participation, but rather we should talk about the deep mutual involvement of art and philosophy in one common cause - the creation of the human in man. Intellectual search and artistic practice act as modes of activity manifestation of consciousness in the ongoing

process of constant attempts to organize and reorganize oneself for the purpose of self-knowledge.

Keywords: perception, reflection, consciousness, aesthetic experience, philosophy, art, creative activity, aesthetic motivation, aesthetics of the interweaving of Alva Noe.

Человеческая жизнь разворачивается в преломлении самых разнообразных средоточий, собирающих в себе смысловые и деятельные интенции. Основными проекциями реальных и воображаемых фокусов мыслей и чувств человека выступают природа, которая непосредственно проявляется в потребностях, жизненно необходимых для самосохранения и выживания, а также культура, которая формируется в калейдоскопе образов и идей, столь же необходимых для организации своего развития. В человеческом сознании, нацеленном на понимание адекватным образом не только своего существования и самого себя, но и всего, с чем оно соотносится в той или иной мере, тесно переплетаются друг с другом переживания как естественно подвижной телесности, чувственно-воспринимаемых материальных вещей и процессов, так и искусственно создаваемых выражений и изображений, конструируемых и используемых в человеческом мире. Наиболее значимыми среди множества других конституирующих человеческое сознание элементов выступают философия и искусство. «То, что мы знаем лучше всего, что делает нас теми, кто мы есть, — наши умственные способности и личность, — создано искусством или искусством и философией» [5, с. 16]. Так утверждает американский профессор философии Альва Ноэ, который поставил перед собой задачу разобраться, как искусство и философия, переплетаясь друг с другом, вместе конституируют столь необходимый для человеческой жизни эстетический опыт.

Человеческая жизнь формируется благодаря организованной деятельности разных видов уровней сложности. Одним из организующих импульсов, побуждающих человека к действию, становится искусство. Однажды проявившись случайным образом через взаимодействие человека с природным материалом, искусство выполняет в жизни людей важную роль благодаря производящей, преобразующей и освобождающей силе. Причем сходство человека с произведением искусства состоит в незавершенном вопрошании, которое невозможно разрешить с помощью подходящих и соответствующих ответов. По мнению Р.Дж. Коллингвуда [3], искусство выступает условием и предпосылкой истории человечества и вообще позволяет состояться культуре, помогая актуализироваться ей в социальной реальности самыми разнообразными способами, потому что сознательная деятельность человека проявляется в основном в форме отстраненного созерцания, которым и является искусство. Взаимосвязь искусства и жизни задает историческое измерение формам человеческого существования в культурном мире.

Если мы обратим внимание на биологическую сторону человеческой жизни, то удовлетворение потребностей человеческого тела технологически организуется для его саморегуляции и выживания с помощью привычных способов существования, которые определяют окружающий человека мир и задают границы его понимания. Философия и искусство помогают человеку не только осознать рамки своей жизни и возможностей ее организации, но и преобразовать их ограничения. «Искусство и философия нацелены на экстаз, полное освобождение от сковывающих нас состояний. Да, цель философии — понимание, а цель искусства — эстетическое наслаждение. Хорошо. Но это поверхностные атрибуты. Искусство и философия требуют от нас, чтобы мы работали над собой и производили себя заново на индивидуальном и коллективном уровне» [5, с. 7]. Следует заметить, что живое тело человека не исчерпывается простой физиологией, а благодаря воздействию социальных и культурных феноменов демонстрирует сложный субъективный и интерсубъективный смысл, который проявляется в едином стиле. Джилл К. Шомер [9] отмечает, что в эстетической концепции Альвы Ноэ искусство и философия изобретаются человеком в качестве странных инструментов, с помощью которых человек стремится познать самого себя. Здесь особенно важной становится достойная размышления идея, что при всем многообразии социальных связей и отношений между людьми, а также различной степени погруженности в них все-таки всех людей уравнивает и объединяет только одно — человечность, осмысление и переосмысление которой, возможно, достигается в контексте интеллектуальной и художественной практики человека.

Разумная способность, культивируемая человечеством в течение исторической жизни, выступает в качестве однажды выбранного способа существования в мире и для мира. В человеческой деятельности переплетены два уровня организации: привычные действия осуществляются на низшем, первом уровне, а мысленное переживание собственных действий протекает на втором, рефлексивном уровне, причем первый порядок сопровождается вторым порядком, влияющим на первый. Переплетение действия и мысли в континуальном опыте человеческого сознания возникает благодаря рефлексии — первый порядок привычных действий (ходьба, взгляд, разговор) и второй порядок мыслей (танец, изображение, письмо), скрытый в первом порядке действий, однако способный проявиться в виде его реальных возможностей как жизненных событий, демонстрирующих направление изменения сознательного опыта. Именно в ходе эксплицирования имплицитного, когда человек раскрывает себя перед самим собой непривычным, неузнаваемым, неожиданным, непредсказуемым образом, проявляется реорганизующая сила искусства, которое изменяет привычную организацию первого уровня. «Репрезентация меняет репрезентируемое. После этого формируются новые имплициты, раскрытие которых, в свою очередь, требует дальнейшей рефлексивной работы, то есть дальнейшего искусства, и так продолжается круг

влияния» [5, с. 36]. Определенный, даже фиксированный способ естественного бытия вещей претерпевает глубокую, вариативную трансформацию в созидательной деятельности искусства.

В результате соотношения уровней организованной деятельности осуществляется изготовление инструментов и использование технических навыков, которые способствуют эффективному продвижению к поставленным целям. Формирование инструментов, технологий и других способов организации действий выступает предпосылкой для появления рефлексивной практики искусства. «Художественные практики, таким образом, связаны с деятельностью *созидания*, с деланием и использованием инструментов, поскольку последние являются его предпосылками и формируют почву, на которой произрастают различные формы искусства» [5, с. 19]. Рефлексивная деятельность искусства, проходящая на втором уровне сознания, пронизана созданием, в процессе которого происходит собирание многообразных элементов в единство, конструирующее целое, преобразуя различный материал в про-из-ведение. Производство искусства превращается в объект, напоминающий апористическую философскую головоломку, стягивающую в один узел множество смутных и сложных вопросов, парадоксальность которых побуждает распутывать этот клубок, вытягивая из него более или менее проясненные смыслы один за другим.

Люди организуют свою жизнь с помощью письма, танца, рисунка и других формообразующих способов сотрудничества благодаря тому, что они говорят и видят. Привычные формы организованной деятельности одновременно и способствуют, и препятствуют целесообразности действий, так как склонны к автоматизму, повторяющему один и тот же вариант действия. Таким образом, привычное поведение показывает сформировавшийся в длительном взаимоотношении способ вовлеченности человека в окружающий его мир, как объективный, так и интересубъективный. Человек в большей степени становится самим собой, когда соотносит себя с сообществом людей. Технологические инструменты и навыки, находящиеся на уровне привычки, информируют и регулируют деятельность человека: что он чувствует и в чем он нуждается. Неизменным и универсальным условием существования человека становятся привычные ситуации, которые управляют его поведением, являясь формами социального контроля. Е.Н. Князева интерпретирует понимание сознания Альбой Нюэ как экстерналистское: «Мы – отчасти или даже во многом – в предметах своей деятельности и в самих процессах. Но порой из ситуации утраты привычного окружения можно извлечь позитивную сторону» [2, с. 100].

Эстетический опыт складывается из взаимодействия философской и художественной практики. Спорные, неразрешимые эстетические вопросы вызваны стремлением человека получить более ясный или совсем иной взгляд, который фокусируется на пережитом в чувствах или мыслях, либо настаивает на создании нового фокуса, точки зрения, позиции в виду того, что привычный

угол восприятия утрачивает демонстрируемый ранее смысл или вовсе не проявляет его. Переплетающиеся в рефлексии способы восприятия изменяют то, чем является человек. «Мы существа, по своей наиболее фундаментальной «природе» меняющиеся в результате рефлексивного и творческого сопротивления способам нашей организации при помощи привычек; эти рефлексивность и сопротивление проявляются в искусстве и философии» [5, с. 39]. В качестве цели экстатического воздействия искусства на сознание человека выступает разрушение или прерывание стазиса как привычного, стабильного состояния относительно устойчивого и убедительного покоя. Наиважнейшая эстетическая проблема состоит в том, чтобы схватить и выразить себя в процессе самосозидания.

Сознание демонстрирует конкурирующие между собой концепции объектности: перцептивная концепция объекта, существующего автономно и противопоставленного субъекту, опирается на изображение, логическая же концепция объекта, основана на языке, его синтаксически-семантической структуре. Например, число, по утверждению Готлоба Фреге, есть объект, поскольку мы его называем и высказываемся о нем [7]. Концепции объектности фиксируют разные типы видения, которые описывают рефлексивный процесс, направленный на осознание того, что происходит с видящим или говорящим, а также как видение или говорение воздействует на него. Тем самым становится понятно, что человек не может взаимодействовать с миром как реальным, так и виртуальным отстраненным образом, как бы он того не хотел, стремясь сохранить себя в стабильном состоянии. Само действие как таковое, и уж тем более взаимодействие, представляет собой активный процесс обнаружения и проявления открытых возможностей, а значит допускает динамический характер противостояний и столкновений, вызывающих как поверхностные, так и глубинные трансформации с широким шлейфом последствий. Задача рефлексии состоит в том, чтобы отслеживать, фиксировать и даже контролировать происходящие в сознании изменения, намеренные или случайные, чтобы быть готовыми к принятию их. Таким образом, объекты конституируются благодаря разным способам их представления в сознании.

В перцептивном сознании формируется стиль видения, представляющий собой способ переживания видимого объекта, который конституируется на основе имплицитно существующих в сознании изображений. «Видение — это деятельность по исследованию того, как вещи существуют, путем изучения того, как они выглядят. Видение — это не что-то, что происходит внутри нас; это способ вовлечения в мир. Оно разворачивается в мире» [5, с. 80]. Рефлексирующий взгляд сознания фокусируется на границе тела и мира, стремясь схватить их в их взаимодействии. «Осознание мира вокруг нас — это то, что мы делаем: мы энактивируем его — с помощью самого мира — в нашей динамической жизненной активности. Сознание — это то, что случается с нами» [8, с. 64]. В перцептивном сознании тесно переплетаются две способности человека, определяющие его понимание как себя, так и мира в котором от

живет — мыслить и действовать, действовать и мыслить. «Мы добиваемся присутствия в мире и делаем это динамично и активно, опираясь на различные виды знания и понимания — как сенсомоторные, так и концептуальные» [5, с. 85].

Человек формирует свой опыт присутствия в мире благодаря разным стилям осознанного взаимодействия с вещами и людьми, придумывая или создавая, делая или реализуя с помощью доступных в конкретной ситуации ресурсов осмысления — инструментов, технологических навыков, изображений, языковых средств. Так, например, исторически и культурно обусловленные стили живописных репрезентаций влияют на характер визуального восприятия, формируя новые способы видения. Также и язык, совместно создаваемый и развиваемый в культурном становлении человечества, трансформирует мыслительную способность, которая начинает определяться, используя выразительные ресурсы и механизмы языка. «Зрение в условиях существования изобразительности пересоздается примерно так же, как мысль пересоздается в условиях существования языка» [5, с. 94].

В своей эстетической концепции Альва Ноэ всматривается в феномен стиля, который организует перцептивные и когнитивные возможности сознания. Первоначально стиль связан со стилусом как инструментом для фиксации и удаления знаков, затем стиль обозначает характерную манеру человеческого поведения, оставляющего следы, отпечатки, знаки, по которым можно узнать действующего человека. Это возможно в силу того, что деятельность человека стилистически согласована и тем самым приведена к единству. Общим стилем как инвариантной формой созерцаемого мира основатель феноменологической философии Эдмунд Гуссерль называет естественную установку сознания, описывая ее следующим образом: «в силу *универсальной каузальной регуляции всему вместе-сущему в мире* свойственна всеобщая, непосредственная или опосредованная, *взаимопринадлежность*, в которой мир есть не просто некая совокупность всего [Allheit], но — *всеединство* [Alleinheit], некое (пусть и бесконечное) *целое*» [1, с. 50].

Французский феноменолог Морис Мерло-Понти утверждает, что стиль дает единый способ бытия вещи, доступный человеческому сознанию: «Единство вещи по ту сторону ее устойчивых свойств не является субстратом, пустым X, субъектом с неотъемлемыми свойствами, а представляет собой единый акцент, который находится в каждой вещи, тот единственный способ существования, вторичным выражением которого они являются. Например хрупкость, твердость, прозрачность, хрустальный звук стекла выражают единственный способ бытия» [4, с. 409]. Стиль не только формирует целостное единство вещи, согласовывая ее части друг с другом, но также стиль способен создавать синтез соотношенностей между вещами, собирая их в единый мир. Общий стиль усиливает эффект присутствия того, что в данный момент отсутствует в локализованном пространстве восприятия, так как находится за его пределами, словно видимая вещь скрывает за собой другую, а та в свою

очередь утаивает третью и так далее, а во временном отношении прошедшее «влияет» на грядущее, указывая на него интенциональными линиями осмысляющего стиля. «Стиль мира проявляется в том, как объекты и ситуации имплицитно ссылаются друг на друга, заявляют друг друга, вместе проходят, или в том, как манера действий человека некоторым образом выражает, кто или что он есть» [5, с. 101].

Известный сербский прозаик, мастер нелинейного письма Милорад Павич в одной из новелл сборника «Звездная мантия» рассуждает о стилистической динамике исторического развития культуры: «В любой момент истории внутри любой культуры существуют по крайней мере три художественных стиля, они пересекаются и дополняют друг друга или противостоят друг другу: осень уходящего стиля, весна нарождающегося стиля и лето стиля, находящегося в расцвете и доминирующего в искусстве. <...> Новый стиль (то есть «весна») в своем стремлении победить стиль ведущий («лето») пользуется опытом не своего непосредственного предшественника, а приемами уже угасающего стиля (то есть «осени»). Потому что и «весна», и «осень» имеют противоречащий «лету» характер» [5, с. 103]. В основе каждого из произведений искусства лежит ритм, который непрерывно пульсирует, пронизывая и охватывая все части, элементы, детали произведения, тем самым задает ему динамичную структурную организацию, которая придает своему произведению соразмерное ему формальное единство, а в содержательном контексте стремится преодолеть ограничения устойчивой формы и отсылает к другим произведениям, к их создателям, а также к культурным и природным процессам и событиям, взаимосвязанным в единстве мира.

Список литературы:

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Эдмунд Гуссерль; пер. с нем. Д. В. Скляднева — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 400 с.
2. Князева, Е.Н. Энактивизм: Концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. — 2013. — № 10. — С. 91–104.
3. Коллингвуд, Р.Дж. Принципы искусства / Робин Джордж Коллингвуд; пер. с англ. А.Г. Ракина под ред. Е.И. Стафьевой. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 328 с.
4. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / Морис Мерло-Понти; пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. — М.: «Ювента», «Наука», 1999. — 608 с.
5. Ноэ, А. Всё переплетено. Как искусство и философия делают нас такими, какие мы есть / Альва Ноэ; перевод с англ. В.В. Федюшина. — М.: Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Слово современной философии).
6. Павич, М. Звездная мантия: Астрологический справочник для непосвященных / Милорад Павич; пер. с серб. Л. Савельевой. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — 192 с.

7. Фреге, Г. Основоположения арифметики: Логико-математическое исследование о понятии числа / Готлоб Фреге; пер. с нем. В.А. Суворовцева. — М.: Водолей, 2000. — 127 с.
8. Noë, A. Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness. — NY.: Farrar, Straus & Giroux, 2010. — 214 p. — URL:
https://books.google.ru/books?id=llUvnqcEKTcC&pg=PR3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.03.2024).
9. Shomer, J.C. The Art of Knowing Ourselves: Humans and Their Strange Tools. // *Columbia College Today*. 2016-09-28. — URL:
<https://www.college.columbia.edu/cct/issue/fall16/article/art-of-knowing-ourselves-humans-and-their-strange-tools> (дата обращения: 15.03.2024).

Логинова Диана Васильевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9450-5977

УЧАСТИЕ ЧУХОНЦЕВ В ИЗВОЗНОМ ПРОМЫСЛЕ ПЕТЕРБУРГА

Аннотация: статья посвящена характеристике извозного промысла в Петербурге в конце XIX – начале XX вв., когда данный вид промысла выходит на новый уровень организации перевозок – появляются автомобили. Вместе с тем самым распространенным видом общественного транспорта являлись частные гужевые извозчики, занимавшиеся этим видом промысла большей частью уже на постоянной основе. В связи с этим существовала четкая градация среди извозчиков от ванек до лихачей, имевших свою клиентуру. Наряду с ними в Петербурге извозчиками работали и выходцы Петербургской, Выборгской и прибалтийских губерний, которых называли «чухонцами». Работая в извозном промысле, они имели узнаваемые повозки, лошадей, манеры общения с пассажирами.

Ключевые слова: чухонцы, Петербург, извозный промысел, лошади, повозки, масленица, гуляния.

THE PARTICIPATION OF THE CHUKHONIANS IN THE IMPORT TRADE OF ST. PETERSBURG

Summary: The article is devoted to the characteristics of the haulage industry in St. Petersburg in the late XIX – early XX centuries, when this type of trade reaches a new level of transportation organization – cars appear. At the same time, the most common type of public transport was private horse-drawn cabs, which were engaged in this type of fishing for the most part already on a permanent basis. In this regard, there was a clear gradation among cabbies from vanek to reckless drivers who had their own clientele. Along with them, natives of the St. Petersburg, Vyborg and Baltic provinces, who were called «chukhonians», also worked as cabmen in Petersburg. Working in the haulage industry, they had recognizable carts, horses, and manners of communication with passengers.

Keywords: chukhontsy, St. Petersburg, haulage, horses, carts, carnival, festivities.

В извозный промысел в Петербурге были вовлечены люди разных сословий, но преимущественно это были выходцы из крестьян, городские низы. Промысел этот был весьма выгодным и позволял оплачивать не только налоги, но и иметь возможность социального роста, скажем, из «ванек» – это распространенный и бедный тип извозчиков, можно было вырасти в «лихачи»,

улучшив свой экипаж и уже не было такой необходимости работать на износ. Статистические данные указывали, что в начале XX в. в извозе по Петербургу находилось 62510 экипажей [1., стб. 39], среди которых была определенная категория извозчиков, отличавшихся как своей внешностью, так и своими экипажами – «чухонцы» или «вейки». Владимир Иванович Даль в рассказе «Чухонцы в Питере» писал, что чухнами называют нерусское поколение коренных жителей Петербургской, Выборгской и соседних балтийских губерний. Они приезжают в Петербург на заработки, держатся своего рода жизни и каких-либо особых промыслов» [2, с. 361].

Среди исследователей истории чухонцев следует особо отметить работу Спивака Д. Л. «Северная столица: Метафизика Петербурга», которая посвящена народам прибалтийско-финского корня, издавна живших в устье Невы [3]. Исследователь Гаева Е. В. В составленном трехтомнике «Словаре редких слов» включила термины «чухляндия», «чухна», «чухонец», с приведением цитат из различных источников с упоминаемыми словами [4, с. 342, 547]. Изучение чухонцев мы можем найти в работе Васильева Л. С. «Метаморфозы истории России» [5, с. 252, 424,427]. Среди работ также необходимо упомянуть и книгу Н. А. Синдаловского «Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность», включающий почти 6 тысяч «питерских» словечек, пословиц, поговорок, присловий, загадок, цитат, в том числе и упоминаются «чухонцы» [6]. Статья Пекшиевой М.В. «Русские в Финляндии и финны в России (по произведениям Ф. Ф. Одоевского) посвящена русско-финским отношениям в начале XIX века [7]. Жукова А.Е., Семёнов А.М., Семёнова О.А. в исследовании «Культурный код на примере прислуги в Российской империи в пореформенный период» изучили национальный, религиозный, ментальный и культурные особенности в сфере трудового найма прислуги» [8]. Для примеров авторами были выбраны русские, эсты и финны (в просторечии чухонцы), латыши, татары, евреи, поляки и народы Кавказа с целью проанализировать, как национальные особенности влияли на работу прислугой. Упоминаются чухонцы и в исследовании Харченко В. К. «Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов», что так же позволяет понимать некоторые аспекты из их жизни [9]. В целом чухонцы работали в России по многим направлениям: торговали (преимущественно молочной продукцией – особенно маслом, рыбой; работали прислугой, няньками и т.д. В том числе, пусть и в незначительном количестве работали в извозном промысле, и эта область деятельности чухонцев в Петербурге остается малоизученной.

Источниковой базой для написания статьи послужили общественно-физиологические очерки А. Бахтиярова [10], книга о сытных и голодных Крестовского В. В. [11], культурно-исторические очерки Божерянова И. Н. [12] литературные произведения Лейкина Н. А. [13], Микулича В. [14], Погосского А. Ф. [15], Яковлевского Н. Я. [16], Даля В. И. [2, Булгарина Ф. В. [17] воспоминаний Никоновича Ф. И. – члена Государственной думы [18],

воспоминаний князя А. В. Мещерского [18], Вигеля Ф. Ф. [20], где можно почерпнуть немногочисленные, тем не менее очень важные сведения и уточнения о чухонцах. Важную информацию о типах лошадей, используемых чухонцами, мы можем получить из издания гвардии ротмистра Н.А. Гулькевича [21].

Извозный промысел, особенно в столице требовал огромной выносливости как лошади, так и извозчика и чухонцы как никто другие, да и проживавшие по соседству могли бы смело занимать эту нишу. Отличались они и честностью, то есть крепкими и верными на слово. Таковыми их характеризует В. И. Даль [2, с. 406]. Но преимущественно в извозе были русскоязычные мужики. Тому причиной было слабое знание русского языка, некоторая внешняя суровость, которая ставила чухонцев в один ряд с самой низкой когортой извозчиков – «ваньками».

Анатолий Александрович Бахтиаров, российский писатель, журналист и краевед, педагог, автор многочисленных очерков писал о них: «Чухны в коротеньких полушубках меланхолично покуривают свои трубки» [10, с. 31]. Не торопятся, не спуют как другие извозчики, услужливо предлагая поездку в своих санях. Ждут...

Александр Фомич Погосский, русский писатель, драматург, издатель, упоминал в своем произведении о белоглазом петергофском чухне – Сатана Пергеле, которого так называли в извозничьей артели все и лужские, и гдовские, и нарвские «ваньки», отмечая, что он был безталаннейший из всех безталантных чухон: лет восемь ездил уже на своей рыжей «ведке», т.е. шведке, на плохих санишках с собачьей полостью, без всякого успеха [15, с. 8].

Таким образом, привычно было ругать чухонцев, презрительно на них посматривать, отказываться ехать в их повозке (если был выбор). В произведении Микулича В. финны-извозчики описываются с тупыми угрюмыми физиономиями, стоящих и похаживающих около своих санок. На предложение одного из них с трубкой в зубах, подвезти, «маман метнула на него уничтожающий взгляд и принялась выбирать себе извозчика» [14, с. 66]. «Чухна ты пучеглазая! Чухна безобразная!» – такое ругательство есть в комедии Яковлевского Н. Я. «Дядюшкин фрак и тетушкин капот» и не только в этом произведении [16, с. 24–25].

Под Невской лаврой существовало «чухонское подворье» своеобразный сборный пункт чухонцев и «желтоглазых» или «Желтоглазых гужеедов» (так называли ночных зимних извозчики из чухонцев – их так окрестила их своя же братия извозчиков-православных, у которых это слово, направленное против товарища по ремеслу, получило ругательный, негативный смысл. А все потому, что по указу от 3 апреля 1735 г. им было предписано красить экипажи в желтый цвет, [12]. Цветовая дифференциация экипажей чухонцев позволяла безошибочно выплеснуть гнев как своим коллегам по извозному промыслу, так и многим горожанам.

Тем не менее именно оттуда, можно было добыть лучших лошадей-шведок, так как торговля ими составляла специальность «чухонского подворья» [21, с. 531]. Надобно отметить финские лошади или шведки – были известны у нас под названием «финок» или «ведок». Ростом они были невысокие: от 2 аршин (142 см) до 2 аршин 3 вершков (155 см), мастью большей частью рыжие, но встречались вороные или буланые, крепкого мускулистого сложения, рысью были довольно быстрой, но короткой. Большое число финских лошадей привозились в Санкт-Петербургскую губернию и преимущественно в сам Петербург, но встречались они на ярмарках Псковской губернии, например в Печорах. Для армии эти лошади были бесполезны, так как к строевой службе были не способны в силу низкорослости и короткого бега [21]. Поэтому чухонцы использовали их всюю для хозяйственных нужд и в извозном промысле.

Отличались у чухонцев и сами экипажи. Так летний экипаж – это чухонская одноколка, представляла собой короткий ящик на двух довольно высоких колесах [20, с. 166]. А зимние представляли собой длинные узенькие саночки [19, с. 165]. Скорее всего чухонцы приспособивали под извозный промысел обыкновенные крестьянские повозки, не отличавшиеся особым удобством и привлекательностью. Их клиентурой был самый невзыскательный круг, не требовавшим высокого комфорта.

Вместе с тем, отметим, что для чухонцев в Петербурге наступал их поистине «звездный час» – это Масленичные гуляния. По случаю Масленичных гуляний весь чиновный Петербург был свободен от занятий. В городе заметно особое оживление: по улицам сновали густые толпы празднующих масленицу. Обыкновенно для этого из окрестностей Санкт-Петербурга съезжались десятки тысяч жителей финских деревень Санкт-Петербургской губернии и занимались в течение семи дней извозным промыслом [21, с. 13]. Низкорослые выносливые лошаденки, запряженные в маленькие санки, то и дело шмыгали по улицам столицы, побрякивая бубенчиками и колокольчиками. Впереди саней сидел чухонец в полушубке с обязательной трубкой во рту и с хлыстом в руке. На сиденье саней накидывали коврик сшитые из разноцветных лоскутов [10, с. 308]; кузов и упряжь богато разукрашивались разноцветными бумажными лентами [18, с. 73]. Звук их бубенчиков, один вид жёлтеньких белогривых и белохвостых сытых и резвых лошадок сообщал оттенок какого-то шаловливого безумия петербургским строгим улицам... Дети обожали их [9, с. 43]. В конце масляной недели, в прощенное воскресенье, веселый разгул достигал наивысшей степени. Чухонцы безжалостно били своих измученных лошадемок, подражаясь катать публику по часам. В иные сани точно снопы в возу нагромождалась такая многочисленная семья, что чухонцу не хватало места и он тащился пешком, рядом со своей лошадейю [10, с. 316].

Во время Масленичной недели петербургские щеголи и даже прекрасный пол не стыдились прокатиться на чухонских лошадях. Скучные приличия изгонялись на время празднеств и насмешки в это время, характерные для

буднего дня, были тогда не у места. [17, с. 159]. Чухонцы, чувствуя возможность немалой прибыли, могли отдать в аренду лошадь и сани, правда, только знакомым, требуя в залог пятьдесят рублей и паспорт [13, с. 313]. Можно сказать, что это начало каршеринговой системы, весьма популярной сейчас.

Таким образом, среди петербуржцев бытовало мнение: чтобы вполне насладиться удовольствиями Масленицы, необходимо начать с поездки «на чухне». Ездить на них было не совсем удобно, но они были дешевле постоянных извозчиков, и притом для истого петербуржца низших слоев не прокатиться «на чухне» во время Масляной все равно почти что и самой Масляной не видеть» [6].

Таким образом, картина извозного промысла в России, а особенно в Петербурге была бы неполной без исследования чухонской группы извозчиков, выделявшихся среди других одеждой, манерой поведения, повозками и лошадьми. Несмотря на то, что в будние дни многие пренебрегали поездкой «на чухне», масленичные гуляния уравнивали всех извозчиков сторицей, позволяя чухонцам-извозчикам неплохо заработать, да и себя показать...

Список литературы:

1. Вся Россия. – Санкт-Петербург: тип. газ. «Россия», 1905. – 9–800 стб.
2. Даль В. И. Сочинения В.И. Даля: повести и рассказы. Т. 4. – Санкт-Петербург; Москва: М.О. Вольф, 1883. – 397 с.
3. Спивак Д. Л. Северная столица: Метафизика Петербурга. – Санкт-Петербург: Тема, 1998. – 427 с.
4. Гаева Е. В. Гости из прошлого: словарь редких слов. Т. 3: П–Я. – Москва: ИНФРА-М, 2017. 2020. – 621 с.
5. Васильев Л. С. Метаморфозы истории России. Т. 5. Поиски выхода: [монография]. – Москва: Книжный дом Университет, 2017. – 531 с.
6. Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца: лексикон северной столицы, история и современность: 5325 слов, словосочетаний и фразеологических единств. – Санкт-Петербург: Русская тройка-СПб, 2014. – 634 с.
7. Пекшиева М.В. Русские в Финляндии и финны в России (по произведениям в. Ф. Одоевского) // В сб.: «Свое» и «чужое» в культуре. Материалы X межд. науч. конф. 2015. С. 64–66.
8. Жукова А.Е. Культурный код на примере прислуги в Российской империи в пореформенный период // Вопросы истории. 2020. № 10–1. С. 179–186.
9. Харченко В. К. Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов. – Белгород: БелГУ, 2021. – 654 с.
10. Бахтиаров А. А. Брюхо Петербурга. – Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1888. – 316 с.
11. Крестовский В. В. Петербургские трущобы. – Санкт-Петербург: Азбука, 2021. – 699 с.

- 12.Божемянов И. Н. Культурно-исторический очерк жизни С.-Петербурга за два века. Т. 2, –Санкт-Петербург: б.и., 1903. – 247 с.
- 13.Лейкин Н. А. Повсюду: рассказы. – Санкт-Петербург: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1901. –332 с.
- 14.Микулич В. Мимочка отравилась: очерк. –Москва: Посредник, 1895. – 95 с.
- Погосский А. Ф. ... Куча денег: три рассказа из воспоминаний банкрота. – Санкт-Петербург: тип. и лит. В.А. Тиханова, 1907. – 54 с.
- 15.Яковлевский Н. Я. Дядюшкин фрак и тетушкин капот: комедия в 2 д. с куплетами. – Москва: Волков. театр. б-ка, 1873. – 47 с.
- 16.Булгарин Ф. В. Сочинения Фаддея Булгарина. Т. 12. – Санкт-Петербург: тип. А. Смирдина, 1830. – 259 с.
- 17.Никонович Ф. И. Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Феодора Никоновича. – Витебск: Вит. губ. тип., 1912. – 272 с.
- 18.Мещерский А. В. Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского. – Москва: Унив. тип., 1901. –202 с.
- 19.Вигель Ф. Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: Ч. 3. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. –186 с.
- 20.Гулькевич Н. А. Типы и породы лошадей Российской империи. –Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. – 66 с.

Лойко Александр Иванович (Республика Беларусь)
доктор философских наук, профессор
Белорусский национальный технический университет
SPIN-код: 7229-1438

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСЫГИНА И ДЭН СЯОПИНА

Аннотация: на примере деятельности Косыгина и Дэн Сяопина показана зависимость экономического детерминизма от особенностей государственной идеологии и мышления политической элиты в коммунистических обществах. Последствием этих особенностей стал распад СССР и динамичное развитие экономики КНР. Обоснован тезис о решающей роли мышления политической элиты в обеспечении экономической безопасности государства и его социальной стабильности.

Ключевые слова: экономические реформы, государственная идеология, Косыгин, Дэн Сяопин, СССР, КНР.

ECONOMIC REFORM AND STATE IDEOLOGY: ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF KOSYGIN AND DEN XIAOPING

Summary: using the example of the activities of Kosygin and Deng Xiaoping, the dependence of economic determinism on the characteristics of state ideology and the thinking of the political elite in communist societies is shown. The consequence of these features was the collapse of the USSR and the dynamic development of the PRC economy. The thesis about the decisive role of the thinking of the political elite in ensuring the economic security of the state and its social stability is substantiated.

Keywords: economic reforms, state ideology, Kosygin, Deng Xiaoping, USSR, China.

Тема взаимной детерминации экономики и государственной идеологии в коммунистических обществах является одной из самых актуальных, поскольку от практической интерпретации этой взаимной детерминации зависит, как показал распад СССР, существование коммунистических государств. Одним из первых важность этой взаимной детерминации понял в Советской России В.И. Ленин, когда увидел, что жесткая модель военного коммунизма в условиях гражданской войны подорвала экономическую основу жизнедеятельности общества. Кризисная ситуация могла вызвать социальный конфликт, по итогам которого большевики не смогли бы сохранить государственную власть. Поэтому опыт компромиссов и сотрудничества с разными партиями в сфере внешней и внутренней политики большевики применили к экономике.

Новая экономическая политика была примером компромисса коммунистической государственной идеологии с рыночной экономикой, которая устойчиво ассоциировалась с капитализмом [5]. Тем не менее, В.И. Ленин настоял на использовании рыночных механизмов в рамках восстановления послевоенной экономики России. Правильность сделанного шага подтверждала статистика темпов восстановления экономики России. Еще более важным в рамках развития теории коммунизма было обоснование возможности использования в экономическом базисе этого общества механизмов рыночного регулирования. Но в понимании роли новой экономической политики негативную роль сыграл тезис о вынужденном временном использовании ее. В результате в теории коммунизма рыночные механизмы экономической деятельности не рассматривались как закономерные, что сыграло негативную роль по отношению к экономическим реформам Косыгина и сказалось на эволюции СССР.

В плане человеческого фактора определенную роль в развитии подобного негативного сценария сыграла личность И.В. Сталина. В его мышлении не было гибкости, которой обладало государственное мышление В.И. Ленина. Стабильность СССР И.В. Сталиным в прямую связывалась с политическими инструментами жесткой власти, которая, используя им же разработанную теорию обострения классовой борьбы при социализме, превратила миллионы россиян в дешевую рабочую силу. На это работала идеология ударных коммунистических строек, а также ГУЛАГ. В рамках индустриализации росло производство, но емкость внутреннего рынка не росла. Наблюдался дефицит продовольствия и промышленных товаров.

Немецкая агрессия в 1941 г. отодвинула экономическую тематику мирного времени на второй план. Промышленность и сельское хозяйство стали частью военно-промышленного комплекса. Огромную по численности армию нужно было одеть, накормить и обеспечить оружием. Эта задача была выполнена экономическим сектором советского общества. После 1945 г. фактически до смерти И.В. Сталина жесткая модель тотальной централизации ресурсов советского общества, основанная на теории обострения классовой борьбы при социализме продолжала функционировать. Ее сопровождала карточная система на продукты и товары первой необходимости.

Но уже Н.С. Хрущев понял, что экстремальный военный период советской истории закончился и нужно решать вопросы продовольственной обеспеченности СССР. Посредством массового посева кукурузы начал реализовываться проект зерновой безопасности. Но он принципиально не поменял ситуацию. Стабильность государственного правления Л.И. Брежнева формировали акценты на подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, проект освоения целины и активное освоение нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Руководство ФРГ откликнулось на предложение СССР. Для нефтепроводов немецкая промышленность поставляла трубы, взамен получала нефть. Эта ситуация устраивала обе стороны.

Несмотря на внешние экономические связи, емкость внутреннего потребительского рынка СССР оставалась низкой. Оказавшийся в эшелонах высокой партийной власти А.Н. Косыгин понимал, что предприятия, которые обеспечивали основную занятость населения, должны были получить возможности для оптимизации деятельности [2]. Критерии этой мотивации содержали механизмы рыночной деятельности. В числе параметров предприятиям были предложены возможности децентрализации деятельности по критериям показателей прибыли, роста производительности труда и заработной платы. Под рост емкости внутреннего потребительского рынка закладывалась поддержка предприятий, ориентированных на производство товаров массового потребления. За относительно короткое время эта методология полностью себя оправдала. Наблюдался высокий рост экономических показателей.

Но реализация модели рыночных отношений при «развитом социализме» вошла в противоречие с теорией и государственной идеологией построения коммунистического общества. Оправдание использованию рыночных отношений было применительно к начальным этапам построения социализма. Но на этапе развитого социализма найти аргументы в пользу использования механизмов рыночных отношений было трудно. В системе социалистических государств существовали угрозы возврата к капитализму, с которым и ассоциировались механизмы рыночных отношений. В результате проект А.Н. Косыгина в области экономики был приостановлен и в последующем до распада СССР не актуализировался.

В КНР в сороковые годы XX столетия сформировалась похожая на СССР тридцатых-сороковых годов этого же столетия модель государственной власти и государственной идеологии. Единоличная власть принадлежала Мао Цзэду, который ускоренными темпами проводил индустриализацию и строил социализм. Когда начала расти оппозиция этим практикам строительства нового общества, китайский лидер воспользовался репрессивными технологиями культурной революции. Погибло много людей. Часть городского населения отправили в сельскую местность в трудовые лагеря.

Проблема коммунистических реформ была в том, что они не имели экономического эффекта. КНР являлась страной с низким уровнем жизни. Существовала проблема голода. Только после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. появилась возможность прекратить эпоху «культурной революции» и заняться вопросами экономического благополучия населения. Но сначала нужно было трудоустроить 20 миллионов безработных и решить проблему голода. Голодало сто миллионов человек.

Дэн Сяопину удалось настоять на экономических приоритетах развития КНР. Эту стратегию одобрил в 1978 г. Третий пленум ЦК КПК. Под формулировкой «четыре модернизации» скрывалась стратегия рыночных реформ. Ее формулировки не противоречили государственной идеологии, поскольку постулировался социалистический путь развития КНР, ведущая роль

КПК, диктатура народа и утверждалась приверженность идеям Мао Цзэдуна. Эту стратегию закрепила Конституция КНР 1982 г.

В числе приоритетных экономических задач была продовольственная безопасность и ликвидация голода. В рамках реализации этой задачи начал реализовываться принцип отказа государства от вмешательства в процессы производства. Коммуны были ликвидированы. Их место заняли семейные и фермерские хозяйства. Фермеры могли нанимать работников и сдавать земельные участки в аренду. Государству они сдавали двадцать процентов от убранного урожая, остальная часть урожая была в их распоряжении. Государство постоянно повышало закупочные цены.

Эффект от продовольственной реформы проявился в 1984 г. Урожай зерновых культур вырос в два раза. Проблема голода была решена. Руководство КПК приступило к трансформации промышленности. Была прекращена практика вмешательства государственных органов в экономическую деятельность промышленных предприятий. За основу был взят хозяйственный расчет. Стало уделяться внимание созданию инфраструктуры мелкого и среднего бизнеса.

Одним из самых решительных и долгосрочных по последствиям шагов стало создание свободных экономических зон. Доступ в эти свободные экономические зоны получили западные инвесторы и транснациональные корпорации. Инвесторов устраивали льготы, дешевая рабочая сила, партийная дисциплина.

Совместные предприятия стали местом формирования новой экономической элиты КНР с опытом работы в рыночной экономике. Между промышленным и банковским капиталом возникла тесная связь. Было осуществлено акционирование предприятий на основе государственной собственности. В свободные экономические зоны активно ввозилось современное оборудование и технологии.

КНР стала крупнейшим производителем товаров массового потребления. Для их экспорта была сформирована логистика в направлении Северной Америки, Европейского Союза и Юго-Восточной Азии. Как и в сельском хозяйстве, промышленное производство за три года удвоилось. Из-за быстрого роста производства стали возникать диспропорции между сырьевыми, металлургическими, энергетическими, транспортными и машиностроительными отраслями. В результате была принята к действию системная методология инфраструктурных решений. Темпы роста отраслей были сбалансированы. Это позволило уменьшить инфляцию и стабилизировать внутренний рынок.

На уровне государственной идеологии КНР сохранял актуальность вопрос о границах рыночных отношений в рамках социализма. Вопрос стало формулировать гражданское общество КНР требованиями демократизации.

Руководство Коммунистической партии КНР на фоне массовых студентов в крупнейших городах страны, имевших место в 1989 г., приняло решение

локализовать механизмы рыночных отношений только экономическим сектором. В сфере политики сохранялся приоритет коммунистической идеологии и авторитет Мао Цзэдуна. Гражданское общество через студенческие выступления пыталось связать преобразования в экономике с необходимостью политических преобразований. Но было введено военное положение, и армия сохранила приоритет государственной идеологии. Эта идеология с 1992 г. допускала цель строительства социалистической рыночной экономики. Смерть Дэн Сяопина в 1993 г. не отменила этой цели.

После нескольких ротаций в высшем партийном руководстве Коммунистической партии Китая лидером КНР стал Си Цзиньпин. Это произошло в 2013 г. Его роль в государстве настолько выросла, что в 2018 г. в Конституции КНР были отменены ограничения на его пребывание в должности Председателя КНР двумя пятилетними сроками.

Несмотря на усиление государственной системы и сохранение государственной идеологии КНР все больше стала демонстрировать свою роль в международном разделении труда. Эту роль вынуждены были признать в США и Европейском Союзе. КНР стала активно формировать международную транспортную логистику. В качестве примера был взят Великий Шелковый путь [4]. Современной модификацией этого проекта стала международная логистика под названием «Пояс-Путь» [3].

Но особую тему в рамках реализации стратегии строительства социалистической рыночной экономики создало решение о создании в КНР собственных транснациональных корпораций. В результате институциональная социалистическая инфраструктура пополнилась институтом, с которым традиционно ассоциировался государственный капитализм. КНР стала членом Всемирной торговой организации и стала заключать договора о создании зон свободной торговли.

В рамках проекта «Пояс-Путь» КНР создала инвестиционный фонд и начала финансирование инфраструктуры ряда государств Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. КНР активно осваивает международный рынок цифровых технологий через присутствие на нем собственных транснациональных корпораций.

На фоне международных достижений КНР сталкивается с рядом вопросов, относящихся к периоду гражданской войны XX столетия (Тайвань), а также к периоду передачи в долгосрочную аренду Великобритании и Португалии Гонконга и Макао. Тайвань используется США для конфронтации с КНР. Беспорядки в Гонконге (Сянгане) также использовались против КНР. Основной причиной международной деятельности западных государств, против КНР, является завершение эпохи однополярного мира США.

Западными государствами создана атмосфера глобальной турбулентности в форме нарастающей критической массы локальных конфликтов. В этих условиях растет роль защитных ресурсов партикулярных структур. В результате меняется социальная психология глобализации. Эта психология не

сводится только к проблемам миграции. Она озадачена ускоряющейся потребностью в перестройке глобального порядка, формируемого доминированием золотого миллиарда. Это доминирование базировалось на модели неокOLONиализма. Оно активно использовало инерцию распада СССР.

В поисках эффективных решений использования ресурсов, науки, человеческого капитала находится большинство партикулярных структур, региональных экономик, поскольку стратегия устойчивого социального и экономического роста оказалась под сомнением. Эти сомнения питает долговой фактор, основанный на доминировании доллара в международных расчетах. Он превратился в проблему, затрагивающую фундаментальные принципы экономической безопасности.

Строительство нового глобального пространства предполагает переходный период. Это значит, что теряющий позиции в мировой экономике золотой миллиард будет активно использовать инструмент конфликтного сознания и локальных войн для недопущения формирования конфигураций многополярного мира.

В переходный период будет тестироваться архитектура глобальных центров силы и связанных с ними гусиных клиньев. Особенно заметны напряжения в части сохранения центрами силы гусиных клиньев. Для США это фундаментальная проблема полной переориентации Европейского Союза в пространство интересов североамериканских транснациональных корпораций и военно-промышленного комплекса. Для России фундаментальным остается вопрос о сохранении проекта «Пояс – Путь», инициированного КНР.

Государства сталкиваются с рисками. Эти риски усугубляются следствиями в виде структурной модернизации национальных экономик. Претерпевает изменения структура теневой экономики, в которой политический сегмент в виде терроризма выполняет дестабилизирующую функцию и формирует миграционные потоки вынужденных беженцев.

Одним из факторов рисков стала регионализация глобального пространства по принципу блокового противостояния политики и экономики альтернативным региональным структурам. Формируются трансатлантическое, тихоокеанское, евразийское пространства жизнедеятельности партикулярных структур. Эти процессы дополняют факторы рисков для субъектов национальной деятельности, рассчитывающих на максимальное использование пространственного ресурса международного разделения труда.

Инструментальное отношение большой геополитики к множеству партикулярностей исчерпало ресурс доверия. Это растущее многоголосье не устраивает ставшая доминантной со времен холодной войны тема демонизации СССР, России и Китая на основе использования симулякров демократического дискурса.

Таким образом, в сфере экономики и международного разделения труда Коммунистической партией Китая реализована модель тесной кооперации с капиталистическим миром. С этим вынужден считаться и западный мир. Но на

уровне политики США культивируется практика принципиальной несовместимости капиталистической и коммунистической модели государственного управления. Российская Федерация после распада СССР перестала быть коммунистической страной. Но отношение к ней со стороны Запада даже ухудшилось, что свидетельствует о том, что коммунистическая идеология перестала быть основным конфликтным фактором.

Дэн Сяопину удалось за короткий исторический период осуществить замысел А.Н. Косыгина, который заключался в создании прочного экономического основания для коммунистических государств. Таким основанием стали механизмы рыночных отношений.

Список литературы:

1. Го Цзиньлун. Реформа, развитие и стабильность - опыт Китая // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права – 2016 – № 1 – С. 40-43.
2. Гумеров, Р., Крюкова А. Косыгинская реформа: революция или эволюция? // Российский экономический журнал – 2011 – № 6 – С. 91-98.
3. Лойко, А.И. Континентальная логистика Большой Евразии // Беларусь в меняющемся мире: история и современность. – Минск: БГУ, 2019 С. 146-151.
4. Лойко, А.И. Традиционное общество в логистике Великого Шелкового пути // Традиционные общества: неизвестное прошлое. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического ун-та, 2021. С. 217-226.
5. Муравьева, Л.А. Новая экономическая политика // Финансы и кредит – 2002 – № 10(100) – С. 43-51.

Малахов Родион Александрович

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
Северо-Западный институт (филиал)

SPIN-код: 4895-7059

О РАСШИРЕНИИ СОСТАВА ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ КПСС ПО УПРАВЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – 1970-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: на протяжении 1960-1970-х гг. активно развивался промышленный сектор экономики СССР. Для решения организационных вопросов этого процесса центральной власти потребовалось значительное количество управленцев. С этой целью областные комитеты КПСС расширяли структуру и состав партийных органов, так как ответственные работники областных, городских и районных комитетов КПСС являлись основными кураторами региональной экономики. В результате партийные чиновники осуществили полный контроль над местной промышленностью. Региональные органы КПСС стали полномасштабно влиять на функционирование производственного сектора, управлять экономическими процессами. Ответственные партийные работники расширили свои возможности по использованию средств и результатов производства.

Ключевые слова: обком, горком, райком, КПСС, чиновники, региональная экономика.

ON EXPANDING THE COMPOSITION OF RESPONSIBLE EMPLOYEES OF THE CPSU FOR REGIONAL ECONOMY MANAGEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 1960S – 1970S. (BASED ON MATERIALS OF THE VOLOGDA REGION)

Summary: throughout the 1960-1970s. The industrial sector of the USSR economy was actively developing. To resolve the organizational issues of this process, the central government required a significant number of managers. To this end, the regional committees of the CPSU expanded the structure and composition of party bodies, since senior officials of the regional, city and district committees of the CPSU were the main curators of the regional economy. As a result, party bureaucracy exercised complete control over local industry. Regional bodies of the CPSU began to fully influence the functioning of the production sector and manage economic processes. Responsible party workers expanded their capabilities to use the means and results of production.

Keywords: obkom, gorkom, raykom, KPSS, bureaucracy, regional economy.

На протяжении 1960-1970-х гг. активно развивался промышленный сектор экономики СССР. Для решения организационных вопросов этого процесса центральной власти потребовалось значительное количество управленцев. С этой целью областные комитеты КПСС расширяли структуру и состав партийных органов, так как ответственные работники областных, городских и районных комитетов КПСС являлись основными кураторами региональной экономики.

Прежде всего, обратим внимание на изменения в структуре областного комитета партии и количестве ответственных работников. Так, в декабре 1968 г. Вологодский обком партии обратился к ЦК КПСС с просьбой «укрепить» промышленно-транспортный отдел обкома (на тот момент в нем работало 4 человека), выделив «3 ставки инструкторов», и переименовать его «в отдел тяжелой промышленности и транспорта». Работники отдела курировали «48 промышленных предприятий ведущих отраслей – черной металлургии, машиностроения, металлообработки, энергетики, химической, стекольной, торфяной, местной промышленности ... 205 предприятий железнодорожного, водного, автомобильного и воздушного транспорта, шоссейных дорог и связи. Кроме того, отдел занимается работой облплана, облстатуправления, облвторчермета, облнефтеснаба и ряда других областных организаций» [1, л. 126-127.].

В ноябре 1982 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении должностей ответственных работников в Вологодском обкоме КПСС», в котором выразил просьбу «установить в обкоме партии дополнительно должности: заместителя заведующего отделом и инструктора отдела строительства... В сфере строительства занято свыше 75 тысяч человек... Строительные и монтажные работы осуществляют 5 объединений, 7 трестов и 15 отдельных управлений, входящих в систему 16 различных министерств... В отделе строительства обкома КПСС 7 человек: заведующий, заместитель заведующего (ведет сельское строительство) и 5 инструкторов. Практика показывает, что этих сил недостаточно для успешного комплексного руководства отраслью. Не охватываются вопросы развития предприятий промышленности строительных материалов, перевода базы строительной индустрии на выпуск эффективных конструкций для выполнения возрастающих объемов жилищного и культурно-бытового строительства на селе в соответствии с решениями майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС. Из-за большой ведомственной и территориальной разобщенности предприятий их кооперация по выпуску продукции осуществляется слабо, прогрессивная технология внедряется с опозданием, действующие мощности используются не полностью». Кроме того, Вологодский областной комитет КПСС просил установить в обкоме партии должность «заместителя заведующего отделом транспорта в связи с упразднением инструктора этого отдела. Имеется ввиду возложить на него вопросы партийное руководство работой железнодорожного транспорта.

Потребности народного хозяйства области в перевозках обеспечивают 28 предприятий Вологодского отделения, 5 железнодорожных станций Архангельского и Сольвычегодского отделений Северной, 10 предприятий Волховстроевского отделения Октябрьской железных дорог с общим числом работающих 17,3 тысячи человек... Всего установить дополнительно 4 должности ответственных работников с месячным фондом заработной платы 760 рублей (с учетом упразднения должности инструктора)...» [2, л. 121-124].

Аналогичные процессы развивались на городском и районном уровне власти. Обкомы партии направляли в ЦК КПСС письма и докладные записки с просьбой выделить новые должности в городских и районных партийных комитетах, увеличить зарплаты партийным работникам. Основанием для этих предложений являлся промышленный рост соответствующих территорий, строительство новых производственных предприятий, для контроля над которыми со стороны местных органов КПСС требовались новые управленцы.

Обратим внимания на типичные документы, касающиеся введения новых должностей и создания новых подразделений. Например, в июле 1966 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС докладную записку, в которой указал то, что «Велико-Устюгская объединенная партийная организация образована в 1964 году из Велико-Устюгской городской, Велико-Устюгской и Усть-Алексеевской районных партийных организаций... В городе и районе имеется 31 промышленное предприятие, в т.ч. шесть леспромхозов, сплавконтора, фанеромебельный комбинат, 8 совхозов и 12 колхозов... Промышленные предприятия за 1965 год произвели валовой продукции на 46606 тыс. рублей. Леспромхозами района ежегодно заготавливается свыше полутора миллионов кубометров древесины, что составляет свыше 11% древесины, заготавливаемой в области и 45% всей валовой продукции промпредприятий района. На лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятиях Велико-Устюгского района занято 9717 рабочих ... обком КПСС просит ЦК КПСС в порядке исключения установить должность секретаря Велико-Устюгского горкома КПСС по лесной промышленности» [3, л. 35].

Обком партии стремился к повышению заработной платы местным чиновникам. Так, в сентябре 1966 г. секретарь Вологодского обкома КПСС Л. Рудаков направил в ЦК КПСС письмо «О переводе Вологодского горкома КПСС по зарплате из второй группы в первую группу областных центров», в котором указал на то, что «Вологодский горком КПСС был переведен по зарплате из третьей группы во вторую постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) в мае 1946 года... Если в 1946 году промышленные предприятия города выпустили валовой продукции на 39 млн рублей, то в 1966 году выпуск ее составит 141,2 млн рублей. Количество рабочих и служащих ... 87,3 тыс. человек... Население города ... на 1 июля 1966 г. – 170 тыс. человек... Капиталовложения в городское хозяйство за последние годы увеличились в 5 раз и составили в 1965 году 22,2 млн рублей... Город не имеет

районированного деления. Все вопросы партийного руководства хозяйством ... решает горком КПСС. Вологодский обком КПСС просит ЦК КПСС решить вопрос о переводе Вологодского горкома КПСС по зарплате из второй группы областных центров в первую» [3, л. 141-142].

Еще одно письмо, направленное в том же месяце, касалось Череповецкого горкома партии. В документе, подписанном Л. Рудаковым, сообщалось, что в Череповце проживает 165 тыс. человек. «Череповецкий горком КПСС руководит партийными организациями 43 предприятий промышленности, строек и транспорта... Объем валовой продукции предприятий города в текущем году составит 446 млн рублей и объем капиталовложений по всем источникам финансирования 83,9 млн рублей... работает 83,9 человек. Вологодский обком КПСС просит ЦК КПСС решить вопрос о переводе Череповецкого горкома КПСС по зарплате из второй группы в первую» [3, л. 143-144]. Перевод органа власти из одной группы по оплате труда в другую вел к изменению денежных окладов сотрудников. Из приведенных документов следует, что обком партии предлагал увеличить зарплату партийным работникам.

Ряд обращений в ЦК КПСС затрагивали вопросы создания новых подразделений в структуре горкомов и райкомов партии. Например, в июле 1968 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «О создании в Череповецком горкоме КПСС отдела строительства», в котором высказал просьбу «разрешить создать в Череповецком горкоме партии отдел строительства со штатом заведующего и двух инструкторов за счет существующих штатов горкома КПСС, сократив при этом должность заместителя заведующего промышленно-транспортным отделом и двух инструкторов отделов горкома партии» [4, л. 1].

В ноябре 1969 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «О создании промышленно-транспортных отделов в Шекснинском и Чагодощенском райкомах КПСС Вологодской области», в котором отмечалось, что «в Шекснинском районе промышленные предприятия ежегодно производят продукции на сумму свыше 31 млн рублей... По территории района проходит Волго-Балтийский водный путь, расположены Шекснинский район гидросооружений, Череповецкая ГРЭС, имеется 5 железнодорожных станций, 3 строительные организации, предприятия связи ... работает около 6 тысяч человек. В Чагодощенском районе 15 промышленных предприятий реализуют продукции на 24 млн рублей, здесь ведется реконструкция и расширение 3-х стекольных заводов, имеется две строительные организации, 4 железнодорожные станции, автотранспортное предприятие и предприятия связи ... работает около 5 тыс. человек ... обком партии просит создать в Шекснинском и Чагодощенском райкомах партии промышленно-транспортные отделы и увеличить дополнительно штаты в этих комитетах на две единицы: заведующего промышленно-транспортным отделом и инструктора с месячным фондом

заработной платы в каждом из указанных райкомов КПСС на 270 рублей» [5, л. 159-160].

В ноябре 1975 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении должностей ответственных и технических работников в горкомах и райкомах КПСС Вологодской области», в котором выразил просьбу «установить в горкомах, райкомах партии дополнительно 10 должностей ответственных и одного технического работника с месячным фондом заработной платы соответственно 1585 рублей и 90 рублей...». Речь шла, в частности, о следующих ответственных должностях: заместителе заведующего промышленно-транспортного отдела Череповецкого горкома КПСС, инструкторах промышленно-транспортных отделов Белозерского и Вожегодского райкомов, Октябрьского райкома г. Вологды [6, л. 99, 101].

Просьбы обкома партии относились и к созданию сельскохозяйственных отделов районных партийных комитетов. Так, в ноябре 1969 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «О создании сельскохозяйственных отделов в Вологодском и Череповецком райкомах КПСС Вологодской области», в котором сообщалось, что «в Вологодском районе имеется 38 сельскохозяйственных предприятий, которые подчинены 11 различным ведомствам: 13 – подчинены Вологодскому тресту молочно-овощеводческих совхозов, 10 – областному управлению сельского хозяйства, 2 – Министерству сельского хозяйства РСФСР, 3 – тресту «Птицепром», 2 - тресту свиноводческих совхозов, 1 – тресту «Скотооткром», 1 – ДОРУРСу Северной железной дороги, 1 – ОРСу Сухонского речного пароходства, 3 – Северо-Западному научно-исследовательскому институту молочного и лугопастбищного хозяйства, 2 – областному объединению «Сельхозтехника», 1 – областному управлению мелиорации и водного хозяйства. В Череповецком районе 14 совхозов находятся в составе Череповецкого треста молочно-овощеводческих совхозов, 3 – в Вологодском тресте свиноводческих совхозов, 2 - в областном тресте «Скотооткром», 2 – в тресте «Птицепром», 5 колхозов в Череповецком межрайонном управлении сельского хозяйства. Кроме этого, в районе имеется 12 различных других сельскохозяйственных предприятий, которые так же подчинены различным ведомствам. При такой межведомственной подчиненности в районе нет органа, координирующего их деятельность ... обком партии просит создать в указанных райкомах КПСС сельскохозяйственные отделы и увеличить дополнительно штаты в этих комитетах на три единицы: заведующего сельскохозяйственным отделом и двух инструкторов с месячным фондом заработной платы в каждом из указанных райкомов КПСС на 390 рублей» [5, л. 162-163].

Однако Центральный комитет КПСС удовлетворял не все просьбы региональных чиновников. Например, в ноябре 1977 г. секретарь Вологодского обкома КПСС А. Корнилов направил в ЦК КПСС письмо «О создании

промышленно-транспортного отдела в Чагодощенском райкоме КПСС», в котором отмечалось, что «на территории Чагодощенского района расположено 26 предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи и бытового обслуживания, в которых работает 5,6 тысяч человек... Годовой объем реализации промышленной продукции составляет 22,7 млн рублей, строительно-монтажных работ – 5,0 млн рублей... в аппарате райкома КПСС имеется 13 ответственных работников. В целях усиления партийного руководства предприятиями промышленности, строительства, транспорта и связи обком партии просит ЦК КПСС создать в Чагодощенском райкоме партии промышленно-транспортный отдел, увеличить штаты в этом партийном комитете на две единицы: заведующего отделом и инструктора с месячным фондом заработной платы 370 рублей» [7, л. 92]. Эта просьба не была удовлетворена.

Спустя пять лет Вологодский обком партии вновь обратился в ЦК КПСС с аналогичным письмом. В ноябре 1982 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин выразил просьбу об установлении должностей «заведующего и инструктора промышленно-транспортного отдела в Чагодощенском райкоме КПСС», указав, что на территории Чагодощенского района «расположено 26 предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи и бытового обслуживания населения с общей численностью работающих более 6 тысяч человек... Годовой объем реализуемой промышленной продукции составляет 22 млн рублей, строительно-монтажных работ – 5 млн рублей» [2, л. 130-131].

Региональный комитет коммунистической партии был заинтересован расширении состава парткомов промышленных предприятий. Так, в ноябре 1970 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении ставок освобожденных работников в партийных организациях предприятий промышленности, транспорта и строительства Вологодской области», в котором высказал просьбу «установить дополнительно должности освобожденных работников в партийных организациях промышленных, транспортных предприятий и строек с месячным фондом заработной платы 1479 рублей...». Речь шла, в частности, о секретарях партийных организаций ГПЗ-23, локомотивной службы железнодорожного цеха, железопроволочного цеха, электросталеплавильного цеха Череповецкого металлургического завода, строительства Череповецкой ГРЭС [8, л. 171-173].

В ноябре 1975 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС докладную записку, в которой отметил, что «в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 4 ноября 1975 года за № 2443-р в г. Череповце на базе треста «Череповецметаллургстрой» образовано Всесоюзное объединение «Череповецметаллургхимстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР. В составе объединения вновь организованы тресты «Череповецметаллургстрой», «Череповецхимстрой», «Череповецжилстрой», «Череповецстроймеханизация»

и «Череповецспецстрой» ... обком КПСС просит ЦК КПСС установить дополнительно 4 должности освобожденных секретарей партийных комитетов с месячным фондом заработной платы 1012 рублей...». Речь шла о следующих должностях: секретарей парткомов трестов Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой»: Череповецметаллургстрой, Череповецжилстрой, Череповецстроймеханизация, Череповецспецстрой [6, л. 123-124].

В том же месяце первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении должностей ответственных и технических работников в первичных партийных организациях Вологодской области», в котором выразил просьбу «установить дополнительно 8 должностей освобожденных ответственных и 2 технических работников в первичных партийных организациях с месячным фондом заработной платы соответственно 1454 рубля 30 копеек и 207 рублей...». Речь шла, в том числе, о следующих должностях: секретарях парткомов объединения «Облмежколхозстрой», производственного объединения ремонта и пошива одежды «Вологдаоблшвейбыт», цехов отдела главного энергетика Череповецкого металлургического завода, заместителе секретаря парткома Вологодского льнокомбината имени 50-летия ВЛКСМ [6, л. 125-126].

В ноябре 1978 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении должностей ответственных и технических работников в партийных организациях Вологодской области», в котором выразил просьбу «установить 16 должностей освобожденных ответственных и 5 должностей технических работников в партийных организациях с месячным фондом заработной платы соответственно 3164 рубля и 540 рублей...». Речь шла об установлении следующих ответственных должностей: заместителей секретарей парткомов 23-ГПЗ, Вологодского ж/д узла, монтажных организаций Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой», Череповецкого сталепрокатного завода, производственного лесозаготовительного объединения «Череповецлес», Верховажский и Тотемский леспромхозы. Кроме того, указывались следующие необходимые технические должности: секретарей парткомов цеха энергоснабжения Череповецкого металлургического завода, трестов «Череповецстальстрой» и «Череповецстрой» Всесоюзного объединения «Череповецметаллургхимстрой», треста «Череповецстальконструкция», Череповецкой ГРЭС [9, л. 54-59].

Руководство обкома партии высказывало просьбы ЦК КПСС и в отношении увеличения партийных работников в организациях сельского хозяйства. Так, в ноябре 1970 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении должностей освобожденных секретарей первичных партийных организациях совхозов и колхозов Вологодской области», в котором от имени обкома просил «установить дополнительно должности освобожденных секретарей первичных

парторганизаций: в 9 совхозных партийных организациях с месячным фондом зарплаты 1245 рублей... в 10 колхозных первичных партийных организациях с месячным фондом зарплаты ... 1052 рубля 50 коп...» [8, л. 178]. В том же месяце А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении ставок освобожденных секретарей партийных организаций вновь созданных совхозов Вологодской области», в котором от имени обкома просил «установить должности освобожденных секретарей парторганизаций в четырех вновь созданных совхозах с месячным фондом зарплаты 485 рублей (за вычетом имеющийся доплаты 30 рублей в совхозе «Теплогорье» Великоустюгского района, образованного на базе колхоза «Россия»)» [8, л. 199].

В ноябре 1975 г. первый секретарь Вологодского обкома КПСС А.С. Дрыгин направил в ЦК КПСС письмо «Об установлении должностей освобожденных секретарей первичных партийных организациях в совхозе, колхозе и птицефабрике Вологодской области», в котором высказал просьбу «установить дополнительно должности освобожденных секретарей парторганизаций в совхозе, колхозе и птицефабрике с месячным фондом заработной платы 470 рублей...». Речь шла о должностях секретарей парткомов объединения совхоза «Лежский» Грязовецкого района, колхоза имени Кирова Кирилловского района, птицефабрики «Вологодская» Вологодского района [6, л. 135-136].

Приведенные материалы позволяют вести речь об осуществлении в изучаемый период обкомом КПСС организационной и кадровой политики, направленной на увеличение подразделений и их штатного состава, занимающегося управлением производственными процессами в регионе. Официально данная политика была оформлена в партийном уставе.

В марте-апреле 1971 г. состоялся XXIV съезд КПСС. Он внес изменения в устав партии. В частности, было решено «распространить положение Устава КПСС о праве контроля деятельности администрации на первичные парторганизации всех проектных организаций, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов, учебных заведений, культурно-просветительских, лечебных и других учреждений... В отношении партийных организаций министерств, государственных комитетов и других центральных и местных советских, хозяйственных учреждений и ведомств определить, что они осуществляют контроль за работой аппарата по выполнению директив партии и правительства, соблюдению советских законов...» [10, с. 103]. Следовательно, партийные органы приобрели право полного контроля над любыми организациями и учреждениями в стране.

Таким образом, в изучаемый период партийные чиновники осуществили полный контроль над местной промышленностью. Региональные органы КПСС стали полномасштабно влиять на функционирование производственного сектора, управлять экономическими процессами. Ответственные партийные работники расширили свои возможности по использованию средств и результатов производства.

Список литературы:

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-2522. Оп. 72. Д. 89.
2. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 96. Д. 77.
3. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 65. Д. 56.
4. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 72. Д. 88.
5. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 72. Д. 205.
6. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 83. Д. 71.
7. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 83. Д. 361.
8. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 73. Д. 62.
9. ГАВО. Ф. П-2522. Оп. 86. Д. 62.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 12. 9-е изд. - М.: Издательство политической литературы, 1986. - 574 с.

Мальцева Светлана Георгиевна

кандидат философских наук, доцент

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта

SPIN-код: 9272-9081

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Аннотация: Трансформация понятия свобода представляет собой, в числе прочего, и становление культурного кода. Многогранность и глубина категории свобода не дает возможности ее константного, окончательного терминологического определения. Подобная открытость делает проблематику свободы притягательной для философской рефлексии, находит отражение в литературе. Эволюция понятия свобода в литературно-философской мысли коррелирует с развитием национального самосознания. Антропологическая ориентация литературных произведений позволяет выявить многоаспектность данной категории. В литературе, прежде всего, раскрывается этическая составляющая свободы, что ещё сильнее объединяет отечественную литературную и философскую мысль.

Ключевые слова: философия, этика, литература, свобода, культурный код.

THE EVOLUTION OF THE UNDERSTANDING OF FREEDOM IN RUSSIAN LITERARY AND PHILOSOPHICAL THOUGHT AS ONE OF THE ASPECTS OF THE FORMATION OF A CULTURAL CODE

Summary: The transformation of the concept of freedom represents, among other things, the formation of a cultural code. The versatility and depth of the category of freedom does not allow for its constant, final terminological definition. Such openness makes the issue of freedom attractive for philosophical reflection and is reflected in literature. The evolution of the concept of freedom in literary and philosophical thought correlates with the development of national self-awareness. The anthropological orientation of literary works allows us to reveal the multidimensionality of this category. In literature, first of all, the ethical component of freedom is revealed, which further unites Russian literary and philosophical thought.

Keywords: philosophy, ethics, literature, freedom, cultural code.

Категория свободы является одним из ключевых компонентов культурного кода российского народа. Вместе с тем свобода является одной из наиболее сложных философских категорий, проблематика ее осмысления

постоянно актуализируется в связи со сменой культурно-исторических эпох, открывающих все новые грани, требующие осмысления. Данная категория совмещает в себе метафизический, онтологический, антропологический и многие другие аспекты. В контексте представленной темы важно восприятие свободы как метафизически-антропологического свойства личности, которое обуславливает её способность выступать в качестве первопричины совершаемых нравственных поступков и социальных действий. Проблема осмысления свободы остается открытой, так как не имеет границ, как и сама свобода, которой невозможно дать точное, константное, всеохватное терминологическое определение. Тем не менее, можно выявить определенную традицию изучения данного феномена.

Одной из важнейших составных частей отечественной культуры является литература, которая в своем раскрытии понятия свобода предстает синтезом философии и искусства. Именно поэтому произведения Ф.М. Достоевского стали предметом исследования таких представителей русской философии, как Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др. В дальнейшем их философские искания оказали большое воздействие на развитие литературы, особенно это касается первой волны русской эмиграции XX века. Проблеме свободы уделяли внимание мыслители русского зарубежья - Г.В. Адамович, Г.П. Струве, С.А. Левицкий, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Н.Н. Берберова, Г.П. Федотов, К.В. Мочульский. Они во многом раскрывают нам интерпретацию свободы в литературе русского зарубежья. Современные авторы также часто избирают в качестве метода исследования философско-литературный анализ (А.Ф. Замалеев, А.И. Бродский, В.Н. Назаров).

Свобода входит в постоянное соотношение со всеми аксиологическими категориями, которыми оперирует в своем сознании индивид, что усиливают интерес к ней со стороны философской и культурологической мысли, что, в конечном итоге и делает ее одной из важнейших составляющих культурного кода. Дилемма свободы, заключающаяся, на наш взгляд в том, что достижение положительной свободы человеком невозможно без установления им для себя определенных моральных ограничений, что подтверждается анализом художественных текстов таких авторов как Ф.М. Достоевский, Е.И. Замятин, В.В. Набоков и философских воззрений Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева; прежде всего свобода ограничивается ответственностью.

Еще одной неизменной дилеммой остается дилемма личностного и социального подхода к изучению означенной категории. Отечественная литература XIX века, в частности Ф.М. Достоевский, углубленно изучала внутренний мир индивида и личностную свободу, в то время как социально ориентированная литературная критика в лице, таких ее представителей, как Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, ставила в прямую зависимость социальную свободу и нравственное развитие человека. Личностная свобода может быть ориентирована на индивидуализм, что в отечественной литературной традиции освещается как трагический путь (герои М.Ю. Лермонтова, Ф.М.

Достоевского), или на «соборность», что выводит человека на «праведный путь» (как-то явлено во множестве произведений древнерусской литературы). При этом грань между понятиями «Я» и «Мы» в «соборности» (прежде всего в её искаженном варианте) может стать столь тонкой, что опасность раствориться в чужой аксиосфере или практически слиться с общественным сознанием тоже постоянно присутствует (Е.И. Замятин). Период рубежа XIX- XX веком стал временем предельной индивидуализации, в философской и литературной мысли осознание значимости личности достигает своей концентрации, но происходит революция 1917 года и практика послереволюционной действительности отвергает подобные взгляды и теории и настойчивым идеологическим давлением настаивает на приоритете общественного над личностным началом. В такой ситуации платой за свободу становилась вынужденная эмиграция, как-то и было с философами, литераторами и другими представителями отечественной интеллигенции в начале XX века.

Кроме личностной свободы философско-литературная мысль активно изучала те аспекты свободы, которые можно охарактеризовать как духовная, социальная, историософская свобода и свобода творчеств.

Исследование духовной свободы в русской литературе неразрывно связано не только с отечественной философией, но и с теологией. Проблема взаимоотношений человека с Богом становится одновременно и проблемой постоянного выбора аксиологических ориентиров, жизненного пути и целом существования. Особое внимание уделялось духовной свободе в агиографических произведениях, патериках и т.п. произведениях, ставших неотъемлемой частью отечественной литературы. Именно такие произведения в период, называемый древнерусской литературой, напрямую формировали общественную мысль.

С началом XVIII века, с приходом к власти Петра I происходит переориентация на светское начало и власть ориентируется на возможность «построения» идеальной культуры и общества. Соответственно интерес общественной и литературной мысли отходит от духовной свободы и занимается проблемой свободы социальной, в данном исследовании понимаемой как соотношение личной свободы, проявляемой через индивидуальность личности и социальных обстоятельств, того, что предлагает человеку общество. В чем-то здесь проявляется и гуманизация общества, так перед человеком раскрываются возможности карьерного и социального роста, не зависящие от сословной принадлежности, подобные сценарии представлены и в литературных произведениях («Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли» и т.п.). Примеры Александра Меншикова и Марты Скавронской дают возможность воспринимать подобные произведения не как сказочные, а как реалистичные. Но впоследствии тема социальной свободы политизируется, что нашло отражение в частности в литературных и философских текстах декабристов; приходит осознание необходимости изменения социальных обстоятельств для

достижения свободы (писатели-демократы XIX века) и после 1917 года тема постепенно доводится до абсурда, когда происходит подмена понятий и жесткий политический режим в литературе воспевается и восхваляется, в том числе и за предоставление социальной свободы.

Интерес к исследованию духовной свободы человека, возродившийся во второй половине XIX века представлен в литературе экзистенциально-религиозными исканиями Ф.М. Достоевского, особенно ярко выраженными в романах «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание». Все последующие поколения философов и литераторов, в том числе мыслители русского зарубежья, будут неоднократно обращаться к его творческому наследию и «вести» смысловые нити от его идей к проблемам их современности. Николай Бердяев в произведении «Мирозерцание Достоевского» отводит отдельную главу проблематике свободы (Глава III «Свобода»), располагая ее сразу за главой «Человек». Там он, в частности, отмечает: «Тема о человеке и его судьбе для Достоевского есть прежде всего тема о свободе. Судьба человека, его страдальческие странствования определяются его свободой. Свобода стоит в самом центре мирозерцания Достоевского» [1, с.262]. Бердяев отмечал, что идея свободы заложена в центре антропологического сознания писателя, у которого без свободы нет человека, который всю свою диалектику о человеке и его судьбе ведет как диалектику о судьбе свободы. Вместе с этим он отмечает, что путь свободы — это путь страдания, тем не менее этот путь должен быть до конца пройден человеком.

Под историческою свободой здесь подразумевается историческое понимание свободы России, в том числе свободы исторического пути. В данном аспекте наиболее значимыми представляются труды философов В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева. В.С. Соловьев отмечал парадоксальность свободы, обусловленную детерминизмом добра. Парадоксальность проявляется в расхождении путей истории и в возможности проявления свободы только при выборе пути зла, при том, что в реальности тенденции детерминизма направляют весь исторический процесс к торжеству добра (по В.С. Соловьеву - к воплощению в мире божественной идеи). На становление российского культурного кода в плане восприятия других народов безусловно оказала влияние мысль В.С. Соловьева о том, что: «Требование любить другие народности, как свою собственную, вовсе не означает психологической одинаковости чувства, а только этическое равенство волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как и своему собственному; эта «любовь благоволения» одинакова уже потому, что истинное благо едино и нераздельно» [4, с.438]. Её развернутое обоснование можно почерпнуть из его труда «Оправдание добра» (Часть третья Доброе через историю человечества, глава 14 Национальный вопрос с нравственной точки зрения).

Свобода формирования и развития писателя (творческой личности) и реализации им своих идей через художественные произведения есть свобода

творчества, ориентированная, прежде всего, на личностное начало, на взаимосвязь между внутренним видением определенной модели и внешним ее отображением; она сопряжена с большой мерой ответственности за то, что человек проявляет в мир, чему он учит современников и будущие поколения. Философ, литературовед С.А. Левицкий отмечал, неразрывную связь истинной свободы с творческой активностью. «Только активно проявляя себя, вступая в связь с другими деятелями и преодолевая «сопротивление материалов», деятель может активно осуществлять свою свободу. (...) но философская мысль на протяжении многих веков одностроннее сосредотачивалась на свободе, понимаемой в смысле выбора, упуская из виду, что подлинная свобода означает нечто большее, чем только выбор. Она означает творческое искание новых путей и возможностей» [3, с.141-142].

Бердяев акцентировал внимание на том, что смысл человеческой жизни, религиозный смысл не исчерпывается искуплением греха, он имеет и творческие задачи. «Цель человека не спасение, а творческое восхождение, но для творческого восхождения нужно спасение от зла и греха» [2, с.335].

Ярчайшим примером постановки проблемы свободы творчества в литературных произведениях являются романы Е.И. Замятина «Мы» и В.В. Набокова «Приглашение на казнь». Для героя романа «Мы» Д-503 «литературное» творчество представляется исповедью перед «неведомыми друзьями», читателями, тем, что он оставит после себя на Земле. Его записи есть проявление его творческого начала, воспринимаемое им как проблему связи личной свободы и ответственности перед самим собой, социумом, перед предшествующими и последующими поколениями. Свобода в романе рассмотрена и в социальном, и в личностном, и в духовном аспектах; и аспект свободы творчества является здесь их связующим элементом. В.В. Набоков обращается к теме свободы практически во всех своих романах, например, «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Защита Лужина», показывая различные ее грани, раскрывая такие свойства как искусительность, провокационность, иллюзорность (в обманчивости надежд на обретение свободы как гарантии обретения личного счастья) и дуалистичность. В «Приглашении на казнь» творчество Цинцинната представлено как важнейшая составляющая его аксиосферы, как личное пространство, как не принимаемое обществом. В обоих романах мы видим пример того, что тоталитарное общество не просто отрицает лучшее, будь то творчество как ценность или как личное пространство, но оно готово жестоко расправиться с теми, кто мыслит по-другому, кто способен своими идеями поколебать государственные устои.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русская философская, равно как и литературная мысль постоянно находилась в дилемме личностного и социального подхода к изучению такой сложной категории как свобода. Представляется, что в своей конечной глубине смысл заключается в их общности. Прежде всего, выделяется явленность этической составляющей категории свобода в отечественной философской и литературной мысли;

соответственно, она же представляется определяющей при становлении рассмотренного аспекта культурного кода российского народа.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского /Русская идея. Миросозерцание Достоевского. – М.: Издательство «Э», 2016. – 509 с.
2. Бердяев, Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – 3-е изд. - Париж: YMKA-PRESS, 1991. – С.335.
3. Левицкий, С.А. Трагедия свободы. – М.: Канон, 1995. – 512 с.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. — 656 с.

Массов Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 7903-9141

**УЧАСТИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА ПРОФЕССОРА
А.А. ВАСИЛЬЕВА В ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ ПО СЛУЧАЮ 50-
ЛЕТИЯ МЕЛЬБУРНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1906 Г.**

Аннотация: Статья посвящена одной из заметных страниц в истории начального периода научных контактов России и Австралии, а именно участию в 1906 г. в качестве представителя России на праздновании 50-летнего юбилея Мельбурнского университета выдающегося российского историка-византиноведа профессора Дерптского университета А.А. Васильева. Российский профессор в качестве почетного гостя принял участие во всех мероприятиях праздника, а также дал обширное интервью австралийской прессе, в котором с позиций либерала-конституционалиста обрисовал положение дел в России, переживавшей события первой русской революции. По возвращении на родину А.А. Васильев опубликовал статью о своей поездке, где представил развернутую картину деятельности Мельбурнского университета – хорошо оснащенного и финансово независимого учебного заведения, свободного от какого-либо вмешательства или давления на его деятельность правительственных или клерикальных кругов. Характер подачи материала, тон изложения статьи не оставляют сомнений, что А.А. Васильев хотел бы видеть столь же благополучными и самодостаточными, столь же независимыми в политическом плане университеты России. Эта публикация профессора Дерптского университета представляла интерес не только для лиц, профессионально сопричастных системе народного просвещения России, но также для гораздо более широкого круга образованных и либерально настроенных слоев русского общества. Она поддерживала тот образ «Счастливой Австралии», «Социальной лаборатории человечества», который сформировался к началу XX в. в России и для многих русских служил своего рода ориентиром в деле грядущей модернизации своей страны. Участие А.А.Васильева в праздновании юбилея Мельбурнского университета фактически положило начало контактам по академической линии между учеными двух стран, которые, однако, были прерваны после Октябрьской революции 1917 г. в России.

Ключевые слова: А.А. Васильев, Мельбурнский университет, Россия, Австралия, система высшего образования, российско-австралийские научные связи.

PARTICIPATION OF RUSSIAN HISTORIAN PROFESSOR ALEXANDR VASILYEV IN ANNIVERSARY CELEBRATIONS ON THE OCCASION OF THE 50TH ANNIVERSARY OF THE UNIVERSITY OF MELBOURNE IN 1906

Summary: The article is devoted to one of the significant pages in the history of the initial period of scientific contacts between Russia and Australia, namely the participation in 1906 as Russia's representative at the celebration of the 50th anniversary of the University of Melbourne of the outstanding Russian historian-orientalist Professor of the Dorpat University Alexandr Vasilyev. The Russian professor, as an honored guest, took part in all the events of the holiday, and also gave an extensive interview to the Australian press, in which he outlined the state of affairs in Russia, which was going through the events of the first Russian revolution, from the position of a liberal constitutionalist. Upon returning home Vasilyev published an article about his trip, where he presented a detailed picture of the activities of the University of Melbourne – a well-equipped and financially independent educational institution, free from any interference or pressure on its activities from government or clerical circles. The nature of the presentation of the material and the tone of the article leave no doubt that Vasilyev would like to see Russian universities same prosperous, self-sufficient and politically independent. This publication by a professor at the Dorpat University was of interest not only to those professionally involved in the system of public education in Russia, but also to a much wider circle of educated and liberal-minded strata of Russian society. The article supported the image of “Happy Australia”, the “Social Laboratory of Humanity”, which was formed by the beginning of the twentieth century in Russia and for many Russians it served as a kind of guideline in the future modernization of their country. Vasilyev's participation in the celebration of the anniversary of the University of Melbourne actually marked the beginning of academic contacts between scientists of the two countries, which, however, were interrupted after the October Revolution of 1917 in Russia.

Keywords: Alexandr Vasilyev, University of Melbourne, Russia, Australia, the system of higher education, Russian-Australian scientific relations.

Контакты между Россией и австралийскими переселенческими колониями установились еще в начале XIX в., но долгое время они носили ограниченный характер и сводились, главным образом, к посещению Австралии в первой половине XIX в. участниками русских кругосветных экспедиций и судами Российско-американской компании, а во второй половине позапрошлого столетия – к посещению австралийских портов кораблями русской тихоокеанской эскадры. Лишь в последней четверти XIX в и, особенно, с началом XX столетия после образования в 1901 г. Австралийского Союза может быть отмечена известная диверсификация российско-австралийских связей. В Мельбурне и Сиднее приступают к работе российские консулы,

обозначают себя торгово-экономические связи, впрочем, так и не принявшие сколько-нибудь значительных размеров, начинают налаживаться культурный и научный обмен.

Одной из заметных страниц в истории начального периода научных контактов России и Австралии стал визит в 1906 г. на пятый континент выдающегося российского историка профессора А.А. Васильева. Александр Александрович Васильев (1867–1953 гг.) русский историк-востоковед, специалист по истории арабского мира и Византии, к началу XX в. был уже известным и признанным ученым. С 1904 г. он занимал должность профессора Дерптского университета по кафедре всеобщей истории [2]. В 1906 г. А.А. Васильев стал единственным представителем российских университетов, который сумел лично отправиться в Австралию на торжества по случаю пятидесятилетия Мельбурнского университета, и при этом оказался первым представителем университетского сообщества России, которого принимали в Австралии. За четыре года до его визита, в 1902 г. в Австралии отмечалось пятидесятилетие Сиднейского университета, однако тогда, несмотря на полученные приглашения, никто из представителей университетов России в Австралию попасть не смог, были лишь посланы приветственные адреса от Дерптского, Харьковского, Киевского, Московского университетов, от университетов Варшавы и Гельсингфорса. А.А. Васильев также, помимо поздравления от университета в Дерпте, доставил и передал организаторам торжеств поздравительные адреса от Императорского Санкт-Петербургского университета и Петербургского женского педагогического института.

Мельбурнский университет на предстоящее празднество пригласил представителей многих британских и зарубежных университетов, однако большинство из них назначило своими представителями «местных» австралийских исследователей, в той или иной мере связанным с теми учебными заведениями, которых они были призваны представлять. В итоге на юбилей Мельбурнского университета из-за рубежа приехали только двое иностранных ученых: историк А.А. Васильев из России и зоолог, профессор Токийского университета Исикава Тиёмацу. Австралийцы, естественно, уделили им особое внимание и, как писал об этом сам А.А. Васильев, «прием приехавших гостей со стороны Мельбурнского университета отличался необыкновенным радушием» [1, с. 37].

Торжества продолжались неделю, с 23 по 29 апреля. В них принимали участие не только администрация, профессура и студенты университета, но и приглашенные на праздник гости из других австралийских университетов, а также губернатор штата Виктория сэр Реджинальд Тэлбот и генерал-губернатор Австралийского Союза лорд Генри Норткот. Празднование вылилось в череду торжественных заседаний, приемов и банкетов, которые были организованы как администрацией университета, так представителями властей штата и Австралийской федерации. А.А. Васильева приятно удивила отличная организация торжеств: «Очень трудная сторона всяких юбилеев и конгрессов,

это чисто внешняя организация и порядок, были в Мельбурне безукоризненны; все было предусмотрено, подготовлено» [1, с. 45]. Несколько покорило профессора из России лишь одно обстоятельство: участвовавшие в празднествах студенты вели себя чрезвычайно шумно, а одобрение выражали громким свистом. «Для меня было новостью, – описывает свои впечатления А.А. Васильев, – что свист в Австралии является знаком одобрения, а не порицания» [1, с. 43]. Большая часть юбилейных мероприятий предварялась или завершалась концертами, причем, как с удовлетворением отмечает А.А. Васильев, «русская музыка не совсем чужда Австралии» [1, с. 44]. Среди исполняемых произведений звучала музыка П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, А.Г. Рубинштейна.

А.А. Васильев принимал участие во всех юбилейных мероприятиях, причем он, как гость из далекой России, вызывал особый интерес. Русский профессор оказался в числе шести избранных участников празднества, которые были приглашены на завтрак к губернатору Виктории, причем его посадили за столом рядом с сэром Реджинальдом. У А.А. Васильева постоянно брали автографы, а поздравительные адреса от университетов России, выставленные наряду с поздравительными адресами от университетов других стран, привлекали – как, возможно, с долей преувеличения утверждает профессор – «наибольшее внимание» публики [1, с. 38]. 24 апреля А.А. Васильев выступил на центральном мероприятии юбилейных торжеств, состоявшемся в актовом зале университета. В своей речи А.А. Васильев, произнеся подобающие случаю слова поздравления университету Мельбурна, остановился на проблемах образования и науки в России. По словам русского ученого, несмотря на революционное брожение («тяжелый кризис», как выразился А.А. Васильев), которое происходит на его родине, русские наука и система образования продолжают свое развитие. При этом он с большим одобрением отозвался о становлении и успехах женского образования в России и Австралии. Особый эффект его речи придало обращение А.А. Васильева к своему японскому коллеге Исикава Тиёмацу. Русский профессор, «определив между прочим науку как эмблему мира, протянул на нейтральной почве Виктории, на этом празднике мировой науки, руку дружбы своему японскому коллеге» [1, с. 40]. Присутствовавший тут же японский профессор в ответ пожал руку профессора русского. Этот демонстративный жест двух недавних противников по русско-японской войне произвел сильнейшее впечатление на присутствующих и вызвал овацию, не прекращавшуюся в течение нескольких минут. Естественно, что этому неожиданному и по своему драматическому эпизоду уделили внимание все австралийские газеты (см, например, [10, р. 6; 15, р. 1; 7, р. 4]).

Надо сказать, что и в других отношениях австралийская пресса ни в коей мере не обделяла вниманием гостя из России. «Русский профессор, очень симпатичный на вид, хотя, как кажется, несколько сдержанный в своем поведении», производил самое благоприятное впечатление [9, р. 40], Повышенный интерес к представителю России объяснялся еще и тем, что, с

одной стороны, визиты известных зарубежных ученых в Австралию были все еще не частым явлением. С другой, гость был из России – страны, где бушевала революция, способная, как считалось, превратить деспотическую по австралийским понятиям царскую монархию в нормальное европейское государство.

В ряде австралийских газет было опубликовано большое интервью А.А. Васильева, которое он дал местным журналистам [11, р. 6; 12, р. 6; 13, р. 2]. Интервью предвещало рассказам об исследованиях российского профессора. При этом подчеркивалась высокая научная значимость его работ по истории Византии и Арабского Востока, свободное владение восемью европейскими и восточными языками и отмечалась незаурядная научная репутация А.А. Васильева среди ученых Европы и Америки. Особый интерес вызывало то обстоятельство, что, как утверждали австралийские газетчики, гость из России принадлежит к той когорте русских интеллектуалов, которые влияют на изменение политической линии российского правительства «в направлении, присущем другим цивилизованным странам» [11, р. 6]. Сам А.А. Васильев, заявив в интервью, что он убежденный патриот России и верит в свой народ и будущее своей страны, вполне в духе русской либеральной интеллигенции высказался за общественное переустройство России по европейским лекалам. Для этого, по мнению ученого, нужны продолжение конституционных преобразований и неустанная забота о просвещении народа. Такого рода изменения вполне возможны без революционных эксцессов, а лишь за счет усилий молодого российского парламента. «Что касается меня, то я очень верю в Думу». – заявил А.А. Васильев [11, р. 6]. Он также высказал убеждение, что «положения царского манифеста будут выполнены», и в итоге Россия сумеет преодолеть те трудности, с которыми она столкнулась [11, р. 6]. Видимо, желая оказать любезность гостеприимным австралийским хозяевам и отнюдь не греша при том против истины, А.А. Васильев особо подчеркнул, что образованная часть русского общества хорошо знает об успехах Австралии в деле развития ее демократической политической системы, законодательства в области социальных отношений и ее системы образования [11, р. 6].

В Австралии помимо Мельбурна (где А.А. Васильев задержался еще на 10 дней после окончания юбилейных торжеств) русский профессор побывал в Аделаиде, Хобарте и Сиднее, а затем в Новой Зеландии. Всюду он стремился посетить и осмотреть высшие и средние учебные заведения. По возвращении в Россию А.А. Васильев написал и опубликовал в «Журнале министерства народного просвещения» большую статью «Пятидесятилетний юбилей Мельбурнского университета» о своей поездке в Мельбурн [1, с. 29–46]. Помимо детального описания хода юбилейных торжеств, А.А.Васильев представил в своей статье подробнейшую справку о Мельбурнском университете. Он изложил историю его создания и этапы развития, охарактеризовал современное состояние университета. А.А. Васильев затрагивает практически все аспекты деятельности этого учебного заведения –

его структуру и специализацию университетских колледжей, стоимость обучения и распорядок дня студентов (жизнь которых в колледжах «подвергается довольно строгому режиму» [1, с. 37]), количественные и качественные показатели материальной базы, источники и уровень финансирования. Подробно описывается положение и права профессорско-преподавательского корпуса. Профессора избираются на свою должность пожизненно, однако Совет университета может лишить того или иного преподавателя должности либо из-за проблем со здоровьем, мешающим работе, либо за «недостойное поведение». Кроме того, профессора вуза не имеет права быть членами парламента или участвовать в работе какой-либо политической партии [1, с. 36].

В настоящее время, о чем с явным одобрением отзывается А.А. Васильев, университетское сообщество Австралии озабочено налаживанием координации работы всех австралийских университетов. Об этом говорилось на конференции представителей университетов Австралии и Новой Зеландии, которая проходила в Мельбурне во время юбилейных торжеств. Речь на ней шла о необходимости унификации сроков учебного процесса, о правилах перехода студентов из одного университета в другой, о взаимном признании научных степеней преподавателей и дипломов студентов. Высказывалось настоятельное пожелание о регулярном характере совещаний представителей университетов, где можно было бы обсуждать насущные вопросы их деятельности [1, с. 40–41].

По сути дела, в своей статье А.А.Васильев нарисовал картину жизни современного, хорошо оснащенного и финансово независимого учебного заведения, свободного от какого-либо вмешательства или давления на его деятельность правительственных или клерикальных кругов. В статье не говорится об этом прямо, но характер подачи материала, тон изложения не оставляют сомнений, что А.А. Васильев хотел бы видеть столь же благополучными и самодостаточными, столь же независимыми в политическом плане университеты России.

Статья А.А. Васильева не только знакомила лиц, профессионально сопричастных системе народного просвещения России с достижениями высшего образования Австралии – страны, далеко обогнавшей Российскую империю по охвату и доступности образования для широких народных масс. Публикация профессора Дерптского университета представляла также интерес для более широкого круга образованных, либерально настроенных слоев русского общества. Она поддерживала тот образ «Счастливой Австралии», «Социальной лаборатории человечества», который сформировался к началу XX в. в России и для многих русских служил своего рода ориентиром в деле грядущей модернизации своей страны.

Незадолго до отъезда из Мельбурна студентки Мельбурнского университета вручили А.А. Васильеву и попросили передать в дар слушательницам петербургского Женского педагогического института роскошный альбом с видами университетских зданий. Эта была своего рода

благодарность русским студенткам за поздравительный адрес, доставленный в Австралию А.А. Васильевым [8, р. 4; 16, р. 3].

С сожалением покидал русский профессор Мельбурн, уезжая «по всей вероятности, навсегда». «Тяжело было покидать мельбурнцев, – пишет он, – с которыми столкнула меня судьба... и я... чувствовал, что оставляю там ... хороших друзей». «По моему впечатлению, – заключает свой рассказ о пребывании на пятом континенте А.А. Васильев – гостеприимство в Австралии шире, проще и душевнее гостеприимства Старого Света; более всего оно напоминало мне гостеприимство русское» [1, с. 45]. Свою поездку в Австралию русский профессор оценил как «редкую, поучительную и в высшей степени... интересную страницу» в своей биографии [1, с. 46]. Добавим, что статья А.А. Васильева о его поездке в Мельбурн была замечена в Австралии. Газета «Меркьюри», издававшаяся в столице Тасмании Хобарте, сообщила о ее выходе в свет и перепечатала благожелательные отзывы русского профессора о гостеприимстве австралийцев и об их стране в целом [14, р. 5].

Впереди у А.А. Васильева была достаточно долгая и плодотворная в научном отношении жизнь. С 1912 по 1922 г. он преподавал и был деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского педагогического института, затем – до 1925 г. профессором Петроградского/Ленинградского университета, с 1919 г. он – член-корреспондент Российской Академии наук. Однако в 1925 г. А.А. Васильев эмигрировал из СССР и обосновался в США, заняв должность профессора в Висконсинском университете. Там он заведовал кафедрой древней истории и заслужил репутацию «отца американского византиноведения». Перу А.А. Васильева принадлежит ряд монографий на русском и английском языках по истории Византии и ее отношениям с арабским миром [3, с. 47–50].

В Австралии А.А. Васильеву действительно больше побывать не удалось, однако его поездка и участие в праздновании юбилея Мельбурнского университета в 1906 г. фактически положила начало контактам по академической линии между учеными двух стран. В 1907-1908 гг. на островах Океании, в Новой Зеландии и Австралии побывал приват-доцент Санкт-Петербургского университета В.В. Святловский. В Австралии он собирал данные для изучения австралийского законодательства в области промышленности и оплаты труда. Кроме того, по поручению Императорской Санкт-Петербургской Академии наук он сумел собрать коллекцию этнографических артефактов и договорился с музеем города Перта об обмене коллекционными материалами с музеями Петербурга [6, с. 136 –138]. В 1913 г. также по заданию Академии наук в Перте, Аделаиде, Мельбурне, Хобарте, Сиднее и Брисбене побывал директор Никитского ботанического сада, известный ботаник (в будущем член-корреспондент АН СССР) В.Н. Любименко. Он установил научные контакты с учеными из университетов Австралии, а также привез в Россию семена и саженцы австралийских растений, которые были переданы Петербургскому ботаническому саду [4, с.

463– 469]. В 1914 г. в конгрессе Британской Ассоциации развития науки, который поочередно проходил в Аделаиде, Мельбурне и Сиднее участвовал известный русский педагог А.П. Нечаев. На заседании конгресса в Сиднее он выступил с докладом о русской экспериментальной педагогике и наладил сотрудничество с кафедрой педагогики Сиднейского университета [5, апрель, с. 263–248; май-июнь, с. 570–578]. Намечившиеся были взаимовыгодные и плодотворные контакты между учеными России и Австралии были прерваны после Октябрьской революции 1917 г. в России.

Список литературы:

- 1.Васильев А.А. Пятидесятилетний юбилей Мельбурнского университета (1856-1906) // Журнал министерства народного просвещения. – 1907. Ч. VIII. № 3. – Отд.4, с. 29–46.
- 2.Васильев Александр Александрович // Изучение религии в России в XVIII – первой половине XX в. – URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/vasilev-aleksandr-aleksandrovic>
- 3.Захаров О.И. Роль А.А. Васильева в развитии американского византиноведения // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки» – 2015. № 2(6). – С. 47–50.
- 4.Любименко В. Отчет о командировке на остров Яву и в Австралию // Известия Императорской академии наук. – 1914. № 7. – С. 461–478.
- 5.Нечаев А.П. В гостях у австралийцев // Исторический вестник. – 1917. Апрель. – С. 222–250; Май-июнь. – С. 568–603.
- 6.Розина Л.Г. В.В. Святловский – собиратель коллекций из Океании // Сборник Музея антропологии и этнографии (Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая). Т. 30. – Л.: Наука, 1974. – С. 127–139.
- 7.A Significant Scene // The Maitland Daly Mercury. 27 April 1906. P. 4.
- 8.About People // The Age. 24 May 1906. P. 4.
- 9.Melbourne Lady’s Letter // Australian Town and Country Journal. 2 May 1906. P. 40.
- 10.Russia and Japan. A Fraternal Shake Hands. University Reception Incident // The Argus. 25 April 1906. P. 6.
- 11.Russia’s Outlook. Interview with Professor Vasilyev. Hopeful Prospects // The Argus. 26 April 1906. P. 6.
- 12.Russia’s Outlook. Interview with Professor Vasilyev. Hopeful Prospects // Examiner. 2 May 1906. P. 6.
- 13.Russia’s Outlook. Interview with Professor Vasilyev. Hopeful Prospects // Tasmanian News 3 May 1906. P. 2.
- 14.Russian’s Impressions of Australia // The Mercury. 3 August 1907. P. 5.
- 15.Science v. War. Scene at the University Reception // Bendigo Independent. 26 April 1906. P. 1.
- 16.When Professor Vasilyev Left Russia to Visit Australia // Kalgoorlie Miner. 4 June 1906. P. 3.

Матюшин Петр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

SPIN-код: 5814-1228

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I В УВЕКОВЕЧЕНИИ ВОЕННЫХ ПОБЕД РОССИИ

Аннотация: В статье рассмотрены основы деятельности императора Петра I в сохранении исторической памяти о славных моментах военной истории России. Представлены основные объекты государственной политики по увековечиванию. Выявлены основные формы и методы формирования основ исторической памяти на государственном уровне. Автором показаны итоги данной политики как исторический опыт формирования современных тенденций в развитии и сохранении исторической памяти о героическом прошлом военной истории Отечества.

Ключевые слова: император Петр I, историческая память, коммеморативная практика, государственная политика, военная история России.

THE STATE POLICY OF PETER THE GREAT IN PERPETUATING RUSSIA'S MILITARY VICTORIES

Summary: The article examines the basics of the activities of Emperor Peter I in preserving the historical memory of the glorious moments of the military history of Russia. The main objects of the state policy on perpetuation are presented. The main forms and methods of forming the foundations of historical memory at the state level are revealed. The author shows the results of this policy as a historical experience of the formation of modern trends in the development and preservation of historical memory of the heroic past of the military history of the Fatherland.

Keywords: Emperor Peter I, historical memory, commemorative practice, state policy, military history of Russia.

Несмотря на свой неоднозначный характер, Пётр I Алексеевич уделял вопросам, связанным с духовной жизнью народа и памятью о выдающихся защитниках Отечества, особое внимание. Еще в 1703 году царь, осматривая территорию будущей столицы, решил на том месте, где и поныне стоит лавра, создать комплекс в честь Александра Невского и перенести туда его мощи [1, с. 216]. В большей степени способствовали принятию этого решения, на наш взгляд, три фактора: первый – это победа Александра Ярославича над шведами на Неве; второй – то, что в начале XVIII века считалось, что Невская битва произошла на том месте, где теперь стоит лавра, первоначально построенная во увековечение этого исторического факта, однако, уточняя для соблюдения

исторической справедливости, отметим, современные ученые выяснили, что бой произошел на месте несколько восточнее; третий – разгром шведской крепости, стоящей на Невском берегу, князем Андреем – сыном Александра Невского.

Обустройство города на Неве проходило необычайно быстро. Уже в течение нескольких лет после начала строительных работ это место представляло собой небольшой город, выстроенный по европейскому образцу. В частности, комплекс монастыря также был передовым для своего времени: к 1719 году он был перестроен в камне, при нем заработала типография, богадельня для отставных солдат, кузница, столярная мастерская, конюшенный и скотный дворы, даже пильная мельница [2, с. 84]. Но царь желал большего – он превращал Петербург в новую столицу. Когда в городе появился крупный храм, названный во имя Святого Александра Невского, царь всерьез задумался о переносе мощей князя.

Первый русский император, справедливо называемый ревнителем памяти о защитниках Отечества, уделил внимание не только персоне благоверного князя Александра Невского.

Петр I впервые посетил Нижний Новгород в 1695 году, когда войска совершали первый поход на Азов через Нижний Новгород. Бомбардир Преображенского полка Питер, как называл себя Пётр Алексеевич, остановился в доме купца Ефима Чатыгина, где в свою очередь еще в 1890 году был организован первый в Нижнем Новгороде исторический музей, названный Петровским. Второй и последний визит Петра Великого в Нижний Новгород состоялся 26 мая 1722 года. 30 мая правитель отмечал 50-летний юбилей, совпавший с празднованием 500-летия Нижнего Новгорода. Была отслужена торжественная литургия в кафедральном Спасо-Преображенском соборе Нижегородского кремля. По окончании службы Петр спустился в склеп к могиле Кузьмы Минина, поклонился до земли и, как гласит предание, сказал: «Вот истинный спаситель Отечества» [4, с. 101].

Возвращаясь к вопросу сохранения исторической памяти первым российским императором, нужно упомянуть, что мемориальные комплексы в России появились именно при Петре I. Одним из них является дворцово-парковый ансамбль в Петергофе.

По замыслу императора, в Петергофе в честь одержанной победы над Шведским королевством должен был быть возведен монументальный фонтан, изображающий Геракла, побеждающего Лернейскую гидру [2, с. 96]. Однако к реализации этой идеи приступили уже после смерти Петра, в 1734 году, когда шла подготовка к празднованию 25-летия победы в Полтавской битве в 1709 году. Сам проект тоже не избежал изменений: в конечном итоге в скульптуре оказалась увековечена фигура Самсона Странноприимца, на день памяти которого пришлось триумфальное сражение, побеждающего льва – символа шведской короны, по сей день изображенного на гербе этого скандинавского государства.

Однако параллель между триумфом в Полтавском сражении и образом этого христианского святого была проведена еще при жизни императора. Так, ещё в 1709 году по указу Петра Великого в Петербурге был заложен Сампсониевский собор, существующий и поныне. Будучи первоначально исполненным в дереве, храм вскоре был перестроен в камне. Работы продлились 12 лет, с 1728 по 1740 год. По воспоминаниям современников, он был одним из богатейших в городе и содержал в своём убранстве личные дарения Петра.

Ещё одним памятником победы в Полтавской битве стало строительство одноимённого боевого судна. К третьей годовщине победы со стапеля Адмиралтейской верфи в Петербурге был спущен линкор 4 ранга «Полтава». Вооружение корабля составляли 54 пушки, что на момент начала XVIII века делало его грозной силой на море. В составе Балтийского флота судно приняло участие в шести морских кампаниях, в том числе в триумфальном Гангутском сражении. Петр Великий принимал непосредственное участие в судьбе линкора: император как минимум дважды держал на нём свой флаг и, помимо всего прочего, лично участвовал в его строительстве с самого момента создания чертежей. В наши дни петровский флагман воссоздан в полном масштабе и функционирует в Петербурге в качестве музея, используя и в ходе проведения морских военных парадов. Впоследствии на Черноморском флоте России нес службу ещё один линкор, также названный в честь Полтавской победы, спущенный на воду в 1911 году и принимавший участие в сражениях Первой мировой войны.

Отправив часть колоколов в переплавку в самый трудный, начальный, период войны со Швецией, Петр распорядился сохранить для потомков Царь-пушку, которая и ныне стоит в Кремле.

Несомненно, не ради прославления собственных дел Петр Великий заботился об увековечении военных побед России в годы своего царствования. Известный мастер-изобретатель А.К. Нартов получил задание соорудить памятный столб с изображениями, прославлявшими доблесть русских войск в Полтавском сражении. Работу не успели закончить [2, с. 76]. Построенная в Москве церковь Ивана Воина (предположительно И.П. Зарудным) была посвящена Полтаве. Тогда же сочинили и исполнили кант в ознаменование Полтавской победы. А после Гангутской морской победы (27 июля (07 августа) 1714 г.) в Петербурге возвели церковь Пантелеймона (сражение произошло в день этого святого).

Были выбиты памятные и наградные медали в честь Лесной, Полтавы, учреждения русского флота и др.

Под влиянием западноевропейского медальерного искусства в России в начале XVIII века была начата чеканка памятных медалей. Именно по воле первого русского императора было возведено в традицию награждение солдат, офицеров и генералов памятными медалями за участие в военных кампаниях и

триумфальных сражениях с целью увековечить память о победных боях и их героях [5, с. 319].

Первой такой наградой стала золотая медаль за взятие крепости Орешек. На аверсе медали был отчеканен портрет Петра Великого, на реверсе – картина боя с круговой надписью «Был у неприятеля 90 лет, взят 1702 октября 21» [6]. Достоверных сведений о числе награжденных не сохранилось.

В 1704 году была выпущена серебряная медаль в честь взятия шведской крепости Нарва. На аверсе изображен портрет Петра Великого и круговая надпись «ВСЕА РОССИИ ПОВЕЛИТЕЛЬ ЦРЬ ПЕТРЪ АЛЕКИЕВИЧЪ». На реверсе – Нарва и надпись «НЕ ЛЕСТИЮ, НО ОРУЖИЕМЪ С ПАМОЩИЮ ВЫШАЕГО ПРИЕМЛЕТСЯ, НАРВА 1704». Достоверных сведений о числе награжденных не сохранилось.

В 1716 году была отчеканена медаль «За битву при Лесной», состоявшаяся в 1708 году. На аверсе изображен Петр Великий с надписью «ПЕТРЪ. ПЕРВЫ. ИМП. ИСАМОД. ВСЕРОСС.». На реверсе – Петр Великий на вздыбленном коне на фоне сражения с надписью «ДОСТОЙНОМУ – ДОСТОЙНОЕ». Сохранились достоверные данные о числе награжденных: 4618 человек было награждено серебряными медалями и 1140 – золотыми [5, с. 401].

В 1714 году была учреждена медаль в честь победы в Гангутском сражении – первой морской баталии в истории России, завершившейся полным разгромом неприятельских войск. На аверсе награды изображался портрет Петра Великого и круговая надпись «ПРИЛЕЖАНИЕ. И ВЕРНОСТЬ ПРЕВОСХОДИТЬ. СИЛНО», на реверсе – картина баталии и надпись «ИЮЛЯ 27 ДНЯ. 1714». Серебряными медалями было награждено 3113 солдат и матросов, золотыми – 144 офицера [6, с. 65].

Важно уточнить, что в России почти на сто лет раньше других европейских государств начали награждать памятными медалями не только офицеров и генералов, но и всех остальных участников сражений, включая нижних чинов.

Упражняться в полководческом искусстве Петр I начал еще с детства, с игры в «потешные» полки, выстраиваемые по западноевропейскому образцу. К юному царевичу официальным порядком набирались стольники и спальники, становившиеся его «комнатными людьми» [3, с. 297]. Проведение первого смотра вновь сформированной гвардии исследователи связывают с церемониалом, посвященном встрече турецкого посланника.

Проведение же первого триумфального парада связывают с шествием по случаю взятия крепости Орешек, которое состоялось 4 декабря 1702 года. В авангарде шел гвардейский полк под командованием полковника Риддера. Между гвардейцами шли пленные шведские солдаты и крестьяне, окруженные тремя ротами русских солдат, за которыми следовала гренадерская рота, гобоисты и шесть офицеров. За ними двигался Преображенский полк во главе с Петром Великим. Далее – Семеновский полк с трофейными знаменами, за которыми следовали сорок пушек. Замыкали шествие пленные шведские

офицеры, каждый под караулом из двух стражников, и несколько саней с больными и ранеными пленными в сопровождении русских солдат. Интересно отметить, что лишь одна половина русских воинов была одета в новую форму немецкого образца, по причине того, что к началу шествия не успели сшить новые немецкие костюмы для всех полков.

Закрепление новой воинской традиции связывают с торжественным въездом в Москву по поводу победы под Полтавой 1 января 1710 года. В авангарде шли музыканты – трубачи и литаврщики. Следом – солдаты и офицеры Семеновского гвардейского полка во главе с командиром – генералом М.М. Голицыным. Далее двигалась полевая артиллерия, отбитая у шведов. После трофейных знамен и штандартов следовали пленные шведские офицеры. Замыкали торжественную часть шествия гвардейцы – семеновцы.

Газета «Ведомости» в 1720 г. сообщала, что Петр принимал парад войск в тех одеждах, в которых «при баталии Полтавской был и над войсками своими командовал». В 1723 г. по тому же поводу царь маршировал в солдатском строю.

Юридически традиция проведения военных парадов была закреплена в 1732 году докладом Сената «О смотре и обучении полков». Одной из первоочередных задач петровской военной реформы был воспитательный аспект армейской службы представителей дворянства. Порядок проведения военных церемониалов строго регламентировался верховной властью, а их воспитательное значение подчеркивалось законодательными документами [1, с. 308].

Особое внимание увековечению событий Северной войны в исторической памяти Петр I уделял и в теоретическом аспекте. Первый русский император не только покровительствовал развитию отечественной типографии, но и лично участвовал в создании ряда трудов, одним из которых является «Книга Марсова». Выпуск ее первого теснения датируется 1713 годом. Она представляет собой сборник донесений с подробными описаниями боев и сражений событий Северной войны и является ценнейшим историческим источником. Кроме этого, она стала первой книгой, напечатанной в Санкт-Петербургской типографии, учрежденной по указу Петра Великого [7, с. 527].

Другим крупнейшим памятником Петровской эпохи является фундаментальный труд «Гистория Свейской войны», основой для которого стали поденные письма и бумаги Петра Великого. «Гистория» содержит ценнейшие сведения о передвижениях царя по Северной Европе, маршах армии, походах флота, переговорах с иностранными державами и великий массив распоряжений и приказаний Петра I в единой хронологической последовательности, что позволяет исследователям одновременно охватывать всю раскрываемую историческую действительность. «Гистория» – признанный образец того, как надлежит подходить к работе с историческими документами.

В течение всей жизни император Петр Великий, при всей сложности своей натуры, точно отражая судьбу своей державы, преодолел долгий путь

преображения, став с возрастом, по воспоминаниям современников, очень религиозным человеком. Неоспоримо то, что Петр I, как и многие его подданные, с трепетом относился к судьбе своего Отечества и был истинным патриотом. Справедливым будет вывод, что ревнительность императора в отношении исторической памяти как о событиях Северной войны в целом, так и о выдающихся защитниках Отечества, коими являются Александр Невский и Кузьма Минин, в частности, была основана на глубокой и осмысленной идее, которая и по сей день выступает одной из опор русской государственности.

В складывании национального самосознания в XVIII в. в России значительную роль сыграли военно-патриотические традиции, в формировании и развитии которых велика роль Петра I. После него эти традиции получили дальнейшее распространение в обществе. Приведем примеры. Так, мастер писательского труда, государственный деятель и ученый Фёдор Иванович Соймонов эпоху Петра Великого назвал «верхом славы». В далеких сибирских краях – у крестьян, горожан и военных встречались различные рукописные сборники исторического содержания. У крестьянина из-под Тобольска И. Панова имелся сборник, в составе которого находились не только сибирские летописи и сказания о Ермаке, но и произведение о взятии Нарвы русскими войсками в 1704 г.

Список литературы:

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Л.: Лениздат, 1989. – 496 с.
2. Буганов В.И. Пётр Великий и его время. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
3. Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. XVII-XVIII вв. Кн. 2. – М.: Книжная палата, 1992. – С. 271 – 368.
4. Забавные и поучительные истории из жизни императора Петра Великого / Сост. Ю.Н. Лубченков и В.И. Романов. – М.: МП «Эжва», 1991. – 142 с.
5. Золотарев В.А. Военная история России / В.А. Золотарев, О.В. Саксонов, В.А. Тюшкевич. – М.: Кучково поле, 2002. – 736 с.
6. Кузнецов А.А. Ордена и медали России. – М.: Издательство МГУ, 1985. – 174 с.
7. Мавродин В.В. Рождение новой России. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 531 с.

Минин Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 9504-4873

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК П.Д. КИСЕЛЕВА. ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТА

Аннотация: Данная статья посвящена характеристике важного исторического источника – формулярных (послужных) списков. Формулярные списки были введены в Российской империи для учета и аттестации чиновников в 1764 г. Они стали важнейшим документом для контроля над чинопроизводством. В царствование Николая I формулярные списки приняли свой окончательный вид. Они содержали не только сведения о происхождении, образовании, карьере, наградах и взысканиях чиновника, но и об его имущественном положении, браке и т.д. Опубликован Формулярный список о службе Члена Государственного Совета генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Павла Дмитриевича Киселева 1872 года (посмертный).

Ключевые слова: Российская империя, чиновничество, формулярные списки, Николай I, П.Д. Киселев.

THE FORMAL LIST OF P.D. KISELYOV. PUBLICATION OF THE DOCUMENT

Summary: This article is devoted to the characterization of an important historical source – formulary (service records). Formulary lists were introduced in the Russian Empire for accounting and attestation of officials in 1764. They have become the most important document for the control of chinoproductioin. In the reign of Nicholas I, the formulary lists took their final form. They contained not only information about the official's background, education, career, awards and penalties, but also about his property status, marriage, etc. A formal list of the service of a member of the State Council, Adjutant General, General of Infantry, Count Pavel Dmitrievich Kiselyov in 1872 (posthumous) has been published.

Keywords: The Russian Empire, officialdom, formulary lists, Nicholas I, P.D. Kiselyov.

Советский Союз и Российскую империю исторически объединяют многие особенности развития, в том числе организация государственной бюрократии, советской номенклатуры или классового чиновничества. Для контроля над массой чиновников были созданы разнообразные отчетные документы, анкеты, составляющие довольно сложную статистическую систему. Первым постоянным образцом подобной документации являлись введенные с 1764 г.

формулярные (или послужные) списки. Ранее требовалось составлять аттестаты о беспорочной службе чиновника при представлении его к награде.

В фундаментальном учебном пособии «Источниковедение» И.Н. Данилевского приводится следующая характеристика формулярных списков: «Формулярные (послужные) списки – это форма систематического и регулярного учета всего чиновничества, существовавшая с середины XVIII в. до 1917 г. Формуляр послужных списков складывался, главным образом, на протяжении 60-90-х годов XVIII в. и претерпевал некоторые изменения в середине XIX в. Эти изменения отражали усиление внимания правительства к тем или иным аспектам социальной и служебной деятельности чиновника» [1, с. 415].

Так как не все чиновники были готовы вносить в формализованный документ сведения о «некоторых аспектах» своей деятельности, новая система отчетности сложилась не сразу. С 1764 г. аттестат был признан обязательным документом при выходе в отставку или чинопроизводстве. Указ 1771 г. требовал обязательной присылке в Герольдмейстерскую контору формулярных списков «из всех присутственных мест» в августе каждого года «при каждом представлении к определению в должности и к награждению чинами». Указ был продублирован в 1788 г. с формулировкой «чтобы «удобнее сохранить порядок» при определении к должности [1, с. 416 - 418].

Объем запрашиваемой властями информации постоянно возрастал, что можно связать и с практикой чиновных злоупотреблений. Например, графа об отпусках должна была дать преимущество чиновникам, находящимся на действительной службе; графа об отставке должна была препятствовать неоднократному чинопроизводству при выходе в отставку и новом зачислении в службу.

В целом, к началу царствования Павла I структура формулярных списков была сформирована, окончательный вид данные документы приобрели с 1849 г. Формулярный список гражданского или военного чиновника состоял из 15 граф:

«1) чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание;

2) из какого звания происходит (сословное происхождение);

3 – 6) есть ли имение (отдельно учитывалось родовое и благоприобретенное имение у него самого, у родителей или жены);

7 – 9) где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ль каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден, и в какое время; сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невиновным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено (с указанием точных дат);

10) был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно;

11) был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно был предан суду; когда и чем дело кончено;

12) к продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли; если же нет, то по каким причинам;

13) был ли в отпусках, когда, на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительной;

14) был ли в отставке с награждением чина или без того, когда и с которого по какое именно время;

15) холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания» [1, с. 419].

С 1864 г. была исключена графа 12 об аттестации чиновников начальством, но, например, в формулярных списках высших сановников империи (членов Государственного совета, министров), которых мог аттестовать только император, этот пункт отсутствовал и раньше.

Очевидно, что система формулярных списков была создана с целью контроля, от правильно заполненного формуляра зависело продвижение по карьерной лестнице. Не случайно «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона называет формулярный список «главным документом служебного состояния каждого офицера, чиновника гражданского или военного ведомства, а также канцелярского служителя» [2, с. 684].

В царствование Николая I, который лично просматривал формулярные списки высших сановников, бюрократическая отчетность достигла известного совершенства. «Характер царствования Николая, его воззрения на проблему управления государством выдвигали на одну из первых ролей фигуру чиновника» [3]. Этому способствовало, как и неуклонное усложнение задач государственного управления, так и опасение власти возможных злоупотреблений или крамолы. По словам Т.Р. Вакилева, «послужной список являлся, по сути, основным официальным инструментом контроля, подбора, учета и распределения должностных лиц, поскольку содержал, с точки зрения властей, все необходимые сведения о служащем, выступал не только неким зеркалом его карьеры, но и жизни в целом. Формуляр был элементом системы прямой и обратной связи между правительством и чиновниками» [3].

Информативность формулярных списков делает их значимыми историческими источниками. Это не просто служебная анкета, а сжатая биография, на основании которой можно представить жизнь конкретного человека в зеркале исторической эпохи. Можно сказать, что «формулярные списки являются основными документами для изучения чиновного сословия Российской империи, так как содержат подробнейшую информацию о карьере, всевозможных наградах и других отличиях, исполнении каких-либо особенных поручений, о социальном и материальном положении чиновника. В

никалаевское царствование составление формулярных списков было упорядочено, что придает данному виду источников особую ценность, облегчая сопоставление социальных портретов и служебных биографий разных лиц» [4, с. 19].

В качестве примера, предлагается публикация Формулярного списка о службе Члена Государственного Совета генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Павла Дмитриевича Киселева 1872 года (посмертный). Для удобства публикации обширная таблица Списка из 14 граф разделена на три блока: графы 1 – 6, 7 – 9 и 10-14.

Фигура генерал-адъютанта, графа П.Д. Киселева весьма характерна для высшей бюрократии Николая I. Военная карьера, умеренно-либеральные взгляды, гражданская служба, блеск генеральского мундира, андреевская лента и пожалованное графское достоинство – типичные внешние отличия для представителей элиты той эпохи.

Интересно, что в предлагаемом Формулярном списке допущены некоторые неточности. Например, отсутствуют сведения о гражданской службе юного Павла Киселева до зачисления в кавалергарды: согласно Формулярному списку 1826 г. П.Д. Киселев «в 1805 г. 10 января в службу вступил Регистратором в штате Канцелярии Московского Военного Губернатора и 25 июня был произведен в Коллежские Юнкеры. 28 августа 1805 г. он был переведен Секретарем с чином 12 класса в Канцелярию Генерал-Интенданта Армии, а 5 марта 1806 г. Экзекутором с чином 9 класса в Провиантскую Экспедицию. Подобную службу можно считать некой стажировкой.

Не указаны родовые поместья самого П.Д. Киселева и его жены, С.С. Потоцкой. «По данным из формулярного списка за 1849 г, П. Д. Киселев владел следующими поместьями:

- Родовое имение - Ярославской губ. и уезда в селе Красном 242 д. и в Пензенской губ. Чембарского уезда в селе Полибовке 304 д. Всего 546 д.
- Благоприобретенное – нет.
- Родовое имение жены - Киевской губернии Уманьского уезда 1562 д.
- Благоприобретенное у жены – нет.
- Всего - 2108 д.

Таким образом, П.Д. Киселева можно отнести к среднепоместному дворянству. Будучи влиятельной фигурой в российской политической элите времени Николая I, он не приобрел новых имений», а поместья С.С. Потоцкой были обременены огромным долгом [4, с. 191].

Единственный законный сын П.Д. Киселева, Владимир, умер в раннем возрасте. Брак с польской аристократкой С.С. Потоцкой не был удачным, супруги разъехались, что, разумеется, не отражено в Формулярном списке. Конечно, в официальном документе не содержится информация о «гражданской жене» П.Д. Киселева, А.А. Балиано и их общих детях – «воспитанниках» графа Владимире, Константине, Александре и Елене, о которых Киселев проявлял «поистине «отеческую» заботу: занимался их

воспитанием, образованием, беспокоился о вредных привычках и денежном обеспечении» [4, с. 63].

Разумеется, у сановника такого уровня (чин 2 класса, министр, член Государственного совета, андреевский кавалер) не могло быть служебных взысканий, отраженных в официальном документе. Перед нами официальная и несколько отлакированная биография высшего чиновника Российской империи.

Формулярный список о службе Члена Государственного Совета генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Павла Дмитриевича Киселева 1872 года (посмертный) [5].

1.Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание и получаемое содержание	2.Из какого звания происходит	Есть ли имение			
		У него самого и у родителей		У жены, буде женат	
		3.Родовое	4.Благоприобретенное	5.Родовое	6.Благоприобретенное
<p>Генерал-адъютант, Генерал от Инфантерии Граф Павел Дмитриевич Киселев. Член Государственного Совета, восьмидесяти двух лет, Православного вероисповедания. Имеет портрет Государя Императора Николая I и ныне Царствующего Государя Императора с алмазами, для ношения в петлице на Андреевской ленте. Кавалер орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного с алмазами, Св. Владимира 1 ст., Св. Благоверного Князя Александра Невского с алмазами, Белаго Орла, Св. Анны 1 ст. и Св. Георгия 4 ст. Иностранных: Пруссаго за заслуги, Баварскаго Максимилиана 3 ст., Австрийскаго Леопольда, Виртембергской короны большаго креста, Французских: Св. Лудовика и Почетнаго Легиона бол. Креста и Пруссака Чернаго орла. Имеет: знак отличия беспорочной службы за Н лет, табакерку с вензелем Турецкаго султана и на золотой цепи Портрет Его Султанскаго Величества, украшенные бриллиантами. Золотые шпаги: Анненскую и бриллиантами украшенную с надписью «за</p>	Из Рассейских дворян		Не имеет		Не имеет

храбрость». Медали: В память 1812 года, За взятие Парижа 1814 г. и За Турецкую кампанию 1828 и 1829 г.					
---	--	--	--	--	--

7. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время; сверх того, если находясь под судом или следствием был оправдан и признан невинным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено?	8. Годы	9. Месяцы и числа
<p>В службу вступил в Кавалергардский (ныне Кавалергардский Ея Величества) полк корнетом.....</p> <p>Произведен в Поручики.....</p> <p>Назначен Адъютантом к Генералу от Инфантерии Графу Милорадовичу.....</p> <p>За отличие в сражении при селе Бородине 24 и 26-го Августа 1812 г. награжден орденом Св. Анны 4-й степени.....</p> <p>Произведен в Штаб-Ротмистры.....</p> <p>За отличие в сражении при селении Чернышне 22-го Сентября 1812 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом.....</p> <p>За отличие в сражении при городе Вязьме 22-го Октября 1812 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-й степени.....</p> <p>За отличие в сражении при селении Пожавки и Мергине 3, 4 и 5 Ноября 1812 г. произведен в Ротмистры со старшинством со дня отличия его под Красным, т.е. с 6 Ноября 1812 г.</p> <p>За отличие в сражении при городе Красном 6 Ноября 1812 г. получил золотую шпагу с подписью «За храбрость».....</p> <p>За отличие в сражении при дороге от Герлица до Лаубану 21 мая 1813 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами.....</p> <p>Награжден Королевско-Прусским за заслуги.....</p> <p>Награжден военным Баварским орденом</p> <p>Назначен Флигель-Адъютантом к Его Императорскому Величеству.....</p> <p>Награжден Императорско-Австрийским орденом Св. Леопольда...</p> <p>Произведен за отличие в Полковники.....</p>	<p>1806</p> <p>1809</p> <p>1812</p> <p>1812</p> <p>1813</p> <p>1813</p> <p>1813</p> <p>1813</p> <p>1813</p> <p>1813</p> <p>1813</p> <p>1814</p> <p>1814</p> <p>1814</p> <p>1815</p> <p>1815</p>	<p>Октября 5</p> <p>Мая 10</p> <p>Сентября 4</p> <p>Декабря 12</p> <p>Февраля 20</p> <p>25</p> <p>Июня 3</p> <p>Июля 17</p> <p>Сентября 1</p> <p>Апреля 1</p> <p>Августа 30</p> <p>Сентября 25</p>

За исполнение данного от Его Величества поручения награжден Королевско-Французским военным орденом Св. Людовика.....		
1815 Октября 25 отправлен из Берлина по Высочайшей воле в Крым для исследования дел по военной и гражданской части.		
1817 г. Мая 31 вторично отправлен Его Императорским Величеством для обозрения хода дел по частям Управления 2 Армии и осмотра войск, за исполнение чего произведен в генерал-Майоры, с назначением состоять при Особе Его Императорского Величества.....	1817	Октября 6
1818 г. послан от Его Величества в Берлин к Его Величеству Королю Прусскому.	1819	Февраля 22
Назначен Начальником Главного Штаба 2 Армии, с оставлением в свите Его Императорского Величества.....	1819	27
Назначен состоять в свите Его Величества по квартирмейстерской части (что ныне Генеральный Штаб), с оставлением при прежней должности.....	1820	Февраля 12
За исправное исполнение возложенных на него поручений во время чумы в Бессарабской области удостоился получить Высочайшее	1821	Июня 3
благоволение.....		
За труды и усердие пожалован кавалером ордена Св. Анны 1 ст.....	1823	Октябрь
При осмотре Его Императорским Величеством войск 2 Армии, в Высочайших приказах, отданных октября 3,4 и 6 чисел 1823 г. за найденные во всех войсках 2 Армии порядок и устройство, за отличное состояние оных, также за устройство Главного Штаба Армии изъявлено особое Высочайшее	1823	6
благоволение.....		
Сверх того, за произведенных войсками Маневры изъявлено в Высочайшем приказе 6 того же Октября совершенная благодарность.	1826	Октября 5
Назначен Генерал-Адъютантом к Его Императорскому Величеству, с оставлением при прежней	1828	Мая 27
должности.....		
По соизволению Его Величества находился на Высочайшей Коронации и за ревностное выполнение обязанности по своему званию и при изготовлении Армии к походу, Всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 2 ст.....	1828	Июля 18
За отличие в сражениях против Турок произведен в Генерал-Лейтенанты, с оставлением при прежней должности.....	1829	Февраля 9
За отличную храбрость, неутомимость и распорядительность в сражениях 8 и 16 июля 1828 г. Всемилостивейше награжден золотою шпагою, алмазами украшенною, с надписью «За храбрость».....	1829	Апреля 12
Назначен Командующим 4 резервным Кавалерийским Корпусом.....	1829	Мая 1
Командующим всеми войсками, на левой стороне Дуная находившимися, по приказу Главнокомандующего Армию.....	1829	Июня 23
Командующим войсками правого фланга Армии, по повелению	1829	Июля 22

<p>Главнокомандующего.....</p> <p>Подчинены ему также кр. Силистрия с находящимися там войсками и Дунайская флотилия.....</p> <p>Высочайше повелено считать по-прежнему в Генеральном Штабе..</p> <p>За ревностные труды, понесенные в продолжении кампании 1829 г., благоразумные мероприятия к точному исполнению назначений Г. Главнокомандующего Армиею и строгое охранение вверенными ему войсками княжеств Молдавии и Валахии от вторжения неприятельского, Всемилостивейше пожалован орденом Св. Александра Невского.....</p> <p>Назначен Полномочным Председателем Диванов Княжеств Молдавии и Валахии по Высочайшему повелению, объявленному Главнокомандующим Армиею, с оставлением под командою его войск, в Валахии находящихся.....</p> <p>За беспорочную 25-летнюю службу от первого Обер-Офицерского чина в бытность Полномочным Председателем Диванов Княжеств Молдавии и Валахии пожалован орденом Св. Георгия 4 ст.....</p> <p>За благоразумныя распоряжения в княжествах Молдавии и Валахии, примерное усердие и ревность к пользам казны удостоился получить Высочайший рескрипт.....</p> <p>Высочайше повелено по выбытии из Генерального Штаба, не показывать по спискам онаго, но, в уважение долговременной его службы в сем Штабе, дозволено носить мундир онаго.....</p> <p>За сокращение расходов по Управлению Княжеств Молдавии и Валахии и правильное по оным установление доходов, образом, для поселян не обременительным, Всемилостивейше пожаловано 600000 Турецких Пиястров из намеченных сумм по Вестиариям Княжеств, с производством из оных доколе будет оставаться Полномочным по 500 червонцев в месяц сверх получаемого.....</p> <p>За устройство Княжеств Молдавии и Валахии при преобразовании оных награжден орденом Св. Равноапостольного Князя Владимира 1 ст.....</p> <p>Высочайше назначен Начальником вновь сформированного Константинопольскаго вспомогательнаго отряда, с сохранением должности и Полномочного Председателя Диванов Княжеств.....</p> <p>Назначен командующим 6 Пехотным Корпусом, с оставлением при прежних должностях и звании.....</p> <p>За успешное формирование Константинопольскаго вспомогательнаго отряда, устроеннаго по случаю возмущения в Турции Египетскаго Паши, за благоразумныя распоряжения к движению отряда, а равно за отлично усердную Престолу и Отечеству службу при Управлении Княжествами Молдавии и Валахии, Всемилостивейше награжден алмазными знаками Св.</p>	<p>1829</p> <p>1829</p> <p>1830</p> <p>1831</p> <p>1832</p> <p>1832</p> <p>1833</p> <p>1833</p> <p>1833</p> <p>1833</p> <p>1834</p> <p>1834</p>	<p>Сентября 29</p> <p>Октября 4</p> <p>Декабря 18</p> <p>Сентября 11</p> <p>Апреля 5</p> <p>10</p> <p>Апреля 10</p> <p>Февраля 12</p> <p>Июля 11</p> <p>Декабря 6</p> <p>Февраля 19</p> <p>Апреля 23</p>
--	---	--

Благоверного Великого Князя Александра Невского.....	1834	22
По окончании возмущения в Турции, через прибывшаго к Российскому Двору Посланника, получил от Турецкаго Султана в	1834	Мая 20
подарок табакерку с вензелем Его Султанскаго Величества, бриллиантами украшенную, которая и принята, с Высочайшей воли, объявленной Г. Вице-Канцлером Высочайше разрешено	1834	Декабря 6
прибыть в С. Петербург.....		
Удостоился получить Высочайший рескрипт, в коем Его Величество изволил изъявить особую Монаршую	1835	Марта 7
признательность за управление Княжествами Молдавии и Валахии.....	1835	Августа 22
Произведен в Генералы от Инфантерии, с оставлением при прежней должности и звании.....		
По разстроенному здоровью уволен от командования 6 Пехотным Корпусом.....	1836	Апреля 26
Именным Высочайшим Указом назначен Членом Государственного Совета, с присутствием по департаменту Государственной		
Экономии.....	1836	Апреля 29
Объявлено чрез Г. Вице-Канцлера Высочайшее соизволение на принятие пожалованных Турецким Султаном титула Бея, и на золотой цепи Портрета Его Султанскаго Величества, украшенного бриллиантами.....		
Удостоен знаком отличия безпорочной службы за XXV лет.....	1837	Января 7
Всемиловнейше повелено производить, вместо аренды, из Государственного Казначейства, в течении 12 лет, по 6000 руб. сереб. ежегодно.....	1837	Февраля 6
Именным Высочайшим Указом, на имя его последовавшим, повелено составить V Отделение Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии и по делам онаго докладывать Его Величеству и приводить в исполнение Высочайшия	1837	Декабря 27
повеления.....		
Высочайше поручено докладывать Государю Императору по делам Временнаго Совета для управления Департаментом Государственных Имуществ, подлежащих разрешению Его Величества, и производить в исполнение Высочайшие по оным повеления.....		
Всемиловнейше повелено присутствовать в Комитете Г.г. Министров.....		
Высочайшим Указом, данным Правительствующему Сенату, Всемиловнейше повелено быть Министром Государственных Имуществ.....		
Государь Император, при бывших 26 и 27 Декабря 1838 г. разводах, в коих в первый раз представлены были Его Величеству Кадеты Учебной и Лесной роты Леснаго и Межевого Института, изволил найти Кадетов сих в надлежащем устройстве, доказывающем твердость и единство правил, коими руководствуются при военном их образовании, за что и объявлено	1839	Март 26

<p>особое Монаршее благоволение Министру Государственных Имуществ.</p> <p>Именным Высочайшим Его Императорского Величества Указом, данным Правительствующему Сенату в 26 день Марта 1839 г., в воздаяние за долговременную отличную службу, ознаменованную многими подвигами пламенной ревности и усердия на пользу Престолу и Отечеству, в особенности же за успешное и видам Его Императорского Величества вполне соответственное образование вверенного ему Министерства Государственных Имуществ, Всемилостивейше пожаловано графское Российской Империи достоинство и с нисходящим от него потомством.....</p> <p>В 1839 г. с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, обозревал в Губерниях С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Калужской, Орловской и Тульской, новое Управление Государственных Имуществ с 10 Августа по 10 Октября того года.</p> <p>В 1840-м н., с 12 Мая, по Высочайшему повелению, обозревал вновь учрежденное Управление Государственных Имуществ в Западных Губерниях, по окончании коего имел, в виде продолжения служебных действий, временное пребывание за границую для осмотра разных хозяйственных заведений, и, возвратясь в С. Петербург вступил в Управление Министерством 15-го Сентября.</p> <p>Удостоен знаком отличия безпорочной службы за XXX лет.....</p> <p>За деятельное приведение в исполнение намерения Его Императорского Величества к обеспечению благосостояния Государственных крестьян постепенным устройством вверенного ему Управления и введения благочиния и порядка, Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Апостола Андрея Первозванного.....</p> <p>Вследствии пожалования сим орденом, доставлены из Капитула Российских Императорских и Царских орденов, знаки ордена Белаго Орла, на основании 2325 ст.т.1. Св. Зак., в коей изъяснено, что кавалеры ордена Св. Апостола Андрея Первозванного почитаются также кавалерами Императорского и Царского ордена Белаго Орла.</p> <p>1841-го года 30-го Июня, с Высочайшего соизволения, не прерывая действий своих по Управлению Министерством Государственных Имуществ, осматривал управления Государственных Имуществ в некоторых Губерниях Южного края России, возвратился в С. Петербург Октября 12 дня.</p> <p>Получил знак отличия безпорочной службы за XXXV лет.....</p> <p>Всемилостивейше пожалованы алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозванного.....</p> <p>Пожалованная в 1836 г. денежная аренда по 6 т.руб. в год продолжена еще на 12 лет.....</p> <p>Получил знак отличия безпорочной службы за XL лет.....</p> <p>Всемилостивейше пожалован бриллиантами украшенный портрет Его Императорского Величества для ношения в</p>	<p>1840</p> <p>1841</p> <p>1843</p> <p>1845</p> <p>1846</p> <p>1852</p> <p>1852</p> <p>1856</p> <p>1856</p> <p>1857</p> <p>1859</p> <p>1860</p> <p>1860</p>	<p>Августа 22</p> <p>Апреля 16</p> <p>Августа 22</p> <p>Апреля 15</p> <p>Апреля 26</p> <p>Августа 22</p> <p>Декабря 10</p> <p>Июля 11</p> <p>Августа 26</p> <p>Апреля 17</p>
---	---	--

петлице.....	1862	Августа 9
Именным Высочайшим Указом, данным Правительствующему Сенату, Всемилостивейше повелено быть Чрезвычайным и Полномочным послом при Его Величестве Императоре Французов, с оставлением Членом Государственного Совета и в звании Генерал-Адъютанта.....	1867	Сентября 14
Всемилостивейше пожалован портрет Государя Императора Николая I и ныне Царствующего Государя Императора, с алмазами, для ношения в петлице на Андреевской ленте.....	1867	Октября 6
Дозволено принять и носить иностранные ордена: а) Виртенбергский Короны большого креста..... б) Французский Почетного Легиона бол. кр..... в) Прусский Черного Орла.....	1872	Ноября 14
Денежная аренда по 6 т.р. в год Всемилостивейше продолжена с 24 Апреля 1860 г. еще на 12 лет.....		
Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, Всемилостивейше уволен от должности Чрезвычайного и Полномочного Посла при Императоре Французов, с оставлением Членом Государственного Совета и в звании Генерал-Адъютанта...		
Взамен прежней денежной аренды в 6 т.р. в год, Всемилостивейше пожалована аренда 10 т.р. в год на 12 лет.....		
Назначен Шефом 20-го пехотного Галицкого полка, коему повелено именоваться его именем.....		
Скончался.....		

10. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях, и когда именно	11. Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что предан суду и чем дело	12. Был ли в отпусках, когда и на сколько времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно являлся и была ли причина просрочки признана уважительною?	13. Был ли в отставке с награждением или без онаго, когда и с которого по какое время	14. Холост или женат; на ком, имеет ли детей, кого именно: год, месяц и число рождения детей; и где они находятся и какого Вероисповедания?
--	---	--	---	---

	конче но		?	
<p>1807 года с 13-го февраля по 25-е марта до Прусских границ, а с того же числа за границу, 24 и 25 мая при преследовании неприятеля до реки Посаряли, 29 при городе Гейльсберге в действительном сражении с французами, 2 июля при городе Фридланде, а оттоль обратно в Россию, того же года по 24 августа; 1812 г. тюля 18-го под городом Витебском, 6-го августа при Смоленске; 26 при Бородине, сентября 15 при Боровском перевозе; 17 при Чирикове, 22 при Чернигине, октября 6 при Тарутине, при преследовании неприятеля до села Воронова в откомандировке по 11 число ч тремя сотнями казаков для открытия через город Москву сношения с корпусом Генерал-лейтенанта Винценгероде, при исполнении чего и взято им 120 пленных; 22 при городе Вязьме, 26 при городе Дорогобуже; ноября 3,4 и 5 при селении Рошавке и Мерлине, 6 при городе Красном, при преследовании неприятя авангардом Главной армии до города Борисова; в Саксонии 1813 г. Апреля 23 при Вальсгейме, 24 при Эгердорфе, 25 при дороге от Нейсена к Воздорфу, 27 при защищении переправы через реку Эльбу при городе Дрездене; 29 при городе Вейсиге; 30 в окрестностях Бишавсвердера, мая 3 между селением Раказатец и городом Бауцином; 7 и 8 в Генеральном сражении при городе Бауцыне; 9 в авангардном деле при отступлении армии от Бауцына; 10 между Рейхенбахом и гор. Гершцен; 11 при дороге от Гершца к Лаубану; Августа 14 и 15 при городе Дрездене; Октября 4 и 6 под городом Лейпцигом; 1814 марта 8 при городе Арсис-Сюр-обе и 18 того же месяца при гор. Париже, 1815 из Вены при Его Императорском Величестве совершил поход во Францию; в 1828 г. в Турецкой кампании со дня перехода войск 2 Армии за границу, 25 Апреля, участвуя</p>	Не был	<p>Высочайшими Приказами 1822 г., Октября с 8 за границу на 4 месяца, 1824 мая с 5 на 6 месяцев за границу; на срок явился. 1829 г. февраля с 19-го на 28 дней по домашним обстоятельствам в Херсонскую и Киевскую губернии. 1835 г. апреля с 19 с Высочайшего разрешения за границу без означения времени.</p>	Не был	<p>Женат на дочери Генерал-Аншефа Графа Феликса Потоцкого девице графине Софии Потоцкой. Католического исповедания, детей не имеет.</p>

<p>во всех распоряжениях по званию Начальника Главного Штаба Армии, находился в действительных сражениях в продолжении осады Браилова, при переходе Дуная 27 Мая, при Сатунове, под сильным неприятельским огнем и при сбитии неприятеля с выгодной укрепленной позиции при поражении неприятельской кавалерии пред Шумлою и овладении его позицією, 8 Июля при занятии высоты правого фланга, 16 при отражении неприятельского нападения на левый фланг позиции при отражении сильного неприятельского нападения в ночь на 14 Августа на редуты правого фланга, при чем отнял у неприятеля обратно занятый им редут №5; 20 при отражении сильной неприятельской вылазки, намеревавшейся отрезать Уланскую Бригаду, шедшую от Силистрии к Шумле; в 1829 , по вступлении в командование 4 резервным кавалерийским корпусом и всеми войсками, находившимися на левой стороне Дуная, находясь под крепостью Журжею, лично командовал отрядом при отражении неприятельских вылазок 27 Апреля, 2 Мая и 19 Июня, потом начальствуя войсками правого фланга армии, переправился с назначенным из оных для наступательных действий корпусом, 28 августа при Рахове чрез Дунай и находился при преследовании Боснийской и Албанской Армии, бывшей под Начальством Мустафа Паши Скодрсаго по направлению к Софии до города Врацы, где остановлен повелением, полученным от Главнокомандующего Армиею 10 Сентября, по случаю заключения между Российскою и Турецкою Империями мира, а 28 Сентября по повелению Главнокомандующего Армиею, двинулся с отрядом через Плевно, Ловчу и Сельви в Габрово во фланг Албанских войск, при городе Филиппополь находившимися, и перейдя чрез Балкан занял авангардом</p>					
---	--	--	--	--	--

<p>М. Шипку и все проходы чрез Балкан и подошву онаго в Румелии, чем прекращено сообщение Верховного Визиря с войсками Паши Скодрскаго; оттуда, по повелению Главнокомандующего Армиию, выступил 2 Ноября чрез Систов на зимняя квартиры на левую сторону Дуная.</p>					
--	--	--	--	--	--

Список литературы:

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
2. Послужной список // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). - СПб., 1898. - Т. XXIVа. С. 684. – URL.: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA
3. Вакилев Т.Р. Формулярные списки чиновников в эпоху Николая I и их значение в механизме государственного управления // Теория и практика общественного развития. 2014 №2. - URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/formulyarnye-spiski-chinovnikov-v-epohu-nikolaya-i-i-ih-znachenie-v-mehanizme-gosudarstvennogo-upravleniya/viewer>
4. Минин, А. С. Граф П. Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи: монография / А. С. Минин. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. – 238 с.
5. РГИА Ф. 958. Оп.1. Д. 2. Формулярные списки о службе графа П.Д. Киселева. Формулярный список о службе Члена Государственного Совета генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Павла Дмитриевича Киселева 1872 года (посмертный). Л.л. 142 – 160.

Миронов Василий Анатольевич

кандидат философских наук, научный сотрудник

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

SPIN-код: 5640-6581

**СХЕМА «АГРЕССОР-ОБМАНЩИК/ЖЕРТВА ОБМАНА И АГРЕССИИ»
КЛОДА БРЕМОНА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ТРАКТОВКЕ СОБЫТИЙ ПО
«ВОССОЕДИНЕНИЮ» ФРГ И ГДР**

Аннотация: В статье рассматривается проблема этической оценки ликвидации ГДР как государственной структуры и её интеграции в политическое и экономическое пространство ФРГ. Согласно ряду исторических и социологических источников, «воссоединение» стало не причиной поиска и нахождения общего языка между западными и восточными немцами, а наоборот, причинами раздора и глубокого взаимного недоверия и отторжения. Схему К. Бремона «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии», на наш взгляд, можно успешно использовать для всестороннего знакомства с историей конфликта восточных и западных немцев.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, объединение Германии, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика, этика, мораль, этические аксиомы.

**THE SCHEMA "AGGRESSOR / VICTIM OF TRAP AND AGGRESSION"
OF C. BREMOND AND ITS APPLICATION TO THE INTERPRETATION
OF THE EVENTS OF THE "UNIFICATION" OF THE FRG AND THE GDR**

Summary: The article deals with the problem of ethical assessment of the liquidation of the GDR as a state structure and its integration into the political and economic space of the FRG. According to a number of historical and sociological sources, "reunification" was not the reason for the search and finding of a common language between West and East Germans, but, on the contrary, the reasons for discord and deep mutual distrust and rejection. C. Bremond's schema "Aggressor/Victim of Trap and Aggression", in our opinion, can be successfully used for a comprehensive understanding of the history of the conflict between East and West Germans.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, DDR, German unification, Wiedervereinigung, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy, ethics, morality, ethical axioms.

На сегодняшний день споры о социалистическом прошлом, переходном периоде от социализма к капитализму, а также о настоящем капитализма в постсоциалистических странах не просто не утихают, но даже набирают всё

большую остроту. В связи с этим, главной целью данного исследования является, поиск методологии этической оценки действий политических сил во время радикального политического и экономического переустройства. Учитывая то, что каждый случай радикального переустройства общества разный и порой даже уникальный, в рамках данного исследования в качестве эмпирического материала для философских размышлений была взята история, касающаяся ликвидации ГДР как государственной структуры и вхождения ее территорий и экономики в состав Западной Германии – ФРГ. В качестве исторических источников в данной работе использовано интервью [2;3] Маркуса Бьёика, автора фундаментального труда о приватизации восточногерманских предприятий «Тройханд. Идеи. Практика. Опыт 1990-1994» [4]; работу Фритца Вилмара «Обратная сторона объединения Германии» [5] и др. В качестве методологической основы была взята работа «Логика нарративных возможностей» [6] Клода Бремона, а также герменевтическая концепция Г.-Г. Гадамера, представленная в его работе «Истина и метод».

Статья Клода Бремона «Логика нарративных возможностей» представляет собой в некотором смысле краткое пособие по тому, как нужно писать художественное повествование и как может оно быть написанным. Как пишет сам Бремон, нарративные структуры берутся не из фантазии автора повествования, а из повседневного житейского опыта, структуры которого понятны всем: «элементарным нарративным типам соответствуют наиболее общие формы человеческого поведения. Задача, договоренность, ошибка, ловушка и т.д. – это универсальные категории. Сеть их внутренних артикуляций и их взаимных отношений априори определяет поле возможного опыта» [6, С 406]. Учитывая, что нарративные структуры являются схемами возможного человеческого опыта, представим взаимоотношения, складывавшиеся между Западной и Восточной Германией в 1980-1990-х годах, в рамках универсальной схемы К. Бремона «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» [6, С. 398]:

Схема «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии»

Первый этап.

Точка зрения агрессора-обманщика-ФРГ

✓ Нужно устранить противника – ГДР

▪ ГДР нужно заманить в ловушку

• Нужно убедить восточных немцев, что им будет лучше при капитализме

и «демократии»

• Пропаганда легкой и богатой жизни в Западной Германии

• Обман совершен. Восточные немцы поверили обману

Второй этап

Точка зрения жертвы обмана и агрессии

✓ Ошибка стала возможной. Возникла идея интеграции в пространство

ФРГ

✓ Процесс совершения ошибки: Массовые митинги и демонстрации против властей ГДР и за «демократию»

✓ Ошибка совершена: Падение Берлинской стены, валютный союз, ликвидация ГДР как Государственной структуры

Третий этап.

На этом этапе агрессор обманщик раскрывается и становится просто агрессором:

✓ Шанс ухватиться за ошибку. Шанс пока восточные немцы не поняли, что всё это

было обманом, уничтожить альтернативную Германию (ГДР) как политического и экономического конкурента

✓ Воспользоваться шансом. Интеграция Восточной Германии в правовое поле ФРГ.

➤ Ущерб, который нужно нанести

• Ликвидировать госструктуры ГДР.

• Провести невыгодный для ГДР валютный союз,

• Приватизировать собственность ГДР, тем самым уничтожить экономику и культурную жизнь страны

➤ Процесс агрессии.

• Ликвидация государственности ГДР

• Заключение валютного союза,

• Ликвидация ГДР как политического и экономического субъекта.

• Запуск в работу Тройханда (уничтожение экономики Восточной Германии и большинства её социально-культурных институтов)

✓ Шанс использован. ГДР уничтожена как политический, так и как экономический и культурный субъект

➤ Ущерб нанесен. Агрессия удалась

• ГДР ликвидирована (экономика, культурная жизнь и социальные службы ГДР уничтожены)

Четвертый этап (происходит синхронно с третьим)

Точка зрения агрессора

➤ Процесс улучшения для ФРГ. Вливание новых денег в экономику ФРГ от приватизации и распродажи предприятий бывшей ГДР

➤ Противник устранен, ГДР уничтожена.

Несомненно, данная схема «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» является существенным упрощением сложных, многогранных и многоуровневых событий. Однако при этом она является, выражаясь в терминологии Хайдеггера и Гадамера, первым предварительным наброском понимания интересующих нас событий. Согласно герменевтической традиции XX века невозможно подойти к исследованию объекта с нейтральной стороны, ибо даже сама нейтральность уже является определенным ракурсом рассмотрения. А если это так, то, на наш взгляд, нужно исходить не из нейтральной позиции, а из той позиции, которая помогла бы раскрыть

наибольшее количество проблемных и важных моментов в исследуемом историческом событии или периоде. И в качестве такой изначальной позиции была выбрана вышеуказанная схема Бремона, примененная к интересующей нас ситуации – интеграции ГДР в политическое и экономическое пространство ФРГ.

При выборе и построении данной схемы мы исходили из следующих первоначальных допущений и точек зрения. Во-первых, при построении схемы была принята за основу следующая позиция восточных немцев: «Эта аннексия была обманом, а для многих бывших граждан ГДР – прекрасным самообманом»¹. Данное суждение опубликовано в рамках статьи под названием «Аннексия ГДР» (Die Annexion der DDR) без указания авторства на сайте организации «Свободная немецкая молодежь» (Freie Deutsche Jugend, FDJ)². О разочаровании восточных немцев от «объединения» также упоминает и немецкий историк Маркус Бьёик: «для многих восточных немцев Тройханд является символом того, что процессы объединения двух Германий после 1990 года не оправдали их надежд и ожиданий» [2, С. 21]. Поэтому мы исходили из того предположения, что позиция об «обмане восточных немцев западными немцами» разделяет если не большинство, то значительное число восточных немцев, особенно старшего поколения. Во-вторых, данная схема построена с позиций историка, а не очевидца, то есть уже после свершившихся событий и претендует на отражение ключевых этапов по разрушению ГДР как политического и социально-экономического субъекта. В-третьих, при построении данной схемы мы представляли обе Германии как отдельных, целостных и самостоятельных субъектов, оставляя за скобками политические конфликты элитарных групп как внутри Западной, так внутри Восточной Германии.

Схематичное представление ФРГ и ГДР как самостоятельных и цельных субъектов также указывает на то, что действия ФРГ как политического, экономического и культурного субъекта определены, в указанной выше схеме, как активные, доминирующие и целенаправленные. Необходимость рассмотрения действий ФРГ, как более активного субъекта во взаимоотношениях двух Германий, возникает, с одной стороны, вследствие того, что представители ФРГ доминировали в политике и экономике после ликвидации ГДР как государственной структуры. Плюс ко всему, восточные немцы были отстранены от принятия жизненно важных решений, касающихся не только политической, но и экономической жизни Восточной Германии. Маркус Бьёик утверждает, что после того как Восточная Германия перешла под юрисдикцию ФРГ «западная сторона, сказала, что как-то надо организовать процесс передачи собственности ГДР, но под это отдельное министерство создаваться точно не будет. Также не желательно было всё оставлять на откуп

¹ Die Annexion der DDR. 1999. URL: <https://www.fdj.de/infoportal/index.html?artikel/html/annexion>

² «Свободная немецкая молодежь» – молодежная организация во времена ГДР была аналогом советского Комсомола, только в отличии от последнего на сегодняшний день еще функционирует, хоть и в уже довольно усеченном виде.

«новым землям»³, ведь там предприятия каким-то образом еще на тот момент продолжали свою работу, и скорее всего старые генеральные директора попытаются остаться на своих местах и стать предпринимателями. А это для западногерманского правительства было недопустимо. Было сказано: мы не просто приберем к рукам ваше попечительское учреждение – Тройханд, но и посадим туда на руководящие должности опытных западногерманских руководителей из числа менеджеров и предпринимателей. Никаких бюрократов и политиков там не должно быть, нам нужны только опытные рыночные экономисты» [2, С. 28]. В связи с тем, что, как пишет, Бьёик, «социалистические предприятия помимо всего прочего выполняли перед населением еще и важнейшие культурные и социальные задачи» [2, С. 26], при отстранении восточных немцев от принятия решений, касающихся судьбы социалистических предприятий, население бывшей ГДР также было отстранено и от принятия решений в отношении культурных и социальных учреждений. Следовательно, восточные немцы после выборов и победы на них команды Гельмута Коля в марте 1990 года уже никак не могли повлиять на решения западногерманского правительства в сфере политики, экономики и культурной жизни Восточной Германии. Доминирование западных немцев на только что присоединенных «новых землях» в 1990-х годах уже является общепризнанным фактом, который не отрицает ни та, ни другая сторона.

Если исходить из того допущения, что ФРГ проявляла себя как цельный, активный и доминирующий субъект, то необходимо также допустить наличие у руководства ФРГ определенной и осмысленной цели. Сложно представить, что все действия Федерального правительства Германии в отношении «новых земель» были спонтанны, случайны и не обдуманно. Такое допущение мы отвергаем. Следовательно, стоит допустить, что действия руководства Западной Германии были обдуманно и имели определенное целеполагание. И здесь нам снова необходимо обратиться к работе Бремона, который пишет, что всякое осмысленное действие субъекта имеет цель, или как пишет Бремон: «Независимо от того, желаем мы этого или опасаемся, их [действующих лиц – В.М.] цель управляет порядком действий, которые следуют друг за другом и образуют иерархии и дихотомии в соответствии с нерушимым порядком. Когда человек в реальной жизни составляет план, исследует в уме возможное развитие ситуации, размышляет о предпринятых действиях, вспоминает этапы прошлого события, он формирует первые повествования, которые мы можем себе представить» [6, С. 406]. Иными словами, придание доминирующему и активному субъекту цели позволяет связать воедино все его действия. Об этом Бремон пишет следующее: «у рассказчика, который хочет упорядочить хронологическую последовательность событий, о которых он рассказывает, придать им смысл, нет другого выхода, кроме как связать их вместе в единстве действия, направленного к цели» [6, С. 406].

³ «Новыми землями» называлась территория Восточной Германии, которая полностью перешла под юрисдикцию ФРГ после ликвидации ГДР как государственной структуры

Следовательно, для того, чтобы история приватизации восточногерманских предприятий могла уложиться в единый и цельный рассказ историку придется прибегнуть к наделению ключевых субъектов определенного целеполагания, даже, если у историка нет достаточных оснований для этого. Наделение субъекта определенным целеполаганием тем самым является средством раскрытия логики исследуемых событий. При этом историку нужно иметь в виду, что в процессе исследования могут вскрываться факты, меняющие представление о мотивах субъектов и их целеполагании. Но, несмотря на это с чего-то историку надо начинать своё исследование, и в самом начале, на наш взгляд вполне допустимо такие сложные и неоднородные субъекты как государства наделять цельной субъектностью и единым целеполаганием. Например, представленная выше схема предлагает рассматривать события приватизации в историческом контексте, где цель Западной Германии, то есть ФРГ – посредством обмана уничтожить своего политического, культурного и в некоторых областях экономического конкурента – Германскую Демократическую Республику. К тому же наделение таким целеполаганием Федеративной Республики Германии указывает на важность анализа событий до валютного союза, а также до ликвидации ГДР как государственной структуры и до проведения приватизации на территории Восточной Германии. Иными словами, целеполагание ФРГ указывает на более глубокие и более ранние причины, развернувшихся драматических событий для восточных немцев после «объединения» (*Wiedervereinigung*). Кроме того, указанная схема отношений ФРГ и ГДР времен претендует на некоторую целостность, и, следовательно, помогает хотя бы при первом приближении понять суть проблемы, суть конфликта Востока и Запада Германии.

Схема «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии» не является окончательным «приговором» в теме «объединения» ФРГ и ГДР. Скорее данную схему следует воспринимать как инструмент, с помощью которого можно погрузиться в эту тему. Вполне вероятно, что на определенном этапе в будущем такая схема может быть полностью отвергнута научным сообществом, однако для того чтобы эту схему отвергнуть или существенным образом дополнить или видоизменить нужно будет производить не только глубокие исторические, но и философско-методологические исследования. Поэтому хотелось бы, чтобы данная статья стала не конечным результатом исследований, а дверью, через которую историки и философы могут войти в столь малоизученную, экзотическую, а потому и интересную тему.

Список литературы:

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем./ общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988.
2. Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 1 / пер. с нем. В. А. Миронова// ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 18–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-18-33.

3. Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 2 / пер. с нем. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 61–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72.
4. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990-1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018. (на немецком языке)
5. Vilmar F., Guittard G. La face cachée de l'unification allemande. Editions de l'Atelier/ Les Editions Ouvrieres, Paris, 1999. (на французском языке)
6. Bremond C. The Logic of Narrative Possibilities. Trans. Elaine D. Cancalon. New Literary History 11, no. 3, 1980, 387–411. (на английском языке)

Михайлова Маргарита Ярославна

ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

ВЛИЯНИЕ БАНКРОТСТВА НА ЖИЗНЬ СОЦИУМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация: В данной работе дается определение банкротства как социального явления, описывается методология понимания системы несостоятельности как явления, определяются отличительные черты социального явления, сравниваются системы несостоятельности в различных правовых системах с точки зрения морали, устанавливается баланс между правами должников и кредиторов.

Ключевые слова: банкротство, социальный феномен, социальное явление, общественные отношения, социальная среда.

THE IMPACT OF BANKRUPTCY ON THE LIFE OF SOCIETY IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Summary: This paper defines bankruptcy as a social phenomenon, describes the methodology for understanding the insolvency system as a phenomenon, defines the distinctive features of a social phenomenon, compares insolvency systems in different legal systems from a moral point of view, and establishes a balance between the rights of debtors and creditors.

Keywords: bankruptcy, socialphenomenon, socialphenomenon, socialrelations, socialenvironment.

Институт несостоятельности имеет историческое, правовое и социальное значение, оказывает действенное влияние на экономическое развитие государства и экономическое благополучие отдельных граждан.

Определение «банкротства» происходит от латинских слов «скамья» (лат. bancus) и «сломанный» (лат. ruptus).

Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» определяет «банкротство» как неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам.[1]

Ситуация, когда должник не может выполнить имеющиеся денежные обязательства перед кредиторами, известна еще с древнейших времен. Изначально, неуплата долгов считалось деянием противозаконным, за которое следовало наказание.

В Ветхом Завете было указано, что каждый седьмой календарный год на необходимо прощать долги всем евреям. Всякий пятидесятый год долги

прощались всем жителям, включая неевреев, а также выпускались на свободу все лица, попавшие в долговое рабство, вне зависимости от их этнического происхождения.[2]

В Древней Греции если отец семейства не мог расплатиться с долгами, то он и все его близкие и прислуга обращались в долговое рабство, которое прекращалось только после полной компенсации убытков кредиторов их физическим трудом.

В соответствии со свидетельством Макризи Яса Чингисхана должника, который трижды не сумел расплатиться с кредиторами, приговаривали к смертной казни.

Наибольшее развитие институт несостоятельности получил в римском праве и заложил основы современных процедур признания несостоятельности должников в большинстве современных стран.

Законы XII таблиц разрешали кредитору разубить несостоятельного должника на части. Гражданин Римской империи отвечал всем своим имуществом, своей свободой и свободой членов семьи по взятым на себя обязательствам.

Во времена развития торговли появились установленные правила изъятия имущества должника, которые учитывали интересы всех кредиторов и регламентировали порядок реализации имущества.

Римские юристы различали должников, избегающих уплаты по своим обязательствам и тех, кто не мог расплатиться по долгам, что привело к становлению основы современного правового института банкротства.

В Средневековой Европе должник, не исполнивший свои обязательства, подлежал уголовному преследованию.

Впоследствии законодательства многих европейских стран предусмотрели реабилитационные и реорганизационные процедуры в рамках производства по делу о несостоятельности.

В наши дни банкротство необходимо рассматривать не только как правовой институт, но и как социальный феномен.

Неплатежеспособность отражается не только в существующем индивидуальном поведении и событиях, но и в социальных отношениях и взаимодействии между людьми. Неплатежеспособность существует как явление социальной реальности, которое свидетельствует о взаимодействии между индивидами в различных сферах.

Участие людей в жизни общества в правовой системе несостоятельности влияет на изменение общественных отношений. Существует два основных подхода к решению этой проблемы: интеграция и адаптация: либо индивид приспособливается к окружающей действительности и не проявляет никакой инициативы, либо позитивно взаимодействует.

Процедура банкротства физических лиц включает в себя индивидуальные процессы, которые выражают материальные и духовные продукты человеческой деятельности и характеристики социальной действительности.

Как социальный феномен несостоятельность имеет свои эмпирические характеристики и повторяет устойчивые связи и отношения с социальной реальностью. Несостоятельность невозможно определить как социальный феномен без выделения основных характеристик, которыми обладает банкротство как социальное явление (регулярность, универсальность, типичность и социальная значимость).

Следовательно, можно изучать банкротство как социальное явление по разным параметрам, и по своему характеру несостоятельность - это причина повторяющихся патологий в организации деятельности рыночной экономики. Подобные нарушения со стороны должника негативно отражаются на всех участников экономических процессов.

На протяжении всего периода развития банкротства целью процедуры о несостоятельности должника является распределение имущества должника между всеми кредиторами.

В XIX веке в основном внимание уделялось имущественным отношениям и возврату его кредиторами. В XIX веке вектор общественных отношений сместился в сторону социальной адаптации должника в обществе и восстановления его платежеспособности.

Право Великобритании больше защищает интересы кредиторов. Основная идея состоит в том, что необходимо предпринимать разные действия для того, чтобы кредиторы могли получить максимальный возврат средств от должника.[3]

Во время становления процедуры банкротства наказания должника менялись: так должника и его семью могли и ограничить в свободе, посадить в долговые тюрьмы и подвергнуть физическим наказаниям. В зависимости от территории и времени нравственные правила, нормы морали всегда нарушались.

Правовые нормы, регулирующие банкротство направлены на превентивное запугивание и не всегда выполняют функцию восстановления нарушенных прав кредиторов. Лояльное восприятие обществом этих правил привело к уменьшению их социального значения.

Однако, социальные идеи в обществе в 19-20 веках развивались достаточно активно, что позитивно повлияло на процедуру банкротства.[4] Так этико-правовые нормы большинства современных стран гласят, что у каждого должен быть шанс начать все сначала, даже после экономической неудачи.

Учет неблагоприятных внешних факторов влияет на формирование социально обоснованных выводов и рекомендаций касательно социально-экономической эффективности института несостоятельности. Это способствует сотрудничеству между людьми в социальной среде, а также между должниками и кредиторами.

Сегодня доктрина сотрудничества с должником успешно применяется в законодательстве большинства современных стран.

Тем не менее, помимо теории сотрудничества, существует также теория социальной полезности: 1. Оздоровление должника и возвращение его в как участника общества. 2. Чем меньше должников, тем меньше вероятность деформации общественного строя и политических волнений.

Третьей теорией считают теорию гуманизма, основной идеей которой считают освобождение от обязательств должника актом гуманности общества в соответствии с общечеловеческими ценностями.

Социальный контекст несостоятельности как социального феномена порождающего взаимодействие обладает обратной связью между людьми и социальными отношениями.

Список литературы:

- 1.Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (дата обращения 27.02.2024) – Текст электронный.
- 2.История института банкротства - URL.: <https://npsgau.ru/istoriya-instituta-bankrotstva.php> (дата обращения 27.02.2024) – Текст: электронный.
- 3.Погребняк, Е. С. Банкротство как социальный феномен / Е. С. Погребняк // Практическая философия: состояние и перспективы: Сборник материалов II научной конференции, Ялта, 27–28 мая 2019 года / Главный редактор О.А. Габриелян. Том Часть 2. – Ялта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 97-105.

Мичурин Алексей Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 9537-1684

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКИ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ В 1906-1917 ГОДАХ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

Аннотация: В данной статье рассматриваются общие проблемы отечественной историографии 20 века в связи с оценкой государственного строя Российской империи, возникшие в результате введение в действие манифеста 17 октября 1905 года. Роль и сущность российского самодержавия в 1906-1917 годах, особенно в период «третьеиюньской монархии» - сложная и многогранная проблема, до сих пор не утратившая своей научной актуальности. Данная статья посвящена вопросам, связанным с анализом Основных законов Российской империи в этот период времени в юридической и исторической литературе. Отдельно выделены проблемы политической борьбы в Государственном совете и Государственной думе в годы Первой мировой войны. В научной работе выявляются подходы дореволюционных либеральных и консервативных юристов к Основным законам Российской империи. Показаны особенности влияния их оценок на политические силы во время общественно-политического кризиса 1915 года. Выявлены основные подходы к проблеме оценки государственного строя в России в 1906-1917 годах советской историографии и работах 90-х годов 20 века.

Ключевые слова: Государственный совет, Государственная дума, «Прогрессивный блок», Первая мировая война, историография, парламент.

MAIN PROBLEMS AND ASSESSMENTS OF THE ESSENCE OF THE RUSSIAN STATE SYSTEM IN 1906-1917 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE XX CENTURY

Summary: This article examines the general problems of Russian historiography of the 20th century in connection with the assessment of the state system of the Russian Empire, which arose as a result of the implementation of the manifesto on October 17, 1905. The role and essence of the Russian autocracy in 1906-1917, especially during the “June Third Monarchy” is a complex and multifaceted problem that has not yet lost its scientific relevance. This article is devoted to issues related to the analysis of the Basic Laws of the Russian Empire during this period of time in legal and historical literature. The problems of political struggle in the State Council and the State Duma during the First World War are highlighted separately. The scientific work identifies the approaches of pre-revolutionary liberal and conservative lawyers to the Basic Laws of the Russian

Empire. The features of the influence of their assessments on political forces during the socio-political crisis of 1915 are shown. The main approaches to the problem of assessing the state system in Russia in 1906-1917 of Soviet historiography and the works of the 90s of the 20th century have been identified.

Keywords: State Council, State Duma, «Progressive Block», World War I, historiography, parliament.

Для понимания правового поля функционирования российской политической системы в период «думской монархии» 1906-1917 годов чрезвычайно важны юридические исследования. Особое место занимает вопрос о месте и роли Государственного совета и чрезвычайно-указного права в системе законов Российской империи в этот период. Вопросы роли Государственного совета, соответствия Основных государственных законов европейским конституционным нормам поднимались сразу же вслед за опубликованием Основных законов в 1906 году. Российские правоведы Я.М. Магазинер [18], З.Д. Авалов [1], М.М. Ковалевский [15], С.А. Котляревский [16], В.М. Гессен [7], Н.А. Захаров [12] посвятили Основным государственным законам и функционированию высших законодательных учреждений свои исследования. Этот вопрос смыкается с темой данной работы еще и потому, что в борьбе политической оппозиции в российском парламенте в лице «Прогрессивного блока» в 1915-1917 годах значительное место отводилось реформированию всей политической системы, установленной Основными государственными законами, а потому необходимо выяснить истоки проблемы, рассмотреть изменение данного вопроса как в дореволюционной, так и в советской историографии. Либеральные правоведы находились в очень сложной ситуации. Они были вынуждены, с одной стороны, всячески подчеркивать конституционность Основных законов, которые создавали условия для ограничения самодержавия, с другой стороны, им были необходимы указания на недостатки в существующей политической системе, чтобы требовать ее реформирования. Спор шел даже по вопросам качественного соотношения конституционного ядра в Основных государственных законах, причем, как отмечал еще в 1908 году З.Д. Авалов, «значение этого ядра так велико, что не знаешь, что было бы точнее, назвать ли его инородным телом в организме русской конституции, или же последняя есть простой придаток к этому ядру» [2, с.42]. Исследования дореволюционных юристов останавливались на двух основных проблемах, связанных с Основными государственными законами. Первой из них было место и роль законодательных палат (Государственная дума и Государственный совет) в системе государственного устройства Российской империи. Во вторую очередь это чрезвычайно-указное право и соотнесение его с нормальным законодательством. Вопросам чрезвычайно-указного права и связи его с деятельностью Государственного совета уделено внимание в работах Я.М. Магазинера [18], А.С. Алексеева [2], К.Н. Пасхалова [20], П.Е. Казанского [14],

Б. Нольде 19]. Значительные расхождения в этом вопросе между различными исследователями проистекали из их политических воззрений. Например, А.С. Алексеев, отстаивавший интересы народного представительства, отрицательно относился к чрезвычайно-указному праву, считая, что-то «как он усвоен австрийским и русским законодательством, с точки зрения конституционно-правовой, представляет собою учреждение, стоящее в принципиальном противоречии с основными требованиями правового государства» [9]. В то же время к началу Первой мировой войны произошло переосмысление чрезвычайно-указного права в сторону отрицания его решающего значения [19, с.49]. С.А. Котляревский в своей работе отмечал, что в чрезвычайно-указном праве нет «специального стремления ограничить права народного представительства» [16, с.61].

Этот вопрос важен тем, что он непосредственным образом смыкается с проблемами существования Государственного совета, в частности, назначениями в Государственный совет 1 января каждого года. Противником применения широкого толкования статей 9 и 11 Учреждения Государственного совета, позволявших производить смену членов верхней палаты по назначению, выступал Н.И. Лазаревский [17, с.355-356].

Еще одной важной проблемой, активно разрабатывавшейся отечественными юристами, был вопрос о природе и характере русской политической системы. Этот вопрос важен для уяснения природы возникновения тех споров, которые разгорятся во время Первой мировой войны вокруг «ответственного министерства», юридической ответственности министров, парламентаризма, правовых возможностях законодательных палат. Политизированность дореволюционных исследований не могла способствовать уяснению всех вышеперечисленных проблем. Основной из них продолжала оставаться проблема российского самодержавия, которая решалась одними исследователями с точки зрения существования в России конституции [16,с.6], в то время как другие или отказывали Основным государственным законам в именовании «конституционные» [20,с.27], или говорили о сложности понимания природы российского самодержавия, которое «не исчезло, но видоизменилось и приняло в лице отдельных своих частей своеобразную форму» [12,с.298]. Природа этого спора лежала в политической плоскости, и по мере обострения политической ситуации исследования правоведов, а часто и сами правоведы, оказывались вовлеченными в конфликт между законодательными палатами и правительством.

Член Государственного совета В.И. Герье [6], занимавшийся анализом российской политической системы, по этому поводу писал в 1916 году: «Теперь все забрали в руки милюковские кадеты, не понимающие и не желающие понять сути нашего политического законодательства. Они воображают, что депутаты призваны к участию в самом правительстве. И никто их не разуверяет, и недоразумение, как раз все более и более разъедает здоровые слои русского общества. Конечно, вина в этом падает прежде всего на наших

юристов» [5, л.1117]. Необходимо отметить, что несмотря на значительные научные изыскания, вопрос о правовом статусе нового государственного строя не был закрыт исследованиями дореволюционных ученых.

Малый срок существования законодательных учреждений не дал возможности осветить и деятельность верхней законодательной палаты, хотя и по данной проблеме появлялись работы, например, статья М.М. Ковалевского «Спасительный тормоз или губительная запруда?» [15]. В ней освещались в основном вопросы роли и места Государственного совета в политической системе царской России. Статья М.М. Ковалевского интересна еще и тем, что автор сам был членом Государственного совета и принимал непосредственное участие в создании «Прогрессивного блока». Поэтому его оценка проливает свет на отношение «прогрессивных групп» Государственного совета к этому законодательному учреждению и намечает пути его реформирования.

В отечественной советской историографии до середины семидесятых годов двадцатого века преобладало представление о сущности политического строя после революции 1905-1907 годов как о практически неограниченном самодержавии [13, 22]. Несколько иного мнения в правовой оценке Основных законов Российской империй придерживался Н.П. Ерошкин в работ «История государственных учреждений дореволюционной России» [11], отмечавший, что назвать Государственную думу и Государственный совет полноправными органами нельзя, так как их деятельность близка к законосовещательной: «В законодательном механизме самодержавия... Государственная дума и Государственный совет занимали значительное место, но законодательными органами, в полном смысле этого слова, их назвать нельзя. Они были представительными органами господствующих классов помещиков и буржуазии» [11, с.272-273]. В 1975 году появилась монография А.М. Давидовича «Самодержавие в эпоху империализма» [8]. Автор оценивает преобразование государственного управления как введение в России «конституционного самодержавия». Сущность его в том, что с юридической точки зрения это была представительская система, а фактически - самодержавие. То же относится и к Государственной думе, и к Государственному совету - это парламент, но с сильно ограниченными полномочиями, однако, автор признает зависимость правительства от бюджетных прав Думы. Касается Давидович и правовых оценок действий «Прогрессивного блока», рассматривая их как конституционные, указывая при этом, что блок привел к некоторому расшатыванию устоев российской политической системы.

Вопросы указного права, чрезвычайно важные для понимания функционирования всей системы российского государственного механизма, разрабатывались В.С. Дякиным [10].

Теснейшим образом с Основными государственными законами связана и проблема понимания их сущности различными политическими силами, чему посвящены исследования В.В. Шелохаева [21] и А.П. Бородина [3,4].

Этот вопрос поднимается и в исследовании В.А. Демина, в котором автор склоняется к признанию российского самодержавия после 1906 года как дуалистической монархии [9, с.83-86], фактически разделяя мнение А.М. Давидовича.

Сложность природы российского самодержавия в его народной (самодержавие) и юридической (ограниченная монархия) интерпретации. В этом вопросе не может быть простых решений, так как расхождение взглядов на Основные государственные законы в среде правившей бюрократии не было преодолено.

При этом стоит отметить - историографический анализ литературы по истории российского парламентаризма показывает, что деятельность «прогрессивных групп» Государственного совета в 1915-1917 годах, в период Первой мировой войны, и их взаимосвязь с "Прогрессивным блоком" не стала предметом самостоятельного исследования в отечественной историографии.

Список литературы:

- 1.Авалов З.Д. О законодательных функциях верховного управления // Изв. СПб. Политехнического института. – 1908. – Т.10. – Вып.1. – С.21-44.
- 2.Алексеев А.С. Происхождение чрезвычайно-указного права и его политическое значение. – М., 1913. – 19 с.
- 3.Бородин А.П. Государственный совет и указ 9 ноября 1906 года //Отечественная история. –1994. – №2. – С.74-89.
- 4.Бородин А.П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907-1914 годах //Вопросы истории. –1977. – №2. – С.56-67.
- 5.ГАРФ. – Ф.102. – Оп.265. – Д.1061/1/.
- 6.Герье В.И. Значение Третьей думы в истории России. –Ч.1. – СПб., 1912. – 99 с.
- 7.Гессен В.М. Русское государственное право. – СПб.: Студенческая касса взаимопомощи при СПб политехникуме, 1909. – 335 с.
- 8.Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. – М.: Наука, 1975. – 350 с.
- 9.Демин В.А. Государственная дума России /1906-1917/. Механизм функционирования. – М.: РОССПЭН, 1996. – 214 с.
- 10.Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России /1906-1914 гг./. //Вспомогательные исторические дисциплины. – VII. – Л., 1976. – С.240-271.
- 11.Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
- 12.Захаров Н.А. Система русской государственной власти. –Новочеркасск, 1912. – 312 с.
- 13.История государства и права СССР / Под ред. проф. Калинина Г.С., доц. А.Ф. Гончарова. –Ч.1. – М.: Юрид. лит., 1972. –670 с.
- 14.Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. –Одесса, 1913. –960 с.

15. Ковалевский М.М. Спасительный тормоз или губительная запруда? // Вестник Европы. – 1914. – Кн.4. – С.196-210.
16. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. – М., 1912. – 217 с.
17. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. –Т.1. – СПб., 1910. – 479 с.
18. Магазинер Я.М. Чрезвычайно-указное право в России. – СПб., 1911. – 172 с.
19. Нольде Б. Очерки русского государственного права. – СПб., 1911. –554 с.
20. Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. – М., 1910. –70 с.
21. Шелохаев В.В. Российские либералы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 1993. – №8. – С.27-39.
22. Юшков С.Ф. История государства и права СССР. – 4.1. – М.: Гос. изд. юрид. литературы, 1950. – 428 с.

Мищенко Анна Вадимовна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 1910-9102

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX-XX ВВ.

Аннотация: В данной статье подчёркивается, что русская философия XIX-XX вв. представляла собой связующее звено между материалистической, рациональной философией Запада и антропокосмическими постулатами Востока. Русская философская мысль ищет правду, истину, всеобщее благо, нравственное начало, пытается познать идеальное, непостижимое. Русская диалектика далека от рационалистической несмотря на то, что отечественные философы использовали как достижения античной и восточной философии, так и работы западноевропейских философов Нового Времени. Достижения русской культуры всегда уникальны. Они представляют собой результат драмы, конфликт между совершенной культурой и совершенной жизнью, стремление к новой, преображённой жизни, сопровождаемые бурными кризисными социально-политическими и даже революционными событиями.

Ключевые слова: триадичные учения, антропокосмический, диалектика, драма, благо, Логос.

THE CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE XIX-XX CENTURIES

Summary: This article emphasizes that the Russian philosophy of the XIX-XX centuries represented a link between the materialistic, rational philosophy of the West and the anthropocosmic postulates of the East. Russian philosophical thought seeks truth, truth, the universal good, the moral principle, tries to know the ideal, the incomprehensible. Russian dialectics is far from rationalistic, despite the fact that Russian philosophers used both the achievements of ancient and Eastern philosophy, as well as the work of Western European philosophers of Modern Times. The achievements of Russian culture are always unique. They are the result of a drama, a conflict between a perfect culture and a perfect life, a desire for a perfect, transformed life, accompanied by violent crisis socio-political and even revolutionary events.

Keywords: triadic teachings, anthropocosmic, dialectics, drama, good, Logos.

Каковы цели развития современной России? Что наше государство должно выстроить и какие задачи выполнить? Насколько наши намерения должны коррелировать с традициями и менталитетом русской цивилизации и

культуры? Попытки ответить на все эти вопросы заставляют нас обратиться к достижениям русской философской мысли XIX-XX вв. «Издавна среди нас, русских, укоренилось мнение о какой-то особенной стати нашей философии, о её совершенной неординарности и даже о её исключительном значении, что не просто отличает ее от европейской, но отличает выгодно» [6, с. 623].

Русская философия XIX-XX вв. стала неким связующим звеном между системной, рациональной, материалистической философией Запада и антропокосмическими постулатами Востока. Русская философия ищет правду, истину, нравственной начало, всеобщее благо, пытается познавать идеальное, непознаваемое бытие. Достижения русской философской мысли всегда находились в поле религиозного мировоззрения. Они объединены в единое целое «простым фактом их существования в определенном политико-социальном и культурном регионе, но никак не внутренней логикой их существования» [6, с. 625]. Несомненно, важную роль в этом синтезе сыграла триадически обоснованная система русских философских концепций данного периода. Концепт «Святая Троица», Божественное Троиединство Отца, Сына и Святого Духа рассматривается русской философией как отражение разнообразных системных триад, составляющих основу мироздания и бытия. К примеру, русские религиозные мыслители в основу своих философских работ вкладывали триаду «идеальное, реальное, дух», триединство Логоса, бытия и мышления. Триадичную направленность мышления русских философов можно объяснить огромной ролью понятия о Святой Троице в русской жизни и тем, что это понятие ворвалась не только в философию, но даже в русскую изобразительную культуру («Троица» Андрея Рублева, архитектура, иконопись и прочее). Само трехэлементное мышление было характерно для философов всего мира и всех эпох ввиду глубокой связи триадичной культурологии и тринитарных религиозных систем мировых цивилизаций.

В мире существуют явления и понятия, которые невозможно осмыслить и проанализировать рационально, логически, как бы системно, сложно и наукодоказуемо ни было данное философское построение, но и одной веры отечественным мыслителям было недостаточно. Русские космисты и религиозные философы XIX-XX вв. стали предпринимать попытки доказательства соприсутствия некой идеальной сущности в физическом мире. Они создавали триадичные учения, призванные при помощи Логоса, Духа, Софии объединить тварное и божественное, реальное и идеальное. Как отмечает автор данной статьи в своей ранней работе «Тринитарный универсум», «исследуя проблему происхождения всего сущего на Земле – материальной стороны универсума – можно выделить два основных подхода – богословский и диалектический или формально-логический, исследующий Универсум с точки зрения рационального рассуждения и опирающийся на идеи о Логосе или Божественном Слове как сверхсистемной первопричине» [7]. Стоит отметить, что русская диалектика далека от рационалистической

несмотря на то, что русские философы использовали как достижения античной и восточной философии, так и работы европейских мыслителей.

Поскольку духовность всегда была опорой русской национальной культуры и частью ее ментальности, приверженность нравственным идеалам отразилась и на философии. Поиск истины, попытки понять реальное через идеальное и создание философских работ о всеединстве, о Софии как необходимом третьем элементе в познании стали ключевыми задачами русской философии. «Философия истинна в той мере, в которой она искренна» [6, с. 628].

Обратимся к понятию «русская идея», которое представил и определил великий русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский. Как отмечает А.А. Горелов «Русская идея как братское объединение людей должна была, по мысли Достоевского, преодолеть разрыв между простым народом и образованными слоями населения и обеспечить общественное согласие» [3, с. 50]. Достоевский пишет о русском социализме, объединяющем православие с социалистическими идеями. Русские философы Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин и Г.П. Федотов считали русскую идею связующим и объединяющим нацию звеном.

Однако стоит отметить, что термин «русская идея» подвергался и подвергается критике, начиная от обвинений в шовинизме и заканчивая проявлением мифологического сознания, в котором нет ни грани научности. Так, Е.В. Барабанов утверждает, что «миф – а таким мифом, конечно же, является и «русская идея» – «символически связывает два мира»: нашу природную и социальную реальность и мир «гностического сознания, обреченного на подмену собственно философского знания авторитарным «учением», имитирующим философию» [1, с. 62]. Русская философия с её эсхатологической направленностью, устремлённостью к концу отрицает культуру в западном, классическом смысле слова. «Православие, и особенно русское православие, не имеет своего оправдания культуры, в нём был нигилистический элемент в отношении ко всему, что творит человек в этом мире» [2, с. 88]. Как утверждает Н.А. Бердяев, у русских нет культуropоклонства, мы «апокалиптики», при этом великие русские писатели «чувствовали конфликт между совершенной культурой и совершенной жизнью, и они стремились к совершенной, преображённой жизни» [2, с. 88]. Это объясняет фокусирование русской философской мысли и русской культуры на поиске добра, нравственных идеалов, истины, всеобщего блага. Эти поиски драматичны, выстраданы, им сопутствуют социально-политические кризисные и переходные периоды в стране.

Интересен тот факт, что стиль изложения русских философских концепций не научный, а художественный. Как справедливо отмечает И.И. Евлампиев, «в русском духовном характере образное, художественное, интуитивное отношение к миру обладало явным преимуществом перед абстрактно-рациональным его освоением, поэтому и в философии ведущим

оказался эмоционально-образный стиль философствования, отдававший предпочтение ярким художественным образам и аналогиям, интуитивным прозрениям» [4, с. 5].

Русская культура представляет собой синтез национальной православной традиции и западного начала. В силу неоднородности исторического генезиса России развитие русской философии и культуры также обладает существенной неоднородностью. Оно не укладывалось в традиционные схемы и образцы. Однако не стоит абсолютизировать православие в нашей культуре, поскольку «это мешает видеть в ней сложные связи и зависимости между религиозными и светскими элементами» [6, с. 688]. В русской философии существует немало примеров преемственности и заимствования западных идей, преимущественно идей немецкой философской мысли. Всем известно «русское шеллингианство», «русское гегельянство», «русское лейбницианство» и пр.

Необходимость осмысления русской национальной культуры вынуждает нас обратиться к поэзии, прозе, живописи, музыке выдающихся деятелей искусства нашей страны. Гениальность русских художников и мыслителей заключается в способности настолько органично соединять новую глубину и новый смысл с существующими традициями. Соответственно и понимание таких произведений «требует не только развитого художественного вкуса, но и развитой философской интуиции, умения увидеть за «чистыми» образами искусства их скрытое содержание, связанное с какими-то философскими, идеологическими традициями» [5, с. 11]. Русской культуре присущи широта и крайность эмоционального выражения, бурные переживания, глубокое уважение к силе, стойкости и внутренней воле. Условия жизни убедили нас в этом. В обществе, ограниченном самодержавием, а затем тоталитарной властью, всегда накапливалась мощная энергия, способная в исторической перспективе нарушить равновесие. В вопросе уникальности русской культуры и мышления большую роль играет кардиоцентризм деятельности – сердце является микрокосмом потребностей, души, тела, судьбы. При этом душа русского человека полна извечных антиномий: в ней сочетаются обскурантизм и вечный поиск истины, милосердие и неистовая жестокость, покорность и стихийность.

В заключение хочется добавить, что в русском сознании перманентно происходит освоение социально-исторического опыта, что осознается и транслируется на следующий этап развития русской культуры и ментальности.

Список литературы:

1. Барабанов Е.В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. - 1990. – № 8. - С. 62 - 73.
2. Бердяев Н.А. «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. - 1990. - № 2. - С. 87 - 155.

3. Горелов Анатолий Алексеевич Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. - 2017. - №1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-russkaya-ideya-i-russkiy-sotsializm> (дата обращения: 31.01.2024).
4. Евлампиев И.И. История русской философии. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: Издательство РХГА, 2014. - 667 с.
5. Евлампиев И.И. Художественная философия Андрея Тарковского. - 2-е изд., доп. и переработ. - Уфа: ARC, 2012. - 470 с.
6. Ермичёв А.А. Имена и сюжеты русской философии. Санкт-Петербург: Наука, 2014. - 710 с.
7. Мищенко А.В. Тринитарный универсум // Вестник МГТУ. - 2014. - №4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trinitarnyy-universum> (дата обращения: 02.02.2024).

Наймарк Елена Александровна

магистр, методист-волонтер

независимый исследователь

SPIN-код: 3578-6946

МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ДЕЛЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ФЕЙЕРВЕРКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА. ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ

Аннотация: Статья посвящена коммуникациями в подготовке фейерверков. В ней рассматриваются связи артиллерийского ведомства и Академии наук, пиротехнических лабораторий и талантливых специалистов. Приводятся сведения из более чем 500 дел архивов. Эффективная организация работы по подготовке фейерверков помогала делать показы очень красивыми. Публике показывались многочисленные эмблемы и символы. Прославлялись ценности добра, порядочности, гуманизма, милосердия, человечности.

Ключевые слова: фейерверк, архив, Артиллерийское ведомство, Академия наук, ценности, смыслы, эмблемы, символы.

INTERDEPARTMENTAL COMMUNICATIONS IN THE PREPARATION OF RUSSIAN FIREWORKS IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY. RESEARCH REPORT

Summary: An article dedicated to communications in the preparation of fireworks. It examines the connections between the artillery department and the Academy of Sciences, pyrotechnic laboratories and talented specialists. Information from more than 500 archive files is provided. The efficient organization of work on preparing fireworks helped to make the displays very beautiful. Numerous emblems and symbols were shown to the public. The values of goodness, decency, humanism, mercy, and humanity were glorified.

Keywords: fireworks, archive, Artillery Department, Academy of Sciences, values, meanings, emblems, symbols.

Взаимодействие между артиллерийскими ведомствами и Академией наук, а также подразделениями, ответственную за художественное содержание и техническое обеспечение эмблем фейерверков являлось эффективным. О красоте «огненных зрелищ», не маленьком общероссийском значении свидетельствуют гравюры, хранящиеся в Отделе культуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Пиротехнические показы пришли в Россию из Западной Европы, а оттуда они пришли из Китая, а значит это межкультурные связи.

Коммуникации в культуре — это способ познания мира и средство его преобразования. Взаимодействие между петербургским артиллерийским

ведомством (документы которого находятся в Архиве Санкт-Петербургского артиллерийского музея) и Академией наук было на высоком организационном уровне в первой половине XVIII века [19]: фейерверки готовились по графику и были призваны стать масштабным событием для зрителей.

Автором настоящей статьи было исследовано порядка 500 дел Архива Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Они очень информативны.

Д. Д. Зелов и Е.А. Наймарк написали о подготовке фейерверков в Артиллерийском ведомстве. В данных трудах описываются связи данной организации с другими учреждениями, в том числе и сфере культуры и науки. Данные исследования написаны с анализом архивов, фактов и многих работ специалистов. Е.А. Наймарк собрала и проанализировала более десяти архивов по теме [18; 12; 21].

Интересно посмотреть историографию организации взаимодействия учреждений по подготовке фейерверков в Европе и мире. Ведь создаются убедительные зарубежные исследования по «огненным зрелищам» [2].

Очень многие авторы, помимо Е.А. Наймарк, обращались к документам Архива Санкт-Петербургского Артиллерийского музея (Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Отметить в этом смысле хочется петербургского многообещающего историка Ю. А. Манойленко [16].

В Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи есть отчеты о проделанной работе по подготовке порохов для фейерверков. Это очень важная технологическая составляющая. П.М. Лукьянов исследовал развитие порохов [15].

Вначале действовал Артиллерийский цейхгауз в Петербурге при Петропавловской крепости. В 1720-1740-е годы в северной столице работала Главная Артиллерия. С 1743 года — петербургская Главная артиллерийская канцелярия переименована в Канцелярию главной артиллерии и фортификации. Данное учреждение взаимодействовало с творческими и учеными авторами, а также организациями, связанными с изобразительным искусством (с конца 1720-х годов-Рисовальной палатой Академии наук).

В документах Архива Артиллерийского музея систематически, по порядку и очень подробно расписано, какие материалы готовились для фейерверков. Отмечались, какие приспособления для «театрумов» создавались (в частности, транспаранты). Интересно приготовление плашек для иллюминации Петропавловской крепости. Подсветка здания сама по себе формировала историческую и культурную память и помогала идеологии. Но, возможно, плашками также выкладывались фигуры или подобия их.

Артиллерийское ведомство взаимодействовало с пиротехническими лабораториями. Одна из них располагалась на Васильевском острове Санкт-Петербурга.

В архиве Артиллерийского музея можно найти интересные подробности при подготовке процесса показа фейерверков. В частности, о покупке «ко иллюминации на театрум и в крепость сала говяжьего» [9].

В пиротехнической лаборатории создавались и специальные краски для фейерверков. Цветные огни должны были формировать позитивное настроение у зрителей. Гравюры и инвенции (программки) к фейерверкам создавались в черном цвете. Культуролог и профессор Ю.А. Грибер исследовала воздействие цвета на человека. Лаборатория под ее управлением пришла к выводам, что человек может различать до трех миллионов различных оттенков [1]. И пусть фейерверки не были очень разнообразны по колористике, но для того времени они стали городским «чудом» и также приобщали человека к чувству цвета, формировали у него воображение. Ю.А. Грибер, ссылаясь на эмпирические исследования также отмечает, что определенные цвета и оттенки влияют на пульс и давление, на ощущение тепла и холода, на чувство времени, вкус еды и напитков [11].

Подробное, планомерное, регулярное и систематическое описание фейерверков создало *традицию* пиротехнических показов в культуре. На их содержание влиял уровень образования и культурного просвещения в обществе. И они, благодаря своей известности и яркому визуальному ряду, вероятно, влияли на некоторые аспекты официального просвещения. Это и была своеобразная «социальная рекламы» позитивного отношения к человеку. Ведь ценности добра и милосердия восхваляются в самом образовании и в прессе, посвященной обучению. И поэтому показываются польза и благо внимательного отношения к «маленькому человеку» в культуре. Про гуманизм писалось в статье, посвященной опытному преподавателю по истории, тете автора данной статьи К.И. Наймарк[13].

Про сложные, очень красивые показы фейерверков, которые получались благодаря слаженным коммуникациям организаций, писал Е.В. Анисимов. Он исследовал разное восприятие зрителями самих огненных зрелищ [6-8]. Исследователь показал, как пиротехнические показы формировали чувство прекрасного.

Благодаря слаженному и эффективному взаимодействию организаций создавались очень красивые фейерверки, которые были призваны приобщать зрителей к эстетическому чувству прекрасного и этическим и религиозным ценностям. Они были иногда сложными по исполнению (строились многоплановые фейерверочные «театрумы», особенно, при Елизавете Петровне). На иллюминационных картинах показывались красивые причудливые узоры, изображения людей, мифологических героев, природы и т.д. Восхвалялись: доброта, порядочность, талант, милосердие и другие положительные качества.

Некоторые и даже, можно отмечать, что немало документов Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи были упомянуты Е.А. Наймарк об в статье ранее [18]. Уже достаточно

подробные инструкции обнаруживаются в подготовке к коронации императрицы Екатерины Алексеевны [10]. Наиболее детальные документы при подготовке «огненных зрелищ» были обнаружены в делах времени царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. В частности, о покупке стеллажей и другие сведения.

М.А. Алексеева показала систематические коммуникации между учреждениями по подготовке фейерверков. Она также проанализировала создание придворных календарей, что тоже благоприятно сказывалось на регламентацию традиции показов «огненных зрелищ» [3; 4; 5]. Создавались красивые гравюры по фейерверкам.

Благодаря слаженным связям между организациями, стали постоянными фейерверочные показы у придворных ведомств [20]. А. Д. Меншиков показал пиротехническое представление в честь себя, государственных и общечеловеческих ценностей за несколько дней до своей ссылки из Санкт-Петербурга.

Выходят исследования про актуальность изучения символики и ценностей, которые показываются в эмблемах и фейерверков [17]. Эти сведения важны для литературных героико-эпических мотивов в источниках и историографии [14], а также культурологии.

Систематическое приготовление фейерверков служащими артиллерийского ведомства и Академией наук стало возможна, благодаря слаженными коммуникациям, в том числе делопроизводственным (ставились исходящие и входящие номера документов и прочих нарративов, составлялись описи материалов и проектов, писались отчеты и т.д.) и культурологическим. Данные действия помогали сделать символы и наполнявших их человеческие смыслы более насыщенными и красивыми.

Список литературы:

1. Лаборатория цвета под руководством проф, докт. культ. Ю. А. Грибер – URL.: <http://color-lab.Org/lingvistika-cveta>. Просмотр: 20.01. 2024, в 12:00.
2. Werrett S. Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History. Chicago: University of Chicago Press. 2010.
3. Алексеева М.А. Гравировальная палата Академии наук XVIII века: автореферат на соискание ученой степени доктора искусствоведения. - М., 1974.
4. Алексеева М.А. Календари –альманахи издания Академии наук XVIII века и их иллюстрации // От Древней Руси до современной России. Сб. Научных статей и часть 60-летия Александра Яковлевича Дегтярева. - СПб.: Рус. Коллекция Санкт-Петербурга. 2006.
5. Алексеева М.А. Театр фейерверков в России XVIII века // Театральное пространство. Материалы научной конференции (1978). - М.: 1979. С. 57-77.
6. Анисимов Е.В. Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны – URL.: <https://e-knigi.Com/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/istorija/page-71->

183380-evgenii-anisimov-afrodita-u-vlasti-carstvovanie.Html. Просмотр :
20.01.2024 в 15:00.

7. Анисимов Е.В. Петербургские обманы // Эрмитаж. - 2007.-№ 6-С. 17-22.
8. Анисимов Е.В. Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны. М.: АСТ. 2010.
9. Архив Военного-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Санкт-Петербурга (далее-Архив ВАМАИВС.). Ф. 2. Оп. ГП. Ед. Хр. 262. Ноябрь, 1739 г. Л. VII.
10. Архив ВАМАИВС. Ф. 2. Оп. ГП., 1728, ед. Хр. 209. Л. 97.
11. Грибер Ю.А. Цвет, удобный для жизни // Проект «Байкал». –№ 18.- 2021 С. 83.
12. Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII-первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М.: Издательство УРСС. 2002.
13. Королькевич Ю. Сея разумное, доброе // Смена. 1959. 25.12. № 154.
14. Кротов П.А. Литературные героико-эпические мотивы о сражении при Гангуте 1714. В сочинении Й.А. Нордберга (1740) // Северная война. Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. Декабрь. 2006. - СПб., 2007. С. 117-120.
15. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. - М.; Л., 1948. Т. 1.
16. Манойленко Ю. Е. Русская артиллерия в первой трети XVIII века. Автореферат диссертации по специальности ВАК РФ 07.00.02 на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: 2010.
17. Наймарк Е.А. Актуальность исследования традиции показов эмблематических фейерверков первой половины XVIII века в Москве и Санкт-Петербурге // Культура и цивилизация. 2018. Vol. 8, Is. 3A. С. 72-77.
18. Наймарк Е.А. К сочинению фейерверка и иллюминации для предбудущего торжества // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. № 25 (58). 2008. СПб.: Книжный дом. С. 201-207.
19. Наймарк Е.А. «На больших картинах иллюминации»: изготовление академиком Петербургской Академии наук проектов фейерверков в 1720-1750-е годы. // «Ломоносов-2008». Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - М.: Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова, «Социально-политическая мысль». 2008. Б.С.
20. Наймарк Е.А. Символика фейерверка придворного вельможи 1747 года по случаю официальных торжеств//Россия и мир в исторической перспективе. Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. Издательство: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург). Том 1. – СПб., 2023. С. 264-267.

21. Наймарк Е.А. Фейерверки в социально-культурной жизни российской империи первой половины XVIII века. Машинопись и рукопись диссертации на соиск. ученой степени кандидата культурологии. - СПб., 2024.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор
Смоленский государственный университет
SPIN-код: 2079-6011

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО МИРА

Аннотация: Цифровое образование сегодня это развитая и динамично развивающаяся сфера образования, основанная на использовании современных информационных и коммуникационных технологий. Оно революционизирует традиционные методы преподавания и учебного процесса, открывая новые возможности и перспективы для учеников, учителей и всего образовательного сообщества.

Ключевые слова: образование, цифровое образование, учебный процесс, метод.

DIGITAL EDUCATION AS A TREND OF THE MODERN WORLD

Summary: Digital education today is a developed and dynamic field of education based on the use of modern information and communication technologies. It revolutionizes traditional methods of teaching and learning, opening up new opportunities and prospects for students, teachers and the entire educational community.

Keywords: education, digital education, educational process, method.

Одной из главных целей цифрового образования является повышение доступности и качества образования благодаря технологическим средствам. Это означает, что ученики и студенты теперь могут получить образование в любом месте и в любое удобное время, обращаясь к электронным учебникам, видеолекциям, онлайн-курсам и другим цифровым материалам. Такая гибкость обеспечивает индивидуальные подходы к обучению и позволяет каждому ученику развиваться в собственном темпе. Современные технологии позволяют обрести новое измерение в сфере образования. Согласитесь, они предоставляют нам огромное количество возможностей для саморазвития и обучения. В наше время, чтобы получить новые знания, уже не обязательно приходиться в аудиторию и слушать лекцию преподавателя. Благодаря развитию сети Интернет, нам доступны различные электронные учебники, видеолекции, онлайн-курсы и другие цифровые материалы.

Один из важных плюсов использования электронных учебников - это гибкость подхода к обучению. Каждый из нас индивидуален и обладает своими особенностями восприятия информации. Благодаря цифровым материалам каждый студент может самостоятельно выбрать для себя оптимальный способ изучения материала. Кто-то предпочитает читать и запоминать тексты, а кому-

то легче усваивать информацию через визуальные изображения или аудиоформат. В электронных учебниках есть возможность выбирать самый удобный формат обучения, благодаря чему обучение становится более эффективным [1].

Кроме того, доступность и обширность цифровых материалов также способствует гибкому подходу к обучению. Студенты могут получить доступ к необходимым материалам в любое время и в любом месте. Не нужно ждать занятий в аудитории или приезжать на специальные курсы. Это особенно полезно для тех, кто занят работой, семейными делами или проживает в удаленных местах. Таким образом, обучение становится доступным и удобным для всех.

В целом, использование электронных учебников, видеолекций, онлайн-курсов и других цифровых материалов в сфере образования приводит к возможности индивидуального подхода к обучению. Гибкость форматов и доступность материалов сделали обучение более эффективным и удобным для всех желающих развивать свои знания и навыки. В итоге, благодаря цифровым технологиям, мы можем превратиться в самых эффективных и образованных версий самих себя.

Однако цифровое образование не только расширяет доступность учебы, но и обладает большой педагогической ценностью. Интерактивные учебные материалы, виртуальные экскурсии, симуляции и игры помогают включить учеников в активную образовательную деятельность, развивают логическое мышление, креативность и технические навыки. Также цифровые технологии способствуют сотрудничеству между учениками и учителями, облегчают коммуникацию и обмен информацией в рамках образовательного процесса.

Интерактивные учебные материалы предоставляют возможность активно взаимодействовать с учебным содержанием, учитывая индивидуальные особенности и потребности каждого ученика. Такие материалы могут включать в себя задания, тесты, визуализации, аудио- и видеоматериалы, которые помогают ученикам лучше понять и запомнить учебный материал [3].

Виртуальные экскурсии позволяют ученикам путешествовать и изучать различные места и культуры, не выходя из класса. Благодаря трехмерной графике и проводимым экскурсионным мероприятиям с виртуальными гидами, ученики могут окунуться в атмосферу музеев, достопримечательностей и других интересных мест, получая максимум информации и эмоций.

Симуляции – это интерактивные модели или программы, которые позволяют ученикам перенести себя в определенные ситуации или задачи и научиться решать их. Такой подход помогает применить теоретические знания на практике, развивает критическое мышление, умение принимать решения, а также дает возможность ученикам экспериментировать и открывать новые подходы к решению задач.

Игры – это один из наиболее эффективных методов обучения, который не только захватывает внимание учеников, но и стимулирует активное участие в

процессе обучения. Образовательные игры позволяют развивать навыки сотрудничества, креативность, решение проблем, а также успешно усваивать учебный материал.

Важным элементом цифрового образования является развитие компьютерной грамотности. Современное общество требует от граждан умения работать с компьютерами, интернетом и различными программами, а цифровое образование предоставляет такую возможность. Учащиеся узнают о безопасности в сети, о том, как анализировать и оценивать информацию, и как эффективно использовать цифровые инструменты для своего развития и достижения личных целей.

В современном информационном обществе, где технологии проникают во все сферы нашей жизни, компьютерная грамотность становится неотъемлемым элементом образования. Безусловно, умение работать с компьютерами и эффективно использовать цифровые устройства и программы играет важную роль в успешной адаптации к современной действительности и дальнейшем развитии.

Развитие компьютерной грамотности включает в себя не только умение пользоваться базовыми функциями компьютера, но и более сложные навыки, такие как программирование, анализ данных, креативное мышление и критическое мышление. Знание основных программ и интерфейсов, умение работать с электронными таблицами, создавать презентации и обрабатывать данные становятся необходимыми умениями для многих профессий, начиная от инженеров и дизайнеров, заканчивая менеджерами и маркетологами.

Современные методы обучения все больше ориентированы на использование информационных и коммуникационных технологий, что означает необходимость эффективного использования компьютера в самом процессе обучения. Ведь цифровые технологии могут значительно повысить качество образования, сделать его более доступным и интерактивным.

Кроме того, компьютерная грамотность имеет непосредственное отношение к информационной безопасности. В сети Интернет хранится огромное количество информации, и умение анализировать, оценивать и фильтровать эту информацию становится все более актуальным. Без компетенции в области цифровой безопасности.

Однако, несмотря на все преимущества, такой подход имеет не только позитивные стороны, но и некоторые минусы, о которых следует упомянуть.

Во-первых, одним из основных недостатков цифрового образования является отсутствие прямого контакта между учениками и преподавателями. Возможность общения и взаимодействия является важной составляющей обучения, и при цифровом подходе она значительно сокращается. Общение в реальном времени, возможность задать вопросы и получить непосредственные ответы становятся менее доступными [2].

Во-вторых, в цифровом образовании отсутствует возможность личного контроля и наблюдения за уровнем понимания материала студентами. При

традиционном обучении преподаватель может видеть, где возникают затруднения у учеников и скорректировать свою методику обучения соответствующим образом. В цифровой среде такой наблюдаемости просто не существует, и риск того, что кто-то не сможет усвоить материал самостоятельно, возрастает.

Кроме того, цифровое образование требует от студента самостоятельности и дисциплины, что может оказаться сложным для некоторых людей. Отсутствие четкого графика занятий и постоянного наблюдения со стороны преподавателя может привести к неполноценному усвоению материала. Благодаря технологическим возможностям, студенты могут легко откладывать обучение на потом и не уделять ему достаточно времени и внимания.

Наконец, одной из основных проблем цифрового образования является доступность материалов и технологий. Не все ученики имеют доступ к надлежащему оборудованию и широкополосному интернету, что может существенно ограничивать их возможности в обучении. Это создает неравенство и разрыв между различными слоями общества.

Итак, сделаем выводы, цифровое образование является незаменимым инструментом в современном мире. Оно позволяет перейти от традиционной учебы к новым, интерактивным форматам обучения, развивает навыки будущего и открывает двери к более успешной и эффективной учебе. В заключение, несмотря на все преимущества цифрового образования, следует признать, что у него есть и некоторые минусы. Отсутствие прямого контакта и личного контроля, сложности в саморегуляции и ограниченный доступ могут стать преградами на пути к полноценному обучению. Поэтому важно балансировать между традиционными методами обучения и новыми технологиями, чтобы сделать образование максимально доступным и эффективным для всех студентов.

Список литературы:

- 1.Сергеев И.С. Цифровая дидактика профессионального образования – научная основа организации процесса. цифрового образовательного процесса [Электронный ресурс]. - URL: http://fi.ro.ranepa.ru/fi/les/docs/vebinar_25jan2019.
- 2.Цифровизация образования, все минусы электронной школы. [Электронный ресурс]. - URL: <http://https://vc.ru/fl/ood/43800-cifrovizaciya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoy-shkoly-chto-budet-s-detmi>.
- 3.Устюжанина Е.В. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. №1. С. 3–12.

Налётова Наталья Юрьевна

доктор педагогических наук, профессор
Смоленский государственный университет
SPIN-код: 2079-6011

ЦИФРОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: В современном мире, где технологии переворачивают все сферы нашей жизни, образование не может быть исключением. Возникновение термина "цифровой университет" отражает необходимость адаптации учебного процесса к новым вызовам и требованиям информационного общества.

Ключевые слова: образование, цифровой университет, студент, учебный процесс, цифровой навык.

DIGITAL UNIVERSITY AS A NEW LEARNING MODEL

Summary: In today's world, where technology upends all areas of our lives, education can be no exception. The emergence of the term "digital education" reflects the need to adapt the educational process to the new challenges and requirements of the information society.

Keywords: education, digital university, student, educational process, digital skill.

Цифровое образование представляет собой образовательные программы, основанные на использовании современных информационных и коммуникационных технологий. Оно позволяет студентам использовать цифровые ресурсы и инструменты для получения знаний, развития навыков и достижения успеха в учебе.

В рамках цифрового образования особое значение приобретает понятие "цифровой университет". Это учебное заведение, где применение цифровых технологий проникает во все аспекты образовательного процесса. Цифровые университеты создают непрерывную образовательную среду, объединяющую студентов, преподавателей и ресурсы в виртуальном пространстве.

Цифровой университет предлагает уникальные возможности для студентов, такие как доступ к онлайн-курсам, виртуальным лекциям и семинарам, интерактивным практикумам и тестам. Студенты могут выбирать свой темп и место обучения, а также получать индивидуальную поддержку от преподавателей и своих коллег.

Особое внимание в цифровых университетах уделяется также развитию цифровых навыков, которые становятся неотъемлемой частью образования в современном мире. Студенты учатся эффективно работать с информацией, анализировать данные, создавать и делиться цифровыми контентом, а также развивать критическое и творческое мышление.

Цифровое образование и цифровые университеты играют ключевую роль в подготовке студентов к будущей карьере в сфере информационных технологий. Они призваны формировать высококвалифицированных специалистов, способных эффективно применять современные технологии в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, цифровое образование и цифровые университеты открывают новые горизонты для образования и помогают студентам быть успешными в динамичном и быстро меняющемся мире. Они становятся фундаментом для развития знаний, навыков и талантов, необходимых для достижения личного и профессионального роста.

Ведущие цифровые университеты оказывают значительное влияние на формирование будущего образования и играют ключевую роль в развитии образовательных технологий. В этом тексте мы рассмотрим структуру таких университетов и их ведущие принципы.

Цифровые университеты характеризуются своей собственной организационной структурой, которая дифференцируется от традиционных учебных заведений. Одной из главных особенностей таких университетов является проведение онлайн-курсов и дистанционной образовательной программы, которые доступны в любой точке мира. Это позволяет университетам привлекать студентов из разных стран и расширять сферу своего воздействия.

Структура цифровых университетов обычно включает в себя несколько ключевых компонентов. Во-первых, они имеют команду экспертов, состоящую из высококвалифицированных преподавателей и исследователей. Эти эксперты разрабатывают и создают онлайн-курсы с использованием передовых технологий и инновационных подходов к образованию.

Во-вторых, цифровые университеты активно применяют технологии для обучения и коммуникации. Они используют разнообразные платформы и приложения, позволяющие студентам получать доступ к образовательным материалам в любое время и в любом месте [2]. Это создает гибкую и индивидуализированную среду обучения, учитывающую потребности каждого студента. Цифровые платформы являются неотъемлемой частью современного образования и играют важную роль в российских университетах. Они предоставляют студентам и преподавателям уникальные возможности для эффективного обучения и обмена знаниями.

Одной из основных преимуществ цифровых платформ является доступность обучения. С помощью них студенты могут изучать учебный материал в любое удобное для них время и место. Это особенно важно на сегодняшний день, когда многие университеты перешли на смешанную модель обучения, объединяющую онлайн и офлайн занятия. Благодаря цифровым платформам студенты могут получать новые знания и развиваться в своем темпе, а преподаватели имеют возможность более гибко адаптироваться к потребностям студентов.

Кроме того, цифровые платформы обеспечивают доступ к множеству образовательных ресурсов. В них содержится огромное количество учебных материалов, от видеолекций до интерактивных упражнений и тестов. Это позволяет студентам получить более полное представление о предмете и углубить свои знания.

Еще одним важным аспектом цифровых платформ в российских университетах является возможность взаимодействия между студентами и преподавателями. Студенты могут задавать вопросы, обсуждать материалы с преподавателями и коллегами, а также сотрудничать в рамках групповых проектов. Это стимулирует активное участие и обмен идеями, что положительно сказывается на качестве образования.

Наконец, цифровые платформы обучения в российских университетах способствуют развитию цифровой грамотности у студентов. В современном мире необходимо уметь работать с информацией, анализировать ее и применять в практической деятельности. Цифровые платформы помогают студентам сформировать навыки работы с информацией и технологиями, что является важным элементом их профессиональной подготовки.

В-третьих, цифровые университеты обеспечивают механизмы оценки и обратной связи, которые помогают студентам измерить свой прогресс и улучшить свои навыки. Часто такие университеты предлагают интерактивные тесты, задания и проекты, которые помогают студентам применять полученные знания на практике. Благодаря технологическим возможностям, оценка и обратная связь могут быть получены почти мгновенно, что способствует более эффективному обучению и развитию студента.

Наконец, цифровые университеты гордятся своими глобальными партнерствами и сотрудничеством. Они активно сотрудничают с другими университетами, исследовательскими организациями, компаниями и правительственными структурами, чтобы обеспечить максимально эффективное и инновационное образование. Такие партнерства позволяют развивать совместные программы, проводить совместные исследования и обмениваться передовыми практиками. Такие партнерства позволяют цифровым университетам расширить свою академическую программу и предложить студентам разнообразие курсов и возможностей обучения [1].

Глобальное партнерство цифровых университетов означает, что они активно ищут возможности для сотрудничества с международными организациями и университетами, чтобы обменом культур и знаний обогатить учебную программу. Такое сотрудничество позволяет студентам погрузиться в разнообразные образовательные и культурные среды, что способствует их личностному росту и развитию.

Многие цифровые университеты также сотрудничают с ведущими технологическими компаниями и предприятиями. Эти партнерства помогают цифровым университетам быть в курсе последних технологических разработок и трендов. Благодаря этому студенты получают уникальную возможность

применять свои знания и навыки на практике, работая с лучшими специалистами в индустрии.

Партнерство цифровых университетов дает студентам доступ к международным сетям профессионалов и, кроме того, открывает для них новые возможности для стажировок и трудоустройства. Благодаря таким партнерствам студенты получают конкурентные преимущества при входе на рынок труда, так как они уже имеют опыт работы с ведущими компаниями и организациями.

Таким образом, глобальные партнерства и сотрудничество являются важными факторами успешности цифровых университетов. Они позволяют университетам расширить свои возможности, предложить разнообразные курсы и программы обучения, а студентам — получить незаменимый опыт и конкурентные преимущества на рынке труда.

В заключении следует отметить, что ведущие цифровые университеты представляют собой новую форму образовательных институтов, которая приспособливается к вызовам цифровой эпохи. Их структура включает в себя команду экспертов, применение технологий, механизмы оценки и сотрудничество с глобальными партнерами. Все это позволяет таким университетам с успехом формировать образование будущего и создавать инновационные образовательные практики.

Список литературы:

1. Ломаско П.С. Роль интерактивного цифрового контента при реализации онлайн обучения в современном университете // Современное образование. 2021. № 4.
2. Сидоров Г.А. Цифровой университет: применение цифровых технологий в современных образовательных учреждениях [Электронный ресурс]. - URL: [https:// www. itweek.ru/ idea/article/detail.php?ID=192831](https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=192831)
3. Цифровизация образования, все минусы электронной школы. [Электронный ресурс]. - URL: [http:// vc.ru /fl ood / 43800-cifrovizaciya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoy-shkoly-cto-budet-s-detmi](http://vc.ru/fl_ood/43800-cifrovizaciya-obrazovaniya-vse-minusy-elektronnoy-shkoly-cto-budet-s-detmi).

Нефедьева Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения императора
Александра I

SPIN-код: 5695-0537

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1950 - 1960-е ГОДЫ: ПРОРЫВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: В годы индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления советская колхозная деревня выступала в качестве донора основных источников – трудовых, материальных, финансовых. Однако, в начале 1950-х годов сельское хозяйство страны оказалось в крайне тяжелом состоянии. Требовались немедленные меры по реформированию системы управления, по реорганизации колхозных порядков, улучшению положения деревни. Новое партийно-государственное руководство страны, возглавляемое Н.С. Хрущевым, с 1953 года начинает осуществлять реорганизацию. В статье приведены наиболее значимые реформы в области советского сельского хозяйства, проводимые как при лидерстве Хрущева, так и в первый период руководства Л.И. Брежнева. Показана противоречивость реформаторского процесса, его положительные и негативные последствия.

Ключевые слова: деревня, колхоз, крестьяне, реформа, сельское хозяйство, целина.

SOVIET VILLAGE IN THE 1950S - 1960S: BREAKTHROUGHS AND PROBLEMS

Summary: During the years of industrialization, the Great Patriotic War and post-war reconstruction, the Soviet kolkhoz village acted as a donor of the main sources – labor, material, and financial. However, in the early 1950s, the country's agriculture was in an extremely difficult state. Immediate measures were required to reform the system of administration, to reorganize the collective farm system, and to improve the situation in the countryside. The new party and state leadership of the country, headed by N.S. Khrushchev, began to reorganize in 1953. The article presents the most significant reforms in the field of Soviet agriculture, carried out both under the leadership of Khrushchev and in the first period of the leadership of L.I. Brezhnev. The contradictory nature of the reform process, its positive and negative consequences are shown.

Keywords: village, collective farm, peasants, reform, agriculture, virgin lands.

Форсированное объединение крестьян в колхозы, осуществлявшееся партийным руководством СССР в 30-е годы XX века, превратило советскую деревню в относительно надежный источник средств, необходимых для

реализации планов форсированной индустриализации. Согласно официальным данным коллективизация была завершена в 1937 году. К этому времени 93% крестьянских хозяйств были объединены в 243,7 тысяч колхозов [7, с. 110]. Централизованное административное управление сельским хозяйством стало нормой советской экономики. Вполне оправданной можно считать подобную систему управления в условиях военного времени. В годы Великой Отечественной войны при колоссальном сокращении гражданской рабочей силы, финансовых и сырьевых ресурсов жесткая централизация управления экономикой страны в целом и сельским хозяйством в частности способствовала, в том числе, обеспечению будущей победы.

По-прежнему в роли донора выступала колхозно-совхозная деревня и в период послевоенного восстановления экономики страны. В 1946 – 1953 гг. из деревни были изъяты огромные средства. В эти годы здесь было получено национального дохода на сумму 298 млрд рублей, а использовано на нужды сельского хозяйства только 193 миллиарда [2, с. 119]. В результате такого неэквивалентного обмена положение колхозов и колхозников было очень тяжелым, плачевным.

Однако, к середине 1950-х гг., когда окончательно ушли в прошлое все признаки военного времени, и для руководства страны, и для жителей деревни становилась очевидной необходимость серьезных преобразований в сельском хозяйстве. Для преодоления отставания сельского хозяйства, выведения его из разрухи необходимо было принципиально менять систему управления, налаживать новые отношения между индустриальным и аграрным секторами экономики, создавать надежную материально-техническую базу колхозов, формировать материальную заинтересованность колхозников в повышении производительности их труда, значительно повысить уровень жизни советской деревни. Основой преобразований должен был стать переход от жесткого, чрезвычайного управления селом к управлению на основе сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов.

Уже в августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР были определены первые шаги на пути реформирования колхозно-совхозного строя. В том же году сентябрьский Пленум ЦК КПСС окончательно сформулировал новую хозяйственную политику на селе, которая предполагала ввести в действие стимулы, связанные, в том числе, с личной заинтересованностью в результатах труда. Были снижены налоги на личное приусадебное хозяйство, вообще отменен налог на владение коровой и свиньями. Эти первые меры по оздоровлению положения в деревне довольно быстро дали заметный результат. Число домашнего скота в индивидуальном пользовании стало быстро расти. Если в 1953 году почти четверть из 20 миллионов крестьянских семей не имела коров, то к 1959 году все крестьянские семьи их держали. Вновь стало развиваться садоводство. Уже в 1954 году снизились цены на городских рынках

для частной продажи продуктов сельского хозяйства [6, с. 19]. Напряженное положение в деревне было снято.

Однако новации в аграрном секторе отличались противоречивостью и непоследовательностью, что, в целом, сдерживало динамичное развитие деревни. Например, были значительно повышены государственные заготовительные цены на некоторые виды сельхозпродукции: на скот и птицу в 5 - 12 раз, на молоко и масло – в 2 раза, картофель – в 2,5 раза. Увеличены закупочные цены на продукцию, сданную сверх плана [5, с. 146]. Все это создавало стимул для развития животноводства, расширения картофельных полей. В то же время неизменными оставались цены на зерно, и очень скоро встала зерновая проблема.

Для решения зерновой проблемы в 1954 году началось освоение целинных и залежных земель Северного Казахстана, Сибири, Алтая и Южного Урала, некоторых районов Поволжья и Северного Кавказа. На целину отправилось огромное количество добровольцев, в первую очередь молодежь. Было распахано и засеяно более 30 миллионов гектаров земли. Целинникам приходилось работать с полным напряжением сил, в очень трудных природных и бытовых условиях. Из воспоминаний участника событий: «Был 1957 год, многие семьи жили еще в землянках» [4, с. 86]. Благодаря действительно героическому труду целинников, в основном комсомольцев, острота продовольственной проблемы была снята. Однако, в целом, результаты целинной эпопеи оказались значительно ниже, чем предполагалось. Не весь выращенный урожай удавалось своевременно убирать. Не все собранное зерно было сохранено или без потерь доставлено в основные потребительские районы. Таким образом, материальные затраты и колоссальные трудовые усилия не были оправданы. Низкие результаты освоения целинных земель во многом объяснялись спешкой, плохой подготовленностью всей кампании, недостаточным количеством квалифицированных рабочих рук, отсутствием необходимой инфраструктуры.

Противоречивые последствия поспешного, неподготовленного освоения целины выразились также в том, что осуществлялось оно за счет ослабления традиционных зерновых районов. Именно отсюда на нужды целинной эпопеи изымались колоссальные средства, трудовые ресурсы, вывозилась новая техника. Во второй половине 1950-х годов в освоение целины вкладывалось более 20% всех капитальных вложений СССР в сельское хозяйство [5, с. 148]. Ослабление внимания к развитию центральных земледельческих регионов отрицательно сказывалось на их социально-экономическом положении. Особенно остро это проявилось в Нечерноземной зоне РСФСР, где раньше других стали возникать так называемые «неперспективные деревни». К концу 50-х годов количество колхозных дворов здесь сократилось более чем на миллион.

Еще одна противоречивая новация этого времени связана с благим, в целом, намерением укрепить материально-техническую базу колхозов и

совхозов. С этой целью предполагалась постепенная ликвидация МТС и передача техники непосредственно в колхозы. Однако закрытие МТС вновь было осуществлено поспешно, в течении одного лишь 1958 года. Передача техники, в том числе и старых изношенных сельхозмашин, осуществлялась принудительно, по необоснованно высоким ценам. Кроме того, колхозам приходилось строить помещения для хранения техники, горючего, ремонтных мастерских. Из своих же средств колхозы должны были оплачивать труд механизаторов. Крупный ремонт сельхозмашин на вновь созданных ремонтно-технических станциях (РТС) обходился колхозам неоправданно дорого. Все это значительно ослабило бюджет колхозов. Потратив деньги на приобретение, хранение и вынужденный ремонт техники, колхозы не смогли своевременно выполнить запланированные ранее работы. Ослабление колхозных бюджетов привело и к ухудшению материального положения колхозников.

В конце 1950-х годов новый удар был нанесен животноводству страны. Партийное руководство СССР посчитало, что медленные темпы прироста сельскохозяйственной продукции связаны с недостаточным усердием колхозников по выполнению планов, так как они слишком мало работают в колхозах, а большую часть времени работают в своих хозяйствах. По инициативе Н.С. Хрущева началась кампания по изъятию у крестьян части домашнего скота. По понятным причинам крестьяне не хотели сдавать коров по установленным крайне низким ценам. Выгоднее было прирезать скот и использовать мясо для себя или продать его. И, если в 1958 году в личном пользовании колхозников насчитывалось 22 миллиона коров, то к началу 1963 года их осталось только 10 миллионов [6, с. 85]. Кроме того, из-за отсутствия кормов, помещений ни колхозы, ни совхозы не в состоянии были принять и обустроить такую массу домашнего скота. в результате были уничтожены миллионы голов скота.

Усугублялось положение в колхозной деревне и тем, что в конце 1950-х годов стала проводиться в жизнь левацкая концепция ликвидации личного подсобного хозяйства. Еще в 1946 – 1948 гг. Н.С. Хрущев высказывал идею о том, что личное подсобное хозяйство в целом отвлекает крестьян от развития общественного хозяйства. Это является причиной недостаточной динамичности в утверждении на деле социалистических отношений в деревне. Реализация этой идеи выразилась в введении огромных налогов на содержание личного подсобного хозяйства, что приводило к самым тяжелым последствиям как материального, так и социального толка. Согласно статистическим данным в 1958 году в совокупном доходе крестьян РСФСР на долю личного хозяйства приходилось почти 42%, то есть оно имело существенное значение в жизни колхозников. Ограничения и тем более тенденция к полному отказу от личных подсобных хозяйств вызвали заметную миграцию деревенского населения в города. Миграции способствовало и то обстоятельство, что колхозникам были выданы паспорта, они получили возможность свободно покидать деревню. Справедливая, давно назревшая мера – паспортизация – в совокупности с

неоправданным курсом на ликвидацию личных подсобных хозяйств имела отрицательный результат. Из колхозов уезжала в первую очередь молодежь, особенно мужчины. Численность этих групп среди трудоспособных колхозников сократилась с 37,2% в 1950 г. до менее 33% в 1958 г. Этот неблагоприятный процесс продолжился. В 1960 – 1964 гг. 7 млн сельчан, включая 6 млн молодых людей (до 29 лет), переехали на жительство в города [3, с. 651]. Формировался дефицит рабочих кадров в деревне, что было особенно пагубно при низком уровне ее технического оснащения.

Таким образом, поспешные, непродуманные попытки реформирования деревни во второй половине 1950 гг. привели к еще большему падению темпов роста сельскохозяйственного производства. Планы семилетки (1959 – 1965 гг.) предполагали увеличение сельскохозяйственной продукции в разы (по разным номинациям от 1,5 до 2 раз). Фактически производство в стране сельскохозяйственной продукции к концу 1964 года увеличилось всего на 6% [5, с. 165]. Это привело к резкому обострению зерновой проблемы, к ухудшению продовольственного снабжения населения страны. В начале 60-х гг. в магазинах продавали хлеб, выпекавшийся преимущественно из помола кукурузы и гороха. Крупы в ограниченном количестве выдавали по карточкам. Постоянными были перебои в продаже молока и мясных продуктов. Финалом аграрной политики второй половины 1950-х годов стали массовые закупки зерна за границей, проводившиеся с 1963 года. В этот год было закуплено 12 млн тонн зерна, в дальнейшем эта цифра увеличивалась. Здесь можно привести грустный анекдот. Уинстону Черчиллю приписывают такое высказывание: «Я всегда думал, что умру от старости. Но, когда Россия, кормившая Европу, стала закупать хлеб, я понял, что умру от смеха».

Новая попытка перейти к экономическим методам хозяйствования в аграрном секторе была предпринята мартовским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС. Решениями Пленума предполагалось предоставить большую самостоятельность колхозам: устанавливался лишь пятилетний план сдачи колхозами продукции по стабильным ценам. Продукцию, произведенную сверх плана, колхозы могли использовать по своему усмотрению. При этом государственные закупочные цены на такую продукцию значительно увеличивались. Например, надбавки за пшеницу и рожь достигали 50%, за все виды скота – от 10 до 100% [1, с. 30]. Кроме того, именно в 60-е годы вместо трудодней была введена помесечная оплата труда колхозников, они получили право на пенсионное обеспечение, на социальное страхование. Таким образом, новое партийно-государственное руководство предприняло ряд мер по улучшению социально-экономического положения колхозов и колхозников.

Однако, намеченные в середине 1960-х годов меры по реорганизации сельского хозяйства не были продолжены и доведены до конца. На практике экономические методы управления колхозами вновь стали подменяться административно-командными, что являлось решающим компонентом механизма торможения в сельскохозяйственном производстве. Увеличенные

закупочные цены на сдаваемую сельхозпродукцию были недостаточны, чтобы обеспечить благополучное материальное положение колхозов, так как цены на технику, удобрения и промышленные товары в целом росли быстрее. Началось осуществление политики крупных капиталовложений в аграрный сектор. Если в предыдущие тридцать с лишним лет сельское хозяйство было поставщиком основных источников (материальных, трудовых) экономического развития страны, то теперь оно становилось одной из самых затратных сфер народного хозяйства.

Именно со второй половины 1950-х и затем в 60-е годы многократно проводились укрупнения колхозов. Все сильнее набирала обороты выдвинутая еще при Сталине теория неперспективности малых деревень. Уже в 1960 г. в рекомендациях Академии строительства и архитектуры СССР говорилось: «Существующие населенные пункты колхозов и совхозов рекомендуется разделять на две группы – перспективные и неперспективные». В результате реализации этой теории из 91 тысячи колхозов в 1955 году к 1963 году осталось только 39 тысяч укрупненных колхозов [3, с. 651]. Такое колоссальное объединение приводило к неэффективности деятельности демократических органов управления колхозами – общих собраний, все чаще они подменялись собранием представителей. Укрупнение колхозов, ликвидация неперспективных малых деревень в еще большей степени способствовали бегству из сельского хозяйства, особенно молодежи, ускорили процесс раскрестьянивания деревни. Планы руководства страны обновить колхозно-совхозную деревню, поднять советское сельское хозяйство в целом реализованы не были.

Список литературы:

1. Ванюков Д.А. Эпоха застоя. – М.: ООО ТД «Издательство Мир книги, 2008.
2. Волков И.М. Деревня СССР в 1945 – 1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы). // Отечественная история. – 2000. - № 6.
3. История России XX – XXI века / А.С. Барсенко, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. – М.: Эксмо, 2007.
4. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.
5. Кудий Г.Н. Хрущев на царстве. – М.: Вече, 2016.
6. Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Никита Хрущев. – М.: Время, 2012.
7. Полнер Е.Д. История Отечества. – СПб., 1993.

Николаева Оксана Владимировна

кандидат философских наук, доцент

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф.

Устинова

SPIN-код: 6562-8404

НАДПИСИ НА ОДЕЖДЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ МАРКЕР

Аннотация: В данной статье надписи на одежде рассмотрены в качестве культурных маркеров. Надпись и принт употребляются как синонимы. Показано, какую культурологическую информацию могут нести надписи на одежде, исторические прецеденты современных надписей. Представлены результаты исследования принтов на продуктах крупнейшего в России интернет-магазина одежды и эксклюзивного исследования надписей на одежде студентов.

Ключевые слова: принт, надпись на одежде, культурный маркер, язык принтов.

LETTERING ON CLOTHES AS A CULTURAL MARKER

Summary: In this article, inscriptions on clothing are considered as cultural markers. The inscription and print are used as synonyms. It is shown what cultural information can be conveyed by inscriptions on clothing, and the historical precedents of modern inscriptions. The results of a study of prints on products of Russia's largest online clothing store and an exclusive study of inscriptions on students' clothing are presented.

Keywords: print, inscription on clothes, cultural marker, print language.

Под культурным маркером обычно понимаются признаки, по которым можно определить принадлежность человека к той или иной культуре, или субкультуре. В целом изучение надписей на предметах гардероба и аксессуарах носит полидисциплинарный характер, и в разных своих частях может быть отнесена к культурологии, лингвокультурологии, истории материальной культуры, семиотике, этнографии. Лингвокультурология — это научная дисциплина, которая изучает материальную культуру и менталитет народа, отраженные в языке. В.А. Маслова рассматривает лингвокультурологию как науку, возникшую на стыке лингвистики и культурологии, и исследующую культуру этноса, отраженную и закреплённую в языке. [1]

В настоящее время в моде предметы одежды и аксессуары, несущие надписи различного содержания. Мы поставили задачу выяснить, какую информацию можно почерпнуть из этих надписей, и как эта информация характеризует культурный контекст современности. Данная работа базируется на материале исследования, проведенного в рамках фундаментальной и

прикладной лингвистики. В 2023 г. в Балтийском государственном техническом университете «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова автором данной статьи совместно с Д. С. Антиповой была исследована лингвистическая составляющая надписей на одежде.

Рисунки на одежде появились в глубокой древности, они носили не только эстетическую, но и символическую функцию, им могло придаваться и магическое значение. Рисунки являются частью культурного кода, однако надписи гораздо более четко позволяют выразить культурные предпочтения. Одной из предпосылок широкого распространения надписей на одежде стала тотальная грамотность населения.

Слова и целые предложения, нанесенные различным способом на одежду, могут с максимальной степенью точности выразить определенную идею. В этом аспекте надпись превосходит самый сложный и замысловатый рисунок. Человек ответственен за информацию, которую носит на себе. Носитель информации в какой-то мере солидарен с ней, становится носителем этой информации. Окружающие воспринимают их зачастую как слова, произнесенные вслух хозяином одежды.

Под термином «одежда» понимается изделие или совокупность изделий (кроме обуви), предназначенных для предохранения тела человека от внешних воздействий и несущая утилитарные и эстетические функции. Одежда является не только средством защиты от неблагоприятных погодных условий, но и важным элементом социальной коммуникации. Она несет на себе отпечаток статусной позиции человека, а также может отражать его индивидуальность и культурную принадлежность. В прошлом одежда играла более значимую роль в обществе, поскольку социальный статус человека был тесно связан с его материальным благосостоянием.

В современном обществе роль одежды как знака социального статуса уменьшилась, однако одежда по-прежнему остается важной частью внешнего вида человека. Кроме того, одежда может иметь практическое значение для выполнения определенных задач. Например, специальная рабочая одежда используется в различных отраслях промышленности и строительства для защиты работников от опасных условий труда, она может содержать надписи о принадлежности работника к определенной компании, организации или определенной силовой структуре. К примеру, военная форма одежды в Российской Федерации включает в себя шеврон с фамилией. Спортивная одежда также играет важную роль в достижении лучших результатов в спорте. Таким образом, одежда выполняет не только функцию защиты и украшения, но и является маркером социальной принадлежности. А кроме того, демонстрирует индивидуальность человека.

Современная одежда многофункциональна. В общем виде можно говорить о двух ее функциях: утилитарной и информационно-эстетической. Утилитарная, в свою очередь, подразделяется на защитные и физиолого-

гигиенические функции; информационно-эстетическая функция — на информационные и собственно эстетические.

Так, защитные функции одежды сводятся к защите организма человека от неблагоприятных воздействий климатической среды. Физиолого-гигиенические функции определяют удобство одежды. Информационные функции дают информацию о человеке (его профессии, вкусах, культуре и т. д.) и об одежде (назначении, своевременности, новизне). Собственно эстетические функции определяются соответствием одежды образу человека.

Одежда выполняет еще и важную коммуникативную функцию, которая заключается в том, что помогает нам выражать свою индивидуальность, социальный статус, культурную принадлежность, эмоции и настроение, а также передавать определенные знаковые сообщения. Коммуникативная функция в наибольшей степени может быть реализована с помощью надписей на одежде, понимаемых как культурные маркеры.

Надписи на одежде, иногда зашифрованные в рисунок, стали применяться еще в Древней Греции. Они сообщали имена владельцев, девизы, интересные изречения, принадлежность носителя одежды к той или иной общественной сфере и многое другое. И сейчас администрация детских учреждений просит подписывать одежду воспитанников с сугубо практической целью, во избежание потери. Заметим, что одежда, подписанная именем владельца, либо имеющая штамп учреждения, часто требуется в местах совместного проживания людей, подчиненных определенному регламенту, ограничивающим степень бытовой свободы, с общим гардеробным помещением. Здесь имя владельца служит маркером принадлежности «казенному дому» — казарме, детскому лагерю, больнице.

Как и в современных принтах, в давние времена надпись могла служить своего рода рекламным объявлением и провоцировать потенциального клиента на определенные действия. Самая древняя из известных в настоящее время провокаций, имеющих на предмете одежды, относится к классическому периоду античной Греции. Это обувь проститутки, хранящаяся в швейцарском музее, на которой написано: «Иди за мной». И по следам данной обуви мужчины находили дорогу в бордель. [2]

Существует отдельное исследование о надписях фривольного характера на предметах одежды европейцев. Вероятно, они появлялись в каждую эпоху, но раскрепощение сознания в периоды Ренессанса и Просвещения особенно способствовало появлению таких текстов на одежде. Как утверждает историк костюма Светлана Гурова, «на итальянских и германских портретах XV-XVI веков возможно представлять подобные надписи, ввязанные в орнамент мужских рубашек, в корсажи дамских платьев». [2]

На протяжении многих веков в Европе просуществовал особый предмет одежды, ныне забытый, — дамская подвязка для чулок. В основе своей она представляла собой ленту, и была очень удобна для нанесения надписи. Строго говоря, вязаные чулки носили и мужчины, и у них тоже были подвязки.

Женские подвязки особо украшались, в том числе и словами. Эпоха Просвещения во Франции несла еще и особое развитие любовной культуры для высшего сословия, что нашло отражение в моде. XVIII столетие особенно богато было фривольными надписями на скрытых от глаза предметах туалета, которые содержали информацию в значительной мере тайную. [3]

Но в XX в. подобные надписи стали помещаться на видимых предметах гардероба. Их стали адресовать неопределенно широкому кругу лиц. Первоначально тексты (причем, раньше всего – только вербальные) появились на майках (T-shirts, у нас ставших «футболками»). В 1960-е гг. в США и Европе началась массовая мода рисования или печатания текстов на футболках. Герменевтически это аналогично вербально-иконическим текстам на стенах (граффити): молодёжь стремилась выразить свои взгляды, убеждения, вкусы и пристрастия «на чистом листе». Поэтому и граффити, и тексты на майках стали одними из символов молодёжной субкультуры и контркультуры 1960-х гг., эпохи рок-музыки, «революции цветов». Рисовать и писать на футболках придумали хиппи: они украшали их «пацификами», изображениями голубей и цветов, или слоганами, направленными против войны, насилия, расизма. Таким образом, изображение на футболке первоначально было невербальным знаком культурной идентичности, а затем приобрело форму надписи. Чуть позже, в начале 1970-х гг., на майках начали печатать изображения рок-групп и их названия. Футболки и другие предметы с атрибутикой популярных рок-групп (сумки, пакеты) выросли в настоящий культ, докатившийся к середине тех же 1970-х гг. и до СССР. Панкреволюция перевернула и переиначила этот культ: когда Джонни Роттен из панк-группы Sex Pistols на своих майках собственноручно приписывал фразы типа «I hate» к уже готовому тексту Pink Floyd или выводил «Kill All Hippies», он сотворил тот самый «fashion statement», т.е. утвердил уже почти что «высокую моду» на майки с разнообразными шокирующими слоганами и рисунками. [4; 5; 6]

С 1990-х гг. надписи и рисунки стали появляться и на других предметах одежды (включая также и сумки) – толстовках, куртках, бейсболках, джинсах, кроссовках, носках и т.п. – вплоть до нижнего белья. Вербальный компонент большинства таких текстов – надписи на английском языке, хотя в России всё чаще стали появляться и русскоязычные тексты самой разнообразной тематики.

В данной работе мы используем слово «принт» как синоним слова «надпись» для удобства изложения. Изначально «принт» означало печать, рисунок на ткани, полученный методом печати. Сейчас в английском языке слово «print» имеет множество значений, включая «печать», «отпечаток», «оттиск», «штамп» и даже «набивная ткань». Существуют различные способы нанесения рисунка, включая термотрансфер (наклейка рисунка), вышивку и даже использование 3D-принтера. Надписи на ткань или трикотажное полотно проще всего наносить методом печати – таким образом получается принт, который в полной мере может быть обозначен печатным словом. Это наиболее часто применяемый метод нанесения текста на материал, из которого потом

шьют одежду. Тем не менее шевроны с фамилией служащего, эмблемы, указывающие на организацию, которую представляет носитель униформы, принято изготавливать методом вышивки. Вышитые надписи более стойки к истиранию.

Исследователи прибегают к различным определениям принтов: «надписи на предметах верхней одежды»; «вербально-иконические тексты на предметах одежды»; «текстовые принты как полноценный вид контента»; «слоганы на одежде» и т.д. [7]. При этом учёные сходятся во мнении, что такие тексты созданы для самопрезентации личности их обладателя. Таким образом, надпись на одежде можно считать субжанром бытового дискурса, который «нацелен на предъявление «изображаемого Я» и преднамеренную, стратегически обдуманную и осознаваемую демонстрацию собственных взглядов, убеждений и оценок, служащих для самоопределения и создания собственного образа». [7]

В. И. Карасик определяет бытовой дискурс как форму общения, которая характеризуется рядом особенностей: общение в этом контексте происходит в сокращённой, условно «пунктирной» форме; речь зачастую направлена на вопросы, очевидные для участников диалога; используется повседневный, разговорный стиль высказываний. Бытовой дискурс имеет диалогический характер и представляет собой основной тип общения. С точки зрения В. И. Карасик, особенностью бытового дискурса является стремление максимально уплотнить передаваемую информацию, перейти на специфический упрощённый код общения. [8]

Исследователи различают разные типы принтов, несущих вербальные сообщения. Например, китайский ученый Чжан Линь выдвигает свою классификацию, где надписи разделяются на идентифицирующие тексты, аксиологические тексты и т.д. [7, с. 48]. Разработанной Чжан Линем классификацией надписей на одежде, основанной на коммуникативно-прагматическом подходе, мы и воспользуемся: 1), во-первых, это информационные надписи, предоставляющие определенные данные или обозначающие роль или профессию носителя: «Охрана», «МЧС», «Водоканал». 2) Во-вторых, надписи, подтверждающие посещение носителем определенных мест, обычно имеющих культурное значение: «Москва», «Санкт-Петербург», «Paris» и т.д. 3) В-третьих, рекламные надписи, указывающие на бренд производителя, преимущественно на английском языке: «Adidas», «Reebok». 4) Надписи, направленные на привлечение внимания к личности носителя: «Я принцесса», «Супермальчик», «Ведьмочка», «Жиган и хулиган». 5) К особому типу относятся надписи, выражающие ценности или агитационные лозунги: «Россия», «Я русский!», «Слава России», «Москва – третий Рим», «За веру, царя и отечество», «Я татарин», «Почетный армянин России», «Зенит», «Цой жив». 6) Выделяются также надписи с чисто развлекательной, юмористической направленностью: «Занялась спортом: спортивно хожу на шпильках, стрельба глазами, прыгаю через козлов».

В результате проведенного таксономического анализа, надписи на современной одежде классифицированы по смысловым группам. Эмпирическим путем были выявлены две группы источников, из которых брались надписи на одежде.

Первая группа надписей – с сайта интернет-магазина «Lamoda». Это один из крупнейших интернет-магазинов в России и СНГ. С 2014 г. входит в состав Global Fashion Group. В каталоге интернет-магазина Lamoda.ru более 1000 брендов мужской, женской и детской обуви и одежды разных ценовых категорий, всего более 2 000 000 товаров. На данный момент это один из самых популярных онлайн-магазинов в России. Кроме того, «Lamoda» стремится предлагать клиентам уникальные товары, которые не представлены на других мультибрендовых площадках, а продаются только в собственных каналах [9].

Вторую группу источников надписей на одежде образует специально составленная для данного исследования фотоколлекция одежды с принтами студентов Балтийского Государственного Технического Университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Студенты принимали активное участие в процессе создания фотоколлекции, присылали фотографии, приходили в университет намеренно в одежде с надписями.

Методом сплошной выборки было отобрано 353 принта. Из них «Lamoda» принадлежит 238 надписей 13 брендов различного происхождения, а студентам «ВОЕНМЕХа» 115 надписей. Таким образом, на одну студенческую надпись приходится две надписи интернет-магазина. Это говорит о высокой степени приверженности студенческого сообщества словесному выражению идей. Кроме того, студенты часто носят спортивную одежду, в стилистическое оформление которой органично вписывается информация, четко обозначенная словами. Надписи до некоторой степени могут рассматриваться как маркеры студенческой субкультуры, однако ставить знак равенства между содержанием надписей на одежде и мировоззрением студенчества нельзя.

Выбранные надписи на одежде классифицированы по следующим условным параметрам:

1. Философская мысль — это надписи, содержащие цитаты известных философов, афоризмы или отдельные слова, которые выражают определенную философскую мысль или идею. Например, «У самурая нет цели, только путь», «Nothing to regret», «Real girls are never perfect, perfect girls are never real».

2. Реклама — это надписи, которые призваны продвигать какой-то товар или услугу. Они могут содержать название бренда, логотип компании, а также слоганы, направленные на привлечение внимания потенциального потребителя. Например, «Nike», «Adidas», «Военмех».

3. Номинативы — это надписи, которые указывают на какое-то имя, место или предмет. Они могут содержать название группы, плаката концерта, футбольной команды, а также другие надписи, которые описывают контекст, в котором эти предметы используются. Например, «Москва», «Van Gogh», «New Urengoy».

4. Императивы — это надписи, содержащие приказы, рекомендации или заявления. Они могут содержать слова, призывающие к действию: «Kiss & Tell», «Cherie, croire à son étoile», «Сочиняй стиль», или заявления, на которые нужно обратить внимание: «Going bananas».

5. Самопрезентации — это надписи, которые описывают уникальные свойства носителя одежды. Они могут указывать на профессию, интересы, увлечения или другие качества. Эти надписи помогают людям создавать и поддерживать свой собственный стиль и имидж. Например, «Unique and genius», «Крепкие напитки, но не отношения», «Я татарин».

В процессе классификации принтов «Lamoda» было выявлено 89 надписей, содержащих философскую мысль, 23 принта, содержащих рекламу, 55 и 67 принтов содержащих номинативы и императивы соответственно, и 104 принта, содержащие самопрезентацию носителя одежды.

Большее количество (104) составили само-презентационные принты, что свидетельствует о том, что потребитель использует одежду как средство манифестации своей языковой личности и коммуникации.

Меньше всего надписей (23) содержали рекламу, это были принты на одежде всемирно известных брендов, например, Nike, Guess, Adidas, что говорит о том, что производители этих брендов нацелены лишь на рекламу своей продукции и почти не используют других надписей.

Анализ показал, что большинство принтов (230) были на английском языке. Это может быть связано с популярностью английского языка в мире и его широким использованием в массовой культуре. Также было обнаружено 5 надписей на русском языке и 3 на французском языке.

В процессе классификации принтов фотоколлекции студентов университета «Военмех» по языковым характеристикам было выявлено 19 принтов, содержащих философскую мысль, 19 принтов, содержащих рекламу, 33 и 24 принта, содержащих номинативы и императивы соответственно, и 37 само-презентационных принтов. Среди них оказалось большее разнообразие языков. Так надписей на английском языке — 93 единицы, на русском — 14, на французском — 3, 2 — на китайском, и по одной надписи на японском, испанском и словенском языках.

При сравнении видно, что «Lamoda» в процентном отношении предлагает большее количество условно философских высказываний, чем носят на себе студенты университета «Военмех»; студенты чаще демонстрируют рекламу известных брендов, и за счет этого у них несколько меньше самопрезентационных письменных высказываний. Студенты отдают предпочтение номинативам, однако, когда мы стали опрашивать носителей одежды с надписями-номинативами, примерно треть опрошенных заявила, что их вообще не волнует, что там написано, а одежду они выбрали из-за ее функциональности. Интересно, что одежда студентов небольшого вуза демонстрирует большее разнообразие языков надписей, чем крупнейший

интернет-магазин. Студенты отмечали, что предпочли бы иметь надписи на русском языке, но такую одежду трудно найти.

Практический анализ позволил нам заключить, что надписи нельзя рассматривать как отдельную языковую систему. Коллективная языковая личность, портрет которой может быть воспроизведен на основании надписей на одежде, характеризуется манифестацией через местоимение Я (I'm not doing anything today — Я сегодня ничего не буду делать); также для нее характерно обозначать с помощью языка место своего пребывания (Tuapse — Туапсе), обозначить интересы, номинативы.

Доминирование имен существительных в принтах отсылает нас к начальным этапам формирования естественного языка, который начинался с номинативов, то есть имен существительных, называющих отдельные предметы. Надпись на одежде — это разновидность бытового дискурса, который используется для выражения личностных убеждений, оценок и точки зрения, и направлен на создание универсального образа «изображаемого Я». Данная стратегически обдуманная и осознаваемая демонстрация собственных взглядов позволяет не только самоопределиться, но и создать уникальный образ в глазах окружающих: принты на одежде используются в значительной мере для самопрезентации и самовыражения.

После сравнения двух групп принтов, обнаружено, что преобладают английские надписи, хотя студенты больше предпочитают надписи на русском языке. Наиболее популярными языками надписей являются английский, русский и французский. Их содержание включает само-презентационные надписи, что подтверждает их роль в выражении языковой личности и коммуникации с окружающим миром.

В ходе исследования было выявлено, что лингвистическая составляющая принтов на одежде играет важную роль в формировании имиджа человека и его коммуникативной стратегии. Надписи на одежде могут передавать различные сообщения, отражать культурные и социальные ценности, а также служить средством самовыражения и самоидентификации.

Список литературы:

1. Лингвокультурология и лингвокультура: соотношение [Электронный ресурс]. — URL: [file:///C:/Users/Dumont/Downloads/lingvokulturologiya — i — lingvokultura — sootnoshenie — ponyatiya%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Dumont/Downloads/lingvokulturologiya%20i%20lingvokultura%20sootnoshenie%20ponyatiya%20(1).pdf) (дата обращения: 15.03.2023)
2. Это интересно: Агитационный текстиль. Надписи в орнаменте. [Электронный ресурс]. — URL: <https://lebedinajpesnja1.blogspot.com/2016/09/blog-post.html> (дата обращения: 15.03.2023)
3. Как появились принты? История появления одежды с рисунками и надписями [Электронный ресурс]. — URL: [https://dzen.ru/media/id/5f8593a6c3de987b98b2de5e/kak — poiavilis — printy — istoriia — poiavleniia — odejdy — s — risunkami — i — nadpisiami — 5f86f00daa68813be1ec6992](https://dzen.ru/media/id/5f8593a6c3de987b98b2de5e/kak_poiavilis_printy_istoriia_poiavleniia_odejdy_s_risunkami_i_nadpisiami_5f86f00daa68813be1ec6992) (дата обращения: 15.03.2023)

4. Принты на футболках: история появления, виды, способы нанесения [Электронный ресурс]. — URL: <https://lord-print.ru/turbopages.org/turbo/lord-print.ru/s/printy-na-futbolkah-istoriya-rojavleniya-vidy-sposoby-naneseniya/> (дата обращения: 15.03.2023)
5. История возникновения печати на одежде [Электронный ресурс]. — URL: <https://morevishivki.ru/stati/istoriya-vozniknoveniya-pechati-na-odezhde/?ysclid=la2cvogc6z718739723> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Принты: история и символика [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.casual-info.ru/moda/wardrobe/182/printy-istoriya-i-simvolika-/?ysclid=la2cx1p9oe142501243> (дата обращения: 15.03.2023)
7. Надписи на верхней одежде как языковое явление [Электронный ресурс]. — URL: [file:///C:/Users/Dumont/Downloads/nadpisi-na-verhney-odezhde-kak-yazykovoe-yavlenie%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Dumont/Downloads/nadpisi-na-verhney-odezhde-kak-yazykovoe-yavlenie%20(1).pdf). С. 48, 30.
8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. Гнозис, 2004. — 390 с.
9. Lamoda — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.lamoda.ru/> (дата обращения: 15.03.2023)

Олиферук Ирина Ильинична (Республика Беларусь)

преподаватель

Брестский государственный музыкальный колледж имени Г. Ширмы

SPIN-код: 5650-8737

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ «ГРУППЫ-ИЗГОЯ» (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЕВ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.))

Аннотация: Одним из малоизученных вопросов социальной психологии является вопрос формирования «группы-изгоя» в периоды социальных конфликтов. Данный вопрос является весьма важным для современной науки и жизни. Ярким примером для изучения статуса «группы-изгоя» был период с 1921 по 1939 год в Западной Беларуси как части Польского государства. С момента становления новой власти и вплоть до сентября 1939 года евреев в Польском государстве можно рассматривать как «группу-изгой», которая прошла следующие этапы: 1) юридическое признание национальным меньшинством и частичное вовлечение в жизнь государства, 2) использование, 3) притеснение и сегрегация, 4) открытый антисемитизм.

Ключевые слова: «группа-изгой», насилие, агрессия, притеснение, конфликты, антисемитизм.

FACTORS FOR THE FORMATION OF A «ROGAG GROUP» (BASED ON THE EXAMPLE OF JEWS IN WESTERN BELARUS (1921–1939))

Summary: One of the little-studied issues in social psychology is the issue of the formation of a «outcast group» during periods of social conflicts. This issue is very important for modern science and life. A striking example for studying the status of a «outcast group» was the period from 1921 to 1939 in Western Belarus as part of the Polish state. From the moment the new government emerged and until September 1939, Jews in the Polish state can be considered a “outcast group” that went through the following stages: 1) legal recognition as a national minority and partial inclusion in the life of the state, 2) exploitation, 3) oppression and segregation, 4) open anti-Semitism.

Keywords: «outcast group», violence, aggression, oppression, conflicts, anti-Semitism

Западная Беларусь в 1921–1939 гг. по условиям Рижского мирного договора была включена в состав Польского государства. Процесс становления нового политического режима военным путём сопровождался агрессией по отношению к местному населению, мародерством и экспроприацией, организацией нового административно-территориального деления, установлением новых органов власти. В условиях кризиса и военного времени важным является выделение социальной «группы-изгоя», которая будет

объектом насилия, которая станет стабилизатором напряжения для сброса негатива. Этой группой в рассматриваемый период стали евреи, которые составляли значимую часть населения западнобелорусских территорий (популяция увеличилась в границах современной Республики Беларусь с 241,5 тысяч человек иудеев, 185,7 тысяч евреев (1921 г.) до 251,9 тысяч евреев, 283,3 тысяч человек иудеев (1931 г.)) [22, с. 91–121].

Смена политического режима в регионе ухудшила этнические противоречия, детонатором которых были военные конфликты. Польская армия демонстрировала открытую враждебность и проявляла насилие по отношению к евреям занимаемых территорий, распространяла слухи о сотрудничестве евреев с большевиками и нападениями на польские войска [9, с. 52–53]. Период характеризуется открытыми грабежами, поджогами, физическим насилием со стороны военных и бандитских формирований. Для распространения страха среди населения и закрепления статуса «группы-изгоя» применялись публичные пытки (прижигание огнём наиболее нежных органов, повешение с многократным извлечением из петли, медленное удушение верёвкой, отрезание отдельных членов и органов) [5, с. 80–81]. В 1918–1921 гг. на территории Беларуси прошло 225 антисемитских погромов [5, с. 80–81], преимущественно в городах [10, с. 3] (в 177 населённых пунктах жертвами стали 7 096 еврейских семей [5, с. 77]). Таким образом, можно выделить один из важнейших факторов формирования «группы-изгоя» – военно-политический, который в кризисной социальной ситуации определяет и закрепляет за определённой частью популяции статус

Значимую роль в этот период сыграл и исторический фактор, т.к. стереотипное восприятие, полное предрассудков, сложилось в предыдущий исторический период и активно использовалось польскими властями в процессе формирования «группы-изгоя». При характеристике статуса евреев в Российской империи стоит вспомнить про «кровавый навет» и «Дело Бейлиса», еврейские погромы 1905–1907 гг. и Первой мировой войны как кризисные социальные ситуации, в которых происходит обострение предрассудков и проявляется агрессия по отношению к «группе-изгою».

Можно определение «группы-изгоя» рассмотреть на примере Первой мировой войны. С началом войны все еврейское население было взято Главным командованием под подозрение. Юдофобская шпиономания приобрела патологический характер: евреев обвиняли в том, что они «сносятся с неприятелем при помощи подземных телефонов и аэропланов и снабжают его золотом и съестными припасами» [1, с. 42]. С конца 1914 г., в связи с неудачами и отступлением русской армии на фронте, среди юдофобски настроенной части военного руководства и населения стали распространяться слухи о том, что причины поражений лежат в предательстве евреев, выставляя их как виновников неудач на фронте [3, с. 374]. По инициативе главного командования началось принудительное массовое выселение евреев из прифронтовых районов как превентивная мера, направленная против

еврейского «шпионажа и измены», принявшее характер депортации. В итоге в конце апреля – начале мая 1915 г. из прифронтовой полосы было депортировано около 250 тысяч человек, еще около 350 тысяч бежали во внутренние районы. Максим Горький описал процесс депортации следующим образом: «высылали по 15-20 тысяч, – все еврейское население города – в 24 часа! Больных детей грузили в вагоны как мороженный скот, как поросят. Тысячами люди шли по снегу целиной, беременные женщины дорогой рожали, простужались, умирали старики, старухи» [1, с. 43–44]. Выселяемым запрещалось размещаться за пределами «черты оседлости», следствием чего явилось перенаселение городов и местечек, голод и нищета [18, с. 387]. В связи с трагическими размерами проблемы царские власти вынуждены были в 1915 г. разрешить евреям временно проживать в городских поселениях внутренних районов России вне «черты оседлости» (кроме Петрограда, Москвы, региона Войска Донского, Кубанского и Терского) [14, с. 83], а 23-24 июня 1915 г. Ставка отменила «принудительное выселение очищаемой полосы» [7, с. 101] и в 1916 г. еврейские беженцы получили временное право селиться вне «черты оседлости» [19, с. 138]. В итоге упомянутой политики имперских властей из прифронтовой полосы было выселено около 500–600 тысяч евреев. Всего в 1914–1918 г. за пределами Беларуси оказалось около 2 миллионов населения [15, с. 30]. В середине 1916 г. на территории России находилось 1,3 миллионов человек с белорусских губерний, в мае 1918 г. – почти на миллион больше [8, с. 128]. Депортации сопровождались насилием, грабежами и погромами под прикрытием «реквизиций» и фактически санкционировались сверху. Штаб 4-й армии Юго-Западного фронта разъяснил в ответ на запрос о «порядке проведения реквизиций в театре военных действий и в угрожаемых районах»: «У жидов забирать все!». Военные для «нейтрализации» еврейского населения прибегли к практике взятия заложников, т.к. 24 мая 1915 г. великий князь Николай Николаевич «признал необходимым, в предупреждение их преступных выступлений, брать из числа правительственных раввинов и богатых евреев заложников под стражу» [1, с. 44]. Мерой имперских властей по отношению к евреям явилось также распространение подозрений: вице-директор Департамента полиции К.Д. Кафафов в секретном циркуляре губернским органам управления и охраны 9 января 1916 г. утверждал: «евреи посредством многочисленных подпольных организаций усиленно заняты революционной пропагандой, а также искусственным вздорожанием предметов первой необходимости и исчезновением из обращения звонкой монеты» [6, с. 394–395]. Подозрения евреев в сочувствии противнику и в шпионаже приводили к скоротечным военно-полевым судам, приговоры которых были предрешены. Таким образом, стереотип с предрассудками оформился в предыдущий исторический период и активно использовался в кризисных социальных ситуациях.

Значимым фактором в формировании «группы-изгоя» явилась и государственная политика Польского государства в 1921–1939 гг.

Первоначально еврейское общество не относилось правящими кругами к числу опасных элементов на пути полонизации «кресов восточных» и до 1926 года наблюдалось лояльное отношение к евреям со стороны государства, в целом декларировались демократические права и свободы. С 1926 по 1935 г. в период «санации» наблюдалось ужесточение политики и скрытый антисемитизм. Но в 1935 г. Польша отказалась от своих обязательств перед Лигой Наций об обеспечении прав национальных меньшинств [20, с. 84] и в правительственном лагере произошло усиление националистических идей, начинается открытый антисемитизм на государственном уровне. В программах большинства польских партий предпочтительным решением еврейского вопроса провозглашалась скорейшая еврейская эмиграция как панацея от всех бед.

Широкая представленность евреев в образовании и торговле сделала их объектом целенаправленной польской политики вытеснения. Руководством Польского государства было заявлено, что «польская хозяйственная экспансия должна направляться на восток» [23, s. 164]. С этой целью Товарищество развития восточных земель стало издавать специальный информационный бюллетень с данными для поляков торговцев и ремесленников [23, s. 165] при расширении штрафных санкций по отношению к евреям-торговцам [24, s. 608] и ужесточении контроля за соблюдением закона о воскресном отдыхе и в христианские праздники, вследствие чего еврейское религиозное купечество было вынуждено отдыхать два дня в неделю (кроме установленного законом воскресенья также и в традиционную для иудеев субботу (шабат)) [13, с. 39]. Итогом данной политики стало расширение урбанизации поляками западнобелорусского региона [25, s. 12], причём для достижения цели привлекалась польская армия [12, с. 157–164].

Обострение польско-еврейских отношений в стране во второй половине 1930-х годов вылилось в введение *numerus clauses*, многочисленные акции бойкота еврейской торговли [16, с. 96–97], еврейские погромы (1935 г. – Гродно, ноябрь 1935 г. – Одживоль, март 1936 г.- Пшытык, июнь 1936 г. – Минск-Мазовецкий, Львов, Петриков, Плоцк, Сероцк, Мысленице, июль 1936 г. – Высоко-Мазовецк, май 1937 г. Брест- над- Бугом, июнь 1937 г. – Ченстохов, Каминск, Мстов, Жарки, Радомск, Конецполь, Пшндбож, Дзялошин, август 1937 г. – Одживоль, Опочно, Новый город (Място)) [17, с. 140]

Значимым фактором формирования «группы-изгоя» можно назвать и экономический, т.к. в годы мирового экономического кризиса отношение к «группе-изгою» усугубилось. В годы мирового экономического кризиса торговля евреев значительно пострадала: упал уровень торговли евреев, сократилось количество торговых предприятий при доминировании мелких предприятий. На территории восточных воеводств соотношение еврейских и нееврейских магазинов к их общему количеству составило: еврейских 92,7% и нееврейских – 7,3%; в 1933 г. 92,3% и 7,7% соответственно. В результате процент ликвидированных в период экономического кризиса торговых предприятий у евреев был больше, чем у не евреев (4,1% к 2,6%), а процент

открытых магазинов у евреев был меньше, чем у не евреев (2,5% к 8%) [21, с. 162–167]. В целом распространился враждебный настрой к мелкому купечеству как «повышателю цен» [11, л. 5–14]. Реакцией еврейского населения на всплеск антисемитизма был отказ принимать участие в торговле [2, с. 354–367].

С началом мирового экономического кризиса еврейская безработица стала постоянным условием жизни евреев региона. С началом кризиса рост безработицы приобрёл катастрофические масштабы: только в Бресте в 1934 г. безработица составляла 13 сентября 1934 г. 2788 человек, 28 апреля 1934 г. – 3163 [4, л. 1–9].

На основе изученного материала можно сделать следующие выводы:

1. негативная установка по отношению к евреям сложилась исторически в период Российской империи и была заимствована поляками;
2. предубеждения сформировались под влиянием ряда факторов (религиозных, политических, социальных и др.);
3. в общественном мнении людей образ еврея закрепился как образ «чужого», «вредителя», «врага», а также как объект насилия;
4. предубеждения по отношению к евреям сопровождались эмоциями негативного плана;
5. главными факторами в формировании «группы-изгоя» евреев в Польше в 1921–1939 гг. являлись военно-политический, исторический, государственной политики, экономический.

Список литературы:

1. Будницкий, О. Российские евреи в годы войны и революции, 1914–1920 гг. // История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза. Т. 3. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2017. – С. 3–68.
2. Вавренюк, И.И. Евреи в торговых отношениях западнобелорусского региона (1921–1939 гг.) // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: материалы междунар. научн. конф. – Минск, 2016: материалы междунар. научн. конф. : материалы междунар. научн. конф. С. 354–367.
3. В прифронтовой Литве 1915 года. Рассказы евреев-очевидцев. Публ. А.И. Хаеша // Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т.2. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – С. 360–385.
4. Государственный архив Брестской области. Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 2085. – Л. 1–9.
5. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. Минск: 1996. – 380 с.
6. Кацэнбоген, С. Правое становішча габрэяў у Беларусі напярэдадні рэвалюцыі 1917 г. // АРСНЕ. 2014. – № 9. – С. 391–392.
7. Курцев, А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. – № 8. – С. 101.

8. Латышонак, А., Мірановіч, Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – С. 128.
9. Лукашук, А. Прыгоды АРА ў Беларусі. – Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2005. – С. 52–53.
10. Материалы об антиеврейских погромах. Серия 1. Погромы в Белоруссии. Погромы, учинённые белополяками (Официальные документы, обследования и свидетельские показания). Вступ. Ст. 3. Миндлина. – М.; 1922. – С. 3.
11. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 242. – Оп. 1. – Д. 299. – Л. 5–14.
12. Польша–Беларусь (1921–1953). Сборник документов и материалов. Сост. А.Н. Вабищевич, И.А. Валаханович и др.; Председатель редкол. А.А. Коваленя; Нац. АН Беларуси. Ин-т истории; Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь. – Минск: Беларус. Наука, 2012. – 630 с.
13. Раманава, І., Махоўская, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня: Еўрапейскі Гуманітарны Універсітэт, 2009. – 247 с.
14. Рессин, Г. Закон и вечность: царская политика в еврейском вопросе // Родина. 2002. – № 4/5. – С. 80–91.
15. Розенблат, Е., Еленская, И. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспора. 2002. – №4. – С. 30–35.
16. Розенблат, Е., Струнец, С. Погромная волна. Польско-еврейские отношения на Белосточчине накануне и в первые недели Великой Отечественной войны // Проблемы еврейской истории. В 2-ч. Ч. II. Материалы научных конференций Центра «Сефер» по иудаике. М.; 2009. – С. 96–97.
17. Струнец, С. В. Еврейский вопрос в национальной политике II Речи Посполитой // Моладзь Берасцейшыны : Зб. студ. навук. прац. – Брэст : Академия, 2006. – С. 134–144.
18. Хаеш, А. Родственные связи евреев-беженцев Первой мировой войны с петроградцами // Материалы XXI Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Труды по еврейской истории и культуре. М., 2014. – С. 387.
19. Цфасман, А. Еврейский вопрос в России в годы Первой мировой войны // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике / Редкол.: К.Ю. Бурмистров, Р.М. Капланов, В.В. Мочалова. – М., 2000. С. 137.
20. Цымбал, А.Г. Палітыка польскіх улад у адносінах да праваслаўнай царквы у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): дыс. на суісканне вуч. ступені кандыдата гіст. навук. БДПУ імя М. Танка. / А.Г. Цымбал. – Минск, 2008. – 157 л.
21. Шепетюк, В.В. Участие еврейского населения в формировании и функционировании торговых отношений на территории Полесского воеводства (1921–1939 гг.) // Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця

- заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 крас. 1998 г.: у 2 ч. – Ч. 2. / Брэст. дзяр ж. ун-т; рэдкал.: Арцеменка С.В. [і інш.]. Брэст, 1999. – С. 162–167.
- 22.Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898–1989. – Минск (Берасьце): Белфорт, БФС, 1997. – С. 91–121.
- 23.Tomaszewski, J. Z dziejów Polesia 1921–1939. – Warszawa, 1963. – 260 s.
- 24.Schiper, D. Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach Polskich / D. Sciper. – Warszawa: Nakładem Centrali Związku Kupców w Warszawie, 1937. – 723 s.
- 25.Żydowskie organizacje polityczne i wyznaniowe na terenie Województwa Wileńskiego / Pod red. A. – Wilno: Marzec, 1938. – 170 s.

Оплаканская Рената Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

SPIN-код: 5398-0690

ИНОСТРАННЫЙ ВОЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ В НОВНИКОЛАЕВСКЕ В 1919 ГОДУ (ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТИЯ В СОБЫТИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Аннотация: цель статьи – характеристика участия иностранных войск в гражданской войне в России на примере 5-й польской стрелковой дивизии в Новониколаевске в 1919 г. Основными источниками исследования стали опубликованные воспоминания поляков – членов военного формирования, а также материалы фондов Государственного архива Новосибирской области. В течение нескольких месяцев недружелюбное отношение польских военных к гражданскому населению становилось все более враждебным – от административных и уголовных правонарушений до действий, которые были запрещены конвенциями международного права. Автор приходит к выводу, что враждебность иностранного контингента была обусловлена нарастанием военно-политического конфликта в регионе, а также факторами геополитического (не был решен вопрос о государственной границе между Польшей и Россией) и идеологического характера (националистические настроения среди военных польского контингента).

Ключевые слова: гражданская война, военная интервенция, 5-я польская стрелковая дивизия, Новониколаевск.

FOREIGN MILITARY CONTINGENT IN NOVONIKOLAEVSK IN 1919 (CHARACTERISTICS OF PARTICIPATION IN THE EVENTS OF THE CIVIL WAR)

Summary: The purpose of the article is to characterize the participation of foreign troops in the Russian Civil War on the example of the Fifth Polish Rifle Division in Novonikolaevsk in 1919. The main sources of the study were published memoirs of Poles - members of the military forces, as well as materials from the collections of the State Archive of the Novosibirsk region. For several months, the unfriendly attitude of the Polish military towards the civilian population became increasingly hostile from administrative and criminal offenses to actions that were prohibited by international law conventions. The author concludes that the hostility of the foreign contingent was due to the growing military-political conflict in the region, as well as geopolitical (the issue of the state border between Poland and Russia has not been resolved) and ideological (nationalist views among the military personnel of the Polish contingent) factors.

Keywords: Civil War, military intervention, Fifth Polish Rifle Division, Novonikolaevsk.

В период гражданской войны Советская Россия стала объектом иностранной военной интервенции. На ее территории действовали военные контингенты, направленные по распоряжению правительств ряда государств (Антанта), и сформированные уже здесь вооруженные силы вновь образованных государств по итогам Первой мировой войны (Чехословацкий корпус, 5-я польская стрелковая дивизия и др.). Отношение иностранных военнослужащих к властям и гражданскому населению отличалось высокомерием и «открытой враждебностью» «по отношению ко всякому русскому» в повседневной жизни, а жестокость в период проведения войсковых операций прямо нарушала нормы IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. [5, с. 16; 2].

В 1920 – е гг. СССР добивался признания на мировой арене и заключал мирные договоры в сложной международной обстановке. Это стало причиной отказа советской стороны от требований возмещения причиненного ущерба и привлечения к ответственности виновных лиц. Так, согласно ст. VIII Мирного договора России и Украины с Польшей от 18.03.1921 г. стороны взаимно отказывались от возмещения расходов, а также убытков, причиненных гражданскому населению в театре военных действий; согласно ст. X предоставлялась амнистия участникам военных действий за «политические преступления и проступки», а также деяния «преследуемые в административном или ином внесудебном порядке» [7].

В статье рассматривается ряд аспектов пребывания 5-й польской стрелковой дивизии на территории Новониколаевска (уездный центр Томской губернии) в 1919 году (с момента ее дислокации в указанном месте и до начала эвакуации на Дальний Восток), а также причины, повлиявшие на отношение и действия, совершаемые со стороны военнослужащих дивизии в отношении представителей местной власти и гражданского населения. При написании статьи автор опиралась на мемуары поляков – участников и очевидцев событий, а также материалы фондов Государственного архива Новосибирской области.

Формирование 5-й польской стрелковой дивизии в составе союзного войска Антанты завершилось в январе 1919 года. Тогда же она перешла под французское верховное командование. Местом ее постоянной дислокации стал Новониколаевск, а зоной ответственности контингента охрана железной дороги на территории уезда [10]. До лета 1919 года жизнь военнослужащих польского контингента в городе была комфортной. В 1914 году Новониколаевск занимал второе место после Томска среди городов Западной Сибири по количеству проживающих поляков. Благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали на рубеже XIX – XX вв. население города увеличивалось, в т.ч. и за счет инженеров и рабочих польской национальности. Ю. Биркенайер, вступивший в дивизию добровольцем, вспоминал, что

Новониколаевск оказался «польским городом»: на улицах звучала польская речь, на магазинах, ремесленных мастерских, кофейнях и пр. красовались вывески, а также плакаты с сообщением о культурных и деловых событиях в жизни местной диаспоры, имелась польская типография. В городе функционировал католический храм св. Казимира (построен в 1907 – 1909 гг.). [9, с. 36 – 39; 13, s. 24 – 25].

Содержание военнослужащих, выделяемое французским командованием, в пересчете на местные деньги было более чем достойным [14, s. 39; 15, s.101]. Активного участия в военных действиях армии Колчака поляки не принимали. Безделье военнослужащих и наличие денежных средств в ситуации, когда население города страдало от роста цен на продовольствие и товары первой необходимости, нередко становилось причиной их асоциального поведения. С. Богданович (служил в отделении связи дивизии) вспоминал, что «гуляло все войско», растрчивая деньги на алкоголь, игру в карты и флирт с женщинами. По причине этого командование дивизии стало удерживать часть денежного довольствия [14, s. 46 – 47]. На почве пьянства происходили конфликты с местными жителями. В протоколах заседания Особого Совещания по вопросу о взаимоотношениях военных и гражданских властей в пределах Новониколаевского уезда приводятся факты дебоширства польских военных (пьяные драки), бесцеремонного обращения с гражданскими лицами польской жандармерии, которая действовала независимо по колчаковской милиции (необоснованное задержание, изъятие документов, обыски без ордеров). Обустроивая свой быт, военнослужащие занимались воровством. На том же заседании сообщалось о краже имущества городской пристани на сумму 7722 рублей и ставился вопрос о мерах защиты «от хищений производимых солдатами квартирующими здесь польских войск» [1, с. 195 – 196]. Солдаты кради лошадей, фураж и овощи с огородов местных жителей («не было случая, чтобы обнаружился кто-нибудь из законных владельцев»). С. Богданович отмечал, что в войске стыдились пьянства и общения с женщинами легкого поведения, но не воровства. Те, кто отказывался таким образом обеспечивать условия комфортного проживания в казармах, считались «увальнями» и «старичками». [14, s. 46].

По мере того, как ухудшалась ситуация на колчаковском фронте, жизнь польских военных в Новониколаевске становилась все менее беззаботной. С конца августа участок железной дороги (города Татарск, Барабинск, Каинск, Новониколаевск) подвергался регулярным атакам партизанских отрядов, которые в октябре 1919 года объединились в крупные вооруженные формирования [12, с. 236]. На польскую дивизию была возложена обязанность совершать карательные экспедиции в деревни, чье население поддерживало партизан. В делах фонда П-5 зафиксированы факты о действиях 1-го полка польских стрелков им. Костюшко в конце августа – сентябре 1919 года в районе Камня и Кулунды (совр. Алтайский край), где активно действовали партизанские отряды. В цели операции входило «разбить банды красных далее,

ихние опорные пункты...и уничтожить гнезда» [3, л. 3]. Польские отряды вторгались в деревни и проводили репрессии в отношении лиц, прямо связанных или подозреваемых в поддержке партизан, а также осуществляли реквизицию продовольствия, фуража, крупного и мелкого скота. 1 сентября 1919 года Ярково-ское сельское общество решило «ходатайствовать через военное начальство русского войска о возмещении убытков» на общую сумму в 46510 рублей как «непосильную для населения» [3, л. 13]. В с. Карасевском общая стоимость реквизированных продуктов и домашнего скота составила 70065 рублей. В отдельном списке перечислялось изъятое поляками личное имущество «добросовестных жителей». У двух селян забрали кузнечные инструменты на общую сумму 5000 рублей, лишив их основного источника доходов. У других жителей села польскими солдатами были «истребованы» предметы быта (самовары, ведра, ножницы и пр.), одежда, в т.ч. женская (платки, чулки, юбки, шали) и денежные средства [4, л. 1– 5]. Действуя таким образом, солдаты заботились о собственном достатке. Командир 3-го полка Когутниций поощрял рядовых словами: «Хлопцы, на что посмотрят глаза, то ваше». Награбленное имущество селян позднее сбывали лоточным торговцам в городе. Бесчинства в период рейдов по деревням сопровождалось издевательствами над местными жителями. На пример, военнослужащие устраивали показательные экзекуции ради забавы. Солдаты при этом делали ставки на то, которая из жертв окажется менее терпимой к боли [14, s. 52, 54].

В ноябре 1919 года началось хаотичное отступление белых вооруженных формирований вглубь Сибири. Защищать гражданское население от произвола отступающих иностранных военных формирований было некому. В рапорте начальника Новониколаевской городской милиции на имя управляющего Томской губернией от 1 ноября 1919 г. отмечалось, что «можно наблюдать сильную к полякам злобу и ненависть» [11]. Всего в течение нескольких месяцев 1919 года военнослужащие польского контингента снискали «злобу» и «ненависть» гражданского населения. Неприязнь к полякам стала законным результатом их действий (начиная от мелкого хулиганства, мошенничества и систематических хищений, до преступлений, запрещенных международными конвенциями). Мотивация польских военнослужащих была обусловлена совокупностью факторов социального, политического, идеологического и цивилизационного характера. В условиях гражданской войны самой незащищенной стороной конфликта оказалось мирное население. С цинизмом и жестокостью со иностранных военных столкнулось гражданское население на всей территории бывшей Российской империи. Но у польского военного формирования, как и у любого другого национального иностранного контингента, принимавшего участие в интервенции, была своя специфика. Отношение основной части польских военных к белому движению было негативным из-за неурегулированного вопроса о послевоенной границе между Россией и Польшей (последняя претендовала на Закарпатье, Галицию и Литву). Территориальный спор между Польшей и Чехословакией о принадлежности

Силезии стал причиной резкого ухудшения отношений между военнослужащими польской дивизии и чехословацкого корпуса [6, с. 115; 14, с. 41]. Однако крайним в ситуации широкомасштабного военно-политического конфликта оказалось местное население, не способное отвечать на действия враждебно настроенных польских военных. Безнаказанность поляков из-за неспособности местных властей привлекать их к ответственности даже за административные нарушения по формально-юридическим основаниями, а также лояльности (а иногда и прямого поощрения) к их незаконным действиям военных командиров дополнялась еще одним негативным фактором. На морально-психологическое состояние контингента дивизии влияло зачисление в ее состав «добровольцев-проходимцев» (часто уголовных элементов), которые вспоминали о польском происхождении лишь с целью избежать мобилизации в войско Колчака. Таких маргиналов не сдерживали никакие моральные границы [14, с. 54].

Еще одним существенным и негативным фактором стали идеи о культурном (цивилизационном) превосходстве поляков над населением азиатской части России. Состав дивизии формировался из бывших подданных Российской, Германской и Австро-Венгерской империй при численном доминировании последних. Возрождение польского государства, территории которого более ста лет были разделены, сопровождалось формированием национальной и политической идентичности, которая, как это нередко происходит в подобных исторических ситуациях, опиралась на антагонизм по отношению к внешнему миру (в данном случае, ко всему, что ассоциировалось с бывшей Российской империей). Именно бывшие подданные Австро-Венгрии, особенно представители интеллектуальной элиты, отличались наибольшей враждебностью к россиянам [8]. Автор очерков «Семь лет в России и в Сибири (1915 – 1921) Р. Дыбоский (доктор филологии Ягеллонского университета в Кракове), бывший подданный Австро-Венгрии, занимался организацией просветительской работой в дивизии. Отмечая ментальные различия военнослужащих 5-й дивизии, уроженцев трех империй, он констатировал их «общее чувство культурного превосходства над москалями». В частности, отличие поляков от русских он объяснял «монгольской принципиальностью и по-индусски бездеятельной глубиной» последних [6, с. 25 – 26, 40].

Справедливости ради надо отметить, что авторы упомянутых работ о 5-й польской дивизии в Сибири, с сожалением писали о жестоком обращении соотечественников с гражданским населением. Р. Дыбоский отмечал, что по мере хаотизации жизни общества в 1919 году «солдат становился ландскнехтом, офицер с отчаянной решимостью – кондотьером» [6, с.126]. Служивший в дивизии врачом П.Смолик писал: «...Краска стыда жгла мне лицо за деяния польского солдата, которого посылали на разбой, грабеж и убийство и которого убедили, что это цена, которую он заплатил за возвращение на Родину!» [15, с.108 – 109].

Список литературы:

1. Баяндин, В.И. «Незванные гости в сибирском доме (интервенты в Новониколаевске в годы гражданской войны) // Человек - текст - эпоха. Сборник научных статей и материалов. – Томск, 2011. – С. 191-203.
2. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года // Сайт Министерства обороны РФ. – URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 31.01.2024).
3. Государственный архив Новосибирской области. Фонд П-5. Опись 4. Дело 1437. Приказы Начальника объединенных штурмовых отрядов, по 1-му полку польских стрелков, о борьбе с партизанами в Кулунде, приговоры сходов села Яркова, дер. Поротниковой, Казанцевского, Малышевского сельского сходов, Барнаульского уезда, Алтайской губ. о борьбе с партизанским движением. 1919 г. (заверенные копии). – 17 л.
4. Государственный архив Новосибирской области. Фонд П-5. Опись 4. Дело 1428. Списки имущества, захваченного польскими отрядами в с. Шарчинском, с. Карасевском Алтайской губ. 1919 г. (заверенная копия). 11.09.1919-1919. – 5 л.
5. Дацышен, В.Г. Иностранная армия в Енисейской Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2021. – № 4 (32). – С. 15-25.
6. Дыбоский, Р. Семь лет в России и Сибири (1915-1921): Приключения и впечатления. – М., 2020. – 296 с.
7. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей — с другой. (Подписан в г. Риге 18 марта 1921 года) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 год. – М., -1944. – С. 343-369. – URL: <https://istoriya-kg.ru/index.php?option=document&view=article&Itemid=rizhskiy-dogovor-21-ра> (дата обращения: 27.01.2024).
8. Оплаканская, Р.В. 5-я польская стрелковая дивизия в Сибири в период гражданской войны (проблема формирования групповой идентичности) // Россия и мир в исторической ретроспективе. Матер. XXIX межд. научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург, 2023. – Том 1. – С. 299-305.
9. Островский, Л.К. Метрические книги костела Новониколаевска как источник по истории польской диаспоры // ИНТЕРЭКСПО. – 2016. – Т.6 (1). – С. 36-40. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26156901> (дата обращения: 13.02.2024).
10. Островский, Л.К. Польские военные в Сибири (1904-1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 316. – С.88-92.
11. Печин, Ю.В. «Можно наблюдать сильную к полякам злобу и ненависть»: «польский след» в событиях гражданской войны в Сибири // Сибирский архив. – 2022. – 3 (13). – С. 82-101. – URL:

- https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50005238_95547463.pdf (дата обращения: 30.01.2024).
12. Шиловский, М.В. Новониколаевск осенью-зимой 1919 года // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917- декабрь 1922 г.). Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Новосибирск, 2019. – С. 234-242.
13. Birkenmajer, J. Polska dywizja w tajgach Syberii. – Lwów, 1934. – 39 s. – URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Polska_dywizja_w_tajgach_Sybiru (дата обращения: 29.01. 2024). (in Polish).
14. Bogdanowicz, S. Ochotnik. – Warszawa, 2006. – 264 s. (in Polish).
15. Smolik, P. Przez łądy i oceany (sześć lat na Dalekim Wschodzie). – Warszawa; Kraków, 1922]. –160 s. – URL: <https://polona.pl/item-view/0c0ed943-992a-452d-a901-97b9b0cee09b?page=4> (дата обращения: 30.01. 2024). (in Polish).

Паневин Кирилл Васильевич

кандидат исторических наук, доцент

ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»

АНДРЕЙ КУРЯЕВ: УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ В РОССИИ

Аннотация: статья посвящена патриотическому теме в творчестве российского автора-исполнителя. Андрея Куряева. Особенность русского шансона в богатстве тем, среди которых свое место занимают военные и патриотические песни. Раскрываются этапы творческой биографии А. Куряева, причины перехода его в последние годы от лирического направления к патриотическому. На примере некоторых песен показывается творческий стиль поэта и музыканта, обращение его к героическим примерам истории нашей страны. Рассказывается о использовании песен в учебно-воспитательном процессе, военно-патриотической работе.

Ключевые слова: Андрей Куряев, автор-исполнитель, бардовские песни, шансон, патриотическая тема, специальная военная операция, героические традиции народа.

ANDREY KURYAEV: A UNIQUE PHENOMENON OF MODERN BARD SONGS IN RUSSIA

Summary: the article is devoted to the patriotic theme in the work of the Russian singer-songwriter. Andrey Kuryaev. The peculiarity of Russian chanson is its richness of themes, among which military and patriotic songs occupy their place. The stages of A. Kuryaev's creative biography are revealed, the reasons for his transition in recent years from the lyrical direction to the patriotic one. Using the example of some songs, the creative style of the poet and musician is shown, his appeal to heroic examples of the history of our country. It tells about the use of songs in the educational process, military-patriotic work.

Keywords: Andrey Kuryaev, singer-songwriter, bard songs, chanson, patriotic theme, special military operation, heroic traditions of the people.

С раннего детства мы помнили, что песня нам строить и жить помогает, как лучший друг ведет в правильном направлении. И кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет. Россия всегда славилась разнообразием песенной культуры. Большой пласт песенного жанра составляют народные песни. Мы не знаем их авторов, но в словах чувствуется большая любовь к народу, его повседневной жизни. Воспеваются родная природа, самые светлые человеческие чувства и мечты, повседневная жизнь людей. Мелодии как правило лирические, душевные, напевные. Затрагивают самые сокровенные тайники души.

Как правило, народные песни наиболее близки старшему поколению. Потому что напоминают о жизненном пути, сложившихся или не сложившихся судьбах. Они связаны с любовью, дружбой, другими светлыми чувствами.

В последнее время немного потеряли свою популярность частушки, которые поднимали самые острые и злободневные темы. Непримиимо выставляли в истинном свете разнообразные недостатки окружающей действительности, высмеивали пороки. Их роль в современных условиях выполняет разговорный жанр, разнообразные комические передачи, которые очень широко распространены на телевидении, радио, в сети интернет.

Особо большую популярность в последнее время имеет легкая музыка. Она заполнила все технические средства массовой информации и относится к так называемой легкой музыке. Мелодии легкие, танцевальные. Слова о самых обыденных вещах, максимально простые. Много повторений. Они способствуют расслаблению человека, вовлекают его в определенную зону комфорта. Под такую музыку хорошо двигаться, выполнять какую-нибудь простую работу, расслабляться.

По-прежнему у нас в стране популярны песни классического репертуара, арии из оперных произведений, патриотической направленности. В стране работает много поэтов песенного жанра, композиторов. Особую нишу занимает жанр бардовской песни. Она имеет свои особенности, связанные с большой ролью песенных текстов. Бардовские песни надо внимательно слушать. Как правило, они наполнены мыслями, которые волнуют в данный момент автора и исполнителя. Музыка может быть от простой, лирической до сложной, с трагическими нотами.

Бардовская песня не предназначена для широкой публики, а отвечает определенным вкусовым интересам. Раньше в основном она звучала на радиостанциях, концертах бардов. С появлением магнитофонов они стали основным распространителями бардовской песни. В широких народных массах пользовались большой популярностью песни Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Александра Розенбаума и тысяч известных и менее известных представителей авторской песни.

Как правило авторы специализировались на определенных песенных жанрах, достигая невиданных высот. Так уже легендарными стали письма ветеранов войны Владимиру Высоцкому, в которых они за созвучие песен их фронтовой действительности признавали его своим сослуживцем. Бардовские песни поднимали все вопросы жизни общества, но как правило авторы работали в определенной тематике. Со временем они могли ее расширять и менять, но по текстам и музыке происходило быстрое узнавание автора.

Главной особенностью авторской песни было то, что она мгновенно откликалась на события, происходящие в стране и мире. Заставляла людей через тексты песен переживать эти события, вырабатывала к ним определенное отношение.

В современной России авторская песня отождествляется с шансоном, хотя он по своему наполнению гораздо шире. Считается, что он оказал большое влияние и на наших основных бардов. Но у нас он включает не только бардовскую песню, но и военную и лирическую. И деление авторов на исполнителей определенного музыкального жанра достаточно условно [3].

И сейчас в российском шансоне появилось такое уникальное явление, как творчество Андрея Куряева. Этот представитель авторской песни был знаком определенной части слушателей. Он специализировался на лирической песне, исполняя как свои произведения, так и песни других авторов.

Рассмотрим краткие сведения его биографии, появляющиеся в сети Интернет. Он родился в 1962 году в городе Ульяновске в семье инженеров. Окончил музыкальную школу по классу аккордеона. В 14 лет организовал школьный ансамбль, с которым выступал на школьных вечерах, разнообразных конкурсах. Одной из любимых песен в то время у его ансамбля была песня «Рисуют мальчики войну» на стихи Андрея Богословского. И искренне звучали слова «Благодарю свою страну, и тех, кто пал в последнем шаге, за то, что мальчики войну, узнали только на бумаге...».

После школы он поступил в Ульяновский политехнический институт. Тогда в институтах творческая жизнь просто кипела, даже джазовый оркестр и а капелла хоровая была – в общем, занимайся всем, чем хочешь. Костюмы, инструменты для выступлений выдавали бесплатно.

Андрей с удовольствием ходил в а капеллу и ему очень нравилось многоголосье. Пока учился в Ульяновском политехе до 1985, пел соло, участвовал в КВН и, весьма успешно, в студенческом театре "Дамба", получив приз "Лучшая мужская роль" за чеховскую пьесу "Предложение" на международном фестивале, писал детские песни.

После института, за учебу в котором он получил красный диплом, Андрей три года проработал на механическом заводе в конструкторском бюро, занимался конструированием и производством радио-электроаппаратуры. Параллельно продолжал заниматься музыкой.

Несколько лет поработав по специальности, Куряев все же выбирает музыку, переезжает в Москву и там продолжает строить музыкальную карьеру. Участвовал в проекте "Надармейский суперштаб", шоу «Карнавал любви», группе "Диверсия. Пел в московских клубах, познакомился с Е. Фридляндом и с К. Брейтбургом, которые помогли с раскруткой.

FBI-muzik выпустил на стихи А. Куряева диск проекта Malina, ставший успешным. Сотрудничает с Надеждой Мельянцевой в дуэте "Не уходи". Его лирические композиции с Мельянцевой многим запомнились [1].

По словам Андрея в начале 21-го века в России стал набирать силу шансон. Он вначале относился к этому без интереса, но вслушавшись, понял, что в шансоне, в отличие от нашей эстрады, меньше западного влияния, больше наших национальных корней в музыке и, не смотря не тематику, есть среди авторов этого жанра поэты, владеющие русским словом.

После 2014 года и известных событий в соседней стране в творчестве Андрея Куряева начала преобладать русская тема. Его часто упрекают, почему он поет только о русских. На что он отвечает, потому что русские – государствообразующий народ. Россию создали русские. В каждом государстве есть народ, на котором все держится, а остальные народы, не в обиду им, вошли в состав, но жить должны по правилам народа-основателя.

Особенностью творчества Андрея Куряева является то, что он затрагивает самые острые темы сегодняшнего дня. Незадолго до специально военной операции вышла его песня «Не воюйте с русскими», которая сейчас по праву считается почти народной песня. Ее поют как на передовой, так и в тылу, поддерживая участников специально операции.

На ее примере попробуем проникнуть в творческую лабораторию Андрея Куряева. Текст песни начинается с констатации современной политической обстановки. Автор говорит, что мир готов открыть пальбу, развязав тем самым новую войну, рухнули устои мирного времени, стёрлось в памяти табу не воевать с русскими. Нечисть самая разнообразная напрягает мускулы и рвется в бой. наших противников он называет безумцами, забывшими уроки истории. Автор предупреждает, опираясь на попытки разнообразных захватчиков воевать с Россией, что их хрупкие плечи хрустнут под военными нагрузками. Основой такой уверенности в победе нашего народа над врагом он считает нашу историческую память и верность традициям предков.

Автор говорит, что вечный светоч нашей правды не погас под ветрами гнусными. И попытки стереть из памяти поколений подвиг нашего народа в освобождении Европы от фашизма путем сноса памятников нашим воинам ни к чему хорошему для наших противников не приведут. И звучит из его уст предупреждение, что сколько бы наших бронзовых солдат не рушили противники России, мы вернем должок назад и наши враги еще пожалеют о своих действиях. И в какой-то мере пророческими звучат слова, что только сами русские могут биться с русскими, вызывая отсыл к распространенным в свое время на русских землях кулачных боях, в которых наши предки предпочитали показывать свою силу и удаль [4].

С началом специальной военной операции стало ясно, что в реальности произошло то, о чем писал автор, и русские стали воевать с русскими. И тогда по многочисленным просьбам слушателей Андрей Куряев добавил в предвоенный текст новые слова: «Но прошу вас, русские, не воюйте с русскими!».

Песня «Не воюйте с русскими» явилась продолжением патриотической темы в творчестве Андрея Куряева, которая зазвучала с особой силой после событий 2014 года на Украине. Тогда захватившие власть с помощью западных кураторов в ходе силового переворота и отстранения легитимного президента, крайне националистические круги развернули настоящую войну против русскоязычного населения на Донбассе. Жители Донецкой и Луганской

областей в ходе референдума высказались против переворота и против них началась силовая акция. Жестоко был подавлен протест жителей Одессы.

На эти события Андрей Куряев откликнулся песней «Охота на народ». Опираясь на многовековую борьбу русского народа с иноземными захватчиками, он утверждает, что нашему народу исторически дано быть великим. И потому лютуют наши противники, звери по мнению автора. По его мнению, они уже давно заочно приговорили Россию к высшей мере, то есть к смерти. За то, что защищаем слабых, что ни смиряемся с попытками нас закабалить. Мы верим в то, что в правде сила, не забываем своих богов и предков, верим в правду, сохраняем совесть и честь и считаем, что Родина дороже денег. И эта борьба с противниками русского мира идет ни месяц и не год, а столетиями в нас палят из орудий. Идет охота на народ, у которого особая примета, что он русский.

Большой эмоциональной и исторической силой явилась песня «Ватники». Во время попытки усмирить вооруженной силой Донбасс в украинских СМИ стала популярной идея о том, что украинские солдаты воюют за светлое европейское будущее украинского народа против отсталого русскоязычного востока, представителей которого они презрительно стали называть ватниками.

Предпосылками для этого в обыденной жизни было то, что Донецк был краем шахтеров, металлургов, строителей и в период восстановления Донбасса после Великой Отечественной войны на фотографиях той поры люди в основном в телогрейках – ватниках.

В ответ на эту информационную войну и родились слова этой песни, сохраняя историческую преемственность поколений. Автор пишет, что, когда зловещей свастики ползла по миру тень, именно ватники (под которыми подразумевается советский народ) стояли насмерть, приближая день Победы. Вспоминая подвиг ленинградцев, он пишет, что голодные блокадники чернели на снегу, но не сдавали город холеному врагу. Руководители и простые люди в едином порыве спасли Европу из огненной реки. Своим самоотверженным трудом они подняли страну из руин. Строители и ратники и им не виден край. И в космос тоже вышли ватники с гагаринской душой. И автор утверждает, что пока в России есть ватники, Россию не сломать никаким захватчикам [2].

На новый уровень поднялось творчество Андрея Куряева после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года. Практические на любые события, которые происходили в стране и на фронте, он откликался новой песней. Причем слова его песен пронизаны глубоким знанием истории России, ее культурных традиций.

И так получилось, что его песни нашли широкое применение в преподавании курса «Военно-политическая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации» в современных условиях, так как позволяют своевременно откликаться на любые события в жизни страны и армии и флота в интересной и доступной форме. Этого требуют и руководящие документы по проведению военно-политической работы среди российских военнослужащих,

обращающие особое внимание на военно-патриотическую работу со всеми категориями военнослужащих [5, ст.26-29].

В одной статье трудно проанализировать весь творческий багаж поэта и композитора. Потому обратим внимание на самые интересные и по нашему мнению знаковые его песни, которые находят широкое применение в учебно-воспитательном процессе.

Так говоря о разном отношении некоторых кругов российского общества к современным событиям, можно привести слова песни «Две России», которые в песенной форме говорят об историческом противостоянии западных и восточных тенденций в нашей жизни и политике. Автор представляет их как две сестры, одна из которых смотрит на восток, а другая на запад. Они ссорятся друг с другом, тянут в разные стороны, поддерживая разные тенденции исторического развития. Одна может звать к покаянию, а в это время другая зовет к победам. И только когда стране становится трудно, они объединяются, чтобы изгнать общего врага.

«Давайте сами уважать себя». Слова этой песни направлены на формирование чувства гордости за свою страну, ее достижения. С недостатками надо бороться и не скрывать их. Но эти процессы должны быть направлены на их исправление, а не смакование. После известных событий конца XX века стало модным в определенных кругах представлять нашу историю, как цепь разнообразных преступлений и ошибок. Но такие процессы происходили и в других странах. Только они более бережно относятся к своей истории и особо не заостряют на них внимание. И лейтмотивом звучат слова – «Давайте сами уважать себя, тогда нас будут уважать другие».

Несколько песен связано со знаковыми событиями, произошедшими в зоне специальной военной операции. В сети интернет получила популярность фотография одного из зарубежных корреспондентов, где была снята бабушка, вышедшая против солдат ВСУ с красным флагом. Этому событию была посвящена песня А. Куряева «Есть бабушки в наших селеньях». В его словах звучит большая гордость за старшее поколение, которое не станет на колени, ни с каждым присядет за стол. И вывод песни звучит оптимистично, что сколько бы нас ветра ни гнули, нас одолеть не сможет враг. Пока в деревне у бабули лежит страны советской флаг.

От традиций старшего поколения Андрей Куряев переходит к молодым людям, поддерживающим лучшие народные традиции. На стихи Ольги Шелест им написана музыка к песне «Алёшка». Эта песня посвящена мальчику, провожавшему проходящие мимо его на фронт колонны российских войск. Глаза-василёчки, а бровки-пшеничка ... на перекрёстке трёх дорог благословил Россию Бог звездой по имени «Алёшка. И этот мальчик продолжает традиции таких же пацанов, которые с войсками в 1945 году дошли до Берлина. Звучит в этой песне и горькая нота, что века поменялись, но случилось, что будто в XX веке мальчишки опять уходят в солдаты. Но зее перебивает патриотическая нота – но кто-то должен бить тёмные силы, чтобы светило солнце. И вывод

«Конечно же, мы! Конечно-Россия! И этот пацанчик - Алёшка». Новое поколение россиян продолжает традицию противодействия злу и насилию на нашей планете.

Диапазон тем песен очень широк. Это и люди, клоуны пришедшие во власть из 95-го квартала, и Киев, который всегда был русским, и русский офицер, и сестры милосердия, и русский бог. Отдельная тема – это люди, сражающиеся на передовой. Им посвящены песни «Обещаю вернуться», «Нам нельзя проиграть» и многие другие. Новые песни выходят с завидной регулярностью, почти ежемесячно. В основном на стихи и музыку Андрея Куряева. Но некоторые песни на стихи других поэтов и музыку А. Куряева, а также на его стихи и музыку Надежды Мельянцевой.

С помощью песен Андрея Куряева составляется целая музыкальная композиция о современной международной обстановке, исторических традициях русского народа в защите Отечества, событиям на фронте и тылу. Это позволяет преподавателя использовать музыкальные возможности патриотической темы на многих видах учебных занятий, за что искренняя благодарность таким истинным патриотам своего Отечества, как Андрей Куряев.

Список литературы:

1. «Андрей Куряев, биография, соцсети, семья, творчество, что известно?» - URL.: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3819426-andrej-kurjaev-biografija-socseti-semja-tvorchestvo-cto-izvestno.html/>(дата обращения: 20.02.2024).
2. «Ватники. А. Куряев». - URL.: <https://proza.ru/2022/04/30/444/>(дата обращения: 20.02.2024).
3. «Живая песня. Антология русского шансона и городского романса». - URL.: <https://biography.wikireading.ru/hgtTRsjKnv/>(дата обращения: 20.02.2024).
4. «Не воюйте с русскими!». - URL.: <https://text-lyrics.ru/a1/andrej-kuryaev/42580-andrej-kuryaev-ne-vouyjte-s-russkimi-text-pesni.html/>(дата обращения: 20.02.2024).
5. Приказ МО РФ от 28 декабря 2021 г. № 803 «Об утверждении Руководства по организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Патракеев Андрей Владимирович

аспирант

Вологодский государственный университет

SPIN-код: 5477-0193

РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ САНКТ- ПЕТЕРБУРГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу развития системы охраны труда на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга, который в начале XX века являлся одним из самых развитых промышленных районов России. Проблема минимизации уровня производственного травматизма стояла очень остро и решалась не только на законодательном уровне. Самое непосредственное участие принимали члены Общества заводчиков и фабрикантов и Общества Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев. В их действиях прослеживалась двойственность. С одной стороны, предлагаемые и осуществляемые ими мероприятия способствовали улучшению условий труда. С другой – они не шли на уступки в вопросах изменения величин отдельных факторов, влияющих на травматизм.

Ключевые слова: Охрана труда, Общество заводчиков и фабрикантов, Общество Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев.

THE ROLE OF ENTREPRENEURS IN THE DEVELOPMENT OF THE LABOR PROTECTION SYSTEM AT INDUSTRIAL ENTERPRISES OF ST. PETERSBURG IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Summary: This article is devoted to the development of the labor protection system at industrial enterprises in St. Petersburg, which at the beginning of the twentieth century was one of the most developed industrial regions of Russia. The problem of minimizing the level of occupational injuries was very acute and was solved not only at the legislative level. The most direct participation was taken by members of the Society of Breeders and Manufacturers and the Society of St. Petersburg Manufacturers for mutual insurance of workers and employees against accidents. There was a duality in their actions. On the one hand, the measures they have proposed and implemented have contributed to improving working conditions. On the other hand, they did not make concessions on the issues of changing the values of individual factors affecting injuries.

Keywords: Labor Protection, the Society of Breeders and Manufacturers, the Society of St. Petersburg Manufacturers for mutual insurance of workers and employees against accidents.

До начала XX века прежде всего термин «Охрана труда» обозначал всю совокупность экономической борьбы, которая постоянно велась рабочим классом, поскольку уже сами по себе все отдельные моменты этой борьбы и представляли собой собственно охрану трудящихся. В начале XX века, этот термин стали употреблять в значительно более узком смысле, дополнив словом «физиологическая», и рассматривать охрану труда, как защиту человеческого организма от тех вредностей и опасностей, которые представляет для него сам процесс производственного труда [2, с. 21].

Проблема производственного травматизма, как следствия ненадлежащей организации системы охраны труда, остро стоявшая на промышленных предприятиях в России в начале XX века в связи с развитием производства, применением все большего числа машин и механизмов, отсутствием техники безопасности, актуальна и на сегодняшний день. Производство всегда сопровождала масса негативных факторов, которые непосредственно воздействовали на работников, приводили к увечьям или смерти, вызывали профессиональные заболевания.

В начале XX века, как и сегодня, актуальной задачей являлось выявление путей минимизации промышленного травматизма. В исследуемый период чиновники стали особо обращать внимание на производственные риски и решать вопросы защиты от них на государственном уровне. В начале XX века в России существовала постоянная функциональная связь между социальным страхованием и охраной труда, и их вопросы были очень тесно связаны между собой. Организовывать систему охраны труда на предприятиях владельцы должны были в соответствии с действующим законодательством. Период с начала XX века до 1917 года примечателен появлением большого числа законодательных актов в области охраны труда и социального страхования. В частности, это «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» от 2 июня 1903 года, Комплекс из четырех законов, принятый 23 июня 1912 года: «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев», и «Устав о промышленном труде», датированный 31-ым марта 1913 года, который можно назвать синтезом всех существовавших в России к этому периоду законов в области безопасности труда. Всего же в исследуемый период было издано более десяти нормативных документов. Обособленно Правительство выделяло вопросы учреждения старост на промышленных предприятиях, обеспечения нормального отдыха, женского и детского труда. Но проблема охраны труда решалась не только на законодательном уровне.

Особая роль в вопросе развития системы охраны труда на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга принадлежала предпринимателям, членам

двух Обществ: Общества заводчиков и фабрикантов и Общества Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев.

С целью получения объективных данных об уровне травматизма, в 1908 году Обществом заводчиков и фабрикантов было решено провести регистрацию несчастных случаев на казенных заводах Петербурга за 1904-1907 годы. В период с 24 мая по 1 июля 1908 года предприятиям отправили определенное количество карточек, и по числу возвращенных определяли уровень травматизма. Если несчастных случаев не было, заводууправление извещало об этом. Допускалось участие фабрик и заводов, не состоящих в Обществе заводчиков и фабрикантов [1].

Предприниматели – члены Общества заводчиков и фабрикантов принимали непосредственное участие в разработке законодательства в области охраны труда. Они внесли изменения в проект «Правил о мерах безопасности работ», предложенный в октябре 1911 года Министерством торговли и промышленности. Некоторые статьи были объединены по смыслу; в некоторых, требующих уточнения, информация была изложена более подробно. Исключены были статьи, которые затрагивали вопросы обеспечения безопасности электротехнических установок. Вместо них предлагалось ввести «Правила безопасности для электротехнических сооружений сильных токов низкого и высокого напряжения». Члены Общества заводчиков и фабрикантов приложили проект этих Правил к основному проекту. Также исключались статьи, не связанные с фабрично-заводской деятельностью и статья, требовавшая от служащих заводов проверять правильность расчета подъемных механизмов [3]. Главное по фабричным и горнозаводским делам Присутствие доработало проект, оставив почти без изменений вариант, предлагаемый Обществом заводчиков и фабрикантов, и 19 февраля 1913 года были изданы «Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности» [8]. Документ обязывал владельцев предприятий обеспечивать безопасные условия труда. Акцент в первом разделе был сделан на требованиях к устройству и содержанию помещений. В отдельный раздел выделялись правила работы с паровыми котлами и иными приборами и аппаратами, работающими под давлением выше атмосферного. Третий, четвертый и пятый разделы документа, были посвящены правилам работы с машинами-двигателями, трансмиссиями и исполнительными механизмами соответственно [9, с. 332 - 346].

Также, предприниматели – члены Общества заводчиков и фабрикантов занимались вопросом организации деятельности больничных касс, хотя не были сторонниками этой структуры. Общество считало, что передача дел лечения в руки больничных касс крайне нежелательна, все должно оставаться либо в руках владельцев, либо быть передано больницам, поскольку невозможно предсказать в какие формы выльется их деятельность и насколько устойчивыми будут бюджеты.

Под грифом «Конфиденциально», Общество заводчиков и фабрикантов своим членам представило требования относительно оказания участникам больничных касс врачебной помощи. По своей сути это был краткий обзор и необходимые пояснения к «Правилам устройства и содержания лечебных заведений для участников больничных касс, а также норм подачи лечебной помощи», изданным Советом по делам страхования рабочих 15 июня 1913 года. Разработаны они были на базе закона «Об обеспечении рабочих на случай болезни» от 23 июня 1912 года.

Рабочие недоверчиво относились к фабрично-заводским врачам и поднимали вопрос о приглашении за счет больничной кассы особого доверенного врача, который контролировал бы действия фабричного. В письме «О праве больничных касс самостоятельно оказывать врачебную помощь участникам больничных касс и о выдаче больничными кассами пособий по свидетельствам посторонних, не фабрично-заводских врачей», Общество заводчиков и фабрикантов высказало решительный протест по этому поводу, мотивируя свою позицию нарушением положений законодательства в случае принятия такого решения.

Общество заводчиков и фабрикантов можно считать одним из основателей системы организации районной врачебной помощи. На предприятиях, на которых амбулаторный прием производился не ежедневно, необходимо было обеспечить возможность обращения за врачебной помощью при острой необходимости в не приемное время по месту нахождения врача предприятия. Рабочие поднимали вопрос об отдаленности своего местожительства от предприятия и от местожительства врача. Комиссия при Обществе заводчиков и фабрикантов разработала проект такой организации врачебной помощи, при которой в каждом населенном рабочем районе был бы один врач или несколько общих для заводов и фабрик врачей. Для практического разрешения этого вопроса необходимо было знать, как расселены рабочие в районах Петербурга и его окрестностях. Совет Общества предлагал своим членам безотлагательно предоставить сведения о количестве проживающих рабочих по всем районам и пригородам. Одновременно всем членам Общества был разослан документ с просьбой собрать информацию, кто из фабричных врачей согласится за вознаграждение принять на себя обязанности районного врача. Перечень обязанностей и условия оплаты прилагались. Район не должен был превышать четырех кв. верст (за исключением малонаселенных пригородов) [4].

Предприниматели – члены Общества заводчиков и фабрикантов входили в состав Согласительной комиссии по улучшению труда и быта на промышленных предприятиях. Она рассматривала в первую очередь вопросы продолжительности рабочего дня и низкой заработной платы, факторов, влияющих на промышленный травматизм. 10 мая 1917 года состоялось завершающее заседание Согласительной комиссии. Обществу заводчиков и фабрикантов прийти к единому мнению с представителями делегации

служащих в вопросе продолжительности рабочего дня и отпуска не удалось. Обе стороны считали, что виной тому непонимание каждой из них задач, решение которых составляет главное назначение Согласительной комиссии. По вопросу величины прожиточного минимума было достигнуто предварительное соглашение. Также, было принято решение о создании смешанной комиссии, основными функциями которой являлось бы разъяснение служащим положений нормативной документации, разбор претензий [10].

Одной из основных заслуг предпринимателей – членов Общества Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев была разработка проекта постановлений по предупреждению несчастных случаев, которые следовало воспринимать как инструкции по охране труда.

Во-первых, они касались владельцев предприятий. Изначально постановления давали лишь общие указания на то, что должно быть достигнуто предпринимаемой предохранительной мерой. Воспользовавшись материалами германских источников в исследуемой области (законодательством и документами комиссий, состоящих из членов страховых товариществ), которые были переведены на русский язык, постановления стали составлять в таком виде, чтобы страховые товарищества имели возможность подбирать для каждого предпринимателя только то, что касается его предприятия. Основное, что требовалось от владельцев предприятий – устраивать предохранительные приспособления.

Несмотря на то, что главная ответственность за проведение мер по предупреждению несчастных случаев лежала именно на предпринимателях, для действительного осуществления этих мероприятий необходимо было содействие заводских служащих, для которых издавалось отдельное обязательное постановление. Они должны были постоянно наблюдать за целесообразным устройством, применением и содержанием предохранительных сооружений. Одним из важнейших факторов, при помощи которых заводские служащие могли содействовать предупреждению несчастных случаев являлось поддержание должной дисциплины во вверенных отделениях. Обращалось внимание на то, что причиной многих несчастных случаев являлась спешка рабочих. Для них издавались отдельные постановления по предупреждению несчастных случаев. Поскольку большей частью они не читали документы, использовались плакаты, которые тоже особо не воспринимались. Обращалось внимание на то, что рабочий должен соблюдать механически верно меры для предупреждения несчастных случаев, также как механически он выполняет свою работу. Необходимость наложения штрафов на рабочих в их собственных интересах объясняли их небрежностью, и связывали с невероятным равнодушием или враждебным отношением к мерам предупреждения несчастных случаев.

Помимо обозначенных постановлений существовали документы, обязывающие фабрикантов и производителей поставлять безопасные заводские устройства [5].

Одним из рычагов воздействия на развитие системы охраны труда на промышленных предприятиях Петербурга, было регулирование Обществом Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев ставок страховых взносов. Владельцам предприятий выгоднее было заплатить взносы на страхование от несчастных случаев, чем вкладываться в мероприятия по охране труда [6]. Существовала причинно-следственная связь между показателями производственного травматизма и величиной ставок взносов. Для промышленных предприятий, где уровень травматизма был стабильно высоким, ставки поднимали, и не только по причине того, что и выплат в их пользу приходилось осуществлять больше. Предполагалось, что такая мера мотивирует владельцев на пересмотр вопросов охраны труда на их предприятиях [7].

Список литературы:

1. Дело о регистрации рабочих, пострадавших при несчастных случаях. 19 июня 1907 г. – 24 января 1915 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 592.
2. Каплун, С.И. Охрана труда и ее органы / С.И. Каплун; Российская Социалистическая Федеративная Советская республика. – 2-е изд. – Москва: Гос. изд-во, 1921 ([1922]). – 504, [2] с.
3. Материалы о рассмотрении проекта правил о мерах безопасности работ на фабриках и заводах. 27 января 1912 г. – 1 ноября 1914 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 607.
4. Об организации врачебной помощи на предприятиях и передаче ее в ведение больничных касс. 1913 – 1918 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 2. Д. 80.
5. Отчеты, доклады Правления петербургских фабрикантов и заводчиков для взаимного страхования рабочих от несчастных случаев общему собранию членов Общества и статистические сведения о несчастных случаях на предприятиях. 22 января 1910 г. – 4 июня 1913 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 604.
6. Патракеев, А.В. Производственный травматизм на предприятиях Петербурга в начале XX века // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 17 апреля 2023 г.): / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и др.; [главный редактор Л. О. Кочешкова]. – Вологда: ВоГУ, 2023. – 1130 с.: ил. – Текст: электронный. – С.748-750.
7. Патракеев, А.В. Регулирование ставок страховых взносов для промышленных предприятий Петербурга в начале XX века // XVII Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых : материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 20–24 ноября 2023 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский государственный

- университет ; [главный редактор Л. О. Кочешкова]. – Вологда: ВоГУ, 2023. – 962 с.: ил. – Текст: электронный. – С. 355-359.
8. Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности. 30 июля 1913 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 703.
9. Устав о промышленном труде / сост. В. В. Громан. – Изд. Юридического книжного склада «Право». – Петербург: Типография Правда, 1915.
10. Циркуляры, проекты, инструкции Согласительной комиссии по улучшению труда и быта на промышленных предприятиях г. Петрограда. 7 мая – 7 июля 1917 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 2. Д. 36.

Пацкевич Юрий Иосифович (Республика Беларусь)
соискатель
Белорусский государственный университет транспорта

МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В СВЕТЕ ЦИВИИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА

Аннотация: В статье выполнено системное исследование с целью поиска факторов, лежащих в основе эволюции цивилизаций. Предложен базовый инструмент, способный объяснить характер эволюции мышления. Показаны подходы в понимании назначения участка видимого света в линейке электромагнитного спектра. Выявлена взаимосвязь закономерностей пространственно-временного континуума с мышлением различных периодов в увязке с творческими школами. Проявлена роль книги в эволюционном процессе. Обоснована необходимость построения реальной реальности.

Ключевые слова: электромагнитный спектр, мышление, эволюция, цвет, школа.

METHODOLOGY FOR UNDERSTANDING THE PAST, PRESENT AND FUTURE IN THE LIGHT OF CIVILIZATIONAL CHOICE

Summary: The article carried out a systematic study to search for factors underlying the evolution of civilizations. A basic tool is proposed that can explain the nature of the evolution of thinking. Approaches to understanding the purpose of the visible light region in the electromagnetic spectrum are shown. The relationship between the patterns of the space-time continuum and the thinking of various periods in connection with creative schools has been revealed. The role of the book in the evolutionary process is revealed. The necessity of building a real reality is substantiated.

Keywords: electromagnetic spectrum, thinking, evolution, color, school.

Изучение электромагнитного спектра навело на мысль о существовании непрерывной жизни на всём протяжении широты его диапазонов. Спектр, по своей сути, являлся и является космической иерархией, регулирующей и направляющей все процессы в живой и неживой природе на нашей планете. Наличие периодизации в шкале излучения говорит о том, что до нашей расы homo существовало ещё четыре. Род «люди» относится к пятой расе человекообразных. Современная популяция эволюционирует в рамках диапазона видимого света. Соответственно предыдущие расы расположились следующим образом:

- первая (x) – диапазон длинных волн;
- вторая (x, y) – радиоволны;
- третья (x, y, z) – терагерцовый диапазон;

- четвёртая (x, y, z, t-время) – инфракрасный диапазон;
- пятая (наша популяция – «прошлое») – участок видимого света [2, с.414-421].

При этом, видимый участок спектра единственный, который тождественен всей линейке электромагнитного излучения и при наложении на спектр способен объяснить очень многое.

Становится очевидным наличие в эволюции участков двух фаз. Область от участка длинных волн до инфракрасного диапазона (в видимом свете от красного колера до зелёного) – низкочастотный этап эволюции, иначе говоря стадия развития, происходящая в реальности. Для нашего вида homo, начиная с голубого колера участка видимого света эволюция протекает в высокочастотном диапазоне пятого измерения. Однако, для перехода на высокие частоты потребовался своего рода шлюз, в рамках которого современная популяция «прошла» в симуляции. Поэтому нашему роду «люди» пришлось повторить путь предыдущих рас в видимом диапазоне от вибраций красного цвета до зелёного с полным погружением в виртуальную реальность [3, с.63-79].

Начиная с голубого колера (далее синий и фиолетовый) диапазона видимого излучения, далее ультрафиолетовый диапазон, рентгеновское излучение и гамма-лучи относятся к высокочастотному [2, с.414-421]. Это наше будущее.

Мы находимся на начальном этапе сознательного понимания пятого измерения (голубой колер), в котором не осознано наш вид находится сотни тысяч лет. Кроме того, предыдущие нам популяции «гоминид» и «приматов» нашей расы ещё находились в природе (в реальности). Род «люди» (homo), как сказано выше, в силу обстоятельств, продиктованных эволюцией, вынужден был выйти из природы и построить иллюзорную среду обитания. Именно виртуальная реальность оказалась наиболее благоприятной для выполнения предназначения нашей популяции – «выращивания» и развития головного мозга [3, с.63-79]. Ко всему, виртуальный подход в эволюции лучше всего подходит для «переформатирования» нашей популяции с «земного» существа на «космическое». По всей видимости этот процесс был запущен с момента появления отрицательного резуса крови. В качестве аргументов в пользу подобных умозаключений выступают два полюса планеты: Южный – положительный и Северный – отрицательный. В историческом эпосе (Библия), с точки зрения автора, имя положительного персонажа (плюс) – Первый Адам (стадия образования Земли). В качестве отрицательного (минус) представлена наша планета [3, с.63 – 79].

В научных кругах общепринят факт того, что у приматов только положительный резус крови. То есть, с момента появления у нашей популяции отрицательного резуса-фактора мы «оторвались» от планеты (от реальности) и перешли на рельсы космического развития посредством иллюзорного восприятия мира.

Обстоятельства выхода из реальности, как показал анализ, вызваны потребностью в поэтапном созревании и совершенствовании линейки видов и типов мышления, осуществляемых с помощью головного мозга. Благодаря чему из вереницы разновидностей homo в итоге и появился homo sapiens sapiens.

Далее по ходу рассмотрения видимый участок спектра увяжем с периодизацией предшествующих рас и сложившихся цивилизаций нашего этапа эволюции. Получим следующее.

Первая раса (красный цвет) – «первобытно-общинный строй» (матриархат и патриархат). Вторая раса (оранжевый цвет) – «Древний мир» и «Античность». Третья раса (жёлтый цвет) – «Средневековье» и «Возрождение». Четвёртая раса (зелёный цвет) – «Новое время» и «Новейшее время». Пятая раса (голубой цвет) – «Новая история» и «Новейшая история».

Используя методологию закономерностей развития важнейших понятий исторического материализма, четыре цвета (x, y, z, t-время) составляют «базис». В «надстройку» входят голубой (прошлое – Память – автор), синий (будущее) и фиолетовый (настоящее) колера [1, с. 23].

Продолжим обоснование общеизвестными фактами из теории цвета. Цвета подразделяются на две группы. Основные цвета первого порядка – красный, желтый и синий. Цвета второго порядка – оранжевый, зеленый и фиолетовый. Они получаются из соединения основных цветов.

Обращает внимание отсутствие в этой конструкции голубого цвета. Он виртуальный (два в одном – автор), как и вся эволюция популяции homo (до настоящего времени). Для понимания происходящего обратимся к истории и детально исследуем пройденные этапы эволюции используя периодизацию пространственной организации, предложенную архитектором и первым секретарём Международного конгресса современной архитектуры (XX век) Зигфридом Гидеоном (нем. Sigfried Giedion; 1888 – 1968) [4, с.42].

1. Одномерная пространственная концепция очевидно сформирована на базе линейного мышления (позиция архитектора наблюдателя), позволившего проявить периоды матриархата и патриархата [1, с.50].

Это этап подключения популяции к замкнутому периодическому циклу в природе. Лето переходит в осень, осень в зиму, зима в весну, весна в лето с сопутствующими каждому периоду природными факторами. В физике со школьной скамьи мы усвоили, что электрическая энергия преобразуется в механическую, в химическую, в тепловую, в световую (и обратно) и т.д.

Всё говорит о том, что визуальное восприятие перехода из одного состояния в другое и породило уровень виртуального мировоззрения. Заключался в возможности перенесения представлений о жизни в диапазоне видимого света электромагнитного спектра в представления о наличии жизни в иных измерениях. Это сказалось на выработке представлений о способах взаимодействия с природой, на рождении культа предков, на формировании тотемизма и т.д. Все эти образы, как известно, передавались в устной форме.

В основе матриархата, по всей видимости, и лежит «разговорное» мышление (базовое), а источником для созревания социального строя послужили стили мышления: системный, коллективный и рецептивный. Патриархат, судя по всему, развился посредством физического мышления, выразившееся через очередной пакет мышлений: групповой, стереотипный, индивидуальный.

2. В период двухмерной пространственной концепции (x, y), как известно, главенствующее место заняло мифологическое мышление, сформировавшее первые цивилизации «Древний мир» и «Античность».

«Древний мир» создал двухуровневое мышление, проявившееся в образе «архитектора-мудреца». Как утверждает израильско-американский психолог Дэниел Канеман (англ. Daniel Kahneman) идея в том, что наше восприятие и установки действуют на двух уровнях: на сознательном (осознаваемый путь), и на неосознаваемом (непроизвольный путь). Надо думать, в воспитании населения поучаствовал конкретный перечень мышлений: мистический (Имхотеп; 2630 – 2611 гг. до н. э.), наглядно-образный (Эхнатон; 1397 – 1353/1336 гг. до н.э.), синтетический (Александрийская школа; 332 – 30 гг. до н.э.).

Это начало письменной эпохи. Одна из первых дошедших до нас цивилизационная книга, построившая цивилизацию так называемая «Книга мёртвых». Немецкий археолог и египтолог Карл Рихард Лепсиус (нем. Karl (Carl) Richard Lepsius; 1810 – 1884) дал ей перевод как «Книга Воскресения». Её египетское название переводится как «Главы о выходе к свету дня».

Суть текста в том, чтобы помочь человеку в подготовке преодоления всех опасности загробного мира и вместе с богом Ра снова возвратится на землю и ожить – «обновиться». В этом находим прекрасный пример расширения границ сознания и развития диалектического мировоззрения.

Современное «цифровое поколение» глядя на Древний Египет могут с уверенностью сказать – «Книга мёртвых» была своего рода виртуальным путеводителем для древних египтян на просторах Космоса.

«Античность» сотворила философское мышление, породив «архитектора-философа».

Получили распространение две эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея». Приписывают их появление Гомеру (др.-греч. Ὅμηρος; VIII–VII вв. до н. э.).

Эти произведения своего рода программа, направляющая общество на запараллеленные согласованные действия с процессами, происходящими в других мирах. То есть, образ жизни на земле был отражением образных представлений о жизни в других измерениях.

А Культуру поведения определил новый перечень мышлений: метафизический (Милетская школа); абстрактно-логический (Пифагорейская школа); аналитический (Академия Платона).

3. Эпоха трёхмерной пространственной концепции (x, y, z), заявившая о господстве трёхмерного (многоуровневого) мышления представлена «Средневековьем» и «Возрождением».

«Средневековье», сложившееся за счёт религиозного мышления и создавшее «архитектора-ремесленника» содержит очередную серию типов мышления: идеалистический (Византийская школа); рационалистический (аббатство «Клюни», Франция); пространственно-образный (аббатство Сен-Дени, Париж, Франция) [1, с.28].

За основу развития и управления обществом принята «Библия». Проще говоря, произошло «преобразование броуновского движения в упорядоченное».

Гуманистическое мышление основало цивилизацию «Возрождения», где и родился «архитектор-художник», чему способствовали следующие поведенческие стили мышления: словесно-логический (Венецианская школа Джорджоне (итал. Giorgio, Zorzo Barbarelli da Castelfranco, detto Giorgione; 1477/1478 – 1510)); пространственный (Флорентийская школа Леонардо да Винчи (итал. Leonardo di ser Piero da Vinci; 1452 – 1519)); понятийный (Нюрнбергская школа Альбрехта Дюрера (нем. Albrecht Dürer; 1471 – 1528)).

Книгой этого периода является «Божественная комедия» – поэма, написанная мыслителем и поэтом Алигери Данте (итал. Dante Alighieri; 1265 – 1321) в период с 1307 по 1321 гг.

Эту стадию можно объяснить языком физиков. «В действительном мире триада «Символ – Слово – Состояние» находит свое отражение в триаде «Факт – Оценка – Носитель».

Носитель в этой триаде отождествляется с наблюдаемым объектом, который прямо соотносится с фактом через фиксированный набор проявлений свойств носителя в значениях показателей. Второе начало триады характеризует меру, выражающую способность факта передавать смыслы системы, воплощенные в носителе.

Триада «Символ – Слово – Состояние» и триада «Факт – Оценка – Носитель» связаны между собой через процессы познания, понимания и оформления идеи системы» [5, с.327–332].

4. Этап четырёхмерной пространственной концепции (x, y, z, t-время) оформился благодаря экономическому мышлению. Также состоит из двух составляющих: «Новое время» и «Новейшее время».

«Новое время», благодаря морально-этическому мышлению, создало «архитектора-теоретика» и направило общество сквозь соответствующий цивилизации цикл мышлений: механистический («социал-утопическая» школа Клода Никола Леду (фр. Claude Nicolas Ledoux; 1736 – 1806)); естественно-научный (школа «романтизма» Этьена Луи Булле (фр. Étienne-Louis Boullée; 1728 - 1799)); социологический (школа «революционного классицизма» Давида Жака Луи (фр. Jacques-Louis David; 1748 – 1825)).

В качестве базовой книги выступил «Капитал» Карла Маркса (нем. Karl Heinrich Marx; 1818 – 1883).

Созданная Марксом социально-экономическая теория объединила в единое целое, на первый взгляд, несовместимые альтернативы. Здесь уместно вспомнить закон сохранения жизни, сформулированный доктором географических наук Ю.Н. Куражковским (1923 – 2007), который гласит: «Жизнь может существовать только в процессе движения через живое тело потоков вещества, энергии и информации».

«Новейшее время», утвердившееся посредством утилитарного мышления, вызвала к жизни «архитектора-конструктора» и сориентировала социум на очередной набор мышлений: ассоциативный («Венская школа» Отто Вагнера (нем. Otto Koloman Wagner; 1841 – 1918)); прагматический («Чикагская школа» Луиса Генри Салливана (англ. Louis Henry Sullivan; 1856 – 1924)); наглядно-действенный (школа «Баухауз» Вальтера Гропиуса ((нем. Walter Adolph Georg Gropius; 1883 – 1969)).

На роль фундаментальной книги претендует «Толкование сновидений» в авторстве австрийского психолога, психиатра и невролога Зигмунда Фрейда (нем. Sigismund Schlomo Freud; 1856 – 1939).

В предисловии к третьему английскому изданию в 1931 году З. Фрейд писал: «Эта книга ... в полном соответствии с моими нынешними представлениями... содержит самое ценное из открытий, которые благосклонная судьба позволила мне совершить. Озарения подобного рода выпадают на долю человека, но только раз в жизни».

К слову, ученик Фрейда Карл Юнг (нем. Carl Gustav Jung; 1875 – 1961) подходил к сновидениям как к живым реальностям.

Одновременно, этому промежутку времени соответствует одно из Платоновых тел (правильный многогранник) – куб (символ эпохи). В системе измерений построения пространства это первая форма. Платон (др.-греч. Πλάτων; 428/427 или 424/423 – 348/347 до н. э.) считал, что элементу «земля» свойственна форма куба, как самого устойчивого.

Здесь следует расставить акценты. Ранее выполненное наложение спектра и видимого диапазона свидетельствует о завершении низкочастотного этапа эволюции и переходу на вектор высокочастотного этапа развития.

5. Далее следует пятимерная пространственная концепция (Память – автор) [1, с. 23], включающая «Новую историю» и «Новейшую историю». Учитывая выше отмеченную цветовую кодификацию эпох, данная стадия эволюции относится к «надстройке» («прошлое»). По всей вероятности, в качестве доминант выступили два вида мышления: социальное и глобальное (голубой колер: «два в одном» – автор).

Цивилизация «Новая история» на основе идеологического мышления подготовила «архитектора-идеолога» и помогла обществу освоить соответствующие периоду развития стили мышления: абстрактный (Витебская школа К.С. Малевича (1879 – 1935)); рациональный (школа архитектурной группы «Аркигрэм»); иррациональный (школа «Студии “Лабиринто”»).

Эпоха прошла под знаменем 55 томов – масштабного труда В.И. Ленина (1870 – 1924).

В.И. Ленин научно обосновал идею единовластия и полновластия народа, непосредственно принимающего участие в управлении через сформированные им органы, объединяющие законодательные и исполнительные функции, тем самым искоренив принцип разделения властей.

Теперь несколько слов о текущем моменте, именуемом «Новейшая история». Всё свидетельствует о том, что для начала следует постичь азы стратегического мышления во всех его проявлениях.

Кроме того, мышление нашей эпохи находится в преддверии оформления биосферного мышления, предложенного в своё время советским учёным-естествоиспытателем В.И. Вернадским (1863–1945).

Ко всему, предстоящий период напрямую связан с процессами, происходящими во Вселенной, что позволит, главным образом, увязать земное развитие с процессами в Космосе [1, с.62]. В этом случае на горизонте маячило создание условий для первой ступени космического мышления – квантового и т.д.

Носителями зарождающегося космического мышления в IX-XX вв., как известно, выступили В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др. А вот термин «русский космизм», как характеристика национальной традиции мысли возник в Советском Союзе в 1970-е годы.

Таким образом, предложенный аналитический материал позволяет сделать определённые выводы. Всё однозначно указывает на завершение цикла построения планетарных цивилизаций на нашей планете. Соответственно, современная низкочастотная западная цивилизация и связанное с ней мышление также является последней. Дальнейший путь нашей популяции сориентирован на высокочастотный вектор развития (истоки в СССР) и связан с построением галактической цивилизации (коммунистической). Заключается в организации реальной новой реальности на основе опыта и знаний, наработанных в эпоху виртуального этапа эволюции homo. Данный этап ознаменует выход из замкнутой планетарной системы, в которой мы находимся, и рождение нового образа «человека разумного» в виде полноценного жителя Вселенной. Однако, желательно чтобы главенствующую роль в основании цивилизационных творческих школ и выработке соответствующего эпохе мышления возложила бы на себя цивилизация русского мира. Для этого, цивилизацию ещё нужно создать. А как известно, любая цивилизация зарождается исключительно на базе Культуры. Так что для начала необходимо возродить Культуру русского мира (народный космизм), сохранившуюся во фрагментарном виде в среде трёх братских народов.

Список литературы:

1. Пацкевич Ю.И. Модель системы расселения будущего: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению

- подготовки «Архитектура» (квалификация (степень) «бакалавр») / Ю. И. Пацкевич, А. В. Пацкевич; [рец.: И. Г. Малков, О. Е. Пантюхов]. – Москва: ИНФРА-М, 2021 – 187 с.: ил. - (Высшее образование - бакалавриат). - Библиогр.: с. 178-184.
2. Пацкевич, А.В., Пацкевич, Ю.И. Роль науки в понимании путей преодоления низкочастотного этапа эволюции / По материалам II-й Международной научной конференции «Ноосферизм – новый путь развития. Субеттовские чтения – 2», 27 мая 2022 г., Санкт-Петербург; конференция посвящается 85-летию А.И. Субетто: коллективная монография. Под науч. ред. проф. В.В. Семикина. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 414 – 421.
3. Пацкевич А.В., Пацкевич Ю.И. Миссия цивилизации русского мира / Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории: Сб. материалов XVI Международной научной конференции 16 февраля 2023 г. Саратов: Изд-во «Наука», 2023.– 401 с. – С.63 – 79.
4. Пространство, время, архитектура / Гидион З.; Сокращенный перевод с немецкого М. В. Леонене, И. Л. Черня. – 3-е издание. – Москва: Стройиздат, 1984. – 455 с., ил. – Перевод издания: Raum, Zeit, Architektur: Die Entstehung einer neuen Tradition / S. Giedion. – Ravensburg.
5. Качанова Т.Л., Фомин Б.Ф. Введение в язык систем. - СПб.: Наука, 2009. С. 327-332.

Петров Евгений Сергеевич

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 6310-3655

ФАКТОРЫ ЗАВИСИМОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

Аннотация: статья посвящена проблеме взаимодействия региональных органов власти и органов местного самоуправления. Статья построена на кейс-стади Ленинградской области, на примере которой исследуются факторы зависимости органов местного самоуправления от региональных властей. В основе статьи рассматриваются четыре крупных группы проблем, которые оказывают влияние на взаимодействие органов региональной власти с органами местного самоуправления.

Ключевые слова: органы региональной власти, органы местного самоуправления, исполнительная власть, законодательная власть, Ленинградская область.

FACTORS OF DEPENDENCE OF LOCAL GOVERNMENTS ON REGIONAL AUTHORITIES

Summary: The article is devoted to the problem of interaction between regional authorities and local governments. The article is based on a case study of the Leningrad region, using the example of which to explore the factors of dependence of local governments on regional authorities. The article is based on four large groups of problems that influence the interaction between regional authorities and local governments.

Keywords: regional authorities, local self-government bodies, executive power, legislative power, Leningrad region.

В настоящее время многие проблемы, связанные с взаимодействием органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) и региональных властей не урегулированы, и крайне мало обсуждаются в публичной повестке. Это является фактором, который снижает эффективность взаимодействия региональных и местных органов власти. Выделяется ряд проблем, характерных для процесса взаимодействия ОМСУ и региональных органов власти. Данное кейс-стади посвящено исследованию факторов зависимости ОМСУ от региональных властей на примере Ленинградской области.

Можно выделить следующие проблемы, которые характерны как для органов региональной власти, так и ОМСУ: проблема неэффективного разделения полномочий, функций между субъектом Российской Федерации и органами местного самоуправления; проблема коммуникации региональных

властей и органов местного самоуправления (в качестве иллюстрации взят кейс Ленинградской области); проблемы, связанные с мониторингом эффективности деятельности ОМСУ; проблемы согласования процессов разработки региональной и муниципальных стратегий.

Проблема неэффективного разделения полномочий, функций между субъектом РФ и ОМСУ. основополагающий нормативно-правовой акт, регулирующий объем полномочий органов власти – это ФЗ «Об общих принципах организации законодательных...» [1]. Федеральный закон устанавливает перечень полномочий, которые не могут быть перераспределены в пользу органов власти субъектов РФ. Основная проблема заключается в том, что наблюдается диссонанс между объемом полномочий ОМСУ и гармонизацией с их бюджетными возможностями. В Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2] отмечено, что «законами субъектов РФ может осуществляться перераспределение полномочий между органами ОМСУ и органами государственной власти субъекта РФ». Региональный закон ограничивает передачу полномочий на определенный срок, но механизм не распространяется на обратную передачу полномочий от органов государственной власти субъекта ОМСУ. Существует только механизм возврата полномочий.

Примером перераспределения полномочий в Ленинградской области является областной закон «О перераспределении полномочий в области градостроительной деятельности [4], который не позволяет ОМСУ отклонять документацию по планировке территории. Муниципальные власти наделяются правом утверждать или отправлять на доработку градостроительную документацию без направления ее главе местной администрации. Другой пример: ФЗ «О перераспределении полномочий в сфере водоснабжения и водоотведения...» [5]. Некоторые муниципальные образования обязаны передавать часть своих полномочий с существующим имуществом учреждению, подведомственному Правительству региона. Для этих целей в 2016 году было создано ГУП «Леноблводоканал». В целях компенсации объема полномочий муниципальным органам власти отдано право устанавливать за счёт средств бюджета муниципального образования дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан вне зависимости от наличия в федеральных законах положений. Данный феномен можно охарактеризовать термином «Квазиделегирование».

Проблема взаимодействия регионального парламента Ленинградской области и ОМСУ. В целом, Законодательное собрание Ленинградской области проводит с ОМСУ конструктивную работу, что подтверждается наличием различных мероприятий в этой сфере. Подробное их описание находится на официальном сайте Законодательного собрания Ленинградской области [8]. Примером может служить проведение ежегодного областного конкурса на лучшую организацию работы представительных органов местного самоуправления Ленинградской области, проведение заседаний Совета

представительных органов муниципальных образований Ленинградской области при Законодательном собрании Ленинградской области, проведение занятий «Муниципальной школы», проведение семинаров для депутатов представительных органов муниципальных образований Ленинградской области, проведение ежегодных рабочих семинаров с руководителями аппаратов советов депутатов муниципальных образований и другие мероприятия. В связи с этим, данное взаимодействие можно охарактеризовать не как зависимость одних акторов от других, а как взаимовыгодное сотрудничество, направленное на улучшение качества выполнимой работы.

Проблема мониторинга эффективности деятельности ОМСУ. Исполнительные органы власти Ленинградской области по окончании каждого года подготавливают сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городского округа [7]. Указ Президента РФ фактически ставит ОМСУ в зависимость от региональных властей, поскольку последние занимают роль оценивающего органа. Такой порядок вынуждает ОМСУ налаживать «хорошие отношения» с региональной властью, используя, в том числе, неформальные каналы коммуникации. Эффективность деятельности глав местного самоуправления Ленинградской области определяется с использованием балльной системы оценки: муниципальному району (городскому округу) по каждому из показателей, присваивается от 0 до 4 баллов в зависимости от целевых значений показателей [3].

Соотношение стратегии социально-экономического развития Ленинградской области со стратегиями муниципальных образований. Все 17 муниципальных образований Ленинградской области и городской округ имеют стратегии социально-экономического развития. Информация представлена в таблице.

Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 [6]	Стратегии муниципальных образований
«Демография»: стратегия действий Ленинградской области по повышению рождаемости и продолжительности жизни	Ставится в приоритет во всех муниципальных образованиях Ленинградской области
«Здоровье населения»: стратегия действий Ленинградской области в здравоохранении	В дотационных районах – поддержка существующей системы здравоохранения; в донорах – расширение, развитие
«Физкультура и спорт»: стратегия действий Ленинградской области в сфере здоровья.	Вовлечение населения в спортивную жизнь, Строительство спортивных объектов. Упомянуто во всех муниципальных стратегиях.
«Экспорт»: стратегия действий Ленинградской области в промышленности	Лодейное Поле – специализация лесозаготовка.
«Продовольственная безопасность»:	Ленинградский гектар: Бокситогорский,

стратегия действий Ленинградской области в сельском хозяйстве	Лужский, Подпорожский, Лодейнопольский муниципальные районы.
«Современный транспортный комплекс»: стратегия действий Ленинградской области по развитию общественного транспорта	Всеволожский район: строительство транспортно-пересадочных узлов на границе с Санкт-Петербургом
«Комфортные поселения»: стратегия действий Ленинградской области по формированию комфортной городской среды	Комфортная городская среда реализуется во всех муниципальных образованиях Ленинградской области
«Туризм»: стратегия действий Ленинградской области по развитию внутреннего и въездного туризма.	Подпорожский район – упор на развитие туризма в муниципальной стратегии.
Цифровая трансформация государственного управления	«Умный город» в городах Сосновый Бор и Гатчина.

В результате, можно сделать вывод, что стратегии муниципальных образований Ленинградской области не только соответствуют целевым показателям областной стратегии, но и являются ее частью.

Таким образом, зависимость ОМСУ от региональных органов власти существует и выражается в разделении полномочий в сторону региональной власти, экономической зависимостью муниципальных образований от региональной власти, юридической зависимости в вопросе оценки эффективности органов местной власти. Федеральное законодательство создает условия, необходимые для создания такой зависимости (федеральные законы, регламентирующие разделение полномочий). Между ОМСУ Ленинградской области и региональной властью налажен хороший контакт, выражающийся в организации совместных рабочих встреч. Стратегии муниципальной власти являются частью региональной стратегии. Местная власть ориентируется на мнение региональной, что подтверждается соответствием муниципальных стратегий региональной. Это делает реализацию политики более эффективной, поскольку между органами муниципальной и региональной власти существует согласованность, скоординированность.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/024bd90f66791b66eb008002ef1889dcbc4e457/ (дата обращения: 22.01.2024).
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] - URL.:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/11b2cbafc68e9e5285d313c8814de54570727e11/ (дата обращения: 22.01.2024).

3. Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. N 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, муниципальных, городских округов и муниципальных районов» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ [Электронный ресурс] – URL.: <https://base.garant.ru/193208/> (дата обращения: 22.01.2024).
4. Областной закон Ленинградской области от 07.07.2014 N 45-оз «О перераспределении полномочий в области градостроительной деятельности между органами государственной власти Ленинградской области и органами местного самоуправления Ленинградской области» // ГАРАНТ [Электронный ресурс] – URL.: <https://base.garant.ru/22948317/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 22.01.2024).
5. Областной закон Ленинградской области от 29.12.2015 N 153-ОЗ «О перераспределении полномочий в сфере водоснабжения и водоотведения между органами государственной власти Ленинградской области и органами местного самоуправления Ленинградской области» // ИК Кодекс [Электронный ресурс] – URL.: <https://docs.cntd.ru/document/537986357> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Областной закон Ленинградской области от 08.08.2016 N 76-оз «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» // ГАРАНТ [Электронный ресурс] – URL.: <https://docs.cntd.ru/document/456011417> (дата обращения: 22.01.2024).
7. Постановление Губернатора Ленинградской области от 12.03.2018 N 10-пг «Об утверждении перечня показателей оценки результативности деятельности глав администраций муниципальных районов и городского округа Ленинградской области «рейтинг 47» // ИК Кодекс [Электронный ресурс] – URL.: <https://docs.cntd.ru/document/556845210> (дата обращения: 22.01.2024).
8. Законодательное Собрание Ленинградской области (официальный сайт) [Электронный ресурс] – URL.: <https://www.lenoblzaks.ru/> (дата обращения: 13.12.2023).

Платова Екатерина Эдуардовна

доктор исторических наук, профессор

Петербургский государственный университет путей сообщения императора
Александра I

SPIN-код: 9983-7088

ЖИЗНЬ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация: Материал посвящается приближающемуся 100-летию юбилею со дня рождения известного инженера, педагога, ученого, профессора Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I Всеволода Федоровича Яковлева (1925-2003). В данном учебном заведении организация подготовки кадров инженеров путей сообщения и высоких профессионалов в инженерно-строительном деле стала эталоном для технических вузов страны. Выпускники вуза в полной мере использовали и используют знания и умения, полученные в этом инновационном учебном заведении, основанном в 1809 г. Многие из них вошли в состав научно-педагогического коллектива вуза. Таковым стал В.Ф. Яковлев, отдавший служению родному вузу более 50 лет творческой деятельности. Вместе с коллегами он прославил имя Alma mater созданием специальных рельсовых путей для сверхтяжелых нагрузок на космодроме Байконур, активно способствовал организации освоения космоса. В 1968 г. был удостоен престижного звания «Строитель Байконура».

Ключевые слова: научно-индустриальное развитие народного хозяйства, высшее образование, ЛИИЖТ, ПГУПС, инженерная подготовка, научно-технические кадры, научные труды.

LIFE AS A GUIDE FOR FUTURE GENERATIONS

Summary: The material is dedicated to the approaching 100th anniversary of the birth of the famous engineer, teacher, scientist and professor of the St. Petersburg State University of Railways of Emperor Alexander I Vsevolod Fedorovich Yakovlev. At this university, the organization of training of railway engineers and high-level professionals in civil engineering has become a benchmark for technical universities in the country. Graduates of the university have fully used and are using the knowledge and skills acquired in this innovative educational institution, founded in 1809. Many of them joined the scientific and pedagogical staff of the university. This was V.F. Yakovlev, who gave more than 50 years of creative activity to his native university. Together with his colleagues, he glorified the name of Alma mater by creating special rails for heavy loads at the Baikonur cosmodrome, and actively contributed to the organization of space exploration. In 1968, he was awarded the prestigious title of "Builder of Baikonur".

Keywords: scientific and industrial development of the national economy, higher education, LIZHT, PGUPS, engineering training, scientific and technical personnel, scientific works.

Общие положительные тенденции наращивания индустриальной мощи страны, прогресс экономики, позитивные перемены в социальной сфере в тот период, когда Совет министров СССР возглавлял А.Н. Косыгин, отразились на ускорении развития образования, на динамических процессах воздействия на материальный и духовный мир человека [12]. Советское общество воспринимало политику власти как необходимость более полной и свободной реализации творческой инициативы, как широкое воспроизведение через образование способностей человека в области совершенствования производительности труда, улучшения качества продукции, рационализации и внедрения новых технологий в производство. Объективно время требовало перехода страны к новым научно-индустриальным методам развития народного хозяйства. Остро стоял вопрос о совершенствовании подготовки высокопрофессиональных научно-технических кадров [7, 8].

Эти задачи были осознаны и плодотворно реализовывались старейшим транспортным вузом — Ленинградским институтом инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ, ныне — Петербургский государственный университет путей сообщения, ПГУПС), который со времени своего основания в начале XIX в. хранил и развивал традиции внедрения в практическую жизнь передовых инженерных идей, отличался широкой эрудицией и энциклопедической образованностью преподавателей [1, 2]. Среди них вторая половина XX в. прославлена такими именами инженеров-ученых, как профессора С.В. Амелин, Г.Е. Андреев, М.В. Березовский, М.И. Воронин, М.П. Смирнов и многие другие [4, 6, 7]. К ряду этих ученых можно с достоинством отнести имя профессора, доктора технических наук Всеволода Федоровича Яковлева, отдавшего родному вузу более 50-ти трудовых лет и подготовившего тысячи специалистов-инженеров, а также воспитавшего целую плеяду ученых-докторов наук. Это — Е.П. Дудкин, В.В. Говоров, Т.П. Воскресенская и многие другие, вдохновленные энергией учителя — крупнейшего российского ученого в области развития железнодорожного транспорта, более 26 лет, со времени создания в 1969 г., руководившего вузовской кафедрой «Промышленный транспорт и автоматизация производственных процессов». Им был освоен широкий спектр преподаваемых курсов: «Путевое хозяйство», «Автомобильные дороги», «Основы автоматики», «Применение вычислительных машин» [5].

В.Ф. Яковлев, основываясь лишь на толковании своего имени «Всеволод» считал, что должен смочь все. Он выработал в себе привычку много читать, постоянно делая краткие записи и конспекты для работы. Много времени уделял развитию общей культуры, любил и знал классическую музыку, предпочитая творчество Бетховена, Рахманинова, Чайковского. Был поражен

высказыванием П.И. Чайковского о том, что не нужно ждать вдохновения, но работать и получать вдохновение от работы. Жил по принципу известной китайской мудрости: «Знания, которые не пополняются ежедневно, убывают с каждым днем...» [10, с. 40] Реально ему были присущи такие личные качества, как вера, твердость, постоянство. Эта личность отвечала стремлениям времени, стремлению высшей школы конца 1960-х гг. прогнозировать свое экономическое развитие и социальную жизнь на длительный период.

Нельзя забывать о том, что ЛИИЖТ в данный исторический период уже обладал 14-ю учебно-научными корпусами, библиотекой, насчитывающей 1,2 млн. томов, музеем, спортивным залом, 7-ю столовыми, 9-ю студенческими общежитиями на 5300 мест, ежегодно выпускал в жизнь более 1500 специалистов высшей квалификации [4]. Вуз продолжал совершенствовать учебный процесс, углублял связь с производством и научно-промышленным комплексом. Хотя учебные занятия строились на традиционной основе: лекции — практические занятия — лабораторные работы — производственные практики — научно-исследовательская деятельность [7]. Все это готовило студенчество к овладению профессиональными навыками, системным анализом, пониманием логики процессов, воспитывало стремление к творчеству, восприятию духа высокой инженерной науки. В процесс жизнедеятельности вуза был активно включен коллектив кафедры, возглавляемой В.Ф. Яковлевым, путь которого к этой деятельности был труден и долог.

Всеволод Федорович Яковлев родился 12 февраля 1925 г. в дер. Коккореве у Ладожского озера в семье промысловика-рыбака. В 1936 г. семья переехала в Вологду, здесь Всеволод учился в железнодорожном техникуме Наркомата путей сообщения с 1939 по 1942 гг. Позже в годы войны находился в спецформированиях Военно-эксплуатационного отдела №3 Ленинградского фронта, занимавшегося восстановлением железнодорожных путей. Работал техником и мостовым мастером в чрезвычайно суровых условиях. Спасало самовоспитание, выдержка, упорство [5]. Эта его опасная, но очень необходимая работа была отмечена медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В послевоенный период сметливый двадцатилетний парень был назначен дорожным мастером, начальником путевой колонны дистанции службы пути. Через год он стал старшим инженером дистанции службы пути, заместителем начальника Выборгской дистанции службы пути Октябрьской железной дороги. В этой должности он проработал четыре года. Всеволод фактически жил на рабочем месте, зная наизусть каждый километр своего участка. Уже имея шестилетний практический опыт работы на железной дороге, молодой человек был направлен на учебу в вуз.

В 1949 г. В.Ф. Яковлев поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1952 г. он с успехом закончил вуз по специальности «Строительство железных дорог». Уже в годы учебы

незаурядность В.Ф. Яковлева проявилась в интересе к научным исследованиям. Талантливого студента быстро заметили и предложили поступить в аспирантуру по кафедре «Путь и путевое хозяйство». В период обучения в аспирантуре он увлеченно работал над проблемами напряженных и деформированных состояний механизмов и деталей. В 1955 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые вопросы статистического расчета элементов стрелочных переводов». После окончания аспирантуры стал ассистентом кафедры, с 1958 г. – доцентом кафедры. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Исследование сил взаимодействия, деформаций и напряжений в зоне контакта железнодорожных колес и рельсов», которая отражала направление его научных интересов. В этой работе В.Ф. Яковлев полагался на экспериментальную составляющую. Он изобрел оригинальные микроэлектродатчики-тензометры, с помощью которых смог исследовать внутреннее напряжение и деформацию металлических конструкций. Важнейшим результатом деятельности проф. В.Ф. Яковлева стало создание Научной школы по проблеме «Теория проектирования и создания специальных конструкций пути и подвижного состава для сверхтяжелых осевых нагрузок». Был интересным подход В.Ф. Яковлева к воспитанию молодых ученых. По воспоминанию проф. В.В. Говорова в статье «Личность высокого накала» он зачастую пересказывал назидательную историю о принципах формирования научной школы на примере деятельности Эрнеста Резерфорда, бывшего проф. Кембриджского университета в области ядерной физики [10, с. 39]. Многие люди претендовали на вакантные места в его лаборатории. Если претендент приходил к профессору и докладывал «Я выполнил Ваше задание. Что мне делать дальше?» - его увольняли. С Резерфордом оставались работать только те, кто в процессе выполнения первого задания сами открывали для себя дальнейшее поле деятельности. Любое исследование должно рождать в уме ученого новые проблемы, требующие своего разрешения. Эта позиция стала воспитательным принципом проф. В.Ф. Яковлева.

Наряду с научной работой В.Ф. Яковлев занимался общественной деятельностью, активно жил общими проблемами вуза: в конце 1960 – в начале 1970 –х гг. он являлся членом партийного комитета ЛИИЖТа, а затем его руководителем. Он был генератором новых идей, мудрым руководителем, его живой и сильный ум не отдыхал ни минуты.

С 1964 г. В.Ф. Яковлев совместно с профессором М.П. Смирновым возглавлял работу по проблеме специальных рельсовых путей для сверхтяжелых нагрузок на космодроме Байконур. Результатом исследований стал комплекс путевой сети, обслуживавший работу подъемно-установочных и трейлерных агрегатов массой до 4000 т. и размерами до 150 м. Этот труд получил достойную оценку в 1972 г. коллектив ученых, возглавляемых Яковлевым, был награжден памятной медалью АН СССР «В ознаменование первого в мире выхода человека в открытый космос». Новая научная школа

проф. В.Ф. Яковлева и в настоящее время широко известна мировому научному сообществу системными разработками конструкций специальных путей наземных систем космического комплекса Байконур, внедрением подвижного состава с большими осевыми нагрузками на металлургических комбинатах, угольных разрезах, горных разработках. Эти расчеты решают многие вопросы по совершенствованию промышленного и магистрального железнодорожного транспорта [10, с. 6].

Профессор Яковлев работал рука об руку с учеными и инженерами Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института металлургического машиностроения, Уральского завода тяжелого машиностроения, Харьковского завода транспортного машиностроения и других транспортных предприятий [11]. Разработка принципиально новой конструкции пути под осевые нагрузки в 56 т была высоко оценена, и в 1983 г. В.Ф. Яковлев был удостоен премии Совета Министров СССР; в 1985 г. он стал Заслуженным деятелем науки и техники РФ, а с 1991 г. – членом-корреспондентом Академии транспорта. В его активе 277 научных публикаций, 6 монографий, 16 учебников, 27 авторских свидетельств, 33 патента на изобретения. Многие годы он являлся председателем Специализированного совета по защите диссертаций, подготовил 34 кандидата технических наук и 7 докторов. В.Ф. Яковлев являлся главой научной школы по указанным проблемам [5].

На международном уровне В.Ф. Яковлев поддерживал авторитет научной школы ЛИИЖТа, выступая на международных научных конгрессах. Ряд его статей переведен и опубликован за рубежом – в Великобритании, Болгарии, Польше, Канаде, на Кубе и др. Им изложены результаты научно-исследовательских работ, выполненных при разработке и оснащении путевого хозяйства на металлургических гигантах России в Череповце, Новокузнецке, Нижнем Тагиле, Магнитогорске; на космодроме Байконур и Байкало-Амурской магистрали.

В.Ф. Яковлев был награжден орденом Трудового Красного Знамени и девятью медалями. Он отмечен знаками «Почетный железнодорожник», «Почетный строитель Байконура» и другими государственными наградами.

До последнего вздоха Всеволод Федорович не переставал работать. Находясь в больничной палате, он писал наброски к статьям, стремясь зафиксировать на бумаге возникавшие идеи. Когда же рука ослабевала, он диктовал. На протяжении всей жизни он учился, узнавал новое, совершенствовался, тренировался.

Таковы питомцы вуза, лидеры науки, среди более 120 тысяч инженеров, подготовленных на благо Отечества. По практическим делам, жизненной позиции, духовной культуре выпускников судят о вузе, о его традициях и успехах. Каждому, кто причастен к истории первого транспортного вуза России, есть чем гордиться. И вуз гордится своими выдающимися учеными,

которые яркими примерами жизнедеятельности обогащают его историю, историю России. Это важно особенно сейчас, когда страна стоит перед новыми вызовами современности. Теперь, как никогда, необходимо осмысление богатого исторического опыта, оставленного нам лучшими представителями научно-педагогических кадров [3, 9].

Список литературы:

1. История Петербургского государственного университета путей сообщения: в 2 томах, 3 книгах. / Под общей редакцией В.И. Ковалева и И.П. Киселева. - СПб.: ПГУПС, 2009. - Т.1. - 534 с.; Т.2, кн.1. - 560 с.; Т.2., кн.2 - 404 с.
2. Киселев И.П., Панычев А.Ю., Фортунатов В.В. Общепольное для России учреждение: 100 фактов из истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I. Учебное пособие. 4-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: ПГУПС, 2019. - 288 с.
3. Козлов А.П., Платова Е.Э. Осмысление российского исторического опыта в сфере образования и воспитания подрастающего поколения на основе исторических персоналий // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. - 2023. - № 3. - С. 75-80.
4. Красковский Е.Я. ЛИИЖТ в пути. М.: Транспорт, 1990 г. - 168 с.
5. Линия жизни профессора В.Ф. Яковлева: путь ученого, избранные труды, работы коллег и учеников / Под общ. ред. В. А. Сидякова. - М.: Интекст, 2006. - 22 с.
6. ЛИИЖТ на службе Родины: Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта им. В. Н. Образцова, 1809-1984 / Ф. К. Бернгард, В. М. Волков, М. И. Воронин и др.; Под ред. Е. Я. Красковского. - Л.: Транспорт, 1984. - 238 с.
7. Научные школы Петербургского государственного университета путей сообщения. 1809-2009 / ред. В.В. Сапожников. СПб.: ПГУПС, 2009. - 609 с.
8. Оводенко, А.А., Платова, Е.Э., Фортунатов, В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. – СПб.: ГУАП, 2010. - 542 с.
9. Платова Е.Э. История вуза — важнейший фактор гражданского-патриотического воспитания инженеров путей сообщения (из опыта Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I) // В сб.: Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. Материалы междунар. научн. конференции под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. – СПб.: ГУПТД, 2019. - С. 381-389.
10. Профессор В.Ф. Яковлев. Путь учёного. Избранные труды. Научный редактор академик РАТ В.А. Сидяков. - М.: Изд. дом «Трасса», 2005. - 351 с.
11. Путь и путевое хозяйство промышленных железных дорог / В.Ф. Яковлев, Б.А. Евдокимов, В.Е. Парунакян, А.Н. Перцев; Под ред. В.Ф. Яковлева. - М.: Транспорт, 1990. - 343 с.

12.Россия в современном мире. От СССР к России / В.В. Фортунатов, В.В. Титко, Т.Н. Трусова, В.М. Шадрин; Под ред. В.В. Фортунатова. - СПб.: ФБГОУ ВПО ПГУПС, 2015. - 220 с.

Плетнев Александр Владиславович

кандидат социологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

SPIN-код: 3442-8744

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ КАК ЭМЕРДЖЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН СВЕРХНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: Разнообразные социальные и экономические процессы в Западном обществе свидетельствует о существенных переменах в понимании государства всеобщего благоденствия. Либеральный тип такого государства как один из его классических вариантов в настоящее время латентным образом подменяется совершенно новым явлением. Выделение нового нелиберального типа государства всеобщего благоденствия является предметом данного исследования. Тематика изучения государства всеобщего благоденствия крайне актуальна для России, где социальная работа как сфера деятельности и социальная политика как сфера целеполагания являются крайне слабо методологически отрефлексируемыми.

Ключевые слова: аномия, welfare state, социальная политика, социальная работа.

THE CONCEPT OF A POST-LIBERAL WELFARE STATE AS AN EMERGENT PHENOMENON OF A SUPERNOVA ECONOMY

Summary: The diverse social and economic processes in Western society indicate significant changes in the understanding of the welfare State. The liberal type of such a state as one of its classical variants is currently being latently replaced by an entirely new phenomenon. The identification of a new neoliberal type of welfare state is the subject of this study. The topic of studying the welfare state is extremely relevant for Russia, where social work as a field of activity and social policy as a field of goal-setting are extremely poorly methodologically reflected.

Keywords: anomie, welfare state, social policy, social work.

Концепция государства всеобщего благоденствия (welfare state) является своего рода методологией социальной политики, определяющей вектор и качество развития социальной помощи в конкретном государстве. Социальная политика в свою очередь является основой для конкретных практик социальной работы. В настоящее время для российского общества вопрос об определении типа государства всеобщего благоденствия и направления развития социальной политики является крайне актуальным. Это связано с процессами социальной аномии, которые проявляются в противоречии ценностных и нормативных

ожиданий [2]. Неопределённость социальной политики усиливает социальную аномию. Проблема аномии особо актуальна для молодёжи, которая вступает в период трудовой социализации и нуждается в понимании перспектив будущего развития. В данной статье будут рассмотрены ведущие тренды развития государства всеобщего благоденствия на западе и их влияние на отечественную практику.

Одним из популярных подходов является концепция цифрового государства всеобщего благоденствия (welfare state). По этой логике цифровизация должна оказать существенное влияние на уровень качества жизни индивидов. В теории «предполагается, что оно должно быть аполитичным, экономически эффективным и более результативным» [6, с. 454]. При этом цифровая коммуникация является только средством реализации социальной помощи и никак не затрагивает саму суть и идеологию государства всеобщего благоденствия. Эмпирические исследования показывают, что функционирование цифрового государства всеобщего благоденствия не только облегчило взаимодействие получателей социальных услуг с государственными учреждениями, но и породило новые риски «(например, дискриминацию, изоляцию и неравенство в доступе к социальному обеспечению), которые являются результатом утечки данных, с которой столкнулись граждане. Кроме того, уязвимые группы в эпоху цифровых технологий следует рассматривать не только как тех, у кого нет доступа к социальным услугам, таким как образование, здравоохранение и занятость, но также как тех, кто не имеет доступа к Интернету, не обладает цифровыми навыками и исключен из системы» [8, с.457]. Цифровой разрыв является серьёзной проблемой и в целом в данном случае мы не можем говорить о появлении нового типа государства всеобщего благоденствия.

Интересные тенденции происходят в Соединённых Штатах, которые наряду с Великобританией традиционно считаются государством, реализующим либеральную модель государства всеобщего благоденствия. Наиболее авторитетный специалист в данной сфере Эспинг-Андерсен отмечал, что «современный неолиберализм во многом является отголоском классической либеральной политической экономики. Для Адама Смита рынок был превосходным средством преодоления проблем классового антагонизма, неравенства и привилегий» [5, с. 9]. По этой логике, сутью либеральной модели является господствующая роль рынка, узкое определение групп нуждающихся и перекладывание ответственности за социальную помощь с государства на негосударственные благотворительные организации. Следует отметить, что либеральная модель никогда не реализовывалась в чистом виде и среди политиков всегда находились те, кто агитировал за увеличение государственной помощи.

Поворотным моментом для этой модели стало появление Критической расовой теории [4] и Критической теории права [7]. Согласно этим концепциям, люди становятся нуждающимися, поскольку принадлежат к дискриминируемым

группам (по расовым, социальным или иным основаниям) [3]. Это означает выделение широких групп, нуждающихся в социальной помощи. Критическая расовая теория делает существенный крен в сторону социализма. Это обстоятельство позволяет нам говорить о появлении новой модели государства всеобщего благоденствия - постлиберальной. Современные политики неолиберального направления склонны придавать народному гневу неэкономический вектор. В качестве главных источников риска для населения либеральные политики называют расизм, гомофобию, глобальное потепление и экономические проблемы. При этом либералы зачастую используют левые, марксистские идеи без ссылки на источник. Такие движения, как «новый зеленый курс» и «критическая расовая теория», являются удобным способом, который позволяет их сторонником установить свою систему управления. Деррик Белл из Гарвардской школы права заимствовал идею «критической теории» (Маркузе) и превратил ее в расовую. По сути, происходит подмена понятий, возникает политический дискурс, далекий от реальных нужд населения. Как отмечал Раш Лимбо, происходит растущее отвержение элит срединной Америкой. Американцы все больше убеждаются, что их обманывали так называемые «профессионалы» и «эксперты» – особенно, но не исключительно, в Медиа. Видя себя неприкосновенной и святой, самоназначенная медиа-элита проявляет религиозную одержимость по отношению к своему делу, которое она рассматривает как «миссию».

В настоящее время общество характеризуется процессами постглобализации когда «после глобальных, т. е. всеохватывающих трансформаций, происходит не ожидавшееся теоретиками и политиками планетарное распространение институтов современного общества, а локализованное замещение привычных для современности структур интенсивными потоками» [1, с. 16]. Интенсификация социальной жизни требует, чтобы люди имели некоторую надежную опору, страховку на случай социальной нестабильности. Рассмотренные новейшие тенденции демонстрируют, что за последние три десятилетия концепция государства всеобщего благоденствия не пополнилась интересными идеями. Для построения отечественной социальной политики следует обратиться к классическим концепциям. Наилучшим выбором станет консервативная модель государства всеобщего благоденствия.

Список литературы:

- 1.Иванов, Д.В. Постглобализация и перспективы социального развития // Журнал Белорусского государственного университета. – Социология. – 2019. – № 4. – С. 14-20.
- 2.Плетнев, А. В. Пролонгированная аннигиляция ценностей как фактор аномии на Украине // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 6. – С. 44-53.

3. Толстикова, И. И., Игнатьева, О. А., Кондратенко, К. С., Плетнев, А. В. Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2020. – № 4. – С. 103-115.
4. Annamma, S., Connor, D., Ferri, Bh. Dis/ability critical race studies (DisCrit): theorizing at the intersections of race and dis/ability // Race Ethnicity and Education. – 2012. – Vol.16 – Iss.1. – Pp. 1–31.
5. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton. – N.J.: Princeton University Press, 1990. – 248 P.
6. Gupta, A. Digitalisation of the Welfare State: Lessons for the Emerging Economies. – Indian Journal of Public Administration. – 2023. – Vol. 69. – Iss. 2. – Pp. 453-467.
7. Hunt, A. The Theory of Critical Legal Studies // Oxford Journal of Legal Studies. – 1986. – Vol. 6, No. 1. – Pp. 1-45.
8. Larasati, Z.W., Yuda, T.K., Syafa'at, A.R. Digital welfare state and problem arising: an exploration and future research agenda. // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2023. – Vol. 43. – No. 5. – Pp. 537-549. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-05-2022-0122>
9. Tolstikova, I., Ignatjeva, O. Kondratenko, K. Pletnev, A. Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Communications in Computer and Information Science. – 2020. – Vol. – 1242. – P. 47-60.

Плякич Манушак Назаретовна

кандидат социологических наук, доцент

Сочинский государственный университет

SPIN-код: 3559-3720

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД 1960-1980-Х ГГ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: Работа посвящена анализу факторов развития социальной системы отдельно взятого региона в советский период города-курорта Сочи, который развивался в комплексе реализации направлений государственной патерналистской политики СССР. Город-курорт СССР – это правовое, социально-экономическое явление, дающее статус рекреационного центра союзного назначения «всесоюзная здравница».

Цель исследования – изучить социальную систему региона, ее основные индикаторы развития, которые были приоритетными для советской региональной политики СССР в период 1960-1980-х гг. В основе работы системный подход, который позволил проследить направления социальной политики, ее цели и задачи в отдельном регионе – город-курорт Сочи.

Практическая значимость в изучении советского исторического опыта реализации социальной региональной политики.

Ключевые слова: город-курорт, социальная политика, направления, курорт, рекреация.

SOVIET SOCIAL POLICY IN THE PERIOD OF THE 1960S-1980S: A REGIONAL ASPECT

Summary: The work is devoted to the analysis of the factors of the development of the social system of a particular region in the Soviet period of the resort city of Sochi, which developed in the complex implementation of the directions of the state paternalistic policy of the USSR. The resort city of the USSR is a legal, socio-economic phenomenon that gives the status of a recreational center of the union designation "All-Union health resort".

The purpose of the study is to study the social system of the region, its main indicators of development, which were priorities for the Soviet regional policy of the USSR during the 1960s-1980s. The work is based on a systematic approach that made it possible to trace the directions of social policy, its goals and objectives in a separate region – the resort city of Sochi.

Practical significance in the study of the Soviet historical experience of the implementation of social regional policy.

Keywords: resort town, social policy, directions, resort, recreation.

Доктрина социального государства связана с развитием идей социальной справедливости, равенства и верховенства прав личности. В основе формирования идиомы «социальное государство» лежат и правовые [8], и социально-экономические и конечно философские взгляды [12], которые можно вести от религиозных, морально-нравственных позиций ученых древности до учений современности. В связи с этим в отечественной и мировой науке ведутся споры о наиболее успешной модели социального государства.

Положения о становлении социальной системы государства, ее возможностях, моделях являются частью междисциплинарного дискурса в течение уже длительного времени.

Для современного российского государства эта полемика дает возможность вернуть к всестороннему анализу опыта советской социалистической системы [1], которая развивалась на протяжении семи десятилетий, пройдя этапы от узкосоциальных позиций до признания необходимости развивать общенародное социальное государство [3].

В современной отечественной науке обращение к советскому социальному историческому опыту с позиций объективной оценки становится актуальным в условиях осознания, что государственная политика Российской Федерации последних десятилетий тесно взаимосвязана с подходами, реализуемыми в социалистической социальной системе:

- создание социально-культурной среды развития личности «советского человека»;
- реализация научных достижений в образовательной, медицинской системе учреждений;
- применение новых технологических приемов научно-технической революции, прогресса в повседневной жизни.

Да, бесспорно, это закреплялось в партийных и государственных решениях как достижение социалистической системы, ее идей, превосходства идеологического над другими системами, что особенно выражено в доктрине общенародного государства в Основном законе СССР – Конституции 1977 г.

Но если исходить из объективизма, историзма как основополагающих принципов исследования, то социальная политика в Советском Союзе реализовывалась во второй половине его существования на комплексе государственных, партийных решений. Они в свою очередь основывались на специализации регионов, их природно-климатических факторах, позволяющих выстраивать направления предоставления санаторно-курортного лечения. Особую популярность приобретает летний отдых, туризм, сфера развлечения.

Именно эти факторы различают подходы довоенного строительства санаторно-курортной отрасли с идеями создания пролетарского, крестьянского курорта от периода второй половины 1960-х – начала 1980-х гг., когда курорт становится и местом развлечений, посещений концертных площадок, летних зеленых театров, на которых выступали представители советской эстрады. Особое место стала занимать гостиничная и ресторанная сфера для развития

въездного туризма и приглашения иностранных туристов (советский интурист). Данный этап стал результатом восстановления послевоенного периода, а потом и развития второй половины 1960-х – начала 1970-х гг., то есть времени реализации преобразований, вошедших в историю СССР, как «косыгинские реформы».

Рассматривая государственную советскую политику в отношении санаторно-курортной отрасли, необходимо подчеркнуть отдельное место в этой структуре города-курорта Сочи, который имел статус и общесоюзного курорта СССР. История города-курорта Сочи (Большой Сочи) – это результат именно государственной политики, а не следствие экономических процессов, о чем пишут в диссертациях Т.А. Самсоненко [11], С.Д. Багдасарян [2], И. Ермачков [7] и др. Историки, занимающиеся проблемами региональной истории, предлагают исходить из позиции патернализма советского государства, хотя данная политика официально не транслировалась.

При планировании развития регионов в советской хозяйственной и социальной системе СССР учитывались различные показатели в зависимости от вклада сектора экономики, но при обосновании показателей для санаторно-курортной сферы от всесоюзных до республиканских закладывали следующие критерии институтов социального обеспечения:

- состояние материальной инфраструктуры, ее фонды, изношенность и необходимость капиталовложений;

- количество койко-мест в санаторно-курортном сегменте, выделения плана путевок, курсовок для лечения и профилактики по разным возрастам, поэтому учитывалась специализация курорта (от бальнеологии до простого оздоровления, реабилитации, восстановления послеоперационного, профилактика заболеваний и др.).

Обязательно выстраивалась система круглогодичной работы санаторно-курортной сферы, постоянной загруженности организации и органов социальной работы [9] в последний период советского государства. Вследствие в системе медицинских и образовательных учреждений, предприятиях, городских и сельских советских органах были планы предоставления мест, направлений для лечения и отдыха в зависимости от заболеваний, возраста, профилактических мероприятий и все за счет социальных фондов.

Все эти компоненты и формировали советскую социалистическую модель социального государства двух наиболее эффективных десятилетий 1960-начало 1980-х гг.

Необходимо выделить, что со времени 1930-х гг., когда был реализован план строительства всесоюзной здравницы из района Сочи-Мацеста, санаторно-курортной комплекс Северного Причерноморья Краснодарского края стал основой и для хозяйственного развития региона и всей социальной инфраструктуры курортов Советского Союза, что отражено в фондах государственного архива РФ (Ф. Р-9493. Оп. 1. Л. 145, 161). С завершением Великой Отечественной войны и перепрофилирования санаториев, здравниц из

госпиталей назад в курортную составляющую, восстановление рекреационной среды привело правительство СССР к решению создать более крупную структуру под названием «город-курорт Сочи или Большой Сочи» в 1960-е гг. Советскому обществу требовалась не помпезное архитектурное излишество, которое стало олицетворением «сталинского ампира» и наследием довоенной эпохи, а современная инфраструктура с новыми зданиями, корпусами медицинских специализированных лечебниц, доступных мест летнего недорогого отдыха.

Данные политические и государственные решения были связаны с той уже материальной и рекреационной базой, которая была создана к данному времени, о чем пишут историки Багдасарян С.Д. и Самсоненко Т.А. [4], предлагая авторский взгляд на становление и развитие курорта.

Произвести анализ реализации направлений развития социально-экономической системы невозможно без вклада специалистов, ученых-исследователей, регионоведов. Большой вклад внес в изучении региона как курортного исследователь К. Э. Горовой [6], охватив период в несколько столетий, но прежде всего уделил внимание историческому развитию индустрии советского отдыха, системе управления. Для историка особой точкой становится начало 1960-х г., когда было принято решение передать санатории, здравницы, дома отдыха, которые не предоставляли лечебных процедур, а нацеливались на организацию отдыха советских граждан в систему профсоюзов СССР (ВЦСПС). С этого времени стала развиваться новая система организации управления, распределения по отраслям с участием профсоюзов, было выделено направления туризма и экскурсий.

С этого времени и развивалось в СССР курортное дело, как часть системы советского здравоохранения, а как пишет историк С.Д. Багдасарян, «санаторно-курортное обслуживание в этот период для советских граждан развивалось в новом подходе государственного обеспечения медицинского обслуживания, а сфера отдыха и оздоровления выделена в отдельную отрасль туристского обслуживания интересов во время отпусков, предоставления маршрутов экскурсионными организациями, разработки мероприятий детского, юношеского отдыха» [5, с. 22].

Данное государственное решение выделения повлекло выделение в государственном планировании бюджета РСФСР, а 28 августа 1970 г. город, согласно постановления Совета Министров СССР № 723 дополнительно получает статуса курорта общесоюзного значения, что позволяло увеличить капиталовложения в обновление инфраструктуры и расширения строительства курортных объектов. Исследователь Т. В. Самарина в своем исследовании [10] раскрывает и анализирует цели нового этапа курортного строительства и объясняет необходимость закрепления в постановлении СМ СССР от 11.02.1982 г. «О мерах по дальнейшему развитию города-курорта Сочи в 1983 – 1985 гг.» государственных решений в отношении отдельного региона. Но мы понимаем, что такое политическое воплощение стало результатом

организационных мероприятий от уровня обсуждения на заседаниях ЦК КПСС, СМ СССР и центрального органа советских профсоюзов – ВЦСПС до местных краевых и городских принятий вопросов.

Таким образом, созданная экономическая и социальная инфраструктура (сотни санаториев по побережью, зон отдыха, туристский сектор) позволила достичь городу курорту показателей развития.

1970-е годы советской истории принято в отечественной науке рассматривать как период определенного успеха в доступности социальных благ. Образование, медицина, курорты, туризм, отдых в учреждениях культуры стал неотъемлемой частью жизни советского человека. Образ круглогодичного отдыха, лечения, профилактики заболеваний и закрепился за санаторно-курортной сферой в СССР, особенно всесоюзной здравницей Сочи как составляющей системы социального обеспечения.

Следовательно, золотое десятилетие 1970–х ставшее олицетворением достижений советской социалистической системы необходимо рассматривать в тесном взаимодействии с предшествующим временем и последующим перестроечным, в котором проявились упущения и недостатки этого десятилетия. Город-курорт Сочи стал частью советской социальной модели.

Список литературы:

1. Багдасарян В. Э. Советский проект и мировые тренды. // «Обозреватель Observer». 2013. №1. С. 96-113.
2. Багдасарян С. Д. Исторический опыт государственной социально-экономической политики в 80-е - начале 90-х гг. XX века (на материалах Большого Сочи Краснодарского края): дис. ... истор. наук. Москва, 2001. 192 с.
3. Багдасарян С. Д. Социальные достижения советской государственной системы // История государства и права. 2021. № 12. С. 42-45.
4. Багдасарян С. Д. Самсоненко Т. А. Этапы формирования советского курорта: на примере города Сочи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4. С. 15–21.
5. Багдасарян С. Д. Социальная санаторно-курортная политика Краснодарского края в советский период 1950-1980-х гг. // Сотис. 2021. №3 (109). С.19-27.
6. Горовой К. Э. Курортно-туристический комплекс Кубани в историческом развитии. Дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2006. 165 с.
7. Ермачков И. А. Город-курорт Сочи в период перестройки (1985–1991 гг.): социально-экономический аспект: дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2016. 226 с.
8. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права. // Государство и право. 2001. №7. С. 5-14.
9. Право социального обеспечения в СССР. Учебник / Андреев В.С. - 2-е изд., с изм. и доп. - М.: Юрид. лит., 1980. 312 с.

10. Самарина Т. В. История и правовое регулирование отечественного курортного дела: первая половина XVIII – начало XXI вв. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 181 с.
11. Самсоненко Т.А. История создания Сочи-Мацестинского всесоюзного курорта: дис ... канд. истор. наук. Краснодар, 2000. 178 с.
12. Stein L. Geschichte der sozialen bewegung in frankreich von 1789 bis auf unsere tage. Leipzig: Verlag von Otto Wigand, 1850. CXLI, 345 s.

Подлесных Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф.

Морозова

SPIN-код: 4123-7337

**РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ О НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ ВО II-Й ПОЛОВИНЕ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ М.Н. КАТКОВА)**

Аннотация: в статье на примере взглядов видного русского публициста и издателя М.Н. Каткова рассматриваются идеи отечественных консерваторов относительно самостоятельности судебных учреждений России II-й половины XIX в. в свете проведенной судебной реформы 1864 г. Первоначально русские консерваторы весьма хвалебно отзывались о новых судебных учреждениях. Однако постепенно взгляды представителей консервативного течения общественно-политической мысли России II-й половины XIX в. кардинально меняются, в том числе по отношению к одному из главнейших принципов Судебных уставов 20 ноября 1864 г. – принципу отделения суда от администрации.

Ключевые слова: М.Н. Катков, консерватизм, судебная реформа 1864 г., Судебные уставы 20 ноября 1864 г., судейский корпус, судебная система России.

**RUSSIAN CONSERVATIVES ON INDEPENDENCE JUDICIAL
INSTITUTIONS OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX
CENTURY (ON THE EXAMPLE OF M.N. KATKOV'S VIEWS)**

Summary: Russian conservatives' ideas on the independence of judicial institutions in Russia of the second half of the 19th century are considered in the article, using the example of the views of the prominent Russian publicist and publisher M.N. Katkov. In the light of the judicial reform of 1864, initially Russian conservatives spoke highly praiseworthy of new judicial institutions. However, gradually the views of representatives of the conservative trend of socio-political thought in Russia of the second half of the XIX century are radically changing, including in relation to one of the main principles of the Judicial Statutes of November 20, 1864. – the principle of separation of the court from the administration.

Keywords: M.N. Katkov, conservatism, judicial reform of 1864, Judicial statutes of November 20, 1864, the judicial corps, the judicial system of Russia.

В вопросе устройства новых судов во II-й половине XIX в. общественно-политическая мысль России делилась на два больших лагеря: консерваторы и

либералы. Причем если первоначально (в период подготовки и первые годы реализации Судебных уставов 1864 г.) в правительственных кругах преобладали либеральные настроения, то со временем, с все большей реализацией и применением на практике новых принципов судоустройства и судопроизводства количество сторонников консервативных взглядов на обустройство судебной системы увеличивалось.

Наиболее яркими консерваторами II-й половине XIX в., анализирующими судебную систему и судейский корпус России, были главный идеолог политики Александра III К.П. Победоносцев, журналист и издатель М.Н. Катков и государственный деятель В.Я. Фукс. В настоящей статье остановимся на взглядах относительно судебной реформы 1864 г. виднейшего публициста своего времени Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887).

Русского публициста консервативных убеждений, главного редактора «Московских ведомостей» (1850–1855 гг., 1863–1887 гг.) М.Н. Каткова современники называли весьма противоречивым автором. В первые годы реализации Судебных уставов 20 ноября 1864 г. Катков очень благосклонно относился и отзывался о новом судоустройстве и судопроизводстве. Так, в 1866 г. в «Московских ведомостях» он писал: «Правый суд, дарованный русскому народу его Царем Освободителем, призван не к одностороннему применению закона, но и к обеспечению тех льгот, которые вместе с судом же дарованы России и обеспечение которых требуется истинною пользою государства» [7, с. 455]. Однако постепенно Катков начинает менять свои убеждения относительно устройства новых судов, судейского корпуса и становится одним из основных критиков судебной реформы 1864 г.

Одним из важнейших принципов, провозглашенных в ходе реализации судебной реформы 1864 г., был принцип полного отделения суда от административной власти. По мнению авторов, занимающихся историей судебной реформы Александра II, судоустройство и судопроизводство в России дореформенного времени находилось в состоянии кризиса, в том числе, ввиду зависимости суда от административных органов [9, с. 123].

Публицист М.Н. Катков, опубликовавший огромное количество статей по судебной части, не мог обойти стороной вопрос отделения судебных органов от административных. В первые годы реализации судебной реформы М.Н. Катков поддерживал отделение судебных учреждений от администрации. В 1866 г. он писал: «Суд тогда только будет приносить всю свою пользу и приобретет все свойственное ему значение, тогда только закон, которого суд есть орган, будет пользоваться полным уважением в народе, когда сама администрация почитит в суде святыню закона, который для нее должен быть более обязателен, чем для иных. Суд только тогда будет соответствовать своему назначению и вполне осуществит мысль, положенную ему в основу, когда действию его будут подлежать должностные лица на общем основании, без спроса их начальства, и не только по делам, не касающимся их служебных обязанностей, но и по исполнению самих этих обязанностей. И когда суд приобретет такое значение,

мы будем иметь и администрацию удовлетворительную, и все интересы, как государственные, так и частные, надлежащим образом обеспеченные. Прекратить радикально неизбежные злоупотребления чиновничества нельзя ничем иным, как судебным контролем» [2, с. 440].

Судебную реформу Александра II Катков называл «великим преобразованием». В статье «Значение для России новых судебных установлений», опубликованной в 1866 г. Михаил Никифорович отмечал: «Суд независимый и самостоятельный, не подлежащий административному контролю, возвысит и облагородит общественную среду, ибо через него этот характер независимости и самостоятельности мало-по-малу сообщится и всем проявлениям народной жизни» [4, с. 234].

В 1866 г., т.е. спустя два года после введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г., Михаил Никифорович Катков считал, что суд в государственной иерархии должен быть выше администрации и чиновничества. Более того журналист обозначал, что с произволом российского чиновничества, известном в том числе и по литературным произведениям русских классиков XIX в., бороться можно только судебным контролем.

Прогрессивные современники считали принцип отделения суда от администрации шагом на пути к правовому государству. Так, известный ученый-юрист И.Я. Фойницкий подчеркивал: «... отделение судебной власти от административной поставило судебную деятельность на высоту, какой она прежде никогда не достигала» [10, с. 49].

В публикации «По поводу циркуляра министра юстиции об отношениях судебной власти к административной» 1866 г. Катков задается вопросом отношения губернаторов, как высшей административной власти на местах, к лицам судебного ведомства и приходит к выводу, что судьи независимы в своей деятельности от влияния губернаторской власти [8].

Однако, как показала практика реализации Судебных уставов 20 ноября 1864 г. судебная система, действовавшая в самодержавном государстве по демократическим принципам, не отвечала задачам «охранения» российской монархии, чем все больше и больше входила в противоречие с политической системой российского государства II-й половины XIX в. М.Н. Катков, который выступал с теорией охранительства российской монархии, как и большинство отечественных консерваторов, с 1870-х гг. начинают выступать с критикой судебной реформы 1864 г., а с 1881 г. становятся ее полными противниками.

Главный идеолог политики императора Александра III К.П. Победоносцев полагал, что самостоятельная судебная власть в самодержавной России является «аномалией странной и ничем не оправданной» [1, с. 386].

Одной из самых примечательных статей М.Н. Каткова, опубликованной им в 1884 г. на страницах «Московских ведомостей» была статья «Наши аномалии и судебная республика», которая, как нам кажется, представляет большой исследовательский интерес в вопросе анализа обсуждения судеустройства России в эпоху контрреформ. В данной статье автором

поднимается большая тема – объем автономности судебных учреждений от иных государственных органов и от монарха вообще. Оглядываясь на время правления Александра II, публицист отмечал: «... в пылу реформ, клонившихся к тому, чтобы всякую служебную власть отвести в ее границы и поставить на ее место, возникло смутное мнение, что при этом дело идет о переходе от единовластия к многовластию... Потребностью было поставить параллельно с администрацией другие служебные органы, а между тем под влиянием чужих доктрин померещилось, будто движение реформ несет нас к ограничению верховной власти, олицетворяемой Монархом...» [6, с. 21].

Раскрывая «аномалии» тогдашнего государственного управления относительно судоустройства Катков писал: «Самая чудовищная есть, конечно, водворившаяся у нас судебная доктрина, в силу которой новосозданные суды должны составлять из себя как бы некую самодержавную республику в пределах Русского царства, обязанного содержать и чествовать ее, предоставляя ей полную власть над своим народом» [6, с. 21].

Катков задается вопросом, почему общество и сами судебные учреждения считают себя какими-то по преимуществу либеральными учреждениями. И сам же дает ответ на свой вопрос: «Потому что это учреждение явилось и возросло в духе оппозиции. Оно сначала ограничивало служебную администрацию, что требовалось, но потом и самый принцип правительственной власти, чего не требовалось; а всякая оппозиция, в каком бы то ни было смысле, считается *eo ipso* либерализмом. Вот почему у нас все оппозиционное примкнуло к судебному учреждению и в нем нашло себе опору, с ним вместе крепло, входило в силу и распространялось» [6, с. 22]. Прямо скажем, очень интересная мысль, нашедшая свое практическое воплощение только через несколько лет, в практике судебно-административной реформы 1889 г. Следуя логике Каткова можно обозначить следующее: чтобы суды не были оппозиционными, т.е. либеральными, необходимо в известной мере подчинить их административным учреждениям или передать судебные функции администрациям. Через пять лет после публикации рассматриваемой статьи, действительно, часть судебных учреждений, введенных в действие судебными уставами 1864 г., была упразднена. Речь идет о мировой юстиции и о земских начальниках, пришедшим им на смену в 1889 г. Статья журналиста М.Н. Каткова «Наши аномалии и судебная республика» является наглядной иллюстрацией апологетической публикации эпохи так называемых контрреформ, идеологом которых был в том числе Катков.

Проанализированные нами статьи 1866 г. и 1884 г., обозначающие различные взгляды М.Н. Каткова на самостоятельность судебных учреждений в разные годы его литературной деятельности, есть яркий пример смены позиции по ключевым вопросам государственного строительства в виду меняющейся политической обстановки. Справедливости ради надо заметить, что журналист Катков хотя и был апологетом контрреформ Александра III, однако доказывал в

своих публикациях смену государственного курса, опираясь на предшествующий опыт реализации Великих реформ и опыт зарубежных стран.

Катков считал, что во главе судебного устройства должен стоять монарх, который дает законы: «Если в судах наших должна царствовать милость, то это только значит, что они в себе не замыкаются, а восходят к тому, кто царствует. Во главе судебного устройства, равно как и всех государственных учреждений страны, находится власть, дающая законы и превышающая всякий закон. Только эта власть имеет священное право милости, которая изливается не из закона, но свыше его» [5, с. 656].

Судебные уставы 1864 г. вводили независимость судей, которая в том числе раскрывалась через принципы несменяемости судей, их неприкосновенности, экономической свободы судов и другие. В статье «Зависимость суда от государственной власти как лучшая гарантия его истинной свободы» эпохи контрреформ Катков отзывается достаточно жестко о независимости судов. Он пишет: «Нет ничего фальшивее и грубее ходячего у нас понятия о независимости судов. Чем зависимей суд от государственной власти, которой он призван служить, тем он независимее от фальшивых властей, тем он в истинном смысле свободнее и вернее себе» [3, с. 216].

Таким образом, в самостоятельности судебных учреждений от административной власти после реформы 1864 г. консерваторы видели опасность для самодержавного государства, не приемлющего устройство судебной системы на демократических принципах.

Список литературы:

1. Дронов И.Е. Сильный, державный. Жизнь и царствование Александра III. – М.: Русский издат. центр, 2017. – 712 с.
2. Катков М.Н. Дело в петербургском окружном суде о статье г. Ю. Жуковского в "Современнике" // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. С. 439–442.
3. Катков М.Н. Зависимость суда от государственной власти как лучшая гарантия его истинной свободы // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1882 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. С. 215–217.
4. Катков М.Н. Значение для России новых судебных установлений // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. С. 233–235.
5. Катков М.Н. Наш уголовный кодекс и наши суды // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1884 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1898. С. 655–659.
6. Катков М.Н. Наши аномалии и судебная республика // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1884 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1898. С. 20–25.

7. Катков М.Н. По поводу гневных выходок газеты «Весть» // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. С. 454–459.
8. Катков М.Н. По поводу циркуляра министра юстиции об отношениях судебной власти к административной // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1866 г. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. С. 542–544.
9. Климанов А.Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 г. // Вестник МИЭП. 2017. № 1 (26). С. 125–130.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896. – 578 с.

Положенцев Андрей Михайлович

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Высшая школа технологии и энергетики

SPIN-код: 5261-8395

ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО БЫТЬ

Аннотация. Несмотря на долгую историю, у философии много различных форм, которые не укладываются в рамки академических дисциплин. Это связано с характером самой философии, который следует учитывать в преподавательской практике. Не совсем верно полагать, будто философия на всем протяжении своего существования была озабочена лишь вопросами теории познания. У человека есть две важные ментальные способности: разум и воля. В соответствии с этим мы различаем теоретическую и практическую философию. Моральные и экзистенциальные вопросы были частью философской практики и во времена ее формирования, и в современности. Имеет смысл больше внимания уделять именно этому аспекту в процессе преподавания философии.

Ключевые слова: философия философии, духовные практики, история философии, эпистемология, этика, практическая философия.

PHILOSOPHY AS THE ART OF BEING

Summary. Despite its long history, philosophy has many different forms that do not fit into the confines of an academic discipline. This is due to the peculiarity of philosophy; this should be taken into account in educational practice. It is not true that philosophy throughout its existence has been concerned only with questions of the theory of knowledge. Man has two important mental abilities: reason and will. Therefore, we distinguish between theoretical and practical philosophy. Moral and existential questions were part of philosophical practice both during its formation and in modern times. It makes sense to pay more attention to this aspect in the process of teaching philosophy.

Keywords: philosophy of philosophy, spiritual practices, history of philosophy, epistemology, ethics, practical philosophy.

Данная статья посвящена вопросу преподавания философии на непрофильных специальностях.

Нам кажется привычной новоевропейская парадигма понимать философию как некую донаучную или околонаучную форму рационального обоснования знания. Этому соответствует понятие метафизики в современном смысле, как системы априорных всеобщих принципов. Философия обосновывает истинность последующих предложений с более абстрактного

уровня, из которого черпают свою достоверность конкретные науки. Действительно, именно на продуманных в философии метафизических принципах основаны современная научная картина мира, космология, антропология, социально-политические науки, и рефлексивное внимание к этим принципам должно поддерживаться, чтобы воспроизводиться в соответствующих ментальных и социальных формах. Предельно абстрактные высказывания не могут быть обоснованы эмпирически, поскольку не могут исчерпать весь класс предметов (пресловутое «все лебеди белые» или конкретные модификации принципа «из ничего получается ничто», которые выражаются в законах сохранения материи, энергии, вещества, заряда и пр.) Поэтому за такое дело должна браться философия. Этот удел ей достался со времен критики Канта. Философия – это не вид идеологии, а способ рационального мышления в тех сферах, где остальные науки бессильны. Философия в этой парадигме есть способ продолжения мыслить научно там, где это невозможно по чисто техническим причинам, в силу особенностей нашего мышления. Действительно, философия нового времени в лице немецкой классики достигает высоких форм, но – в чем ее неоднократно обвиняли впоследствии – начинает занимать высокомерную позу, предлагая прочим формам духовной жизни отдать ей несомненное предпочтение и проверять свои основания и цели с ее помощью. Объяснять физикам, что такое природа, социологам – общество, математикам – число. Но, как правило, такая работа выглядит довольно абстрактной и завораживает в первую очередь самих философов, но не очень интересна даже ученым, использующих эти принципы как нечто само-собой-разумеющееся. Еще в большей степени это относится к студентам, у которых подобным подходом можно отбить интерес к философии.

Однако даже современная философия не ограничивается вопросами эпистемологии или метафизики познания. Как правило, у нее были более широкие горизонты, и теория познания играла прикладную роль, была средством, а не целью. Если взглянуть на философию в перспективе ее исторического развития и движения, то мы обнаружим странный для нас самих факт: философия не всегда была формой познания. А большей частью совсем не была. Сократ ее определил как «искусство», «технэ», а не «эпистема». Поскольку сами примеры, на которых построена история философии, составлена философами нового времени, весьма склонных развивать именно философскую теорию познания, то нам кажется, что так оно и было во все времена. Что были досократики, размышлявшие об устройстве космоса, пифагорейцы, избравшие математику методом для космологии и объявившие число началом вещей, затем Платон с его идеями и диалектикой, но все поправил Аристотель, сделавший идею понятием, а метод – логикой, и поставивший «жизнь созерцательную» (βίος θεωρητικός) выше всех прочих форм социального бытия. Затем на основе корпуса его сочинений были созданы средневековые университеты, из лона которых и выросла в конце концов современная наука. Соответственно, изучение философии должно

сконцентрироваться на этой ее части, поскольку она и есть сама философия, и изучение сводится к изучению теоретических рациональных систем. Но ведь классическая античная философия традиционно делилась на три части, логику, физику и этику, в которой высшей, лучшей и искомой частью была этика, а не логика и физика. Это три топоса, три главных темы духовных упражнений в стоической школе, так как сама философия являлась «главным образом духовным руководством: она направлена не на то, чтобы дать абстрактное учение, но всякий «догмат» предназначен для преобразования души человека» [1, 133].

Однако философия имеет и имела и другой план, ради которого, собственно, и развивались теория познания и метафизика. Это тот план, который связан с именем Сократа, и именно в этой традиции и формируется философия как социальный институт и философ как часть социально-политической жизни (см. напр.: [4, 59]). Ведь действительно, хотя происхождение самого имени «философия» мы связываем с Пифагором, все-таки философ как политический и социальный тип возникает в Афинах, в среде учеников Сократа. Самого Сократа современники причисляли к софистам, Фалеса почитали мудрецом (σοφός), прочих досократиков – «географами», «историками» или «физиологами». Сам социальный концепт философа возникает в связи с этикой, сферой жизни, которая выходит на первый план в античных философских школах. А этика понималась как сфера праксиса, деятельности политической. Здесь знание мнений не может принести ощутимого результата, если философские принципы не становятся практическими правилами. Как сказал Аристотель «мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными» [3, 79]. Ядром философии при ее формировании (в сократических школах, а не у досократиков) была этика. Причем, этика не только в качестве основ моральной социальной жизни, а этика как особое искусство, техника жизни. И в таком плане философия доступна всем и может обрести интерес для многих. Познание, теоретический интерес может и должен присутствовать в таком взгляде на философию, но приобретает служебное значение, а не преобладающее.

Основной вопрос философии так или иначе со времен Канта связан с теорией познания. Однако мы забываем, что для Канта вопрос как раз стоял о целях метафизики, а не философии. Мы эту эпистемологическую цель отождествили со всей философией, и перенесли ее в аудитории. От нас ждут ответов именно на вопросы, близкие к научному исследованию. Немецкая классическая философия, повлиявшая на формирование новой системы образования, которую мы называем «гумбольдтовским университетом» и продолжаем в определенной мере следовать его традициям и целям. Современная реформа образования проводилась под руководством Вильгельма фон Гумбольдта в Пруссии, а затем была позаимствована другими европейскими странами. Эта система формировалась под влиянием философии

Канта, а не Аристотеля, Платона или средневековых схоластов (так называемый «гумбольдтовский идеал образования»). Место философии в системе современного образования было определено именно парадигмой новой трансцендентальной критики ее традиционных предметов. Наверное, это хорошо для развития наук, но, быть может, не совсем соответствовало духу даже философии Нового времени. Мы можем сетовать и даже запрещать преподавать философию будущим инженерам [6, 14]. Но действительно ли такого рода философия (трансцендентально-феноменологическое вопрошание о чем бы то ни было) составляет подлинное ядро философии и интересна, и актуальна в нашей аудитории? Даже непрофессиональное обращение к истории философии показывает, что так было не всегда. Познание для античной философии эллинистического периода, например, важный раздел, но познание здесь (в школах эллинистических – в эпикуреизме, стоицизме, скептицизме, в том числе в Академии) было подчинено цели моральной. То есть, было средством. Этому вопросу посвящена отдельная книга Пьера Адо с характерным названием «Что такое античная философия?» [2, 67-249]. И в средневековых школах познание было подчинено более важным для той эпохи вопросам – исследованию свободы воли, бессмертия души, сотворения мира и бытия бога.

По этим причинам преподаватель философии вынужден занять перед своими слушателями неискреннюю позицию, из чего неизбежно вытекает ряд неприятных – для восприятия философии в первую очередь – следствий. Он должен выступать в роли «учителя» какой-то науки, подобно, например, учителю математики. То есть, должен убедить своих учеников, будто он сам знает, что такое философия и ее предмет: бытие, например, или субстанция; что он действительно уверен в том, что она есть какая-то особая форма знания, каких-то более высоких законов, нежели те, с которыми имеют дело обычные науки, со своим особым предметом, методом, структурой, историей и пр. Да к тому же, что это знание еще и совпадает с официальным текстом программы по философии для высших учебных заведений, зачастую написанной вычурным языком общезнания. Мы должны выглядеть как «ученые», и сама философия должна выглядеть «научнообразно». Иными словами, преподаватель философии стоит перед несоответствием того дела, которому он учит и о котором говорит, тому образу, который он должен создавать в умах нашего сообщества. И конечно, и в своих собственных глазах мы выйдем весьма некрасиво, когда сами начинаем верить, что у философии есть основной вопрос, что она есть знание, система, и тому подобное. Это проблема не нашей профессиональной компетенции, а самой формы философии, в которой она сегодня существует. Важно, чтобы не уверить самого себя, будто знаешь, что такое философия.

Философия еще не определилась с тем, что она такое. «Задачи философии слишком широки и возвышенны, она есть результат одной из высших деятельностей человеческого духа, не раскрывшейся еще сполна и не вполне

еще осознанной человеком» [5, 3], писал вполне академичный философ прошлого века Н.О. Лосский (переводом которого «Критики чистого разума» на русский язык мы до сих пор пользуемся). Этому древнему проекту еще только предстоит раскрыться, история последних тысячелетий и есть результат этого раскрытия, путь, которым ведет нас философия.

Не определилась, потому что не знает еще сама. Мы сами, философы, еще не знаем, чем именно мы занимаемся, чем станет философия, чем она должна стать. Она еще не блеснула всей своей мощью, не раскрылась полностью, хотя те достижения, которые мы приписываем человечеству (его науке, технике, праву) в большой мере обязаны философскому повороту нашего ума. Это не проблема, это ситуация, в которой мы должны работать. Кроме того, мы должны еще и помнить, что философия не работа, а нечто ей противоположное, *σχολή*, досуг. В древних Афинах граждане шли в философские школы, побуждаемые идеей «заботы о себе», работы над собой, саморазвитием. Их никто к этому не принуждал, скорее наоборот, им приходилось выслушивать насмешки и даже оскорбления в свой адрес, ведь эти занятия не приносили прибыли, почести и должности. Но это им не мешало знать, что, занимаясь философией, они занимаются «наиважнейшим».

Преподаватель не имеет права выглядеть нелепо, как выглядел бы и учитель математики, который бы заявлял, будто не знает, что такое число. А философу часто приходится это делать, потому что непонимание – зачастую очевидных вещей – и есть кардинальная черта философствования. Чтобы скрыть эту нелепость, иногда приходится в оправдание совершать своеобразные трюки, некоторые известные профессионалам метафизические уловки. Чтобы преподавать философию, нужно уметь быстро попасть самому в то самое место, в котором мы – точно в философии, и привести туда тех, кто тебя слышит. То есть – нам приходится иногда показывать метафизические фокусы, если мы хотим возбудить интерес к нашему искусству. Философ – конечно, это не программное заявление, а лишь рекомендация – должен представить перед своими слушателями какую-либо проблему, вещь, явление, как нечто абсолютно непонятное, неизвестное и до сих пор никем по-настоящему не исследованное. По крайней мере, такому философствованию меня учил мой наставник, и я много раз поражался, насколько этот способ философичен и действен. Однако все мы понимаем, что не в этом суть философии. А в чем?

Поскольку наш предмет передается таким традиционным путем, как обучение определенному способу мыслить, в непосредственном контакте, мы и должны придерживаться в своей тактике той традиции, благодаря которой сами стали философствовать. То есть – наше дело учить не философии, а философствованию. Философия – не теория, а практика, точнее – искусство. Только это не искусство делать метафизические кунштюки, а искусство существования. В общем, философия – это этика. Только философская этика не должна обязательно ограничиваться вопросами морали, а в первую очередь быть практикой самосознания. Философия для древнего афинянина была

искусством жизни, а различные школы и традиции – различными образцами этой жизни в том же смысле, в котором мы говорим о различных школах живописи или архитектуры. Философия – не только учение, но и его воплощение; не только особый вид умозрения, но еще и способ работы над собой, вид экзистенциальной аскезы. И в таком образе она воспринимается неопитами более охотно. Можно считать это трюком, уловкой, с помощью которой можно «зацепить» новичка.

То, что у философии нет еще законченной и достойной формы, какие уже есть, в виде учебника, у геометрии или физики, например, ничуть не должно нас огорчать. Скорее, это хорошая весть. Ведь в таком случае никто не посмеет распоряжаться ею и объявлять, что есть философия, а что – только интеллектуальное баловство.

Формы, в которых возникает и реализуется философия, так же еще не определены и не узаконены. У нее нет подлинно своей формы. Она присутствует в поэзии, религии, науке, литературе, в технике, в этике, в образе жизни человека. Но мы, философы, всегда знаем, когда проявляет себя именно философия, а не религия, наука, образ жизни. Но конечно же, у нее есть и свои собственные жанры.

Так же нет у нее и пресловутого «основного вопроса». Она пока его не сформулировала, не знает точно, на что она желает ответить, и что она вообще, желает отвечать на что-то определенное. Точнее так: у нее их много. Каждый философский вопрос основной, и на нем держатся все ответы. И прекрасно, когда человек находит основной вопрос своей жизни. Не факт, что современную философию действительно волнуют те же вопросы, что волновали, например, русского революционера в начале XX века, который заверял сам себя в том, что у философии всегда был основной вопрос, на который было всего два ответа.

Она периодически ставит большие вопросы, которые определяют направление мысли и жизнь эпох – космос, мысль, душа, Бог, политика. Но потом их «отпускает». Потому что ответ найден, она больше не нужна, дальше дело ученых, политиков, мистиков. И конечно, ее ответ так же дается на понятном эпохе языке. Будда и Христос отвечали на адекватном эпохе языке, имея цели, в общем, скорее философские, чем религиозные. Философия как социальный институт складывалась именно в виде светского образа жизни и требовала личной работы со своим собственным мышлением, волей, с экзистенцией. Это было практикой автономного существования, и, в общем, для нас до сих пор остается темным вопрос, какая бы личность (как социальная практика) образовалась, не будь философии.

Далее. Нам – философам, преподающим философию в академических заведениях – часто приходится уверять себя и других, будто одно дело – быть философом, а другое – преподавать философию. Однако это не так. Философия есть способ жить, причем не менее захватывающий, чем жизнь художника, изобретателя, политика; причем, для того чтобы стать философом, нам не

нужны кисти, инструменты, приборы или армии. То, что необходимо в этом искусстве, у нас всегда есть при себе: мы сами, наша мысль и наше существование.

Список литературы:

- 1.Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. при участии В.А. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер; ИД «Коло», 2005. – 448 с.
- 2.Адо П. Что такое античная философия? / Пер. с фр. В. П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманит. лит., 1999. – 317 с.
- 3.Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. – М.: «Мысль», 1984. – 830 с.
- 4.Йегер В. Пайдейя = Paideia: воспитание античного грека: (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / пер. с нем. М.Н. Ботвиника. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – 335 с.
- 5.Лосский Н.О. Введение в философию. Ч. 1. 2-е изд. Пг.: Тип «Тогблат», 1918. – 305 с.
- 6.Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию... / Сост. и предисл. Ю.П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Полынов Матвей Федорович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 1874-8329

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОСЫГИН: РЕФОРМАТОР И ЧЕЛОВЕК СИСТЕМЫ

Аннотация: В статье раскрывается содержание экономической реформы 1965 г., причины ее провозглашения и реализация. Она была инициирована А.Н. Косыгиным. Проведение данной реформы диктовалось объективной необходимостью отказа от совнархозной системы управления промышленностью и переходом к министерской системе. Реформа ставила задачу повышения мотивации деятельности предприятий через усиление их самостоятельности и товарно-денежных отношений. Реформа имела противоречивые последствия и до сих пор она вызывает дискуссии.

Ключевые слова: Экономическая реформа, А.Н. Косыгин, Л.И. Брежнев, промышленность, министерства, прибыль.

ALEXEY NIKOLAEVICH KOSYGIN: REFORMER AND MAN OF THE SYSTEM

Summary: The article reveals the content of the economic reform of 1965, the reasons for its proclamation and implementation. It was initiated by A.N. Kosygin. The implementation of this reform was dictated by the objective need to abandon the sovnarkhoz system of industrial management and transition to a ministerial system. The reform set the task of increasing the motivation of enterprises through strengthening their independence and commodity-money relations. The reform had contradictory consequences and still provokes discussions.

Keywords: Economic reform, A.N. Kosygin, L.I. Brezhnev, industry, ministries, profit.

Алексей Николаевич Косыгин был человеком, государственным и политическим деятелем своего исторического времени. Раскрывая его реформаторскую деятельность, прежде всего, необходимо отметить, что она была направлена не на разрушение, а на совершенствование советской плановой, директивной экономики. При проведении реформы он стремился учитывать положительные и отрицательные стороны экономической системы. С именем Косыгина связана одна из крупнейших экономических реформ в СССР, начавшаяся в 1965 г. и справедливо вошедшая в общественное сознание как «косыгинская реформа».

Экономическая реформа 1965 г. началась не спонтанно и не мгновенно. Вопрос о путях совершенствования развития советской экономики возник еще в 1962 г. [7, с. 259-260] и дискуссия по нему продолжалась еще два года.

Серьезное внимание в ходе этой дискуссии было обращено на такие вопросы, как роль материального стимулирования, совершенствование ценообразования, значение прибыли в социалистической экономике. Объективная необходимость перехода от совнархозной системы управления промышленностью к отраслевой, министерской осознавалась уже всеми.

Новая экономическая реформа постепенно вызревала в рамках еще совнархозной системы. Сентябрьский (1965 г.) пленум ЦК КПСС признал необходимым восстановить отраслевую систему управления и провести более глубокую реформу, затрагивавшую методы ведения хозяйственной деятельности.

В новой экономической реформе не предусматривалось механическое возвращение к старой, существовавшей до реформы 1957 г. отраслевой системе управления. В докладе «Об улучшении управления и усилении экономического стимулирования промышленных предприятий», с которым выступил на пленуме председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, подчеркивалось: «...не восстановление досовнархозной системы министерств, а сочетание централизации руководства с расширением оперативно-хозяйственной самостоятельности предприятий». Д.М. Гвишиани обратил внимание на то, что «исследователи реформы недостаточно отмечали ее важную, если не главную черту – она была сознательно направлена на решительную децентрализацию управления» [4, с. 67]. Расширение оперативно-хозяйственной деятельности предприятий выражалось в существенном сокращении централизованно спускаемых плановых показателей с 30 до 9. Главным показателем работы предприятий и отраслей вместо объема валовой продукции становился объем реализованной продукции, который, по мнению Косыгина, должен был поставить производство в непосредственную зависимость от потребителя. Это заставило бы предприятия выпускать не любую продукцию, а только необходимую конкретным потребителям.

Чтобы повысить гибкость и эффективность хозяйствования, «косыгинская реформа» предусматривала введение элементов рыночной экономики. Ключевым словом реформы стал «хозрасчет». Отношения с плановыми органами предприятия должны были строиться на основе показателя «прибыли». Теперь значение этой категории в новых условиях возросло. Чтобы точно знать, какой прирост ее получен на каждый рубль затраченных средств, решено было ввести новый показатель – «рентабельность», исчисляемый как отношение прибыли к сумме основных фондов и оборотных средств. Была введена также плата за производственные фонды, тем самым повышалась заинтересованность предприятий в их рациональном использовании. Существенно повышалась роль прибыли в экономическом стимулировании. Та ее часть, которая оставалась в распоряжении предприятий,

ставилась в прямую зависимость от улучшения результатов их хозяйственно-финансовой деятельности. За счет прибыли и других собственных ресурсов создавались три фонда: 1) материального поощрения рабочих и служащих (премии и 13-я зарплата по итогам года); 2) социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; 3) развития производства.

Реализация реформы началась уже в последнем квартале 1965 г. В этом же году был осуществлен переход от совнархозов к отраслевому принципу управления. Было создано 11 общесоюзных и 17 союзно-республиканских министерств [6, с. 201]. Позднее, опыт перехода к министерствам получил положительную оценку. На декабрьском пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Мы их восстановили, так как без четкого руководства отраслями нельзя хорошо руководить экономикой» [12, Л. 43]. В 1975 г. промышленных министерств насчитывалось уже 35 [6, с. 235].

Перевод предприятий на новую систему хозяйствования начался в начале 1966 г. На новые условия было переведено 43 предприятия 17 отраслей промышленности. Больше половины из них составляли машиностроительные заводы [8, с.133]. Этот процесс занял достаточно большой период, всю восьмую пятилетку. В последнем году пятилетки по новой системе работало 83% предприятий, выпускавших 93% суммарного объема промышленной продукции. К исходу пятилетки процесс перехода промышленности на новые методы хозяйствования был завершен.

Реализация этой реформы на короткий период дала положительные результаты. Это видно по итогам восьмой пятилетки (1966 – 1970), которая стала одной из самых удачных за всю историю плановой экономики СССР. Валовой общественный продукт увеличился на 43%, произведенный национальный доход – на 45, продукция промышленности – на 50, сельского хозяйства – на 23, производительность общественного труда – на 39, реальные доходы на душу населения – на 33%. [9, с. 58]. Бывший председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, являвшийся в тот период генеральным директором «Уралмаша» в Свердловске, дал следующую оценку этой реформы: «Косыгинская реформа 1965 г. дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда – на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение» [14, с. 44].

Официальные статистические материалы подтверждают такой вывод. Основные показатели восьмой пятилетки были лучше, чем предыдущей [2, с. 22].

	Среднегодовые темпы, в %	
	1961 – 1965 гг.	1966 – 1970 гг.
Вся продукция	8,6	8,5
В том числе группа «А»	9,6	8,6
Группа «Б»	6,3	8,3

Основные промышленно-производственные фонды	11,2	8,6
Численность рабочих	4,1	2,6
Фондовооруженность труда	7,5	5,9
Производительность труда	4,6	5,8

Из приведенной таблицы видно, что численность рабочих росла по сравнению с предыдущей пятилеткой значительно медленнее, а валовая продукция промышленности увеличилась почти настолько же. Аналогичная тенденция обнаруживается при анализе данных о росте фондовооруженности и производительности труда.

В восьмой пятилетке уделялось серьезное внимание проблеме упорядочения нового промышленного строительства. Были приняты совершенно правильные меры по сокращению количества новых крупных строек. Правительство СССР неоднократно отклоняло предложения общесоюзных министерств и ведомств, Советов Министров отдельных республик о новом строительстве. В титульные списки 1970 г. были включены лишь 300 новых крупных объектов производственного назначения из 1000 объектов, представленных к утверждению [5, с. 31].

Вместе с тем, в стране еще строилось и сдавалось много новых объектов. В 1968 – 1970 гг. в среднем ежедневно вступало в эксплуатацию одно крупное предприятие. В 1968 г. вступило в строй 300 крупных предприятий, в 1969 г. – 370, в 1970 г. – 400 [10, с. 474]. В августе 1970 г. стал выпускать автомобили «Жигули» волжский автозавод в Тольятти. Немало из созданных предприятий относилось к отраслям группы «Б». Среди них Черниговский камвольный и Курский трикотажный комбинаты, мясокомбинаты в Ташкенте и Рубцовске, молочные заводы в Омске, Железноводске, Запорожье, Уфе, Паневежисе, обувные фабрики в Ворошиловграде и Черновцах [13, 4 февраля].

Следует, однако, отметить, что экономическая реформа 1965 года и ее воздействие на развитие народного хозяйства оценивается по-разному.

Исследователи обращают внимание на то, что изначально она содержала в себе серьезные противоречия. В частности, Г. И. Ханин отмечает, что влияние реформы на развитие промышленности было отрицательным. Провозглашавшиеся цели повышения эффективности экономики, качества продукции не были осуществлены [19, с. 127-128].

В условиях, когда советские предприятия-гиганты являлись монополистами, категория прибыли превратилась в инфляционный фактор, ибо предприятиям легче было ее получать не за счет расширения ассортимента продукции, повышения его качества, снижения материалоемкости и т.д., а путем простого повышения цен. Именно по этому пути предприятия чаще всего и шли. Они перестали быть заинтересованными в выпуске дешевых товаров, наоборот, потребителю стали навязывать более дорогую продукцию. Нередко дешевые изделия, пользующиеся спросом, снимались с производства и заменялись более дорогими. Иногда стоимость товаров повышалась

искусственно (за счет упаковки и т.п.). «Раньше к дефициту, как правило, относились товары, - отмечает Д. В. Валовой, - для выпуска которых сырье и производственные мощности были ограничены. В условиях экономной экономики в разряд дефицитных попадают дешевые товары, которых испокон веков у нас было полным полно» [3, с. 249].

Реализация реформы 1965 г. по всем ее структурным элементам существенно отличалась от объявленной концепции. Выше уже подчеркивалось, что намечалось серьезное расширение прав и самостоятельности предприятий, сокращение числа утверждаемых для них показателей. Однако по мере реализации реформы число таких показателей возрастало, усиливалась регламентация деятельности предприятий со стороны министерств и ведомств. Можно сказать, что в конечном итоге хозяйственная реформа сводилась к формальному сокращению утверждаемых показателей и к фактическому их безудержному нарастанию [11, с. 220].

Противоречивыми были последствия реформы в области научно-технического развития. Большие надежды возлагались на производственные, а затем - научно-производственные объединения.

При создании объединений концентрация производства сопровождалась сосредоточением фондов развития, за счет которых можно было самостоятельно, без разрешения вышестоящих организаций, делать капитальные вложения во внедрение новой техники и прогрессивных технологических процессов, механизацию и автоматизацию производства, обновление оборудования [11, с. 226].

Одним из первых такие преимущества продемонстрировал московский автомобильный завод им. Лихачева, объединивший филиалы в Москве, Рославле, Мценске, Рязани и Свердловске. Работа каждого в рамках объединения обеспечила стабильность производственных связей, быстрое преодоление технической отсталости небольших заводов, расширение производственных мощностей и их более эффективную эксплуатацию. В создании объединения были заинтересованы все вошедшие в него предприятия. К тому же столичные заводы страдали от нехватки рабочих, а небольшие города (Рославль, Мценск и др.) располагали трудовыми ресурсами. На новые условия работы ЗИЛ и его филиалы перешли в середине 1966 г. [8, с. 113].

Перед НПО была поставлена задача сконцентрировать весь комплекс работ: от разработки до производства новой техники. Они должны были сосредоточить свою деятельность на создании и внедрении в кратчайший срок в народное хозяйство новейших образцов машин, оборудования, материалов и других промышленных изделий, прогрессивных технологических процессов.

Создание НПО сыграло положительную роль в развитии научно-технического прогресса. Об этом свидетельствует количество созданных новых видов машин и оборудования, а также применение в различных сферах общественного производства новых технологических процессов. За 1966 – 1970 гг. было создано 21,3 тыс. единиц [15, с. 84]. Однако отметим, что это было

меньше, чем при совнархозах (23,1 тыс.). В следующей пятилетке процесс создания и внедрения новой техники практически стабилизировался: 1971 – 1975 гг. – 20,0 тыс., а затем началось снижение: 1976 -1980 гг. – 18,5 тыс., 1981 – 1985 гг. – 17,4 тыс. [16, с. 86; 17, с. 88-89; 18, с. 89].

Как видим, эффект реформы для научно-технического прогресса был кратковременным. Созданный на предприятиях фонд развития производства хотя и способствовал повышению его технического уровня, но из-за того, что размеры фонда были незначительны, возлагаемые надежды на него он не оправдал. В перспективе стал снижаться коэффициент выбытия производственных фондов, началось старение оборудования.

Таким образом, реформа 1965 г., не смогла создать такой хозяйственный механизм, который был бы способен гибко реагировать на тенденции развития НТП.

Хозяйственные руководители и ученые считают, что от реформы стали отказываться в конце 1960-х гг. «Реформу, - по мнению Н. И. Рыжкова, - начали откровенно и резко скручивать в конце 60-х... в экономических преобразованиях усмотрели угрозу политической стабильности... пражская весна не на шутку перепугала столпов и охранителей догматической идеологии» [14, с. 45].

Несомненно, что вышеназванные причины влияли на негативное отношение к реформе. Вместе с тем, было бы неправильным все сводить к ним. Проблема заключалась также, и это было значительно важнее, в противоречиях, изначально заложенных в самой реформе.

Обратим внимание на то, что в условиях реформы предприятия стали весьма заинтересованы в снижении производственных планов. Это было связано с получением по итогам года премий в виде 13-й заработной платы. Ее давали только за выполнение и перевыполнение производственных планов. Понятно, что заведомо заниженные производственные планы было легче выполнить и перевыполнить, чем напряженные и получать премии. А такой подход вел к снижению производства.

Вопросы развития экономики являлись предметом критического анализа на декабрьском 1969 г. пленуме ЦК КПСС. Среди серьезных проблем в экономике Брежнев выделил «наметившуюся тенденцию к замедлению темпов экономического роста» [12, л. 38].

Он затронул также проблему внедрения новой техники в производство. Многие предприятия «не выполняют план по такому важнейшему показателю, как освоение новой техники» [12, л. 48]. В частности, «предприятия Министерства лесной промышленности план внедрения новой техники выполнили в 1966-1969 гг. на 22 - 54 процента, Министерство бумажной промышленности – на 58, Миннефтехимпром – на 52 - 79 процентов» [12, л. 48].

Брежнев привел такие данные: «В целом по стране стоимость неустановленного оборудования на складах строек оценивается в 5,5 млрд. рублей, в том числе импортного оборудования – 1,5 млрд. рублей» [12, л. 54].

«Речь, с которой Брежнев выступил на декабрьском пленуме 1969 г., - как пишет немецкий историк Сюзанна Шаттенберг, - считается первым серьезным сведением счетов с Косыгиным и очень серьезной критикой в его адрес» [20, с. 365]. Слова Брежнева ошеломили своей остротой как ЦК, так и Политбюро [1, с. 266]. Доклад Брежнева на этом пленуме был столь острокритичен, что он даже не был рекомендован для опубликования.

Какими бы мотивами не руководствовался Генсек, выступая со столь критическим докладом на пленуме, тем не менее, факты, приведенные в нем, были объективными.

Заметим, что руководство страны в начале 1970-х гг. еще положительно оценивало значение проводимой реформы. На XXIV съезде КПСС (1971 г.) Л. И. Брежнев отметил: «Опыт истекших лет позволяет сказать, что, начав осуществление экономической реформы, партия правильно оценила обстановку, взяла верный курс в деле совершенствования управления народным хозяйством» [21, с. 94].

Список литературы:

- 1.Абрасимов П.А. Вспоминая прошедшие годы. Четверть века послем Советского Союза. - М.: Международные отношения, 1992. - 344 с.
- 2.Бейлина Е.Э. Промышленность СССР в годы восьмой пятилетки // История СССР. 1972. № 2. С. 3-23.
- 3.Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. - М.: Политиздат, 1991. - 432 с.
- 4.Гвишиани Д.М. Экономическая реформа А.Н. Косыгина – стратегические цели и причины свертывания реформ // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 1(16). С. 64 – 84.
- 5.Заседания Верховного Совета СССР седьмого созыва. Седьмая сессия. (16-19 декабря 1969 г.). Стенографический отчет. - М.: Издание Верховного Совета СССР, 1970. – 412 с.
- 6.Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. - М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
- 7.Косыгин А.Н. Избранные речи и статьи. - М.: Политиздат, 1974.–783 с.
- 8.Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное - М.: Наука, 1987. – 285 с.
- 9.Медведев В.А. Управление социалистическим производством. Проблемы теории и практики. - М.: Политическая литература, 1983. – 270 с.
- 10.Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник. - М.: Издательство «Статистика», 1971. – 583 с.
- 11.Очерки экономических реформ / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. - М.: Наука, 1993. – 272 с.

12. Пленум ЦК КПСС. 15 декабря 1969 г. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева Л.И. // РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168.
13. Правда. 1971. 4 февраля.
14. Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. - М.: «Ассоциация» Книга. Просвещение. Милосердие.», 1995. – 576 с.
15. СССР в цифрах в 1971 году. Статистический сборник. - М.: Финансы и статистика, 1972. – 240 с.
16. СССР в цифрах в 1981 году. Статистический сборник. - М.: Финансы и статистика, 1982. - 223 с.
17. СССР в цифрах в 1984 году. Статистический сборник. - М.: Финансы и статистика, 1985. – 269 с.
18. СССР в цифрах в 1985 году. Статистический сборник. - М.: Финансы и статистика, 1986. - 253 с.
19. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Экономика СССР в 1961-1987 гг. - Новосибирск: Издательство СибАГС, 2007. – 340 с.
20. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. - М.: РОССПЭН, 2018. – 623 с.
21. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. - М.: Политиздат, 1971. – 598 с.

Поляков Алексей Васильевич

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

SPIN-код: 6040-2237

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Аннотация: Данная статья посвящена феномену профессиональной идентичности, в том числе, и в педагогических профессиях. Проводится философско-психологический анализ профессиональной идентичности. Производится сопоставление дефиниций самоотождествления и идентичности. Рассматривается взаимосвязь профессиональной идентичности с феноменом профессионализма. Выделяются критерии формирования профессиональной идентичности и профессионализма в профессиональной деятельности. Дается краткая характеристика проекту исследования профессиональной идентичности педагогов, в том числе, ее философского компонента.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональная деятельность, профессионализм, профессиональная самореализация, философский компонент идентичности.

PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS OF TEACHERS' PROFESSIONAL IDENTITY

Summary: This article is devoted to the phenomenon of professional identity, including in teaching professions. A philosophical and psychological analysis of professional identity is carried out. The definitions of self-identification and identity are compared. The interrelation of professional identity with the phenomenon of professionalism is considered. The criteria for the formation of professional identity and professionalism in professional activity are highlighted. A brief description is given of the project of studying the professional identity of teachers, including its philosophical component.

Keywords: professional identity, professional activity, professionalism, professional self-realization, philosophical component of identity.

В настоящее время проблема профессиональной идентичности представителей различных профессий, в основном социо-гуманитарного уровня активно изучается в русле психологического и философского знания.

С философской точки зрения, еще У. Джемс, рассматривая категорию тождества личности как познающего элемента, провозглашает следующий тезис: «функциональное тождество личности представляется нам единственным видом тождества, которое необходимо допустить, исходя из

фактов опыта» [2, с. 107]. Характеризуя эмпирическую личность человека, автор указывает, что она не переживает беспокойства, сомнений (пребывает в состоянии внутреннего спокойствия), не относится к своим силам с недоверием (ощущает доверие к самому себе). Причем, эмпирическая личность представляет человека такого рода, который по прохождении предыдущих этапов личностного развития способен достичь успеха в материальной и профессиональной сферах, сфере дружеского общения.

А.Б. Орлов, говоря о самосознании персонифицирующейся личности, обнаруживает у нее склонности принимать не только персональные, но и теневые проявления, при этом человек видит себя во всем, но не отождествляется ни с одной из выполняемых функций. Его подлинное я минует сети ложных отождествлений. Тогда персонификация личности становится связанной с кризисом самоотождествления [7, с. 17].

А.А. Корниенко, анализируя труды Э. Гуссерля, Т.А. Терентьевой, рассматривает профессиональную идентичность как переживаемый и осуществленный выбор, являющийся поступком, совершенный благодаря сформированной интенциональности как структуры личности, которая согласно Р. Мэю, позволяет человеку осмысливать прошлый жизненный опыт, формировать представления о будущем, осуществлять жизненные выборы [4, с. 243].

А.П. Шпона и соавторы провели межнациональное эмпирическое исследование профессиональной идентичности преподавателей вузов, разработав соответствующую анкету, изучающую данный феномен, и включив в нее различные компоненты профессиональной идентичности, в том числе, и философский компонент. В понимание педагогами философии профессии авторы включили способствование целостности личности студента в психологическом, социальном и физическом развитии; содействие интеллектуальному росту студентов; учет развивающих технологий в педагогическом процессе; признание личных достижений студентов; равноправное сотрудничество преподавателей и студентов; исследовательский аспект преподавательской деятельности; личностную помощь, наставничество молодежи; рефлексию возможностей влияния на развитие студентов; повышение возможностей самореализации педагогов; ориентацию на соблюдение этических норм педагогической деятельности [9, с. 191].

Ю.П. Поваренков, рассматривая феномен профессиональной идентичности, трактует ее как производную процессов самодетерминации личности, и в то же время, являющуюся целевым ориентиром. Автор предполагает идентификационную активность человека, которая в профессиональной сфере воплощается в поиск своего места в профессии, самой профессии, в которой бы могли реализовываться личностные смыслы работника, структурирование целеполагания в профессиональном поле, предусматривающего определенный уровень личностного благополучия [8, с. 57].

С.А. Котова, изучая мотивационные предпосылки выбора профессии педагога, представляет научно-психологические позиции Н.С. Пряжникова, Л.Б. Шнейдер, и считает при этом процесс формирования профессиональной идентичности опосредуемым процессом профессионального самоопределения и обусловленным философско-психологическими семейными установками и трансляциями, влияющими на будущего профессионала со стороны родительской системы [6, с. 162]. При этом на поле профессионального выбора воздействует сфера семейных представлений относительно каких-либо конкретных профессий и, в целом, о необходимости самореализации в какой-либо профессии, тождественной философско-психологическому потенциалу личности.

В.В. Карпов акцентирует внимание на философском изучении феномена идентичности в трудах Парменида, Платона, Аристотеля, Р. Декарта, Г.В. Лейбница, И. Канта и других философов, понимающих идентичность как тождество, то есть самоотождествление, отождествление себя с каким-либо делом, направлением жизни [3, с. 13].

Философское осмысление идентичности у И. Гофмана заключается в трансформации понятия самости, у Э. Фромма – в возможности самореализации и обретения собственной социальной ниши, определенной взаимосвязи внутренней и внешней свободы и одиночества. При этом Э. Фромм делал противопоставление индивидуализации человека и идентичности, говоря о том, что в процессе индивидуализации как усиления личности происходит утрата идентичности с другими людьми, отделение от них. В то же время идентичность означает принадлежность к чему-то, будь то природа, племя, религия или какая-либо целостная структура, где человек является ее частью и занимает в ней определенное место, что дает ему чувство уверенности [10, с. 49].

Глубокое изучение вопроса идентичности ассоциируется с Э. Эриксонем, определившим идентичность как внутренний процесс личности, характеризующийся «непрерывностью самопереживания индивида», как «субъективное чувство непрерывной самоидентичности» [11, с. 120]. Таким образом, идентичность является одним из аспектов Я-концепции индивида, как форма самосознания и самоотождествления с группой. Э. Эриксон выделял «целостность», «тождество», «непрерывность», как характеристики феномена идентичности.

А.К. Маркова под профессиональной идентичностью понимает «многоуровневую личностную динамическую структуру, включающую осознаваемые и неосознаваемые аспекты, обеспечивающую внутреннюю целостность, тождественность и определенность личности на всех этапах профессионального развития, а также ее преемственность и устойчивость во времени» [5, с. 120].

При этом профессиональная идентичность становится характеристикой, присущей зрелой сложившейся мотивационной сфере человека, в структуру которой входят:

- многообразие побуждений, в том числе, смыслов, целей, мотивов, интересов, которые поддерживают и укрепляют мотивацию профессионала в разных условиях трудовой деятельности;

- выраженность действенности, осознанности, устойчивости ведущих мотивов;

- иерархическая структура побуждений работника, в которую включены главные и соподчиненные мотивы, связанные с отношением к самой деятельности, другим субъектам профессиональной деятельности и пр.

- доминирование конструктивной направленности мотивационной сферы в контексте профессиональной деятельности при не выраженности деструктивных мотивов, препятствующих эффективности деятельности;

- подвижность и изменяемость побуждений в контексте конкретных условий труда, взаимодействия в различных сегментах социальных отношений.

А обратными, то есть, незрелыми проявлениями мотивационной сферы работника, которые не позволяют осуществиться процессу формирования профессиональной идентичности являются следующие:

- обедненность мотивационной сферы, при включении в нее фрагментарных побуждений, таких, как экономическая отдача от осуществления профессиональной деятельности. При задействовании в труде лишь отдельных мотивов затруднительными к развитию будут важные компоненты зрелой личности, в частности, самореализация и творчество;

- ориентация на внешний локус мотивации при регрессии внутренних мотивов, в связи с чем личностные предпосылки к трудовой деятельности также становятся нереализованными.

Различными исследователями рассматривалась функциональная значимость идентичности, как внутриличностного конструкта. К функциям идентичности в рамках философско-психологического анализа данного феномена можно отнести следующие:

- обеспечение непрерывности, целостности «Я», интеграции «Я»;

- поддержание психологической безопасности, личностных границ;

- способствование социализации и регуляции поведения в условиях среды;

- стимулирующее воздействие на формирование персонализации, эскалацию проявлений активности личности в процессе жизнедеятельности.

В течение всей профессиональной жизни человека происходит продолжение, углубление, уточнение профессионального самоопределения, это выражается в том, что расширяется образ профессионала, корректируется в ходе самоанализа принятие себя как профессионала, пересматривается отношение к профессии и себя в ней и т.д.

Так, А.К. Маркова, как уровень, потенциально обусловленный сформированной профессиональной идентичностью, и возможный к проявлению в профессиональной деятельности, выделяет феномен «суперпрофессионализма», заключающийся в обладании определенными характеристиками работником как мастером в своей профессии. Такой мастер свободно проявляет творческие способности, при этом обогащая поле своей профессиональной деятельности собственными творческими достижениями, повышающими эффективность деятельности. Такой работник достигает вершин в своей профессии, так называемого «акме», при этом обладая возможностями к осуществлению преобразований в своей отрасли или даже проектированию новых видов профессиональной деятельности [5, с. 184]. Профессионал высокого уровня способен функционировать в полипрофессиональной среде, когда производится выполнение содержания нескольких видов профессий, например, философ и педагог, практический психолог и методолог, разрабатывающий новые технологии, писатель, политический деятель и т.п.

Важным аспектом профессионала высшей степени развития с представленностью сформированности профессиональной идентичности в разных, осуществляющихся на высоком уровне качества полях профессиональной деятельности, является компонент самопроектирования, при котором путем задействования механизма самодетерминации происходит направленное развитие личности с формированием и развитием необходимых личностных характеристик, профессиональных позиций и взглядов, релевантных расширенному кругу профессиональных устремлений подобного работника.

М.А. Абрамова, анализирует философско-социологические концепции профессионализма, обусловленного сложившимся отношением к профессиональной деятельности представителя той или иной профессии, способностью к видению себя в профессии как фактором, влияющим на формирование профессиональной идентичности, возможностью выполнения различных аспектов своей профессиональной роли на высоком качественном уровне. Автор делает выводы о том, что при трактовке профессионализма в качестве социокультурного феномена следует учитывать индивидуальные и социокультурные факторы его формирования. Среди личностных факторов необходимыми компонентами профессионализма являются творческие способности, тенденция к саморазвитию, сформировавшаяся общественная позиция. В профессиональной группе же важными критериями выступают сплоченность, общее представление о качестве профессиональной деятельности. На макроуровне предпосылкой к формированию профессионализма и профессиональной идентичности можно считать структурообразование в профессии со стороны административных государственных органов, вследствие чего более возможными станут тенденции работников к профессиональной самореализации [1, с. 3908].

Таким образом, формирование идентичности играет важную роль не только в становлении индивида и его жизнедеятельности, но и также в поддержании непрерывности его целостности, самоотношения, процесса социальной интеграции, обеспечивает психологическую безопасность индивида. В рамках профессионального становления будущего специалиста схожие функции несет в себе профессиональная идентичность.

Наше исследование профессиональной идентичности также предполагает включение философского компонента в методику изучения данного феномена у преподавателей вузов. Сформирован соответствующий блок вопросов, раскрывающих осознание собственного места в педагогической деятельности, степень осознанности/интуитивности выполняемых трудовых операций, понимание соотносимости реализуемой деятельности с профессией педагога, рефлексию временной перспективы профессиональной деятельности преподавателя вуза с определением возможностей личностного развития и формирования новых мировоззренческих позиций.

Список литературы:

- 1.Абрамова М.А. Профессионализм как социокультурный феномен в условиях трансформации современного общества / М.А. Абрамова // Профессиональное образование в современном мире. 2020 Т. 10, № 3 С. 3902–3910.
- 2.Джемс У. Психология/Под ред. Л. А. Петровской. — М.: Педагогика, 1991.— 368 с.
- 3.Карпов В.В. Формирование профессиональной идентичности студентов-международников в условиях российского вуза: / В.В. Карпов. Дисс. канд. пед. наук. Москва, 2019, 197 с.
- 4.Корниенко А.А. Профессиональная идентичность как феномен интенциональности сознания // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 6А. С. 240-247.
- 5.Маркова А.К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. - Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. —308 с.
- 6.Образование и жизненный путь личности / под. ред. Е. Ю. Коржовой. – Санкт-Петербург, Изд-во ООО «Русайнс». – 2023. 196 с.
- 7.Орлов А. Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. – № 2. – 1995. – С. 13–19.
- 8.Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессиональной идентичности / Ю.П. Поваренков // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24, С. 53-58.
- 9.Профессиональная идентичность педагога: сравнительное международное исследование: коллективная монография / под ред. Н.П. Сенченкова, А.П. Шпоны. - Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 214 с.
- 10.Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм; пер. с англ. - М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. 571 с.

11.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон, Т. В. Толстых – Москва: Прогресс, 1996 – 340 с.

Полякова Наталья Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 9285-6602

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309

СИМВОЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИМПЕРСКОМ И СОВЕТСКОМ ПРОЕКТАХ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика символического образа Александра Невского – героя русской истории и святого Русской православной церкви. Автор обращается к этому образу в сравнительной перспективе двух проектов – имперского и советского. Образ Александра Невского анализируется как символическая единица исторической памяти, консолидировавшая общество в сложные, переломные моменты истории и позволявшая стратегически расставлять приоритеты в настоящем. Отмечается, что символический образ Александра Невского выстраивался в российском коммеморативном пространстве сначала в рамках церковной агиографической традиции Русской православной церкви, а позднее и в светском контексте. При этом светские коммеморативные практики символизации этого образа опирались на ранее сформированную сакральную символическую традицию, перерабатывая и наполняя ее необходимыми в контексте актуального настоящего социокультурными и политико-идеологическими смыслами. Делается вывод, что символический образ Александра Невского объединил через механизм традиционирования два внешне несхожих между собой политико-идеологических проекта – имперский и советский. Он стал одной из констант, посредством которых осуществлялась в российском социокультурном пространстве преемственность и осмысливалось настоящее в критические для русской истории моменты на разных этапах ее развития.

Ключевые слова: Александр Невский, имперский проект, советский проект, символизация образа, историческая память, политика памяти, традиция.

SYMBOLIZATION OF THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN IMPERIAL AND SOVIET PROJECTS: CONTINUITY OF TRADITION

Summary: This article researches the specifics of the symbolic image of Alexander Nevsky, a hero of Russian history and a saint of the Russian Orthodox Church. The author refers to this image in the comparative perspective of two projects - the imperial and the Soviet. This image of Alexander Nevsky is analyzed as a symbolic unit of historical memory that consolidated society at difficult, crucial moments in Russian history and made it possible to strategically prioritize the

present. It is noted that the symbolic image of Alexander Nevsky was built in the Russian commemorative space, first within the framework of the church hagiographic tradition of the Russian Orthodox Church, and later in a secular context. At the same time, secular commemorative practices of symbolizing this image relied on the previously formed sacred symbolic tradition, refining and filling it with necessary socio-cultural and political-ideological meanings in the context of the actual present. It is concluded that the symbolic image of Alexander Nevsky united through the mechanism of tradition two externally dissimilar political and ideological projects – imperial and Soviet. It became one of the constants through which continuity was realized in the Russian sociocultural space and the present was comprehended at critical moments for Russian history at different stages of its development.

Keywords: Alexander Nevsky, imperial project, Soviet project, symbolization of the image, historical memory, politics of memory, tradition.

«С конца XIII в. Александр Невский занимает прочное место в русской культурной памяти, однако напоминая о нем образ много раз существенно менялся», – справедливо отмечает во введении к своей монографии, посвященной роли Александра Невского в русской культурной памяти, немецкий историк Ф.Б. Шенк [11, с. 10]. Символический образ Александра Невского выстраивался в российском коммеморативном пространстве на протяжении длительного исторического времени – сначала в рамках церковной агиографической традиции Русской православной церкви, а позднее и в светском контексте, что наиболее ярко проявилось в двух политических проектах – имперском и советском. При этом светские коммеморативные практики символизации этого образа опирались на ранее сформированную сакральную символическую традицию, перерабатывая и наполняя ее необходимыми в контексте актуального настоящего социокультурными и политико-идеологическими смыслами. Этот образ можно рассматривать как символическую единицу исторической памяти, консолидировавшую общество в сложные, переломные моменты русской истории и позволявшую стратегически правильно расставлять приоритеты в настоящем: «Посредством образов прошлого, то есть памяти, с одной стороны, происходит осмысление настоящего. С другой – настоящее неизбежно трансформирует образы в новом контексте, формируемом под влиянием качественно иной совокупности внешних и внутренних факторов» [2, с. 286].

Александр Ярославович (1221-1263) – в разные периоды князь Новгородский, Великий князь Киевский и Владимирский, полководец, дипломат, получивший впоследствии почетное прозвище «Невский» благодаря победе над шведами, одержанной в битве на Неве, которая произошла 15 июля 1240 года. Через два года, 5 апреля 1242 г., князь Александр Невский во главе русской дружины, состоявшей из новгородцев и владимирцев, разбил тевтонских рыцарей в сражении на Чудском озере, которое вошло в историю как «Ледовое побоище». Почитание Александра Невского, принявшего перед

смертью схиму под именем Алексий, как святого началось сразу же после его смерти, и тогда же во второй половине XIII века была составлена «Повесть о житии Александра Невского» [14, с. 92]. Но канонизирован Русской православной церковью в лике благоверных князь был позднее, уже в XVI веке – при митрополите Макарии на Московском церковном соборе в 1547 г., где произошло общецерковное прославление сонма святых Русской православной церкви, многих из которых ранее чтили только на местном уровне [1, с. 65]. Как отмечает российский историк Р.А. Соколов, канонизация Александра Невского имела во время правления Ивана IV Грозного большое политическое значение в преддверии принятия им царского титула, поскольку тем самым обосновывалась древность рода и преемственность традиции: «Этот акт имел, безусловно, серьезную идеологическую составляющую, поскольку Александр Невский был одним из прямых предков Ивана Грозного, в тот же год принявшего на себя царский венец» [8, с. 30].

В имперский период обращение к образу Александра Невского начинается еще с Петра I, для которого этот образ представлялся символически современным в контексте войны со шведами и расширения русских земель в западном направлении. Именно при Петре Великом начинается процесс формирования образа Александра Невского как защитника русской земли, прославившегося победами на Неве и Чудском озере. Александр Невский был избран им в качестве личного святого покровителя, а также покровителя его детища, выстроенного на берегах Невы, – Санкт-Петербурга, ставшего вскоре столицей новой империи. Для усиления легитимации своего политического и градостроительного проектов Петр Великий решил перенести мощи святого благоверного великого князя Александра Невского из Владимира, где он покоем после своей смерти в Рождественском храме Рождественского монастыря, в новый город на Неве. Торжественная церемония переноса мощей в Санкт-Петербург, в Александро-Невскую лавру, состоялась 12 сентября 1724 года и была по повелению самого Петра I приурочена к светской дате – дню заключения Ништадтского мирного договора со Швецией (30 мая 1721 г.). «Восприятию святого, прежде всего, как воина-покровителя российских царей содействовало распоряжение Святейшего Синода от 15 июня 1724 г. «благоверного великого князя Александра Невского в монашеской персоне никому отнюдь не писать, а писать тот святой образ в одеждах великокняжеских». Таким образом, в титул святого также было добавлено слово «великий», – пишет российский исследователь М.В. Шкаровский, отмечая специфику нового восприятия этого образа, заложенного в петровский период и ставшего традиционным для всего имперского периода [12, с. 249]. Именно при Петре I был учрежден и орден Св. Александра Невского, который задумывался им как военная награда (были даже изготовлены первые сорок орденов). Но вручение этих знаков состоялось через несколько месяцев после смерти Петра I, уже в правление Екатерины I, хотя при этом был нарушен первоначальный петровский замысел: новым орденом его вдовствующая

супруга наградила не только военных, но и гражданских лиц (чиновников и некоторых придворных).

В официальном советском дискурсе отношение к исторической памяти начинает постепенно изменяться примерно с начала 1930-х гг., когда на разных уровнях фиксируется как положительная идея определенной преемственности между Россией дореволюционной и постреволюционной – советской. Так, например, с 1931 г. в советских школах история начинает преподаваться как отдельный предмет, а вскоре, 16 мая 1934 года, было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором была дана позитивная оценка значимости исторического образования и принято решение о восстановлении с 1 сентября исторических факультетов в МГУ и ЛГУ [6]. Советское государство, признав историю в качестве серьезного символического ресурса, начинает постепенно выстраивать собственную политику памяти, в рамках которой дореволюционные имперские сюжеты и образы, связанные с патриотизмом и защитой интересов страны, в преддверии возможной войны с нацистской Германией получают свое развитие, подвергаясь определенной ревизии в интересах советского настоящего.

Например, именно со второй половины 1930-х гг. начинает активно разрабатываться символизация образа Александра Невского в самых разных областях (кино- и изобразительное искусство, музыка, театр и т.д.), а затем на основе этих предвоенных символических наработок на волне патриотического подъема и определенной корректировки в этой связи некоторых идеологических векторов советского проекта, образ русского святого, князя и полководца становится одним из главных символических стержней для страны в годы Великой Отечественной войны. Его образ десакрализируется, а сами сакральные характеристики получают обобщенное светское звучание: с одной стороны Александр Невский становится прообразом национального героя и патриота, а с другой – политического и военного вождя, объединившего русский народ перед лицом внешнего врага.

Так в фильме «Александр Невский», вышедшем в прокат 1 декабря 1938 г., его режиссер С.М. Эйзенштейн «...с самого начала брался ставить не биографию, но агиографию, потому что Невский был святым Русской православной церкви»: при этом в светском контексте он трактовал святость князя как «доведение благородных качеств человека до предела», поэтому его главный герой демонстрирует «...предельную степень положительных качеств» [4]. С. М. Эйзенштейн в своем выступлении в феврале 1940 г. на творческом совещании по вопросам исторического фильма, которое он затем переработал в статью для газеты «Правда», даже особым образом обратил внимание на специфическую роль исторической политики и место в ней киноискусства: «Основная, необходимая предпосылка для исторического фильма – это историческая правда. Каждое общество заинтересовано в своей истории...» [13, с. 113]. И далее в своем выступлении сформулировал основную задачу

исторического кинематографа – «...поднять нашу сегодняшнюю тему до высоты исторических обобщений», т.е. определил ее как трактовку истории с точки зрения актуального настоящего: «Какова перед нами задача [в работе] над фильмом? Эту задачу хорошо в свое время сформулировал Пушкин. Он говорил: "Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Это последнее остается в силе и сегодня» [Там же, с. 116]. А таковым актуальным настоящим в тот период стала тема неизбежности войны с Германией, поэтому символическая интерпретация образа Александра Невского происходила именно в этом направлении: из православного святого он трансформируется в воина, защитника русской земли, политика патриотической ориентации. Как отмечает американский исследователь Кевин Дж. МакКенна, комментируя в своей статье вложенную в уста главного героя фильма С. Эйзенштейна пословицу «С родной земли умри, да не сходи»: «Эйзенштейн выбрал эту пословицу, потому что она несомненно передаёт интонацию патриотизма и любви к родной земле, а также решимость перед лицом врага – это очень точное послание с двойным оттенком, которое, как и предполагалось, режиссёр фильма должен был донести до русской аудитории при надвигающейся угрозе конфронтации с германскими потомками тевтонских рыцарей 20 в.» [5, с. 112].

«Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» – эти слова И. В. Сталина, произнесенные 7 ноября 1941 г. в речи по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции, в самом начале Великой Отечественной войны поставили имена русских исторических деятелей в один ряд с именем вождя мирового пролетариата В.И. Лениным и заложили основы дальнейшего символического восприятия образа Александра Невского в советском коммеморативном пространстве на весь военный период и последующие годы [9, с. 86].

Символический образ Александра Невского в военные годы стал узнаваемым и широко популяризируемым как в советском обществе, так и в армии. С этой целью этот образ часто использовался в советской военной пропаганде: издавались плакаты, листовки и специальные брошюры для советских солдат и офицеров, в краткой форме излагавшие реинтерпретированную в патриотическом светском смысле биографию древнерусского политического деятеля и полководца, что нашло свое отражение даже во фронтовом фольклоре. В 1942 г. широко, насколько это было возможно в воюющей стране, был отмечен 700-летний юбилей Ледового побоища. Научные доклады и конференции, популярные лекции, выставки в музеях и библиотеках, издание тематических книг и брошюр, беседы на предприятиях, в воинских частях и госпиталях – все это стало единым проектом по популяризации исторической памяти, ассоциируемой с победой

русских воинов над немецкими агрессорами и дальнейшим развертыванием символического образа Александра Невского.

В практическом контексте этот образ нашел свое воплощение в военные годы в названиях воинских формирований и в геральдике. Так, например, известно о создании истребительной эскадрильи «Александр Невский», средства на самолеты для которой собирали прихожане РПЦ по всей стране и даже в блокадном Ленинграде [3]. Но одним из самых ярких моментов символизации образа Александра Невского в советский период стало учреждение в 1942 г. воинского ордена Александра Невского, которым награждались «...командиры Красной Армии, проявившие в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечившие успешные действия своих частей» [10]. Во время Великой Отечественной войны орденом Александра Невского было награждено более 40 тыс. человек [7, с. 102]. Учреждение этого ордена стало в советский период продолжением замысла Петра I, видевшего в нем изначально именно боевую, а не гражданскую награду. Следует отметить, что орден Александра Невского стал единственной полководческой наградой, которой награждали и в Российской империи, и в СССР. В современной России традиции ордена, но уже в имперском варианте как общегражданской награды – по сути, и по воспроизведенному дизайну, продолжают, реализуя принцип преемственности, в рамках которой «...государственные награды есть одновременно, и результат исторической памяти, и инструмент для ее создания» [2, с. 292].

Таким образом, можно отметить, что символический образ Александра Невского объединил через механизм традиционирования два внешне несхожих между собой политико-идеологических проекта – имперский и советский, став одной из тех констант, посредством которых осуществлялась в российском социокультурном пространстве преемственность и поддерживалась связь времен. Посредством данного символического образа из прошлого в рамках этих проектов осмысливалось актуальное настоящее, уже с позиций доминирующей в нем ценностно-нормативной системы, и формировалась патриотическая основа для консолидации общества в критические для русской истории моменты на разных этапах ее развития.

Список литературы:

1. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. – М.: Университетская типография, 1903. – 600с.
2. Гусева Н.А. Государственные награды: к вопросу об исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2011. – №3. – С. 286-292.
3. Замостьянов А. Князь-победитель // Историк. – 2021. – №77 (май). – URL: <https://историк.пф/journal/post/6501?ysclid=lt3e4wx7z906785850> (дата доступа: 25.02.2024)

4. Клейман Н. И. «Александр Невский» // Arzamas.academy – URL: <https://arzamas.academy/materials/348?ysclid=lsf3h25uzz120326994> (дата доступа: 25.02.2024)
5. МакКенна Кевин Дж. Послание из прошлого России: функция пословицы в классическом фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» // *Rossica antiqua*. – 2013. – № 2 (8). – С. 105-131.
6. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) О преподавании гражданской истории в школах СССР от 15 мая 1934 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/353204> (дата доступа: 26.02.2024).
7. Смыслов О. С. Награды Великой Победы. – М.: Вече, 2010. – 352с.
8. Соколов Р.А. Канонизация Александра Невского и судьба его мощей // *Христианское чтение*. – 2021. – № 2. – С. 23-32.
9. Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 15. В 3 частях. Часть 1. «Июнь 1941 - февраль 1943» – М.: Издательство «Писатель», 1997. – С. 84-86.
10. Указ Президиума Верховного совета СССР «Об учреждении военных орденов: ордена Суворова I, II и III степени, ордена Кутузова I и II степени и ордена Александра Невского» от 29 июля 1942 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131208-ob-uchrezhdenii-voennyh-ordenov-ordena-suvorova-i-ii-i-iii-stepeni-ordena-kutuzova-i-i-ii-stepeni-i-ordena-aleksandra-nevskogo-ukaz-ot-29-iyulya-1942-g> (дата доступа: 26.02.2024).
11. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) / пер. Е.Е. Земскова, М.Б. Лавринович. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
12. Шкаровский М.В. Судьба мощей святого князя Александра Невского в XVIII-XX веках // *Палеороссия*. – 2020. – № 1 (12). – С. 247-255.
13. Эйзенштейн С.М. Проблемы советского исторического кино // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. – М.: Искусство, 1968. – Т. 5. – С. 110-128.
14. Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Культура средневековой Руси: [Сб. ст., посв. 70-летию М. К. Каргера]. – Л.: Наука, 1974. – С. 88-93.

Портнягина Мария Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 9285-5810

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Аннотация: В статье анализируется трансформация памяти о Великой Отечественной войне в России, начиная с послевоенного времени и заканчивая современной памятью. Автор приходит к выводу, что на уровне индивидуальной (семейной) памяти это событие всегда имело огромное значение. На государственном уровне были и периоды забвения, и периоды активного использования памяти о войне в формировании национальной идентичности россиян. На сегодняшний день в сохранении памяти о войне большую роль играет гражданское общество с различными инициативами, например, Бессмертный полк.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, историческая политика, музеи, мемориалы.

THE TRANSFORMATION OF THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIA

Summary: The article analyzes the transformation of the memory of the Great Patriotic War in Russia, starting from the postwar period and ending with modern memory. The author concludes that at the level of individual (family) memory, this event has always been of great importance. At the state level, there were periods of oblivion and periods of active use of the memory of the war in shaping the national identity of Russians. Today, civil society plays an important role in preserving the memory of the war with various initiatives, for example, the Immortal Regiment.

Keywords: The Great Patriotic War, historical memory, historical politics, museums, memorials.

Для России празднование 9 мая остается исключительным событием. До сих пор этот праздник остается единственным, который позволяет «бесконфликтно осуществить самоидентификацию с национальным прошлым» [6]. По мнению директора аналитического центра Левада Л. Гудкова, война в сознании россиян остается главным символом национальной идентичности, тем, чем люди гордятся больше всего, и значение этого события увеличивается год от года [11]. Возникает вопрос: можно ли утверждать, что на протяжении всего послевоенного периода до настоящего указанная Л. Гудковым ситуация оставалась неизменной или она ситуативно менялась?

В советский период память о войне не была статичной. После парада Победы 1945 г. на Красной площади пышные празднования не проводились вплоть до 1965 г., а в 1948 г. 9 мая и вовсе перестало быть праздничным днем. Память о войне сравнительно мало использовалась исторической политикой послевоенных лет. Вскоре после войны началась новая волна репрессий, затронувшая в том числе и военное руководство, число погибших в войне долгое время оставалось неизвестным. После войны в 1946 г. И.В. Сталин обнародовал официальное число погибших военнослужащих и гражданских – «около 7 млн. человек» [1. С.3]. Указанная И. В. Сталиным цена победы долгое время не корректировалась в официальных источниках и не была предметом научных изысканий. Главным идеологическим постулатом об итогах войны И.В. Сталин обозначил победу советского общественного и государственного строя: «наше многонациональное Советское государство выдержало все испытания войны и доказало свою жизнеспособность» [12].

Нежелание руководства страны делать акцент на военных событиях недавних лет отразилось и на культурной жизни. Период с 1945 г. по 1953 г. характеризуется незначительным количеством художественных фильмов военной тематики. Среди работ о Великой отечественной войне можно выделить комедию 1945 г. «Небесный тихоход», военные драмы 1949 г. «Повесть о настоящем человеке», «Звезда». В фокус художественных произведений попадает отдельный человек. Поэты Великой отечественной войны начинают задавать тон. Целью и смыслом победы становится жизнь сама по себе, а также становится популярной тема крепкого тыла, где бойца любят, и ждут, и верят, что он придёт домой с победой. Её смог передать в своем стихотворении «Жди меня, и я вернусь» 1941 г. К. Симонов. Советским читателям пришелся по душе собирательный образ красноармейца Василия Теркина. Поэма была понятной, легкой, местами веселой, местами трагичной, но всегда нацеленной в будущее и наполнена любовью. И благодаря герою – простому солдату «как ты да я» - поэма стала столь популярна. Первая послевоенная книга «В окопах Сталинграда» В. Некрасова (1946 г.) делает ставку на обыденную, горькую правду войны – мир окопа, блиндажа и землянки.

Таким образом на официальном уровне тема войны в исторической политике используется незначительно, причиной чему может служить стремление скрыть истинные масштабы потерь Советского Союза. Память о войне сохраняется в культурном пространстве. Хотя и здесь послевоенный период характеризуется незначительным количеством произведений и фильмов. Главную ставку как писатели, так и режиссеры делают на личности бойца, это может быть как собирательный образ, так и претендующий на автобиографичность.

Десталинизация, проводимая при Н.С. Хрущеве, отразилась и на исторической политике. Объявив значительную часть репрессий необоснованными, руководство страны начало реабилитацию

репрессированных. Большую роль в переоценке советской истории сыграла художественная литература. Общественным событием стали появления таких произведений как «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына (1962 г.) и «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева (1957 г.). Эти произведения стали своеобразными символами морального осуждения сталинизма.

Продолжают писать свои произведения бывшие фронтовики Г. Бакланов, Ю. Бондарев, К. Воробьев, Э. Казакевич. Е. Дорош, который во время войны работал корреспондентом «Литературной газеты», в послевоенное период стал писать очерки о мирной деревенской жизни. Главное его произведение «Деревенский дневник», написанное в период с 1956 г. по 1972 г. повествует об изменениях, происходящих в мирной жизни после войны. В конце 50-х гг. появляется повесть В. Богомолова «Иван», которая показывает, насколько безжалостна война даже к детям и порой требует от них гораздо большего чем от взрослых. Повесть была экранизирована А. Тарковским «Иваново детство».

Место Великой Отечественной войны в исторической политике Н. С. Хрущева определялось необходимостью разоблачения культа Сталина. Новое руководство приступает к редактированию мифа о войне таким образом, чтобы победа в ней перестала бы ассоциироваться с именем И. В. Сталина. Поэтому стали экранизироваться такие произведения, где акцент был сделан на начальном периоде войны, например, двухсерийный художественный фильм «Живые и мертвые», экранизация одноименного романа К. Симонова о событиях лета 1941 г. Тему реабилитации советских солдат, попавших в плен на войне и носивших клеймо предателя по возвращению на родину, поднял в своем фильме Г. Чухрай «Чистое небо».

Культивирование военной тематики не было актуально и в силу международной обстановки. Борьба с Западом переносится в большей степени в экономическую сферу и на вооружение берется стратегия мирного сосуществования.

Существенные изменения происходят с памятью о войне с приходом к власти Л. Брежнева. С 1965 г. 9 мая вновь становится праздничным днем. Ветераны-фронтовики теперь играют значительную роль в конструировании коллективной памяти о войне, благодаря своему участию во встречах с пионерами, выступлениям на трибунах во время празднования Победы. В этот период возникают масштабные монументы, посвященные советским солдатам, формируются определенные ритуалы возложения венков, поздравления ветеранов. Значительная роль отводится таким институтам памяти как музеи. При музеях создаются новые экспозиции, выставки, проводятся встречи с ветеранами, организуются «уроки мужества» [2. С.201]. Главное внимание музеям необходимо было сосредоточить на «...всестороннем раскрытии значения Победы, одержанной советским народом, руководящей роли КПСС в организации разгрома фашизма, осуществлении ленинской внутренней и внешней политики, укреплении экономической и оборонной мощи СССР,

массового героизма советских людей на фронте и в тылу, социально-политического и идейного единства советского общества» [2. С.201].

В 1960—1970-х годах появляется обширная литература о войне. Ее ведущим жанром становятся мемуары. Здесь следует отметить публикацию воспоминаний маршала Жукова «Воспоминания и размышления» (1969 г.) Образ И. Сталина как мудрого военачальника вновь становится актуальным и в полной степени раскрывается в многосерийной «киноэпопеи» «Освобождение».

В это время появляется огромное количество фильмов, посвященных Великой Отечественной войне, «А зори здесь тихие...», «В бой идут одни старики», «Офицеры» и др. Успех данных фильмов в прокате, в кинотеатрах их посмотрели 50-60 млн человек [2. С.205], может свидетельствовать о том, что историческая политика в отношении Великой Отечественной войны проводилась весьма успешна и героическое военное прошлое было воспринято большинством населения как ключевое событие советской истории.

Таким образом в «брежневскую эпоху» создается своего рода «инфраструктура» мифа о войне, проявившаяся в празднованиях Победы, в сооружении масштабных монументов, посвященных советским солдатам и героям войны, использовании военной темы в советских ритуалах, создании системы льгот для бывших фронтовиков. Актуализация военной тематики становится обоснованной в условиях нарастания конфронтации с Западом.

Историческая политика времен перестройки и вплоть до 2000-х гг. носила бессистемный характер. Что касается основных тенденций, проявившихся в отношении коллективной памяти о Великой Отечественной войне, то здесь можно отметить все возрастающее влияние «живой памяти», личных воспоминаний и появление оценочных суждений. Это во многом связано с духом времени, в результате перестройки стали появляться ранее подавляемые этнические памяти малых народов. Кроме того, в научной среде также проявились демократические тенденции, исследователями стали рассматриваться вопросы, которые ранее не были предметом дискуссии.

В данной связи интересно исследование, проведенное на основе коллекции писем, присланных на радиостанцию «Радио России» в период с 1991 г. по 2000 г. и проливающее свет на то, какие темы, связанные с войной, волновали общество. Как отмечает автор исследования Рыбаков В.А., основными аспектами стали репрессии в отношении солдат на фронте, репрессии против военных, вышедших из окружения, жизнь советских людей на оккупированных территориях, мародёрство в тылу, тяготы жизни в эвакуации, детской смертности [10].

Таким образом, переоценка советского периода, проводимая новым руководством страны, привела к своеобразному прорыву индивидуальной памяти, связанной со страданиями людей, пострадавших не только от внешнего врага, но и от режима. В это время стали возводиться памятники жертвам режима на местах массовых казней и лагерей. В данной связи претерпела изменения и концепция Дня Победы. Из торжественной церемонии, праздника

победителей она стала превращаться в день поминовения и скорби. Празднование 50-летия победы в 1995 г. прошло весьма скромно. В образе войны подчеркивались прежде всего страдания народа, а не величие государства. Здесь российское руководство скорее всего стремилось идти в русле европейских тенденций, где дата 8-9 мая отмечается как День памяти и примирения. В 1996 г. в РФ была введена новая дата – 22 июня День памяти и скорби [13].

Таким образом в 1990-е г. как со стороны руководства страны, так и со стороны общества, в том числе и научного, идет разрушение советского, прежде всего брежневского мифа о войне как о героической победе советского народа. Это вызывало негативную реакцию со стороны ветеранов. В письмах, отправленных на «Радио России», звучит обида на молодежь, которая не признает заслуг фронтовиков: «Сколько же лично я слышал своими ушами от молодежи такие слова: "А кто Вас просил нас защищать, может, при Гитлере мы жили [бы] лучше? Честное слово, так и хочется новой войны с целью уничтожения такого общества больного...»; обида на власть за то, что вспоминают о ветеранах только 9 мая [10]. Но несмотря на то, что в это время появляется другой взгляд на события Великой Отечественной войны и послевоенного времени, война все равно остается для российских граждан главным событием XX в. По мнению некоторых исследователей данные тенденции даже придали новое звучание теме героизма советского народа, который одержал победу не благодаря, а вопреки системе [5. С.91].

Новая историческая политика в России начинает формироваться с приходом на пост президента В.В. Путина в 2000 г., и после празднования 60-летия Победы она стала приобретать систематический характер. Подготовка к юбилею Победы началась за 2 года до предполагаемого события. Например, Правительство Москвы в 2003 г. выпустило Постановление о подготовке к празднованию 60 – й годовщины Победы, где Комитету по телекоммуникациям и СМИ города Москвы рекомендовалось «организовать постоянное освещение истории Вов в электронных и печатных СМИ, демонстрацию документальных и художественных фильмов, посвященных историческому подвигу советского народа, значению Победы над фашизмом для современного мира» [7]. Приглашение участвовать в праздничных мероприятиях приняли лидеры стран СНГ, Латвии, США, Великобритании, Германии, Италии и многие чиновники международных организаций. Столь масштабная подготовка говорит о том, что Великая Отечественная война вновь выбрана руководством страны в качестве системообразующего нарратива исторической политики.

Новое руководство выбрало миф о войне центральным для сплочения россиян неслучайно, ведь на национальном уровне День Победы вызывает положительные эмоции, а именно - радость в связи с тем, что страна одержала победу. Укоренению этой идеи способствовало и институциональное ее оформление: появление общественных организаций, таких как «Волонтеры Победы», «Поисковое движение России» и «Бессмертный полк», внедрение в

школьную программу более детального изучения военных страниц истории. Государство сыграло большую роль в стимулировании роста интереса к семейной истории, этому способствовали проекты Министерства обороны «Подвиг народа» и «Память народа».

Однако в российском обществе нарастает тенденция неприятия столь помпезного празднования Дня Победы с явным смещением акцентов в сторону милитаризма. В 2019 г. на вопрос «Как лучше всего было отметить этот праздник» только 23 % опрошенных отметили парады, шествия, салюты и 52 % отметили необходимость проявления заботы о ветеранах [3]. Правительство пытается ответить на эти вызовы путем введения новых, более понятных форм репрезентации центрального исторического нарратива. Здесь большое значение приобретают музеи. В мае 2020 г. Центральный музей Великой Отечественной войны открыл уникальную экспозицию «Подвиг народа», посвященную вкладу в Победу тружеников тыла. По задумке организаторов сочетание уникальных экспонатов, спецэффектов и декораций поможет посетителям погрузиться в атмосферу времени великих испытаний [15]. В 2021 г. в парке «Патриот» вокруг возведенного храма в честь Воскресения Христова была открыта галерея протяженностью 1418 шагов, где рассказана история каждого дня войны и создана максимально достоверная атмосфера событий 1941-1945 г. Особенностью музея является то, что каждый может отправить информацию о своем родственнике, участвовавшем в войне, эти данные будут внесены в фотопанно. Музей хранит информацию о более 33 млн. участников войны [4].

Таким образом новые музеи пытаются сделать ставку на эмоциональное вовлечение и воздействие на посетителей, продемонстрировать народный характер военных лет, рассказать о новых сюжетах, которые не рассматривали ранее.

По всей стране активными темпами идет возведение новых мемориалов, памятников, этому способствовало присвоение 40 городам звания Города воинской доблести (в период с 2020 г.) [8]. Грандиозным событием стало открытие Ржевского мемориала в июне 2020 г., на котором присутствовали В.В. Путин и А.Г. Лукашенко. Возведению мемориала предшествовала масштабная работа по сбору данных о погибших на территории Ржевской земли среди родственников. Это сделало мемориал настоящим «местом памяти», значение которого разделяют многие жители России, это подтверждается и бесчисленными массами посетителей, приезжающих отдать дань защитникам Отечества. В январе 2024 г. в Гатчине Ленинградской области был открыт мемориал в память о мирных жителях СССР – жертвах нацистских преступлений. Проект был реализован при поддержке Российского военно-исторического общества и Российского исторического общества.

Также государство ведет работу по актуализации информации о преступлениях нацистского режима, здесь стоит упомянуть о проекте «Без срока давности», осуществляемый с 2018 г. [9]. Благодаря проекту в открытом доступе находятся ранее малоизвестные архивные документы, проводятся

конференции и реализуются образовательные программы, ведутся поисковые работы. Благодаря проекту было реализовано множество инициатив, направленных на популяризацию информации о преступлениях нацистов в ходе войны, среди них можно назвать открытие Музея жертв нацистских концлагерей, открытый в Санкт-Петербурге при Военно-медицинском музее. Данная работа весьма актуальна ввиду европейской политики, направленной на «защиту исторической правды», например в 2019 г. Европейский парламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». В резолюции ответственность за развязывание Второй Мировой войны была возложена в том числе и на Советский Союз, его руководство было обвинено в стремлении завоевать мир и поделить его на сферы влияния вместе с нацистской Германией [16].

В кинематографе можно наблюдать двойственную тенденцию. С одной стороны на экран выходят множество лент, призванных поднять патриотический дух. Среди них большое количество ремейков советских картин: «Звезда» (2002 г.), «А зори здесь тихие» (2015 г.). С другой стороны, режиссеры поднимают весьма болезненные и спорные моменты военного времени. Популярностью пользуются темы репрессий, коллаборационизма, тяготы жизни в тылу. Многие фильмы вызывают бурные дискуссии, например, громким скандалом закончился выход фильма «Сволочи» (2006 г.), рассказывающий о секретной школе диверсантов для малолетних преступников. Режиссер В. Меньшов отозвался об этом фильме как о «подлом и позорящем мою страну» [14]. Кроме того, исследователями отмечается, что для современных российских кинолент, посвященных Великой Отечественной войне, характерным является ввод фантастических элементов, вплоть до перемещения во времени в фильме «Рубеж». Возможно, это связано с тем, что память о войне становится все более далекой и в стремлении приблизить ее к молодежи режиссерам приходится прибегать к совершенно фантастическим сюжетам и использованию спецэффектов.

Таким образом, в последние несколько лет мы можем наблюдать достаточно активное сотрудничество государства и гражданского общества в деле сохранения исторической памяти о Великой отечественной войне. Возможно, успешность проекта «Бессмертный полк» продемонстрировала готовность россиян сделать семейную память частью коллективной. Жители России активно делятся информацией о своих родственниках-участниках военных событий при подготовке материалов к открытию новых мемориалов, например Ржевского мемориала. Это на наш взгляд весьма удачная политика, ввиду того что, судя по социологическим опросам, не все согласны со столь помпезным проведением Парада Победы, но увековечить имена своих дедов и прадедов станет честью для каждой семьи.

Память о Великой Отечественной войне претерпела серьезные изменения. На государственном уровне были и периоды забвения, и периоды активного использования памяти о войне в формировании национальной идентичности

россиян. На уровне индивидуальной памяти это событие всегда имело огромное значение, о чем свидетельствует несомненный успех военных фильмов, которые снимались на протяжении более чем 70 лет, и литературы о военных годах.

Список литературы:

1. Большевик. 1946. № 5. С. 3. – URL.: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=7476&ysclid=ls9ex2zebg386418930#n=9> (дата обращения: 26.02.2024)
2. Бушмаков А. В. Память о войне и советская историческая политика. 1950–1980-е гг. // «Диалоги о культуре и искусстве» : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию со дня основания Пермского государственного ин-ститута культуры (Пермь, 20–22 окт. 2015 г.). Пермь, 2015. – 450 с.
3. День Победы – URL.: <https://www.levada.ru/2019/04/30/den-pobedy-3/> (дата обращения: 26.02.2024)
4. Дорога памяти. О музейном комплексе – URL.: <https://1418museum.ru/about/> (дата обращения: 26.02.2024)
5. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: Полит. энциклопедия, 2015 – 207 с.
6. Малышева Е.М. Россия и Германия: плюрализм памяти о Великой Победе – URL.: <http://history.milportal.ru/plyuralizm-pamyati-o-pobede/> (дата обращения: 26.02.2024)
7. О подготовке к празднованию 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (с изменениями на 21 сентября 2004 года) (утратило силу с 09.09.2015 на основании постановления Правительства Москвы от 08.09.2015 N 578-ПП) – URL.: <http://docs.cntd.ru/document/3643613> (дата обращения: 26.02.2024)
8. Пахалюк К. Горячая память о Великой Отечественной – URL.: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/goryachaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy/> (дата обращения: 26.02.2024)
9. Проект «Без срока давности» – URL.: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/> (дата обращения: 26.02.2024)
10. Рыбаков В.А. Историческая память о Великой Отечественной войне в условиях социальной трансформации 1990-х годов (по письмам граждан на «Радио России») – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-v-usloviyah-sotsialnoy-transformatsii-1990-h-godov-po-pismam-grazhdan-na-radio-rossii?ysclid=lsjc8um3va509775884> (дата обращения: 26.02.2024)
11. Современная память россиян о войне. Интервью с Львом Гудковым – URL.: <https://www.levada.ru/2018/05/11/sovremennaya-pamyat-rossiyan-o-vojne/> (дата обращения: 26.02.2024)

12. Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Том. 16 – URL.: https://royallib.com/read/stalin_iosif/tom_16.html?ysclid=ls9domssj3680166114#0 (дата обращения: 26.02.2024)
13. Указ Президента Российской Федерации от 08.06.1996 г. № 857 – URL.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9515> (дата обращения: 26.02.2024)
14. Хохлов В.А. Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-sovremennom-rossiyskom-kino-prodolzhenie-v-fentezi-buduschem?ysclid=lstf55mtq6408282282> (дата обращения: 26.02.2024)
15. Экспозиция «Подвиг народа» – URL.: <https://victorymuseum.ru/museum-complex/glavnoe-zdanie-muzeya/ekspozitsiya-podvig-naroda/> (дата обращения: 26.02.2024)
16. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe - Texts adopted - Importance of European remembrance for the future of Europe - Thursday, 19 September 2019 (europa.eu) (дата обращения: 26.02.2024)

Постикэ Надежда Борисовна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

SPIN-код: 5067-2240

К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ А.Н. КОСЫГИНА – ЭКОНОМИСТ, ПОЛИТИК, ГРАЖДАНИН

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые вехи политической карьеры А.Н. Косыгина. Рассмотрены источники формирования личностных ценностей и ориентиров государственного деятеля советской эпохи. На материале опубликованных воспоминаний современников и членов семьи анализируется вклад Косыгина в экономическое развитие Советского союза в послевоенный период. Анализируются методы работы и новаторские подходы к устройству плановой модели экономики.

Воссоздание и сохранение исторической памяти о крупном советском государственном деятеле, А.Н. Косыгине, особенно важно для познания механизмов функционирования ушедшей эпохи отечественной истории.

Ключевые слова: А.Н. Косыгин, экономическая реформа 1965 г., историческая память, глава правительства, советская экономика.

TO THE POLITICAL PORTRAIT OF A.N. KOSYGIN – ECONOMIST, POLITICIAN, CITIZEN

Summary: The article examines the key milestones A.N. Kosygin's political career. The sources of formation of personal values and guidelines of a statesman of the Soviet era are considered. Based on the publish memoirs of contemporaries and family members. Kosygin's contribution to the economic development of the Soviet Union in the post-war period is analyzed. Work methods and innovative approaches to the structure of a planned economic model are analyzed.

Recreating and preserving the historical memory of a major Soviet statesman, A.N. Kosygin, is especially important for understanding the functioning mechanisms of a bygone era of national history.

Keywords: A.N. Kosygin, economic reform of the 1965-th, historical memory, head of government, Soviet economy.

В 2024 г. отмечался 120-летний юбилей со дня рождения крупнейшего государственного деятеля советской эпохи – Алексея Николаевича Косыгина. Фигура Косыгина сегодня не совсем отчетливо выступает из-за спин ярких лидеров Советского союза – Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. В то время, как политическая карьера Алексея Николаевича началась еще с 1938 г.

Сталин заметил выдающиеся организаторские способности молодого инженера-экономиста, выпускника Ленинградского текстильного института им.

С.М. Кирова. В тяжелые годы Великой Отечественной войны Косыгин решал важнейшие задачи по эвакуации промышленных предприятий с оккупированных территорий и наладки их функционирования на новых местах. Таким образом он являлся «необходимой и важной компонентой функционирования экономики страны в военный период» [4, с. 44]. Кроме промышленных и гражданских предприятий Косыгин организовал эвакуацию и гражданского населения. «Во второй половине 1941 г. на восток были перебазированы 1523 крупные промышленные предприятия, перемещены десять миллионов советских граждан» [4, с. 45].

Сегодня принято широко отмечать героический подвиг ленинградцев, переживших тяжелейшие 900 дней блокады. О роли Косыгина в организации знаменитой «Дороги жизни» не говорят. В то время, как именно ему Сталин лично поручил выполнение этого сверхтяжелого задания. Косыгин был автором идеи организации ледовой дороги по Ладожскому озеру, ознаменовавшей прорыв блокады города. «Дорога жизни», по справедливому мнению внука Косыгина, А.Д. Гришиани, важнейший проект, осуществленный его знаменитым дедом [4, с. 46].

Спасение блокадного Ленинграда было особенно значимо для Косыгина еще и потому, что это был его родной город, место, где он родился и получил первое образование, где жил его отец. Алексей Николаевич Косыгин родился в семье квалифицированного рабочего завода «Лесснер» в Санкт-Петербурге в 1904 г. Рано лишившись матери, Алексей был воспитан вместе с братом и сестрой одним отцом. Нехватка в детстве материнской заботы и влияние сильного и мужественного отца в ранние детские годы, по мнению А.Д. Гришиани, способствовала формированию твердого и несколько сурового характера Алексея Николаевича. Первое образование Косыгин получил в коммерческом училище, где воспитал в себе практическое коммерческое мышление и способность быстро и точно проводить арифметические операции с большими числами [4, с.22]. Выросший под влиянием рассудительного, сдержанного и работающего отца, Алексей Николаевич в определении жизненных приоритетов стремился последовательно овладеть конкретным делом. Получив, базовое коммерческое образование по выбору отца, Косыгин, позднее самостоятельно продолжил обучение в предпринимательской сфере.

Коммерческая жилка, свойственная характеру Косыгина, привела его в кооперативный техникум. По завершению учебы Косыгина направили в Сибирь в союз кооператоров. «То, что сейчас называют бизнесом, он всегда считал важнейшим и интересным делом, с юных лет овладел необходимыми для этого знаниями и навыками. Позже встал во главе одной из первых концессий в Сибири по добыче золота, руководил созданием советских валютных банков за рубежом, организовывал советскую международную коммерцию, внедрял бартерные сделки в СССР с западными партнерами и поддерживал многие другие коммерческие инициативы, возможные в социалистической модели экономики» [4, с.28]. Молодой кооператор Косыгин,

активно участвуя в общественную жизнь, в своих статьях в «Ленской правде» выводил зависимость реальной прибыли от результатов индивидуальной работы [4, с. 40].

«Косыгин был человеком собранным, физически сильным, выносливым и неприхотливым в житейском смысле» [4, с.36]. Эти качества он сохранил на протяжении всей жизни, они помогали ему находить контакт с рядовыми промышленниками и рабочими и вникать во многие частные вопросы хозяйственной деятельности предприятий. Д.А. Гришиани отмечает еще одну полезную способность своего деда: «хорошо ориентировать себя по отношению к происходящим вокруг событиям» имел особую «политическую интуицию» [4, с. 41]. Эта способность помогала Алексею Николаевичу на протяжении многих десятилетий находится в высших эшелонах власти.

А.Д. Гришиани отмечал определенную консервативность взглядов и уважение к сложившимся политическим формам, присущие Косыгину, не оспаривавшего основы социалистического строя экономики Российской Федерации в Советском союзе, называет его «человеком системы», сложившимся при Сталине. Напротив, Юрий Васильевич Фирсов, проработавший с Косыгиным все девятнадцать лет его председательства в Совете министров и занимавшийся внешнеэкономическими и внешнеторговыми делами, в своих воспоминаниях о Косыгине не «решается назвать его человеком системы, скорее ее пленником» [4, с. 219].

Косыгин не был революционером. Необходимые изменения, по Косыгину, должны были «приходить сами собой в виде естественной эволюции, обусловленной действиями экономических и исторических законов» [4, с. 85]. Хорошо изучив и глубоко понимая действия экономических законов, Косыгин на протяжении всей своей долгой службы работал над усовершенствованием экономической машины советского государства, не оспаривая идеологических основ его устройства. Лидеры ЦК КПСС – Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев – отдавали должное способностям и опыту экономиста-хозяйственника, а сдержанный и осторожный характер Алексея Николаевича ограждал его от втягивания во внутривнутрипартийные интриги и обеспечил политическое долголетие.

Во второй половине 50-х гг. XX в. в советском обществе наблюдался мощный энтузиастический подъем, назрела потребность экономических преобразований, а значительные успехи советской науки укрепляли доверие советских граждан к действиям правительства. Общество было готово к преобразованиям. После смерти Сталина Косыгин, избегавший по мнению многих современников участия во внутривнутрипартийных играх, поддержал Н.С. Хрущева и обеспечил ему «экономическую составляющую» его группы. Выбор Косыгина в пользу группировки Хрущева Д.А. Гришиани объясняет перспективой появления «возможностей на экономические преобразования» [4, с. 87].

Сегодня с именем Косыгина в первую очередь связывают реализацию экономической реформы 60-х гг. XX столетия. Однако, вырывая из общей канвы экономической деятельности отдельные кейсы сложно сделать общий вывод и провести правильную оценку стратегии экономического роста советского государства, реализуемую Алексеем Николаевичем. Отдавая должное внимание проблемам реформирования устоявшихся форм промышленного и сельскохозяйственного производства, Косыгин видел решение проблемы увеличения национального дохода и сохранения темпов экономического роста в развитии технического прогресса и повышении эффективности промышленного производства [4, с. 169].

Косыгин, как человек прагматично мыслящий, не любящий спонтанных решений, в работе опирался на мнение специалистов. Повышение эффективности промышленного производства он связывал с совершенствованием системы планирования на научной основе, используя систему исследовательских институтов; определением приоритетных отраслей; расширением экономической самостоятельности предприятий рассчитывал стимулировать заинтересованность трудовых коллективов в повышении качества продукции. В начале 60-х гг. Косыгин проводил систематические встречи с видными учеными для обсуждения перспектив развития химической промышленности, топливных и энергетических отраслей, атомной промышленности, производства прогрессивных материалов и сплавов [4, с.170]. Большое внимание Косыгин уделял разработке полезных ископаемых и месторождений энергоносителей. В 60-х гг. XX в. активно разведывались газовые и нефтяные месторождения, минеральные ископаемые для производства удобрений. Косыгин активно отстаивал необходимость развития автомобилестроения, под его контролем выросли автомобильные гиганты ВАЗ и КамАЗ. Главная цель экономических преобразований для Косыгина заключалась в улучшении реальной жизни рядового советского человека, в предоставлении ему возможности приобретения качественных потребительских товаров, доступного жилья, превращение автомобиля их «роскоши в средство передвижения». «Человек, кроме замечательного светлого будущего, должен иметь нормальную жизнь сегодня», говорил Алексей Николаевич [4, с. 90].

И.А. Карпенко в своих воспоминаниях уважительно называет Косыгина, «хозяйственником, технарем» [3, с. 6]. Он замечает, что Косыгин не мог быть единственным автором такого сложного комплексного механизма реформы. Однако, как талантливый управленец, он привлекал к работе «умных, прогрессивных для своего времени людей, а потом поддерживал их работу всей доступной ему властью государственного аппарата» [3, с. 5].

Цель реформы заключалась в обеспечении материальной заинтересованности рабочих и управленцев в результатах их собственного труда и предоставлении возможности предприятиям проявить инициативу в вопросах усовершенствования производственных процессов. Однако, предоставляя предприятиям некоторую экономическую самостоятельность,

реформа сохраняла фундаментальную структуру плановой советской экономики. Тонкое замечание, сделанное Ю.В. Фирсовым, касается способности Косыгина чувствовать баланс между «желаемым и возможным, между степенью свободы, необходимой для проявления производственной инициативы и степенью контроля за деятельностью производителей» [4, с.177]. Реформа Косыгина была серьезной, научно-обоснованной попыткой реформирования советской модели экономики и ошибочно рассматривать ее как несостоявшуюся попытку перехода к рыночной экономике [4, с.174].

За положительными результатами первой пятилетки требовалось реформирование внутренней структуры хозяйственных пропорций, а решающее слово здесь принадлежало не Совету министров и Госплану, а Политбюро. Фирсов приводит тезис Косыгина, отражающий специфику экономического процесса в советском государстве: «Планирование – это политика» [4, с. 176]. Главной причиной свертывания реформы по мнению Н.К. Байдакова, в те годы руководителя Госпланом СССР, было отсутствие поддержки со стороны большинства членов Политбюро [4, с. 176]. Коллективное руководство советского общества в лице членов Политбюро нивелировало роль отдельного человека в принятии политических решений, даже, если это был Председатель Правительства в Советском союзе. Косыгин, прошедший «суровую школу сталинской партийной дисциплины» [3, с. 16], не мог препятствовать сворачиванию механизмов реформирования, продиктованного реакционной деятельностью партийно-командной номенклатуры. Из воспоминаний другого современника Косыгина – Н. Егорычева – он «работал не на систему, а на благо страны, грамотно и квалифицированно» [3, с. 16].

Впрочем, по замечанию Карпова ни Хрущев ни, позднее, Брежнев не питали симпатий к Косыгину. Этому препятствовала ревность к его популярности, питавшаяся всей манерой Алексея Николаевича вести дела. В отличие от многих представителей партийной элиты, Косыгин не замыкался на вершине управленческой пирамиды и активно вникал во все подробности ежедневной практической деятельности, лично общался с рабочими и был открыт для общества. Посещая фабрики, заводы и другие предприятия Косыгин в первую очередь уделял внимание уровню устройства производственной среды. Так, инспектируя крупную электростанцию и зная о возможности инсценировки благополучия производственных условий, он попросил в первую очередь отвести его в общественный туалет, по состоянию которого сразу сделал заключение об отношении руководства к трудовому коллективу станции [1, с. 156].

Ю.В. Фирсов, очерчивая круг деятельности Косыгина в эти годы, отводит экономической реформе важное, но не первостепенное место. По его справедливому мнению, в 60-е годы XX в. А.Н. Косыгин определял всю промышленную политику страны [4, с. 171]. Важной компонентой деятельности Косыгина на посту Председателя Совета министров было

налаживание внешнеэкономических связей. Алексей Николаевич Косыгин – прирожденный коммерсант, волею судьбы возведенный в высокий ранг государственного деятеля в социалистическом государстве, имел твердые убеждения, что развитие внешней торговли и экономических связей способно улучшить политические отношения и укрепить доверие к Советскому союзу со стороны развитых капиталистических стран, что в свою очередь позволит импортировать необходимые для советской промышленности передовые технологии и приведет в рост благосостояния рядовых советских граждан. Косыгин трезво оценивал уровень научно-технического развития советской промышленности и одной из приоритетных задач считал налаживание внешнеэкономических контактов с дружественными несоциалистическими странами. Развитие советско-итальянских отношений, последовавшее после неофициального визита Косыгина в Италию в 1962 г., способствовало реализации политики заимствования технологий. «Советская химия полимеров, производство синтетических смол и пластмасс развивалось в значительной степени благодаря этому» [4, с. 174].

С 1970-х гг. Косыгин сконцентрировал свою внешнеполитическую деятельность в направлении развития экономического сотрудничества с социалистическими странами. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) – организация экономического сотрудничества социалистических стран в первые двадцать лет своего существования осуществляла координацию народнохозяйственных планов, сводившийся к согласованию двухсторонних поставок на пятилетний план. Фактически это был натуральный обмен продуктов и сырья, часто не выгодный из-за разницы себестоимости производства и заработной платы между странами участниками. Косыгин выступил с инициативой разработки Комплексной программы развития социалистической экономической интеграции, учитывающей развитие производственной специализации стран СЭВ и построенной на основе тесного сотрудничества и совместного планирования объемов производства. Координация планов распространялась на сферу капитального строительства и стимулировала рост инвестиций в промышленность СССР со стороны стран участниц СЭВ. Особое значение для развития взаимного сотрудничества между участниками СЭВ и стимулирование инвестиций в долгосрочные проекты имело предложение Косыгина о создании международного инвестиционного банка социалистических стран (МИБ). Прототип международного валютного фонда (МВФ) для социалистических стран «имел задачи предоставления долгосрочных инвестиционных кредитов, связанных с углублением международного разделения труда, специализацией и кооперированием производства» [4, с. 205].

Как во внутренней экономической реформе, так и в Комплексной программе развития Косыгин проводил единую линию мер, направленных на стимулирование личной предприимчивости путем создания материальной заинтересованности для участников экономической деятельности. Наличие

плановой компоненты обеспечивало гарантию со стороны правительства на предоставление рынка сбыта производимой продукции, а сохранение части финансовых активов предприятий позволяло инвестировать в научно-технический рост и развитие социальной инфраструктуры.

Человек с практической хваткой, неприхотливый в обыденной жизни, Косыгин не оставил после себя мемуаров и других заметок. Сегодня судить о деятельности Алексея Николаевича можно из воспоминаний его близких и тех, кто работал с ним на протяжении его длительной политической службы. «Порядочный и честный... Одинаково требователен к себе и к другим, не терпел подхалимства» Алексей Николаевич Косыгин хорошо знал реальную жизнь страны и народа, ее нужды и недостатки, а высокий государственный пост воспринимал как место служения, которому отдавался без остатка на протяжении всей жизни.

Список литературы:

1. Гришин В.В. Из личных архивов о работе с крупным государственным деятелем А.Н. Косыгиным // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2018. – № S1. – С. 129-137.
2. Ершов В.Н. Премьер, оставшийся в памяти (из воспоминаний о А.Н. Косыгине) // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 152-161.
3. Премьер известный и неизвестный: воспоминания о А.Н. Косыгине / сост. Т.И. Фетисов. – М. Республика, 1997. – 256 с.
4. Феномен Косыгина. Записки внука // А.Д. Гришиани. М. 2004. – 308 с.

Прищеп Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

SPIN-код: 7217-666

ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Аннотация. Кадровые изменения в Ленинграде происходившие после окончания Великой Отечественной войны носили не только локальный, но и масштабный характер. Это связано с тем, что народное хозяйство нуждалось в обученных и высококвалифицированных кадрах. Однако большинство демобилизованных из рядов Советской Армии, не имело профильного образования и должной подготовки, поэтому требовалось вначале обучить первичным навыкам, а впоследствии приступить к формированию и развитию профессиональных навыков тем самым расширяя их потенциал.

В этих условиях определяющее значение трудовой квалификации рабочих и инженерных кадров превалировали не навыки работы на специализированном оборудовании, а оптимизация общего трудового процесса, ускорения выполняемых задач и достижения цели в кратчайшие сроки. Основным звеном в это время выступает интеллектуальный потенциал трудовой деятельности. Материальное обновление производственных процессов способствовало высокой культуре сотрудников предприятий.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, Великая Отечественная война, рабочие, обучение, производство, периодическая печать.

THE POTENTIAL OF INDUSTRIAL PERSONNEL AFTER GRADUATION THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE LENINGRAD PERIODICAL PRESS)

Summary. The personnel changes in Leningrad that took place after the end of the Great Patriotic War were not only local, but also large-scale. This is due to the fact that the national economy needed trained and highly qualified personnel. However, most of those demobilized from the ranks of the Soviet Army did not have specialized education and proper training, so it was necessary to first teach primary skills, and subsequently begin the formation and development of professional skills, thereby expanding their potential.

In these conditions, the determining importance of the labor qualifications of workers and engineering personnel was not the skills of working on specialized equipment, but the optimization of the overall labor process, acceleration of tasks performed and achievement of goals in the shortest possible time. The main link at

this time is the intellectual potential of labor activity. The material renewal of production processes contributed to the high culture of employees of enterprises.

Keywords: Leningrad, the blockade, the Great Patriotic War, workers, training, production, periodicals.

На страницах ленинградских газет таких как «Смена», «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград» регулярно появлялись заметки, пропагандирующие профессиональный рост сотрудников предприятий. После Великой Отечественной войны, вновь прибывшие работники не обладали необходимыми трудовыми навыками, поэтому они вначале проходили трудовую подготовку, а затем и практическое обучение. Демонстрация научно-технических достижений и реализованные практические наработки служили дополнительным стимулом в повышении квалификации и собственных навыков работы.

Стоит отметить, что на таких предприятиях как Судостроительный завод имени Андре Марти (с 1937-1956 гг. завод был засекречен и в государственных отчетах указывался «№ 194» – А.П.), швейная фабрика имени Володарского, Машиностроительный завод «Вулкан» Министерства машиностроения и приборостроения СССР и на других местных предприятиях процесс обучения проходил все указанные выше стадии [8].

В 1945 г. обучение на заводе им. Марти прошли более 700 человек в школах ФЗУ. При этом 11 специалистов решили повысить квалификацию и дополнительно обучились, чтобы иметь возможность поступить в 1946 г. в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта.

В продолжение отметим об одном интересном подходе и методе обучения на заводе «Вулкан». Мастер Павлов и главный инженер Супрун на предприятии организовали практико-теоретический курс обучения, направленный на подготовку вновь прибывших сотрудников [6]. В первую очередь они проходили теоретический курс, а затем их допускали к практическому обучению и работе на специализированном оборудовании.

Данный вид производственного обучения делился на два этапа, рабочий и подведение итогов или «работы над ошибками». Вместе со старшими коллегами, разбирались типичные ситуации и корректировали процесс работы на станках. Впоследствии выбирали оптимальный трудовой режим, определяли скорость, методику работы и продолжали процесс корректирования производственного обучения. Спустя несколько месяцев, ученики уже работали самостоятельно без наставника [6].

Нередко на практике появлялись случаи, когда мастера производственного обучения подходили формально к приему практических экзаменов [1]. В середине 1945 г. был отмечен случай, что мастера старались как можно скорее завершить подготовку специалистов, формально отчитаться и ходатайствовать перед руководством завода о повышении разрядов или присвоении новой специальности своему подопечному [1].

Собственное предположение в июле 1945 г. высказал начальник отдела подготовки кадров завода Цыпкин, начальник отдела подготовки кадров предприятия «Красный выборжец». По его мнению, в связи с производственной необходимостью, профессиональные требования к рабочим снижались, допускалось нарушение технологического процесса и работы в цехе в целом. Цыпкин нередко отмечал, что разряд у рабочего высокий, однако он не справляется с выполнением порученного ему задания. Поэтому он старался максимально кропотливо и бережно относиться к системе подготовки кадров и не допускать приведенных выше просчетов [1].

В газете «Вечерний Ленинград» от 8 июня 1946 г. появилась интересная заметка. В ней говорилось о том, что в Петроградском районе открыто лекторское бюро [3]. Сделано это было для того, чтобы ученые тиражировали профессиональные навыки и умения работы на цеховом оборудовании. На заводе «Электроприбор» лекцию провел кандидат технических наук, Бренев на тему: «Радиолакация», а 8 июня 1946 г. на предприятии «Электрик» выступал член-корреспондент Академии наук В.П. Вологдин с докладом: «Применение токов высокой частоты в промышленности» [3].

При этом на страницах периодической печати публиковались не только трудовые успехи, но и поощрялся профессиональный, карьерный рост тружеников Ленинграда. Согласно данным на июнь 1946 г. в Ленинградском строительном техникуме обучалось около 700 студентов [2]. Заметим, что обучение не концентрировалось на теоретическом курсе, а включало еще и полноценное практическое обучение. Так, например, А. Володин и Ж. Лейв самостоятельно трудились над проектом вентиляции для химического комбината, а Т. Комов уже работал в должности помощника прораба на городском строительном объекте [3].

Промышленный потенциал или стремление повысить свою квалификацию во второй половине 1940-х гг. являлся не единственным звеном профессионального роста сотрудников заводов. Естественно, не всем специалистам удавалось параллельно работать и учиться или посещать открытые лекции, поэтому на предприятиях открывались специализированные рабочие кружки. Согласно примеру, двух рабочих Анны Исаевой и Зинаиды Ворониной с завода «Электропульт», можно сделать вывод о том, что в ремесленном училище давали только общие знания, без детализации в определенной отрасли [7]. Девушки уже на рабочем месте девушки поняли, для того чтобы им собирать сложные ферродинамические приборы им не хватает знаний. Поэтому руководство предприятия приняло решение открыть технический кружок для развития профессиональных навыков под управлением инженера Гиненича [7].

В 1948 г. в бумагопрядильной фабрике «Веретено» примерно 400 рабочих выразили желание повысить свою квалификацию, и добровольно записались в «кружки техникума» и школы повышения квалификации [4]. На заводе впервые открылся вечерний филиал текстильного техникума по подготовке

специалистов - «технолог производства». Для того чтобы реализовать образовательный процесс, руководство распорядилось выделить несколько помещений для проведения практического обучения. Руководство приятно было удивлено тем, что работники предприятия из числа ИТР и мастеров также не остались в стороне и подали собственные планы обучения и разработки в методическую комиссию.

Отметим, что процесс подготовки кадров, который происходил в Ленинграде тиражировался не только в государственных СМИ, но и в публикациях, местных периодических изданиях. Примером является газета «Политехник», на страницах которого были представлены реальные случаи взаимодействия вузовской интеллигенции и производственных кадров [5].

В заключении стоит отметить, что после окончания ВОВ трудовая деятельность рабочих заключалась исключительно в механической активности, включая работу на станках, наладке и настройке собственного оборудования, но в 1950-е гг. рабочий процесс корректировался и менялся. Ленинградские рабочие самостоятельно решали задачи по ускорению научно-технического прогресса, адаптировали имеющиеся внутренние производственные резервы для дальнейшего повышения производительности труда и качества выпускаемой продукции.

Список литературы:

1. Завышенные разряды // Ленинградская правда. 1945. 6 июля 1945 г.
2. Здесь воспитываются командиры - строители // Вечерний Ленинград. 1946. 8 июня.
3. Лекции ученых в цехах // Вечерний Ленинград. 1946. 8 июня.
4. Повышают мастерство // Смена. 1948. 10 сент.
5. Прищепа, А. С. Подготовка инженерных кадров в послевоенное время в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина (на материалах газеты «Политехник») / А. С. Прищепа // Решающий вклад СССР в разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне и создание европейской послевоенной конструкции: правда истории и современные тенденции зарубежной историографии : доклады 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию победы СССР в Великой Отечественной войне, Москва, 21–22 сентября 2020 года. – Москва: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2020. – С. 135-140.
6. Сочетать практику с теорией // Ленинградская правда. 1945. 6 июля.
7. С помощью инженеров // Смена. 1947. 26 июня.
8. Теснее связь с молодежью // Смена. 1945. 28 июля.

Пулятова Эмилия Георгиевна

кандидат исторических наук, доцент

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта

SPIN-код: 2640-5979

РОССИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ РЫНКОВ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX- XX ВЕКА

Аннотация: В статье анализируются российско-южноамериканские торговые отношения на рубеже XIX- XX века.

Экономическое развитие России поставило перед отечественными промышленными кругами задачу расширения промышленного экспорта. Провозглашенная С.Ю. Витте программа ускоренного развития национальной промышленности с привлечением иностранного капитала и поощрением вывоза товаров за границу, предполагала форсированный поиск новых рынков сбыта. Витте надеялся, что таким рынком для российской продукции могли стать страны Южной Америки, в первую очередь, Бразилия, с которой у России были давние дипломатические отношения. В первое десятилетие XX в. по объему внешней торговли первое место в Латинской Америке занимала Аргентина.

Расширению торговых контактов мешала посредническая торговля, отсутствие прямых паромных сообщений, зависимость южноамериканских стран от иностранного капитала.

В работе рассмотрены архивные документы, связанные с подписанием торговой Конвенции между Россией и Аргентиной (1913 г.) и, опубликованный в «Официальном журнале справок о Бразилии», фактический материал о перспективах внешнеторговых связей между странами (1915 г.).

Статья написана на основе исторических источников: архивных материалов и периодических изданий.

Ключевые слова: внешняя торговля, конкуренция, посредническая торговля, промышленный экспорт, торговая конвенция.

RUSSIA IN SEARCH OF NEW MARKETS FOR DOMESTIC INDUSTRY AT THE TURN OF THE XIX- XX CENTURY

Summary: The article analyzes Russian-South American trade relations at the turn of the XIX- XX century. The economic development of Russia has set the task of expanding industrial exports for domestic industrial circles. The program of accelerated development of national industry proclaimed by S.Y. Witte with the attraction of foreign capital and encouragement of export of goods abroad, assumed an accelerated search for new markets. Witte hoped that South American countries, primarily Brazil, with which Russia had long-standing diplomatic relations. In the first decade of the twentieth century, Argentina ranked first in Latin America in terms

of foreign trade. Intermediary trade, the lack of direct shipping links, and the dependence of South American countries on foreign capital hampered the expansion of trade contacts.

The paper examines archival documents related to the signing of the trade Convention between Russia and Argentina (1913) and factual material published in the Official Journal of Information about Brazil on the prospects of foreign trade relations between the countries (1915).

The article is based on historical sources: archival materials and periodicals.

Keywords: foreign trade, competition, intermediary trade, industrial exports, trade convention.

В конце XIX века в России наблюдался заметный промышленный подъем, существенную роль в котором играло железнодорожное строительство и развивающаяся тяжелая промышленность в южных районах страны. По объему промышленного производства Россия приблизилась к Франции, а по темпам роста к Германии и Соединенным Штатам Америки. В этих условиях лидеры крупного российского капитала стремились к расширению промышленного экспорта.

Провозглашенная С.Ю. Витте, программа ускоренного развития национальной промышленности с опорой на мобилизацию внутренних ресурсов, привлечением иностранного капитала и поощрением вывоза товаров за границу, ставила задачу поиска новых рынков сбыта [3, с. 414]. В программе отмечалось, что при той торгово-промышленной политике, которую проводили западноевропейские государства и Соединенные Штаты Америки, поиск новых рынков сбыта для России являлся делом крайне затруднительным [3, с. 414].

Надеясь на реализацию своего плана, Витте в мае 1897 г. предложил заключить торговый договор с Бразилией. Бразилия была единственной южноамериканской страной, с которой Россия поддерживала регулярные торговые отношения. Однако, значительная часть товарооборота осуществлялась через посредников. Россия закупала в Бразилии хлопок, кофе, красящие вещества, каучук, какао, ваниль, лекарственные растения. Так, в 1884 г. в Петербурге состоялась международная выставка садоводства, на которой Бразилия представила свой кофе. Из России вывозилась в основном пшеница, а также продукты традиционного экспорта: канаты, парусина, полотно, ткани, кожаная и резиновая продукция, деревянная мебель, кустарные изделия и т.д. Предложение российской стороны о заключении торгового договора нашло у бразильского правительства поддержку, в лице министра иностранных дел О.Магельянса. С.Ю. Витте и министр иностранных дел М.Н.Муравьев разработали основы торгового договора с Бразилией. Договор предусматривал взаимное предоставление прав наибольшего благоприятствования и особые преимущества для бразильского экспорта в Россию, в случае если бы Бразилия этого пожелала, в обмен на соответствующие торговые льготы. Но давление со стороны американских деловых кругов, на бразильских предпринимателей

лишило российскую сторону надежды получить статус «наиболее благоприятствуемой нации» [4, с. 315, 323].

Обострение международной обстановки, предшествовавшее Первой мировой войне, усиление борьбы за источники сырья и рынки сбыта привели к тому, что в России пересматривают традиционные направления российской внешней политики. Обсуждение этой темы особенно активизировалось в 1908 г., когда III Съезд представителей промышленности и торговли высказался за то, чтобы «усиление экспорта произведений отечественной промышленности стало одной из основ промышленно-торговой политики Российского государства» [5, с.31]. В эти дни популярный в среде предпринимателей журнал «Промышленность и торговля» писал: «наступила жгучая пора приняться за деловую поставку русского фабричного экспорта в широких размерах» [9, 1908, №8, с.469].

В отечественной печати появляется ряд статей о возможности сбыта в Аргентину некоторых русских товаров. «Бороться с тем ущербом, который наносит нам появление на мировом рынке аргентинского хлеба, - отмечало «Новое время», - мы можем только путем вознаграждения себя подъемом нашей отпускной торговли, продуктами нашей промышленности за счет открытия новых рынков сбыта, и один из таких рынков мы можем найти как раз в такой стране, как Аргентина» [6, 1910, 3 марта].

Тенденция к расширению экономических отношений со странами Южной Америки усилилась в 1909-1910 гг. В первое десятилетие XX в. по объему внешней торговли Аргентина занимала первое место в Латинской Америке. Главным предметом аргентинского экспорта являлась сельскохозяйственная продукция, что делало страну благоприятным рынком сбыта для обрабатывающей промышленности. В связи с этим, Департамент торговли Министерства торговли и промышленности отправил Генеральному консулу в Аргентине запрос, в котором предлагал ему выяснить «какие русские товары, в каком количестве и по каким путями доставляются в Аргентинскую Республику, а равно с произведениями каких стран приходится нам выдерживать конкуренцию ... какие виды имеются на дальнейшее расширение сбыта наших товаров в Аргентинскую Республику [10, ф.20, оп.7, д. 32, л.1].

В 1909 г. аргентинский поверенный в делах Э. Гарсиа Мансилья сделал доклад Совету съездов представителей промышленности и торговли России о возможности развития торговых отношений между Россией и Аргентиной [9, 1910, №11]. Два года спустя он сообщил в Министерство иностранных дел России, что аргентинское правительство «в целях упрочения и развития торговых отношений между Россией и Аргентиной предлагает заключить Конвенцию о взаимном предоставлении прав наибольшего благоприятствования транзита, торговли и мореплавания». [1, ф. II Департамент I-IV, оп. 408, д.51, л.4].

Предложение требовало тщательного изучения, т.к. Аргентина, как и Бразилия в значительной степени зависела от иностранного капитала и в силу

однородности производства была конкурентом России на мировом продовольственном рынке. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов переслал документы в Министерство торговли и промышленности, а оттуда, из-за отсутствия статистических данных, они были отправлены представителю Министерства финансов в Берлин [11, ф.23, оп.8, д. 63, л. 1].

В феврале 1912 г. Министерство торговли получило необходимые статистические сведения о внешней торговле Аргентины: ввоз в страну товаров из-за границы в денежном эквиваленте в 1909 г. составлял 397 350 528 золотых песо, а в 1908 г.- 366 005 341; вывоз из Аргентины за эти же годы соответственно – 302 756 095 и 272 972 736 золотых песо [11, ф.23, оп.8, д. 63, л. 1]. Ввоз из России в 1908 г. равнялся 739915 песо (1 479830 руб.), в 1909 г. – 1 307331 песо (2 614662 руб.) [11, л. 1].

Таким образом, Ввоз из России составлял в 1908 г. 0,27% общей суммы ввоза в Аргентину, а в 1909г, - 0,43 [11, л. 1]. Импорт из Аргентины в Россию в 1909 г. равнялся 241 985 песо (483 970 рублей), в 1908 г. – 68041 песо (136082 руб.), в процентном отношении - в Россию в 1908 г. составил не полных 0,2%, а в 1909 г.- 0,06% общего экспорта из Аргентины [11, л.1].

В предполагаемом проекте Конвенции, Аргентина оговаривала для себя право льгот и привилегий по отношению ко всем государствам Южной Америки [1, ф. II Департамент I-IV, оп. 408, д.51, л. 22].

Старший советник Министерства иностранных дел России К.Э. Аргиропуло передал министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву донесение, в котором пытался доказать, что в таком виде Конвенция не должна быть принята, ибо необходимо, чтобы формула изъятия распространялась только на пограничные с Аргентиной страны, а не на все государства материка. Но подобные возражения представляются несущественными, поскольку товарообмен стран Латинской Америки развивался таким образом, что они больше тяготели к Европе, чем друг к другу. На долю семи европейских стран (Англии, Германии, Бельгии, Франции, Голландии, Испании, Италии и США) приходилось 74% всего товарообмена Аргентины, а на долю пограничных с Аргентиной государств (Боливии, Уругвая, Бразилии, Чили и Парагвая) только 5% товарообмена. На все остальные страны, в число которых входили как государства Латинской Америки, так и Россия, приходился 21% товарообмена [11, ф.23, оп.8. д.63, л. 22].

В этой связи заключение торговой Конвенции на началах наибольшего благоприятствования, как отмечал С.И. Тимашев, «надлежит признать своевременным и желательным» [11, ф.23.оп.8, д.63, л.10 об.] В пользу скорейшего заключения Конвенции свидетельствовало увеличение товарообмена между Россией и Аргентиной. Уже за девять месяцев 1911 г. (с января по октябрь) экспорт из Аргентины в денежном эквиваленте составил 263 806 песо, а импорт русских товаров за это же время достиг суммы в 1 706 958 золотых песо 0,16% общего товарообмена России [11, д.63, л. 16 об.].

В заключительном варианте документа Россия оговаривала для себя льготы по отношению к торговле со Швецией, Норвегией и пограничными с Россией азиатскими государствами, а Аргентина оставляла за собой право предоставить льготы и привилегии всем государствам южноамериканского материка [1, ф. II Департамент I-IV, оп. 408, д.51, л. 22 об.]

В окончательном варианте Конвенция была подписана 15 марта 1913 г. «Объявляем через сие, что вследствие взаимного соглашения между нами и правительством Аргентинской республики признать за благо заключительную торговую Конвенцию, - гласил документ» [1, д.51, л. 43].

Подписание торговой Конвенции имело не столько экономическое, сколько юридическое и политическое значение. Для активизации торговли нужны были практические действия и, в первую очередь, наличие прямых пароходных линий. Русские товары, попадавшие в Аргентину через третьи страны, продавались по значительно более высокой цене, не принося существенных доходов России и нанося ущерб аргентинскому потребителю [8.С.258)]. Все дипломатические представители России в Аргентине неоднократно указывали на то, что товары, производимые в России, могли бы найти рынок сбыта в Аргентине, но для этого нужны были средства и более широкое дипломатическое представительство. «Когда мне случалось, - замечал бывший в это время в поездке по поручению Доброфлота В.Н. Китаев, - перечислять все то, что производится Россией, меня с удивлением спрашивали: “Как, неужели в России делают рельсы? Неужели есть бумагопрядильные и ткацкие фабрики? Неужели в России растет виноград?” И много вопросов в этом роде» [12, ф.403, оп.2, д.228, л. 250].

Для популяризации отечественных товаров требовалась реклама. Это мнение неоднократно высказывали российский консул в Буэнос-Айресе Ф.В.Пташник, и Чрезвычайный посланник и полномочный посол в Бразилии и Аргентине П.В. Максимов, предлагавшие устроить при консульстве постоянную выставку русских товаров с подробным указанием цен, способа отправки, упаковки, условий продажи. «Выставка,- писал Пташник,- должна состоять из керосина и его фабрикантов, минеральных масел, железа и стали, рельсов, вагонов, выделанных кож, кустарных изделий, лучших сортов хлопчатобумажных, льняных, шерстяных изделий, вин, линолеума, сухого варенья, бумаги писчей» [13, ф.107, оп.1, д.1930, л. 24.].

Следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство, несмотря на очевидную выгоду для русских предпринимателей в освоении новых рынков и объективную необходимость их поисков, начать реальные действия промышленники не спешили, и предпочитали без риска пользоваться уже отлаженной цепочкой посреднической торговли.

Похожая ситуация сложилась и в Бразилии, отечественные товары попадали сюда через посредников. «О важности экономического положения Бразилии в России не следует судить по таможенным статистическим данным или другим сведениям, - утверждалось в редакционной заметке в «Торгово-

промышленной газете», - т.к. в них указываются порты по экспорту для России, а не страны производители предметов этого экспорта; достаточно назвать шкуры бразильских козлят, которые прибывают в Россию с указанием других стран. Вот почему в отношении экспорта и импорта Россия и Бразилия просто мало знают друг друга» [14, 1915, 3 июля]. Как и в ситуации с Аргентиной, русские товары, попадали на бразильский рынок через третьи страны. Более того, ряд товаров выдавался за русские, и уже в силу этого пользовался определенной популярностью в стране.

В июле 1915 г. в Петрограде вышел первый номер «Официального журнала справок о Бразилии», издаваемый правительством Бразилии. Издателем журнала стал Ж.А. Барбоса Карнейро. В первом номере в обращении редакции к «Нашим читателям» автор писал: «Настоящий журнал издает правительством Бразилии, которое таким способом намеревается распространить сведения о Бразилии вообще и ее продуктах, и торговле в частности» [2, 1915, №1, с 3.] Основной своей задачей издатели считали популяризацию бразильской продукции, расширение российско-бразильской торговли, устранение посреднической торговли. Вслед за открытием официальных справочных бюро в Париже и Женеве, бразильское правительство поручило Августо Барбоса Карнейро ознакомить русскую публику с предметами экспорта Бразилии. Большую активность в попытках коммерческого сближения двух стран развил, и посланник Бразилии в Петрограде А.Песанья. В обращении к читателям «Официального журнала справок о Бразилии» (промышленникам и коммерсантам), Барбоса Карнейро предлагал бесплатную рассылку журнала, безвозмездное и полное содействие любым предложениям «всякого сближения русских коммерсантов с бразильскими» [2,1915, №1, с. 4.]. Журнал рекламировал среди широких слоев русского общества бразильские товары, которые могли бы быть популярны на российском рынке: кофе, какао, каучук, фрукты, кожи сухие, соленые и дубленые, карнаубу (род воска), капок (растительный продукт, заменяющих пух), тропические фрукты [7, 1915, №2, с.36].

В подтверждение популярности бразильских товаров в мире в журнале приводятся сведения бразильской прессы о подписании в Рио-де-Жанейро контракта между послами России, Франции и Англии, с одной стороны, и местными фабриками обуви «Минерва», «Коелью и. К» и «Бордалок и К» на поставку 2 тыс. пар ботинок в неделю для союзных войск в 1915 году [7, 1915, № 1, с. 16.] В июле 1915 г. «Торгово-промышленная газета» опубликовала интервью с Б. Карнейро под многообещающим заголовком: «К развитию товарообмена между Россией и Бразилией. Бразилия, как поставщик кофе, каучука, хлопка, какао, мате, кожи, карнаубы на русский рынок» [14, 1915, 3 июля] Барбоса Карнейро утверждал, что торговые интересы могут и должны быть взаимными и многие русские товары найдут сбыт на бразильском рынке.

Рекламируя качество бразильского кофе и какао, Барбоса Карнейро приводил сведения о значительном увеличении экспорта какао в 1914 г. [14,1915,3 июля].

Заинтересованный в развитии торговли, Барбоса Карнейро умолчал, что за этот же период упал экспорт кофе. Для Бразилии сокращение экспорта кофе было тем ощутимее, что он составлял 62,3% всего бразильского экспорта [14.1915,3 июля]. За годы войны значительно уменьшилась и добыча каучука.

Взаимное сближение России и Бразилии тормозили общие для стран Южной Америки обстоятельства: посредническая торговля и отсутствие прямых пароходных сообщений. Интервью Барбоса Карнейро закончил на оптимистической ноте: «Экономические интересы обоих государств могут базироваться лишь на взаимной пользе. Исходя из этой точки зрения коммерческие сферы этих государств, несомненно, учтут громадное значение совместных шагов к объединению и осуществят меры, которые приведут к организации непосредственного товарообмена между Россией и Бразилией» [14, 1915,3июля].

Несмотря на значительные сложности (наличие однородного хозяйства, конкуренцию на мировом рынке), между Россией и странами Южной Америки, существовал товарообмен.

Следует заметить, что возможность сбыта легкой и пищевой промышленности, на которые в Аргентине и в Бразилии существовал спрос была обусловлена значительной эмиграцией из Российской Империи в эти страны.

Расширению торговых контактов, безусловно, мешала посредническая торговля, отсутствие прямых пароходных сообщений, зависимость южноамериканских стран от иностранного капитала. В силу этих обстоятельств, Россия не смогла в полной мере реализовать себя на новом перспективном рынке.

Список литературы:

1. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ), ф. II Департамент. I-IV р.1, оп. 408, д. 51, л.4, л.22, л.22об. л.43.
2. Барбоса- Карнейро Ж.А.К нашим читателям // Официальный журнал справок о Бразилии - Петроград, 1915. - № 1. - С. 3-4.
3. Власть и реформы. От самодержавия к советской России- СПб.: Из-во «Дмитрий Буланин»,1996. – 801с.
4. Ганелин Р.Ш. Попытки развития экономических связей между Россией и Латинской Америкой в конце XIX – нач. XX в. / Монополии и иностранный капитал. М., Л: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 315-358.
5. История внешней политики России конца XIX-началаXXвв. (от русско-французского союза до Октябрьской революции - М.: Международные отношения 1997. - 672с.

6. Н-ов, Новые рынки для русской промышленности // Новое время - 1910. - 2 марта, 3 марта
7. Официальный журнал справок о Бразилии. 1915, №1. С. 36 ; ,№2. С. 16.
8. Путьтова Э.Г. Внешнеторговые связи России и Южной Америки в конце XIX - начале XX в. // Власть, общество и реформы в России XVI - начало XXв. СПб.: Из-во С-Петербургского университета, 2004. – 534 с.
9. Промышленность и торговля - 1908. - №8 ; 1910. - № 11.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.20, оп. 7, д. 32, л.1.
11. РГИА, ф. 23, оп. 8, д. 63, л. 1, л.22, л.23, л.10об.л.16 об.
12. РГИА, ф. 403, оп. 2, д. 228, л. 250.
13. РГИА, ф. 107, оп. 1, д.1930, л. 24.
14. Торгово-промышленная газета - 1915 - 3 июля.

Рабуш Таисия Владимировна

доктор исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 6195-2301

О РОЛИ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА КОСЫГИНА В АФГАНСКИХ СОБЫТИЯХ 1978–1979 ГГ.

Аннотация: Достаточно большое количество исследований рассматривают личность и историческую роль А.Н. Косыгина в связи с его экономической реформой и в целом с его хозяйственной деятельностью. Работ, исследовавших роль Косыгина в советской внешней политике, существенно меньше. В этой статье автор предпринял попытку исследовать роль Косыгина в советско-афганских отношениях от Апрельской революции 1978 г. и до ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. В статье использованы архивные документы.

Ключевые слова: афганская война, Афганистан, Косыгин, афганский конфликт, внешняя политика СССР, холодная война, история СССР, советско-афганские отношения.

ABOUT THE ROLE OF ALEXEY NIKOLAEVICH KOSYGIN IN THE AFGHAN EVENTS OF 1978–1979

Summary: A large number of studies examine the personality and historical role of A.N. Kosygin in connection with his economic reform and in general with his economic activities. There are significantly fewer works examining Kosygin's role in Soviet foreign policy. In this article, the author attempted to explore the role of Kosygin in Soviet-Afghan relations from the April Revolution of 1978 until the entry of Soviet troops into Afghanistan in December 1979. The author uses archival documents.

Keywords: Afghan war, Afghanistan, Kosygin, Afghan conflict, USSR foreign policy, Cold War, history of the USSR, Soviet-Afghan relations.

Роль личности и деятельности А.Н. Косыгина в «брежневский» период советской истории очень велика и, как представляется автору настоящей статьи, еще не исследована в достаточной степени. В 1964–1980 гг. Алексей Николаевич занимал пост Председателя Совета министров СССР, был членом Политбюро ЦК КПСС с 1960 г. и членом Политбюро ЦК ВКП(б) еще ранее, с 1948 г., словом, на протяжении долгого времени он входил в число первых и самых влиятельных лиц Советского государства. Подавляющее большинство исследований (начиная от статей в сборниках конференций и заканчивая диссертациями), посвящённых деятельности А.Н. Косыгина, исследуют в

основном его внутривластную деятельность, и в особенности экономическую реформу 1965 г. [2; 5; 6; 8–11; 16; 18; 19; 21]. Какой же была роль Алексея Николаевича во внешней политике СССР, каким было его отношение – и как политика, и даже как человека – к разным направлениям внешней политики и актам в советской внешнеполитической сфере, как правило, остаётся «за кадром», исследований в этом направлении очень немного [1; 20]. В настоящей статье автор хочет ответить на вопрос, который ещё не становился темой отдельного исследования: какую роль А.Н. Косыгин сыграл в афганских событиях 1978–1979 гг., и какие действия он предпринимал в отношении этих событий? К сожалению, в распоряжении исследователя имеется мало документального материала, способного пролить свет на вынесенный в заголовок статьи вопрос, но тем не менее, автор попытается ответить на этот вопрос, даже имея в своем распоряжении довольно небольшой круг документов.

Прежде чем перейти непосредственно к заявленной в заголовке темы, следует кратко напомнить основные события, имевшие место в Афганистане в 1970-е гг. и ранее. РСФСР и Афганистан установили дипломатические отношения в первые же годы после Октябрьской революции 1917 г. и установления на территории России советской власти, в феврале 1921 г. [17, с. 28–31]. На протяжении последующих десятилетий сначала РСФСР, а потом уже и СССР стремились поддерживать с монархическим Афганистаном дружественные добрососедские отношения. В 1970-е гг. Афганистану пришлось пройти через два военных переворота с разницей менее чем в пять лет: летом 1973 г. кузен афганского короля М. Дауд при поддержке воинских подразделений захватил власть, объявил о свержении короля и стал первым в афганской истории президентом этой страны. А в конце апреля 1978 г. ряд офицеров афганских воинских частей совершили государственный переворот и свергли М. Дауда. В результате этих событий, известных под названием Апрельской революции 1978 г., к власти в Афганистане пришла НДПА (Народно-Демократическая партия Афганистана), ориентированная на СССР и намеренная в своей внешней и внутренней политике придерживаться социалистической ориентации. Советский Союз стал самым первым государством мира, осуществившим дипломатическое признание нового афганского правительства [7, с. 332–333.].

Как глава советского правительства, Алексей Николаевич Косыгин в 1978 г. принимал участие во встречах на высшем уровне с политическим руководством Афганистана. Так, в декабре 1978 г. состоялся официальный визит Генерального секретаря ЦК НДПА, Председателя Революционного совета и премьер-министра Демократической Республики Афганистан (далее также ДРА) Н.М. Тараки и министра иностранных дел ДРА Х. Амина в Москву, где они были приняты в том числе и Председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным, а также другими высшими официальными лицами Советского Союза [3, с. 226–231]. Именно в ходе этого визита был подписан

значимый советско-афганский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г. [3, с. 223–226].

Однако, становление нового афганского политического режима не было безоблачным – в кратчайшие сроки после Апрельской революции и установления власти НДПА в стране разгорелась гражданская война между новым политическим режимом и его сторонниками с одной стороны, и противниками НДПА с другой стороны. Крайне напряженной точкой в этом противостоянии стал Гератский мятеж, состоявшийся в середине марта 1979 г., в котором приняли участие афганские регулярные войска, заняв сторону мятежников. Председатель Революционного совета ДРА и Генеральный секретарь ЦК НДПА (по факту политический глава страны) Н.М. Тараки был крайне встревожен событиями в Герате и перспективами их возможных последствий.

18 марта 1979 г. состоялся телефонный разговор А.Н. Косыгина и Н.М. Тараки, в ходе которого глава Афганистана очень непрозрачно намекал на крайнюю необходимость хотя бы непрямого советского военного вмешательства в ситуацию в Герате. Алексей Николаевич занял сдержанную позицию, отказываясь от любых обещаний оказания военной помощи посредством отправки военных специалистов и говорил только о том, что входило в рамки его полномочий как главы советского правительства – а именно о поставке вооружений, об оказании финансовой помощи и т.д.

С 17 по 19 марта 1979 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС «Об обострении обстановки в Демократической Республике Афганистан и наших возможных мерах» [14], в ходе которого члены Политбюро детально обсудили ситуацию в Герате, её влияние на развитие дальнейших событий в Афганистане, в том числе и на устойчивость местной государственной власти, и рассмотрели варианты оказания влияния и помощи со стороны Советского Союза, возможные в данной ситуации. Если рассматривать конкретно предложения А.Н. Косыгина, то он предложил поднять закупочную цену на афганский газ и предоставить афганцам требуемое им оружие бесплатно и в кратчайшие сроки, а также увеличить поставки зерна [14, Л. 5]. Также он отметил, что «не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск. Пусть они у себя создают специальные части, которые могли бы быть переброшены на более острые участки для подавления мятежников» [14, Л. 7], и что «войска вводить не можем, потому что они будут воевать не против армии, которая... отсиживается по углам, а против народа. Минусы у нас будут огромные. Целый букет стран немедленно выступит против нас. А плюсов никаких тут для нас нет» [14, Л. 16].

20 марта Н.М. Тараки прилетел в Москву, где лично беседовал с председателем Совета министров СССР А.Н. Косыгиным, министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым, заведующим Международным отделом ЦК КПСС Б.Н.

Пономаревым [15], после чего также состоялась его личная беседа с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым. Н.М. Тараки запросил у советской стороны «бронированные вертолеты, дополнительное количество бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также современные средства связи» и добавил, что «если будет изыскана возможность направления персонала для их обслуживания, то это было бы очень большой помощью». А.Н. Косыгин отметил, что в марте «будет дополнительно и безвозмездно поставлены 33 шт. БМП-1, 5 шт. МИ-25, 8 шт. МИ-8Т, а также 50 шт. БТР-6, 25 шт. бронированных разведавтомобилей, 50 шт. противосамолетных установок на подвижных средствах, зенитная установка “Стрела”. 18 марта к вам уже направлено 4 вертолета МИ-8, 21 марта поступит еще 4 вертолета. Все это предоставляется вам безвозмездно» [15, Л. 10]. Также А.Н. Косыгин в начале беседы повторяет свои соображения касательно минусов прямого военного вмешательства Советского Союза во внутреннюю ситуацию в Афганистане [15, Л. 1–4]. Когда Н.М. Тараки вновь повторяет просьбы об отправке в Афганистане пилотов и танкистов из СССР или из других социалистических стран, А.Н. Косыгин отвечает: «думаю, что соцстраны вряд ли пойдут на это. Вопрос о направлении людей, которые сели бы в ваши танки и стреляли в ваших людей – это очень острый политический вопрос» [15, Л. 12].

После Гератского мятежа советская военная помощь Афганистану возросла, что легко проследить по соответствующим архивным документам (достаточно подробно эта тема исследована автором в одной из его статей [12]), но тем не менее, гражданская война становилась все интенсивней, особенно с осени 1979 г. В первой половине декабря того же года советским политическим руководством было принято решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан. В Российском государственном архиве новейшей истории доступен документ, являющийся доказательством этого решения – рукописная записка «К положению в “А”» размером в две страницы [13]. На записке имеются подписи нескольких членов Политбюро (Л.И. Брежнев, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко), однако подписи А.Н. Косыгина на записке нет, и упоминания о его присутствии тоже нет. Значит ли это, что Косыгин осмелился выступить против ввода войск в Афганистан и на этом основании отказался поставить свою подпись? Или это свидетельствует о том, что Косыгин был отстранен от принятия данного внешнеполитического решения, и его попросту не пригласили на ту встречу, на которой и была создана знаменитая для всех знакомых с историей афганской войны 1979–1989 гг. записка? На этот вопрос в настоящее время не существует ответа.

Дальнейшее, уже после ввода ОКСВ в Афганистан, развитие событий делает возможным оба предложенных выше варианта. Начиная с первых же недель 1980 г., то есть практически сразу же после советского военного вовлечения в афганский конфликт, А.Н. Косыгин относительно событий в Афганистане «уходит в тень» и никак не влияет на их дальнейшее развитие и даже не фигурирует в процессах принятия любых решений, связанных с

Афганистаном (впрочем, в довольно скором времени, в декабре 1980 г., А.Н. Косыгин умер). Это может иметь причиной как его сознательный отказ от участия в данных событиях вследствие несогласия с ними; так и его отстранение другими членами Политбюро от этого участия. В любом случае, этот вопрос ещё предстоит прояснить исследователям в будущем. А сейчас можно лишь констатировать факт, что А.Н. Косыгин, принимавший деятельное участие (как и подобает главе правительства страны) в советско-афганских отношениях до примерно лета 1979 г., после принятия решения о вводе войск перестаёт это участие принимать. Но причина такого изменения может быть выяснена только в будущем, на основании архивных документов, которые сейчас очевидно засекречены.

Список литературы:

1. Абрамов С.В. «Челночная» дипломатия советского премьер-министра А.Н. Косыгина // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. – 2011. – № 13. – С. 106–121.
2. Будкевич Г.В. Косыгин А.Н., как политик и «человек системы», смотрящий в будущее // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2015. – № 4. – С. 36–49.
3. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1978 год: Сборник документов / Сост. И.А. Кириллин, Н.Ф. Потапова. – М.: Международные отношения, 1979. – 264 с.
5. Егорычев Н.Г. Он шёл своим путём: экономическая реформа управления А.Н. Косыгина // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). – 2021. – № 1. – С. 42–63.
6. Закалин А.Ю., Сатосов В.В. Косыгин А.Н. – министр финансов СССР // Экономика и социум. – 2017. – № 5-1 (36). – С. 509–512.
7. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.
8. Карасев Е.С. Личность А.Н. Косыгина как образец имиджа руководителя мирового масштаба // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2018. – № 1. – С. 138–143.
9. Кришталь В.В. Алексей Николаевич Косыгин: "Я ведь не политик, я инженер" // Экономическое возрождение России. – 2007. – № 4 (14). – С. 87–93.
10. Кудашин А.С. Партийная и государственная деятельность А.Н. Косыгина (1939–1980 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 2005. – 19 с.
11. Рабкин С.В. Реформы А.Н. Косыгина: исторический аспект поиска неведущих факторов институционального развития // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 5. – С. 29–50.
12. Рабуш Т.В. К вопросу о росте объемов советской военной помощи Афганистану в 1978–1979 годах // Вестник НГУ (Новосибирского

- государственного университета). Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17. № 8: История. – С. 127–135.
13. РГАНИ. – Ф. 89. – Оп. 14. – Д. 31. – 2 листа.
14. РГАНИ. – Ф. 89. – Оп. 25. – Д. 1. – 25 листов.
15. РГАНИ. – Ф. 89. – Оп. 42. – Д. 3. – 15 листов.
16. Савченко Д.П. Деятельность А.Н. Косыгина по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 2005. – 28 с.
17. Советско-афганские отношения. 1919–1969 гг. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1971. – 439 с.
18. Тарасов Е.Н. Соратники: два министра лёгкой промышленности СССР – А.Н. Косыгин и Н.Н. Тарасов // Текстильная и легкая промышленность. – 2018. – № 1. – С. 5–8.
19. Шабельник Н.В., Разуваев Г.Д. Реформа А.Н. Косыгина: альтернативный путь развития советской экономики // История науки и техники. – 2023. – № 1. – С. 34–40.
20. Эса Сеппянен. Президент У.К. Кекконен и премьер А.Н. Косыгин // Международная жизнь. – 2007. – № 1–2. – С. 125–132.
21. Ядгаров Я.С. Особенности реформаторских воззрений советского периода (к 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.) // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16, № 2. – С. 329–345.

Размахнина Анастасия Александровна

младший научный сотрудник

Государственный Эрмитаж

К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ В ФОКУСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: Данная статья посвящена характеристике личности и деятельности К.В. Нессельроде в отечественной историографии. Несмотря на значительную роль этого государственного деятеля в истории Российской империи, отечественные исследователи редко обращались к его биографии и службе. До недавнего времени не было создано ни одного отдельного научного труда, посвященного К.В. Нессельроде. Исследователи преимущественно обращались к личности этого деятеля в контексте внешней политики Российской империи, лишь характеризуя его курс на посту управляющего Министерством иностранных дел. В статье анализируется ряд исследований, относящихся к дореволюционному, советскому и современному периодам отечественной исторической науки. Отражены основные положения, характерные для каждого из указанных периодов.

Ключевые слова: К.В. Нессельроде, К. Меттерних, историография, Министерство иностранных дел, дипломатия.

K.V. NESSELRODE IN THE FOCUS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary: This article is devoted to the personal characteristics and professional life of K.V. Nesselrode in Russian historiography. Despite the significant role of the statesman in the history of the Russian Empire, researches rarely write about his biography or diplomatic service. Until recently, not a single academic work was created and dedicated solely to K.V. Nesselrode. Researches have primarily addressed the personality of the statesman in the context of the foreign policy of the Russian Empire, giving the assessment of his activities as Managing Minister of Foreign Affairs. The article analyzes a number of research studies relating to the pre-revolutionary, Soviet and modern periods of Russian history. This article reflects on the main provisions of each historical period.

Keywords: K.V. Nesselrode, K. Metternich, historiography, Ministry of Foreign Affairs, diplomacy.

Граф Карл Васильевич Нессельроде на протяжении сорока лет возглавлял Министерство иностранных дел Российской империи. На годы его службы выпало множество событий, которые коренным образом повлияли как на отечественную, так и на мировую историю. Однако в отечественной исторической науке к изучению личности и деятельности К.В. Нессельроде до недавнего времени обращались крайне редко. Одной из первых работ,

посвященных этой теме, можно назвать труд А.В. Терещенко «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России» в трёх томах 1837 года. Статья о К.В. Нессельроде была подготовлена А.В. Терещенко для третьего тома, посвящённого вице-канцлерам Российской империи. По существу, статья является довольно подробной биографической справкой о графе Нессельроде. Несмотря на то, что в этой работе автор не даёт никаких оценок и характеристик деятельности управляющего Министерством иностранных дел, само ее появление является довольно ценным для дальнейших исследователей.

Научные труды, в которых даётся оценка личности и деятельности К.В. Нессельроде, характерны уже для второй половины XIX века. В первую очередь стоит отметить целую серию работ С.С. Татищева о царствованиях Александра I и Николая I. Особый интерес представляют два труда С.С. Татищева, первым из которых является «Внешняя политика императора Николая Первого» 1887 года. Данная работа посвящена истории внешней политики николаевской эпохи вплоть до начала Крымской войны. Так как на протяжении всего царствования императора Николая I внешней политикой Российской империи руководил К.В. Нессельроде, то неудивительно, что автор часто обращается к анализу предпринятых действий графом, характеристике его решений и их последствий. Будет вернее сказать, что исследователь фокусируется на оценке решений, как и К.В. Нессельроде, так и всего правительства по ряду важнейших внешнеполитических вопросов, которые постепенно вели Российскую империю к Крымской войне.

В тексте С.С. Татищев воздерживается от общих оценок личности К.В. Нессельроде. Однако он обращается к анализу достаточно закрепившегося мнения, перешедшего из общественного дискурса в научные исследования, о «проавстрийском» курсе графа Нессельроде. Автор отмечает, что граф Нессельроде был «послушным и преданным учеником» [11, с. 12] австрийского канцлера К. Меттерниха. С.С. Татищев не утверждает, что исключительно К.В. Нессельроде был апологетом союзнических отношений с Австрией, а кроме того, указывает на отход от ряда воззрений относительно этого союза во время восточного кризиса 30-40-х гг. XIX века. Также С.С. Татищев критикует ряд решений главы министерства [11, с. 611]. Подводя некоторые выводы, автор не обвиняет исключительно К.В. Нессельроде в дипломатическом курсе, приведшем страну к Крымской войне и поражению, а скорее указывает на череду ошибок всего царского правительства [11, с. 637-639].

На контрасте с этой работой крайне интересен другой труд С.С. Татищева «Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи» 1890 года. Довольно сложно судить с чем связана перемена и резкость высказываний автора, которые встречаются в работе: вероятнее всего это связано с тем, что более ранняя работа издавалась под контролем Министерства народного просвещения и была рекомендована для библиотек средних учебных заведений. В своем исследовании С.С. Татищев

пишет о «проавстрийской» политике русского канцлера и непосредственном влиянии на всю его деятельность австрийского канцлера К. Меттерниха [12, с. 25]. Кроме того, автор обращается к личностным характеристикам К.В. Нессельроде: «Ничтожество и бесцветность Нессельроде» [12, с. 48]. В работе постоянно указывается на некомпетентность канцлера в качестве главы Министерства иностранных дел. Стоит отметить, что и в других трудах С.С. Татищева можно встретиться лишь с резкой критикой личности и деятельности К.В. Нессельроде.

Среди других дореволюционных трудов, стоит отметить работу К.А. Скальковского «Внешняя политика России и положение иностранных держав» 1901 года. Автор затрагивает некоторые биографические сведения о жизни графа, а также дает общую характеристику его деятельности и воззрений. Например, К.А. Скальковский, как и другие исследователи, указывает на сильное влияние К. Меттерниха на деятельность К.В. Нессельроде [8, с. 19]. Кроме того, автор обращает внимание на некомпетентность графа во главе Министерства: «Некоторые депеши, казалось, написаны представителем третьестепенной державы. Нессельроде не знал также Востока» [8, с. 19]. В целом, этими сведениями о К.В. Нессельроде автор ограничивается, несмотря на то что работа посвящена внешнеполитической деятельности Российской империи в XIX веке.

Довольно резко отличается работа М.И. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его времена» в шести томах, издаваемых в 1869-1871 гг. Так в пятом томе автор даёт довольно положительную оценку личности Нессельроде и пишет, что граф был «деликатный и приветливый со всеми, живой и весёлый в салонах, был одарён большими природными способностями» [1, с. 5]. В целом, при анализе довольно сжатой характеристики личности и деятельности графа Нессельроде, можно сделать вывод, что М.И. Богданович положительно оценивает этого деятеля. В его работе нельзя встретить обвинений в некомпетентном дипломатическом курсе канцлера Нессельроде.

В советский период было написано множество важнейших трудов о царствовании императоров Александра I и Николая I, а также о внешней политики Российской империи в первой половине XIX века. Однако довольно интересно, что из исследовательского поля зрения личность К.В. Нессельроде как будто исчезла. Среди исследований советского периода о внешнеполитической деятельности Российской империи в первой половине XIX века нечасто встречаются упоминания о деятельности К.В. Нессельроде. Стоит отметить, что и отдельных работ, посвящённых К.В. Нессельроде, за этот долгий период издано не было.

Однако существует ряд работ, в которых авторы довольно подробно обращались к личности канцлера, а также к оценке его деятельности. Одной из важнейших работ, в которой подробно даётся характеристика деятельности К.В. Нессельроде, является «Крымская война» в двух томах Е.В. Тарле. В

тексте описывается предыстория военного конфликта, его основные этапы и мирное урегулирование после окончания боевых действий. Неудивительно, что Е.В. Тарле уделяет большое внимание деятельности графа Нессельроде, ведь именно поражение Российской империи в этой войне традиционно является главной причиной для критики его политического курса. Е.В. Тарле дает крайне негативную оценку личности Нессельроде и его деятельности во главе Министерства иностранных дел. Автор именуется графа «верным приказчиком» [10, с. 52] императора Николая I и отмечает, что его основной целью было сохранить свое место: «И он сорок лет с лишком просидел на этом месте. Николай застал его, входя на престол, и оставил его на этом же месте, сходя в могилу. Угодать и лгать царю, угадывать, куда склоняется воля Николая, и стараться спешно забежать вперед в требуемом направлении, стилизовать свои доклады так, чтобы Николай вычитывал в них только приятное, - вот какова была движущая пружина всей долгой деятельности русского канцлера. Но царь обыкновенно его ни о чем не спрашивал, и, входя в кабинет для доклада, Карл Васильевич никогда не знал в точности, с какими политическими убеждениями сам он отсюда сегодня выйдет» [10, с. 56].

Одним из главных обвинений в адрес графа является умышленное искажение положения внешнеполитических дел с целью получения расположения императора: «Откуда Нессельроде это взял? В самом ли деле он до такой уж степени ровно ничего не понимал в происходящих событиях, в наступающих крутых переменах? Себя ли самого убаюкивал лживый и льстивый раб своими умильными речами или сознательно обманывал властелина и деспота, избалованного долгим счастьем, беспредельной властью, безмерным низкопоклонством?» [10, с. 113]. Кроме того, Е.В. Тарле согласен и с тезисом о «проавстрийской» позиции русского канцлера и влиянии на него австрийского канцлера К. Меттерниха: «Нессельроде был настолько похож на Меттерниха (сознательно стараясь походить на него), насколько бездарный и ограниченный человек может походить на умного и даровитого» [10, с. 55]. В данной работе невозможно встретить ни одной даже нейтральной характеристики личности или деятельности К.В. Нессельроде. Довольно сложно судить на основании чего академик Тарле дает подобные оценки и приводит ряд сведений, так как большая часть из них остаётся без разъяснения и ссылок на источники.

Также стоит отметить первый том «Истории дипломатии» под редакцией В.П. Потёмкина. Часть этого тома была также подготовлена Е.В. Тарле, где автор анализирует события, современником которых был К.В. Нессельроде. Общая характеристика личности и деятельности графа Нессельроде, приводимая в этой работе, схожа с описанной ранее. Однако в «Истории дипломатии» Е.В. Тарле частично описывает и дипломатию времен императора Александра I. В этом фрагменте так же приводятся сведения о крайне высокой степени влияния К. Меттерниха на К.В. Нессельроде [4, с. 387]. Кроме того, внимания заслуживает характеристика взаимоотношений К.В. Нессельроде и

И.А. Каподистрии, на которой заостряет внимание автор. Интересно, что два государственных деятеля достаточно ясно противопоставляются друг другу [4, с. 387-388]. В целом, в этой работе можно встретить гораздо меньше упоминаний о К.В. Нессельроде, чем в «Крымской войне».

Необходимо сказать и об исследовании В.А. Георгиева «Внешняя политика России на ближнем востоке в конце 30-х - начале 40-х годов XIX в.». Несмотря на то, что труд посвящен сравнительно небольшому периоду истории внешней политики Российской империи, автор довольно часто обращается к личности К.В. Нессельроде и оценке его действий как главы внешнеполитического ведомства. Стоит отметить, что общая оценка В.А. Георгиева отличается от оценок Е.В. Тарле. В этой работе дается скорее нейтральная оценка профессиональных качеств К.В. Нессельроде: «Никогда не отличаясь смелостью, решительностью и широтной взглядов, Нессельроде был прекрасным министром при таком императоре, как Николай I. Внешней повинясь возле царя, вице-канцлер, тем не менее, сдерживал авантюрные планы своего государя» [2, с. 89]. Так, автор справедливо комментирует его решения и действия, давая как положительные, так и негативные оценки. В.А. Георгиев, в отличие от Е.В. Тарле, не считает, что граф в угоду расположению императора Николая I каким-либо образом искажал положение дел на Востоке и в Европе. При этом, в исследовании автор скорее согласен с тезисом о «проавстрийской» позиции канцлера Нессельроде, но подчеркивает, что тот искал и возможность создания союза с Великобританией [2, с. 90-91].

В 1990-е гг. среди исследователей резко возрос интерес к истории международных отношений и истории дипломатии Российской империи в XIX веке. Именно поэтому последние три десятилетия значительно возросло количество работ, посвящённых жизни и службе К.В. Нессельроде. В 2002 году к 200-летию учреждения Министерства иностранных дел была выпущена работа «Очерки истории Министерства иностранных дел России» в трёх томах коллективом авторов. Особый интерес представляет часть «Нессельроде Карл Васильевич» В.Б. Михайлова. Данная работа интересна по причине того, что является отправной точкой возрастающего интереса к изучению личности и деятельности К.В. Нессельроде. В.Б. Михайлов предлагает новую для отечественной историографии позитивную оценку деятельности графа: «Нессельроде не только «один управлял делами», касающимися его ведомства, но и руководил крупномасштабными дипломатическими операциями, приведшими к благополучному разрешению двух ближневосточных кризисов и вызвавшими позитивные изменения в структуре международных отношений в Европе так же, как и во внешнеполитической системе Российской империи» [7, с. 109].

Отметим и статью Г.А. Гребенщиковой «Карл Роберт Нессельроде: к 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету» 2010 года, посвященную биографии и характеристики деятельности графа. Статья Г.А. Гребенщиковой интересна как первая современная попытка довольно подробного изучения

личности К.В. Нессельроде. Автор, анализируя различные источники, дает собственную характеристику деятельности графа. Так Г.А. Гребенщикова достаточно высоко оценивает личные качества К.В. Нессельроде, обращает внимание на его опыт, однако заключает: «он совершенно не подходил для роли политика такого уровня, каким стал волей обоих императоров» [3, с. 99.].

Стоит выделить статью Е.П. Кудрявцевой «Два канцлера: Меттерних и Нессельроде» 2019 года, в которой автор обращается к характеристике этих двух государственных деятелей, а также исследует их взаимоотношения. Основное внимание в этой работе приковано к доказательству того, что К.В. Нессельроде не был «верным учеником Меттерниха», о чем на протяжении более века писали многие исследователи. На основе целого ряда сведений, Е.П. Кудрявцева приходит к выводу, что «Нессельроде не был слепым последователем всех внешнеполитических инициатив австрийского канцлера. Он умел выдвигать и отстаивать собственную точку зрения в условиях сложных политических коллизий европейской политики» [6, с. 45.]. Статья крайне важна, по причине того, что впервые исследователем предпринимается попытка поэтапно опровергнуть одно из самых частых обвинений в адрес политики канцлера Нессельроде – служение на благо союзу с Австрией.

Говоря о крупных работах, следует упомянуть третий том «Истории внешней политики России» 2018 года. Коллектив авторов, к числу которых относятся О.В. Орлик, В.Б. Михайлов, В.Н. Пономарев и другие, обращаются к личности К.В. Нессельроде. В данной работе прослеживается существенное изменение во взглядах, относительно характеристики деятельности К.В. Нессельроде, если сравнивать с оценками более раннего периода. Так, в тексте довольно подробно описываются основные направления внешней политики Российской империи в первой половине XIX века, а также обозначается позиция канцлера по многим международным вопросам. Авторы вновь отмечают ошибочность суждений о влиянии К. Меттерниха на политические взгляды К.В. Нессельроде на протяжении всей его службы [5, с. 205.]. В рассматриваемом труде представляется не односложный образ деятеля, как однозначно «плохого» или «хорошего». Скорее авторы описывают достижения графа Нессельроде на посту главы внешнеполитического ведомства, но и обращают внимание на его промахи, которые оценивают критически [5, с. 410.].

Последним современным исследователем, о котором необходимо сказать, является Н.П. Танышина. В последние годы автором был подготовлен целый ряд статей и научных трудов, которые обращаются к личности графа Нессельроде. Однако стоит отдельно выделить именно работу «К.В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом» 2021 года, которая является первым и единственным на сегодняшний день научным исследованием, посвященным истории жизни и службы К.В. Нессельроде. Безусловно, вклад этой работы в изучение отечественной истории крайне велик. Во-первых, автор использует большое количество опубликованных и неопубликованных источников, которые другие исследователи игнорировали десятилетиями. Во-вторых, Н.П.

Таньшина приводит целый ряд сведений о биографии канцлера Нессельроде, которые были неизвестны в отечественной исторической науке. В-третьих, автор уверенно оспаривает целый ряд утвердившихся тезисов о характеристике деятельности К.В. Нессельроде.

Так Н.П. Таньшина вновь обращается к теме влияния К. Меттерниха на деятельность К.В. Нессельроде во внешнеполитических делах. Основываясь на архивных документах и опубликованных источниках, автор приводит доказательства, что австрийский канцлер Меттерних вовсе не имел какого-либо влияния на русского канцлера Нессельроде. Приводятся сведения, что граф Нессельроде был прекрасно осведомлён о «дипломатической игре» своего австрийского коллеги [9, с. 170-175.]. В целом, данное исследование представляет возможность взглянуть на личность К.В. Нессельроде и его деятельность заново и переосмыслить многие внешнеполитические вопросы, участником которых он был. Н.П. Таньшина весьма высоко оценивает личность графа и его вклад во внешнюю политику Российской империи в первой половине XIX века.

Характеризуя общие тенденции в дореволюционных, советских и современных исследованиях стоит отметить следующие черты. За исключением нескольких работ, для дореволюционной историографии скорее характерно негативное отношение к личности и решениям графа Нессельроде в качестве главы русской дипломатии. Для советской историографии свойственна негативная оценка К.В. Нессельроде. Кроме того, в этот период отмечается сравнительно невысокий интерес к этому государственному деятелю. Однако, существенные перемены наблюдаются в современной историографии. Исследователи более детально обращаются к анализу многих событий, участником которых был К.В. Нессельроде. Авторы предлагают новые взгляды на утвердившиеся ранее тезисы о личности и деятельности русского канцлера. К тому же фиксируется увеличение интереса исследователей к изучению не только деятельности, но и биографии К.В. Нессельроде.

Список литературы:

1. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его времена. Том V. – СПб.: Изд. Тип. Ф. Сушинского, 1871. – 641 с.
2. Георгиев В.А. Внешняя политика России на ближнем востоке в конце 30 - начале 40-х годов XIX в. – М.: Издательство Московского университета, 1975. – 200 с.
3. Гребенщикова Г.А. Карл Роберт Нессельроде: к 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // Клио. – 2010. – №2 (49). – С. 98-108.
4. История дипломатии. В 3-х т. Т. 1. / Под ред. В.П. Потемкина. – М., Л.: Государственное издательство политической литературы, 1941. – 566 с.

5. История внешней политики России: в 5 т. Т. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) // Ред. О.В. Орлик и др. – М.: «Академический проект», «Парадигма», 2018. – 441 с.
6. Кудрявцева Е.П. Два канцлера: Меттерних и Нессельроде // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – 1 (64). – С. 45-58.
7. Михайлов В.Б. Нессельроде Карл Васильевич // Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. – М., 2002. – С. 100-113.
8. Скальковский К.А. Внешняя политика России и положение иностранных держав. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. – 704 с.
9. Танышина Н.П. К.В. Нессельроде: Искусство быть дипломатом. – СПб.: «Евразия», 2021. – 352 с.
10. Тарле Е.В. Крымская война в 2 т. Т. 1. – М.: Изд. «Юрайт», 2024. – 599 с.
11. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого: Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1887. – 648 с.
12. Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. – СПб.: Изд. Типография А.С. Суворина. 1890. – 582 с.
13. Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. В 3-х ч. Ч. III. Вице-канцлеры. – СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1837. – 225 с.

Родионов Игорь Михайлович

аспирант

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления (филиал)

SPIN-код: 7630-5568

БОЕВОЙ ПУТЬ 6 ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В 1941 Г.

Аннотация: в статье отмечается, что стрелковые войска составляли основу сухопутных сил РККА, а основным тактическим соединением была стрелковая дивизия. 120 - я стрелковая дивизия, сформированная в Орловском военном округе, накануне Великой Отечественной войны, принимала участие в боевых действиях с самого начала войны. Особенно успешно дивизия действовала во время Ельнинской операции 1941 г. За проявленные мужество и героизм дивизия одна из первых в стране была удостоена почетного наименования «гвардейская». За бои под городом Ельня, дивизия была преобразована в 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Не менее успешно дивизия действовала в осенних боях, сдерживая наступление фашистских войск на Москву.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, Ельнинская операция, дивизия, 120-я стрелковая дивизия, 6 гвардейская стрелковая дивизия.

COMBAT ROUTE OF THE 6TH GUARDS RIFLE DIVISION IN 1941

Summary: The article notes that rifle troops constituted the main branch of the ground forces of the Red Army, and the main combined arms tactical formation was the rifle division. The 120th Rifle Division, formed in the Oryol Military District on the eve of the Great Patriotic War, took part in hostilities almost from the very beginning of the war. The division operated especially successfully during the Elninsky operation of 1941. For its courage and heroism, the division was one of the first in the country to be awarded the honorary name "Guards". For the battles near the city of Yelnya, the division was reorganized into the 6th Guards Rifle Division. The division acted no less successfully in the autumn battles, holding back the advance of fascist troops on Moscow.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Elninsk operation, division, 120th Rifle Division, 6th Guards Rifle Division.

С момента образования Советского государства начались серьезные преобразования в армии. Старая армия фактически была уничтожена. Она уже не могла выполнять те задачи, которые перед ней стояли по защите территории страны от иностранной военной угрозы. Начался процесс формирования новой армии. Прежде всего, это проявилось в переходе к созданию регулярных частей Красной Армии. Основной боевой единицей в армии становятся пехотные

дивизии, включавшие все рода войск, позднее переименованные в «стрелковые» (приказ РВСР № 61).

Штатная численность дивизии должна была составлять порядка 27 тыс. человек, из них красноармейцев – 14 тыс. человек и 10 тыс. лошадей.

Дивизии формировались по штатам № 220/34, но, не имели предусмотренную численность штатного состава. В этой связи в штаты были внесены изменения, разрешающие некомплект личного состава до 35%. Окончание гражданской войны привело к сокращению Вооруженных Сил. Вместо штатов 220/34, были разработаны новые штаты для дивизий военного и мирного времени.

Такая система сохранилась практически до начала Второй мировой войны.

120 стрелковая дивизия (командир дивизии - генерал-майор Петров Константин Иванович) была сформирована в Ливнах и Орле на базе 19-й стрелковой дивизии и 35-й запасной стрелковой бригады к весне 1940 года [5, с. 40].

Начало Великой Отечественной войны застало дивизию в разгар боевой учебы в орловских летних лагерях «Лужки», откуда 23 июня 1941 года ее части возвратились на зимние квартиры для отмобилизации. Вскоре дивизия получила приказ покинуть постоянные места дислокации в Ливнах и Орле и выдвинуться в район сосредоточения.

С 28.06.1941 года дивизия начала переброску в Брянск и к 10.07.1941 года почти полностью сосредоточилась в районе Новоселки (20 км юго-восточнее Ельни) где приступила к созданию оборонительного рубежа. Дивизии вошла в состав 33-го стрелкового корпуса 28-й армии Брянского направления. Через неделю она была переброшена на станцию Спас-Деменск, где должна была вступить в боевое соприкосновение с немецкими войсками. 19 июля немецкая 10 танковая дивизия, прорвав оборону, захватила г. Ельня. На тот момент это была самая близкая к Москве позиция немецких войск. Ликвидация этого плацдарма стало насущной потребностью для советских войск. Совершив небольшой марш в сторону города Ельни, пройдя станцию Коробец, части дивизии 22.07.1941 года принимает первый бой в районе с. Пронино.

С 24.07.1941 г. 120-я стрелковая дивизия вела непрерывные изнурительные сражения с Ельнинской группой противника.

8 августа 120-я стрелковая дивизия вместе с другими соединениями 24 армии перешла в наступление на Ельню. В течение месяца дивизия вела упорные бои с противником. К утру 6 сентября дивизия вышла к южной окраине Ельни, после чего была выведена в армейский резерв, а затем в резерв Ставки ВГК.

26.09.1941 г. 120 стрелковая дивизия в числе отличившихся в боях за Ельню соединений была преобразована в 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

После Ельнинской операции 120-ю стрелковую дивизию направили на Ленинградский фронт. Разгрузившимся на станцию Бологое частям дивизии было сообщено о преобразовании ее в 6 гвардейскую стрелковую дивизию. Но на ленинградском направлении повоевать бойцам дивизии не пришлось. Из-за тяжелой обстановки, сложившейся в полосе Брянского фронта 5 октября дивизию, отправили под г. Орел, фактически в те места, где она была расквартирована до начала Великой Отечественной войны. Еще 30 сентября 1941 г. 2 танковая группа Г. Гудериана перешла в наступление на Орел. Брянский фронт был прорван и уже 3 октября немецкие танки ворвались в г. Орел, не встретив серьезного сопротивления.

5-го и 6-го октября 1941 г. прибыли первые эшелоны дивизии на станции Мценск и Чернь. Несмотря на сильные бомбежки вражеской авиации, полки быстро разгружались и уходили занимать рубеж обороны по реке Зуша, что севернее Мценска. Дивизия находилась в организационном подчинении 1-го гвардейского стрелкового корпуса (командир Д.Д. Лелюшенко). Оборону также держали 11-я танковая бригада и 5-й воздушно-десантный корпус. Северо-западнее Мценска в некотором отрыве располагалась 41-я кавалерийская дивизия, а между кавалеристами и 6-й гвардейской, оборону держали курсанты Тульского артиллерийского училища [4, с. 37].

Еще до подхода главных сил корпуса Лелюшенко, прибывшие части: 4-я танковая бригада (в неполном составе, 16 танков КВ и Т-34), мотоциклетный полк, противотанковая артиллерия и 132-й полк пограничников (полк был подчинен корпусу под Мценском), вели боевые действия на дорогах между Орлом и Мценском, сдерживая превосходящие силы противника.

Девять дней и ночей между Орлом и Мценском стойко и мужественно сражались воины 1-го корпуса с врагом. Дивизия упорно обороняла занимаемый рубеж [2, с. 46]. Части 1-го стрелкового корпуса смогли задержать вражеские войска на несколько дней, нанеся им при этом существенные потери. При этом стали применять в сражениях новые тактические решения. Танковые бригады (4-я и 11-я) впервые использовали тактику «танковых засад». Все это позволило войскам Брянского фронта отойти на отведенные им рубежи [3, с. 17].

Утром 11 октября части корпуса перешли в контратаку. В результате стремительного удара гитлеровцы были выбиты из Мценска. Наши рубежи на реке Зуше были полностью восстановлены. Генерал Гудериан, спустя много лет признавался в своих мемуарах: «Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить» [1, с. 93].

Из частей немецких 3 и 4 танковых дивизий, действовавших под Мценском, была сформирована «группа Эбербаха», которая 24 октября переправилась через реку Зушу севернее Мценска и, выйдя в тыл нашим войскам, заставила их отступить.

6-я гвардейская стрелковая дивизия вынуждены были отступить, как и другие соединения корпуса. Гитлеровцы пошли на Тулу, замкнув окружение

дивизии. Благодаря умелым действиям генерала Петрова, соединению удалось пробиться из гитлеровского кольца. Остатки 6 гвардейской стрелковой дивизии были отброшены в район восточнее Черни.

Несмотря на понесенные потери в личном составе и материальной части, дивизия не утратила стойкости и высокого боевого духа, ее командир генерал-майор К.И. Петров был опытным военачальником. К сожалению, прекрасный комдив, хорошо зарекомендовавший себя еще до войны, приведший свое соединение к гвардейскому званию, генерал-майор Петров Константин Иванович 5 февраля 1942 года получил смертельное ранение в бою и скончался от ран (похоронен в городе Елец).

Ставка подготовила контрудар по растянутому правому флангу немецкой 2 танковой армии растянувшегося от Мценска до Тулы. В число соединений, предназначавшихся для контрудара, вошла и 6 гвардейская стрелковая дивизия вместе с 29 кавалерийской дивизией и 133 танковой бригадой. Остальные соединения Брянского фронта, вышедшие из окружения, представляли собой группы в несколько сот человек и находились на восстановлении и пополнении и на начало ноября активные боевые действия вести не могли.

Наши войска планировали внезапным ударом овладеть Плавском, однако к этому времени к участку фронта у Плавска подошла немецкая пехота (112 и 167 пехотные дивизии) ранее задействованные в уничтожении окруженных частей 50 армии. Завязались тяжелые бои. Остатки дивизии отошли и закрепились к 14 ноября на подступах к Ефремову на рубеже реки Красивая Меча.

17 ноября 1941 года завязались бои на окраине Ефремова. Бои за город на Красивой Мече приняли ожесточенный характер, Неравный поединок с фашистскими захватчиками продолжался свыше трех суток. Оставив 23 ноября Ефремов, 6-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с другими частями 3-й армии отошла на правой берег Красивой Мечи, где заняла оборону в районе пригородных сел Пушкари, Иноземка, Лобаново. Здесь дивизия держала оборону по 11 декабря 1941 года.

На 1 декабря 1941 г. дивизия насчитывала 3769 человек, 11 артиллерийских орудий, разного калибра.

Во время начавшегося 6 декабря 1941 года контрнаступления советских войск Юго-западному фронту ставилась задача разгромить ливенско-елецкую группировку немцев и оказать содействие разгрому 2-й танковой армии противника. Наступление правого крыла Юго-западного фронта началось без всякой паузы 8 декабря 1941 года. Части 3-й армии в составе 268-й, 137-й, 283-й, 6-й гвардейской стрелковых дивизий и 52-й кавдивизии продвигались вперед в направлении на Ефремов, Медведки. Немцы не смогли удержать натиск 3-й армии и начали отступать.

На Ефремов наступала 6-я гвардейская дивизия. Вскоре, по свидетельству одного из участников этой операции гвардейца Виктора Стебакова,

«последовал второй приказ: сосредоточиться на новом рубеже и овладеть населенным пунктом Дубики, выводящим к г. Ефремову».

Полки 6-й гвардейской стрелковой дивизии 11 декабря заняли исходные позиции на рубеже: Стрельцы, Пушкари и т. д. Части 137-й дивизии расположились в п. Каменский, 283-й дивизии - Чернятино. В исходе дня (12.12.1941 г.) в 23 часа 30 минут г. Ефремов освободили от фашистов. При взятии Ефремова нашими частями было взято 7 орудий, 3 танка, 1 бронемашина, 5 минометов, 6 станковых пулеметов.

В декабре 1941 г. - январе 1942 г. 6-я гвардейская стрелковая дивизия освободила ряд населенных пунктов Тульской и Орловской областей и, пройдя с боями на Запад более ста километров, 27 декабря освободила старинный русский город Новосиль.

Список литературы:

1. Гудериан Г. Воспоминания солдата. – М.: Вече. 2012. - 560 с.
 2. Елисеев А.Л., Трещев Д.А. Советский патриотизм как источник победы в Великой Отечественной войне // Советский патриотизм: истоки, формирование и образы из истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орёл, 18 апреля 2021 года. Издательство: Закрытое акционерное общество «Университетская книга» (Курск). 2021. С. 44 - 48.
 3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. - М. Вече. 2015. Т.2. – 480 с.
- Лелюшенко Д. Д. Москва - Сталинград - Берлин - Прага. Записки командарма. - Издание 4-е, испр. - М.: Наука. 1987. - 408 с.
- Родионов, И. М. Формирование 120-й стрелковой дивизии в контексте создания Красной армии / И. М. Родионов // Вестник государственного и муниципального управления. - 2023. - Т. 12, № 4. - С. 30 - 42. – DOI 10.22394/2225-8272-2023-12-4-30-42. - EDN XGKQFH.

Романов Павел Константинович

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 6774-7583

ПРОБЛЕМА РАЗМЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 ГГ.

Аннотация: В данной статье рассматривается денежное обращение Российской империи в период Крымской войны (1853-1856 гг.), когда финансовому управлению пришлось принимать стабилизационные меры по обеспечению нормального функционирования действовавшей системы серебряного монометаллизма. Одной из таких мер было сохранение взаимного размена звонкой монеты и кредитных билетов, как основного положения денежного устройства того времени. Колоссальная нагрузка на государственные финансы, вызванная войной, спровоцировала падение курса кредитных билетов и тезаврацию монет. В связи с этим размен пришлось значительно стеснить. Однако система серебряного монометаллизма в Российской империи и не предполагала свободного размена по всей империи, о чем было прописано в манифесте 1 июня 1843 года, окончательно оформившем денежную систему того периода. Автор на основе архивных документов и историографии делает вывод о том, что ограничение размена было допустимо и не означало краха финансового устройства Российской империи.

Ключевые слова: Николай I, кредитные билеты, золотая монета, серебряная монета, Крымская война.

THE PROBLEM OF THE DIMENSION OF RUSSIAN BANKNOTES DURING THE CRIMEAN WAR OF 1853-1856

Summary: This article examines the monetary circulation of the Russian Empire during the Crimean War (1853-1856), when the financial management had to take stabilization measures to ensure the normal functioning of the existing system of silver monometallism. One of these measures was to preserve the mutual exchange of hard currency and credit cards, as the main provision of the monetary system of that time. The enormous burden on public finances caused by the war provoked a drop in the exchange rate of credit notes and the depreciation of coins. In this regard, the exchange had to be significantly constrained. However, the system of silver monometallism in the Russian Empire did not imply free exchange throughout the empire, as was stated in the manifesto of June 1, 1843, which finalized the monetary system of that period. Based on archival documents and historiography, the author concludes that the restriction of exchange was permissible and did not mean the collapse of the financial structure of the Russian Empire.

Keywords: Nicholas I, credit cards, gold coin, silver coin, Crimean War.

К началу Крымской войны денежное устройство Российской империи базировалось на системе серебряного монометаллизма, введенного в ходе финансовой реформы 1839-1843 годов. В манифесте 1 июля 1839 года провозглашались основы принятого денежного устройства [15, с. 600-602]. Серебряный рубль был провозглашен основной денежной единицей, а курсы всех остальных денег, обращавшихся в России, были объявлены относительно серебряной монеты. Депозитные и кредитные билеты разменивались на серебряную монету тождественно.

В 1843 году по воле императора Николая I был начат процесс унификации бумажных денег, основные инструкции к которому были изложены в манифесте 1 июня 1843 года [16, с. 360-363]. Процедуре размена кредитных билетов на звонкую монету, как одной из основополагающих новой денежной системы, было уделено достаточно внимания при обсуждении положений манифеста. Пункты 11 и 13, содержащие правила размена, стали результатом дискуссии между автором проекта кредитных билетов – императором Николаем I и членами Особого комитета. На заседании 11 февраля 1843 года императором была зачитана собственноручная записка, где отмечалось: «После всего остается еще вопрос о размере обмена кредитных билетов на звонкую монету, разумеется, не в столицах, где он должен быть во всякое время и на всякую сумму, а в прочих городах. Манифест 1841 года предписывает уездным казначействам производить такой обмен в одни руки до 100 руб. сер. В записке моей я полагал для губернских городов увеличить этот размер до 1000 руб., а самый обмен предоставить приказам (приказы общественного призрения – П.Р.). По объяснению, однако, с министром финансов, думаю лучше ограничить норму обмена 500 рублями, а производство его и в губернских городах возложить, по общему порядку, также на уездные казначейства» [Цит. по: 14, с. 192]. После «продолжительных прений» на заседании Особого комитета 17 февраля 1843 года император уступил коллективному мнению и согласился установить более сдержанные ограничительные суммы размена: для Москвы в 3000 рублей, а для регионов в 100 рублей в одни руки. Как отмечал присутствовавший на заседаниях М.А. Корф: «В основание к первой перемене принята была трудность иметь в Москве достаточный фонд для обмена на всякую сумму, особливо в первое время и, сверх того, рассуждали, что публика из самого манифеста увидит, что московской кассе дается значение не центральной, а только вспомогательной (succursale), подобно конторам других банков. Основанием ко второй перемене послужили, с одной стороны, такая же трудность не только разместить по казначействам всех губернских городов достаточный фонд для обмена, но даже и примерно исчислить его количество, которое потребовалось бы на ежедневные обмены в увеличенном размере; с другой же стороны – вредные последствия, которые повлекла бы за собой неустойка правительства в данном им единожды всенародном обещании. Сверх того, все единогласно признали, что, при установлении билетов рублевых, сумма 3-х тыс. руб. для Москвы и 100

руб. для прочих городов совершенно будет достаточна и в видах удобства публики» [14, с. 195-196]. Таким образом, устанавливался максимальный размер возможной для обмена суммы, с правом казны по умолчанию временно отказывать в размене или уменьшать размеры оперируемых сумм в зависимости от экономической ситуации на местах и наличия разменного фонда. При этом производство размена всегда должно было соответствовать курсам, принятым в манифесте 1 июля 1839 года. В связи с этим, рассматривавший финансовые проблемы периода Крымской войны, выдающийся дореволюционный экономист И.Я. Горлов одним из первых заметил: «Обращаясь же к исследованию прямых и непосредственных причин упадка ценности кредитных билетов, мы все-таки не находим их в прекращении размена, так как размен во всем объеме никогда не существовал, ни легально, ни фактически» [5, с. 219].

Начавшаяся в 1853 году Крымская война стала серьезным испытанием для экономики Российской империи и выступила катализатором финансового ажиотажа. В этой связи получило распространение мнение о прекращении размена и крахе денежной системы [1, с. 12; 2, с. 82; 7, с. 42; 13, с. 41; 17, с. 120, 592; 32, с. 69, 90, 92; 33, с. 430, 603]. Однако такие утверждения являются некорректными, как следует из выше представленного, казна и не объявляла о повсеместном свободном размене, кроме Санкт-Петербурга. Следует добавить, что в период войны государство декларировало прекращение размена, поэтому у выразивших подобное мнение авторов дата прекращения размена варьируется в хронологическом диапазоне 1854-1857 гг. Более корректным будет утверждение о стеснении размена, которое в историографии находится в меньшинстве [3, с. 98; 8, с. 39, 46; 12, с. 183]. Стеснение размена было обусловлено колоссальной нагрузкой на финансы, вызванной военным временем. В разных регионах империи стал фиксироваться повышенный спрос на звонкую монету и кредитные билеты мелких номиналов, как наиболее удобно коррелируемый с ней денежный знак. В результате получил распространение обратный размен кредитных билетов на монету. Яркой иллюстрацией масштабов данной тенденции может служить выдержка из данного Комитетом финансов 17 февраля 1856 года ответа на записку неизвестного автора об улучшении финансового положения империи: «Разменные кассы, которые осаждаемы были ежедневно требованиями звонкой монеты до такой степени, что для соблюдения надлежащего порядка оказалось нужным прибегнуть к вмешательству полиции, ныне действуют уже без всякого затруднения, так как требования стали несравненно умереннее» [21, л. 7 об.]. В качестве катализаторов повышения спроса на обратный размен можно условно выделить естественные, созданные реалиями военного времени, и искусственные, вызванные спекулянтами и менялами, факторы.

Действительность военного времени обусловила наиболее отчетливое проявление финансового ажиотажа в западных и южных губерниях, местах дислокации регулярной армии, что спровоцировало усиленное требование

звонких монет. На заседании Совета управления Царством Польским 15/27 октября 1853 года оглашалось повеление Николая I об усилении изготовления на Варшавском монетном дворе российской монеты и «для непрерывного на первый случай производства обмена, выслать в Варшаву из С.-Петербурга мелкой серебряной монеты на 50000 р., с зачислением этой суммы при взаимных расчетах с казной Царства» [4, с. 169]. Комиссионеры Государственного Финляндского банка 8 мая 1854 года обратились в разменную кассу с такой просьбой: «Стечение многочисленных войск в Финляндию по случаю военных действий затрудняет чрезвычайно в Финляндском банке обмен крупных кредитных билетов на мелкие, особенно так как в означенном банке почти вовсе нет билетов рублевого (!) достоинства. На основании предписания Императорского Финляндского банка всепокорнейше просим для устранения такого рода затруднений обменять 20.000 рублей серебром на билеты рублевого достоинства» [28, л. 34]. Ввиду повышенного спроса на рублевые билеты касса предоставила банку только 10.000 рублей [28, л. 34 об.]. Председатель Таврической казенной палаты 2 сентября 1855 года доносил в Департамент Государственного казначейства о состоянии денежного обращения в обществе: «Серебро монетой и мелкое серебро, как и мелкие кредитные билеты делаются вновь редки в Симферополе, так что на серебро берется лаж по 4 коп. на рубль, а полуимпериал отдается за 6 рублей серебром. Причиной тому бесчисленные обозы, вывозящие отсюда деньги по мелочам, недостаток мелкой монеты в окрестных губерниях, куда вывозят от нас мелкие деньги на спекуляцию, и отчасти новейшие происшествия, заставляющие некоторых опять скрывать деньги» [27, л. 77-77 об.]. Из III Отделения СЕИВ Канцелярии в Министерство финансов 6 сентября 1855 года поступило донесение о финансовом положении дел в Закавказье: «Эта необходимая потребность в мелких деньгах, имеет неблагоприятное значение для общественного спокойствия и благосостояния. Туземное народонаселение при необразованности понятий и легкомыслии характера всегда способно к бессознательному увлечению и самым неосновательным предположениям, таким образом и в настоящих обстоятельствах обнаруживается в народе всеобщий ропот на недостаток звонкой монеты и распространяются разные вредные толки» [27, л. 75-75 об.]. Центральные губернии охватил финансовый ажиотаж в связи с прохождением и обеспечением войск. Нередкими были случаи выдачи солдатам жалования и средств для повседневных расходов крупными купюрами, что вынуждало их разменивать в местных казначействах выданные денежные знаки, либо требовать сдачу монетами и кредитными билетами мелкого достоинства.

Наиболее мощным дестабилизирующим фактором для российского денежного обращения в годы Крымской войны оказалась деятельность спекулянтов и менял. Пользуясь положениями манифеста 1 июня 1843 года о равноценном размене монет и кредитных билетов, спекулянты обменивали билеты крупных достоинств на мелкие номиналы и монеты, которые в свою

очередь сбывали войскам и населению с процентами. Стоит отметить, что попытки спекулировать и наживаться на финансовом ажиотаже были замечены среди людей разного социального положения, что способствовало поддержанию и распространению слухов о прекращении размена в ближайшем будущем. Откупщики, менялы, чиновники Государственного казначейства и Экспедиции государственных кредитных билетов, помещики, собиравшие крестьянские деньги, торговцы и чины, ответственные за сбор налогов, вступали в сговор с целью извлечения прибыли, что приводило к поступлению в казну преимущественно кредитных билетов крупных номиналов и тезаврации монеты. На фоне развивавшихся спекуляций население также старалось придерживать монету у себя и стремилось к использованию в сделках кредитных билетов мелких номиналов, которые выступали представителями монеты, были удобны при повседневных расчетах, что стимулировало на них повышенный спрос. К этому стоит добавить, что по казенным платежам кредитные билеты принимались по тождественному со звонкой монетой курсу. Дефицит купюр маленького номинала серьезно вредил мелкой торговле, так как продавцы отказывались принимать крупные купюры, в связи с чем покупателям было сложно их сбывать. В некоторых губерниях по этим причинам затруднялся сбор податей. В результате в частных операциях возродился лаж, а перед финансовым управлением возникла проблема поддержания фонда обеспечения кредитных билетов для сохранения рамена.

Комитет финансов в декабре 1854 по докладу министра финансов П.Ф. Брока рассуждал о минимальном его размере, при котором еще можно сохранять размен. Николай Павлович ответил резолюцией: «Размен оставить свободным до того только, покуда наличный фонд не уменьшится до 100 милл. р., и тогда испросить моего повеления» [Цит. по: 18, с. 261]. Важно отметить, что финансовому управлению на протяжении всей Крымской войны, при временном стеснении размена, удалось вовсе от него не отказаться. В секретном предписании всем председателям казенных палат, копии которого были разосланы военным и гражданским губернаторам, 7 ноября 1855 года министр финансов предписывал «иметь самый бдительный надзор за действиями подведомственных уездных казначеев по расходованию звонкой монеты, дабы она преимущественно поступала на обмен кредитных билетов таким лицам, которые не могут сделать из того спекуляций, отстраняя подобные требования менял и таких людей, которые выкупают звонкую монету из корыстных видов» [27, л. 92 об.]. Тайное предписание разрешало казенным палатам без объяснения причин отказывать в размене. Такая практика применялась не только к спекулянтам, но и в ситуации, когда в казначействах действительно ощущался дефицит монеты или мелких кредитных билетов. Результатом данной практики стало усиленное распространение слухов о скором прекращении размена, которое государство стремилось регулярно пресекать, отменяя ограничения размена при очередном поступлении средств. Как видно из доклада П.Ф. Брока Александру II 12 августа 1855 года: «По

распоряжению министра финансов во всех уездных казначействах открыт свободный обмен кредитных билетов на звонкую монету до 100 руб. в одни руки. Потребная для сего монета отправляется с С. Петербургского монетного двора немедленно по поступлению требований о том казенных палат. Для размена же крупных кредитных билетов на мелкие, учрежден при Главном казначействе особый в мелких билетах капитал в 2 мил. руб., из которых постоянно высылаются таковые билеты в губернии по мере требований и возможности. Несмотря на то, при военных обстоятельствах неоднократно оказывается в разных местах недостаток в разменных знаках, особенно в звонкой монете. Так, в 1848 году в Венгерскую кампанию монета сия внезапно исчезла в некоторых местах Западных губерний и на оную возник лаж; тоже самое повторилось в настоящую войну. По отзыву главных местных начальств, это надлежит приписать обыкновенному в военное время, желанию жителей запастись монетой и возникающим от того противозаконным спекуляциям, которые совершенно устранить едва ли возможно. Впрочем, таковой недостаток бывает лишь временный, по окончании Венгерской кампании уездные казначейства Западных губерний были переполнены звонкой монетой, ибо почти все подати и сборы вносились в монете. В настоящее время, для отвращения по возможности недостатка в мелких кредитных билетах и звонкой монете, Министерство финансов, независимо от весьма значительного количества таковых билетов и монеты, отпускаемых в счет сумм, причитающихся Военному министерству, и немаловажных сумм, отправляемых в подобных же билетах и монете, в Царство Польское, значительно усилило высылку оных и в разные губернии» [27, л. 66 об.–68]. Все вышеперечисленные явления и правительственные меры зафиксированы в объемной переписке финансового управления с казенными палатами и иными присутственными местами [19, 12 л.; 20, 109 л.; 27, 158 л.; 29, л. 1–101, 107–113]. Рассмотрев эту документацию, можно сделать вывод, что нельзя допускать унификации уровня денежного расстройства во всем государстве, что часто присутствует в историографии. Состояние размена в разных губерниях Российской империи было разным. В качестве примера можно привести донесения за один и тот же год казенных палат губерний, имевших относительно равный экономический потенциал. Если Черниговская казенная палата еще во время военных действий, 30 января 1856 года, доносила о заметном улучшении денежного обращения и нормальном производстве размена [27, л. 155–156] то председатель Казанской казенной палаты уже после окончания войны, 29 октября 1856 года, докладывал о продолжающемся финансовом расстройстве и трудностях при обменных операциях [29, л. 49–60]. В связи с этим и действия финансового управления, направленные на купирование расстройства денежной системы, применялись в разной степени в зависимости от экономического уровня каждого из регионов России и вида денежных знаков.

При общем дефиците звонкой монеты в обращении меры финансового управления по отношению к золотой, серебряной и медной монете были

различны. Негласно с началом войны в некоторых местах начали действовать установленные еще в Венгерскую кампанию 1849 года рестрикции в размене на серебряную монету [27, л. 97 об.–98]. Первые официальные ограничения после начала войны в размене основного денежного знака были сделаны министром финансов в предложении Экспедиции 11 марта 1854 года. Согласно данному предложению, общая сумма выдаваемой при размене монеты была ограничена 25 тыс. руб. [26, л. 4]. Комитет финансов на заседаниях 29 ноября и 2 декабря 1855 года постановил: «1. Для предупреждения, сколь возможно, чтобы возникший на звонкую монету лаж не достиг опасного размера, продолжать постоянный размен кредитных билетов, как в С.-Петербурге, в Экспедиции кредитных билетов и в московском ее отделении, так и в уездных казначействах, в принятом ныне размере, разрешив, однако ж, некоторое в случае надобности, и усиление размена, если только позволит состояние разменного фонда; 2. Ограничить, сколь возможно, в разменных кассах выдачу золотой монеты и в тоже время усилить в соразмерности выдачу монеты серебряной; 3. Учредить самое бдительное наблюдение за действиями казначеев, сборщиков и содержателей питейных и других откупов, обязав их вносить в казну суммы непременно тою же монетой, какой они к ним поступили». [Цит. по: 18, с. 456–457]. Как видно из приведенного фрагмента, финансовая политика была нацелена на сохранение размена в первую очередь на серебряную монету, как основу денежной системы. П.Ф. Брок предписывал Экспедиции 12 января 1856 года: «Государь император высочайше повелеть изволил: продолжать постоянный размен кредитных билетов, как в С. Петербурге, в Экспедиции кредитных билетов, так и в Московском ее отделении, в принятом ныне размере, с тем только, чтобы выдачи золотой монетой были сколь возможно ограничены, а взамен того учинены были в соразмерности выдачи монеты серебряной» [24, л. 1]. В рамках контроля за производством размена на местах директор Департамента государственного казначейства А.К. Ключарев предписывал 16 декабря 1856 года Московскому отделению, а 22 декабря того же года всем остальным казенным палатам предоставить «сколь возможно поспешнее, удовлетворительные сведения: до какой суммы отпускается частным лицам, в одни руки, в промен на крупные кредитные билеты, серебряная монета и преимущественно разменная; в каком порядке происходит обмен частным лицам крупных на мелкие кредитные билеты и в каком размере допускается промен их в одни руки на медную монету; на будущее же время таковые сведения доставлять ежемесячно, если в образе промена не встретится каких-либо особых случаев, требующих немедленного о них донесения» [23, л. 2]. В поступавших в ответ донесениях казенных палат зафиксированы приведенные здесь проблемы и тенденции денежного обращения в период Крымской войны [23, л. 3–30; 27, 158 л.]. Важной проблемой было и обратное поступление в казну серебра. Рядом циркулярных предписаний министра финансов 12 и 14 января 1856 года Департаменту Государственного казначейства, региональным казенным

палатам и присутственным местам, а также публикацией сенатского указа, изданного по высочайшему повелению 1 февраля 1856 года, учреждался строгий контроль над лицами, задействованными в казенных финансовых операциях, чтобы они вносили в казну суммы теми же самыми денежными знаками, которые получали от населения с обязательной фиксацией в специальных книгах суммы, номинала и материала денежных знаков. При этом при размене предполагалось выдавать квитанции с указанием этих же самых критериев денежных знаков и суммы размена [29, л. 1–4; 31, с. 65]. Оказывали помощь в контроле Министерству финансов и другие ведомства. Министр юстиции В.Н. Панин относился к П.Ф. Броку 18 января 1856 года с сообщением, что он «признал нужным поставить о том в известность всех губернских прокуроров, вменив сим последним в обязанность иметь строгое наблюдение, дабы при освидетельствовании, по существующему порядку, в известные сроки хранящихся в казначействах и в других местах суммы, обращаясь к свидетельствующим лицам внимание на то, исполняются ли в отношении денежных сумм вышеозначенные правила, и чтобы о сем были делаются со стороны свидетельствующих надлежащие удостоверения в журналах, о производстве свидетельствования» [27, л. 154 – 154 об.]. Принятая мера была малоэффективной и трудной в исполнении, однако оказала некоторый положительный эффект. Как отмечал дореволюционный экономист А.Н. Гурьев: «Благодаря этим мерам, а также выгодному в этот год торговому балансу и скоплению кредитных билетов на вкладах в казенных банках, курс кредитного рубля повысился настолько, что высшая цена его в серебряных рублях определилась в 101, 25 р. мет. За 100 р. кред., а вексельные курсы на Лондон – в 39 5/16 пенсов» [6, с. 161]. В регионах, в зависимости от экономического потенциала, местные власти могли собственными постановлениями уменьшить разрешенную Министерством финансов сумму. Московское отделение Экспедиции 12 декабря 1855 года доносило в правление Экспедиции о повышенном спросе на серебряную монету и мелкие кредитные билеты и в первую очередь от военных «до того, что кроме помещения, имеющегося для оной при Московском отделении Экспедиции, столько же и более ожидают в особой комнате, где находится швейцар» [30, л. 39]. Правление Экспедиции в свою очередь 19 декабря 1855 года дало предписание выдавать «от 100 руб. до 600 рублей, но не иначе как по формальному требованию, за подписью начальственного лица и приложением полковой печати» [30, л. 41–41 об.]. Также, например, в Закавказском крае наместник Н.Н. Муравьев-Карский своей властью дал распоряжение об ограничении размена серебряной монеты до 15 руб. в одни руки [27, 148 – 148 об.].

Другим важным направлением деятельности финансового управления было координирование размена золотой монеты. Объемы обращения золотой монеты во всем мире к началу Крымской войны значительно увеличились. Это было связано с открытием в России в 20-30-е годы, в Калифорнии в 1848 году и в Австралии в 1851 году новых золотых месторождений. Золото постепенно

приобретало статус международной валюты, хотя официально среди крупных игроков в экономике, только в Британской империи был введен золотой монометаллизм. В связи с этим Российской империи было важно использовать золото для поддержания вексельного курса рубля и совершения внешних финансовых операций. Как и в отношении серебряной монеты, только с еще большими ограничениями, финансовое управление стремилось предотвращать злоупотребления спекулянтов, пользовавшихся положениями манифеста 1 июня 1843 года, предусматривавших также размен кредитных билетов и на золотую монету с негласной возможностью сокращения государством размениваемых сумм. О законном праве казны ограничивать при необходимости размен может служить ответ управляющего Экспедицией Ф.Ф. Юрьева, данный 23 февраля 1854 года на запрос директора Особенной канцелярии по кредитной части И.И. Ламанского: «Экспедиция выдает в одни руки золотом, не более 5 т. полуимпериалов, на основании предложения г. министра финансов 4 февраля 1849 года, за № 767» [28, л. 10]. При этом масштабы спекуляций с золотой монетой были внушительны. В отчете III Отделения СЕИВ Канцелярии 1 ноября 1855 года, описывалась ситуация в Санкт-Петербурге, где находилась главная разменная касса империи и размен производился без ограничений: «Возвышение менялами ценности на звонкую монету и столь ограниченный выпуск ее в оборот Ассигнационным банком, возродили в публике сильный ропот, а с тем вместе мысль, что в нашем государстве большой недостаток в золоте и серебре; в некоторых даже вкралось недоверие чрез то к нашим кредитным билетам и послужило поводом, что многие лица обратили, хотя с большим убытком, капиталы свои в золотую монету... все отъезжающие из России за границу, или желающие сделать там платеж за товар, предпочитают променивать свои деньги на русские полуимпериалы и вывозить их за границу, что самое увеличило потребность на полуимпериалы и послужило поводом к возвышению курса на них... При столь сильном возвышении за границей цены на русское золото, возродилось новое зло: есть лица, которые из выгод скупают золото в России и вывозят его за границу разными путями; в числе этих лиц находится банкир-Симон Якоби, имеющий контору свою на Васильевском острове, в первой линии, в доме Фирса. В развитии этого злоупотребления обвиняют пограничную таможенную стражу, которая должна бы принять более решительные меры для прекращения вывоза из России звонкой монеты» [19, л. 2–3]. В своей деятельности спекулянты стремились извлечь для себя максимальную выгоду из финансового ажиотажа. Наглядной иллюстрацией данной тенденции служит стремление торговцев обменять кредитные билеты на новую золотую монету, которая еще не подверглась естественному износу и нисколько не потеряла в весе, что было распространенным изъяном золотых монет. И.И. Ламанский 19 февраля 1854 года относился к Ф.Ф. Юрьеву: «По дошедшим сведениям многие негоцианты при обмене кредитных билетов на звонкую монету на значительные суммы, стараются получить золотую монету, не бывшую еще в

употреблении. В отвращение сего, по приказанию г. министра финансов, имею честь отнести к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой сделать распоряжение, дабы при обмене билетов на золотую монету в одни руки на значительные суммы, выдаваема была большая часть обмениваемой суммы золотой монетой бывшей уже в обращении в публике» [26, л. 1–1 об.]. Позже 24 февраля 1854 года П.Ф. Брок предложил Экспедиции ограничить размен золотой монеты $\frac{1}{4}$ частью от предъявляемой суммы, но не более чем 2000 полуимпериалов. В уже известном предложении Экспедиции 11 марта 1854 года министр финансов сообщал, что желательно разменивать «в одни руки золотом до тысячи рублей серебром, при более же значительных требованиях производить обмен пополам золотой и серебряной монетой, предлагаю о том правлению Экспедиции кредитных билетов к надлежащему исполнению, с тем, чтобы одному лицу не было обмениваемо звонкой монеты более 25 т.р. без особого на то распоряжения» [26, л. 2–4]. Для Московского отделения предлагалось ограничиться 20 полуимпериалами, а остальную сумму в пределах установленных 25 тыс. руб. выдавать серебром, «не делая в этом исключения даже для полков; военным же, отправляющимся за границу в Молдавию, выдавать золотой монетой в требуемом количестве, но не иначе как по представлении удостоверений от их начальств, в том, что они точно туда отправляются» [25, л. 3]. Выдача более крупных сумм предполагалась при наличии серьезного обоснования и могла последовать только с разрешения императора или министра финансов. Некоторые крупные выдачи золотой монеты для внешних торговых операций зафиксированы в работе экономиста М.П. Кашкарова [12, с. 180]. Для лиц, обменивающих кредитные билеты на золотую монету с целью выезда за рубеж, также были установлены ограничения в сумме 300 рублей на человека, а шкиперам и извозчикам до 100 рублей с обязательной для всех фиксацией данной суммы на таможне [9, с. 224]. Важно отметить, что размен на золотую монету, не являвшуюся основным денежным знаком, не был приостановлен, но стеснен суммами необходимыми для повседневных расходов и не угрожавшими развитию спекуляций. О том, какое значение финансовое управление придавало пресечению внешних спекуляций с золотой монетой можно узнать из выписки из журнала Комитета финансов 26 октября 1855 года: «В записке, внесенной в феврале 1854 года в Комитет финансов, касательно воспрещения вывоза за границу золотой монеты, министр финансов, между прочим, изъяснял, что воспрещение сие неизбежно будет иметь влияние на понижение на здешней бирже вексельных курсов, равно цен публичных фондов, но таковая мера нужна для отвращения спекуляций нескольких лиц, желающих воспользоваться разностью в цене золота и вексельных курсов, тем более, что при настоящих обстоятельствах, нельзя ожидать, чтобы торговля России, с иностранными государствами, была столь же обширна, как в предшествовавшие годы, а затем и вексельные дела должны сами собой сократиться» [22, л. 15–16]. Правительство было готово терпеть убытки и всяческие ограничения ради предотвращения этого зла!

Распространение к началу Крымской войны на международном рынке золота добавило также фактор случая, который двояко повлиял на денежное обращение Российской империи. Указанная тенденция спровоцировала падение цены золота, при сохранении на международном рынке серебром еще своих позиций. Следствием этого стало увеличение ценности серебра, что подняло паритет российской валюты, базировавшейся на данном металле. С другой стороны, в силу указанных причин, спекуляции с серебром в данный период получили свое развитие. И.И. Кауфман подчеркивал: «Во всяком случае для нашей экономической и финансовой истории не лишено значения мало известное до сих пор обстоятельство, что скорому исчезновению звонкой монеты из России в Крымскую войну и после нее много содействовали вздорожание серебра и высокий заграничный дисконт, в продолжении нескольких лет поднявшие паритет курса на искусственную высоту, делавшей неминуемой уплыть русского серебра, из которого главнейше тогда состояло наше обращение звонкой монеты» [11, с. XVIII – XIX].

В заключение стоит отметить, что поддержание размена в условиях военного времени при усиленной эмиссии кредитных билетов стоило государству значительного истощения фонда обеспечения кредитных билетов, который был сформирован из 2 разрядов. Фонд 1 разряда предназначался для текущих разменов и состоял из определенной для этого минимальной 1/6 части от суммы находящихся в обращении кредитных билетов. Фонд 2 разряда был резервным и предназначался на случай повышенного требования монеты. Ввиду дефицита свободных капиталов в монете для покрытия чрезвычайных выпусков стали переводить монету из фонда 2 разряда в 1. Таким образом, общий размер капитала обеспечения при увеличении массы кредитных билетов не возрастал, а уменьшался. Снизившиеся в военное время поступления в фонд монеты, при получении кредитных билетов в Экспедиции, не могли компенсировать колоссальных государственных затрат. Истощение фонда было одной из ключевых причин финансовых трудностей. Начавшаяся в 1855 году эмиссия превысила в объеме сумму всех ранее находившихся в обращении кредитных билетов с момента их появления в 1841 году. Как отмечено в официальной истории Министерства финансов, «было выпущено в течение 1855-1856 гг. и первых месяцев 1857 г. кредитных билетов на сумму 378,9 милл. р.; всего же с 1853 г. по 1 января 1858 г. общее количество билетов возросло с 311,4 милл. р. до 735,3 милл. р., увеличившись на 423,9 милл. р.» [18, с. 261]. Несмотря на все трудности денежная система Российской империи выдержала нагрузку Крымской войны, что являлось положительным показателем принятого в ходе финансовой реформы 1838-1843 гг. под руководством императора Николая I денежного устройства, которое после окончания военных действий требовало стабилизационных мер. В 1857 году были отменены все ограничения, принятые в военный период, введен свободный таможенный тариф и понижены банковские проценты. Сделанные шаги, сами по себе содержали много рационального, но их бессистемная и

одновременная реализация на фоне развивавшегося мирового экономического кризиса усугубили положение и привели российские финансы на несколько десятилетий в крайнее расстройство.

Список литературы:

- 1.Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. Гл.П. - М.: В университетской тип., 1863. С. 1-72.
- 2.Бернацкий М.В. Денежное обращение и займы // Военные займы. Сб. статей. - Птрд.: тип. «Правда», 1917. С. 81-102.
- 3.Боголепов М.И. Бумажные деньги. - Пргд., М.: Центральное издательство «Кооперативное изд-во», 1922. 111 с.
- 4.Выписка из протокола заседания Совета управления от 15 (27) октября 1854 года, за №26120 // Великий князь Георгий Михайлович. Монеты царствования императора Николая I. - СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1890. 281 с.
- 5.Горлов И.Я. Начала политической экономии. Т. 2. - СПб.: в тип. Рюмина и комп., 1862. 588 с.
- 6.Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. - СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. 253 с.
- 7.Гусаков А.Д. Денежное обращение дореволюционной России. - М., 1954. 76 с.
- 8.Друян А.Д. Очерки по истории денежного обращения России XIX столетия. - М.: Госфиниздат, 1941. 128 с.
- 9.Именной указ, данный Сенату, от 27 февраля 1854 г. «О воспрещении, впредь до усмотрения, вывоза за границу российской золотой монеты, морем и сухопутно // ПСЗ-П. Т.ХХIX. № 27965. С. 224.
- 10.Кауфман И.И. С. Из истории бумажных денег в России. - СПб.: тип. «Север», 1909. 292 с.
- 11.Кауфман И.И. Вексельные курсы России за 50 лет. 1841-90. - СПб.: В тип. В. Безобразова и комп., 1892. ХХIX с. (28 с.).
- 12.Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Т. 1. - СПб.: Гос. тип., 1898. 226 с.
- 13.Кнапп Г.Ф. Очерки государственной теории денег. - Одесса: тип. Э.П. Карлик, 1913. 59 с.
- 14.[М.А. Корф]. Император Николай в совещательных собраниях // Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Сборник ИРИО. Т. 98. - СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. С. 101–283.
- 15.Манифест от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы» // ПСЗ-П. Т.ХIV. № 12497. С. 600-602.
- 16.Манифест от 1 июня 1843 г. «О замене ассигнаций и других денежных представителей кредитными билетами» // ПСЗ-П. Т.ХVIII. № 16903. С. 360-363.

17. Миклашевский А.Н. Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. - М. Университетская тип., 1895. 729 с.
18. Министерство финансов 1802-1902 гг. Т.1 - СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 687 с.
19. О пересылке золотой монеты из России за границу во время европейской войны против нашего Отечества // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 29. Д. 406.
20. О препровождении в особенную канцелярию по кредитной части справки из дел Гос. Каз-ва о возникшем лаже на звонкую монету и при обмене кредитных билетов // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16491.
21. О свойствах к покрытию расходов по случаю войны // РГИА. Ф. 563. Оп. 1. Д. 6.
22. Об иностранных фондах, принадлежащих разменному капиталу государственных кредитных билетов // РГИА. Ф. 563. Оп. 1. Д. 5.
23. Об образе промена кредитных билетов на звонкую и медную монету и мелкие кредитные билеты // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 13998.
24. Об ограничении выдач золотой монеты по ведомству Экспедиции // РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1296. 113 л.
25. Об ограничении выпуска золотой монеты из отделения и пересылке в почтовом ведомстве // РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2107.
26. Об ограничении отпуска золотой монеты // РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1206.
27. Об оказавшемся в городе Вильно недоверии к билетам Гос. Каз-ва и к кредитам и о возникающем от того лаже // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14073.
28. Переписка о задержании фальшивых денег, об обмене билетов на звонкую монету и по другим вопросам // РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1207.
29. По высочайшему повелению о мерах к устранению затруднения в обращении звонкой монеты // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14000.
30. Руководящая переписка о размене кредитных билетов на звонкую монету // РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2149.
31. Сенатский указ, по Высочайшему повелению от 1 февраля 1856 г. «Об обязанности казначеев и всех вообще сборщиков вносить в казну следующие от них суммы, непременно в той самой монете, в какой суммы сии к ним поступили // ПСЗ-II. Т. XXXI. № 30119. С. 65.
32. Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл. - Одесса: Русская культура, 1919. 132 с.
33. Федорович Л.В. Теория денежного и кредитного обращения. - Одесса: тип. «Одесский вестник», 1888. 629 с.

Рубис Людмила Григорьевна

кандидат педагогических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 5167-3597

ОДНА ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОД КАЗАНЬЮ

Аннотация: детские воспоминания о страшной войне, о подземном военном заводе, мучительных переживаниях и жизнь детей в военном городке.

Ключевые слова: родители, бомбежки, взрыв, горящие люди, проволока, школа.

ONE MILITARY HISTORY NEAR KAZAN

Summary: childhood memories of a terrible war, an underground military factory, terrible experiences and the life of children in a military town.

Keywords: parents, bombing, explosion, burning people, wire, school.

Вероятно, это одна из тысяч историй Отечественной войны, но воспоминания о ней всегда вызывают слезы сострадания и переживаний. И мне кажется, еще столько не описанных страшных историй войны, о мужественных людях и детских, совсем не детских страданиях, которые необходимы, чтобы люди знали об этом, и чтобы никогда на Земле не было войн.

Наш военный городок под Казанью расположился на холмах прекрасного хвойного леса местечка Старое Аракчино. Жители жили в основном в длинных бараках практически рядом с военными казармами. Когда в семье появилась еще одна сестренка, нас переселили в квартиру уже за проволокой. Однако, родителей видели не часто, они много работали, мы жили с бабушкой. Но детство есть детство, и мы со сверстниками всегда были вместе и дружны. Однажды залетел к нам вражеский самолет и кружил, пока его не сбили. Взрослые говорили, что к врагам вероятно просочилась информация, что в этом районе есть военный завод. Они еще раз предупреждали, чтобы мы никому об этом не рассказывали. А мы, дети, всякий раз, залезали под крыльцо, прятались, чтобы нас не убило. Было очень страшно.

У меня было 7 подружек. Мы устраивали собрания и решали, чем мы можем помочь родителям. Назвали себя отрядом Тимуровцев и помогали окучивать картофель в огородах, а потом и выкапывать, пока родители работали. С тех пор прошло много лет. Со временем жизнь нас раскидала по городам России, но дружба длится до сих пор.

О нашем подземном заводе № 40 знали все Аракчинское население, но что там конкретно изготавливали почти никто об этом не говорил. Иногда наш папа, Григорий Михайлович Михайлов уезжал на испытание в Бугульму.

Потом вновь надолго уходил на завод. Мама работала библиотекарем, но тоже там же. Она рассказывала, что в перерыве на обеде читала всем сотрудникам статьи, объявления или книги с продолжениями. Она очень любила читать и свою работу. А папу любили все люди и гражданские, и военные. И если случалось, что он дома, то непременно приходили и соседи к нам, и военные. Это был удивительно внимательный, грамотный, отзывчивый человек. Лучший папа на земле. Это, мы дети, поняли только позже.

Но однажды случилось на заводе страшное событие. Огромный взрыв! Все горело, горел лес, горели люди и все вокруг. Обожженные и горевшие люди выбегали из леса и мчались с криками вниз с горы на железную дорогу, но им преграждала огромная железная и колючая проволока, которая плотным высоким кольцом железного забора опоясывала огромный военный городок. Был только один выход, но далеко в стороне от взрыва. В страхе и крике люди пытались порвать проволоку, но им это почти никому не удалось сделать. Много людей лежали у проволоки неподвижно. Об этом узнала позднее, так как бабушка всех нас с подружками быстро увела в дом. Что-то мы все-таки увидели, но не поняли. Было страшно, забываемо и мы, дети, ревели, кричали от страха и как оцепеневшие не знали, что делать. Родители потом успокаивали, что никто не умер, просто полежали у проволоки, а потом и встали. Люди отказывались отвечать на наши вопросы, что случилось и очень ругались, когда задавали вопросы на эту тему. И даже после окончания войны, об этом невероятном взрыве долго не хотели говорить. Но даже то, что мы видели, было страшно вспоминать и тогда, и сейчас.

Каким-то чудом, но завод в самые короткие сроки был восстановлен. Местное население было настолько молчаливым, что, будучи уже старшеклассницей мы с подружками узнали, что этот завод был знаменит изготовлением новейших пороховых оружейных разработок и, о знаменитом «Сороковом» говорили многие, не зная, при этом, где конкретно он находится. Даже в Казани, которая территориально была расположена в нескольких километрах от Аракчино, никто не мог даже догадываться, где же находится этот знаменитый подземный завод.

Жизнь продолжалась и вновь испытания «Изделия из Сорокового», но уже в Бугульме, которые прошли успешно. Папа остался жив. И машины под названием «Катюша» получили необыкновенный порох с завода № 40. И пороху этому уже не было равных! Слава нашим испытателям, инженерам, техникам, рабочим завода № 40.

Война закончилась, но страдания и отзвуки войны еще долго висели тяжелым грузом над людьми. Многие не вернулись с войны. Не вернулся и Мирки Поповой отец из соседнего класса. Эта была сильная физически девочка и она, от обиды, решила всех детей бить, у которых отцы вернулись с войны. Досталось и мне. Всякий раз, когда я выходила на улицу, она уже поджидала с огромным кустом крапивы. Жаловаться родителям было не принято.

Оставалось бежать. Вскоре я научилась так быстро бегать, что меня уже никто не мог догнать. В школе, в составе сборной, выступала на всех соревнованиях.

Война закончилась. А как же сложилась наши дальнейшие судьбы моих замечательных подруг, которых после войны и школы разбросало по всей России. Нина Костылева долго болела и рано ушла из жизни. Света Жижина поступила в Московский институт и стала прекрасным математиком. Галина Чемизова рано вышла замуж и осталась жить под Казанью. Дашенька Сагтарова живет в Москве, ее жизнь связана с ее любимыми конями и лошадьми, она опытный специалист. Ниночка долгое время работала стюардессой на дальних рейсах, так как хорошо знала немецкий и английский языки, тоже ушла из жизни. Наташа Акинфеева гордится своим внуком, известным футболистом, вратарем России Акинфиевым Игорем. И, наконец, бедная Мирка Попова, так и не смогла успокоиться и умереть со своим горем. Она больше не училась после школы, знаю, что тоже уехала из Аракчино.

Ну, а как же у меня? Живу после школы в Ленинграде. «Нет худа без добра», так звучит народная пословица. Физическая культура стала моим любимым предметом, несмотря на то, что после дальнейшего обучения работала фельдшером и далее после технического вуза инженером-конструктором, была успешна и все эти профессии очень любила, но когда, при повышении по службе, мне поставили условия, чтобы я ушла из сборной спортивной команды Санкт-Петербурга, что много уходит времени на тренировки, я окончательно решила перейти на педагогику физического воспитания в институт им П.Ф. Лесгафта. Там и закончила, и защищалась, и счастлива, что выбрала этот путь, тем более что накопленная практика и опыт других специальностей не прошли даром. Все знания и опыт только удваиваются и особенно полезны в педагогической деятельности.

Постоянно повышаю свою квалификацию в педагогической деятельности и, как мастер спорта, продолжаю увлекать молодежь в физическую активность,

ибо знаю, что только физически здоровый и грамотный молодой человек, может жить полной счастливой жизнью творца. Есть замечательное изречение «Чего стоит звезда, если ей никогда не светиться?». Каждый новый человек — это звездочка, которая должна, обязана, внести в мир что-то новое, созидательное для процветания жизни на земле. Только при таких условиях человек может быть счастлив! А иначе зачем ты родился, зачем живешь? Несмотря на то, что мой предмет физическая культура, мы много говорим со студентами, философствуем и стараемся прийти к общему взаимному пониманию. Если студент находится в постоянном контакте с педагогом, тренером, то успех непременно будет. Безусловно, на такую неучтенную воспитательную работу, уходит много времени, но результат всегда радует педагога. Физическая культура проходит один раз в неделю, один урок, что безусловно, на мой взгляд, слишком недостаточно. Уже несколько лет, провожу занятия всех трех курсов и групп в Институте дизайна костюма. Уже на первом курсе предлагаю и убеждаю их полюбить рекреационный туризм. И что интересно, все соглашаются. Мы выезжаем, практически всегда по воскресеньям, на природу Ленинградской области или прекрасные парки Санкт-Петербурга. Учимся познавать лесной мир, преодолевать различные препятствия, ходить по бездорожному лесу с картой, без карты, с компасом и без него. Учимся не простужаться при любой погоде, учимся как грамотно спастись, дышим чистым воздухом лесной зоны, где всегда присутствует сильнейшая здоровая энергетика. Жаль, что человек мало изучает полезную энергию лесной зоны. Результат радует, повышается активность студентов, дополнительный интерес к физическому предмету и здоровью. Достаточно лишь отметить, что в период пандемии, не болели лишь студенты Института дизайна костюма, и это не случайность!

Список литературы:

1. Рубис Л.Г. Спортивный туризм. Учебник. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2019, с 165.
2. Рубис Л.Г. Спортивно-оздоровительный туризм как основа воспитания подростков. Монография. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2021. 230 с.
3. Савина А.А. Мотивация, как основа педагогической деятельности. // Материалы конф. СПбГУПТД и кафедры физвоспитания «Здоровый образ жизни, физическая культура и спорт высших достижений», 16.11.2023. - СПб. С. 397-402.

Руденко Виктория Евгеньевна (Республика Беларусь)
архивист II категории
Государственный архив Гомельской области

ЖЕНСКАЯ ДУЭЛЬ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: В статье исследуется явление женских дуэлей в различных периодах мировой истории. Авторы начинают с анализа корней женских дуэлей, описывая их происхождение и основные причины возникновения. Затем рассматривается исторический контекст и социальные обстоятельства, которые способствовали возникновению и развитию этого феномена. Статья также освещает различные формы дуэлей, такие как поединки с оружием, вербальные и физические столкновения, а также используемые правила и средства для разрешения конфликтов. Анализируются мотивы женщин для участия в дуэлях, включая защиту своей чести, власть и социальный статус, а также сравниваются различные методы, использовавшиеся другими культурами для предотвращения или регулирования женских дуэлей. В заключение статьи авторы делают вывод о значимости женских дуэлей как феномена мировой истории и его влияния на развитие женской эмансипации и идеалов равенства. Они также указывают на дальнейшие направления исследования этой темы и потенциальные последствия для современного общества.

Ключевые слова: оружие, конфликты, честь, власть, социальный статус, женская эмансипация, равенство.

WOMEN'S DUEL AS A PHENOMENON OF WORLD HISTORY

Summary: The article explores the phenomenon of female duels in various periods of world history. The authors begin by analyzing the roots of female duels, describing their origin and the main causes of their occurrence. Then the historical context and social circumstances that contributed to the emergence and development of this phenomenon are considered. The article also highlights various forms of dueling, such as duels with weapons, verbal and physical clashes, as well as the rules and means used to resolve conflicts. The motives of women to participate in duels, including the protection of their honor, power and social status, are analyzed, and various methods used by other cultures to prevent or regulate female duels are compared. In conclusion, the authors conclude on the importance of women's duels as a phenomenon of world history and its impact on the development of women's emancipation and the ideals of equality. They also point to further areas of research on this topic and potential implications for modern society.

Keywords: weapons, conflicts, honor, power, social status, female emancipation, equality.

Дуэль – признание личной ответственности за свой поступок. История дуэлей — это людские несчастья, глубокие порывы, а также страсти. Благодаря дуэлям на первый план в то время выходили понятия достоинства, совести и ответственности. Чувство чести — способность заплатить собственной жизнью за защиту своего достоинства. Осознание того, что одержит победу справедливость и свершится правосудие, также подталкивало к дуэлям. Дуэль, как способ выяснения отношений, нашел себе место, как и в истории России, так и Европы, контролируемый дуэльным кодексом. Позже она была запрещена на официальном уровне, несмотря на запреты, долго продолжала служить путем решения конфликтов. Менялось оружие защиты, но понятие чести оставалось превыше всего. Не принять вызов было позорным поступком, хотя дуэльный кодекс это не предполагал. Но у дворянина кодекс чести возвышался над любым законом. Вместе с тем, дуэль неизменно привлекает внимание историков и исследователей. Не оставила эта тема и меня равнодушной.

Первые сведения о женских дуэлях появились в XVI веке в Италии, тем самым развеялся миф, что первыми были француженки. В Неаполе в 1552 году случилось удивительное происшествие - Изабелла де Карацци и Диамбра де Петтинелла состязались на поединке. Бой состоялся из-за любви к Фабио де Зересола, который в свою очередь был сильно шокирован данным событием, потому что это была противоположность обычной борьбе мужчин за сердце дамы. Этот поединок потряс город, и еще долго оставался на устах у неаполитанцев. Эта необычная история вдохновила итальянского художника Хосе де Риверу на создание шедевра в 1636 году - картины «Женская дуэль», которая является одной из самых волнующих картин в галерее Прадо [5]. В 17 веке офицер, использовав гостеприимство графини Сен-Бельмон, самовольно занял комнату хозяйки и вел себя грубо. Вскоре он получил вызов на дуэль от неизвестного «шевалье де Сен-Бельмон». Как же был он изумлен, когда господин не только его обезоружил, но и обратился с фразой: «Вы думаете, мосье, что дрались с шевалье. Вы ошибаетесь, я – мадам де Сен-Бельмон. Убедительно попрошу быть более чутким к женским просьбам». Уже к началу 20 века дуэль превратилась в фарс. Например, французская писательница Жорж Санд, из-за любви к композитору Лита, подралась на ногтях с возлюбленной композитора Марией д'Агу, а их избранник в соседней комнате ждал конца схватки [1, с. 80–87]. В Вене, в 1892 года должны были пройти музыкальная и театральная выставки. Княжна и светская львица Паулина Меттерних стала президентом выставки, а Анастасия Кильмансег была председателем Женского Комитета выставки. У дам возникли разногласия по выбору декораций с цветами. После словестной перепалки леди решились принять решение при помощи дуэли. В Вадуце назначили дуэль. Секундантами поединка стали графиня Кински и княгиня Шварценберг-Лихтенштейн. Врачом и распорядителем поединка выступила баронесса Любинская, специально вызванная из Варшавы. И не зря, поскольку Паулина была ранена в нос, а

оппонентка - в руку [4, с. 193–202]. А вот в Париже, мадемуазель Лерье встретила на улице бывшего возлюбленного. В ее сумочке оказался пистолет крупного калибра. Она не убила избранника, а великодушно передала ему оружие. Как только мужчина выстрелил в воздух, девушка выстрелила в упор [2, с. 5–6]. Мадемуазель де Мопен, легендарная оперная певица, была одной из наиболее непримиримых леди. На ее счету было немалое число поверженных мужчин. Однажды, актер Дюмени, грубый и наглый мужчина, за кулисами подошел к ней с бестактной шуткой, на что в ответ мадемуазель вызвала его на поединок. Удивленный Дюмени ошеломленно уткнулся на нее и расхохотался. В ту же минуту, певица выхватила у бутафора театральную шпагу, и исхлестала ею актера, отобрав часы и табакерку как трофей своей победы. После этого случая девушка изменилась, и решила никому и никогда не позволять себя обижать. Однажды на балу один из гостей обидел ее. Она вызвала его на дуэль, и изумила обидчика. Он отказался от поединка. В таком случае она предложила публично извиниться. Хотя женщины и часто вызывали мужчин на поединки, но чаще дамы дрались между собой. В июне 1929 года, между помещицами Ольгой Заваровой и Екатериной Полесовой, в течение нескольких лет происходили конфликты. Накалившиеся отношения вылились в крупную ссору, которая переросла в наследственные дуэли. Взяв сабли своих мужей, в сопровождении секунданток-гувернанток, и в присутствии своих 14-летних дочерей, отправились в березовую рощу. Секундантки предложили дамам помириться, но дамы начали перепалку. В разгаре спора дамы выхватили сабли и начали бой, но он продлился недолго, они погибли. Через 5 лет на этом же месте уже дочери противниц подрались. В результате поединка погибла Анна Полесова, а ее оппонентка описала эту историю в свой дневник [3].

В наше время дуэль лишилась популярности. Это была привилегия дворян, а в XXI веке у дворян отсутствуют особые права. Достоинство и честь теперь отстаиваются в судах. Офицеры имеют формальные суды чести. Сейчас живется почти безмятежно, хотя количество убийств ежегодно только возрастает. Преступность постоянно растет, но это не имеет никакого отношения к дуэлям. В современном мире такие поединки случаются редко, но за них положено наказание по закону. Униженные и оскорбленные люди должны искать правду в суде, а не заниматься самоуправством. В Европе русскую дуэль называли «варварством» и «узаконенной формой убийства». В Европе бои происходили на холодном оружии, то в России – на огнестрельном, которое приводило к тяжким исходам. Сражались обычно мужчины, но это ошибочно. Женщины тоже сражались друг с другом, и дуэли были не редкими и намного кровавее и извращеннее. Нет ни одного занятия, которое не примеряли женщины. Некоторые это делают из любопытства, некоторые — чтобы доказать способность на всё. Другой силой была любовь. Я считаю, что дуэль – как способ решения споров, сама себя изжила. В 21 веке она бы смотрелась, как отражение жестокого прошлого. В то время пришло огнестрельное оружие. Дуэль дала возможность для выплескивания обид и

решения проблем. Дуэль была, что твоя собственная жизнь стоит ниже твоей чести. Множество мужчин и женщин, сражаясь за мужчину или с ним, или из-за совершенно глупой причине, искалечивали себя или погибали в ужасных муках. Женщине, существу слабому, не стоит браться за оружие, чтобы разрешить спор. А стоит ли искалечивать себя, если все равно проблема не решена? В наше время свою честь можно защитить через суд. Нам остается делать выводы, и не повторять ошибок прошлого.

Список литературы:

1. Гаевская Евгения. Дамы, к барьеру!: истории и легенды о женских дуэлях / Евгения Гаевская // Планета. – 2019. – № 3. – С. 80-87.
2. Готье Т. Мадемуазель де Мопен / Пер. с фр. Е. Баевской. М.: Терра, 1997. – 352 с.
3. Добровольский Александр. История женских дуэлей: княгиня вызвала графиню, сражались на шпагах // Московский комсомолец. [Электронный ресурс] – 2022. – 4 марта. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2022/03/03/istoriya-zhenskikh-dueley-knyaginya-vyzvala-grafinyu-srazhalis-na-shpagakh.html>. – Дата обращения: 03.03.2023.
4. Кинг Дэвид. Битва дипломатов, или Вена, 1814. / Пер. с англ. И. В. Лобанова. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 484 с.
5. Ришес Константин. Дамы, к барьеру! Из истории женских дуэлей. [Электронный ресурс] // Партнер. – 2018. – №8 (251). – Режим доступа: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/8/235/9163/damy-k-bareru-iz-istorii-zhenskih-dujelej#deteils>. – Дата обращения: 03.03.2023.

Рябушкин Дмитрий Сергеевич

кандидат физико-математических наук, доцент

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

SPIN-код: 7460-1895

КАТЫНСКАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЯН

Аннотация: В статье обсуждается чувствительная тема российско-польских отношений – гибель военнослужащих Польши, оказавшихся в советском плену в начале II мировой войны. Рассматриваются две существующие точки зрения на вопрос об ответственных за гибель поляков. Основной упор сделан на восприятии данной истории российскими гражданами и причинах, по которым тема Катынского расстрела до сих пор является предметом споров как специалистов, так и непрофессионалов. Высказаны соображения по поводу разумного отношения к Катынской истории.

Ключевые слова: вторая мировая война, польские пленные, Катынь, репрессии, НКВД.

KATYN HISTORY THROUGH THE EYES OF RUSSIANS

Summary: The article discusses a sensitive topic of Russian-Polish relations – the death of Polish servicemen who found themselves in Soviet captivity at the beginning of World War II. Two existing points of view on the question of those responsible for the death of Poles are considered. The main emphasis is placed on the perception of this story by Russian citizens and the reasons why the topic of the Katyn shooting is still the subject of controversy by both specialists and non-professionals. Considerations are expressed about a reasonable attitude to the Katyn story.

Keywords: World War II, Polish prisoners, Katyn, repressions, NKVD.

Совместная российско-польская история является показательным примером того, как два соседних славянских народа веками не могут наладить если и не добрососедские отношения, то хотя бы такие, которые бы не вспыхивали периодическими конфликтами, восстаниями и войнами.

Современная российская точка зрения на причины такого положения вещей детально изложена в публикации заместителя председателя Совета безопасности РФ Д.А. Медведева от 2 ноября 2023 года [5]. Примечательной особенностью статьи является утверждение о том, что русофобия глубоко укоренилась не только во властных структурах Польши, но и в самом польском обществе, причем укоренилась, похоже, навсегда. Такая постановка вопроса резко контрастирует с привычным, еще с советских времен, разделением граждан на «народ» и «элиту»: мол, народ ни в чем не виноват, а вот «верхи» проводят враждебную нам политику. В статье Д.А. Медведева такого

разделения нет, зато с предельной прямотой говорится о том, что есть Польша для России: «Враг истеричный, грубый, чванливый и амбициозный. Враг, больной бредом величия и комплексом неполноценности. И относиться мы будем к нему именно как к историческому врагу, полагая, что он в принципе неисправим» [5].

Естественно, у каждой стороны своя правда и всякое событие нашей совместной истории – это огромное количество всевозможных свидетельств и документов. Если судить по частоте упоминания в российских средствах массовой информации, то ныне наиболее актуальны такие темы, как участие польских граждан в конфликте на Украине на стороне киевского режима и снос советских памятников на польской территории. Из событий прошлого вне конкуренции Катынь – именно так, всего одним словом, принято называть все, что связано с уничтожением тысяч поляков, попавших в советский плен в 1939 году. При этом следует заметить, что основная масса пленных была ликвидирована не в Катынском лесу, но поскольку тайна их исчезновения весной 1940 года была раскрыта в Катыни, то именно этот поселок вошел в историю.

Казалось бы, что сейчас, когда обнаружены и обнародованы многочисленные документальные свидетельства, проведены необходимые экспертизы, получены показания очевидцев и сформулирована официальная позиция российских властей, признавших ответственность органов НКВД за Катынь, все споры должны быть завершены. Этого, однако, не происходит. Периодически между сторонниками различных точек зрения вспыхивают острые дискуссии, в которые вовлекаются историки, парламентарии, а также граждане, не являющиеся профессиональными исследователями, но искренне интересующиеся событиями прошлого. Эти дискуссии выплескиваются на страницы российских газет и журналов, появляются в интернете. Итог же обсуждений всегда один: разругавшись в пух и прах и ничего друг другу не доказав, оппоненты затихают на время, чтобы потом опять, набравшись новых сил, вступить в очередную перебранку.

В общем-то весь спор идет о том, кто же уничтожил польских пленных – сотрудники НКВД или гитлеровцы, занявшие территории, на которых содержались пленные? В этой связи чаще всего обсуждаются три вопроса.

Первый: кому понадобилось уничтожать поляков? Зачем это было сделано? Оказывается, многие этого до сих пор не понимают (или делают вид, что не понимают).

Сторонники версии о немецкой вине в гибели поляков считают, что это было сделано гитлеровцами для того, чтобы рассорить СССР с союзниками и, прежде всего, с польским правительством в Лондоне, и тем самым не позволить советскому руководству привлечь поляков к сражениям против вермахта. Заметим, что никаких документов или свидетельств этому нет, это всего лишь предположение. Ответственность советской стороны за Катынь сторонники данной версии начисто отвергают, объясняя это тем, что у Москвы не было

никаких причин совершать массовое убийство. По их мнению, гораздо разумнее было бы отправить поляков на стройки народного хозяйства, где они могли бы принести очевидную пользу.

Их оппоненты из числа защитников официальной российской позиции называют различные причины решения советского руководства о ликвидации поляков. Например, говорят о мстительности Сталина, который не забыл о своих провалах во время советско-польской войны 1920 г. и о гибели десятков тысяч красноармейцев в польском плену. Ряд исследователей указывают, что среди пленных были и гражданские лица, принадлежавшие к польской элите, а потому их ликвидация позволяла избавиться от наиболее мыслящей и самостоятельной части польского общества. Некоторые пытаются читать между строк официальных документов, при этом забывая о том, что неплохо бы для начала прочитать сами строки и попытаться вникнуть в смысл прочитанного, а уже потом искать нечто, неподвластное взору других экспертов. Как раз такой подход позволяет сразу получить ответ на вопрос о причинах расстрела поляков. В записке наркома внутренних дел Л.П. Берии И.В. Сталину № 794/Б от марта 1940 г. перечислены категории пленных, определен их социальный статус: бывшие офицеры польской армии, бывшие работники полиции и разведывательных органов, члены польских националистических контрреволюционных партий, жандармы, чиновники, помещики, тюремщики, фабриканты, осадники, шпионы и диверсанты и др. Давая оценку их воззрениям, а также прошлой и нынешней деятельности, Берия использует следующие характеристики: «Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю», «... находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти», «... все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти...». После таких оценок следует вполне логичное предложение: «... рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела» [2].

Вот, собственно, и ответ на поставленный вопрос о причинах принятого в отношении польских пленных решения: в лагерях содержатся неисправимые враги СССР, держать такую армию врагов у себя в тылу опасно, поэтому следует эту потенциальную угрозу ликвидировать. Что же тут непонятно?

Второй вопрос, по которому ведутся бурные дискуссии – о достоверности документов, имеющих отношение к Катыни. Здесь наибольшее внимание привлекают советские документы из так называемого Пакета № 1, содержавшегося в отдельной папке. Критики версии о причастности НКВД к расстрелам пытались и продолжают пытаться найти какие-то признаки фальсификации упомянутых бумаг. То говорят о фальшивке, к изготовлению которой причастны ренегаты из позднего советского руководства, то спорят о качестве бумаги, на которой напечатаны документы. Еще упоминают не те скрепки, не ту ориентацию подписи Сталина, не тот шрифт пишущей машинки,

не ту печать и т.п. На все эти претензии давно даны компетентные ответы, основанные на проведенных экспертизах и правилах делопроизводства того времени, поэтому повторять в сотый раз однажды уже пояснённое нет никакого смысла. Вывод же таков: нет в упомянутых документах даже намёка на фальшивку – это следует признать и прекратить пустые споры.

Третий вопрос, который вызывает дискуссии – это процедура исполнения казни. Например, раз за разом муссируется то обстоятельство, что поляки были убиты немецкими пулями, выпущенными из пистолетов немецкого производства. При этом игнорируется и никак не комментируется документально установленный факт того, что немецкие «вальтеры» являлись табельным оружием сотрудников НКВД наряду с «наганами» и пистолетами ТТ. Похожая ситуация и с пресловутыми шнурами, которыми были связаны руки жертв: ни в одном советском документе ничего не говорится об экспертизе этих шнуров, но ряд «знатоков» совершенно уверены в их немецком происхождении.

Заслуживает отдельного упоминания позиция российских властей, поскольку здесь с течением времени стала наблюдаться некоторая размытость. С одной стороны, никто не отменял официальную оценку произошедшего в Катыни, данную Президентами РФ Б.Н. Ельциным, В.В. Путиным и Д.А. Медведевым, а также Государственной Думой России. В упомянутой выше статье Д.А. Медведева от 2 ноября 2023 года еще раз говорится о признании ответственности НКВД за Катынь. Но с другой стороны, государственными структурами время от времени обнаруживаются такие документы, которые не соответствуют позиции государства. Один из примеров такого рода – публикация РИА Новости весной 2023 г. показаний некоего Арно Дюре, немецкого солдата, попавшего в советский плен [8]. На Ленинградском процессе 1945-1946 г.г. Дюре заявил о том, что поляков расстреляли немцы, а сам он хотя и не участвовал в расстрелах, но занимался захоронением погибших. Однако Дюре часто путался, на некоторые вопросы судей давал абсурдные ответы – например, утверждал, что Катынский лес находится в Польше (!). В 1954 г., вернувшись в Германию, Дюре вообще отказался от своих показаний, объяснив лжесвидетельствование тем, что его заставили. Упоминания последнего факта в публикации РИА Новости нет, как нет ни слова об официальной позиции России, о документах Пакета № 1, о проведенных экспертизах, показаниях участников событий 1940 г. и т.п. Зато неизвестный автор из РИА Новости постарался придать своей публикации сенсационный характер, назвав измышления Дюре «уникальными материалами». Между тем, эти «уникальные материалы» стали известны широкой публике из ежедневных газет еще в 1946 г., когда журналисты агентства Рейтер, присутствовавшие на судебном процессе, сообщили о показаниях Дюре.

Летом 2023 года то же РИА Новости опубликовало еще одно свидетельство, на этот раз некоего пленного фотографа Юрашека, который

делал фотографии в Катынском лесу с целью их дальнейшей публикации в немецких газетах [1]. Естественно, находясь в советском плену, Юрашек вину за расстрел возлагал на немцев. Анонимный автор статьи, судя по стилю изложения, тот же самый, что и в первом случае: здесь тоже ни слова не говорится о позиции российского руководства и идут ссылки на каких-то безымянных историков, приписывающих катынский расстрел немцам. Более того, автор зачем-то приплел здесь события в украинской Буче в 2022 г. – какое отношение они имеют к Катыни?

В связи с этим возникает вопрос: если положить на одну чашу весов показания Дюре и Юрашека, а на другую – весь массив документов и показаний бывших сотрудников НКВД, о которых РИА Новости умалчивает, то что перевесит? И зачем же РИА Новости опубликовало эти старые фальшивки, чьи указания выполняло и на что рассчитывало? Ситуация, когда верховные власти государства говорят одно, а государственное информационное агентство другое, прямо противоположное, совершенно нетерпима. Подобного рода «раздвоение личности» необходимо устранить, поскольку ничего, кроме вреда, эта неумная игра не принесет.

В недостойной возне вокруг Катыни принимают активное участие и некоторые представители парламентских партий. Например, 9 ноября 2023 года в Государственной Думе выступил депутат от КПРФ Н. Иванов. Перечислив все давно отвергнутые «аргументы», от немецких пуль до Нюрнбергского трибунала, депутат предложил отменить постановление Думы «О Катынской трагедии и ее жертвах» от 26 ноября 2010 г., да еще и выразил крайнее неудовольствие тем, что в школьных учебниках по истории авторство Катынского расстрела признано за НКВД [4].

Похоже, при нынешнем состоянии российско-польских отношений кое у кого возникает желание если и не опровергнуть доказанный факт расстрела поляков сотрудниками НКВД, то хотя бы посеять сомнения в этом. Естественно, у серьезных историков оглашение всякой «липы» не вызывает ничего, кроме отторжения. А вот широкая публика, имеющая отрывочные сведения о событиях весны 1940 г. и черпающая свои познания в случайных статьях наподобие упомянутых публикаций РИА Новости, вполне может и возбудиться.

Вот достаточно типичный пример – статья историка Алексея Лукинского о посещении им Катынского мемориала [7]. По содержанию статья соответствует официальной российской точке зрения, в ней нет громких заявлений с претензией на сенсационность. Наибольший интерес представляют фотографии, сделанные автором в Катыни. Читаем отклики российских граждан.

«Факт расстрела немцами польских жандармов и офицеров в 1940 году в Смоленской области, был признан на Нюрнбергском процессе...»

«Бред сивой кобылы. Это немцы расстреляли поляков и свалили все на наших, да еще с таким неуклюжим враньем, что расстреливали из немецких «парабеллумов», потому, что они якобы надежнее...»

«Есть дневниковые записи нацистских офицеров и функционеров, вплоть до самого доктора пропаганды Геббельса, прямо подтверждающие: Катынь является колоссальной провокацией Третьего рейха, направленной на очернение СССР и вбивание клиньев между ним и союзниками, а также возбуждение ненависти поляков к русским...»

«Поляков расстреляли немцы, в 1941 году. Автор, вы на стороне врагов России?»

«Ложь, придуманная Геббельсом...»

«Статья – бред сивой кобылы. Где доказательства что это сделало НКВД?»

«Информация не соответствует действительности, НКВД не имеет никакого отношения к расстрелу в Катыни»

И так далее в том же духе. Редко-редко встречаются отклики, поддерживающие позицию руководства России.

Легко видеть, что отклики читателей представляют из себя невероятную смесь мифов, слухов, откровенной лжи и подтасовок. При этом не замечают того, что сами невольно изобретают анекдотические фейки: чего стоит, например, первый комментарий о том, что немцы расстреляли поляков в 1940 году в Смоленской области (!). Как же это могло произойти, если война с Германией началась лишь в следующем, 1941-м году?!

В июне 2020 года Левада-Центр (имеющий статус иностранного агента) провел опрос по общей тематике российско-польских отношений, в котором участвовали 1000 россиян. Оказалось, что 44% опрошенных вообще ничего не слышали о Катыни. Из тех, кто слышал, 31% затруднились дать ответ на вопрос об ответственных за расстрел, 26% возложили вину за расстрел на сталинское руководство СССР, 43% – на гитлеровское руководство Германии [6]. (При этом надо учесть, что с 2020 г. наши отношения с Польшей значительно ухудшились, поэтому ныне цифры, вероятно, изменились – и понятно, в какую сторону)

Возникает естественный вопрос: как все это понимать? Почему при полной открытости документов, касающихся Катыни, при наличии ясной позиции российских властей наблюдается столь масштабное незнание обстоятельств катынской трагедии и значительное неприятие официальной трактовки событий 1940 года? Причин этого может быть несколько.

Первая и, возможно, главная причина – нынешние напряженные отношения с Польшей. В условиях острого противостояния и санкций любой спор тут же превращается в настоящую политическую битву, главное в которой – не найти истину, а затоптать оппонента, обвинив его во всех смертных грехах. Поэтому даже те российские граждане, которые умом понимают, кто несет ответственность за Катынь, скорее промолчат при обсуждении этой темы, чем

честно выскажут свое мнение. Сюда же следует отнести ложно понимаемый патриотизм: мол, что бы ни сделала моя страна, она всегда права. Ведь хотя в российском обществе уживаются самые разные мнения, все же большинство населения следует считать стихийными патриотами – как, впрочем, и в любой другой стране.

Другая причина – возраст людей, обсуждающих данную тему. Молодое поколение может вообще не знать о катынских событиях и не интересоваться ими. В школах эта тема упоминается вскользь, интересы молодежи ныне иные, нежели во времена СССР, поэтому едва ли эта давняя история интересна молодому поколению россиян. А вот гражданам от 50 и выше тема может быть любопытна: в годы их юности интернета и смартфонов не было, журналов и газет читали больше. Им непросто принять тот факт, что поляков расстреляли сотрудники советских спецслужб, поскольку они долго слышали о гитлеровской провокации в Катыни.

Еще одна причина может состоять в том, что среди рядовых граждан мало таких, которые обладали бы качествами настоящего исследователя, т.е. терпением, способностью сопоставлять противоречивые факты, анализировать, не идти на поводу у чужого мнения. Для многих достаточно прочесть одну статью – и они сразу становятся верными сторонниками изложенных в ней идей. Если набрать в поисковой системе интернета слово «Катынь», то перед взором читателя возникает большое количество публикаций никому не известных авторов, которые, в большинстве своем, приписывают исполнение катынского расстрела немцам. Задать же вопрос, кто эти «писатели» и какое отношение они имеют к теме Катыни, многим просто не приходит в голову. Зато возникает соблазн немедленно выплеснуть собственные эмоции на других пользователей интернета – тем более, что это так просто, а аудитория охватывается большая. Что и делается – нередко крайне безграмотно и сумбурно, а то и с использованием ненормативной лексики.

Тем, кто пытается поставить под сомнение официальную оценку катынскому делу, данную первыми лицами Российской Федерации, давно следовало бы понять очевидную истину: Катынь – это не та тема, которая выигрышна для России, ее народа, для наших отношений с другими странами. Какие бы новые свидетельства и документы ни всплывали, они не смогут перевесить того главного, что уже есть. Постоянные же попытки переложить на немцев вину за Катынь только играют на руку нашим недругам. Ведь признав ответственность за Катынь и обнародовав принципиально важные документы, мы тем самым выбили все козыри из рук оппонентов. Говорить-то им уже стало не о чем, всё ясно, никто не пытается что-то скрыть. И тут появляются наши «патриоты» с сенсационными заявлениями, что обнаружено нечто новое и вот теперь-то все антисоветчики будут посрамлены. Но раз за разом все «новое» оказывается уже опровергнутым старым, а польская русофобия получает очередной живительный толчок, с удовольствием расписывая скудоумие и тупое упрямство россиян. По этой причине муссирование катынской темы

необходимо прекратить, и чем быстрее, тем лучше. События в Катыни весной 1940 года – это не дискуссионная тема, а доказанный факт, именно так к ним и надо относиться.

В то же время необходимо давать резкий отпор попыткам некоторых современных польских деятелей требовать от России постоянных извинений за Катынь. Попытки заставить нас каяться следует рассматривать как враждебное намерение превратить россиян в нацию с чувством постоянной вины перед соседями. Однако нынешние поколения российских граждан не имеют никакого отношения к делам прошлого, за которые официальные власти уже давно выразили сочувствие польскому народу. Тем более, что польская сторона свела весь вопрос к выплатам родственникам погибших в Катыни: как это уже бывало, начинали говорить о справедливости, человечности, законности и пр., а в конце концов потребовали денег.

Нам также не следует уподобляться властям Польши, занимающимся борьбой с памятниками. Безответственные призывы некоторых «думцев» демонтировать польскую часть мемориала в Катыни есть ни что иное, как проявление недалекости и неспособности заниматься продуктивной политической деятельностью у некоторой части народных избранников. «Инициативы» подобного рода следует решительно пресекать, как наносящие очевидный вред российским интересам и авторитету страны на международной арене. К сожалению, некоторые ошибочные действия уже совершены – например, с бывшего здания Управления НКВД в Твери снята памятная табличка с указанием о том, что здесь в 1940 году производились расстрелы поляков. Решение об этом приняла прокуратура Центрального района города под тем предлогом, что табличку установили незаконно. А незаконно потому, что факт расстрела пленных якобы не подтверждается архивными документами. Трудно сказать, в каких архивах тверские прокуроры искали сведения о расстрелах, но в материалах расследования Главной военной прокуратуры есть видеозапись и расшифровка допроса бывшего начальника Управления НКВД по Калининской области Д.С. Токарева, который подробнейшим образом рассказал, каким образом ликвидировали поляков и как все это оформлялось [3].

Что касается исследований катынского дела, то их надо продолжать. Но не с той целью, чтобы затевать новые бесперспективные скандалы и пытаться опровергнуть уже доказанное, а для более широкого информирования общественности об этой поучительной и трагической странице нашей истории.

Список литературы:

1. Архивы рассекретили признания гитлеровцев о расстреле поляков в Катыни.
– URL: <https://ria.ru/20230622/katyn-1879735507.html?ysclid=lobh8it6p3733981536> (дата обращения: 9.01.2024).
2. Катынские материалы. Документы, свидетельства, исследования, полемика. Катынские документы. Закрытый пакет № 1 и сопутствующие документы.

- Цветные изображения. – URL: <https://katynfiles.com/content/sealed-envelope-color.html#berianote> (дата обращения: 9.01.2024).
- 3.Катынские материалы. Документы, свидетельства, исследования, полемика. Документы, фото- и видеоматериалы, материалы расследований. – URL: https://katynfiles.com/content_docs.html (дата обращения 9.01.2024).
- 4.Коммунисты поднимают скандал: в учебник Мединского по истории попала геббельсовская трактовка Катыни – URL: <https://dzen.ru/video/watch/6550ccbdc46c81db7b539ff> (дата обращения: 9.01.2024).
- 5.Медведев Д.А. Россия и Польша: заметки к 4 ноября. Польша: мегаломания, комплекс неполноценности и фантомные боли несостоявшейся империи. – URL: <https://rg.ru/2023/11/02/rossiia-i-polsha-zametki-k-4-noiabria.html> (дата обращения: 9.01.2024).
- 6.Образ Польши в России сквозь призму исторических споров. Россияне о событиях из истории польско-российских отношений. – URL: http://cprdip.pl/assets/media/Wydawnictwa/Raporty/_pdf (дата обращения: 9.01.2024).
- 7.Осматриваем Катынь. Место расстрела НКВД польских офицеров в 1940 году. Показываю уникальные фотографии. – URL: https://dzen.ru/a/YTyBUySoFBkucs8x?referrer_clid=1400& (дата обращения: 9.01.2024).
- 8.ФСБ опубликовало уникальные архивные документы по Катыни. – URL: <https://ria.ru/20230411/katyn-1864449468.html> (дата обращения: 9.01.2024).

Савушкина Марина Александровна

кандидат философских наук, доцент

Михайловская военная артиллерийская академия

SPIN-код: 6564-8203

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУСОФОБИИ Н.П. ТАНЬШИНОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Автор анализирует роль концепции русофобии современного отечественного историка Н.П. Таньшиной в успешном противостоянии русофобскому нарративу современной гибридной войны коллективного Запада против России. Подчёркивается важность интернет-деятельности современного учёного-гуманитария как эксперта и отстаивания им патриотической позиции.

Ключевые слова: гибридная война, история, русофобия, цифровое бытие, русофобский нарратив, патриотизм.

THE SIGNIFICANCE OF THE HISTORICAL CONCEPT OF RUSOPHOBIA N.P. TANSHINA IN THE CONTEXT OF MODERN HYBRID WARFARE

Summary: The author analyzes the role of the concept of Russophobia by the modern domestic historian N.P. Tanshina in successfully opposing the Russophobic narrative of the modern hybrid war of the collective West against Russia. The degree of Internet activity of a modern humanities scientist as an expert and promotion to a patriotic position is emphasized.

Keywords: hybrid warfare, history, Russophobia, digital event, Russophobic narrative, patriotism.

Цифровой поворот в истории человечества трансформировал в онтологическом плане не только самого человека, но и видоизменил оптику анализа антропологической проблематики в современных гуманитарных исследованиях. Учёный-гуманитарий в цифровой культуре сталкивается с целым рядом социально-политических вызовов, требующих пересмотра классических представлений о нём самом как о субъекте научной деятельности.

При смене аналоговой и цифровой информационных парадигм произошла деконструкция представлений о традиционных культурных ценностях и деформировались философские идеи о возможности достижения абсолютной истины в мире, в котором благодаря доступности интернета цифровой индивид в попытке получить информацию о событиях прошлого или настоящего имеет дело с множеством информационных контекстов и симулякров. Интернет и цифровизация превратили любой «тезис» в «дискурс», а бытие человека – в «бытие-в-гибридной войне».

Масштабы и возможности современной гибридной войны настолько колоссальны в сравнении с гибридными проявлениями в военно-политических конфликтах прошлого, что возникает вопрос: может ли современная гуманитарная наука развиваться дистанционно и независимо от контекста информационно-политического противостояния между государствами и политическими системами? Специальная военная операция актуализировала проблему ответственности учёного-историка за ракурсы исторической оптики и обнажила нюансы использования истории как информационного оружия в глобальной гибридной войне коллективного Запада против России. Преподаватели истории, учёные-историки в цифровом обществе являются полноценными участниками информационного фронта. Одним из самых активных бойцов по защите Отечества от информационной агрессии в период специальной военной операции стала доктор исторических наук, профессор Наталья Петровна Танышина.

Изначально занимаясь историей Франции XIX в., Н. Танышина в своих научных трудах описывала, в том числе, контекст взглядов европейских историков или масштабных исторических фигур на российскую культуру и русского человека [5; 6]. На основе анализа историографического массива был сформулирован новый предмет исторического изучения – русофобские дискурсы и представления, формирующие негативные представления о России в исторических документах XIX в.

Одновременно с научной деятельностью, Н. Танышина проявила себя как учёный, понимающий особенности цифрового бытия и использующий интернет-инструментарий для донесения результатов исследований не только посредством классической печатной книги, но и путём активного участия в качестве спикера на различных интернет-площадках. С точки зрения теории гибридной войны, подобная позиция учёного в современной цифровой культуре является необходимостью, поскольку позволяет преодолеть дистанцию и цифровой разрыв между старшим поколением как трансляторами мировоззренческих установок традиционной культуры и цифровой молодёжью, для которой интернет является константой повседневности [3, с. 179].

Впервые дискурс о нарастающих проявлениях русофобии в западной науке и целенаправленном процессе негативизации образа России и её истории возник в российских социально-философских исследованиях 2000-х гг. До этого были «лихие 90-е», которые в исторических и философских работах российских учёных отразились в тенденции исторической оптики «стыда и вины» в отношении собственной истории. Историки А. Киселёв и В. Попов, анализируя идеологические аспекты исторических концепций постсоветского периода, отмечают, что «отказ от марксистской идеологии, долгие годы успешно заменявший нам теорию исторического познания, привёл к заимствованию западных теорий с их идеологическими оценками нашего прошлого» [2, с. 37].

Активное вмешательство Запада в формирование траектории развития гуманитарных наук в России в начале XXI в. отразилось не только в переходе к прозападной форме оценки деятельности учёного в виде наукометрии, индексов цитирования и грантовой поддержки, но и во влиянии на тематику и особенности интерпретации исторических источников, а также в формировании смысловых конструкторов в отношении фигур или событий российской истории. Несмотря на официальные декларации об историке как независимой фигуре, через исторические тексты как западных, так и российских историков в массовое сознание внедрили русофобские установки.

Отношение народа к собственной истории и восприятие истории страны представителями других стран – символическое пространство, которое наиболее подвержено гибридным ударам противника в цифровом обществе с его гиперинформационным перепроизводством. Научная и информационная активность Н. Таньшиной по «распаковке» подмен исторических представлений о России в западноевропейской историографии и трансляция в интернет-выступлениях патриотической позиции стала ответом на современные гибридные удары против российской истории. Как отмечает А. Ильичев, «русофобский нарратив» является системообразующим механизмом современной гибридной войны Запада против России: «под русофобским нарративом подразумевается сконструированная последовательность образов и идей антироссийской направленности, обличённая в форму научного повествования» [1, с. 36].

Н. Таньшина активно борется с русофобским нарративом, с одной стороны, популяризируя проблему русофобии в интернет-сегменте, а с другой – формируя у поколения цифровых аборигенов привычку к анализу информации сквозь призму гибридно-информационного удара противника. Дискуссии о том «имеет ли право историк быть патриотом?», распространённые в соцсетях до начала специальной военной операции, благодаря Н. Таньшиной преобразовались в настоящий момент в устойчивое представление, что в эпоху тотальной гибридной войны «историк не может не быть патриотом». Важным результатом её труда в информационном поле стало реформатирование в общественном сознании представлений об ответственности учёного перед своей страной, армией и народом в период прямых и асимметричных военно-политических конфликтов.

Анализируя особенности исторической концепции русофобии в различных трудах Н. Таньшиной, можно отметить гибридный характер её исследований: историческая методология преломляется в культурологическом и социально-философском ключе. События прошлого в описании особенностей антироссийской пропаганды всегда вступают в диалог с современностью. К примеру, анализ исторических причин формирования представлений о расовой неполноценности русских в Польше XIX в. заполняет лакуны в отношении причин современной информационной политики Запада по «расчеловечиванию» русских на Украине [4].

Сложность повседневной жизни в современном цифровом обществе для обычного человека состоит в том, что он вынужден постоянно находиться в «ментальном тонусе» и фиксировать гибридные удары по собственным ценностям и убеждениям, чтобы не потерять свою субъектность в способности самостоятельного суждения.

Под прикрытием идеи глобализации западный мир сегодня за счёт цифровых технологий реализует политику переписывания как мировой, так и российской истории. Современный историк-патриот, искренне любящий Отечество, вынужден оказывать сопротивление антироссийскому нарративу не только со стороны западных учёных, но и иногда держать идеологическую оборону русофобскому дискурсу соотечественников. Профессиональные исторические исследования и бесстрашная научно-просветительская деятельность профессора Н. Таньшиной, безусловно, способствуют сохранению основ национального суверенитета российской культуры в глобальном мировом гибридном противостоянии идей, смыслов и ценностей.

Список литературы:

1. Ильичев А.В. Дискурс гибридной войны как механизм формирования негативного образа России // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 3. – С. 36–53.
2. Киселёв А.Ф., Попов В.П. человек в истории и история в человеке // Высшее образование сегодня. – 2015. - № 4. – С. 36–43.
3. Савушкина М.А. Проблема формирования «цифровых компетенций» в образовательном процессе современного военного вуза / М.А. Савушкина // Динамика развития системы военного образования. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Омск: ОГТУ, 2022. – С. 178–182.
4. Таньшина Н.П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – № 4 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru-vopros-kak-instrument-ideologicheskoi-borby-zapada-proti-rossii> (дата обращения: 15.02.24).
5. Таньшина Н.П. Русофилы и русофобы: приключения французов в николаевской России. – СПб.: Евразия, 2020. – 160 с.
6. Таньшина Н.П. Франсуа Гизо: Политическая биография. – М.: МГПУ, 2016. – 363 с.

Сажин Дмитрий Павлович

преподаватель истории и права

Академия управления городской средой, градостроительства и печати

SPIN-код: 1843-3086

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТЕРМИНА «РУСОФОБИЯ»

Аннотация: Термин «руссофобия» в последнее время сделался общеупотребительным в условиях информационной войны. При этом существует и ошибочная позиция полного отождествления понятий «антисоветизм» и «руссофобия». Большинству современных читателей, интересовавшихся русской идеей, термин руссофобия известен из публицистической работы Шафаревича И.Р. с тем же названием «Руссофобия». Этой своей работой он вошёл в конфликт с диссидентством 1980-х гг. Первое подтверждённое упоминание термина «руссофобия» большинство исследователей признаёт за русским политиком и поэтом Тютчевым Ф.И. Упомянут этот термин в переписке с дочерью, которая была замужем за известным славянофилом Аксаковым И.С. Но есть ряд исследований, в которых введение в обиход слова «руссофобия» отнесено к более раннему времени. Возвращение Шафаревичем И.Р. этого термина в общественно-политический дискурс сопровождается привлечением в новом качестве термина «малый народ».

Ключевые слова: руссофобия, русская идея, национальная культура, Россия, Запад, противостояние, малый народ.

ON THE HISTORY OF THE ORIGIN OF THE TERM "RUSSOPHOBIA"

Summary: The term "Russophobia" has recently become common in the context of information warfare. At the same time, there is also an erroneous position of complete identification of the concepts of "anti-Sovietism" and "Russophobia". Most modern readers who were interested in the Russian idea, the term Russophobia is known from the journalistic work of I.R. Shafarevich with the same name "Russophobia". With this work, he came into conflict with the dissidence of the 1980s. The first confirmed mention of the term "Russophobia" is recognized by most researchers for the Russian politician and poet Fyodor Tyutchev. This term was mentioned in correspondence with his daughter, who was married to the famous Slavophile Aksakov I.S. But there are a number of studies in which the introduction of the word "Russophobia" is attributed to an earlier time. The return of this term by I.R. Shafarevich to the socio-political discourse is accompanied by the use of the term "small people" in a new capacity.

Keywords: Russophobia, Russian idea, national culture, Russia, West, confrontation, small people.

Термин «русофобия» в последние несколько лет стал чрезвычайно популярен в связи с актуализацией не только для специалистов, но и для самой широкой аудитории темы противостояния русской цивилизационной модели неким враждебным силам на поле информационной войны [7, с. 26]. При этом интерпретации термина даются зачастую вопреки его изначальной семантики: тезис «всякий антисоветизм есть русофобия». То, что может быть признано лишь частным случаем, возводится до полного отождествления. Делается это с целью заменить в массовом сознании ретроспективно-прагматический миф о русском мире на ретроспективно-утопический миф о «золотом веке» в СССР. Стоит сразу оговориться, что под словом «миф» в данном случае стоит понимать не изначально ложную версию исторического процесса, а комплексное и одновременно по необходимости сокращённое описание исторических событий в смысловом контексте. Некоторые конъюнктурные мистификации приобретают форму смеси псевдо-русофильского расизма, неоязычества и марксизма. В качестве примера подобного творчества приведена цитата из брошюры председателя ВСД «Русский лад» Никитина В.С., чьим политическим спонсором выступает КПРФ.

«Русофобия, как идейно-политический феномен, проявилась уже на рубеже третьего-второго тысячелетий до нашей эры, когда семиты начали вытеснять наших предков русов с их земель на Ближнем Востоке. Русы – индоевропейцы, а значительно позже славяне, русские – это лишь разные названия одного суперэтноса во времени. В истории развития русофобии ее объектами были последовательно: русы, как суперэтнос, потом славяне, а затем русские и Россия. Субъектами русофобии были и остаются семиты, романо-германцы и англосаксы» [8, с. 5].

Нынешнее активное поколение в той своей части, которая принадлежала хотя бы к читателям русской национал-патриотической публицистики, знакомо с сочинением Игоря Ростиславовича Шафаревича под тем же знаковым названием «Русофобия». Потому и происхождение термина «русофобия» очень многие, если не большинство аудитории общественно-политической публицистики 1980-х – 1990-х, связывали с литературно-просветительской деятельностью этого прославленного деятеля оппозиционной патриотически настроенной интеллигенции. Эссе Шафаревича И.Р. было впервые опубликовано в 1982 г., а работа над ним велась ещё с 1978 г. До «Русофобии» разные аспекты русской национальной идеи находили своё отражение в работах Игоря Ростиславовича, но «Русофобия» развела его с мейнстримом диссидентского движения в СССР, которое право еврейского меньшинства не эмиграцию волновало гораздо больше, чем состояние титульной нации. Позиция Шафаревича И.Р. оказывалась и не соответствующей в полной мере советскому патриотизму как части официальной идеологии, и не коррелирующей с преобладающим в диссидентской среде настроением отчуждения от исторической России. Но, несмотря на то что большинство

современников познакомилась с термином «руссофобия» из одноимённого сочинения Шафаревича И.Р., происхождение его имеет более давнюю историю.

У большинства авторов, исследующих данную тему, бытует мнение, что первое достоверное упоминание этого термина содержится в письме русского государственного деятеля и поэта Тютчева Ф.И. к своей дочери и жене известного славянофила Аксакова, датированного 20 сентября 1867 г. Примечательно, что оригинал исторического источника написан на французском языке, цитата приводится здесь по переводу, помещённому в собрании сочинений Тютчева Ф.И. издательством.

«Посылаю твоему мужу, отнюдь, разумеется, не с целью предания гласности, а для его личного ознакомления, отрывок из письма к Майкову Достоевского, в котором он рассказывает о своей встрече с Тургеневым в Бадене. Аксаков мог бы развить это в статью, которая была бы сейчас как нельзя более кстати. – В ней следовало бы рассмотреть современное явление, приобретающее всё более патологический характер. Речь идёт о руссофобии некоторых русских – причём весьма почитаемых... Прежде они говорили нам, и говорили искренно, что Россия их отвращает отсутствием прав, свободы слова и т.д. и т.д., а Европа внушает им нежную любовь именно наличием там всего этого... Что же мы видим теперь? По мере того, как Россия, добываясь некоторых послаблений, всё более самоутверждается, отвращение к ней этих господ только растёт. Ибо, судя по всему, прежние порядки никогда не вызывали у них столь лютой ненависти, как современные направления национальной мысли... И напротив, сколько бы ни попирали в Европе право, нравственность, саму цивилизацию, это, как мы видим, ничуть не уменьшает их расположения к Западу. Они по-прежнему сочувствуют полякам и находят совершенно естественной подлую политику западных держав по отношению к восточным христианам и т.д. и т.д. Словом, в означенном мною явлении принципы, как таковые, никак не замешаны, тут нет ничего, кроме инстинктов, и вот природу-то этих инстинктов и нужно бы проанализировать» [10, с. 271].

Судя по всему, термин этот был употребляем в среде национально мыслящей русской интеллигенции. Хотя в приведённом отрывке Фёдор Иванович дал ему всеобъемлющую характеристику. В интерпретации Тютчева Ф.И. под руссофобией понимается нравственная патология некоторой части соотечественников, которые при любых условиях испытывают отвращение и ненависть к собственному Отечеству в противоположность подобострастному отношению к странам и народам Запада. Причём этот мировоззренческий комплекс может пытаться найти себе оправдание в приверженности носителей его идеям политических и гражданских свобод. Однако, в действительности никакой связи с осуществлением или игнорированием со стороны государственной власти политических и социальных прав и свобод руссофобия не имеет. Она представлялась Тютчеву Фёдору Ивановичу как некий социальный инстинкт, подлинную природу которого ещё предстояло выяснить.

Таким образом, русофобствующие представляли собой слой образованных и зачастую достаточно известных в обществе людей, фактически совершавших вначале нравственное предательство Родины, но в условиях информационной войны готовых и к более деятельной измене. Русофобия рассматривалась в контексте цивилизационного противостояния России и Запада, но как внутреннее явление. Русофобия – проявление среди осознанных или неосознанных агентов западной цивилизации идеи изначальной интеллектуально-нравственной ущербности России и её опасности для так называемого цивилизованного мира.

Среди исследователей есть мнения и о том, что термин «руссофобия» появился примерно за 2 десятка лет ранее приведённого письма Тютчева Ф.И. В этом случае мнения о первоначальном употреблении термина и его возможном авторстве расходятся. В том числе первоначальное употребление термина достаточно обоснованно приписывают иностранным источникам. Представляется вполне вероятным, что с приданием новых оттенков значения термин «руссофобия» был принят в среде русской национально мыслящей интеллигенции, если учесть, что и свою переписку славянофилы, например, чаще вели не французском или немецком языках. Русские национал-патриоты позапрошлого века были людьми, как минимум прекрасно адаптированными к европейской культуре и цивилизации.

«Первыми о «руссофобии» (Russophobia) заговорили английские радикалы в начале 1836 г.; так они обозначали фантомный либо преувеличенный страх перед угрозой британским интересам со стороны России. Очень скоро слово появляется в немецкой и французской печати (*die Russophobie, la Russophobie*).

В разделе «Смесь» февральского номера «Библиотеки для чтения» за 1838 г. сообщалось, что известный руссофоб г. Уркварт (Urquhart) доложил в Лондонском географическом обществе результаты своих наблюдений о путях распространения чумы в Турции (Места зарождения..., 1838: 117). Прозвище «руссофоб» (Russophobist, позднее также Russophobe) дипломат и публицист Дэвид Уркварт (1805 – 1877) получил в английской печати: имелась в виду его яростная критика русской внешней политики и пропаганда тезиса о русской угрозе» [2, с. 223].

Иногда введение в российский общественно-политический дискурс термина «руссофобия» связывают с реакцией государственного деятеля и поэта Вяземского П.А. на изданную в Европе книгу маркиза де Кюстина о России с весьма нелицеприятным содержанием.

На самом деле с тезисом о существовании некоего социального слоя в числе образованных и в целом материально обеспеченных подданных Российской империи, поражённых патологическим неприятием своего Отечества, в концепции Тютчева Ф.И. сочетается концепция и противостояния основных сил в Европе: России и Революции. В какой-то степени понятие Революции и понятие ненормальной, патологической Европы совпадают. То,

куда движется революционизирующаяся Европа – это и есть поле для процветания русофобии.

Советский академик-диссидент Игорь Ростиславович Шафаревич хотя и не был тем, кто первым сформулировал термин «руссофобия», но он внёс немалый вклад в его реанимирование и популяризацию. И он выявил данное явление как в большей степени внутреннюю проблему российского образованного класса. Хотя в советские словари термин «руссофобия» даже мог попасться в словаре, например, Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю.: «РУСО1... Первая часть сложных слов со знач. относящийся к русским, к русскому, напр. русофил (человек, любящий все русское), русофоб (человек, ненавидящий все русское)»; в общественно-политическом дискурсе термин не был востребован. Именно потому «Руссофобия» Игоря Шафаревича смогла произвести эффект обнаружения нового явления и соответствующего ему нового термина.

Предметом исследования академика и публициста было явление, сходное с предметом внимания Тютчева Ф.И., – литература и журналистика, но только с учётом изменившихся исторических реалий. В первые две трети XIX в. это было преимущественно российское дворянство в большей части русского происхождения. Эта сословная группа вполне могла сочетать в себе творческую и научную интеллигенцию с чиновничеством довольно высокого ранга, причём тот и другой статусы часто принадлежали одному и тому же человеку. Во второй половине XX в. к социальной общности, питающей приверженность к руссофобии и ставшей предметом изучения, относились в основном представители творческой и научной интеллигенции, гораздо менее связанные напрямую с государственным или партийным аппаратом. Для её более отчётливого определения Шафаревич И.Р. использовал понятие, введённое Огюстеном Кошеном для исследования той социальной прослойки, что способствовала Великой Французской революции – «малый народ». Именно этот так называемый малый народ выступает как носитель руссофобских настроений, находящих выход в публицистике и художественном творчестве. Кстати, книга Кошена О. «Малый народ и революция» была опубликована в России в 2004 г. с предисловием Игоря Ростиславовича Шафаревича.

«Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин «фобия» – страх и ненависть). А ненависть к одной нации, скорее всего, связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой» [11, с. 344].

У Шафаревича И.Р. в его исследовании «Руссофобия» та социальная общность, которая фигурирует под наименованием малого народа, отличается от подразумеваемой Тютчевым Ф.И. и описанной Кошеном О. участием в её формировании этнического фактора. Кстати, этот фактор так отчётливо действовал именно на протяжении XX в.

«Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь

мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается» [11, с. 345].

В заключение можно сказать пару слов об интересной тенденции в трансформации термина «русophobia». Если принимать во внимание все имеющиеся версии по введению в дискурс, то значение термина в целом сохранилось, но в разных интерпретациях приобретало свои оттенки. Первоначально это было обозначение умышленного или вследствие добросовестного заблуждения акцентирования внимания на так называемой угрозе со стороны Российского государства международному сообществу. Затем русophobia приобрела смысл интеллектуальной и нравственной измены своему Отечеству со стороны представителей образованных и материально обеспеченных подданных российского императора, преимущественно дворян. С изменением социальной картины в целом изменился и состав носителей патологии русophobia. На рубеже XIX – XX вв. это в большей степени революционная и либеральная публика. В первые десятилетия советской власти эти носители русophobia занимали значительное место и в системе политической власти. И уже к этой прослойке применим термин «малый народ», использованный в его концептуальной работе «Русophobia». Во второй половине XX – начале XXI вв. термин «русophobia» имеет самое широкое содержание, охватывая и деструктивную идеологию малого народа, представленного диссидентством последних десятилетий СССР, и пропаганду политических структур западных стран, ведущих информационную войну против России.

Список литературы:

1. Даренский, В.Ю. Русский патриотизм и «русophobia» как детерминанты политической культуры (экзистенциальный аспект) // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2015. – № 3. – С. 138 – 146.
2. Душенко, К.В. Понятие «русophobia» у русских авторов XIX – XX вв. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 222 – 255.
3. Жаворонков, С.В. Электоральные корни русophobia. Опыт новейшей истории // Вопросы национализма. – 2013. – № 1. – С. 111 – 116.
4. Крылов, К. и др. Бесстрашие мысли; к 90-летию Игоря Ростиславовича Шафаревича // Вопросы национализма. – 2013. – № 3. – С. 194 – 205.
5. Мырикова, А.В. Ф.И. Тютчев: Истоки русophobia. «Польский вопрос» // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2009. – № 3. – С. 37 – 44.

6. Невелев Г.А. Декабристский контекст. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2021. – 832 с.
7. Неменский, О. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. – 2013. – № 1. – С. 26 – 65.
8. Никитин В.С. Русофобия: суть и методы сдерживания. – Псков, 2017. – 92 с.
9. Тарасов, Б.Н. Проблема русофобии в историософии Ф.И. Тютчева // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – т. 18. – № 2. – С. 145 – 171.
10. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 6. – М.: Издательский Центр «Классика», 2004. – 592 с.
11. Шафаревич, И.Р. Полное собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 2. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 496 с.

Самылов Олег Валерьевич

доктор философских наук, профессор

Петербургский государственный университет путей сообщения императора
Александра I

SPIN-код: 9615-8190

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

Аннотация: Данная статья посвящена анализу социально-политических воззрений в русских консерваторов второй половины XIX века. Особое внимание уделяется идеям одного из поздних славянофилов П.Е. Астафьева. В статье анализируются социально-политические и философские основания, оригинальной метафизики русского национального самосознания, рассматриваются особенности позиции П.Е. Астафьева по вопросу формирования национальной идеологии.

Ключевые слова: П.Е. Астафьев, русский консерватизм, русская идеология, революция, национальный общественный идеал, бюрократическое средостение.

RUSSIAN CONSERVATISM AND REVOLUTION

Summary: This article is devoted to the analysis of socio-political views in Russian conservatives of the second half of the XIX century. Special attention is paid to the ideas of one of the late Slavophiles P.E. Astafiev. The article analyzes the socio-political and philosophical foundations of the original metaphysics of Russian national identity, examines the peculiarities of P.E. Astafiev's position on the formation of national ideology.

Keywords: P.E. Astafyev, Russian conservatism, Russian ideology, revolution, the national social ideal, the bureaucratic mediastinum.

Известно, что социальные изменения тесно связаны с коренным преобразованием духовных основ общества, идеологии и нравственных абсолютов. Разрушение традиционной системы ценностей погружает общество в кризисное состояние. В русской истории XIX век становится временем вызревания социальной революции, которая сотрясет страну уже скоро. Радикализация революционно-демократического движения пореформенной России взывает к жизни появление крайне правых проектов возвращения к самобытным устоям общественного развития. Такими устоями или, по выражению графа С.С. Уварова «охранительными якорями спасения» должны стать «православие, самодержавие, народность». Русская консервативная мысль второй половины XIX века консолидируется вокруг этих фундаментальных оснований русской жизни. В сравнении с ранней славянофильской мыслью, еще исполненной не вполне жесткого и развернутого отношения к реализации

русского самобытного исторического пути, поздние славянофилы и консерваторы уже увидели «плоды просвещения» и результаты либеральных реформ царя-освободителя Александра II – нарастание революционных настроений, подъем народолюбивого движения, появление нелегальных организаций «Народная воля» и «Черный передел», прославившихся экстремизмом, террористическими акциями. «Великие реформы» развязали руки революционерам. Польское восстание 1863–1864 гг., злодейские покушения на государя-императора и царских чиновников обострили внимание общественности к теме борьбы с революционно-демократическим и на рубеже веков с пролетарским движениями.

Деятельность Царя-контрреформатора Александра III открывает новые возможности для охранительного крыла общественно-политической и философской мысли – консерваторы-государственники весьма жестко и остро поставили вопрос о будущем страны, о противодействии «нашествию Гогов и Магогов» (выражение П.Е. Астафьева), всеобъемлющей политической, экономической и духовной экспансии либерального Запада. Глубокие изменения в пореформенной России нашли выражение в творчестве публициста В.П. Мещерского, обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева, философов Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова и многих других.

Весьма примечательными, оригинальными и одновременно характерными в этом ряду выглядят воззрения Петра Евгеньевича Астафьева (1846–1893) – блестящего публициста и государственно мыслящего философа, славянофила и консерватора, близкого в главных своих идеях кругу своих современников – М. Каткову, К. Леонтьеву, К. Победоносцеву, Д. Толстому и др. П.Е. Астафьев в своем философско-публицистическом творчестве пристальное внимание уделил анализу новых идеологических тенденций пореформенной России, приведших вскоре к крушению традиционных устоев русской жизни и четко указал движущие силы грядущих катаклизмов.

Достижения П.Е. Астафьева в развитии русской социальной философии еще недостаточно исследованы, но можно констатировать, что перед нами серьезный теоретик национальной идеи, завершитель позднего славянофильства, попытавшийся осуществить синтез философского мышления, прежде всего воспринятого им русского лейбнизианства и православия. В целом философско-публицистическое творчество Астафьева инспирировано своеобразно интерпретируемой им т.н. «философией сердца» П.Д. Юркевича, пожалуй, одного из главных его наставников в годы обучения философа на юридическом факультете Московского университета, а также идеями русского гегельянца, сторонника конституционной монархии, представителя либерального крыла русского консерватизма Б.Н. Чичерина и историка русского права Ф.М. Дмитриева.

Такой неспецифичный для русской интеллигенции второй половины XIX века набор учителей, позволил нашему философу сформировать позицию

философского персонализма, которая сочетала учение о бытии как о духовной субстанции с особым акцентированием роли личности и общественных идеалов (может быть, отсюда это особое подчеркивание Астафьевым значения идеалов в духовной организации общества). Характеризуя философско-исторические взгляды философа следует отметить влияние интенций философской мысли раннего славянофильства, особенно идеи об органическом характере исторического процесса, признание самоценности исторических эпох, ожидание нового исторического эона, противопоставление государственных и социальных и национальных начал жизни, критика плоского механицизма и рационализма.

Астафьев особенное значение придавал публицистической деятельности, усматривая в ней возможности существенного влияния на общественное сознание. Журналы и газеты, по мысли ученого, должны стать действенным средством борьбы с проникающими в Россию с Запада чуждыми идеями утилитаризма, космополитизма. Эти идеи действуют тлетворно и разрушают органичность русской государственно-национальной жизни в ее главных устоях. «Убийственное бюрократическое средостение», оформляющееся в России во второй половине XIX века, стало, по мнению Астафьева, питательной средой успешно укореняющихся европейских буржуазных форм жизни. В письме «последнему могиканину славянофильства» А.А. Кирееву, Астафьев подчеркивал, что «надежнейшее средство против наших бед есть широкая, но ответственная гласность – честная некупленная, любящая Родину и ее идеалы печать». В ней одной он видел средство общения Царя с народом, противостоящее непроницаемому «бюрократическому средостению», которое везде убивает жизнь, как убила ее некогда в Византии [1]. Следует отметить, что Астафьева более всего интересовали не вопросы онтологии, гносеологии, а социально-философские темы. Философ прозорливо указывает на то, что несмотря на увеличивающееся техническое богатство страны, происходит стремительное нравственное и духовное оскудение. Духовная нищета и техническое богатство активизируют эгалитарно-либеральные настроения, порождают стремления к насильственному ниспровержению государственной формы с целью «справедливого» передела этого богатства. Смысл же истории, отмечает Астафьев, лежит не в достижении этого эгалитарно-либерального идеала (по сути, утилитарного), не в конечных результатах технического прогрессирования общества, а во «внутренних мотивах», в нравственно-религиозном развитии человека, в идеальных началах созидающих историю. Эти идеальные начала и есть вековые ценности народа, которые конституируют его национальную целостность, разрушаемую наступающим буржуазным миропорядком, нивелирующим государственное, индивидуальное, национальное и выдвигающим на первый план социально-массовое. Грядущее общество, построенное согласно предписаниям буржуазных теоретиков прогресса, этих, по выражению Астафьева, «мудрецов космополитического

просвещения есть мирное и сытое сожитие агрегата космополитических бытовых особей» [2, с. 24].

Небезынтересно отметить, что подобные суждения и, даже почти дословно определения созвучны пафосу публицистической поэзии, например некоторым стихотворным опусам В. Маяковского, написанным уже после свершения Великой Октябрьской революции, которая, казалось бы, должна была упразднить всякую буржуазность, но и Маяковский, и Астафьев фиксируют даже не отношение к средствам производства, а именно аспект некоей отчужденности от органичной социальности, состояние окончательного отрыва от традиции, национальной почвы (серия антибюрократических стихотворений «Искусственные люди», «Фабрика бюрократов», «Прозаседавшиеся» и др. Маяковский живописует облик этакого «советского гомункулуса»: «Сверху – лысина, пятки – низом, – организм, как организм. Но внутри вместо голоса – аппарат для рожений некоторых выражений» [3].

Революция произошла, прежняя государственная машина сломлена, материальные богатства поделены, но проблема осталась – появился новый социальный слой, отъединенный от поверженного отсутствием всех и всяческих прежних идеалов – это как раз и есть питательная среда грядущих революций.

Неоправданными и исключительно вредоносными, по мысли П.Е. Астафьева, становятся стремления радикальной социал-демократической интеллигенции идеологически, пропагандистски, теоретически и практически подорвать устои наличного государства, разрыхлить органику национальной почвы для насаждения чуждых идеалов. Таким образом, революция, по мнению Астафьева, есть ненормальное, болезненное состояние общественного организма – метание, судорога, агония. П.Е. Астафьев предстает убежденным антипрогрессистом, солидаризируясь в своей критике эгалитаризма, позитивизма и космополитизма с консервативно-охранительным крылом русской общественной мысли – К.Н. Леонтьевым, А.А. Киреевым, С.Ф. Шараповым, К.П. Победоносцевым и др. Именно этими социально-политическими установками продиктован интерес Астафьева к национальному в культуре, философии и общественной жизни. В одной из основополагающих работ «Смысл истории и идеалы прогресса» философ отстаивает необходимость рассмотрения истории сквозь призму самобытного национального строя мысли, признавая за народом значение не только орудия для осуществления какой-либо цели, но «самоценной самоцели», утверждая своеобразие национального духа как почвы для глубокого развития общечеловеческих идеалов, которые реализуются исключительно в идеалах национальных [4, с. 24]. «Душа дороже» – провозглашает Астафьев краеугольный принцип русской духовности. Инстинкту политическому, социальному, формально-юридическому и экономическому, двигающему европейские народы, Астафьев в русском характере находит «инстинкт нравственно-религиозного самосохранения», который кристаллизуется в

русской органической государственной форме – самодержавии. Поэтому принятие европейских, форм государственной и политической жизни означает смерть, разложение русской духовности, государственности, нравственной жизни вообще. Поэтому в этой ситуации, когда, по выражению Астафьева, «душа убывает», насущнейшей задачей становится охранение «лучших и священнейших общечеловеческих идеалов» среди «всеобщего эвдемонически-утилитарного и эгалитарно-либерального одичания современности» [4, с. 46].

Одно из последних произведений, важных для характеристики социально-политической мысли П.Е. Астафьева, «Из итогов века» с приложением писем «Еврейство и Россия» издано в 1891 г. и выражает особенности авторской позиции по национальному вопросу и содержит социально-исторические, психологические характеристики носителя чуждых русскому духу идеалов – буржуазии, по выражению философа, «племенного выразителя» еврейства. Проблема «еврейства» в терминологии Астафьева престаёт быть расово-этнологической, а становится социальной и культурологической и связывается им (впрочем, как и в целом в европейской социологической традиции – М. Вебер, В. Зомбарт) с духом отрицающей предшествующие социальные и национальные формы буржуазности. Отсюда это произведение П.Е. Астафьева вряд ли можно ставить в один ряд с многочисленными публицистическими сочинениями предреволюционной и революционной эпохи (1905–1907 гг.) на эту тему. В письме к А.А. Кирееву от 28 мая 1891 г П.Е. Астафьев констатирует: «Вся наша надежда и сила – в наших идеалах; и первое из дел наших – в их уяснении общественным сознанием» [1]. Эта мысль, проходя лейтмотивом сквозь всю публицистику, весьма красноречиво раскрывает подход философа к определению средств борьбы с революцией, эти средства в просвещении, образовании, воспитании нравственного чувства и охранении традиции. Отстранение власти от народа, формирование «убийственного бюрократического средостения» и есть результат революционного брожения, становления нового революционного класса, который вновь предназначен переделить материальное богатство и низвергнуть прежний общественный слой [1].

Список литературы:

1. РО ГПБ. Ф. № 349, ед. хр. № 9. Письмо П.Е. Астафьева к А.А. Кирееву
2. Астафьев П.Е. Смысл истории и идеалы прогресса: Две публ. лекции П.Е. Астафьева, чит. в Москве 15-го и 17-го марта 1885 г. – М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1886. – 62 с.
3. Маяковский. В.В. Искусственные люди. – URL: <https://www.culture.ru/poems/20287/iskusstvennye-lyudi> (дата обращения 02.03.2024).
4. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи: (К рус. нар. психологии). – М.: Унив. тип., 1890. – 47 с.

Сидоренко Леонид Владимирович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 9729-5278

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ США И ГЕОРГ III: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ВИНОВНОСТИ БРИТАНСКОГО МОНАРХА

Аннотация: В статье анализируется Декларация независимости 1776 г. с точки зрения ее положений о виновности британского короля Георга III в начале Американского кризиса. Автор раскрывает суть обвинительных тезисов этого исторического документа и приводит его оценку с позиции отечественной историографии, обычно рассматривавшей его политико-философские основы. Особое внимание уделяется причинам, почему американцы захотели оформить свою независимость с правовой точки зрения в форме декларации. Во второй части статьи автор, следуя актуальным тенденциям современной англоязычной историографии, объясняет, почему британского короля нельзя считать главным виновным в проблемах взаимоотношений между колониями и метрополией до войны. Также в заключении делается вывод, что вина Георга III с точки зрения колонистов в Декларации независимости во многом являлась риторическим и политическим приемом, взятым из английской политико-правовой традиции.

Ключевые слова: Георг III, Декларация независимости, 1776, обвинения, конституция, историческая память.

THE DECLARATION OF INDEPENDENCE OF THE UNITED STATES AND GEORGE III: THE PROBLEM OF ASSESSING THE GUILT OF THE BRITISH MONARCH

Summary: The article analyzes the Declaration of Independence of 1776 as a source of accusation of the beginning of the American crisis to the British King George III. The author covers the essence of these accusatory theses and gives its assessment from the perspective of Russian historiography, which usually considered its political and philosophical foundations. Special attention is paid to the reasons why Americans wanted to formalize legally their independence in the form of a declaration. In the second part of the article, the author, following the current trends of modern English-language historiography, explains why the British king cannot be considered the main culprit in the problems of relations between the colonies and the metropolis before the war. It is concluded that the guilt of George III from the point of view of the colonists in the Declaration of Independence was largely a rhetorical and political way taken from the English political and legal tradition.

Keywords: George III, Declaration of Independence, 1776, charges, Constitution, historical memory.

Проблема роли и ответственности личности в истории всегда волновала историков и философов, став основой многих историографических дискуссий о влиянии той или иной фигуры на происходившие в прошлом события. При этом чем судьбоноснее были исторические процессы, тем более острыми являлись споры о значении отдельно взятых индивидов в их развитии и последствиях. Одним из таких примеров глобального переустройства политической системы и общества может служить Американская революция и шедшая в рамках нее война за независимость североамериканских колоний Великобритании от своей метрополии (1775–1783). В результате обретения американскими колонистами независимости от Англии их бывший монарх Георг III стал традиционно изображаться в Соединенных Штатах как правитель, стремившийся сокрушить политические устремления своих колониальных подданных, доказательства чему были зафиксированы в главнейшем политическом документе эпохи — Декларации Независимости 1776 г. [15, р. 16], ставшей краеугольным камнем здания всей американской государственности.

Структурно Декларацию независимости можно условно разделить на две неравнозначные части. Первая из них может быть описана как составленная из нескольких вступительных абзацев, в которых авторы этого документа с ярким красноречием постулируют право народа на революцию, а также доктрину политического равенства и прав человека, что в совокупности стало основой идеологического фундамента американской системы. Вторая и гораздо более длинная часть этого документа оказалась представлена двадцатью восемью политико-конституционными обвинениями против британского короля Георга III [9, р. 257]. В Декларации независимости, подписавшие ее тринадцать американских колоний выступили с резким осуждением своего суверена, на которого они по факту возложили всю вину за плачевное положение дел в Америке, лишившее их традиционных британских свобод. Георг III был обвинен в том, что он стал причиной революции и оказался плохим королем и злодеем. В этом документе американцы недвусмысленно перечислили преступления, в которых, по их мнению, был виновен английский король: в результате оглашение его грехов заняло почти две трети декларации [8, р. 383], а сам этот текст на долгое время стал главным обвинительным мифом в американской истории. Цель данной статьи заключается в анализе причин появления в Декларации независимости тезиса о виновности британского монарха и оценке действительной роли Георга III в разразившемся американском кризисе.

Начать следует с того, что в отечественной историографии исторически сложился подход к рассмотрению Декларации независимости прежде всего как идейного продукта всего века Просвещения, а не политического манифеста, отражавшего перипетии острого конституционного противостояния колоний и метрополии. Если обратиться к авторитетному мнению патриарха российской американистики В.В. Согрина, можно заметить, что хотя он и признает, что «большую часть Декларации занимает изложение всевозможных обвинений в

адрес парламента и монархии Англии, насаждавших в Северной Америке политический произвол и ущемлявших экономические интересы колонистов», но подлинное значение этого документа видит «в ее социально-философской части, где изложены три основополагающие доктрины просветителей: о равенстве естественных прав человека; об общественном договоре как источнике политической власти; о праве на революционное ниспровержение деспотического правительства». Именно эти общие принципы, по мнению Согрина, и позволяют Американской революции перестать быть лишь только национальным явлением, и приобрести всемирно-историческое значение [4, с. 49]. Схожие взгляды о важности именно просвещенческой интерпретации значения Декларации В.В. Согрин излагает и в других научных работах [2, с. 6], признавая, впрочем, важность учения о естественном праве для обоснования права колоний на полное отделение от метрополии и образования в Северной Америке самостоятельного государства [3, с. 55].

Аналогичных идей придерживаются и другие историки-американисты. Так М.Н. Захарова видела в Декларации результат победы левого демократического крыла американцев в конгрессе, который и предпринял ряд решительных мер к полному разрыву с метрополией. Утверждение Декларации независимости означало разрыв связей тринадцати колоний с Англией и защиту буржуазно-демократических свобод, жизненно важных для буржуазии и популярных в народе. Тем самым Декларация не исчерпывалась утверждением независимости нового государства: она «возвестила основные идеи буржуазной демократии: «равенство всех людей», их естественные права «на жизнь, свободу и стремление к счастью»», а также «провозглашала суверенитет народа и объявляла не только его правом, но и обязанностью низвергнуть в случае необходимости правительство, ставшее угнетательским» [1, с. 42].

Как мы видим, основу смысла Декларации независимости составляют ее философско-просвещенческие начала, что чутко улавливали все историки-американисты. Но в то же время, большая часть этого самого документа была посвящена острой критике и обвинениям в адрес конкретного индивида — короля Георга III. Отсюда возникает вопрос, почему при провозглашении независимости американцами они выбрали такую форму, которая бы явственно подчеркнула, что их противоречия с англичанами не ограничиваются лишь конфликтом с метрополией, но и затрагивают их трения с ее монархом, что неизбежно отразилось на способе оформления суверенитета? Ответ на этот вопрос стоит начать искать в традициях правового оформления подобного рода судьбоносных решений в англо-саксонском правовом поле.

В сложившихся к 1776 г. обстоятельствах Континентальный конгресс счел неуместным использовать такие формы обоснования своего решения как прокламацию, петицию, мемориал или протест, так как они по юридическому определению поставили бы американскую сторону в подчиненное положение перед метрополией. Поэтому американцы решили обратиться к другому традиционному английскому способу публичного выступления — декларации,

которая со времен нормандского завоевания неоднократно использовалась при свержении английских монархов со своих тронов. Через эту процедуру прошли Эдуард II в 1327 г., Ричард II в 1399 г., Генрих VI в 1460 г., Эдуард V в 1483 г., Ричард III в 1485 г., Карл I в 1649 г. и Яков II в 1689 г. При этом каждый раз смена правителей сопровождалась публичной апологией, санкционирующей смещение старого короля и, за исключением случая Карла I, право нового суверена на власть. Хотя в 1776 г. американцы в буквальном смысле не свергли Георга III с престола, в целом Декларация независимости стремилась оправдать отделение Америки от империи, обвинив того в тирании и возложив на него всю вину за англо-американский конфликт. При этом Декларация подражала — как по форме, так и по содержанию — риторическим традициям, которым англичане следовали на протяжении веков, свергая «тиранического» монарха [12, р. 148, 152].

Поэтому неудивительно, что в Декларации почти ничего не говорится о парламенте, а все внимание приковывается к королю, который вместо того, чтобы быть милостивым монархом, под властью которого колонисты хотели и стремились жить, внезапно стал чудовищем тирании и подвергся обвинениям в двадцати восьми серьезных политических преступлениях и проступках. Но для этой подмены имелась веская причина. В 1776 г. революционное движение шло стремительно вперед: патриоты изгнали из каждой колонии своего британского губернатора, а британская армия вынуждена была эвакуироваться из Бостона. Де-факто Америка стала независимой, а британская власть, по крайней мере на время, была уничтожена, и перед патриотами на конгрессе встала проблема корректно заявить о своей формальной независимости всему миру. Но как и от кого им было провозглашать независимость? Парламент уже не имел над ними власти, но единственной частью британской нации, в отношении которой еще сохранялась присяга на верность метрополии, являлся король Георг III [9, р. 261]. В рамках английской историко-правовой традиции принявший Декларацию независимости Конгресс, следуя английскому революционному прецеденту, отбросил фикцию о том, что король не может сотворить зло, и прямо объявил его ответственным за неконституционные действия правительства. Отсюда в Декларации не упоминается министерство, а парламент фигурирует несколько раз. Как и в традиции английских апологий низложения королей Декларация возлагает всю вину за неправильное управление подданными на монарха, из-за чего в ее тексте и появилось свыше полутора десятков последовательных предложений, начинающихся с обвинительного указания «Он...» [12, р. 153]. Тем самым Георг III не смог избежать судьбы превратиться в главного антигероя Декларации независимости и стать едва ли не главной идейно-политической жертвой самой Американской революции.

Но были ли справедливы данные претензии в контексте изложенного в Декларации независимости, или искажение образа Георга III стало издержками революционной целесообразности со стороны американцев и их идейных

союзников в метрополии? Скорее нет, о чем свидетельствует мнение заметного большинства современных историков, все более склонных считать английского суверена невиновным в большей части американских обвинений. Показательно, что если сперва американцы считали, что защищаются от агрессии парламента, то позже, когда стала очевидной лояльность Георга III курсу его министров по защите верховенства британского парламента в имперском пространстве, эту борьбу представили как следствие попытки монарха возродить персональное правление и диктовать свою волю палате общин. Интересно, что это мнение оказалось очень созвучным вигской концепции истории страны в британской историографии [7, р. 5]. Но в отличие от действий Карла I в 1640 г. и Якова II в 1688 г., роль британского монарха в начале Американской революции признается неочевидной, из-за чего Георга III едва ли можно было признать виновным по большинству обвинений из Декларации независимости. При этом даже сами колонисты в первые месяцы войны рассматривали их конфликт с метрополией лишь в качестве разногласий с парламентом и обезличенной исполнительной властью. Как раз именно в Декларации независимости они решились приписать королю все грехи [6, р. 199–200].

До этого во взаимоотношениях между колониями и метрополией позиция Георга III основывалась на идеях Генри Сент-Джона, виконта Болингброка о зависимости колониальных жителей от метрополии как детей от родителей, в то время как колонисты рассматривали монархию в качестве естественного института в обществе, относясь к ней с соответствующим уважением. Для них монарх виделся ключевым символом власти как таковой и первым лицом в империи [11, р. 2, 15]. Взойдя на престол, в первое десятилетие правления Георг III был в первую очередь занят вопросом формирования стабильного кабинета, из-за чего в политике вынужден был руководствоваться прежде всего внутренними, а не имперскими соображениями, передоверив колониальное управление своим министрам. Поэтому британский монарх оказался во многом непричастным к спровоцировавшей Американскую революцию политике. Когда же конфликт метрополии с Америкой стал разгораться, Георг III усмотрел в борьбе с колонистами всего лишь способ защиты привычного порядка и конституции. Король был искренне уверен, что противостояние с американскими патриотами преследовало благородную цель защиты власти британского парламента от посягательств из-за океана. Поэтому по мере того как революционное движение становилось все более республиканским, суверен все активнее стремился подавить восстание и защитить достоинство монархии, которая для Георга III виделась неотъемлемой частью системы баланса управления [14, р. 21–22]. Поэтому монарх без колебаний поддержал принятые парламентом в ответ на «Бостонское чаепитие» «нестерпимые акты» 1774 г.

Неудивительно, что Георг III воспринял известие о первом сражении с колонистами 19 апреля 1775 г. почти с чувством облегчения, полагая, что время колебаний и споров прошло. Как и большинство людей в метрополии, король верил в неизбежность победы в конфликте. Такому поведению способствовал и

характер суверена: его стремление не сдаваться и неспособность видеть точку зрения оппонентов [15, р. 30]. Тем самым монарх твердо решил идти жестким курсом. В этих условиях закономерно, что ранее положительный образ Георга III сильно потускнел в глазах колонистов, забывших старый идеал короля-патриота. Георг III все более становился объектом личных нападок в Америке после того, как стало очевидно его присоединение к политике принуждения [13, р. 16]. А уже в 1776 г. масла в огонь неприязни колонистов к королю подлил опубликованный в январе памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл», который на основе исторических прецедентов бросил вызов институту монархии и высмеял его. И хотя Пейн не упоминал имени Георга III в произведении, он все же отметился меткими колкостями в адрес британского монарха [14, р. 27]. В итоге этот памфлет рассеял многие страхи американцев, напрямую начертая путь к Декларации независимости со всеми ее обвинениями против короля.

Таким образом, хотя современники явно преувеличивали роль Георга III в начале конфликта метрополии с колониями, король, очевидно, оказал более чем решающее влияние на затягивание этой войны, которая благодаря личным убеждениям суверена о необходимости принуждения североамериканских колоний остаться в составе империи, стала его личным крестовым походом [13, р. 18]. Никто из политиков в Великобритании не был убежден более чем ее монарх в необходимости предотвратить распад Первой Британской империи. Георг III искренне полагал, что потеря американских колоний стала бы для метрополии огромным политическим и экономическим бедствием [5, р. 305]. При этом в рамках проведения этой политики Георг III не стремился взять на себя роль деспота, которым его нарекли в среде враждебной вигской оппозиции. Он продолжал отождествлять себя с властью парламента над колониями и совершенно искренне заявлял, что с Америкой он «ведет борьбу за законность» [10, р. 4–5]. Скорее всего именно эта последовательная поддержка силового курса английским королем вместе с наличием внутренней оппозиции и обеспечили устойчивое сохранение негативного образа британского монарха, созданного в Декларации независимости. Однако следует отметить, что даже для самих антагонистов Георга III он не стал каноническим. Много лет спустя после событий 1770-х гг. один из отцов-основателей США Джон Адамс, комментируя враждебность Декларации независимости к Георгу III, отмечал, что в этом документе имелись «выражения, которые я бы не вставил, если бы составлял его, особенно те, которые называли короля тираном». Адамс также признавался, что сам он «никогда не считал Георга тираном» или виновным в «жестоких» деяниях, совершенных от имени короля [13, р. 1].

Подводя итоги статьи, необходимо подчеркнуть, что хотя Декларация независимости являлась одним из самых очевидных свидетельств виновности с точки зрения колонистов британского короля Георга III, на самом деле во многом это было риторическим и политическим приемом. Сохраняя присущее для Англии правовое сознание, колонисты использовали для провозглашения

суверенитета взятые из английской правовой традиции формы обвинительной декларации, избавляясь тем самым от последних формальных связей с бывшей метрополией — лояльностью перед королем. Сам же Георг III, по мнению большинства современных историков, напрямую не был виновен в начале Американского кризиса, хотя и стал в период войны ее последовательным сторонником, что, однако, относится уже ко времени после появления в 1776 г. Декларации независимости.

Список литературы:

1. *Захарова М. Н.* Из истории борьбы американского народа за национальную независимость, свободу и демократию (1776–1876 гг.) // Вопросы истории. 1954. № 4. С. 38–59.
2. *Согрин В. В.* 1776-й и 1917-й: Американская и Российская революции в глобальной истории // США. Канада: Экономика, политика, культура. 2017. № 9. С. 5–19.
3. *Согрин В. В.* К идейным истокам войны за независимость США // Вопросы истории. 1975. № 9. С. 52–68.
4. *Согрин В. В.* Политическая власть, демократия и олигархия в северной Америке Колониального периода // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 29–50.
5. *Bullion J. L.* George III on Empire, 1783 // The William and Mary Quarterly. Third Series. 1994. Vol. 51. № 2. P. 305–310.
6. *Carlton C.* Three British Revolutions and the Personality of Kingship // Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776 / Ed. by J.G.A. Pocock. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 165–207.
7. *Derry J.* English Politics and the American Revolution. London: J. M. Dent & Sons, 1976. 215 p.
8. *Duff S. F.* The Case Against the King: The Virginia Gazettes Indict George III // The William and Mary Quarterly. 1949. Vol. 6. № 3. P. 383–397.
9. *Fisher S. G.* The Twenty-Eight Charges against the King in the Declaration of Independence // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1907. Vol. 31. № 3. P. 257–303.
10. *Guttridge G. H.* The Whig Opposition in England during the American Revolution // The Journal of Modern History. 1934. Vol. 6. № 1. P. 1–13.
11. *Liddle W. D.* A Patriot King, or None: American Public Attitudes towards George III and the British Monarchy, 1754–1776. A Dissertation submitted to the Faculty of Claremont Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate Faculty of History. Claremont, 1970. 506 p.
12. *Lucas S. E.* The Rhetorical Ancestry of the Declaration of Independence // Rhetoric and Public Affairs. 1998. Vol. 1. № 2. P. 143–184.
13. *O'Shaughnessy A. J.* “If Others Will Not Be Active, I Must Drive”: George III and the American Revolution // Early American Studies. 2004. Vol. 2. № 1. P. 1–46.

14. *O'Shaughnessy A. J.* The Men Who Lost America: British Leadership, the American Revolution, and the Fate of the Empire. New Haven – London: Yale University Press, 2013. 497 p.
15. *Thomas P. D. G.* George III and the American Revolution // *History*. 1985. Vol. 70. № 228. P. 16–31.

Смирнова Вероника Владимировна

кандидат психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 6306-8740

МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с патриотическим воспитанием молодежи. Анализируются характеристики патриотического воспитания молодежи, формы патриотических мероприятий.

Описаны патриотические молодежные проекты, реализующие в Санкт-Петербурге. Уделено внимание пониманию значимости современных форм и технологий продвижения молодежных патриотических проектов.

Ключевые слова: молодежь, патриотические проекты, патриотическое воспитание молодежи, формы патриотических мероприятий.

YOUTH PATRIOTIC PROJECTS: CURRENT ASPECTS OF THE RESEARCH

Summary: The article discusses issues related to the patriotic education of youth. The characteristics of the patriotic education of youth and the forms of patriotic events are analyzed.

Patriotic youth projects implemented in St. Petersburg are described. Attention is paid to understanding the significance of modern forms and technologies for promoting youth patriotic projects.

Keywords: youth, patriotic projects, patriotic education of youth, forms of patriotic events.

Одним из актуальных направлений развития молодежной политики является патриотическое воспитание и сохранение исторического и культурного наследия, поэтому патриотические молодежные проекты получают масштабное распространение. Поиск новых форм развития молодежных патриотических проектов, востребованных целевой аудиторией, возможен благодаря реализации различных мероприятий культурной и патриотической направленности.

Согласно Методическим рекомендациям «Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации», утвержденным Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» 10.10.2022 года, «патриотическое воспитание – систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан любви и уважения к Родине, ответственного отношения к своей стране, чувства

верности своему Отечеству, готовности защищать его интересы и вносить своей деятельный вклад в его процветание» [1].

Патриотическое воспитание молодежи – это процесс формирования у молодых людей глубокого патриотического сознания, любви и преданности своей Родине, ее истории, культуре и народу. Это важная составляющая воспитательной работы с молодежью, направленная на формирование патриотических чувств, ценностей, нравственных качеств и гражданско-патриотической активности [2].

Можно сформулировать следующие аспекты патриотического воспитания молодежи, которые включают в себя:

- формирование патриотической идентичности: патриотическое воспитание способствует осознанию молодежью своей роли в обществе и государстве, развитие гражданской позиции, чувства любви к своей Родине;

- воспитание любви и уважения к истории и культуре своей страны: молодежь изучает историю, национальные традиции, искусство и литературу, транслирует их в своей жизнедеятельности, в процессе социализации;

- развитие патриотических чувств и ценностей: патриотическое воспитание способствует развитию гордости за свою страну, уважение к своим героям, почтение к символам государства;

- гражданско-патриотическая активность: молодежь, воспитанная в духе патриотизма, проявляет активное участие в жизни общества и государства, занимается добровольческой и благотворительной деятельностью, участвует в общественно значимых проектах и акциях;

- развитие гражданских и патриотических навыков и компетенций: патриотическое воспитание направлено на развитие навыков коллективной работы, ответственности, трудолюбия и патриотического мышления; реализации творческих идей в молодежных патриотических проектах; осознание важности взаимопонимания и взаимодействия с представителями других народов.

Итак, следует отметить, что патриотическое воспитание молодежи направлено на создание активных, гражданственных групп, способных содействовать развитию и процветанию своей страны, внося вклад в укрепление ее обороноспособности, экономики и социальной сферы. Такое воспитание стимулирует формирование сильных, ответственных граждан, готовых нести ответственность за свою Родину и ее будущее.

Сегодня федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» является ключевым документом в сфере патриотического воспитания, в рамках которого ведется работа по развитию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведению мероприятий патриотической направленности [3].

В Санкт-Петербурге в результате реализации регионального проекта к 2024 году планируется обеспечение увеличения численности детей и молодежи,

вовлеченных в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами, до 441 тысяч человек [4]. Преимущественно организаторами данных проектов является молодежь.

Реализация регионального проекта осуществляется через достижение двух показателей:

1) Вовлечение молодежи в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами (количество человек).

2) Проекты и мероприятия, направленные на развитие системы межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, поддержку общественных инициатив и проектов, направленных на гражданское и патриотическое воспитание (количество мероприятий) [4].

Можно выделить следующие формы проведения патриотических мероприятий, представленных в таблице 1.

Таблица 1. Формы патриотических мероприятий

Наименование форм	Краткое описание
Акция	открытое мероприятие, проводимое с конкретной целью, направленное на все группы населения
Слет	длительное мероприятие, включающее в себя блоки с разными форматами: лекции, мастер-классы, семинары, спортивные мероприятия и другие
Сборы	выездное мероприятие на несколько дней, включающее в себя набор блоков разных направлений (спортивный, интеллектуальный, соревновательный, обучающий), направленных на достижение одной цели
Семинар	мероприятие, при реализации которого специалисты выступают перед аудиторией на заявленные темы, с их последующим обсуждением
Мастер-класс	обучающее мероприятие, при котором участники учатся применению практических навыков, развивают свои компетенции
Урок мужества	мероприятие, направленное на развитие представлений об ответственном гражданском поведении молодежи на патриотических примерах
Смотр-конкурс	мероприятие, при котором участники демонстрируют свои способности и навыки в соревновательном ключе

Кроме того, реализация данных проектов невозможна без информирования молодежи о проводимых мероприятиях. Информирование молодежи о патриотических мероприятиях производится преимущественно через пресс-службу районных администраций, Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, а также через социальные сети. Основной площадкой для продвижения проектов является социальная сеть «ВКонтакте», так как востребована среди молодежи, имеет возможность быстро и наглядно донести информацию с использованием специального дизайна и визуальных дополнений (афиш, привлекающих

внимание картинок, коротких видео, инфографики). Также продвижение данных проектов осуществляется через специальные мероприятия – слеты, форумы, круглые столы, выставки, конференции, стратегические сессии.

Следует рассмотреть некоторые наиболее востребованные патриотические направления деятельности и мероприятия для молодежи.

Например, в Санкт-Петербурге в 2022 году одной из лучших инициатив в области молодежных проектов стал Военно-исторический фестиваль «Подвиг Ополченцев» [5]. Проект рассчитан в первую очередь на подростков и молодежь Санкт-Петербурга и призван максимально достоверно рассказать молодежи о подвиге ополченцев Ленинграда и Ленинградской области. В ходе реализации проекта проводятся такие мероприятия, как интерактивные лекции, посвященные бойцам Ленинградской армии народного ополчения, поиск, по запросу родственников, информации о погибших или пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, интерактивные выставки униформы, снаряжения и макетов вооружения, поисковые работы в рамках Всероссийской акции «Вахта Памяти – 2022», автопробег по местам боев Ленинградской армии Народного Ополчения, военно-историческая реконструкция «Подвиг ополченцев» [5]. Проект реализуется с использованием технологий дополненной реальности, а также с привлечением творческих сообществ реконструкторов на партнерской основе. Данный проект получил грантовую поддержку и продолжает свою реализацию и в 2023 году.

Еще одним важным проектом является создание с 2021 года постоянно действующего штаба Поста № 1 в Санкт-Петербурге. Цели проекта - сохранение исторической памяти, привлечение к патриотическому движению «Пост №1», направленному на патриотическое воспитание, организацию условий для формирования нравственных и гражданских ценностей подрастающего поколения, создание возможности самореализации в общественных организациях в сфере патриотического воспитания.

Участие в данном проекте подразумевает под собой несение караульной службы у вечного огня, обучение азам начальной военной и стрелковой подготовки, выставление вахты памяти на городских торжественных и торжественно-траурных мероприятиях, подготовку показательных выступлений и ритуалов знаменной группы. Участниками проекта является молодежь Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербурге на данный момент реализуются различные патриотические проекты, большая часть из которых создается совместно с молодежными общественными организациями и движениями, такими как Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», Всероссийское детско-юношеское общественное движение ЮНАРМИЯ, Всероссийского добровольческого молодежного общественного движения «Волонтерская Рота боевого братства», казачьи общины, организации и другие [6].

Стоит отметить молодежный проект «Подвиг ополченцев», который реализуется с 2019 года. Для проекта была создана группа в социальной сети

«ВКонтакте», освещение и продвижение проекта проходило через социальные сети военно-исторического клуба «Рейд», подростково-молодежного клуба «Акварин» Красногвардейского района Санкт-Петербурга и через социальные сети Поискового движения России и конструкторов. Кроме того, руководители проекта привлекали к нему внимание на специальных мероприятиях (семинарах, конференциях, круглых столах с молодежью и руководителями молодежных патриотических организаций), посвященных обмену опыту по патриотическому воспитанию молодежи Санкт-Петербурга, таких как Слет лидеров организаций, движений патриотической направленности Санкт-Петербурга, организованный СПб ГБУ «Дзержинец», круглые столы поисковых отрядов Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербурге ведут свою деятельность более 63 военно-патриотических клубов, центров и движений. У каждого из них свое направление, своя история, идеи, направления деятельности, творческие проекты, которые реализует молодежь.

Но следует обратить внимание на то, что сегодня патриотическое воспитание молодежи невозможно без использования креативных технологий. Молодежь – это динамичная и активно развивающаяся целевая аудитория, следовательно, и подходы взаимодействия с ней должны быть такими же. Поэтому важнейшей частью проектирования деятельности для молодежи является использование креативных методик, современных технологий, игровых практик и подбор подходящих форматов мероприятий [7, с. 83]. Творческий подход необходим для того, чтобы погрузить молодежь в те события или цели, которым посвящен проект, а также чтобы передать ценности и понимание истории событий.

В связи с этим молодежные патриотические проекты требуют продвижения, поэтому одной из главных задач специалистов, реализующих проекты, является эффективное использование ИТ-технологий для привлечения участников. Вместе с тем не только количество участников является критерием оценки успешности проекта, но и идея, организация и реализация проекта, заинтересованное отношение целевой аудитории.

Молодежный проект – это инициатива, организованная и выполняемая молодыми людьми или для молодых людей, с целью достижения определенных результатов и решения конкретных проблем, связанных с молодежной тематикой. Патриотическое воспитание молодежи, молодежные патриотические проекты способствуют развитию добровольчества, креативного потенциала молодежи, воспитанию гражданственности и патриотизма у молодежи, сотрудничеству с общественными организациями и движениями.

Список литературы:

1. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации
Методические рекомендации (Утверждены Экспертным советом по

- патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» 10.10.2022 года) – М.: 2022 – 93 с.
2. Лысенко Д. А. Продвижение патриотических проектов среди молодежи: инструменты и особенности [Текст] // Патриотизм: вчера, сегодня, завтра: Материалы III Всероссийской конференции, Санкт-Петербург, 27 апреля 2023 года / Под общей редакцией М.А. Королевой, В.А. Носова. – СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец», 2023. – С. 83-86.
 3. Патриотическое воспитание: [Электронный ресурс] // Минпросвещения России. М.: 2018-2023. - URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (Дата обращения: 03.03.2023).
 4. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга. СПб.: 2001-2023. - URL: <https://www.gov.spb.ru/projects/53/> (Дата обращения: 16.08.2023)
 5. Имамутдинова, С. А. Военно-исторический фестиваль «Подвиг Ополченцев»: [Электронный ресурс] // Смотр-конкурс учреждений по делам молодежи на лучшую организацию работы по патриотическому воспитанию молодежи Санкт-Петербурга в 2022 году: сб. ст. – СПб.: 2022. - URL: <http://dzerjinecs.kpmp.gov.spb.ru/media/63/docs/11861/additions.pdf> (Дата обращения: 19.08.2023)
 6. Набоков, А.А. Молодежные организации и движения в современной России // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 6. С. 99 -104.
 7. Фасахудинов, В. В. Патриотическое воспитание молодежи – глазами молодежи: [Текст] / В.В. Фасахудинов // Патриотизм в российском обществе: материалы Всероссийской конференции / под ред. М.А. Королевой. – Воронеж: АРТПринт, 2022 – 89 с.

Спиридонова Евгения Павловна

кандидат философских наук, доцент

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

SPIN-код: 4456-7611

ДИЛЕММЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ ИЛИ ПРАКТИКА ОТЧУЖДЕНИЯ?

Аннотация: В статье рассматривается актуальная проблематика формирования инструментов сохранения обществом памяти о прошлом. Автор исследует историческую память как инструмент формирования групповых представлений, составляющих основу социальной идентичности. Показано, что историческая память выступает значимым инструментом социального проектирования и может быть задействована как в процессах общественной консолидации, так и в формировании конфронтационных установок, социальной инклюзии, культуры отмены.

Ключевые слова: историческая память, «места памяти», исторический нарратив, историческая политика, общественная консолидация, социальная конфронтация.

DILEMMAS OF HISTORICAL MEMORY: A CONSOLIDATION TOOL OR A PRACTICE OF ALIENATION?

Summary: The article deals with the actual problems of forming tools for preserving the memory of the past by society. The author explores historical memory as a tool for the formation of group representations that form the basis of social identity. It is shown that historical memory acts as a significant tool for social design and can be used both in the processes of social consolidation and for the formation of confrontational attitudes, social inclusion, and a culture of cancellation.

Keywords: historical memory, «places of memory», historical narrative, historical politics, social consolidation, social confrontation.

Сегодня вопросы о будущем страны, фокусирующие новые тенденции геополитики, смену идеологического курса, интенсификацию «информационных войн» оказываются переплетены с вопросами о судьбах конкретных людей, их личной и групповой идентичности. Необходимость самоидентификации, определения своей социальной и гражданской самости инициирует аналитику прошлого – как на уровне большой Истории, так и в формате малых, персональных нарративов. Размышления о значимых идеологических ориентирах в истории семьи, народа, родины формируют основные тенденции нового символического пространства. В этой связи мы наблюдаем волну интереса к проблематике исторической памяти – как на

уровне личностных исканий и социо-гуманитарных исследований, так и в виде «политики памяти», осуществляемой государством.

Под исторической памятью мы будем понимать все многообразие форм, в которых общество осознает свое прошлое. Концепт «историческая память» оказался в фокусе исследовательского интереса, а затем и широкого публичного обсуждения благодаря осознанию «разрыва с прошлым» и попытками его преодоления в работах французских интеллектуалов М. Блоха, Л. Февра, Ж. Ле Гоффа, П. Нора [1, 12, 2, 7]. По мысли исследователей, традиции и ритуалы были основной формой фиксации исторической памяти в досовременных обществах. Запечатленные таким образом свидетельства о прошлом создавали духовные и социальные скрепы общества, формируя структуры идентичности. Уход очевидцев, разбалансирование социальных связей и утрата воспоминаний привели к ослаблению памяти, что осознается обществом как угроза. Чувствуя необходимость собирать и сохранять свидетельства о прошлом, общество формирует научные и официальные исторические нарративы, учреждает мемориалы, «места памяти» (П. Нора). История начинает существовать как специально организованная память, формируя почву для идеологизации воспоминаний. Тема демаркации исторической памяти и истории как официального взгляда на прошлое еще более четко проговаривается М. Хальбваксом, отмечая, что нет необходимости фиксировать на бумаге то, что еще живо в воспоминаниях. История начинается тогда, когда заканчивается память [13].

Проблематизация этих аспектов исторической памяти зарубежными исследователями может показаться надуманной. Однако отечественные социологические исследования показывают, что среди опрошенных представителей одного поколения существуют диаметрально противоположные представления о событиях прошлого, которые нередко конфликтуют и с официальной версией событий [11]. В таком положении дел можно увидеть позитивную тенденцию плюрализма мнений, но мы скорее согласимся с авторами, отмечая, что «российскому обществу так и не удалось определиться с нравственными ориентирами, идентичностью, а также подходами к оценке национального прошлого» [7, с. 374]. Мы видим, что «вспоминающая эпоха», персонифицированная в лицах, как бы проживает в разных исторических измерениях, демонстрируя значимые отличия в символической интерпретации прошлого, а также дифференцирование ценностных установок и моделей социального поведения в настоящем и будущем. Это позволяет говорить об исторической памяти как мощном инструменте социального проектирования – как в плане конституирования консолидации, так и содержащем потенциал отчуждения.

Актуализация проблематики исторической памяти и в научной среде, и в нарративах повседневности обнаруживает формирование тенденции, условно обозначаемой как «антропологический поворот». Суть этого процесса – в осознании и проговаривании в исторических, социально-философских

исследованиях связи больших событий прошлого с человеком, его самосознанием, мировоззренческой и гражданской позициями. Как справедливо отмечает О.М. Шутова «акцент в исторических исследованиях перемещается на изучение собственно “человека-в-истории”, причем не столько созданных им и довлеющих над ним “структур”, сколько его непосредственного опыта в историческом процессе» [10, с.76]. Смещение фокуса исторических исследований, акцентирование внимания на «человекоразмерном» масштабе находит отражение и в расширении исследовательского поля – предметом анализа историков оказываются ранее «не замечаемые» явления – повседневность, семья, детство, гендерные и этнические взаимодействия; и в изменении исследовательской методологии – востребованными оказываются устная история, биографические свидетельства, описание социальных микроструктур. Становится очевидным, что частные свидетельства (письма, рассказы, воспоминания) не менее важны в формировании представлений о прошлом, чем официальные документы. «Антропологический поворот» позволил масштабировать события прошлого, применить новую оптику рассмотрения, приблизить минувшие события к современности, увидеть в них персонально значимые смыслы.

В рамках этой тенденции мы можем наблюдать, что вопрос об исторической памяти в значительной степени ставится в зависимость от культурной и социальной самоидентификации человека, его представлениях о самом себе, ближайшем окружении, основных ценностях, формирующих общность. В этих процессах важную роль играет фактор эмоциональной окрашенности личных установок, воспоминаний о прошлом. Личные воспоминания существуют как более значимые, маркируются как «то, что нужно помнить» и передать эту память потомкам. Эти субъективные, порой трудно удостоверяемые, переживания, переплетаясь с официальным историческим дискурсом, включаются в круг персональных и групповых значений, формируя механизм эмоционального освоения и присвоения исторических событий.

В то же время, важным результатом аналитики исторической памяти стала констатация взаимообусловленности ее индивидуального и коллективного контекстов. М. Хальбвакс писал: «чтобы прикоснуться к исторической реальности, необходимо выйти за пределы своего «я», усвоить точку зрения группы, увидеть, как тот или иной факт стал памятной датой потому, что проник в круг национальных забот, интересов и пристрастий» [13]. Хальбвакс подчеркивает, что реконструкция персонально значимого прошлого в рамках исторической памяти в каждую конкретную эпоху согласуется с доминирующими в современном обществе представлениями. Иными словами, что именно помнить, какое символическое значение придавать этим воспоминаниям зависит от того, насколько сильно события затрагивают сообщество в целом, способны ли они вызвать резонанс, осуществляющий внутригрупповое сплочение.

Существенная роль в процессе сохранения и репрезентации прошлого, а также в выборе стратегий реализации этих процессов отводится политике памяти – исследователи определяют ее как практику государства или отдельных политических сил, «продвигающих» определенные интерпретации исторических событий, утверждающих ангажированные смысловые контексты как доминирующие [3,8]. Как отмечает О.Ф. Русакова именно «институты государства в устойчивом обществе всегда выступают в качестве самого сильного и влиятельного мнемонического актора, обладающего разнообразными ресурсами и инструментами властвования – административными, правовыми, политическими, экономическими, социокультурными, медийными и др. Поэтому именно дискурс государства в лице его официальных представителей в большинстве случаев формирует и внедряет в массовое сознание доминирующий дискурс о событиях прошлого, отодвигая все иные противостоящие ему дискурсы на периферию коллективной памяти» [8, с.35]. К сожалению, мы можем видеть, что стратегии политики памяти не всегда оказываются удачными. Так, попустительство пересмотру и переоценке отечественной истории, ее памятных дат, периодическому неаргументированному переименованию улиц и городов, дегероизации исторических личностей ведет не только к искажению исторической картины мира, но создает потенциал для социального отчуждения. Согласимся с А.И. Миллером: «политика памяти может быть более или менее открытой для влияния и диалога различных общественных сил и историков, более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но она может также порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого» [5, с.17]. В этом случае история и историческая память становятся ареной политической борьбы за умы и лояльность граждан.

Исследователи акцентируют внимание на таких механизмах политики памяти как коммеморация и рекоммеморация. Основоположник этих понятий, А. Мегилл, определяет коммеморацию как процесс, в рамках которого «зафиксированные воспоминания прошлых событий могут превратиться в нечто, родственное объектам религиозного почитания» [4, с.123]. Отметим, что в случае подобной героизации людей и событий на уровне официального дискурса власти, происходит превращение содержания исторической памяти в «возвышенный объект идеологии». Значение коммеморативных практик возрастает в условиях дестабилизации общества, так как коммеморация формирует ценностно-смысловые, духовные скрепы общества. Согласимся с А. Мегиллом: «коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение <...> к репрезентации прошлых событий» [4, с.116]. Рассматривая коммеморацию как целенаправленную актуализацию исторической памяти, важно подчеркнуть значение развития таких ее форм, которые способны оказывать наибольшее

эмоциональное воздействие, соединяя личные переживания, групповые интересы и масштабные исторические события: интерактивные музейные практики, встречи-лектории с участниками событий, отображение и персонификация истории в произведениях литературы, песенного искусства, игрового и документального кино, стрит-арта. Отечественная практика коммеморации имеет грандиозный пример «работы» исторической памяти – движение «Бессмертный полк». Возникший как гражданская инициатива, «Бессмертный полк» стал одновременно проявлением памяти об ужасах мировой войны как всемирно значимого события и сбережением личной, семейной памяти о предках, сделавших «большую Историю». Сохранение писем, фотографий, наградных документов, фиксация воспоминаний еще живых очевидцев формирует общность переживаний, чувство общей исторической судьбы, непрерывной связи прошлого, настоящего и будущего.

Вместе с тем как неотъемлемая часть политики памяти существует процесс рекоммеморации. Рекоммеморация представляет собой целенаправленный процесс «исключения», забвения определенных, как правило противоречивых и драматичных событий истории. Общеизвестными примерами подобной «политики забывания» могут служить отношение к теме нацистского прошлого в послевоенной Германии или отношение во Франции того же периода к теме коллаборационизма. Неоднозначными в интерпретации темами в отечественной традиции политики памяти выступают события гражданской войны, некоторые страницы истории Великой Отечественной, оценка событий конца 80-х – начала 90-х годов. Использование рекоммеморации характерно в большей степени для работы государственных идеологических машин, запускающих процессы маргинализации событий и людей в них участвовавших, вследствие чего формируется забвение целых событийных пластов. Очевидно, что подобная нарративная, а зачастую и реальная «отмена» не только не вовлекает факты прошлого в круг исторической памяти, но и не позволяет сформировать ценностно-смысловое, оценочное отношение к стигматизированным историческим реалиям. Как следствие, в исторической памяти поколений подобные явления существуют даже не как «белые» или «черные» пятна истории, а как своеобразные «слепые зоны» – «отмененные», неотрефлексированные обществом события, с несформированным ценностным отношением. Невозможность возникновения социального и исторического иммунитета, отсутствие оценочных установок и поведенческих алгоритмов, формируемых исторической памятью в этом случае, поставят будущие поколения перед лицом опасной неизвестности. Поэтому включение в политику памяти сохранения неофициальных «мест памяти», поощрение гражданских инициатив по сбережению культурного наследия, укрепление связи поколений, аккумуляция свидетельств прошлого на уровне повседневности приобретает важный социальный и исторический смысл, способствуя общественной консолидации.

Особое значение в формировании целостной и правдивой исторической картины мира, учитывающей многообразие форм сохранения памяти имеет преподавание истории – как в средней, так и в высшей школе. К сожалению, преподавание истории традиционно сопряжено с целым рядом проблем и противоречий – это и формализм в изложении материала, и идеологизация событий, и отход от научной аргументации в пользу публицистики. Впрочем, на существование подобных явлений указывал два столетия назад известный русский историк С.М. Соловьев, создатель не только 29 томов «Истории России с древнейших времен», но и «школьных» курсов. Он так описывал ситуацию: «... в обществе говорят по невежеству страшный сумбур, ругаются друг с другом – и в результате, прочтя урывком какую-нибудь журнальную статью, учитель с важным видом возвещает о новом взгляде на предмет, тогда как этот новый взгляд – сущий вздор» [9, с.12]. Между тем, по мнению ученого «история есть единственная политическая наука в среднем образовании, и потому ее преподавание – чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан» [9, с.15].

Важным дополнением к преподаванию истории является педагогика исторической памяти, которая делает обращение к истории лично значимым, формирует сопричастность к опыту предшествующих поколений, способствует выработке собственной политической и гражданской позиции. Выраженная в институтах наставничества, волонтерства, династийности, педагогика исторической памяти укореняет в персональном жизненном мире традиции и ценностные коды культуры малых социальных групп, создает общее ценностно-смысловое и моральное измерение как фундамент единства общества.

Резюмируя, отметим, что историческая память долго хранит события прошлого, увековечивая при этом их оценку, значение в сознании людей, для которых эти события памятны. Созидая общее понимание ситуации, смыслы, их символические значения, историческая память играет роль почвы, на которой произрастает общая идентичность. И потому сохранение и корректное использование политики памяти, не вступающей в диссонанс с памятью народа, может стать залогом консолидации общества.

Список литературы:

- 1.Блок, М. Апология истории или ремесло историка. – М., Наука,1993. – 174 с.
- 2.Ле Гофф, Ж. Стоит ли резать историю на куски? – СПб.: Евразия 2018. – 188с.
- 3.Малинова, О.Ю. Политика памяти как область символической политики. / Методологические вопросы изучения политики памяти. – М. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 27-53.
- 4.Мегилл, А. Историческая эпистемология. – М.: Канон+, 2007. – 480 с.
- 5.Миллер, А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. – С. 6–23.

6. Морозов, О. В. Рец. на кн.: Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX - начала XX в // Диалог со временем. – М.: ИВИ, 2014. – С. 374-384.
7. Нора, П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М., 2005. – 395 с.
8. Русакова, О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. – № 1. – С. 27–45.
9. Соловьев, С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. – Петроград: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. – 174 с.
10. Шутова, О.М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI веков – Минск, 2007. – 191с.
11. Фадеев, П. В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестник Института социологии. 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 36-54.
12. Февр, Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 110с.
13. Хальбвакс, М. Коллективная и индивидуальная память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 5. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-ramyat.html> (дата обращения 07.02.2024).

Стецкевич Михаил Станиславович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

SPIN-код: 1960-6632

ЕПИСКОП ЛЭНДАФСКИЙ Р. УОТСОН: ЛИБЕРАЛ СРЕДИ ОХРАНИТЕЛЕЙ

Аннотация: В последние десятилетия история Церкви Англии в XVIII в. стала изучаться более интенсивно по сравнению с предшествующим периодом. Однако внимание исследователей привлекали главным образом те представители англиканского духовенства, которые занимали охранительную позицию, отрицали идею реформ и во главу угла ставили подчинение действующей власти. Самой статусной фигурой в рядах либерального меньшинства был епископ Лэндафский Ричард Уотсон (1737–1816). Получив образование в Кембридже, Уотсон, в духе времени, имел чрезвычайно широкий круг интересов, увлекаясь химией, металлургией, развитием коммерции и сельского хозяйства. Заняв, благодаря поддержке ряда деятелей партии вигов, епископский пост, он поддерживал идею реформирования английского «старого порядка», выступал против ведения войны с английскими колониями в Новом свете, до 1792 г. положительно оценивал Французскую революцию. Принадлежность Уотсона к либеральному латитудинарианскому течению в англиканстве свидетельствует о корреляции религиозных и политических взглядов в Англии конца XVIII в. – начала XIX в. Дальнейшее изучение деятельности Уотсона и его единомышленников способно скорректировать традиционный взгляд об абсолютном доминировании охранительных тенденций в среде англиканского духовенства этого периода.

Ключевые слова: епископ Р. Уотсон, Церковь Англии, либерализм, англиканское духовенство, латитудинарианство.

R. WATSON, BISHOP OF LLANDAFF: A LIBERAL AMONG RETROGRADES

Summary: In recent decades, the history of the Church of England in the 18th century has been studied more intensively than in the previous period. However, the attention of researchers was mainly concentrated on the study of those representatives of the Anglican clergy who took a conservative position, denied the idea of reforms and put submission to the existing order at the forefront. The most prominent figure in the ranks of the liberal minority was Bishop Richard Watson of Llandaff (1737-1816). Educated at Cambridge, Watson, in the spirit of the times, had an extremely wide range of interests, including chemistry, metallurgy, the development of commerce and agriculture. Having occupied, thanks to the support of a number of Whig party figures, the episcopal post, the bishop supported the idea of reforming the

English «ancien regime», opposed waging war with the English colonies in the New World, and until 1792 positively assessed the French Revolution. Watson's belonging to the liberal Latin-Christian movement in Anglicanism indicates the correlation of religious and political views in England at the end of the XVIII century - the beginning of the XIX century. Further study of the activities of Watson and his associates is able to correct the traditional view of the absolute dominance of protective tendencies among the Anglican clergy of this period.

Keywords: Bishop R. Watson, The Church of England, liberalism, Anglican clergy, Latitudinarianism.

Имя епископа Лэндафского Ричарда Уотсона (1737– 1816) до сего дня остаётся практически неизвестным в России. Ситуация сложилась таким образом, что англоведы и религиоведы Российской империи посвящали свои исследования преимущественно английской Реформации (В.А. Соколов), революциям XVII века (М.М. Ковалевский, А.Н. Савин), а далее – уже проблемам развития англиканства в XIX столетии, и прежде всего – Оксфордскому движению (А.И. Булгаков, В.В. Соколов). История Церкви Англии в XVIII в. долгое время не привлекала особого внимания не только российских, но и британских исследователей. Причины отсутствия интереса следует искать в бедности данного периода времени яркими событиями по сравнению с XVII (революционные потрясения), так и с XIX столетиями (Оксфордское движение, интенсивная борьба течений внутри англиканства). Отсюда доминировавшие долгое время представления о XVIII в. как времени «летаргического сна» Церкви Англии.

Последние десятилетия отмечены появлением разнообразных трудов по истории Церкви Англии этого периода [1, 7, 18]. Однако если некоторые яркие представители англиканского епископата этого периода уже получили достойных биографов, то о таком прелате, как Р. Уотсон, этого сказать нельзя. На данный момент имеется лишь несколько статей в периодических изданиях, посвященных различным аспектам деятельности епископа, а также упоминания о нем и некоторых его работах в обобщающих монографиях [1, 5, 6]. Между тем Уотсон, особенно в сравнении с собратьями по епископской скамье в палате лордов, представляется совершенно неординарной фигурой, в которой нашли выражение многие тенденции «века Просвещения», в частности, энциклопедизм и рационализм.

Будущий епископ был сыном священника, одновременно являвшегося учителем грамматической (средней) школы в деревне Хевершем, графство Уэстморленд. По меркам того времени он считался, хотя и не безоговорочно, джентльменом. Можно согласиться с Т. Брейном, определяющим происхождение Уотсона как «сравнительно низкое» [1, p. 5]. После окончания школы в Хевершеме Уотсон в 1754 г. поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. Он упорно занимался, обнаружил незаурядные математические способности и в итоге продемонстрировал второй результат

при получении степени бакалавра по этой дисциплине в 1759 г. Первоначально Уотсон не собирался становиться священником и отверг возможность получить приход, сосредоточившись на академической карьере в университете. Он стал членом Тринити – колледжа, занял место младшего тьютора. Карьера была достаточно успешной, хотя в какой-то степени и курьёзной. После получения степени магистра в 1762 г. будущий епископ неожиданно был избран профессором химии (1764), хотя, как он признавался, ничего не знал о предмете, не видел ни одного эксперимента. Здесь в полной мере проявились такие черты характера Уотсона, как амбициозность и решительность. Он с жаром взялся за новое для себя дело, погрузился в изучение химии и спустя год с небольшим был уже вполне в курсе дела, успешно читая лекции и даже публикуя научные труды.

В 1771 г. произошел новый поворот в его карьере: он был избран профессором богословия. Багаж теологических знаний Уотсона был несколько большим, чем химических перед получением профессорства: он уже был рукоположен (1768) и читал проповеди, но, по его собственным словам, «знал о богословии столько, сколько можно ожидать от человека, полностью посвящавшего себя иным занятиям» [17, р. 32].

С этого времени Уотсон двигался уже по теологической и церковной стезе, хотя до 1773 г. сохранял пост профессора химии. Успехам Уотсона в Кембридже, который, в отличие от Оксфорда, считался гораздо более либеральным университетом, в значительной степени способствовало покровительство крупных деятелей партии вигов: маркиза Рокингэма, герцогов Графтона и Рутланда. Весьма высоко Уотсон оценивал и ещё одного знаменитого вига – Ч. Дж. Фокса, неоднократно высказывая, причём не только в частной переписке, полное одобрение «вигским принципам» [17, р. 53].

Следует отметить, что по крайней мере вплоть до середины XIX в. в Англии, вследствие отсутствия чёткого разграничения между светским и духовным, религиозные взгляды, как правило, коррелировали с политическими. Как показал современный исследователь Д. Крейг, понятие «либерализм» (от лат. *liberalis* — свободный) в Англии первой половины XVIII в. имело достаточно расплывчатый характер и связывалось, например, со щедростью и благотворительностью. В конце XVIII – XIX в., оно стало употребляться значительно чаще, чем раньше, постепенно приобретая более политический оттенок, ассоциируясь с широтой мысли, правом на свободное исследование, расширением религиозных и гражданских свобод [2]. Уотсона, несомненно, можно назвать либералом и в политическом, и в религиозном смысле. Верность либеральным принципам он сохранил на протяжении всей жизни, что, конечно, не означало абсолютной неизменности его позиции.

Религиозный либерализм Уотсона впервые очевидным образом обозначился в 1772 г. Представленная в Парламент группой англиканских священников «Петиция Фиверской таверны» (1772) предлагала отменить обязательную подпись о признании основного вероучительного документа

Церкви Англии – «Тридцати девяти статей» перед рукоположением в сан. Законодательное собрание Великобритании решительно отказало авторам инициативы, после чего некоторые из них покинули Церковь Англии. Данная петиция представляла собой выражение точки зрения крайних латитудинарианцев. Латитудинарианство (от англ. latitude – широта) в то время представляло собой достаточно влиятельное течение в Церкви Англии, выступавшее за его «широкую» интерпретацию, полагая, что доктринальные вопросы, литургическая практика и церковная организация имеют второстепенное значение по сравнению с истинами Библии.

Подписать петицию Уотсон не решился, но поддержал её идеи в двух опубликованных под псевдонимом «виг-христианин» памфлетах, адресованных членам палаты общин. Выразив одобрение «установленному» статусу Церкви Англии и епископской форме управления [16, Vol. 2, p. 6], Уотсон в то же время подчеркнул, что полное единство мнений не является обязательным, достаточно веры в Христа как Спасителя и его воскресение [16, Vol. 2, p. 10-12]. Судить об ортодоксальности или неортодоксальности мнений можно исключительно на основании Священного Писания [16, Vol. 2, p. 32].

Будучи приверженцем латитудинарианских взглядов, Уотсон выступал за расширение гражданских и политических прав диссентеров – протестантов, не принадлежавших к Церкви Англии, хотя делал это в большей степени в частной переписке, нежели в парламентских дискуссиях. Он исходил из того, что «человек имеет право поклоняться Богу так, как он считает нужным, без утраты на этом основании гражданских прав». Бог «допускает существование различных религий», и поэтому «следует проявлять благожелательность к тем, кто согласен с важнейшими христианскими истинами, отличаясь от нас лишь во второстепенном» [13, p. 8 –9]. Более сложным было отношение Уотсона к правам приверженцев римского католицизма. Подобно многим современникам, епископ считал католиков потенциально нелояльными и политически опасными, но к 1805 г. пересмотрел свою позицию и с оговорками поддержал идею т.н. «эмансипации» – возвращения «папистам» политических и гражданских прав [1, p. 13 – 17].

Уотсон всегда интересовался политическими вопросами, а впоследствии, заняв место в палате лордов, принимал активное участие в парламентских дискуссиях. Прочитанная им в 1776 г. в Кембриджском университете проповедь была первой попыткой выйти на политическую арену и имела значительный общественный резонанс. Хотя в ней прямо не упоминались американские колонисты, восставшие против Великобритании, но твердо отстаивался тезис о том, что произвольное изменение властью законов без согласия населения является разрушением общественного договора, а потому выступление против «предателей общественной безопасности» является допустимым [9, p. 5–8]. Поскольку подавляющее большинство англиканского духовенства, причём как в метрополии, так и в Северной Америке, резко выступило против «мятежа» с целью свержения «богоустановленной» власти

[6], в Лондоне Уотсона многие стали рассматривать как «заговорщика» [17, р. 51 – 52]. Тем не менее епископ в проповеди 1780 г. высказался гораздо более про-американски, подчеркнув, что к войне в Новом Свете привела несправедливая политика метрополии, а желаемое примирение должно осуществиться «не на принципе безусловного подчинения...но на широкой основе доброжелательства, коммерческого интереса и конституционной свободы» [11, р. 15].

В 1776 г. Уотсон вступил в дискуссию с известным историком Э. Гиббоном, представившим в первом томе «Истории упадка и разрушения Римской империи» критический взгляд на роль христианства в её гибели. Уотсон возражал прежде всего против недооценки Гиббоном уникальности и сверхъестественности христианства, представляя несостоятельными попытки анализа ученым текста Библии [10]. Аналогичным образом, хотя и в гораздо более жестком стиле, Уотсон будет впоследствии вести полемику с деистом Т. Пейном [14]. Эти дискуссии чётко обозначили пределы религиозного либерализма Уотсона: он был склонен к рационалистической интерпретации христианства, признавая различные формы выражения христианской истины, но не попытки, как ему казалось, подрыва христианского откровения.

Хотя в своих воспоминаниях Уотсон утверждал, что его университетская проповедь препятствовала развитию его карьеры [17, р.52], в 1782 г. он стал епископом Лэндафским. Этим назначением он был полностью обязан находившимся в тот момент у власти вигам. Премьер-министр У. Шелберн предложил его кандидатуру, рассчитывая на поддержку во время парламентских голосований, и в целом не ошибся, хотя Уотсон никогда не придерживался строго партийной линии и подчеркивал свою независимость. Лэндафский диоцез, находящийся в Уэльсе, являлся одним из самых бедных в Церкви Англии, и епископский пост приносил очень небольшой доход (около 500 фунтов в год), по сравнению с многими другими епархиями. Поскольку у власти начиная с 1783 г. почти непрерывно находились торийские кабинеты, шансов у епископа-либерала быть перемещенным в более богатый диоцез фактически не имелось.

Нельзя сказать, что Уотсон хорошо справлялся с административной деятельностью. Он, как и большинство епископов XVIII в., бывал в своём диоцезе лишь наездами, будучи увлечен самыми разными вещами. Помимо теологии и химии, Уотсон интересовался проблемами развития торговли, сельского хозяйства, металлургии, публикуя тексты по этой проблематике, постоянно участвуя в дебатах в палате лордов, причем очень часто – по вопросам, отнюдь не связанными с жизнью Церкви Англии. Будучи сыном «века Просвещения» Уотсон был далёк от того, чтобы воспринимать свою деятельность как религиозное служение. Епископские обязанности были для него не более чем одним из занятий. Он являлся не только абсентеистом (духовное лицо, постоянно находящееся за пределами своего прихода), но и плюралистом. Так называли священников, не служивших в приходе, но

имевших право на его доход, передоверяя несение пастырских обязанностей заместителям – викариям. Уотсон, по некоторым данным, контролировал подобным образом 16 приходов [1, р. 4], что значительно превосходило средний для той эпохи уровень плюрализма.

Заняв епископский пост, Уотсон продолжал быть верен либеральным убеждениям. В 1783 г. он опубликовал памфлет, в котором был предложен план институциональных реформ в Церкви Англии, предусматривавший уравнивание доходов духовенства и оказание финансовой помощи беднейшим приходским священникам. Более того, в памфлете проводилась мысль о насущной необходимости не только церковных, но и политических реформ [12, р. 5, 53 – 54]. Идея парламентской реформы, активно обсуждавшейся в 1770-е – 1780-е гг. в английском обществе, также поддерживалась Уотсоном, хотя и не ставилась им во главу угла [17, р. 114].

Уотсон оказался одним из немногих англиканских духовных лиц и единственным епископом, приветствовавшим начавшуюся в 1789 г. Французскую революцию. В 1790 г. он выражал надежду на то, что «деспотизм, который все еще существует в Европе и других странах, скоро повсеместно сменится законным правлением и верховенством права», и другие страны «обретут свободу... и будут наслаждаться тем счастьем, которым обладает народ Британии» [16, Vol. 2, р. 150]. Несмотря на то, что в 1791 – 1792 гг. Уотсон стал сомневаться в том, что дела во Франции идут в правильном направлении, его рассуждения резко контрастировали с мнением большинства англиканского духовенства, делавшего акцент на богоустановленности монархической формы правления и называвшего власть народа «божьим проклятием» [5, р. 95 – 126]. Уотсон считал, что «права человека заложены в человеческой природе, они существуют до гражданского общества и независимо от него, и французская конституция – единственная в мире, которая сознательно отстаивает эти права... в полном объеме» [17, р. 213 – 214]. Но начиная с 1793 г., после казни Людовика XVI епископ отказался от поддержки революции, осудил учреждение республики, назвав её «худшей из тираний – тиранией равных» [16, Vol. 1, р. 475], а в 1795 г. присоединился к тем, кто видел огромную угрозу во французском «безбожии», и одобрил ведение военных действий [8, Vol. 31. P. 1258 – 1267].

В 1798 г. увидел свет самый противоречивый текст, когда-либо выходивший из-под пера Уотсона. Его «Обращение к народу Великобритании» широко обсуждалось в обществе, а его автор подвергался критике со стороны радикалов за «измену» делу реформ. Действительно, Уотсон не только называл войну с Францией «справедливой», и предлагал, опасаясь возможных потрясений, «терпеть злоупотребления» до лучших времен [15, р. 11]. В то же время, в отличие от большинства духовных лиц Церкви Англии, Уотсон выразил уверенность в необходимости религиозных и политических реформ в будущем [15, р. 30, 32].

В начале XIX столетия Уотсон, никогда не отличавшийся хорошим здоровьем, несколько снизил свою активность. В 1809 и 1811 г. он перенес два инсульта, после чего сосредоточился на написании воспоминаний, а по их завершении уничтожил весь свой архив, видимо, желая, чтобы потомки увидели только ту версию его жизни, которую представил он сам.

Подводя итог, отметим следующее. В течение долгого времени Уотсон был единственным епископом, получившим назначение в период нахождения у власти вигского кабинета. Он открыто отождествлял себя с вигами, имел даже репутацию республиканца, которая совершенно не соответствовала действительности. Во всех публичных выступлениях Уотсон подчеркивал важность конституционной монархии, при этом постоянно предупреждая о недопустимости деспотической власти. Пребывание на епископской скамье человека либеральных убеждений было для своего времени уникальным. В то же время среди англиканского духовенства рубежа XVIII – XIX вв. имелось немалое число людей, в той или иной степени разделявших взгляды Уотсона (К. Уивилл, Дж. Уильямс, В. Нокс, Т. Арнольд и др.). Примечательно, что как Уотсон, так и все англиканские либералы принадлежали к латитудинарианскому течению в Церкви Англии, что свидетельствует о тесной взаимосвязи религиозных и политических убеждений в Англии того времени. Более детальное изучение взглядов и деятельности Уотсона и его англиканских единомышленников способно несколько скорректировать устоявшийся в историографии взгляд на Церковь Англии последних десятилетий «старого порядка» как на его монолитную идеологическую опору, хотя, конечно, преобладание в ней лиц сугубо консервативных и охранительных убеждений сомнений не вызывает.

Список литературы:

1. Brain, T. Richard Watson and the debate on Toleration in the late Eighteenth century // *The Price- Priestley Newsletter* – 1978 – №2 – P. 4-26.
2. Craig D. The language of Liberality in Britain, C.1760–C.1815// *Modern Intellectual History* – 2019– Vol. 16 – P. 771-801.
3. Gascoigne, J. Anglican Latitudinarianism and Political Radicalism in the late Eighteenth Century // *History* – 1986 – Vol. 71. P. 22–38.
4. Gibson, W. *The Church of England 1688–1832: Unity and Accord.* – London, Routledge, 2001. – 269 p.
5. Hole R. *Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760–1832.*– Cambridge: University Press, 1989. – 344 p.
6. Longford, P. The English Clergy and the American revolution // *The Transformation of Political Culture. England and Germany in the late Eighteenth century.* Hellmuth E. –ed. – Oxford: University Press, 1990. P. 275–307.
7. *The Church of England, 1689–1833. From Toleration to Tractarianism* / eds J. Walsh, S. Taylor, C. Haydon. – Cambridge: University Press, 1993. – 372 p.

8. The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. – Vol. 31. – London: T.C. Hansard, 1817. 1409 p.
9. Watson, R. The Principles of the Revolution Vindicated. Cambridge: J. Archdeacon, 1776 – 13 p.
10. Watson, R. An Apology for Christianity in a series of letters addressed to Edward Gibbon, esq. – Cambridge: J. Archdeacon, 1776. – 295 p.
11. Watson, R. A Sermon preached before the University of Cambridge, 4 of February 1780. – Cambridge: Printed by J. Archdeacon, 1780. – 16 p.
12. Watson, R. A Letter to His Grace the Archbishop of Canterbury. – London: Printed for T. Evans, 1783. – 58 p.
13. Watson, R. A Charge delivered to the clergy of the diocese of Llandaff, June, 1791. London: Printed for T. Evans, 1792. – 20 p.
14. Watson, R. An Apology for the Bible; in a series of letters to Thomas Paine. – London: E. Leslie, 1796. – 146 p.
15. Watson, R. An Address to the People of Great Britain. – London: Printed for R. Faulder, 1798. – 42 p.
16. Watson, R. Miscellaneous Tracts on Religious, Political and Agricultural Subjects. Vol. 1– 2. London: Printed by Luke Hansard and sons, 1815. – Vol. 1.– 576 p; Vol. 2.– 437 p.
17. Watson, R. Anecdotes of the Life of Richard Watson, Bishop of Llandaff. – Philadelphia: Abraham Small, 1818. – 456 p.
18. Yates, N. Eighteenth-Century Britain: Religion and Politics, 1714–1815. London: Routledge, 2014. – 258 p.

Суздальцева Ирина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент

Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

SPIN-код: 9412-2827

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДАГЕСТАНЕ В 20-30-ГГ. XX ВЕКА

Аннотация: статья посвящена проблемам формирования интеллигенции из числа коренных народов Дагестана в 1920-1930-х гг. В эти годы начался новый этап в развитии дагестанского образования, за короткое время в республике были заложены основы современной системы высших и средних специальных учебных заведений.

Ключевые слова: коренные народности, техникум, курсы, институт, рабфак.

WAYS FOR FORMING A NATIONAL INTELLIGENCE IN DAGESTAN IN THE 20-30S. XX CENTURY

Summary: The article is devoted to the problems of the formation of intelligentsia from among the indigenous peoples of Dagestan in the 1920-1930s. During these years, a new stage in the development of Dagestan education began; in a short time, the foundations of a modern system of higher and secondary specialized educational institutions were laid in the republic.

Keywords: indigenous peoples, technical school, courses, institute, workers' faculty.

Формирование советской интеллигенции в Дагестане 1920-1930 гг. велось по двум направлениям: во-первых, путем создания курсов с различным сроком обучения, новых высших и средних учебных заведений для подготовки специалистов; во-вторых, путем направления молодежи, главным образом из числа дагестанских народностей, в высшие и средние учебные заведения других регионов страны.

Начиная с 1921 г. в ДАССР создавались средние специальные учебные заведения, которые готовили специалистов из коренных народностей. Так, с октября 1921 г. в г. Буйнакске начал работу Дагестанский государственный техникум, в котором готовили дорожников, строителей и педагогов [7, л. 66-68].

В августе 1923 г. в Махачкале начали функционировать двухмесячные курсы сельских учителей на родных языках и одномесячные курсы по переподготовке городских учителей.

1 ноября 1925 г. в Махачкале был создан индустриально-экономический техникум подготовки кадров для промышленных предприятий, который имел

отделения: механическое, строительное, дорожное и электротехническое. В нем обучалось до 300 учащихся. В 1927 г. был произведен выпуск 36-ти техников-экономистов, которых направили на промышленные предприятия и в организации республики. В 1928 г. экономическое отделение техникума было преобразовано в Дагестанский финансово-экономический техникум. В том же году при механическом техникуме создали новое химическое отделение для подготовки техников-химиков. В 1926 г. в Махачкале открылись медицинское училище, землеустроительный и сельскохозяйственный техникумы; в 1929 г. – рыбопромышленный, а в 1932 г. – автодорожный техникумы. При этом, к началу 1930-х гг. в Дагестане наблюдался растущий недостаток квалифицированных кадров во всех отраслях народного хозяйства. Это было связано с отсутствием развитой сети общеобразовательных школ и высших учебных заведений.

До начала 1930-х гг. подготовка специалистов с высшим образованием для Дагестана велась в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Ташкента и Ростова-на-Дону. Однако, часто места, выделенные по брони, не заполнялись из-за отсутствия людей, имеющих среднее образование [2, с. 9].

В течение первой половины 1930-х гг. в г. Махачкале было открыто четыре высших учебных заведения:

1. В 1931 г. на базе Дагестанского отделения Горского пединститута, открытого в 1930 г. во Владикавказе, начал работу Дагестанский педагогический институт.

2. В ноябре 1932 г. на базе двух отделений Горского сельскохозяйственного института и Моздокского института хлопководства в Махачкале начал работу Дагестанский сельскохозяйственный институт.

3. В том же 1932 г. был открыт Дагестанский медицинский институт в составе 4 кафедр и 139 студентов. Преподавательский состав института был сформирован за счет профессоров, приглашенных из Минска, Ашхабада, Свердловска, Баку [2, с. 9].

4. В 1937 г. начал работу двухгодичный учительский институт, который готовил преподавателей для 5-7 классов средних школ [4, л. 233].

Большую популярность приобрели рабочие факультеты (рабфаки) при университетах. Они были созданы постановлением Наркомпроса РСФСР от 11 сентября 1919 г. для подготовки рабочих к поступлению в высшие учебные заведения. Уже в 1923 г. 30 % поступавших в вузы были их выпускниками. Рабфаки явились одной из эффективных форм ускоренной подготовки кадров интеллигенции из числа рабочих. Для горцев Северного Кавказа стали создавать специальные рабфаки с преподаванием на родных языках. В 1923 г. в г. Орджоникидзе был открыт специальный горский рабфак, а в Краснодаре, Грозном и Ростове-на-Дону при Северо-Кавказских рабфаках были организованы горские отделения [2, с. 9]. Среди их студентов были и дагестанцы. В 1930-х гг. рабфаки были реорганизованы по отраслевому

признаку, переданы профильным наркоматам и прикреплены к высшим учебным заведениям. В 1932 г. в Махачкале работало 4 рабфака (дневных и вечерних) с промышленным, сельскохозяйственным, педагогическим и медицинским уклоном [1, с. 63].

В результате, к концу 1930-х гг. высшее и среднее (полное и неполное образование) имели почти 18 % жителей Махачкалы. В школах училось свыше 12 тыс. детей в возрасте 10 лет и старше, в средних специальных учебных заведениях обучалось около 1 000, а в вузах - более 2 400 человек. При зачислении в высшие и средние специальные учебные заведения представители коренных народностей Дагестана, особенно девушки, имели преимущества. Однако даже в результате принимаемых усилий Дагестан оставался наименее обеспеченным высококвалифицированными специалистами районом на Северном Кавказе. Об этом свидетельствуют статистические данные за 1939 год: в Ростовской области на 1 тыс. человек населения было 7 специалистов с высшим образованием, в Северо-Осетинской АССР - 8, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии - 4, в Дагестанской АССР - 3 [6, л. 51].

В связи с этим, до середины 1970-х гг. из центральных регионов нашей страны в Дагестан ежегодно направлялись сотни молодых специалистов, окончивших высшие и средние учебные заведения. Так, в 1926 г. в ДАССР работало 22 приезжих агронома [5, л. 215]. Для привлечения и «укоренения» специалистов руководство республики заключало договора и выплачивало стипендии студентам вузов, приезжающим впоследствии в Дагестан [2, с. 11].

Растущее число средних школ требовало большого числа педагогов с высшим образованием. Своих выпускников педвуза было недостаточно, поэтому в Дагестан ежегодно приезжали молодые специалисты их разных регионов России. Они были представителями разных национальностей, но дагестанцы называли их «русскими учителями» [3, с. 1].

Таким образом, в 1920-х гг. начался новый этап в развитии дагестанского образования. За короткий срок в республике были созданы условия для подготовки национальной интеллигенции, заложены основы новой системы высших и средних специальных учебных заведений.

Список литературы:

1. Адухов, М.Д, Муцалханов, М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-50-х гг. – Махачкала: Изд-во ДГПУ, 2001. – 176 с.
2. Бычихина, С.В. Становление и развитие высшего образования в Дагестане в 20-е - 70-е гг. XX века. Автореферат диссертации ... к.и.н. – Махачкала: «Газиздат», 2004. – 25 с.
3. Учитель Дагестана. Газета Министерства образования и науки Республики Дагестан. Специальный выпуск. Русские учителя в Дагестане. - № 23. 22 декабря 2021. – URL.: https://uchitel-dag.ru/media/project_smi3_795/1b/60/e7/11/6b/e4/ud23.pdf?ysclid=lr9353505e768206123 (дата обращения: 11.01. 2024)

- 4.ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1939.
- 5.ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 801.
- 6.ЦГА РД. Ф. 168-р. Оп. 14. Д. 37.
- 7.ЦГА РД. Ф. Р-117. Оп. 10. Д. 49.

Сухорукова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

SPIN-код: 1123-0156

ПРИТЧА О БЛУДНОЙ ДОЧЕРИ (ЧИТАЯ «СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ» А.С. ПУШКИНА)

Аннотация: Повесть «Станционный смотритель» примечательно тем, что существует две противоположные версии ее интерпретации. Обе версии прочтения отображают следующие точки зрения на мировоззрение Пушкина. В одном случае это взгляд человека, ратующего за модернизацию культуры в условиях нового революционного времени, во втором случае – это религиозная трактовка художественного текста. В обоих случаях исследователи повести Пушкина обращают особое внимание на одну и ту же художественную деталь – картинку, изображающие притчу о блудном сыне, выполненные немецким художником. Однако, выводы по значению этих картинок, авторы двух статей, о которых будет идти в данном исследовании, делают отличные друг от друга. Рассматривая обе точки зрения, мы хотим предложить третий вариант трактовки «Станционного смотрителя», учитывая одно из ключевых событий исторической эпохи: восстание декабристов. Цель данного исследования: продемонстрировать отражение политических и религиозных представлений А.С. Пушкина на примере повести «Станционный смотритель».

Ключевые слова: декабристы; притча о блудном сыне; М.О. Гершензон; либеральные ценности; О.О. Золотухина; православная культура.

THE PARABLE OF THE PRODIGAL DAUGHTER (READING "THE STATIONMASTER" BY A.S. PUSHKIN)

Summary: The work of A.S. Pushkin "The Stationmaster" is notable for the fact that there are two opposite versions of its interpretation. Both versions of the reading reflect the following points of view on Pushkin's worldview. In one case, this is the view of a person who advocates the modernization of culture in the conditions of the new revolutionary time, in the second case, it is a religious interpretation of a literary text. In both cases, the researchers of Pushkin's story pay special attention to the same artistic detail – pictures depicting the parable of the prodigal son, made by a German artist. However, the conclusions on the meaning of these pictures, the authors of the two articles, which will be discussed in this study, draw different conclusions from each other.

Considering both points of view, we want to propose a third interpretation of the "Stationmaster", taking into account one of the key events of the historical era: the Decembrist uprising. The purpose of this study is to demonstrate the reflection of

A.S. Pushkin's political and religious ideas on the example of the story "The Stationmaster".

Keywords: Decembrists; the parable of the prodigal son; M.O. Gershenzon; liberal values; O.O. Zolotukhina; orthodox culture.

Литературное наследие А.С. Пушкина является уникальным синтезом истории и литературы. Чтобы понять смысл его произведений, необходимо обратить внимание на исторический контекст: особенности эпохи, время создания произведений, о каких исторических событиях пишет автор, как он сам оценивает эти события, исходя из своего мировоззрения. Время жизни национального поэта России было уникальным в своем роде. Век девятнадцатый – это время появления идеологий в Европе и век формирования русской национальной культуры после европейской «прививки» XVIII в. Идеи просветителей, Великая французская революция, наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г. – все это повлияло на общественное сознание дворянства. Офицеры русской армии, прошли освободительным маршем по Европе, спасли Отечество от наполеоновского нашествия и вернувшись домой чувствовали себя победителями, они были полны решимости и уверенности в своих возможностях по решению социально-экономических и политических проблем русского общества. Однако, как отмечал Ю. Лотман, эта решимость зачастую характеризовалась двойственностью: «в сфере идей и "идеологической речи" усвоены были нормы европейской культуры, выросшей на почве просветительства XVIII в. Но сфера практического поведения, связанная с обычаем, бытом, реальными условиями хозяйства, реальными обстоятельствами службы, выпадала из области "идеологического осмысления"» [6, с. 335]. Движение декабристов стало своеобразным зеркалом по отражению разнообразия идей, распространившихся в русском обществе и той сумятицы и неразберихи, которая зачастую царила в среде русского дворянства. «Либеральные теории и консервативные чувства, деизм и мистика, тайная полиция и законосвободная гражданственность — все хлопнуло одновременно, а умы не могли со всем справиться. Это был какой-то ледоход идей, нарушивший прежнюю сонливость русского дворянского общества, какая-то прорвавшаяся плотина» [2, с. 83].

Пушкин был включен в этот общественный процесс брожения идей, его близкое знакомство с декабристами, его переписка с друзьями, высказывания и, конечно, литературное творчество подтверждают это. И все же в личности поэта и в его творчестве было нечто, отличное от современников. Известная цитата А. Григорьева «Пушкин – наше все», говорит о значимости поэта в русской культуре. Это был самородок, способный органично принять и традиционные ценности и инновации, все то, что наша культура, приобретая перерабатывает, сохраняет и создает в процессе своего развития. Возможно, из-за этой уникальной особенности личности поэта, при оценке его мировоззрения, приверженности его тем или иным идеям вызывало и вызывает

сегодня вопросы: кем был «наше все» по своим политическим убеждениям? Революционер, близкий по своим воззрения к декабристам или умеренный консерватор, выступающий за сохранение государственных основ Российской империи? Либерал, выступающий за сохранение монархии, но при условии, что она будет опираться на законы или революционер, для которого крушение самовластия-самодержавия есть наиболее приемлемый вариант будущего политического строя России? Поэт – вольнодумец и атеист или человек православной культуры? Существующая проблема по оценке политических, исторических и религиозных взглядов писателя, определила цель данного исследования: продемонстрировать отражение политических и религиозных представлений А.С. Пушкина на примере повести «Станционный смотритель».

Существует огромный пласт по изучению творческого наследия поэта, напомним основные этапы по интерпретации его творчества с позиции идеологического дискурса. В 1930-е гг. готовясь к юбилею поэта между советскими и зарубежными пушкинистами развернулась дискуссия, «началась идеологическая борьба за Пушкина. В СССР он был объявлен национальным поэтом» революционером и безбожником. В русской эмиграции первой волны, напротив, объявили его монархистом и человеком религиозного мировоззрения [11, с.170]. В советском литературоведении до середины 1950-х гг. доминировала оценка творчества Пушкина, как представителя «революционного романтизма», делался акцент на его атеистических воззрениях. Авторская позиция в таких произведениях как ода «Вольность», «К Чаадаеву» демонстрировала идею борьбы за гражданские права, для нее был характерен пафос патриотизма и свободолюбия [8, с. 81-83].

Позднее в советском литературоведении при оценке творчества поэта уходит радикализм и однозначность, исследователи отмечают, что взгляды поэта менялись и на определенных этапах своей жизни, Пушкин уходит от революционного пафоса, свойственного юности. «В 1824–1825 гг. появляются симптомы расхождений между все более укреплявшейся на путях декабристской гражданственности группой Рылеева-Бестужева, с одной стороны, и умеренно прогрессивными поэтами – Дельвигом, Баратынским и др.» [7]. Сближение Пушкина со второй группой – с представителями умеренно-прогрессивного направления, говорит о том, что юношеский революционный романтизм уступает место более консервативным взглядам. И все же классовый подход, тема «маленького человека», социальная и политическая палитра произведений сохраняется, а главным при исследовании творчества становится метод критического реализма.

За рубежом, в 1930-е гг., начиная с исследования С.Л. Франка, помимо политических взглядов поэта большое внимание уделяется «религиозному сознанию Пушкина» [10]. Религиозная оценка творчества имеет продолжение: в 1937 г. появились серьезные исследования в Харбине, Париже, Белграде, выводы подвел профессор К. Зайцев, отметив, что поэтическое творчество Пушкина «дышит духовным здоровьем» [1, с. 5]. Особое место по

исследованию биографии и связанной с нею творческого наследия Пушкина занимает исследование А. В. Тырковой-Вильямс [9]. В эмиграции ею была проведена колоссальная работа по сбору биографического материала. Рассматривая эволюцию общественно-политических взглядов Пушкина, автор приходит к выводу о том, что политические воззрения поэта можно определить как либерально консервативные, он был «либеральным консерватором» [11, с.170].

В конце 1990-х гг. в России меняется вектор по оценке творчества поэта, начинают выходить работы, в которых революционность и безбожие Пушкина отрицаются, а религиозность выходит на первый план [1]. Более того, делается акцент на том, что исходная мировоззренческая позиция с самого начала творческого пути поэта не была такой однозначно революционной, как об этом писали и говорили советские исследователи. В конце XX в. уже современный исследователь, обращает внимание на причины, повлиявшие на создание оды «Вольность», на то, какая отражена была политическая идея и как Пушкин в этом произведении затронул личность императора Александра Первого. Император «не мог простить Пушкину его оды, содержащей строфу с описанием убийства Павла I... и сам император, имевший косвенное отношение к насильственной смерти отца» [12].

Для ответа на вопрос, какие политические и религиозные воззрения были характерны для Пушкина, остановимся одной из повестей его книги «Повести покойного Ивана Петровича Белкина (1829-1830 гг.) – «Станционный смотритель». Это произведение примечательно тем, что существует две противоположные версии его интерпретации. Повесть стала «лакмусовой бумажкой», показавшей в одном случае взгляд человека, ратующего за модернизацию культуры в условиях нового революционного времени, во втором случае – это религиозная трактовка художественного текста. В обоих случаях исследователи повести Пушкина обращают особое внимание на одну и ту же художественную деталь – картинку, изображающие притчу о блудном сыне, выполненные немецким художником.

Начнем с первой интерпретации данного произведения, обратившись к статье М. О. Гершензона [3]. Гершензон задает вектор по интерпретации данного произведения в рамках культурной модернизации, именно она станет доминирующей в течение всего советского периода. В самом начале автор дает установку на необходимость по раскодированию не такого простого, как может показаться на первый взгляд произведения «Станционного смотрителя», понимая, что у Пушкина нет ничего лишнего, все включено в общий смысл повествования.

Произведение Пушкина, считает Гершензон, представляет собою загадку – сложный рисунок, изображающий деревья, за которыми спрятался силуэт тигра. Увидеть спрятанный силуэт тигра среди деревьев – это значит увидеть то, о чем хотел сказать Пушкин. Так как у Пушкина нет ничего лишнего, есть второстепенные детали и есть главные, поэтому необходимо соотнести между

собой и те и другие, что, в итоге, поможет раскрыть смысл повести. К ключевым понятиям относятся картинки в доме стационарного зрителя, сюжет которых представлен притчей о блудном сыне. Разделяя повествование притчи на отдельные эпизоды, Гершензон соотносит их с поступками главных героев повести. Автор отмечает лубочный характер живописной манеры картинок немецкого художника, для него они являются олицетворением ханжеской морали, которая не только не соответствует «живой правде» жизни, а, напротив, губит стационарного зрителя, не дает ему возможности не только принять новую жизнь дочери, простив ее за побег, но и порадоваться ее счастью. Евангельская притча – это «ходячая мораль», «она совершенно реально высасывает кровь из людей» [3], она повинна в судьбе Самсона Вырина, который приняв ее за универсальную истину, не смог, не увидел, не понял, что счастье дочери возможно, а все старые предрассудки, в том числе христианские, мешают новой культуре, новым ценностям. Жизнь Самсона Вырина была раздавлена устаревшей морально-ценностной шкалой: к такому выводу приходит Гершензон в своей статье.

Вторая версия по интерпретации повести «Стационарный зритель» принадлежит О.Ю. Золотухиной, современному исследователю, которая обобщила литературные наследия по изучению творчества Пушкина и предложила свое прочтение повести [4].

Золотухина О.Ю. критикует точку зрения Гершензона, отмечая, что «данная аксиома, заданная Гершензоном, была очень популярна в советское время», именно она отражена в школьных учебниках. В советское время и позже трактовка Гершензона была оспорена, творчество Пушкина стали рассматривать в «контексте православной культуры» [4]. И все же, сохранилось общее направление по интерпретации повести, заданное Гершензоном: негативное влияние немецких картинок с изображением библейской притчи на Самсона Вырина, не верящего из-за них в возможность счастья дочери с богатым баринном.

Возвращения «блудной дочери», ее позднее раскаяние – это главная тема, на которую обращает внимание Золотухина. Для нее и отец и дочь полностью соответствуют притче о блудном сыне, в этом повествовании нет устаревшей ханжеской морали. Ссылаясь на картинки с изображением притчи, автор статьи делает вывод: именно они дают ключ к разгадке. В повести блудный сын – это дочь Вырина – Дуня, все ее поведение – это свидетельство нарушения христианских заповедей. Золотухина анализирует поведение Дуни, которая вместо посещения воскресной службы в церкви бежит с офицером, бросая отца. Дочь не только не спросила отцовского благословения, но, стала жить вместе с ротмистром Минским невенчанная. Отец, прощая свое неразумное дитя, идет ее спасать, но спасти Дуню ему не удастся и в этом отличие повести Пушкина от евангельской притчи, которая, как известно заканчивается возвращением блудного сына к отцу, который прощая, принимает его с радостью. Дочь вернется, но отца уже не будет в живых. Перед нами сцена позднего

запоздалого раскаяния. Во втором прочтении «Станционного смотрителя» нам представлена христианская интерпретация, которая противопоставлена модернистской версии Гершензона. Обращая внимание на немецкий вариант изображения сюжета притчи, автор статьи делает вывод об ее оригинальной трактовке в данном произведении. К отцу возвращается дочь, которая выглядит вполне благополучно и именно этот момент воспринимается у Золотухиной как православная интерпретация притчи: возвращение к отцу (к Богу) блудного сына (в нашем случае дочери) возможно и в состоянии благополучия. Золотухина хочет сказать, что в пушкинском варианте покаяние человека возможно не только в безнадежном состоянии. Именно эта особенность интерпретации притчи через судьбы героев повести обозначает православную национальную традицию. Автор статьи хочет показать, что Пушкин, предлагая немецкие картинки, противопоставляет западноевропейскую христианскую традицию русской, православной. Дуня могла выйти замуж, стать не только богатой, но и дворянкой, поэтому ее возвращение к отцу, ее покаяние не связано с бедственным положением. Для подтверждения своей точки зрения, Золотухина реконструирует социально-правовую картину русского общества, проводит хронологический анализ текста, обращая внимание на те даты, на которые указывает Пушкин и на те события, которые могут быть соотнесены с этими датами. Эта работа имела цель: доказать, что Дуня могла выйти замуж за ротмистра Минского и ее внешний вид соответствовал высокому социальному статусу.

Отчасти согласимся с автором этой публикации: да, Дуня могла выйти замуж, но, для нас не это важно. Представленная хронологическая цепочка, обозначенная в повести, в нашем прочтении повести имеет иной смысл – все даты свидетельствуют об истории движения декабристов от появления первых тайных обществ, начиная с 1816 и трагического его завершения - казнь и ссылка декабристов в 1826. В этот же отрезок времени включены события в повести «Станционный смотритель».

Учитывая, что у Пушкина не бывает ничего случайного, в том числе те даты, на которые указывает рассказчик и все те же картинка с изображением притчи, мы можем предположить третью версию прочтения «Станционного смотрителя». Судьба Дуни и ротмистра Минского оказалась вплетена в контекст политической истории декабристов. Минский мог быть участником одного из тайного общества, это совсем не значит, что он был исповедником каких-либо революционных радикальных идей. Политическая история тайных обществ, именуемая движением декабристов, сложное и неоднозначное по составу, идейной направленности. Как говорилось выше, после войны 1812 г. общественное сознание образованной части российского общества пребывала в сумятице. «Тайные общества... росли, как грибы, казалось, что они вносят хоть что-нибудь устойчивое в общий хаос мыслей и настроений» [2, с.83]. Минский мог принять участие в одном из этих обществ, не очень разбираясь в политических теориях, однако оказавшись там, попал в общий котел.

Представляет ли Минский тип декабриста? Как уже было сказано, это были люди, для которых была характерна двойственность. Часто их идеи расходились с поведением. В этом случае поведение Минского соответствует поведению многих декабристов. Борьба за счастье всех, за справедливость в обществе и при этом переступить через судьбу маленького человека – станционного смотрителя. Чем не пример того, как декабристы, обсуждая вопрос об освобождении крестьян от крепостного права, включая эту проблему в свои проекты, мало что сделали для своих крестьян. «Для того, чтобы, например, проявить свою любовь к крепостным, им не надо было организовывать заговор. Стоило только воспользоваться принятым еще в 1803 г. указом Александра I о вольных хлебопашцах – и отпустить на волю собственных крепостных. Однако никто из заговорщиков этим указом не воспользовался» [5, с. 50].

Как бы то ни было, судьба Минского могла быть печальной, его могли сослать, лишив дворянского звания, разжаловать в солдаты, отправить на каторгу. Неслучайно у Пушкина последняя сцена – возвращение Дуни к отцу датируется летом 1826 г. – это дата наказания участников движения. Поэтому мы согласимся с Золотаревой, возвращение блудной дочери состоялось, как состоялось и раскаяние, но не согласимся с тем, что это был какой-то особый вариант интерпретации евангельской притчи в русской православной традиции. Дуня пришла к отцу не во славе, а в большой беде так же, как и ее прототип в притче она оказалась в трагической ситуации, потеряв любимого человека, осознала всю глубину своего поступка по отношению к отцу, потому и пришла к нему просить прощения. Блудный сын, в нашем случае блудная дочь вернулась к отцу только после трагедии в своей семье.

Представленная нами третья версия прочтения «Станционного смотрителя» говорит о том, что поступок и Дуни и Минского приравнивается к жизненному пути непутевого, заблудшего сына из притчи. Оба они сошли с пути истинного, переступили через традиционные ценности, впали в соблазн самовластья. Интересно, что еще за два года до выступления на Сенатской площади, Пушкин, познакомившись с участниками восстания в Греции, напишет: «Я не варвар и не апостол Корана, дело Греции меня живо интересует, но именно поэтому меня возмущает вид подлецов..., облечённых священным званием защитников свободы» [10, с. 31]. Возвращаясь к главным героям «Станционного смотрителя», нетрудно догадаться, что в данном случае автор повести не на стороне блудных детей и не на стороне декабристов. Важно отметить, что Пушкин не осуждает, не критикует, но через евангельскую притчу он хочет рассказать о грехе и покаянии, о гордости и смирении, об отношении человека к Богу. Через религиозный смысл раскрывается один из сложных и противоречивых явлений в истории страны – движение декабристов.

Аргументами в пользу, третьей версии по интерпретации повести могут послужить биографические факты из жизни поэта. Повесть «Станционный смотритель» была написана в 1829-1830 гг. после ссылки в Михайловском

(1824-1826 гг.). В этот период, как отмечают пушкинисты и здесь большинство сходится во мнении, мировоззрение Пушкина окончательно определяется. С поэтом, строившим планы о побеге за границу в начале своей ссылки в Михайловском, через несколько месяцев пребывания в родовом поместье произошла метаморфоза. 1825 год стал рубежным, еще до выступления на Сенатской площади сознание русского поэта медленно, но верно меняется, западнический налет вольтерьянства вытесняется народной и церковной культурой. В Михайловском Пушкин возвращается домой в прямом и переносном смысле. Погружается в народную и церковную среду, происходит настоящее знакомство с народом. Обращая внимание на этот период в жизни Пушкина, С. Франк напишет, что период уединения в Михайловском – это время решающего духовного и политического созревания поэта [10, с. 32].

В «Станционном смотрителе» Пушкин, сложил мозаику из судеб героев и исторических событий, выстроил иерархию ценностей и через религиозный смысл притчи показал, что бывает, когда эта иерархия нарушается.

Список литературы:

1. Пушкин А.С. Путь к Православию /сборник статей. – М.: Отчий дом, 1997. – 335 с.
2. Вернадский, Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль. – 1993. – № 15. – С.81-92.
3. Гершензон, М. О. Станционный смотритель /Мудрость Пушкина. – Москва, – 1919. – URL: <https://www.yabloko.ru/Themes/History/gersh-4.html> (дата обращения: 04.02.2024).
4. Золотухина, О.Ю. Повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель» в православном контексте русской литературы / XIV Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Сборник докладов, материалов и исследований. Красноярск. – 2015. – URL: http://kasdom.ru/r_obrazovanie/stati/6384/(дата обращения: 04.02.2024).
5. Киянская, О.И. Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. – 2017. – № 2 (95). – С.42-56.
6. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 1994. – 399 с.
7. Лотман, Ю.М. Пушкин. Биография писателя. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. – URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pus/kin/bio/gra/phy/lotman/6.htm> (дата обращения: 05.02.2024).
8. Мейлах, Б.С. Проблемы советского пушкиноведения / Труды Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций. 25-27 апр. 1949 г. и 6-8 июня 1950 г. [Текст] / [Под ред. Б. И. Бурсова]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. литературы. (Пушкинский дом). – Москва; Ленинград: Акад. наук СССР, 1952. – С.49-86. 251 с.

- 9.Тыркова-Вильямс, А.В. Жизнь Пушкина.1824-1837. – М.: Молодая гвардия, 2004. – Т.2. – 514 с.
- 10.Франк, С.Л. Религиозность Пушкина/ Русское мировоззрение. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/russkoe-mirovozzrenie/4_2 (дата обращения: 05.02.2024).
- 11.Франк, С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Народное образование (подготовила статью В. Рудакова). –2019. – №3. – С. 30-35.
- 12.Черниговский, Д.Н. А. В. Тыркова-Вильямс об общественно-политических взглядах Пушкина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 3(2). – С. 170-173.
- 13.Чистова, И.С. Ода «Вольность». Пушкинская энциклопедия // Звезда. –1999. – №7. – URL:<https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/7/oda-volnost.html> (дата обращения: 05.02.2024).

Сысов Александр Иванович

кандидат исторических наук, учитель истории

Средняя общеобразовательная школа № 112 г. Трехгорный

SPIN-код: 3029-7820

РОЛЬ ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ РАЙОННОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В 1920-Х – СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается влияние патрон-клиентских отношений на формирование районного аппарата управления в горнозаводской зоне Южного Урала накануне и в начале форсированной модернизации. Уделяется внимание причинам быстрого распространения патрон-клиентских отношений в руководящих структурах Южного Урала, влиянию на этот процесс особенностей социально-экономического и культурного развития горнозаводской зоны. Показана взаимосвязь этих процессов в Центре и на Урале. Обосновывается необходимость ослабления влияния патрон-клиентских отношений в условиях начавшейся модернизации советского общества.

Ключевые слова: горнозаводская зона Южного Урала, субрегион, форсированная модернизация, раннесоветское общество, клиентела, патрон-клиентские отношения, тоталитарный политический режим.

THE ROLE OF PATRON-CLIENT RELATIONS IN THE FORMATION OF THE DISTRICT MANAGEMENT APPARATUS OF THE MINING ZONE THE SOUTHERN URALS IN THE 1920S – MID-1930 S.

Summary: The article examines the influence of patron-client relations on the formation of the district management apparatus in the mining zone of the Southern Urals on the eve and at the beginning of forced modernization. Attention is paid to the reasons for the rapid spread of patron-client relations in the governing structures of the Southern Urals, the impact on this process of the peculiarities of the socio-economic and cultural development of the mining zone. The interrelation of these processes in the Center and in the Urals is shown. The necessity of weakening the influence of patron-client relations in the conditions of the beginning modernization of Soviet society is substantiated.

Keywords: mining zone of the Southern Urals, sub-region, forced modernization, early Soviet society, clientele, patron-client relations, totalitarian political regime.

Патрон-клиентские отношения [11, с. 350], получившие в СССР большое распространение в 1920-х–1930-х гг., оказывали большое влияние на формирование аппарата управления в Уральском регионе. Однако, если проблема влияния клиентелизма на взаимоотношения центрального и

регионального аппарата управления в исторической литературе неоднократно являлась предметом научного анализа [7; 16; 17 и др.], то влияние патрон-клиентских отношений на формирование районных органов управления изучено еще довольно слабо.

Районные органы управления были организованы на Урале после того, как на XII съезде РКП (б), состоявшемся в Москве 17 – 25 апреля 1923 г., было принято решение о коренном изменении административно-территориального деления страны путем районирования [12, с. 443-444]. По постановлению президиума Уральского облисполкома от 27 февраля 1924 г. на базе волостей и станиц ликвидированных уездов началась организация районов. 4 ноября 1926 г. ВЦИК РСФСР утвердил деление Уральской области на округа и районы. Одним из округов, образованных в ходе этой административно-территориальной реформы, был Златоустовский округ, на примере районов которого (Миньярский, Катавский, Саткинский, Кусинский, Миасский, Медведевский районы) можно выяснить какую роль играли патрон-клиентские отношения на районном уровне.

По-мнению О.В. Гаман-Голутвиной, к концу 1920-х гг. в высшем партийном и советском эшелоне власти возникла такая ситуация, когда значительная часть столичного руководства представляла собой «сообщество «удельных князей» и «ведомственных генералов», а вокруг московских вождей складывались своеобразные клиентелы из руководителей местных партийных организаций, государственных чиновников среднего уровня, которые нуждались в специальном покровительстве кого-либо из вождей» [7, с. 278]. Аналогично дела обстояли и в региональных управленческих структурах: первые секретари региональных комитетов партии являлись, с одной стороны, формальными и неформальными лидерами в региональном руководстве, а с другой сами входили в неформальные сообщества, группировавшиеся вокруг отдельных высших лидеров, как правило членов Политбюро [16, с. 40]. Особенно ярко выраженными патрон-клиентские отношения были в регионах, где была относительная стабильность корпуса номенклатурных руководителей и при которой регионами длительное время управляли одни и те же люди. Так, например, было в Западной (Смоленской) области, которой с 1929 г. по 1937 г. руководил И.П. Румянцев, в Сибири, где в этот же период крайкомом руководил Р.И. Эйхе и во многих других регионах СССР. Аналогичная ситуация сложилась и на Урале, где с 1929 г. по 1937 г. Уральским (Свердловским) обкомом партии руководил И.Д. Кабаков.

Ученые, изучающие феномен патрон-клиентских отношений, отмечают поразительную быстроту, с которой эти отношения охватили партийно-государственную систему управления раннесоветского общества. Часть исследователей объясняют это сохранившейся в большевистской партии со времен подполья практике распределения должностей и обязанностей на основе личных связей. Другие объясняют это частичной реставрацией во властных структурах в 1920-е гг. дореволюционных форм и методов работы.

При этом ситуация вскоре усугубилась установлением в стране тотального партийного контроля за общественной жизнью. Первоначально большевистское руководство пыталось конструировать органы власти на демократических основах, при этом декларировалось их принципиальное отличие от чиновничьего аппарата царского времени, но затем «советские управленцы», большая часть которых не имела необходимой квалификации, политического опыта и даже среднего образования, получив власть в регионах, вскоре начала превращаться в типичных провинциальных чиновников дореволюционного образца, унаследовав многие их пагубные черты – клановость, бюрократизм, круговую поруку, склонность к коррупции – и даже стереотипы их поведения. Отчасти эти негативные черты возродились в постреволюционном аппарате управления благодаря приходу на работу в него представителей старого чиновничества. Особенно ярко это проявлялось в удаленных от Центра провинциях: контролирующие органы были далеко, население преимущественно было настроено аполитично, а правовое образование и воспитание на периферии, в том числе и в районах горнозаводской зоны Южного Урала, было поставлено гораздо слабее, чем в Центре.

Кроме того, большое влияние на формирование патрон-клиентских отношений в районах горнозаводской зоны Южного Урала оказали элементы традиционализма, продолжавшие существовать в данном уральском субрегионе в указанный период. В частности, важной чертой социального мировоззрения провинциальных чиновников с царских времен было стремление заручиться покровительством и поддержкой «большого человека» в вышестоящих органах власти (желательно в столице). Это стремление, как известно, также лежит в основе формирования среди чиновничества патрон-клиентских отношений. Такое покровительство, по мнению представителей аппарата управления, должно было обеспечить чиновникам поддержку и продвижение по службе. В то же время, такая система порой облегчала лоббирование региональных и местных интересов [16, с. 40]. Как правило, районные руководители, используя свои личные связи, «проталкивали» выгодные им решения или делали все возможное для пересмотра невыгодных для районов принятых постановлений (например, пытались добиться пересмотра размеров хлебозаготовок). Чаще всего, используя свои личные связи, районные руководители стремились решить экономические проблемы, стоявшие перед районом [17, с. 7-10]. Примером использования патрон-клиентских отношений для реализации этого направления в горнозаводских районах Южного Урала является поиск площадки для размещения Ново-Бакальского металлургического завода («Бакал-гигант») в Катавском районе Златоустовского округа Уральской области, решение о строительстве которого было утверждено ЦК ВКП (б) 15 мая 1930 г. [10, с. 398-404]. Бакальский завод, оборудованный на основе последних достижений мировой металлургической техники, должен был стать одним из величайших мировых гигантов по выработке высококачественных сталей. Общая стоимость всей продукции завода предполагалась выше

стоимости продукции вместе взятых Магнитогорского, Кузнецкого и Ново-Тагильского заводов [6, с. 40-41; 1, л. 22]. Для окружных и районных властей строительство этого металлургического гиганта, имеющего общесоюзное значение, открывало перспективы превращения этого уральского субрегиона в важнейшую базу по производству высококачественного металла и могло вывести горнозаводскую зону Южного Урала с периферии промышленной политики (где она оказалась после начала строительства ММК и других новейших металлургических заводов), чего никак невозможно было сделать опираясь только на дореволюционные заводы, так как они явно устарели технологически, а многие из них были сильно разорены в ходе революции и Гражданской войны. Поэтому, органы власти Катавского района не только развернули масштабные изыскательные работы по поиску подходящей площадки для строительства завода, но и пытались «продать» решение о строительстве завода именно в их районе используя свои личные связи в руководстве Уральской области. Однако, после передачи планирования строительства из свердловского Гипромеза в ленинградский Гипромет, окончательное решение было принято в пользу г. Челябинска, где этот металлургический завод и был построен в 1941–1945 гг. [13].

Помимо экономического лоббирования, в рассматриваемый период было широко распространено своеобразное «политическое лоббирование», при помощи которого на ключевые должности в районном руководстве региональными властями, а иногда и центральными, расставлялись «свои люди». Одним из важнейших условий занятия ответственных государственных и партийных должностей было наличие личных связей с вышестоящим руководством. Причем это касалось как партийных, так и советских органов управления. Например, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. с подачи руководства Златоустовского округа в лице ответственного секретаря окружного комитета ВКП (б) Г.К. Румянцева, председателя окружного исполкома С.Т. Галкина и его заместителя Н.Г. Брагина был в значительной степени переформирован руководящий состав районных органов управления. Так, в 1931 г. председателем Катавского райисполкома стал Петр Александрович Козлов (1901–1937). Причем не последнюю роль в этом кадровом решении как раз сыграло наличие личных связей П.А. Козлова с руководством Златоустовского округа. До революции П.А. Козлов был рабочим Миньярского завода, в 1917 г. вступил в Красную гвардию, а в 1919 г. стал коммунистом. До 1929 г. П.А. Козлов служил в Красной Армии на командно-политических должностях. По окончании армейской службы он поселился в Златоусте, где в начале заведовал столярной мастерской при Златоустовском горсовете, а в 1930-1931 гг. работал директором Златоустовской больницы. В 1931 г., по рекомендации руководства Златоустовского округа, П.А. Козлов был избран председателем Катав-Ивановского райисполкома. В 1934 г. П.А. Козлов был переведен на партийную работу (что, безусловно, считалось значительным повышением) в Маслянский,

а затем Уфалейский район, где до 1937 г. он являлся секретарем районных комитетов партии. В июне 1937 г. он был арестован и расстрелян.

Не менее показательна карьера А.Ф. Комлева, видного партийно-советского деятеля Катавского района. А.Ф. Комлев родился в 1892 г. в бедняцкой крестьянской семье. Получил лишь начальное образование. 10 октября 1920 г. А.Ф. Комлев вступил в коммунистическую партию и это открыло ему широкие возможности для карьерного роста. Он последовательно занимал ряд важных должностей в советских органах власти: в сентябре 1924 г. был избран председателем одного из сельских Советов в районе, затем переведен на работу в райисполком на должность заведующего организационным отделом. В 1934 г., после перевода П.А. Козлова на другую работу, он даже некоторое время исполнял обязанности председателя Катавского райисполкома. 10 февраля 1936 г., благодаря протекции нового председателя райисполкома А.А. Филиппова, с которым А.Ф. Комлев был давно знаком, его назначили заведующим финансовым отделом Катавского райисполкома [2, л. 185]. 1 декабря 1936 г. это назначение было утверждено народным комиссаром финансов РСФСР В.Н. Яковлевой [2, л. 253]. В последующие 2 года совместной работы в райисполкоме А.А. Филиппов неоднократно заступался за своего «протезе», когда тому грозило увольнение с занимаемой должности (его обвиняли в пьянстве, дебоширстве, растратах, грубом обращении с сотрудниками, безответственном отношении к своим обязанностям, бюрократизме, неуважительном отношении к национальным меньшинствам [4, л. 61]). В 1938 г. А.Ф. Комлев, как и значительная часть руководства Катавского района, был объявлен врагом народа и арестован [14, с. 506].

Таким образом, районные органы управления в раннесоветский период в значительной степени формировались под воздействием т.н. «патрон-клиентских» отношений.

Одной из самых влиятельных клиентел на Урале в 1920-е – начале 1930-х гг. была клиентела, образованная выходцами из бывшего Симского горного округа, который славился своими революционными традициями еще с царских времен – уже в ходе событий 1905-1907 гг. миньярские и симские рабочие придерживались большевистских лозунгов. Из этих мест вышла целая плеяда революционеров, которые после окончания гражданской войны заняли многие важные партийные и государственные посты регионального и столичного уровня. Примером могут служить Д.Е. Сулимов и Ф.И. Локацков, революционная деятельность которых началась в Миньяре еще до первой русской революции, а в начале 1930-х гг. они уже прочно вошли в состав столичной элиты. Известно, что Д.Е. Сулимов и Ф.И. Локацков поддерживали дружеские отношения с И.Д. Кабаковым, который сменил их на посту первого секретаря Уральского обкома ВКП (б). И.Д. Кабаков (в прошлом сормовский рабочий, который вступил в большевистскую партию в 1912 г., затем активно участвовал в Гражданской войне, занимал партийные и государственные должности в разных регионах страны) унаследовал от своих предшественников

фактически уже сложившуюся клиентелу и продолжил ее укреплять, превратив в одну из самых мощных и развитых в стране [15, с. 46-84]. Среди окружных и районных руководителей Урала, в том числе и горнозаводской зоны, уроженцы Миньярского района также занимали влиятельные позиции (В.Д. Озимин, С.Н. Родиков, П.А. Козлов, И.Ф. Санников и др.). Представители других регионов, направленные на работу в Уральскую область, предпочитали поддерживать с влиятельными миньярцами дружеские отношения. Например, Г.К. Румянцев, секретарь Златоустовского окружного комитета ВКП (б) в 1929-1930 гг., активный участник коллективизации в округе, поработавший до назначения на Урал в районах и округах, расположенных в пространстве от Дальнего Востока до Минска и Пскова, поддерживал дружеские отношения с Д.Е. Сулимовым, занимавшим тогда пост председателя СНК РСФСР.

Один из наиболее ярких представителей миньярской клиентелы – К.В. Рындин (1893–1938), который проделал путь от рабочего Симского завода до первого секретаря Челябинского обкома ВКП (б) и члена ЦК ВКП (б). Разделение Уральской области фактически дало старт формированию новых клиентел, одной из которых стала челябинская клиентела. Во главе этой региональной клиентелы как раз и оказался К.В. Рындин, с которым были тесно связаны руководители многих районов, в том числе и горнозаводских. В число тех, кто, безусловно, принадлежал к данной клиентеле, входили первый секретарь Катавского райкома партии А.П. Азволинский, переведенный сюда в 1934 г. из Копейска, и председатель райисполкома этого района А.А. Филиппов, руководившие районом в период становления Челябинской области и сформировавшие в районе вокруг себя когорту своих выдвиженцев, среди которых выделялись А.Ф. Комлев, Н.В. Попов, А.И. Баранов, М.Т. Акшинцев [3, л. 7-8]. На тесную не только служебную, но и неформальную связь районных и областных руководителей Челябинской области во второй половине 1930-х гг. впоследствии указывали и следственные органы НКВД, осуществлявшие массовые репрессии на Южном Урале [8, с. 303, 312]. Вообще, «политическое лоббирование» очень часто находило выражение именно в защите патроном своего окружения. Так, в сводке начальника районного отделения ОГПУ Саткинского района Бондарева за 1933 год приводятся выдержки из рассуждений местных жителей о партийной чистке, проходившей в это время, в которых они говорят о ее бесполезности, так как «рука руку моет» и, благодаря заступничеству вышестоящих руководителей за своих «протезе», практически всех, кого отстранили от руководства во время чистки в районе, приняли вскоре обратно [9, л. 175-176].

Хотя, как уже сказано, патрон-клиентские отношения порой облегчали лоббирование местных интересов [16, с. 40], но в условиях начинающейся модернизации подобные связи резко снижали эффективность аппарата управления: во-первых, на фоне внутрипартийных дискуссий 1920-х гг. отношения между такими «клиентскими группировками» становились порой очень напряженными, исчезала согласованность в действиях различных

ведомств, а это сильно препятствовало осуществлению модернизационных мероприятий; во-вторых, органы власти, как партийные, так и советские, к концу периода НЭПа в значительной степени состояли из коммунистов, прошедших Гражданскую войну, многие из которых свое право занимать руководящие посты обосновывали революционным прошлым, апеллируя к которому они довольно часто позволяли себе резко критиковать решения вышестоящих органов власти, которым, естественно, это не нравилось и мешало последовательному проведению в жизнь «генеральной линии партии» [16, с. 50; 5, с. 206]; в-третьих, существование «клиентских отношений» создавало потенциальную опасность возникновения в будущем оппозиции Центру, что было неприемлемо, так как в тот момент Центру был нужен послушный механизм, способный точно и безоговорочно исполнять решения высших органов власти по осуществлению модернизации общества. Поэтому, необходимость проведения широкомасштабной модернизации потребовала осуществления «кадровой революции», целью которой было обеспечение максимальной эффективности правящего слоя в качестве инструмента модернизации. Воплотить в жизнь ее можно было только разрушив (или хотя бы ослабив) патрон-клиентские отношения.

Однако, попытки оптимизации работы руководящих кадров ставшим в 1920-е гг. традиционным методом чисток успеха не имели, поскольку наталкивались на сопротивление клановых патрон-клиентских структур, сформировавшихся в региональной номенклатурной среде. Совершенно естественно, что в той ситуации одна из главных задач чисток – ликвидация патрон-клиентских кланов – так и не была решена. Патрон-клиентские отношения вновь возобновлялись сразу после прекращения очередного этапа чисток. Это заставляло высшее руководство на протяжении 1920-х – середины 1930-х гг. регулярно осуществлять повторные чистки аппарата практически с одинаковыми задачами и результатами. В этих условиях сталинское руководство перешло к более жесткому варианту кадровой политики, апогеем которой стали репрессии 1936–1938 гг. Репрессии нанесли сильный удар по патрон-клиентским отношениям, но не ликвидировали их полностью. После спада волны репрессий, эти отношения стали возрождаться вновь [16, с. 36-52]. Однако, с этого времени патрон-клиентские отношения не давали гарантии неприкосновенности, чиновники боялись заступаться друг за друга. Система могла любого чиновника назначить виновным и принести в жертву.

Таким образом, патрон-клиентские отношения в 1920-е – середине 1930-х гг. являлись важным фактором формирования районной системы управления в горнозаводской зоне Южного Урала. Среди причин, которые в Советском Союзе привели к их зарождению в управленческой среде, как правило, называют: сохранившуюся в большевистской партии со времен подполья практику распределения должностей и обязанностей на основе личных связей, частичную реставрацию во властных структурах в 1920-е гг. дореволюционных форм и методов работы, стремление провинциальных чиновников заручиться

покровительством и поддержкой «большого человека» в вышестоящих органах власти. Чаще всего, используя свои личные связи, районные руководители стремились решить экономические задачи, стоящие перед районом, а также добиться назначения на ключевые должности «своих людей». В то же время, патрон-клиентские отношения значительно снижали эффективность аппарата управления в условиях форсированной модернизации. Поэтому, преодоление этих отношений являлось одной из важнейших задач в ходе административно-территориальных реформ первой половины 1930-х гг., чисток партийно-государственного аппарата и даже политических репрессий второй половины 1930-х гг. Все это позволило ограничить влияние патрон-клиентских отношений в управленческой среде, но полностью искоренить эти отношения даже в условиях тоталитарного политического режима так и не удалось.

Список литературы:

- 1.АОАКИМР. Ф. 1. Оп.1. Д. 2.
- 2.АОАКИМР.Ф.1.Оп. 1. Д. 28.
- 3.АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31.
- 4.АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 1 Д. 34.
- 5.Верт Н. История Советского государства. 1900–1991 / Пер. с фр. - М.: Прогресс, 1992. – 480 с.
- 6.Гаврилов Д.В. Несостоявшийся гигант уральской оборонной промышленности (Бакалстрой, 1932–1942 гг.) // Урал в 1941–1945: экономика и культура военного времени / Мат. регион. науч. сем. Челябинск, 10 апр. 2005 г. / Ответств. ред. А.А. Пасс. - Челябинск, 2005. С. 38-51.
- 7.Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. – М.: Интеллект, 1998. – 448 с.
- 8.Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. В 10 кн. Кн. 6 / А.Ф. Мукомолов. – Москва: Территория, 2007. – 496 с.
- 9.ОГАЧО. Ф. П-319. Оп. 2. Д. 17.
- 10.Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. В 16 т. Т. 4. 1927–1931 / под общей редакцией П.Н. Федосеева, К.У. Черненко. – 8-е изд., доп. и исправ. – Москва: Политиздат, 1970. С. 398-404.
- 11.Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. – М.: Инфра-М, 2019. – 628 с.
- 12.Резолюция XII съезда РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) «О районировании» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. В 16 т. Т. 2. 1917–1924 / под общей редакцией П.Н. Федосеева, К.У. Черненко. – 8-е изд., доп. и исправ. – Москва: Политиздат, 1970. С. 443-444.
- 13.Создадим мощную базу высококачественных сталей для советского машиностроения // Челябинский рабочий. 1932. № 17 (1414). 21 марта.
- 14.Список репрессированных граждан Катав-Ивановска, Усть-Катава и Юрюзани. 1937–1939 гг. // Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. В 10

- книгах. Книга 7. Сборник документов и материалов / А.Ф. Мукомолов. – Москва: Территория, 2007. – С. 504-509.
15. Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6 (92). С.46-84.
16. Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 40.
17. Хлевнюк О.В. Центр-региональные отношения в 1930-е годы. Лоббирование и клиентелизм в сталинской системе управления // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2004 г. №3. С. 1-17.

Тимощук Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

SPIN-код: 8288-9253

ОСНОВЫ ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: Современный патриотизм – это когнитивность, дух и эмоции, которые возникают в ответ на появление разных входящих факторов, антиномий, вызовов: усиление национальных государств и борьбы корпораций за контроль ресурсов, поиск новой искренности в контексте борьбы с коррупцией и обучением детей элиты за границей. Патриотизм представляет собой направленные внутрь усилия на консолидацию вокруг национального.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, новая нормальность, постмодерн, гибридность, комплексность, новая искренность, не пафосность.

FUNDAMENTALS FOR PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

Summary: Modern patriotism is a cognitive, spirit and emotion that arises in response to the emergence of different incoming factors, antinomies, challenges: the strengthening of nation-states and the struggle of corporations for control of resources, the search for a new sincerity in the context of the fight against corruption and the education of elite children abroad. Patriotism is an inward-looking effort to consolidate around the national.

Keywords: patriotism, nationalism, new normality, postmodernity, hybridity, complexity, new sincerity, non-pathos.

Борьба России против могущественных держав за независимость сформировала её современный патриотизм. В разные годы патриотизм был подчинен разной политике, но всегда отражал направленную вовне политику национального сопротивления. Патриотизм на институциональном, интеллектуальном и народном уровнях то объединяется, то отмежевывается, что создаёт разнообразную, паранепротиворечивую картину. После СВО внешний патриотизм все больше становится основой институциональной идеологии. В новой ситуации углубления реформ и содействия модернизации национального управления необходимо сбалансировать развитие «национального государства» и низового патриотизма, а также использовать антиномии развития системы. Государственные решения для глубоко укоренившихся проблем, которые мешают модернизации национального управления, не всегда приходят вовремя, необходимы общественные усилия.

Существует базовое понимание, что патриотизм – это национальная сущность, сердце и душа России. Российский народ защищает национальную

независимость, опирается на новую историческую позицию и систематически интерпретирует основной смысл, духовную сущность и ценность патриотизма в новую эпоху, обсуждая проблемы искренности и интегративности обеспечения руководства для продвижения патриотизма в новую эпоху. Чтобы продвигать дух патриотизма в новую эпоху и осуществлять качественное патриотическое воспитание, мы должны глубоко понять его внутреннюю логику в трех измерениях: теории, истории и реальности [1].

Теоретическая трезвость – необходимое условие идеологической и политической адекватности. Так, нарратив «Украина – проект Владимира Ленина» представляет собой перенаправление внимание, перекладывание вины на большевиков в надежде, что это поможет онтологическим процессам дифференциации, энтропии. Патриотизм представляет не просто абстрактное обобщение патриотического явления в общественной жизни, это, прежде всего, способность видеть проблему, анализировать её, проводить факторный анализ. Чтобы постичь дух патриотизма в новую эпоху, мы должны исходить из теоретического измерения, уточнить теоретическую основу и внутреннее обоснование духа патриотизма, дать академическую рациональность для продвижения духа патриотизма в новую эпоху и всегда придерживаясь высокой самокритики. Основные угрозы теоретическому патриотизму исходят от инерции, самоуспокоения, самообмана, акцентуации прошлого вместо доминанты *hic et nunc*.

Страшное (катастрофа) берёт начало в незаметном, повседневном. Это можно увидеть в различных техногенных трагедиях, когда накапливались незаметные факторы – износ металла, рост нагрузки, привычка к нарушению дисциплины. Государственная катастрофа также начинается с обыденного – с коррупции, клановости, распила, недонесения правдивой информации на местах.

Известно эсхатологическое понимание Иоанна Кронштадтского, который с высоты духовного пробуждения описывает состояние обыденного сознания: «Мир находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями сокрушительными, землетрясениями, наводнениями, неурожаями» (Моя жизнь во Христе. 1.1. 438).

Обыденное сознание окружает себя удобными императивами, которые, как кажется, являются надёжными охранниками будущего: 1) вера в свою непогрешимость, 2) вера в прошлое, 3) вера свою технологичность («аналогов нет»), 4) вера в глобальный кризис Запада. Практически, патриотический сон является такой же угрозой, как и либеральная вера во всемогущество открытых систем.

«Наши мертвые нас не оставят в беде, Наши павшие – как часовые» – хорошая песня, но слабая надежда. Никакие претензии на то, что ты древняя нация, не помогут выиграть. Мы видим, что древние цивилизации, которые имели большие исторические претензии, но слабую подготовку, уступали

молодым завоевателям, тем, кто упорно и интегрированно работал на победу. Русское государство когда-то было молодым, оно присоединило много территорий, однако сейчас удержать его на старых предвосхищениях не удастся. Поскольку есть другие старые цивилизации, которые системно работают против России, внедряя иноагентов, критикующих неэффективные управленческие решения. Появились также новые конкуренты в виде постсоветских государств. Проверка исторических мифов происходит на поле боя. История помогает выстоять в войне, но на одной истории не выедешь. Выживать приходится здесь и сейчас, и отражать вызовы только здесь и сейчас.

Сентенция «зачем нам мир без России» также не является автоматической защитой от конкурентов. Добро всегда побеждает в борьбе со злом, ибо то, что побеждает и называют добром. Здоровый цинизм, самокритика, развитие системного мышления – таковы необходимые прививки к патриотизму в условиях новой нормальности [2].

Современное образовательное пространство, с одной стороны, вытеснило или заменило традиционное религиозное, с другой стороны, оно предоставляет религии новую возможность вновь войти в трансформированное общество. Поскольку образование определяется как общественное предприятие, оно также должно быть открыто для религий, если она соответствует определенному базовому социальному консенсусу (открытость, диалог, толерантность). Поэтому, как только пространство современного образования сформируется, оно может стать новым полем религиозной конкуренции. Религия может войти в новое образовательное пространство как социальная сила волонтерства, служения и эмпатии. Равно как и некоторые основные элементы современного образования (демократизм, вариативность, открытость, непрерывность, плюрализм), также могут войти в религию, что приведёт к глубоким изменениям в религии в виде её разворота к человеку от института, модернизации, дедогматизации, использованию сетевых социальных форм. Подобно образованию, религия означает совокупность практик обучения, систему наследования и символических установок. Если само наследование необходимо сохранить, оно должно прибегнуть к какой-то новой системе распределения знаний/власти. При этом иерархические отношения «учитель – ученик», раскрывающие внутреннюю связь между сакральным знанием и силой, доминированием и лидерством, имеют значение не только в религии, но и в образовании. В эпоху беспрецедентно активных социальных идеологических тенденций религия предлагает архаичные и неизменно новые архетипы организации социального пространства. В современном образовании позитивистское объективное знание стало основным содержанием обучения, но там также не хватает живого стремления к антропологической ценностной истине.

Религия питает человека тысячи лет мощными нравственными нарративами, даёт трансцендентное целеполагание. Коллективное мышление выработало запредельные антропологические, космологические и

эпистатические основания, а современный человек, при всей его технологической продвинутости, не может решить радикальные вопросы сущности и существования в мире. Другими словами, даже после того, как современное образование уходит из ограничений существующей религиозной системы, оно все равно вынуждено искать трансцендентную точку опоры в морали, праве, гуманизме, которые выступают некой секуляризированной формой религиозности. Символическое замещение религии в виде светских альтернатив, таких как экология, эстетика, психология, культурология, художественные практики, представляет квазисакральные прокси, а механизмы воспроизводства этих альтернатив такие же, как и у религии, – социокультурная феноменология (коммуникативная самопорождающая система смыслов, синергичность, гипостазирование, аксиологическая модальность, кодирование коммуникативного ценностного пространства, мифопоэтическое конституирование в малых группах) [3, 4]. Следовательно, в системе образования, независимо от того, насколько конкретное содержание обучения сосредоточено на эмпирических фактах, процесс построения личности, интериоризации коллективного сознания, является «религиозным» процессом, который трансформирует трансцендентное в повседневную жизнь и интегрирует индивидуальное понимание. Базовое качество и характеристики образования зависят от направленности трансцендентной коллективной концепции, на которой оно основано, а также от его исторической глубины, социальной широты и символической плотности

Таким образом, было бы ошибкой рассматривать современное образование и религию как противоположные стороны в игре с нулевой суммой. В контексте современности образование и религия сосуществуют мультидоменно: они разделены и противостоят друг друга, а также переплетаются и интегрируются. Фактически, новое социальное конструирование часто происходит за счет частичного использования капитала старых религий, а теология, по мнению современных аудио философов Павла Щелина и Андрея Баумейстера – это очень глубокая гуманитарная наука о будущем. И, хотя, принцип «разделения образования и религии» был быстро принят интеллектуальной и политической элитой, на практике он регулировался умеренно. Поэтому современное образование и религия все ещё тесно взаимодействуют.

Православие наиболее близко к изначальной теологии кризиса Ветхого и Нового Завета, ибо оно не ушло в консумеризм и изменение религии под вкусы потребителя. Современная антисофийная картина мира усугубляет апокалиптическую модель человечества, а святоотеческое наследие хранит ответы на вызовы человеческой истории [5].

Патриотизм проходил разные исторические эпохи, где его точками самосборки выступали вызовы и угрозы. Каждый «рывок патриотизма» является одновременно продолжением патриотической мысли, а также выступает уникальным бутстрапом, который сыграл важную роль в различные

исторические периоды. Хорошо описан патриотизм, основанный на историческом контексте Смуты, борьбы за независимость, за национальное освобождение. В эпоху новой нормальности патриотизм должен быть дополнен улучшенными компетенциями в разных областях – технологической, когнитивной, нравственной, волонтерской, языковой, психологической, финансовой. В новую эпоху реформ и открытости патриотизм основан на отношениях между личностью и обществом, на горизонтальных связях, инициативности, критическом мышлении.

Список литературы:

1. Гофман А. А., Тимощук А.С. Актуальные вопросы отечественного патриотизма // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии. - Чита: ЗабГУ, 2022. С. 23-26.
2. Гофман А. А., Тимощук А.С. Новая нормальность как концепт общественных изменений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 471-473.
3. «Новая нормальность» и международные отношения: теории, инструменты, практики. Москва: Аквилон, 2021. 470 с.
4. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Софиология как богословие кризиса (от великих каппадокийцев - к неопатристическому синтезу) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 2. С. 159-168.
5. Тимощук А.С. Патриотический диссонанс: анализ политико-экономических аспектов безопасности // В сборнике: Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире. - Владимир: ВлГУ, 2020. С. 114-118.

Тихонова Вера Борисовна

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

SPIN-код: 3355-1070

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Аннотация: предлагаемая статья посвящена проблематике возможностей исследования и реконструкции идентичностей прошлого. Рассмотрено понятие идентичности как междисциплинарного понятия, взаимосвязанного с целым рядом научных дисциплин. Проанализирован ряд направлений современной исторической науки, в рамках которых возможны выявление и исследование исторических идентичностей. В том числе, рассмотрены такие научные направления, как психоистория, с которой и началось изучение идентичностей, а также историческая психология и история ментальностей. Выявлена концептуальная близость между понятиями идентичности, самосознания и менталитета, в силу которой наиболее перспективным для исследования идентичностей прошлого представляется обращение к концепциям и методам истории ментальностей, истории повседневности, а также микроистории.

Ключевые слова: идентичность, самосознание, междисциплинарность, психоистория, историческая психология, история ментальностей, история повседневности, антропологизация истории.

ON THE PROBLEM OF STUDYING HISTORICAL IDENTITIES

Summary: the proposed article is devoted to the problems of research and reconstruction of identities of the past. The concept of identity is considered as an interdisciplinary concept interconnected with a number of scientific disciplines. A number of areas of modern historical science are analyzed, within the framework of which it is possible to identify and study historical identities. In particular, such scientific directions as psychohistory, with which the study of identities began, as well as historical psychology and the history of mentalities, are considered. The conceptual closeness between the concepts of identity, self-awareness and mentality has been revealed, due to which the most promising way to study the identities of the past seems to be to turn to the concepts and methods of the history of mentalities, the history of everyday life, as well as microhistory.

Keywords: identity, self-awareness, interdisciplinarity, psychohistory, historical psychology, history of mentalities, history of everyday life, anthropologization of history.

Актуальность проблематики идентичности в современном гуманитарном знании не может не вызвать интереса к историческим истокам современных идентичностей. Вслед за ответами на вопросы «Кто мы?» и «Какие мы?» мы рано или поздно, но зададимся вопросом: «А как себя идентифицировали наши предки?» Ответ на эти вопросы, очевидно, простым быть не может, в особенности, если речь пойдет о периодах, не изобиловавших нарративами личного характера, отражающими саморефлексию авторов по поводу собственной этнической, религиозной, гражданской и т. п. принадлежности. Поэтому, к примеру, для реконструкции идентичности русских XVII в. окажется пригодным лишь очень ограниченный круг источников. Однако, выбору источников, очевидно, должно предшествовать определение теоретической базы исследования, максимально адекватной каждой конкретной теме. Ввиду этого обстоятельства, целью данной работы предполагается поиск возможных теоретических оснований и методов изучения идентичностей прошлого. Ряд современных ученых связывают национальную идентичность с исторической памятью, видят ее обусловленной историческим прошлым и историческим сознанием народа [15; 24; 22] Исходя из этого, в число основных задач предлагаемой статьи входит рассмотрение наиболее значительных направлений и концепций в современной исторической науке, так или иначе затрагивающих тему идентичностей прошлого и способов ее реконструкции. Методология данного исследования детерминирована выраженной междисциплинарностью самого понятия идентичности.

Термин «идентичность» в наиболее обобщенном смысле обозначает и процесс, и результат самоотождествления человека (группы) с другими людьми или социальными группами. Изначально психологическое понятие, идентичность во второй половине прошлого века вышла за пределы направлений психологии и психоанализа на широкий простор социально-гуманитарного знания. В настоящее время в рамках изучения проблематики идентичности можно выделить целый ряд подходов к ее пониманию: психологический, социологический, этнологический, антропологический (социокультурный), политологический, философский, исторический. Хотя такое деление «по подходам» весьма условно, поскольку практически все исследования, посвященные идентичности, являются выражено междисциплинарными. Большинство научных работ на темы идентичности основываются как на множественности научных подходов, так и на пересечении различных областей знания. К примеру, в отечественных исследованиях идентичности психологический подход может сочетаться с социологическим [7; 18]; этнологический – с политологическим [33], или с культурологическим [31]; социологический — с культурологическим [8, 28], или политологическим [2; 13; 20; 32]; философский – с этнологическим [5], политологическим [26], культурологическим [35] или социологическим [16; 17]; политологический – с историческим [1] или этнологическим [42].

Междисциплинарность идентичности, совершенно очевидно, обусловлена сложностью и многоплановостью феномена. При этом у идентичности предполагается наличие разнообразных уровней, видов и форм. В отечественной науке, например, среди множества видов идентичности безусловными лидерами исследовательского интереса и научного анализа можно обозначить этнокультурную, национальную (гражданскую), социокультурную, цивилизационную, религиозную идентичности. Объектами все более пристального интереса современных ученых становятся гендерные и возрастные идентичности. Заметим, что обращение к идентичностям прошлого более характерно для зарубежной науки [4; 15; 24; 38; 22]. Что касается «форм» идентичности, то выделяются пространственная и временная (историческая) формы [22]; а также позитивная и негативная [40, с. 313,316-317,319; 7, с. 82-83; 17, с. 181; 20, с. 135, 141-143].

Позволим себе некоторое место отвести обозначенным выше пространственной и временной формам идентичности, обращение к которым выглядит весьма перспективным для исследования идентичностей прошлого. Изучение пространственной идентичности предполагает выявление «реальной и воображаемой» географии рассматриваемой культуры, определение того, с какими территориями и пространственными характеристиками соотносят себя представители данного народа, какие пространственные образы преобладали в носителей данной культуры [22, с. 45-49]. Другая важнейшая форма идентичности — временная, связанная как с отношением ко времени (и пониманием его) в данной культуре, так и «нахождением» народом себя в истории [22, с. 23-28] ...

Основоположник теории идентичности и один из первых ее исследователей, американский психоаналитик Э. Г. Эриксон, предположил и обосновал наличие у феномена идентичности не только личностного, но и социально-культурного уровня, связанного с исторической эпохой. Ученый утверждал, что идентичность «эго» отдельного индивида обусловлена особенностями конкретного исторического периода. Человеку обычно приходится принимать сформировавшую его личность «историческую необходимость». При этом жизненные циклы развития личности присутствуют в рамках конкретных исторических периодов и находятся в зависимости от «исторических перемен» [40, с. 62-63, 84].

Основываясь на своих исследованиях, Э. Г. Эриксон написал ряд исторических биографий, в рамках которых соединил психологические и исторические методы исследования, положив начало особому междисциплинарному направлению - «психоистории», в котором совмещаются индивидуальный и исторический планы, исследуются кризисы идентичности на уровне личностном и социальном [40, с. 10; 39, с. 6; 29, с. 19-21; 30, с. 45-46; 36, с. 141-142; 37, с. 169-170; 38, с.25]. Таким образом, вслед за Э. Эриксоном можно говорить не только о личностном (индивидуальном) уровне идентичности, но также об историческом (социокультурном), поскольку

личность формируется обществом на основе «культурного единства». Ученый утверждал, что история цивилизаций и культур представляет собой историю «консолидаций», дающих людям ощущение принадлежности к сообществу, то есть идентичности [40, с. 40-41, 59].

Э. Г. Эриксон предпослал своей знаменитой работе о молодом Лютере подзаголовок «психоаналитическое историческое исследование», а новый жанр психоисторического анализа обозначил как «расширение клинической темы так, чтобы она охватила жизненный стиль пациента целиком». При этом ученый видел целью данной работы «переоценку» исторической эпохи с помощью психоанализа, который определен в данном контексте «орудием исторического исследования» [39, с. 32,38]. Э. Эриксон отмечал своеобразное сходство работы историка и «психоаналитика-клинициста». Подобно клиницисту, историк, по мнению Эриксона, исследует биографию неординарной личности на фоне «исторической ситуации», определяющей обстоятельства этой биографии. По мнению Эриксона, у историка и клинициста есть общая задача - тщательное исследование «смежного пространства» обоих «типов истории», личной и социальной [39, с.36-37]. Одной из центральных, если не самой главной, темой психоисторического направления было исследование кризисов идентичности — на личностном и на социальном уровнях. По утверждению Эриксона, кризис идентичности у отдельного человека нельзя рассматривать изолированно от современных ему кризисов исторических [40, с. 32-33].

Современные исследователи помещают психоисторию в число основных направлений исторической психологии. В ходе своего развития психоистория дала ряд направлений, сосредоточивших свое внимание на психобиографическом методе и истории отдельных социальных групп [36, с. 97-98; 37, с. 98-99; 29, с. 19-21; 38, с.25]. Одно из наиболее известных направлений психоистории предлагает метод «интроспекции», связанный с «погружением в «глубины собственного психе», благодаря которому, по мнению сторонников этого подхода, можно объяснить групповые мотивации в человеческой истории. Рассматривая свое направление разделом психологии, сосредоточенном на изучении «психологических мотивов» прошлого, психоисторика основываются не на клинической практике, а на историческом наблюдении. В центре внимания психоисториков - история частной жизни отдельных личностей и социальных групп, психоэмоциональные особенности детства, из которых психоистория выводит мотивы различных «групповых фантазий» (от мифологий до идеологий) и социальных явлений (в т. ч. войн). В исследовании идентичностей прошлого психоистория акцентирует внимание на психологической когерентности (подсознательных групповых связях) и общих исторических «травмах», имеющих тенденцию к повторению [12, с. 8, 15-18, 111-135; 4].

Белорусская исследовательница О. М. Шутова видит проблематику идентичностей одной из центральных, «стержневых» для исторической науки

эпохи постмодерна. С точки зрения О. М. Шутовой, идентичность представляет собой «постоянный процесс самоопределения», осознания себя частью общества [38, с. 22-25,73]. Важнейшую причину актуализации исследований идентичности исследовательница видит в антропологизации исторической науки: под влиянием демократизации западно-европейских обществ в 1960-х гг. рождается «антропологически ориентированная» история. Истоком значительных перемен в исторической науке (в первую очередь, западной), по мнению О. М. Шутовой, был ряд «поворотов», в числе которых антропологический, лингвистический, культурный. Эти «повороты» привели к значительным переменам в историческом сознании, в частности, к переосмыслению традиционных научных методов, распространению междисциплинарных исследований, развитию интереса к культуре и «культурной истории», обращению историков к знаково-символическим формам культуры, к семиотическим интерпретациям социальных практик. Антропологизация исторической науки в XX в. вызвала к жизни (в основном в зарубежной историографии) ряд новых направлений, в числе которых — история ментальностей, история повседневности, микроистория, психоистория. В рамках указанных антропологических направлений историки изучают «малые сообщества», народные культуры, повседневные практики «маленького человека», представителей социальных слоев, ранее бывших «незаметными» для историков (например, женщин) [39, с. 22-25,73-89].

Следует отметить, что концепт идентичности в современной науке тесно связывается с рядом научных понятий и концептов, через посредство которых нередко раскрываются ее характеристики. К примеру, с самосознанием, довольно часто соотносимым с идентичностью [5, с. 397,400; 16, с. 55; 20, 134-144; 26, с. 66-68; 33, с. 61-77; 22, с.13; 35, с. 207-210]. В связи с этим, очень близким идентичности понятиям, нередко определяемым как «самосознание», выглядит менталитет.

Ведущие представители истории ментальностей связывали феномен менталитета со слабо осознаваемой самими его носителями сферой «чувствования», «мироощущения», автоматизмами сознания. Французские историки прошлого столетия определяли ментальность как подвижную систему взаимосвязанных между собой образов и представлений, лежащих в основании представлений людей о мире, по-разному представленных в разных социальных группах и определяющих поведение людей и их поступки [3, с. 77-78; 19, с. 302-337; 14, с. 52]. Отметим, что в современной российской науке менталитет подчас соотносят не только с понятиями «мировидения» и «мироотношения», но и национального «самосознания». Последнее некоторые ученые даже считают русскоязычным аналогом термина «менталитет». [9, с. 15-19; 23, с. 3, 11-20; 6, с. 5]. Кроме того, феномен менталитета иногда напрямую связывается с понятием «идентичности» [27, с. 33-45; 6, с. 61]. Также существует точка зрения, основанная на предположении о бессознательной природе менталитета,

которая связывает его с юнговскими архетипами, - то есть, опять же, с психоаналитической концепцией [6, с. 32-33,37; 27, с. 50-53; 25, с. 170-173].

Еще один подход к определению и изучению менталитетов и ментальностей связан с понятием «культурной картины мира», под которой понимаются неосознаваемые, или частично осознаваемые людьми представления («категории»), способы мышления, ценности и верования, лежащие в основе мироощущения и мировосприятия представителей конкретного исторического общества. Причем каждой исторической культуре присущи свои особые смысловые основания и ключевые «категории» [9, с. 15-24; 11, с. 229; 10, с. 335-336; 41, с. 22-28] Некоторые ученые едва ли не приравнивают менталитет к «культурной картине мира». Таковой была позиция А. Я. Гуревича, видевшего разницу между данными понятиями лишь в большей или меньшей их осознанности: менталитет, по мнению историка, менее осознаваем и имеет более эмоциональный характер, тогда как картина мира может фиксироваться в текстах эпохи [9, с. 15-24].

Один из основоположников истории ментальностей, Л. Февр, обращал внимание на важную тенденцию к «взаимообмену» исторической науки с другими научными дисциплинами, то есть, на необходимость развития междисциплинарности. В контексте особой продуктивности «стыкового» знания историк отмечал значение взаимодействий и «обмена» между различными отраслями знаний, в первую очередь, историей, психологией, социологией. Ученый прослеживал возможности тесной взаимосвязи и сотрудничества между историей и психологией: как в развитии биографического жанра при изучении исторических личностей, так и в исследовании коллективной психологии «масс». Однако, с позиции ученого, историко-психологическими исследованиями должны «руководить» именно историки. Обосновывая эту точку зрения, Л. Февр подвергал критике «психологический анахронизм», обозначая ряд серьезных проблем, проявившихся в рамках исторической психологии, которая подчас не учитывает изменчивость ментальных систем и психологических реакций, выдавая присущие своим современникам «мысли и чувства» за те, что могли иметь место у людей в прошлом, приписывая последним свои собственные психологические черты. По мысли ученого, каждая историческая эпоха, определяющая обыденную жизнь людей, рождает тип человека с соответствующими «формами мышления», «строением чувств, желаний, поступков» [Февр, с. 97-98, 102-105, 106-107]. Следуя за мыслью Л. Февра, можно предполагать, что конкретная эпоха определяет не только ментальные характеристики принадлежащих ей людей, но и присущие им идентичности.

Подводя итоги, отметим, что исследование идентичностей прошлого возможно проводить на основе целого ряда научных подходов. Однако, ввиду указанной выше междисциплинарности понятия идентичности, любое подобное исследование, очевидно, должно быть междисциплинарным. И, при любом сочетании используемых научных направлений, «лидировать» должна, в

силу указанных выше причин, историческая наука: только она способна избежать при реконструкции идентичностей прошлого всевозможных «анахронизмов» и модернизаций. Относительно применения ряда весьма привлекательных психологических подходов к изучению исторических идентичностей, напрашивается вывод о возможности обращения к ним лишь при достаточной психологической, а то и психоаналитической подготовке исследователя. Это касается, в том числе, и психоистории.

Ввиду заметной концептуальной близости между понятиями менталитета и социокультурной идентичности, выявлению особенностей последней как в настоящем, так и с историческим прошлым, могло бы способствовать обращение к характеристикам национальных менталитетов, этнических, религиозных, политических, гендерных и других ментальностей. Поэтому для исследования идентичностей прошлого, вероятно, наиболее перспективными можно обозначить историю ментальностей, историю повседневности, а также микроисторию.

Список литературы:

1. Ачкасов, В. А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2012. Вып. 1. С. 85-91.
2. Багдасарян, В. Э. Российская модель мы-строительства и вызовы дезинтеграции // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики). Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. - М.: Наука и политика, 2016. - 280 с. - С. 20-53.
3. Блок, М. Феодалное общество. - М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. - 504 с.
4. Бинион, Р. Европейская идентичность: исторические корни / Перевод с английского О. Шутовой // <https://shutova.com/ru/translation-rudolph-binion-european-identity> (дата обращения 03.03.24)
5. Бакланов, И. С., Душина, Т. В., Микеева, О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 396-408.
6. Веретенников Н. Я. Российская ментальность и современность. – Саратов: Издательство Саратовского государственного Университета им. Н.Г. Чернышевского, 2000. – 70 с.
7. Горлова, И. И., Зорин А. Л. Разработка основ теории идентичности в психоанализе и социальной психологии // Культурное наследие России. 2021. № 4. С. 79-84.
8. Грушевицкая, Т. Г. Национальная и этнокультурная идентичности в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54). Ч. 2. С. 137-139.

9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: «Искусство», 1972. – 318 с.
10. Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс – Академия, 1992. – 352-373.
11. Гуревич А.Я. М. Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – С. 182-231.
12. Демоз, Л. Психоистория. - Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. - 512 с.
13. Дробижева, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – 327 с. - С. 10-29.
14. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. – М., 1991. - С. 50-56.
15. Дюкро, М.-Э. Конструирование исторического опыта и идентификационная традиция: пример Чехии/ Перевод с французского О. Шутовой - URL.: <https://shutova.com/ru/translation-marie-elizabeth-ducreux-construction-histoire-identite-tcheque> (дата обращения 03.03.24)
16. Ефремов, О. А. Формирование идентичности человека в условиях тотальной анонимии // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики). Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. - М.: Наука и политика, 2016. - 280 с. - С. 53-73.
17. Жаде, З. А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. № 2. С. 173-184.
18. Красовская, Н. Р. Этнокультурные аспекты кризиса идентичности личности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология, Международные отношения. - 2000. - Т. 4. - Вып. 2. - С. 205-209.
19. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс – Академия, 1992. – 352-373.
20. Лексин, В. Н. Русская идентичность и российское гражданство // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики). Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. - М.: Наука и политика, 2016. - 280 с. - С. 134-144.
21. Методологические вопросы истории: Американская психоистория и историческая информатика [Сб. ст / Науч. ред.: к.ист.н. А. Г. Кохановский]. - Минск: Красико-принт, 1996.

22. Национальная идентичность в русской культуре / под ред. С. Франклина и Э. Уиддис; [пер. с англ. В. Л. Артемова]. - М.: Политическая энциклопедия, 2014. - 254 с.
23. Пушкарёв Л.Н. Менталитет русского общества на рубеже XVI – XVII вв. (Эпоха Смуты) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. – М.: Институт истории РАН, 2002. – С. 11-20.
24. Ревель, Ж. Бремя памяти /Перевод с французского О. Шутовой - URL.: <https://shutova.com/ru/translation-jacques-revel-fardeau-memoire> (дата обращения 03.03.24)
25. Рёдель А. И. Российский менталитет: от политико-идеологических спекуляций к социологическому дискурсу// Социально-гуманитарные знания. – 2000. № 5. – С. 155 – 173.
26. Римский, В. П. Проблемы этнокультурной идентичности личности в контексте глобализационных сценариев // Личность. Культура. Общество. - 2007. - Спец. Вып. - 1 (35). - С. 60-69.
27. Российская ментальность. Материалы «Круглого стола». – Вопросы философии. – 1994, № 1. – С. 25-53.
28. Рыжова, С. В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания// Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006.– 327 с. - С. 141-168.
29. Самохвалов, Д. С. Историческая психология. Основы историко-психологических исследований. - Минск: БГУ, 2016.- 95 с.
30. Симонова, О. А. Психобиографический метод в творчестве Э.Г. Эриксона // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 45-54.
31. Скоробогатая, А. А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие. На примере Северной Башкирии. - М.: ТЕИС, 2008. - 190 с.
32. Сулакшин, С. С. Государственная политика формирования гражданина страны // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская, информационная государственные политики). Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. - М.: Наука и политика, 2016. - 280 с. - С. 6-19.
33. Тишков, В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013. – 6 49 с.
34. Февр, Л. История и психология. Общий взгляд // Бои за историю. М.: Наука, 1991. — 632 с. - С. 97-108.
35. Чикаева, Т. А. Россия и русская личность: современная диалектика идентичности и идентификации и практические выводы // Проблема формирования гражданина России через инструментарий идентичности (культурная, образовательная, воспитательная, пропагандистская,

- информационная государственные политики). Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Москва, 17 ноября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. - М.: Наука и политика, 2016. - 280 с. - С. 204-212.
- 36.Шкуратов, В. А. Историческая психология. Изд. 2-е, переработанное. — М.: Смысл, 1997. - 505 с.
- 37.Шкуратов, В. А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. - 3-е, расширенное издание. - М.: КРЕДО, 2015. - 244 с.
- 38.Шутова, О. М. Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начале XXI веков. Монография. - Минск: изд-во Белгосуниверситета, 2007. - 277 с.
- 39.Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. - М.: Московский философский фонд; «МЕДИУМ», 1996. - 506 с.
- 40.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. - 2-е изд. - М.: Флинта; МПСИ: Прогресс, 2006. - 352 с.
- 41.Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: МИРОС, Институт Открытое общество, 1998. – 448 с.
- 42.Янакова, В. Р. Политическая идентичность: концептуализация понятия // Социально-политические науки. - 2017. - № 5. - С. 18-23.

Тихоньких Виктор Петрович

старший преподаватель

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

SPIN-код: 7605 -1242

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ СССР В 1941-1943 ГГ.

Аннотация: Проблема соответствия идеологической работы против гитлеровской Германии целям и характеру войны успешно разрешенная советским руководством в годы ВОВ – важная страница отечественной военной истории, во многом определившая победу СССР над Германией. Основное содержание исследования составляет анализ изменений в идеологической пропаганде в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Отечественная война, идеология, пропаганда, патриотизм, Православие.

THE EVOLUTION OF THE IDEOLOGICAL DOCTRINE OF THE USSR IN 1941-1943

Summary: The problem of the correspondence of ideological work against Hitler's Germany to the goals and nature of the war, successfully resolved by the Soviet leadership during the Second World War, is an important page of Russian military history, which largely determined the victory of the USSR over Germany. The main content of the study is the analysis of changes in ideological propaganda in the USSR during the Great Patriotic War.

Keywords: Patriotic War, ideology, propaganda, patriotism, Orthodoxy.

Реальная оценка идеологии противника и эффективное ей противодействие, вместе с другими факторами, обеспечивает психологическую устойчивость и настрой народа и армии на достижение победы. Мерилом содержания идеологической работы отражающую характер войны является политическая цель войны. В период войны мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными теоретическими понятиями, поэтому политическую цель нельзя рассматривать абстрактно или односторонне: с классовых позиций или этнического и религиозного братства воюющих сторон. Идеология, которая обосновывает справедливость или необходимость войны должна быть эквивалентна политической цели войны, ее характеру, зависеть от интенсивности военных действий, от способов ведения войны противником, от уровня развития промышленности, религии, численности населения страны и его этнического состава. Выбор правильного идеологического направления и организации эффективной идеологической работы в период войны можно отнести к военному искусству. К стратегическому средству ведения войны и средству достижения ее политической и военной цели.

Необходима верная оценка причин войны и роли ее организаторов. Сводить причину войны лишь к интересам или желанию узкого круга лиц или к одной личности и строить на основе этого пропаганду не правильно. Любая война имеет в своей основе геополитические, стратегические, идеологические и экономические причины, которые формулируются лидерами и представляются народным массам в виде политических целей или иных доктрин.

Война с Германией была борьбой с национал-социалистической идеологией, враждебной не только ценностям коммунистической идеологии, но и ценностям демократии. Одновременно война СССР с Германией была и борьбой с цивилизацией коллективного Запада при господстве нацистской Германии и могла закончиться только полным уничтожением идеологии национал-социализма, его политического режима и нацистского государства. Поскольку на карту было поставлено не только существование СССР как государства, но и физическое существование его народов. Прежде всего, русского народа, ядра государства и русской православной цивилизации. В парадигме столкновения цивилизаций незначительных нюансов просто не существует. И борьба велась не только на фронте, но и в образовании, культуре, экономике, на информационном поле и т. д. Потому идеология с обеих воюющих сторон должна была выражать также производные от них второстепенные цели.

Военная и идеологическая доктрина СССР строилась на основах учения марксизма, который проблемы общественного развития, войн, военного строительства, идеологию рассматривает через призму интересов социальных классов, классовой борьбы и классовой солидарности. Но война не является только производной от логики классовых политических отношений, хотя в определенных обстоятельствах это имеет место. В рамках классового подхода нельзя глубоко познать духовные аспекты войн, военного строительства и способов ведения войн [4]. Фашизм (нацизм) персонифицировался с Гитлером и его окружением, а социально - политическая и экономическая система отходили на второй план.

Самым уязвимым местом советской идеологической и военной доктрины был принцип классовой солидарности. В начале войны советское руководство столкнулось именно с этой проблемой. Мессианская идея пролетарского интернационализма, положенная в основу советской пропаганды имела узкую классовую направленность и просто не работала. Хотя внутреннее направление советской пропаганды было эффективно в организации мобилизации армии и народа на победу над врагом, но она была не эффективна против национал - социалистической идеологии Германии. Глубина проникновения нацистской психологии в германскую армию была намного выше, чем это представляло себе советское руководство. Лишь используя национальные патриотические основы пропаганды и воспитания, могли решить это противоречие.

Советская идеологическая доктрина, не отказываясь от социалистических принципов, претерпевает серьезные изменения по двум основным

направлениям: переход на основу русского патриотизма и сотрудничество с РПЦ и другими конфессиями Советского Союза. Среди народов СССР патриотическая основа для таких изменений объективно существовала.

Уже в самого начала войны высшим руководством страны была дана патриотическая (национальная) ее характеристика, но при этом сохраняется и классовый подход оценки начавшейся войны. В выступлении В. М. Молотова 22 июня 1941 г. подчеркивается, что война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, а фашистскими правителями Германии. Одновременно В. М. Молотов в качестве примера борьбы за Родину приводит Отечественную войну 1812 г., утверждая, что наш народ будет вести такую же победоносную Отечественную войну. И призывает еще теснее сплотить свои ряды вокруг большевистской партии, Советского правительства, «вокруг великого вождя товарища Сталина» [14, с. 15-17]. В конце речи В. М. Молотов выражает полную уверенность в победе: «Наше дело правое, победа будет за нами!»

В выступлении 3 июля 1941 г. И. В. Сталин характеризует начавшуюся войну как Отечественную и Освободительную против фашистских поработителей и ссылается на Ленина, определившего основные качества советских людей: храбрость и готовность биться против врагов нашей Родины. При этом речь И.В.Сталина глубоко патриотична, он подчеркивает всенародный, отечественный характер войны. Даже по признанию М.М. Пришвина, противника большевизма и советской власти, речь Сталина 3 июля 1941 вызвала большой подъем патриотизма в стране [12,с.503]. И. В. Сталин стремится донести народу всю тяжесть нависшей над страной опасности, он отвергает миф о непобедимости фашистской армии на примере поражения армий Наполеона и Вильгельма II. Именно после этой речи И. В. Сталина вошло в обращение понятие Великая Отечественная война. Отечественная война может быть только национальной, патриотической [21,с.56-61]. Термин «Великая Отечественная война» характеризует ее сугубо патриотический характер.

Вот что писал по этому поводу западногерманский историк Г.-А. Якобсен: «Советы провозгласили свою борьбу «Великой Отечественной войной» и тем самым пробудили в русском народе все национальные чувства и страстное желание защищать свою Родину; за многие века истории России такой призыв всегда открывал огромные источники силы для борьбы против иностранных интервентов» [23, с. 34].

При этом цели ВОВ не сводились лишь национальным интересам, а оценивались как всемирно-историческое явление. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей определялась не только ликвидация опасности нависшей над нашей страной, но и освобождение народов Европы поработенных Германией [11].

В докладе И. В. Сталина на торжественном заседании 6 октября 1941 г., посвященном 24-ой годовщине Октябрьской революции, в жёсткой форме

говорится, что фашисты не люди. Они не имеют чести и совести, переступили границы добра и зла. Гитлер и его приближенные называются людьми с моралью животных, которые имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации - нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова. На первое место в речи ставится именно русская нация с ее мировыми достижениями. Режим Гитлера характеризуется как хищнический и империалистический. Понятие «хищнический» определяет облик врага. Основная задача речи - настроить людей на отчаянную и бескомпромиссную борьбу с врагом [19, с.18 -37].

В речи И. В. Сталина 7 ноября 1941 г. враг определяется по национальности: немецкие захватчики. Но самое главное он обращается за духовной поддержкой к опыту выдающихся русских военных деятелей: «пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» И только после этого: «пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» [20, с. 84-86]. При этом допускается противоречие, определяя врага по национальности, а это значить по народу, далее он говорит, что война с фашистами - не война с другим народом, а война с вероломным классовым врагом. Хотя уже со времени Вестфальского мира 1648 г. наступила эпоха войн между народами, а классовые войны были присущи лишь внутренним гражданским конфликтам. Мифологическая направленность классового сознания высшего руководства страны еще сохранялась. Но перед лицом национальной катастрофы лидеры советского государства были вынуждены обратиться к таким понятиям как Родина и Отечество.

Патриотические настроения народа наиболее полно были представлены в песне «Священная война» В. Лебедева-Кумача, созданной в самом начале войны и ставшей военным гимном Великой Отечественной войны. В ней дана объективная оценка характера войны и необходимость беспощадной борьбы с Германией. В начале песни говорится о необходимости борьбы с темной силой фашизма, который противостоит коммунизму, а за тем упоминается «орда», что связано с исторической национальной памятью русского народа. Далее война характеризуется как народная и священная, бескомпромиссная: «как два различных полюса во всем враждебны мы», говорится не о скорой победе «малой кровью», а о тяжёлой смертной битве. Основное значение этой песни в том, что она отразила ощущение опасности начавшейся войны, можно сказать, на генетическом уровне народа. С 15 октября 1941 г. «Священная война» стала исполняться по всесоюзному радио после боя курантов по радио каждое утро в 6:00 [18, с.180].

В 1942 г. окончательно стало ясно, что война с Германией не классовая, а война между народами, отягощенная идеологией нацизма. Особенно острым в

оценке войны и в отношении к врагу было обращение И. Г. Эренбурга, опубликованного в газете «Правда» 24 июля 1942г.: «Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье...Лейтмотивом статьи был призыв «Убей немца!» [22]. Поскольку это обращение опубликовано в главной газете ВКП (б) «Правде», то его с полным основанием можно считать официальной идеологической позицией и военно-политической целью [10].

Широчайшую известность приобрела пьеса К. Симонова «Русские люди», изобразившая героические черты русского народа. Во 1942 г. писатель М. Шолохов написал рассказ «Наука ненависти», в 1943-1944 гг. в газетах «Правда» и «Красная звезда» начали печататься главы из его романа «Они сражались за Родину», в котором он поставил целью показать подвиг народа в Великой Отечественной войне. У Л. Леонова в 1942 появляется пьеса «Нашествие» [6]. В пьесе «Нашествие» писатель раскрыл глубину русского патриотического чувства, выжигающего в душе человека все мелкое и ничтожное.

Уже в первых речах И. В. Сталина после начала войны прослеживается тенденция изменения идеологической доктрины и не только переход на позиции русского патриотизма, но и необходимость сотрудничества с православием и другими религиями в СССР. В выступлении 3 июля 1941 г. И. В. Сталин обращается к народу по-христиански: « Братья и сестры!». Подтверждением начало изменения политики в отношении РЦП говорит и речь И. В. Сталина, посвященная 24 годовщине Октябрьской революции, где он заявил не только о необходимости сплочения народов СССР в борьбе с врагом, но и о сплочении в борьбе против врага верующих всех вероисповеданий [21, с.18-37].

Необходимо отметить, что оценка политических целей и мотивов войны Германии со стороны советского правительства и Российской православной церкви и народа совпадали. Это стало прочной основой сотрудничества атеистического правительства и религиозной организации им гонимой в весьма не далеком прошлом. Несмотря на идеологические разногласия и гонения, превыше всего для православной церкви оказались вековые традиции национального служения русского православия народу и государству. Церковь, понимая опасность войны для государства, народа и для ее самой, пошла на сотрудничество с правительством.

Антирелигиозная пропаганда была прекращена сразу после начала Великой Отечественной войны. Уступка церкви, с одной стороны, отчасти примирила верующих с советской системой, а с другой стороны помешала немецкой пропаганде, представлявшей оккупационные власти, как ревнителей возрождения православия в России.

Уже 22 июня 1941 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей обратился с посланием к пастве. Лейтмотивом послания стало заявление о единстве исторической судьбы народа и церкви [13, с.3-4]. Начавшаяся война

объявлена священной и освободительной, выражена непоколебимая уверенность в победе над врагом [3, с. 212-226]. Митрополит Сергей подал однозначный и серьезный сигнал готовности сотрудничества с советской властью. Послание Сергея получило поддержку высших церковных иерархов [1]. Оно выражало искреннее стремление РПЦ к победе над врагом [7, с. 263-266]. Митрополит Сергей обратился к народу раньше И.В. Сталина и негативных последствий не последовало. Послание Сергея в условиях существующего на тот исторический период политического режима стало выражением смелой политической позиции.

В руководстве РПЦ понимали, что в начавшейся 22 июня 1941 года войне Германии против СССР целью является не освобождение от большевиков, а уничтожение русской нации и государства как исторических, а не только политических субъектов. И сама РПЦ подлежала в конечном итоге ликвидации. Наряду с утверждением национальных и патриотических основ в процесс преобразования идеологической пропаганды была включена Православная церковь. Правительство не занималось, естественно, религиозной пропагандой, но позволяла священникам вести патриотическую работу среди верующих.

Сотрудничество советского государства и церкви развивалось в позитивном направлении. Наивысшего уровня оно достигло в 1943 году. В начале 1943 г. по распоряжению И. В. Сталина был открыт банковский счет РПЦ, куда вносились средства, пожертвованные на оборону в храмах страны. Получив разрешение открыть банковский счет, РПЦ стала юридическим лицом [13, с. 96]. Влияние церкви росло, поэтому государство, поддерживая с патриотическую деятельность церкви, одновременно запрещала ее отдельные виды деятельности, которые могли принести ему идеологический ущерб. В мае 1943 года работа епархий в госпиталях была ограничена, которая расценивалась как попытка «со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства» [2]. К 1944 гг. «шефство» церкви над военными госпиталями было полностью прекращено.

Историческим событием стала встреча 4 сентября 1943 г. высших иерархов РПЦ со И. В. Сталиным в Кремле. На встрече решено было избрать патриарха [8, с.142-153]. Это был качественно новый этап сотрудничества. Весьма характерно, что в 1943 г. одновременно с избранием Патриарха был распущен III Интернационал. Конечно, здесь присутствовало влияние внешних политических условий, но факт остается фактом. 14 сентября 1943 года по предложению И. В. Сталина постановлением Совета Народных Комиссаров СССР создается Совет по делам Русской Православной Церкви. Произошло и изменение в названии православной церкви в СССР. С 1943 года официально стало употребляться название «Русская православная церковь» Ранее использовались названия «Российская православная церковь». То есть был подчеркнут русский характер РПЦ.

На Совет по делам РПЦ при СНК СССР была возложена задача осуществления связи между правительством СССР и церковью. Создание Совета важно потому, что РПЦ официально стало признаваться как общественно-социальная структура, под контролем государства. Не вызывает сомнения, что сотрудничество государства с православной церковью в годы войны имели своей целью подключение ее к государственной политике [5,с.61].

Очень важно было нейтрализовать фашистскую пропаганду на оккупированных территориях. Наряду с государством этой деятельностью занималась и церковь [10]. Иерархи Русской православной церкви призывали паству не верить расположению немецких властей к православию. Указывалось, что это всего лишь тактический ход, чтобы удержать свое господство на оккупированных территориях [16,с.20]. В результате надежды немцев на привлечение православных верующих на оккупированных территориях на свою сторону не оправдались. Хотя оккупанты не препятствовали открытию православных церквей, ожидая, что они превратятся в центры антисоветской пропаганды, но храмы чаще всего становились центрами сопротивления оккупантам, способствуя возрождению русского национального самосознания.

Но среди православного духовенства находись и те, кто сотрудничал с оккупантами [15]. В этой связи Архиерейский собор РПЦ принял постановление от 8 сентября 1943 г. «Осуждение изменников вере и Отечеству». Перешедшие на сторону фашизма объявлялись противниками Креста Господня и отлучались от церкви, а епископы или клирики лишались сана [17,с.25-29].

Германским властям не удалось оторвать часть РПЦ на оккупированной, территории от Московского Патриархата. В годы ВОВ сформировалась новая парадигма отношений церкви и государства. Права церкви, ее авторитет и возможности деятельности значительно расширились.

Окончательный поворот к русскому патриотизму произошел в период Сталинградской и Курской битв. Выразилось это в важнейшем политическом акте - введении погон в Красной Армии осуществленное на фоне ее победы под Сталинградом. Из Рабоче-Крестьянской Красная Армия становится армией всего советского народа. Идеологически была признана значимость участия в войне не только рабочих и крестьян, но и других слоев советского общества. Изменившийся внешний облик армии психологически закреплял достигнутую стратегическую победу вначале под Сталинградом, а затем под Курском. Моральный дух армии 1943 г. стал несравнимо выше морального духа армии 1941 - 1942 гг., она приобрела уверенность в своей силе и силе своего народа, уверенность в своей победе.

Об окончательном признании национального принципа говорят слова Гимна СССР, принятого в 1943 г. году, где ключевыми являются слова: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». Термин «Русь» подчеркивает общеславянское единство и главенство русского народа в

СССР. «Интернационал» используемый в качестве гимна была заменен на национальный гимн, где подчеркнута уверенность в победе над врагом советского народа.

Если победа под Москвой была достигнута под партийными, классовыми лозунгами, то Сталинградская и Курская битва были выиграны уже под национальными лозунгами. До начала 1943 г. были окончательно преодолены иллюзии о возможности широкого рабочего и крестьянского антигитлеровского движения в Германии. Теперь в представлении образа врага основной акцент делается на его национальной принадлежности, враг стал определяться по национальности. Серьезной коррекции подверглось и само понятие «патриотизм», в котором стала доминировать пропаганда исторических традиций защиты Отечества. Понятие советского патриотизма наполняется новым смыслом – русского патриотизма.

Реконструкция идеологической парадигмы не означала отказа от коммунистической идеологии, которая противопоставлялась идеологии нацизма, и коммунистический идеологический характер Великой Отечественной войны нельзя сбрасывать со счетов.

Список литературы:

- 1.Алексий. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941-1948). - М.: Московская патриархия, 1948. – 248 с.
- 2.Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. - М., 2005. - 540 с.
- 3.Гусев Г. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война // Наш современник. - 2000. - № 5.- С. 212-226.
- 4.Добренев В. И. Война и безопасность России в XXI веке. - М.. 2011. - 217 с.
- 5.Елисеев А. Б. Историография патриотической деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны// Былые годы.- 2010.- № 2 (16).- С. 61.
- 6.Леонов Л. М. Нашествие: Пьеса в 4-х д. - М.: Гослитиздат, 1942. - 96 с.
- 7.Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. - М: Мысль. 1971г.- 278 с.
- 8.Одинцов М. И. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. – 1992. - № 3.- С. 142-158.
- 9.Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. - М. 1995 - 511 с.
- 10.Правда. - 24 июля. – 1942 г.
- 11.Правда.- 8 ноября. - 1941 г.
- 12.Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012 – 880 с.
- 13.Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сборник церковных документов. - М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 1943. - 99 с.

- 14.Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени 1941-1942 / Выступление по радио Заместителя Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 г. - Л: Лениздат,1942. - С. 15 - 17
- 15.Свершилось. Пришли немцы!» Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны.- М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 325 с.
- 16.Силова С. В. Крестный путь: Православное духовенство в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945.- Минск: Белорусский Экзархат, 2004. -80 с.
- 17.Смирнов А. Противники Креста Господня // Журнал Московской патриархии. – 1943.- № 3.- С. 25-29.
- 18.Сохор А.Н. Русская советская песня. - Л.: Советский композитор, 1959. - 508 с.
- 19.Сталин И. О Великой Отечественной Войне Советского Союза.- М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1947. - 208 с.
- 20.Сталин И.В. Речь на параде 7 ноября 1941 года / Сочинения. - Т. 15. - М.: Изд-во «Писатель», 1997.- С. 84–86.
- 21.Сталин И.В. Выступление по радио 3июля 1941 года./ Сталин И.В. Сочинения. – Т. 15. –М.: Издательство «Писатель», 1997.- С. 56–61.
- 22.Эренбург И.Г. Война 1941-1945. - М.: АСТ, 2004. - 795 с.
- 23.Якобсен Г.А. 1939-1945. Вторая мировая война: Хроника и документы / Г.А.Якобсен; Пер. с нем. Г. Я. Рудого. - М.: Мысль, 1995. - 556 с.

Тонковидова Анна Викторовна

старший преподаватель

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

SPIN-код: 7746-2451

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФИГУРА ЛЕНИНА В XXI ВЕКЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: Историческая память раскрывается в образах исторических деятелей. Социологические исследования раскрывают образ исторических деятелей. События XX века вызывают наибольший интерес у россиян, в том числе и фигура Ленина, исторический образ которого, представленный в зеркале опросов общественного мнения, способствует созданию общего поля исторической памяти россиян. Историческая фигура Ленина раскрывается в ряде персонифицированных контекстов: образе правителя страны, героя страны. Упоминается его персоналия и в контексте исторических событий: революции 1917 года и Гражданской войны. Актуальным продолжает оставаться вопрос нахождения тела Ленина в мавзолее. Фигура Ленина сохраняется в исторической памяти россиян XXI века в контексте вождя и создателя Советского государства. В целом, фигура Ленина положительно оценивается нашими современниками.

Ключевые слова: историческая память, Ленин, опросы общественного мнения, образ правителя страны, герой страны, революция 1917 года, Гражданская война, мавзолей.

HISTORICAL MEMORY AND FIGURE OF LENIN IN THE XXI CENTURY (SOCIOLOGICAL ASPECT)

Summary: Historical memory is revealed in the images of historical figures. Sociological research reveals the image of historical figures. The events of the twentieth century arouse the greatest interest among Russians, including the figure of Lenin, whose historical image, presented in the mirror of public opinion polls, contributes to the creation of a common field of historical memory of Russians. The historical figure of Lenin is revealed in a number of personified contexts: the image of the ruler of the country, the hero of the country. His personality is also mentioned in the context of historical events: the 1917 revolution and the Civil War. The issue of finding Lenin's body in the mausoleum continues to be relevant. The figure of Lenin is preserved in the historical memory of Russians of the 21st century in the context of the leader and creator of the Soviet state. In general, the figure of Lenin is positively assessed by our contemporaries.

Keywords: historical memory, Lenin, public opinion polls, the image of the country's ruler, hero of the country, the 1917 revolution, Civil War, mausoleum.

Историческая память выступает важным феноменом в современном информационном обществе. В культурном поле присутствуют различные подходы к определению данного понятия. Й. Рюзен видит в исторической памяти осмысление и упорядочивание воспоминаний о прошлом опыте [3, с. 9]. Н.Л. Мысливец рассматривает историческую память как механизм консолидации общества [2, с. 10]. А.И. Акимова, Г.Ш. Гамзаева, О.И. Казакбиева рассматривают историческую память в свете ее роли в воспроизводстве семантических значений и ценностей для создания общего поликультурного исторического пространства [1, с. 14].

Рассмотрение содержания, сохранения и воспроизводства памяти о прошлом выступает одной из важных задач социологических исследований. Образ прошлого в аспекте образа исторических деятелей формирует жизненное пространство общества, страны. Образ прошлого является центральным элементом исторической памяти и персонифицируется в лице исторических деятелей.

В исследовании мы прослеживаем актуализацию персоналии Ленина в исторической памяти россиян в XXI веке, определяем контексты звучания его исторической фигуры в общественном сознании. Исследование 2023 года «Путешествие по отечественной истории» показало, что россияне интересуются историей своей страны, больше всего внимание привлекает прошлый век. Молодежь 18-24 лет показывает интерес к личности Ленина [4]. За неполных 24 года XXI века ВЦИОМ были проведены исследования общественного мнения, посвященные Владимиру Ленину.

Ряд опросов общественного мнения были связаны с памятными датами жизни и смерти Ленина (в 2022 г. (к 152 годовщине со дня рождения), 2016 г. , в 2010 г. (к 140 годовщине со дня рождения), в 2000 году (к 130 годовщине рождения Ленина).

Опросы, приуроченные к датам смерти Ленина, прошли в 2024 году («Сто лет без Ленина»), годовщине смерти Ленина были посвящен опрос 2001 года.

Интересно, что имя Ленина звучало в ответах респондентов в опросах общественного мнения, которые прямо не были связаны с исторической фигурой Ленина.

Контексты, в свете которых был упомянут Ленин в ходе вышеобозначенных опросов различны.

Основополагающий контекст - это образ правителя страны.

В 2000 году (130 лет со дня рождения Ленина) проходил опрос, показавший, что россияне уверены, что о Ленине будут вспоминать как об основателе Советского государства (34%). Ленин оценивается как вождь и мыслитель [5]. В опросе 2006 года «О репрессиях, репрессированных и «сильной руке» было выяснено, что лишь 10 процентов россиян считает Ленина ответственным за репрессии 20-50 годов. Основную же ответственность несут Сталин и руководители НКВД [6].

Опрос 2008 года, направленный на выявление политиков, при которых страна развивалась в правильном направлении показал, что Ленин входит в тройку лидеров, при которых страна развивалась в правильном направлении [7].

В опросе, связанном с проблемой реабилитации царской семьи 2008 года, показал, что Ленин пользуется симпатией у россиян, в том числе и у молодежи [8]. В 2010 году 34 % россиян положительно оценивали деятельность Ленина [9]. В 2016 году в ходе опроса «Ленин жил, Ленин жив, Ленин...?» было выявлено как россияне оценивают деятельность политическую и личность Ленина [10]. Имя Владимира Ленина в сознании россиян прочно связано с понятием «вождь» - 28%, «вождь революции» - 24%, «вождь пролетариата» - 23%. Итоги деятельности Ленина оценивались позитивно: 31% респондентов.

В опросе 2022 г., приуроченном к 152 годовщине со дня рождения В.И. Ленина выявлено, что 37 % россиян понимают его как вождя революции, а 16 % - вождя мирового пролетариата. Треть россиян считают, что через полвека о Ленине будут помнить прежде всего как об основателе Советского государства (32%). 29% опрошенных уверены, что о нем будут помнить лишь историки. В 2022 году 37% граждан считали, что его деятельность принесла пользу государству.

В опросе 2024 года «Сто лет без Ленина» было выявлено, что личность Ленина продолжает быть важной исторической фигурой в общественном сознании XXI века. За ней закреплена положительная окраска и статус вождя революции (39%), вождя пролетариата (18%) лидера коммунистов, великого человека, который поднял страну и много сделал для народа, философ, мыслитель, писатель, ученый. 47 процентов россиян положительно оценивают его деятельность. В исторической памяти Ленин останется как основатель Советского государства (24%) и вождь трудящихся (23 %) [11].

Таким образом, уменьшилось число респондентов, которые уверены, что в исторической памяти Ленин останется, прежде всего, как основатель Советского государства. Одновременно с этим с 2016 по 2024 увеличилось число россиян, которые положительно оценивают его деятельность.

Следующий контекст – это революция 1917 года.

По данным опроса ВЦИОМ 2005 года Ленин вызывает положительные чувства среди россиян и пользуется симпатией как деятель революционной эпохи, прежде всего у тех граждан, которые симпатизируют «красным», опережая других персонажей того периода. К Ленину скорее положительно относятся респонденты старше 35 лет [12].

В опросе 2010 года, связанном с оценкой революции в настоящее время, 31 % опрошенных считает, что память о Ленине сохранится, против 39%, которые уверены, что через полвека о нем вспомнят лишь историки, а 18% россиян – убеждены, что о нем сохранится память как о герое революции [13].

Контекст Гражданской войны.

В 2008 году проводился опрос, связанный с темой Гражданской войны, ее причинами и виновниками, четыре процента опрошенных назвали Ленина виновником Гражданской войны. Причем, более половины россиян не смогли назвать виновников и причин Гражданской войны [14].

По опросу 2018 года «Гражданская война в России: сто лет спустя» - было выявлено, что Ленин вызывает симпатию у 49% россиян, а негативные эмоции лишь у 29% россиян. То есть он воспринимается как герой Гражданской войны [15].

Контекст – герои страны.

В ходе опроса 2009 имя Ленина было упомянуто в числе великих ученых мира. Он, равно как и Галилей, Пифагор, Пирогов, Солженицын, Кюри набрал 1% голосов [16]. В опросе Русские кумиры XX века, проведенного в 2010 году, было определено, что Ленин попал в их число и набрал 13% голосов респондентов. А в старшей возрастной группе он набрал 18 %. Россияне назвали Ленина в числе самых известных бородачей в 2019 году. Он занял третье место (13%), уступив Марксу (24%) и Толстому (19%) [17].

По опросу 2021 семь процентов молодых людей считают Ленина героем советской эпохи [18]. Опрос 2022 года Герои России: вчера и сегодня показал, что Ленин набрал 8 % в рейтинге выдающихся личностей прошлого, уступив Александру Пушкину и Петру Первому [19].

Ряд опросов общественного мнения ВЦИОМ можно объединить общей тематикой – мавзолеем Ленина. Проблема пребывания Ленина в мавзолее была актуальна для общественности и СМИ. Опросы проводились в 2009 году, 2011 году и в 2017, 2022, 2024 годах. И нынешнее положение дел свидетельствует о том, что запрос на захоронение Ленина уходит в прошлое и говорит о том, что торопиться с принятием окончательного решения о захоронении Ленина не стоит. Отдельно можно выделить тематику отношения граждан РФ к сносу памятников Ленину (опрос 2014 года), который показал, что 77 процентов россиян против сноса памятников [20].

Фигура Ленина продолжает сохранять свою актуальность в исторической памяти россиян, в том числе и молодежи. Ленин рассматривается как вождь, герой страны. Вместе с историческим образом Ленина в исторической памяти сохраняется контекст его эпохи.

Список литературы:

1. Акимова, А. А., Гамзаева Г. Ш., Казакбиева О. И. Историческая память как фактор консолидации российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2023. - №1. – С. 13-17.
2. Мысливец, Н. Л. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе. // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. - №3. – С. 9 - 20. – URL:

- <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/5840> (дата обращения: 25.02.2024).
3. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. – С. 9-15.
 4. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Путешествие по отечественной истории». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 25.02.2024).
 5. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «130 лет со дня рождения Ленина». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/130-let-so-dnya-rozhdeniya-lenina> (дата обращения: 25.02.2024).
 6. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «О репрессиях, репрессированных и «сильной руке». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-repressiyakh-repressirovannykh-i-silnoj-ruke> (дата обращения: 25.02.2024).
 7. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «От Николая Второго до Владимира Путина. Под кем на Руси жить хорошо?» - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-nikolaya-ii-do-vladimira-putina-pod-kem-na-rusi-zhit-khorosho> (дата обращения: 25.02.2024).
 8. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Реабилитация царской семьи за и против». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reabilitaciya-czarskoj-semi-za-i-protiv> (дата обращения: 25.02.2024).
 9. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Повергнутый кумир. «Думы о Ленине» сегодня. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povergnutyj-kumir-dumy-o-lenine-segodnya> (дата обращения: 25.02.2024).
 10. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Ленин жил, Ленин жив, Ленин» - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lenin-zhil-lenin-zhiv-lenin> (дата обращения: 25.02.2024).
 11. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Сто лет без Ленина». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sto-let-bez-lenina> (дата обращения: 25.02.2024).
 12. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Герои и жертвы русской революции. - URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=2835> (дата обращения: 25.02.2024).

13. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Революция или переворот. Оценка сегодняшнего дня». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/revolyucziya-ili-perevorot-oczenka-segodnyashnego-dnya> (дата обращения: 25.02.2024).
14. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Гражданская война в России: причины, виновники, последствия». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-prichiny-vinovniki-posledstviya> (дата обращения: 25.02.2024).
15. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Гражданская война в России сто лет спустя». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya> (дата обращения: 25.02.2024).
16. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tvorenie-bozhe-ili-potomok-obezyany-diskussiya-o-darvinizme-i-proiskhozhdenii-cheloveka-prodolzhaetsya> (дата обращения: 25.02.2024).
17. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Русские кумиры двадцатого века». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkie-kumiry-dvadczatogo-veka> (дата обращения: 25.02.2024).
18. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор. «Память об СССР. Гагарин против Горбачева». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (дата обращения: 25.02.2024).
19. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор. «Герои России вчера и сегодня». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 25.02.2024).
20. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. Аналитический обзор «Памятники Ленину. Снести или оставить». - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyatniki-leninu-snesti-ili-ostavit> (дата обращения: 25.02.2024).

Уколова Инна Петровна

кандидат исторических наук, доцент

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта

SPIN-код: 3322-9862

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ В 2000-2015 ГГ.

Аннотация: Политика Французской Республики в сфере военно-технического сотрудничества определяется на уровне главы Правительства. Эффективности способствует межведомственное взаимодействие Министерства иностранных дел и Министерства обороны. В структуре Министерства обороны обеспечение военно-технического сотрудничества курируют Управление стратегических дел и Генеральное управление по вооружениям. Деятельность Франции в сфере экспорта вооружений обеспечивается высоким потенциалом национальной военной промышленности – крупных корпораций, а также малых и средних предприятий. Совместная разработка и производство вооружений и военной техники в начале XXI века и сегодня осуществляется в сотрудничестве со странами Европейского Союза. С учетом политических и экономических приоритетов Франции ее военный экспорт ориентирован преимущественно на государства НАТО, Евросоюза, а также в страны Африки и Ближнего Востока.

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, продукция военного назначения, Министерство обороны Французской Республики, Генеральное управление по вооружениям, экспортный контроль, Европейское оборонное агентство, «Белая книга по обороне».

MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF FRANCE IN 2000-2015

Summary: The policy of the French Republic in the field of military-technical cooperation is determined at the level of the head of government. Interdepartmental cooperation between the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Defense contributes to efficiency. In the structure of the Ministry of Defense, the Department of Strategic Affairs and the General Directorate of Armaments are responsible for ensuring military-technical cooperation. France's activities in the field of arms exports are provided by the high potential of the national military industry – large corporations, as well as small and medium-sized enterprises. Joint development and production of weapons and military equipment at the beginning of the 21st century and today is carried out in cooperation with the countries of the European Union. Taking into account the directions of France's military cooperation, its military exports are mainly focused on NATO states, the European Union, as well as countries in Africa and the Middle East.

Keywords: military-technical cooperation, military products, the Ministry of Defense of the French Republic, the General Directorate of Armaments, export Control, the European Defense Agency, the White Paper on Defense.

Военно-техническое сотрудничество Французской Республики основывается на внушительном историческом опыте и традициях. Неизменная участница войн за континентальное и мировое лидерство, Франция на протяжении столетий продавала вооружения и была источником передовых оружейных технологий. Став членом НАТО, Франция не раз демонстрировала независимые военно-политические решения, а в составе Евросоюза – стремление к формированию европейского вектора в политике обеспечения безопасности. В сложных международно-политических условиях начала XXI века военно-техническое сотрудничество Франции в большей степени ориентируется на блоковые приоритеты НАТО и партнерство в рамках ЕС.

Ключевые решения в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС) принимаются на уровне премьер-министра республики. От имени премьер-министра предварительное разрешение на ведение переговоров и заключение контракта выдает Генеральный секретарь по обороне и национальной безопасности (*Secrétaire général de la défense et de la sécurité nationale*), возглавляющий Генеральный секретариат по обороне и национальной безопасности – государственный орган при премьер-министре.

В Министерстве иностранных дел Франции развитием ВТС в рассматриваемый период ведало Управление по сотрудничеству в сфере обороны и безопасности. Его функции, кроме прочего, включали содействие развитию экспорта военных материалов, а также оказание помощи в развитии вооруженных сил стран-партнеров. Это управление возглавляет военный служащий в звании генерала, что отражает необходимое в этой сфере сотрудничество военного и внешнеполитического ведомств.

В целях межведомственного взаимодействия во Франции на постоянной основе действует Межминистерская комиссия по изучению экспорта военных материалов (МКИЭВМ). [1] В задачи комиссии входит изучение основных направлений военно-экспортной политики, заключение по запросам на получение военно-экспортных лицензий, формулирование мнений или предложений по реализации экспортных операций. В состав МКИЭВМ входят: председатель – Генеральный секретарь по обороне и национальной безопасности или его представитель, представитель министра иностранных дел, представитель министра обороны, представитель министра экономики и финансов. В зависимости от существа обсуждаемого вопроса на заседания комиссии могут приглашаться представители других министерств и ведомств, а также любые квалифицированные лица.

Для содействия развитию оборонного экспорта и координации усилий государственных органов в этой сфере во Франции была создана Межминистерская комиссия поддержки международных контрактов (МКПМК)

(Commission interministérielle d'appui aux contrats internationaux (CIACI)), заседания которой проходят под председательством руководителя кабинета премьер-министра является не реже одного раза в два месяца. Комиссия составляет и пересматривает Национальный стратегический план оборонного экспорта, который содержит оценку мировых рынков, прогнозы развития внешнеэкономических связей и цели Франции по торговле вооружениями в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевым звеном в процессе организации военно-технического сотрудничества является Министерство обороны Франции. В задачи военных ведомств европейских государств входит представительство и участие в деятельности профильных структур Европейского Союза, в частности, Европейского оборонного агентства (EDA). В деятельности Министерства обороны Франции, необходимо отметить особое внимание, уделяемое поддержке национальных производителей-экспортеров продукции военного назначения (ПВН). Функциональная загруженность военного ведомства Франции объясняется тем, что фактически вся техническая работа по подготовке, осуществлению и контролю экспортно-импортных операций сосредоточена в его подразделениях.

В рамках Министерства обороны экспертная оценка по возможному соглашению об экспорте вооружений согласовывается Управлением стратегических дел - УСД (Délégation aux affaires stratégiques - DAS), Генеральным управлением по вооружениям - ГУВ (Direction générale de l'armement - DGA) и штабами видов вооруженных сил. УСД играет в этом процессе ведущую роль, поскольку оно координирует согласование позиций и составляет окончательное заключение Министерства обороны. ГУВ проводит техническую оценку возможной экспортной сделки. Штабы видов вооруженных сил оценивают возможную сделку с точки зрения военной безопасности Французской республики.

В структуре УСД основная нагрузка по деятельности в сфере ВТС выполняется Отделом проблем нераспространения и контроля (Sous-direction de la prolifération et du contrôle), который координирует анализ экспорта материалов военного и двойного назначения, изучение запросов на получение экспортных лицензий в этой сфере, деятельность по совершенствованию процедур контроля над экспортом вооружений, участие в переговорах, касающихся обязательств, взятых на себя Францией, обеспечивает представительство на них Министерства обороны, реализацию политики экспортного контроля. [5]

Отдел проблем нераспространения и контроля также занимается исследованиями по следующим направлениям: развитие технологий, имеющих критически важное значение для обороны; развитие военной промышленности и стратегических ресурсов за рубежом. В состав отдела включены бюро контроля над передачей чувствительных технологий, бюро по проблемам

разоружения и борьбы против распространения, бюро анализа промышленности, перспектив развития и применения технологий.

Структурой, отвечающей за международное сотрудничество в Министерстве обороны Франции, является Генеральное управление вооружений (ГУВ). Основные функции ГУВ заключаются в обеспечении вооруженных сил вооружениями и техникой, формировании и реализации концепций и программ вооружения, исследовании угроз и рисков, развития технологического и промышленного потенциала Европы, содействии экспорту вооружений и развитию оборонной промышленности. [7] ГУВ, кроме этого, руководит работой атташе по вооружениям (*Attaché d'Armement*) в различных странах и других специалистов военных миссий, отвечающих за развитие военно-технического сотрудничества.

Детальный анализ возможного контракта на экспорт военных материалов, проведенный в Министерстве обороны, предоставляется Генеральному секретарю по национальной безопасности, а также в администрацию президента и в офис премьер-министра до того, как соберется Межминистерская комиссия по изучению экспорта военных материалов. Ежегодно Министерство обороны готовит и предоставляет парламенту отчет об экспорте вооружений в текущем году, в котором проводится анализ основных рынков, тенденций, политики государства в данном вопросе, а также подробные статистические данные.

В документах и практике ВТС Франции применяются термины: сотрудничество в сфере вооружений (*Coopération en matière d'armement*), сотрудничество по вооружениям (*Coopération d'armement*) - совместное развитие технологий, производство и продвижение вооружений и военной техники; экспорт вооружений (*Exportation d'armement*); экспорт военных материалов (*Exportations de matériel de guerre*).

Важнейший документ, определявший военно-техническую политику Франции в период 2000-2015 гг., - «Белая книга по обороне», 2008 г. В ней зафиксированы стратегические направления развития военно-промышленного комплекса и ВТС: сохранение способности разрабатывать, производить и эксплуатировать необходимые для обеспечения суверенитета виды материалов в случаях, когда нет возможности совместных разработок по политическим причинам; предпочтение совместной разработки и производства ПВН, основываясь на европейской системе взаимозависимости; закупка вооружений и военной техники на мировом рынке, если это не угрожает национальной безопасности. [10, p.264-265]

Общие рамки деятельности в сфере экспорта вооружений определены Кодексом поведения в сфере экспорта вооружений ЕС (*EU Code of Conduct on Arms Exports*), а также соответствующими документами Европейского Союза. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим экспорт вооружений, является декрет от 9 ноября 2011 г. «Об импорте и экспорте вне пределов ЕС военных материалов, вооружений и боеприпасов, приравненных к ним

материалов, а также о трансферте внутри ЕС продукции, связанной с обороной». [2] В соответствии с декретом, для получения предварительного согласия на экспорт, необходимо обратиться в Министерство обороны и Таможенную службу, которая находится под двойным контролем Министерства экономики и финансов и Министерства внешней торговли.

Кодекс обороны Франции содержит перечень вооружений и военных материалов, разделенных на категории: военные материалы и оружие, которое запрещено приобретать и хранить за исключением случаев, когда они используются в целях национальной обороны и общественной безопасности; оружие, на приобретение и хранение которого требуется разрешение; оружие, приобретение и хранение которого необходимо декларировать; оружие, которое необходимо регистрировать, а также оружие и материалы, которые можно свободно приобретать и хранить. [4] Списки вооружений и военных материалов, включенных в ту или иную категорию определяются декретами Государственного совета Французской Республики. В течение последних лет прослеживается тенденция упрощения классификации вооружений и военных материалов по категориям, что делает порядок экспортных сделок более простым и доступным для производителей-экспортеров.

Субъектами военно-технического сотрудничества в его производственном сегменте работают предприятия разной мощности и специализации. Военная промышленность Франции традиционно опирается на несколько крупных французских или европейских (с участием Франции) компаний, таких, как Thales, EADS, Eurocopter, Astrium, Safran, Dassault Aviation, DCNS, Nexter. В рамках политики поддержки малого и среднего бизнеса около 4000 малых и средних предприятий в 2010 г. пользовались поддержкой Министерства обороны. Им и сегодня помогают получать необходимую информацию, прямой доступ к рынкам, к участию в крупных контрактах, оказывают поддержку в конкурентной борьбе на новых рынках. Для малых и средних предприятий в Главном управлении по вооружениям Министерства обороны создан специальный Интернет-сайт, где содержится вся необходимая информация о возможностях экспорта, рынках, процедурах получения лицензий и так далее, а также открыта специальная телефонная линия. Регулярно организуются региональные встречи представителей малых и средних предприятий с представителями правительственных организаций. В 2010 г. составлен специальный справочник, в котором описаны все правила и процедуры лицензирования экспорта военных материалов, приведены образцы необходимых форм и другая информация, облегчающая преодоление бюрократических формальностей в оформлении экспортных сделок. [3]

Во Франции также активно применяется дифференцированный подход к экспортному лицензированию. В зависимости от категории экспортной операции государственные органы могут выдавать три вида предварительных разрешений: генеральные, общие и индивидуальные лицензии на трансферт военных материалов. Все три вида лицензий одинаковы как для экспорта

внутри ЕС, так и вне его рамок, однако они определены в разных статьях Кодекса обороны и имеют определенные нюансы. [4] Для осуществления экспорта за пределы ЕС французские поставщики должны отвечать определенным условиям, которые устанавливает правительство. Список военных материалов и материалов, приравненных к ним, ПВН, на экспорт или трансферт которых требуется предварительное разрешение, устанавливается постановлением Министра обороны. [6]

Оборонная политика Франции в послевоенный период была направлена прежде всего на формирование и сохранение так называемой «стратегической автономии», что предполагало возможность самостоятельного принятия стратегических решений в любых условиях. Строительство военно-промышленного комплекса также подчинялось этой цели. Автономия в развитии военных технологий рассматривалась как важнейший элемент стратегической автономии. ВПК Франции формировался вокруг крупных государственных проектов, осуществляемых в основном национальными промышленными группами, в наиболее важных областях военных технологий.

Однако уже в начале 1990-х годов было официально признано, что Франция не может и не должна стремиться производить все необходимое для обороны самостоятельно. В «Белой книге по обороне» 1994 г. приводились следующие причины таких изменений: усложнение технологий; рост стоимости исследовательских и испытательных работ; увеличение сроков реализации различных программ; недостаточность внутреннего рынка для обеспечения национального ВПК; появление новых международных конкурентов. [9, р. 95] Все эти факторы заставляли французское правительство обращать больше внимания на совместную разработку и производство вооружений. Объединение усилий позволяло удешевлять и ускорять научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также развивать международное разделение труда.

Являясь активным сторонником развития интеграции в рамках ЕС, Франция особое внимание уделяла развитию взаимодействия с европейскими партнерами в рамках Европейского оборонного агентства (ЕОА) и Организации сотрудничества в сфере вооружений (ОССАг). Кроме этого, вне рамок ЕС активно развивалась деятельность группы стран, объединенных Рамочным договором Письма о намерениях (The Letter of Intent (LoI) Framework Agreement Treaty).

В рамках ОССАг Франция принимала активное участие в 6 из 7 совместных проектов:

- Программа «Тигр» с участием Франции, ФРГ и Испании – создание боевого вертолета.
- Программа «Кобра» с участием Франции, ФРГ и Великобритании – радар для контрбатарейной борьбы.
- Программа FSAF с участием Франции и Италии – развитие серии зенитных ракет.

- Программа А-400 с участием Франции, ФРГ, Великобритании, Испании, Бельгии и Турции – развитие транспортного воздушного флота.
- Программа FREMM с участием Франции и Италии – создание многофункционального фрегата.
- Программа Essor с участием Франции, Испании, Финляндии, Италии, Швеции и Польши – развитие европейских технологий в сфере программного обеспечения для радиосвязи.

Особые отношения в сфере ВТС у Франции сложились с Великобританией. [8] Подписание в 2010 г. двустороннего Договора об обороне и безопасности дало этому сотрудничеству дополнительный импульс. Согласно этому договору для развития двустороннего ВТС была создана Рабочая группа высшего уровня (High Level Working Group (HLWG)) под председательством руководителей Главного управления по вооружениям Министерства обороны Франции и Государственного секретаря по оборонным материалам Министерства обороны Великобритании. Работа организовывалась постоянными институтами (Anglo-French Defence Research Group (AFDRG), Capability Talks, Test Expertise evaluation and Acceptance Group (TEAG)), а также в рамках отдельных проектов, практиковались ежегодные двусторонние саммиты. В результате был реализован ряд совместных программ разработки и производства вооружений и военной техники:

- в области ВВС: Транспортные самолеты А-400;
- в области сухопутных сил: 40-мм пушка (40 STA), ракетная система залпового огня с управляемыми ракетами (Guided Multiple Launch Rocket System (GMLRS));
- в области ВМС: средства противоминной борьбы (ММСМ);
- в области ракетных вооружений: ракетная система ПВО РААМС, Крылатая ракета SCALP-EG / Storm Shadow, ракета класса воздух-воздух большой дальности METEOR, модернизация ракетных систем Scalp, перспективная легкая противокорабельная ракета (FASGW/ANL);
- в области беспилотных летательных аппаратов: БПЛА MALE и UCAS.

Основные направления сотрудничества Франции и Великобритании в области военных НИОКР: радары; средства электронной войны; исследования в сфере оружия массового уничтожения; компоненты и материалы; робототехника; БПЛА; сонары; космос (коммуникационные спутники); сухопутные, морские и аэромобильные системы; информационные системы и системы взаимодействия.

В политике международного сотрудничества в сфере вооружений Французской Республики явно доминирует европейский вектор. Это можно объяснить как политическими, так и экономическими причинами. С точки зрения политических приоритетов, в сфере обороны и национальной безопасности Франция стабильно делала и делает акцент на развитие независимой европейской системы безопасности. Достаточно сложные

отношения с США не позволяли развивать сотрудничество в сфере вооружений с этой державой. С точки зрения экономических интересов, развитие европейской интеграции и богатый опыт реализации различных совместных проектов и создания консорциумов сделали сотрудничество именно с европейскими странами более привлекательным.

Список литературы:

1. Декрет Французской республики No 2012-1176 от 23 октября 2012 г. о реорганизации Межминистерской комиссии по изучению экспорта военных материалов. – URL: Декрет No 2012-1176 от 23 октября 2012 г. о внесении изменений в Декрет No 55-965 от 16 июля 1955 г. о реорганизации Межминистерской комиссии по изучению экспорта военных материалов - Légifrance (legifrance.gouv.fr) (дата обращения 28.01.2024).
2. Декрет Французской Республики No 2011-1467 от 9 ноября 2011 г. об импорте и экспорте за пределы территории Европейского Союза военных материалов, оружия и боеприпасов и аналогичных материалов, а также о передаче оборонной продукции внутри Европейского Союза. – URL: Декрет No 2011-1467 от 9 ноября 2011 г. об импорте и экспорте за пределы территории Европейского Союза военных материалов, оружия и боеприпасов и аналогичных материалов, а также о передаче внутри Сообщества оборонной продукции - Légifrance (legifrance.gouv.fr) (дата обращения 02.02.2024).
3. Закон Французской Республики No 2011-702 от 22 июня 2011 г. О контроле за импортом и экспортом военных материалов и аналогичных материалов, об упрощении передачи оборонной продукции в Европейском Союзе и о контрактах в области обороны и безопасности. – URL: Национальное собрание - Оборона: импорт и экспорт военных материалов (assemblee-nationale.fr) (дата обращения 15.02.2024).
4. Кодекс обороны Французской Республики. Статьи L2331-1 - L2335-2 – URL: Статья L2331-1 - Кодекс обороны - Légifrance (legifrance.gouv.fr) (дата обращения 17.02.2024).
5. Приказ министра обороны Французской Республики от 24 августа 2009 г. Об организации Делегации по стратегическим вопросам. – URL: Приказ от 24 августа 2009 г. об организации Делегации по стратегическим вопросам - Légifrance (legifrance.gouv.fr) (дата обращения 20.02.2024).
6. Приказ Министра обороны Французской Республики от 27 июня 2012 г. О перечне военной техники и аналогичных материалов, подлежащих предварительному разрешению на экспорт, и продукции оборонного назначения, подлежащей предварительному разрешению на передачу. – URL: Распоряжение от 27 июня 2012 г. о перечне военных и аналогичных материалов, подлежащих предварительному разрешению на экспорт, и оборонной продукции, подлежащей предварительному разрешению на передачу - Légifrance (legifrance.gouv.fr) (дата обращения 22.02.2024).

7. Указ Премьер-министра Французской Республики No 2009-1180 от 5 октября 2009 г. об установлении полномочий и организации Главного управления вооружений – URL: Декрет No 2009-1180 от 5 октября 2009 г. об установлении обязанностей и организации Генерального директората вооружений - ЛегиФранция (legifrance.gouv.fr) (дата обращения 28.01.2024).
8. Уколова И.П. Формирование политики военно-технического сотрудничества Великобритании в 2000-2015 гг. // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра, к 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е. Р. Дашковой: матер. VI междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года / под ред. С.И. Бугашева, Ю.В. Ватолиной, А.С. Минина. Т. 1. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2023. – С. 410-418. – URL: sb_gumnauki_1_2023.pdf (sutd.ru) (дата обращения 22.02.2024).
9. Livre blanc sur la défense 1994. – Paris: Documentation française, 1994. – 212 p. – URL: Livre blanc sur la défense | Open Library (дата обращения 24.02.2024).
10. Nicolas Sarkozy. Défense et sécurité nationale (2008). Le Livre blanc. - Paris: O. Jacob, Documentation française, 2008. – 350 p. – URL: Défense et sécurité nationale by Nicolas Sarkozy | Open Library (дата обращения 24.02.2024).

Филиппов Сергей Иванович

кандидат философских наук, доцент

Новосибирский государственный университет

SPIN-код: 4743-5183

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ – КОНЦА 1960-Х ГГ.

Аннотация: Статья посвящена анализу социально-политического контекста реформ середины 1960-х гг., в частности, перехода к интенсивному развитию нефтегазового сектора экономики и экспорта ресурсов, что было обусловлено следующими обстоятельствами. Эволюция от единоличного к коллегиальному управлению страной, что предполагало существенное ограничение влияния и мощи силовых структур (МГБ-КГБ и МВД) в качестве гарантии безопасности политических акторов. Относительно слабые (по сравнению со «сталинским» периодом) органы государственной и общественной безопасности не в состоянии контролировать социальное недовольство, вызванное неудачами политики Н.С. Хрущева. Глубокие социально-экономические реформы привели бы к обострению недовольства и социальных конфликтов. Единственной стратегией в сложившейся политической и социально-экономической ситуации стало удовлетворение растущих потребностей населения, в особенности, жителей городов за счет импорта продовольствия на средства от экспорта природных ресурсов, что предполагало отстранение от власти Н.С. Хрущева.

Ключевые слова: социально-политическая ситуация в СССР середины 1950-х – начала 1960-х гг., нефтегазовый экспорт, коллегиальное управление.

SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF REFORM IN THE MIDDLE – LATE 1960S.

Summary: The article deals with the analysis of the context of the reforms in the USSR of the mid-. The focus is on the socio-political conditions for intensive development of the oil and gas industry and resource exports. The analysis revealed the following reasons for this development. The evolution from individual to collegial governance of the country implied a significant limitation of the influence and power of law enforcement agencies (MGB-KGB and Ministry of Internal Affairs) as a guarantee of the security of political actors. On the other hand, relatively weak (compared to the “Stalinist” period) state and public security bodies were not able to control social discontent caused by the failures of N.S. Khrushchev`s policies and other factors. Deep socio-economic reforms would lead to worsening discontent and social conflicts. The only strategy in the political and socio-economic situation in the early 1960s was to meet the growing needs of the population, especially city

residents, by importing food using funds from the export of natural resources, which implied the removal of N.S. Khrushchev from the power.

Keywords: socio-political situation in the USSR in the mid-1950s – early 1960s, oil and gas exports, collegial management.

Экономическое развитие СССР с середины 1960-х гг. ассоциируется с интенсивным развитием нефтегазового сектора и экспортом природных ресурсов. Значительная роль здесь принадлежала председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину. Нефтегазовый экспорт в обмен на «ширпотреб» и продовольствие оценивается, зачастую, негативно – как политика, позволившая власти отказаться от жизненно необходимых масштабных социально-экономических реформ для решения проблем, актуальных уже к началу 1960-х гг. и как один из факторов упадка и гибели СССР [4]. Почему руководство СССР, пришедшее на смену Н.С. Хрущеву, практически, сразу же начало развитие нефтегазовой отрасли экономики с ориентацией на экспорт? Какие еще задачи решала данная политика?

Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, рассмотрим социально-экономическую ситуацию середины 1950-х – начала 1960-х гг. Данный период характеризуется высокой социальной нестабильностью, многочисленными конфликтами и протестными выступлениями, которые подчас принимали насильственный характер. География выступлений была обширна – Грузия (Тбилиси, Гори, Сухуми, 1956 г.), Литва (Каунас, 1956 г.), Казахстан (Темиртау, 1959 г.), Азербайджан (Кировабад, 1961, Сумгаит, 1966), Краснодар, 1961 г., беспорядки на целинных землях. Самым известным выступлением этого времени стали события в Новочеркасске в июне 1962 г. Причины беспорядков были достаточно разнообразны: амнистии и возвращение многочисленных бывших заключенных, которые несли с собой криминальные традиции культуры, урбанизация и эрозия норм традиционного контроля, возвращение репрессированных народов в места своего первоначального жительства, что приводило к межэтническим конфликтам, а также ухудшение продовольственной ситуации, повышение цен на товары широкого потребления. Приведенный список демонстрирует, что беспорядки, прежде всего, происходили не в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик, а в регионах. Это объясняется, видимо, тем, что «горючий материал» (бывшие заключенные, молодые мигранты из деревень и др.) переселялись не в столицы, где некоторым категориям населения проживать запрещалось, а в промышленные города и на осваиваемые территории. Кроме того, снабжение в столичных городах было лучше. Таким образом, обязанность справляться с беспорядками ложилась, прежде всего, на плечи местной (областной, городской) власти, и она далеко не всегда достигала в этом успеха. В сентябре 1953 развернулась настоящая война между учениками фабрично-заводского училища и милицией г. Лудза. Милиция явно проигрывала, и власть в городе на короткое время оказалась в руках подростков [2, с. 106]. Аналогичные

столкновения проходили в 1955–56 гг. в Магнитогорске, Новороссийске, Славянске и др. В Сумгаите погромы и насилие, которое спровоцировало применение служебных собак против недовольных, продолжались несколько дней. Беспорядки в Темиртау обернулись сотнями жертв. В Краснодаре негодующая толпа захватила крайком КПСС, партийное руководство вынуждено было прятаться в подвале в течение суток, ожидая своего освобождения прибывшими на место происшествия войсками [1, с. 95 – 97]. Во время «сталинистских» выступлений в Грузии власть просто «исчезла» не несколько дней. По признанию одного из генералов, Тбилиси девятого марта 1956 г. «был во власти стихии», митингующие предъявили ультиматум правительству с требованием уйти в отставку [2, с. 292]. Резкий рост уровня недовольства зафиксирован в 1962 г.: за половину этого года появилось в два раза больше листовок и анонимных писем антисоветского содержания, чем за тот же период 1961 г. [2, с. 213].

Но какое же отношение имеют социальное недовольство и беспорядки «хрущевского времени» к интенсивному нефтегазовому экспорту в более позднее время? Власть реагировала на существующие проблемы различным способом. Во-первых, был провозглашен курс на улучшение условий жизни советского народа – широкомасштабное жилищное строительство, и конечно, увеличение производства продуктов питания, прежде всего, зерновых, необходимых не только для изготовления хлеба, но и кормов для скота и птицы (с этой целью активно внедрялась кукуруза). Освоение целинных земель Казахстана и Западной Сибири должно было стать решением данной задачи. Первоначально были достигнуты успехи – с середины 1950-х гг. до половины всего производимого хлеба приходилось на целинные земли. Но в начале 1960-х гг. ситуация ухудшилась. Отсутствие технологий выращивания зерновых в степных условиях привело к экологическим проблемам – пыльным бурям, уничтожавшим урожай [3, с. 171]. В целом, амбиционный проект решения продовольственных проблем, которому придали форму идеологического и геополитического соревнования (лозунг «догнать и перегнать Америку по производству хлеба, мяса и молока») к концу правления Н. С. Хрущева завершился неудачей – в 1962 г. правительству пришлось закупать зерно за границей, тратя на это золотовалютные запасы страны. Таким образом, удовлетворение потребностей населения, прежде всего, экстенсивными мерами, без существенного изменения форм хозяйствования завершилось неудачей.

Еще одним испытанным способом борьбы с недовольством были репрессивные меры, подавление бунтов и вспышек недовольства силовыми средствами. Особенностью хрущевского десятилетия стало активное использование армии для борьбы с внутренними беспорядками, чего не было ни до (по крайней мере, после гражданской войны и крестьянских восстаний), ни после (до конца 1980-х гг.). Чем было вызвано использование войсковых соединений в борьбе с внутренними беспорядками и какие последствия это имело или могло иметь в будущем?

Статус, влияние, полномочия органов охраны правопорядка, в особенности, в сфере государственной безопасности (НКВД – МГБ) после 1953 г. были существенно снижены. МГБ упразднили, в 1954 г. был создан КГБ – статус «органов» был понижен с министерства до комитета при Совете Министров СССР. В планах Н.С. Хрущева было и разделение КГБ на промышленный и сельскохозяйственный – как это было сделано с руководящими органами КПСС в 1962 г., а также превращение комитета в сугубо гражданскую организацию, лишив его сотрудников воинских званий. Численность КГБ была сокращена более, чем на 100 тыс. человек, оплата труда сотрудников стала меньше, а сами сотрудники лишены ряда привилегий [3, с. 210 – 213]. Существенная реорганизация не миновала и милицию. В 1960 г. МВД было ликвидировано, его полномочия переданы созданным союзным министерствам, часть сотрудников «прикреплены» к гражданским предприятиям и организациям, их обеспечение (заработная плата, предоставления жилья) происходит по «остаточному принципу». Низкая заработная плата и общая бытовая неустроенность подчас толкали сотрудников органов внутренних дел на отчаянные поступки. Одним из наиболее ярких эпизодов такого рода стал обстрел старшиной милиции Натфуллиным здания исполкома Ленинского района г. Казани из огнестрельного оружия ноябре 1963 г. К счастью, серьезно пострадавших не было. Поводом для инцидента стали постоянные отказы местной власти улучшить жилищные условия семьи милиционера, которая проживала в аварийном здании бывшего морга, где, практически, отсутствовала одна внешняя стена. Ни милиция, ни даже КГБ не справлялись с охраной правопорядка и предотвращением (подавлением) массовых проявлений недовольства. Властям все чаще приходилось привлекать для этого армию, которая не была предназначена для решения подобных задач, подавление вспышек массового протеста сопровождалось не слишком избирательным применением оружия и многочисленными жертвами.

Многочисленные проявления массового недовольства, сопровождающиеся насилием, представляли проблему как для местной, так и для центральной власти. Но вызов состоял ни в том, что протесты могли бы привести к смене режима. Протестующие и участники беспорядков не выдвигали политических требований, апеллировали к Ленину и, подчас, Сталину, а критически настроенные по отношению к существующему политическому строю активисты не выступали организаторами и даже участниками «низовых» протестов и беспорядков, предпочитая иные формы выражения собственной критической позиции (обсуждение актуальных социально-политических тем в кругу единомышленников, чтение «самиздата» и «тамиздата», прослушивание «голосов» и др.). Рабочие и горожане с недоверием и предубеждением относились к научно-академической интеллигенции, для которой были характерны критические настроения, и это недоверие было взаимным [5].

Угроза для местной власти исходила, скорее, из центра – именно местные партийно-государственные и хозяйственные руководители несли ответственность за вспышки недовольства, не располагая при этом достаточными средствами для его предотвращения, по сути, расплачиваясь своей карьерой за провалы Н.С. Хрущева.

Для центра угроза состояла в потенциальной нелояльности армии и союзе ее с протестующими и участниками беспорядков. Дело в том, что военные были не довольны навязываемыми им властью карательными функциями в отношении простого народа. Наиболее известной формулировкой этого недовольства стали, наверное, слова генерала М.К. Шапошникова в ответ на распоряжение применить оружие против участников Новочеркасских протестов в июне 1962 г.: «Не вижу перед собой такого противника, которого следовало бы атаковать нашими танками». Если между милицией и населением существовала достаточно высокая дистанция – зафиксированы многочисленные случаи солидарности между хулиганами, вступающими в конфликт с сотрудниками милиции и обывателями, то по отношению к военным, особенно, простым солдатам, проявляется симпатия. Более того, военнослужащие сами принимают участие в беспорядках, которые, возможно, должны были разгонять: из 94 конфликтов с применением насилия, о которых стало известно руководству СССР, в 44 эпизодах принимали участие солдаты [2, с. 182]. Что касается офицеров, то у многих из них были свои причины для недовольства Н.С. Хрущевым. На «хрущевское» время пришлось масштабное сокращение армии (с 1955 по 1958 гг. сократили более двух миллионов военнослужащих), офицеры увольнялись без трудоустройства на гражданские специальности, без пособий и пенсий. Упал престиж профессии офицера, из армии массово увольнялись недавние выпускники военных училищ, не видя перспектив с службе [3, с. 181 – 182].

К середине 1960-х гг. в условиях сложной социально-экономической ситуации возможные стратегии действия власти были следующие. 1) Воссоздание сильного репрессивного аппарата для борьбы с вспышками недовольства, что для тогдашних элит, переживших сталинские репрессии было неприемлемым – в силу опасности самим стать жертвами репрессий. Некоторые меры Н.С. Хрущева, в частности, создание Комитета партийно-государственного контроля, обладающего достаточно широкими полномочиями по выявлению разного рода «злоупотреблений» со стороны партийно-государственного начальства, могли восприниматься номенклатурой как возрождение политики репрессий [6, с. 383 – 385]. 2) Путь глубоких социально-экономических и, возможно, политических преобразований, которые позволили бы «догнать и обогнать Америку» по производству продовольствия, что также было неприемлемо для высшего политического руководства СССР – не столько в силу особого консерватизма и идеологической «зашоренности», сколько из-за опасности дальнейшего обострения социально-политической ситуации. Рыночные реформы привели бы к безработице, социальному

расслоению, росту инфляции и т.д., что произошло позже в КНР и еще позже – на постсоветском пространстве. 3) Обеспечение лояльности населения путем повышения уровня жизни советских граждан, в том числе, за счет импорта продовольствия товаров. В качестве источника средств для данной политики мог стать (и стал) интенсивный экспорт нефти и газа за рубеж. Препятствием этому был Н.С. Хрущев, полагавший, что газ следует сохранить для будущих поколений. Уход Н.С. Хрущева с руководящих постов сделал возможным реализацию третьего сценария, обеспечившего стабильность государства на несколько десятилетий – принимая во внимания возникшие издержки для стратегического развития страны.

Таким образом, экспорт природных ресурсов (нефти и газа) был результатом выбора вектора политического развития страны в середине 1960-х гг., в частности, перехода от единоличного к коллегиальному управлению страной. Это предполагало существенное ограничение влияния и мощи силовых структур (МГБ-КГБ и МВД) в качестве гарантии безопасности политических акторов. С другой стороны, относительно слабые (по сравнению со «сталинским» периодом) органы государственной и общественной безопасности были не в состоянии контролировать социальное недовольство, вызванное неудачами политики Н.С. Хрущева. Глубокие социально-экономические реформы привели бы к еще большему обострению социальных конфликтов. Единственной стратегией в сложившейся политической и социально-экономической ситуации стало удовлетворение растущих потребностей населения, в особенности, жителей городов за счет импорта продовольствия на средства от экспорта природных ресурсов, что предполагало отстранение от власти Н.С. Хрущева.

Список литературы:

1. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. М.: «Территория будущего», 2010. – 560 с.
2. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953 - начало 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. – 462 с.
3. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1954 – 1991. М.: Изд-во РАГС, 1998. – 734 с.
4. Славкина М. Как Советский Союз оказался на «нефтяной игле» // Родина – 2016 – №4. – URL: <https://rodina-history.ru/2016/04/25/rodina-neft.html> (дата обращения: 26.02.2024 г.)
5. Филиппов С.И. Критические настроения позднесоветской научно-академической интеллигенции в историческом и социокультурном контексте // Идеи и идеалы. – 2022. – Том 14, №2, ч.1. – С. 68–85.
6. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. - СПб; М.: ЕУСПб, Летний Сад, 2002. – 508 с.

Хамзин Ильдар Рашидович

кандидат исторических наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина

SPIN-код: 8453-2161

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00050 «Система торговых отношений России и Китая во второй половине XIX – начале XX в.», <https://rscf.ru/project/22-78-00050/>

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КИТАЕ В 1896–1917 ГГ.

Аннотация. В конце XIX – начале XX вв. Российская империя проводит на Дальнем Востоке политику, направленную на создание транспортного сообщения современного типа с Китаем. Первым шагом на этом пути стало заключение договора 1896 г. на строительство Китайско-восточной железной дороги. Российские планы также предполагали развитие портовой инфраструктуры (Порт-Артур, Дальний), создание морского и речного пароходного сообщения в Маньчжурии и восточноазиатской акватории. После Русско-японской войны 1905 г. позиции России оказались ограничены территорией Северной Маньчжурии. В это же время западные державы и Япония начинают активно вкладываться в железнодорожное строительство на китайской территории, что в свою очередь стимулировало российский интерес по расширению собственных железнодорожных позиций. Таким образом, появились проекты по созданию новых российских линий в Монголии и Маньчжурии. Однако события Первой мировой войны и 1917 г. в России оборвали планы расширения русско-китайского транспортного сообщения на многие годы.

Ключевые слова: КВЖД, русско-китайские отношения, транспортная политика, экономика.

RUSSIAN RAILWAY POLICY IN CHINA IN 1896–1917

Summary. At the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The Russian Empire is pursuing a policy in the Far East aimed at creating modern transport links with China. The first step on this path was the conclusion of an agreement in 1896 for the construction of the Chinese Eastern Railway. Russian plans also envisaged the development of port infrastructure (Port Arthur, Dalniy), the creation of sea and river steamship connections in Manchuria and the East Asian waters. After the Russo-Japanese War of 1905, Russia's positions were limited to the territory of Northern China. At the same time, Western powers and Japan began to actively invest in railway construction on Chinese territory, which in turn stimulated Russian interest in expanding its own railway positions. Thus, projects emerged to create new Russian lines in Mongolia and Manchuria. However, the events of the First World War and

1917 in Russia interrupted plans to expand Russian-Chinese transport links for many years.

Keywords: CER, Russian-Chinese relations, transport policy, economics.

В конце XIX в. империя Цин становится полем для вложения инвестиций стран Запада [1]. Первоначально основной поток капитала направился в сферы каботажного судоходства, страхования, банковского дела [14]. Однако с учетом роста товарообмена Китая с внешним миром созрела необходимость развития внутреннего транспортного сообщения для интенсификации внешнего экспорта и импорта. Еще в 1876 г. с этими целями английская компания Jardine Matheson & Co проектировала железную дорогу Усун – Шанхай, но данный проект не получил развития, ввиду сопротивления местного населения прокладке рельсовых путей [8, с. 8]. К концу XIX в. интерес иностранцев к железнодорожному строительству вспыхнул с новой силой. Так появился проект французской железной дороги в провинции Юньнань, русской Китайско-восточной железной дороги в Маньчжурии, немецких железных дорог в провинции Шаньдун. Данные линии предоставлялись Пекином в качестве концессий – фактически иностранной собственности на территории Китая, с правом эксплуатации и получения доходов, но с условием выкупа дороги по прошествии определенного в договорах времени [3, с. 14–15].

Российские интересы в Маньчжурии в этот период сводились к ряду задач. Это необходимость продолжения Транссиба до незамерзающих портов в Желтом море, расширения торговли с Китаем и тихоокеанским регионом в целом, превращение Транссибирской магистрали в мировую транзитную линию для перевозки грузов и пассажиров, укрепления политических и военно-стратегических позиций России на Дальнем Востоке [2, 5, 12]. Фактически сразу с момента своего появления проект КВЖД предполагал не только спрямление участка Транссиба между Читой и Владивостоком, но и продолжение дороги на юг Маньчжурии к незамерзающим гаваням. В 1898 г. для реализации этой задачи Россия получила в аренду часть территории Ляодунского полуострова с портами Порт-Артур и Дальний. Одновременно при Обществе КВЖД создается морское пароходство для организации сообщения железной дороги с восточноазиатскими портами и речное судоходство по реке Сунгари для обеспечения линии грузами из различных частей Маньчжурии [4, с. 156–176]. Таким образом, российская инициатива на Дальнем Востоке в начале XX в. подразумевала создание комбинированной системы товарных и пассажирских перевозок, сочетающей в себе железнодорожное сообщение, портовую инфраструктуру, морское и речное сообщение. Названное подкреплялось финансовой политикой (в 1895 г. был учрежден Русско-китайский банк), созданием телеграфного сообщения и получением горнорудных и лесных концессий в Маньчжурии [4, с. 48–124].

Результаты Русско-японской войны 1904–1905 гг. поставили крест на первоначальных планах Санкт-Петербурга по экономическому завоеванию

Маньчжурии. Южная ветка КВЖД и морские порты на Ляодуне были отданы Японии по условиям Портсмутского договора, в русских руках осталась главная ветка КВЖД ведущая во Владивосток и речное пароходство на реке Сунгари (морское пароходство Общества КВЖД было уничтожено в годы войны). Трансманьчжурская железная дорога, таким образом, оказалась не просто «урезанной» и оторванной от незамерзающих портов, но получила сильных конкурентов в виде японской ЮМЖД (бывшей южной ветки КВЖД) и порта Дайрен (бывший русский Дальний). Это конечно же сказалось на результатах эксплуатации линии, долгое время показывающей ежегодный дефицит [7]. Тем не менее русской политике в Маньчжурии было необходимо адаптироваться к новым условиям. В 1907 г. между Россией и Японией был подписан ряд соглашений, регулирующих отношения двух стран на Дальнем Востоке [6, с. 240].

Между тем Китай становится все более привлекательным для вложения иностранного капитала в железнодорожное строительство. Однако изменилась юридическая форма подобных инвестиций. Если на рубеже XIX – XX вв. основной формой была концессия, то в период последующий за 1905 г. таковой становится иностранный финансовый заем. Суть его сводилась к тому, что правительство Китая при посредничестве того или иного иностранного банка выпускало облигации на внешнем рынке, доход от продажи которых становился капиталом для строительства железной дороги. В отличие от периода «битвы за концессии» новые железные дороги формально являлись собственностью Китая, однако иностранцы в любом случае оставались в выигрыше. Контрагент Пекина, подписавший контракт на выпуск займа, получал доходы от комиссий от межбанковских транзакций, уплаты процентов по ставке за счет доходов железной дороги или налоговых, таможенных и прочих сборов. Кроме того, иностранцы получали свою долю в управлении строящейся линии, как правило в виде должностей Главного Инженера и Главного Бухгалтера [3, с. 30–51]. На подобных условиях Пекин подписывает в течение 1905 – 1917 гг. целую серию договоров с Францией, Бельгией, Англией, Японией, Германией, США и Россией. Стоит заметить, что события Синьхайской революции в 1911–1913 гг. не сказались принципиально на процессе притока иностранного капитала в Китай. Наоборот, и Юань Шикай и Сунь Ятсен выступали за расширение железнодорожного строительства в Китайской Республике и естественно, что без внешних финансов сделать это было не возможно.

Российская империя внимательно следила за иностранными железнодорожными интересами в Китае, но после 1905 г. предпочитала открыто не участвовать в этой гонке за займы. Надо сказать, что еще в 1899 г. было подписано англо-русское соглашение, ограничившее железнодорожные интересы России территорией к северу от Великой китайской стены [5, с. 333–343]. После поражения в войне с Японией, область русского влияния в Северо-Восточном Китае еще более сузилась до территории Северной Маньчжурии. К

этому нельзя не добавить общее негативное отношение Санкт-Петербурга к любым масштабным инициативам в Китае после 1905 г. Но постепенно ситуация стала меняться.

Стимулом для активизации российской железнодорожной политики на территории Китая стало расширение сфер влияния других иностранцев. Первым такой вызов пришел со стороны США. В 1909 г. американское правительство выступило с инициативой выкупа КВЖД и ЮМЖД специально созданным для этого международным синдикатом и последующей нейтрализации железных дорог в Маньчжурии. Вторая часть американской программы подразумевала строительство новой сквозной маньчжурской линии от порта Цзиньчжоу до города Айгунь через Цицикар [6, с. 252–257]. Обе американские инициативы были крайне невыгодны как России, так и Японии, что привело к своего рода союзу Санкт-Петербурга и Токио против США. В 1911 г. американские проекты были отклонены Китаем под давлением русско-японских интересов.

В период 1910 – 1911 г. в среде купечества Кяхты появляется инициатива строительства железной дороги от кяхтинской слободы по направлению к Урге. Этот проект своим появлением был обязан китайским планам по соединению Пекина с Ургой с продолжением прокладки рельсового пути до Кяхты. Ввиду этого в России стали обсуждаться собственные возможности по строительству трансмонгольской железной дороги. Летом 1914 г. был издан императорский указ о соединении Кяхты с Транссибирской магистралью железной дорогой [13]. Одновременно были инициированы изыскания по прокладке линии до Урги, однако события грянувшей Первой мировой войны заставили отложить проект дороги в Монголии на неопределенный срок.

Наиболее болезненно в России отнеслись к активизации японской железнодорожной политики. В 1913 г. Токио добился от Китая подписания соглашения на строительство сразу нескольких железнодорожных линий в Южной Маньчжурии. Некоторые из них, особенно линия Хверён (Северная Корея) – Таонаньфу (западная Маньчжурия) могли окончательно погубить экономику КВЖД и стать опаснейшим фактором с точки зрения переброски японских войск в регионе [9]. По этой причине руководство Общества КВЖД и ведомственные структуры России оказались единогласны в необходимости прокладке новых российских рельсовых путей в Северной Маньчжурии в качестве ответа японской военной и экономической угрозе. Изначально рассматривалось несколько проектов, которые представляли собой ветки КВЖД в различных частях Маньчжурии. Но наиболее обсуждаемым вариантов было соединение Харбина и Благовещенска с возможной прокладкой ветки до Цицикара. Такая линия устраивала как военное ведомство, заинтересованного в укреплении безопасности российских позиций на Дальнем Востоке, так и Общество КВЖД, заинтересованного в увеличении доходов дороги [11].

В марте 1916 г. представитель Русско-Азиатского банка в Пекине Л. В. фон Гойер заключает с правительством Китайской Республики контракт на

выпуск займа для строительства железной дороги по направлению от Харбина до Хэйхэ (китайский городок напротив Благовещенска) с веткой на Цицикар [10]. Соглашение на создание данной линии стало первым шагом России после Русско-Японской войны по расширению своих позиций в Маньчжурии с помощью строительства новой железной дороги. Однако этому проекту не суждено было сбыться, ввиду событий в России в 1917 г.

Проведенный обзор железнодорожной политики Российской империи на территории Китая позволяет нам выделить несколько этапов в рамках этого процесса. Первый период 1896–1905 гг. характеризовался масштабными инфраструктурными проектами на Дальнем Востоке, включающих создание сквозной маньчжурской железнодорожной линии (КВЖД), аренду и развитие морских портов (Порт-Артур, Дальний), создание речного и морского пароходства Общества КВЖД. Все перечисленные объекты должны были работать как единое целое, обеспечивая рост грузооборота и пассажирских перевозок между Россией и тихоокеанским регионом. Второй этап можно обозначить временным отрезком 1906–1913 гг. После поражения в войне с Японией и потерей большей части достижений в Маньчжурии, Россия воздерживается от активной транспортной политики в Китае, предпочитая отстаивать дипломатическим путем свои позиции в Монголии, Синьцзяне и Северной Маньчжурии. Третий этап приходится на время 1914 – 1917 гг. Несмотря на тяжелые условия Первой мировой войны, именно в это время наблюдается активизация российской железнодорожной политики в Китае, спровоцированное расширением железнодорожных проектов других иностранцев на китайской территории и в Монголии. На этом этапе получили одобрение новые крупные железнодорожные проекты (Кяхта – Урга, Харбин – Благовещенск), к воплощению которых Российская империя так и не успела приступить.

Список литературы:

1. Болдырев Б. Г. Займы как орудие закабаления Китая империалистическими державами (1840–1948). – М.: Госфиниздат, 1962. – 225 с.
2. Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. – М.: Директ Медиа, 2014. – 592 с.
3. Канторович А. Я. Иностраный капитал и железные дороги Китая. – Ленинград: Издательство «Плановое хозяйство», 1926. – 221 с.
4. Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк (1896–1905 гг.). Том I. – СПб: Типография Ф. О. Киршбаума, 1914. – 303 с.
5. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 664 с.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1.: С конца XVI до 1917 г. / ред. коллегия: акад. Е. М. Жуков (отв. ред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1973. – 323 с.

7. Очерк коммерческой деятельности Китайской Восточной железной дороги за 15 лет существования Общества. – СПб: Типография А. Смолдинский, 1912. – 76 с.
8. Пиотрович А. А., Су Да Особенности развития железных дорог Китая. – Хабаровск: Издательство ДВГУПС, 2015. – 122 с.
9. РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 786. Л. 33–33 об.
10. РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 811. Л. 25
11. РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 787. Л. 369
12. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). – Ленинград: Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А. С. Енукидзе, 1928. – 608 с.
13. Третьяков В. Г. Из истории Мысовского проекта Кяхтинской железной дороги // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – № 2 – С. 158 – 164.
14. Meyer D. R. Hong-Kong as a global metropolis. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – 290 p.

Чепель Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

SPIN-код: 7912-2513

О ПЕРВОМ ПАМЯТНИКЕ А.С. ПУШКИНУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

Аннотация. В статье рассказывается о первом памятнике Александру Сергеевичу Пушкину в Санкт-Петербурге. Этот памятник был установлен в 1884 году на Пушкинской улице. Уделяется внимание художественным особенностям памятника. Рассказывается об оценке художественных особенностей памятника горожанами. Приводится информация о мероприятии, посвящённом открытию памятника. Для написания статьи использованы архивные материалы и периодические издания.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, памятники А.С. Пушкину, памятники и городская среда, скульптура Санкт-Петербурга, скульптор А.М. Опекушин.

ABOUT THE FIRST MONUMENT TO ALEXANDER PUSHKIN IN ST. PETERSBURG: ON THE 225TH ANNIVERSARY OF THE POET'S BIRTH

Summary. The article tells about the first monument to Alexander Sergeevich Pushkin in St. Petersburg. This monument was erected in 1884 on Pushkinskaya Street. Attention is paid to the artistic features of the monument. It tells about the assessment of the artistic features of the monument by the citizens. Information is provided about the event dedicated to the opening of the monument. Archival materials and periodicals were used to write the article.

Keywords: A.S. Pushkin, monuments to A.S. Pushkin, monuments and urban environment, sculpture of St. Petersburg, sculptor A.M. Opekushin.

22 августа 1881 года Компанейская улица в Санкт-Петербурге по ходатайству Санкт-Петербургской городской думы была переименована в Пушкинскую улицу «в память А.С. Пушкина, который получил своё воспитание близ Санкт-Петербурга и провёл в нём почти всю свою жизнь» [8, с. 309]. В том же 1881 году находившийся посередине улицы сквер, также названный Пушкинским [7, с. 161] и приведённый в конце 1870-х годов, в ходе строительства окрестных домов, в «разорённое состояние», был восстановлен местными домовладельцами на собственные средства. В центре сквера вместо овальной в плане клумбы была устроена площадка, на которой установлен канделябр с четырьмя газовыми фонарями. Сквер был обнесён железной решёткой протяжённостью 123,7 метра с двумя калитками, вдоль решётки высажены кусты мелкого боярышника. В сквере было разбито 14 кустарниковых и цветочных клумб, установлено 8 малых и 2 большие

скамейки. Однако это благоустройство продержалось недолго, и осенью 1881 года, по причине «неудовлетворительного состояния», сквер вновь подвергся реконструкции, теперь на городские средства, по проекту городского садовника А. Визе. Были ликвидированы диагональные дорожки, зато расширены окружная и поперечная. В сквере разбили 8 древесно-кустарниковых куртин, вместо двух устроили четыре входа – со всех сторон. Газовый канделябр, занимавший почётное место в центре сквера, был убран, и на его месте установлен временный гипсовый бюст А.С. Пушкина, созданный скульптором И.П. Витали [6, с. 725; 7, с. 160–161].

В 1882 году Санкт-Петербургская городская дума приняла решение установить в сквере постоянный памятник поэту. В 1883 году было получено дозволение императора Александра III на установку памятника. Монумент был выполнен по модели скульптора А.М. Опекушина, представленной им на двух конкурсах на памятник А.С. Пушкину в Москве в 1873 и 1875 годах [4, с. 171]. Московский памятник был установлен на Страстной (ныне Пушкинской) площади в 1880 году, а его «родной брат» – 7 августа 1884 года в Пушкинском сквере, находящемся посередине Пушкинской улицы Санкт-Петербурга. Памятник был создан и установлен на средства городской казны.

Бронзовая фигура поэта была отлита на заводе А. Морана литейщиком А.Н. Соколовым, отчеканена там же. Проект постамента выполнен архитектором Н.Л. Бенуа при участии А.С. Лыткина в 1882–1883 годах, а создан постамент в мастерской В.Е. Ефимова. По современным подсчётам, высота скульптуры составила 2,05 м, высота постамента – 2,9 м [4, с. 171]. Поскольку памятник находился на балансе города, за его состоянием наблюдали. Сохранилось описание деталей памятника, составленное по поручению городских властей в 1899 году. Общие расходы города, включающие изготовление и установку памятника, составили 9 550 рублей. В описи отмечено, что памятник состоит из трёх частей – статуи, пьедестала и подножия. Невидимая часть монумента – фундамент – сложен из путиловской плиты и из «старых гранитных обломков», и заложен на глубину трёх аршин (2,13 м). Подножие пьедестала высотой 13 вершков (58 см) высечено из красного гранита. На пьедестале из чёрного мелкозернистого отполированного гранита высотой 4 аршина (2,84 м) возвышается бронзовая скульптура ростом в 3 аршина 4 вершка (2,31 м). В сухое описание конструкций и материалов закрался и элемент художественного осмысления памятника. Отмечено, что поэт представлен «в момент его сосредоточенного размышления, стоящим в свободной позе» [9, л. 1 об.–3].

Открытие памятника стало событием для горожан, о нём довольно подробно рассказывали столичные газеты. Репортёр «Петербургского листка» отметил «ясную солнечную погоду» в момент открытия памятника. Одиннадцати часам отрезок Пушкинской улицы со стороны Невского проспекта был приведён в идеальный порядок силами окрестных дворников. Народу обралось «порядочно, но далеко не много». Непосредственно у

монумента собралось «человек пятьдесят» – почётные гости, представители Санкт-Петербургской городской думы [1, с. 2]. Репортёр объясняет малое, по его мнению, число собравшейся на открытие монумента публики «ранним часом» в частности и дачным, летним периодом в целом («общим безлюдием в стенах столицы») [2, с. 2]. С другой стороны, были и иные участники церемонии – местные жители. Газетчик отметил, что «балконы окружающих домов и все окна последних были заняты зрителями» [1, с. 2].

Среди высоких гостей, участвовавших в открытии монумента, были товарищ (заместитель) министра внутренних дел И.Н. Дурново (1834–1903), градоначальник генерал-лейтенант П.А. Грессер (1833–1892), городской голова И.И. Глазунов (1826–1890), товарищ городского головы историк и журналист М.И. Семевский (1837–1892), председатель комитета литературного фонда историк литературы В.П. Гаевский (1826–1888). Также на торжество собрались многие гласные (депутаты) Санкт-Петербургской городской думы и члены Городской управы. Прибыли на открытие памятника и литераторы: А.А. Краевский (1810–1889), В.Я. Стоюнин (1826–1888), Л.Н. Майков (1839–1900). Журналист отмечает, что здесь была даже И.Г. Полетика (1807–1890), занимавшая заметное место в кругу светских врагов и гонителей А.С. Пушкина. Возможно, со временем прежние обиды сгладились, а может, журналист ошибся? Вероятность ошибки нельзя исключать. Во всяком случае, среди литераторов, присутствовавших на торжественном открытии монумента, назван и «Александр Михайлович Языков, старейший из литераторов русских, 78-летний старец, нарочно прибывший, как говорят, из своего имения» [2 с. 2]. Однако А.М. Языков (1799–1874), навещавший А.С. Пушкина в Болдино, умер задолго до открытия памятника поэту.

На открытие памятника прибыла и делегация, состоявшая из шести воспитанников Александровского (при А.С. Пушкине – Царскосельского) лицея, в парадной форме, во главе с директором лицея Н.Н. Гартманом (1825–1892). Присутствовал на церемонии и старший сын поэта генерал-майор А.А. Пушкин (1833–1914) [2, с. 2].

Церемония началась молебном с водосвятием, совершённым духовенством близлежащей Знаменской церкви, что на Знаменской площади перед Николаевским (ныне Московским) вокзалом. Репортёр «Петербургской газеты» отметил: «Перед водоосвящением статуя, по данному сигналу, спала завеса и глазам присутствующих предстала величественная бронзовая фигура незабвенного поэта во весь рост» [3, с. 2]. Поэт представлен «со сложенными на груди руками, с книгой подмышкой» [2, с. 2]. Обнажённая голова А.С. Пушкина «гордо приподнята, и вдохновенный взор обращён в пространство» [3, с. 2].

Как обычно бывает с художественными произведениями, памятник поэту подвергался и подвергается критическим оценкам. По мнению нашего современника искусствоведа В.Г. Исаченко, скульптура плохо увязана с пьедесталом. Писатель А.И. Куприн называл этот памятник «самым

мещанским, пошлым, жалким, худосочным», подчёркивая этими эпитетами его «идейное ничтожество». Критически воспринимал этот монумент знаменитый русский певец Ф.И. Шаляпин, нелюбезно о памятнике отзывались многие художники [5].

В 1886 году вокруг памятника были установлены чугунные тумбы, между которыми протянуты чугунные гирлянды. Тумбы и гирлянды были отлиты на чугунолитейном и механическом заводе Р.Р. Озолинга. Позже тумбы и гирлянды были утрачены, ныне тумбы воссозданы, гирлянды – лишь частично и в упрощённом виде [5].

Список литературы:

1. День за днём [Открытие памятника А.С. Пушкину] // Петербургский листок. 1884. № 216. 8 августа. С. 2.
2. Открытие памятника А.С. Пушкина // Петербургский листок. 1884. № 216. 8 августа. С. 2.
3. Открытие статуи А.С. Пушкину // Петербургская газета. 1884. № 216. 8 августа. С. 2.
4. Памятник А.С. Пушкину (Пушкинская ул.). В кн.: Памятники Санкт-Петербурга: справочник. СПб.: Арт-бюро, 2002. С. 171.
5. Памятник А.С. Пушкину (Санкт-Петербург, Пушкинская улица) [Электронный ресурс]. - URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_А._С._Пушкину_\(Санкт-Петербург,_Пушкинская_улица\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Памятник_А._С._Пушкину_(Санкт-Петербург,_Пушкинская_улица)) (дата обращения: 14.02.2024).
6. Пирютко Ю.М. Пушкину А.С. памятники. В кн.: Санкт-Петербург: энциклопедия. 2-е издание, исправленное и дополненное. - СПб.-М.: РОССПЭН, 2006. С. 725–726.
7. Пушкинский сквер (Пушкинская ул.). В кн.: Сады и парки Санкт-Петербурга: XIX – начало XX века (городское садовое хозяйство). - М.-СПб.: Центрополиграф, 2004. С. 160–164.
8. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / под общ. ред. А.Г. Владимировича. - СПб.: ЛИК, 2002. 803 с.
9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 513. Оп. 101. Д. 363.

Чувилон Иван Алексеевич (Республика Беларусь)

кандидат политических наук, доцент

Белорусский государственный университет

SPIN-код: 1095-7884

ЗИМБАБВЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР: ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ И РАСШИРЕНИЕ ФОРМ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация: В статье рассматривается динамика двустороннего сотрудничества между Китаем и Зимбабве в условиях усиления влияния КНР в системе международных отношений, когда на фоне активизации конкуренции глобальных акторов мировой политики усиливается роль и значение африканских государств во внешней политике ряда государств, в том числе Китая. Автором изучены торгово-экономические и инвестиционные аспекты отношений КНР и Зимбабве, выявлена интенсификация сотрудничества после выдвижения председателем КНР Си Цзиньпином глобальной инициативы «Один пояс – один путь». Определено, что в рамках реализации данной инициативы Китай стал более активно инвестировать в зимбабвийскую экономику и инфраструктуру. Рассмотрены отдельные аспекты политического и культурного взаимодействия, особое внимание уделено активизации африканского вектора внешней политики Китая при Си Цзиньпине. Обозначены перспективы дальнейшего развития отношений между Китаем и Зимбабве.

Ключевые слова: Африка, Китай, Зимбабве, внешняя политика, международные отношения.

ZIMBABWE IN THE FOREIGN POLICY OF THE PRC: FORMATION OF PRIORITIES AND EXPANDING FORMS OF COOPERATION

Summary: The article examines the dynamics of bilateral cooperation between China and Zimbabwe in the context of the increasing influence of the PRC in the system of international relations, since against the backdrop of increasing competition among global actors in world politics, the role and importance of African states in the foreign policy of a number of states, including China, is increasing. The author has studied the trade, economic and investment aspects of relations between China and Zimbabwe and has identified the intensification of cooperation after Chinese President Xi Jinping put forward the global initiative “One Belt, One Road”. It was determined that as part of the implementation of this initiative, China began to invest more actively in the Zimbabwean economy and infrastructure. Certain aspects of political and cultural interaction are considered, with special attention paid to the intensification of the African vector of China's foreign policy under Xi Jinping. Prospects for further development of relations between China and Zimbabwe are outlined.

Keywords: Africa, China, Zimbabwe, foreign policy, international relations.

После образования Китайской Народной Республики (КНР) 1 октября 1949 г. государство претерпело множественные трансформации концептуального содержания национальной внешнеполитической стратегии. Китай постепенно пришел к выверенной позиции, согласно которой КНР стала выступать в качестве представителя развивающихся стран. С ростом влияния китайского государства в системе международных отношений Китай еще сильнее активизировал контакты с развивающимися государствами, которые при этом заинтересованы в интенсификации двустороннего сотрудничества с КНР. К настоящему времени в данном контексте научно-исследовательский интерес в рамках изучения истории международных отношений представляет динамика развития отношений между Китаем и Зимбабве.

Республика Зимбабве расположена на юге Африки и относится к числу государств, влияние которых в региональной подсистеме международных отношений поступательно возрастает. Зимбабве выстраивает собственный курс в отношении соседних государств, активизирует политику в региональных объединениях и организациях, а также видит особые перспективы в продвижении динамичного сотрудничества с глобальными лидерами современного мира, в первую очередь с Китаем.

Несмотря на то, что африканский вектор внешней политики Китая уже начал входить в предметную область исследований китайских и зарубежных ученых-международников и специалистов в области внешней политики и дипломатии, китайско-зимбабвийское сотрудничество к настоящему времени остается крайне неисследованным. Отсутствие комплексных научных работ по данной проблематике на фоне активного сотрудничества КНР и Зимбабве обуславливает актуальность изучения данной проблемы.

Дипломатические отношения между КНР и Республикой Зимбабве были установлены 18 апреля 1980 г., когда в Китае наступил этап кардинального пересмотра стратегии национального социально-политического развития, а в Зимбабве происходили важные политические трансформации. В 1980 г. в Республике Зимбабве прошли всеобщие выборы, на которых победу одержала возглавляемая Р. Мугабе партия (Zimbabwe African National Union – Patriotic Front). При этом важно отметить, что, как определено в одной из научных статей К.Х. Вхумбуну, «торговые отношения между Зимбабве и Китаем исторически берут начало примерно в XV в., когда династии Мин и Цин установили торговые и культурные контакты с империей Мунхумутапа» [6, с. 228].

После установления дипломатических отношений Китай начал выстраивать стратегию сотрудничества с Зимбабве, обусловленную как собственными интересами в Африке, так и необходимостью расширения парадигмы международных партнерских связей. Для выявления динамики развития китайско-зимбабвийских отношений в последние десятилетия XX в. можно обратиться к статистике двусторонних визитов лидеров и других

политических деятелей КНР и Зимбабве. Так, президент Зимбабве Р. Мугабе посещал Китай в 1980, 1981, 1985, 1987, 1993 и 1999 гг., а в 1996 г. состоялся визит председателя КНР Цзян Цзэминя в эту африканскую страну. Между правительствами КНР и Республики Зимбабве были оформлены соглашения об экономическом сотрудничестве, защите инвестиций и развитии политических контактов. В первые десятилетия после установления дипломатических отношений была создана совместная экономическая и торговая комиссия между КНР и Зимбабве. Китай также начал постепенно инвестировать в развитие зимбабвийской инфраструктуры. При поддержке Экспортно-импортного банка Китая Китайская столичная металлургическая корпорация приняла участие в реконструкции Зимбабвийской металлургической корпорации. Проект был завершен в июне 1999 г. Благодаря взаимной заинтересованности государств в развитии торгово-инвестиционного сотрудничества объем торговли между КНР и Зимбабве к началу XXI в. составил 191 миллион долларов США (данные на 2002 г.). Экспорт Китая в Зимбабве к данному периоду составил 32 миллиона долларов США, а импорт – 159 миллионов долларов США [3]. Китай был одним из немногих государств, которые после обретения Зимбабве независимости активно инвестировал в экономику этой страны. Представляется, что многочисленные усилия КНР в содействии национальному экономическому подъему Зимбабве способствовали тому, что уже в начале XXI в. китайско-зимбабвийские отношения вступили на следующий, более динамичный этап развития.

Торговые отношения между Китаем и Зимбабве регулируются и облегчаются рядом соглашений и существующих институциональных рамок. Две страны выстраивают торговые отношения в соответствии с Соглашением о торговле, инвестициях и техническом сотрудничестве, подписанным в 2004 г. Большинство технических вопросов торговли и доступа к рынкам обсуждаются в рамках Совместной постоянной комиссии Зимбабве–Китай. Что касается режимов торговой политики, регулирующих торговые отношения Китая и Зимбабве, Зимбабве в основном руководствуется собственной Национальной торговой политикой, Национальным промышленным развитием и Программой устойчивых социально-экономических преобразований. Зимбабве стремится увеличить объем, стоимость и разнообразие собственного экспорта за счет максимального использования национальных сравнительных и конкурентных экономических преимуществ [6, с. 230]. Богатые залежи различных полезных ископаемых в обозримом будущем могут способствовать усилению позиций Зимбабве в системе международных экономических отношений. Китай заинтересован развивать сотрудничество в данном направлении, отстаивая необходимость учета национальных интересов Зимбабве.

В начале XXI в. внешняя политика Китая в отношении африканских государств стала более активной. Китайские компании, университеты и научно-культурные учреждения начали проявлять инициативу по установлению партнерских отношений с соответствующими структурами в Зимбабве.

Особенно продуктивно развивалось экономическое сотрудничество, продолжилась динамика предыдущих лет. Гуманитарные связи между Китаем и Зимбабве вступили в продуктивную стадию. Стали проводиться дни национальных культур, целью которых стал обмен опытом, знакомство с историей и мировоззренческими установками народов двух государств. В укреплении гуманитарных отношений между двумя странами особую роль играет действующий на базе Университета Зимбабве Институт Конфуция, который в 2023 г. отмечал 15-летие своей деятельности. В этом Институте более 15 тыс. студентов прошли курсы изучения китайского языка и китайской культуры, ознакомились с богатым философским дискурсом и историей Китая.

Важно также отметить, что в эпоху Ху Цзиньтао, который являлся председателем КНР в 2003–2013 гг., Китай выработал стратегию еще более ответственного отношения к развивающимся государствам, стал уделять больше внимания выстраиванию всестороннего стратегического партнерства с Африкой. За этот период динамично расширились связи в области культуры и инвестиций.

После того, как председатель КНР Си Цзиньпин осенью 2013 г. выдвинул инициативу «Один пояс – один путь», торгово-инвестиционное сотрудничество между Китаем и Зимбабве еще больше усилилось. В рамках реализации инициативы «Один пояс – один путь» Китай начал больше инвестировать в экономическое и инфраструктурное развитие Зимбабве. Китайская компания «Sino Hydro» в 2018 г. завершила проект повышения мощности на Южной гидроэлектростанции Кариба, где установила два генератора мощностью по 150 мегаватт каждый. Гидроэлектростанция Кариба находится в ущелье на реке Замбези и контролируется двумя государствами – Зимбабве и Замбией. Китайская компания «Sino Hydro» также модернизирует крупнейшую электростанцию страны – ТЭЦ Хванге. Этот проект является частью усилий Зимбабве по поиску устойчивых решений энергетических проблем, которые серьезно ограничивают промышленный рост и экономику в целом. В рамках проектов по инициативе «Один пояс – один путь» в Африке компания «China Jiangsu International» в 2018 г. начала модернизацию крупнейшего аэропорта Зимбабве – международного аэропорта имени Роберта Мугабе в Хараре. Китай также обеспечил финансирование строительства шестиэтажного здания парламента в столице Зимбабве городе Хараре [2].

Официальная передача здания парламента президенту Зимбабве Э. Мнангагве была проведена на церемонии, на которой присутствовали правительственные чиновники, дипломаты, сотрудники посольства Китая. Э. Мнангагва в своем выступлении отметил: «Новое здание парламента, которое считается одним из самых великолепных и современных зданий в нашей стране, символизирует прекрасные отношения, существующие между Зимбабве и КНР» [4]. Президент Э. Мнангагва также подчеркнул, что Зимбабве поддерживает Китай в реализации его международных проектов, строительстве сообщества единой судьбы человечества [4]. Отметим, что сообщество единой

судьбы человечества – это модель взаимоотношений акторов системы международных отношений в противовес вестернизации, базирующаяся на принципах конфуцианства, достижения общего выигрыша посредством регулярных доверительных контактов, инспирированных гуманитарным вовлечением и взаимоуважением народов вдоль сообщества в рамках реализации инициативы «Один пояс – один путь» и формирования системы глобального управления [1, с. 309]. Сообщество единой судьбы человечества активно продвигается китайским руководством на африканском направлении, поскольку в своей развитии данная концепция ориентирована преимущественно на развивающиеся государства.

Повышение внимания КНР к сотрудничеству с Африкой определено также диверсификацией внешнеполитических стратегий Китая при Си Цзиньпине, который выступает с позиций пересмотра устоявшихся тенденций развития системы международных отношений. Си Цзиньпин рассматривает Африку в качестве важнейшего региона, который необходимо полностью вовлекать в определение будущей конфигурации мирового порядка.

1 декабря 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Зимбабве Р. Мугабе в Хараре. Главы двух государств высоко оценили динамику отношений между Китаем и Зимбабве в политической, культурной и экономической областях, совместно определили будущее развитие двусторонних отношений и достигли значительного консенсуса по углублению практического сотрудничества. Си Цзиньпин подчеркнул, целью его визита в Зимбабве стало укрепление традиционной китайско-зимбабвийской дружбы, углубление практического сотрудничества и перевод двусторонних отношений на новый этап для достижения большей выгоды двух народов [7]. Обе стороны, как было обозначено на встрече лидеров двух государств, должны укреплять обмены и сотрудничество в области культурного взаимодействия, включая образование, культуру, здравоохранение, туризм, молодежь и средства массовой информации. Китай готов усилить сотрудничество с Зимбабве по таким важным вопросам, как Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., и активизировать сотрудничество в международных организациях с Зимбабве, чтобы защитить законные права и интересы развивающихся стран и способствовать демократизации международных отношений [7].

Китай с самого начала оказывал посильную помощь в укреплении политической самостоятельности Зимбабве, выступал за равенство всех государств вне зависимости от их уровня экономического развития. Посол КНР в Зимбабве Го Шаочунь по данному аспекту обозначил следующее: «В борьбе за национальное освобождение и независимость Китай и Зимбабве поддерживали друг друга и расширяли взаимное политическое доверие. Обе стороны, стремясь к экономическому развитию, помогают друг другу, расширяя масштабы сотрудничества. В борьбе против гегемонизма, односторонности, для защиты международного равенства и справедливости

Китай и Зимбабве стремятся усовершенствовать международный порядок в соответствии с более справедливым и разумным набором стандартов. Как суверенные страны, Китай и Зимбабве имеют право исследовать пути развития, соответствующие их национальным условиям. [5]. В последующие годы Си Цзиньпин также в реализации африканского вектора внешней политики КНР стремился уделять отдельное внимание Зимбабве. К примеру, в 2023 г. Си Цзиньпин официально поздравил Э. Мнангагву с переизбранием на должность президента Зимбабве, вновь высоко оценил уровень двустороннего сотрудничества.

Для современной внешней политики Китая на африканском континенте крайне важно оставаться стратегическим партнером Зимбабве, в результате чего КНР продолжает активную инвестиционную и кредитную политику в данном государстве. Немаловажным аспектом двустороннего сотрудничества стала усиленная помощь Китая в развитии здравоохранения и сельского хозяйства в Зимбабве. Динамика китайско-зимбабвийских отношений в обозримом будущем будет активно развиваться, Китай продолжит выступать одним из главных партнеров Зимбабве.

Список литературы:

1. Чувиллов, И.А. Концепт сообщества единой судьбы человечества в политической стратегии КНР // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – 2023. – Вып. 11. – С. 301–311.
2. Belt and Road Initiative takes China's development dividends to Africa // The State Council Information Office of China. - URL: http://english.scio.gov.cn/m/beltandroad/2023-04/23/content_85247340.htm (дата обращения: 22.02.2024).
3. China and Zimbabwe // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Zimbabwe. 16.08.2004. – URL: http://zw.china-embassy.gov.cn/eng/zjgx/200408/t20040816_6408562.htm (дата обращения: 22.02.2024).
4. China hands over Zimbabwe's new parliament building // Xinhua. 27.10.2023. – URL: <https://english.news.cn/africa/20231027/55206f43d9b6442c8fedeb578b779c75/c.html#:~:text=HARARE%2C%20Oct.,by%20China%20through%20a%20grant>. (дата обращения: 22.02.2024).
5. China remains the true friend of Zimbabwe on its development path forever // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Zimbabwe. 08.08.2022. – URL: http://zw.china-embassy.gov.cn/eng/xwdt/202208/t20220823_10749341.htm (дата обращения: 22.02.2024).
6. Vhumbunu, C.H. China-Zimbabwe Trade Relations in the 21st Century: An Analysis of the Trends, Patterns and Prospects // International Journal of China

Studies China-Zimbabwe Trade Relations in the 21st Century. – 2018. – № 9. – P. 227–248.

7. Xi Jinping Holds Talks with President Robert Mugabe of Zimbabwe, Stressing to Transform China-Zimbabwe Friendship into Motivation of Deepening Practical Cooperation to Promote Common Development and Prosperity // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Botswana. 02.12.2015. – URL: http://bw.china-embassy.gov.cn/eng/zfgx/201512/t20151203_5716504.htm (дата обращения: 22.02.2024).

Швец Элина Григорьевна

кандидат педагогических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

SPIN-код: 2235-6554

ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ ГЕОМЕТРИЯ КОМПОЗИЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ: ВЛИЯНИЕ НАУКИ НА РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА

Аннотация: Геометрия композиции сюжета в реалистической картине – логичное и обоснованное взаимодействие научных и художественных принципов с целью создания гармоничного и уравновешенного визуального текста сюжета художественного произведения. Художник использует геометрические принципы и пропорции, чтобы организовать элементы сюжета картины таким образом, чтобы достичь эстетического равновесия в композиции произведения. Влияние инструментария науки на поэтику искусства в геометрии композиции сюжета расширяет возможности художника в создании эффектных и эмоционально нагруженных произведений. Математические принципы и пропорции помогают достичь гармонии и эстетического совершенства в композиции, влияют на восприятие и эмоциональную реакцию зрителя. Применение геометрии в композиции реалистической картины требует понимания принципов перспективы и пропорций, чтобы достичь правдоподобности и визуальной точности изображения. На основе стереометрических построений автор предлагает аналитические схемы композиции классической реалистической картины. Художник анализирует объекты, их относительные размеры, расположение в пространстве и использует геометрические методы для передачи этих аспектов в своем произведении. При использовании математических принципов и методов художник получает возможность контролировать визуальные эффекты и передавать свои идеи и эмоции более точно и выразительно.

Ключевые слова: математика, геометрия, композиция, сюжет, сценография, визуализация, конструкт, формат, симметрия, асимметрия, пропорция, реалистическая картина.

THE IMAGE AS A TOOL FOR INFLUENCING THE VIEWER COMPOSITION GEOMETRY OF A REALISTIC PAINTING: THE INFLUENCE OF SCIENCE ON THE DEVELOPMENT OF ART

Summary: The composition geometry in a realistic painting involves the logical and justified interaction of scientific and artistic principles to create a harmonious and balanced visual narrative within an artistic work. The artist employs geometric principles and proportions to arrange the elements of the painting's narrative in a way that achieves aesthetic equilibrium in the composition of the

artwork. The influence of scientific tools on the poetics of art in the geometry of narrative composition expands the artist's capabilities in crafting impactful and emotionally charged creations. Mathematical principles and proportions aid in achieving harmony and aesthetic perfection in the composition, influencing the viewer's perception and emotional response. The application of geometry in the composition of a realistic painting necessitates an understanding of perspective and proportions to attain authenticity and visual accuracy in the depiction. Based on stereometric constructions, the author proposes analytical frameworks for the composition of classical realistic paintings. The artist analyzes objects, their relative sizes, spatial arrangements, and employs geometric methods to convey these aspects within their creation. By incorporating mathematical principles and methods, the artist gains the ability to control visual effects and convey their ideas and emotions with greater precision and expressiveness.

Keywords: mathematical geometry; composition; plot; scenography; visualization; construct; format; symmetry; asymmetry; proportion; realistic picture.

Композиция пространства картинной плоскости – конструкт, определяющий прочтение визуального текста сюжетного повествования. Геометрия композиции сюжета в реалистической картине – поэтика инструментария изобразительного искусства, совмещающая научные и художественные принципы с целью создания гармоничной миметической репрезентации визуального текста сюжета. Влияние инструментария науки на развитие поэтических приемов изобразительного искусства прослеживается непосредственно в геометрии композиции сюжета и расширяет возможности художника в создании эффектных и эмоционально нагруженных произведений. Математические принципы построения изображения и расчет их пропорций помогают достичь гармонии и эстетического совершенства в композиции картины, влияют на восприятие и эмоциональную реакцию зрителя.

Художник, используя геометрические законы, принципы и пропорции изображения, стремится организовать элементы сюжета в картине таким образом, чтобы достичь эстетического и визуального равновесия композиции картины. Математические принципы, такие как перспектива построения иллюзорного трехмерного пространства картины, симметрия и баланс частей сценографии изображения позволяют художнику определить оптимальное расположение объектов, линий и форм внутри композиции. Правильное размещение объектов в соответствии с геометрическими принципами помогает улучшить восприятие и понимание сюжета. Она позволяет художнику представить фокус композиционного узла и направить внимание зрителя на ключевые элементы и детали сюжета или объекта произведения.

Геометрия композиции сюжета в реалистической картине является результатом синтеза научных знаний и художественного мастерства, что позволяет создавать произведения искусства, в которых объединяются красота формы и точность восприятия.

В представленной статье мы предлагаем взгляд на исследовательскую проблему с позиции рассмотрения роли инструментария геометрии в изобразительном искусстве для создания классической композиции произведений живописи и графики, реже скульптуры. Новизна представленного материала в том, что выбранные произведения живописи мы будем рассматривать посредством композиционных схем в логике стереометрического построения, практически отсутствующего в ранее предпринятом исследователями опыте, и предложим их для аналитического иллюстрирования текста статьи.

Для рассмотрения математического инструментария классической композиции в произведениях живописи и графики мы будем опираться на точные методы искусствоведческого анализа [1, с. 3]. Точные методы в искусствознании мы затронули для констатации обоснованности и оправданности обращения художников к математическому инструментарию для создания реалистической картины. Применение точных методов в гуманитарных науках открывает новые возможности для более объективного и системного подхода к исследованиям. Они позволяют выявлять скрытые паттерны, делать качественные и количественные выводы и формулировать более точные и обоснованные аргументы в исследовании [1, 2]. Такие методы также могут помочь в улучшении автоматического анализа визуальных художественных текстов, информационного поиска и других приложений в области гуманитарных наук.

Применение точных методов в гуманитарных науках предоставляет исследователям новые аргументы, инструменты и перспективы. Такое прочтение способствует глубокому пониманию текстов и культурных явлений, а также содействует развитию и инновациям в гуманитарной науке.

В исследовательской статье, посвященной роли геометрии в композиции, мы намеренно не будем анализировать литературу о влиянии геометрии на становление базовой основы реалистического искусства [3, с. 950]. Эта область теории изобразительного искусства хорошо изучена и служит убедительной базой для дальнейших исследований частных сегментов использования геометрии в художественных практиках изобразительного искусства. Нас интересуют исследования о применении приемов геометрии в выстраивании сценографии композиции. Чем объемнее нарратив сюжета, тем сложнее композиционное решение картины. Сюжет любой картины разворачивается для зрителя в продуманной композиционной подаче, авторской стратегии художника в прочтении выбранного сюжета. Неслучайно композицию реалистической картины иногда называют сценографией; собственно, от традиции сценографии и происходит классическая композиция картины. Геометрические схемы композиции живописных и графических картин используются для выполнения творческих задач художниками и аналитики произведений исследователями. Большинство таких аналитических композиционных схем создано художниками для служебных целей. Для

искусствоведческого анализа в трудах исследователей графические композиционные схемы существуют в планиметрической символично-графической концепции исполнения.

В западном и отечественном искусствознании существует корпус литературы, которая исследует взаимодействие науки и искусства, а также анализирует работы художников, которые непосредственно или косвенно используют научные концепции своего времени. Проблема восприятия зрителем иллюзорного пространства в реалистической картине не раз обсуждалась представителями различных научных школ, действующих в области искусствознания. Эти исследования акцентируются на роли науки в формировании и развитии художественных течений и творчества отдельных художников. В исследованиях анализируется влияние научных открытий на стилистику, композицию и визуальные эффекты в искусстве и, кроме того, исследуются отдельные произведения, которые отражают и объединяют искусство и науку, создавая интересные и инновационные художественные работы. Такие исследовательские работы позволяют лучше понять важность научного мышления и его воздействие на изобразительное искусство. Они обогащают наше понимание истории искусства и его эволюции, а также подчеркивают роль науки как источника вдохновения для творчества художников в разные эпохи. Это очень интересное и перспективное поле исследований, объединяющее два ключевых аспекта человеческого познания, искусство и науку.

В исследовательских работах Рудольфа Арнхейма, Нельсона Гудмена, Эрнста Гомбриха, Мартина Кэмпа, Майла Пиренна, Майкла Кубови рассматривается симбиоз науки и искусства, предоставляются опыты визуализации влияний научных познаний художников на их творческие практики [4, 1990]. Эрвин Пановский в своем труде «Перспектива как «символическая форма» пишет, что к середине XV в. художники формулируют «математически точный образ линейной перспективы» [5, с. 13]. К подробному тексту прилагаются иллюстрации, объясняющие линейные правила прямой перспективы в построении иллюзии пространства реалистической картины. Иллюстрируются в этом труде и композиционные схемы перспективных организаций пространства сюжета картины, объясняющие как прямая (линейная) перспектива работает в построении реалистической картины. Каждая из схем, касающихся не построения пространства, а сюжетных композиций представлена автором в планиметрической концепции построения. В.А. Фаворский о теории композиции говорил, что она не представляет собой целостной научной системы, единых для всех практик и описывал интерпретационный подход к построению графических композиций [6]. Используя теоретические труды искусствоведов, современные исследователи и практики предлагают свои варианты композиционного анализа художественных произведений – Сокольников Н.М. в учебное пособие «Основы дизайна и композиции». [7, с. 31]. Это издание проиллюстрировано

схемами анализа живописных произведений с точки зрения встраивания в композицию объемных простых геометрических фигур и адресовано, прежде всего, художникам.

О творческих опытах художников, в картинах которых исследуются исторические, природные и психологические типы «оптических конфигураций» пространственного восприятия, пишет в своей монографии «Оптические миры» Л.Ю. Лиманская. [8, с. 26]. Теоретическое исследование С.М. Даниэля «Картина классической эпохи» – издание, посвященное проблеме композиции картины, которая является одной из сложнейших и актуальных проблем в области искусствознания [9]. Еще один труд этого автора – «Статьи разных лет» – в этой монографии нашлось место анализу и структурной методологии композиции европейской картины [10].

В трудах Б.В. Раушенбаха говорится о геометрии композиции сюжета в реалистической картине. Автор представляет в исследовании логичное и обоснованное взаимодействие научных и художественных принципов с целью создания гармоничного и уравновешенного визуального текста сюжета художественного произведения [11]. Б.В. Раушенбах в работе «Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов» анализирует и графически показывает в чертежах и схемах, как художник использует геометрические принципы планиметрии и линейные характеристики и пропорции композиции, чтобы организовать элементы сюжета для достижения эстетического равновесия в произведениях изобразительного искусства [12]. В кратком обзоре литературы выбор перечисленных трудов обусловлен задачами данного небольшого исследования.

Одним из основных инструментов в геометрии композиции картины является использование математических принципов, таких как прямая перспектива, аксонометрия, проекция фигуры на изобразительной плоскости, симметрия и баланс. Эти принципы позволяют художнику определить оптимальное расположение объектов и форм на картинной плоскости, чтобы создать глубину, перспективу и пространственную организацию изображения. Такое размещение объектов изображения помогает улучшить восприятие и понимание сюжета зрителем, направляя его внимание на ключевые элементы и детали произведения.

Как провести графический анализ, с точки зрения встраивания прямой перспективы, подробно и убедительно написано и проиллюстрировано в труде Эрвина Пановского Перспектива как «символическая форма». Автором проиллюстрирована «современная конструкция прямоугольного интерьера в «прямой перспективе» [5, с. 31]. Мы, используя правила построения прямой перспективы для графического анализа интерьера, написанного Петрусом Кристиусом в 1449 г., предлагаем вариант схемы композиции с двумя точками схода перспективных сокращений. В композиции сюжета картины «Ювелир в

своей лавке», использована правая сторона симметричной конструкции, выстроенной с учетом правил прямой (линейной) перспективы. (Рис. 1)

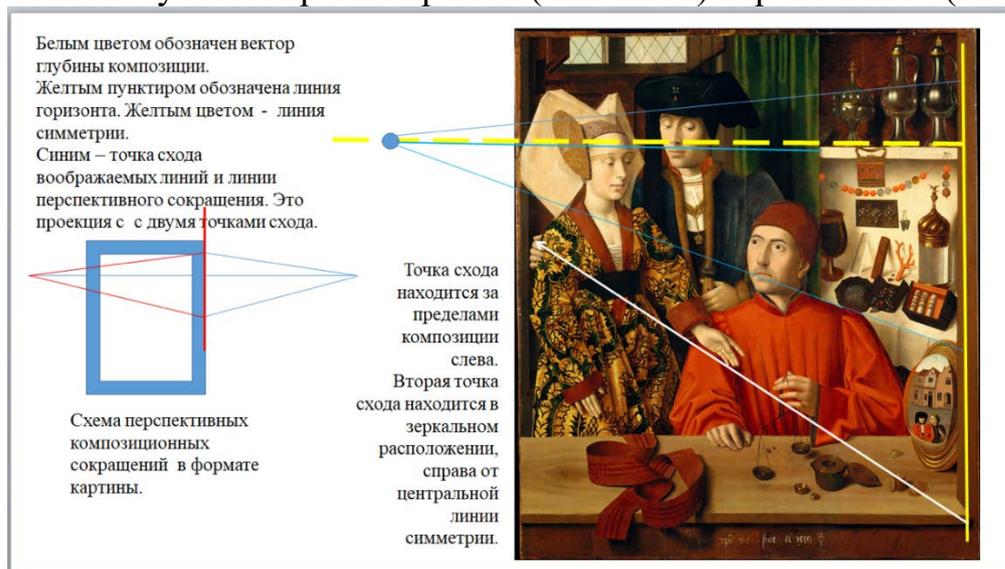

Рисунок 1. Схема графического анализа композиции картины Ювелир в своей лавке (святой Элигий) Петрус Кристус 1449 г. Музей искусств Метрополитен. Доска, масло 98 см. × 85,2 см.

А далее мы предлагаем аналитическую схему построения сюжета композиции, с точки зрения стереометрии. Когда выстроен интерьер и понятно сценографическое иллюзорное трехмерное пространство картины, художник размещает персонажей сюжета картины. Изначально, для размещения композиционного сюжета также с помощью простых геометрических фигур организуется собственно композиция сюжета картины. В композиции Ювелир в своей лавке (святой Элигий) Петруса Кристуса применена, заключенная в цилиндр, композиционная расстановка героев визуального рассказа, встроенная в иллюзию пространства интерьера небольшого изображенного помещения. (Рис. 2)

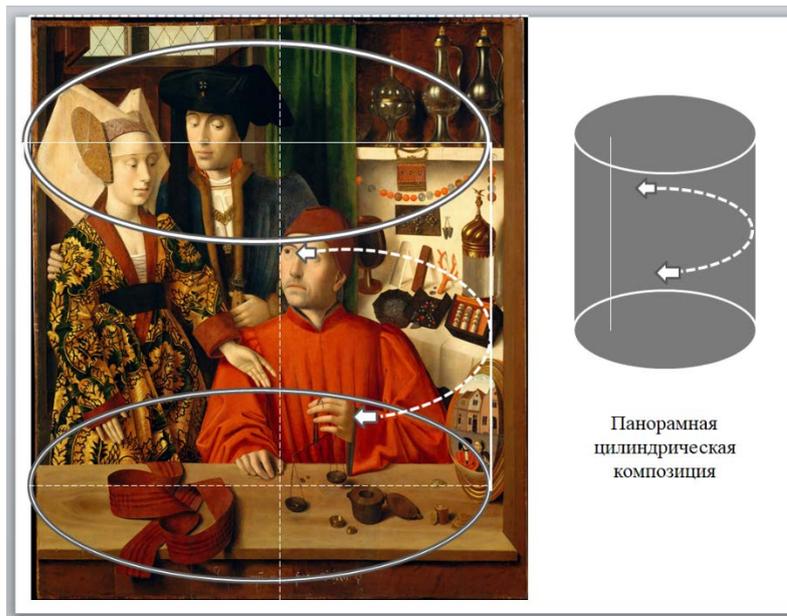

Рисунок 2. Схема графического анализа композиции картины с точки зрения стереометрии: Ювелир в своей лавке (святой Элигий) Петрус Кристус 1449 г.

В изобразительном искусстве существуют три принципиальных геометрических метода изображения трехмерного пространства на двумерной изобразительной плоскости: перспективные построения, метод ортогональных проекций и аксонометрия. Далее, в сконструированное пространство картины, художник встраивает сюжет или объект / субъект будущей картины посредством простых геометрических фигур: цилиндра, пирамиды, конуса, реже прямоугольного параллелепипеда или призмы. Каждый из этих приемов находит свое наиболее полное выражение на различных этапах развития мировой художественной культуры. Такие конструкты выполняют задачи, продиктованные существующей художественной стилистикой, принятой в определенное время исторического развития.

Система ортогональных проекций или проекционный метод изображения предметов основан на зрительном представлении о предмете изображения. Если соединить одноимённые точки изображаемого предмета прямыми линиями (проекционными лучами), в которых предполагается место глаза наблюдателя, то на пересечении этих лучей с какой-либо плоскостью получается проекция всех точек предмета. Соединив эти точки прямыми линиями в том же порядке, в котором они соединены в предмете, получим на плоскости перспективное изображение предмета или центральную проекцию [13, с. 8]. Она позволила передать объем и пространственные отношения объектов на плоскости, используя пересечение перпендикулярных линий и углов. Этот метод обеспечивал точное и строгое изображение всех предметов в композиции (Рис. 3).

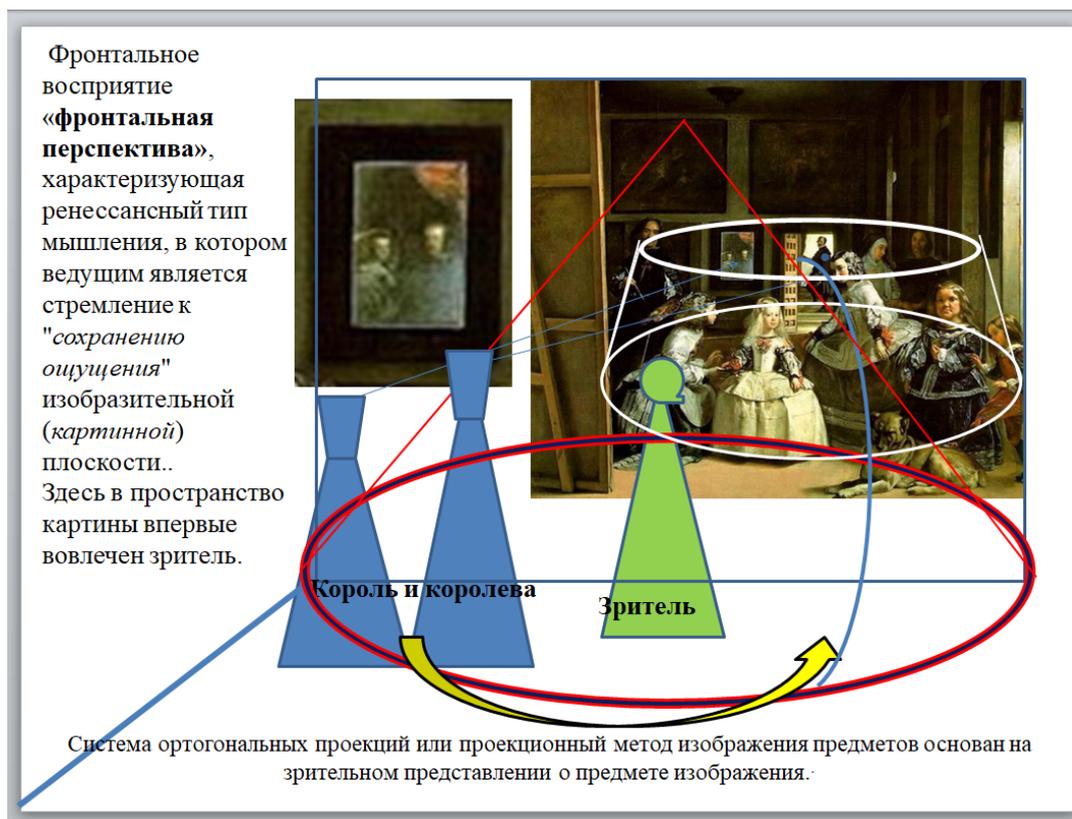
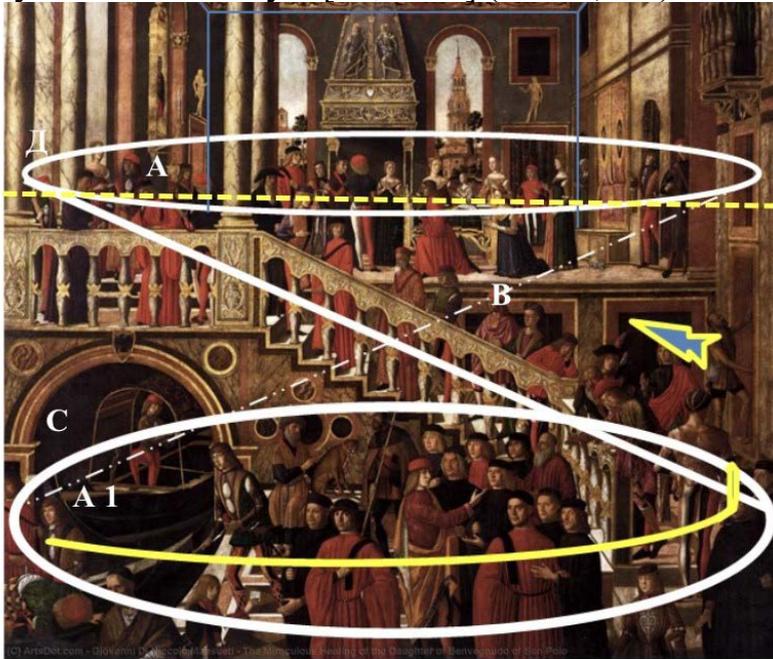

Рисунок 3 Схема графического анализа композиции картины Диего Веласкеса – «Менины» 1656 г. Холст, масло. 318 × 276 см. Прадо, Мадрид.

Картина Д. Веласкеса – «Менины» – иллюстрирует принципы проекционного метода в применении перспективы. В композиции этой картины найден оптический фокус совмещения реального пространства интерьера с иллюзорным пространством картины. В представленной схеме большой символический конус, объединяет тех, кто стоит перед картиной (зрителей) в пространстве выставочного помещения, пересекается и немного захватывает пространство усеченного конуса с композиционной сюжетной группой персонажей картины. В перспективном сокращении рассчитана проекция двух конусов, что создает иллюзию присутствия зрителя в иллюзорном пространстве картины. В выставочном пространстве незримо находятся король с королевой, присутствующие на картине лишь отраженными в зеркале. Поэтому их позиция и подтверждает точно найденный художником оптический фокус совмещения реального пространства интерьера с иллюзорным пространством картины.

Художник нашел едино правильный способ изображения предметов в композиции картины с фиксированным искажением размеров в каждом из трех направлений (длина, ширина, высота), где в аксонометрическом построении рассчитано пространство интерьера мастерской художника, изображенной на картине. Фигура, находящаяся на дальнем плане, изображается в меньших размерах по сравнению с ближайшими фигурами в заданной пропорции: от размера больших фигур на первом плане к уменьшенной фигуре дальнего плана.

Способ построения пространства – аксонометрия открывала новые возможности для художников и инженеров, позволяя им создавать реалистичные и оптически убедительные изображения пространства и встраивать достаточно сложные геометрические конструкции, организующие сюжетную составляющую [13, с. 25] (Рис. 4, 4А):

Разворот расстановки фигур первого плана под углом 180 градусов.
 Ракурс изображения фигур повторяет винтовое движение композиционного представления персонажей. Нижняя группа – против часовой стрелки, верхняя группа - по часовой стрелки движения взгляда зрителя, считывающего визуальный текст .

С – Разворот угла и ось координат.

Рисунок 4, 4А. Схемы графического анализа композиции картины Джованни Мансуэти. «Чудесное исцеление дочери Бенвеньюдо да Сан Поло», ок. 1505 г. Холст, темпера.

369 см. 296 × 369 см Галерея Академии. Венеция.

Композиция картины Джованни Мансуэти. «Чудесное исцеление дочери Бенвеньюдо да Сан Поло» является примером совмещения аксонометрического выстраивания кулис интерьера картины и встроенной сложной комбинированной геометрической основы большого сюжетного нарратива визуального повествования. «Вольная перспектива». является интерпретацией строгой геометрической теории центральной гомотетии. (Рис. 5)

А, А1 - Система конусообразных объединений в композиционной схеме;

В – Линия динамического поворота между верхним и нижним конусом;

С – начало считывания визуального текста в композиции открытого типа.

Художник предлагает начало визуального повествования с характеристики нижней группы героев, представляя их в развороте расстановки перед зрителем под углом 180 градусов;

Д – Линия горизонта и примерное местоположение зрителя перед картиной.

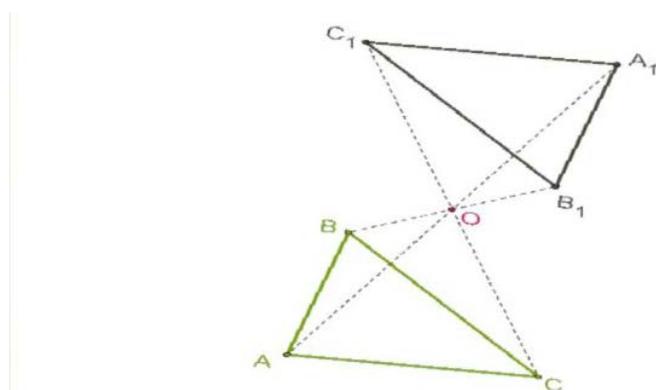

Рисунок 5. К понятию центральной гомотетии. Гомотетия – это центральная симметрия или поворот на 180 градусов, в данном случае фигуры одинаковые [14, с. 12].

Искусство, особенно теория искусства, графическое искусство или область композиции сюжетной картины, предоставляет художникам и математикам общий язык и инструменты для исследования форм, пропорций, симметрии, выстраивания иллюзорного пространства с помощью правил линейной (прямой / центральной) перспективы, аксонометрической проекции, панорамной перспективы и других математических концепций, применяемых в изобразительном искусстве.

Примером такого взаимодействия может служить использование геометрических принципов искусством Возрождения. Известны многочисленные случаи, когда открытия в науке стимулировали развитие искусства, и языком математики, т.е. геометрических построений обеспечивали взаимодействие между этими областями.

Соотношение отрезков на направленных к точке схода прямых определяется в соответствии с законом построения гомотетичных фигур, а именно: если все трапеции, образованные двумя сходящимися к точке схода прямыми и соответствующими параллельными прямыми, имеют гомотетичное соотношение всеми своими точками (рис. 4, 4А). При этом коэффициент k называется коэффициентом гомотетии, что и объясняет убывание линейных размеров в перспективе по закону геометрической прогрессии [14, с. 367] (Рис. 6).

К понятию «Гомотетия» Гомотетией с центром O и коэффициентом k называется преобразование фигуры X в фигуру X_1 .

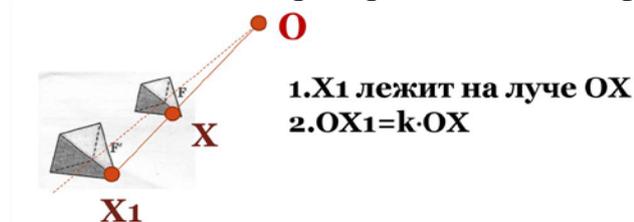

Рисунок 6. Гомотетия является подобием. Соотношение отрезков на сходящихся к точке схода прямых определяется в соответствии с законом построения гомотетичных фигур, а именно: если все трапеции, образованные двумя сходящимися к точке схода прямыми и соответствующими параллельными прямыми, имеют гомотетичное соотношение всеми своим точками (рис. 7). При этом коэффициент k называется коэффициентом гомотетии, что и объясняет убывание линейных размеров в перспективе по закону геометрической прогрессии [14, с. 367].

Применение геометрии в композиции реалистической картины требует понимания принципов перспективы и пропорций, чтобы достичь правдоподобности и визуальной точности изображения.

Влияние науки на изобразительное искусство как системообразующей структуры в создании картины реалистического исполнения не только стимулирует применение математических теорий в художественных практиках, но и вносит вклад в эстетическую сторону изобразительного искусства, делая произведение более убедительным, глубоким и выразительным.

Различные геометрические методы изображения иллюзии трехмерного пространства на плоскости имеют свои особенности и находят применение в разные периоды развития стилистических направлений и их изменений в изобразительном искусстве. На предварительном этапе выстраивания сценографии композиции картины абстрактная геометрическая общая форма

позволяет рассчитать пропорции и масштабирование бушующего композиционного построения (Рис. 7). На картине Леонардо да Винчи в изначальную планиметрическую разметку картинной плоскости (овал и деление композиции на четыре части) была вписана объемная фигура – усеченная пирамида, определившая задачи для расчета изображения иллюзии стереометрического пространства всей композиции.

Рисунок 7. Схема графического анализа композиции картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта» 1490–1491. Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Обобщенная геометрическая форма будущей композиции была удобна художнику для встраивания персонажей сюжета в кулисы интерьера или пейзажа. С помощью размещения в композиции обобщенной геометрической конструкции удобно было рассчитать пропорции изображения сюжетной группы относительно изображения интерьера или экстерьера, миметического или символического. Далее такого рода композиционные заготовки помогали художнику тиражировать конструкты следующих композиций, ненамного изменяя их, для повторов удачно исполненных картин для заказчиков или исполнения подобных заказов картин с похожим сюжетом.

Французский математик и инженер Дезарг в XVIII в. предложил новаторский подход к построению перспективы, введя метод координат [16]. Его работа положила начало анализу и научному обоснованию «вольной» перспективы в практиках изобразительного искусства. (Рис. 3)

Дезарг разработал систему математических принципов и правил, которые позволяли строить точные и реалистичные перспективные изображения [16]. Он внедрил координатную систему для определения точного расположения объектов в пространстве и их взаимосвязи. Этот подход к перспективе существенно упростил процесс создания трехмерных изображений на плоскости.

Геометрия композиции сюжета в реалистической картине представляет собой логичное и обоснованное взаимодействие научных и художественных принципов с целью создания гармоничного и уравновешенного визуального текста сюжета художественного произведения. Художник использует геометрические принципы и пропорции, чтобы организовать элементы сюжета картины таким образом, чтобы достичь эстетического равновесия в композиции произведения.

Многофигурные композиции на этапе эскиза, изначально объединенные в одну общую большую геометрическую форму, помогали художнику в расчете формата композиции, изображению иллюзорной глубины пространства и симметричного или ассиметричного расположения композиционного узла сюжета картины.

В дальнейшем было разработано множество методов и техник перспективного построения, которые позволяют достоверно воспроизводить на картинной плоскости объекты в различных поворотах, расстояниях и с разных точек зрения. Один из таких методов основан на использовании принципа гомотетии.

Другим примером нового взгляда на использование научных открытий XX в. математике является развитие фрактальной геометрии, которая была вдохновлена искусством и природой. Фракталы, самоподобные структуры, были изучены математиками, включая Бенуа Мандельброта, после того как они обнаружили их в сложных геометрических узорах искусства и природы [15, 2020]. Это привело к разработке новых математических моделей и алгоритмов, которые нашли применение в различных областях, включая компьютерную графику и компьютерное моделирование. (Рис. 10). В изобразительном искусстве примеры фрактальной геометрии использовал в графических работах М.К. Эшер. Новый взгляд фрактальной геометрии на систему построения иллюзии фигур в пространстве изобразительной плоскости помог художнику убедительно и интересно представлять затейливые конструкции и их необычные ракурсы. И в этой новой парадигме развития современного искусства XX в. художнику уже не понадобилось выстраивать кулисы иллюзии пространственного интерьера или экстерьера сюжета картинного пространства. Художник с помощью минималистических средств, заданных геометрическими формами, организует картинную плоскость в соответствии с поставленными художественными задачами.

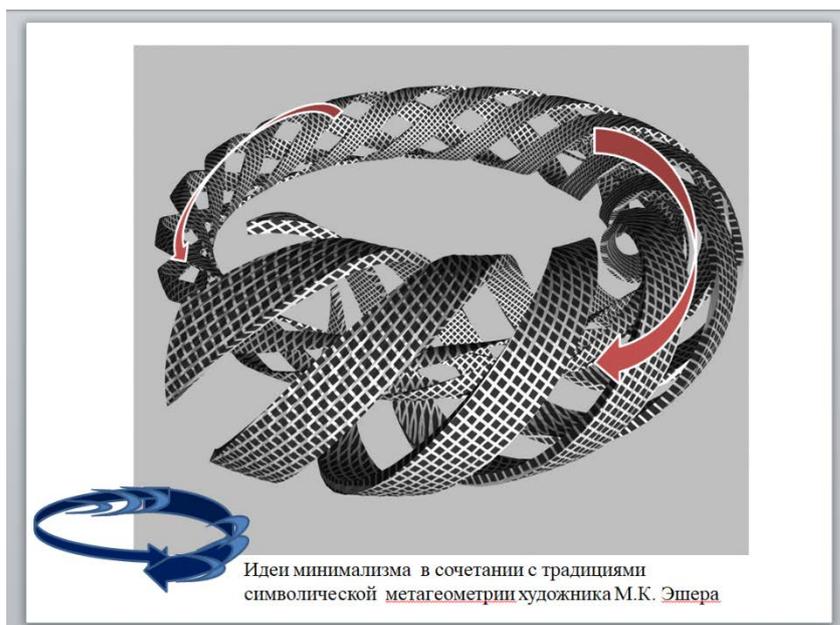

Рисунок 8. М.К. Эшер. Оптическая иллюзия А. Литография. Фонд The M.C. Escher Company B.V. (Пример самоподобия)

Подводя итоги небольшого исследования о влиянии науки на поэтический инструментарий искусства, мы говорим о том, что они являются взаимосвязанными областями знания и художественных практик, которые могут объективно и плодотворно взаимодействовать. Анализ произведений изобразительного искусства с помощью привлечения символического прочтения стереометрических композиционных схем дает ключ к пониманию значения влияния научного знания на концепцию поэтики картины. Совместное практическое поле их использования может привести к созданию новых творческих технологий, идей и концепций, а также расширить наше понимание места науки в мире изобразительного искусства. Научные исследования и технологические достижения могут быть проиллюстрированы инструментарием изобразительного искусства, например, при создании компьютерной графики, виртуальной реальности или мультимедийных произведений искусства.

Взаимодействие использования научного знания и искусства изобразительных практик позволяет ученым и художникам обрести новые пути творческого выражения и исследования, а также создать уникальные и инновационные проекты. Именно поэтому мы предприняли такое исследование с предложением авторских аналитических схем классических композиций живописных и графических работ. В результате этого сотрудничества мы можем получить новые инсайты, более глубокое понимание и новые способы прочтения и взаимодействия с миром произведений изобразительного искусства.

Сотрудничество науки и искусства имеет большой потенциал и принесет пользу для развития изобразительных практик визуального искусства. Это взаимодействие продолжает расширяться и эволюционировать, внося новые

идеи и понимание роли науки и симбиоза искусства и точного знания в область творческих практик современных художников.

Список литературы:

1. Искусство и точные науки. М.: Наука.1970. 295 с.
2. Петров В.М. Количественные методы в искусствознании. М.: Смысл 2000. 214 с.
3. Евклид. Начала. М.-Л.: Издательство технико-теоретической литературы, 1950. 388 с.
4. Kemp M.J. The Science of Art. Optical themes in Western Art from Brunelleschi to Seurat. New Haven; London: Yale University press, 1990. 382 p.
5. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». СПб.: Азбука-классика, 2004. 336 с.
6. Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Советский художник, 1988. 588 с.
7. Сокольникова Н.М. Основы дизайна и композиции. М.: Академия, 2019. 159 с.
8. Лиманская Л.Ю. Оптические миры. Эстетика зрения и язык искусства. М.: РГГУ, 2008. 223 с.
9. Даниэль С.М. Картина классической эпохи. Л.: Искусство, 1986. 220 с.
10. Даниэль С.М. Статьи разных лет. СПб.: Издательство Европейского университета. 2013. 256 с.
11. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб.: Азбука-Классика, 2001. 312 с.
12. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов. М.: Наука, 1980. 288 с.
13. Гордон В.О., Семенцов-Огиевский М.А. Начертательная геометрия. 22-е изд. М.: Наука, 1977. 364 с.
14. Аксонометрические проекции: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 48 с.
15. Фрактальный анализ: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. 120 с.
16. Гусев В.А., Мордкович А.Г. Математика: Справ. материалы: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1988. 416 с.

Шумилов Евгений Николаевич

кандидат исторических наук

независимый исследователь

ВЕЛИКАЯ ХОРВАТИЯ (ЛУКА-РАЙКОВЕЦКАЯ КУЛЬТУРА) – ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЛАВЯН ОТ КАРПАТ ДО ДНЕПРА

Аннотация: Статья посвящена истории одного из первых крупных государственных образований славян в Восточной Европе – Великой Хорватии. На основании письменных источников и материалов археологии показано развитие этого государства на протяжении длительного периода времени. Дано общее представление о его границах, населении, правителях. Особое внимание уделено этапам истории, сопровождавшимся взлетами и падениями. В конце IX в. Великая Хорватия попадает в зависимость от соседних стран. Это в конечном итоге привело к ее поглощению Русским государством с центром в Киеве в конце X в.

Ключевые слова: волоты, экспансия, восточные славяне, Великая Хорватия, Русь.

GREAT CROATIA (LUKA-RAJKOVETS KULTURE) – THE STATE EDUCATION OF THE SLAVS FROM THE CARPATHIANS TO THE DNIEPER

Summary: The article is devoted to the history of one of the first large state formations of the Slavs in Eastern Europe – Greater Croatia. Based on written sources and archaeological materials, the development of this state over a long period of time is shown. A general idea of its borders, population, and rulers is given. Special attention is paid to the stages of history, accompanied by ups and downs. At the end of the IX century Greater Croatia is becoming dependent on neighboring countries. This eventually led to its absorption by the Russian state centered in Kiev at the end of the X century.

Keywords: Volots, expansion, Eastern Slavs, Great Croatia, Rus.

Прошло 15 лет со времени выхода в свет моей работы «Великая Хорватия: первое украинское государство» [20], получившей в свое время широкий общественный резонанс. За это время существенно возросла актуальность данной темы. Основа Великой Хорватии – лука-райковецкая археологическая культура, существовавшая в VII – X вв. на территории от верховий Западного Буга до правобережья Днепра [9, с. 283 – 315].

В середине VIII в. (около 750 г.) в истории Восточной Европы произошли события, последствия которых мы ощущаем даже в наше время. К сожалению, исторических документов того времени сохранилось очень мало, и они не дают

полной картины имевших место событий. В связи с этим очень важны наработки археологов. Эпицентром данных событий была территория, населенная польско-чешскими племенами, которые принято называть западными славянами, а легендарными прародителями их считаются Лех и Чех. Эти племена испытали сильное воздействие со стороны соседнего Аварского каганата, экспансия которого в VI в. доходила до земель, получивших позднее название Великая Польша, а во второй половине VIII в. они подверглись нападению со стороны Франкского государства [15, с. 49 – 58]. Но их собственная экспансия началась чуть раньше франкской. Она осуществлялась практически по всем направлениям: север, юг, запад, восток. Целью ее было порабощение соседних венедских и славянских племен. В экспансии участвовали разные польско-чешские племена. Франки их именовали велетами, скандинавы – вильтинами, подвергшиеся нападению славяне – волотами. Для нас первостепенное значение имеют волоты, избравшие своими жертвами восточнославянские племена.

О доминировании волотов над славянами мы узнаем из двух независимых друг от друга источников. В норвежской «Саге о Тидрике» имеется сообщение о грозном короле вильтинов, покорившем все славянские страны [6, с. 1 – 190]. По сведениям арабского ученого и путешественника Ал-Масуди (ум. в 956 г.), в древности одно из славянских племен, называемое валинана (поляне; звук п в арабском языке отсутствует) господствовало над другими племенами [8, с. 137].

Исходной территорией, с которой волоты начали свое наступление на восток, несомненно, являлась Великая Польша – район реки Варта, притока Одры (Одера). Здесь они были известны как поляне. На землях полян в VIII в. наблюдались серьезные экономические изменения: появилось плужное земледелие, была окультурена рожь, большое развитие получило свиноводство, в результате чего свинья стала главным домашним животным. Развивалось ремесленное производство. На поселениях преобладали наземные срубные избы с печами в углу. Именно тогда здесь возникли укрепленные городки Зелив, Брущево, Бискупин, Крушвица, Гнезно и другие, которые со временем обросли предградьями и превратились в крупные ремесленные и торговые центры. В городках – местах обитания племенных князей, совмещавших функции вождя и жреца, строились святилища. В распоряжении князей находились дружины воинов – всадников [1, с. 296 – 299]. То же самое происходило на территории Чехии и Моравии, где к середине VIII в. возникают такие городки, как Клучов, Старо Место, Градко, Стара Коуржим [4, с. 108 – 120]. Это были земли, контролируемые ранее Аварским каганатом.

В ходе движения на восток поляне увлекли за собой представителей других польско-чешских племен, в частности, чешских хорватов. В районе верховий Вислы еще в середине VI в. проживали венеды, потомки которых позднее именовались вислянами. Об этом свидетельствует готский историк Иордан: «От места рождения реки Вистулы на безбрежных пространствах

расположилось многолюдное племя венетов» [12, с. 61 – 122]. В середине VIII в. здесь появились укрепленные городки, площадь которых порой достигала 10 га. Большинство из них имели кольцевую форму и располагались на холмах. Центральным городком являлся Краков: это подчеркивается его размерами и укрепленной цитаделью на холме. Городки были созданы для господства над местным населением. Отголоски противостояния пришельцев с венетами нашли отражение в легендах о борьбе предков поляков с драконами и другими змееподобными существами (поклонение змеям было характерно как для венедов, так и для их предков трипольцев, поскольку змеи были тесно связаны с земледельческим культом матери Земли) [1, с. 149 – 150].

На территории к востоку от вислян (от Западного Буга до Днестра) с конца VII в. простиралась лука-райковецкая культура восточных славян, выросшая на базе раннеславянской корчакской культуры. В середине VIII в. она испытала мощное воздействие со стороны пришлого западнославянского элемента. Это привело к тому, что часть коренного населения устремилась на юг – на земли будущей Бессарабии и на Балканы. С появлением пришельцев происходят значительные изменения в жизни посткорчакцев: на смену традиционным грунтовым погребениям приходят курганные захоронения, распространяются украшения западнославянского происхождения. Со временем происходит смешение культур, формируется однородность лука-райковецких древностей, зафиксированная археологами [19, с. 327].

Волоты расселялись среди покоренного населения отдельными группами в укрепленных городках Хотомель, Бабка, Хильчицы и других. Как и в Великой Польше, на землях восточных славян для князя и его дружинников возводились наземные срубные избы с печью (неизвестные здесь ранее), при них – святилища [1, с. 374 – 383]. Так возникло новое государственное образование, названное Ал-Масуди державой Маджака [8, с. 137].

Но всё же держава Маджака не совсем укладывается в рамки лука-райковецкой культуры. Первоначально в нее входили, как метрополия волотов, так и значительные территории, населенные потомками венедов, западными и восточными славянами. Примечательно, что в конце VIII в. в землях моравов на правобережье Моравы (притока Дуная) отмечались явления, характерные для волотов. В городке Микульчице строились срубные дома, в которых жили князь (он же жрец), дружинники и ремесленники [4, с. 108 – 120]. Курганные погребения, порой значительных размеров, возникают на землях кривичей и словен. Их часто именуют волотовками, а в Новгородской земле – сопками. А появились они именно в середине VIII в. Вместе с ними пришла и западнославянская керамика [10, с. 39 – 44]. У потомков восточных славян до сего времени бытуют предания о великанах-волотах [2, с. 636 – 784].

К 830-м годам держава Маджака распалась. Ал-Масуди факт ее распада излагал так: между племенами, входившими в союз, начались раздоры, союз распался, и каждое племя стало выбирать себе предводителя. Это позволило, согласно «Саге о Тидреке», после смерти короля вильтинов русским одержать

победу над ними [6, с. 1 – 190]. Очевидно, речь идет о русах, которые, двигаясь из Южной Прибалтики, прошли через территорию державы Маджака и, в конечном итоге, разгромив Хазарский каганат, осели на землях славян-северян, создав Русский каганат (в археологическом плане это роменская культура) [21, с. 739 – 743]. Примечательно также, что к 833 г. свое государство на обломках державы Маджака создали моравы [8, с. 137].

На землях лука-райковецкой культуры в это время верховная власть перешла к хорватам, и государство стало именоваться Великой или Белой Хорватией. Восточная граница Великой Хорватии проходила по реке Днепр и отделяла ее от государства русов. Восточные источники четко различали славян и русов. О государстве славян (сахалибов) мы знаем в основном из восточных источников («Худуд ал-Алам», Ал-Марвази, Гардизи, Ибн-Русте и Ал-Масуди). Информаторами для них, несомненно, выступали торговцы-мусульмане. Согласно «Худуд ал-Аламу», государство славян – «большая страна». По Ал-Марвази, «славяне – народ многочисленный... Страна покрыта дремучими лесами и водными источниками». У Гардизи: «страна славян ровная, изобилует деревьями» [11, с. 387 – 391].

Во главе государства стоял выборный князь (глава глав, главный правитель), совмещавший функции верховного жреца. При избрании его короновали. Восточные авторы называли главного правителя по-разному: шу.д (Ал-Марвази), Смутсвит («Худуд ал-Алам»), свиег-малик (Гардизи и Ибн-Русте) [11, с. 387 – 391]. Скорее всего, здесь нашли отражение личные имена князей. По Ал-Масуди «первый из славянских вождей царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны...» [8, с. 137], что говорит о его могуществе. Имя Дир известно и русским летописцам: он был союзником князя русов Аскольда, вместе с которым участвовал в июне 860 г. в походе на Константинополь [17, с. 77, 494]. Этот военный союз сохранялся многие годы. В 873 г. Аскольд и Дир ходили на Полоцк, чтобы вытеснить оттуда наместника князя Рюрика, захватившего торговый путь, шедший по Западной Двине к Балтийскому морю. В 875 г. они «избиша множество печенег» [7, с. 42 – 60] (это первое упоминание о пребывании печенегов в южнорусских степях). Однако Ал-Масуди вместо Аскольда (в летописях Асколд и Осколд) приводит имя ал-Олванг (не исключено, что это сильно искаженный вариант имени Осколд): рядом с Диром «живет «царь ал-Олванг, имеющий города и обширные области...» [8, с. 137].

Западным соседом Великой Хорватии была Моравия, царем которой по Ал-Масуди являлся воинственный Аванджа, «имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов». Любопытно, что здесь же упомянуто «племя, называемое Дулаба, царь же их называется Вандж-слава» [8, с. 137]. Не исключено, что это одно и то же лицо. Из великоморавских князей только Ростислав (846 – 870 гг.) имел в своем имени корень слав. Помимо великоморавского престола он мог сохранить за собой контроль над племенем дулебов (дулебы были западными соседями моравов). Важно отметить, что Ростислав, Дир и Аскольд жили в одно время: во второй половине IX в.

Население Великой Хорватии считало «своей обязанностью по религии служить» [11, с. 387 – 391] князю и повиноваться. Заместителем князя (главы глав) был шар.х (по Ал-Марвази), он же свих (по Гардизи), он же супанедж (жупан) (по Ибн-Русте) [11, с. 387 – 391]. Правитель Великой Хорватии совершал ежегодные объезды страны, собирая дань (точно такие же объезды делали польские, норвежские и русские князья). Ибн-Русте сообщает, что основным видом дани царю были женские платья [11, с. 387 – 391]. Но в реалии дань была, конечно, более разнообразной и частично шла на нужды дружины. К примеру, польский правитель Мешко I давал членам своей дружины из 3 тыс. человек одежду, коней, оружие и всё, что они требовали. Князь Великой Хорватии являлся также верховным судьей [11, с. 387 – 391].

Местонахождение правителя было в центре страны в большом столичном городе, именуемом мусульманами Джарват (он же Джарваб, Хорбад, Хадрат); в его названии исследователи видят исходную форму – Хорват. Этим городом являлся, несомненно, Плеснеск – крупнейшее поселение Восточной Европы в IX – X вв., площадь укрепленной части которого составляла 450 га, а курганный могильник – почти 160 га. Плеснеск находился в верховьях реки Западный Буг близ современного села Подгорцы Львовской области [14, с. 322 – 328]. Второй город, упоминаемый восточными авторами – Вантит (Вабнит) – располагался на востоке, близ границы с Русью, и некоторые его жители были похожи на русов [11, с. 387 – 391]. По сведениям археологов, здесь мы имеем дело не с городами, а скорее с протогородами, но их число было значительно больше, чем указывали мусульмане. Наибольшая концентрация населения наблюдалась в IX – X вв. на территории современной Тернопольской области Украины. Данный регион был и наиболее развитым в экономическом отношении. На этой же земле у подножья холма в реке Збруч, притоке Днестра, был обнаружен четырехликий Збручский идол [13, с. 166 – 217].

Правитель славян имел дружину, такими же дружинами обладали, видимо, и другие князья. При этом все восточные источники сходятся в одном: оружием у славян были: дротики, копья, луки, щиты. «Только у царя ...кольчуги» [11, с. 391]. Речь идет, видимо, не только о правителе, но и дружине. Земли Великой Хорватии постоянно подвергались набегам со стороны мадьяр, кочевавших в южнорусских степях, а позднее и печенегов. В ходе столкновений мадьяры всегда одерживали победу и, захватив полон, везли его на продажу [11, с. 387 – 391].

Экономика Великой Хорватии зиждилась на пашенном земледелии. По данным археологии, славяне возделывали просо, озимую рожь, овес, ячмень, мягкую пшеницу. Было развито свиноводство, но лошадей, по заявлению Гардизи, у славян было мало. Также получили развитие льноводство (одежда была преимущественно из льна) и бортничество (из меда славяне делали хмельные напитки, и только царь, имевший верховых лошадей, по обычаю степняков, пил кумыс). Ремесленные центры (черная металлургия и производство украшений из цветных металлов) размещались преимущественно на юге страны. Ежемесячно в течение трех дней в столице проходил базар [11, с. 387 – 391]. Внешняя

торговля, скорее всего, находилась в руках торговцев-мусульман, приезжавших в столицу.

В 870 г. в соседней Моравии к власти пришел энергичный князь Святополк I, который значительно расширил территорию своей державы за счет соседей. К середине 870-х гг. под власть моравов попали земли вислан (Малая Польша). К 875 г. очередь дошла до Великой Хорватии. Из одного греческого источника известно, что «во время [царствования] Василия Македонянина [правление – 867 – 886 гг.] сербы, называемые также хорватами, отправили послов с определенной просьбой принять их в подданство царя, подобно тому, как и болгары, приняли христианство, потерпев поражение» [18, с. 92]. Здесь речь идет о жителях Великой Хорватии (а не балканской Хорватии), которые подверглись нападению со стороны моравов. Однако принятие их в подданство (речь шла, вероятнее всего, о протекторате) не состоялось, так как между 875 и 882 гг. Великая Хорватия попала под контроль Моравии. С этого времени последняя стала именоваться Великой Моравией. А на землях Великой Хорватии начало заметно проявляться влияние великоморавской культуры и христианства [14, с. 322 – 328].

В самом начале X в. Великая Моравия пала под ударами мадьяр, которые разорили основные центры государства. Представители моравской верхушки бежали в соседние земли [3, с. 169]. Гибель Великой Моравии способствовала возрождению Великой Хорватии, но уже в урезанных границах. От нее отпали земли белых («некрещеных») сербов, которые теперь стали ее западными соседями. Их местом обитания, скорее всего, были Карпаты и Закарпатье.

В первой половине X в. «некрещеная» (по выражению византийского императора Константина Багрянородного) Великая Хорватия уже не была такой сильной, как ранее. Ее войско существенно уступало войску даже ослабевшей «крещеной» (балканской) Хорватии, и потому она была «более доступной для грабежей и франков (немцев), и турок (мадьяр), и пачинакитов (печенегов)». Чтобы избежать нападений, хорваты вынуждены были вступать «в родственные связи и дружеские отношения с турками», вплотную подступавшими к их западным землям [3, с. 131, 141].

Слабостью Великой Хорватии воспользовались их северные соседи, которыми в начале X в. стали скандинавы, окопавшиеся на восточнославянских землях в Гнездово и Полоцке. Археологические находки свидетельствуют о присутствии скандинавов на древлянской земле. В то же время артефакты моравского происхождения появляются в Гнездово [16, с. 116 – 120]. Всё это говорит о том, что скандинавы пробивали себе торговый путь в Византию через земли ослабевшей Великой Хорватии. И тут они встретили сопротивление со стороны Киева, который нанес им в 940-е гг. поражение и присоединил к себе Древлянскую землю, считавшуюся ранее великохорватской [17, с. 105].

В этих условиях белые хорваты нашли себе сильного покровителя в лице германского короля Оттона I. По сообщению Константина Багрянородного, относящемуся к 949 – 952 гг., белые хорваты были «подвластны Оттону, великому

королю Франгии» [3, с. 131]. Речь шла, очевидно, лишь о покровительстве могущественного тогда правителя германцев.

Помимо мадьяр и скандинавов у хорватов появился новый противник – чехи. Чешский король Болеслав I Жестокий вел затяжную войну на два фронта: против германского короля Оттона I (в 936 – 950 гг.) и мадьяр. Он захватил «бесхозные» земли Малой Польши и угрожал непосредственно землям прикарпатских сербов и хорватов – союзников германского короля [3, с. 378]. После смерти в 967 г. чешского князя Болеслава I Жестокого земли Малой Польши перешли к его зятю – польскому князю Мешко I [5, с. 37]. Теперь западными соседями белых хорватов и сербов стали поляки.

В 980-е гг. в борьбу за влияние над Великой Хорватией включилась Русь. Киевский князь Владимир Святославич в 981 – 984 гг. совершил ряд военных походов, как против поляков, так и против племен, попавших в сферу польского контроля. В частности, в 981 г. Владимир отобрал у поляков червенские города (Перемышль, Червен и др.) [17, с. 131 – 133]. Поскольку эти города находились на западе Великой Хорватии, то, несомненно, она уже была тогда в сфере влияния Киева.

Следующим шагом князя Владимира было крещение в 991 г. хорватов и вольнян [18, с. 362]. Эти насильственные действия, а также стремление освободиться от власти киевской Руси, толкнули хорватов на радикальные действия: они заключили союз с новым польским князем Болеславом I Храбрым (Великим) и печенегами. Однако выступить одновременно у тех не получилось. В конце лета или в начале осени 992 г. князь Владимир нанес упреждающий удар по Великой Хорватии, подвергнув страну разорению. Болеслав I предпочел не вмешиваться в ход событий. Печенеги выступили с опозданием в начале зимы 992 г. и были разбиты [17, с. 167].

После разгрома Великой Хорватии ее население, лишенное государственности, развивалось в рамках Руси.

Список литературы:

1. Алексеев С.В. Славянская Европа VII – VIII вв. – М.: Вече, 2007. – 477 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. – М., 1868. – 784 с.
3. Багрянородный К. Об управлении империей. – М.: Наука, 1989. – 493 с.
4. Бялекова Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. – М.: Наука, 1985. С. 108 – 120.
5. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 259 с.
6. Веселовский А.Н. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском) // Известия ОРЯС. – 1906. Т. 11, кн. 3. – Спб., 1906. С. 1 – 190.
7. Волков В.А. Русско-печенежские войны // Войны и дружины Древней Руси. – М.: Прометей, 2016. С. 42 – 60.

8. Гаркави А.Я. Сказания мусульман о славянах и русах. – Спб., 1870. – 308 с.
9. Гончаров В. К. Лука-райковецкая // Славяне накануне образования Киевской Руси. – М., 1963. С. 283 – 315.
10. Горюнова В.М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 39 – 44.
11. Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – 476 с.
12. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. Изд. 2-е, испр. и доп. – Спб.: Алетейя, 2001. – 505 с.
13. Комар А., Хамайко Н. Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // *Ruthenica*. Киев. – 2011. Т. 10. С. 166 – 217.
14. Кучера М.П. Плеснек // *Археология Украинской ССР*. Т. 3. – Киев, 1986. С. 322 – 328.
15. Пауль А. Империя франков и балтийские славяне в эпоху Каролингов // *Гуманитарные исследования Центральной России*. – 2017. № 1 (2). С. 49 – 58.
16. Петрухин В.Я. Гнёздово между Киевом, Биркой и Моравией (некоторые аспекты сравнительного анализа) // *Археологический сборник. Гнёздово. 125-летие исследования памятника*. – М., 2001. С. 116 – 120.
17. Повесть временных лет // Библиотека Древней Руси. Т. 1. – Спб.: Наука, 1997. – 544 с.
18. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
19. Тельнов Н.П. Восточнославянские древности VIII – X вв. Днестровско-Прутского междуречья // *Stratum plus*. № 5. – 1999. С. 327.
20. Шумилов Е.Н. Великая Хорватия: первое украинское государство. – Пермь, 2008. – 24 с.
21. Шумилов Е.Н. Русский каганат (830-е – 980-е гг.): у истоков русской государственности // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация*. – М.: МХПИ, 2023. С. 739 – 743.

Якубовская Наталья Александровна

кандидат экономических наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация: В статье представлены подходы к раскрытию понятий «креативная экономика», «креативная индустрия», «индустрия контента»; рассматривается вклад в экономику стран Восточной Азии индустрий, производящих культурный контент; показаны особенности развития креативных индустрий данного региона.

Ключевые слова: Креативность, креативная экономика, креативные индустрии, индустрия контента.

CREATIVE INDUSTRIES IN THE ECONOMIES OF EAST ASIAN COUNTRIES

Summary: The article presents approaches to the disclosure of the concepts of «creative economy», «creative industries», «content industry»; examines the contribution of industries producing cultural content to the economy of East Asian countries; shows the peculiarities of the development of creative industries in this region.

Keywords: Creativity, creative economy, creative industries, content industry.

В настоящее время одной из наиболее перспективных сфер экономической деятельности являются креативные индустрии.

Понятие «креативная экономика» впервые было использовано в журнале *Businessweek* в 2000 году. За прошедшие годы она стала реальностью для развитых стран и постепенно распространилась по всему миру. Спрос на креатив и творчество постоянно растет, не случайно 2021 год был объявлен ООН Международным годом креативной экономики в интересах устойчивого развития.

Креативные индустрии находятся на стыке творчества, технологий и бизнеса. Креативность имеет экономический и социальный характер, пронизывая все стороны человеческой жизни. С одной стороны, именно креативность является источником новых отраслей, производств, технологий, экономических преимуществ. Вместе с тем, она подразумевает определенный тип мышления, модель поведения [1; 2].

Основные подходы к понятию «креативная экономика» были определены в работах К. Джонса, Ч. Лэндри, Э. Уоллеса, Э. Кэтмелла, Дж. Труби, Р. Флориды, Дж. Хокинса и др. [3; 4; 8; 9; 10; 11]. Джон Хокинс впервые использовал термин «креативная экономика» в научном труде, считая, что это

ключевая форма экономики в XXI веке. Он отмечал, что новые профессии, появляющиеся на рынке труда, требуют от человека иного подхода к своей деятельности: креативности мышления, умения действовать не по шаблону, выдвигать новые идеи, принимать нестандартные решения. Дж. Хокинс фактически указал путь развития креативной экономики [11]. Методы анализа креативных индустрий были представлены в работах Дж. Труби, Р. Флориды, Дж. Хокинса [9; 10; 11].

Интересно, что Дж. Хокинс говорил о необходимости создания среды, через которую можно стимулировать и усиливать индивидуальную и групповую креативность [11]. Правда развивая эту мысль, он рассуждал о креативной индустрии и окружающей среде с точки зрения экологии, соответственно понимая под ней взаимоотношения организма с окружающей действительностью, которое никогда не находится в состоянии законченности и устойчивости.

Чарльз Лэндри считал, что креативная среда формируется в городах. Развивая идеи креативного города, он описывал новые урбанистические реалии, показывал возможности творческой трансформация города, создание фундамента креативного города и креативной среды [4].

Ричард Флорида высказал мнение о том, что представители творческих профессий стимулируют развитие экономики городов [9], хотя в последующих трудах добавил, что «скопление людей творческих профессий ведет к экономическому и социальному неравенству» [10].

Как мы уже отмечали выше, важным критерием новой экономики является креативное мышление, которое, по мнению А.А. Степанова, в совокупности с креативным проектированием, имеет практическую направленность и является одним из признаков креативной экономики [6; С.106].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что креативная экономика – это экономика прежде всего идей, главным, важнейшим продуктом которой является сама эта новая идея, или креатив.

В настоящее время креативная экономика уже вносит существенный вклад в мировое развитие, представляя как коммерческую, так и культурную ценность. Вместе с тем, креативная экономика развита и распространена по миру неоднородно. Представители креативных видов деятельности (или креативный класс) в основном сосредоточены в странах с развитой экономикой, в которых вклад креативных индустрий в ВВП составляет более 10%. Для сравнения, среднемировой вклад креативных индустрий в ВВП составляет 6,6%, в России - 3%. По объему валовой добавленной стоимости в сегменте креативных индустрий мировыми лидерами (2020 г.) являются США (988 млрд долл.) и Китай (921,6 млрд долл.). В России - 2,7 трлн рублей [6; 7].

Следует отметить, что в настоящее время имеются различные подходы к определению отраслей креативной экономики. В результате отсутствия общепринятого списка выделить и измерить показатели креативной экономики

оказывается крайне сложно. Так, например, эксперты ООН относят к креативным отрасли, основанные на интеллектуальной деятельности: рекламные услуги, кинематограф, модную индустрию, дизайн и др. В Восточной и Юго-Восточной Азии в число таких индустрий включают весь сектор IT, а в Таиланде - национальную кухню и медицину.

В России также ведутся дискуссии о подходах к определению креативного сектора и о составе креативных индустрий. Впервые официальное понятие креативных индустрий появилось в документе «Основы государственной культурной политики», утвержденном указом Президента РФ в 2014 г. В нем был установлен перечень видов деятельности, которые относятся к сфере креативных индустрий.

В целом, нельзя сказать, что креативная экономика – это абсолютно новое явление, она фактически была всегда, но поскольку до настоящего времени преобладал дефицит вещей и энергии, более востребованными были индустриальная и аграрная экономики. Постепенно с развитием общества стал проявляться дефицит идей, который начал ограничивать развитие производства вещей и энергии, и креативная экономика вышла на лидирующие позиции, создавая основу для дальнейшего прогресса всех видов человеческой деятельности. Поэтому в современном мире креативность стала основным фактором развития экономики и общества.

Основой креативной экономики являются: креативная личность, креативный бизнес и соответствующая инфраструктура. Непосредственные производители креатива – представители креативного класса или креаторы. К ним относятся люди, чья основная деятельность заключается в создании и продвижении идей: ученые, представители творческих профессий, стартаперы, производители контента. Их существенное отличие заключается в том, что они создают новый продукт, который до них никто не делал. Для реализации и развития идей необходимы креативный бизнес и инфраструктура, создающая условия, в которых люди смогут генерировать новые идеи или научиться это делать.

Современные исследователи выделяют три группы моделей креативных индустрий: Американскую, Скандинавскую и Восточно-Азиатскую. Рассмотрим в качестве примера Восточно-Азиатскую.

В странах данного региона наряду с термином «креативные индустрии» («creative industries») активно используются свои национальные названия. Например, в Японии в официальных документах используется термин «индустрии контента» (content industries), благодаря которому можно отделить индустрии, производящие аудиовизуальную, текстовую, графическую, иную продукцию, предназначенную для конечного потребления, от таких отраслей, как НИОКР или создание программного обеспечения. Необходимо также отметить, что данные отрасли преимущественно ориентированы на внутренние рынки, что особенно характерно для Японии и Китая.

Очень популярными как в Японии, так и за её пределами являются манга и аниме. В японском языке до 70-х годов XX века в основном использовался термин «манга-эйга», который также, как и «аниме» обозначал любую анимацию, вне зависимости от её стиля и страны производства. Вместе с тем, манга-эйга и аниме представляют собой замкнутый постоянно развивающийся культурный пласт, включающий в себя уникальные сюжетные линии, персонажи, идейные символы и пр. Источниками для аниме являются классическая литература, манга, ранобэ.

Самая первая известная на сегодняшний день работа в области мультипликации в истории Японии – это «Движущиеся картинки» «Katsudo Shashin», продолжительность которой составляет всего 3 секунды. Она создана неизвестным автором в 1907 году и обнаружена 31 июля 2005 года преподавателем Осацкого университета искусств Нацуки Мацумото.

Основателем современной японской манги, «Богом манги» считают Осаму Тэдзука, создавшего за свою карьеру около 500 манг. Он работал над своими произведениями практически непрерывно и именно его работы заложили основы будущего развития манги и аниме. По его манге «Принцесса-рыцарь», публиковавшейся в журналах 1950-60 годов был снят одноимённый аниме-сериал - один из первых цветных мультфильмов Японии.

Перечислим наиболее популярные и, соответственно, приносящие наибольшие доходы, манга и аниме.

С 21 сентября 1999 года по 10 ноября 2014 года издательством Shueisha в журнале Weekly Shonen Jump выпускалась сёнэн-манга «Наруто» Масаси Кисимото. По манге были созданы два аниме-сериала от компаний Aniplex и Studio Pierrot (свыше 700 серий), а также видеоигры, ранобэ и коллекционная карточная игра. Манга и аниме оказались настолько популярны как в Японии, так и за её пределами, что суммарные продажи томов превысили 205 миллионов экземпляров, а, например, в США манга «Наруто» до сих пор регулярно попадает в списки бестселлеров.

20 июля 2001 года режиссёр и сценарист Хаяо Миядзаки выпустил полнометражный аниме-фильм «Унесённые призраками», снятый на студии «Гибли». Фильм получил множество премий и наград - премию «Оскар» в 2003 году в номинации «лучший анимационный полнометражный фильм», приз «Золотой медведь» на Берлинском кинофестивале 2002 года, премию «Голубая лента» и многие другие. В японском прокате он обогнал фильм «Титаник», являющийся в то время самым кассовым фильмом в мире – общие сборы составили 30,4 млрд иен. По версии веб-сайта Internet Movie Database (IMDb) аниме-фильм «Унесённые призраками» является лидером в рейтинге лучших мультфильмов всех времён и народов.

Почти 18 лет «Унесённые призраками» был самым успешным фильмом в истории Японии, пока в 2019 году не вышел снятый в США анимационный сериал сценариста Оуэна Денниса «Поезд «Бесконечный»» (другие названия: «Клинок, рассекающий демонов», «Истребитель демонов», «Бесконечный

поезд»), пилотные серии вышли, соответственно, 1 ноября 2016 года. На 72 дня он обошел по сборам «Унесённые призраками» и стал самым кассовым фильмом в истории японского проката. Общие сборы превысили 32,1 млрд иен (более \$ 310 млн).

Еще одним рекордсменом по сборам является полнометражный аниме-фильм Макото Синкая «Твоё имя» - более \$ 355 млн. Премьера состоялась 3 июля 2016 года, фильм был лицензирован американской компанией Funimation.

Общая касса аниме-фильмов в кинотеатрах Японии, Тайваня и Гонконга в 2020 году:

«Унесённые призраками» - более \$ 355 млн.

«Твоё имя» - более \$ 355 млн. (Макото Синкая)

Продолжение сериала «Истребитель демонов» - превышает \$ 333 млн.

Фантастический боевик «Довод» Кристофера Нолана - \$ 362 млн.

В целом, прибыль японского рынка индустрии анимации в 2019 году составила 2, 4261 трлн иен (более 21, 39 млрд долларов США).

Рассмотрим за это же время динамику продаж на рынке комиксов (манга). Обычно они выпускаются в двух форматах – в виде специализированных журналов и отдельных томов (танкобон), позволяющих быстро ознакомиться с новой манга, но формат танкобон одновременно представляет коллекционную ценность. Выручка от продаж постепенно снижалась в обоих форматах с середины 1990-х по 2020 годы, но на танкобон не настолько существенно. При этом резкие подъемы продаж наблюдались в годы выпуска перечисленных выше аниме-сериалов и полнометражных фильмов-аниме. Эта же тенденция прослеживается на рынке продажи видео дисков. За эти же годы широкое распространение получили смартфоны и персональный Интернет, что заставило издателей печатной продукции постепенно освоить выпуск манга в цифровом формате – например, в виде приложений для смартфонов, пользующихся популярностью у молодежи, и, таким образом, расширить целевую аудиторию. Эти приложения преимущественно скачиваются бесплатно, но достаточно хорошо поддерживаются рекламой. Кроме того, данный формат позволил привлечь обширную зарубежную «фанатскую» базу и стал своеобразным популяризатором японской культуры [5].

Как мы уже отмечали, культурные индустрии Японии и Китая направлены в основном на внутренний рынок. Интересно заметить, что в Китае японские аниме, манга и видеоигры пользуются большой популярностью, в отличие, например, от корейских. Поэтому китайский рынок для Японии также является привлекательным.

Гонконг, Макао, Сингапур, Тайвань, Южная Корея не обладают такими значительными внутренними рынками, как Япония и Китай, поэтому за этот же период времени (середина 1990-х гг. по настоящее время) благодаря государственной поддержке они более активно наращивали культурный экспорт. Так, в 2022 году Южная Корея экспортировала культурный контент, включающий только видеоигры, музыку и вещание (т.е. не вошли драмы) на

сумму более \$13 млрд. (данные Korea Economic Research Institut). Южнокорейский веб-сериал «Игра в кальмара» 2021 года, снятый режиссером и сценаристом Хван Дон Хёком уже стал легендой: за первые 28 дней после релиза на Netflix проект набрал 1,7 млрд часов просмотра и до сих пор остается самым часто упоминающимся в поисковике платформы сериалом.

Корейский культурный контент постепенно захватывает мир, при этом активно используются адаптации и ремейки. Например, американский хоррор 2008 года «Зеркала» режиссёра Александра Ажа с Кифером Сазерлендом в главной роли снят по мотивам корейского фильма ужасов 2003 года «Into the Mirror» («В зеркале») режиссера Ким Сон Хо. А в 2020 году в рамках проекта Vogue Film вышла мини-дорама китайского производства «Into the Mirror». Популярный романтический фильм «Дом у озера» (англ. The Lake House) 2006 года, являющийся дебютом в голливудском кино аргентинского режиссера Алехандро Агрести с Киану Ривзом и Сандрой Буллок в главных ролях, является ремейком южнокорейского фильма «Домик у моря» (оригинальное название «Любовь, преодолевающая время») 2000 года, режиссера Ли Хён Сына.

Корейские киностудии также адаптируют успешные зарубежные фильмы и сериалы. Так, например, корейский ремейк снят по мотивам американского телесериала «Мыслить, как преступник» (англ. Criminal Minds) - премьера прошла на телеканале CBS 22 сентября 2005 года, создатель Джефф Дэвис. В Южной Корее ремейк с одноименным названием вышел в 2017 году и был снят режиссерами Ян Юн-хо и Ли Джон-хё. В главной роли снялся популярный не только в Южной Корее, но и за рубежом, особенно в Азии, Ли Джун Ги (Lee Joon-gi), считающийся одним из главных звезд Халлю. Корейскими ремейками являются также драмы «Форс-мажоры», премьера состоялась 25 апреля 2018 года на канале KBS2. (16 серий, в главных ролях Чан Дон Гон и Пак Хён Шик) – американский сериал транслировался по кабельному каналу США с 2011 года; «Хорошая жена» (2016 год, 16 серий, в главных ролях Чон До Ен и Ю Джи Тэ) – американский сериал транслировался по кабельной сети tvN с 2009 по 2016 год; «Красавцы» (2016 год, 16 серий, в главных ролях Со Кан Джун / Seo Kang Joon и Ли Кван Су / Lee Kwang Soo) и др.

В настоящее время большое влияние на развитие индустрии контента оказывает процесс дигитализации, предоставляющий большие возможности для продвижения культурных товаров Восточной Азии на внешние рынки с помощью сервисов потокового видео, таких как Amazon Videos, DramaFever, Netflix, Viki, Hulu.

В качестве примера можно привести сотрудничество Netflix с японскими анимационными студиями. Благодаря веб-ресурсам проекты могут производиться с привлечением специалистов других государств, в частности, американских, и не обязательно на территории самой Японии. Так, в 2022 г., Netflix имел более 30 проектов в разных стадиях производства с привлечением иностранных специалистов.

Для многих анимационных и видео студий Восточной Азии сотрудничество со «стриминговыми» сервисами» является даже более выгодным, чем с национальными телекомпаниями. Это связано с тем, что сервисы имеют огромное количество подписчиков по всему миру и дублируют фильмы на множество языков. Кроме того, в странах Восточной Азии действует достаточно жесткая цензура на телевизионное вещание, а производство японской анимации и южнокорейских и китайских дорам для международных мультимедиа-платформ снимает данные ограничения.

В целом, мы можем отметить, что, конечно, в новых реалиях можно ничего не менять и продолжать развивать привычные отрасли, но поскольку в глобальном масштабе спрос на креативные индустрии будет постоянно расти, расширяя возможности и принося большие доходы, гораздо выгоднее стать частью мировой креативной экономики, заняв свою нишу и диктуя уже свои условия для игроков, подключившихся позднее.

Список литературы:

1. Артищева Д.Д. Креативная экономика: сущность и способ ее измерения // Молодой ученый. – 2020. – № 14 (304) – С. 239-241
2. Данильченко А.В. Креативная экономика как высшая форма развития постиндустриального общества / А.В. Данильченко, Е.В. Бертош, Док Хи О. // Экономическая наука сегодня. – 2017. - С. 16-25.
3. Джонс К. Креативные индустрии: типология изменений // К. Джонс М. Лоренцен, Дж. Сапсед. Издательство Оксфордского университета. 2015. – 52 с.
4. Лэндри Ч. Креативный город. — М.: Классика-XXI, 2011. - 399с.
5. Паксютов Г.Д. Экономическое значение японской «индустрии контента» // Японские исследования. 2019. №1. С. 51–72.
6. Степанов А.А. Креативная экономика: сущность и проблемы развития / А.А. Степанов, М.В. Савина // Управление экономической науки, выпуск. – 2013. – №12 (60). – С. 104-110.
7. Суминова Т.Н. Творческие/креативные индустрии как вариант модернизации сферы культуры и искусства // Вестник МГУКИ. – 2012. – №3 (47). – С. 30-36.
8. Уоллес Эми, Кэтмелл Эд Корпорация гениев: Как управлять командой творческих людей / Бизнес-литература. Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 344 с.
9. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. – М.: Классика-XXI, 2005. – 421 с.
10. Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. Пер. с англ. Н. Довгулевич, В.В. Карпюка, Ю. Левчука, Т. Крамовой, А. Козлова. – М.: Точка, 2018. – 342 с.
11. Хокинс Джон. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. пер. с англ. Перевод И. Щербакова. – Москва, 2011. – 34 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Демидов Алексей Вячеславович ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ XXX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РОССИЯ И МИР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ», ПОСВЯЩЕННОЙ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ А. Н. КОСЫГИНА	3
Абакумова Екатерина Александровна МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ II	4
Абдуллазаде Наиль Руфат оглы СОЛЯРИС, ЛЕМ, ТАРКОВСКИЙ, СОДЕРБЕРГ	9
Акимов Юрий Германович ПОДГОТОВКА ВИЗИТА А.Н. КОСЫГИНА В КАНАДУ	14
Алексушин Глеб Владимирович РАЗВИТИЕ АТОМНОГО ФЛОТА СССР ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ КОСЫГИНЕ В 1964-1980 ГОДАХ	20
Атдаев Сердар Джумаевич (Туркменистан) ЭПИЗОДЫ КРАТКОГО ПЕРЕМИРИЯ	23
Баев Олег Валериевич ТРЕТИЙ ГОЛЛАНДСКИЙ ЗАЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	30
Басова Елизавета Николаевна ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА	36
Белоногов Юрий Геннадьевич ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ТРУДОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СССР ЗА 1941-1945 ГГ.	42
Бенда Владимир Николаевич ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ (ОУН-УПА) НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ	49
Боева Галина Николаевна ИМПЕРАТИВ ЧТЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА	58
Боровков Михаил Иванович СИСТЕМАТИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ВОЕННОГО ВРАЧА	64
Боровков Михаил Иванович СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОЕННОГО ВРАЧА КАК ЛИЧНОСТИ И СПЕЦИАЛИСТА	70
Бугашев Сергей Иванович СОВРЕМЕННЫЙ МИРОПОРЯДОК И РОССИЯ	79

Бычков Максим Алексеевич ИРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИКА ТЭТЧЕР	84
Васильева Татьяна Леонидовна РОЛЬ СНАТГРТ В ОБУЧЕНИИ	92
Ватолина Юлия Владимировна МОДУЛЯЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА В ОБЩЕСТВАХ КОНТРОЛЯ	98
Вахромеева Оксана Борисовна ДВА ДОКЛАДА. Б.В. АНАНЬИЧ И Т.М. КИТАНИНА В 2011 ГОДУ НА КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ» (К 90-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ)	108
Вахромеева Оксана Борисовна ДВА ПИСЬМА О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКОЙ И.М. ГРЕВСУ (ОТ 9 АВГУСТА И ОТ 19 СЕНТЯБРЯ 1936 Г.): ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ С КОММЕНТАРИЯМИ	116
Волков Вячеслав Викторович ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ Н.К. РЕРИХА	129
Гонсалес Седилло Хоел Иван (Мексиканские Соединенные Штаты) РОССИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОТИВНИК СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ФАШИЗМА	136
Григорьева Юлия Викторовна ТЕМА ДЕТСТВА В МУЗЕЯХ СОВЕТСКОГО БЫТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	144
Гринёв Андрей Вальтерович Артиллерия Красной Армии Глазами противника 1941 – 1945	150
Гришина Татьяна Михайловна СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИИ	159
Гуркина Нина Константиновна ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	168
Гусев Владимир Евгеньевич А.Н. КОСЫГИН И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 60-Е ГГ. XX В.	175
Давыдов Александр Станиславович ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДСО «УРОЖАЙ» ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.	183

Дагаева Кира Игоревна ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (1990-1991)	189
Дементьев Борис Петрович ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЦИФРОВЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	195
Денисенко Елена Петровна (Республика Беларусь) ЛЕГАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ И ЦЕНЗУРА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ЦНБ НАН БЕЛАРУСИ)	200
Деревнина Елизавета Алексеевна АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОМЕНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ МАРИИНСКОГО ВЕДОМСТВА)	209
Долженкова Екатерина (Латвийская Республика) СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ – БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН	216
Дружинкина Наталья Гавриловна ГРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО В РУССКОМ ГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XX В. (К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ИКОНОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА)	222
Дружинкина Наталья Гавриловна ПИСЬМО ПРОФЕССОРА А. ПРАХОВА ПРЕЗИДЕНТУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ МАРИИ ПАВЛОВНЕ (ПУБЛИКАЦИЯ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА)	234
Дубинина Алла Петровна (Республика Беларусь) ДЕИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	242
Душкина Майя Рашидовна СИМВОЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И РОЛЬ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТА СТАНОВЛЕНИЯ И ФАКТОРА МОДИФИКАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА	248
Жанакеева Анаркуль Тологоновна (Кыргызская Республика) ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КИРГИЗСКОЙ ССР В 1966-1985 ГГ.	257
Жукова Вероника Сергеевна ПРОВЕДЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ГРЯЗОВЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА А.И. ЖЕЛЕЗНЯКОВА)	264

Земцова Ирина Валерьевна СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО 1960 – 1980-Х ГГ. В МУЗЕЙНОЙ И ВЫСТАВОЧНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	271
Зернина Маргарита Борисовна АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К РЕФОРМАТОРСКОМУ КУРСУ Н. С. ХРУЩЕВА	279
Изюмова Лариса Владимировна ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ СЕВЕР» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	288
Карамов Андрей Александрович ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ РЕЭМИГРИРОВАННЫХ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ С. НЕКРАСОВКА, ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «СИРИУС», КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ) ...	295
Карапетова Розалина Валерьевна ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	300
Коженова Любовь Валентиновна Ю.П. АДЛЕР: ФИЛОСОФИЯ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА	306
Костюк Руслан Васильевич СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА РАЗРЯДКИ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ	313
Котовская Мария Григорьевна ДНЕВНИК М. БАШКИРЦЕВОЙ (ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПОЛУЧЕНИЯ ЖЕНЩИНАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)	321
Кротова Елена Евгеньевна СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РОЛЕЙ В ФУТБОЛЕ	325
Кузнецов Владимир Дмитриевич УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ЭКОНОМИСТОВ В ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМ А.Н. КОСЫГИНА В 60-Х ГГ. XX В.	330
Лебедева Галина Николаевна АЛФАВИТ КАК «СРЕДИННАЯ ФОРМА ДУХА» (НА ПРИМЕРЕ КИРИЛЛИЦЫ)	337
Лобастова Вера Александровна СОЗНАНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ВОСПРИЯТИЕ, РЕФЛЕКСИЯ, СТИЛЬ	346
Логинова Диана Васильевна УЧАСТИЕ ЧУХОНЦЕВ В ИЗВОЗНОМ ПРОМЫСЛЕ ПЕТЕРБУРГА	354

Лойко Александр Иванович (Республика Беларусь) ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСЫГИНА И ДЭН СЯОПИНА	360
Малахов Родион Александрович О РАСШИРЕНИИ СОСТАВА ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ КПСС ПО УПРАВЛЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – 1970-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	367
Мальцева Светлана Георгиевна ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА	376
Массов Александр Яковлевич УЧАСТИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА ПРОФЕССОРА А.А. ВАСИЛЬЕВА В ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ ПО СЛУЧАЮ 50-ЛЕТИЯ МЕЛЬБУРНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1906 Г. .	382
Матюшин Петр Николаевич ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I В УВЕКОВЕЧЕНИИ ВОЕННЫХ ПОБЕД РОССИИ	390
Минин Александр Сергеевич ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК П.Д. КИСЕЛЕВА. ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТА	396
Миронов Василий Анатольевич СХЕМА «АГРЕССОР-ОБМАНЩИК/ЖЕРТВА ОБМАНА И АГРЕССИИ» КЛОДА БРЕМОНА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К ТРАКТОВКЕ СОБЫТИЙ ПО «ВОССОЕДИНЕНИЮ» ФРГ И ГДР	410
Михайлова Маргарита Ярославна ВЛИЯНИЕ БАНКРОТСТВА НА ЖИЗНЬ СОЦИУМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	417
Мичурин Алексей Николаевич ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКИ СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ В 1906-1917 ГОДАХ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА	421
Мищенко Анна Вадимовна КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX-XX ВВ.	427
Наймарк Елена Александровна МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ДЕЛЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ФЕЙЕРВЕРКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА. ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ	432
Налётова Наталья Юрьевна ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО МИРА	438

Налётова Наталья Юрьевна ЦИФРОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ	442
Нефедьева Елена Владимировна СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1950 - 1960-е ГОДЫ: ПРОРЫВЫ И ПРОБЛЕМЫ	446
Николаева Оксана Владимировна НАДПИСИ НА ОДЕЖДЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ МАРКЕР	452
Олиферук Ирина Ильинична (Республика Беларусь) ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ «ГРУППЫ-ИЗГОЯ» (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЕВ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.))	461
Оплаканская Рената Валерьевна ИНОСТРАННЫЙ ВОЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ В НОВНИКОЛАЕВСКЕ В 1919 ГОДУ (ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТИЯ В СОБЫТИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)	468
Паневин Кирилл Васильевич АНДРЕЙ КУРЯЕВ: УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ В РОССИИ	475
Патракеев Андрей Владимирович РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	482
Пацкевич Юрий Иосифович (Республика Беларусь) МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО В СВЕТЕ ЦИВИИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА	489
Петров Евгений Сергеевич ФАКТОРЫ ЗАВИСИМОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ	497
Платова Екатерина Эдуардовна ЖИЗНЬ КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ	502
Плетнев Александр Владиславович КОНЦЕПЦИЯ ПОСТЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ КАК ЭМЕРДЖЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН СВЕРХНОВОЙ ЭКОНОМИКИ	509
Плякич Манушак Назаретовна СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД 1960-1980-Х ГГ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	513
Подлесных Сергей Николаевич РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ О НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ ВО II-Й ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ М.Н. КАТКОВА)	519
Положенцев Андрей Михайлович ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО БЫТЬ	525

Полынов Матвей Федорович АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОСЫГИН: РЕФОРМАТОР И ЧЕЛОВЕК СИСТЕМЫ	532
Поляков Алексей Васильевич ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ	540
Полякова Наталья Валерьевна СИМВОЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИМПЕРСКОМ И СОВЕТСКОМ ПРОЕКТАХ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ	547
Портнягина Мария Дмитриевна ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ	554
Постикэ Надежда Борисовна К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ А.Н. КОСЫГИНА – ЭКОНОМИСТ, ПОЛИТИК, ГРАЖДАНИН	563
Прищепа Александр Сергеевич ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ) ...	570
Пулятова Эмилия Георгиевна РОССИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ РЫНКОВ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX- XX ВЕКА	574
Рабуш Таисия Владимировна О РОЛИ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА КОСЫГИНА В АФГАНСКИХ СОБЫТИЯХ 1978–1979 ГГ.	582
Размахнина Анастасия Александровна К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ В ФОКУСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	588
Родионов Игорь Михайлович БОЕВОЙ ПУТЬ 6 ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В 1941 Г.	596
Романов Павел Константинович ПРОБЛЕМА РАЗМЕННОСТИ РОССИЙСКИХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853-1856 ГГ.	601
Рубис Людмила Григорьевна ОДНА ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПОД КАЗАНЬЮ	614
Руденко Виктория Евгеньевна (Республика Беларусь) ЖЕНСКАЯ ДУЭЛЬ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ИСТОРИИ	618
Рябушкин Дмитрий Сергеевич КАТЫНСКАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЯН	622

Савушкина Марина Александровна ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РУСОФОБИИ Н.П. ТАНЬШИНОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ	631
Сажин Дмитрий Павлович К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТЕРМИНА «РУСОФОБИЯ»	635
Самылов Олег Валерьевич РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ	642
Сидоренко Леонид Владимирович ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ США И ГЕОРГ III: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ВИНОВНОСТИ БРИТАНСКОГО МОНАРХА	647
Смирнова Вероника Владимировна МОЛОДЕЖНЫЕ ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	655
Спиридонова Евгения Павловна ДИЛЕММЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ ИЛИ ПРАКТИКА ОТЧУЖДЕНИЯ?	661
Стецкевич Михаил Станиславович ЕПИСКОП ЛЭНДАФСКИЙ Р. УОТСОН: ЛИБЕРАЛ СРЕДИ ОХРАНИТЕЛЕЙ	668
Суздальцева Ирина Анатольевна ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДАГЕСТАНЕ В 20-30-ГГ. XX ВЕКА	676
Сухорукова Ольга Александровна ПРИТЧА О БЛУДНОЙ ДОЧЕРИ (ЧИТАЯ «СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ» А.С. ПУШКИНА)	680
Сысов Александр Иванович РОЛЬ ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ РАЙОННОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В 1920-Х – СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.	689
Тимощук Алексей Станиславович ОСНОВЫ ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ	698
Тихонова Вера Борисовна К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ..	703
Тихоньких Виктор Петрович ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ СССР В 1941-1943 ГГ.	713
Тонковидова Анна Викторовна ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ФИГУРА ЛЕНИНА В XXI ВЕКЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	722
Уколова Инна Петровна ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ В 2000-2015 ГГ.	728

Филиппов Сергей Иванович СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ – КОНЦА 1960-Х ГГ.	737
Хамзин Ильдар Рашидович ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КИТАЕ В 1896–1917 ГГ.	743
Чепель Александр Иванович О ПЕРВОМ ПАМЯТНИКЕ А.С. ПУШКИНУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА	749
Чувиллов Иван Алексеевич (Республика Беларусь) ЗИМБАБВЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР: ФОРМИРОВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ И РАСШИРЕНИЕ ФОРМ СОТРУДНИЧЕСТВА	753
Швец Элина Григорьевна ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ ГЕОМЕТРИЯ КОМПОЗИЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ: ВЛИЯНИЕ НАУКИ НА РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА	760
Шумилов Евгений Николаевич ВЕЛИКАЯ ХОРВАТИЯ (ЛУКА-РАЙКОВЕЦКАЯ КУЛЬТУРА) – ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЛАВЯН ОТ КАРПАТ ДО ДНЕПРА	775
Якубовская Наталья Александровна КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	783
СОДЕРЖАНИЕ	790

Научное издание

РОССИЯ И МИР

В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля
А. Н. Косыгина.

Том I

Материалы XXX международной научной конференции

Санкт-Петербург, 11 апреля 2024 г.

Под редакцией С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина

Электронное издание сетевого распространения

Системные требования:

электронное устройство с программным обеспечением
для воспроизведения файлов формата PDF

Режим доступа: http://publish.sutd.ru/tp_get_file.php?id=202492, по паролю. –
Загл. с экрана.

Дата подписания к использованию 26.03.2024 г. Рег. № 92/24
ФГБОУВО «СПбГУПТД»
Юридический и почтовый адрес:
191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18.
<http://sutd.ru/>